ПУШКИН

ПИСЬМА

1831–1833

ACADEMIA
1935

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
А.С.ПУШКИНА

ПУШКИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

РАЗРАБОТКА СЕРИЙНОГО ОФОРМЛЕНИЯ
Т.А. АРЗАМАСОВОЙ,
Л.Г.ЕВЗОВИЧА,
Е.А.СВЯТСКОГО

МОСКВА «КНИГА»
1989–1999

ПУШКИН

ПИСЬМА

Том III

1831—1833

под редакцией
и с примечаниями
Л. Б. МОДЗАЛЕВСКОГО

ACADEMIA
1935

НАПЕЧАТАНО ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ АКАДЕМИИ НАУК СССР
НЕПРЕМЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ АКАДЕМИК В. Волгин
20 октября 1935 г.

ОТ ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Письма Пушкина — один из замечательнейших документов русской истории литературы и быта. Их непреходящее значение не только в том, что они являются основным источником для биографии и истории художественного труда гениального поэта и незаменимым комментарием к его произведениям: они обладают высокой самостоятельной ценностью, представляя в своей совокупности естественно сложившееся художественное произведение, в котором раскрылась до конца внешняя и внутренняя жизнь Пушкина-художника и в то же время умнейшего человека своего времени. Его жизнь была трагедией, и не случайно она была оборвана на тридцать восьмом году пулей гвардейца, представителя и исполнителя воли резко-враждебной поэту «новой знати», придворной аристократии. Неоспоримым остается наличие глубокого противоречия между всем идейным и психологическим обликом поэта и той придворно-аристократической средой, в которой он жил с юных лет до смерти. Это противоречие составляет общий неизменный фон его писем и сплавляет их в единое художественное повествование, заставляющее в каждом своем отрывке предчувствовать неизбежный трагический конец неравного состязания одиночки-поэта со сплоченным кругом «жадною толпой стоящих у трона» противников. С этой точки зрения письма Пушкина — шутливые и мрачные, официальные и дружеские, посвященные будничным делам и обсуждающие серьезнейшие вопросы современности, одинаково — звенья одной цепи. Художественное мастерство Пушкина, широта его умственных интересов, импульсивность натуры, обширная начитанность, остроумие превращают эти частные письма в памятник крупнейшего исторического, общественного и художественного значения.

Между тем, полного и действительно удовлетворяющего нашим научным требованиям издания у нас до последнего времени

не было. Предпринятое Академией Наук, как часть старого академического издания сочинений Пушкина, издание его «Переписки» под редакцией В. И. Саитова, дало в трех томах (1906—1911) очень тщательный, ценный и полный по тому времени свод писем Пушкина и к Пушкину; но обещание, данное в предисловии, о том, что «текст переписки будет обставлен историческими, литературными, бытовыми и библиографическими примечаниями», осталось невыполненным. К «Переписке» не было приложено даже ни одного указателя. Всё это значительно обесценило издание и затрудняло пользование им. Вышедшее позднее Академического издания собрание писем Пушкина в изд. Брокгауза и Ефрона (под ред. С. А. Венгерова, томы V и VI, 1911 и 1915) было дополнено вновь найденными письмами и кратко прокомментировано П. О. Морозовым и частью Н. О. Лернером. Комментарий, однако, был настолько сжат, случаен и не полон, что не удовлетворял даже простейших справок. Новое издание писем с полным, подробным, библиографически широко обставленным комментарием было совершенно необходимо; отсутствие его тормозило и затрудняло изучение Пушкина, так развернувшееся и углубившееся после Октябрьской революции. Но лишь в 1926 году Государственным издательством выпущен был I том «Писем» Пушкина под редакцией и с примечаниями Б. Л. Модзалевского (в серии Трудов Пушкинского Дома Академии Наук СССР), а через полтора года (в конце 1927 г.) вышел и том II. В предисловии к I тому рассказана история этого издания: работа по комментированию писем была начата Б. Л. Модзалевским еще в 1910 году, возобновлена — по иному плану — в 1918—1920 годах, затем пересмотрена и дополнена. В первые два тома вошли письма Пушкина за 1815—1830 годы, всего 392 письма́; письма к Пушкину, по издательским условиям, не могли быть введены и использовались лишь в комментарии, что представляло, в сущности, шаг назад по сравнению с академическим изданием «Переписки» и очень затрудняло комментатора, загружая комментарий длинными выписками из писем к Пушкину. Вся громадная работа по комментированию писем Пушкина (в обоих томах текст писем занимает 299 страниц, а комментарий — 740 страниц петита) выполнена была единолично Борисом Львовичем Модзалевским, — при содействии ряда пушкинистов (сверка текстов, редактура переводов, отдельные дополнения и справки к комментарию), не выходившем, однако, за пределы последующего уточнения работы и не влиявшем на

основной характер и содержание ее. Этим были обусловлены особенности издания.

В публикации текстов писем Б. Л. Модзалевский, произведя, как правило, новую сверку с автографами или — при их отсутствии — с первопечатными текстами, не считал нужным вводить какие-либо новые приемы сравнительно с академическим изданием «Переписки». Поэтому издание, в текстологическом отношении, не вполне удовлетворяет современным требованиям; это нужно сказать в особенности о технике подачи черновых текстов, хотя и проверенных и значительно улучшенных по сравнению с изданием В. И. Саитова, но не дающих ни связного чтения, ни систематизированного выделения вариантов. Спорным представляется и помещение черновых писем — в ряде случаев ненаписанных и неотправленных — совместно с беловыми. То и другое объясняется лишь традицией академического издания. В силу традиции включены также в собрание писем такие документы, которые, по существу, являются не письмами, а скорее набросками статей (к Н. Н. Раевскому, № 237), журнальными предисловиями (издателям «Северных Цветов», № 283) и т. п.

Что касается комментария, то он отражает в себе все достоинства и недостатки научных приемов своего автора. Широчайшая эрудиция и осведомленность в библиографии Пушкинской эпохи — особенно в редких, малоизвестных и забытых источниках, полнота сведений, вплоть до самых мелочных, о всех событиях и лицах, упоминаемых в письмах Пушкина (и чем малоизвестнее лицо или событие, тем полнее и подробнее сведения о нем); громадное количество данных литературного, бытового, генеалогического характера; обширный справочный аппарат, дающий возможность читателю расширить и углубить в нужной ему мере данные комментатором сведения, — всё это составляет неоспоримые достоинства комментария. Но, с другой стороны, эти достоинства обращаются в недостатки там, где, за обилием отдельных справок, затушевывается и исчезает — часто даже как бы обходится комментатором — обобщенное истолкование обстановки и смысла письма как литературного и исторического документа, где историко-литературный и социологический анализ — и, на его основе, синтетическое понимание документа — приносятся в жертву отдельным, расчлененным и обособленным, часто явно излишним, фактическим данным. Но, повторяем, обилие фактического материала так велико, а качество

его — по точности, строгой проверенности, исключительной добросовестности — так высоко, что оно искупает в значительной мере недостатки издания. Многочисленные отзывы о I томе, указанные в предисловии ко II тому, подтверждают это. Новое издание писем сразу и прочно вошло в научный обиход всех, кто изучает Пушкина, его эпоху, литературу и общественность первой трети XIX века.

Выпустив II том писем, Б. Л. Модзалевский приступил немедленно к подготовке III тома (1831—1833). Но непрерывные труды подорвали его силы — и 3 апреля 1928 года он скончался, в самом начале своей работы. После него остались: черновой материал к тексту писем в виде сборника текстов из академического издания с дополнениями и с указаниями о местонахождении автографов, и почти законченный комментарий к первым 44 письмам 1831 года (кончая № 437 настоящего издания, им недоделанным).

Вскоре после смерти Б. Л. Модзалевского Пушкинский Дом принял решение продолжить и закончить комментированное издание писем Пушкина коллективно. Был образован редакционный комитет под председательством П. Е. Щеголева. Комитет выработал общие основания, определяющие дальнейший ход издания, положив: 1) для ускорения и облегчения издания, закончить его в одном III томе, включив в него письма 1831—1837 годов (числом около 390) и соответственно этому значительно сократить комментарий; тип комментария оставлен был тот же, но с сохранением одних библиографических ссылок вместо длинных выдержек из источников, в особенности писем к Пушкину; 2) изменить метод публикации черновых писем, выделяя из черновиков связную (по возможности) редакцию, с подведением под строку систематически извлеченных вариантов; все черновые письма выделить во второй отдел, особо от беловых; 3) в приложении к тому поместить все документы, не находящие себе места ни в переписке, ни в произведениях Пушкина (официальные записки, показания, денежные документы, расписки, альбомные записи, дарительные надписи на книгах и т. п.).

Все письма 1831—1837 годов (за исключениями, указанными ниже) были выверены по подлинникам, при чем особое значение имело то, что письма к Н. Н. Пушкиной, хранящиеся в Государственной Публичной Библиотеке СССР имени В. И. Ленина, были впервые, со времени первой публикации их И. С. Тургеневым, сверены с подлинниками (чего не могло быть сделано даже для акаде-

мического издания «Переписки»). Сверка не обнаружила, впрочем, значительных пропусков, но позволила устранить много ошибок, уточнить датировки и т. п. Кроме того, при просмотре Пушкинских тетрадей в Ленинской Библиотеке были обнаружены два черновых наброска писем (к отцу и к неизвестному адресату), относящихся к последним годам жизни поэта.

Издание по указанному выше плану не было осуществлено. В конце 1929 года П. Е. Щеголев предложил Л. Б. Модзалевскому, пользуясь материалами его отца и начатым им комментарием, продолжить работу единолично. План издания изменился, точнее — вернулся к прежнему. Настоящий том охватывает лишь письма 1831—1833 годов, с комментарием, равным по объему комментарию к каждому из первых двух томов. Вместе с тем, в целях унификации изданий, решено вернуться к способу подачи черновых и вариантов беловых текстов, принятому в первых томах; «приложение» было вовсе отброшено и материалы его входят в издание — «Рукою Пушкина» (ред. М. А. Цявловского, Л. Б. Модзалевского и Т. Г. Зенгер, изд. Academia, Лгр.-М. 1935).

Институт Русской Литературы, включая в серию своих трудов настоящее издание, вполне сознает многие недостатки, свойственные способам как публикации текстов писем, так и их комментирования. Причины и сущность недостатков, происходящих от того, что III том продолжает и повторяет первые два, были указаны выше. Устранить их теперь нет возможности без ломки и коренной переработки всего тома, что, по издательским условиям, было бы равносильно новому изданию. Рассматривая III том писем Пушкина как прямое продолжение издания, начатого покойным Б. Л. Модзалевским, Институт Русской Литературы оставляет за собою право при подготовке четвертого, последнего, тома (письма 1834—1837 годов) применить все новые требования текстологического и комментаторского порядка, предъявляемые теперь к такого рода изданиям.

ОТ РЕДАКТОРА

В III том вошли письма за три года жизни Пушкина — с 1 января 1831 года по первую половину декабря 1833 года. Писем за эти годы дошло до нас в беловиках и черновиках — 169 (№ 392—560) и черновых к ним — 10;[1] по годам они распределяются так: за 1831 год, который Пушкин провел в Москве, в Петербурге, в Царском Селе, в Петербурге и в Москве и опять в Петербурге, имеется 91 письмо, то есть больше половины всех находящихся в томе писем; за 1832 год (из Петербурга и Москвы) — 33 письма; за 1833 год (из Петербурга, с дороги на Урал, из Болдина и Петербурга) — 45 писем.

Совершенно новых писем в томе III нет, но многие из них появляются здесь в исправленном и дополненном по автографам виде: например, Д. Н. Бантышу-Каменскому (№ 480), А. Х. Бенкендорфу (№№ 495 — черновое и 532), А. Н. Гончарову (№ 407 и 416), И. И. Дмитриеву (№ 554), А. П. Ермолову (№ 525), А. П. Керн (№ 506), Кистеру (№ 496), бар. М. А. Корфу (№ 530), А. Н. Мордвинову (№ 533 — черновое), П. А. Плетневу (№ 396, 398, 403, 406, 408, 412, 414, 415, 439, 440 и 443), М. П. Погодину (№ 509 и черновое к нему), Н. Н. Пушкиной (№ 477—479, 481—482, 510—514, 534—537, 539—541, 543—550 и 552) и гр. Д. И. Хвостову (№ 504). Из общего числа 169 писем, вошедших в том III, выверены по автографам 143 письма, не считая вышеуказанных 10 черновиков. Остались непроверенными по подлинникам, по разным причинам, 26 писем.[2] Работа над текстами писем произведена Н. В. Измайловым, за исключением писем к А. Н. Гончарову, А. Н. Мордвинову и Е. М. Хитрово: эти письма выверены по подлинникам мною. Впервые включены в собрание писем Пушкина сле-

---

[1] № 399, 495, 499, 501, 504, 509, 518, 531, 533, 557.

[2] № 392, 397, 409, 431, 447, 450, 457, 459, 460, 461, 466, 468, 472, 475, 485, 487, 489, 494, 500, 501, 505, 507, 520, 529, 531, 542.

дующие письма: А. Д. Балашеву (№ 489), кн. П. А. Вяземскому (№ 467), И. В. Киреевскому (№ 483 и 502), Н. М. Коншину (№ 434), бар. Е. Ф. Розену (№ 468), П. С. Санковскому (№ 517), А. О. Смирновой (№ 461), гр. Д. И. Хвостову (№ 504 — черновое), Е. М. Хитрово (№ 402, 404, 411, 417, 418, 420, 421, 427, 428, 462, 465, 473, 490 и 508) и гр. А. И. Чернышеву (№ 518 — черновое и 520). Не включен в том черновик письма, отнесенный С. М. Бонди к А. Х. Бенкендорфу (1831 г.) и опубликованный им в его книге «Новые страницы Пушкина», М. 1931, стр. 145—147; это письмо может быть писано поэтом в 30-х годах и не к Бенкендорфу, а к кому-либо другому по службе Пушкина в архиве Министерства иностранных дел; письмо будет включено в Приложения к тому IV писем Пушкина.

Датировка всех писем, включенных в III том, вновь проверена, и ряд писем получил новые уточненные даты; в этой работе я пользовался соображениями Н. В. Измайлова и М. А. Цявловского (в отношении датировки некоторых писем Пушкина к жене); все даты проставлены перед текстами писем, вверху, в отличие от первых двух томов, не в прямые, а в угловые — редакторские — скобки. В остальном приемы воспроизведения текстов писем остались прежними, выработанными Б. Л. Модзалевским.

Комментарий Б. Л. Модзалевского, исполненный им для писем № 392—433 и 436—437, оставлен мною в неприкосновенном виде, за исключением тех мест, которые потребовалось изменить или дополнить согласно с появившимися после его кончины в период времени 1928—1935 гг. новыми материалами о Пушкине; все эти изменения, поправки и дополнения оговорены в соответствующих местах. Комментарий к остальным письмам пришлось несколько сжать за счет выписок и цитат из мемуаров, дневников и писем современников поэта; они приводятся лишь в совершенно необходимых для понимания писем Пушкина местах; письма к Пушкину использованы мною, так же как и в первых двух томах, главным образом в тех случаях, когда они непосредственно связаны с комментируемыми письмами самого Пушкина, на остальные же делаются только ссылки на академическое издание «Переписки Пушкина». Мною выполнены комментарии к письмам № 434, 435, 438—560, при чем в комментировании всех писем Пушкина к жене работу разделял со мною М. А. Цявловский, а в работе по комментарию к письмам Пушкина к И. В. Киреевскому (№ 483 и 502) принимала участие О. И. Попова.

Во время работы над III томом я пользовался постоянными советами и указаниями со стороны Ю. Г. Оксмана, Б. В. Томашевского, М. А. Цявловского и Д. П. Якубовича. Много ценных поправок и дополнений я получил от В. В. Гиппиуса, Т. Г. Зенгер, Н. В. Измайлова, Н. К. Козмина, Н. О. Лернера, И. К. Линдемана, Н. И. Мордовченка, О. И. Поповой, В. И. Чернышева и Д. И. Шаховского. Всем им выражаю мою глубокую благодарность.

Л. Модзалевский.

ПИСЬМА

1831—1833

392. Н. А. Полевому.

<1-го января 1831 г. Москва.>

Милостивый Государь

Николай Алексѣевичь,

Искренно благодарю Васъ за присылку Телеграфа, приятное для меня доказательство что наше литературное разногласіе не [измѣ] совсѣмъ разстроило наши прежнія сношенія. Жалѣю что еще немогу доставить Вамъ Б. Годунова который уже вышелъ но мною не полученъ. *1831 г.*

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть

Милостивый Государь

Вашъ покорнѣйшій слуга

Александръ Пушкинъ

1 Генв.
1831

---

* 393. П. Я. Чаадаеву.

<2-го января 1831 г. Москва.>

Voici, mon ami, [l'] celui de mes ouvrage que j'aime le mieux — Vous le lirez puisqu'il est de moi — & vous m'en direz votre avis — En attendant je vous embrasse et vous souhaite une bonne année.

2 Janvier.

---

* 394. Князю П. А. Вяземскому.

<2-го января 1831 г. Москва.>

Стихи твои прелесть — не хочется мнѣ отдать ихъ въ Альманахъ; лучше отошлемъ ихъ Дльгу. Обозы, поросята и бригадиръ удивительно забавны — Яковлевъ издастъ къ масленицы Альманахъ *Блинъ*. Жаль если первый блинъ его будетъ комомъ.

1831 г. Не отдашь-ли ты ему обозы, а дѣвичій сонъ Максимовичу? Яковлевъ тѣмъ еще хорошъ, что отмѣнно храбръ и готовъ намазать свой блинъ жиромъ Булгарина и икрою Полевого — пошли ему свои сатирическія статьи, коли есть. Знаешь-ли ты какія подарки получилъ я на новый годъ? Билетъ на Телеграфъ, да билетъ на Телескопъ — *отъ издателей въ знакъ искренняго почтенія.* Каково? И въ Пчелѣ предлагаютъ мнѣ миръ, упрекая насъ (тебя да меня) въ неукротимой враждѣ, и службѣ вѣчной Немезидѣ. Все это прекрасно; однаго жаль — въ Борисѣ моемъ выпущены народныя сцены, да матерщина Французская и отечественная; а впрочемъ странно читать многое напечатанное. Сѣв. Цв. что то блѣдны. Каковъ шутъ Дельвигъ, въ круглой годъ ничего самъ ненаписавшій и издавшій свой Альманахъ въ потѣ лицъ нашихъ? На дняхъ у тебя буду, съ удовольствіемъ привезу и шампанское — радуясь что бутылка за мною. Съ П<олиньякомъ> я помирился. Его вторичное заточеніе въ Венсенѣ, меридіанъ начертанный на полу его темницы, чтеніе Вальтеръ Скотта, все это романически трогательно — а все таки палата права. Рѣчьми Адвокатовъ я не доволенъ — всѣ онѣ робки. Одинъ Ламене въ состояніи былъ-бы aborder bravement la question. О Польшѣ нѣтъ ни слуху, ни духу — Я видѣлъ письмо Чичерина къ отцу, гдѣ сказано il y a lieu d'esperer que tout finira sans guerre — Здѣсь нѣкто бился объ закладъ, бутылку V. C. P. противу тыс. руб., что Варшаву возмутъ безъ выстрѣла. Денисъ здѣсь. Онъ написалъ краснорѣчивый Eloge Раевскаго. Мы совѣтуемъ написать ему Жизнь его. Кирѣевскій нашъ здѣсь. Вечоръ видѣлъ его. Лиза голинькая пишетъ мнѣ отчаянное политическое письмо — Кажется послѣднія происшедствія произвели на П. Б—ое общество сильное дѣйствіе — Еслибъ я былъ холостъ, то съѣздилъ бы туда. Новый годъ встрѣтилъ я съ Цыганами и съ Танюшей, настоящей Татьяной-пьяной. Она пѣла пѣсню въ таборѣ сложенную, на голосъ пріѣхали сани:

Давыдовъ съ ноздрями,
Вяземскій съ очками,
Гагаринъ съ усами,
Дѣвокъ изпугали
И всѣхъ разогнали и проч.

Д — Митюша
В — Петруша
Г — Федюша.

Зн<аешь-ли> ты эту пѣсню? Addio, поклонъ всѣмъ твоимъ, до свиданія.

На обороте: Кн. Петру Андреевичу Вяземскому.

---

*395. М. П. Погодину.

〈3-го января 1831 г. Москва.〉

Вотъ Вамъ Борисъ. Доставьте, сдѣлайте милость, одинъ Экз. Нікодіму Надоумкѣ приславшему мнѣ билетъ на Телескопъ. Мы живемъ во дни переворотовъ — или переоборотовъ (какъ лучше?). Мнѣ пишутъ изъ П. Б. что Годуновъ имѣлъ успѣхъ. Вотъ еще для меня диковинка — Выдавайте жъ Марфу. *1831 г.*

На обороте: Мих. Петр. Погодину

Приписка карандашом после адреса: Сей часъ отняли у меня экз. Надеждина; завтра пришлю другой.

---

*396. П. А. Плетневу.

〈7-го января 1831 г. Москва.〉

Что съ тобою, душа моя? какъ побранилъ ты меня въ сентябрѣ за мою хандру, съ тѣхъ поръ нѣтъ мнѣ о тебѣ ни слуха, ни духа. Деньги (2000) я получилъ. Прелестное Изд. Бориса видѣлъ — Посланіе твое къ Гнѣдко прочелъ, отвѣтъ его не прочелъ — знаю что ты живъ — а писемъ отъ тебя все нѣтъ. Ужъ не запретилъ-ли тебѣ Ген. Губ. имѣть со мною переписку? чего добраго! Ужъ не сердишься-ли? кажется не за что. Отвѣчай-же мнѣ, а не то буду безпокоиться.

Теперь поговоримъ о дѣлѣ. Видѣлъ я, душа моя, Цвѣты. странная вещь, непонятная вещь! Дельвигъ ни единой строчки въ нихъ не помѣстилъ — Онъ поступилъ съ нами какъ помѣщикъ со своими крестьянами — Мы трудимся — а онъ сидитъ на суднѣ да насъ побраниваетъ. Не хорошо и не благоразумно. Онъ открываетъ намъ глаза и мы видимъ что мы въ дуракахъ. Странная вещь, непонятная вещь! — Бѣдный Глинка работаетъ какъ батракъ, а проку все нѣтъ. Кажется мнѣ, онъ съ горя рѣхнулся. Кого вздумалъ просить къ себѣ въ Кумовья! вообрази въ какое положеніе приведетъ онъ и священника и дьячка, и куму и бабку да и самаго Кума — котораго заставятъ-же отрекаться отъ дьявола, плевать, дуть сочетаться и прочія творить продѣлки. Нащокинъ увѣряетъ что всѣхъ избаловалъ покойникъ Царь, который у всѣхъ крестилъ ребятъ. Я до сихъ поръ отъ дерзости Глинкиной опомниться не могу. Странная вещь, непонятная вещь!

Пишутъ мнѣ что Борисъ мой имѣетъ большой успѣхъ: Странная вещь, непонятная вещь! Покраійнѣй мѣрѣ я того никакъ не ожидалъ. Что тому причиною? Чтеніе Вальт. Скотта? голосъ знатоковъ, коихъ избранныхъ такъ мало? крикъ друзей моихъ? мнѣніе двора? — Какъ бы то ни было, я успѣха Трагедіи моей у васъ не понимаю. Въ Москвѣ то-ли дѣло? здѣсь жалѣютъ о томъ что я совсѣмъ, совсѣмъ упалъ; что моя трагедія подражаніе

1831 г. Кромвелю Виктора Гюго; что стихи безъ рифмъ не стихи, что Самозванецъ [не могъ] не долженъ былъ такъ неосторожно открыть тайну свою Маринѣ, что это съ его стороны очень вѣтрено и не благоразумно — и тому подобныя глубокія критич. замѣчанія. Жду переводовъ и суда Нѣмцевъ а о Французахъ не забочусь. Они будутъ искать въ Борисѣ политическихъ примѣненій къ Варшавскому бунту, и скажутъ мнѣ какъ наши: «Помилуйте-съ!...» Любопытно будетъ видѣть отзывъ нашихъ Шлегелей, изъ коихъ одинъ Катенинъ знаетъ свое дѣло. Прочіе попугаи или сороки Инзовскія, которыя картавятъ одну имъ натверженную <.....> <....>. Прости, мой Ангелъ — Поклонъ тебѣ поклонъ и всѣмъ Вамъ. Къ стати: поэма Барат. чудо. Addio.

7 Янв.

Помета Плетнева: Въ началѣ 1831. Изъ Москвы.

---

397. Князю П. А. Вяземскому.

<12 — 13-го января 1831 г. Москва.>

Постараюсь взять отпускъ и пріѣхать на имянины къ тебѣ. Но необѣщаюсь. Братъ вѣроятно будетъ. Толстой къ тебѣ собирается. Вчера видѣлъ я Кн. Юсупова и исполнилъ твое препорученіе, допросилъ его о Ф. Визинѣ, и вотъ чего добился: Онъ зналъ Ф. Визина, который нѣсколько времени жилъ съ нимъ въ одномъ домѣ. *C'étoit un autre Beaumarchais pour la conversation*... Онъ [помнитъ] знаетъ пропасть его bon-mots, да не припомнитъ — А покамѣсть разказалъ мнѣ слѣдующее: Майковъ, трагикъ встрѣтя Ф. Визина, спросилъ у него заикаясь по своему обыкновенію: Видѣлъ-ли ты мою Агріопу — Видѣлъ — Что жъ ты скажешь объ этой трагедіи? — Скажу: Агріопа, засраная жопа. Остро и неожидано! Неправдали? Помѣсти это въ біографіи а я скажу тебѣ спасибо. Что до Телескопа (другая Агріопа) то у меня его покамѣсть нѣту — да напиши къ Салаеву чтобъ онъ тебѣ всю эту дрянь послалъ. Твою статью о Пушкинѣ, пошлю къ Дельвигу — что ты чужихъ прикармливаешь? свои голодны. Максимовичу однакожъ отдалъ обозы, скрѣпя сердце. Кланяюсь Княгинѣ и благодарю за любезный зовъ. О Польшѣ не слыхать. Въ Англіи говорятъ бунтъ. Чернь сожгла домъ Веллингтона. Въ Парижѣ тихо. Въ Москвѣ также.

На обороте: Кн. Петру Андреевичу Вяземскому.

---

*398. П. А. Плетневу.

<13-го января 1831 г. Москва.>

Пришли мнѣ мой милый экз. 20 Бориса для Московскихъ прощалыгъ, не то разорюсь покупая его у Ширяева.

Душа моя, вотъ тебѣ планъ жизни моей: я женюсь въ семъ мѣсяцѣ, пол-года проживу въ Москвѣ, лѣтомъ пріѣду къ Вамъ. Я не люблю Московской жизни. Здѣсь живи, не какъ хочешь — какъ тетки хотятъ. Теща моя та же тетка. То ли дѣло въ П. Б.! заживу себѣ мѣщаниномъ припѣваючи, независимо и не думая о томъ что скажетъ Марья Алексѣ[е]вна. Что Газета наша? надобно намъ объ ней подумать. Подъ конецъ она была очень вяла; иначе и быть нельзя: въ ней отражается Русская литература. Въ ней говорили подъ конецъ объ одномъ Булгаринѣ; такъ и быть должно: въ Россіи пишетъ одинъ Булгаринъ — Вотъ текстъ для славной Филиппикѣ. Кабы я не былъ лѣнивъ, да не былъ женихъ, да не былъ очень добръ, да умѣлъ бы читать и писать то я бы каждую недѣлю писалъ бы обозрѣніе литературное — да лихъ терпѣнія нѣтъ, злости нѣтъ, времени нѣтъ, охоты нѣтъ. Впроччемъ посмотримъ.

Деньги, деньги: вотъ главное. Пришли мнѣ денегъ. И я скажу тебѣ спасибо. Да что-же ты не пишешь ко мнѣ, безсовѣстный?

13 Янв.

На обороте: М. Г. Петру Александровичу Плетневу. въ С.-Петербургѣ, въ Екатерининскомъ Институтѣ.

Почтовый штемпель: Москва. 1831 Генв. 17.

---

*399. А. Х. Бенкендорфу.

⟨18-го января 1831 г. Москва.⟩

Милостивый Государь,

Александръ Христофоровичь

Съ чувствомъ глубочайшей благодарности удостоился я получить благосклонный отзывъ Государя Императора о моей исторической драмѣ. Писаный въ минувшее царствованіе, Борисъ Годуновъ обязанъ своимъ появленіемъ не только частному покровительству которымъ удостоилъ меня Государь, но и свободѣ смѣло дарованной Монархомъ писателямъ Русскимъ въ такое время и въ такихъ обстоятельствахъ, когда всякое другое правительство старалось-бы стѣснить и оковать книгопечатаніе.

Позвольте мнѣ благодарить усердно и Ваше Высокопревосходительство какъ голосъ Высочайшаго благоволѣнія и какъ человѣка принимавшаго всегда во мнѣ столь снисходительное участіе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію, есмь

Милостивый Государь

Вашего Высокопревосходительства

покорнѣйшій слуга

Александръ Пушкинъ

18 Января
1831
Москва.

1831 г. *Пометы разными почерками:* № 1036. — № 430. — Января 29/1831. — Къ свѣдѣнію. —

Почтовый штемпель: Москва 1831 Генв....

* *Черновое.*

Съ чувствомъ сердечной радости глубочайшаго [уваженія] благодарности удостоился я получить благосклонный отзывъ Государя Имп. о [моемъ Бор. Год.] моей Ист. Др. [Драма] [Борисъ Годун — написанъ былъ въ уединеніи, и] Написанный въ минувшее Царство<ваніе>, Бор. Годун. обязанъ своимъ появленіемъ не только [благоск] [А] [Августѣйшаго] частному покровит. которымъ удостоилъ меня Государь, [но] но и свободѣ смѣло дарованной [Госу] Монархомъ Рускимъ писателямъ въ такое время и въ такихъ обстоятельствахъ когда всякое другое правительство старалось бы стѣснить и [обузд] оковать книгопѣчатаніе.

Позвольте мнѣ усердно благодарить и В. Высоко. какъ органа Высочайшаго благоволѣнія, и какъ человѣка принимающаго во мнѣ столь снисходит. участіе.

Съ ист. *

---

*400. Князю П. А. Вяземскому.

<19-го января 1831 г. Москва.>

Вчера получили мы горестное извѣстіе изъ П. Б. — Дельвигъ умеръ гнилою горячкою. Сегодня ѣду къ Салтыкову, онъ вѣроятно уже все знаетъ. Оставь Адольфа у меня — на дняхъ перешлю тебѣ нужныя замѣчанія —

На обороте: Кн. Вяземскому.

---

*401. П. А. Плетневу.

<21-го января 1831 г. Москва.>

Что скажу тебѣ, мой милый? Ужасное извѣстіе получилъ я въ воскресеніе. На другой день оно подтвердилось. Вчера ѣздилъ я къ Салтыкову объявить ему все — и не имѣлъ духу. Вечеромъ получилъ твое письмо. Грустно, тоска. Вотъ первая смерть мною оплаканная. Карамзинъ подъ конецъ былъ мнѣ чуждъ, я глубоко сожалѣлъ о немъ какъ Русскій, но никто на свѣтѣ не былъ мнѣ ближе Дельвига. Изо всѣхъ связей дѣтства онъ одинъ оставался на виду — около него собиралась наша бѣдная кучка. Безъ него мы точно осиротѣли. Щитай по пальцамъ: сколько насъ? ты, я, Баратынскій, вотъ и все.

Вчера провелъ я день съ Нащокинымъ, который сильно пораженъ его смертію — говорили о немъ, называя его покой-

никъ Дельвигъ, и этотъ эпитетъ былъ столь-же страненъ какъ и страшенъ. Нечего дѣлать! согласимся. Покойникъ Дельвигъ. Быть такъ.

Баратынскій боленъ съ огорченія. Меня не такъ то легко съ ногъ свалить. Будь здоровъ — и постараемся быть живы —

21 Янв.

На обороте: Петру Александровичу Плетневу въ С.-Петербургъ въ Екатерининскомъ Институтѣ.

Почтовые штемпеля: Москва *и* Москва. 1831 Генв. 21. *Помета П. А. Плетнева:* 7.

---

*402. Е. М. Хитрово.

<21-го января 1831 г. Москва.>

Vous avez bien raison, Madame, de me repprocher le séjour de Moscou. Il est impossible de n'y pas s'abruttir. Vous connaissez l'épigramme contre la societé d'un ennuyeux:

On n'est pas seul on n'est pas deux.

C'est l'épigraphe de mon existance. Vos lettres sont le seul rayon qui me vienne de l'Europe.

Vous souvenez vous du bon tems où les gazettes étoient ennuyeuses? nous nous en plaignions. Certes si nous ne sommes pas contents aujourd'hui c'est que nous sommes difficiles.

La question de la Pologne est facile à décider. Rien ne peut la sauver qu'un miracle et il n'est point de miracle — Son salut est dans le desespoir *una salus nullam sperare salutem* ce qui est un non sens — Ce n'est qu'une exhaltation convulsive et generale qui puisse offrir aux polonais une chance quelconque. Les jeunes gens ont donc raison, mais les moderés l'emporteront et nous aurons le gouvernement de Varsovie, ce qui devoit être fait depuis 33 ans. De tous les polonais il n'y a que Mickevicz qui m'interesse. Il étoit a Rome au comencement de la révolte, je crains qu'il ne soit venu à Varsovie, assister aux dernieres crises de sa patrie.

Je suis mécontent de nos articles officiels. Il y règne un ton d'ironie qui messied à la puissance. Ce qu'il y a de bon, c. à d. la franchise, vient de l'Empereur; ce qu'il y a de mauvais c. à d. la jactance et l'attitude pugilaire, vient de son secretaire. Il n'est pas besoin d'exhalter les Russes contre la Pologne. Notre opinion est toute prononcée depuis 18 ans.

Les François ont presque fini de m'interesser. La révolution devroit être finie et chaque jour on en jette de nouvelles semences. Leur roi, avec son parapluie sous le bras est par trop bourgeois — Il veulent la républiqe et ils l'auront — mais que dira l'Europe. Et où trouveront ils Napoleon?

La mort de Delvig me donne le spleen. Independemment de son beau talent, c'etoit une tête fortement organisée et une âme de la trempe non comune — C'étoit le meilleur d'entre nous. [Mes] Nos rangs commence à s'eclaircir.

Je vous salue bien tristement Madame.

21 Janvier.

---

* 403. П. А. Плетневу.

<31-го января 1831 г. Москва.>

Сей часъ получилъ 2,000 руб. — мой благодѣтель. Satis est, domine, satis est. На сей годъ денегъ мнѣ болѣе не нужно — Отдай Софіи Михайловнѣ остальныя 4,000 — и я тебя болѣе безпокоить не буду.

Бѣдный Дельвигъ! помянемъ его Сѣверными Цвѣтами — но мнѣ жаль если это будетъ ущербъ Сомову — онъ былъ искренно къ нему привязанъ — и смерть нашего друга едвали не ему всего тяжелѣ: чувства души слабѣютъ и мѣняются, [какъ] нужды жизненныя не дремлютъ —

Баратынскій собирается написать жизнь Дельвига — Мы всѣ поможемъ ему нашими воспоминаніями. Не правда ли? Я зналъ его въ Лицѣе — былъ свидѣтелемъ перваго, незамѣчаннаго развитія его поэтической души — и таланта которому еще не отдали мы должной справедливости — Съ нимъ читалъ я Державина и Жуковскаго — съ нимъ толковалъ обо всемъ *что душу волнуетъ что сердце томитъ* — Я хорошо знаю, однимъ словомъ, его первую молодость; но ты и Баратынскій знаете лучше его раннюю зрѣлость [и]. Вы были свидѣтелями возмужалости его души — Напишемъ-же втроемъ жизнь нашего друга, жизнь богатую не романическими приключеніями но прекрасными чувствами, свѣтлымъ чистымъ разумомъ и надеждами — Отвѣчай мнѣ на это.

Вижу по письму твоему что Туманскій въ П. Б. — обними его за меня. Полюби его, если ты еще его не любишь — Въ немъ много прекраснаго, не смотря на нѣкоторыя мѣлочи характера малороссійскаго.

Что за мысль пришла Гнѣдичу посылать свои Стихи въ Сѣв. Пчелу? — Радуюсь что Гречь отказался — какъ можно чертить Анѳологическое надгробіе въ нужникѣ? И что есть общаго между поэтомъ Дельвигомъ и говночистомъ полицейскимъ Ѳаддеемъ?

Милый мой, еще просьба: съѣзди къ St. Florent (т. е. къ его преемнику) и разплатись съ нимъ за меня. Я, помнится долженъ ему около 1,000 руб. Извини меня передъ нимъ — я было совсѣмъ о немъ забылъ.

Что Вдова?

31 Янв.

На обороте: Его Высокоблагородію М. Г. Петру Александровичу Плетневу въ С.-Петербургѣ, въ Екатерининскомъ Институтѣ.

Почтовый штемпель: Москва, 1831 Генв. 31.

---

*404. Е. М. Хитрово.

⟨Начало (до 9-го) февраля 1831 г. Москва.⟩

Il est bien heureux pour vous, Madame, d'avoir une âme capable de tout comprendre & de s'interesser à tout. L'émotion que vous montrez en parlant de la mort d'un poëte au milieu des convulsions de l'Europe, est une grande preuve de cette universalité de sentiment. Si la veuve de mon ami étoit dans un état de detresse croyez, Madame, que ce n'est qu'à vous que j'aurois eu recours. Mais Delvig laisse deux frères dont il étoit le seul soutient: ne pourroit on pas les faire entrer au corp des pages?......

Nous sommes dans l'attente de ce que le sort va décider — La dernière proclamation de l'Empereur est admirable. Il paroit que L'Europe nous regardera faire. Un grand principe vient de surgir du sein des révolutions de 1830: le principe de la Non-intervention qui remplacera celui de la légitimité, violé d'un bout de l'Europe à l'autre. Tel n'étoit pas le systeme de Canning.

Voilà donc Mr de Mortemar à Petersbourg et un homme aimable et historique de plus dans votre societé — Qu'il me tarde de m'y retrouver & que je suis soul de Moscou et de sa nullité tartare!

Vous me parlez du succes de Борисъ Годуновъ: en vérité je ne puis y croire. Le succés n'entroit en rien dans mes calculs — lorsque je l'écrivis. C'étoit en 1825 — et il a fallu la mort d'Alexandre, la faveur inesperée de l'Empereur actuel, sa générosité et sa manière de voir si large & si liberale — pour que ma tragedie put être publiée. D'ailleurs ce qu'il y a de bon est si peu fait pour frapper le respectable public (c'est à dire la canaille qui nous juge) et il est si facile de [la] me critiquer raisonablement, que je croyois ne faire plaisir qu'aux sots, qui auroient eu de l'esprit à mes dépends. Mais il n'y a qu'heur et malheur dans ce bas monde et *delenda est Varsovia.*

На обороте: Е. П. Милостивой Государынѣ Елизаветѣ Михайловнѣ Хитровой. Въ С. Петербургъ въ домѣ Австрійскаго посланника.

Почтовый штемпель: Москва 1831 февра. 9 *и почтовые пометы.*

---

*405. Н. И. Кривцову.

⟨10-го февраля 1831 г. Москва.⟩

Посылаю тебѣ, милый другъ, любимое мое сочиненіе. Ты нѣкогда баловалъ первыя мои опыты — Будь благосклоненъ и

1831 г. къ произведеніямъ болѣе зрѣлымъ. Что ты дѣлаешь въ своемъ уединеніи? Нынѣшней осенью былъ я недалеко отъ тебя. Мнѣ брюхомъ хотѣлось съ тобою увидаться и поболтать о старинѣ — карантины мнѣ помѣшали. Такимъ образомъ богъ вѣдаетъ когда и гдѣ Судьба сведетъ насъ опять — Мы не такъ то легки на подъемъ. Ты безъ ноги, а я женатъ.

— Женатъ — или почти. Все что бы ты могъ сказать мнѣ въ пользу холостой жизни и противу женитьбы, все уже мною передумано. Я хладнокровно взвѣсилъ выгоды и невыгоды состоянія мною избираемаго. Молодость моя прошла шумно и безплодно. До сихъ поръ я жилъ иначе какъ обыкновенно живутъ. Щастья мнѣ небыло. Il n'est de bonheur que dans les voies comunes. Мнѣ за 30 лѣтъ. Въ тридцать лѣтъ люди обыкновенно женятся — я поступаю какъ люди и вѣроятно не буду въ томъ разкаиваться. Къ тому-же я женюсь безъ упоенія, безъ ребяческаго очарованія. Будущность является мнѣ не въ розахъ, но въ строгой наготѣ своей. Горести не удивятъ меня: онѣ входятъ въ мои домашнія разсчеты — Всякая радость будетъ мнѣ неожиданностію.

У меня сегодня spleen — прерываю письмо мое чтобъ тебѣ не передать моей тоски; тебѣ и своей довольно. Пиши мнѣ на Арбатъ въ домъ Хитровой. На дняхъ получилъ я чрезъ Вяз. твое письмо писанное въ 1824. Благодарю но не отвѣчаю.

10 февр.

Помета чужою рукою: 1831.

---

*406. П. А. Плетневу.

⟨Середина (до 16-го) февраля 1831 г. Москва.⟩

Черезъ нѣсколько дней я женюсь: и представляю тебѣ хозяйственной отчетъ: заложилъ я моихъ 200 душъ, взялъ 38,000 [1] — и вотъ имъ разпредѣленіе: 11,000 тёщѣ, которая непремѣнно хотѣла чтобъ дочь ея была съ приданымъ — пиши пропало. 10,000 Нащокину, для выручки его изъ плохихъ обстоятельствъ: деньги вѣрныя. Остается 17,000 на обзаведеніе и житіе годичное. Въ іюнѣ буду у васъ и начну жить en bourgois, а здѣсь съ тетками справиться невозможно — требованія глупыя и смѣшныя — а дѣлать нечего. Теперь понимаешь ли что значитъ приданое и отчего я сердился? Взять жену безъ состоянія — я въ состояніи — но входить [за] въ долги для ея тряпокъ — я не въ состояніи. Но я упрямъ и долженъ былъ настоять по крайнѣй мѣрѣ на свадьбѣ. Дѣлать нечего: придется печатать мои повѣсти. Перешлю тебѣ на второй недѣлѣ а къ Святой и тиснемъ —

---

[1] *Переделано из:* 40,000.

Что Баронесса? я писалъ Хитровой о братьяхъ Дельвига. Спроси у нее каковы ея дѣла, и Отецъ мой заплатилъ-ли долгъ Дельвигу? Не продастъ-ли она мнѣ мой портретъ? Мнѣ пишутъ что ея здоровье плохо, а она пишетъ Михайлу Алекс. что она здорова. Кто правъ? *1831 г.*

Чтоже ты мнѣ не отвѣчалъ про жизнь Дельвига? Барат. не на шутку думаетъ объ этомъ. Твоя статья о немъ прекрасна. Чѣмъ болѣе читаю ее тѣмъ болѣе она мнѣ нравится. Но надобно подробностей — Изложенія его мнѣній — анекдотовъ, разбора его стиховъ etc.

На обороте: Петру Александровичу Плетневу, въ С.-Петербургѣ, въ Екатерининскомъ Институтѣ.

Почтовый штемпель: Москва 1831 февр. 16.

---

*407. А. Н. Гончарову.

⟨24-го февраля 1831 г. Москва.⟩

Милостивый Государь Дѣдушка

Аѳанасій Николаевичь,

Спѣшу извѣстить Васъ о щастіи моемъ и препоручить себя Вашему отеческому благорасположенію какъ мужа безцѣнной внуки Вашей, Натальи Николаевны. Долгъ нашъ и желаніе были бы ѣхать къ Вамъ въ деревню, но мы опасаемся Васъ обезпокоить и не знаемъ въ пору-ли будетъ наше посѣщеніе. Дмитрій Николаевичь сказывалъ мнѣ что вы все еще тревожетесь на щетъ приданаго; моя усильная просьба состоитъ въ томъ, чтобъ вы не разстроивали для насъ уже разстроеннаго имѣнія; мы-же въ состояніи ждать. Что косается до памятника, то будучи въ Москвѣ, я никакъ не могу взяться за продажу онаго и предоставляю все это дѣло на Ваше благоразположеніе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и искренно сыновней преданностію имѣю щастіе быть, Милостивый Государь Дѣдушка

Вашимъ покорнѣйшимъ слугой
и внукомъ
Александръ Пушкинъ

24 Февр.
1831
Москва

Приписка Н. Н. Пушкиной:

Любезный Дѣдушка!

Имѣю щастіе извѣстить васъ наконецъ о свадьбѣ моей и препоручаю мужа моего вашему милостивому разположенію. Съ моей же стороны

1831 г. чувства преданности любви и почтенія никогда не измѣнятся. Сердечно надѣюсь что вы попрежнему останетесь моимъ вернѣйшимъ благодѣтелемъ. При семъ целую ручки ваши и честь имѣю пребыть на всегда покорная внучка

Наталья Пушкина

---

*408. П. А. Плетневу.

⟨24-го февраля 1831 г. Москва.⟩

Мой милый, я очень безпокоюсь о тебѣ. Говорятъ, въ П. Б. грипъ; боюсь за твою дочку. На всякой случай жду отъ тебя письма.

Я женатъ — и щастливъ. Одно желаніе мое чтобъ ничего въ жизни моей не измѣнилось — лучшаго не дождусь. Это состояніе для меня такъ ново, что кажется я переродился — Посылаю Вамъ визитную карточку — жены дома нѣтъ, и потому не сама она рекомендуется Ст. Ал.

Прости, мой другъ. Что Баронесса? память Дельвига есть единственная тѣнь моего свѣтлаго существованія. Обнимаю тебя и Жуковскаго. Изъ Газетъ узналъ я новое назначеніе Гнѣдича. Оно дѣлаетъ честь Государю, котораго искренно люблю, и за котораго всегда радуюсь когда поступаетъ онъ умно и по Царски — Addio.

24 fevr.

Будьте же всѣ здоровы.

На обороте: Е. В. Петру Александровичу Плетневу — Въ С. Петербургѣ, въ Екатерининскомъ Институтѣ.

Почтовый штемпель: Москва..... Февра. 24.

---

409. Н. И. Хмельницкому.

⟨6-го марта 1831 г. Москва.⟩

Милостивый Государь

Николай Ивановичь

Спѣшу отвѣствовать на предложеніе Вашего Превосходительства, столь лестное для моего самолюбія: я бы за честь себѣ поставилъ препроводить сочиненія мои въ Смоленскую Библіотеку, но въ слѣдствіи условій заключенныхъ мною съ Петербургскими книгопродавцами у меня не осталось ни единаго экземпляра, а дороговизна книгъ не позволяетъ мнѣ и думать о покупкѣ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной предашностію честь имѣю быть, Милостивый Государь

Вашего Превосходительства

покорнѣйшимъ слугою

Александръ Пушкинъ

6-го марта 1831

Москва.

На обороте: Давъ офиціальный отвѣтъ на офиціальное письмо Ваше позвольте поблагодарить Васъ за ваше воспоминаніе и попросить у васъ прощенія, не за себя а за моихъ книгопродавцевъ не высылающихъ Вамъ, вопреки моему наказу, ежегодной моей дани. Она будетъ Вамъ доставлена непремѣнно, Вамъ, любимому моему поэту; но не ссорьте меня съ Смоленскимъ Губернаторомъ, котораго впрочемъ я уважаю столь-же, сколько Васъ люблю.

Весь Вашъ.

---

*410. С. Д. Киселеву.

⟨Вторая половина марта 1831 г. Москва.⟩

Отсылаю тебѣ твои книги съ благодарностію — Что? не поздравить-ли тебя съ наслѣдникомъ или наслѣдницею?

А. П.

На обороте: Сергѣю Дмитріевичу Киселеву.

---

*411. Е. М. Хитрово.

⟨26-го марта 1831 г. Москва.⟩

Le tumulte & les embarras de ce mois qu'on ne sauroit chez nous nommer le mois de miel, m'ont empêché jusqu'a present de vous écrire. Mes lettres pour vous n'auroient dues être plaines que d'excuses et de remerciements, mais vous êtes trop au dessus des uns et des autres pour que je me les permette. Mon frère va donc vous devoir toute sa carrière à venir; il est parti pénétré de reconnaissance. J'attends à tout moment la décision de B. pour la lui faire parvenir.

J'espère, Madame, être à vos pieds dans un ou deux mois tout au plus. Je m'en fais une véritable fête. Moscou est la ville du Neant. Il est écrit sur sa barrière: laissez toute intelligence, o vous qui entrez. Les nouvelles politiques nous parviennent tard ou défigurées. Depuis près de 2 semaines nous ne savons rien relativement à la Pologne — et l'angoisse de l'impatience n'est nulle part! Encore si nous étions bien dissipés, bien fous, bien frivoles — mais point du tout. Nous sommes gueux, nous sommes tristes et nous calculons bêtement le décroissement de nos revenus.

Vous me parlez de Mr de la Menais je sais bien que c'est Bossuet-Journaliste. Mais sa feuille ne parvient pas jusqu'à nous. Il a beau prophetiser; Je ne sais si Paris est sa Ninive mais c'est nous qui sommes les citrouilles.

Скорятинъ vient de me dire qu'il vous avez vue avant son départ, que vous avez eu la bonté de vous ressouvenir de moi, que

 vous vouliez même m'envoyer des livres — Il faut donc absolument vous remercier, dusse-je vous impatienter.

Veuillez agreer mes respectueux hommages & les faire parvenir à Mesdames les Comtesses vos filles.

26 mars.

Mon adresse: *домъ Хитровой на арбатѣ.*

На обороте: Ея Превосходительству Милостивой Государынѣ Елисаветѣ Михайловнѣ Хитровой. Въ С. Петербургѣ у Симеоновскаго моста въ домѣ Межуевой.

Почтовый штемпель: Москва 1831 Март. 27 *и почтовые пометы.*

---

* 412. П. А. Плетневу.

⟨26-го марта 1831 г. Москва.⟩

Что это значитъ, душа моя? ты совершенно замолкъ. Вотъ уже мѣсяцъ какъ отъ тебя ни строчки не вижу. Ужъ не воспослѣдовало-ли вновь тебѣ отъ Ген.-Губерн. милостивое запрещеніе со мною переписываться? чего добраго? не боленъ-ли ты? все-ли у тебя благополучно? или просто лѣнишься да понапрасно друзей своихъ пугаешь. Покамѣсть вотъ тебѣ подробное донесеніе обо мнѣ, о домашнихъ моихъ обстоятельствахъ и о намѣреніяхъ. Въ Москвѣ остаться я никакъ не намѣренъ, причины тому тебѣ извѣстны — и каждый день новыя прибываютъ. Послѣ святой отправляюсь въ П. Б. — Знаешь-ли что? мнѣ мочи нѣтъ хотѣлось бы къ Вамъ недоѣхать а остановиться въ Царск. селѣ. Мысль благословенная! Лѣто и *осень* такимъ образомъ провелъ бы я въ уединеніи вдохновительномъ, вблизи столицы, въ кругу милыхъ воспоминаній, и тому подобныхъ удобностей. А домà вѣроятно нынѣ тамъ недороги: гусаровъ нѣтъ, Двора нѣтъ — квартеръ пустыхъ много. Съ тобою, душа моя, видѣлся бы я всякую недѣлю, съ Жук. также — П. Б. подъ бокомъ — жизнь дешевая, экипажа не нужно. Чего, кажется, лучше? Подумай объ этомъ надосугѣ, да и перешли мнѣ свое рѣшеніе. Книги Белизара я получилъ и благодаренъ. Прикажи ему прислать мнѣ еще *Crabbe*, *Wodsworth*, *Southey* и *Shakspeare* Въ домъ *Хитровой* на *Арбатѣ.* (Домъ сей нанялъ я въ память моей Элизы; скажи это Южной ласточкѣ, смугло румяной красотѣ нашей). Сомову скажи чтобъ онъ прислалъ мнѣ если можетъ *Лит. Газету* за прошедшій годъ [да и] (за нынѣшній не нужно; самъ за нимъ приѣду) да и *Сѣв. Цвѣты*, послѣдній памятникъ нашего Дельвига. Объ Альманахѣ переговоримъ. Я не прочь издать съ тобою послѣднія С. Цвѣты. Но я затѣваю и другое, о которомъ также переговоримъ. Мнѣ сказывали что Жук. очень доволенъ *Марѳой посадницей,* если такъ, то пусть-же выхлопочетъ онъ у Бенкендорфа или у кого ему будетъ угодно, позволеніе напеча-

тать всю драмму, произведеніе чрезвычайно замѣчательное, не смотря на неровенство общаго достоинства и слабости стихосложенія. Погодинъ очень, очень дѣльный и честный молодой человѣкъ, истинный нѣмецъ по чистой любви своей къ наукѣ, трудолюбію и умѣренности. Его надобно поддержать, также и Шевырева, котораго куда бы не худо посадить на опустѣвшую Каѳедру Мерзлякова, добраго пьяницы, но ужаснаго Невѣжды. Это была бы побѣда надъ Университетомъ, т. е. надъ предразсудками и Вандализмомъ.

О своихъ меркантильныхъ обстоятельствахъ скажу тебѣ, что благодаря Отца моего который далъ мнѣ способъ получить 38,000 р. я женился, и обзавелся кой какъ хозяйствомъ не входя въ частныя долги. На мою тещу и дѣда жены моей надѣиться плохо, частію отъ того что ихъ дѣла разстроены, частію и отъ того что на слова надѣиться не должно. По крайнѣй мѣрѣ, съ своей стороны, я поступилъ честно и болѣе нѣжели безкорыстно. Не хвалюсь и не жалуюсь — ибо женка моя прелесть не по одной наружности и не щитаю пожертвованіемъ, того что долженъ былъ я сдѣлать. Итакъ досвиданія, мой милый.

26 марта.

---

*413. Л. С. Пушкину.

⟨6-го апреля 1831 г. Москва.⟩

Все было рѣшено. Ждали только отвѣта отъ Гр. Паскевича, какъ Б. получилъ о тебѣ изъ Москвы *un rapport defavorable*. Нравоучительныхъ примѣчаній дѣлать я не намѣренъ; но кабы ты не былъ болтунъ и не напивался бъ съ французскими актерами у Яра, вѣроятно ты могъ бы ужъ быть на Вислѣ. Въ Чугуевѣ тебѣ мѣшкать не возможно. Немедленно поѣзжай въ свой полкъ и жди тамъ рѣшенія своей участи. Дай Богъ чтобъ эта шутка не стоила тебѣ вѣчнаго пребыванія въ Грузіи.

6 апрѣля.

На обороте: Г. Льву Сергѣевичу Пушкину. Въ Чугуевъ (*въ Харьк. Губ.*) Оставить до востребованія.

Помета другой рукой: въ Изюмъ. *Почтовый штемпель:* Москва. 1831 Апрѣл. 8.

---

*414. П. А. Плетневу.

⟨11-го апреля 1831 г. Москва.⟩

Воля твоя, ты несносенъ: ни строчки отъ тебя не дождешься. Умеръ ты, что-ли? Если тебя уже нѣтъ на свѣтѣ, то, тѣнь возлюбленная, кланяйся отъ меня Державину и обними моего Дельвига. Если-же ты живъ, ради Бога, отвѣчай на мои письма.

 Пріѣзжать-ли мнѣ къ Вамъ, остановиться-ли въ Царскомъ-селѣ, или мимо скакать въ Петербургъ или Ревель? Москва мнѣ слишкомъ надоѣла. Ты скажешь что и П. Б. малымъ чѣмъ лучше: но я какъ Артуръ Потоцкій которому предлагали рыбу удить: J'aime mieux m'ennuyer autrement. Мнѣ кажется что если всѣ мы будемъ въ кучкѣ, то литература не можетъ не согрѣться и чего нибудь да не произвести: Альманаха, Журнала, чего добраго? и Газеты! Вяземскій везетъ къ Вамъ Жизнь Ф. Визина книгу едва-ли не самую замѣчательную съ тѣхъ поръ какъ пишутъ у насъ книги (все-таки изключая Карамзина). Петръ Иванычь приплылъ и въ Москву, гдѣ кажется приняли его довольно сухо. Что за дьявольщина? не ужъ то мы вразумили публику? или сама догадалась, голубушка? А кажется Булгаринъ такъ для нее созданъ, а она для него, что имъ вмѣстѣ жить, вмѣстѣ и умирать. На Выжигина II-го я еще не посягалъ, а какъ сказываютъ, обо мнѣ въ немъ нѣтъ ни слова, то и не посягну. Разумѣю, не стану читать, а ругать все таки буду. Сомовъ написалъ мнѣ длинное письмо, на которое еще не отвѣчалъ. Скажи ему что Делорма, я самъ ему привезу, потому и не посылаю. Что Баронесса? О тебѣ говорила мнѣ Жихарева; Анекдотъ о билетцахъ — прелесть!

11 апр.

Христосъ воскресъ!

На обороте: М. Г. Петру Александровичу Плетневу, въ С. Петербургъ, въ Екатерининскомъ Институтѣ.

Почтовый штемпель: Москва 1831 Апр. 13.

---

*415. П. А. Плетневу.

<12—14-го апреля 1831 г. Москва.>

Ты правъ, любимецъ Музъ — должно быть акуратнымъ, хотя это и нѣмецкая добродѣтель, нехудо быть и умѣреннымъ хотя Чацкій и смѣется надъ этими двумя талантами. И такъ вотъ тебѣ понктуальные отвѣты, на твои запросы. Деларю слишкомъ гладко, слишкомъ правильно, слишкомъ чопорно пишетъ для молодаго Лицеиста. Въ немъ не вижу я ни капли творчества, а много искуства. Это второй томъ Подолинскаго. Впроччемъ можетъ быть онъ и разовьется. О Гоголѣ, нискажу тебѣ ничего потому что доселѣ [ничего] его не читалъ за недосугомъ. Отлагаю чтеніе до Царскаго-села, гдѣ ради Бога найми мнѣ фатерку — насъ будетъ: мы двое, 3 или 4 человѣка да 3 бабы. Фатерка чѣмъ дешевле, тѣмъ разумѣется лучше — но вѣдь 200 рублей лишнихъ насъ не разорятъ. Садика намъ не будетъ нужно, ибо подъ бокомъ будетъ у насъ садище, а нужна кухня, да сарай, вотъ и все. Ради Бога, скорѣе-же! и тотчасъ

давай намъ и знать что все-де готово, и милости просимъ пріѣзжать. А мы тебѣ какъ снѣгъ на голову.

Обними Жуковскаго за участіе въ которомъ я никогда не сомнѣвался [но которому радуюсь какъ *неразб.*] Не пишу ему, потому что не привыкъ съ нимъ переписываться. Съ нетерпѣніемъ ожидаю новыхъ его баллада. И такъ былое съ нимъ сбывается опять. Слава Богу! Но ты не пишешь что такое его баллады, переводы или сочиненія. Дмитріевъ, думая критиковать Жуковскаго, далъ ему прездравый совѣтъ. Жук. говорилъ онъ, въ своей деревнѣ заставляетъ старухъ себѣ ноги гладить и разказывать сказки и [изъ это] потомъ перекладываетъ ихъ въ стихи. Преданія Русскія ничуть не уступаютъ въ фантазтической поэзіи, преданіямъ Ирландскимъ и Германскимъ. Если [вдохновеньe] все еще его несетъ вдохновеніемъ, то присовѣтуй ему читать Четь-Минею, особенно легенды о Кіевскихъ чудотворцахъ; прелесть простоты и вымысла!

Перечитываю письмо и вижу что я неокуратно отвѣчалъ тебѣ на вопросы: 1) *гдѣ* 2) *на сколько времени, и* 3) *во сколько комнатъ* нужна мнѣ квартира? *Ответы.*

1) На какой бы то нибыло улицѣ Царско-сельской.

2) До Января, и потому квартера должна быть теплая.

3) Былъ бы особый кабинетъ — а прочее мнѣ все ровно.

За симъ обнимаю тебя, благодаря заранѣе.

На обороте: М. Г. Петру Александровичу Плетневу, въ С. Петербургъ, въ Екатерининскомъ Институтѣ.

Почтовый штемпель: Москва 1831 Апрел. 14.

---

* 416. А. Н. Гончарову.

⟨25-го апреля 1831 г. Москва.⟩

Милостивый Государь Дѣдушка

Аѳанасій Николаевичь,

Приношу Вамъ искреннюю мою благодарность за приемъ моего повѣреннаго и за письмо, драгоцѣнный знакъ Вашего ко мнѣ благоразположенія. Будьте увѣрены въ безпрекословномъ согласіи моемъ на все что будетъ удобнѣе для Васъ. Мнѣ не льзя было принять довѣренности одной, ибо чрезъ то долги и недоимки могли увеличиться, и имѣніе могло быть наконецъ совершенно потеряно. Если Вамъ угодно вмѣсто 300 обѣщанныхъ душъ дать покамѣсть Натальѣ Николаевнѣ довѣренность на полученіе доходовъ съ оныхъ и заемное письмо, *съ условіемъ, что при жизни Вашей оставалось оное заемное письмо недѣйствительнымъ* (Дай Богъ чтобъ оно и долѣе оставалось таковымъ!) Въ такомъ случаѣ вексель долженъ быть данъ *отъ крѣпостныхъ дѣлъ, на столько сотъ тысячь рублей сколько вы желаете дать душъ*

 крестьянских, для того чтобы при конкурсѣ кредиторовъ дѣйствительно достались бы 300 душъ, а не въ десятеро менѣе. Таковыя векселя съ таковымъ же условіемъ Вы безо всякаго опасенія могли бы дать и прочимъ Вашимъ внукамъ а довѣренность на управленіе, въ случаѣ только ихъ замужества.

Надѣюсь что Вы не будете гнѣваться на меня за мою откровенность. Во всякомъ случаѣ ожидаю разрѣшенія Вашего и имѣю щастіе съ чувствомъ глубочайшаго почтенія и преданности остаться

Милостивый Государь Дѣдушка
Вашимъ покорнѣйшимъ
слугой и внукомъ.
Александръ Пушкинъ

25 апрѣля

---

* 417. Е. М. Хитрово.

<8-го мая 1831 г. Москва.>

Voici, Madame, le странникъ que vous m'avez demandé. Il y a du vrai talent dans ce bavardage un peu manieré. Ce qu'il y a de plus singulier c'est que l'auteur a déja 35 ans & que c'est son premier ouvrage. Le roman de Zagoskine n'a pas encore paru. Il a été obligé d'en refondre quelques chapitres où il étoit questions des Polonais de 1812. Les Polonais de 1831 sont bien plus embarrassants, et leur roman n'est pas à sa fin. On debite ici la nouvelle d'une bataille qui a du avoir lieu le 20 avr. Ce doit être faux, du moins quant à la dâte.

Mon voyage est retardé de quelques jours à cause d'affaires qui ne me regardent pas. J'espère en être quitte vers la fin du mois.

Mon frère est un étourdi et un paresseux. Vous êtes bien bonne, bien aimable de vous interesser à lui. Je lui ai déja ecrit une lettre d'Oncle, où je lui lave la tête sans trop savoir pourquoi. A l'heur qu'il est, il doit être en Georgie. Je ne sais si je dois lui envoyer votre lettre; j'aimerois mieux la garder.

Sans adieu, Madame, comme sans formule.

8 mai.

---

* 418. Е. М. Хитрово.

<Вторая половина мая 1831 г. Петербург.>

Voici vos livres, Madame, je vous supplie de m'envoyer le second volume de rouge & noir — J'en suis enchanté. Plock et Plick est miserable. C'est un tas[1] de contresens, d'absurdités qui n'ont

---

[1] *Слово:* tas *переправлено из* sans.

pas même le mérite de l'originalité. Notre Dame est-elle déjà lisible? Au revoir, Madame.

A. Pouchkine

На обороте: Madame Hitrof.

---

* 419. П. В. Нащокину.

⟨Около 25-го мая 1831 г. Петербург.⟩

Пріѣхали мы благополучно, мой милый Павелъ Воиновичь, въ Демутовъ трактиръ и на дняхъ отправляемся въ Царское-село, гдѣ мой домикъ еще не меблированъ. (мой будущій адресъ: въ домъ Китаевой). Паливановъ сей часъ былъ у меня; кажется, очень влюбленъ. Завтра отправляется къ Вамъ. Дѣла мои въ лучшемъ порядкѣ нежели я думалъ. На дняхъ отправляю тебѣ 2,000 руб. для Горчакова — Незнаю получилъ-ли ты тысячу отъ Вяземскаго. Съ нимъ перепишусь. Что ты дѣлаешь, душка? что твоя Хозяйка? что Марья Ивановна? спровадилъ-ли ты ее? и что твои хлопоты косательно моего дома и твоего долга. До сихъ поръ я не получалъ еще черновой довѣренности, а самъ сочинить ее не съумѣю. Перешли поскорѣе —

Жена тебѣ очень кланяется.

На обороте: П. В. Нащокину.

---

* 420. Е. М. Хитрово.

⟨Около 25-го мая 1831 г. Петербург.⟩

Je pars à l'instant pour Sarsko-Selo avec le regret bien vrai de ne pas passer la soirée chez vous. Quant à l'amour propre de Sullivan il deviendra ce qu'il pourra — Vous qui avez tant d'esprit dites lui quelque chose qui puisse l'apaiser. Bonjour, Madame et surtout au revoir.

Приписка Н. Н. Пушкиной:

Je suis au désespoir, Madame, de ne pouvoir profiter de votre aimable invitation, mon mari m'enlève à Tsarskoie-село. Recevez l'expression de mes regrets et de ma parfaite considération.

Natalie Pouchkine.

На обороте (рукою Пушкина): Madame Madame Hitrof.

---

* 421. Е. М. Хитрово.

⟨Вторник. Конец мая — начало июня 1831 г. Петербург.⟩

Je suis bien faché de ne pouvoir passer la soirée chez vous. Une chose bien triste, c. à. d. un devoir m'oblige d'aller bailler je

1831 г. ne sais où. Voici, Madame, les livres que vous avez eu la bonté de me prêter. On conçoit fort bien votre admiration pour la Notre dame. Il y a bien de la grace dans toute cette imagination. Mais, mais — — je n'ose dire tout ce que j'en pense. En tout cas la chûte du prêtre et belle de tout point, c'est à en donner des vertiges. Rouge & noir est un bon roman, malgré quelques fausses déclamations et quelques observations de mauvais goût.

Mardi.

На оборотѣ: Madame Madame Hitrof.

---

*422. Князю П. А. Вяземскому.

⟨1-го июня 1831 г. Царское Село.⟩

Я живу въ Ц. С. въ домѣ Китаевой на большой дорогѣ. Грѣхъ тебѣ будетъ ко мнѣ не заѣхать. Всѣ наши П. бургскія знакомки тебѣ кланяются и ждутъ тебя. Здѣшнія залы очень замѣчательны. Свобода толковъ меня изумила. Дибича критикуютъ явно и очень строго. Тому недѣлю Эриванскій былъ еще въ Петергофѣ. Ты читалъ извѣстіе о послѣднемъ сраженіи 14 Мая. Не знаю почему не упомянуто въ немъ нѣкоторые подробности, которыя знаю изъ частныхъ писемъ и кажется отъ вѣрныхъ людей: Кржнецкій находился въ этомъ сраженіи. Офицеры наши видѣли какъ онъ прискакалъ на своей бѣлой лошади, пересѣлъ на другую бурую, и сталъ командовать — видѣли какъ онъ, раненый въ плечо, уронилъ палашъ и самъ свалился съ лошади, какъ вся его свита кинулась къ нему, и посадила опять его на лошадь. Тогда онъ запѣлъ *Еще польска не сгинела,* и свита его начала вторить, но въ ту самую минуту, другая пуля убила въ толпѣ польскаго маіора и пѣсни прервались. Все это хорошо въ поэтическомъ отношеніи — Но все таки ихъ надобно задушить и наша медленность мучительна. Для насъ мятежъ Польши есть дѣло семейственное, старинная, наслѣдственная разпря, мы неможемъ судить ее по впечатлѣніямъ Европейскимъ, каковъ бы ни былъ впрочемъ нашъ образъ мыслей — Но для Европы нужны общія предметы вниманія и пристрастія, нужны и для народовъ и для правительствъ. Конечно выгода почти всѣхъ правительствъ держаться въ семъ случаѣ правила non-intervention, т. е. избѣгать въ чужомъ пиру похмѣлія; но народы такъ и рвутся, такъ и лаятъ — Того и гляди навяжется на насъ Европа. Щастіе еще что мы прошлого году не вмѣшались въ послѣднюю французкую передрягу! А то былъ бы долгъ платежемъ красенъ — Отъ политики перехожу къ Литературѣ, т. е. къ Булгарину. Знаешь-ли за что его выслали изъ П. Б.? говорятъ будто бы при появленіи эпиграммы, *Фигляринъ, вотъ полякъ примѣрный,* онъ такъ огорчился что прямо адресовался къ Государю со слезной жалобою на меня, Сдѣлайте-де, В. В., такую божескую милость, уймите

Пушкина, который все меня обиждаетъ своими стишками. Государю было не до стишковъ; Булгаринъ-же не въ первый разъ надоѣдалъ ему своими жалобами и доносами — Онъ и велѣлъ его выслать какъ человѣка безпокойнаго. Но каковы безстыдство и дерзость Булгарина? Недоволенъ онъ тѣмъ, что плутовствомъ выманилъ онъ Высочайшій рескриптъ Петру Ивановичу Выжигину, и что онъ продаетъ свои сальныя пасквили изъ подъ порфиры Императорской. Карлъ X сидитъ себѣ смирно въ Единбургѣ, а Ѳаддей Булгаринъ требуетъ вспомогательной силы отъ Русского Императора! Господи Боже мой, до чего мы дожили! Однакожъ вотъ тебѣ и добрая вѣсть: Жуковскій точно написалъ 12 прелестныхъ Балладъ и много другихъ прелестей — Прощай, кланяйся Княгинѣ. 1831 г.

1 Іюня.

Сердечно кланяюсь И. И. Дмитріеву. Что его здоровье?

На обороте: Князю Петру Андреевичу Вяземскому, въ Москвѣ, въ Чернышевскомъ переулкѣ въ собств. домѣ.

Почтовые штемпеля: Софія или Царское Село 2 іюн. 1831 *и* Получено Іюн. 6.

---

*423. П. В. Нащокину.

⟨1-го июня 1831 г. Царское Село.⟩

Вотъ уже недѣля какъ я въ Ц. С. а письмо твое получилъ только третьяго дня. Оно было застраховано, и я возился съ полиціей и почтой. Довѣренность пришлю тебѣ немѣдленно. Очень благодарю тебя за дружескія хлопоты съ М. Ив. и поздравляю съ прекращеніемъ домашней войны. День ото дня ожидаю своего обоза и письма твоего. Я бы переслалъ Горчакову тотчасъ мой долгъ съ благодарностію но принужденъ былъ въ этѣ двѣ недѣли истратить 2,000 рублей и потому приостановился. Теперь кажется все уладилъ и стану жить по тихоньку безъ тещи, безъ экипажа, слѣдственно безъ большихъ разходовъ и безъ сплетенъ. Какъ ты ладишь съ влюбленнымъ Паливановымъ? Ѣдетъ-ли онъ въ Калугу вослѣдъ своей возлюбленной? У меня встрѣтился онъ съ теткой жены, К. И. Загряжской, и я рекомендовалъ его какъ будущаго племянника. Только я боюсь чтобъ Дѣдушка его не надулъ — смотри за нимъ. Что твои домашнія обстоятельства? не отыскался-ли женихъ на извѣстную особу? Изъ [С. Ц.] Царск. С. пріѣхалъ бы я на эту свадьбу, отпраздновать твое освобожденіе, законной бракъ О. А., и увезъ бы тебя въ П. Б. То то бы зажили! Опять бы завелись и Арапы, и карлики и сотернъ и пр. — Прощай пиши, и не слишкомъ скучай по мнѣ. Кто-то говаривалъ: Если я теряю друга, то иду въ Клубъ и беру себѣ другова. Мы съ женой тебя всякой день поминаемъ. Она тебѣ кланяется — Мы ни съ кѣмъ еще покамѣсть незнакомы, и она очень по тебѣ скучаетъ —

1-го іюня.

Я сей часъ увидѣлъ въ *Лит. Газ.* разборъ Вельтмана, очень не благосклонный и несправедливый — Чтобъ не подумалъ онъ что я тутъ какъ нибудь вмѣшался — Дѣло въ томъ что и я виноватъ: полѣнился изполнить обѣщанное, не написалъ самъ разбора; но и нѣкогда было. Обнимаю Горчакова — Что Вяземскаго тысяча? —

На обороте: Его высокоблагородію Павлу Воиновичу Нащокину Въ Москвѣ у Николы на Пескахъ въ домѣ Годовиковой на Арбатѣ.

Почтовые штемпеля: Софія или Царское Село. 1 іюн 1831 *и* Получено Іюн. 8 1831.

---

*424. П. В. Нащокину.

⟨Начало июня 1831 г. Царское Село.⟩

Вотъ тебѣ одна тысяча, другая досталась мнѣ золотомъ. Извини меня передъ Горчаковымъ; онъ получитъ все прежде срока или въ срокъ — но не позже. Если увидишь Вяз., то спроси какъ ему переслать его 1,000? или нѣтъ-ли у него здѣсь долговъ, или не хранить-ли ее до его пріѣзда. Прости, любезный будь здаровъ и не хандри.

---

*425. П. В. Нащокину.

⟨11-го июня 1831 г. Царское Село.⟩

Послалъ я къ тебѣ, любезный Павелъ Воиновичь, и довѣренность, и деньги; получилъ весь мой Московской обозъ, а отъ тебя ни слова не имѣю; да и никто изъ Москвы ко мнѣ не пишетъ, ни ко мнѣ, ни къ женѣ. Ужъ не теряются-ли письма? Пожалуйста, не лѣнись. Съ Павловымъ не играй, съ Рахмановымъ кончи поскорѣе, О. А. сосватай, да пріѣзжай къ намъ безъ хлопотъ. Мы здѣсь живемъ тихо и весело, будто въ глуши деревенской; на силу до насъ и вѣсти доходятъ, да и тѣ не радостныя. О смерти Дибича, горевать, кажется, нечего. Онъ уронилъ Россію во мнѣніи Европы, и медленностію успѣховъ въ Турціи и неудачами противъ Польскихъ мятежниковъ. Здѣсь говорятъ о взятіи и сожженіи Вильны и о томъ что Храповицкого будто бы повѣсили. Ужасно, но надѣюсь не правда. Холера, говорятъ, все неунимается. Правда-ли что въ Твери карантины? Экой годъ! Прощай, душа моя! Жена тебя очень любитъ и очень тебѣ кланяется.

А. П.

11-го іюня Сарско-Село.

На обороте: Е. В. М. Г. Павлу Воиновичу Нащокину. Въ Москву на Арбатѣ у Николы на Пескахъ, въ домѣ Годовиковой —

Почтовые штемпеля: Софія или Царское Село 12 іюн. 1831 *и:* Получено 1831 Іюн. 16.

---

*426. Князю П. А. Вяземскому.

<11-го июня 1831 г. Царское Село.>

Что за дьявольщина? пишу, пишу — а никто мнѣ не отвѣчаетъ. Получилъ-ли ты письмо мое? На всякой случай вотъ тебѣ другое; тысяча твоя у меня. Переслать-ли ее въ Москву, или прикажешь ей тебя дождаться? Въ Твери сказываютъ холера и карантинъ. Какъ-же ты къ намъ пріѣдешь? Ужъ не на пироскафѣ, какъ Гр. Паскевичъ поѣхалъ въ Армію. Что тамъ дѣлается, ничего невѣдаемъ. Потеря Дибича должна быть чувствительна для Поляковъ; по разчету Толь будетъ главнокомандующимъ въ теченіи 20 дней; авось употребитъ онъ [эту] это время въ пользу себѣ и намъ. Здѣсь говорятъ о взятіи Вильны и о повѣшаніи Храповицкаго. Ужасно во всѣхъ отношеніяхъ! Дай богъ чтобъ это было ложное извѣстіе.

Видѣлъ я Тургенева и нашелъ въ немъ мало перемѣны: кой гдѣ сѣдина, впрочемъ таже живость, по крайнѣй мѣрѣ при первомъ свиданіи. Жду его въ Сарское-село. Онъ ѣдетъ къ тебѣ, если карантинъ его не удержитъ. Постарайся поразтрепать его porte-feuille, полный Европейскими сокровищами. Это намъ пригодится. Жуковскій все еще пишетъ. Онъ перевелъ нѣсколько балладъ Соутея, [1] Шиллера и Гуланда. Между прочемъ Водолаза, Перчатку, Поликратово кольцо &c — Также перев<ел>ъ неконченную балладу Вальтеръ-Скотта Пильгримъ, и придѣлалъ свой конецъ: прелесть. Теперь пишетъ сказску Гекзаметрами, въ родѣ своего краснаго карбункула, и тѣже лица на сценѣ, Дѣдушка, Луиза, трубка и проч. Все это явится въ новомъ изданіи всѣхъ его балладъ, которыя издаетъ Смирдинъ въ двухъ томикахъ. Вотъ все чѣмъ можно намъ утѣшаться въ нынѣшнихъ горькихъ обстоятельствахъ. Здѣсь я журналовъ неполучаю, и незнаю что дѣлается въ нашемъ омутѣ, и кто кого.

Прощай, кланяюсь Княгинѣ и Катеринѣ Андреевнѣ, если она уже доѣхала до Астафьева. Если Вы всѣ вмѣстѣ, то мудрено тебя сюда выманить, однакожъ надобно. Что Софья Николаевна? царствуетъ на сѣдлѣ? A horse, a horse! My Kingdom for a horse! Прощайже до свиданія.

А. П.

11 Іюня.

На обороте: Князю Петру Андреевичу Вяземскому. *Въ Москвѣ* въ Чернышевскомъ переулкѣ въ собств. домѣ.

Почтовые штемпеля: Софія или Царское Село... іюн. 1831 *и:* Получено іюн. 16.

---

[1] *Неясно; может быть:* Соусея

*427. Е. М. Хитрово.

<Середина июня 1831 г. Царское Село.>

Svistounof m'a dit qu'il vous verroit ce soir, je prends cette occasion, Madame, pour vous demander une grâce: j'ai entrepris une étude de la révolution françoise; je vous supplie de m'envoyer Thiers & Mignet s'il est possible. Ces deux ouvrages sont défendus. Je n'ai ici que les *Mémoires relatifs à la révolution.* Ces jours-ci je compte venir à Petersbourg pour quelques heures. J'en profiterai pour me présenter à la Черная рѣчка.

На обороте: Madame Madame Hitrof.

---

*428. Е. М. Хитрово.

<19-го или 20-го июня 1831 г. Царское Село.>

Merci, Madame, pour la révolution de Mignet, je l'ai reçue par Novossiltzof. — Est-il vrai que Тургеневъ nous quitte & celà si brusquement?

Vous avez donc le Cholera; ne craignez rien au reste. C'est toujours l'histoire de la peste; les zens comme il faut n'en meurent zamais, comme le disoit la petite Grecque. Il faut esperer que l'épidemie ne sera pas forte, même parmi le peuple — Petersbourg est bien aëré et puis la mer...

J'ai rempli votre commission — c. à. d. que je ne l'ai pas remplie — car quelle idée avez vous eue de me faire traduire des vers russes en prose françoise, moi qui ne connoit même pas l'Orthographe? D'ailleurs les vers sont médiocres — J'en ai fait sur le même sujet d'autres qui ne valent pas mieux & que je vous enverrai des que j'en trouverai l'occasion.

Portez-vous bien, Madame, c'est pour le moment ce que j'ai de plus pressé à vous dire. —

На обороте: Ея Превосходительству Милостивой Государынѣ Лизаветѣ Михайловнѣ Хитровой въ домѣ Австрійскаго посланника.

Другой рукой: Въ С.-Петербургъ. *Почтовый штемпель:* Софія или Царское Село 20 іюня 1<831 г.>, *почтовые пометы и приписки.*

---

*429. П. В. Нащокину.

<19-го или 20-го июня 1831 г. Царское Село.>

Очень, очень благодарю тебя за письмо отъ 9 іюня. Не знаю отвѣчалъ-ли я тебѣ на оное; на всякой случай перечитавъ его, пишу отвѣтъ. Съ подрядчикомъ я разплатился; онъ сказывалъ

мнѣ что ты обѣщалъ ему отъ меня прибавку, на сіе жду твоего приказанія, а самъ отъ себя ни гроша не прибавлю. Я не очень понимаю какое условіе могъ ты заключить съ Рахмановымъ; страховать жизнь еще на Руси въ обыкновеніе не введено, но войдетъ-же когда нибудь; покамѣсть мы не застрахованы, а застращены. Здѣсь холера, т. е. въ П.-Б., а Сарское-Село оцѣплено — такъ какъ при Королевскихъ дворахъ, бывало, за шалости принца, сѣкли его пажа. Жду дороговизны и скупость наслѣдственная и благоприобретенная во мнѣ тревожится. О дѣлахъ жены моей не имѣю никакихъ извѣстій, и дѣдушка и теща отмалчиваются, и рады что Богъ послалъ ихъ Ташинькѣ муженька такого смирнаго. Что-то будетъ съ Алекс. Юрьевичемъ? твое извѣстіе о немъ насмѣшило насъ до сыта. Воображаю его въ Заводахъ en tête à tête съ глухимъ старикомъ, а Нат. Ив. ходуномъ ходящую, около дочерей крѣпко на крѣпко заключенныхъ. Что Ал. Юр.? остылъ али нѣтъ? Ты-то что самъ? и скоро-ли деньги будутъ? какъ будутъ, пріѣду не смотря ни на какія холеры и тому подобное. А тебя ужъ я отчаиваюсь видѣть. Прости, отвѣчай.

На обороте: Его высокоблагородію М. Г. Павлу Воиновичу Нащокину. Въ Москвѣ на Арбатѣ въ домъ Годовиковой у Николы Пески.

Почтовые штемпеля: Софія или Царское Село 20 іюня 1831 *и:* Получено 1831 іюня 26.

---

*430 П. В. Нащокину.

⟨26-го июня 1831 г. Царское Село.⟩

Очень благодаренъ за твое письмо, мой другъ; а что это за болѣзнь, отъ которой ты такъ скоро оправился? Я уже писалъ тебѣ что въ П. Б. холера, и какъ она здѣсь новая гостья, то гораздо болѣе въ чести нѣжели у Васъ равнодушныхъ Москвичей. На дняхъ на Сѣнной былъ бунтъ въ пользу ея; собралось православнаго народу тысячь 6, отперли больницы, кой-кого (сказываютъ) убили; Государь самъ явился на мѣстѣ бунта и усмирилъ его. Дѣло обошлось безъ пушекъ, дай Богъ чтобъ и безъ кнута. Тяжелыя времена, Павелъ Воиновичь! Тѣло Цесаревича везутъ; также и Дибичево. Паскевичь пріѣхалъ въ Армію 13-го. О военныхъ движеніяхъ не имѣемъ еще никакого извѣстія. Вотъ тебѣ общественныя новости; теперь поговоримъ о своемъ горѣ. Напиши ко мнѣ къ какому времени явиться мнѣ въ Москву за деньгами, да у васъ-ли Догановскій? Если у васъ такъ постарайся съ нимъ поговорить т. е. поторговаться, да и кончи дѣло не дожидаясь меня — а я, несмотря на холеру, непремѣнно буду въ Москвѣ на тебя посмотрѣть, моя радость. Отъ Вяз. получилъ я письмо; свою тысячу оставляетъ онъ у меня до предбудущаго. Тысячу Горчаковскую на дняхъ перешлю тебѣ. Холера прижала

1831 г. насъ, и въ Ц. Селѣ оказалась дороговизна. Я здѣсь безъ экипажа и безъ пирожнаго, а деньги все таки уходятъ. Вообрази что со дня нашего отъѣзда, я выпилъ одну только бутылку шампанскаго, и ту не вдругъ. Разрѣшилъ-ли ты съ горя? Кланяюсь О. А. Фуляровъ ей не присылаю, ибо съ П. Б., какъ уже сказано было, всякое сообщенiе прервано. По той-же причины не получишь ты скоро и моего образа. Брюловъ въ П. Б. и женатъ, слѣдственно въ Италiю такъ скоро не подымится. Кланяюсь Шнейдеру; никаго здѣсь невижу и не у кого освѣдомиться о его представленiи — Кланяюсь и Андр. Петр. — пришли мнѣ его романсъ исправленный во второмъ изданiи. Еще кланяюсь О. А., Тат. Дм., Матр. Серг. и всей компанiи. Прости, моя прелесть — Жена тебѣ очень кланяется — Шитье ея для тебя остановилось за неимѣнiемъ чернаго шолка. Все холера виновата.

26го iюня.

На обороте: Его Высокоблагородiю М. Г. Павлу Воиновичу Нащокину *въ Москвѣ* въ приходѣ Николы Песк. на Арбатѣ въ домѣ Годовиковой.

Почтовые штемпеля: Софiя или Царское Село 27 iюн. 1831 *и:* получено iюля 4.

---

431. Н. И. Гончаровой.

(*Перевод*).

⟨26-го июня 1831 г. Царское Село.⟩

Милостивая Государыня! Я вижу изъ письма, которое вы написали Натали, что вы очень недовольны мною, вслѣдствiе того, что я сообщилъ *Аѳанасiю Николаевичу* притязанiя г-на Поливанова. Мнѣ кажется, я говорилъ сперва вамъ объ этомъ. Это вовсе не мое дѣло сватать дѣвицъ, и будетъ ли предложенiе г-на Поливанова принято, или нѣтъ, это мнѣ рѣшительно все равно: но вы замѣчаете къ тому, что мой поступокъ не дѣлаетъ мнѣ чести. Это выраженiе оскорбительное, и осмѣливаюсь сказать, я никогда не заслуживалъ его.

Я былъ вынужденъ оставить Москву во избѣжанiе разныхъ дрязгъ, которыя въ концѣ концовъ могли бы нарушить болѣе чѣмъ одно мое спокойствiе; меня изображали моей женѣ, какъ человѣка ненавистнаго, жаднаго, презрѣннаго ростовщика;[1] ей говорили: Vous êtes une sotte de permettre à votre mari etc. Vous m'avouerez que c'était prêcher le divorce. Une femme ne peut décemment se laisser dire que son mari est un infâme et le devoir de la mienne est de se soumettre à ce que je me permets. Ce n'est pas à une femme de 18 ans de gouverner un homme de 32.

---

[1] *В подл.:* vil usurier

Я представилъ доказательства терпѣнія и деликатности; но, повидимому, я только напрасно трудился. Я люблю собственное спокойствіе и сумѣю его обеспечить.

При моемъ отъѣздѣ изъ Москвы, вы не сочли нужнымъ говорить со мною о дѣлахъ; вы предпочли отшутиться насчетъ возможности развода или чего-нибудь въ этомъ родѣ. Между тѣмъ, мнѣ необходимо знать окончательно ваше рѣшеніе относительно меня. Я не говорю о томъ, что предполагалось сдѣлать въ отношеніи Натали; это меня не касается, и я никогда объ этомъ не думалъ, несмотря на мою жадность. Я разумѣю 11,000 рублей, которые я далъ взаймы. Я не требую уплаты и нисколько не тороплю васъ. Я хочу только знать навѣрное, что вы предполагаете по этому поводу сдѣлать, съ тѣмъ, чтобы и съ своей стороны принять нужныя мѣры.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ остаюсь, Милостивая Государыня, Вашъ покорнѣйшій и послушный слуга Александръ Пушкинъ.

Sarsko-Selo, 26 Juin 1831.

---

*432. П. А. Осиповой.

⟨29-го іюня 1831 г. Царское Село.⟩

Je differois de vous écrire, m'attendant à tout moment à vous voir nous arriver; mais les circonstances ne me permettent plus de l'ésperer. C'est donc par écrit, Madame, que je vous felicite et que je souhaite à M-lle Euphrosine tout le bonheur dont ici-bas nous sommes capables et dont est si digne un être aussi noble et aussi doux.

Les tems sont bien tristes. L'épidemie fait à Pétersbourg de grands ravages. Le peuple s'est ameuté plusieurs fois. Des bruits absurdes s'étoient répendus. On prétendoit que les medecins empoisonnoient les habitans. La populace furieuse en a massacré deux. L'Empereur s'est présenté au milieu des mutins. On m'écrit: «Государь говорилъ съ народомъ — Чернь слушала на колѣнахъ — тишина — одинъ царскій голосъ *какъ звонъ святой* раздавался на площади». — Ce n'est pas le courage, ni le talent de la parole qui lui manquent; cette fois-ci l'emeute a été appaisé, mais les désordres se sont renouvelés depuis. Peut-être sera-t-on obligé d'avoir recours à la mitraille. Nous attendons la cour à Sarsko-Selo, qui jusqu'a present n'est pas encore attaqué de la contagion; mais je crois que celà ne tardera pas. Que Dieu préserve Trigorskoe des sept plaies de l'Egypte; vivez heureuse et tranquille et puissé-je me retrouver un jour dans votre voisinage! et à propos de celà, si je ne craignois d'être indiscret, je vous prierois, comme bonne voisine et bien chère amie, de me faire savoir si je ne pourrois pas faire l'acquisition de Savkino, et quels en seroient les conditions. J'y bâtirois une chaumière, j'y mettrois mes livres et j'y viendrois passer

 quelque mois de l'année auprès de mes bons et anciens amis. Que dites vous Madame de mes chateaux en Espagne ou de ma chaumière a Savkino? pour moi, ce projet-là m'enchante et j'y reviens à tout moment. Recevez Madame l'hommage de ma haute consideration et de mon entier devouement. Mes hommages à toute votre famille; agreez aussi ceux de ma femme, en attendant que je n'aie eu l'avantage de vous la présenter.

Sarskoe-Selo.
29 juin 1830[1]

На обороте: Ея Высокородію М. Г. Прасковіи Александровнѣ Осиповой. Въ Опочку.

Почтовый штемпель: Софія или Царское Село іюля....

---

*433. М. П. Погодину.

⟨Конец июня 1831 г. Царское Село.⟩

Сердечно благодарю Васъ и за письмо и за Старую статистику. Я получилъ всѣ экземпляры вчера изъ П. Б. и не знаю какъ доставить экз. слѣдующія Великимъ-Князьямъ и Жуковскому. Вы знаете что у насъ холера; Царское-Село оцѣплено, оно будетъ, вѣроятно, убѣжищемъ Царскому Семейству. Въ такомъ случаѣ Жуковскій будетъ сюда и я дождусь его чтобъ вручить ему Вашу посылку. Напрасно сердитесь Вы на него за его молчаніе. Онъ самый неокуратный корреспондентъ, и ни съ кѣмъ не въ перепискѣ. Могу Васъ увѣрить что онъ искренно Васъ уважаетъ. Вы удивляете меня тѣмъ что Трагедія Ваша еще не поступила въ продажу. Веневитиновъ сказывалъ мнѣ что она уже вышла, потому то я и не хлопоталъ объ ней. Непремѣнно надобно ее выдать, и непремѣнно буду писать при первомъ случаѣ, объ этомъ къ Б. Холера и смерть Цесаревича насъ совершенно смутили: дайте образумиться.

Пишите Петра; не бойтесь его дубинки. Въ его время вы были бы одинъ изъ его помощниковъ; въ наше время будьте хоть его живописцемъ. Жалѣю что Вы не раздѣлались еще съ Московскимъ Университетомъ, который долженъ рано или поздно извергнуть васъ изъ среды своей, ибо ничего чуждаго не можетъ оставаться ни въ какомъ тѣлѣ. А Ученость, дѣятельность и Умъ [несносны] чужды Московскому Университету.

У насъ есть счетецъ. За мною процентовъ было 225 рублей; изъ оныхъ отдалъ я Вамъ, помните, 75 — и того остается 150, кои вы получите какъ скоро получу оброкъ со Смирдина —

Пишите ко мнѣ прямо въ Царское или Сарское-Село. Отъ Смирдина отдѣленъ я карантиномъ. Вашихъ препорученій каса-

---

[1] *Так в подлиннике, вместо:* 1831.

тельно книгъ покамѣсть не могу выполнить, по многимъ причинамъ. Простите, до свиданія.

А. П.

Помета М. П. Погодина: Получено 1831 іюля·4.

---

*434. Н. М. Коншину.

〈Июнь—июль или осень 1831 г. Царское Село.〉

Вотъ всѣ № находящіеся еще у меня — Сердечно благодарю за доставленіе извѣстій хотя и нерадостныхъ. Нѣтъ-ли у васъ Лит. Газ.? Здаровы-ли вы и Авд. Яковл.? До свиданія.

А. П.

---

*435. Н. М. Коншину.

〈Июнь—июль или осень 1831 г. Царское Село.〉

Собака нашлась благодаря Вашимъ приказаніямъ — Жена сердечно васъ благодаритъ, но собачникъ поставилъ меня въ затруднительное положеніе, я давалъ ему за труды 10 рублей, онъ не взялъ говоря: *мало*, по мнѣ и онъ и собака того не стоятъ, но жена моя другаго мнѣнія. Здаровы-ли и скоро-ль увидимся?

А. П.

На обороте: Николаю Михайловичу Коншину.

Помета рукою Коншина: Письмо Александра Сергѣевича Пушкина Въ Царскомъ Селѣ 1831-го.

---

*436. П. А. Плетневу.

〈3-го июля 1831 г. Царское Село.〉

Скажи мнѣ, сдѣлай одолженіе, живъ-ли ты? что ты намѣренъ дѣлать? что наши? Экія страсти! Господи Сусе Христе!

Ради Бога, вели Смирдину прислать мнѣ денегъ, или я самъ явлюсь къ нему несмотря на карантины.

Знаешь-ли что? я живъ и здоровъ.

Прощай.

3 іюля.

Я переписалъ мои 5 повѣстей и предисловіе, т. е. сочиненія покойника Бѣлкина, славнаго малаго. Что прикажешь съ ними дѣлать? печатать-ли намъ самимъ или сторговаться со Смирдинымъ? R. S. V. P.

Жена моя кланяется твоей, и желаетъ вамъ здравія.

На обороте: Его Высокоблагородію М. Г. Петру Александровичу Плетневу. Въ С. Петербургъ. Въ Екатерининск. Институтѣ.

Почтовый штемпель: Софія или Царское Село 3 Іюл. 1831. *Помета П. А. Плетнева:* Первый годъ послѣ свадьбы. Изъ Царск. Села.

---

*437. Князю П. А. Вяземскому.

⟨3-го июля 1831 г. Царское Село.⟩

Получилъ я письмо твое (вѣроятно отъ Ѳедосея Сидоровича, покрайнѣй мѣрѣ на печатѣ вырѣзанъ крестъ и якорь и надпись Богъ моя надежда). Ты требуешь назадъ свою мебель. Эхъ, милый! Трудно въ Царскомъ селѣ мнѣ будетъ найти новую. Нечего дѣлать, возьми себѣ назадъ. Только мнѣ жаль будетъ тебѣ оставить ее за ту-же цѣну. Ей Богу, Ваше Сіятельство, больше стоитъ. Она мнѣ досталась по оказіи и по знакомству; право не грѣхъ прибавить рублей сто. По газетамъ видѣлъ я что Тургеневъ къ тебѣ отправился въ Москву; не пріѣдешь-ли съ нимъ назадъ? это было бы славно. Мы бы что нибудь и затѣяли въ родѣ Альманаха, и Тургенева поразтрепали-бы. Объ Адольфѣ твоемъ неимѣю ника⟨ко⟩го извѣстія; Плетневъ отдѣленъ отъ меня холерою, ничего не пишетъ. Ждалъ я сюда Ж., но дворъ уже не ѣдетъ въ Царское-село, потому что холера показалась въ Пулковѣ. Въ П. Б. народъ неспокоенъ; слухи объ отравѣ такъ разпространились, что даже люди порядочные повторяютъ эти нелѣпости отъ чистаго сердца. Двухъ лѣкарей народъ убилъ. Царь унялъ возмущеніе, но не все еще тихо. Изъ Арміи извѣстія не имѣемъ. Вотъ тебѣ все что знаю. О литературѣ неспрашивай: я неполучаю ни единаго журнала, кромѣ С.-Пет. б. Вѣдомостей, и тѣхъ нечитаю. Рославлева прочелъ и очень желаю знать какимъ образомъ ты бранишь его. Разговоровъ о Борисѣ не слыхалъ и не видалъ; я въ чужіе разговоры не вмѣшиваюсь. Не пишу покамѣсть ничего, ожидаю осѣни. Элиза приготовляется къ смерти мученической, и уже написала мнѣ трогательное прощаніе. Ты что? Вышелъ-ли Фон-Визинъ изъ Ценсуры и поступилъ-ли въ печать. Къ стати о Цензурѣ: Щегловъ умеръ: не нашего полку, чужаго. — Отецъ мой горюетъ у меня въ сосѣдствѣ, въ Павловскомъ; вообще довольно скучно.

3 іюля.

Кланяюсь всѣмъ Твоимъ въ томъ числѣ и Тургеневу, коли онъ ужъ у васъ.

На обороте: М. Г. Князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ Москвѣ въ Чернышевскомъ переулкѣ въ собственномъ домѣ.

Почтовые штемпеля: Софія или Царское-Село. 3 іюл: 1831 *и:* получено іюля 11.

---

*438. П. Я. Чаадаеву.

⟨6-го июля 1831 г. Царское Село.⟩

Mon ami, je vous parlerai la langue de l'Europe, elle m'est plus familière que la nôtre, et nous continuerons nos conversations commencées jadis à Sarsko-Sélo & si souvent interrompues.

Vous savez ce qui nous arrive; à Petersbourg le peuple s'est imaginé qu'on l'empoisonnoit. Les gazettes s'épuisent en sèmonces et en protestations, malheureusement le peuple ne soit pas lire, et les scènes de sang sont prêtes à se renouveler. Nous sommes cernés à Sarsko-Selo & à Pavlovsky et nous n'avons aucune comunication avec Petersbourg. Voilà pourquoi je n'ai vu ni Bloudof ni Bellizard. Votre manuscrit est toujours chez moi; voulez-vous que je vous le renvoye? mais qu'en ferez-vous à Necropolis? laissez le moi encore quelque tems. Je viens de le relire. Il me semble que le commencement est trop lié à des conversations antecedentes, a des idées anterieurement developpées, bien claires & bien positives pour vous, mais dont le lecteur n'est pas au fait. Les premieres pages sont donc obscures et je crois que vous feriez bien d'y substituer une simple note, ou bien d'en faire un extrait. J'etois prêt à vous faire remarquer aussi le manque d'ordre & de methode de tout le morceau, mais j'ai fait reflexion que c'est une lettre, et que le genre excuse et autorise cette négligence & ce laisser aller. Tout ce que vous dites de Moïse, de Rome, d'Aristote, de l'idée du vrai Dieu, de l'Art antique, du protestantisme est admirable de force, de verité ou d'éloquence. Tout ce qui est portrait et tableau est large, éclatant, grandiose. Votre manière de concevoir l'histoire m'étant tout à fait nouvelle je ne puis toujours être de votre avis; par exemple je ne conçois pas votre aversion pour Marc-Aurèle, ni votre prédilection pour David (dont j'admire les psaumes, si toutefois ils sont de lui). Je ne vois pas pourquoi la peinture forte & naïve du Polythéisme vous indigneroit dans Homère. Outre son mérite poëtique, c'est encore, d'après votre propre aveu, un grand monument Historique. Ce que l'Illiade offre de sanguinoire, ne se retrouve-t-il pas dans la Bible? Vous voyez l'unité Chretienne dans le Catholicisme, c. à. d. dans le Pape. — N'est-elle pas dans l'idée du Christ, qui se retrouve aussi dans le protestantisme? L'idée première fut monarchique; elle devint républicaine — Je m'exprime mal, mais vous me comprendrez. Ecrivez moi, mon ami, dussiez-vous me gronder. Il vaut mieux, dit l'Ecclesiaste, entendre la correction de l'homme sage que les chansons de l'insensé.

6 juillet. S. S.

На обороте: Его Высокоблагородію М. Г. Петру Яковлевичу Чадаеву. Въ Москвѣ На Дмитріевкѣ въ домѣ Рѣшетникова.

Почтовые штемпеля: Софія или Царское Село 7 іюл: 1831 *и.* Получено іюля 12.

---

*439. П. А. Плетневу.

<Первая половина (до 11-го) июля 1831 г. Царское Село.>

Дворъ пріѣхалъ, и Царское-село закипѣло и превратилось въ столицу. Грустно мнѣ было услышать отъ Ж. что тебя сюда не будетъ. Но такъ и быть: сиди себѣ на дачѣ и будь здаровъ. Россети черноокая хотѣла тебѣ писать, безпокоясь о тебѣ, но Ж. отсовѣтовалъ, говоря: Онъ живъ, чего-же Вамъ больше? Однако она поручила-было мнѣ переслать къ тебѣ 500 р. какой то запоздалой пенсіи. Если у тебя есть мои деньги, то заплати изъ нихъ — и дай мнѣ знать сюда, а эти 500 р. я возьму съ нея.

На дняхъ отправилъ я тебѣ, черезъ Эслинга повѣсти покойнаго Бѣлкина, моего пріятеля — Получилъ-ли ты ихъ? Предисловіе доставлю послѣ. Отдай ихъ въ Цензуру земскую, не удѣльную — Да и снюхаемся съ Смирдинымъ; я такого мнѣнія, что эти повѣсти могутъ доставить намъ 10,000 — и вотъ какимъ образомъ

2,000 экз. по 6 р. = 12,000
— 1,00<0> за печать
— 1,00<0> [за] процентовъ
итого 10,000.

Что-же твой планъ *Сѣв. Цвѣтовъ* въ пользу братьевъ Дельвига? Я даю въ нихъ *Моцарта*, и нѣсколько мѣлочей. Ж. даетъ свою. Гекзаметрическую сказку — Пиши Баратынскому; онъ пришлетъ намъ сокровища; онъ въ своей деревнѣ. — Отъ тебя стиховъ не дождешься; Еслибъ ты собрался, да написалъ что нибудь объ Дельвигѣ! то-то было бъ хорошо! Во всякомъ случаѣ проза нужна; коли ты ничего не дашь, такъ она сядетъ, на мѣль. Обозрѣнія словесности не надобно; чортъ ли въ нашей словесности? придется бранить Полевова, да Булгарина — Къ стати-ли такое аллилуія на могилѣ Дельвига? — Подумай обо всемъ этомъ хорошенько, да и разпорядись — а издавать уже пора: т. е. приготовляться къ изданію. Будьте здаровы всѣ, Христосъ съ вами!

На обороте: Мил. Госуд. Александру Филиповичу Смирдину въ С. Петербургъ у синяго моста. Пр. дост. Петру Александровичу Плетневу.

Почтовый штемпель: Софія или Царское-Село <1>1 іюл. 1831. *Помета П. А. Плетнева:* Изъ Царскаго Села.

---

*440. П. А. Плетневу.

<15-го или 16-го июля 1831 г. Царское Село.>

Я надоѣдалъ тебѣ письмами и не зналъ о твоемъ огорченіи. Вчера только сказали мнѣ о смерти нашего добраго и умнаго

слѣпца. Зная твою привязанность къ покойному Молчанову, живо воображаю твои чувства. Часъ отъ часу пустѣе свѣтъ, пустѣй дорога передъ нами. Тяжелое время, тяжелый годъ. По крайнѣй мѣрѣ [радуюсь] утѣшаюсь, зная, что ты въ своемъ Патмосѣ безвреденъ и недостижимъ. Но кажется зараза теряетъ свою силу и въ П. Б. Мы, уже обстрѣленные въ Москвѣ и Нижнимъ, равнодушно слышали приближающуюся перестрѣлку; но сколько знакомыхъ жертвъ! однако-же кромѣ Молчанова, никого близкаго къ сердцу, кажется, не потеряли. У насъ въ Ц. С. все суетится, ликуетъ, ждутъ разрѣшенія Царицы; ждутъ добрыхъ вѣстей отъ Паскевича; ждутъ прекращенія холеры. Съ моей стороны жду твоего письма; увѣренъ что ты и всѣ твои здоровы, такъ какъ я всегда былъ увѣренъ въ жизни и здоровьи своемъ и своихъ. *1831 г.*

На обороте: М. Г. Петру Александровичу Плетневу — Въ С. Петербургъ на Кушелевой дачѣ у Самсоніевой заставы.

Почтовый штемпель: Софія или Царское-Село 16 іюл. 1831. *Помета Плетнева:* это его отвѣтъ на мое письмо подъ № 20. Изъ Царскаго Села.

---

*441. М. Л. Яковлеву.

〈19-го июля 1831 г. Царское Село.〉

Деньги мои, любезный Михайло Лукьяновичь, у Плетнева. Потрудись сдѣлай одолженіе съѣздить къ нему, но какъ онъ человѣкъ окуратный, то возьми съ собою вексель мой, и надпиши что проценты получены. Попроси его отъ меня написать мнѣ три строчкѝ и переслать деньги въ коихъ я нуждаюсь. Если онъ сидитъ на дачѣ, опасаясь холеры, и ни съ кѣмъ сношеній не имѣетъ, то напиши мнѣ объ немъ, здоровъ-ли онъ и всѣ ли у него здоровы.

Кланяюсь сердечно Софьи Михайловнѣ и очень, очень жалѣю что съ нею не прощусь. Дай Богъ ей здоровья и силы души. Если надобны будутъ ей деньги, попроси ее со мною не церемониться, нетолько на щетъ моего долга, но и во всякомъ случаѣ. Что *Сѣв. Цвѣты?* съ моей стороны я готовъ. На дняхъ пересмотрѣлъ я у себя письма Дельвига; можетъ быть современемъ это напечатаемъ. Нѣтъ-ли у ней моихъ къ нему писемъ? мы бы ихъ соединили. Еще просьба: у Дельвига находились готовыя къ печати двѣ трагедіи нашего Кюхли и его-же *Ижорскій,* также и моя Баллада *о Рыцарѣ влюбленномъ въ Дѣву.* Не можетъли это все [она] Софья Михайловна оставить у тебя. Плетневъ и я, мы бы постарались что нибудь изъ этаго сдѣлать.

Что вы дѣлаете, друзья, и кто изъ нашихъ приятелей отправился туда отколь никто не воротится? Прости, до свиданія.

19 іюля. С. Село. *А. П.*

На обороте: Его Высокоблагородію М. Г. Михайлѣ Лукьяновичь Яковлеву, въ С. Петербургѣ, во 2-е Отдѣленіе собственной Е. В. канцеляріи.

Почтовый штемпель: Софія или Царское <Село> 20 іюл: 1831.

˙442. П. В. Нащокину.

<21-го іюля 1831 г. Царское Село.>

Бѣдная моя крестница! впередъ не буду крестить у тебя, любезный Павелъ Воиновичь; у меня не легка рука. Воля твоя будетъ выполнена въ точности, если вздумаешь ты отправиться вслѣдъ за Юсуповымъ, но это дѣло несбыточное; по крайнѣй мѣрѣ я никакъ не могу вообразить тебя покойникомъ. Я все къ тебѣ сбираюсь, да боюсь карантиновъ. Нынѣ никакъ не льзя, пускаясь въ дорогу, быть увѣреннымъ во времени проѣзда. Вмѣсто трехдневной ѣзды того и гляди что высидишь три недѣли въ карантинѣ; шутка! — Посылаю тебѣ посылку на имя Чадаева; онъ живетъ на Дмитревкѣ противъ Церкви. Сдѣлай одолженіе, доставь ему. У васъ кажется все тихо, о холерѣ не слыхать, бунтовъ нѣтъ, лекарей и полковниковъ не убиваютъ. Не даромъ Царь ставилъ Москву въ примѣръ Петербургу! Въ Ц. Селѣ также все тихо; но около такая каша, что Боже упаси. Ты пишешь мнѣ о какомъ <то> критическомъ разговорѣ, котораго я еще не читалъ. Если бы ты читалъ наши журналы, то увидѣлъ бы что все, что называютъ у насъ критикой одинаково глупо и смѣшно. Съ моей стороны я отступился; возражать серьозно — не возможно; а паясить передъ публикою не намѣренъ. Да къ тому-же ни критики, ни публика не достойны дѣльныхъ возраженій. Нынче осенью займусь литературой, а зимой зароюсь въ Архивы, куда входъ дозволенъ мнѣ Царемъ. Царь со мною очень милостивъ и любезенъ. Того и гляди, попаду во временщики, и Зубковъ съ Павловымъ явятся ко мнѣ съ разпростертыми объятіями. Братъ мой переведенъ въ Польскую Армію. Имъ были недовольны, за его піянство и буянство; но это не будетъ имѣть слѣдствія никакого. Ты знаешь что Вислу мы перешли, не видя неприятеля. Съ часу на часъ ожидаемъ важныхъ извѣстій и изъ Польши и изъ Парижа; Дѣло, кажется, обойдется, безъ Европейской войны. Дай-то Богъ. Прощай, душа: не лѣнись и будь здаровъ.

21 іюля.

P. S. Я съ тобою болтаю, а о дѣлѣ и забылъ. Вотъ въ чемъ дѣло: деньги мои въ П. Б. у Плетнева или у Смирдина, оба со мною прекратили свои сношенія по причинѣ холеры — Не знаю получу-ли что мнѣ слѣдуетъ, къ 1 Августу, въ такомъ случаѣ перешлю тебѣ Горчаковскую тысячу; не то ради Гос-

пода Бога, займи хоть на мое имя и заплати въ срокъ. Не я виноватъ, виновата холера отрѣзавшая меня отъ П. Б. который подъ бокомъ, да куда не пускаютъ; Съ Догановскимъ не худо, братъ, намъ пуститься въ разговоры или переговоры — ибо срокъ моему первому векселю приближается. *1831 г.*

На обороте: Его Высокоблагородію Мил. Госуд. Павлу Воиновичу Нащокину. Въ Москвѣ на Арбатѣ у Спаса на Пескахъ домъ Годовиковой.

Почтовые штемпеля: Софія или Царское Село 23 іюл. 1831 *и:* получено іюл. 28.

---

*443. П. А. Плетневу.

⟨22-го июля 1831 г. Царское Село.⟩

Письмо твое отъ 19 крѣпко меня опечалило. Опять хандришь. Эй, смотри: хандра хуже холеры, одна убиваетъ только тѣло, другая убиваетъ душу. Дельвигъ умеръ, Молчановъ умеръ, погоди умретъ и Жуковскій, умремъ и мы. Но жизнь все еще богата; мы встрѣтимъ еще новыхъ знакомцевъ, новые созрѣютъ намъ друзья, дочь у тебя будетъ рости, выростетъ невѣстой, мы будемъ старые хрычи, жены наши — старыя хрычовки, а дѣтки будутъ славныя молодыя, веселыя ребята, [а] мальчики станутъ повѣсничать, а дѣвчонки сентиментальничать; а намъ то и любо — Вздоръ душа моя; не хандри — холера на дняхъ пройдетъ, были бы мы живы, будемъ когда нибудь и веселы —

Жаль мнѣ что ты моихъ писемъ не получалъ — Между ими были дѣльныя; но не бѣда. Эслингъ сей, котораго ты не знаешь — мой внукъ по Лицею и кажется добрый малой — я поручилъ ему доставить тебѣ мои сказски; прочитай ихъ ради скуки холерной, а печатать ихъ не къ спѣху. Кромѣ 2,000 [тысячь] за Бориса, я еще ничего не получилъ отъ Смирдина; Думаю накопилось около двухъ-же тысячь моего жалованья; напишу ему чтобъ онъ ихъ переслалъ ко мнѣ по почтѣ, доставивъ тебѣ 500, Россетинскихъ — Къ стати скажу тебѣ новость (но да останется это, по многимъ причинамъ между нами) Царь взялъ меня въ службу — но не въ канцелярскую, или придворную, или военную — нѣтъ онъ далъ мнѣ жалованіе, открылъ мнѣ архивы, съ тѣмъ чтобъ я рылся тамъ, и ничего не дѣлалъ. Это очень мило съ Его стороны, неправдали? Онъ сказалъ: Puisqu'il est marié et qu'il n'est pas riche, il faut faire aller sa marmite. Ей Богу, онъ очень со мною милъ. Когда-же мы, братъ, увидимся? Охъ ужъ эта холера! Мой Юсуповъ умеръ, нашъ Хвостовъ умеръ — Авось смерть удовольствуется сими двумя жертвами; прощай. Кланяюсь всѣмъ твоимъ. Будьте здоровы. Христосъ съ вами.

22 іюля.

На обороте: Милостивому Государю Александру Филиповичу Смирдину — въ С. Петербургъ у синяго моста. Дл. дост. Петру Александровичу Плетневу.

Почтовый штемпель: Софія или Царское-Село 23 іюл. 1831.

---

*444. П. В. Нащокину.

⟨29-го июля 1831 г. Царское Село.⟩

Я просилъ тебя въ послѣднемъ письмѣ доставить посылку Чедаеву: посылку не приняли на почтѣ. Я просилъ заплатить Горчакову остальную его тысячу. Вотъ сія тысяча; доставь ее съ моей сердечной благодарностію моему любезному заимодавцу.

Что ты дѣлаешь? ожидаешь-ли ты своихъ денегъ и выручишь-ли ты меня изъ сѣтей Догановскаго? Нужно-ли мнѣ будетъ пріѣхать, какъ, признаюсь, мнѣ хочется, или оставаться мнѣ въ Ц. С., что и дешевлѣ и спокойнѣе?

У насъ все, слава Богу, тихо; бунты петербургскія прекратились; холера также. Государь ѣздилъ въ Новгородъ гдѣ взбунтовались было колоніи и гдѣ произошли ужасы. Его присутствіе усмирило все. Государыня третьяго дня родила Великаго Князя Николая Николаевича. О Польшѣ ничего не слышно.

Прощай, до свиданія.

Почтовый штемпель: Получено авг....

---

*445. П. А. Осиповой.

⟨29-го июля 1831 г. Царское Село.⟩

Votre silence commençoit à m'inquiéter, chère et bonne Прасковья Александровна; votre lettre est venue me rassurer fort à propos. Je vous felicite encore une fois, et vous souhaite à tous & du fond de mon coeur, prospérité, repos et santé. J'ai porté moi-même vos lettres à Pavlovsk, en mourant d'envie d'en savoir le contenu; mais ma mère étoit sortie. Vous savez l'aventure qui leur étoit arrivée, l'escapade d'Olga, la carantaine &c. Dieu merci, tout est maintenant fini. Mes parents ne sont plus aux arrets — le Cholera n'est guère à craindre — Il va finir a Petersbourg. Savez vous qu'il y a eu des troubles à Новгородъ dans les colonies militaires? les soldats se sont ameutés toujours sous l'absurde pretexte de l'empoisonnement. Les Generaux, les officiers & les medecins ont été tous massacrés, aves un rafinement d'atrocité. L'Empereur y est allé, et a appaisé l'émeute avec un courage et un sang froid admirable. Mais il ne faut pas que le peuple s'accoutume aux émeutes, et les émeutes à sa présence. Il paroit que

tout est fini. Vous jugez de la maladie beaucoup mieux que ne l'ont fait les docteurs et le gouvernement. Болѣзнь повальная а не зараза, слѣдственно карантины лишнее; нужны однѣ предосторожности въ пищѣ и въ одеждѣ. Si cette vérité étoit connue avant, nous eussions évité bien des maux. Maintenant on traite le Cholera comme tout empoisonnement — *avec de l'huile et du lait chaud*, sans oublier les bains de vapeur. Dieu donne que vous n'ayez pas besoin d'employer cette recette à Тригорское. *1831 г.*

Je remets en vos mains mes interets & mes projets. Je ne tiens ni à *Savkino*, ni à tout autre lieu; je tiens à être votre voisin, & proprietaire d'un joli site. Veuillez me faire savoir le prix de telle proprieté ou de telle autre. Les circonstances à ce qui paroit vont me retenir à Petersbourg plus longtems que je n'eus voulu, mais celà ne change rien à mon projet & mes esperances.

Agreez l'hommage de mon dévouement & de ma parfaite consideration. Je salue toute la famille.

29 Juillet. Sarsko-Selo.

Приписка Н. Н. Пушкиной:

Permettez moi, Madame, de vous remercier pour toutes les choses aimables que vous me dites dans votre lettre à mon mari; je me recommande d'avance a votre amitié et à celle de M-elles vos filles. Agréez, Madame, l'expression de mon respect.

Natalie Pouchkine.

На обороте: Ея Высокородію М. Г. Парасковьѣ Александровнѣ Осиповой. *Въ Опочкѣ* въ селѣ Тригорскомъ.

Почтовый штемпель: Софія или Царское Село 1 авг: 1831.

---

*446. М. П. Погодину.

⟨Конец июля 1831 г. Царское Село.⟩

Любезный и почтенный, не имѣю времени отвѣчать Вамъ на ваше письмо. Увѣдомляю Васъ только, что порученіе Ваше, касательно Статистики Петра I, исполнено; Ж. получилъ экз. для Великаго Князя и для себя; Экземпляромъ, слѣдующимъ В. К. Константину, расположилъ онъ иначе. Ж. представитъ его Императрицѣ. Напишите сдѣлайте милость, офиціальную записку *Его Превосх. Ивану Павловичу Шамбо* (секретарю Ея Величества) «*Осмѣливаюсь повергнуть къ ногамъ Ея Величества такую-то замѣчательную книгу* и проч.» и доставьте письмо мнѣ.[1] У Г. Бенкендорфа былъ я для Васъ-же, но не засталъ его дома; Онъ въ Ц. С. остается, слѣдств. на дняхъ буду съ нимъ толковать. Покамѣсть обнимаю Васъ.

А. П.

Помета Погодина: Получ Авг. 3.

---

[1] *Слова:* и доставьте письмо мнѣ — *сноска под текстом в подлиннике.*

447. П. В. Нащокину.

⟨3-го августа 1831 г. Царское Село.⟩

Отецъ и благодѣтель! Надняхъ послалъ я къ тебѣ Горчаковскую 1000; отпиши, батюшка Павелъ Воиновичъ, получилъ ли все исправно; да еще покорнѣйшая просьба: узнай отъ Короткаго, сколько долженъ я въ ломбардъ процентовъ за 40,000 займа, и когда срокъ къ уплатѣ? Пошелъ ли въ дѣло Дороховскій вексель и здоровъ ли Корниліонъ-Пинскій? Здоровъ ли ты, душа моя, каково поживаешь, и что твои? Что жъ не присылаешь ты Есауловскаго романса, исправленнаго во второмъ изданіи? Мы бы его въ моду пустили между фрейлинами. Все здѣсь обстоитъ благополучно. Жена тебѣ кланяется и цѣлуетъ. Портрета не присылаетъ, за неимѣніемъ живописца. Засимъ прощенія просимъ.

3 Августа.

P. S. Да растолкуй мнѣ, сдѣлай милость, какимъ образомъ платятъ въ Ломбардъ? Самому ли мнѣ пріѣхать? Довѣренность ли прислать? Или по почтѣ отослать деньги?

---

448. Князю П. А. Вяземскому.

⟨3-го августа 1831 г. Царское Село.⟩

3 августа

Литературная Газета что то замолкла; конечно Сомовъ боленъ или подпиской недоволенъ. Твое замѣчаніе о Мизинцѣ Булгарина непропадетъ; обѣщаюсь тебя насмѣшить; но намъ покамѣсть не до смѣха: ты вѣрно слышалъ о возмущеніяхъ Новогородскихъ и Старой Руси. Ужасы. Болѣе ста человѣкъ генераловъ, полковниковъ и офицеровъ перерѣзаны в Новг. поселен. со всѣми утонченіями злобы. Бунтовщики ихъ сѣкли, били щеками, издевались надъ ними, разграбили дома, износильничали женъ; 15 лѣкарей убито; спасся одинъ при помощи больныхъ лежащихъ въ лазаретѣ; убивъ всѣхъ своихъ начальниковъ бунтовщики выбрали себѣ другихъ — изъ инженеровъ и комуникаціонныхъ. Государь пріѣхалъ къ нимъ вслѣдъ за Орловымъ. Онъ дѣйствовалъ смѣло, даже дерзко; разругавъ убійцъ, онъ объявилъ прямо что не можетъ ихъ простить, и требовалъ выдачи зачинщиковъ. Они обѣщались и смирились. Но бунтъ Старо-Русской еще не прекращенъ. Военные чиновники не смѣютъ еще показаться на улицѣ. Тамъ четверили одного Генерала, зарывали живыхъ и проч. Дѣйствовали мужики, которымъ полки выдали своихъ начальниковъ. — Плохо, Ваше Сіятельство. Когда въ глазахъ такія трагедіи, нѣкогда думать о собачей комедіи нашей литературы. Кажется, дѣло Польское кончается; я все еще боюсь: генеральная баталія, какъ говорилъ Петръ I, дѣло зѣло опасное. А если

мы и осадимъ Варшаву (что требуетъ большова числа войскъ) то Европа будетъ имѣть время вмѣшаться не въ ея дѣло. Впрочемъ Франція одна не сунется; Англіи [не на что] не для чего съ нами ссориться, такъ авось-ли выкарабкаемся. *1831 г.*

Въ Сарскомъ селѣ покамѣсть нѣтъ, ни бунтовъ, ни холеры; Русскія журналы до насъ недоходятъ, иностранныя получаемъ, и жизнь у насъ очень сносная. У Жуковскаго зубы болятъ, онъ бранится съ Россети; она выгоняетъ его изъ своей комнаты, а онъ пишетъ ей Арзамасскія извиненія Гекзаметрами.

— — чѣмъ умолю васъ, о Царь мой небесной —
— — — — прикажетель? кожу,
Дамъ содрать съ моего благороднаго тѣла вамъ на калоши
— прикажетель? уши
Дамъ обрѣзать себѣ для хлопошекъ и проч.

Перешлю тебѣ это чисто Арзамасское произведеніе.

Благодарю А. Ив. за его религіозно-философическую приписку. Не понимаю за что Чедаевъ съ братіей нападаетъ на реформацію, c. à d. un fait de l'esprit Chretien. Ce que le Christianisme y perdit en unité il le regagna [par[cet] ce fait], en popularite. Греческая Церковь — дѣло другое: Она остановилась и отдѣлилась отъ общаго стремленія христіанскаго духа. Радуюсь что Чедаевъ опять явился въ обществѣ — Скажи ему что его рукопись я пытался-было переслать къ нему, но на Почтѣ посылокъ еще не принимаютъ, извини меня передъ нимъ. Кланяюсь всѣмъ Вашимъ, и желаю Вамъ здравія и спокойствія.

Сарское село.

На обороте: Князю Петру Андреевичу Вяземскому въ Москву въ Чернышевскомъ переулкѣ въ собств. домѣ.

Почтовые штемпеля: Софія или Царское Село 4 авг. 1831 *г:* получено Авгу 9.

---

*449. П. А. Плетневу.

⟨3-го августа 1831 г. Царское Село.⟩

Получилъ я, любезный Плетневъ, и письмо и 1500. Ты умно дѣлаешь что сидишь смирно въ своей норѣ, и носу не показываешь въ проклятомъ нѣкогда мною П. Б-гѣ. Не холера опасна, опасно опасеніе, моральное состояніе, уныніе долженствующее овладѣть всякимъ мыслящимъ существомъ въ нынѣшнихъ страшныхъ обстоятельствахъ. Холера черезъ недѣлю вѣроятно прекратится; Но С. село будетъ еще долго окружено карантинами; и такъ свиданіе наше еще далеко. Что-же Цвѣты? ей Богу незнаю что мнѣ дѣлать. Яковлевъ пишетъ что покамѣсть нельзя за нихъ приняться. Почему-же? развѣ типографіи остановились? развѣ нѣтъ бумаги? Развѣ Сомовъ боленъ или отказывается отъ изданія? Къ стати: что сдѣлалось съ Лит. Газетою? Она неис-

1831 г. правнѣе Меркурія. Къ стати: не умеръ-ли Бестужевъ-Рюминъ? говорятъ холера уноситъ пьяницъ. Съ душевнымъ прискорбіемъ узналъ я что Хвостовъ живъ. [Он] Посреди столькихъ гробовъ, столькихъ раннихъ и бездѣнныхъ жертвъ, Хвостовъ торчитъ какимъ-то кукишемъ похабнымъ. Перечитывалъ я на дняхъ письма Дельвига; въ одномъ изъ нихъ пишетъ онъ мнѣ о Смерти Д. Веневитинова. «Я въ тотъ-же день встрѣтилъ Хвостова, говоритъ онъ, «и чуть не разругалъ его: зачѣмъ онъ живъ?» — Бѣдный нашъ Дельвигъ! Хвостовъ и его пережилъ. Вспомни мое пророческое слово: Хвостовъ и меня переживетъ. Но въ такомъ случаѣ, именемъ нашей дружбы, заклинаю тебя, его зарѣзать — хоть эпиграммой. Прощай, будьте здаровы. Сказски мои возвратились ко мнѣ, не достигнувъ до тебя.

3 Авг.

Россети вижу часто; она очень тебя любитъ и часто мы говоримъ о тебѣ. Она гласно сговорена. Государь ужъ ее поздравилъ.

На обороте: М. Г. Петру Александровичу Плетневу въ Петербургъ въ Екатерининской Институтъ.

Почтовый штемпель: Софія или Царское-Село 4 авг. 1831. *Помета Плетнева:* Изъ Царскаго Села.

450. П. И. Миллеру.

⟨Начало августа 1831 г. Царское Село.⟩

Сердечно благодарю васъ за книги и за любезное письмо ваше. Когда же исполните вы другое свое обѣщаніе — побывать у меня? Внукъ очень тѣмъ обяжетъ ему сердцемъ преданнаго дѣда. А. П.

*451. Князю П. А. Вяземскому.

⟨14-го августа 1831 г. Царское Село.⟩

Любезный Вяземскій, поэтъ и каргеръ.....
(Василья Львовича узналъ-ли ты манеръ?
Такъ нѣкогда письмо онъ началъ къ Камергеру
Украшенну ключемъ за Вѣрность и за Вѣру.)
Такъ солнце и на насъ взглянуло изъ за тучь!
На задницѣ твоей сіяетъ тотъ-же ключь.
Ура! хвала и честь Поэту-Камергеру —
Пожалуй, отъ меня поздравь Княгиню Вѣру.

Услыша о семъ радостномъ для Арзамаса событіи, Мы, Царско-сельскіе Арзамасцы, положили созвать торжественное собра-

ниіе. Всѣ присутствующіе члены собрались немедленно, въ числѣ двухъ. Предсѣдателемъ по жребію избранъ Гнъ Жуковскій секретаремъ я, сверчъ. Протоколъ засѣданія будетъ немедленно доставленъ Вашему Арзамаскому и Камергерскому Превосходительству (тако-жде и Сіятельству). Спрашивали члены: За чѣмъ Асмодей не является ни въ одномъ періодическомъ изданіи? Секретарь отвѣтствовалъ единогласно: Онъ статьи свои отсылаетъ въ Комерческую Газету безъ имяни. Спрашивали члены: Давно-ли Асмодей занимается Комерческой? выигрываетъ-ли онъ въ комерческую? Предсѣдатель отвѣтствовалъ единогласно-же: Въ Комерческую выигралъ онъ ключь, и теперь Асмодей перейдетъ къ Банку. 1831 г.

Оставя Арзамасскую политику, скажу тебѣ что наши дѣла Польскія идутъ, слава Богу: Варшава окружена, Кржнецкій смѣненъ нетерпѣливыми Патріотами. Дембинскій, не взначай явившійся въ Варшаву изъ Литвы, выбранъ въ главнокомандующія. Кржнецкаго обвиняли мятежники въ бездѣйствіи. Слѣдственно они хотятъ сраженія; слѣдственно они будутъ разбиты, слѣдственно интервенція Франціи опоздаетъ, слѣдственно Графъ Паскевичь удивительно щастливъ. Король Голландскій погорячился, но кажется онъ принужденъ будетъ отложить попеченіе о Белгіи: Пруссіи не до него. Если заварится общая, Европейская война; то право буду сожалѣть о своей женитьбѣ, развѣ жену возму въ торока. У Ж. поносъ поэтическій хотя и прекратился однако-жъ онъ все еще поддрискиваетъ гекзаметрами. Ждемъ тебя. Право надобно намъ начать Журналъ, да какой? Quarterley. Въ 3 мѣсяца книжку, нѣтъ книжищу выдадимъ, съ помощью Божіей и Лизы голенькой. Къ стати: Лиза написала было мнѣ письмо въ родѣ духовной: croyez à la tendresse de celle qui vous aimera même au delà du tombeau и проч. да и замолкла; я спокойно себѣ думаю что она умерла — Что-же узнаю? Элиза влюбилась въ вояжера Mornay да съ нимъ кокетничаетъ! Каково? O femme, femme! créature faible et decevante.... Прощай, камергеръ, кланяюсь тебѣ и твоимъ отъ всего сердца —

14 авг.

На обороте: Князю Петру Андреевичу Вяземскому въ Москвѣ въ Чернышевскомъ переулкѣ въ собствен. домѣ.

Почтовые штемпеля: Софія или Царское Село 17 авг. 1831 *и:* получено авгус. 22.

---

*452. П. А. Плетневу.

<Первая половина августа 1831 г. Царское Село.>

Посылаю тебѣ съ Гоголемъ сказски моего друга Ив. П. Бѣлкина; отдай ихъ въ простую Ценсуру, да и приступимъ къ Изданію. Предисловіе пришлю послѣ — Правила коими будемъ руководствоваться при изданіи, слѣдующія:

1) Какъ можно болѣе оставлять бѣлыхъ мѣстъ. и какъ можно ширѣ разставлять строки.

2) На страницѣ помѣщать не болѣе 18-ти строкъ.

3) Имена печатать *полныя*, напр. Иванъ Ивановичь Ивановъ, а не И. Ив. Ив-ъ. Тоже и объ городахъ и деревняхъ.

4) Числа (кромѣ годовъ) печатать буквами.

5) Въ сказкѣ *Смотритель* назвать Гусара Минскимъ, и симъ именемъ замѣнить вездѣ ***.

6) Смирдину шепнуть мое имя съ тѣмъ чтобъ онъ перешепнулъ покупателямъ.

7) Съ почтеннѣйшей публики брать по 7-ми рублей, вмѣсто 10-ти — ибо нынче времена тяжелыя, рекрутскій наборъ, и карантины.

Думаю что публика будетъ безпрекословно платить сей умѣренный оброкъ, и не принудитъ меня употреблять строгія мѣры.

Главное: будемъ живы и здаровы — — Прощай, мой Ангелъ —

P. S. Епиграфы печатать передъ самымъ началомъ сказки, а заглавія сказокъ на особенномъ листѣ (ради ширины).[1] ⟨. . .

. . . .⟩

Къ стати объ Эпиграфахъ. къ *Выстрѣлу* надобно будетъ пріискать другой именно въ *Романѣ въ семи письмахъ* А. Бестужева въ Пол. Звѣздѣ: *У меня оставался одинъ выстрѣлъ, я поклялся* etc. Справься, душа моя.

Помета П. А. Плетнева. Изъ Царскаго Села.

---

*453. Н. В. Гоголю.

⟨25-го августа 1831 г. Царское Село.⟩

Любезный Николай Васильевичь, Очень благодарю Васъ за письмо и доставленіе Плетневу моей посылки, особенно за письмо. Проектъ вашей ученой критики удивительно хорошъ. Но Вы слишкомъ лѣнивы чтобъ привести его въ дѣйствіе. Статья Ѳ. Косичкина еще не явилась; не знаю что это значитъ: не убоялся-ли Надеждинъ гнѣва Ѳаддея Венедиктовича? — Поздравляю Васъ съ первымъ Вашимъ торжествомъ, съ фырканьемъ наборщиковъ и изъясненіями фактора. Съ нетерпѣніемъ ожидаю и другова: толковъ Журналистовъ и отзыва остренькаго сидельца. У насъ все благополучно: бунтовъ, наводненія и холеры нѣтъ. Жуковскій разписался; я чую осень, и собираюсь засѣсть. Ваша Надежда Николавна, т. е. моя Наталья Николавна — благодаритъ Васъ за воспоминаніе и сердечно кланяется Вамъ. Обнимите отъ меня Плетнева и будьте живы въ Петербургѣ, что довольно, кажется, мудрено.

А. П.

25 августа

---

[1] *Далее большой кусок письма на 3-й его странице вырезан.*

*454. Неизвестному.

<Лето — осень 1831 г. ? Царское Село?>

A la lettre je n'ai pas le sou. Veuillez attendre un jour ou eux.

Tout à vous A. P.

---

*455. П. В. Нащокину.

<3-го сентября 1831 г. Царское Село.>

Любезный мой Павелъ Войновичь, неотвѣчалъ я на твое последнее письмо, исполнившее меня радостію и благодарностію, въ ожиданіи обѣщаннаго слѣдующаго — Но оно покамѣсть еще не пришло. <Дай>[1] Богъ чтобъ успѣхъ увѣнчалъ дипломатику твою! жду <съ>[1] трепетомъ сердца рѣшенія Догановскаго. Все-ли у тебя благополучно? Что твои спазмы, головныя боли, поѣздки къ Еленѣ Тимоѳеевнѣ, и прочія бури? У меня, слава Богу, все тихо. Жена здарова; Царь (между нами) взялъ меня въ службу, т. е. далъ мнѣ жалованія и позволилъ рыться въ архивахъ для составленія Исторіи Петра I. Дай Богъ здравія Царю! Дома у меня произошла перемѣна министерства. Бюджетъ Алекс. Григорьева оказался ошибоченъ; я потребовалъ щетовъ; засѣданіе было столь-же бурное какъ и то въ коемъ уничтоженъ былъ Иванъ Григорьевъ; въ слѣдствіи сего Алекс. Григ. сдалъ министерство Василію, (за коимъ блохи другова роду). Въ тотъ же день поворъ мой явился ко мнѣ съ требованіемъ отставки; сего министра хотятъ отдать въ солдаты, и онъ ѣдетъ хлопотать о томъ въ Москву; вѣроятно, явится и къ тебѣ. Отсутствіе его мнѣ будетъ ощутительно; но можетъ быть все къ лучшему. Забылъ я тебѣ сказать что Алекс. Гр. при отставкѣ получилъ отъ меня въ видѣ атестата плюху за что онъ было вздумалъ произвести возмущеніе и явился ко мнѣ съ военною силою, т. е. съ квартальнымъ; но это обратилось ему-же во вредъ; ибо лаво<чник> и[1] провѣдавъ обо всемъ, засадили было его в<ъ ям>у.[1] отъ коей по своему великодушію избавилъ я его. Теща моя не унимается; ее не перемѣняетъ ничто, ni le tems, ni l'absence, ni des lieux la longueur; бранитъ меня, да и только — а все за нашего друга Ал. Юрьевича. Дѣдушка ни гугу. До сихъ поръ ничего не сдѣлано для Нат. Николаевны; мои дѣла идутъ по маленьку. печатаю incognito мои повѣсти; первый экземпляръ перешлю тебѣ. Прощай, душа. Да не забудь о Ломбартѣ поразпросить.

А. П.

3 Сент.

Жена тебѣ весьма кланяется. — Досвиданія.

---

[1] *Вырван маленький кусок бумаги.*

* 456. Князю П. А. Вяземскому.

⟨3-го сентября 1831 г. Царское Село.⟩

Сперва о дѣлѣ: у Нащокина моихъ денегъ нѣтъ, а своихъ вѣроятно не завелось. По причинѣ холеры я въ полученiи доходовъ затрудненъ. Твои 500 рублей получишь изъ П. Б., какъ скоро спишусь съ моими корреспондентами. Ты пишешь о журналѣ: да, чорта съ два! кто намъ разрѣшитъ журналъ? Ф. Фокъ умеръ, того и гляди поступитъ на его мѣсто Н. И. Гречь. Хороши мы будемъ! О Газетѣ политической нечего и думать, но журналъ ежемѣсячный, или четыремѣсячный, третейской можно бы намъ попробовать — одна бѣда: *безъ модъ* онъ не пойдетъ, а *съ модами*, стать намъ наряду съ Шаликовымъ, Полевымъ и проч. — совѣстно. Какъ ты? съ, или безъ? Мы бы переписку Авраама съ Игн. помѣстили [бы] въ отдѣленiи: Классическая словесность. Ж. все еще пишетъ; завелъ 6 тетрадей, и разомъ началъ 6 стихотворенiй; такъ его и несетъ. Рѣдкой день не прочтетъ мнѣ чего новаго; нынѣшнiй годъ онъ вѣрно написалъ цѣлый томъ. Это хорошо было бы для журнала. Я началъ также подристывать; на дняхъ изпрознился сказской въ тысяча стиховъ; Другая въ брюхѣ бурчитъ. А все холера... То что ты говоришь о Рославлевѣ сущая правда; мнѣ смѣшно читать рецензiи нашихъ журналовъ, кто начинаетъ съ Гомера, кто съ Моисея, кто съ Вальтеръ-Скотта; пишутъ книги о романѣ, котораго ты оцѣнилъ въ трехъ строчкахъ совершенно полно, но къ которымъ можно прибавить еще три строчки: *что положенiя, хотя и натянутые, занимательны; что разговоры, хотя и ложные, живы, и что все можно прочесть съ удовольствiемъ* (итого 3 строчки $^1/_2$).

У Донѣ Sol былъ я вчера; писемъ твоихъ у ней здѣсь нѣтъ; она не намѣрена ихъ сжечь et vous accuse de fatuité. Дѣло въ томъ что она чрезвычайно мила, умна и въ лицахъ представляетъ Генеральшу Ламберъ и камеръ лакея[1]-Нѣмца — въ совершенствѣ. Твое разсужденiе о пословицѣ Русской не пропадетъ. Къ числу благороднѣйшихъ принадлежитъ и сiя: за тычкомъ не угонишься, т. е. не хлопочи о полученномъ тычкѣ. Къ стати о тычкѣ: читалъ-ли ты въ Телескопѣ статью Ѳ. Косичкина? Прости, кланяюсь тебѣ и твоимъ. Вчера Д. Соль получила при мнѣ и Ж. письмо отъ своего брата; онъ отъ имени Катерины Андреевны спрашиваетъ у Ж. его мнѣнiя: прiѣзжать-ли ей въ П. Б. или остоваться въ Москвѣ. Ж. сказалъ что еслибъ онъ имѣлъ сто языковъ, то всѣ бы они заговорили: прiѣзжай те къ намъ, къ намъ, къ намъ. Себялюбiе въ сторону, я точно того-же мнѣнiя; холера въ П. Б. прекратилась, а у васъ опять начинается. Экiя времена! Варшава должна была быть взята 25 или 26; но еще извѣстiя нѣтъ. *3 сентября.*

---

[1] *В подлиннике описка:* лалекея

457. П. И. Миллеру.

<Начало сентября (после 4-го) 1831 г. Царское Село.>

Очень благодаренъ вамъ, любезный Миллеръ, за статью Ѳ. К.; я уже ее видѣлъ. Благодарю васъ сердечно и за извѣстіе о взятіи Варшавы. Поздравляю васъ и весь мой Лицей. Преданный вамъ Пращуръ.

---

*458. Князю П. А. Вяземскому.

<Начало сентября 1831 г. Царское Село.>

(Между нами). У Дельвига осталось 2 брата безъ гроша денегъ, на рукахъ его вдовы, потерявшей большую часть маленькаго своего имѣнія. Нынѣшній годъ мы выдадимъ *Сѣв. Цвѣты* въ пользу двухъ сиротъ — Ты пришли мнѣ стиховъ и прозы; за журналъ нашъ примимся послѣ —

20 авг., день смерти Вас. Льв., здѣшнія Арзамасцы поминали своего старосту вотрушками въ кои воткнуто было по лавровому листу. Свѣтлана произнесла надгробное слово, въ коемъ съ особеннымъ чувствомъ вспоминала она обрядъ принятія Его въ Арзамасъ.

---

459. П. И. Миллеру.

<Первая половина сентября 1831 г. Царское Село.>

Если есть въ Сынѣ Отечества отвѣтъ Ѳ. Косичкину, то пришлите мнѣ, сдѣлайте милость. Очень благодаренъ за Телеграфъ. А. П.

---

460. А. Ф. Воейкову.

<Первая половина сентября 1831 г. Царское Село.>

Сей часъ прочелъ *Вечера близь Диканьки*. Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства, безъ чопорности. А мѣстами какая поэзія! Какая чувствительность! Все это такъ необыкновенно въ нашей нынѣшней Литературѣ, что я доселѣ необразумился. Мнѣ сказывали, что когда Издатель вошелъ въ типографію, гдѣ печатались *Вечера*, то наборщики начали прыскать и фыркать, зажимая ротъ рукою. Факторъ объяснилъ ихъ веселость, признавшись ему, что наборщики помирали со смѣху, набирая его книгу. *Мольеръ* и *Фильдингъ*, вѣроятно, были бы рады разсмѣшить своихъ наборщиковъ: Поздравляю публику съ истинно веселою книгою, а Автору сердечно желаю дальнѣйшихъ успѣховъ. Ради Бога, возьмите его сторону, если Журналисты, по своему обыкновенію,

 нападутъ на *неприличіе* его выраженій, *на дурной тонъ* и проч. Пора, пора намъ осмѣять Les précieuses ridicules нашей словесности, людей толкующихъ вѣчно о прекрасныхъ читательницахъ, которыхъ у нихъ не бывало, о высшемъ обществѣ, куда ихъ не просятъ, и все это слогомъ камердинера Профессора *Тредьяковскаго.*

---

461. А. О. Смирновой.

<После 10-го сентября 1831 г. Царское Село.>

Quoique vous connaissiez déja ces vers, comme je viens d'en envoyer un exemplaire à M-me la Comtesse de Lambert, il est juste, que vous en ayez un pareil.

Отъ Васъ узналъ я плѣнъ Варшавы
. . . .
Вы были вѣстницею славы
И вдохновеньемъ для меня.

Vous aurez ce second vers dès que je vous l'aurai trouvé.

---

*462. Е. М. Хитрово.

<После 10-го сентября 1831 г. Царское Село.>

I

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главой.
Все спитъ кругомъ. Однѣ лампады
Во мракѣ храма золотятъ
Столповъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ

II

Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной
Смиритель всѣхъ Ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.

III

Въ твоемъ гробу восторгъ живетъ:
Онъ русской звукъ намъ издаетъ.

Онъ намъ твердитъ о той годинѣ
Когда народной вѣры гласъ
Возвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
Иди, спасай! — Ты всталъ и спасъ.

IV

Внемли-жъ и днесь нашъ вѣрный гласъ:
Возстань, спаси Царя и насъ!
О грозный старецъ! на мгновенье
Явись у двери гробовой,
Явись, вдохни восторгъ и рвенье
Полкамъ оставленнымъ тобой —

V

Явись и дланію своей
Намъ укажи въ толпѣ вождей
Кто твой наслѣдникъ, твой избранный...
Но храмъ въ молчанье погруженъ
И тихъ твоей гробницы бранный
Невозмутимый, вѣчной сонъ.

Ces vers ont été ecrits dans un moment où il etoit permis d'être découragé — Grâce à Dieu, ce moment n'est plus — Nous avons repris l'attitude que nous n'aurions pas du perdre. Ce n'est plus celle que nous avez donnee le bras du Prince votre père, mais elle est encore assez belle. Nous n'avons pas de mot pour exprimer celui de *résignation*, quoique cet état d'âme, ou si vous l'aimez mieux cette vertu, soit tout à fait Russe. Le mot de *Столбнякъ* est encore ce qui le reproduit avec le plus de fidelité.

Quoique je ne vous aye pas importuné de mes lettres pendant ce tems de calamités, je n'ai pas manqué d'avoir de vos [1] nouvelles, je savois que vous vous portiez bien & que vous vous amusiez, ce qui très certainement est digne du décaméron. Vous avez lu en tems de peste, au lieu d'écouter des contes, c'est aussi tres philosophique.

Je suppose que mon frère c'est trouvé à l'assaut de Varsovie; je n'en ai pas de nouvelles — Mais qu'il étoit tems de prendre Varsovie! vous avez lu je suppose les vers de J. & les miens: pour Dieu, corrigez celui-ci

Святыню всѣхъ твоихъ *градовъ*

Mettez: гробовъ. Il s'agit des tombeaux de Ярославъ et de ceux des saints de Печора; celà est édifiant, et presente un sens [quelquonc]. *Градовъ* ne signifie rien.

J'espère me presenter chez vous vers la fin de ce mois. Sarskoselo est étourdissant; Petersbourg est bien plus retraite.

На обороте: Madame Hitrof.

---

[1] *Слово* vos *переправлено из* vous.

*463. П. А. Осиповой.

<11-го сентября 1831 г. Царское Село.>

Merci bien, Madame, pour la peine que vous vous donnez — de traiter avec les chatelains de Savkino — S'il y en <a> un de trop opiniatre n'y auroit-il pas moyen de s'arranger avec les deux autres en le laissant de côté? Aureste, rien ne presse: de nouvelles occupations vont me retenir à Petersbourg au moins 2 ou trois ans J'en suis faché: J'espérois les passer près de Trigorsk.

Ma femme vous est bien reconnaissante des lignes que vous avez bien voulu lui adresser. C'est une tres bonne enfant, & qui est prête à vous aimer de tout son coeur.

Je ne vous parle pas de la prise de Varsovie. Vosu jugez avec quel enthousiasme nous l'avons apprise, après 9 mois de désastre. Que dira l'Europe? voilà la question qui nous occupe.

Le Cholera a fini ses ravages à P. b. mais il va faire sa tournée en province. Prenez bien garde, Madame. Vos maux d'estomach me font trembler. N'oubliez pas qu'on traite le Cholera comme un simple empoisonnement: du lait & de l'huile — et gardez vous de prendre du froid.

Adieu, Madame — daignez croire à mon respect & mon sincere attachement. Mes hommages à toute votre famille.

11 Sept. Sarsko-Selo.

На обороте: Ея Высокородію М. Г. Парасковьи[1], Александровнѣ Осиповой. Въ Опочку, въ с. Тригорское.

Почтовый штемпель <Софія или> Царс<кое Село> 16 сент.

---

*464. М. Д. Деларю.

<28-го сентября 1831 г. Царское Село.>

Очень благодарю Васъ, любезный Михайло Даниловичь, за Ваше письмо и извѣстіе, Я былъ въ П. Б. и не знаю какъ не попалъ къ Вамъ. Сказываютъ вы были больны желчью — избави Васъ Богъ — и въ какое время! — Смотрите чтобъ холера не захватила васъ при своемъ отступленіи. Вы намъ нужны.

Вотъ письмо Геслингу — гдѣ онъ? что онъ? Доставьте это ему, сдѣлайте одолженіе и будьте здоровы.

А. П.

С. С. 28 сент.

На обороте: Его Высокоблагородію М. Г. Михайлу Даниловичу Деларю. въ С.-Петербургъ у синяго моста въ домѣ министра внутреннихъ дѣлъ.

Почтовый штемпель: Софія или Царское Село 29 сен. 1831.

---

[1] *Переделано из*: Александрѣ.

*465. Е. М. Хитрово.

<Конец сентября—начало октября 1831 г. Царское Село.>

Merci, Madame, pour l'élégante traduction de l'ode — j'y ai remarqué deux inexactitudes [1] & une erreur de copiste. *Изсякнуть* veut dire *tarir: скрижали* — tables, chroniques. *Измаилской штыкъ* la bayonnete d'Ismael — non d'Ismailof —

Il y a pour vous une lettre à Petersbourg; c'est une réponse à la premiere que je reçus de vous. Faites vous la donner — j'y ai joint l'ode à feu le Prince votre père. —

Mr Опочининъ m'a fait l'honneur de passer chez moi — c'est un jeune [2] bien distingué — Je vous remercie de sa connaissance —

Ces jours-ci je suis à vos pieds.

На обороте: Madame Hitrof.

---

466. П. В. Нащокину.

<7-го октября 1831 г. Царское Село.>

Жалѣю, любезный Павелъ Воиновичь, что дѣло разошлось за 5000. Все-таки я тебѣ благодаренъ за твои хлопоты, а Догановскому и Жемчужникову — за ихъ снисхожденіе. Ты же не сердись. Они не повѣрили тебѣ, потому что тебя не знаютъ; это въ порядкѣ вещей. Но кто, знавъ тебя, не повѣритъ тебѣ на слово своего имѣнія, тотъ самъ не стоитъ никакой довѣренности. Прошу тебя въ послѣдній разъ войти съ ними въ сношенія и предложить имъ твои готовыя 15 т., *а остальныя 5 заплачу я въ теченіе 5 мѣсяцевъ.* Мнѣ совѣстно быть неаккуратнымъ, но я совершенно разстроился: женясь, я думалъ издерживать втрое противъ прежняго, вышло вдесятеро. Въ Москвѣ говорятъ, что я получаю 10,000 жалованья, но я покамѣстъ не вижу ни полушки; если буду получать и 4,000, такъ и то слава Богу. Отвѣчай мнѣ какъ можно скорѣе въ Петербургъ, въ Казачьемъ переулкѣ, въ домъ Дмитріева, О. С. Павлищевой, для доставленія А. С. П. Прощай и будь здоровъ. Кланяйся Ольгѣ Андреевнѣ и твоему наслѣднику. Весь твой Пушкинъ.

7 окт.
Царское Село
1831.

---

[1] *Первоначально:* une inexactitudes
[2] *Так в подлиннике.*

*467. Князю П. А. Вяземскому.

<Середина октября 1831 г. Царское Село.>

Сей часъ ѣду изъ Ц. С. въ П—б. Мебели твои въ цѣлости оставлены мною здѣсь для того, чтобъ доставить тебѣ прямо туда гдѣ ты остановишься — Деньги тебѣ не выслалъ, ибо жду тебя сюда — Но когда-же будешь ты? Ждемъ и не дождемся — Похлопочи о Сѣв. Цв., пришли намъ своихъ стиховъ и прозъ, да у Языкова нѣтъ-ли чего? я слышу они съ Киреевскимъ затѣваютъ журналъ; съ богомъ! Да будутъ-ли моды? важный вопросъ. По крайнѣй мѣрѣ можно будетъ намъ гдѣ нибудь показаться — да и Косичкинъ этому радъ. А то куда принужденъ онъ былъ приютиться! въ Телескопъ! легко сказать. Дворъ у Васъ — Ж. и Россети в П—гѣ. Ж. написалъ пропасть хорошаго, и до сихъ поръ все еще продолжаетъ переводить одну пѣснь изъ Marmion; славно. Каковъ Гогель? Повѣсти мои печатаются — Сѣв. Цв. будутъ любопытны. Прощай до свиданія. Мой адресъ: у Измайловского мосту на Воскресенской улицѣ въ домѣ Берникова.

---

468. Барону Е. Ф. Розену.

<Середина октября — середина ноября 1831 г. Петербург.>

Вотъ Вамъ, любезный Баронъ, пиръ во время чумы изъ Вильсоновой трагедіи à effet. Предпринявъ изданіе 3-го тома моихъ мѣлкихъ стихотвореній, не посылаю Вамъ нѣкоторыхъ изъ нихъ ибо вѣроятно они явятся прежде вашей Альціоны — Горю нетерпѣніемъ прочитать ваше предисловіе къ Борису; думаю, для втораго изданія написать къ вамъ письмо, если позволите, и въ немъ изложить свои мысли и правила коими руководствовался сочиняя мою трагедію.

Весь Вашъ А. П.

---

*469. А. X. Бенкендорфу.

<Вторая половина октября 1831 г. Петербург.>

Милостивый Государь

Александръ Христофоровичь,

Осмѣливаюсь безпокоить Ваше Высокопревосходительство покорнѣйшею просьбою о дозволеніи издать особою книгою стихотворенія мои, напечатанныя уже въ теченіи трехъ послѣднихъ лѣтъ.

Въ 1829 году Ваше Высокопревосходительство изволили мнѣ сообщить, что Государю Императору угодно было впредь поло-

житься на меня въ изданіи моихъ сочиненій. Высочайшая довѣренность налагаетъ на меня обязанность быть къ самому себѣ строжайшимъ цензоромъ, и послѣ того было бы для меня нескромностію вновь подвергать мои сочиненія собственному разсмотрѣнію Его Императорскаго Величества. Но позвольте мнѣ надѣиться что Ваше Высокопревосходительство, по всегдашней ко мнѣ благосклонности, удостоите меня предварительнаго разрѣшенія.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ, благодарностію и совершенной преданностію, честь имѣю быть, Милостивый Государь,

Вашего Высокопревосходительства

покорнѣйшій слуга

Александръ Пушкинъ

При семъ препровождаю Вашему Высокопревосходительству письмо доставленное мнѣ Г. Погодинымъ.

Помета карандашом, рукою А. Н. Мордвинова: Что ему писано на счетъ Трагедіи а на счетъ прочихъ хотя Госуд. и увѣренъ, но прошу присылать ко мнѣ.

---

*470. С. С. Уварову.

<21-го октября 1831 г. Петербург.>

Милостивый Государь,

Сергѣй Семеновичь,

Князь Дундуковъ доставилъ мнѣ прекрасные, истинно вдохновенныя стихи, которые угодно было Вашей скромности назвать подражаніемъ. Стихи мои послужили Вамъ простою темою для развитія геніальной фантазіи. Мнѣ остается отъ сердца Васъ благодарить за вниманіе мнѣ оказанное, и за силу и полноту мыслей великодушно мнѣ присвоенныхъ Вами.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть, Милостивый Государь

Вашего Превосходительства

покорнѣйшимъ слугою

Александръ Пушкинъ

21 октября
С. П. Б.
1831.

На обороте: Его Превосходительству Милостивому Государю Сергѣю Семеновичу Уварову, въ Москвѣ.

---

* 471. П. В. Нащокину.

⟨22-го октября 1831 г. Петербург.⟩

Милый мой Павелъ Воиновичь, Вотъ я въ П. Б. гдѣ я былъ принужденъ перемѣнить мною нанятый домъ. Пиши мнѣ: *На Галерной въ домѣ Брискорнъ.* Видѣлъ я Жемчужникова — Они согласились взять съ меня 5,000 векселемъ, а 15,000 получить тотчасъ. Какъ-же мы сіе сдѣлаемъ? Не пріѣхать-ли мнѣ самому въ Москву? а мнѣ что-то очень хочется съ тобою поболтать, да я бы самъ кой-какія дѣла обработалъ напр. бриліанты жены моей, которыя стараюсь спасти отъ банкрутства тещи моей и отъ лапъ Семена Федоровича. Дѣдушка свинья; онъ выдаетъ свою третью наложницу за мужъ съ 10,000 приданаго, а не можетъ заплатить мнѣ моихъ 12,000 — и ничего своей внучкѣ не даетъ. Нат. Ник. брюхата — въ маѣ родитъ — Все это очень измѣнитъ мой образъ жизни; и обо всемъ надобно подумать —

Что-то Москва? какъ вы приняли Государя и кто возмется оправдать старинное Московское хлѣбосольство? Бояра перевелись. Денегъ нѣтъ; намъ не до праздниковъ. Москва губернской городъ, получающій журналы модъ. Плохо. Жду Вяз.; не знаю, не затѣю-ли чего нибудь Литературнаго, журнала, альманаха, или тому подобнаго — Лѣнь — Кстати я издаю Сѣв. Цвѣты для братьевъ нашего покойнаго Дельвига: заставь ихъ разбирать — Доброе дѣло сдѣлаемъ. Повѣсти мои напечатаны; на дняхъ получишь. Поклонъ твоимъ. Обнимаю тебя отъ сердца.

22 окт.

На обороте: Его Высокоблагородію М. Г. Павлу Воиновичу Нащокину въ Москвѣ у Николы на Пескахъ въ домѣ Годовиковой.

Почтовые штемпеля: С.-Петербургъ 24 Октяб. 1831 *и:* Получено 28 октября 1831.

---

472. П. И. Миллеру.

⟨20-е числа октября — начало ноября 1831 г. Петербург.⟩

У меня взяли читать повѣсти. Пришлю вамъ ихъ какъ скоро получу. До свиданья. А. П.

---

* 473. Е. М. Хитрово.

⟨Октябрь — ноябрь 1831 г. Петербург.⟩

Merci beaucoup pour le *garçon boucher*. Il y a du vrai talent dans tout celà — Mais Barnave... Barnave; Voici Manzoni qui apartient au Comte Litta — Veuillez le lui faire remettre & ne faites pas attention à mes propheties.

---

*474. Н. М. Языкову.

<18-го ноября 1831 г. Петербург.>

Сердечно благодарю Васъ, любезный Николай Михайловичь, Васъ и Кирѣевскаго за дружескія письма и за прекрасныя стихи, если бы къ тому присовокупили [бы] вы еще свои адресы, то я былъ бы совершенно доволенъ. Поздравляю всю братію съ рожденіемъ Европейца. Готовъ съ моей стороны служить Вамъ чѣмъ угодно прозой и стихами, по совѣсти и противъ совѣсти. Ѳ. Косичкинъ до слезъ тронутъ вниманіемъ, коимъ удостоиваете вы его; на дняхъ получилъ онъ благодарственное письмо отъ А. Орлова и собирается отвѣчать ему; потрудитесь отыскать его (Орлова) и доставить ему отвѣтъ его друга (или отъ его друга, какъ пишетъ Погодинъ). Жуковскій пріѣхалъ; извѣстія имъ привезенныя очень утѣшительны; тысяча пробитая Вами[1] очень поправитъ домашнія обстоятельства нашей бѣдной Литературы. Надѣюсь на Хомякова: Самозванецъ его не будетъ уже студентъ, а стихи его все будутъ по прежнему прекрасны — Торопите Вяз — пусть онъ пришлетъ мнѣ своей прозы и стиховъ; стыдно ему; да и Баратынскому стыдно. Мы правимъ тризну по Дельвигѣ — А вотъ какъ нашихъ поминаютъ! и кто-же? друзья его! ей богу, стыдно. Хвостовъ написалъ мнѣ посланіе, гдѣ онъ помолодѣлъ и тряхнулъ стариной. Онъ говоритъ

Приближася похода къ знаку
Я сталъ союзникъ Зодіаку;
Холеры не любя пилюль
Я пѣлъ при старости Іюль

и проч. въ томъ-же видѣ. Собираюсь достойно отвѣчать союзнику Водолея, Рака и Козерога. Впрочемъ все у насъ благополучно.

Помета Н. М. Языкова: С. п. 6. 18 ноября 1831.

---

475. Ф. Н. Глинке.

<21-го ноября 1831 г. Петербург.>

Милостивый Государь Ѳеодоръ Николаевичь, мы здѣсь затѣяли въ память нашего Дельвига издать послѣдніе Сѣверные Цвѣты. Изо всѣхъ его друзей только васъ да Баратынскаго не досчитались мы на поэтической тризнѣ, именно тѣхъ двухъ поэтовъ, съ коими, послѣ лицейскихъ его друзей, болѣе всего былъ онъ связанъ. Мнѣ говорятъ, будто вы на меня сердиты; это — не резонъ: сердце сердцемъ, а дружба дружбой. Хороши и тѣ, которые ссорятъ насъ Богъ вѣдаетъ какими сплетнями. Съ моей

[1] *Переправлено из:* Вамъ.

1831 г. стороны, моимъ искреннимъ, глубокимъ уваженіемъ къ вамъ и вашему прекрасному таланту я передъ вами совершенно чистъ.

Надѣюсь еще на вашу благосклонность и на ваши стихи. Можетъ быть, увижу васъ скоро; по крайней мѣрѣ приятно кончить мнѣ письмо мое симъ желаніемъ. Весь вашъ безъ церемоніи Пушкинъ.

21 N.

---

*476. А. Х. Бенкендорфу.

<24-го ноября 1831 г. Петербург.>

Mon Général,

N'étant pas encore attaché définitivement au service et des affaires pressentes nécéssitant ma présence à Moscou je suis obligé de m'absenter pour deux ou trois semaines sans d'autre autorisation que celle de l'officier de quartier. Je crois de mon devoir d'en prévenir votre Excellence.

Je saisis cette occasion pour vous parler d'une chose qui m'est toute personnelle. L'interêt, que vous avez toujours daigné me témoigner, m'encourage à vous en parler en détail et en toute confiance.

Il y a un an à peu près que dans l'un de nos journaux on imprima un article satyrique dans lequel on parloit d'un certain littérateur qui manifestoit des prétentions à une origine noble, tandis qu'il n'étoit qu'un bourgeois-gentilhomme. On ajoutoit que sa mère étoit une mulatre dont le père, pauvre négrillon, avoit été acheté par un matelôt pour une bouteille de rhum. Quoique Pierre le Grand ne ressembla guère à un matelôt ivre, c'étoit me désigner assez clairement, vu qu'il n'y a que moi de littérateur Russe, qui comptasse un négre parmi mes ancêtres. Comme l'article en question étoit imprimé dans une gazette officielle, qu'on avoit poussé l'indécence jusqu'à parler de ma mère dans un feuilleton qui ne devroit être que litteraire, & que nos gazetiers ne se battent pas en duel, je crus devoir répondre au satyrique *anonyme*, ce que je fis en vers & très vertement. J'envoyois ma réponse à feu Delvig, en le priant de l'inserer dans son journal. Delvig m'engagea à la supprimer, me fesant observer qu'il y auroit du ridicule à se défendre la plume à la main contre des attaques de cette nature et à afficher des sentiments aristocratiques, lorsqu'à tout prendre on n'étoit qu'un gentilhomme bourgeois, sinon un bourgeois gentilhomme. Je me rendis à son avis, & l'affaire en resta là; cependant il courut quelques copies de cette réponse, ce dont je ne suis pas faché, attendu qu'il n'y a rien que je voulus désavouer. J'avoue que je tiens à ce qu'on appele des préjugés: je tiens à être aussi bon gentilhomme que qui que ce soit, quoique celà ne rapporte pas grand chose; je tiens beaucoup enfin au nom de mes ancêtres, puisque c'est le seul héritage qu'ils m'ont laissé.

Mais comme on pourroit prendre mes vers pour une satyre indirecte sur l'origine de quelques familles marquantes, si on ne savoit que c'est une réponse très moderée à une provocation très reprehensible, je me suis fait un devoir de vous en donner franchement l'explication, et d'y joindre la pièce en question. *1831 г.*

Agréez, Général, l'hommage de ma haute considération

de Votre Excellence

le tres humble & très obeissant

serviteur

Alexandre Pouchkine

24 Nov.
St P. b.

Помета Николая I, карандашом: Vous pouvez dire de ma part à Пушкинъ, que je suis parfaitement de l'avis de feu son ami Delvig; des injures aussi basses aussi viles que celles dont on l'a régalé, déshonorent celui qui les prononce, et non celui à qui on les adresse; la seule arme contre est le *mépris*; voilà ce qu'à sa place j'aurais fait. — Quant à ces vers, j'y trouve de l'esprit, mais encore plus de fiel qu'autre chose. Il eut mieux fait pour l'honneur de sa plume, et surtout de *sa raison* de ne pas les faire courir.

---

*477. Н. Н. Пушкиной.

⟨6-го декабря 1831 г. Москва.⟩

Сей часъ прiѣхалъ *къ Нащокину на Пречистинскомъ Валу въ домъ Гжи Ильинской* — Завтра буду тебѣ писать. Сегодня мочи нѣтъ усталъ — Цалую тебя женка, мой Ангелъ.

6 dek.

На обороте: М. Г. Натальи Николаевнѣ Пушкиной, Въ С. Петербургъ. Въ Галерной, въ домѣ Брискорнъ.

Почтовый штемпель: Москва 7 дека.

---

*478. Н. Н. Пушкиной.

⟨8-го декабря 1831 г. Москва.⟩

Здравствуй, женка мой Ангелъ. Не сердись что третьяго дня написалъ я тебѣ только три строки; мочи не было, такъ усталъ. Вотъ тебѣ мой Itineraire. Собирался я выѣхать въ зимнемъ дилижансѣ, но мнѣ объявили что по причинѣ оттепели долженъ я отправиться въ лѣтнемъ; взяли съ меня лишнихъ 30 рублей и посадили въ четверомѣстную карету вмѣстѣ съ двумя товарищами. А я еще и человѣка съ собою невзялъ въ надеждѣ путешествовать одному. Одинъ изъ моихъ спутниковъ былъ

4831 г. Рижскій купецъ, добрый нѣмецъ котораго каждое утро душили мокроты, и который на станціи ровно часъ отхаркивался въ углу. Другой Мемельскій жидъ, путешествующій на щетъ перваго. Вообрази какая веселая кампанія. Нѣмецъ три раза въ день и два раза въ ночь окуратно былъ пьянъ. Жидъ забавлялъ его во всю дорогу приятнымъ разговоромъ, на примѣръ по нѣмецки разказывалъ ему Jvan Wijiguin; (ganz charmant!). Я старался ихъ не слушать и притворялся спящимъ. Вслѣдъ за нами ѣхали въ дилижансахъ трое купцовъ, Княгиня Голицына (Ланская), приятель мой Жемчужниковъ, Фр *Кочтова* и проч. Все это останавливалось вмѣстѣ; ни на минуту не было покоя; въ Валдаѣ принуждены мы были пересѣсть въ зимнія экипажи, и насилу дотащились до Москвы. Нащокина не нашелъ я на старой его квартирѣ; насилу отыскалъ его *у Пречистинскихъ воротъ въ домѣ Ильинской* (не забудь адреса). Онъ все тотъ же: очень милъ и уменъ: былъ въ выигрышѣ, но теперь проигрался, въ долгахъ и хлопотахъ. Твою комиссію исполнилъ: поцаловалъ за тебя и потомъ объявилъ что Нащокинъ дуракъ, дуракъ Нащокинъ. Домъ его (помнишь?) отдѣлывается; что за подсвѣчники, что за сервизъ! онъ заказалъ фортепьяно на которомъ играть можно будетъ пауку и судно, на которомъ испразнится развѣ шпанская муха. Видѣлъ я Вяземскихъ, Мещерскихъ, Дмитріева, Тургенева, Чадаева, Горчакова, Д. Давыдова — Всѣ тебѣ кланяются; очень разпрашиваютъ о тебѣ, о твоихъ успѣхахъ; я поясняю сплетни, а сплетенъ много. Дамъ Московскихъ еще невидалъ; на балахъ и въ собраніе вѣроятно не явлюсь. Дѣло съ Нащокинымъ и Догановскимъ вѣроятно скоро кончу, о твоихъ бриліантахъ жду извѣстія отъ тебя. Здѣсь говорятъ что я ужасный розтовщикъ; меня смѣшиваютъ съ моимъ кошелькомъ. Къ стати: я кошелекъ обратилъ въ мошну, и буду ежегодно праздновать родины и крестины, сверхъ положенныхъ имянинъ. Москва полна еще пребываніемъ Двора, въ восхищеніи отъ Царя, и еще не отдохнула отъ баловъ. Цыхлеръ сдѣлала въ одинъ мѣсяцъ 80 тысячь чистого барыша. А Корсокова выходитъ за К. Вяземскаго. Вотъ тебѣ всѣ наши новости — Надѣюсь увидѣть тебя недѣли черезъ двѣ; тоска безъ тебя; къ тому же съ тѣхъ поръ какъ я тебя оставилъ мнѣ все что-то страшно за тебя. Дома ты неусидишь, поѣдешь во дворецъ, и того и гляди, выкинешь на сто пятой ступени коменданской лѣстницы. Душа моя, женка моя, Ангелъ мой! сдѣлай мнѣ такую милость: ходи 2 часа въ сутки по комнатѣ, и побереги себя. Вели брату смотрѣть за собою и воли недавать. Брюловъ пишетъ-ли твой портретъ? была-ли у тебя Хитрова или Фикельмонъ? Если поѣдешь на балъ, ради Бога, кромѣ кадрилей не пляши ничего; напиши, не притѣсняютъ-ли тебя люди, и можешь ли ты съ ними сладить. За симъ цалую тебя сердечно. У меня гости.

8 дек.

На обороте: М. Г. Натальѣ Николаевнѣ Пушкиной. Въ С. Петербургъ. Въ Галерной, въ домѣ Брискорнъ. *1831 г.*

Почтовый штемпель: Москва 9 дека.

---

* 479. Н. Н. Пушкиной.

⟨10-го декабря 1831 г. Москва.⟩

Я все боюсь чтобъ ты не прислала билетовъ на старую квартиру Нащокина и тѣмъ не замѣдлила моихъ хлопотъ. Вотъ ужъ недѣлю какъ я съ тобою разтался, и срокъ отпуску моему близокъ; а я затѣваю еще дѣло, но оно меня не задержитъ. Что скажу тебѣ о Москвѣ? Москва еще пляшетъ, но я на балахъ еще не былъ. Вчера обѣдалъ въ Англ. клубѣ; поутру былъ на аукціонѣ Власова; вечеръ провелъ дома, гдѣ нашелъ студента дурака, твоего обожателя. Онъ поднесъ мнѣ Романъ *Теодоръ и Розалія*, въ которомъ онъ описываетъ нашу исторію. Умора. Все это однакожъ не слишкомъ забавно и меня тянетъ въ П. Б. — Не люблю я твоей Москвы. У тебя, т. е. въ вашемъ Никитскомъ домѣ я еще небылъ — Нехочу чтобъ холопья ваши, знали о моемъ пріѣздѣ; да нехочу отъ нихъ узнать и о пріѣздѣ Нат. Ив., иначе долженъ буду къ ней явиться и имѣть съ нею необходимую сцену; она все жалуется по Москвѣ на мое корыстолюбіе, да полно я слушаться ея не намѣренъ. Цалую тебя и прошу ходить възадъ и впередъ по гостиной, во дворецъ не ѣздить и на балахъ не плясать — Христосъ съ тобой —

10 дек.

На обороте: Натальѣ Николаевнѣ Пушкиной. Въ С. Петербургъ въ Галерной, въ домѣ Брискорнъ.

Почтовый штемпель: Москва 11 дека.

---

* 480. Д. Н. Бантышу-Каменскому.

⟨14-го декабря 1831 г. Москва.⟩

Милостивый Государь

Дмитрій Николаевичь

Къ крайнему моему сожалѣнію сегодня мнѣ никакъ не льзя исполнить давнишнее мое желаніе: познакомиться съ почтеннымъ Историкомъ Малороссіи. Надѣюсь что въ другой разъ буду

 щастливѣе. Покамѣсть прошу Ваше Превосходительство принять изъявленіе глубочайшаго почтенія моего.

Вашего Превосходительства
покорнѣйшій слуга
А. Пушкинъ

14 дек.

Помета рукою Д. Н. Бантыша-Каменского: 1832 ⟨*sic*⟩.

---

*481. Н. Н. Пушкиной.

⟨Середина (между 10-м и 16-м) декабря 1831 г. Москва.⟩

Оба письма твои получилъ я вдругъ и оба меня огорчили и осердили. Василій вретъ что онъ изтратилъ на меня 200 рублей — Алешкѣ я денегъ давать не велѣлъ, за его дурное поведеніе — За столъ я заплачу по моему пріѣзду; никто тебя не просилъ платить мои долги — Скажи отъ меня людямъ, [т. е. Василію и Алешкѣ] что я ими очень недоволенъ. Я невелѣлъ имъ тебя безпокоить, а они какъ я вижу обрадовались моему отсутствію — Какъ смѣли пустить къ тебѣ Ѳомина, когда ты принять его не хотѣла? да и ты хороша. Ты пляшешь по ихъ дудкѣ; платишь деньги, кто только попроситъ ⟨—⟩ эдакъ хозяйство не пойдетъ. Впередъ какъ приступятъ къ тебѣ, скажи что тебѣ до меня дѣла нѣтъ; а чтобъ твои приказанія были святы. Съ Алешкой раздѣлаюсь по моемъ пріѣздѣ — Василія вѣроятно принужденъ буду выпроводить съ его возлюбленной — enfin de faire maison nette; все это очень досадно — Не сердись, что я сержусь.

Дѣла мои затруднительны. Нащокинъ запуталъ дѣла свои болѣе нѣжели мы пологали — У него три или четыре прожекта, изъ коихъ ни на единый[1] онъ еще нерѣшился — Къ Дѣду твоему явиться я ненамѣренъ. А дѣлу его посотраюсь помѣшать. Тебя, мой Ангелъ, люблю такъ что выразить не могу; съ тѣхъ поръ какъ здѣсь, я только и думаю какъ бы удрать въ П. Б., къ тебѣ, женка моя — Разпечатываю письмо мое, мой милый другъ, чтобы отвѣчать на твое. Пожалуйста не стягивайся, не сиди поджавши ноги, и недружись съ Графинями съ которыми нельзя кланяться въ публикѣ — Я не шучу а говорю тебѣ серьозно и съ безпокойствомъ. Письмо Б. ты хорошо сдѣлала что отослала — Дѣло не о чинѣ, а все таки нужное — Жду его — На дняхъ опишу тебѣ мою жизнь у Нащокина. Балъ у Солданъ, вечеръ у Вяземскаго — и только. Стиховъ твоихъ не читаю — Чортъ ли въ нихъ; и свои надоѣли. Пиши мнѣ лучше о себѣ — О своемъ здоровьи — На хоры не ѣзди — Это мѣсто не для тебя —

---

[1] *Первоначально было:* единаго.

На обороте: Натальѣ Николаевнѣ Пушкиной Въ С. Петербургъ Галерной, дом. Брискорнъ. *1832 г.*

Почтовый штемпель: Москва 16 дек.

---

*482. Н. Н. Пушкиной.

〈16-го декабря 1831 г. Москва.〉

Милый мой другъ, ты очень мила, ты пишешь мнѣ часто, одпа бѣда: письма твои меня нерадуютъ. Что такое *vertige?* обмороки или тошнота? видѣлась-ли ты съ бабкой? пустилили тебѣ кровь? Все это ужасъ меня безпокоитъ. Чѣмъ больше думаю, тѣмъ яснѣе вижу что я глупо сдѣлалъ что уѣхалъ отъ тебя. Безъ меня ты что нибудь съ собой да напроказишь. Того и гляди выкинешь... За чѣмъ ты не ходишь? а дала мнѣ честное слово что будешь ходить по 2 часа въ сутки. Хорошо ли это? Богъ знаетъ кончу-ли здѣсь мои дѣла, Но къ празднику къ тебѣ пріѣду — Голкондскихъ Алмазовъ дожидаться не намѣренъ, и въ новый годъ вывезу тебя въ бусахъ. Здѣсь мнѣ скучно; Нащ. занятъ дѣлами, а домъ его такая безтолочь и Ералашъ, что голова кругомъ идетъ. Съ утра до вечера у него разные народы: игроки, отставные гусары, студенты, стряпчіе, цыганы, шпіоны, особенно заимодавцы. Всѣмъ вольный входъ. Всѣмъ до него нужда; всякой кричитъ, куритъ трубку, обѣдаетъ, поетъ, пляшетъ; угла нѣтъ свободнаго — что дѣлать? Между тѣмъ денегъ у него нѣтъ, кредита нѣтъ — время идетъ, а дѣло мое не разпутывается — Все это поневолѣ меня бѣситъ — Къ тому же я опять застудилъ себѣ руку, и письмо мое вѣроятно будетъ пахнуть бобковой мазью какъ твои визитные билеты. Жизнь моя однообразная, выѣзжаю рѣдко — Званъ былъ всюду, но былъ у одной Солданъ, да у Вяземской, у которой увидѣлъ я твоего Давыдова — не женатаго (утѣшься). Вчера Нащ. задалъ намъ Цыганской вечеръ; я такъ отъ этого отвыкъ, что отъ крику гостей и пѣнья Цыганокъ до сихъ поръ голова болитъ — Тоска, мой Ангелъ — до свиданія.

16 дек.

На обороте: Натальѣ Николаевнѣ Пушкиной въ С. Петербургъ въ Галерной, въ домѣ Брискорнъ.

Почтовый штемпель: Москва. 19 дек.

---

*483. И. В. Кирѣевскому.

〈4-го января 1832 г. Петербург.〉

Милостивый Государь,

Иванъ Васильевичь,

Простите меня великодушно за то что до сихъ поръ не поблагодарилъ я Васъ за Европейца и не прислалъ вамъ смирен-

 ной дани моей. Виною тому проклятая разсѣянность Петербургской жизни, и Альманахи которыя совсѣмъ изтощили мою казну, такъ что не осталось у меня и двустишія на черный день, кромѣ повѣсти, которую сберегъ и изъ коей отрывокъ препровождаю въ Вашъ журналъ. Дай богъ многія лѣта Вашему журналу! если гадать по двумъ первымъ №, то Европеецъ будетъ долголѣтенъ. До сихъ поръ наши журналы были сухи и ничтожны или дѣльны да сухи; кажется Европеецъ первый соединитъ дѣльность съ заманчивостію. Теперь нѣсколько словъ объ журнальной экономіи: Въ первыхъ двухъ книжкахъ вы напечатали двѣ капитальныя піэсы Жуковскаго, и бездну стиховъ Языкова; Это неумѣстная разточительность. Между Спящей Царевной и Мышью Степанидой должно было быть по крайнѣй мѣрѣ 3 Nумера. Языкова довольно было бы двухъ піэсъ. Берегите его на черный день. Не то какъ разъ промотаетесь и принуждены будете жить Раичемъ да Павловымъ. Ваша статья о Годуновѣ и о Наложницѣ порадовало всѣ сердца; насилу-то дождались мы истинной Критики. NЗ избѣгайте ученыхъ терминовъ; и старайтесь ихъ переводить то есть, перефразировать: это будетъ и приятно неучамъ и полезно нашему младенчествующему языку. Статья Баратынского хороша, но слишкомъ тонка и разтянута (я говорю о его анти критикѣ) Ваше сравненіе Баратынского съ Міерисомъ удивительно ярко и точно. Его элегіи, и поэмы точно рядъ прелестныхъ миніатюровъ; но эта прелесть отдѣлки, отчетливость въ мѣлочахъ, тонкость и вѣрность оттѣнковъ, все это можетъ-ли быть порукой за будущія успѣхи его въ комедіи, требующей, какъ и сценическая живопись, кисти рѣзкой и широкой? Надѣюсь что Европеецъ разбудитъ его бездѣйствіе; сердечно кланяюсь Вамъ и Языкову.

4 янв. 32

---

*484. П. А. Осиповой.

⟨Начало января 1832 г. Петербург.⟩

Recevez, Madame, mes bien sinceres remerciements pour les soins que vous avez bien voulu vous donner avec mes livres. J'abuse de vos bontés & de votre temps, mais je vous supplie, pour dernière grace, de vouloir bien faire demander à nos gens de Михайловское s'il n'y a pas encore un coffre, envoyé à la campagne avec les caisses qui contenoient mes livres. Je soupçonne qu' Архипъ ou d'autres en retiennent un à la prière de Nikita, mon domestique (à present celui de Leon). Il doit contenir (j'entends le coffre et non Nikita) ses hardes, ses effets et aussi les miens, ainsi que quelques livres que je ne retrouve pas. Encore une fois je vous supplie de pardonner mon importunité, mais votre amitié & votre indulgence m'ont tout à fait gâté.

Je vous envoye, Madame, les Сѣверные Цвѣты dont je suis l'éditeur indigne. C'est la dernière année de cet almanach, et un tribut à la mémoire de notre ami, dont la perte nous sera longtems récente. J'y joins des contes à dormir debout; je souhaite que celà vous amuse un moment.

Nous avons appris ici la grossesse de M^de^ votre fille. Dieu donne que tout celà finisse heureusement et que sa santé se retablisse tout à fait. On dit que les premières couches embellissent une jeune femme; Dieu donne qu'elles soient aussi favorables à la santé. —

Daignez Madame agreer l'hommage de ma haute consideration et de mon inalterable attachement.

A. P.

Помета П. А. Осиповой: reçue le 14 de Janvier 1832.

---

485. А. А. Орлову.

<24-го ноября 1831 и 9-го января 1832 г. Петербург.>

Милостивый Государь

Александръ Анѳимовичь!

Искренно благодарю васъ за удовольствiе, доставлённое мнѣ письмомъ вашимъ. Радуюсь, что посильное заступленiе мое за дарованiе, конечно не имѣющее нужду ни въ чьемъ заступленiи, заслужило вашу благосклонность. Вы оцѣнили мое усердiе, а не успѣхъ. Малъ бѣхъ въ братiи моей, и если мой кàмышекъ угодилъ въ мѣдный лобъ Голiаѳу Фиглярину, то слава Создателю! Первая глава новаго вашего Выжигина есть новое доказательство неистощимости вашего таланта. Но, почтенный Александръ Анѳимовичъ! удержите сiе благороднoе, справедливое негодованiе, обуздайте свирѣпость творческаго духа вашего! Не приводите яростью пера вашего въ отчаянiе присмирѣвшихъ издателей Пчелы. Оставьте меня впереди соглядатаемъ и стражемъ. Даю вамъ слово, что если они чуть пошевельнутся, то Ѳ. Косичкинъ заваритъ такую кашу или паче кутью, что они ею подавятся. Читалъ я въ Молвѣ объявленiе о намѣренiи вашемъ писать Исторiю русскаго народа: можно-ли вѣрить сей прiятной новости?

Съ истиннымъ почтенiемъ и неизмѣннымъ усердiемъ остаюсь всегда готовый къ вашимъ услугамъ

А. Пушкинъ

24 ноября 1831.
С.Пб.

P. S. Вотъ письмо, долженствовавшее къ вамъ явиться, милостивый государь Александръ Анѳимовичъ.

Но, отправляясь въ Москву, я его къ вамъ не отослалъ, а надѣялся лично съ вами увидаться. Судьба насъ не свела, о чемъ

1832 г. искренно жалѣю. Повторяю здѣсь просьбу мою: оставьте въ покоѣ людей, которые не стоятъ и не заслуживаютъ вашего гнѣва. Кажется, теперь г. Полевой нападаетъ на васъ и на меня; собираюсь на него разсердиться; покамѣсть съ нимъ возятся Воейковъ и Сомовъ подъ псевдонимомъ Н. Луговаго — мое дѣло сторона.

1832
9 Янв.
СПб.

А. П.

---

*486. П. В. Нащокину.

<8-го и 10-го января 1832 г. Петербург.>

Здравствуй, любезный Павелъ Войновичь, я все ждалъ отъ тебя извѣстія. Нетерпѣливо желаю знать чѣмъ кончилось посольство, какой Ultimatum твоего брата и есть-ли тебѣ надежда устроить дѣла твои? Пожалуй-ста не полѣнись обо всемъ обстоятельно мнѣ описать — Да сдѣлай одолженіе: перешли мнѣ мой *опекунской билетъ* который оставилъ я въ секретной твоей комодѣ: тамъ-же выронилъ я серебряную копеечку. Если и ее найдешь, и ее перешли — Ты ихъ щастію не вѣруешь, а я вѣрю. Что Рахмановъ, и что мои алмазы? Нужно-ли мнѣ будетъ вступить съ нимъ въ переписку или нѣтъ? Какъ ты думаешь? Кстати не забудь *Revue de Paris.* Напиши мнѣ обстоятельно о посольствѣ своего нѣмца. Дѣло любопытное. Когда думаешь ты получить свои деньги, и не вступишь-ли ты въ процессъ (чего Боже избави, но чего впрочемъ бояться нечего). Жену мою нашелъ я здоровою, несмотря на дѣвическую ея неосторожность — На балахъ пляшетъ, съ Г. любезничаетъ, съ крыльца прыгаетъ — Надобно бабенку къ рукамъ[1] прибрать. Она тебѣ кланяется, и готовитъ шитье. Ждетъ взятокъ обѣщанныхъ — Sur ce обнимаю тебя — Ольгѣ Андреевнѣ посылаю фуляры —

8[2] янв. СПб.
1832

10 янв. Мой любезный Павелъ Воиновичь, дѣло мое можетъ быть кончено на дняхъ; коли бриліанты выкуплены, скажи мнѣ адресъ Рахманова — я перешлю ему покамѣсть 5500 рублей; на эти деньги пусть перешлетъ онъ мнѣ бриліанты (заложеные въ 5500) — Остальные, выкуплю перезаложивъ сіи — Сдѣлай милость не полѣнись отвѣчать мнѣ — *Весь твой.*

На обороте: М. Г. Павлу Войновичу Нащокину, въ *Москвѣ* у Пречистинскихъ воротъ въ домѣ Ильинской.

Почтовый штемпель:. С.-Петербург 11 генв 1832.

---

[1] *Переделано из:* въ рукахъ.
[2] *Переделано из:* 5.

487. М. О. Судиенку.

⟨15-го января 1832 г. Петербург.⟩

Боюсь я, любезный Михайло Осиповичь, чтобъ долгая разлука совсѣмъ насъ не раззнакомила; однако попытаюсь напомнить тебѣ о своемъ существованіи и поговорить о важномъ для меня дѣлѣ.

Надобно тебѣ сказать, что я женатъ около года, и что вслѣдствіе сего образъ жизни моей совершенно перемѣнился, къ неописанному огорченію Софьи Остафьевны и кавалергардскихъ шаромыжниковъ. Отъ картъ и костей отсталъ я болѣе двухъ лѣтъ; на бѣду мою я забастовалъ будучи въ проигрышѣ, и расходы свадебнаго обзаведенія, соединенные съ уплатою карточныхъ долговъ, разстроили дѣла мои. Теперь обращаюсь къ тебѣ: 25.000 данныя мнѣ тобою заимообразно, на 3 или по крайней мѣрѣ на 2 года, могли бы упрочить мое благосостояніе. Въ случаѣ смерти, есть у меня имѣніе, обезпечивающее твои деньги.

Вопросъ: можешь ли ты мнѣ сдѣлать сіе, могу сказать, благодѣяніе? En fait de grands propriétaires трое только на семъ свѣтѣ состоятъ со мною въ сношеніяхъ болѣе или менѣе дружескихъ: ты, Яковлевъ и еще третій. Сей послѣдній записалъ меня недавно въ какую-то коллегію и далъ уже мнѣ (сказываютъ) 6.000 годового дохода; болѣе отъ него не имѣю права требовать. Къ Яковлеву въ прежнее время явился бы я со стаканчиками и предложилъ бы ему un petit déjeuné; но онъ скупъ, и я никакъ не рѣшусь просить у него денегъ взаймы. Остаешься ты. Къ одному тебѣ могу обратиться откровенно, зная, что если ты мнѣ и откажешь, то это произойдетъ не отъ скупости или недовѣрчивости, а просто отъ невозможности.

Еще слово: если надежда моя не будетъ тщетна, то прошу тебя назначить мнѣ свои проценты, не потому что они были бы нужны для тебя, но мнѣ иначе деньги твои были бы тяжелы. Жду отвѣта и дружески тебя обнимаю. Весь твой

15 Января. А. Пушкинъ

Адресъ мой — въ Галерной, домъ Брискорнъ.

---

* 488. Д. Н. Блудову.

⟨20-го января 1832 г. Петербург.⟩

Милостивый Государь,

Дмитрій Николаевичь,

Письмо коего Ваше Превосходительство удостоили меня, получить имѣлъ я честь. Буду ожидать приказанія Вашего дабы приступить къ дѣлу мнѣ порученому.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю быть, Милостивый Государь

Вашего Превосходительства

покорнѣйшій слуга

Александръ Пушкинъ

20 Января
1832.

---

489. А. Д. Балашеву.

<23-го января 1832 г. Петербург.>

Милостивый Государь

Александръ Дмитріевичь.

Еще разъ благодаря Ваше Высокопревосходительство и прося извиненія за ходатайство, коимъ Вамъ докучаю, препровождаю къ Вамъ по приказанію Вашему Г. Кнердера, который лучше моего объяснитъ Вамъ свои предположенія.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю быть,

Милостивый Государь,

Вашего Высокопревосходительства

покорнѣйшій слуга

Александръ Пушкинъ

23 Янв.
1832. СПб.

---

*490. Е. М. Хитрово.

<Воскресенье. Конец января 1832 г. Петербург.>

Très certainement je n'oublierai pas le bal de M[de] l'Ambassadrice & je vous demande la permission d'y presenter mon beau frère Gontcharof — Je suis charmé qu' Онѣгинъ vous ait plu — Je tiens à votre suffrage —

dimanche.

На обороте: Madame Hitrof.

---

*491. П. В. Нащокину.

<Конец января 1832 г. Петербург.>

Твои дѣла кончены. А. Хр. получилъ отъ меня 1000 на дорогу; остаюсь тебѣ долженъ 2 тысячи съ чѣмъ-то. Еслибъ ты былъ <...>,[1] то я бы могъ и ихъ тебѣ заплатить <...>[1]

---

[1] *Вырвано.*

Ради Бога, доставь какъ можно скорѣе письмо Рахманову — Ты не хотѣлъ отвѣчать мнѣ на мое письмо, а это сдѣлаетъ мнѣ чувствительную разницу —

Очень благодарю тебя за арапа — Фуляры пришлю съ А. Хр. Портретъ мой Брюловъ напишетъ надняхъ. Письмо твое о твоемъ братѣ ужасно хорошо. Кончилъ-ли ты съ нимъ? Прощай, до свиданія.

На обороте: Его Высокоблагородію М. Г. Павлу Воиновичу Нащокину. Въ Москвѣ, у Пречистинскихъ воротъ въ домѣ Ильинской.

Почтовый штемпель: С.-Петербург 29 генв 1832.

---

*492. А. Х. Бенкендорфу.

〈7-го февраля 1832 г. Петербург.〉

Милостивый Государь

Александръ Христофоровичь,

Ваше Высокопревосходительство изволили требовать отъ меня объясненія, какимъ образомъ стихотвореніе мое, *Древо яда,* было напечатано въ альманахѣ безъ предварительнаго разсмотрѣнія Государя Императора: спѣшу отвѣтствовать на запросъ Вашего Высокопревосходительства.

Я всегда твердо былъ увѣренъ что Высочайшая *Милость,* коей неожиданно былъ я удостоинъ, не лишаетъ меня и *права,* даннаго Государемъ всѣмъ Его подданнымъ: печатать съ дозволенія цензуры. Въ теченіи послѣднихъ шести лѣтъ во всѣхъ журналахъ и альманахахъ, съ вѣдома моего и безъ вѣдома, стихотворенія мои печатались безпрепятственно, и никогда не было о томъ ни малѣйшаго замѣчанія ни мнѣ, ни цензурѣ. Даже я, совѣстясь безпокоить поминутно Его Величество, раза два обратился къ Вашему покровительству, когда цензура недоумѣвала, и имѣлъ щастіе найти въ Васъ болѣе снисходительности, нѣжели въ ней.

Имѣя необходимость объяснить лично Вашему Высокопревосходительству нѣкоторыя затрудненія осмѣливаюсь просить Васъ, назначить часъ когда мнѣ можно будетъ явиться.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію, честь имѣю быть, Милостивый Государь

Вашего Высокопревосходительства

покорнѣйшій слуга

Александръ Пушкинъ

7 янв.[1]
1832
С.Пб.

Помета карандашом, рукою А. Н. Мордвинова: въ среду въ 11 часовъ къ Ген.

---

[1] *Так в подлиннике.*

*493. П. В. Нащокину.

〈Начало февраля 1832 г. Петербург.〉

Посылаю тебѣ любезный Павелъ Воиновичь[1] десятокъ фуляровъ; желаю чтобъ они тебѣ доставили десять дней спокойствія домашняго. О бриліантахъ думать нечего; если завтра или послѣ завтраго не получу отвѣта Рахманова; то деньги возвращаю, а дѣло сдѣлаю послѣ когда нибудь. Все у насъ тихо и здорово — Обнимаю тебя сердечно —

На обороте: П. В. Нащокину.

---

494. И. И. Дмитриеву.

〈14-го февраля 1832 г. Петербург.〉

Милостивый государь

Иванъ Ивановичь,

Приношу Вашему Высокопревосходительству глубочайшую мою благодарность за письмо, коего изволили меня удостоить, — драгоцѣнный памятникъ вашего ко мнѣ благорасположенія. Ваше вниманіе утѣшаетъ меня въ равнодушіи непосвященныхъ. Радуюсь, что успѣлъ вамъ угодить стихами, хотя и бѣлыми. Вы должны любить рифму, какъ вѣрнаго слугу, который никогда съ вами не спорилъ и всегда повиновался малѣйшимъ вашимъ прихотямъ. Утѣшительно для всякаго Русскаго видѣть живость вашей дѣятельности и внимательности: по физіологическимъ примѣчаніямъ, это порука въ долголѣтіи и здравіи. Живите-жъ долго, Милостивый Государь! Переживите наше поколѣніе, какъ мощные и стройные стихи ваши переживутъ щедушныя нынѣшнія произведенія.

Вѣроятно вы изволите уже знать, что журналъ Европеецъ запрещенъ въ слѣдствіе доноса. Кирѣевскій, добрый и скромный Кирѣевскій, представленъ правительству сорванцемъ и якобинцемъ! Всѣ здѣсь надѣются, что онъ оправдается и что клеветники — или по крайней мѣрѣ клевета — устыдится и будетъ изобличена.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію, честь имѣю быть, Милостивый Государь,

Вашего Высокопревосходительства,

покорнѣйшій слуга

Александръ Пушкинъ

14 фев.
С. П. Б.

---

[1] *Далее начато и зачеркнуто:* н 〈...〉

* 495. А. Х. Бенкендорфу.

<24-го февраля 1832 г. Петербург.>

Милостивый Государь

Александръ Христофоровичь

Съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія принялъ я книгу всемилостивѣйше пожалованную мнѣ Его Императорскимъ Величествомъ. Драгоцѣнный знакъ Царскаго ко мнѣ благоволѣнія возбудитъ во мнѣ силы для совершенія предпринимаемаго мною труда и который будетъ ознаменованъ, если не талантомъ, то по крайнѣй мѣрѣ усердіемъ и добросовѣстностію.

Ободренный благосклонностію Вашего Высокопревосходительства, осмѣливаюсь вновь безпокоить Васъ покорнѣйшею просьбою о дозволеніи мнѣ разсмотрѣть находящуюся въ Ермитажѣ библіотеку Вольтера, пользовавшагося разными рѣдкими книгами и рукописями доставленными Ему Шуваловымъ для составленія его Исторіи Петра Великаго.

По приказанію Вашего Высокопревосходительства препровождаю къ Вамъ одно стихотвореніе данное мною въ Альманахъ и пропущенное уже Цензурою, Я остановилъ печатаніе онаго до разрѣшенія Вашего Высокопревосходительства.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть, Милостивый Государь,

Вашего Высокопревосходительства

покорнѣйшій слуга

24 февраля 1832 С.П.Б. — Александръ Пушкинъ

Пометы: канцелярские: № 755.—765. Февраля 26/1832; *рукою А. Н. Мордвинова (карандашом):* Государь позволяетъ о чемъ дано зн. Кн. Волкон. сообщить Кн. Волкон. *и неизвестною рукою:* Писано Министру Импер. Двора отъ 1-го Марта за № 1162, отвѣтствовано Гну Пушкину отъ 29-го Февр. за № 1163.

* *Черновое.*

По приказ. В. В. препровождаю къ Вамъ одно стихотв. взятое отъ меня въ [одинъ] Альманахъ и уже пропущенное цензурой — я остановилъ его печатаніе до В. разрѣшенія.

При семъ случаѣ [прошу у В. В. дозволенія] приемлю смѣлость откровенно [объяснить мое положеніе]. Въ 1827 году Гос. Импер. угодно было объявить мнѣ что у меня *кромѣ Его Величества никакого цензора не будетъ.* [Я] Сія неслыханная [честь] милость налагала на меня обязанность [заняться уже не бездѣлицами, но] представлять на разсм. Его Вел. [книги или стат] сочиненія [достойныя] Его вниманія, если не по достоинству ихъ, то по крайнѣй мѣрѣ по ихъ цѣли и содержанію. Мнѣ всегда было тяжело и совѣстно озабочивать [Царя] стихотвор-

ными бездѣлицами, важными только для меня ибо они доставляли мнѣ 20,000 дохода [Въ концѣ 1828 года Государь чрезъ [Гна] П. <sic> Я. Фока приказалъ объявить мнѣ что полагаясь на мою добросовѣстность, дозволяетъ онъ мнѣ] и одна сія необходимость заставляла меня пользоваться правомъ даннымъ мнѣ Госу. — Нынѣ В. В., [войдя въ ниже] [приявъ] принявъ въ уваженіе сіи мои [пред] изволили приказать мнѣ обращаться къ [Вамъ съ] В. В. съ тѣми моими стихотв. которыя я или журналисты пожелаютъ напечатать — [Позвольте мнѣ] Позвольте доложить В. В. [что мнѣ все-таки будетъ тяже] что сіе представляетъ разныя неудобства — 1) В. В. не всегда изволите пребывать въ П. Б., а книжная *торговля*, какъ и всякая имѣетъ свои *сроки*, свои ярманки; [и 2)] такъ что отъ того что книга будетъ напечатана въ мартѣ а не въ янв., сочинитель можетъ потерять нѣсколько тысячь рублей, а журналистъ нѣск. сотъ подписчиковъ. [2) [В. В.] Вы министръ, и Вамъ [не] нѣтъ возможности заниматься всякимъ стихотв. которое поступаетъ[1] въ печать — [Вы В. В. превосход. [или] принуждены будете отдать]

2) [Обыкновенная Цензура смотритъ на всякое сочиненіе какъ] [Подвергаясь] одинъ особой, отъ Васъ единств. зависящей цензурѣ, я буду вопреки права даннаго Гос. изо всѣхъ писателей [всѣхъ строжѣ] буду подверженъ самой [строгой] стѣснительной цензурѣ [ибо] [ибо будетъ на мои стихотвор] [Такъ какъ] [и м] [ибо не будетъ уже мнѣ спосо] ибо весьма простымъ образомъ — сія цензура будетъ смотрѣть[2] на меня съ предубѣж. и находить вездѣ тайныя примѣненія, allusions и затруднительности — [въ такихъ] [въ чемъ обыкновенный Цензоръ] [Обыкн. Ценз. болѣе или менѣе Литерат. и знаютъ] [что со мною] [а съ моей стороны не будетъ уже мѣста ни возраженіямъ, ни] а обвиненія въ примѣніяхъ <sic> и подрозумѣніяхъ не имѣютъ ни границъ ни оправданій, [ибо] если подъ [именемъ] слов. *дерево* будутъ разумѣть конституцію, а подъ [именемъ] словомъ *стрѣла* <свободу> Самодержавіе

Осмѣливаюсь просить объ одной милости: впредь имѣть право съ мѣлкими [книгами] сочиненіями своими относиться къ обыкновенной Цензурѣ.

---

*496. Кистеру.

Черновое.

<Вторая половина февраля 1832 г. Петербург.>

[А. С.] Тит. Совѣт. Пушкинъ проситъ Гна Кистера явиться къ нему [и доставить ему Вексель на] въ Галерную въ домъ

[1] *Переделано из:* поступитъ.

[2] *Над этою фразою рукою Н. Н. Пушкиной надписано:* сія цензура будетъ смотрѣть, *еще раз:* смотрѣть *и ниже еще:* смотрѣть.

Г^на^ Брискорна для полученія слѣдующихъ ему суммъ по вексселю данному въ 1820 году. *1832 г.*

---

*497. А. Х. Бенкендорфу.

<3-го мая 1832 г. Петербург.>

Mon Général

Sa Majesté ayant daigné s'interesser à mon sort, m'avoit assigné des apointements. Mais comme j'ignors *d'où* je dois les recevoir & *à compter de quel jour*, je prends la liberté de m'adresser à Votre Excellence, en la priant de me tirer d'incertitude. Veuillez pardonner mon importunité et l'acceuillir avec Votre indulgence acoutumée.

Je suis avec respect,

Mon Général,

de Votre Excellence

le très humble et très obéissant

serviteur

3 mai 1832 — Alexandre Pouchkin

Пометы неизвестною рукою: 1598.—9 Мая 1832.—писано Г. Министру Иностр. Дѣлъ 10-го Мая. № 2468.

---

*498. П. А. Осиповой.

<16-го мая 1832 г. Петербург.>

M^r^ Алымовъ part cette nuit pour Pskov & Trigorsky, & il a bien voulu se charger d'une lettre pour vous, chère bonne & respectable Прасковья Александровна. Je ne vous ai pas félicité sur la naissance d'un petit fils. Dieu veuille que lui & sa mère se portent bien & que nous assistions tous à sa nôce, si nous n'avons pu assister à son baptême. A propos de baptême, j'en aurai bientôt un На Фурштатской въ домѣ Алымова — N'oubliez pas cette adresse, si vous voudrez m'écrire un mot. Je ne vous donne aucune nouvelle ni politique, ni litteraire — Je suppose que vous en êtes fatiguée, comme nous tous. Il n'est rien de plus sage que de rester dans son village et d'arroser ses choux. Vieille vérité dont tous les jours je me fais l'application au millieu d'une existance toute mondaine & toute bouleversée — Je ne sais si nous nous verrons cet été — c'est un de mes reves; puisse-t-il s'accomplir.

Adieu, Madame, je vous salue bien tendrement vous & toute votre famille.

Помета (позднейшая) П. А. Осиповой: 1834 <sic> года. 16 чи. неможно разобрать месяца.

---

*499. А. Х. Бекендорфу.

<27-го мая 1832 г. Петербург.>

General

Mademoiselle Kuchelbecker m'a fait demander si je ne prendrois pas sur moi d'être l'éditeur de quelques poëmes manuscripts que son frère lui a laissés. J'ai cru qu'il falloit pour celà l'autorisation de Votre Excellence & que celle de la censure ne suffisoit pas. J'ose esperer que cette permission que je sollicite ne pourra me nuire: Ayant été camarade de collège de G. Kuchelbecker, il est naturel que sa soeur, en cette occasion, se soit adressée à moi plutôt qu'a tout autre.

Maintenant permettez moi de vous importuner pour quelque chose qui m'est personel. Jusqu'à present j'ai beaucoup négligé mes moyens de fortune. Actuellement que je ne puis être insouciant sans manquer à mes devoirs, il faut que je songe à m'enrichir & j'en demande la permission à Sa Majesté. Mon service auquel Elle à daigné m'attacher, mes occupations littéraires m'obligent à demeurer à Pétersbourg, & je n'ai de revenu que ce que me procure mon travail. L'entreprise littéraire dont je sollicite l'autorisation & qui assureroit mon sort, seroit d'être à la tête du journal dont Mr Joukovsky m'a die vous avoir parlé.

Je suis avec respect, General,

de Votre Excellence

le très humble & très obeissant

serviteur

27 mai. Alexandre Pouchkine

Помета карандашом рукою Мордвинова (?): Завтра въ 12 часовъ къ Генералу.

Черновое.

Mad. K. m'a fait demander si je ne pourrais pas être l'éditeur de quelques tragédies manuscrites de son frère qu'il lui a laissé et qu'elle a en sa possession. Je ne demande pas mieux que de lui être util, mais j'ai cru qu'il fallait pour cela l'autorisation de Votre Excellence et que celle de la censure ne suffisait pas. J'espère que la permission que je sollicite ne me nuira pas dans l'opinion de Sa Majesté. Ayant été camarade de collège de K., il est naturel que sa soeur dans cette occasion se soit adressé à moi plutôt qu'à un autre <.....> 27.

---

500. Княгине В. Ф. Вяземской.

<4-го июня 1832 г. Петербург.>

Сей часъ отъ Хитровой. Elle est on ne peut plus touchée de l'état de Батюшковъ—[est] elle s'offre de venir elle même tenter le

dernier remède, avec une abnégation vraiment admirable — A propos d'abnégation: imaginez-vous que ma femme a eu la maladresse d'accoucher d'une petite litographie de ma personne — J'en suis au desespoir malgré toute ma fatuité.

---

501. А. Х. Бенкендорфу.

⟨8-го июня 1832 г. Петербург.⟩

General

Il y a deux ou trois ans que Monsieur Gontcharoff, le grand père de ma femme, se trouvant pressé d'argent fut sur le point de réfondre une Statue Colossale de Catherine II, et c'est à Votre Excellence que je m'adressai pour en obtenir la permission. Comme j'avais cru qu'il ne s'agissait que d'une masse informe de bronze, je ne demandais pas mieux. Mais il se trouva que la Statue était une belle production de l'art, et j'eux conscience et regret de l'anéantir pour en tirer quelques milliers de roubles. Votre Excellence avec la bonté accoutumée m'avait fait espérer que le gouvernement pourrait me l'acheter, je l'ai donc fait venir ici. Si la fortune d'un particulier ne permet pas de l'acheter ni de la garder, cette belle Statue pourrait convenablement être placée soit dans un des établissements fondés par l'Impératrice, soit à Zarskoe Sélo, où Sa Statue manque parmi les monuments qu'Elle a fait élever aux grands hommes qui l'ont servie. J'en désirerai 25,000 R., ce qui est le quart de ce qu'elle a coutée. (Ce monument ayant été fondu en Prusse par un Sculpteur de Berlin).

La Statue est actuellement chez moi (Rue Форштатская, maison d'Алымовъ).

Je suis avec respect, General, de Votre Excellence le très humble et très obeissant serviteur

Alexandre Pouchkine

8 Juin 1832.
St. Pb.

Помета на копии: На подлинномъ собственноручно Г. Министромъ отмѣчено: «Писать къ Президенту Академіи чтобъ послать осмотрѣть сію статую къ Автору Пушкину Гг. Мартоса, Демута, Галберга, Орловскаго съ тѣмъ чтобъ донесли какъ о достоинствѣ ея такъ и о цѣнѣ. 10 Іюня 1832».

Черновое.

Il y a deux ou trois ans que M^r grand-père de ma femme se trouvant pressé d'argent à cause de mon mariage fut sur le point de refondre une statue colossale de Catherine II et c'est à Votre Excellence que je m'adressai pour en obtenir la permission. Comme j'avais cru qu'il s'agissait d'une masse informe de bronze, je ne demandai pas mieux, mais il se trouva que la statue est une belle

 production de l'art et j'eus confiance et regret de l'anéantir pour en tirer quelques milliers de roubles <...>

<....> J'en désirais 25,000 r. Cette belle statue pourrait convenablement être placée dans un des établissements fondés par l'Impératrice, soit à P.bourg soit à Sar. Selo, où sa statue manque parmi les monuments qu'Elle a fait élever à la memoire des grands hommes qui l'ont servi.

---

*502. И. В. Киреевскому.

<11-го июля 1832 г. Петербург.>

Милостливый Государь

Иванъ Василіевичь,

Я прекратилъ переписку мою съ Вами, опасаясь навлечь на васъ лишнее неудовольствіе или напрасное подозрѣніе, не смотря на мое убѣжденіе что уголь сажею не можетъ замараться. Сегодня пишу Вамъ по Оказіи, и буду говорить Вамъ откровенно. Запрещеніе Вашего журнала сдѣлало здѣсь большее впечатлѣніе; всѣ были на Вашей сторонѣ, то есть на сторонѣ совершенной безвинности. Доносъ, сколько я могъ узнать ударилъ не изъ Булгаринской навозной кучи, но изъ тучи. Жуковскій заступился за Васъ съ своимъ горячимъ прямодушіемъ; Вяземскій писалъ къ Бенкендорфу смѣлое, умное и убѣдительное письмо. Вы одни не дѣйствовали, и вы въ этомъ случаѣ кругомъ неправы. Какъ гражданинъ лишены Вы правительствомъ, одного изъ правъ всѣхъ его подданныхъ; Вы должны были оправдаться изъ уваженія къ себѣ, и смѣю сказать, изъ уваженія къ Государю; ибо нападенія его не суть нападенія Полевого или Надеждина. Не знаю: поздно-ли; но на Вашемъ мѣстѣ я бы и теперь не отступился отъ сего оправданія; начните письмо Ваше тѣмъ что *долго ожидавъ запроса отъ правительства Вы молчали до сихъ поръ, но* etc. Ей Богу это было бы не лишнее.

Между тѣмъ обращаюсь къ Вамъ, къ брату Вашему, и къ Языкову съ сердечной просьбою. Мнѣ разрѣшили на дняхъ Политическую и Литературную газету. Не оставьте меня, братіе! Если вы возьмете на себя трудъ, прочитавъ какую нибудь книгу, набросать объ ней нѣсколько словъ въ мою суму, то Господь Васъ не оставитъ. Ник. Мих. лѣнивъ, но такъ какъ у меня будетъ какъ можно менѣе стиховъ, то моя просьба не затруднитъ и его. Напишите мнѣ нѣсколько словъ (не опасаясь тѣмъ повредить моей политической репутации), касательно предполагаемой Газеты. Прошу у Васъ совѣтовъ и помощи.

11 іюля

Шутки въ сторону: Вы напрасно полагаете что Вы можете повредить кому бы то ни было Вашими письмами — Переписка

съ Вами была-бы мнѣ столь-же приятна, какъ дружество Ваше для меня лестно. Съ нетерпѣніемъ жду Вашего отвѣта — можетъ быть на дняхъ буду въ Москвѣ. *1832 г.*

---

*503. М. П. Погодину.

〈11-го июля 1832 г. Петербург.〉

Милостивый Государь,

Михайло Петровичь,

Исполнивъ комисію Вашу касательно Смирдина и не получивъ отъ него удовлетворительнаго отвѣта, я все не рѣшался писать Вамъ объ ономъ. Варварство нашей Литературной торговли меня бѣситъ. Смирдинъ опуталъ самъ себя разными обязательствами, накупилъ романовъ, и тому под., и ни къ какимъ условіямъ не приступаетъ; Трагедіи нынче не разкупаются, говоритъ онъ своимъ техническимъ языкомъ. Переждемъ-же и мы: Мнѣ сказываютъ что Васъ гдѣ то разбранили за Посадницу: надѣюсь что это никакого вліянія не будетъ имѣть на ваши труды. Вспомните что меня лѣтъ 10 сряду хвалили богъ вѣсть за что, а разругали за Годунова и Полтаву. У насъ критика конечно ниже даже и публики не только самой литературы — Сердиться на нее можно, но довѣрять ей въ чемъ бы то ни было — непростительная слабость. Ваша Марѳа, Вашъ Петръ исполнены истинной драмматической силы, и если когда нибудь могутъ быть разрѣшены сценическою цензурой, то предрекаю Вамъ такой народной успѣхъ, какого мы, холодныя сѣверныя зрители Скрибовыхъ водевилей и Дидлотовыхъ балетовъ, и представить себѣ не можемъ.

Знаете-ли Вы что Государь разрѣшилъ мнѣ Политическую Газету? Дѣло важное, ибо монополія Греча и Булгарина пала. Вы чувствуете что дѣло безъ Васъ не обойдется. Но журналъ будучи торговымъ предприятіемъ, я ни къ чему приступить не дерзаю, ни къ предложеніямъ, ни къ условіямъ, покамѣсть порядкомъ не осмотрюсь; не хочу продать Вамъ кожу медвѣдя еще живого, или собрать подписку на Ист. Русск. народа, существующей только въ нелѣпой башкѣ моей... Къ стати: скажите Надеждину, что опрометчивость его сужденій непростительна. Недавно прочелъ я въ его журналѣ сравненіе между мной и Полевымъ; *оба де морочатъ публику: одинъ выманиваетъ у ней деньги выдавая по одной главѣ своего Онѣгина, а другой, по одному тому своей Исторіи.* Разница ***собрать подписку, обѣщавшись*** въ годъ выдать 12 томовъ а между тѣмъ въ 3 года напечатать[1] 3 тома на проценты съ выманенныхъ денегъ, и разница напечатать по главамъ сочиненіе, о которомъ сказано въ предисловіи: *вотъ на-*

---

[1] *В подлиннике описка:* напечать.

 чало стихотворенія которое вѣроятно никогда не будетъ кончено. Надеждинъ воленъ находить мои стихи дурными, но сравнивать меня съ плутомъ, есть съ его стороны свинство. Какъ послѣ этого порядочному человѣку связываться съ этимъ народомъ? И что̀ если бы еще должны мы были уважать мнѣнія Булгарина, Полевова, Надеждина? Приходилось бы стрѣляться послѣ каждаго Нумера ихъ журналовъ. Слава Богу, что общее мнѣніе (каково бы оно у насъ ни было) избавляетъ насъ отъ хлопотъ.

Я Шишкову не отвѣчалъ и не благодарилъ его. Обнимите его за меня. Дай Богъ ему здоровіе за Фортуната! Не будете-ли Вы къ намъ? Эй, пріѣзжайте.

11 іюля

Помета рукою М. П. Погодина: 1832.

---

*504. Графу Д. И. Хвостову.

⟨2-го августа 1832 г. Петербургъ.⟩

Милостивый Государь

Графъ Дмитрій Ивановичь

Жена моя искренно благодаритъ Васъ за прелестный и неожиданной подарокъ. Позвольте и мнѣ принести Вашему Сіятельству сердечную мою благодарность. Я въ долгу передъ Вами: два раза почтили вы меня лестнымъ ко мнѣ обращеніемъ и пѣснями лиры заслуженой и вѣчно юной. На дняхъ буду имѣть честь явиться съ женою на поклоненіе къ нашему славному и любезному Патріарху.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть, Милостивый Государь,

Вашего Сіятельства

покорнѣйшимъ слугою.

Александръ Пушкинъ.

На обороте: Его Сіятельству Милостивому Государю Графу Дмитрію Ивановичу Хвостову.

Помета: № 70.

* *Черновое.*

Жена моя [сердечно] искр. благодаритъ Васъ за неожиданной и прелестный подарокъ — Позвольте [и мнѣ присоединить] принести В. С. мою сердеч. благодарность — Я въ долгу предъ Вами — [вотъ уже] 2 раза [какъ обратили вы на меня свое вниманіе] и почтили вы меня звуками лиры заслуженой и вѣчно юной — [я отмалчиваюсь] На дняхъ жена и ⟨я⟩ будемъ имѣть честь явиться къ Вамъ съ Визитомъ — [Борь]

---

505. А. П. Керн.

<Вторая половина 1832 г. Петербург.>

Ma plume est si mauvaise que Madame Hitroff <..........> s'en servir et que c'est moi qui ai l'avantage d'être son secrétaire.

A.

---

* 506. А. П. Керн.

<Вторая половина 1832 г. Петербург.>

Voici la reponse de Chéremeteff. Je desire qu'elle vous soit agréable — M^de Hitrof a fait ce qu'elle a pu. Adieu — belle dame — Soyez tranquille et contente, et croyez à mon devouement.

---

507. А. П. Керн.

<Вторая половина 1832 г. Петербург.>

<......> Quand Vous n'avez rien pu obtenir, Vous qui êtes une jolie femme, qu'y pourrai-je faire moi qui ne suis pas même joli garçon <...> Tout ce que je puis conseiller c'est de revenir à la charge de D<...>

---

* 508. Е. М. Хитрово.

<Август — первая половина сентября или конец октября — декабрь 1832 г. Петербург.>

Ma foi oui — Le joli frère est bien mal, hier je l'ai emmené chez moi — Il est entre la folie & la mort, dans une heure nous aurons la crise — & vous en aurez des nouvelles.

Comment n'avez vous pas honte d'avoir parlé si legerement de *Karr*. Son Roman a du genie & vaut bien le marivaudage de votre Balzac — Adieu, belle et bonne.

---

* 509. М. П. Погодину.

<Первая половина сентября 1832 г. Петербург.>

Какую программу хотите Вы видѣть? Часть политическая — офиціально ничтожная; часть литературная — существенно ни-

---

[1] *Пропуск в копии.*

1832 г. чтожная; извѣстіе о курсѣ, о пріѣзжающихъ, и отъѣзжающихъ: вотъ вамъ и вся программа. Я хотѣлъ уничтожить монополію, и успѣлъ. Остальное мало меня интересуетъ. Газета моя будетъ немного похуже Сѣв. пчелы. Угождать публикѣ, я ненамѣренъ; браниться съ Журналами, хорошо разъ въ 5 лѣтъ, и то Косичкину, а не мнѣ. Стихотвореній, помѣщать не намѣренъ ибо и Христосъ запретилъ метать бисеръ передъ публикой; на то проза-мякина. Одно меня задираетъ: хочется мнѣ уничтожить, показать всю отвратительную подлость нынѣшней Французской Литературы. Сказать единожды въ слухъ что Lamartine скучнѣе Юнга, а не имѣетъ его глубины, что Beranger не поэтъ, что V. Hugo неимѣетъ жизни, т. е. истины; что романы A. Vigny хуже романовъ Загоскина; что ихъ Журналы, невѣжды; что ихъ критики почти не лучше нашихъ Теле-скопскихъ и графскихъ. Я въ душѣ увѣренъ что 19 вѣкъ, въ сравненіи съ $18^{мъ}$, въ грязи (разумѣю во Франціи). Проза едва едва выкупаетъ гадость того что зовутъ они поэзіей.

О Вашемъ кліентѣ Годуновѣ поговоримъ послѣ. На дняхъ ѣду въ Москву и надѣюсь съ Вами увидѣться —

* *Черновое.*

Какую программу хотите вы видѣть? Часть полит. — иностр. извѣстія переведенныя изъ J. de St. Pet. — Безъ нрав. примѣч. и размышл. — елико возможно безцвѣтно, безъ движенія, безъ цѣли. Внутр. извѣс. [немного болѣе] о дождяхъ, объ урожаѣ &c — разныя извѣстія о курсѣ, о пріѣзж. и уѣзж. о Спектаклѣ, и проч. — Лит. часть [1] — крит. Иностр. и Русск. книгъ — мѣлкія статьи, удобопомѣщаемыя на двухъ столбцахъ — И [того] выдетъ газета не много хуже Сѣв — Пчелы — Вотъ вамъ и прогр. Шутки въ сторону — Отъ моей Газ — я многаго не ожидаю — Часть полит. будетъ офиціально ничтожна; Лит. существенно ничтожна, ибо что прикажите говорить о [вещахъ] вещѣ, которыя никого неинтересуютъ начиная съ литераторовъ [2] — Браниться съ Ж — весело разъ въ годъ — [и] [но остальное время] но ни къ чему не ведетъ — угождать публикѣ возхищающейся пошлымъ балагурствомъ Булгарина и безсмыслицей Полевова было бы слишкомъ низко. Стих. печатать въ ней не буду, [потому что возвращ. къ Русл. и къ Плѣн. я не намѣренъ,] [а] [ибо] и Богъ запретить <sic> метать бисеру передъ публикой, на то проза — мякина —

---

[1] *От слов:* Часть полит. *до слов:* Лит. часть *включительно — зачеркнуто двумя поперечными чертами.*

[2] *Здесь стоит + (знак сноски), но самой вставки или сноски нет.*

*510. Н. Н. Пушкиной.

<22-го сентября 1832 г. Москва.>

Четвергъ. Не сердись, женка, дай слово сказать. Я пріѣхалъ въ Москву, вчера въ середу. Велосиферъ, по русски поспѣшный дилижансъ, не смотря на плеоназмъ, поспѣшалъ какъ черепаха, а иногда даже какъ ракъ. Въ сутки случилось мнѣ сдѣлать три станціи. Лошади разковывались и неслыханная вещь! ихъ подковывали на дорогѣ. 10 лѣтъ ѣзжу я по большимъ дорогамъ, отроду не видывалъ ничего подобнаго. Насилу дотащился въ Москву, обозцанную дождемъ и встревожанную пріѣздомъ двора. Теперь послушай съ кѣмъ я путешествовалъ, съ кѣмъ провелъ я 5 дней и 5 ночей. То-то будетъ мнѣ гонка! съ пятью нѣмецкими актрисами, въ желтыхъ кацавейкахъ и въ черныхъ вуаляхъ. Каково? Ей богу, душа моя, не я съ ними кокетничалъ, онѣ со мною амурились въ надеждѣ па лишній билетъ. Но я отговаривался незнаніемъ нѣмецкаго языка, и какъ маленькой Іосифъ вышелъ чистъ отъ искушенія. Пріѣхавъ въ Москву поскакалъ отыскивать Нащокина, нашелъ его по прежнему озабоченнымъ домашними обстоятельствами, но уже спокойнѣе въ спошеніяхъ со своею Сарою — Онъ кокю, и видитъ что это состояніе приятное и независимое. Онъ ѣздилъ со мною въ баню, обѣдалъ у меня. Завезъ меня къ Кн. Вяз., Княгиня завезла меня во Фр. театръ, гдѣ я чуть было не заснулъ отъ скуки и усталости. Пріѣхалъ къ Оберу и заснулъ въ 10 часовъ вечера. Вотъ тебѣ весь мой день; писать небыло мнѣ ни времени ни возможности физической. Государь здѣсь со 20-го числа, и сегодня ѣдетъ къ Вамъ, такъ что съ Бенкендорфомъ не успѣю увидѣться, хоть было бы и нужно. Великая Княгиня была очень больна, вчера было ей легче, но Дворъ еще безпокоенъ и Государь не принялъ ниодного праздника. Видѣлъ Чадаева въ театрѣ, онъ звалъ меня съ собою повсюду, но я дремалъ. Дѣла мои, кажется, скоро могутъ кончиться, а я, мой Ангелъ, не мѣшкая ни минуты поскачу въ П. Б. Не можешь вообразить какая тоска безъ тебя. Я-же все безпокоюсь, на кого покинулъ я тебя! На Петра, соннаго пьяницу, который спитъ, не проспится ибо онъ и пьяница и дуракъ; на Ирину Кузминичну которая съ тобою воюетъ; па Неннлу Ануфріевну которая тебя грабитъ. А Маша-то? что ея золотуха и что Спасскій? Ахъ, женка душа! что съ тобою будетъ? Прощай, пиши.

На обороте: М. Г. Натальи Николаевнѣ Пушкиной. Въ С. Петербургѣ, на Фурштатской, въ домѣ Алымова.

Почтовые штемпеля: Москва 1832 Сентябр 22 *и:* Получено 1832 Сен 25 вечеръ.

---

* 511. Н. Н. Пушкиной.

⟨25-го сентября 1832 г. Москва.⟩

Какая ты умнинькая, какая ты миленькая! какое длинное письмо! какъ оно дѣльно! благодарствуй, женка. Продолжай, какъ начала, и я вѣкъ за тебя буду бога молить. Заключай съ поваромъ какія хочешь условія, только бы не былъ я принужденъ отобѣдавъ дома, ужинать въ клобѣ. Каретникъ мой плутъ; взялъ съ меня за починку 500 руб. а въ одинъ мѣсяцъ карета моя хоть брось. Это мнѣ наука: не имѣть дѣла съ полу-талантами. Фрибеліусъ или Іохимъ взяли бы съ меня 100 р. лишнихъ, но за то не надули бы меня. Ради Бога, Машу не пачкай ни сливками, ни мазью. Я твоей Уткиной плохо вѣрю. Къ стати: смотри, не брюхата-ли ты, а въ такомъ случаѣ береги себя на первыхъ порахъ. Верьхомъ не ѣзди, а кокетничай какъ нибудь иначе. Здѣсь о тебѣ всѣ отзываются очень благосклонно. Твой Давыдовъ, говорятъ, женится на дурнушкѣ. Вчера разказали мнѣ анекдотъ который тебѣ сообщаю. Въ 1831 году, февр. 18 была свадьба на Никитской въ приходѣ вознесенія. Во время церемоніи двое молодыхъ людей разговаривали между собою. Одинъ изъ нихъ нѣжно утѣшалъ другова, нещастнагò любовника вѣнчаемой дѣвицы. А нещастной любовникъ, съ воздыханіемъ и слезами, надѣялся современемъ забыть безумную страсть &c. &c. &c. Княжны Вяз. слышали весь разговоръ и думаютъ что нещастной любовникъ былъ Давыдовъ. А я такъ думаю, Пѣтушковъ или Буяновъ, или паче Сорохтинъ. Ты какъ? не правдали, интересный анекдотъ? Твое намѣреніе съѣздить къ Плетневу похвально, но соберешься-ли ты? съѣзди, женка, спасибо скажу. Что люди наши? каково съ ними ладишь? Вчера былъ я у Вяземской, у ней отправлялся обозъ и я было съ нимъ отправилъ къ тебѣ письмо, но письмо забыли, а я его тебѣ препровождаю, чтобъ не пропала ни строка пера моего для тебя и для потомства. Нащокинъ милъ до чрезвычайности. У него проявились два новыя лица въ числѣ челядинцевъ. Актеръ, игравшій вторыхъ любовниковъ, нынѣ разбитый параличемъ и совершенно одурѣвшій, и монахъ, перекрестъ изъ жидовъ, обвѣшенный веригами, представляющій намъ въ лицахъ жидовскую синагогу, и разказывающій намъ соблазнительные анекдоты о московскихъ монашинкахъ. Нащокинъ говоритъ ему: ходи ко мнѣ всякой день обѣдать и ужинать, волочись за моею дѣвичьей, но только не сводничай Окулову. Каковъ отшельникъ? Онъ смѣшитъ меня до упаду, но непонимаю какъ можно жить окруженнымъ такою сволочью. Букли я отослалъ къ Малиновскимъ, они велѣли звать меня на вечеръ, но вѣроятно не поѣду. Дѣла мои принимаютъ видъ хорошій. Завтра начну хлопотать, и если черезъ недѣлю не кончу, то оставлю все на попеченіе Нащокину, а самъ отправлюсь къ тебѣ — мой Ангелъ, милая моя женка. Покамѣсть

прощай, Христосъ съ тобою и съ Машей. Видишь-ли ты Катерину Ивановну? сердечно ей кланяюсь, и цалую ручку ей и тебѣ, мой ангелъ. *1832 г.*

Воскресеніе.

Важное открытіе: Иполитъ говоритъ по Французски.

На обороте: М. Г. Натальи Николаевнѣ Пушкиной. Въ С. Петербургъ, на Форштатской, въ домѣ Алымова.

Почтовые штемпеля: Москва 1832 Сентябр. 26 *и:* Получено 1832 сен 29 вечеръ.

---

*512. Н. Н. Пушкиной.

<27-го сентября 1832 г. Москва.>

Вчера только успѣлъ отправить письмо на почту, получилъ отъ тебя цѣлыхъ три — Спасибо, жена. Спасибо и за то что ложишься рано спать — Нехорошо только что ты пускаешься въ разныя кокетства; принимать Пушкина тебѣ не слѣдовало, во первыхъ потому что при мнѣ онъ у насъ ни разу не былъ, а во вторыхъ, хоть я въ тебѣ и увѣренъ, но не должно свѣту подавать поводъ къ сплетнямъ. Въ слѣдствіи сего деру тебя за ухо и цалую нѣжно, какъ будто ни въ чемъ не бывало. Здѣсь я живу смирно и порядочно; хлопочу по дѣламъ, слушаю Нащокина и читаю Mémoires de Diderot. Былъ вечоръ у Вяземской и видѣлъ у ней le beau Bezobrasof, который такъ-же нѣжно обошелся со мною, какъ Александровъ у Бобринской. Помнишь? Это весьма тронуло мое сердце. Прощай. Кто-то ко мнѣ входитъ.

Фальшивая тревога: Иполитъ принесъ мнѣ кофей. Сегодня ѣду слушать Давыдова, не твоего Супиранта а Профессора; но я ни до какихъ Давыдовыхъ, кромѣ Дениса, не охотникъ — а въ Московскомъ Университетѣ я оглашенный. Мое появленіе произведетъ шумъ и соблазнъ, а это приятно щекотитъ мое самолюбіе.

Опять тревога — Мухановъ прислалъ мнѣ разнощика съ пастилою. Прощай. Христосъ съ тобою и съ Машею.

Вторникъ.

Цалую ручку у К. Ив. Не забудь-же.

На обороте: Наталіи Николаевнѣ Пушкиной, Въ [Москвѣ] С. Петербургѣ, въ домѣ Алымова на Фурштатской.

Почтовые штемпеля: Москва 1832 Сен 27 *и:* Получено 1832 Сен 30 вечеръ.

---

* 513. Н. Н. Пушкиной.

<Конец сентября (между 28-м и 30-м) 1832 г. Москва.>

Вотъ видишь что я правъ: нечего было тебѣ принимать Пушкина. Просидѣла бы ты у Идаліи, и не сердилась на меня. Теперь спасибо за твое милое милое письмо. Я ждалъ отъ тебя грозы, ибо по моему разчету прежде воскресенія ты письма отъ меня не получила; а ты такъ тиха, такъ снисходительна, такъ забавна, что чудо. Что это значитъ? Ужъ не кокю-ли я? Смотри! Кто тебѣ говоритъ, что я у Баратынскаго не бываю? Я и сегодня провожу у него вечеръ, и вчера былъ у него. Мы всякой день видимся. А до женъ намъ и дѣла нѣтъ. Грѣхъ тебѣ меня подозрѣвать въ невѣрности къ тебѣ и въ разборчивости къ женамъ друзей моихъ. Я только завидую тѣмъ изъ нихъ у коихъ супруги не красавицы, не Ангелы прелести, не Мадоны &c. &c. — Знаешь Русскую пѣсню

Не дай Богъ хорошей жены
Хорошу жену часто въ пиръ зовутъ.

А бѣдному-то мужу во чужомъ пиру похмѣлье, да и въ своемъ тошнитъ. — Сей часъ отъ меня [литераторъ] Альманашникъ. Насилу отговорился отъ него. Онъ сталъ просить стиховъ для Альманаха, а я статьи для газеты. Такъ и разошлись. На дняхъ былъ я приглашенъ Уваровымъ въ Университетъ. Тамъ встрѣтился съ Каченовскимъ (съ которымъ, надобно тебѣ сказать, бранивались мы какъ торговки на вшивомъ рынкѣ). А тутъ разговорились <съ> нимъ такъ дружески, такъ сладко что у всѣхъ предстоящихъ потекли слезы умиленія. Передай это Вяземскому. Благодарю душа моя, за то что въ шахматы учишься. Это непремѣнно нужно во всякомъ благоустроенномъ семействѣ: докожу послѣ. На дняхъ былъ я на балѣ (у Кн. Вяз.; слѣдственно я правъ). Тутъ была Графиня Салагубъ, Гр. Пушкинъ (Владиміръ), Aurore, ея сестра и Natalie Урусова. Я велъ себя прекрасно; любезничалъ съ Гр. Салогубъ (съ теткой, entendons-nous) и уѣхалъ ужинать къ Яру, какъ скоро балъ разыгрался. Дѣла мои идутъ своимъ чередомъ. Съ Нащекинымъ вижусь всякой день. У него въ *домикѣ* былъ пиръ: подали на столъ мышенка въ сметанѣ подъ хрѣномъ въ видѣ поросенка. Жаль, не было гостей. По своей духовной домикъ этотъ отказываетъ онъ тебѣ. Мнѣ пришелъ въ голову романъ, и я вѣроятно за него примусь; но покамѣсть, голова моя кругомъ идетъ при мысли о Газетѣ. Какъ то слажу съ нею? Дай Богъ здоровье Отрыжкову; авось вывезетъ. Цалую Машу и благословляю, и тебя то-же, душа моя, мой Ангелъ. Христосъ съ Вами —

На обороте: Наталіи Николаевнѣ Пушкиной. Въ С. Петербургъ въ домѣ Алымова, на Фурштатской.

Почтовые штемпеля: Москва 1832 Сен 30 *и:* Получено 1832 Окт 4 вечеръ.

*514. Н. Н. Пушкиной.

<Начало октября (до 3-го) 1832 г. Москва.>

По пунктамъ отвѣчаю на твои обвиненія. 1) Русской человѣкъ въ дорогѣ не переодѣвается и доѣхавъ до мѣста свинья свиньею, идетъ въ баню, которая наша вторая мать. Ты развѣ не крещеная, что всего этого не знаешь? 2) Въ Москвѣ письма принимаются до 12 часовъ — а я въѣхалъ въ Тверскую заставу ровно въ 11, слѣдственно и [неу] отложилъ писать къ тебѣ до другова дня. Видишь-ли что я правъ а что ты кругомъ виновата? виновата 1) потому что всякой вздоръ забираешь себѣ въ голову 2) потому что пакетъ Бенкендорфа (вѣроятно важный) отсылаешь съ досады на меня Богъ вѣдаетъ куда. 3) кокетничаешь со всѣмъ дипломатическимъ корпусомъ, да еще жалуешься на свое положеніе будто бы подобное Нащокинскому! женка, женка! — — — Но оставимъ это. Ты мнѣ кажешься, воюешь безъ меня дома, смѣняешь людей, ломаешь кареты, свѣряешь щеты, доишь кормилицу — Ай да хватъ баба! что хорошо, то хорошо. Здѣсь я не такъ-то дѣятеленъ. На силу успѣлъ написать двѣ довѣренности, а денегъ недождусь — Оставлю неоконченное дѣло на попеченіе Нащокину. Братъ Дмитрій Николаевичъ здѣсь. Онъ въ Калугѣ никакого не нашелъ акта, утверждающаго болѣзненное состояніе Отца, и пріѣхалъ хлопотать о томъ сюда. Съ Натальей Ивановной они сошлись и помирились. Она нехочетъ входить въ управленіе имѣнія, и вовсемъ пологается на Дмитрія Никол. Отецъ поговариваетъ о духовной; на дняхъ будетъ онъ освидѣтельствованъ Гражданскимъ Губернаторомъ. Къ тебѣ пришлютъ для подписанія довѣренность. Катерина Ивановна научитъ тебя какъ совсѣмъ этимъ поступить. Вяземскія ѣдутъ послѣ 14го, а я на дняхъ. Слѣдственно нечего тебѣ и писать. Мнѣ безъ тебя такъ скучно, такъ скучно что незнаю куда головы преклонить. Хочешь камеражей? Горскина вчера вышла за К. Щербатова, за младенца. Красавицъ Безобразовъ кружитъ здѣшнія головки причосанныя à la Ninon домашними парикмахерами. Кн. Урусовъ влюбленъ въ Машу Вяземскую (не говори Отцу, онъ станетъ безпокоиться). Другой Урусовъ, говорятъ, женится на Бороздиной-соловѣйкѣ. Москва ожидаетъ Царя къ Зимѣ, но кажется напрасно. Прощай, мой Ангелъ, цалую тебя и Машу. Прощай душа моя — Христосъ съ тобою.

На обороте: Натальи Николаевнѣ Пушкиной въ С. Петербургѣ на Фурштатской въ домѣ Алымова.

Почтовые штемпеля: Москва 1832 Октября 3 *и:* Получено 1832 Окт 6 вечеръ.

---

*515. П. В. Нащокину.

⟨2-го декабря 1832 г. Петербург.⟩

Сіе да будетъ моимъ оправданіемъ въ неокуратности. Пріѣхавъ сюда нашелъ я большія безпорядки въ домѣ, принужденъ былъ выгонять людей, перемѣнять поваровъ, наконецъ нанимать новую квартеру, и слѣдственно употреблять суммы которыя въ другомъ случаѣ оставались бы неприкосновенными. Надѣюсь, что теперь получилъ ты, любезный Павелъ Воиновичь, нужныя бумаги для перезалога; и что получишь ломбардныя деньги безпрепятственно, въ такомъ случаѣ, извинивъ меня (какъ можешь) передъ Ѳед. Дан., отдай ему его тысячу, а другую возьми себѣ, ибо вѣроятно тебѣ она нужна будетъ, осталной-же долгъ получишь въ Январѣ — какъ я ужъ разпорядился, продавъ Смирдину второе изданіе Онѣгина. Sur ce поговоримъ о дѣлѣ: честь имѣю тебѣ объявить что первый томъ Островскаго конченъ, и на дняхъ присланъ будетъ въ Москву на твое разсмотрѣніе и подъ критику Г. Короткого — Я написалъ его въ двѣ недѣли, но остановился по причинѣ жестокаго рюматизма, отъ котораго пространалъ другія двѣ недѣли, такъ что не брался за перо, и немогъ связать двѣ мысли въ головѣ. Что твои меморіи? Надѣюсь что ты ихъ небросишь. Пиши ихъ въ видѣ писемъ ко мнѣ. Это будетъ и мнѣ приятнѣе, да и тебѣ легче — Незамѣтнымъ образомъ выростетъ томъ, а тамъ, поглядишь: и другой. Мой Журналъ остановился, потому что долго неприходило разрѣшеніе. Нынѣшній годъ онъ издаваться небудетъ. Я и радъ. Къ будущему успѣю осмотрѣться и приготовиться; покамѣсть буду жаться по немногу. Мою статую еще я непродалъ, но продамъ во что бы ни стало. Къ лѣту будутъ у меня хлопоты. Нат. Нико. брюхата опять, и носитъ довольно тяжело. Не приѣдешь-ли ты крестить Гаврила Александровича? Я такого мнѣнія что Петербургъ былъ бы для тебя пристанью и ковчегомъ спасенія — Скажи Баратынскому что Смирдинъ въ Москвѣ, и что я говорилъ съ нимъ о изданіи *полныхъ Стихотвореній Евг. Баратынскаго.* Я говорилъ о 8, и о 10 тыс. а Смирдинъ боялся что Бар. не согласится; слѣдственно Бар. можетъ съ нимъ сдѣлаться. Пускай онъ попробуетъ. Что Вельтман⟨ъ?⟩[1] каковы его обстоятельства и что его опер⟨а?⟩[1] Прощай, кланяюсь твоимъ — цалую Павла.

2 окт.[2] П. Б.

Въ Морской въ домѣ Жадиміровскаго.

На обороте: М. Г. Павлу Воиновичу Нащокину. Въ *Москвѣ* на Остоженки въ приходѣ Воскресенія, въ домѣ Священника.

Почтовый штемпель: С.-Петербургъ 3 дека 1832.

---

[1] *Вырван кусок бумаги с текстом.*
[2] *Так в подлиннике.*

*516. Неизвестной.

Черновое.

<Конец октября 1832 — начало (до 6-го) января 1833 г. Петербург.>

[Je suis au] Jugez de mon desespoir [de ce que] lorsque [mon] mon ivrogne [de v] m'a rapporté aujourd'hui une réponse que j'avois faite hier à l'aimable billet que vous avez bien voulu m'écrire — [Merci]

---

*517. П. С. Санковскому.

<3-го января 1833 г. Петербург.>

J'ai tant de torts envers vous, j'ai l'air si ingrat, que je suis tout honteux de vous écrire. Mr Kazassi m'avoit aporté une bien aimable lettre de votre part; vous m'y demandiez des vers pour un almanach que vous aviez l'intention de faire paroître pour cette année-ci. J'ai tardé à vous repondre pour une bonne raison: je n'avois rien à vous envoyer & j'attendois toujours un moment d'inspiration comme on dit, c'est à dire, un moment de griffomanie. Et bien, l'inspiration n'est pas venu, je n'ai pas écrit un vers depuis deux ans — et voilà comment la bonne intention que j'avois de vous faire hommage de mes pauvres rimes est allée paver l'enfer. Pour Dieu, ne m'en voulez pas, & plaignez moi de ne jamais faire ce que j'aurois du ou voulu.

J'avois chargé **Ширяевъ** de vous faire parvenir tout ce que j'ai imprimé depuis que je suis de retour de Tiflis — j'ignore s'il s'en est acquitté. Quant à moi j'ai bien des grâces à vous rendre pour l'envoi du journal de Tiflis — le seul d'entre ceux de Russie, qui ait une couleur originale & ou se rencontre des articles d'un interêt véritable & Europeen. Si vous voyez quelquefois A. Бестужевъ faites lui bien mes amitiés. Nous nous sommes rencontré sur le Гут-гора sans nous reconnoître et depuis je n'ai eu de ses nouvelles que par les journaux ou il imprimoit ses charmantes nouvelles. On avoit répandu ici la nouvelle de sa mort, nous l'avons pleuré bien sincerement, & nous sommes bien rejoui à sa resurrection **въ третій день по писанію.** —

Cette lettre vous sera remise par Mr Rossetti, jeune homme plein de mérite & qui va quitter un monde brillant & une existance frivole et dissipée, pour le severe métier de soldat georgien. Nous vous le recommandons, et nous sommes persuadé que vous nous remercierez de cette connaissance.

Agréez, Monsieur, l'assurance de <ma> haute consideration

Alexandre Pouchkine

3 janvier
1833
S[t]. P.

На обороте: Monsieur Monsieur de Sankows<ky> à Tiflis.

---

*518. Графу А. И. Чернышеву.

⟨9-го февраля 1833 г. Петербург.⟩

Милостивый Государь

Графъ Александръ Ивановичь

Приношу Вашему Сіятельству искреннѣйшую благодарность за вниманіе оказанное къ моей просьбѣ.

Слѣдующія документы, касающіяся Исторіи Графа Суворова, должны находится въ Архивахъ главнаго Штаба

1) Слѣдственное дѣло о Пугачевѣ

2) Донесенія Графа Суворова во время кампаніи 1794 года

3) Донесенія его 1799 года

4) Приказы его къ войскамъ.

Буду ожидать отъ Вашего Сіятельства позволенія пользоваться сими драгоцѣнными матеріалами.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю быть, Милостивый Государь

Вашего Сіятельства

покорнѣйшій слуга

Александръ Пушкинъ.

7 Февр.
1833.
С. П. Б.

Пометы: № 1121. — 12 Февраля 1833. — *Карандашом:* спросить Дежурнаго Генерала по приказанію Министра имѣются-ли въ Архивѣ сіи донесенія? — *Внизу:* 12 Февраля Дежурному Генералу Г. Ш. Е. И. В. № 1375.

* *Черновое.*

Приношу[1] В. С. чувствительнѣйшую благодар за вниман оказанное къ моей просьбѣ [Осмѣливаюсь просить]

Слѣдующія документы касающіяся ист. Кн. С. — должны находиться въ Архив. Главн. Штаба —

Дѣло о Пугачовѣ —

[Донесенія Князя] Реляціи Гр. Суворова во время 1793 года.
реляціи 1799 —

Приказы Гр. Сув къ его войскамъ

[Если угодно будетъ Вашему С. приказать оную бумагу отыскать,] [а] [буду ждать]

Буду ожидать позволенія В С[2] пользоваться сими драгоцѣнными бумаг —

---

[1] *Заменено*: Принося, *потом восстановлено.*

[2] *Первоначально*: В В.

*519. П. В. Нащокину.

<Вторая половина февраля (не позднее 25-го) 1833 г. Петербург.>

Что, любезный Павелъ Воиновичь? получилъ-ли ты нужныя бумаги, взялъ ли ты себѣ малую толику, заплативъ Ф. Д—у, справилъ-ли остальную тысячу съ Ломбарда, пришлешь-ли мнѣ что нибудь? Коли ничто еще несдѣлано, то сдѣлай вотъ что: *2,525 рублей доставь, сдѣлай одолженіе, Сенатору Мих. Александр. Салтыкову, живущему на Маросейкѣ, въ домѣ Бубуки, и возьми съ него роспиоку.* Это нужно, и для меня очень неприятно.

Что твои дѣла? За глаза я все боюсь за тебя. Все мнѣ кажется что ты гибнешь, что Вееръ тебя топитъ, а Рахмановъ на плечахъ у тебя — Дай Богъ мнѣ зашибить деньгу, тогда авось тебя выручу. Тогда авось разведемъ тебя съ сожительницей, заведемъ мѣльницу въ Тюфляхъ, и заживешь припѣваючи и пишучи свои записки. Жизнь моя въ П. Б. ни то ни сё. Заботы о жизни, мѣшаютъ мнѣ скучать. Но нѣтъ у меня досуга, [без] вольной холостой жизни, необходимой для писателя. Кружусь въ свѣтѣ, жена моя въ большой модѣ — все это требуетъ денегъ, деньги достаются мнѣ черезъ труды, а труды требуютъ уединенія.

Вотъ какъ располагаю я моимъ будущимъ. Лѣтомъ послѣ родовъ жены, отправляю ее въ калужскую деревню къ сестрамъ, а самъ съѣзжу въ Нижній, да можетъ быть въ Астрахань. Мимоѣздомъ увидимся и наговоримся до сыта. Путешествіе нужно мнѣ нравственно и физически —

На обороте: Его Высокоблагородію М. Г. Павлу Воиновичу Нащокину — въ *Москвѣ* На Остоженкѣ въ приходѣ воскресенія въ домѣ Священника.

Почтовый штемпель: С.-Петербург 25 февр 1833.

---

520. Графу А. И. Чернышеву

<27-го февраля 1833 г. Петербург.>

Милостивый Государь

Графъ Александръ Ивановичь,

Приношу Вашему Сіятельству глубочайшую мою благодарность за книги которыя доставлены мнѣ отъ имени Вашего. Почитаю обязанностію въ точности исполнить приказанія

Вашего Сіятельства, и препоручаю себя и впредь высокой Вашей благосклонности.

Съ душевнымъ почтеніемъ и совѣршенной преданностію, имѣю честь быть, Милостивый Государь

Вашего Сіятельства

покорнѣйшій слуга

Александръ Пушкинъ

27 Февр
1833
С. П. Б.

---

*521. М. П. Погодину.

<5-го марта 1833 г. Петербург.>

По секрету.

Вотъ въ чемъ дѣло: по уговору нашему, долго собирался я улучить время чтобъ выпросить у Государя васъ въ сотрудники — Да все какъ-то неудавалось. Наконецъ на масленицѣ Царь заговорилъ какъ-то со мною о Петрѣ I, и я тутъ-же и представилъ ему что трудиться[1] мнѣ одному надъ Архивами невозможно, и что помощь просвѣщеннаго умнаго и дѣятельнаго Ученаго мнѣ необходима. Государь спросилъ кого же мнѣ надобно, и при вашемъ имени, было нахмурился — (онъ смѣшиваетъ васъ съ Полевымъ; извините великодушно; онъ Литераторъ не весьма твердой хоть молодецъ, и славный царь). Я кое-какъ успѣлъ васъ отрекомендовать, а Д. Н. Блудовъ все поправилъ и объяснилъ что между вами и Полевымъ общаго только первый слогъ вашихъ фамилій — Къ сему присовокупился и благосклонный отзывъ Бенкендорфа — Такимъ образомъ дѣло слажено; и Архивы вамъ открыты (кромѣ тайнаго). Теперь остается рѣшить на какомъ основаніи намѣрены вы приступить къ дѣлу: Думаю, что вамъ надо требовать вашего адъюнктскаго жалованія, во все время вашихъ трудовъ — и только. А труды ваши не пропадутъ ни въ какомъ отношеніи. Ибо все елико можно будетъ напечатать, напечатаете *вы* и *для себя*; [всѣ труды ваши, совершенныя надъ] это будетъ вамъ и пріятно и выгодно. Сколько отдѣльныхъ книгъ можно составить тутъ! сколько творческихъ мыслей тутъ могутъ развиться! Съ вашей вдохновенной дѣятельностію, съ вашей чистой добросовѣстностію — Вы произведете такія чудеса, что мы и потомство наше будемъ[2] за васъ Бога[3] молить, какъ за Шлецера и Ломоносова.—

---

[1] *В подлиннике описка*: трудниться
[2] *Переделано из*: будетъ
[3] *Переделано из*: Богу

Напишите-же мнѣ *офиціальное* письмо, которое могъ бы я показать Блудову; и я поспѣшу все здѣсь окончить — Ожидаю васъ съ разпростертыми объятіями. *1833 г.*

5 марта.

На обороте: Его Высокоблагородію М. Г. Михаилу Петровичу Погодину.

---

*522. Графу А. И. Чернышеву.

<8-го марта 1833 г. Петербург.>

Милостивый Государь

Графъ Александръ Ивановичъ,

Доставленныя мнѣ по приказанію Вашего Сіятельства изъ Московскаго отдѣленія Инспекторскаго Архива книги получить имѣлъ я честь. Принося Вашему Сіятельству глубочайшую мою благодарность, осмѣливаюсь безпокоить Васъ еще одною просьбою; благосклонность и просвѣщенная снисходительность Вашего Сіятельства совсѣмъ избаловали меня.

Въ бумагахъ косательно Пугачева, полученныхъ мною предъ симъ, извѣстія о немъ доведены токмо до назначенія Генерала-Аншефа Бибикова, но донесеній сего Генерала въ военную коллегію, также какъ и рапортовъ Князя Галицына, Михельсона и самаго Суворова — тутъ не находится. Если угодно будетъ Вашему Сіятельству оныя донесенія и рапорты (съ Января 1774 по конецъ того-же года) приказать мнѣ доставить, то почту сіе за истинное благодѣяніе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ, преданностію и благодарностію честь имѣю быть

Милостивый Государь

Вашего Сіятельства

покорнѣйшій слуга

Александръ Пушкинъ

8 марта
1833.
С. П. Б.

Пометы: № 1892. — 12 Марта 1833. — 12 Марта Генер.-Адьют. Клейнмихелю № 2297. *Рукою П. А. Клейнмихеля* (?) *карандашом:* Ч<италъ?>

---

*523. Н. И. Гончаровой.

Черновое.

⟨1831 — до 20 марта 1833 г. Петербург.⟩

Милостивая Государыня

Матушка Наталья Ивановна

Вчера получили мы письмо Ваше и сердечно благодаримъ Васъ за

---

*524. Князю В. Ф. Одоевскому.

⟨28-го марта 1833 г. Петербург.⟩

Я надѣялся быть сегодня у Вашего Сіятельства и услышать Трагедію Г. Якимова — но невозможно. Мнѣ назначили дѣловое свиданіе къ 8 часамъ, и я жертвую Вами и Шекспиромъ подъяческимъ разговорамъ. Однако до свиданія.

Искренне Васъ уважающій

А. Пушкинъ

На обороте: M^r le Prince Odoevsky.

---

*525. А. П. Ермолову.

Черновое.

⟨Первая половина апреля 1833 г. Петербург.⟩

Долго не рѣшался я обратиться къ В. В. — съ просьбою о дѣлѣ [которое сильно меня интересуетъ] [столь] для меня важномъ. [боясь безпокоить Васъ въ Вашемъ уединеніи и знаю] Знаю что Вы не охотно рѣшитесь ея исполнить[1] — но [подвиги Ваши суть достояніе Отечества] и Ваша Слава принадлежитъ Россіи и Вы не вправѣ [ея] ея утаивать — [свои подвиги] —

Но собирая памятники отечественной Исторіи, [съ нетерпѣніемъ] напрасно ожидалъ я чтобы вышло наконецъ описаніе Вашихъ Закавказскихъ[2] [войнъ] подвиговъ — [Шумъ $12^{го}$ года заглушаетъ еще въ Европѣ В. славн] & с. [за ⟨. . . . . .⟩] До сихъ поръ [пожаръ Москвы и бѣгство Наполеона] походъ Наполеона затемняютъ и заглушаютъ все — и [одни] только нѣкоторые во-

[1] *Отсюда до конца абзаца перечеркнуто поперечною чертою.*
[2] *В подлиннике описка:* Закавскихъ

енные люди знаютъ, что̀ въ то же самое время произходило на [отдален.] Востокѣ [Ваша сл] *1833 г.*

Обращаясь къ В. В. съ пр. &c. знаю что Вы &c., но Ваша Сл.— Прошу Васъ [чтобы вы] дозволить мнѣ быть Вашимъ Историкомъ — [если] [и] Если въ [праздности] праздные часы занялись вы славными воспоминаніями и оставили записки о своихъ войнахъ, то прошу Васъ удостоить меня чести быть Вашимъ издателемъ — Если жъ [вы столь] по Вашему равнодушію ⟨?⟩ не [позв] допустите Васъ ⟨?⟩ сіе исполнить то я ——и даровать мнѣ [хотя краткое описаніе] [свѣд] [извѣстіе и] краткія необходимѣйшія свѣденія, и ⟨. . .⟩

---

*526. И. Т. Калашникову.

Черновое.

⟨Первая половина апреля 1833 г. Петербург.⟩

Искренно благодарю Васъ за письмо, коего Вы меня удостоили.— ⟨. . . . . .⟩ есть лучшая для ⟨. . . . . .⟩

Вы спрашиваете моего ⟨мнѣнія⟩ о Камчадалкѣ ⟨?⟩ — [Долгъ учтивости] ⟨. . . . .⟩ мнѣнія ⟨. . . . .⟩ показаться Вамъ долгомъ учтивости ⟨. . . . .⟩ повтор ⟨. . . .⟩ вамъ мнѣніе [⟨. . . . .⟩] критики, в⟨. . .⟩ безпристр⟨. . . . .⟩ много таланта [и я никогда]. Прочитавъ Дочь ⟨. . . . .⟩ [Ничего ⟨. . . . .⟩ съ такимъ]. Ни одного изъ русск. ром. [ничего ни одного] ⟨не прочиты⟩валъ я съ большимъ удовольствіемъ. — Камчадалка не ниже вашего перваго произведенія — [а того⟨. . . . .⟩ и надобно] — сколько я могъ замѣтить, часть⟨. . . . .⟩ которая будетъ отлична не по объяв⟨. . . .⟩ газетъ⟨?⟩ а по ⟨. . . . . .⟩ газетъ⟨. .⟩ полюбила васъ и съ⟨. . . . . . .⟩ и радушіемъ приняла обѣ Ваши [книги] піесы — Послѣ этого не тревожьтесь мнѣніемъ П, онъ [конечно] человѣкъ [смышленный] [неглупый] образованный и смыш ⟨. . . .⟩ что онъ не литераторъ [онъ не имѣетъ ни свѣденій] — какъ писатель онъ не⟨. . . . .⟩таланта, [какъ историкъ никакой учености], какъ критикъ⟨. . . . .⟩ достоянія ⟨. . . . .⟩ ошибокъ⟨. . . . .⟩ противорѣчія ⟨. . . . .⟩ упалъ ⟨. . . . . .⟩[1] Романа его я не читалъ [но читалъ его Исторію] но судя по его Исторіи знаю какъ [сколь] онъ долженъ быть ниже Камчадалки и Доч. Ж —

[Любовь] Публика его любитъ единственно за его дерзость и потому что [всегда глупцамъ] [человѣкъ который бранитъ все

---

[1] *Отсюда до конца текста перечеркнуто поперечными чертами.*

 и всѣхъ] глупцы [всегда] съ благоговѣніемъ слушаютъ человѣка который смѣло все бранитъ, и думаютъ: то-то умникъ! —

---

*527. П. А. Осиповой.

⟨Середина (до 15-го) мая 1833 г. Петербург.⟩

Pardon, mille fois Pardon, chère Парасковья Александровна, si j'ai tardé a vous remercier pour votre bien aimable lettre & pour son interessante vignette. Des embarras de toutes espèces m'en ont empêché. Je ne sais quand j'aurois le bonheur de me presenter à Trigorsky, mais j'en meurs d'envie. Petersbourg ne me convient nullement, ni mes gouts, ni ma fortune ne peuvent s'en accomoder. Mais durant 2 ou trois ans il faudra patienter. Ma femme vous fait dire mille amitiés ainsi qu'à Анна Николаевна. Ma fille nous a donné de l'inquietude pendant ces cinq ou six jours. Je suppose qu'elle fait ses dents. Elle n'en a pas une seule jusqu'à present. On a beau se dire que tout le monde a passé par là, mais ces créatures sont si frêles, qu'il est impossible de ne pas trembler en les voyant souffrir. Mes Parents viennent d'arriver de Moscou. Ils comptent venir à Михайловское vers le mois de Juillet. Je voudrois bien être du voyage.

На обороте: Ея Высокородію М. Г. Прасковьи Александровнѣ Осиповой. Во Псковъ. —

Почтовый штемпель: С.-Петербургъ 15 Маія 1833. *Помета П. А. Осиповой:* reçu le 20 de Mai 1833.

---

*528. П. И. Соколову.

Черновое.

⟨Конец мая (после 27-го) 1833 г. Петербург.⟩

Получивъ отъ Ваш Пр извѣщеніе о выборѣ Г. Сен. Бар въ члены Росс Акад, спѣшу [по требованію Ваш.] доставить Вамъ избират. свой голосъ —

Съ глубоч⟨. . . . .⟩

---

529. А. А. Ананьину.

⟨26-го июня 1833 г. Черная Речка.⟩

Милостивый Государь

Александръ Андреевичъ

Бывъ у Васъ и не имѣвъ удовольствія застать Васъ дома, на всякой случай беру съ собой письмо. Я собираюсь въ де-

ревню. Вы изволили обнадежить меня что около нынѣшняго времени можно мнѣ будетъ получить отъ Васъ еще 2000 р. По моему щету мнѣ болѣе 1,500 р. ненадобно. Смирдинъ готовъ въ нихъ поручиться. Буду ожидать отвѣта Вашего черезъ городскую почту если неугодно будетъ прислать его ко мнѣ въ городъ. Я живу *на черной рѣчкѣ на Миллеровой дачѣ*. *1833 г.*

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенной преданностью честь имѣю быть

Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Александръ Пушкинъ

26 іюня.

На обороте: Его Высокоблагородію Милостивому Государю Александру Андреевичу Ананьину.

---

*530. Барону М. А. Корфу.

⟨14-го (?) июля 1833 г. Петербург.⟩

Сей часъ былъ у Смирдина и кажется дѣло сдѣлано. Н. М. можетъ пріѣхать къ нему для окончательныхъ условій; я бы совѣтовалъ ему справиться сперва [справиться] о томъ, что берутъ обыкновенно за переводы à tant la feuille, и требовать туже цѣну; такимъ образомъ онъ вѣрно получитъ болѣе нѣжели условясь брать годовую плату. Въ случаѣ какого нибудь затрудненія пусть онъ располагаетъ мною, я готовъ ему служить отъ всей души.

Радуюсь что на твое дружеское письмо, могъ отвѣчать удовлетворительно и исполнить твое приказаніе. Сердечно благодарю за поздравленія.

Весь твой

Александръ Пушкинъ

Пятница.

На обороте: Его Превосходительству Милостивому Государю Модесту Андреевичу Барону Корфу &c. &.

---

531. Г. И. Спасскому.

⟨Июнь — июль 1833 г. Вторник. Черная Речка.⟩

Милостивый Государь

Григорій Ивановичь

Осмѣливаюсь обратиться къ Вамъ съ покорнѣйшею просьою — Мнѣ сказывали что у васъ находится любопытная

 рукопись Рычкова косающаяся временъ Пугачева. Вы оказали бы мнѣ истинное благодѣяніе, еслибъ позволили пользоваться нѣсколько дней сею драгоцѣнностію. Будьте увѣрены, что я возвращу Вамъ ее въ всей исправности и при первомъ Вашемъ востребованіи.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенной преданностью честь имѣю быть

Милостивый Государь

Вашъ покорнѣйшій слуга

Александръ Пушкинъ

Черная рѣчка
вторникъ

На обороте: Его Высокоблагородію Милостивому Государю Григорію Ивановичу Спасскому &&

* *Черновое.*

Осмѣливаюсь обратиться[1] къ Вамъ съ покорнѣйшей просьбою. Мнѣ сказывали что у васъ находится любопытная рук. Рычк — о времени Пуг. [Я] [Мнѣ было] Вы оказали бы мнѣ истинное благодѣяніе если бъ позволи<ли> пользоваться нѣсколько дней сею драгоцѣнностію. Будьте увѣрены что [она] я возвращу Вамъ ее въ цѣлости и при первомъ Вашемъ востребованіи

Съ ист. &c

---

*532. Графу А. Х. Бенкендорфу.

Черновое.

<22-го июля 1833 г. Черная Речка.>

Mon Gen.

Les circonstances m'obligent à aller bientôt passer 2 ou 3[2] mois [sur] dans mes[3] terres de Nijni Novg. — Je voudrois en profiter pour faire un tour à Orenbourg — et Kasan que je [n'ai] ne connois pas encore — Je supplie S. M. de me permettre de voir les Archives de ces deux gouvernements —

---

[1] *Первоначально*: Обращаюсь.
[2] *Первоначально*: 1 ou 2 (?)
[3] *Переделано из*: ma

*533. А. Н. Мордвинову.

Черновое.

<30-го июля 1833 г. Черная Речка.>

Милостивый Государь

Александръ Николаевичь,

Спѣшу отвѣтствовать со всею искренностію на Вопросы Вашего Превосходительства.

Въ продолженіи двухъ послѣднихъ лѣтъ занимался я одними историческими изысканіями, не написавъ ни одной строчки чисто литературной. Мнѣ необходимо мѣсяца два провести въ совершенномъ уединеніи, дабы отдохнуть отъ важнѣйшихъ занятій и кончить книгу, давно мною начатую, и которая доставитъ мнѣ деньги, въ коихъ имѣю нужду. Мнѣ самому совѣстно тратить время на суетныя занятія, но что дѣлать? они одни доставляютъ мнѣ независимость и способъ проживать съ моимъ семействомъ въ Петербургѣ, гдѣ труды мои, благодаря Государя, имѣютъ цѣль болѣе важную и полезную.

Можетъ быть Государю угодно знать, какую именно книгу хочу я дописать въ деревнѣ: это романъ, коего большая часть дѣйствія происходитъ въ Оренбургѣ и Казани, и вотъ почему хотѣлось бы мнѣ посѣтить обѣ сіи губерніи.

[Повторяю что][1] кромѣ жалованія, опредѣленнаго мнѣ щедростію Его Величества, нѣтъ у меня постояннаго дохода; между тѣмъ жизнь въ столицѣ дорогà и съ умноженіемъ моего семейства умножаются и разходы.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть, Милостивый Государь,

Вашего Превосходительства

покорнѣйшимъ слугою

Александръ Пушкинъ

30 іюля

Черная рѣчка.

* *Черновое, первая редакция.*

Мнѣ [право совѣстно да] и самому бы не хотѣлось [заниматься] [ме] тратить время на суетныя[2] [игрушками] занятія но что дѣлать![3] они одни доставляютъ мнѣ независимость и способъ оставаться съ мои<мъ> сем. въ П. Б., гдѣ труды мои имѣютъ цѣль болѣе важную и болѣе полезную —

---

[1] *Два слова зачеркнуты и поставлен знак сноски, но сноски нигде нет.*

[2] *В подлиннике:* суетными; *слово осталось согласованным с зачеркнутым словом:* игрушками.

[3] *Слова:* что дѣлать! *вставлены между строк чернилами.*

* 534. Н. Н. Пушкиной.

<20-го августа 1833 г. Торжок.>

Милая женка, вотъ тебѣ подробная моя Одисея. Ты помнишь что отъ тебя уѣхалъ я въ самую бурю. Приключенія мои начались у Троицкого мосту — Нева такъ была высока, что мостъ стоялъ дыбомъ; веровка была протянута, и полиція не пускала экипажей. Чуть было не воротился я на Черную рѣчку. Однако переправился черезъ Неву выше, и выѣхалъ изъ Петербурга. Погода была ужасная. Деревья по Царскосельскому проспекту такъ и валялись, я насчиталъ ихъ съ пятьдесятъ — Въ лужицахъ была буря. Болота волновались бѣлыми волнами. По счастію вѣтеръ и дождь гнали меня въ спину, и я преспокойно высидѣлъ все это время. Что то было съ Вами Петербургскими жителями? Небыло-ли у васъ новаго наводненія? что если и это я прогулялъ? досадно было бы. На другой день погода прояснилась — Мы съ Соболевскимъ шли пѣшкомъ 15 верстъ, убивая по дорогѣ змѣй, которыя обрадовались съдуру солнцу и выползали на песокъ. Вчера прибыли мы благополучно въ Торжокъ, гдѣ Соболевскій свирѣпствовалъ за нечистоту бѣлья. Сегодня проснулись въ 8 часовъ, завтракали славно, а теперь отправляюсь въ сторону въЯрополецъ — а Соболевскаго оставляю на единѣ съ Швейцарскимъ сыромъ. Вотъ, мой Ангелъ, подробный отчетъ о моемъ путешествіи. Ямщики закладываютъ коляску шестерней, стращая меня грязными, проселочными дорогами — Коли не утону въ лужѣ, подобно Анрепу, буду писать тебѣ изъ Ярополица — Отъ тебя буду надѣиться письма въ Синбирскѣ — Пиши мнѣ освоей грудницѣ и о прочемъ. Машу не балуй, а сама береги свое здоровье, некокетничай 26го. Да бишь! не съ кѣмъ. Однако все таки не кокетничай. Кланяюсь и цалую ручку съ Ермоловской нѣжностію Катеринѣ Ивановнѣ — Тебя цалую крѣпко и всѣхъ васъ благословляю тебя, Машку и Сашку.

Кланяйся Вяземскому когда увидишь, скажи ему что мнѣ буря помѣшала съ нимъ проститься, и поговорить объ Альманахѣ, о которомъ буду хлопатать дорогою.

На обороте: Наталіи Николаевнѣ Пушкиной. Въ Санктпетербургъ на Черной Рѣчкѣ на дачѣ Миллера.

Почтовые штемпеля: Торжокъ 21 августа 1833 год. *и:* Получено 1833 Авг. 24 вечеръ.

---

535. Н. Н. Пушкиной.

<21-го августа 1833 г. Павловское.>

Ты не угодаешь, мой Ангелъ, откуда я къ тебѣ пишу: изъ Павловска; Между Берновомъ и Малинниковъ, о которыхъ вѣроятно я тебѣ много разказывалъ. Вчера своротя на проселочную

дорогу къ Ярополцу узнаю съ удовольствіемъ что проѣду мимо Вульфовыхъ помѣстій и рѣшился ихъ посѣтить. Въ 8 часовъ вечера пріѣхалъ я къ доброму моему Павлу Ивановичу, который обрадовался мнѣ какъ родному. Здѣсь я нашелъ большую перемѣну. Назадъ тому 5 лѣтъ Павловское, Малинники и Берново наполнены были уланами и барышнями; но Уланы переведены, а барышни разъѣхались; изъ старыхъ моихъ пріятельницъ нашелъ я одну бѣлую кобылу, на которой и съѣздилъ въ Малинники; но и та ужъ подо мною не пляшетъ, не бѣсится, а въ Малинникахъ вмѣсто всѣхъ Анетъ, Евпраксій, Сашъ, Машъ &c., живетъ управитель Парасковіи Александровны Рейхманъ, который попочивалъ меня шнапсомъ. Вельяшева мною нѣкогда воспѣтая, живетъ здѣсь въ сосѣдствѣ. Но я къ ней непоѣду зная что тебѣ было бы это не по сердцу. Здѣсь объѣдаюсь я вареньемъ и проигралъ три рубля въ двадцать четыре роббера въ Вистъ. Ты видишь что во всѣхъ отношеніяхъ я здѣсь безопасенъ. Много спрашиваютъ меня о тебѣ; такжели ты хороша какъ сказываютъ — и какая ты: *брюнетка* или *блондинка, худинькая* или *плотнинькая?* Завтра чѣмъ свѣтъ отправляюсь въ Ярополицъ, гдѣ пробуду нѣсколько часовъ и отправлюсь въ Москву гдѣ, кажется, долженъ буду остаться дня три. Забылъ я тебѣ сказать что въ Ярополицѣ (виноватъ: въ Торжкѣ) толстая M[lle] Pojarsky, та самая которая варитъ славный квасъ и жаритъ славныя котлеты, провожая меня до воротъ своего трактира, отвѣчала мнѣ на мои нѣжности: стыдно вамъ замѣчать чужія красоты, у васъ у самого такая красавица что я встрѣтя ее (?) ахнула. А надобно тебѣ знать что M[lle] Pojarsky ни дать ни взять M[de] George, только немного постарѣ. Ты видишь, моя женка, что слава твоя разпространилась по всѣмъ уѣздамъ. Довольна-ли ты? будьте здоровы всѣ, помнитъ-ли меня Маша, и нѣтъ-ли у ней новыхъ затѣй? Прощай, моя плотнинькая брюнетка (что ли?). Я веду себя хорошо, и тебѣ не за что на меня дуться. Письмо это застанетъ тебя послѣ твоихъ имянинъ. Глядѣлась-ли ты въ зеркало, и увѣрилась-ли ты что съ твоимъ лицомъ ничего сравнить нельзя на свѣтѣ — а душу твою люблю я еще болѣе твоего лица. Прощай, мой ангелъ, цалую тебя крѣпко.

На обороте: Натальи Николаевнѣ Пушкиной, въ Петербургѣ, на Черной Рѣчкѣ, на дачѣ Миллера.

Почтовые штемпеля: Москва 1833 Августа 26 *и:* Получено 1833 Авг. 29 Вечеръ.

---

*536. Н. Н. Пушкиной.

⟨26-го августа 1833 г. Москва.⟩

26 авг. Москва.

Поздравляю тебя со днемъ твоего Ангела, мой Ангелъ, цалую тебя заочно въ очи — и [начинаю даль] пишу тебѣ продолженіе

1833 г. моихъ похожденій — изъ антресолей вашего Никитскаго дома, куда прибылъ я вчера благополучно изъ Ярополица. Въ Ярополицъ пріѣхалъ я въ середу поздно. Наталья Ивановна встрѣтила меня какъ нельзя лучше. Я нашелъ ее здоровою, хотя подлѣ нее лежала палка, безъ которой далеко ходить не можетъ. Четвергъ я провелъ у нее. Много говорили о тебѣ, о Машѣ и о Кат. Ив. — Мать, кажется, тебя къ ней ревнуетъ; но хотя она по своей привычкѣ и жаловалась на прошедшее, однако съ меньшей уже горечью. Ей очень хотѣлось бы чтобъ ты будущее лѣто провела у нее. Она живетъ очень уединенно и тихо въ своемъ разоренномъ дворцѣ, и разводитъ огороды надъ прахомъ твоего прадѣдушки Дорошенки, къ которому ходилъ я на поклоненіе. Сем. Фед., съ которымъ мы большія пріятели, водилъ меня на его гробницу, и показывалъ мнѣ прочія достопамятности Ярополица. Я нашелъ въ домѣ старую библіотеку, и Нат. Ив. позволила мнѣ выбрать нужныя книги. Я отобралъ ихъ десятка три, которыя къ намъ и прибудутъ съ вареніемъ и наливками — Такимъ образомъ набѣгъ мой на Ярополецъ былъ вовсе ненапрасенъ.

Теперь, Женка, послушай что дѣлается съ Дм. Ник. Онъ какъ владѣтельный принцъ влюбился въ Гр. Н. Черн. *по портрету*, услыша что она дѣвка плотная, черноброва и румяная. Два раза ѣздилъ онъ въ Ярополецъ въ надеждѣ ее увидѣть, и въ самомъ дѣлѣ ему удалось застать ее въ церквѣ. Вотъ онъ и полезъ на стѣны. Пишетъ [онъ] изъ Заводовъ, что онъ безъ памяти отъ la charmante & divine comtesse, что онъ ночи не спитъ, et que *son charmant image* &c. и непремѣнно требуетъ отъ Нат. Ив., что бъ она просватала за него la charmante & divine comtesse; Нат. Ив. поѣхала къ Кругликовой, и выполнила комиссію. Позвали la divine & charmante, которая отказала наотрѣзъ. Нат. Ив. безпокоится о томъ, какое дѣйствіе произведетъ эта вѣсть. Я полагаю что онъ не застрѣлится. Какъ ты думаешь? А надобно тебѣ знать что онъ дѣло затѣялъ еще зимою, и очень подозрѣвалъ la divine et charmante comtesse въ склонности къ Муравьеву (святому). Для сего онъ со всевозможною дипломатическою тонкостію пришелъ однажды спросить его, какъ Скотининъ у своего племянника: *Митрофанъ, хочешь-ли ты жениться?* Видишь какой плутъ! и намъ ничего не сказалъ. Муравьевъ отвѣчалъ ему что скорѣй онъ будетъ монахомъ, а братъ и обрадовался, и ну просить у Графини son coeur & sa main, увѣряя ее письменно qu'il n'est plus dans son assiette ordinaire. Я помиралъ со смѣху читая его письмо, и жалѣю что не выпросилъ его для тебя.

Изъ Яроп. выѣхалъ я ночью, и пріѣхалъ въ Москву вчера въ полдень. Отецъ меня не принялъ — Говорятъ онъ довольно тихъ. Нащокинъ сказывалъ мнѣ что деньги Юрьева къ тебѣ посланы. Теперь я покоенъ — Соболевскій здѣсь incognito прячется отъ заимодавцевъ какъ настоящій Gentlemen и скупаетъ свои векселя. Дорогой велъ онъ себя порядочно и довольно вѣрно

исполнилъ условія, мною ему поднесенныя, а именно: 1) платить прогоны пополамъ, не общитывая товарища. 2) Не пердѣть ни явнымъ, ни тайнымъ образомъ, развѣ во снѣ и то ночью а не послѣ обѣда. Въ Москвѣ пробуду я нѣсколько времени, то есть два или три дня. Коляска требуетъ подправокъ. Дороги проселочныя были скверныя; меня насилу тащили шестерней. Въ Казанѣ буду я около [первого] третьяго. Оттолѣ ѣду въ Симбирскъ. Прощай, береги себя — Цалую всѣхъ васъ. Кланяйся Кат. Ивановнѣ.

---

* 537. Н. Н. Пушкиной.

<27-го августа 1833 г. Москва.>

Вчера были твои имянины, сегодня твое рожденіе — Поздравляю тебя и себя, мой Ангелъ. Вчера пилъ я твое здоровье у Киреевскаго съ Шевыревымъ и Соболевскимъ; сегодня буду пить у Суденки. Ѣду послѣ завтра — прежде небудетъ готова моя коляска. Вчера пріѣхавъ поздно домой нашелъ я у себя на столѣ карточку Булгакова, отца красавицъ, и приглашеніе на вечеръ. Жена его была также имянинница. Я не поѣхалъ за неимѣніемъ бальнаго платья, и за небритіе усовъ, которые отращаю въ дорогу. Ты видишь что въ Москву мудрено попасть и не поплясать. Однако скучна Москва, пуста Москва, бѣдна Москва. Даже извощиковъ мало на ея скучныхъ улицахъ. На Тверскомъ бульварѣ [гуляютъ] попадаются двѣ-три салопницы, да какой нибудь студентъ въ очкахъ и въ фурашкѣ, да Кн. Шаликовъ. Былъ я у Погодина, который говорятъ женатъ на красавицѣ. Я ея не видалъ и не могу всеподданнѣйше о ней тебѣ донести. Нащокина не видалъ цѣлый день. Чадаевъ потолстѣлъ, похорошѣлъ и поздоровѣлъ. Здѣсь Раевскій Николай. Ни онъ, ни братъ его не умирали — а умеръ какой-то бригадиръ Раевскій. Скажи Вяземскому что умеръ тезка его Князь Петръ Долгорукой — получивъ какое-то наслѣдство, и не успѣвъ его промотать въ Англ. клобѣ, о чемъ здѣшнее общество весьма жалѣетъ. Въ клобѣ я не былъ — чуть ли я не исключенъ, ибо позабылъ возобновить свой билетъ. Надобно будетъ заплатить 300 рублей штрафу а я весь Англійскій клобъ готовъ продать за 200. Здѣсь Орловъ, Бобринскій и другія мои старыя знакомыя. Важная новость: французскія вывѣски, уничтоженныя Разтопчинымъ въ годъ когда ты родилась, появились опять на Кузнецкомъ Мосту. По своему обыкновенію бродилъ я по книжнымъ лавкамъ, и ничего путнаго не нашелъ. Книги взятыя мною въ дорогу перебились и перетерлись въ сундукѣ — Отъ этого я такъ сердитъ сегодня, что не совѣтую Машкѣ капризничать и воевать съ Нянею: прибью. Цалую тебя. Кланяюсь теткѣ — Благословляю Машку съ Сашкой.

Оттиск почтового штемпеля: Москва 1833 Авгус. 31.

---

* 538. С. А. Соболевскому.

<27-го августа 1833 г. Москва.>

Пожалуй-ста приезжай ко мнѣ, къ обѣду: мнѣ съ тобою непремѣнно надо поговорить.

А. Пушкинъ

Воскресеніе.

На оборотѣ: С. А. Соболевскому &c.

---

* 539. Н. Н. Пушкиной.

<2-го сентября 1833 г. Нижний-Новгород.>

Передъ отъѣздомъ изъ Москвы я неуспѣлъ тебѣ писать. Нащокинъ провожалъ меня шампанскимъ, жженкой и молитвами— Каретникъ насилу выдалъ мнѣ коляску; нѣтъ мнѣ щастія съ каретниками. Дорога хороша, но подъ Москвою нѣтъ лошадей, я повсюду ждалъ нѣсколько часовъ и насилу дотащился до Нижняго сегодня, т. е. въ пятыя сутки. Успѣлъ только съѣздить въ баню, а объ городѣ скажу только тебѣ les rues sont larges & bien pavées, les maisons sont bien baties. Ѣду на ярманку которая свои послѣднія штуки показываетъ, а завтра отправляюсь въ Казань.

Мой Ангелъ, кажется я глупо сдѣлалъ что оставилъ тебя и началъ опять кочевую жизнь. Живо воображаю первое число. Тебя теребятъ за долги, Параша, поваръ, извощикъ, аптекарь, M[de] Sichler &c., у тебя нехватаетъ денегъ, Смирдинъ передъ тобой извиняется, ты безпокоишься — сердишься на меня — и по дѣломъ — А это еще хорошая сторона картины — что если у тебя опять нарывы, что если Машка больна? А другія, непредвидѣнныя случаи — — — Пугачевъ нестоитъ этого. Того и гляди, я на него плюну — и явлюсь къ тебѣ — Однако буду въ Синбирскѣ, и тамъ ожидаю найти писемъ отъ тебя. Ангелъ мой, если ты будешь умна, т. е. здорова и спокойна, то я тебѣ изъ деревни привезу товару на сто рублей какъ говорится. Что у насъ за погода! дни жаркія, съ утра маленькія морозы — роскошь! такъ-ли у Васъ? Гуляешь-ли ты по Черной Рѣчкѣ или еще въ заперти? Во всякомъ случаѣ береги себя — Скажи теткѣ что хоть я и ревную ее къ тебѣ но прошу Христомъ и Богомъ тебя не покидать и глядѣть за тобою. Прощайте, дѣти, до Казани. Цалую всѣхъ васъ равно крѣпко — тебя въ особенности.

На оборотѣ: Ея Высокоблагородію Натальи Николаевнѣ Пушкиной. Въ С. Петербургѣ, на Черной Рѣчкѣ, на дачѣ Миллера.

Почтовые штемпеля: Нижн. Новгородъ 2 Сен. 1833 *и:* Получено: 1833 Сент. 7. Вечеръ.

---

* 540. Н. Н. Пушкиной.

⟨2-го сентября 1833 г. Нижний-Новгород.⟩

2 сент.

Мой ангелъ, я писалъ тебѣ сегодня выпрыгнувъ изъ коляски и одурѣвъ съ дороги. Ничего тебѣ не сказалъ и ни о чемъ всеподданнѣйше не донесъ. Вотъ тебѣ отчетъ съ самаго Натальина дня. Утромъ поѣхалъ я къ Булгакову извиняться и благодарить, а между тѣмъ и выпросить листъ для смотрителей, которыя очень мало меня уважаютъ не смотря на то что я пишу прекрасныя стишки. У него засталъ я его дочерей и Всеволожскаго le cocu, который скачетъ изъ Казани къ Вамъ въ П. Б. — Они звали меня на вечеръ къ Пашковымъ на дачу, я не поѣхалъ жалѣя своихъ усовъ, которыя только лишь ощетинились. Обѣдалъ у Суденки моего пріятеля, товарища холостой жизни моей. Теперь и онъ женатъ, и онъ сдѣлалъ двухъ ребятъ, и онъ пересталъ играть — но у него 125,000 доходу, а у насъ, мой Ангелъ это впереди. Жена его тихая, скромная не-красавица. Мы отобѣдали втроемъ и я, безъ церемоніи, предложилъ здоровье моей имянинницы, и выпили мы всѣ не морщась по бокалу шампанскаго. Вечеръ у Нащокина, да какой вечеръ! шампанское, Лафитъ, зазженный Пуншъ съ ананасами — и все за твое здоровье, Красота моя. На другой день въ книжной лавкѣ встрѣтилъ я Н. Раевскаго — Sacré chien, сказалъ онъ мнѣ съ нѣжностію, pourquoi n'ètes vous pas venu me voir? — Animal, отвѣчалъ я ему съ чувствомъ, qu'avez vous fait de mon manuscript petit-Russien? Послѣ сего поѣхали мы вмѣстѣ какъ ни въ чемъ небывало, онъ держа меня за воротъ всенародно, чтобъ я не выскочилъ изъ коляски. Отобѣдали вмѣстѣ глазъ на глазъ (Виноватъ: втроемъ съ бутылкой Мадеры). Потомъ для разнообразія жизни, провелъ опять вечеръ у Нащокина; на другой день онъ задалъ мнѣ прощальный обѣдъ, со стерледями и съ жженкой, усадили меня въ коляску и я выѣхалъ па большую дорогу.

Ухъ, женка, страшно! теперь слѣдуетъ важное признанье. Сказать-ли тебѣ словечко, утерпитъ-ли твое сердечко? Я нарочно тянулъ письмо разказами о Московскихъ моихъ обѣдовъ, чтобъ какъ можно позже дойти до сего рокового мѣста; ну, такъ ужъ и быть, узнай что на второй станціи, гдѣ не давали мнѣ лошадей, встрѣтилъ я нѣкоторую Городничиху, ѣдущую съ теткой изъ Москвы къ мужу, и обижаемую на всѣхъ станціяхъ. Она приняла меня [за смотрителя] весьма дурно и на разпѣвъ начала меня усовѣщевать и уговаривать: какъ вамъ не стыдно? на что это похоже? двѣ тройки стоятъ на конюшнѣ, а вы мнѣ ни одной со вчерашняго дня не даете. — Право? сказалъ я и пошелъ взять эти тройки для себя — Городничиха видя что я не смотритель, очень смутилась, начала извиняться и такъ меня тронула, что я уступилъ ей одну тройку на которую имѣла она

всевозможныя права, а самъ нанялъ себѣ другую, т. е. третью, и уѣхалъ. Ты думаешь: Ну это еще не бѣда. Постой, женка еще не все. Городничиха и тетка такъ были восхищены моимъ рыцарскимъ поступкомъ, что рѣшились отъ меня не отставать и путешествовать подъ моимъ покровительствомъ, на что я великодушно и согласился. Такимъ образомъ и доѣхали мы почти до самаго Нижняго — онѣ отстали за 3 или 4 станціи — и я теперь свободенъ и одинокъ. Ты спросишь: хороша ли Городничиха? Вотъ то-то что не хороша, Ангелъ мой Таша, о томъ то я и горюю. — Уфъ! кончилъ. Отпусти и помилуй.

Сегодня былъ я у Губернатора, Ген. Бутурлина. Онъ и жена его приняли меня очень мило и ласково; онъ уговорилъ меня обѣдать завтра у него. Ярманка кончилась — я ходилъ по опустѣлымъ лавкамъ. Онѣ сдѣлали на меня впечатлѣніе бальнаго разъѣзда, когда карета Гончаровыхъ ужъ уѣхала — Ты видишь что несмотря на Городничиху и ея тетку — я все еще люблю Гончарову Наташу которую заочно цалую куда ни попало. Addio mia bella, idol mio, mio bel tesoro quando mai ti riverrò.

---

*541. Н. Н. Пушкиной.

〈8-го сентября 1833 г. Казань.〉

8 сент. Казань.

Мой Ангелъ, здраствуй. Я въ Казани съ 5, и до сихъ поръ не имѣлъ время тебѣ написать слова. Сей часъ ѣду въ Синбирскъ гдѣ надѣюсь найти отъ тебя письмо. Здѣсь я возился со стариками современниками моего Героя, объѣзжалъ окрестности города, осматривалъ мѣста сраженій, разпрашивалъ, записывалъ и очень доволенъ, что не напрасно посѣтилъ эту сторону. Погода стоитъ прекрасная, чтобъ не сглазить только. Надѣюсь до дождей объѣхать все что предполагалъ видѣть и въ концѣ сент. быть въ деревнѣ. Здорова-ли ты? здоровы-ли всѣ вы? Дорогой я видѣлъ годовую дѣвочку которая бѣгаетъ на карачкахъ какъ котенокъ и у которой уже два зубка. Скажи это Машкѣ. Здѣсь Баратынскій — Вотъ онъ ко мнѣ входитъ. До Симбирска. Я буду говорить тебѣ о Казани подробно — теперь некогда. — Цалую тебя.

На обороте: М. Г. Натальи Николаевнѣ Пушкиной. Въ Петербургѣ на Черной Рѣчкѣ, на дачѣ Миллера.

Почтовые штемпеля: Казань 1833 Сен. 11 *и:* Получено 1833 Сен. 21. Вечеръ.

---

542. А. А. Фукс.

⟨8-го сентября 1833 г. Казань.⟩

Милостивая Государыня

Александра Андреевна!

Съ сердечной благодарностью посылаю вамъ мой адресъ и надѣюсь, что обѣщаніе ваше пріѣхать въ Петербургъ не есть одно любезное привѣтствіе. Примите, Милостивая Государыня, изъявленіе моей глубокой признательности за ласковый пріемъ путешественнику, которому долго памятно будетъ минутное пребываніе его въ Казани.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю быть ⟨и проч.⟩

---

*543. Н. Н. Пушкиной.

⟨12-го сентября 1833 г. С. Языково.⟩

Село Языково 65 верстъ отъ Симбирска. 12 сент.

Пишу тебѣ изъ деревни поэта Языкова, къ которому заѣхалъ и не нашелъ дома. Третьяго дня прибылъ я въ Симбирскъ и отъ Загряжскаго принялъ отъ тебя письмо. Оно обрадовало меня, мой Ангелъ — но я все-таки тебя побраню — У тебя нарывы, а ты пишешь мнѣ четыре страницы кругомъ — Какъ тебѣ не совѣстно! Немогла ты мнѣ сказать въ четырехъ строчкахъ о себѣ и о дѣтяхъ — Ну такъ и быть — Дай Богъ теперь быть тебѣ здоровой — Я радъ что Сергѣй Ник. будетъ съ тобою, онъ очень милъ и тебѣ не надоѣстъ — Объ Ив. Ник. говорить нечего. Надѣюсь что свадьба его разстроится. По всему видно что все семейство воспользовалось разстроеннымъ его состояніемъ чтобъ заманить его въ сѣти — Вѣроятно и начальство, если дѣло дойдетъ до начальства, приметъ это въ соображеніе — Должно будетъ поплатиться деньгами. Если дѣвица не брюхата, то бѣда еще не велика. А съ отцемъ, и съ дядей-башмачникомъ дуэля кажется не будетъ. Если домъ удобенъ, то нечего дѣлать, бери его — но ужъ по крайнѣй мѣрѣ, усиди въ немъ — Меня очень безпокоятъ твои обстоятельства, денегъ у тебя слишкомъ мало. Того и гляди сдѣлаешь новыя долги, не разплотясь со старыми — Я путешествую кажется съ пользою, но еще не на мѣстѣ и ничего не написалъ — И сплю и вижу приехать въ Болдино, и тамъ запереться.

Изъ Казани написалъ я тебѣ нѣсколько строчекъ — некогда было. Я таскался по окрестностямъ, по полямъ, по кабакамъ и попалъ на вечеръ къ одной blue Stockings, сороколѣтней, несносной бабѣ съ вощеными зубами, и съ ногтями въ грязи. Она развернула тетрадь и прочла мнѣ стиховъ съ двести какъ ни въ

1833 г. чемъ не бывало. Баратынскій написалъ ей стихи и съ удивительнымъ безстыдствомъ разхвалилъ ея красоту и геній. Я такъ и ждалъ что принужденъ буду ей написать въ Альбомъ — но Богъ помиловалъ, однако она взяла мой адресъ и стращаетъ меня перепискою и приездомъ въ П. Б. съ чемъ тебя и поздравляю. Мужъ ея умный и ученый нѣмецъ, въ нее влюбленъ и въ изумленіи отъ ея Генія; однако онъ одолжилъ меня очень — и я радъ что съ нимъ познакомился. Сегодня ѣду въ Симбирскъ отобѣдаю у Губернатора а къ вечеру отправлюсь въ Оренбургъ, послѣдняя цѣль моего путешествія.

Здѣсь я нашелъ старшаго брата Языкова, человѣка чрезвычайно замѣчательнаго и котораго готовъ я полюбить какъ люблю Плетнева или Нащокина. Я провелъ <съ нимъ> вечеръ, и оставилъ его для тебя, а теперь оставляю тебя для него — Прости, Ангелъ женка. Цалую тебя и всѣхъ васъ — благословляю дѣтей отъ сердца — Береги себя — Я радъ что ты не брюхата — Кланяюсь Кат. Ив. и брату С.

Пиши мнѣ въ Болдино.

---

*544. Н. Н. Пушкиной.

<14-го сентября 1833 г. Симбирск.>

14 Симбирскъ

Опять я въ Симбирскѣ. Третьяго дня выѣхавъ ночью отправился я къ Оренбургу. Только выѣхалъ на большую дорогу заяцъ перебѣжалъ мнѣ ее. Чортъ его побери, дорого бы далъ я, чтобъ его затравить — На третій станціи стали закладывать мнѣ лошадей — гляжу, нѣтъ ямщиковъ — одинъ слѣпъ, другой пьянъ и спрятался — Пошумѣвъ изо всей мочи, рѣшился я возвратиться, и ѣхать другой дорогой; по этой на станціяхъ вездѣ по 6 лошадей, а почта ходитъ четыре раза въ недѣлю. Повезли меня обратно — я заснулъ — просыпаюсь утромъ — что же? не отъѣхалъ я и пяти верстъ. Гора — лошади не взвезутъ — около меня человѣкъ 20 мужиковъ — Чортъ знаетъ какъ Богъ помогъ — наконецъ взѣхали мы и я воротился въ Симбирскъ. Дорого бы далъ я чтобъ быть борзой собакой; ужъ этого зайца я бы отыскалъ — Теперь ѣду опять другимъ трактомъ — Авось безъ приключеній. Я все надѣялся что получу здѣсь въ утѣшеніе хоть извѣстіе о тебѣ — анъ нѣтъ. Что ты, моя женка? какова ты и дѣти? Цалую и благословляю васъ — Пиши мнѣ часто и о всякомъ вздорѣ до тебя касающемся — Кланяюсь теткѣ.

На обороте: Ея Превосходительству Милостивой Государынѣ Екатеринѣ Ивановнѣ Загряжской. Въ С. Петербургъ въ Зимнемъ Дворцѣ. Для дост. Н. Н. Пушкиной.

Почтовые штемпеля: Симбирскъ 1833 Сен. 14 *и:* Получено 1833. Сен. 21 Вечеръ.

---

*545. Н. Н. Пушкиной.

<19-го сентября 1833 г. Оренбург.>

19 сент. Оренбургъ

Я здѣсь со вчерашняго дня — Насилу доѣхалъ, дорога прескучная, погода холодная, завтра ѣду къ Яицкимъ казакамъ, пробуду у нихъ дни три — и отправляюсь въ деревню черезъ Саратовъ и Пензу —

Что, Женка? скучно тебѣ? мнѣ тоска безъ тебя. Кабы не стыдно было, воротился-бы прямо къ тебѣ, ни строчки не написавъ. Да не льзя, мой Ангелъ — Взялся за гужъ, не говори что не дюжъ — то есть — уѣхалъ писать, такъ пиши-же романъ за романомъ, поэму за поэмой — А ужъ чувствую что дурь на меня находитъ — я и въ коляскѣ сочиняю, что жъ будетъ въ постелѣ? Одно меня сокрушаетъ: человѣкъ мой. Вообрази себѣ тонъ Московскаго канцеляриста, глупъ, говорливъ, черезъ день пьянъ, ѣстъ мои холодныя, дорожныя рябчики, пьетъ мою Мадеру, портитъ мои книги и по станціямъ называетъ меня то Графомъ, то Генераломъ — Бѣситъ меня да и только — Свѣтъ-то мой Иполитъ! Къ стати о Хамовомъ племени: какъ ты ладишь своимъ домомъ? боюсь, людей у тебя мало; не наймешь-ли ты кого? На женщинъ надѣюсь, но съ мущинами какъ тебѣ ладить? Все это меня безпокоитъ — я мнителенъ какъ Отецъ мой. Не говорю уже о дѣтяхъ. Дай Богъ имъ здоровья — и тебѣ, женка. Прощай, женка — Не жди отъ меня ужъ писемъ, до самой деревни. Цалую тебя и васъ благословляю.

Какъ я хорошо веду себя! какъ ты была бы мной довольна! за барышнями не ухаживаю, смотрительшей не щиплю, съ калмычками не кокетничаю — и на дняхъ отказался отъ Башкирки, не смотря на любопытство, очень простительное путешественнику — Знаешь-ли ты, что есть пословица: На чужой сторонкѣ и старушка Божій даръ. То-то, женка. Бери съ меня примѣръ.

На обороте: [Ея Высокородію М. Г. Натальѣ Николаевнѣ Пушкиной] Ея Превосходительству Милостивой Государынѣ Катеринѣ Ивановнѣ Загряжской. *Въ С. Петербургъ* въ Зимнимъ Дворцѣ, прост. дост. *Н. Н. Пушкиной.*

Почтовый штемпель: Оренбургъ 1833 Сентяб. 19.

---

*546. Н. Н. Пушкиной.

<2-го октября 1833 г. Болдино.>

2 окт.

Милый другъ мой, я въ Болдинѣ со вчерашняго дня — думалъ здѣсь найти отъ тебя письма, и не нашелъ ни одного — Что съ вами? здорова-ли ты? здоровы-ли дѣти? сердце замираетъ какъ

подумаешь. Подъѣзжая къ Болдину, у меня были самыя мрачныя предчувствія такъ что не нашедъ о тебѣ никакого извѣстія я почти обрадовался — Такъ боялся я недоброй вѣсти. Нѣтъ, мой другъ: плохо путешествовать женатому; то-ли дѣло холостому! ни о чемъ не думаешь, ни о какой смерти не печалишься. Послѣднее письмо мое должна ты была получить изъ Оренбурга — Оттуда поѣхалъ я въ Уральскъ — тамошній Атаманъ и Козаки приняли меня славно, дали мнѣ два обѣда, подпили за мое здоровье, на перерывъ давали мнѣ всѣ извѣстія въ которыхъ имѣлъ нужду — накормили меня свѣжей икрой, при мнѣ изготовленной — При выѣздѣ моемъ (23 сентября) вечеромъ пошелъ дождь, первый по моемъ выѣздѣ. Надобно тебѣ знать что нынѣшній <годъ> была всеобщая засуха, и что Богъ угодилъ на одного меня, уготовя мнѣ вездѣ прекраснѣйшую дорогу — На возвратной-же путь послалъ онъ мнѣ этотъ дождь, и черезъ полчаса сдѣлалъ дорогу непроходимой — Того мало: выпалъ снѣгъ, и я обновилъ зимній путь проѣхавъ верстъ 50 на саняхъ. Проѣзжая мимо Языкова я къ нему заѣхалъ [отобѣдать], засталъ всѣхъ трехъ братьевъ, отобѣдалъ съ ними очень весело, ночевалъ и отправился сюда. Въѣхавъ въ границы Болдинскія, встрѣтилъ я Поповъ, и такъ же озлился на нихъ какъ на Симбирскаго зайца — Недаромъ всѣ эти встрѣчи. Смотри, женка. Того и гляди избалуешься безъ меня, забудешь меня — изкокетничаешься. Одна надежда на Бога да на тетку. Авось сохранятъ тебя отъ искушеній разсѣянности. Честь имѣю донести тебѣ что съ моей стороны я передъ тобою чистъ какъ новорожденный младенецъ. Дорогою волочился я за одними 70 и 80-лѣтними старухами — А на молоденькихъ засцыхъ шестидесятилѣтнихъ и не глядѣлъ. Въ деревнѣ Бердѣ, гдѣ Пугачевъ простоялъ 6 мѣсяцовъ, имѣлъ я une bonne fortune — нашелъ 75 лѣтнюю казачку которая помнитъ это время, какъ мы съ тобою помнимъ 1830 годъ. Я отъ нее не отставалъ, виноватъ: и про тебя не подумалъ. Теперь надѣюсь многое привести въ порядокъ, многое написать и п<отомъ> къ тебѣ съ добычею — Въ воскресеніе приходитъ почта въ Абрамово, надѣюсь письма — сегодня понедѣльникъ, недѣлю буду его ждать — Прости — оставляю тебя для Пуг<ачева> — Христосъ съ Вами, дѣти мои — Цалую тебя, женка — будь умна и здорова.

На обороте: Ея Превосходительству Милостивой Государынѣ Катеринѣ Ивановнѣ Загряжской, въ С. Петербургъ Въ Зимнемъ Дворцѣ. Пр. дост. Н. Н. *Пушкиной.*

Почтовый штемпель: ... 4 октября 1833.

---

* 547. Н. Н. Пушкиной.

<8-го октября 1833 г. Болдино.>

Мой Ангелъ, сейчасъ получаю отъ тебя вдругъ два письма, первыя послѣ Симбирскаго. Какъ они дошли до меня, не понимаю:

ты пишешь въ Нижегородскую Губ. въ село Абрамово, оттуда &c. — А объ уѣздѣ ни словечка. Не забудь прибавлять въ *Арзамасскомъ уѣздѣ;* а то чего добраго, въ Нижег. Губ. можетъ быть и не одно село Абрамово; такъ какъ не одно село Болдино. Двѣ вещи меня безпокоятъ: то что я оставилъ тебя безъ денегъ, а можетъ быть и брюхатою. Воображаю твои хлопоты и твою досаду; слава Богу что ты здарова, что Машка и Сашка живы, и что ты, хоть и дорого, но домъ наняла. Не стращай меня, женка, не говори что ты изкокетничалась; я пріѣду къ тебѣ, ничего не успѣвъ написать — а безъ денегъ сядемъ на мѣль. Ты лучше оставь ужъ меня въ покоѣ, а я буду работать и спѣшить. Вотъ ужъ недѣлю какъ я въ Болдинѣ, привожу въ порядокъ мои записки о Пуг. а стихи пока еще спятъ. Коли Царь позволитъ мнѣ Записки, то у насъ будетъ тысячъ 30 чистыхъ денегъ — Заплотимъ половину долговъ, и заживемъ припѣваючи. Очень благодарю за новости и за сплетни. Коли увидишь Жуковскаго, поцалуй его за меня и поздравь съ возвращеніемъ и звѣздою; каково его здоровье? напиши. Карамзинымъ и Мещерскимъ мой сердечной поклонъ. Софьи Николаевнѣ объясни что если я небылъ къ нимъ въ Дерптъ, то это единственно по недостатку прогоновъ, которыхъ не хватило на лишнихъ 500 верстъ. А не писалъ имъ, полагая все пріѣхать. Жаль что ты Смирновой не видала; она должна быть уморительна смѣшна послѣ своей поѣздки въ Германію; Безобразовъ умно дѣлаетъ, что женится на К. Хидковой. Давно бы такъ. Лучше завести свое хозяйство, нежели волочиться весь свой вѣкъ за чужими женами и выдавать за свои чужія стихи. Не кокетничай съ Соболевскимъ, и не сердись на Нащекина: слава Богу что онъ прислалъ 1500р — а о 180 не жалѣй; плюнь да и только. Что такое 50р присланныя тебѣ моимъ Отцемъ? ужъ не проценты-ли 550 которыхъ онъ мнѣ долженъ? Чего добраго? Здѣсь мнѣ очень совѣтуютъ взять на себя наслѣдство Василья Львовича; и мнѣ хочется, но для этаго нужны во первыхъ деньги, а во вторыхъ свободное время; а у меня ни того, ни другаго. Какова Краевская? недаромъ Отрѣжковъ за ней волочился. Не думалъ я попасть въ ея меморіи и такимъ образомъ достигнуть безсмертія. Кланяйся ей отъ меня, если ее увидишь. Да кланяйся и всѣмъ моимъ прелестямъ: Хитровой первой. Какъ она перенесла мое отсутствіе? Надѣюсь съ твердостію, достойной дочери Князя Кутузова. Такъ Фикельмонъ пріѣхали? радуюсь за тебя; какъ-то мой Ангелъ, удадутся тебѣ балы? Въ самомъ дѣлѣ не забрюхатѣла-ли ты? Что ты за недотыка? Прощай, душа. Я что то сегодня не очень здоровъ. Животикъ болитъ, какъ у Александрова. Цалую и благословляю всѣхъ васъ — Кланяюсь и отъ сердца благодарю тетку Катерину Ивановну за ея милыя хлопоты. Прощай. *1833 г.*

8 окт.

На обороте: М. Г. Натальи Николаевнѣ Пушкиной. Въ С. Петербургѣ у Пантелеймона, близъ Цѣпнаго моста, въ домѣ Оливье.

Почтовые штемпеля: Лукояновъ 1833 10 октяб. *и:* Получено 1833 Окт. 19 вечеръ.

---

* 548. Н. Н. Пушкиной.

⟨11-го октября 1833 г. Болдино.⟩

Мой Ангелъ, одно слово: съѣзди къ Плетневу и попроси его, чтобъ онъ *къ моему пріѣзду* велѣлъ переписать изъ Собранія Законовъ (год. 1774 и 1775 и 1773) всѣ указы относящіяся къ Пугачеву. Не забудь.

Что твои обстоятельства? что твое брюхо? Не жди меня въ нынѣшній мѣсяцъ, жди меня въ концѣ ноября — Не мѣшай мнѣ, не стращай меня, будь здарова, смотри за дѣтьми, не кокетничай съ Ц⟨аремъ⟩ ни съ женихомъ Княжны Любы. Я пишу, я въ хлопотахъ, никого не вижу — и привезу тебѣ пропасть всякой всячины — Надѣюсь что Смирдинъ окуратенъ — Надняхъ пришлю ему стиховъ — Знаешь-ли что обо мнѣ говорятъ въ сосѣднихъ Губерніяхъ? Вотъ какъ описываютъ мои занятія: какъ Пушкинъ стихи пишетъ — передъ нимъ стоитъ штофъ славнѣйшей настойки — онъ хлопъ стаканъ, другой, третій — и ужъ начнетъ писать! — Это слава. Что касается до тебя, то слава о твоей красотѣ достигла до нашей попадьи, которая увѣряетъ что ты всѣмъ взяла не только лицомъ да и фигурой. Чего тебѣ больше. Прости, цалую Васъ и благословляю — Теткѣ цалую ручку. Говоритъ-ли Маша? ходитъ-ли? что зубки? Сашѣ подсвистываю — Прощай —

11 окт.

На оборотѣ: Натальи Николаевнѣ Пушкиной Въ С. Петербургѣ у Цѣпнаго моста противъ Пантелеймона, въ домѣ Оливье.

Почтовая помета: 11 октября 1833 года Станція Абрамова *и штемпель:* получено 1833 окт. 19 вечеръ.

---

* 549. Н. Н. Пушкиной.

⟨21-го октября 1833 г. Болдино.⟩

Получилъ сегодня письмо твое отъ 4го окт. и сердечно тебя благодарю. Въ прошлое воскресеніе не получилъ отъ тебя письма, и имѣлъ глупость на тебя надуться; а вчера такое горе взяло, что [давно] и незапомню чтобъ на меня находила такая хандра. Радуюсь что ты не брюхата, и что ничто не помешаетъ тебѣ отличаться на нынѣшнихъ балахъ. Видно Огаревъ охотникъ до Пушкиныхъ, дай Богъ ему ни дна ни покрышки! кокетничать

я тебѣ ни мѣшаю, но требую отъ тебя холодности, благопристойности, важности — неговорю уже о безпорочности повѣденія которое относится не къ *тону*, а къ чему-то уже важнѣйшему. Охота тебѣ, женка, соперничать съ Гр. Сал — Ты красавица, ты бой-баба, а она шкурка. Что тебѣ перебивать у ней поклонниковъ? Все равно кабы гр. Шереметевъ сталъ оттягивать у меня Кистеневскихъ моихъ мужиковъ. Кто же еще за тобой ухаживаетъ кромѣ Огарева? пришли мнѣ списокъ по азбучному порядку. Да напиши мнѣ также гдѣ ты бываешь и что Карамзины, Мещерская и Вяземскія. Княгинѣ В. скажи что напрасно она безпокоиться о портретѣ Вигеля, и что *съ этой стороны* честное мое повѣденіе выше всякаго подозрѣнія; но что изъ уваженія къ ея просьбѣ, я поставлю его портретъ *сзади* всѣхъ другихъ. Къ стати: она обѣщала мнѣ свой портретъ и до сихъ поръ слова не сдержала; попѣняй ей отъ меня. Жуковскаго и Вельгорскаго вѣроятно ты уже видѣла. Что Ж.? мнѣ пишутъ что онъ поздоровѣлъ и помолодѣлъ. Правда-ли? Чтожъ ты хотѣла женить его на К. Н.? и что К. Н., будетъ къ намъ или нѣтъ? Вообрази что прошлое воскресеніе вмѣсто письма отъ тебя получилъ я письмо отъ Соболевскаго, которому нужны деньги для pâtés de foie gras, и который для того затѣваетъ Альманахъ. Ты понимаешь какъ письмо его и просьбы о стихахъ (что я говорю *просьбы,* приказанія, подряды на заказъ) разсердили меня. А все ты виновата. Что-то моя беззубая Пускина? Ужъ эти мнѣ зубы! — а каковъ Сашка рыжій? Да въ кого то онъ рыжъ? не ожидалъ я этого отъ него. О себѣ тебѣ скажу, что я работаю лѣниво, черезъ пень колоду валю. Всѣ эти дни голова болѣла, хандра грызла меня. Нынче легче. Началъ многое, но ни къ чему нѣтъ охоты; Богъ знаетъ, что со мною дѣлается. Старамъ стала, и умомъ плохамъ. Пріѣду оживиться твоею молодостію, мой Ангелъ. Но не жди меня прежде конца ноября; не хочу къ тебѣ съ пустыми руками явиться, взялся за гужъ, не скажу что не дюжъ. А ты небрани меня. Благодари мою безцѣнную Катерину Ивановну, которая недаетъ тебѣ воли въ ложѣ. Цалую ей ручки и прошу, ради Бога, не оставлять тебя на произволъ твоихъ обожателей — Машку, Сашку рыжаго и тебя цалую и крещу. Господь съ Вами — Прощай, спать хочу. *21 октября.* Болдино. *1833 г.*

На обороте: М. Г. Натальи Николаевнѣ Пушкиной, въ С. Петербургѣ у Цѣпнаго моста, противъ Пантелеймона, въ домѣ Г. Оливье.

Почтовая помета: 25 октября 1833 Года Абрамова Станція *и штемпель:* Получено 1833 ноя. 2 вечеръ.

---

* 550. Н. Н. Пушкиной.

<30-го октября 1833 г. Болдино.>

Вчера получилъ я, мой другъ два отъ тебя письма спасибо; но я хочу немножко тебя пожурить. Ты кажется не путемъ изкокетничалась. Смотри: не даромъ кокетство не въ модѣ и почитается признакомъ дурнова тона. Въ немъ толку мало. Ты радуешься что за тобою, какъ за сучкой, бѣгаютъ кобели, поднявъ хвостъ трубочкой, и понюхивая тебѣ задницу; есть чему радоваться! Не только тебѣ, но и Парасковьи Петровнѣ легко за собою приучить бѣгать холостыхъ шаромыжниковъ; стоитъ разгласить что-де я большая охотница. Вотъ вся тайна кокетства. *Было бы корыто, а свиньи будутъ.* Къ чему тебѣ принимать мущинъ, которыя за тобою ухаживаютъ? не знаешь на кого нападешь. Прочти басню А. Измайлова о Ѳомѣ и Кузьмѣ. Ѳома накормилъ Кузьму икрой и селедкой. Кузьма сталъ просить пить а Ѳома не далъ. Кузьма и прибилъ Ѳому какъ каналью. Изъ этого поэтъ выводитъ слѣдующее нравоученіе: Красавицы! не кормите селедкой если не хотите пить давать; не то можете наскочить на Кузьму. Видишь-ли? Прошу чтобъ у меня не было этихъ Академическихъ завтраковъ. Теперь, мой Ангелъ, цалую тебя какъ ни въ чемъ не бывало; и благодарю за то что ты подробно и откровенно описываешь мнѣ свою безпутную жизнь. Гуляй, женка; только не загуливайся, и меня не забывай. Мочи нѣтъ, хочется мнѣ увидать тебя причесанную à la Ninon; ты должна быть чудо какъ мила. Какъ ты прежде объ этой старой курвѣ не подумала и не переняла у ней ея прическу? Опиши мнѣ свое появленіе на балахъ, которыя, какъ ты пишешь, вѣроятно уже открылись — Да Ангелъ мой, пожалуйста некокетничай. Я неревнивъ, да и знаю что ты во все тяжкое не пустишься; но ты знаешь какъ я не люблю все что пахнетъ Московской барышнею, все что не comme il faut, все что vulgar... Если при моемъ возвращеніи я найду что твой милый, простой, Аристократическій тонъ измѣнился, разведусь, вотъ те Христосъ, и пойду въ солдаты съ горя. Ты спрашиваешь какъ я живу и похорошѣлъ ли я? Во первыхъ, отпустилъ я себѣ бороду; *Усъ да борода — молодцу похвала; выду на улицу, Дядюшкой зовутъ.* 2) Просыпаюсь въ 7 часовъ, пью кофей, и лежу до 3-хъ часовъ. Недавно расписался, и уже написалъ пропасть. Въ 3 часа сажусь верьхомъ, въ 5 въ ванну и потомъ обѣдаю картофелемъ, да грешневой кашей. До 9 часовъ — читаю. Вотъ тебѣ мой день, и всѣ на одно лице.

Проси Катерину Андреевну на меня не сердиться; ты рожала, денегъ у меня лишнихъ не было, я спѣшилъ въ одну сторону — никакъ не попалъ на Дерптъ. Кланяюсь ей, Мещерской, Соф. Н., Княгинѣ и Княжнамъ Вяз. Политикѣ скажи что за ея поцалуемъ явлюсь лично, а что де на почтѣ не принимаютъ. А Катерина Ивановна? какъ это она тебя пустила на Божію волю? Ахти,

Господи Суее Христе! Машу цалую и прошу меня помнить. Что это у Саши за сыпь? Христосъ съ Вами — Благословляю и цалую Васъ.

30 окт.

---

* 551. Князю В. Ф. Одоевскому.

⟨30-го октября 1833 г. Болдино.⟩

Виноватъ, Ваше Сіятельство! кругомъ виноватъ. Пріѣхалъ въ деревню, думалъ разпишусь. Не тутъ-то было. Головная боль, хозяйственныя хлопоты, лѣнь — барская, помѣщичья лѣнь — такъ одолѣли меня, что неприведи Боже. Не дожидайтесь Бѣлкина; ненашутку видно онъ покойникъ; не бывать ему на новосельи ни въ гостиной Гомозѣйки, ни на чердакѣ Панка. Недостоинъ онъ видно быть въ ихъ компаніи... А куда бы не худо до погреба-то добраться. Теперь донесу Вашему Сіятельству что будучи въ Симбирскѣ видѣлъ я скромную отшельницу о которой мы съ Вами говорили передъ моимъ отъѣздомъ. Не дурна. Кажется Губернаторъ гораздо усерднѣе покровительствуетъ ей, нѣжели Губернаторша. Вотъ все что могъ я замѣтить. Дѣло ее, кажется, кончено.

Вы обрадовали меня извѣстіемъ о Жуковскомъ. Дай Богъ чтобъ нынѣшній запасъ здаровья сталъ ему лѣтъ на 5; А тамъ уже какъ нибудь да справится.

Кланяюсь Гоголю. Что его комедія? Въ ней-же есть закарючка.

Весь Вашъ А. Пушкинъ

30 окт.
Болдино.

На обороте: Его Сіятельству М. Г. Князю Владиміру Өедоровичу Одоевскому *въ С. Петербургъ*. На Дворцовой набережной въ Машковс. переулкѣ домъ Ланской.

Почтовая помета: Ноября 1го Дня 1833 Году Абрамова Станція; *почтовый штемпель:* Получено 1833 ноя. 10 вечеръ.

---

* 552. Н. Н. Пушкиной.

⟨6-го ноября 1833 г. Болдино.⟩

6 ноября Болдино.

Другъ мой женка, на прошедшей почтѣ я не очень помню что я тебѣ писалъ. Помнится я былъ немножко сердитъ — и кажется письмо немного жестко — Повторю тебѣ помягче, что кокетство ни къ чему доброму неведетъ; и хоть оно имѣетъ

1833 г. свои приятности, но ничто такъ скоро не лишаетъ молодой женщины, того безъ чего нѣтъ ни семейственнаго благополучія, ни спокойствія въ отношеніяхъ къ свѣту: *уваженія*. Радоваться своими побѣдами тебѣ нечего. Курва, у которой переняла ты прическу (NB: ты очень должна быть хороша въ этой прическѣ; я объ этомъ думалъ сегодня ночью) Ninon говорила: Il est écrit sur le coeur de tout homme: *à la plus facile*. Послѣ этого, изволь гордиться похищеніемъ мужскихъ сердецъ. Подумай объ этомъ хорошенько, и не безпокой меня напрасно. Я скоро выѣзжаю, но нѣсколько времени останусь въ Москвѣ по дѣламъ. Женка, женка! я ѣзжу по большимъ дорогамъ, живу по 3 мѣсяца въ степной глуши, останавливаюсь въ пакостной Москвѣ, которую ненавижу — для чего? — Для тебя, женка; чтобъ ты была спокойна, и блистала себѣ на здоровье, какъ прилично въ твои лѣта и съ твоею красотою. Побереги-же и ты меня. Къ хлопотамъ неразлучнымъ съ жизнію мущины, не прибавляй безпокойствъ семейственныхъ, ревности &c. &c. — не говоря объ *сосиаде*, о коемъ прочелъ я на дняхъ цѣлую диссертацію въ Брантомѣ.

Что дѣлаетъ братъ? я не совѣтую ему идти въ статскую службу, къ которой онъ такъ же неспособенъ какъ и къ военной, но у него по крайней мѣрѣ жопа здоровая и на сѣдлѣ онъ всетаки далѣе уѣдетъ, чѣмъ на стулѣ въ канцеляріи. Мнѣ сдается что мы безъ европейской войны не обойдемся. Этотъ Louis-Philippe у меня какъ бѣльмо на глазу. Мы когда нибудь, да до него доберемся — тогда Левъ Сергѣичь поѣдетъ опять пожинать, какъ говоритъ у насъ засѣдатель, лавры и миртыю. Покамѣсть совѣтую ему бить баклуши, занятіе приятное и здоровое. Здѣсь я было вздумалъ взять наслѣдство Вас. Льв., но опека такъ [ограбитъ] ограбила его, что <нельз> я[1] и подумать; развѣ не заступится-ли Бенкендорфъ: попробую пріѣхавъ въ П. Б. При семъ письмо къ Отцу — Вѣроятно уже онъ у васъ. Я привезу тебѣ стишковъ много, но не разглашай этого; а то Альманашники заѣдятъ меня. Цалую Машку, Сашку и тебя; благословляю тебя, Сашку и Машку; цалую Машку и такъ далѣе, до семи разъ. Желалъ бы я быть у тебя къ теткинымъ имянинамъ. Да Богъ вѣсть.

На обороте: М. Г. Натальи Николаевнѣ Пушкиной, Въ Санкт. Петербургѣ У Цѣпнаго моста, противъ Пантелеймона въ домѣ Оливье.

Почтовая помета: 8 Ноября 1833 Года Абрамова Станція *и штемпель:* Получено 1833 Ноя. 16 Вечеръ.

---

[1] *Вырван с печатью кусок текста.*

* 553. П. В. Нащокину.

⟨24-го ноября 1833 г. Петербург.⟩

Что, Павелъ Воиновичь, каковы домашнія обстоятельства? рѣшено-ли? мочи нѣтъ хочется узнать развязку; я твой романъ оставилъ на самомъ занимательномъ мѣстѣ. Не смѣю надѣиться — а можно надѣиться. Vous êtes éminement un homme de passion — и въ страстномъ состояніи духа, ты въ состояніи сдѣлать то, о чемъ и не осмѣлился бы подумать въ трезвомъ видѣ; какъ нѣкогда пьяный переплылъ ты рѣку, не умѣя плавать — Нынѣшнее дѣло на то-же похоже — сыми рубашку, перекрестись и бухъ съ берега; а мы — Князь Федоръ и я, будемъ слѣдовать за тобою въ лодкѣ, и какъ нибудь — выкарабкаешься на противную сторону. Теперь скажу тебѣ о своемъ путешествіе. Я совершилъ его благополучно — Лелинька мнѣ не мѣшалъ, онъ очень милъ т. е. молчаливъ — всѣ наши сношенія ограничивались тѣмъ что когда ночью онъ прилегалъ на мое плечо, то я отталкивалъ его локтемъ. Я привезъ его здрава и невредима — и какъ рѣка еще не стала а мостовъ уже нѣтъ — то я и отправилъ его ко Льву Сергѣевичу, чѣмъ вѣроятно одолжилъ его. При выѣздѣ моемъ изъ Москвы, Гаврила мой такъ былъ пьянъ и такъ меня взбѣсилъ, что я велѣлъ ему слѣзть съ козелъ и оставилъ его на большой дорогѣ въ слезахъ и въ истерикѣ; но это все на меня не подѣйствовало — я подумалъ о тебѣ .... Вели-ка своему Гаврилѣ въ юбкѣ и въ кацавѣйкѣ слѣзть съ козелъ — полно ему воевать. Дома нашелъ я все въ порядкѣ. Жена была на балѣ, я за нею поѣхалъ — и увезъ къ себѣ какъ уланъ уѣздную барышню съ именинъ Городничихи. Денежныя мои обстоятельства безъ меня запутались, но я ихъ думаю разпутать. Отца видѣлъ, онъ очень радъ моему предположенію взять Болдино. Денегъ у него нѣтъ — Братъ во фракѣ и очень благопристоенъ. Соболевскій выигралъ свой процесъ и ѣдетъ къ Вамъ. Пиши ко мнѣ, когда будетъ время. Записку отдай моему управляющему. Ольгѣ Андреевнѣ мое почтеніе. 24 Ноября.

На обороте: Его Высокоблагородію М. Г. Павлу Воиновичу Нащокину. *Въ Москвѣ*. На Остоженкѣ противъ Воскресенія в домѣ священника.

Почтовый штемпель: С.-Петербургъ Отдѣленіе 1е 1833 ноя. 25.

---

* 554. И. И. Дмитриеву.

Черновое.

⟨Вторая половина ноября 1833 г. Петербург.⟩

М. Г. Ив. Ив.

Имѣвъ всегда щастіе пользоваться благосклонностію В. П. осмѣливаюсь нынѣ обратиться къ В. со всепокорнѣй. прось-

 бою — — Случай доставилъ въ мои руки нѣкоторыя важныя бумаги касающіяся Пу — (собственныя письма Екат. Биб. Рум. Пан. Держав. и другихъ —) [1] Я привелъ ихъ въ порядокъ и надѣюсь ихъ издать [ихъ съ дозволенія правит —]. Въ историч. Запискахъ (которыя дай Богъ намъ прочесть какъ можно позже) вы говорите о П — и какъ очевидецъ, описали его смерть — [Не откажитесь] Могу ли надѣяться что Вы, М. Г. не откажетесь занять мѣсто между знаменитыми людьми коихъ имена и свидѣтельства дадутъ цѣну моему труду и позволите помѣстить собственныя Ваши строки въ одномъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ царств. Велик. Ек.?

Съ глубочай почтеніемъ и совершенной преданн. [честь] честь имѣю быть, М. Г.

В. Выс.

покорн.

---

* 555. А. С. Норову.

⟨Ноябрь — декабрь 1833 г. Петербург.⟩

Отсылаю тебѣ, любезный Норовъ, твоего *Стеньку*; [2] завтра получишь *Struys* и одалиску — Нѣтъ-ли у тебя Сочиненіе Вебера о Россіи (*Возрастающая Россія* или что-то подобное)? А Пердуильонисъ, то есть: *Stephanus Rasin Don. Cosacus perduellis, publicae disquisitionis J. J. M. i Schurtzfleisch.*

На обороте: Его Превосходительству А. С. Норову отъ А. Пушкина.

---

* 556. А. С. Норову.

⟨Ноябрь — декабрь 1833 г. Петербург.⟩

Посылаю тебѣ, любезный Норовъ, Satyricon — а мистеріи гдѣ то у меня запрятаны. Отыщу — непремѣнно — До свиданія.

Весь твой А. П.

На обороте: Его Превосходительству А. С. Норову.

---

[1] *Фраза в скобках написана после всего текста и вставлена.*

[2] *К этому слову примечание карандашом рукою А. С. Норова:* Опять отданъ Пушкину.

* 557. Графу А. Х. Бенкендорфу.

⟨6-го декабря 1833 г. Петербург.⟩

Милостивый Государь

Графъ Александръ Христофоровичь

Осмѣливаюсь препроводить Вашему Сіятельству стихотвореніе, которое желалъ бы я напечатать, и при семъ случаѣ просить Васъ о разрѣшеніи для меня важномъ. Книгопродавецъ Смирдинъ издаетъ журналъ, въ коемъ просилъ меня участвовать. Я могу согласиться только въ томъ случаѣ, когда онъ возьмется мои сочиненія представлять въ Ценсуру и хлопотать объ нихъ на ровнѣ съ другими писателями участвующими въ его предпріятіи, но безъ Вашего свѣденія я ничего не хотѣлъ сказать ему рѣшительнаго.

Хотя я какъ можно рѣже старался пользоваться драгоцѣннымъ мнѣ дозволеніемъ утруждать вниманіе Государя Императора, но нынѣ осмѣливаюсь просить на то Высочайшаго соизволенія; я думалъ нѣкогда написать историческій Романъ, относящійся ко временамъ Пугачева, но нашедъ множество матеріаловъ, я оставилъ вымыселъ и написалъ Исторію Пугочевщины. Осмѣливаюсь просить черезъ Ваше Сіятельство дозволенія представить оную на Высочайшее разсмотрѣніе. Не знаю можно-ли мнѣ будетъ ее напечатать, но смѣю надѣиться что сей историческій отрывокъ будетъ любопытенъ для Его Величества особенно въ отношеніи тогдашнихъ военныхъ дѣйствій, доселѣ худо извѣстныхъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть

Милостивый Государь
Вашего Сіятельства
покорнѣйшій слуга
Александръ Пушкинъ

6 декабря
1833.
С. П. Б.

Пометы: № 3331. — № 3901. — Декабря 9/1833. — *и рукою А. Н. Мордвинова (карандашом):* Отвѣчать: 1е что піесы его [въ] для журнал[ѣ]а Смирдина [помѣщаемыя должны быть подвергнуты обыкновен] назначаемыя могутъ быть печатаемы въ ономъ по разсмотрѣніи Ценсурою на ровнѣ съ другими 2. Чтобъ рукопись Пуга⟨че⟩вщины прислалъ къ Графу.

** Черновое.*

Милостивый Государь,

Графъ Александръ Христофоровичь,

Осмѣливаюсь препроводить Вашему Сіятельству Стихотвореніе которое желалъ-бы я напечатать, и при семъ случаѣ

 просить Васъ о разрѣшеніи для меня важномъ. Книгопродавецъ Смирдинъ издаетъ журналъ, въ коемъ просилъ меня участвовать; я могу согласиться только тогда, когда онъ возьмется мои сочиненія представлять въ Цензуру и хлопотать объ оныхъ, наровнѣ съ другими писателями участвующими въ его предприятіи, но безъ Вашего свѣденія я ничего не хотѣлъ сказать ему рѣшительнаго.

Хотя я какъ можно рѣже старался пользоваться драгоцѣннымъ мнѣ дозволеніемъ [повергать сочиненія свои разсмотрѣнію] утруждать вниманіе Государя Императора; но нынѣ осмѣливаюсь просить на то Высочайшаго соизволенія: Намѣреніе мое было написать историческій романъ, относящійся ко временамъ Пугачева, но нашедъ множество [историческихъ] драгоцѣнныхъ матеріаловъ [о сей любопытной Эпохѣ], я оставилъ вымыселъ и написалъ *Исторію Пугочевщины.* (Полагаю что она можетъ быть любопытна, особенно въ отношеніи военныхъ дѣйствій,) осмѣливаюсь просить [у] черезъ Ваше[го] Сіятельство [1] дозволенія представить оную на Высочайшее разсмотрѣніе — Не знаю можно-ли мнѣ будетъ ее напечатать, покрайнѣй мѣрѣ я по совѣсти исполнилъ долгъ историка: [изыскавъ] изыскивалъ истину съ усердіемъ и излогалъ ее безъ криводушія, не стараясь льстить ни Силѣ, ни [модному] господствующему образу мыслей и смѣю надѣяться что сей Ист. Отры. [мож] мож. пок. любоп. Ег. В. особенно въ отн. [2] [Съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть]

Милостивый Государь

Вашего Сіятельства

покорнѣйшій слуга

Александръ Пушкинъ

6 Декабря
С. П. Б.

---

* 558. П. В. Нащокину.

⟨Первая половина декабря (после 12-го) 1833 г. Петербургъ.⟩

Я получилъ отъ тебя два грустныя письма Любезный Павелъ Воиновичь, и ждалъ третьяго, съ нетерпѣніемъ желая знать что дѣлается съ тобою, и какое направленіе принимаютъ дѣла твои домашнія и сердечныя. Но ты вѣроятно слишкомъ озабоченъ; и я не знаю чего надѣиться: перемѣнилась-ли, успокоилась-ли судьба твоя? Напиши ка мнѣ объ этомъ подробнѣе.

---

[1] *Переделано из:* Сіятельства:

[2] *Фраза от слов:* и смѣю надѣяться *до сих пор вставлена между строк; помещенные выше самим Пушкиным в скобки слова* (Полагаю что... военныхъ дѣйствій) *предназначались к перенесению сюда.*

Въ твои именины семья моя (въ томъ числѣ Григорій Өедоровичь) пила твое здаровье и желала тебѣ всякого благополучія. Объ [Алешѣ] Леленькѣ не имѣю извѣстія; онъ живетъ у Эристова, а я на его имя получаю изъ Москвы письма. Сумасшедшій отецъ его написалъ мнѣ сумасшедшее письмо, на которое ужъ мнѣ поздно отвѣчать; онъ безпокоиться о калиграфическихъ трудахъ своего сына, и о томъ не плачетъ-ли мальчикъ, и не тоскуетъ-ли о своихъ родныхъ? Успокой старика какъ умѣешь. *1833 г.*

Не знаю буду-ли я у Васъ въ январѣ. Наслѣдники Дяди дѣлаютъ мнѣ дурацкія предложенія — я отказался отъ наслѣдства — Не знаю войдутъ-ли они въ новыя переговоры — Здѣсь имѣлъ я непріятности денежныя; я сговорился было со Смирдинымъ, и принужденъ былъ уничтожить договоръ, потому что Мѣднаго всадника Ценсура не пропустила — Это мнѣ убытокъ. Если не пропустятъ Исторію Пуг., то мнѣ придется ѣхать въ деревню — Все это очень неприятно. На деньги твои однако я надѣюсь; думаю весной приступить къ полному собранію моихъ Сочиненій —

Всѣ мои здаровы — крестникъ твой тебя цалуетъ; мальчикъ славный. Съ Плетневымъ о Павлѣ еще не говорилъ потому что дѣло не къ спѣху. Прощай — кланяюсь Князю Гагарину — и желаю Вамъ обоимъ щастія —

А. П.

На обороте: Его Высокоблагородію М. Г. Павлу Воиновичу Нащокину. Въ Москвѣ на Остоженкѣ, въ приходѣ Воскресенія у священника въ домѣ.

---

* 559. Неизвестной.

Черновое.

⟨1832—1833 гг.? Петербург.⟩

Permettez moi, M l C. — de me mettre à vos pieds pour

---

* 560. Неизвестной.

Черновое. [1]

⟨1832—1833 гг.? Петербург.⟩

M. La C.

[J'ai été] [Je suis tout triste de ne vous avoir] Voici le livre en question. Je vous supplie de ne pas le montrer à qui que ce soit. [Si vous n'] Si je n'ai pas eu le bonheur de vous l'apporter moi même — Vous me permettrez de venir au moins le reprendre, [et si]

---

[1] *Ниже текста письма и раньше его начато беловое письмо:* Mad

Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная.

Пушкин.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПИСЬМА №№ 392—560

1831—1833 гг.

392. *Н. А. Полевому.* 1-го января 1831 г. (стр. 3). Впервые напечатано, в виде факсимиле, в приложении к издававшемуся Н. И. Гречем журналу «Русский Вестник» 1842 г., № 2; подлинник неизвестно где находится. Как новинка, было опубликовано гр. Г. А. Милорадовичем по снимку, принятому за подлинник, в «Новом Времени» 1898 г., 1 янв., № 7847, стр. 6. *№ 392*

— Телеграф — издававшийся Н. А. Полевым с 1825 г. журнал «Московский Телеграф», запрещенный в 1834 году. Об отношении Пушкина к этому изданию (в котором он сотрудничал в 1825, 1826 и 1829 гг.) и последнего к Пушкину см. выше, в т. I, стр. 129, 132, 139, 149 и др., 391, 393, 421—422, 422, 440, 457, 481, 516, и т. II, стр. 12, 20, 52, 74, 80, 111, 113, 237, особенно стр. 371—372, 373, 385, 389, 474, 505, 507—508, на которых приведены указания и на личные отношения Пушкина и Полевого, сперва бывшие дружественными, но затем испортившиеся, особенно после отзывов Пушкина об «Истории Русского Народа» Полевого, которою поэт не переставал возмущаться, можно сказать, до последнего дня жизни (см. «Пушкин и его современники», вып. XIII, стр. 32—33). В рецензии на последние томы посмертного издания сочинений Пушкина, приведенной нами в выдержке, в т. II, на стр. 507—508, Полевой сказал несколько слов о своих отношениях к Пушкину как человеку и, упомянув лишь вскользь о происшедшем между ними охлаждении (см. по этому поводу Записки Кс. Полевого, 1888, стр. 312—318), писал: «не льстил я Пушкину при жизни его, а чувство уважения к нему, чувство сознания его высоких дарований хранил я и тогда постоянно в душе моей; сии чувства пережили Пушкина и, как отголосок души моей на всё прекрасное, я сохраню их до конца моей жизни» («Русск. Вестн.», 1842 г., т. V, отд. 3, стр. 38); о тех же чувствах к Пушкину писал он и 1 января 1831 г., отвечая на письмо Пушкина: «Милостивый Государь Александр Сергеевич. Верьте, верьте, что глубокое почтение мое к Вам никогда не изменялось и не изменится. В самой литературной неприязни, Ваше имя, вы, всегда были для меня предметом искреннего уважения потому, что вы у нас *один и единственный.* Сердечно поздравляю вас с новым годом и желаю вам всего хорошего. — С совершенною преданностию есмь и буду Ваш, Милостивого Государя, покорнейший слуга Николай Полевой» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 206—207). Несмотря на эти заверения, Пушкин недоумевал: «Знаешь ли ты, какие подарки получил я на новый год?» — спрашивал он кн. П. А. Вяземского 2 января: «Билет на

№ 392—393 Телеграф, да билет на Телескоп — *от издателей в знак искреннего почтения*. Каково? И в Пчеле предлагают мне мир» (см. письмо № 394). Следов дальнейших отношений между Пушкиным и Полевым мы не имеем, кроме слов некролога поэта, написанного Полевым в феврале 1837 г. для журнала «Библиотека для Чтения» (т. XXI, отд. I, стр. 181—198; в неискаженном виде перепечатана в «Очерках русской литературы» Полевого, ч. I, С.-Пб. 1839, стр. 211—219, где перепечатана также, на стр. 145—210, и восторженная статья Полевого из «Московского Телеграфа» 1833 г., о Пушкине и его сочинениях, написанная по поводу «Бориса Годунова») и представляющего панегирик поэта (в котором, однако, кн. В. Ф. Одоевский видел коварное намерение автора содействовать «задушению мертвого Пушкина» — «Русск. Стар.» 1880 г., № 8, стр. 805; П. Н. Сакулин, «Кн. В. Ф. Одоевский», т. I, ч. 2, М. 1913, стр. 328, примеч.); ибо смерть Пушкина «поразила» его и «давно не плакал он так горько, как услышавши об его смерти» (см. письмо Полевого к О. И. Сенковскому — «Старина и Новизна», кн. IX, стр. 326). Свой восторг к Пушкину-поэту высказал Полевой и в обзоре русской литературы за 1837 г. («Сын Отеч.» 1838 г., т. I. стр. 45—48), в котором с горечью говорил о смерти Пушкина-«соловья» и хвалил его «Современник», а также в «Обозрении Русской Литературы» за 1838 и 1839 гг. («Сын Отеч.» 1840 г., т. I, кн. 2, стр. 43), — наконец, через несколько лет, — в заметке о нем, помещенной в книге «Столетие России с 1745 до 1845 г.» (ч. II, С.-Пб. 1846, стр. 178 и 185). Заметку о Полевом и Пушкине и их отношениях по поводу презрительного упоминания имени Полевого в «Дневнике» поэта за март 1834 г. см. в московском издании «Дневника» (М. 1923, стр. 308—314, М. Н. Сперанского); отметим кстати, что известная эпиграмма «Нет подлее до Алтая Полевого Николая» и т. д., приписывавшаяся часто Пушкину, не принадлежит ему («Старина и Новизна», кн. VIII, стр. 37). О запрещении «Московского Телеграфа» в 1834 г. см. в «Дневнике» Пушкина, под ред. Б. Л. Модзалевского, Пгр. 1923, стр. 12, 13, 14, 128—130.

— «Борис Годунов» вышел из печати в Петербурге и поступил в продажу 23 декабря 1830 г. (о поступлении его в продажу в магазине А. Ф. Смирдина 23 декабря было напечатано сообщение в № 153 «Северной Пчелы» от 23 декабря, пропущенном цензурою 22 декабря), — следовательно, в Москве мог быть числа 26—27 декабря (см. выше, т. II, стр. 124 и 499); он печатался в Типографии Департамента Народного Просвещения, и слухи о близком выходе его в свет ходили еще в августе; по крайней мере Н. М. Языков 28 августа писал брату из Москвы: «Годунов на-днях выйдет» («Историч. Вестн.» 1883 г., № 12, стр. 530). Переписку об издании трагедии см. в изд. «Дела III Отделения об А. С. Пушкине», С.-Пб. 1906, и статью Н. К. Замкова в сб. «Пушкин и его соврем.», вып. XXIX—XXX, стр. 67—68.

393. *П. Я. Чаадаеву*. 2 января [1831 г.] (стр. 3). Впервые напечатано М. Н. Лонгиновым в некрологе П. Я. Чаадаева в «Современнике» 1856 г., т. LVIII, № 7, июль, отд. 5, стр. 5—8 (ср. Сочинения М. Н. Лонгинова, т. I, М., изд. Л. Э. Бухгейма, 1915, стр. 70), со следующим объяснением: «За несколько дней до смерти Чаадаева я был у него и списал следующие французские строки Пушкина, написанные им [карандашом] на первом

листе экземпляра «Бориса Годунова», который был послан к нему поэтом. Замечательно, что под ними подписано: «2 Janvier»; следственно, драма была послана к нему в Москву на другой день после отпечатания, которое кончилось 1 января 1831 г. [это неверно: см. выше, стр. 122. *Б. М.*]. Вот эти строки [далее идет текст записки]. Я давно знал о существовании этой надписи; не знаю, почему мне пришло на мысль переписать ее именно в этот раз. Предосторожность моя была основательна. Чрез несколько дней, 13 апреля, вечером, я простился с Чаадаевым в последний раз...» После смерти Чаадаева (14 апреля 1856 г.) экземпляр «Бориса Годунова» с надписью Пушкина перешел к известному библиофилу и библиографу С. Д. Полторацкому (см. о нем т. II, стр. 247—248), а затем поступил в Московский Румянцовский Музей (ныне Библиотека СССР имени В. И. Ленина), где хранится под шифром F°/255 (ср. Соч. Пушкина, изд. Литературного Фонда, т. III, С.-Пб. 1887, стр. 85).

Перевод: «Вот, мой друг, то из моих произведений, которое я люблю больше всего. Вы прочтете его, так как оно написано мною, и скажете мне свое мнение о нем. А пока обнимаю Вас и поздравляю Вас с новым годом».

— О Чаадаеве и отношениях его и Пушкина см. т. I, стр. 200, 205 и др., т. II, стр. 443—444 и др., а также, ниже, стр. 330—336.

— По меткому выражению П. В. Анненкова, «Борис Годунов», любимое произведение Пушкина, «составляло, так сказать, часть его самого, зерно, из которого выросли почти все его исторические и большая часть литературных убеждений» («Материалы», изд. 1855 г., стр. 131).

— Судя по тому, что 1 января, как видно из письма Пушкина к Полевому (№ 392), он еще не имел экземпляров «Бориса Годунова» (хотя они и были уже в Москве — см. т. II, письмо № 391), а 2 января уже послал книгу Чаадаеву, следует полагать, что он отправил ее немедленно по получении с почты или от книгопродавца, — так велико было желание поэта доставить свое любимое произведение на суд старшего друга. Однако мнение Чаадаева о «Борисе Годунове» нам неизвестно: или он не отозвался совсем, или высказал свое суждение при свидании, на словах, или письмо его до нас не сохранилось.

394. *Кн. П. А. Вяземскому*. 2 января 1831 г. (стр. 3—4). Впервые напечатано в «Русском Архиве» 1874 г., кн. I, ст. 445—447. Подлинник (на почтовой бумаге большого формата с водяными знаками: А. Г. 1829) был в Остафьевском архиве гр. С. Д. Шереметева; ныне в Центрархиве в Москве. Письмо Пушкина служит ответом на следующую записку к нему Вяземского от 1 января 1831 г., из подмосковного Остафьева: «Милости просим, приезжай, да прошу привезти с собою Полиньяковское Шампанское.' Пришли Бориса. Вот стихи, которые прошу прочесть и отдать Максимовичу. Пришлю ему и прозы малую-толику. Узнай, будет-ли у него в Альманахе что Полевого? Если нет, то дам ему статейку на него. С новым годом не поздравляю:

Впредь утро похвалю, как вечер уж наступит.

Который Киреевский в Москве? Наш-ли? Привези его с собою, если он. До свидания. Воля твоя, Мартиньяк и я правы, а ты и Камера депу-

№ 394 татов не правы» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 207). Живя в Остафьеве и скрываясь там от холеры, Вяземский считался по службе, в качестве члена Общего Присутствия Департамента Внешней Торговли, командированным (с 9 августа 1830 г.) в Москву, членом Комитета для устройства там Выставки Российских изделий.

— Стихи, которые послал Вяземский Пушкину и которые поэт называет «прелестью»,—предназначались для альманаха «Денница. Альманах на 1831 год», собиравшегося Михаилом Александровичем Максимовичем, который в предыдущем году издал уже такой же сборник («Денница. Альманах на 1830 год»), с участием, между прочим, Вяземского и Пушкина. Стихи эти были: «Зимние каррикатуры. (Отрывки из журнала зимней поездки в степных губерниях)», состоявшие из четырех отдельных остроумных пьес: «Русская луна», «Кибитка», «Мятель» и «Ухабы. Обозы» (стр. 41—51; ср. Полн. собр. соч., т. IV, стр. 25—31). «Поросята» и «бригадир» упоминаются в последнем стихотворении («Ухабы. Обозы») из которого приводим соответствующий отрывок, понравившийся Пушкину:

.... Обозы, на Руси быть *зимним судоходством* [1]
Вас Русский бог обрек — и милость велика:
Помещики от вас и с деньгой, и с дородством,
Но в проезжающих болят от вас бока.

Покажется декабрь, — и тысяча обозов
Из пристаней степных пойдут за барышом,
И путь, уравненный от снега и морозов,
Начнут коверкать непутем.

Несут к столицам ненасытным
Чтó целый год росло, а люди в день съедят:
Богатства русские под видом первобытным
Гречихи, ржи, овса и *мерзлых поросят.*

И сельских прихотей запас разнообразный,
Ко внукам бабушек гостинцы из села
И городским властям невинные соблазны:
Соленые грибы, наливки, пастила.

Как муравьи они копышатся роями,
Как муравьям, им счета не свести;
Как змии длинные, во всю длину пути
Перегибаются ленивыми хребтами.

То разрывают снег пронзительным ребром,
И застывает след, прорезанный глубоко,
То разгребают снег хвостом,
Который с бока в бок волочится широко.

Уж хлебосольная Москва
Ждет сухопутные флотильи,
В гостеприимном изобильи
Ее повыбились права.

---

[1] В подражание князю Потемкину, который называл жидов *судоходством Польши. (Примеч. кн. Вяземского.)*

Всю душу передав заботливому взору,
К окну раз десять в день подходит *бригадир*,
Глядит и думает: придет-ли помощь в пору?
Задаст-ли с честью он свой имянинный пир?

С умильной радостью, с слезой мягкосердечья,
Уж исчисляет он гостей почетных съезд,
И сколько блюд, и сколько звезд
Украсят пир его в глазах Замоскворечья.

Уж предначертан план, как дастся сытный бой,
Чтоб быть ему гостей и дня того достойным;
Уж в тесной зале стол большой
Рисуется пред ним покоем беспокойным.

Простор локтям! изрек Французской кухни суд,
Но нам он не указ: благодарим покорно!
Друг друга поприжав, нам будет всем просторно, —
Ведь люди в тесноте живут...

и т. д. еще пять строф. 7 января Вяземский писал М. А. Максимовичу из Остафьева: «Извините, милостивый государь Михаил Александрович, что не успел отвечать вам в след за обязательным письмом вашим; по крайней мере, поспешил я отправить к вам через Пушкина мой оброк, что мог собрать и изготовить» («Записки Имп. Акад. Наук», т. XXXV, 1879, стр. 198—199; то же — «Сборн. Отдел. Русск. яз. и слов.», т. XX, № 5, 1880, стр. 152—153). Пушкин не замедлил исполнить поручение своего друга, и 9 января Максимович писал Вяземскому в Остафьево: «Благодарю Вас покорнейше за ваш поэтический подарок моей *Деннице*, который сейчас получил от Пушкина: в вашей «Кибитке» и по раздольным ухабам накатаешься до сыта... Извините меня, а я еще раз изъявляю мое сильное желание вашей прозы, хоть несколько строк: она так действительна была в прошлом году, а у меня так мало в прозе замечательного; на Пушкина уже потерял я надежду прозаическую» («Старина и Новизна», кн. IV, С-Пб. 1901, стр. 188, 189)—прибавлял Максимович; однако, кроме стихотворений: «Песня» («Пью за здравие Мери»), «Цыганы» («Над лесистыми брегами») и эпиграммы на Булгарина (без подписи) — «Не то беда, Авдей Флюгарин...», в «Деннице» на 1831 г. был напечатан и прозаический «Отрывок из рукописи Пушкина (Полтава)», хотя без подписи, но с примечанием издателя: «Рукопись, из которой взят сей отрывок, содержит весьма любопытные замечания и объяснения Пушкина о поэмах его и некоторых критиках. Из оной видно, что Поэт не опровергал критик потому только, что не хотел». «Денница» была пропущена цензурой 20 января, а в свет вышла около 25 февраля (Н. Синявский и М. Цявловский, «Пушкин в печати. 1814—1837», М. 1914, стр. 101).

— Дльгу — бар. Антону Антоновичу Дельвигу, для его «Литературной Газеты». Подобные сокращения см. в черновых тетрадях Пушкина, например № 2366, л. 33 («Русск. Стар.» 1884 г. № 5, стр. 335).

— Яковлев — по всей вероятности, Павел Лукьянович (род. 5 января 1796, ум. в Москве 9 июня 1835), старший брат лицейского товарища Пушкина — Михаила Лукьяновича. Н. А. Гастфрейнд в своей биографии

№ 394 М. Л. Яковлева не решился утверждать, к которому из братьев относится упоминание Пушкина о намерении издать альманах «Блин» («Товарищи Пушкина по имп. Царскосельскому Лицею», т. II, С.-Пб. 1913, стр. 259), между тем как П. О. Морозов не сомневаясь отнес его к Михаилу Яковлеву; однако в то время, как М. Л. Яковлев в 1830—1831 гг. жил в *Петербурге* и, по сообщениям Е. А. Энгельгардта его товарищам, как раз в этот период своей жизни сделался необычно серьезным, занимался только служебными кодификационными работами и отошел от интересов литературы (Н. Гастфрейнд, о. с., стр. 234), Павел Яковлев, состоя в те годы старшим ревизором для ревизии межевых контор при Московской Межевой Канцелярии (потом, до конца дней, он был членом этой Канцелярии) проживал *в Москве* (где доживал свой век и его отец, Л. Я. Яковлев), постоянно предаваясь литературным занятиям в излюбленной им области бытовой сатиры и нравоописательных рассказов и очерков преимущественно в форме бойкого, легкого фельетона; племянник баснописца А. Е. Измайлова, он с 1819 г. деятельно участвовал в издании его «Благонамеренного», а также в «Невском Зрителе», «Сыне Отечества», «Вестнике Европы», в 1826—1827 гг. был сотрудником А. Е. Измайлова в издании альманахов «Календарь Муз»; его «Рассказы Лужницкого Старца» (в «Благонамеренном»), его «Чувствительное путешествие по Невскому проспекту» (М. 1828, — пародия на «Письма Русского путешественника» Карамзина), «Рукопись покойного Климентия Акимовича Хабарова, содержащая рассуждение о русской азбуке и биографию его, самим им писанную, с присовокуплением портрета и съемка с почерка сего знаменитого мужа» (М. 1828 г. — пародия-мистификация, заключающая в себе составленный Хабаровым — этим предтечею Козьмы Пруткова — план преобразования русской орфографии и азбуки, с упразднением некоторых букв, ср. сб. «Пушкин в мировой литературе», Лгр. 1926, стр. 170, 379; «Пушкин. Статьи и материалы», под ред. М. П. Алексеева, Одесса, 1926, вып. II, стр. 75), наконец, его «Записки Москвича» (3 ч., М. 1828, 1829 и 1830), содержавшие собрание его бойких сатирических статеек о различных бытовых явлениях Москвы, Петербурга и провинции, — всё это дает право предположить именно в Павле Лукьяновиче Яковлеве возможного издателя альманаха «Блин», уже самое название которого соответствует сатирико-юмористическому умонаправлению Яковлева; слова Пушкина об «отменной храбрости» Яковлева и готовности его «намазать свой блин жиром Булгарина и икрою Полевого» и вызов к Вяземскому о посылке Яковлеву «*сатирических* статей» напоминают об одной из излюбленных тем фельетонных очерков П. Л. Яковлева — о литераторах, журналистах и невежественных критиках. В выведенном им в одном из очерков «Записок Москвича» журналисте — «нашем Еразме Роттердамском», или о невежественном критике, судящем о чем угодно — о языке, о стихах, делающем переводы о древностях, о старине, ругающем почтенных авторов, рекламирующих за взятки от книгопродавцев книги и т. д., — ясно виден Булгарин с его наглостью, легкомыслием, хвастовством дружбою и связями с литераторами и поэтами («Записки Москвича», ч. I, стр. 133—135; «Чувствительное путешествие по Невскому проспекту», стр. 85—86), а в другом журналисте, «о всем говорящем свысока, во всем находящем центральное

влечение, воздушное давление, эффект, отвлеченные идеи», наводняющих № 594
свои писания набором слов мистических и философских, сквозь который ничего не видно, — нельзя не узнать Полевого («Записки Москвича», ч. III, стр. 35). Однако альманах «Блин» не состоялся. Да и Вяземский врядли отозвался на призыв Пушкина, так как он не симпатизировал Яковлеву за его нападки на Карамзина. С Пушкиным П. Л. Яковлев был лично знаком еще издавна: приехав в Петербург, на службу в Коллегию Иностранных Дел, в 1818 г., Яковлев, — вероятно, при посредстве брата Михаила, познакомился с Дельвигом, Пушкиным, Кюхельбекером, Баратынским и кружком их друзей и товарищей. [К 1819 г. относится запись Пушкина в альбом Яковлева стихотворения: «Я люблю вечерний пир...» (см. «Рукою Пушкина», под редакцией М. А. Цявловского, Л. Б. Модзалевского и Т. Г. Зенгер, Л. 1935, стр. 641—642, а также «Литературное Наследство», № 16—18, стр. 821). *Ред.*] «Пушкин любил это веселое общество и, говорят, посещал его ежедневно вплоть до отъезда своего в Михайловское. Да и по возвращении в Петербург поэт, как известно, не порывал дружеских связей с только что названными молодыми людьми; между прочим сохранилось известие, что Дельвиг и П. Л. Яковлев провожали поэта-изгнанника до Царского Села, когда тот собирался в Кишинев» («Русск. Стар.» 1903 г., № 6, стр. 632, и «Современник» 1854 г., т. XLIII, № 1, отд. III, стр. 7, — сообщ. М. Л. Яковлева В. П. Гаевскому); два любопытных анекдота о Пушкине П. Л. Яковлев сообщил А. Е. Измайлову в своей рукописной газете-дневнике «Хлыновский Наблюдатель» (1828 г.): они опубликованы И. А. Кубасовым в «Русск. Стар.» 1903 г., № 7 стр. 214; сообщение Яковлева о Пушкине в письме к А. Е. Измайлову от 23 марта 1827 г. из Москвы (где он встречался тогда с поэтом) приведено нами в т. II, на стр. 233—234; там же, на стр. 260, приведен и нелестный отзыв Вяземского о «Календаре Муз» 1827 г., изданном Измайловым и П. Л. Яковлевым и, несомненно, бывшем в руках Пушкина, который, надо полагать, был знаком и с «Записками Москвича» и с вышедшим в Москве в 1831 г. романом Яковлева «Удивительный человек», о котором Дельвиг поместил хвалебную заметку в № 1 «Литературной Газеты» 1831 г., предуведомляя читателей о выходе этого произведения П. Л. Яковлева, «сочинителя многих сатирических и юмористических статей, отличающихся верностью взгляда, непритворною веселостью, остроумием и приятным, легким слогом».

Несомненно П. Л. Яковлеву принадлежит небольшой восторженный отзыв о «Борисе Годунове» (подписанный просто: *Яковлев*), помещенный в № 2 «С.-Петербургского Вестника» за 1831 г. (стр. 62—64), в котором читаем: «Предоставим литературным *Хавроньям* открывать в этом творении недостатки; скажем, что поэзия «Бориса Годунова» должна проникнуть наслаждением душу благородную, чуждую щепетильных расчетов зависти». Знаком был, конечно, Пушкин и со многими другими сочинениями Яковлева, создавшими ему столь прочную известность литератора, что имя его попало в число писателей, обещавших свое сотрудничество нарождавшейся «Библиотеке для Чтения» (1834), а кончина вызвала некролог в «Северной Пчеле». «Его оригинальный роман»,— читаем здесь по поводу смерти Яковлева,— «повести, рассказы, записки и некогда деятельное уча-

№ 394 стие во многих журналах и альманахах соделывают утрату сию для русской литературы чувствительной. В покойном П. Л. Яковлеве соединялись многие отличные качества: живой, наблюдательный ум, отличное благородное сердце и редкое прямодушие. Он был деятельный и полезный гражданин, хороший писатель; примерный супруг и отец, отличный родственник и — чтó всего важнее — добрый человек» (1835 г., № 166). Живой очерк жизни и литературной деятельности П. Л. Яковлева написан И. А. Кубасовым («Русск. Стар.» 1903 г., № 6, стр. 629—641, и № 7, стр. 195—214); см. его же статью о Яковлеве в «Русском Биографическом Словаре», т. Я—Ѳ., стр. 97, а также книгу Н. А. Гастфрейнда «Товарищи Пушкина», т. II, стр. 265—268; см. еще стр. 325—326, 327, 341; портрет его — в «Каталоге русских портретов» А. В. Морозова, т. 4, М. 1913, табл. 478.

— «Девичий сон» — стихотворение кн. П. А. Вяземского — вошло также в «Денницу на 1831 г.» Максимовича (стр. 139; Полн. собр. соч., т. IV, стр. 123—124).

— О билете на право бесплатного получения в 1831 г. журналов Н. А. Полевого «Московский Телеграф» и Н. И. Надеждина — «Телескоп» (1831—1836) см. выше, стр. 121—122. Во 2-й январьской книжке «Московского Телеграфа» помещена была библиографическая заметка о «Борисе Годунове», в которой трагедия Пушкина называлась «великим явлением нашей Словесности, шагом к настоящей Романтической Драме, шагом смелым, делом дарования необыкновенного», и говорилось, что «Пушкин становится им [т. е. «Борисом Годуновым»], уже решительно и бесспорно выше всех *современных Русских поэтов*», что «имя его делается после сего причастно небольшому числу великих поэтов, доныне бывших в России, и между ими горит оно яркою звездою» (стр. 245), хотя и делались Пушкину упреки за *рабское* подражание Карамзину (стр. 246). О Надеждине и отношениях его и Пушкина в это время см. в т. II, по указателю (особенно стр. 441—442). В № 1 «Телескопа», вышедшем в свет 7 января 1831 г., помещено было Погодиным, без подписи автора, стихотворение Пушкина «Герой», присланное поэтом из Болдина в начале ноября 1830 г., а в июле и августе уже сам Пушкин отдал в «Телескоп» две полемические статьи свои: «Торжество дружбы, или оправданный Александр Анфимович Орлов» и «Несколько слов о мизинце Г. Булгарина и о прочем». О Надеждине, как издателе «Телескопа» см. статью Н. К. Козмина в «Журнале Минист. Народн. Просвещ.», 1910 г., № 10, отд. 2, стр. 272—360; там же — о личных отношениях Пушкина и Надеждина и о сотрудничестве Пушкина в «Телескопе» стр. 277—279, и его же книгу: «Н. И. Надеждин», С.-Пб., 1912, стр. 362—457 и 367—369.

— Говоря, что в «Северной Пчеле» Булгарина ему предлагают мир, Пушкин имел в виду напечатанную в № 155 «Северной Пчелы», от 27 декабря 1830 г., статью «О Русской Журналистике» (стр. 3—4), не подписанную никем, но принадлежащую, несомненно, самому Булгарину или его alter-ego Гречу; после указания на изобилие альманахов, а также журналов, объявленных на новый 1831 год, автор старался подчеркнуть благородство «Северной Пчелы» и полное отсутствие у нее зависти к конкурировавшим и намеревающимся конкурировать с нею изданиям: «Северная Пчела неоднократно доказывала на опыте, что она радуется

успеху даже своих жесточайших противников, если они заслуживают благодарность своими трудами. Северная Пчела никогда и никому не завидовала, как то желали представить ее недоброжелатели; напротив того, всегда готова была услуживать и помогать Литераторам в их благих начинаниях. Северная Пчела разгневалась бы за одно только, а именно, если б кто захотел перенесть головы ее Издателей на плечи других Гг. Журналистов. Но как это невозможно, то Пчела работает преспокойно в своем улье, делится сотами с каждым трудолюбивым Литератором, и если иногда, хотя весьма редко, встречает неблагодарных, которые за это бросают в нее камнями, то и тогда погневается да и перестанет, не думая о мести и не питая ни к кому *вечной* вражды, которою гордятся некоторые, добровольно посвящая себя в жрецы Немезид, вместо того, чтоб быть жрецами Муз. У Пчелы есть жало, но оно не ядовито». Говоря далее о том, что вряд ли большинство объявленных вновь журналов может рассчитывать на успех, — за неимением материалов, авторов и читателей, — автор, останавливаясь на объявлении «Телескопа», имеющего издаваться лицом, беспощадно бранившим, под разными псевдонимами, в «Вестнике Европы» всё, что выходило из-под пера издателей «Пчелы» и «Сына Отечества», — писал: «Невзирая на это, справедливость заставляет Издателей «Пчелы» сказать, что объявление о «Телескопе» написано толково, и что они ожидают хорошего от своего жестокого противника. Хвалить «Московский Телеграф» Издатели «Пчелы» почитают излишним, ибо он уже заслужил доверие публики и ежегодно улучшается: итак Москва должна служить нам примером в благоразумии, представляя на будущий год *только два литературных журнала,* которым мы желаем жить между собою в мире, любви и согласии, для пользы общей. Право, есть над чем повостриться, не нападая на людей трудолюбивых и полезных Словесности, каков, например, Г. Полевой, Издатель «Телеграфа»! — Что же касается до «Пчелы» и до «Сына Отечества», то они не станут обращать ни малейшего внимания на брань, на щепетильный крик, намеки, эпиграммы и остроты других Журналов. Употребляя время на доставление Журналам своим занимательности, по мере потребности нашей публики, не углубляясь в ученые теории и не принимая на себя роли преобразователей, судей и наставников, Издатели будут только стараться, чтоб их Журналы доставляли здоровую пищу уму, приятное и полезное препровождение времени, и были только указателями, а не строгими Менторами на пути к просвещению. Молодые Литераторы всегда находили и будут находить помощь и совет у Издателей «Северной Пчелы» и «Сына Отечества», заслуженные мужи в Словесности — уважение; сочинители плохих книг — беспристрастное, строгое, но не бранчивое поучение, а противники, гордящиеся *неумолимою* враждою и *вечным* мщением — в Журналах не найдут для себя ничего, а в сердцах Издателей найдут одно сожаление!» № 394

Пушкин правильно понял, на кого намекали приведенные в начале и конце сделанной нами выписки тирады: конечно, они метили прежде всего в Пушкина, затем в Дельвига и «Литературную Газету» с кругом ее сотрудников — Вяземским, Сомовым и др. — Вяземский по получении письма с известием о статье «Пчелы» писал 3 января из Остафьева А. Я. Бул-

№ 394 гакову: «Присылай мне «Северную Пчелу». Там, говорят, есть что-то про меня и Пушкина» («Русск. Арх.» 1879 г., кн. II, стр. 115).

После появления в «Северной Пчеле» от 7 августа 1830 года «Второго письма из Карлова на Каменный Остров», принадлежавшего перу Булгарина и содержавшего известную выходку против Пушкина и его предка Ганнибала (см. т. II, стр. 466), и ответа Пушкина, заключенного в P. S. «Моей родословной», распространившейся в рукописях, — в «Северной Пчеле» о Пушкине ничего не было писано, а с 1831 года топ отзывов и упоминаний о поэте становится явно благожелательным и постепенно вновь переходит в хвалебный (П. Н. Столпянский, «Пушкин и Северная Пчела» — «Пушкин и его соврем.», вып. XIX—XX, стр. 176, 180, 189—190, вып. XXIII — XXIV, стр. 172), несмотря на статьи Пушкина — Косичкина (см. статью А. Г. Фомина, «Пушкин и журнальный триумвират 30-х годов» — в Сочинениях Пушкина, под ред. С. А. Венгерова, т. V, стр. 467—472).

— Немезида — мифологическая богиня мщения.

— О пропусках, сделанных в «Борисе Годунове» цензурою, — т. е. о сцене III (Девичье Поле) и отдельных местах из других сцен (в сцене в корчме и в речах Маржерета) см. Соч. Пушкина, Акад. изд., т. IV, примеч., стр. 81, 146—147, а также книгу «Дела III Отделения об А. С. Пушкине», С.-Пб. 1906, стр. 22, 23—33, 41, 92—93, 96, 99, 100, 112—114, 117—119.

— «Северные Цветы на 1831 год», разрешенные цензурою 18 декабря 1830 г. (цензор Н. Щеглов), вышли в свет 24 декабря. В них из стихотворений Пушкина были напечатаны стихотворения: «Поэту (Сонет)», «Ответ Анониму», «Монастырь на Казбеке», «Отрывок» («На холмах Грузии...») и «Обвал»; кроме Пушкина, в отделе Поэзии приняли участие: Е. А. Боратынский, В. Е. Вердеревский, П. Г. Волков, кн. П. А. Вяземский («Осень 1830 года», «Святочная шутка», «Эпиграмма», «Леса», «Родительский дом», «К журнальным благоприятелям», «К А. О. Р***»), Ф. Н. Глинка, Н. И. Гнедич, М. Д. Деларю, И. И. Козлов, П. А. Плетнев, Н. В. Станкевич, Д. Ю. Струйский (Трилунный), Е. П. Сушкова (Д....а, т. е. гр. Ростопчина), В. Г. Тепляков, Е. А. Тимашева, В. И. Туманский, С. П. Шевырев, Н. И. Ш—б—в (Шибаев), В. Н. Щастный, Н. М. Языков и несколько анонимов и псевдонимов; в отделе Прозы — кн. З. А. Волконская, Ф. Н. Глинка, Гоголь (за подписью 0000.— Глава из Исторического романа), кн. В. Ф. Одоевский, О. М. Сомов, Д. Ю. Струйский (Трилунный), В. Г. Тепляков и В. П. Титов (Тит Космократов). Сам Дельвиг, кроме десятка критических статей для редактированной им «Литературной Газеты» и нескольких мелких стихотворений, действительно, ничего в 1830 году не написал, а последние два месяца этого года под влиянием неприятностей, обрушившихся на него в то время (см. выше, т. II, стр. 491—493), впал в апатию и равнодушие ко всему. «Он почти оставил литературные занятия,— ни в «Газете» в последние месяцы 1830 года, ни в «Северных Цветах» на 1831 год не явилось ни одной строки Дельвига. Он даже не принимал участия в хлопотах по этим изданиям, несмотря на то, что Пушкин, еще не знавший о происшедшем, обещал ему свое деятельное участие в обоих изданиях» («Современник», 1854 г., т. XLVII, № 9, стр. 56, в статье В. П. Гаевского).

— Пушкин исполнил обещание и посетил кн. Вяземского в Остафьеве: 12 января 1831 г. Вяземский писал П. А. Плетневу: «Пушкин был у меня *два раза* в деревне, всё так же мил и всё тот же жених. Он много написал у себя в деревне» («Изв. Отд. Русск. яз. и слов.», 1897 г., т. II, кн. 1, стр. 93); в первый раз Пушкин был у Вяземского, по возвращении из Болдина, 17 декабря 1830 г. (см. выше, т. II, стр. 491), и к этому приезду относится, кроме двух записей самого кн. П. А. Вяземского (Соч. т. I, стр. LI, и т. IX, стр. 152, и «Стар. и Нов.», кн. XX, стр. 224), воспоминание кн. П. П. Вяземского («Пушкин по документам Остафьевского архива» — сб. «Пушкин», П. И. Бартенева, в. II, М. 1885, стр. 47—48, и другие издания этой статьи); вторая поездка была осуществлена 4 января. Накануне Д. В. Давыдов писал Н. А. Муханову: «Завтре с Пушкиным мы едим к Вяземским ровно в 10 часов утра. Слышешь ли? Ровно в 10 часов. Не хочешь ли и ты так же завтре туда же пуститься — если хочешь то будь у Пушкина [в гостинице «Англия»] завтре в $9^1/_2$ часов утра: там наше сборище. Денис Давыдов» («Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина», ч. IX, М. 1901, стр. 319); 6 января, из Остафьева, Вяземский писал А. Я. Булгакову: «Жаль мне, что ты не был у нас в воскресение. У нас был уголок Москвы, но он был бы еще краснее тобою. Был Денис Давыдов, Трубецкой, Пушкин, Муханов, Четвертинские; к вечеру съехались соседки, запиликала пьяная скрипка, и пошел бал балом. Только мазурку я не позволил танцовать: c'est une danse séditieuse» («Русск. Арх.», 1879 г., кн. II, стр. 115); в Дневнике своем Вяземский записал 7 января: «4-го приезжали в Остафьево Денис Давыдов, Пушкин, Николай Муханов, Николай Трубецкой. Элиза говорила о себе: que ma destinée est singulière — si jeune encore et deux fois veuve». [1] (Соч. т. IX, стр. 155.) № 394

— О шампанском, проигранном Пушкиным в пари с Вяземским о судьбе герцога Полиньяка и о последнем см. в т. II, стр. 107, 109, 115, 457, 467—468, 471, 479, 499, а также «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Лгр. 1927, по указателю. Арестованный вместе с другими министрами и доставленный в Венсенский замок в ночь с 26 на 27 августа 1830 г., Полиньяк 27 и 28 сентября с тремя товарищами (Пейроне, Шантелоз и Гернон-Раквиль) были обвинены Палатою Депутатов в государственной измене; но перед тем как разойтись, 8 октября, Палата решила смягчить свое постановление, приняв адрес королю, где содержалось пожелание об отмене смертной казни по политическим преступлениям. Этим Палата хотела спасти министров от казни, которой требовали революционно настроенные народные массы. Но адрес вызвал возмущение 17 и 18 октября: толпа требовала выдачи министров, осаждая Венсенский замок, где они были заключены, и Пале-Рояль, местопребывание короля. Министерству Гизо пришлось выйти в отставку, и во главе нового министерства стал Лафит (3 ноября). Процесс министров происходил в Люксембургском дворце

---

[1] Е. М. Хитрово была в это время в Петербурге, так что ее слова не могли быть тогда сказаны ею: и, действительно, тот же Вяземский сообщал их еще в 1823 г. А. И. Тургеневу, описывая встречи свои в Москве с Е. М. Хитрово и ее дочерьми («Остафьевский Архив», т. II, стр. 355). Теперь, очевидно, этот эпизод вспомнился ему в разговоре с друзьями. [*Ред.*]

№ 394 с 15 по 21 декабря (н. с.), и министры были приговорены Палатою Пэров к лишению чинов, орденов и достоинства и пожизненному заключению (а Полиньяк, сверх того, и к гражданской смерти) и переведены еще до окончания процесса, во избежание насилия со стороны волновавшейся около дворца толпы, в Венсенскую тюрьму, а затем оттуда отправлены 29 декабря в замок Гам, в Пикардии. Таким образом Пушкин проиграл свое пари. В библиотеке Пушкина сохранилась книга: Polignac, «Considérations politiques sur l'époque actuelle, adressées à l'auteur anonyme de l'ouvrage, intitulé Histoire de la Restauration par un Homme d'Etat Bruxelles», 1832 (Б. Л. Модзалевский, «Библиотека А. С. Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 312).

— Говоря о *вторичном* заключении Полиньяка в Венсене, Пушкин имеет в виду эпизод из биографии Полиньяка, относящийся к 1804 году, когда он был заключен в Венсенский замок за участие в заговоре вандейца Жоржа Кадудаля против Наполеона, тогда первого консула.[1]

— Защитниками министров перед судом Палаты Пэров были виднейшие адвокаты, во главе же защиты был Мартиньяк, предшественник Полиньяка по министерству.

— Ламенне — Félicité de Lamennais (род. 1782, ум. 1854), упоминаемый ниже, в письме Пушкина к Е. М. Хитрово от 26 марта 1831 г. (№ 411),— французский публицист и богослов. Сначала крайний защитник теократических принципов, он со временем сделался горячим сторонником и проповедником республиканских идей и идей социальной справедливости. После Июльской революции, 16 октября 1830 г., при его деятельном участии была основана газета «L'Avenir». Говоря, что один Ламенне в состоянии был бы «aborder bravement la question» (т. е. «смело подойти к вопросу»), Пушкин имел в виду, вероятно, резкость и прямоту, с которой Ламенне ставил политические вопросы и «горячность», с которой он отстаивал свои мнения. О нем см. в статье Б. В. Томашевского в «Письмах Пушкина к Е. М. Хитрово», стр. 346—349. Скажем кстати, что в библиотеке Пушкина сохранилось издание «Seconds melanges» Ламенне, 1835 г., которое Пушкин, повиди-

---

[1] [Сведения о заключении Полиньяка в Венсене Пушкин мог почерпнуть из французских газет. Так «Le Temps» от 30 августа 1830 г., в статье «Допрос бывших министров, заключенных в Венсене», писал: «Г. де Полиньяк занимает ту же камеру, какую занимал 30 лет назад, обвиняемый в государственном преступлении. Он выказал большое волнение, войдя в нее, и сказал сопровождавшим его: «На полу должен быть меридиан, начертанный мною, как я помню, в 1801 году». В самом деле, были обнаружены на камне линии этого меридиана. Г. де Полиньяк, как кажется, не опасается рокового исхода своего процесса. Его товарищи не так уверены». О чтении Полиньяком произведений Вальтер-Скотта говорится в статье другой газеты, «Le Corsaire», от того же 30 августа 1830 г., № 2760. (Данные эти сообщены Б. В. Томашевским.) Газеты от 30 августа (н. с.) 1830 г. могли притти в Москву лишь после отъезда Пушкина в Болдино; вернее даже, что ему выслала их Е. М. Хитрово (о чем см. том II, стр. 121—122 и прим.) и он мог их читать лишь по возвращении в Москву, в декабре, когда и узнал об исходе своего пари с Вяземским, заключенного еще в Петербурге, в начале августа (см. т. II, стр. 467—468, 479). *Ред.*].

мому, просматривал (Б. Л. Модзалевский, «Библиотека Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 267). № 394

— О Польше — т. е. о Польском восстании см. в т. II, стр. 494 (о начале его) и статью М. Д. Беляева в изданном Пушкинским Домом сборнике «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Лгр. 1927, стр. 257 — 300: «Польское восстание по письмам Пушкина к Е. М. Хитрово»; в статье этой изложены взгляды Пушкина на революцию в Польше 1830 — 1831 г. суждения его друзей по этому вопросу, а также ход событий от первого момента восстания 17 ноября 1830 г. до взятия Варшавы штурмом 25 августа 1831 г. и история издания стихотворений Пушкина «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» (стр. 286 — 299).

— Чичерин — вероятно, Александр Петрович, узаконенный сын генерал-адъютанта (некогда адъютанта вел. кн. Константина Павловича, Петра Александровича Чичерина (род. 10 февраля 1778, ум. 27 декабря 1848) от связи его с Александрой Алексеевной Салтыковой, рожд. княжной Куракиной (род. 1788, ум. 1819); родился около 1809 г., воспитывался в Пажеском корпусе, оттуда, будучи камерпажом, был выпущен в 1827 г. в корнеты Литовского уланского полка, из которого вскоре переведен был в л.-гв. Подольский кирасирский полк (Ф. Фон-Фрейман, «Пажи за 185 лет», С.-Пб. 1898, стр. 865; Месяцеслов на 1830 г., изд. Акад. Наук, ч. I, стр. 230); в составе своего полка, стоявшего в Варшаве, он был свидетелем всех волнений и участником опасностей, грозивших русской кавалерии со стороны восставших 17 ноября, а 18 ноября в составе гвардейской кавалерии под командою вел. кн. Константина Павловича отошел к Мокотову, а затем переправился через Вислу и Буг на русскую территорию; при обратном вступлении русской армии в Польшу 25 января 1831 г. Подольский полк вошел в состав гвардейского отряда под командою вел. кн. Константина Павловича, составлявшего резерв главной армии фельдмаршала гр. Дибича, и затем участвовал во многих боях (А. Туган-Мирза-Барановский, «История л-гв. Кирасирского его величества полка», С.-Пб. 1872, стр. 72—78); переведенный затем, 3 декабря 1831 г., корнетом в л.-гв. Конный полк, Чичерин умер в мае 1835 г., будучи поручиком («Полный список шефов, полковых командиров и офицеров л.-гв. Конного полка с 1731 по 1866 г.», С.-Пб. 1886, стр. 316). Его отец, П. А. Чичерин, бывший в 1830 г. начальником легкой гвардейской кавалерийской дивизии, 20 декабря был назначен командовать сводным кавалерийским корпусом на театре военных действий; легко можно предположить, что Чичерин-сын писал из похода отцу о первых своих впечатлениях и предположениях (в том числе, что «il y a lieu d'espérer que tout finira sans guerre», т. е. «есть основание надеяться, что всё кончится без войны»), — и письмо его, как представлявшее животрепещущий интерес, ходило по рукам и дошло до Москвы (может быть через А. Я. Булгакова) и до Пушкина. В августе 1830 г. П. А. Чичерин был в Москве («Русск. Арх.», 1901 г., кн. III, стр. 501, 503, 504, 506).

— V.C.P. — марка шампанского «Veuve Cliquot Ponsardin», упоминаемая Пушкиным в «Онегине» (гл. IV, стр. XCV); ср. еще в письме к Л. С. и О. С. Пушкиным от 27 июля 1821 г. (т. I, стр. 22 и 229), где Пушкин вспоминает о V.C.P. Никиты Всеволодовича Всеволожского.

№ 394 — Денис — Денис Васильевич Давыдов, поэт и партизан (о нем см. т. I, стр. 260—261, 430, 464 и др.). Давыдов после появления холеры в Симбирской губернии из своего Сызранского имения Маза переселился с семьею в свою подмосковную («Русск. Стар.», 1896 г. № 6, стр. 561, и «Сборник старинных бумаг, хранящихся в Музее П. И. Щукина», ч. IX, М. 1901, стр. 341—346), где и узнал о начавшемся Польском восстании; в подавлении его он. будучи тогда не у дел, решил принять участие (там же, стр. 347, 348), и исполнил свое намерение, отправившись на театр военных действий, где с отличием командовал отдельною частью. Записки его о кампании 1831 г. см. в его «Воспоминаниях о Польской войне 1831 года» (Сочинения, изд. 1893 г., т. II, стр. 200 — 328, о них — там же, т. I, стр. IX). Как мы упоминали выше (стр. 131), Давыдов 4 января 1831 г. ездил с Пушкиным и другими в Остафьево к кн. Вяземскому, у которого в 20-х числах января опять встретился с поэтом, причем беседа шла о Польских делах («Русск. Арх.», 1902 г., кн. I, стр. 49); 11 февраля Погодин встретил Давыдова у Пушкина, причем поэт спорил с ним «до хрипу» о Борисе Годунове перед Д. Давыдовым (Н. Барсуков, «Жизнь и труды Погодина», кн. III, стр. 247; М. А. Цявловский, «Пушкин по документам Погодинского архива» — «Пушкин и его соврем.», вып. XXIII — XXIV, стр. 112), а 17 февраля, накануне свадьбы поэта, Давыдов был у него на «мальчишнике» (см. ниже стр. 210); к этому же времени относится, вероятно, и участие Пушкина в написании стихотворения Давыдова «Люблю тебя, как сабли лоск...», к которому поэт прибавил одну строфу (Н. О. Лернер, «Стихотворная складчина Пушкина и Дениса Давыдова» — «Пушкин и его соврем.», вып. XXXV, стр. 21 — 25; автограф этой пьесы с припискою Пушкина ныне в Пушкинском Доме).

— Eloge Раевского — т. е. «Похвальное слово» генералу Николаю Николаевичу Раевскому (умершему еще в сентябре 1829 г.; см. о нем т. I, стр. 207 — 208 и др., и т. II, стр. 366 — 367 и др.), известное в печати под названием «Замечания на некрологию Н. Н. Раевского»; последняя была написана зятем Раевского, генералом М. Ф. Орловым, некогда «Арзамасцем» (см. тт. I и II, по указателю) и вызвала хвалебную заметку Пушкина в «Литературной Газете», 1830 г., № 1 (ср. «Архив Раевских», под ред. Б. Л. Модзалевского, изд. П. М. Раевского, т. I, С.-Пб. 1908, стр. 162, 170, 178, 184, 201, 418, 485, 486). «Замечания» Дениса Давыдова были изданы в Москве лишь в 1832 г., под заглавием «Замечания на Некрологию Н. Н. Раевского, изданную при «Инвалиде» 1829 г., с прибавлением его собственных записок на некоторые события войны 1812 г., в коих он участвовал» (см. Соч., изд. 1893 г., т. III, стр. 109 — 127). Совета друзей написать «Жизнь» Раевского, т. е. подробную биографию этого человека, который привлекал к себе пристальное внимание Пушкина, Давыдов не собрался исполнить, хотя и думал о подобной работе, на которую подбивал его между прочим кн. П. А. Вяземский (см. «Старина и Новизна», кн. XXII, стр. 39—41). Пушкин еще в сентябре 1820 г., путешествуя с Раевским по Кавказу и Крыму, писал о нем брату: «Я не видел в нем Героя, славу Русского войска, я в нем любил человека с ясным умом, с простой, прекрасною душою; снисходительного попечительного друга, когда-то милого, ласкового хозяина. Свидетель Екатери-

нинского века, памятник 12 года, человек без предрассудков, с сильным характером и чувствительный, он невольно привяжет к себе всякого, кто только достоин понимать и ценить его высокие качества» (см. т. I, стр. 13), а в январе 1830. г., выступая перед Бенкендорфом ходатаем в пользу вдовы Раевского, называл его «героем 1812 года, великим человеком, жизнь которого была столь блестяща, а смерть столь печальна» (см. т. II, стр. 73). Быть может, именно под влиянием разговоров в дружеском кругу о необходимости написать биографию Раевского, Пушкин впоследствии внес в свою так называемую «Table-talk» запись о Раевском, содержащую несколько любопытных о нем анекдотов (частью с его собственных слов) и о его характере.

— Киреевский наш — Иван Васильевич (род. 22 марта 1806, ум. 12 июня 1856), старший брат известного собирателя русских песен Петра Васильевича Киреевского (род. 11 февраля 1808, ум. 26 октября 1856); он отправился из Москвы в заграничное путешествие 21 января 1830 г. и проездом через Петербург (где он останавливался у родственного ему Жуковского) видался с Пушкиным (см. выше, т. II, стр. 357, 361), с которым был лично знаком с сентября 1826 г., когда присутствовал на первом чтении «Бориса Годунова» в Москве, у Соболевского («Русск. Арх.», 1885 г., кн. I, стр. 117 — 118; см. также выше, т. II, стр. 199). Прожив в Берлине, а затем довольно долгое время в Мюнхене, он, напуганный известиями о страшной холере в Москве, не поехал дальше, как предполагал, а поспешил вернуться на родину и прибыл 16 ноября 1830 г. в Москву (Сочинения, т. I, М. 1911, стр. 55, 56, 57, 58; «Русск. Арх.», 1894 г., кн. II, стр. 336; «Старина и Новизна», кн. IV, стр. 189), где вскоре свиделся с Пушкиным, приехавшим в начале декабря из Болдина. 17 февраля он был, в числе немногих приглашенных друзей поэта, на его «мальчишнике», о котором до конца дней сохранил живое воспоминание («Русск. Арх.», 1904 г., № 1, обл.). Лев Арнольди сообщает в воспоминаниях своих о Гоголе, будто бы Киреевский «ничего не смыслил в изящной литературе и поэзии»: «он остановился на *Водопаде* Державина и дальше не пошел; даже Пушкина не любит,— говорит, что стихи его звучны, гладки, но что мыслей у него нет, и что он не произвел ничего замечательного» («Русск. Вестн.», 1862 г., № 1, стр. 86—87). Воспоминания эти относятся уже к. 1850 г., — и мы не знаем, насколько они верны; в конце же 1820-х годов Киреевский был горячим поклонником Пушкина и в своем известном «Обозрении Русской словесности за 1829 г.» (в альманахе Максимовича «Денница на 1830 год») с восторгом писал о «Полтаве», которую, как известно, большинство приняло холодно; столь же восторженна была и статья Киреевского в «Московском Вестнике» 1828 г. (ч. VIII, за подп.: 9. 11): «Нечто о характере поэзии Пушкина»; поэт, в свою очередь, питал расположение к «доброму и скромному» Киреевскому (см. ниже, в письме к И. И. Дмитриеву от 14 февраля 1832 г., № 494), и когда последний, в конце 1831 г., задумал издавать журнал «Европеец»,[1]

[1] По этому поводу в письме к Жуковскому Киреевский писал (в начале октября 1831 г.): «Когда-то хотел издавать журнал Пушкин; если он решится нынешний год, то разумеется мой будет уже лишний» (Соч., т. II, М. 1911, стр. 224 — 225).

№ 394 Пушкин, благодаря Киреевского за письмо, писал Языкову 18 ноября 1831 г.: «Поздравляю всю братию с рождением *Европейца*. Готов с моей стороны служить Вам чем угодно прозой и стихами, по совести и против совести» (см. ниже, № 474), а когда журнал Киреевского был запрещен после второго его номера, негодовал и досадовал (об этом см. ниже, в примечаниях к № 483 и 502). Полное собрание сочинений И. В. Киреевского, с материалами для его биографии и письмами его, издано, под редакцией М. О. Гершензона, в Москве, в 1911 г., в двух томах. [Черновую заметку Пушкина по поводу упомянутого выше «Обозрения» словесности в «Деннице» Максимовича см. в Соч. Пушкина, изд. Акад. Наук, т. IX, ч. 1, стр. 113—114 и ч. 2, стр. 325. *Ред.*].

— Лиза голинькая — Елизавета Михайловна Хитрово, о ней см. выше, т. II, стр. 249 — 252, где приведено и приписываемое Пушкину шутливое стихотворение «Лиза в городе жила», в котором Хитрово называется «Лизой голенькой»; «отчаянное политическое письмо» ее к Пушкину, — конечно, по поводу событий, развертывавшихся в это время в связи с Польским восстанием, — до нас не дошло (см. статью Н. В. Измайлова в сборнике «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Лгр. 1927, стр. 178); Хитрово, как известно, держала Пушкина в курсе политической жизни Европы и России (там же, стр. 193—195, и «Русск. Арх.», 1899 г., кн. II, стр. 85).

— П. Б—ое — т. е. Петербургское; желание Пушкина-жениха съездить в Петербург, чтобы узнать о положении дел от Хитрово и других высокопоставленных знакомых своих, не осуществилось.

— Танюша — известная своим голосом и искусством московская красавица-цыганка Татьяна Демьяновна (род. в 1810). Пушкин однажды, в письме к Нащокину от 26 июня 1831 г. (№ 430) передавал ей поклон, вместе с другими цыганками, но ошибся в отчестве. — Сохранился в передаче некогда известного романиста Б. М. Маркевича рассказ ее (1875 г.) о знакомстве с нею Пушкина (около 1829 г.?): «Поздно уже было, час двенадцатый, и все мы собирались спать ложиться, как вдруг к нам в ворота постучались, — жили мы тогда... на Садовой, в доме Чухина. Бежит ко мне Лукерья, кричит: «Ступай, Таня, гости приехали, слушать хотят». Я только косу расплела и повязала голову белым платком. Такой и выскочила. А в зале у нас четверо приехало, — трое знакомых (потому наш хор очень любили, и много к нам езжало): Голохвастов Александр... Протасьев-господин и Павел Войнович Нащокин, — очень был он влюблен в Ольгу, которая в нашем же хоре пела. А с ним еще один, небольшой ростом, губы толстые и кудлатый такой... И только он меня увидел, так и помер со смеху, зубы-то белые, большие, так и сверкают. Показывает на меня господам: «Поваренок! — кричит — поваренок!» А на мне, точно, платье красное ситцевое было и платок белый на голове, колпаком, как у поваров. Засмеялась и я, только он мне очень некрасив показался. И сказала я своим подругам по-нашему, по-цыгански: «Дыка, дыка, на не лачо, таки вашескери» — «Гляди, значит, гляди, как нехорош, точно обезьяна!» Они так и залились. А он — приставать: «Что́ ты сказала?» «Что́ ты сказала?» — «Ничего, говорю, — сказала, что вы надо мною смеетесь, поваренком зовете». А Павел Вой-

нович Нащокин говорит ему: «А вот, Пушкин, послушай, как этот поваренок поет!» А наши все в это время собрались; весь-то наш хор был небольшой, всего семь человек, только голоса отличные были... Романсов мы тогда мало пели, всё больше русские песни, народные. Стеша, покойница, — было мне всего 14 лет, когда померла она, — так та, бывало, как запоет: «Не бушуйте вы, ветры буйные», или «Ах, матушка, голова болит», — без слез слушать ее никто не мог, даже итальянская певица была, Каталани, так и та заплакала. Однако, когда я уже петь начала, были в моде сочиненные романсы. И главный был у меня: «Друг милый, друг милый, сдалека поспеши!» Как я его пропела, — Пушкин с лежанки скок! — он, как приехал, так и взобрался на лежанку, потому на дворе холодно было, — и ко мне. Кричит: «Радость ты моя, радость моя, извини, что я тебя поваренком назвал, — ты бесценная прелесть, не поваренок!» И стал он с тех пор часто к нам ездить — один даже частенько езжал, — и как ему вздумается: вечером, а то утром приедет. И всё мною одною занимается, петь заставит, а то просто так болтать начнет, и помирает он, хохочет, по-цыгански учится. А мы все читали, как он в стихах цыган кочевых описал. И я много помнила наизусть и раз прочла ему оттуда и говорю: «Как это вы хорошо про нашу сестру-цыганку написали!» А он опять в смех: «Я, говорит, на тебя новую поэму сочиню!» А это утром было, на масляниде, и мороз опять лютый, и он опять на лежанку взобрался. — «Хорошо, говорит, тут, — тепло, только есть хочется». А я ему говорю: «Тут поблизости харчевня одна есть, отличные блины там пекут, — хотите, пошлю за блинами?» Он с первого раза побрезгал, поморщился. «Харчевня, говорит, — грязь». — «Чисто, будьте благонадежны, говорю, — сама не стала бы есть». — «Ну, хорошо, посылай», — вынул он две красненькие, «да вели кстати бутылку шампанского купить». Дядя побежал, всё в минуту спроворил, принес блинов, бутылку. Сбежались подруги, — и стал нас Пушкин потчевать: на лежанке сидит, на коленях тарелка с блинами, — смешной такой, ест да похваливает: «Нигде, говорит, таких вкусных блинов не едал!», шампанское разливает по стаканам... Только в это время в приходе к вечерне зазвонили. Он как схватится с лежанки: «Ахти мне, кричит, радость моя, из-за тебя забыл, что меня жид-кредитор ждет!» Схватил шляпу и выбежал, как сумасшедший. А я Ольге стала хвалиться, что Пушкин на меня поэму хочет сочинять. Ей очень завидно стало: «Я, говорит, скажу Нащокину, чтобы он просил его не на тебя, а на меня беспременно написать». Нащокин пропадал в ту пору из-за нее, из-за Ольги... Нащокина дела очень плохи были, и Пушкин смеялся над ним: «Ты, говорит, возьми коромысло, два ведра молока нацепи на на него и ступай к своей Ольге под окно: авось она над тобою сжалится». А Нащокин очень нашелся ответить ему на это: «Тебе, говорит, легко смеяться — напишешь двадцать стихов, — столько же золотых тебе в руки, а мне каково? Действительно, говорит, одно остается — нацепить себе ведра на плечи». Однако тут он вскорости поправился как-то, и Ольга... склонилась к нему и переехала жить с ним на Садовую. Жили они там очень хорошо, в довольстве, и Пушкин, как только в Москву приедет, так сидьмя у них сидит, а брат его, Лев Сергеевич, так тот постоянно и останавливался у них на квартире. Я часто к ним хаживала, меня все

№ 394 они очень ласкали и баловали за мой голос, — да и смирна я была всегда, обижать-то меня будто никто и не решался, — но за что было!» («С.-Петерб. Ведом.», 15 мая 1875 г., № 131, с подп. В. П.; то же — Сочинения Б. М. Маркевича, т. XI, С.-Пб. 1885, стр. 132—134; ср. В. Вересаев, «Пушкин в жизни», вып. III, изд. 2, М. 1927, стр. 8—9). Татьяна Демьяновна прославила в своем исполнении популярный с тех пор романс Алябьева «Соловей»: кн. А. В. Мещерский в своих воспоминаниях рассказывает, как прекрасно романс этот исполнялся «знаменитою цыганкой Танюшей» («Русск. Арх.», 1901 г., кн. I, стр. 113). В своем стихотворении (август 1831 г.) «Цыганский табор» гр. Е. П. Ростопчина так описывает выход Татьяны и ее пение:

...Но вот гремящий хор внезапно умолкает,
И Таня томная одна меж них слышна,
И голос пламенный до сердца проникает,
И меланхолию вселяет в нем она.
Бледна, задумчива, страдальчески-прекрасна,
Она измучена сердечною грозой,
На ней видна печать любови нежной, страстной,
И все черты ее исполнены тоской.
О, как она мила!.. ее как грустно пенье!
Как сильно трогает, как нравится она!
Душа внимает ей в безмолвном наслажденье,
Как бы предчувствием нежданных благ полна.
Но если запоет она вам повесть страсти,
Но если о любви твердят ее слова...
О, сердцу слабому напевы те — беда!
Не избежит оно заразы их и власти,
Не обойдут его тревога и тоска!

(Стихотворения, ч. I, С.-Пб. 1841, стр. 45). Упомянутый выше Б. М. Маркевич передает дальнейший рассказ Тани о том, как после страшной холеры 1830 г. Пушкин опять стал посещать цыган: «Только реже стал езжать к нам в хор. Однако нередко я видала его попрежнему у Павла Войновича и Ольги. Стал он будто скучноватый, а всё-же попрежнему, вдруг оскалит свои большие белые зубы, да как примется вдруг хохотать. Иной раз даже испугает просто, право! Тут узнала я, что он жениться собирается на красавице, — сказывали, — на Гончаровой. Ну и хорошо, подумала, — господин он добрый, ласковый, дай ему бог совет да любовь! И не чаяла я его до свадьбы видеть, потому говорили, всё он у невесты сидит, очень в нее влюблен. Только раз вечерком, — аккурат два дня до его свадьбы оставалось, — зашла я к Нащокину с Ольгой. Не успели мы и поздороваться, как под крыльцо сани подкатили, и в сени вошел Пушкин. Увидал меня из саней и кричит: «Ах, радость моя, как я рад тебе, здорово, моя бесценная!», поцеловал меня в щеку и уселся на софу. Сел и задумался, да так будто тяжко, голову на руку опер, глядит на меня: «Спой мне, говорит, Таня, что-нибудь на счастие; слышала, может быть, я женюсь?» — «Как не слыхать, говорю, дай вам бог, Александр Сергеевич!» — «Ну, спой мне, спой!» — «Давай, говорю, Оля, гитару, споем барину!» Она принесла гитару, стала я подбирать, да и думаю, что̀ мне спеть. Только на сердце у меня у самой невесело было в ту пору... Запела я Пушкину песню, она хоть и подблюдною

считается, а только не годится было мне ее теперича петь, потому она будто, сказывают, не к добру: № 394

> Ах, матушка, что̀ так в поле пыльно?
> Государыня, что̀ так пыльно?
> — Кони разыгралися... — А чьи-то кони, чьи-то кони?
> — Кони Александра Сергеича...

Пою я эту песню, а самой-то грустнехонько, чувствую — и голосом то же передаю, и уж как быть, не знаю, глаз от струн не подыму... Как вдруг слышу, громко зарыдал Пушкин. Подняла я глаза, а он рукой за голову схватился, как ребенок плачет...» Потом Таня видала Пушкина уже женатым, — и он всегда был к ней ласков и внимателен (l. с., стр. 135 — 136 — 139).

[Упомянутая выше в рассказе цыганки Тани песня имеется в печатных сборниках М. Д. Чулкова (ч. III, с Прибавлением 1773, № 34, стр. 27 — 28) и Ивана Прача (1790, стр. 157) и во многих других песенниках; она начинается обычно так:

> — Матушка, что̀ во поле пыльно,
> Сударыня моя, что̀ во поле пыльно?
> — Дитятко, кони разыгрались,
> Свет милое мое, кони разыгрались!
> — Матушка, на двор гости едут...

и обычно без стиха:

> — А чьи-то кони, чьи-то кони?

Этот и последующий стихи находим у И. П. Сахарова («Песни русского народа», ч. III, С.-Пб. 1839, стр. 389, № 5):

> — Матушка, чьи же эти кони?
> — Дитятко, свет Алексеевы кони...

(вместо последнего стиха цыганка Таня подставила имя Пушкина). Таким образом, Таня знала русские песни в лучших, более полных редакциях, чем те, которые мог находить Пушкин в печатных песенниках. Песня эта свадебная, поется в то время, когда мать благословляет невесту к венцу. Напев ее, как и всех свадебных песен этого момента обряда, очень печальный. Содержание песни в данном случае обращает на себя особое внимание. Молодая девушка, не считающая себя невестой, но в действительности уже просватанная (без ее ведома), смущена признаками свадьбы: едут кони, идут в дом гости, садятся за стол. Мать все время ее успокаивает словами: «Дитятко, не бойсь, не выдам!» Только в самый последний момент, когда «со стены образ снимают», мать решительно заявляет дочери о ее замужестве: «Дитятко, господь бог с тобою!» Эта яркая картина подневольного брака не была очень далека от положения невесты Пушкина и его самого. Он разрыдался, слушая эту песню, не только от чужого страха и горя, прекрасно переданных талантливою певицей, но и от своих собственных переживаний перед женитьбой, вызванных текстом песни. *Сообщено редакции В. И. Чернышевым.*]

О «прославленной покойным Пушкиным Тане» упоминалось в 1838 г. и в «Северной Пчеле» («Столица и Усадьба», 1915 г., № 48, стр. 14, в

№ 394 статье Н. О. Лернера «Пушкин и цыганы»); вдова Нащокина — Вера Александровна — также вспоминала в 1899 г. о том, как «Пушкин любил цыганское пение, особенно пение знаменитой в то время Тани» («Новое Время,» 1898 г., иллюстр. прилож. к № 8122; [см. «Письма женщин к Пушкину», под ред. Л. П. Гроссмана, М. 1928, стр. 231. *Ред.*]). Наконец, большой любитель и знаток цыганского пения, гр. Л. Н. Толстой, рисуя в «Детстве» портрет своего отца (гл. X), говорит про него, что он «любил музыку, певал, аккомпанируя себе на фортепьяно, романсы приятеля своего А[лябьева], цыганские песни и некоторые мотивы из опер», но «ученой музыки не любил» и откровенно сознавался, что «не знает лучше ничего, как «Не будите меня молоду», как ее певала Семенова, и «Не одна», как певала цыганка Танюша...» Одним словом, это была в полном смысле «знаменитость» своего рода. Некто И. К. Кондратьев, выведя в довольно бесталанной «лирической сцене» «Пушкин у Яра» (М. 1887) цыганку Таню и ее песню на голос «Приехали Сани»:

Давыдов с ноздрями,
Вяземский с очками,
Гагарин с усами,
Девок испугали
И всех разогнали, —

которую подхватывает хор:

Девки наши хваты,
Да плохи солдаты!
Ходят точно бабы,
Квакают, что жабы, и т. д.

(стр. 19), пишет: «Цыганка Таня — лицо не вымышленное. Это была известная певица в то время и красавица, Татьяна Демьяновна, голосом которой и красотой восхищались не только любители цыган, но и приезжие знаменитости артистического мира. Так ее слушала всемирная известность, певица Каталани, и — в жару увлечения — сорвала с своих плеч драгоценную шаль и накинула на плечи цыганки.[1] Вся тогдашняя молодежь, посещавшая цыган, сходила по ней с ума. В числе влюбленных в цыганку был и поэт Языков. В честь ее он написал два прекрасных стихотворения, из которых одно — известное «Блажен, кто мог на ложе ночи». Демьяновна, проживая в Москве, на Бронной, умерла в 1876 году. Нам лично пришлось видеть эту, некогда знаменитую певицу и красавицу цыганского мира. На расспросы о Пушкине и других литературных знаменитостях того времени, посещавших ее, она, слабая памятью, могла рассказать только кое-что. Между прочим, она передала, что сама составляла песни. Песня-пародия «Давыдов с ноздрями» составлена ею по просьбе кого-то из Пушкинского кружка и производила тогда необыкновенный

[1] Этот рассказ, впрочем, относится не к Тане, а к другой цыганке — Стеше, матери сожительницы Нащокина Ольги Андреевны («Русск. Стар.», 1881 г., авг., стр. 600) и упомянут в стихотворении Пушкина «Кн. З. А. Волконской» при посылке «Цыган» (1827 г.).

фурор; но она запомнила из нее только пять первых строчек» (стр. 23—24). На самом деле Языков посвятил Татьяне Демьяновне не два, а три страстных стихотворения, написанных в 1831 г.: «Весенняя ночь», «Перстень», и «Элегия»; каждое из них имеет подзаголовок-посвящение: «(Т. Д.)», т. е. «Татьяне Демьяновне», и содержит восторженные строки о красавице-цыганке, которую он называет «разгульная», «чудо красоты», «желанная и добрая моя», «мой лучший сон, мой ангел сладкопевный, Поэзия московского житья», «мой ангел черноокий» и т. д. № 394

Во мне душа трепещет и пылает,
Когда, к тебе склоняясь головой,
Я слушаю, как дивный голос твой,
Томительный, журчит и замирает,
Как он кипит, веселый и живой!
Или когда твои родные звуки
Тебя зовут — и буйная, летишь,
Крутишь главой, сверкаешь и дрожишь,
И прыгаешь, и вскидываешь руки,
И топаешь, и свищешь, и визжишь! и т. д.

(Стихотворения, изд. Суворина, 1898, т. I, стр. 207—210; Сочинения Б. М. Маркевича, т. XI, стр. 136—139). О ней есть еще статья В. В. Никольского «Пушкин и цыганка» — в «Костромском Листке», 1899 г., № 56. В «Словаре гравированных портретов» Д. А. Ровинского (т. II, С.-Пб. 1889, ст. 1647—1648) указывается портрет «знаменитой» Танюши с гитарой на литографированной группе «Цыганы» (изд. в Москве, ценз. дозв. 4 мая 1833 г., литогр. Ястребилова) во главе с начальником московского цыганского табора Ильею Соколовым; П. А. Ефремов сообщает еще (Сочинения Пушкина, изд. Суворина, т. VII, С.-Пб., 1903, стр. 412), что литографом Сандомури был налитографирован, одновременно с прекрасным портретом Пушкина (с Кипренского), и портрет Пушкинской цыганки,— под пару Пушкину (ср. Альбом Пушкинской Выставки в Москве, М. 1899, каталог, стр. 12, № 263). [Конечно, рассказы Тани о Пушкине должны восприниматься с поправкой на то, что они записаны были через пятьдесят лет после описанных в них происшествий. *Ред.*]

[— Настоящая Татьяна-пьяная. — Очевидно, и Пушкин и Вяземский слыхали от цыган в выразительном исполнении следующую старинную московскую разгульную песню, до нашего времени не дошедшую, героиней которой была пьяная Татьяна:

Покровские девки [1]
Гульливые были,
    Ягода моя, виноградная! [2]
Гульливые были,
По рынкам гуляли × 2;
Горелку скупали × 2;
Татьяну поили × 2;
И спать положили × 2;
Рогожей покрыли.

---

[1] Т. е. девки села Покровского. *Ред.*
[2] Повторяется после каждых двух стихов. *Ред.*

Проснулася к свету,
Рубашечки нету.
Ах! Как-то мне быти,
Домой-та придтити!
Дороженька пыльна,
Домой итти стыдна.
Зальюся слезами,
Пойду за водами.
Пришла домой смела,
Середь двора села;
Взошла на крылечко,
Молвила словечко:
Сестрица, Параша,
Подай мне рубашку × 2;
Хоша альненую × 2;
Хоша камчатную.

(«Новейший Российский всеобщий песенник или Собрание лучших старых и новейших песен...», М. 1803, ч. II, стр. 56, № 29). *Сообщено редакции В. И. Чернышевым.*]

— «Приехали сани» — народная песня, — масляничная величальная песня гостям; текст ее [в одном варианте, не вполне совпадающем по размеру с песнею цыган. *Ред.*] известен по записи Е. И. Резановой, сделанной в Обоянском уезде Курской губернии и напечатанной в «Курском Сборнике», вып. III, ч. II, стр. 41, № 63 (изд. 1902 г.). [Цыгане, очевидно, пародировали одну из подобных песен, т. е. вариант песни «Приехали сани», известный им и Пушкину с его друзьями, и на голос ее пели свою пародию. Такое пародирование, по отзыву В. И. Чернышева, вполне в народном духе и очень распространено на праздниках. *Ред.*]

— «Давыдов с ноздрями» — Митюша, как объясняет ниже сам Пушкин, — т. е. Дмитрий Александрович, тогда уже пожилой человек (род. 26 мая 1786 — ум. 11 мая 1851); с 1801 по 1808 г. он служил в Коллегии Иностранных Дел юнкером и переводчиком, а с начала Отечественной войны поступил волонтером в военную службу и, состоя при генерале гр. Остермане-Толстом, был в кампании от Поречья до Тарутина; 31 октября 1812 г. был зачислен штаб-ротмистром в Изюмский гусарский полк, с отличием участвовал в делах заграничной кампании 1813 г. и за отличие при взятии Касселя в качестве волонтера в отряде А. И. Чернышева переведен был в л.-гв. Гусарский полк (8 октября 1813 г.); в марте 1814 г. назначенный дежурным штаб-офицером легкого корпуса ген. Чернышева, он участвовал во взятии Парижа и 17 ноября 1814 г. назначен адъютантом к генералу Ф. П. Уварову. Выйдя в отставку 15 января 1816 г., он провел не у дел более шести лет. В 1821 г. он намеревался поступить на службу под начальство гр. В. П. Кочубея («Остаф. Арх.», т. II, стр. 211), пока не определился, 26 апреля 1822 г., по особым поручениям к московскому военному генерал-губернатору кн. Д. В. Голицыну и 24 марта 1824 г. произведен в чин коллежского советника. После восстания 14 декабря 1825 г. он едва не оказался запутанным в дело декабристов, так как, по показанию некоторых членов Тайного Общества, он принадлежал к числу членов Союза Благоденствия; но так как выяснилось из тех же показаний, что он уклонился от Союза, то он и не был привлечен к след-

ствию («Алфавит декабристов», под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, Лгр. 1925, стр. 76 и 311—312). Из декабристов упоминает о нем в «Записках» своих И. Д. Якушкин, по словам коего Давыдов, некогда блестящий и храбрый офицер, «принимал участие во всех увеселениях Москвы» («Записки», М. 1905, стр. 57). Выйдя снова в отставку 2 февраля 1827 г., Давыдов с 13 июня 1832 по 8 мая 1846 г. опять служил при московском военном генерал-губернаторе; в 1850 г. был статским советником, помещиком сельца Дубровки, Клинского уезда, в 80 верстах от столицы (см. «Московский Наблюдатель», 1835 г., кн. II, стр. 444).

Имя Д. А. Давыдова часто упоминается в переписке Вяземского с А. И. Тургеневым («Ост. Арх.», т. I—III), с которыми он был близко знаком, особенно с Вяземским («Остаф. Арх.», т. V, вып. 1 и 2; «Стар. и Новизна», кн. VIII и XXII), равно как и с Жуковским, Пушкиным (см. «Дневник» Пушкина, под ред. Б. Л. Модзалевского, Пгр. 1923, стр. 190—191), Денисом Давыдовым и братьями Н. А. и А. А. Мухановыми. Давыдов был женат (с 1815 г.) на княжне Елизавете Алексеевне Шаховской (род. 1798 — ум. 1860) и имел многочисленное семейство (см. о его сватовстве в письме М. А. Волковой к В. И. Ланской—«Вестник Европы» 1874, № 12, стр. 662—663 и «Русск. Архив», 1900, кн. II, стр. 465); младшая дочь его, Ольга Дмитриевна (род. 25 декабря 1824—ум. 31 июля 1893), была замужем за генеалогом, автором «Российской Родословной Книги» и впоследствии эмигрантом, кн. Петром Владимировичем Долгоруковым (ум. 1868).

— Вяземский с очками — адресат письма, кн. Петр Андреевич.

— Гагарин с усами — зять кн. П. А. Вяземского, кн. Федор Федорович (род. 1786, ум. 6 сентября 1863), брат кн. Веры Федоровны Вяземской. Сын убитого в Варшаве в 1794 г. кн. Федора Сергеевича («Русск. Арх.», 1897 г., кн. I, стр. 331) и жены его Прасковьи Юрьевны, рожд. кн. Трубецкой (по второму браку Кологривовой), он провел детство и отрочество в Москве, с конца 1804 г. служил в Петербурге, будучи зачислен 20 декабря портупей-прапорщиком в л.-гв. Семеновский полк. С 1805 года началась боевая деятельность Гагарина, продолжавшаяся вплоть до 1814 г., в рядах Семеновского и Кавалергардского (с 24 августа 1806 г.) и лейб-кирасирского и Павлоградского (с 25 января 1813 г.) полков, состоял при Беннигсене и других генералах — гр. Остермане-Толстом, гр. Гудовиче, кн. Багратионе, Дохтурове. Отличаясь беззаветной храбростью, он с отличием участвовал во всех крупных сражениях эпохи и на разных театрах войны — при Аустерлице, Прейсиш-Эйлау, Гейльсберге, под Эриванью, под крепостью Ловчей, при Бородине, Дрездене, Кульме, при крепости Бреда (в Голландии), за что получил орден Георгия 4-й степени при взятии Реймса. В воспоминаниях современников сохранилось много рассказов и анекдотов о Гагарине, о его молодечестве и различных проделках,— что дало повод Герцену в «Былом и Думах» [изд. «Academia», 1933, по указ. *Ред.*] поставить его имя рядом с Денисом Давыдовым и другими подобными удальцами. (Об этом см. «Русск. Стар.» 1880, т. XXIX, стр. 992; «Сборник биографий кавалергардов», т. III, стр. 135).

Повидимому, однако, страсть к выходкам и полковые интересы не играли исключительной роли в жизни Гагарина, по крайней мере в годы

№ 394 молодости. Из показания его, данного в 1826 г. Следственному Комитету,[1] видно, что он был масоном («Сборник биографий кавалергардов», т. III, С.-Пб. 1906, стр. 136—137). В «Алфавите декабристов» о нем записаны следующие данные, обнаруженные следствием по делу о 14 декабря, к которому он был привлечен, будучи полковником Клястицкого гусарского полка: «При допросе показал, что в 1817 году, по предложению Александра Муравьева, он два раза посещал собрание членов общества, где слышал разговоры о представительном правлении, но участия в том никакого не принимал. В начале 1818 года слышал от Артамона Муравьева, что и он принадлежит к сему же Обществу, но с того времени никаких сношений с членами не имел и о самом существовании Общества ничего не слыхал. По изысканию Комиссии оказалось, что Гагарин принадлежал к военному обществу, предшествовавшему Союзу Благоденствия, но в сей последний он не поступил, не принимал никакого участия и не знал о существовании тайных обществ, возникших с 1821 года. По болезни содержался с 21-го генваря в Военно-Сухопутном Гошпитале. — По высочайшему повелению, вследствие доклада Комиссии 2-го февраля 1826 г., освобожден» («Алфавит декабристов», под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, Лгр. 1925, стр. 61; более подробные сведения о показаниях Гагарина и о Гагарине по делу о принадлежности его к Тайному обществу см. в «Сборнике биографий кавалергардов», т. III, стр. 136). Командуя Гродненским (с 1824 г. — Клястицкий) полком с 23 октября 1819 г., Гагарин 6 декабря 1827 г. был произведен в генерал-майоры с состоянием по кавалерии, а 4 октября 1829 г. назначен командиром 1-й бригады 2-й гусарской дивизии, состоявшей из Павлоградского и Изюмского полков, с подчиненными офицерами обращался как с товарищами и они были очень преданы своему бригадному командиру. В 1831 г., с марта (ср. «Старина и Новизна», кн. VI, стр. 335), он принял участие, со своей бригадой, в войне с поляками вплоть до штурма Варшавы, за отличие в коем награжден был орденом; в феврале—мае 1832 г. он был в Москве («Русск. Арх.» 1902, кн. I, стр. 277 и 284—285). В 1833 г., 19 февраля, Гагарин был назначен командиром 1-й бригады 2-й конно-егерьской дивизии, но менее чем через два месяца, по случаю переформирования армейской кавалерии, уволен был от должности, а 30 декабря 1835 г. — совсем от службы. Проживая в Москве, Гагарин играл видную роль в московском обществе, был постоянным посетителем дома П. В. Нащокина («Русск. Стар.» 1880, т. XXIX, стр. 992, 994), но, по словам биографа, основанным на воспоминаниях гр. С. Д. Шереметева («Старина и Новизна», кн. VI, стр. 336), «с годами постепенно превратился из лихого кавалериста в раздражительного старого холостяка, сделался мало доступен, постоянно брюзжал, относясь ко всему порицательно, и единственным удовольствием для него сделалось курение трубки». Его, по словам гр. М. Д. Бутурлина, часто можно было видеть и на публичных московских гуляньях, ходившего всегда пешком и в статском уже платье; он у многих сохранял свое прозвище «Феденьки», хотя ему было уже за 50 лет («Русск. Арх.» 1897 г., кн. II, стр. 547). Он был

[1] В ноябре 1825 г. Гагарин был в Париже («Остаф. Арх.», т. III, стр. 132, 133).

знаком с А. И. Тургеневым («Остаф. Арх.», pass.), Чаадаевым («Русск. Стар.» 1887 г., № 10, стр. 221), гр. В. А. Соллогубом, который в мае 1836 г. намерен был просить Гагарина быть его секундантом в несостоявшейся дуэли Соллогуба с Пушкиным («Воспоминания гр. В. А. Соллогуба», М. 1866, стр. 33 [и изд. «Academia», 1931, стр. 525. *Ред.*]); знакомство его с Пушкиным не выходило, вероятно, за пределы «приятельских» отношений, хотя поэт, без сомнения, не без интереса наблюдал незаурядную личность бретера Гагарина; в ноябре и декабре 1833 г. он упоминал о нем и посылал ему поклон через общего друга Нащокина (см. ниже, письма № 553 и 558), а 10 мая 1836 г., в бытность свою в Москве, ужинал у него и вернулся от него в четыре часа утра — «в таком добром расположении, как бы с бала» (письмо к жене от 11 мая 1836 г.); наконец, в августе этого года кн. Вяземский сообщал Пушкину, что Гагарин был у него в Остафьеве (Акад. изд. Переписки, т. III, стр. 365—366).

395. *М. П. Погодину.* [3-го января 1831 г.] (стр. 5). Впервые напечатано, до слов: «Выдавайте ж Марфу», в «Москвитянине», 1842 г., ч. V, № 10, стр. 465; полнее — у Н. Барсукова, «Жизнь и труды Погодина», кн. III, стр. 245; полностью — в Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 216—217, с неточною датировкою («первая половина января»), которую можно уточнить на основании записи дневника Погодина, в котором он отметил под 3 января: «Получил Бориса от Пушкина с рукоположением» («Пушкин и его соврем.», вып. XXIII — XXIV, стр. 111; ср. Барсуков, «Жизнь и труды Погодина», т. III, стр. 245). Подлинник на одном листе бумаги обыкновенного почтового формата, с вод. знаком: «А... 1...», в Библиотеке им. В. И. Ленина, в архиве Погодина (№ 3518, письма 1831 г., л. 2).

— Никодим Надоумко — псевдоним Николая Ивановича Надеждина, издателя нового выходившего два раза в неделю «Журнала современного просвещения» — «Телескоп», с еженедельным приложением: «Молва. Журнал мод и новостей». См. выше, стр. 128.

— Говоря о переворотах или переоборотах, Пушкин имел в виду, во-первых, политические события эпохи (Июльскую революцию во Франции и Польскую революцию), а также ту перемену, которая произошла во взаимных отношениях его и Надеждина, из резко враждебных сделавшихся к 1831 г. не только терпимыми, но и доброжелательными (см. т. II, стр. 94, 441—442 и др.).

— Кто писал Пушкину из Петербурга об успехе «Бориса Годунова» — неизвестно, так как писем к поэту за время конца декабря 1830 г. до нас не дошло ни одного. Правда, по сообщению «Литературной Газеты» (1831 г., № 1, стр. 9), в первое же утро по выходе книги было раскуплено до четырехсот экземпляров, — но это свидетельствовало лишь об интересе к новому произведению Пушкина, давно ожидаемому; судя же по современной переписке других лиц, дошедшие до Пушкина сведения об успехе драмы по существу не были верны; так, Погодин отметил в своем дневнике около 20 января, что в Москве «все бранят Годунова» («Пушкин и его соврем.», вып. XXIII—XXIV, стр. 112); в то же время А. В. Веневитинов писал Погодину, что и в Петербурге «Годунова» «не понимали» (Н. Барсуков, l. c., стр. 245). Не говоря о давнем враге Пушкина — Каченовском, который еще в 1830 г. печатно советовал ему сжечь «*Бориса*

№ 395 *Годунова*» («Денница на 1831 г.», стр. XXXV), Катенин (см. ниже, стр. 152). Кюхельбекер, В. Каратыгин, Олин, М. А. Бестужев-Рюмин, В. Т. Плаксин, Н. Полевой и другие лица — друзья и враги Пушкина[1] — отрицательно или враждебно отнеслись к произведению Пушкина, так что в июле бар. Е. Ф. Розен, подводя итоги отзывам о нем, писал С. П. Шевыреву: «Кривые толки, косые взгляды, шиканье, дурацкий смех — вот чем приветствовали *Годунова,* творец коего во времена Петрарки и Тасса был бы удостоен торжественного в Капитолии коронования» («Русск. Арх.» 1878 г., кн. II, стр. 47). То же говорила и «Северная Пчела», утверждавшая, что «сие замечательное произведение», «к сожалению, не произвело того действия в публике, какого ожидали, когда стоустая молва объявила России о существовании сего сочинения, а Альманахи и Журналы познакомили своих читателей с лучшими отрывками из оного» (1831 г., № 266), а в одной заметке, уже 1833 г., свидетельствовавшая, что «Бориса Годунова ждали, как ясного дня после непогоды. И что же вышло? Борис Годунов как будто ночью проехал через поле нашей словесности! Не многие заметили его появление, между тем как эта поэма едва ли не перевешивает всего, что было написано Пушкиным до сих пор» (№ 108). О том же впоследствии, едва ли не с наибольшей определенностью, писал и известный М. М. Попов («Русск. Стар.» 1874 г., № 8, стр. 706—707). Но на ряду с людьми, не понявшими драмы Пушкина, были и такие читатели, которые давали о ней и положительные и даже восторженные отзывы, принадлежавшие преимущественно единомышленникам и почитателям Пушкина: Дельвиг, кн. Шаликов, С. Глинка, Погодин, Надеждин, И. Киреевский, В. Д. Комовский и А. М. Языков («Истор. Вестн.» 1883 г., № 12, стр. 530—532) и другие сумели оценить «Бориса Годунова» и указать достоинства нового произведения Пушкина. (См. напр. отзыв Боратынского в «Татевском Сборнике С. А. Рачинского», С.-Пб. 1899, стр. 13 и 44). Были довольны им и Николай I (М. Сухомлинов, «Исследования и статьи», т. II, С.-Пб. 1889, стр. 232) и В. А. Ушаков, и Греч, не говоря о тех, кто слышал трагедию в чтении автора (см. выше, т. II, стр. 188—189). Подробности см. в IV томе Соч. Пушкина, изд. Академии Наук, примеч., стр. 149—166; в статье Ф. Д. Батюшкова о «Борисе Годунове» в Соч. Пушкина, под ред. С. А. Венгерова, т. II, стр. 306—307; у Анненкова в «Материалах», изд. 1873 г., стр. 136—137; в комментарии Н. В. Измайлова в «Письмах Пушкина к Е. М. Хитрово», Лгр. 1927, стр. 95—100.

— Марфа — трагедия Погодина «Марфа Посадница Новгородская»; о ней см. выше в т. II, стр. 90, 92, 111, 383, 431, 438, 474 и 487—488; там же и отзывы Пушкина об этом произведении Погодина, значение и достоинства которого поэт преувеличивал со свойственным ему благожелательством. Законченная в июле 1830 г. («Русск. Арх.» 1882 г., кн. III, стр. 157) и пропущенная цензурою еще 26 августа 1830 г., она тогда же была напечатана, но в свет вышла значительно позже, так как высшей полиции казалось нежелательным выпускать ее «до перемены нынешних смутных об-

[1] Между прочим, автор брошюры: «О Борисе Годунове, сочинении Александра Пушкина. Разговор», М. 1831; см. о ней Соч. Пушкина, изд. Академии Наук, т. IV, примеч., стр. 154, и ниже, стр. 328—329.

стоятельств» (см. письмо Бенкендорфа к С. Т. Аксакову от 10 марта 1831 г., № 1301 — «Русск. Арх.» 1873 г., кн. III, ст. 02299 — 02300), и лишь в декабре 1831 г. последовало разрешение на выпуск трагедии (см. Н. Барсуков, «Жизнь и труды Погодина», кн. III, стр. 245—247, 358—359 и др.; «Русск. Арх.» 1873 г., кн. III, ст. 02299—02300; Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 245, 300 и 380, и ниже — письма № 412, 433 и 503). Пушкин, как известно, написал разбор трагедии Погодина и отдал его Погодину, который напечатал его впоследствии в «Москвитянине» (1842 г., № 10, стр. 462 — 465; ср. статью «О драме» в изд. «Просвещения» Соч. Пушкина, т. VI, стр. 302 — 305), [а также в изд. Акад. Наук, т. IX, ч. 1, стр. 127—130 и ч. 2, стр. 350 — 394. *Ред.*].

396. *П. А. Плетневу.* 7 января [1831 г.] (стр. 5—6). Впервые напечатано в Сочинениях Плетнева, т. III, С.-Пб. 1885, стр. 359—360; подлинник на бумаге большого почтового формата, с водяными знаками: А. Г. 1829; письмо проколото в карантине; подлинник — в ИРЛИ (Пушкинском Доме) Академии Наук.

— Плетнев «бранил» Пушкина за письмо от 31 августа 1830 г. из Москвы (см. т. II, № 366), а 9 сентября поэт писал ему из Болдина, что «мрачные мысли его порассеялись» (там же, № 369); между тем он получил письмо Плетнева (до нас не сохранившееся) и 29 сентября, из Болдина же, пенял Плетневу за то, что ни он, ни Дельвиг, ни Жуковский не поняли причин его хандры (там же, № 370).

— Деньги (2000 рублей), — за издание «Бориса Годунова», от книгопродавца Смирдина (ср. ниже — письма № 403 и 413 и примечания к ним).

— Изданием «Бориса Годунова» заведывал Плетнев, которому принадлежал и выбор шрифтов, и формата, и бумаги, и наблюдение за печатанием книги в Типографии Департамента Народного Просвещения; он же, по отпечатании книги, принял из типографии все ее экземпляры («Дела III отделения об А. С. Пушкине», С.-Пб. 1906, стр. 117).

— Послание к Гнедко (так в кругу Жуковского называли Николая Ивановича Гнедича) — пространное стихотворение Плетнева «К Гнедичу»; оно напечатано в отделе Поэзии, на стр. 57—61, только что вышедшего альманаха Дельвига «Северные Цветы на 1831 год», с примечанием редакции: «Это послание за несколько лет перед сим напечатано было в одном из С.-П.бургских журналов.[1] Отрывок из ответа на него помещен во втором издании Учебной книги Рос. Слов. Н. И. Греча [1830 г.].[2] Получив от автора полный экземпляр сего ответа, мы надеялись доставить удовольствие читателям своим, соединив в нашем альманахе оба послания, как нечто целое»; «К П. А. Плетневу. Ответ на его послание», Н. И. Гнедича, напечатан на стр. 61 — 66 «Северных цветов на 1831 год». Вот начало проникнутого истинным чувством послания Плетнева, заключающего в себе много автобиографических черт:

Служитель Муз и древнего Омера,
Судья и друг поэтов молодых!

[1] В «Новостях литературы» (Прибавления к «Русскому Инвалиду»), 1822 г., кн. II, стр. 188 и сл.

[2] Отрывок ответа Гнедича был написан лишь в 1824 г. и впервые появился в «Северных Цветах на 1828 г.», отд. Поэзии, стр. 47—50.

№ 396

К твоим словам в отважном сердце их
Есть тайная, особенная вера.
Она меня зовет к тебе, поэт:
    Дай искренний совет,
Как жить тому, кто любит Аполлона.
Завиден мне счастливый жребий твой:
С какою ты спокойною душой
На высоте опасной Геликона!
Прекрасного поклонник сам и жрец,
Пред божеством своим в мольбе смиренной,
Забыл ты свет и суд его пременной,
Ты пренебрег минутный в нем венец,
Отдав свой труд единому потомству.
А я, как раб, страстям моим служу
    И только ощупью брожу:
    Пленясь хвалой, я вероломству
    Младенчески, как дружбе отдаюсь
    И милые делю с ним сердца тайны [и т. д.]
    . . . .
Мне нравится то гул трубы военной,
То нежный звук свирели пастухов,
    То цитры глас уединенной,
Ласкающий стыдливую любовь,
    И часто грозного Ахилла
    (Когда в живых твоих стихах
    За ним стремлюсь) в моих мечтах
    Сменяет резвая *Людмила*... [и т. д.]

Приводим и начало значительно слабейшего, местами довольно тяжелого, «Ответа» Гнедича:

    Мой друг! себе не доверять —
Примета скромная питомца Муз младого.
Так юные орлы, с гнезда слетев родного,
Полета к солнцу вдруг не смеют испытать;
Парят, но по следам отцов ширококрилых,
Могучих гениев дерзая по следам,
    Вверялся ты младым еще крилам;
Но в трубных опытах не постыдил их силы [и т. д.]

Говоря, что он не прочел ответа Гнедича, Пушкин хотел, быть может, показать, что ответ этот и не заслуживает прочтения.

— Петербургским военным генерал-губернатором в 1831 г. был генерал-от-инфантерии Петр Кириллович Эссен, известный, между прочим, своею крайнею ненаходчивостью и ограниченностью. Говоря о запрещении Плетневу переписываться с Пушкиным, последний вспоминал тот случай со своим другом, когда в 1826 году высшая полиция обратила внимание на «связи учителя Плетнева с литератором Пушкиным», вследствие чего о Плетневе был сделан запрос его начальству и, несмотря на вполне благоприятный о нем отзыв, было приказано «усугубить всевозможное старание узнать достоверно, по каким точно связям знаком Плетнев с Пушкиным и берет на себя ходатайство по сочинениям его и... *иметь за ним ближайший надзор*» (см. выше, т. II, стр. 150—151). Об этом распоряжении, конечно, было известно и Плетневу, и Пушкину, так как, по сообщению П. И. Бартенева (без сомнения, со слов самого Плетнева), «Петербургский Генерал-Губернатор П. В. Голенищев-Кутузов призывал

к себе Плетнева и сделал ему выговор за то, что он переписывается с находящимся под гневом властей сочинителем» («Русск. Арх.» 1869 г. ст. 2069, примеч.). Ср. еще ниже, в письме № 412, и примеч. к нему, стр. 225. № 396

— Цветы — «Северные Цветы на 1831 г.»,изданные Дельвигом (цензурное разрешение цензора Н. П. Щеглова — 18 декабря 1830 г.) при участии писателей, щедро давших Дельвигу свои произведения для альманаха, который принес ему хороший доход, но в котором сам Дельвиг, действительно, не напечатал ничего, кроме одного редакционного примечания, — см. выше, стр. 130.

— Странная вещь, непонятная вещь — слова, которыми оканчиваются строфы стихотворения Ф. Н. Глинки под заглавием «Непонятная вещь», напечатанного в упомянутых «Северных Цветах на 1831 г.», стр. 17 — 18 и посвященного изображению непостоянства человеческих желаний; Пушкин несколько раз повторяет эти слова Глинки в своем письме (см. ниже). Вот это стихотворение:

Странная вещь!
Непонятная вещь!
От чего человек так мятежен?
От чего он грустит,
И душою болит,
От чего так уныл, безнадежен?
Странная вещь!
Непонятная вещь!

И в тиши шалаша
Суетится душа,
И в пустыне он часто расстроен,
И богач, во властях,
В тех же гибнет страстях
И в палатах, в пирах непокоен.
Странная вещь!
Непонятная вещь!

Зной и холод в крови:
Он алкает любви.
И, в мечтах, он, несытый летает
И желает, желает, желает...
Получил, что̀ желал —
И задумчивым стал
И о чем-то *еще* воздыхает!...
Странная вещь!
Непонятная вещь!

Федор Николаевич Глинка (о нем и Пушкине см. в т. I, стр. 228—229, 393; отзыв Пушкина о Глинке, как о поэте, — см. в рецензии его на «Карелию» Глинки — «Пушкин и его соврем.», вып. XXIII — XXIV, стр. 9 — 10) отличался чрезвычайною поэтическою плодовитостью, помещая свои стихи одновременно в нескольких изданиях, причем бо̀льшая часть их отличалась мистическим настроением, превыспренностью и истерическою восторженностью, делавшими мысль их неясною и сумбурною. Так среди семи стихотворений, помещенных в «Северных Цветах» на

396 1831 г., кроме приведенной «Непонятной вещи», было помещено стихотворение «К синему небу» (стр. 52), а на странице же 73-й напечатано стихотворение «Бедность и утешение», из которого Пушкин готов был заключить, что Глинка рехнулся, так как в нем он намеревался пригласить себе в кумовья самого бога:

Не плачь, жена! мы здесь земные постояльцы;
Я верю: *где-то* есть и нам приютный дом!
  Подчас вздохну я, сидя за пером;
  Слезу роняешь ты на пяльцы:
Ты всё о будущем полна заботных дум;
Бог даст детей?... Ну, что жь? Пусть он наш будет *Кум!*

Стихотворение это тем более было странно, что Глинка еще и женат тогда не был: только весною 1831 г. он женился на поэтессе Авдотье Павловне Голенищевой-Кутузовой. Детей у них никогда не было («Пушкин и его соврем.», вып. XXIX—XXX, стр. 88).

— Нащокин — Павел Войнович; о нем см. тт. I и II по указателю, — особенно т. II, стр. 483—485.

— Покойник Царь — Александр I.

— О мнимом успехе «Бориса Годунова» см. выше, стр. 145—146.

— О Вальтер Скотте и широком влиянии его в эту эпоху на читающую публику и на писателей см. в статьях Д. П. Якубовича: «Предисловие к Повестям Белкина и повествовательные приемы Вальтер Скотта» в сб. «Пушкин в мировой литературе», Лгр. 1926, стр. 160—187 и 376—383, и «Реминисценции» из Вальтер Скотта в «Повестях Белкина» в сб. «Пушкин и его соврем.», вып. XXXVII, стр. 100—118, и во II статье самого Пушкина о Полевом (см. «Литер. Газета» 1830 г., № 12, стр. 96) и в заметке, опубликованной в сб. «Атеней», кн. I—II, 1924, стр. 6—7 и 13—14.

— Под криком друзей своих Пушкин подразумевает те восторженные отзывы о «Борисе Годунове», которые были вызваны *чтением* его самим Пушкиным в Москве, в сентябре 1826 г., а затем и в следующие год в разных кружках, равно как и отзывы об отдельных сценах трагедии, напечатанных в 1827, 1828 и 1830 гг. (в «Московском Вестнике», «Невском Альманахе», «Северных Цветах на 1828 г.» и в «Деннице. Альманахе на 1830 г.» М. А. Максимовича).

— Мнение двора — отзыв Николая I о трагедии, сообщенный Пушкину в письме Бенкендорфа от 9 января 1831 г. (см. Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 212), на которое поэт отвечал благодарственным письмом от 18 января (см. ниже № 399 и черновое к нему).

— Трагедия Виктора Гюго «Cromwell», изданная в декабре 1827 г. и имевшая большой успех среди сторонников романтизма; она сопровождалась знаменитым в летописях французской литературы предисловием, в котором Гюго высказывал свои взгляды на романтическую драматургию; предисловие это считалось как бы манифестом французского романтизма. Этим предисловием Гюго как бы «нанес последний удар классицизму», как выражался у нас молодой педагог В. И. Кречетов, «приходивший», по свидетельству И. И. Панаева, «в неистовый энтузиазм от этого предисловия и всюду носившийся с Кромвелем» («Воспоминания», под ред. Р. В. Иванова-Разумника, Лгр. 1928, стр. 49). Драма эта вызвала

впоследствии очень резкий отзыв Пушкина: «Драмма Кромвель была первым опытом романтизма на сцене Парижского Театра. Виктор Гюго почел нужным сразу уничтожить все законы, все предания французской драмы, царствовавшие из-за классических кулис. Единство места и времени, величавое однообразие слога; стихосложение Расина и Буало, — всё было им ниспровергнуто: однако, справедливость требует заметить, то В. Гюго не коснулся единства действия [и единства занимательности (intérêt)]: в его трагедии нет никакого действия и того менее занимательности» (сб. «Неизданный Пушкин», Пгр. 1922, стр. 195, прим. 6). «Этот отзыв», — по словам Б. В. Томашевского, — «как сравнительно поздний, относящийся к эпохе, когда романтический театр уже приходил в упадок и недолговечность этого театра окончательно выяснилась, отражает более резкие взгляды Пушкина, чем те, которые он исповедывал в 1830 году» («Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Лгр. 1927, стр. 209, прим.). «Упрек в подражании «Кромвелю» Виктора Гюго», — справедливо говорит Н. В. Измайлов, — «означал бесповоротно и безнадежно неудачу Пушкина. Трагедия его пролежала пять лет в рукописи — по обстоятельствам, вне его лежавшим, — и при самом появлении оказалась уже устарелой и ненужной, лишь простым подражением в глазах той «сволочи», по выражению Пушкина, которая, по его глубокому убеждению, далеко не доросла до его понимания» (там же, стр. 100). Любопытно отметить, что когда в 1832 г. Хомяков познакомил друзей со своей трагедией «Димитрий Самозванец» (издана в 1833 г.), раздались голоса, что «она далеко превосходит «Бориса» Пушкина» — Боратынский готов был этому суждению верить («Татьевский Сборник С. А. Рачинского» С.-Пб. 1899, стр. 44). № 396

— «Стихи без рифм — не стихи»: некогда сам Пушкин не считал белые стихи стихами; известна его пародия на стихотворение Жуковского «Тленность»:

> Послушай, дедушка, мне каждый раз,
> Когда взгляну на этот замок Ретлер,
> Приходит мысль: что̀ если это проза,
> Да и дурная?

«В. А. Жуковский от души смеялся над пародией молодого человека, но предрекал ему время, когда он переменит мнение свое о белом стихе» — свидетельствует Анненков («Материалы», изд. 1873 г., стр. 42). Ср. выше, т. I, стр. 133, 250, 444, 504—505. См. заметку Г. В. Маслова в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. XXVIII, стр. 96—98.

— «Жду переводов и суда Немцев», — переводов Пушкин дождался скоро: уже 10 июня 1831 г. ревельская цензура пропустила перевод, сделанный размером подлинника и исполненный Карлом фон-Кноррингом для второго выпуска издававшейся им «Русской Библиотеки для немцев» («Russische Bibliothek für Deutsche», Zweites Heft, Reval, 1831), с небольшим историко-критическим предисловием (о нем см. Сочинения Пушкина, изд. Академии Наук, т. IV, примеч., стр. 163—164); другой перевод был исполнен еще раньше бароном Егором Федоровичем Розеном (о нем см. ниже, письмо № 468 и примечания, стр. 426): «Известный наш Поэт, Барон Е. Ф. Розен, — сообщалось в «Литературной Газете» от 26 мая

№ 396 1831 г., — перевел вполне на Немецкий язык драматическую поэму А. С. Пушкина «Борис Годунов». Некоторые опыты преложений Барона Розена на Немецкий язык (стихотворений Пушкина и Б. Дельвига), помещенные в Ревельской Газете *Эстона*, служат надежною порукой за верность и поэтическое достоинство сего нового перевода» (№ 30, стр. 246). Сам Розен в письме к Пушкину от 27 июня 1831 г. писал, что «приготовляет все нужное для перевода «Бориса»; и, как скоро можно будет, приедет» в Царское Село, где проводил лето поэт (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 261), а 19 июля уже писал С. П. Шевыреву: «Я перевел его т. е. «Бориса Годунова»] на Немецкий язык, с рукописи автора, и заслужил его восторженную благодарность и хвалу Жуковского» («Русск. Арх.», 1878 г., кн. II, стр. 47); перевод Розена издан, однако, не был; возможно, что и переведена им была не вся трагедия (см. Сочинения Пушкина, изд. Акад. Наук, т. IV, примеч., стр. 164). — Что касается «Суда немцев», то Пушкин его не дождался, но «отзыв наших Шлегелей» предугадал верно: лишь немногие, избранные, друзья и единомышленники, отнеслись к трагедии с пониманием и восторгом.... Многочисленные же отзывы критики были разноречивы, растеряны, не знали, как отнестись к произведению Пушкина: считать ли его трагедией или поэмой, подражанием или самостоятельным творчеством. — Большая часть отнеслась к нему отрицательно, и даже статьи хвалебные (например, Полевого) видели в нем подражание, всецело зависимое от Карамзина... Уже через год после выхода трагедии; в начале 1832 г., Ив. Киреевский так суммировал отношение к ней публики и критики: «Такого рода трагедия, где главная пружина не страсть, а мысль, по сущности своей не может быть понята большинством нашей публики... Таково состояние нашей литературной образованности. Я говорю это не как упрек публике, но как факт, а более всего как упрек поэту, который не понял своих читателей. Конечно, в Годунове Пушкин выше своей публики; но он был бы еще выше, если бы был общепонятнее. Своевременность столько же достоинство, сколько красота» («Европеец» 1832 г., № 1, стр. 113—115); ср. «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», стр. 100. О знаменитом немецком критике Шлегеле см. выше, т. I, стр. 410, и др.

— Пушкин очень высоко ставил и ценил суждения Павла Александровича Катенина (см. тт. I и II, по указателю), большого знатока теории и практики драматического искусства; но, воспитанный на произведениях французской классической школы, Катенин и сам писал по ее правилам и не мог понять и оценить «Бориса Годунова». Вот как, в письме (от 1 февраля 1831 г. из своего имения Шаева) к одному из своих соседей-приятелей, спрашивавшему у него обстоятельного разбора произведения Пушкина, он резюмировал свое о нем мнение: «Самое лучшее в нем слог. Погрешности, небрежности, обмолвки водятся там и сям, но их стоило бы только приятелю (кабы у Пушкина был толковый) карандашом заметить, а ему в одно утро выправить... Во многих подробностях есть ум без сомненья, но целое не обнято; я уж не говорю — в драматическом смысле: оно не драма отнюдь, а кусок истории, разбитый на мелкие куски в разговорах; и в этом отношении слишком многого недостает... Первое появление царя сухо, а второе, шесть лет спустя, уже тоскливое:

в летописях более поэзии. Патриарх рассказывает чудо, сотворенное новым угодником Углицким, и курсивом напечатано: «Годунов несколько раз утирается платком»: Немецкая глупость! Мы должны видеть смуту государя-преступника из его слов или из слов свидетелей, коли сам он молчит, а не из пантомимы в скобках печатной книги. Наставленья умирающего сыну длинны и lieux communs [общие места]; важнейшее дело: препорученье молодого наследника усердию духовенства, бояр, воевод etc. взятие с них обещания клятвенного, — а это-то и скомкано. Женский крик, когда режут, — мерзость; зачем ему быть слышным? В тишине совершённое злодейство еще страшнее и не гадко. Самозванец не имеет решительной физиономии; опять лучшая, по истории, сцена, где он, больной, на духу солгал и выдал себя за Димитрия, пропущена; пособия, полученные в Польше, не показаны, всё темно, всё недостаточно; признанье Марине в саду — глупость без обиняков. Если Пушкин полагал, чтò нельзя было ей не знать всей правды, ни Отрепьеву ее обмануть (чтó и вероятно), сцену должно было вести совсем иначе, хитрее: Марине выведывать, Самозванцу таиться; наконец, она бы умом своим вынудила его личину сбросить, но, как властолюбивая женщина, дала слово молчать буде он обещает всем, чтò есть святого, на ней жениться, сделавшись царем: и к истории ближе, и к натуре человеческой, а как оно у Пушкина — ни на чтò не похоже. Курбского хотел он выставить юным героем с чистой душой; но хорошо-ли так радостно восклицать: Отчизна! я твой etc., входя в нее с войной, готовясь огнем и мечом ее опустошить? Дело, слезам подобное, и тут Самозванец лучше чувствует: этого терпеть нельзя. Важная измена Басманова не приготовлена, не изложена, похожа как бы на женскую причуду. Словом, всё не достаточно, многого нет, а чтò и есть, так esquissé [лишь набросано], — что надобно наперед историю прочесть, а кто давно не читал и позабыл, — драмою сыт не будет: большой порок, ибо всякое сочинение должно быть само собой удовлетворительно, — эдакое обещает нечто дополнительное и историческим сказаниям и слова не держит. Комическая примесь не дурна, но опять скажу: бедна; народ, сперва обожающий Бориса, понемногу охладевший, перекинувшийся на сторону врага его, — большая картина для мастера, но где же она? Сцена иностранцев меня рассмешила, но это шалость: не забудь, что вся соль ее существует только для такого читателя, кто знает все три языка. Вообще, по напечатанному для образчика в журнале разговору Пимена и Григория я ожидал (конечно, не трагедии, которой и в помине нет), а чего-то, если не для изящного чувства, по крайней мере для холодного рассудка более значительного, нежели, что вышло; надеялся на творение зрелое, а теперь оно мне кажется ученическим опытом: мало достоинств, большой красоты ни одной, плана никакого, даже недосмотры: царь не знает ничего о самозванце до вести Шуйского, что он уже у Сигизмунда, и тут учреждает заставы, а мы их видим учрежденные до побега Гришки, NB по указу царя. Есть смелые намеки на обязанность господ держать дурных слуг и наушников правительства: «les bleux» [«голубых», т. е. жандармов]»... «Рассказ о прозрении пастуха точно хорош, он и беседа инока летописца с Григорием, по моему мнению, только и возвышают книгу над «Баррикадами 1830 года» — брошюркой, № 396

№ 396 не знаю чьей, где в лицах последняя революция Парижская, и которая вероятно в три дня написана; о Пушкине же превозглашают, что он шесть лет пересматривал... Возвращаясь к «Борису», желаю спросить: что от него пользы белому свету? qu'est-ce qu'il prouve? [что́ он доказывает?] На театр он нейдет, поэмой его назвать нельзя, ни романом, ни историей в лицах, ничем; для которого из чувств человеческих он имеет цену или достоинство? Кому будет охота его читать, когда пройдет первое любопытство? Я его сегодня перечел в третий раз — и уже многое пропускал, а кончил, да подумал: 0 [т. е. нуль]» («Помощь голодающим. Научно-литературный сборник. Издание Русских Ведомостей», М. 1892, стр. 254—257). Таким образом Катенин, которого Пушкин готов был, по знанию вопроса, поставить наряду со Шлегелем, отнесся к «Борису Годунову» совершенно отрицательно и оценил его как полный нуль... Суждение его поэту, вероятно, осталось неизвестно; по крайней мере до нас не дошел отзыв его, сообщенный Пушкину, если он вообще решился сообщить ему свое мнение.

— В числе «прочих» критиков, мнение которых Пушкин сравнивал с бессознательными криками попугаев или сорок, говорящих с чужого голоса, оказался, между прочим, знаменитый актер-трагик В. А. Каратыгин, который в письме к своему учителю П. А. Катенину писал 5 марта 1831 г.: «Недавно вышел в свет Борис Годунов Пушкина; какого роду это сочинение — предоставляется судить каждому; он сам не назвал его ни трагедиею, ни поэмой; по-моему это галиматья в шекспировском роде» («Библиогр. Записки» 1861 г., ст. 600; то же — «Русск. Арх.» 1871 г., кн. I, ст. 0243). Как образчик кривотолков приведем еще суждения образованного литератора Н. А. Мельгунова, который, в свою очередь, писал С. П. Шевыреву: «Спрашиваю, что̀ нового открыл Пушкин после Карамзина в своем Борисе? Это — Карамзин в звучных, превосходнейших стихах, но с тем же неверным историческим взглядом, с теми же несообразностями в характерах, если еще не с большим, с тем же, если также не с бо̀льшим недостатком единства в целом и вдобавок с анахронизмами (Борис говорит об утраченной молодости, Лжедмитрий — о высоком сане поэта по случаю латинских стишонков какого-то рифмоплета). Погодин, один из твоих педантов-изыскателей, право, лучше Пушкина-поэта понимает этот период нашей истории» («Русск. Стар.» 1898 г., № 11, стр. 316). Поэт Языков 11 февраля писал брату: «Годунов раскупается слабо. Пушкин... издал его слишком и слишком поздно. Добро бы хоть он в эти пять лет поправил его, а то всё прежнее и всё вообще не то, чего ожидать следовало» («Вестн. Европы» 1897 г., № 12, стр. 603, и «Историч. Вестн.» 1883 г., № 12, стр. 531); приятель Языкова и брат лицейского товарища Пушкина — В. Д. Комовский — также находил, что «в Борисе Годунове нет драматического или, лучше сказать, театрального интереса. Пушкин не проник в глубокое значение той исторической эпохи, которую предпринял изобразить, не постиг ее идею и не изобразил ее со всею живой очевидностью и стройным единством в многообразии, не раскрыл в полноте и с совершенством душу человека и характеры исторические, но набросал прекрасные очерки, провел перед нами беглые сцены, показал нам на̀скоро отрывки великого события, если можно так

сказать, предоставив нам самим дополнить многое недостающее» (там же, стр. 531).

— Говоря о попугаях и сороках Инзовских, Пушкин вспоминает своего бывшего начальника в Кишиневе — Главного попечителя и председателя Попечительного Комитета о колонистах Южного края России генерал-лейтенанта Ивана Никитича Инзова (ум. 27 мая 1845; см. выше, т. I, по указателю, [а также статью Ю. Г. Оксмана «К истории высылки Пушкина из Петербурга» в сборнике статей «Памяти П. Н. Сакулина», М. 1931, стр. 161—165. *Ред.*]). Инзов жил в Кишиневе в доме боярина Донича, на отдельном от города холме, получившем впоследствии название «Инзовской горы». Дом этот нанимался для наместников Бессарабии на городские средства. Он представлял собою довольно большое двухэтажное здание. Вверху помещался сам Инзов, внизу—двое или трое из его чиновников, — в том числе и Пушкин, занимавший две небольшие комнаты. При доме находился виноградный и фруктовый сад; там же находился птичий двор со множеством канареек и других птиц, до которых Инзов был большой охотник (С. Потоцкий, «Инзов, Иван Никитич. Биографический очерк», Бендеры, 1904, стр. 47—48, 53). В обучении инзовских птиц принимал участие сам Пушкин. По крайней мере Вигель, рассказывая о привязанности друг к другу Пушкина и Инзова и трогательных и забавных их взаимных отношениях, пишет: «Веселый, острый ум Пушкина оживил, осветил пустынное уединение старца [Инзова]. С попечителем своим, более, чем с начальником, сделался он смел и шутлив, никогда не дерзок; а тот готов был всё ему простить. Была сорока, забавница целомудренного Инзова: Пушкин нашел средство выучить ее многим неблагопристойным словам, — и несчастная тотчас осуждена была на заточение» (Записки Ф. Ф. Вигеля, ч. VI, М. 1893, стр. 152; ср. ibid, стр. 145, а также «Воспоминания А. М. Фадеева, Одесса, 1897, стр. 91—характеристики Инзова). Этот рассказ об одной из инзовских сорок П. И. Бартенев передал в статье своей «Пушкин в Южной России» в «Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1129 (отд. изд., М. 1862, стр. 49). И. П. Липранди в своих заметках на статью Бартенева вносит поправку к рассказу Вигеля и говорит, что хотя у Инзова на балконе действительно жили две сороки, каждая в особой клетке, но анекдот случился с серым попугаем, который стоял в клетке на том же балконе: «Пушкин выучил его одному бранному молдаванскому слову. Я был свидетелем, как в первый раз узнал об этом Иван Никитич. В день Пасхи 1821 года преосвященный Димитрий (Сулима) был у генерала; в зале был накрыт стол, установленный приличными этому дню блюдами; благословив закуску, Димитрий вошел в открытую дверь, на балкон, за ним последовал Инзов и некоторые другие. Полюбовавшись видом, Димитрий подошел к клетке и что-то произнес попугаю, а тот встретил его помянутым словом, повторяя его и хохоча. Когда Инзов проводил преосвященного, то, встретив меня и других, также удаляющихся, в числе которых был и Пушкин, Иван Никитич, с свойственной ему улыбкой и обыкновенным тихим голосом своим, сказал Пушкину: «Какой ты шалун! преосвященный догадался, что это твой урок». Тем всё и кончилось» («Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1264 — 1265). Судя по комментируемому месту письма Пушкина, можно

 думать, что он обучил непристойным словам и попугаев и сороку Инзова, так что правы и Вигель и Липранди...

— Поэма Боратынского — «Наложница» (во 2-й части его «Стихотворений», изд. 1835 г., напечатана под заглавием «Цыганка»); она вышла в свет в Москве весною 1831 г. (ценз. разр. 20 марта 1831 г.), отрывки же из нее были напечатаны в «Деннице на 1830 г.», «Альционе» 1831 г. и «Северных Цветах на 1831 г.». Так как Пушкин дает отзыв о всей поэме, надо думать, что он познакомился с нею в рукописи автора, — на что есть указание в одной (недатированной) записке Боратынского к И. В. Киреевскому: «Я буду у тебя завтра. Давно с тобой не виделся от того, что занят был Пушкиным... Написал-ли ты повесть? Моя готова...» («Татевский Сборник С. А. Рачинского», С.-Пб. 1899, стр. 8). Восторженный отзыв Пушкина в сущности был исключением, лишний раз свидетельствуя о его чревычайном благожелательстве вообще и о некотором пристрастии к Боратынскому в частности, доходившем до того, что, по свидетельству С. П. Шевырева, «про Боратынского стихи при нем нельзя было и говорить ничего дурного» (Л. Майков, «Пушкин», стр. 331; еще вспомним, что к 1830—1831 г. относится оставшаяся незаконченною статья Пушкина о Боратынском, начатая еще в 1827 г.); был доволен «Наложницей» и кн. Вяземский, писавший Плетневу 31 января 1831 г.: «Боратынский готовится печатать свою поэму и написал к ней замечательное предисловие, в котором разбирает, что̀ это за нравственность, о которой толкуют Булгарины и прочие нравственные писатели его покроя. Боратынского ум с каждым днем становится светлее и разбирательнее» («Изв. Отд. Русск. яз. и слов. Акад. Наук» 1897 г., т. II, кн. I, стр. 95—96). «Что̀ скажете и что̀ скажут у Вас и у нас о «Наложнице»? Как много в ней хорошего! А предисловие? Мастерское произведение: невозможно умнее и убедительнее ничего сказать в пользу этого запроса» — писал он 21 апреля Плетневу же (там же, стр. 96). Между тем, отзывы других лиц, знавших «Наложницу» и по рукописи, и по печатному изданию, было гораздо сдержаннее, а были отзывы и вполне отрицательные (см. свод этих суждений в издании Сочинений Боратынского, под ред. М. Л. Гофмана, т. II, Пгр. 1915, стр. 256—264; отзыв Соболевского — в брошюре В. И. Саитова: «Соболевский, друг Пушкина», изд. Парфенон, С.-Пб. 1922, стр. 38); из них приведем лишь отзыв Е. М. Хитрово, в котором упоминается имя Пушкина; 21 мая 1831 г. она писала П. А. Вяземскому: «Нет, я не могу восхищаться «Наложницей», и я в том покаялась Пушкину. Я даже вовсе не нашла в ней автора «Бала». Всё это бесцветно, холодно, без энергии и особенно без всякого воображения. Герой — дурак, никогда не покидавший Москвы. Я не могу его себе иначе представить, как в дрянном экипаже или в грязной передней» («Русск. Арх.» 1884 г., кн II, стр. 418; Сочинения кн. П. П. Вяземского, С.-Пб. 1893, стр. 531). Свод суждений Пушкина о Боратынском см. в Сочинениях Боратынского, под ред. М. Л. Гофмана, т. II, Пгр. 1915, стр. 326—327; об их взаимных отношениях — в сб. Б. А. Садовского: «Ледоход», Пгр. 1916, стр. 108—110.

397. *Кн. П. А. Вяземскому.* [12—13-го января 1831 г.] (стр. 6). Впервые напечатано в «Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, ст. 447—448 (без даты) и в изд. Сочинений Пушкина 1882 г., т. VII, стр. 56, с отнесением к

январю 1831 г; в Акад. изд. Переписки (т. II, стр. 203) неправильно отнесено, вслед за Н. О. Лернером (см. «Историч. Вестн.» 1905 г., № 6, стр. 959), ко второй половине декабря 1830 г., как ответ на письмо кн. П. А. Вяземского к Пушкину от 19 декабря 1830 г., из Остафьева, в котором Вяземский писал поэту: «Я третьего дня и позабыл попросить тебя побывать у князя Юсупова и от меня поразведать его о Ф. Визине. Вижу по письмам, что они были знакомы Не вспомнит-ли К. каких-нибудь анекдотов о нем, острых слов его? Нет-ли писем его? Поразведай его также о Зиновьеве, бывшем Министре нашем в Мадрите, и Мусине-Пушкине, нашем после в Лондоне: они были общие приятели Ф. Визину. Узнай, кто говорил: chez nous mieux.[1] Скажи Князю, что я сам не адресуюсь к нему, чтобы не обеспокоить письмом. На словах легче будет переспросить и отвечать. Пожалуйста, съезди и пришли мне протокол твоего следственного заседания. Прости... Нет ли у Князя на памяти чего-нибудь о Стакельберге, бывшем в Варшаве, о Маркове? Все это из Ф Визинской шайки». — Однако, служить ответом на это письмо Вяземского письмо Пушкина № 397 не может, так как в конце его поэт пишет, что «Максимовичу отдал обозы», а эти стихотворения Вяземский послал Максимовичу через Пушкина, писавшего о них Вяземскому 2 января. Максимович же писал Вяземскому об их получении от Пушкина лишь 9 января 1831 г. (см. выше, стр. 125). Наконец, на наше письмо Вяземский отвечал Пушкину письмом от 14 числа — очевидно, *января* 1831 г.; что это так, ясно видно из содержания этого последнего письма Вяземского (см. его ниже, стр. 166). — Подлинник письма № 397 на бумаге с водяными знаками: А. Г. 1829, — был в Остафьевском архиве гр. С. Д. Шереметева и нам остался недоступен. № 397

— «Взять отпуск» — у невесты, которую Пушкин покидал уже 17 декабря 1830 г. и 4 января 1831 г., для поездок к князю Вяземскому в его подмосковную Остафьево, в Подольском уезде, в 27 верстах от Москвы. В любопытном рукописном журнале «Момус», выпускавшемся с начала 1831 г. кружком нескольких студентов Московского Университета, среди которых были поклонники Н. Н. Гончаровой, появились стихи и очерк «Два разговора об одном предмете», относящиеся к ней и к Пушкину. Стихотворение следующее:

Элегия.

Мне предпочла она другого!
Другой прижмет ее к груди!...
Былое возвратися снова
И сердцу счастье возврати!
Нет! невозвратно... Боже! боже!
Не мне судьба ее хранит:
Другой ей пояс в брачном ложе
От груди полной отрешит;
Она другого в час желанья
Рукой лилейной обовьет
И с стоном, с пламенным лобзаньем
Души любимцем назовет!...

---

[1] Ср. «Русск. Арх.» 1879 г., кн II, стр. 105.

№ 397

А я? Меня пожрет страданий пламень!...
Быть может, раннею весной,
Гуляя с ним, она отыщет камень —
Друзья! могильный камень мой...

Эраст Фаев.

2 генваря 1831.
Гранатный переулок.

Вслед за «Элегией» идет очерк, в котором под прозрачными псевдонимами выведены Н. Н. Гончарова (Изразцова) и Пушкин (Фузеин):

ДВА РАЗГОВОРА ОБ ОДНОМ ПРЕДМЕТЕ.

(Лето. Бульвар. Фарсин подбегает к Иксину.)

Фарсин. Видел ты ее?

Иксин. Кого?

Фарсин. Профан! Ее: Надежду Изразцову?

Иксин. Видел. Что же дальше?

Фарсин. Не правда-ли, что она более, нежели божественна?

Иксин. Неправда. Она хороша и только.

Фарсин. Вандал! Готтентот! Можно-ли так относиться о лучшем произведении природы! О перле всего прекрасного, существующего на этой уродливой глыбе! Самый идеал красоты не может стоять выше Надежды. Ежели этот идеал чужд твоего воображения, обратись к творениям Тициана, которыми он стяжал себе бессмертие; смотри на них... Впрочем, они так далеки от совершенства: портреты кухарок, прачек... А моя Надежда? О! Какое сравнение!

Иксин. Фарсин! Фарсин! Ты ли это? Что за энтузиазм! растолкуй ради бога!

Фарсин. Ты просишь многого, но так и быть: я люблю Надежду — и она меня любит.

Иксин. А! теперь понимаю.

(Семейство Изразцовых приближается; к ним подходит Фузеин.)

Иксин. Фузеин знаком с Изразцовыми?

Фарсин. Да, они его принимают. И есть за что: он вчера читал новую свою поэму — чудо! Все поэты от Музея и до Мицкевича включительно ничто перед Фузеиным.

Иксин. Ежели ты решил импровизировать панегирики всем и каждому, то не забудь о добром Увыхалкине, который так много страдал от тебя!

Фарсин. Теперь не до него: спешу к ней. Прощай. *(Уходя)* Ах! как она прекрасна!

(Зима. Гулянье на набережной. Фарсин и Иксин.)

Иксин. Вот и семейство Изразцовых. Фузеин рядом с Надеждой. Правда-ли, что он на ней женится?

Фарсин *(протяжно)*. Говорят... *(со смехом)*. Поддели молодца!..

Иксин. Как хочешь думай обо мне, Фарсин, а я по-старому не нахожу ничего сверхъестественного в особе Надежды Петровны.

Фарсин. Признаюсь тебе, — я сам то же думаю.
Иксин. Например, что̀ за глаза, что̀ за колорит.
Фарсин. О! что до глаз, так они просто косые; лицо же спорит с цветом светло-оранжевой шляпки ее возлюбленной сестрицы.
Иксин. Ну, а Фузеин-то — Каков?
Фарсин. Сатир! Обезьяна!
Иксин. Зато любимец Феба.
Фарсин. Прочти-ка его новую трагедию, посвященную Изразцовым, — не то заговоришь. Это — нелепость невиданная, неслыханная! Планы трагедий Сумарокова гораздо сноснее, версификации Тредьяковского благозвучнее!

(Налетевшая пара бешеных лошадей помешала разговаривать.)

Простодушный.

Опубликовавший «Момус» П. Е. Щеголев правильно замечает по поводу «Двух разговоров» и «Элегии», что они «рисуют нам ту атмосферу, в которой протекала девичья жизнь Гончаровой, атмосферу обычного... флирта, ухаживаний; показывает тот уровень, на котором находилась барышня Гончарова в тот момент, когда она готовилась стать на всю жизнь подругой великого поэта. Соперниками Пушкина были молодые студенты — обожатели Натальи Николаевны» («Историч. Вестн.» 1904 г., № 4, стр. 216—219 [и П. Е. Щеголев, «Из жизни и творчества Пушкина», Л. 1931, стр. 310. *Ред.*]). Принимая во внимание, что среди кружка лиц, близких к «Момусу», был В. Давыдов и что сам Пушкин среди обожателей Натальи Николаевны называет некоего Давыдова (см. выше, т. II, стр. 116, 481), можно думать, что именно В. Давыдов имеется в виду и в «Элегии» и в «Двух разговорах», — в последнем под именем Фарсина.

— 15 января праздновался день преподобного Павла Фирейского, а 16 января — апостола Петра, и Пушкин мог думать, что в эти дни были именинники кн. Вяземский и сын его — кн. Павел Петрович, — не зная, что они праздновали свои именины в один день, а именно — на память апостолов Петра и Павла, 29 июня (см., например, «Архив братьев Тургеневых», вып. 6, Пгр. 1921, стр. 34). Может быть, впрочем, что Пушкин собирался праздновать в Остафьеве именины своего ближайшего друга Дельвига, которые приходились на субботу 17 января (И. А. Шляпкин, «Из неизданных бумаг А. С. Пушкина», С.-Пб. 1903 стр. 135). — Приехать в Остафьево Вяземский приглашал одновременно с Пушкиным также и своего приятеля А. Я. Булгакова, которому 14 же января 1831 г. писал: «Теперь, что̀ ты разлакомил нас обещанием Субботним, прошу сдержать свое слово. Пускай эта Суббота будет для нас Лазаревым Воскресеньем. Так скажи и Лазареву, от которого получил сегодня записку и обещание побывать у нас до отъезда своего в армию: пожалуйста, приезжайте. В деревне обманутое ожидание дорогих гостей нестерпимо» («Русск. Арх.» 1879 г., кн. II, стр. 116). «Мы съездили весело и благополучно в Остафьево с Лазаревым; хотели в Субботу же к вечеру воротиться, но нельзя было Вяземскому отказать остаться у него ночевать... Очень нам были рады! Съехались соседи (одних уже Окуловых большая семья), была музыка, пенье и пляска. Лазарев во

№ 397 всех родах отличался. Дети Вяземского ужасно переросли. Он занимается теперь жизнеописанием Дениса Ивановича Фон-Визина, получил от наследников все его бумаги, между коими были и батюшкины письма к нему. Я читал их с большим удовольствием, — наполнены дружбы, ума и остроты и адресованы к сочинителю «Недоросля»; одно мне особенно понравилось, — попрошу списать и пришлю тебе. — Вяземский за карантинами не едет еще в Петербург; в Москве не живет, чтобы не было сказано у вас, что веселится в Москве, а к должности не едет. Мне было очень приятно такое суждение, и вообще поэт наш сделался спокойнее и осторожнее. Очень радуюсь этому, потому что он прекраснейшей души человек. Княгиня делает по порядку вещей противное детям своим: те растут, а она стареет, а хохочет всё по-старому, и не без проказ было у нас» («Русск. Арх.» 1902 г., кн. I, стр. 47—48). Судя по этому письму, надо полагать, что поездка Пушкина в Остафьево на этот раз не осуществилась, так как Булгаков, вероятно, назвал бы его имя среди имен гостей Вяземского; по крайней мере, когда 21 января он встретился с Пушкиным в Английском Клубе, он не преминул написать о том брату: «К нам подсел *поэт Пушкин* и всё время обеда проболтал, однако-же прозою, а не в стихах» (там же); или, через несколько дней (25 января), сообщал: «В supplément du Journal de St.-Pétersbourg есть Дибичевы прокламации к Полякам; мне особенно понравилась та, что адресована армии Польской. У Вяземского [приехавшего на несколько дней в Москву] собрались Денис Давыдов, *поэт Пушкин,* — ну, и все хвалили пьесы сии» (там же, стр. 49).

— Брат — Лев Сергеевич Пушкин; вернувшись с Кавказа, где он служил в войсках гр. Паскевича-Эриванского, Лев Пушкин весною 1830 г. был в Петербурге (см. выше, т. II, стр. 408, и ниже, в примечаниях к письму № 411); в июне и июле он был также там и видался с Вяземским (Сочинения Вяземского, т. IX, стр. 125, 127), 20 июля отправился в Москву (причем брат-поэт снабдил его рекомендательным письмом к своей невесте — см. выше, т. II, стр. 98 и 447); намереваясь, повидимому, снова ехать в Грузию («Старина и Новизна», кн. XI, стр. 49), так как срок его четырехмесячного отпуска давно истек; однако, 23 августа он был всё еще в Москве, приняв участие в похоронах своего дяди, В. Л. Пушкина (см. Л. Майков, «Пушкин», стр. 80—81); еще в октябре 1830 г. Дельвиг сообщал кн. П. А. Вяземскому: «Левушка в Москве. Он живет с Нащокиным» («Старина и Новизна», кн. V, стр. 39), а в конце декабря А. Н. Вульф, бывший в Польше, получил письмо от сестры своей, А. Н. Вульф, в котором та сообщала: «Пушкин всё еще не женат, а брат его Лев уверяет, что если Гончарова не выдет замуж за Александра Сергеевича, то будет его невесткою» («Пушкин и его соврем.», вып. XXI—XXII, стр. 150), т. е. что он сам женится на Наталии Николаевне: повидимому, он был также «огончарован», как и его старший брат. 18 февраля 1831 г. Лев Пушкин расписался в качестве поручителя по женихе на брачном обыске брата (Невзоров, «К биографии Пушкина», С.-Пб. 1899). О хлопотах последнего и Е. М. Хитрово за Л. С. Пушкина раннею весною 1831 г. по поводу перевода его в войска на театр военных действий в Польше в Финляндский драгунский полк, см. ниже, в письмах

№ 411, 413 и 442. — Князь П. А. Вяземский, знавший Л. С. Пушкина еще ребенком и питавший к нему дружеские чувства, написал о нем теплые строки в своей Старой записной книжке по поводу смерти Л. Пушкина в 1852 г. (о чем он узнал лишь 16 июня 1853 г.): вот как он характеризует этого своего знакомца: «Пушкин [поэт] иногда сердился на брата за его стихотворческие нескромности, мотовство, некоторую невоздержанность и распущенность в поведении; но он нежно любил его родственною любовию брата, с примесью родительской строгости... Лев Пушкин, храбрый на Кавказе против Чеченцев, любил иногда и сам, в мирном житии, гарцовать Чеченцем и нападать врасплох на обычаи и условия благоустроенного и взыскательного общества. Пушкин старался умерять в младшем брате эти порывы, эти избытки горячей натуры, столь противоположные его собственной аристократической натуре... Лев, или, как слыл он до смерти, Лёвушка, питал к Александру некоторое восторженное поклонение. В любовь его входила, может быть, и частичка гордости. Он гордился тем, что был братом его, [1] и такая гордость не только простительна, но и естественна и благовидна. Он чувствовал, что лучи славы брата несколько отсвечиваются и на нем, что они освещают и облегчают путь ему. Приятели Александра: Дельвиг, Боратынский, Плетнев, Соболевский [2] скоро сделались приятелями Льва. Эта связь тем легче поддерживалась, что в нем были некоторые литературные зародыши. Не будь он таким гулякою, таким *гусаром коренным* или драгуном, которому Денис Давыдов не стал бы попрекать, что у него на уме *всё Жомини да Жомини*, — может быть и он внес-бы имя свое в летописи литературы. А может быть, задерживала и пугала его слава брата, который забрал весь майорат дарования. Как бы то ни было, но в нем поэтическое чувство было сильно развито. Он был совершенно грамотен, вкус его в деле литературы был верен и строг. Он был остер и своеобразен в оборотах речи, живой и стремительной. Как брат его, был он несколько смуглый Араб, но смахивал на белого Негра. Тот и другой были малого роста, в отца. Вообще в движениях, в приемах их было много отцовского. Но Африканский отпечаток матери видимым образом отразился на них обоих. Другого сходства с нею они не имели... После смерти брата, Лев, сильно огорченный, хотел ехать во Францию и вызвать на роковой поединок барона Геккерена, урожденного Дантес; но приятели отговорили его от этого намерения»... («Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, стр. 1341—1345; то же — Сочинения кн. Вяземского, т. VIII стр. 236—239). *№ 397*

— Толстой — по всей вероятности, граф Федор Иванович, «Американец», принимавший участие весною 1829 г. в сватовстве Пушкина (см. выше, в тт. I и II, по указателю; особенно т. II, стр. 64, 77, 395 [и в книге

[1] Припомним стихи про него:

Наш Лев Сергеич очень рад,
Что своему он брату брат.

[2] На самом деле А. Пушкин познакомился с Соболевским через брата Льва, а не наоборот.

№ 397 С. М. Бонди, «Новые страницы Пушкина», М. 1931, стр. 130—144. *Ред.*]), и бывший в приятельских отношениях с кн. П. А. Вяземским.

— Князь Юсупов — Николай Борисович (род. 15 октября 1750— ум. 15 июля 1831), член Государственного Совета, сенатор, действительный тайный советник, главноначальствующий Экспедиции Кремлевского Строения и Мастерской Оружейной Палаты в Москве. Раннею весною 1829 г. он пригласил Пушкина, находившегося тогда в Москве и озабоченного своим сватовством на Н. Н. Гончаровой, посетить его в знаменитом красотою местоположения и художественными сокровищами подмосковном селе Архангельском, где князь тогда проживал. Не имея тогда возможности воспользоваться сделанным ему предложением, поэт ответил Юсупову знаменитым посланием «К Вельможе» (написано 23 апреля 1829 г.), обещая «приветливому потомку Аристиппа» приехать к нему несколько позже, «лишь только первая позеленеет липа». Но огорченный неудачею сватовства, он через неделю уехал на Кавказ, так и не приведя в исполнение своего намерения. Впоследствии Пушкин говорил М. А. Максимовичу, что князю Юсупову хотелось от него стихов — и затем только он угощал его в Архангельском. — «Но ведь вы его изобразили пустым человеком» — сказал Максимович. «Ничего, не догадается» — возразил Пушкин («Русск. Арх.» 1887 г., кн. III, стр. 455). По словам П. И. Бартенева, «покойный С. А. Соболевский любил вспоминать о своей поездке в прекрасное Архангельское вместе с Пушкиным. Они ездили раннею весною, верхами, — и просвещенный вельможа Екатерининских времен встретил их со всею любезностью гостеприимства» («Русск. Арх.» 1899 г., кн. II, стр. 90); принимая во внимание, что Соболевский в январе 1829 г. уехал за границу, покинув Москву и Россию на несколько лет, следует предположить, что поездка эта, если она была весною, состоялась в 1827 г. (весною 1828 г. Пушкин был в Петербурге) и что, следовательно, приглашение 1829 г. было уже не первое. Послание «К Вельможе» появилось в «Литературной Газете» (№ 30, от 26 мая, стр. 240—241). Зимою Юсупов жил в своем доме в Москве, на Никитской. «Человек умный, любитель искусств, женщин и шутов», он, по словам гр. Ф. В. Ростопчина, «только и делал, что бегал, чтобы ускользнуть от скуки; обладал большим богатством, имел множество слуг, ненужных любовниц, попугаев и обезьян» («Русск. Стар.» 1889 г., № 12, стр. 664; характеристика относится к 1812 г.). Вспоминая о Юсупове и послании к нему Пушкина, неизвестный современник высказывал удивление, что Пушкин обратился с политическими в нем рассуждениями «к человеку, оставившему по себе память одного из неисправимых представителей времен регентства (du bon vieux temps), которому в голову, вероятно, никогда не входили этакие отвлеченности. Мне осталось памятно представление меня кн. Н. Б. Юсупову... в 1824 году... Помню эти огромные залы, убранные во вкусе Людовика XV, множество картин и статуй, множество грубой челяди; наконец, кабинет сибарита, его пресыщенную, сонную фигуру, белый шлафор и церемонию его пудрения головы. Странно, что Пушкин не нашел в России, к кому обратиться с прекрасными своими стихами» («Русск. Стар.» 1892 г., № 7, стр. 9). Скажем, кстати, что появление этого стихотворения послужило поводом

к большим неприятностям для Пушкина: некоторые журналы и представители высшего света обвинили его в низкопоклонстве, а Н. А. Полевой в приложении к «Московскому Телеграфу» напечатал на Пушкина и Юсупова «плоский и злой» (по выражению кн. Вяземского) пасквиль, за пропуск которого цензор С. Н. Глинка был уволен от службы (см. статью Б. Л. Модзалевского: «Послание К Вельможе А. С. Пушкина» — в «Художественных Сокровищах России» 1907 г., № 6 [перепечатана в книге Б. Л. Модзалевского «Пушкин», Л. 1929, стр. 399—410. *Ред.*], а также «Русск. Арх.» 1899 г., кн. II, стр. 83—90). По словам Максимовича, Пушкин, однако, смеялся над Полевым, усмотревшим низкопоклонство в «Послании к Вельможе» («Русск. Арх.» 1887 г., кн. III, стр. 455). Сохранилось указание, что Юсупов был на балу у Пушкина 21 февраля 1831 г., через три дня после свадьбы поэта, и, когда все танцовали, говорил: «Et moi j'aurais dansé, si j'en avais la force» («Русск. Арх.» 1902 г. кн. I, стр. 56). № 397

— О Фонвизине Вяземский просил Пушкина расспросить Юсупова запискою от 19 декабря (см. выше, стр. 157), так как в это время усердно занимался монографиею о нем (см. выше, т. II, стр. 478—479), с которою познакомил Пушкина, когда тот в 1830 г., по возвращении из Болдина, посетил Вяземского 17 декабря: «Уже при последних издыханиях холеры навестил меня в Остафьеве Пушкин. Разумеется, не отпустил я его без прочтения всего написанного мною. Он слушал меня с живым сочувствием приятеля и судил о труде моем с авторитетом писателя опытного и критика меткого, строгого и светлого. Вообще более хвалил он, нежели критиковал. Между прочим находил он, что я слишком живо нападаю на Фон-Визина за мнения его о французах и слишком горячо отстаиваю французских писателей. При всей просвещенной независимости ума Пушкина в нем иногда пробивалась патриотическая щекотливость и ревность в отношении суда его над чужестранными писателями. Этого чувства я не знаю. Как бы то ни было, день, проведенный у меня Пушкиным, был для меня праздничным днем: скромный работник получил я от мастера-хозяина одобрение, т. е. лучшую награду за свой труд» (Сочинения, т. I, стр. LI).[1] Кроме изучения литературы и материалов, собранных лет десять тому назад, Вяземский собирал сведения и от остававшихся тогда в живых современников Фонвизина — вроде П. В. Мятлева, кн. Н. Б. Юсупова или И. И. Дмитриева («Русск. Арх.» 1868 г., ст. 615, 643, 644, 645); обращался он и к сыну сверстника и приятеля Фонвизина, Я. И. Булгакова: «Пожалуйста, выкопай что-нибудь из Юсупова о... Фон-Визине,— писал он ему 27 ноября: — Мне сказывали, что он был с ним в связи: нет ли у него писем от Ф. Визина? О ком рассказывает он, то есть Юсупов, анекдот: Chez nous mieux?» («Русск. Арх.» 1879 г., кн. II, стр. 105; ср. ibid., стр. 104). Отрывок (введение) из труда Вяземского был напечатан в №№ 2, 3 и 40 «Литературной Газеты» Дельвига за 1830 г., а вся книга вышла в свет отдельным изданием лишь в 1848 г. Отзыв Пушкина об этом сочинении Вяземского см. ниже, в письме № 414.

[1] Вероятно, именно к этому приезду Пушкина в Остафьево (а не к январскому) относится рассказ кн. П. П. Вяземского о том, как Пушкин во время семейного вечернего чая, ходя по комнате, декламировал «Мою родословную».

№ 397 — Beaumarchais — знаменитый французский писатель Бомарше (Pierre-Augustin Caron de Beaumarchais, род. 1732, ум. 1799), автор «Севильского Цырульника» и «Свадьбы Фигаро», славившийся своим остроумием; Фонвизин, по словам кн. Юсупова, «был второй Бомарше в разговорах». Сочинения Бомарше в шеститомном парижском издании 1828 г. сохранились в библиотеке Пушкина (см. Б. Л. Модзалевский, «Библиотека А. С. Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 155). Ср. выше, т. I, стр. 8 и 195.

— Майков — Василий Иванович (род. 1728 — ум. 17 июня 1778), писатель, автор хорошо знакомой Пушкину, с лицейской еще поры, шуточной поэмы «Елисей, или Раздраженный Вакх» (1771 г.) и трагедий «Агриопа» (изд. 1775 г.; в первый раз представлена на придворном театре в 1769 г.) и «Меропа» (изд. 1775 г.) и многих других произведений (см. выше, т. I, стр. 50—52, 272—273). По словам его биографа, Л. Н. Майкова, «о знакомстве Майкова с Фонвизиным есть известие из конца шестидесятых и начала семидесятых годов; они встречались в Петербурге в доме П. В. Мятлевой» (Л. Н. Майков, «Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий», С.-Пб. 1889, стр. 265, прим. О В. И. Майкове см. рассказ кн. П. А. Вяземского в его «Сочинениях» т. V, стр. 157—158, [а также в новейшей работе Б. В. Томашевского «Ирои-комическая поэма», Л. 1933, стр. 91—98. *Ред.*]). Анекдота, сообщенного Пушкиным в письме, со слов Юсупова, Вяземский привести в труде своем не решился.

— О «Телескопе», журнале Н. И. Надеждина, см. выше, стр. 128. В его № 1, вышедшем в Москве 7 января, было помещено стихотворение Пушкина «Герой». Несмотря на нелестный отзыв о «Телескопе» Пушкин в 1831 г. поместил в нем: в № 13 — статью «Торжество дружбы, или оправданный Александр Анфимович Орлов», а в № 15 — «Несколько слов о мизинце Г. Булгарина и о прочем».

— Салаев — Иван Григорьевич (ум. 24 августа 1858), известный московский книгопродавец и издатель, приобревший у П. П. Бекетова принадлежавшее тому право на издание сочинений Фонвизина («Русск. Арх.» 1904 г., кн. III, стр. 47). Кроме Вяземского, который предполагал было свою монографию о Фонвизине дать при четырехтомном издании его Сочинений, выпущенном Салаевым в 1830 г., но не успел закончить работу, и издатель обещал выдать ее подписчикам в виде отдельно отпечатанной брошюры (см. «Литер. Газета» 1830 г., № 22, стр. 178), с ним были в деловых сношениях еще Боратынский (см. «Татевский Сборник», С.-Пб. 1899, стр. 9 и 15) и Денис Давыдов, которому Салаев казался «человеком честным и благонамеренным» («Старина и Новизна», кн. XXII, стр. 45, 48; Соч. Д. В. Давыдова, т. III, С.-Пб. 1893 г., стр. 182, 189). Рецензия на Салаевское издание Фонвизина была помещена в № 22 и 40 «Литературной Газеты»; издание это сохранилось в библиотеке Пушкина (Б. Л. Модзалевский, «Библиотека А. С. Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 110).

— Статья Вяземского о Пушкине — некролог Василия Львовича Пушкина, умершего 20 августа 1830 г. («Русск. Арх.» 1874 г., кн. II, ст. 448, примеч.); статья эта, предназначавшаяся для «Литературной Газеты» Дельвига и написанная по вызову последнего (29 октября 1830 г. Дельвиг писал князю: «Вы были при похоронах Василия Львовича. Что бы

о нем сказать что-нибудь!» — «Старина и Новизна», кн. V, стр. 39), — в ней появилась, быть может, потому, что через несколько дней Пушкин узнал о смерти Дельвига и вернул рукопись автору. Почему поэт отнес Дельвига к «чужим» и кого разумел под «своими» — не догадываемся. № 397

— Максимович — упоминавшийся уже выше Михаил Александрович (род. 3 сентября 1804—ум. 10 ноября 1873), адъюнкт ботаники в Московском Университете, в котором получил он естественно-историческое образование под руководством проф. М. Г. Павлова, — талантливый и разносторонне образованный ученый, большой любитель словесности, деятельный сотрудник «Литературной Газеты» Дельвига, издатель альманаха «Денница» на 1830 и 1831 гг.; в 1834 г. назначенный, при содействии Вяземского и Жуковского, профессором русской словесности в Университете св. Владимира в Киеве, он написал много трудов по вопросам украинской археологии и истории. Вслед за изданием «Главных оснований зоологии» (кн. I, М. 1824) и «Списка растений московской флоры» (М. 1826), Максимович, живя в Москве и сотрудничая в «Московском Телеграфе», издал, на средства С. А. Соболевского, сборник «Малороссийских песен» (М. 1827) и, одновременно, статью «О системах растительного царства» и «Основания ботаники» (ч. I, М. 1828), а в 1830—1831 гг.— одновременно с речью «Об участии Московского Университета в просвещении России» (1830) и «Систематикою растений» (кн. 2 «Основания ботаники», (М. 1831) — упомянутые альманахи «Денница» 1830 и 1831 гг. причем во второй книжке поместил «Обозрение русской словесности 1830 года», которое он посылал на редакцию к кн. Вяземскому (см. «Старина и Новизна» кн. IV, стр. 189, 214, и «Записки Имп. Акад. Наук», т. XXXVI, стр. 201 и 201—203, 204). Отзывы о Максимовиче: Кс. Полевого см. в его Записках, С.-Пб. 1888, стр. 130—131 [и в книге «Николай Полевой. Материалы...», под ред. Вл. Орлова, Л. 1934, стр. 177. *Ред.*] и И. В. Киреевского в «Старине и Новизне», кн. IV, стр. 16; там же на стр. 13—29 — очерк о Максимовиче Н. П. Барсукова, а на стр. 187—212 письма Максимовича (15) к кн. П. А. Вяземскому за 1830—1872 гг.; ответные письма Вяземского (17) за 1831—1871 гг. в «Записках Имп. Академии Наук», т. XXXVI). Об участии Пушкина в «Денницах» Максимовича см. выше, стр. 125. Когда П. И. Бартенев начал издавать свой «Русский Архив», он просил Максимовича составить свои воспоминания о знакомстве с Пушкиным, но он так и не собрался и 29 марта 1863 г. писал ему: «Раза три принимался писать для вас о Пушкине, да не клеится») («Русск. Арх.» 1912 г., кн. III, стр. 89); однако в «Сочинениях» Максимовича можно найти несколько слов о Пушкине, знакомство с которым состоялось в конце 1826 г., по поводу «Полтавы» (ср. «Пушкин и его соврем.», вып. XXIII—XXIV, стр. 102): «Приятно мне вспомнить, что о «Полтаве» Пушкина я первый (1829) в Атенее писал, как о Поэме *народной* и *исторической.* Незабвенно мне, как Мерзляков журил меня за мою статью и как благодарил потом Пушкин, возвратясь из своего Закавказского странствия, где набирался он впечатлений войны под руководством своего друга Н. Раевского. — Тогда же, узнав от Пушкина, что он написал «Полтаву», не читавши еще Конисского, я познакомил его с нашим Малороссийским Историком и подарил ему случившийся у меня список

№ 397 Истории Руссов, о которой он написал потом прекрасные страницы Кстати, в собрании сочинений Пушкина помещена его полемическая статья о «Полтаве», кажется, по черновому списку. Переписывая набело, Пушкин сделал в ней некоторые поправки, с какими и напечатана она в моей Деннице; автограф сохранился у меня» (Собрание сочинений М. А. Максимовича, т. III, Киев, 1880, стр. 491). В библиотеке Пушкина сохранился экземпляр изданных Максимовичем «Украинских народных песен», 1834 г., с надписью издателя (Б. Л. Модзалевский, «Библиотека А. С. Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 61).

— Об «Обозах», стихотворении кн. Вяземского, см. выше, стр. 124—125.

— Княгиня — Вера Федоровна Вяземская, жена кн. П. А. Вяземского, давнишняя знакомая и приятельница Пушкина (см. выше, т. I и II, по указателю); отзыв о ней А. Я. Булгакова, относящийся к этому времени, см. выше, стр. 160.

— О ходе Польской революции и о развитии восстания, а также о настроениях русского правительства и общества Пушкин узнавал, кроме частных слухов, из петербургских газет — русских и французской («Journal de St.-Pétersbourg»), равно как и из иностранных газет, присылавшихся ему Е. М. Хитрово.

— Веллингтон — английский генерал и государственный деятель Arthur Wellington (род. 1769, ум. 1852), победитель Наполеона при Ватерлоо, крайний консерватор; в 1828 г. стал во главе кабинета, проводившего резко реакционную политику. Время правления Веллингтона было ознаменовано обширными волнениями, охватившими рабочие и крестьянские массы в ряде провинций и городов Англии. Веллингтон был для восстававших масс символом всего того порядка, против которого они боролись. Враждебные демонстрации против него были обычным явлением, но слух о сожжении его дома был неверен. В 1830 году он вынужден был выйти в отставку, в которой оставался до вступления, в 1834 году, министром иностранных дел в кабинет Пиля. До самой смерти Веллингтон оставался главнокомандующим Великобританской армии (с декабря 1826 г.).

— «В Париже тихо. В Москве также» — конечно, шутка, острота которой в самом сопоставлении Парижа, полгода назад пережившего Июльскую революцию, и Москвы, еще не оправившейся от страшной эпидемии холеры и безгласно прозябавшей под ферулой николаевского деспотизма.

— Вяземский отвечал на письмо Пушкина следующим письмом от 14 января: «Хорошо, дай *Пушкина* Дельвигу, а скажи Максимовичу, что пришлю к нему несколько *выдержек из записной книжки.* Я уже писал ему, что у тебя есть малая толика прозы моей для него. Отолчись, как умеешь. Постарайся приехать завтра. Что ты выдаешь себя за такого нежного любовника и верноподданного жениха? — Хорош Юсупов, только у него и осталось в голове, что жопа. — Что это за новое дополнение [1]

---

[1] Об этом распоряжении по цензуре Вяземский только что узнал из письма к нему Максимовича от 12 января 1831 г. — см. «Старина и Новизна», кн. IV, стр. 190.

к цензуре, что все статьи в журналах должны быть за подписью автора или переводчика. Не смешно-ли видеть Русское самодержавие, которое возится с нашею литерат(или д)урочкою. Ужь и та ее пугает. Как не чувствовать им, что есть Цензура есть и все. Ужь и это не шутка-ли Булгарина против Литтературной газеты, чтобы заставить нас демаскироваться? Иначе растолковать не умею. Булгарину с братьею огласки бояться нечего, а между тем надеются они что нам иногда стыдно будет без маски пройти между ими. — Что-нибудь, а придумать надобно, чтобы вырвать Литтературу нашу из рук Булгарина и Полевого. — Что за разбор Дельвига твоему Борису? Начинает последним монологом его. Нужно будет нам с тобою и Баратынским написать инструкцию Дельвигу, если он хочет, чтобы мы участвовали в его газете. Смешное дело, что он не подписывается ни на один иностранный журнал и кормится сказками Бульи и Петерб. Польскою Газетою. При том нужно обязать его, чтобы по крайней мере через № была его статья дельная и проч. и проч., а без того нет возможности помогать ему. Прости, приезжай-ка завтра! Телескоп я имею. 14-го. Не забудь привезти или прислать шампанское».

398. *П. А. Плетневу*. 13 января [1831 г.] (стр. 6—7). Впервые напечатано в Сочинениях Плетнева, т. III, С.-Пб. 1885, стр. 360 — 361, а затем во всех изданиях, начиная с издания Литературного Фонда, до Академического и Брокгаузовского, не вполне исправно; у нас печатается по подлиннику (на бумаге большого почтового формата, с водяными знаками: А. Г. 1822), находящемуся в ИРЛИ (Пушкинском Доме) Академии Наук СССР.

— Бориса — т. е. «Бориса Годунова», первый экземпляр которого Пушкин получил, вероятно, 2 января (см. выше, стр. 123, в примечаниях к письму № 393).

— Ширяев — Александр Сергеевич (ум. 15 февраля 1841 г.), московский книгопродавец и издатель, купец первой гильдии, затем коммерции советник (с апреля 1834 г.), был много лет комиссионером Московского Университета и содержателем его книжной лавки, состоял членом-сотрудником Московского Общества Истории и Древностей Российских («Месяцослов» на 1834 г., ч. I, стр. 508 и 516), коего был «благотворителем» («Русск. Арх.» 1891, кн. II, стр. 83); по словам Кс. Полевого, «был всемирный злослов, который сам поносил всех и любил ссорить людей» (Записки, С.-Пб. 1888, стр. 258), а Н. Ф. Павлов называл его (1839) даже «грубой и злой скотиной» («Русск. Арх.» 1897 г., кн. I, стр. 457). Он был известен под прозвищем «Штучка» за его привычку всё называть «штучкой»: книгу, дело какое-нибудь, человека, событие (Записки К. А. Полевого, стр. 501). В 1824 г. он купил рукопись «Бахчисарайского Фонтана» за 3000 рублей асс. и издал его («Остаф. Архив», т. III; ср. выше, Письма, т. I, стр. 309, 315, 329, 349, 350, т. II, стр. 21, 26, 43, 191, 224). Его некролог см. в «Москвитянине» 1841 г., № 3, стр. 244 — 245.

— Сыграть свадьбу в январе Пушкину не удалось из-за разных домашних неурядиц и взбалмошности матери невесты, будущей тещи поэта, Натальи Ивановны Гончаровой. «Пушкин настаивал, чтобы поскорей их обвенчали, — рассказывала впоследствии кн. Е. А. Долгорукова, — но Наталья Ивановна напрямик ему объявила, что у нее нет денег. Тогда

№ 398 Пушкин заложил имение, привез денег и просил шить приданое. Много денег пошло на разные пустяки и на собственные наряды Натальи Ивановны» («Рассказы о Пушкине», под ред. М. А. Цявловского. М. 1925, стр. 64). Ср. ниже, письмо № 405. Между тем слухи и пересуды по поводу женитьбы Пушкина продолжались. Так А. Н. Вульф, находившийся в это время в Польше, писал своей сестре Анне Николаевне, в ответ на ее сообщение о свадьбе Пушкина и о полученном от него из Болдина письме (см. выше, т. II, № 378), 20 января 1831 г.: «Верно жизнь Пушкина в Нижегородской деревне была очень похожа на Михайловское, когда она ему так живо напомнила последнюю, что он вздумал писать вам. Как может Ушакова [Тверская соседка Вульфов?] знать твое мнение о его женидьбе? Не хотел-ли он сказать только, может быть, что Ушакова одного мнения с тобою об этом предмете, а не то, чтобы она *повторяла твои слова:* до такой степени я не думаю, что бы вас друг с другом заочно Пушкин познакомил: точно это бы не было лестно ни тебе, ни ей. Теперь когда холера прекратилась в Москве, вероятно и он оставил свое убежище и возвратился к своей прелестнице; к тому же, теперь и самое свободное время года до великого поста» (Б. Л. Модзалевский, «Поездка в Тригорское»—«Пушкин и его соврем.», вып. I, стр. 91—92), — и далее: «По твоим словам, Пушкин должен быть теперь уже женат; но я не столько нетерпелив видеть Госпожу Пушкину, потому что я себя изведал — и смиряюсь. Не знаю, время-ли, или образ жизни причиною, но я приметно хладею» (там же, стр. 94).

— По поводу слов Пушкина: «Здесь живи, не как хочешь — как тетки хотят», И. К. Линдеман пишет нам: «У Пушкина часто встречаются пародии на целые фразы, тексты св. писания, поговорки, пословицы, стихотворения и т. п. Например, в письме к кн. Вяземскому 1822 — 1823 г. (см. выше, т. I, № 48, стр. 43): «Ты барахтайся в грязи отечественной и думай: «Отечества и грязь сладка нам и приятна»; в письме к Погодину 1832 г. (см. выше, № 509): «Стихотворений помещать не намерен, ибо и Христос запретил метать бисер перед публикой; на то проза-мякина»; в письме к Гнедичу 1823 г. (см. выше, т. I, стр. 50) «delenda est censura»; в письме к Е. М. Хитрово 1831 г. (см. выше, № 404): «delenda est Varsovia». То же самое встречается в «Борисе Годунове», в сцене: «Корчма на Литовской границе»:

Мисаил. Вольному воля, —
Варлаам. А пьяному рай, отец Мисаил.

— Словами «заживу себе мещанином» Пушкин намекает на свое стихотворение «Моя родословная или Русский мещанин», написанное в Болдине 16 октября 1830 г.

— Что̀ скажет Марья Алексевна — слова Фамусова, заключающие «Горе от ума»:

Ах, боже мой! Что̀ станет говорить
Княгиня Марья Алексевна!

— Газета наша — «Литературная Газета» Дельвига; ср. выше, в письме Пушкина к Плетневу же от 7 января (№ 396, стр. 5) и Вяземского к Пушкину от 14 января (см. выше, примечания к письму № 397, стр. 166). Мне-

ние о ее «вялости» было общераспространенным и было известно и самому Дельвигу, который в конце 1830 г. писал: «Несколько журналистов, которым «Литературная Газета» кажется печальною и очень скучною, собираются нанести ей решительный, по их мнению, удар,— они хотят в конце года обрушить на нее страшную громаду брани, доведенной ими до nec plus ultra неприличия и грубости, и тем отбить у нее подписчиков. Издатель «Литературной Газеты», привыкший хладнокровным презрением отвечать на их отчаянные выходки, надеется спокойно выдержать и сей, втайне приготовляющийся бурный натиск. Он не будет отбраниваться даже и тогда, когда, сверх всякого чаяния, демон корыстолюбия им овладеет» (1830 г., № 58, стр. 180). В. П. Гаевский в своей биографии Дельвига также пишет, что, начиная с середины ноября, «Газета видимо клонилась к упадку: полемические статьи почти прекратились, критика потеряла остроту и самостоятельность суждений, произведения известных и лучших писателей являлись реже и реже, газета стала опаздывать выходом (последний номер ее — 72-й — вышел в феврале 1831 г.), а потому при подписке на следующий год значительно уменьшилось число ее читателей» («Современник» 1854 г., т. XLVII, № 9, стр. 56). № 398

— С фразою «В России пишет один Булгарин» следует сравнить слова Пушкина из письма его от 9 декабря 1830 г.: «Итак Русская словесность головою выдана Булгарину и Гречу» (см. выше, т. II, стр. 121). — Булгарин в это время, действительно, преуспевал. В № 2 (от 8 января 1831 г.) «Северной Пчелы» он поместил, за своею подписью, следующее сообщение, начинавшее номер: «Полагая целию всех литературных трудов моих пользу общую, пользу отечества, а лестнейшею за них наградою всемилостивейшее благоволение Государя Императора, обратился я ныне, пред выходом в свет третьего моего романа («Петр Иванович Выжигин»), с просьбою об исходатайствовании высочайшего соизволения на всеподданнейшее поднесение экземпляра оного его императорскому величеству, к г. генерал-адьютанту Александру Христофоровичу Бенкендорфу, в котором всякий благонамеренный человек всегда находит покровителя своим трудам и предстателя у высочайшего престола.[1] На письмо мое о сем к его высокопревосходительству удостоился я получить ответ следующего содержания: «Я имел счастие докладывать Государю императору письмо ваше о выходящем вновь в свет Романе вашем под заглавием «Петр Иванович Выжигин», и его величество всемилостивейше соизволяет на принятие оного, почему и прошу вас, милостивый государь, прислать мне сие сочинение для всеподданнейшего представления, как скоро оное выйдет из печати. При сем случае Государь император изволил отозваться, что его величеству весьма приятны труды и усердие ваше к пользе общей, и что его величество, будучи уверен в преданности вашей к его особе, всегда расположен оказывать вам милостивое свое покровительство. Уведомляя вас с особенным удовольствием о сем благосклонном отзыве

---

[1] Письмо Булгарина к Бенкендорфу с просьбою об исходатайствовании «соизволения украсить список подписавшихся на роман священным именем его императорского величества» от 23 декабря 1830 г. напечатано у М. И. Сухомлинова: «Исследования и статьи», т. II, С.-Пб. 1889, стр. 280 — 281, и в «Русск. Стар.» 1896 г., № 6 стр. 564 — 565.

№ 398 его императорского величества, с предоставлением права дать оному гласность, имею честь быть и пр. А. Бенкендорф. № 5256. 30 Декабря, 1830» — Осчастливленный сим живительным отзывом, я не только не считаю нарушением скромности обнародование сего письма, по содержащемуся в нем на то соизволению, но полагаю священным долгом сообщить о том читателям своим, коих благосклонности и поощрению обязан я, отчасти, возможностию приобресть сие лестное выражение высокомонаршей милости. За богом молитва, за царем служба не пропадает. *Фаддей Булгарин*». — Можно легко себе представить, какое впечатление на Пушкина и на его друзей произвело это наглое хвастовство ошельмованного в глазах всех порядочных людей издателя «Северной Пчелы» благоволением, полученным из рук главы жандармов и тайной полиции, и льстивые слова его по адресу Бенкендорфа и читателей, благосклонностью которых Булгарин создавал себе благополучие в то время, когда Пушкин не мог сделать ни шага без разрешения полиции и получал от нее выговоры, а Дельвигу только что было запрещено издавать «Литературную Газету» (см. выше, т. II, стр. 491 — 492). Сообщая Вяземскому о приведенном нами письме Бенкендорфа, М. А. Максимович 9 января прибавлял: «Пчела» бранит и даже разбирать не хочет «Северных Цветов» потому, что там есть «Наложница» («Старина и Новизна», кн. IV, стр. 189); в ответ Вяземский называл Булгарина «полицейским литератором» и, сообщая Максимовичу замечания на написанное последним для «Денницы на 1831 г.» «Обозрение русской словесности за 1830 год», писал ему между прочим, по поводу слов Максимовича об аристократизме Пушкина и «Литературной Газеты»: «Охота вам держаться терминологии вралей и вслед за ними твердить о литературной аристократии, об аристократии Газеты?.. Брать-ли слово «аристократия» в смысле дворянства, то кто же из нас не дворянин, и почему Пушкин чиновнее Греча или Свиньина? Брать-ли его в смысле не *дворянства*, а *благородства* духа, вежливости, образованности, выражения, — то как же решиться от него отстороняться и употреблять его в виде бранного слова, вслед за *санкюлотами* Французской революции, ибо они составили сей словарь или дали сие значение? Брать-ли его в смысле аристократии талантов, то-есть аристократии природной, то смешно же вымещать богу за то что он дал Пушкину голову, а Полевому лоб и Булгарину *язык*, чтоб полиция могла *достать языка*. Обвиняйте «Газету» в бледности, в безжизненности, — о том ни слова: я стою не за нее и нахожу, что во многом вы справедливы. Но мне жаль видеть, что и вы тянете туда же и говорите о *знаменитостях*, об *аристократии*. Оставьте это «Северной Пчеле» и «Телеграфу», — у них свой *argot*, что называется, свой воровской язык; но не принадлежащему шайке их неприлично марать свой рот их грязными поговорками. Если мне не верите, — спросите Киреевского: я уверен, что он будет моего мнения. Вообще, слишком много говорите вы о Булгарине: «Обозрение литературы» у вас — обозрение Булгарина. Дайте ему несколько киселей в жопу и отпустите с богом. У вас он проходит сквозь строй: это утомительно для зрителей» («Записки Имп. Акад. Наук», т. XXXVI, стр. 202 — 203). Как видим, Вяземский так же, как и Пушкин, замечал, что «в русской литературе говорили под конец об одном Булгарине». За поднесение экземпляра вышед-

шего в свет романа Николаю I и имп. Александре Федоровне Булгарин получил от них по бриллиантовому перстню (М. Сухомлинов, «Исследования и статьи», т. II, С.-Пб. 1889, стр. 280; «Северная Пчела», 30 марта и 13 апреля 1831 г., № 70 и 82).

— Деньги, деньги: вот главное — ср. по поводу места, отводимого деньгам в Переписке и в Сочинениях Пушкина, гл. 39 в книге В. Ф. Ходасевича, «Поэтическое хозяйство Пушкина», кн. I, Лгр. 1924, стр. 91—98, где приведен ряд выписок из писем и сочинений поэта, в которых он говорит о деньгах, часто с преувеличенным и подчеркнутым цинизмом.

399. *А. Х. Бенкендорфу.* 18 января 1831 г. (стр. 7). Впервые напечатано в «Русской Старине» 1874 г., т. X, стр. 706 (неполно); полностью — в Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 218; подлинник — в ИРЛИ (Пушкинском Доме) Академии Наук СССР, на бумаге большого почтового формата, с водяными знаками: А. Г. 1829, проколот в карантине, при окуривании; подлинник чернового наброска — там же, в Майковском собрании (№ 23, л. 2) на бумаге с водяным знаком 1830 г.

Письмо служит откликом на следующее письмо Бенкендорфа к Пушкину от 9 января 1831 г. из Петербурга, за № 140: «Милостивый государь Александр Сергеевич! Его величество государь император поручить мне изволил уведомить Вас, что сочинение Ваше «Борис Годунов» изволил читать с особым удовольствием.— Вменяя себе в приятную обязанность уведомить Вас о сем лестном отзыве августейшего монарха, имею честь быть с истинным почтением и преданностию Ваш, милостивый государь, покорнейший слуга. А. Бенкендорф». Письмо это было послано, быть может, для того, чтобы показать, что Николай I благосклонен не к одному Булгарину, опубликовавшему в № 2 «Северной Пчелы» письмо Бенкендорфа с выражением одобрения императора, но и к Пушкину,— а может быть, и с целью принижения Пушкина таким сопоставлением его с Булгариным.

— Говоря об обстоятельствах, в которых всякое другое правительство старалось бы стеснить и сковать книгопечатание, Пушкин имел в виду Июльскую революцию во Франции, Польское восстание и революционные движения в Англии и Бельгии, а также ордонанс французского короля Карла X об отмене свободы периодической печати.

400. *Князю П. А. Вяземскому.* [19 января 1831 г.] (стр. 8). Впервые напечатано в «Русском Архиве» 1874 г., ст. 449 (с неправильным присоединением к нему нескольких филологических заметок Пушкина о происхождении слов: *Араб, арап, арапник*); подлинник (на листе бумаги обыкновенного почтового формата, без водяных знаков) был в Остафьевском Архиве гр. С. Д. Шереметева, ныне в Центрархиве в Москве. Дата письма устанавливается словами Пушкина в письме к Плетневу от 21 января о том, что весть о смерти Дельвига дошла до него в воскресенье, которое приходилось на 18 января.

— Горестное известие о смерти Антона Антоновича Дельвига получено было Пушкиным, как сказано, 18 января и через день, 20-го числа, дошло до него следующее письмо П. А. Плетнева. «Ночью. Половина 1-го часа. Середа. 14 января, 1831. С.п.бург. — Я не могу откладывать, хотя бы не хотел об этом писать к тебе. По себе чувствую, что должен

№ 400 перенести ты. Пока еще были со мною добрые друзья мои и его друзья, нам всем как то было легче чувствовать всю тяжесть положения своего. Теперь я остался один. Расскажу тебе все, как это случилось. Знаешь ли ты, что я говорю о нашем добром Дельвиге, который уже не наш? Еще в нынешнее Воскресенье он говорил мне, что теперь он по крайней мере совсем спокоен. Начало его болезни случилось во Вторник, за неделю, т. е. 6-го числа. Но эта болезнь, простуда, очень казалась обыкновенною. 9-го числа он говорил со мною обо всем, нисколько не подозревая себя опасным. В Воскресенье показались на нем пятна. Его успокоили, уверив, что это лихорадочная сыпь и потому то он принял меня так весело, сказав, что теперь он спокоен. Понедельник и Вторник, т. е. 12 и 13 он был в беспамятстве горячки. В Середу в 7-ом часу вечера Петр Степановичь приехав ко мне, сказал, что он, по признанию докторов, в опасности. За ним вскоре приехал Гнедичь с Лобановым, которые заезжали туда и слышали, что он близок к разрушению. В 9-м часу я отправил туда человека, который возвратился с ужасною вестию, что ровно в 8-м часов его не стало. И так в три дня явная болезнь его уничтожила. Милой мой, что же такое жизнь?» (Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 214—215.)

— Смерть Дельвига была полною неожиданностью для всех и вызвала общее сожаление. Биограф Дельвига В. П. Гаевский, рассказав о нравственном потрясении, которое вызвано было в Дельвиге внезапным запрещением ему издавать «Литературную Газету», пишет: «Душевное расстройство Дельвига произвело в нем апатию и равнодушие ко всему... В первых числах 1831 года он занемог простудою. Нравственные беспокойства усиливали развитие болезни, которая скоро сделалась опасною, но Дельвиг перемогался и, не заботясь о себе, находил возможность заботиться о других. За несколько дней до смерти он узнал, что одна бедная дворянка, А. Б. Г., лишилась в короткое время мужа и троих детей и вместе с тем потеряла здоровье и средства к существованию. Дельвиг с М. Д. Деларю издали в пользу ее двести экземпляров стихотворения Деларю «Сон и смерть», напечатанного в «Северных Цветах на 1831 год» (стр. 12—16). В предисловии брошюры, [перепечатанном М. Л. Гофманом в сборнике «Пушкин и его современники», вып. XXI—XXII, стр. 287], сказано, что «издатели почтут себя вполне награжденными за труд свой, если соотечественники примут участие в доставлении дневного пропитания несчастной сироте; лучшую же награду за доброе дело всякий из них вероятно найдет в своей совести». Эти строки были, как сказал Сомов в рецензии на эту книжку («Литературная Газета» 1831 г., т. III, № 4, стр. 33), прощальным отголоском сердца поэта, последним произведением Дельвига, написанным уже в припадках жестокой болезни, за несколько дней до кончины. — Последним произведением Дельвига в «Литературной Газете» был разбор «Бориса Годунова» (1831 г., т. III, № 1 и 2), прерванный мучительной болезнью поэта и писанный за несколько дней до его смерти. Сомов, уже по смерти Дельвига, объявил имя автора этих недописанных статей, оставленных без окончания, «как прекрасное здание, недостроенное по смерти искусного зодчего» («Литературная Газета» 1831 г., т. III, № 4). Дельвиг скончался 14 января 1831 г., в среду, в 8 часов вечера, имея

от роду 32 года 6 месяцев и 8 дней... Неожиданная смерть Дельвига произвела тяжелое, грустное впечатление на всех окружающих поэта...» («Современник» 1854, № 9, стр. 56—57). — Барон А. И. Дельвиг, почти член семьи поэта, так передает о последних днях его жизни: «Здоровье Дельвига в ноябре и декабре 1830 г. плохо поправлялось. Он не выходил из дома. Только 5 января 1831 г. я с ним был у Слёнина и в бывшем магазине бумажной фабрики, где Дельвиг имел счета. На этих прогулах он простудился и 11 января почувствовал себя нехорошо. Однако утром еще пел с аккомпаниментом на фортепиано, и последняя пропетая им песня была его сочинения, начинающаяся следующею строфою: № 400

Дедушка, девицы
Раз мне говорили:
Нет-ли небылицы,
Иль старинной были?

Когда в этот день Дельвигу сделалось хуже, послали за его доктором Соломоном, а я поехал за лейб-медиком Арендтом. Доктора эти приехали вечером, нашли Дельвига в гнилой горячке и подающим мало надежды к выздоровлению... 14 января, придя, по обыкновению, в 8 часов вечера к Дельвигу, я узнал, что он за минуту перед тем скончался. Не буду описывать того, до какой степени был я поражен этою смертию,... равно страшной скорбью его жены и всех знавших его близко. 17 января, в день именин Дельвига, были его похороны. Встречавшиеся, узнав, кого хоронят, очень сожалели о потере сочинителя песен, которые были тогда очень распространены в публике» («Мои воспоминания», ч. I, стр. 117).

Бывший директор Лицея, Е. А. Энгельгардт, в письме к Ф. Ф. Матюшкину писал: «Вчера мы схоронили бедного певца Лицейского — Дельвига. Он был болен только семь дней желчною гнилою горячкою наведенною ему разными неприятными происшествиями, следствиями журнальной войны между ним и Булгариным, коего Выжигина и Самозванца[1] Дельвиг весьма справедливо критиковал в издаваемой им «Литературной Газете», которая осмелилась *доказывать*, что эти два сочинения не так-то совершенны и превосходны, как уверяет «Северная Пчела». По разным своим связям Булгарин умел довести до того, что за небольшой довольно плохой, впрочем, французский quatrin, в «Литературной Газете» (весьма не кстати, правда) отпечатанный, Дельвигу запретили издавать далее сию Газету. Это и множество других неприятностей верно много содействовали к его болезни. Как бы то ни было, а нашего Дельвига не стало; не стало певца «Шести лет» и русских песен! Бедная жена осталась с восьмимесячною миленькою дочкою, которую отец обожал. — Жаль Дельвига; при всей своей лености, при всех своих странностях, он был любезной, благородной человек. Жаль Дельвига!» (Н. А. Гастфрейнд, «Товарищи Пушкина по Лицею», т. II, С.-Пб. 1912, стр. 362). «Но более всех был поражен смертью Дельвига Пушкин», — говорит В. П. Гаевский. Слух о смерти любимейшего из друзей, его «брата названого», дошел до Пушкина в

---

[1] О том, что эта статья действительно Дельвига, — см. «Записки Имп. Акад. Наук», т. XXXVI, стр. 202.

№ 400 воскресенье 18 января (ровно за месяц до свадьбы), а на другой день он получил приведенное выше (стр. 171—172) письмо от Плетнева, написанное в самый день кончины Дельвига; письмо это дает точный рассказ о печальном событии, которое сильно поразило и Плетнева, так как он сам нежнейшим образом любил Дельвига, ближайшего, после Пушкина, своего друга. — В дальнейших письмах Пушкина к друзьям (см. № 401, 402, 403, 404, 405, 406, 408) отразилась его скорбь о потере любимого товарища, — он жалуется на тоску, spleen, говорит, что смерть Дельвига есть «единственная тень» его «светлого» (после женитьбы) «существования»... хотя и бодрился и даже старался шутить. Из дальнейшей переписки поэта видно, что ни его, ни Плетнева, ни Вяземского не покидала мысль о составлении биографии Дельвига; Пушкин думал и об издании своей частной переписки с умершим другом (см. выше, письмо № 441); но ничего положительного из этих планов не вышло, — Пушкин не мог долго предаваться губящей душу тоске и рвался к жизни (см. выше, письмо № 443). Но в минуты поэтического сосредоточения мысль его постоянно обращалась к памяти о друге и выливалась во вдохновенные строки; можно сказать, что «своего» Дельвига Пушкин помнил всю жизнь. Так, в стихотворении на Лицейскую годовщину 1831 г. он, с грустью указывая на «шесть мест упраздненных» в кругу товарищей по выпуску из Лицея, писал:

И мнится, очередь за мной...
Зовет меня мой Дельвиг милой,
Товарищ юности живой,
Товарищ юности унылой,
Товарищ песен молодых,
Пиров и гордых помышлений,
Туда, в толпу теней родных
Навек от нас ушедший гений...

А через пять лет он вспомнил друга-поэта в своем стихотворении «Художнику», написанном после посещения мастерской С. И. Гальберга, исполнившего после смерти Дельвига его бюст:

... в толпе молчаливых кумиров
Грустен гуляю: со мной доброго Дельвига нет;
В темной могиле почил художников друг и советник.
Как бы он обнял тебя! Как бы гордился тобой!

Необходимо отметить, что Пушкин принимался и за статью о Дельвиге, — года через три после смерти своего друга, — о чем свидетельствует водяной знак 1833 г. на листах бумаги, на которой эта, оставшаяся незаконченной, статья была написана. Мы высказали уже однажды предположение, что статья эта предназначалась для помещения при сборнике стихотворений Дельвига, над которыми Пушкин работал как редактор, подготовлявший рукописи друга-поэта к печати (см. «Сборник Пушкинского Дома на 1923 год», Пгр. 1922, стр. 9. И рукопись статьи Пушкина, о Дельвиге, и рукописи стихотворений последнего с пометками Пушкина находятся в Пушкинском Доме). Смерть Дельвига огорчила всех, кто знал его, как даровитого писателя и как в высокой степени симпатичного человека. См. отзывы: бар. М. А. Корфа («Русск. Стар.» 1904 г., № 6,

стр. 551), А. В. Никитенка («Записки и дневник», т. I, С.-Пб. 1905, стр. 206—208), № 400
А. И. Кошелева («Записки», Берлин, 1884, стр. 31—32), П. М. де-Роберти («Пушкин и его современники», вып. XVII—XVIII, стр. 265—266), А. Н. Вульфа (ibid., в XXI—XXII, стр. 158—159), В. К. Кюхельбекера и И. И. Пущина (Н. А. Гастфрейнд, «Товарищи Пушкина», т. II, С-пб. 1912, стр. 363—364), кн. П. А. Вяземского («Русск. Архив» 1879, кн. II, стр. 117), А. Я. Булгакова (ibid., 1902, кн. I, стр. 49), К. Я. Булгакова (ibid., 1903, кн. III, стр. 548), письмо Вяземского к Плетневу (в «Изв. Отд. русск. яз. и слов. Академии Наук» 1897, т. II, кн. 1, стр. 94) и воспоминания его же («Русский Архив» 1876, кн. II, стр. 204—205 и «Сочинения», т. VIII, стр. 442—443, 446).

— Салтыков — Михаил Александрович (род. 1767 — ум. 6 апреля 1851), тесть Дельвига, отец его жены — Софьи Михайловны: некогда «природный член Арзамаса» и попечитель Казанского Учебного Округа, в это время сенатор и почетный опекун Московского Опекунского Совета, человек своеобразный и весьма незаурядный. Прямой потомок московских бояр, член многочисленной и оригинальной семьи, — сын и племянник типичных представителей русского передового дворянства XVIII века, — он возрос в среде, проникнутой «вольтерианством», и сам с молодых ногтей пропитался этим миронастроением, которое сохранял до конца своей жизни. Питомец Шляхетного Кадетского Корпуса поры графа Ангальта, он был предан театральным и литературным интересам и сам впоследствии много писал (хотя ничего и не печатал), а читал — еще больше. Отдав дань военной службе, он в 1794 г. был полковником С.-Петербургского драгунского полка и состоял при президенте Военной коллегии, графе Н. И. Салтыкове, своем родиче. Судьба ему улыбнулась: в это время он «попал в случай» у Екатерины II и был даже помещен во дворце, в комнатах фаворита Платона Зубова; но фавор его длился недолго, — со смертью Екатерины он был уволен Павлом I от службы, поселился в Смоленской губернии (вероятно, у вотчима своего, П. Б. Пассека), и лишь при Александре I звезда его вновь засияла: он был сделан камергером, зачислен в службу и вошел в интимный круг друзей молодого государя, с которым был близок еще в предыдущие годы мрачного Павловского царствования. Александр, по воцарении, предлагал ему, по словам Н. И. Греча, какое-то место; но Салтыков отказался от него, «объявив, что намерен жениться и жить в уединении». И, действительно, вскоре он женился, на неродовитой, но красивой молодой девушке — Елизавете Францовне Ришар, одной из дочерей швейцарской француженки, Марии Христиановны Ришар, содержавшей известный тогда в Петербурге пансион для девиц, и хотя, по свидетельству того же Греча, брак этот был заключен «по страсти», Салтыков жил с женою «не очень счастливо». Он имел от нее сына Михаила (род. 1804) и дочь Софью (род. 1806); 4 ноября 1814 г. Е. Ф. Салтыкова умерла в Казани, где М. А. Салтыков был с 1812 по 1818 г. попечителем Учебного Округа и Университета. По выходе в отставку Салтыков переселился в Москву, а вскоре затем переехал в Петербург для воспитания дочери и жил здесь не у дел. К этому времени относится характеристика Салтыкова, принадлежащая Д. Н. Свербееву и находящаяся в его «Записках»: «Замечательный умом и основательным

№ 400 образованием, не бывав никогда за границей, он превосходно владел французским языком, усвоив себе всех французских классиков, публицистов и философов, сам разделял мнения энциклопедистов и, приехав в первый раз в Париж, по книгам и по планам так уже знал все подробности этого города, что изумлял этим французов. Салтыков, одним словом, был типом знатного и просвещенного Русского, образовавшегося на французской литературе, с тем только различием, что он превосходно знал русский язык...» Но отличительною чертою натуры Салтыкова была склонность к ипохондрии. В 1816 г. профессор Броннер откровенно писал ему: «Характер у вас любезный, миролюбивый, мягкий; сердце у вас открытое, искреннее даже в степени большей, нежели сами могли бы вы предполагать это. Вы легко привязываетесь к людям, вас окружающим», — но тут же прибавлял: «Боже избави вас от ипохондрии, — оставьте ее в удел злодеям! С вашим добрейшим характером, невольно привлекающим к вам все сердца, вы всегда найдете возможность окружить себя честными людьми, достойными вашего доверия и которые будут в состоянии ценить ваши достоинства. Если вы хорошенько вдумаетесь в окружающее, вы придете к несомненному заключению, что у двуногих животных, именуемых людьми, имеется в наличности несравненно более слабостей, нежели действительной злобы. Будьте же великодушны и — прощайте им!» — Салтыков отвечал на это Броннеру: «Я стал избегать общества, чтобы не заводить в нем новых связей. Я жажду уединения, и опыт, предпринятый мною минувшим летом, которое я провел в деревне, дал мне ясно убедиться в том, что только на лоне природы мыслимо для меня совершенное счастье, среди деревенских занятий, среди деревенской жизни, чуждой здешних страстей и треволнений», — но, прибавлял он: «откровенно говоря, в моем характере больше застенчивости и нелюдимости, нежели мизантропии; я не ненавижу людей, но только избегаю их, потому что я невысокого, в общем, о них мнения. Вот вам моя душевная исповедь». «Жажда власти, отличий, почестей, — писал он в начале 1817 г. ему же, — является, в большинстве случаев, у людей неутолимою, и они нередко упиваются ими до водянки. Я рано познал скользкость этого пути и тщательно избегал его: яд честолюбия никогда не отравлял моего сердца. Будь у меня достаточные средства и отсутствие забот о будущности моих детей, — я не задумался бы бросить и служебное положение, и призрачные обаяния ранга и происхождения, с тем, чтобы удалиться к жизни свободной и независимой, — жизни под небом более счастливым, среди богаче одаренной природы, среди менее эгоистически настроенного общества, вдали от двора, вельмож, от очага всех бурных страстей. Я счел бы себя счастливым даже в бедной хижине, если бы она в состоянии была обеспечить мне спокойное состояние духа, мир и тишину. Только полное сельское уединение способно еще возвратить мне счастье...» Вигель дает в своих «Записках» подробную и верную характеристику Салтыкова, называя его «человеком чрезвычайно умным, исполненным многих сведений, красивым и даже миловидным почти в сорок лет и тона самого приятного»; по его словам, Салтыков «во время революции [Французской] превозносил жирондистов, а террористов, их ужасных победителей, проклинал; но как в то время у нас не видели большой разницы

между Барнавом и Робеспьером, то едва ли не прослыл он якобинцем... № 400
Он всегда имел вид спокойный, говорил тихо, умно, красно... С величайшим хладнокровием хвалил он и порицал; разгорался же только — нежностью, когда называли Руссо, или гневом при имени Бонапарте». В этом смысле Салтыков был типичным представителем своей эпохи, — что можно видеть, между прочим, по замечательному портрету современника Салтыкова, нарисованному Л. Н. Толстым в лице «князя Ивана Ивановича» в главе XVIII «Детства»: «Он был хорошо образован и начитан, но образование его остановилось на том, что он приобрел в молодости, то есть в конце прошлого столетия. Он прочел всё, что было написано во Франции замечательного по части философии и красноречия в XVIII веке, основательно знал все лучшие произведения французской литературы, так что мог и любил часто цитировать места из Расина, Корнеля, Буало, Мольера, Монтеня, Фенелона, имел блестящие познания в мифологии и с пользой изучал, во французских переводах, древние памятники эпической поэзии, имел достаточные познания в истории, почерпнутые им из Сегюра... Несмотря на это французско-классическое образование, которого остается теперь уже так мало образчиков, разговор его был прост, и простота эта одинаково скрывала его незнание некоторых вещей и выказывала приятный тон и терпимость». Приведенные отзывы согласуются с тем впечатлением, которое выносится от знакомства с Салтыковым по письмам его дочери к А. Н. Семеновой (см. их в нашей книжке «Роман декабриста Каховского», Лгр. 1925 [а также в посмертном сборнике статей Б. Л. Модзалевского — «Пушкин», Лгр. 1929, в статье: «Пушкин, Дельвиг и их петербургские друзья в письмах С. М. Дельвиг». — *Ред.*]) Несомненно, что в общежитии он был человеком с тяжелым характером — меланхолик, брюзга, приходивший в дурное настроение духа от всякого пустяка, мнительный и раздражительный, с большою дозой эгоизма и деспотизма, хотя и сдобренного личиною свободомыслия. К сыну своему относился он с повышенною строгостью и требовательностью держал его «в черном теле» и не всегда был справедлив к нему; дочь любил, но внушал ей страх к себе; очень расположившись сперва к жениху дочери — добродушному Дельвигу, он затем внезапно и без видимой причины изменился к нему, и между ними впоследствии вместо родственной близости создалась, повидомому, взаимная отчужденность; к тому же в конце 1828 г. (7 декабря) Салтыков был назначен сенатором в 6-й (Московский) Департамент Сената и, одинокий, уехал в Москву, где в 1830 г. (10 февраля) назначен был еще почетным опекуном Московского Опекунского Совета. 29 октября 1830 г. Дельвиг писал князю П. А. Вяземскому: «Михайла Александрович пишет к нам через день. Он здоров, но воображение его поражено. Нет подле него человека, который бы развлекал его» («Старина и Новизна», кн. V, стр. 39). Он был членом Московского Английского Клуба, вице-президентом Российского Общества Садоводства с самого его основания в Москве в 1835 г., посещал вечера А. П. Елагиной, был в то же время в приятельских отношениях с Чаадаевым, бывал у И. И. Дмитриева, который однажды, в 1833 году, на вопрос П. А. Вяземского о том, что делает М. А. Салтыков, отвечал: «Всё вздыхает об изменении французского языка...» Следует особенно припо-

№ 400 мнить, что Салтыков был членом «Арзамаса». Еще в 1812 г. он был дружески знаком с Батюшковым, Дашковым и другими представителями молодого литературного поколения; а когда, в конце 1816 г., основался «Арзамас», — Салтыков был приобщен к числу почетных членов этого содружества с титулами «почетного гуся» и «природного члена»; есть указания, что он участвовал и в самых заседаниях «Арзамаса», просуществовавшего, как известно, недолго. Здесь он мог встречаться с юным арзамасцем Пушкиным, который впоследствии относился к Салтыкову с особенным уважением. Так, узнав о помолвке Дельвига, поэт писал своему другу: «Цалую руку твоей невесте и заочно люблю ее, как дочь Салтыкова и жену Дельвига» (см. выше, т. II, стр. 143), или незадолго до свадьбы: «Кланяйся от меня почтенному, умнейшему Арзамасцу, будущему своему тестю, а из жены — сделай Арзамаску непременно» (см. там же, стр. 165). В начале 1846 г. Салтыков был, по отзыву Плетнева, «довольно еще здоров и даже как будто свеж»; действительно, он прожил после того еще пять лет и умер в Москве 6 апреля 1851 г., года за два до смерти выйдя в отставку; однако, по словам Греча, он под конец жизни «от старости и болезни лишился ума» (см. Б. Л. Модзалевский, «Роман декабриста Каховского», Лгр. 1925, стр. 9—15). Из следующего письма Пушкина, к Плетневу (№ 401), видно, что поэт поехал к Салтыкову не 19 января, как собирался, а 20-го, но «не имел духу» объявить ему, что дочь его овдовела.

— «Адольф» — роман умершего 26 ноября 1830 г. французского писателя Бенжамена Констана «Adolphe, Anecdote trouvée dans les papiers d'un inconnu et publiée par M. Benjamin Constant». Содержание его следующее: Адольф, типичный романтический герой, встречает Элеонору, женщину, совершенно для него неподходящую и принадлежащую другому. Понемногу он ее влюбляет в себя и скоро почти совершенно охладевает, не переставая в то же время удерживать над нею свою власть. Элеонора не может расстаться с Адольфом, а последний вследствие своей слабохарактерности никак не может порвать надоевшую ему связь. После продолжительных страданий Элеонора умирает. История этой связи и составляет сюжет романа. Действия в нем почти нет, а весь интерес сосредоточен на психологии героя и на картине антагонизма между искренними перед собою, но не друг перед другом, людьми («Пушкин и его соврем.», вып. XXIX—XXX, стр. 15). Еще в № 1 «Литературной Газеты», от 1 января 1830 г., в отделе «Смесь» Пушкин поместил небольшую заметку об этом романе: «Князь Вяземский перевел и скоро напечатает славный роман Бенж. Констана. *Адольф* принадлежит к числу *двух или трех романов*,

В которых отразился век,
И современный человек
Изображен довольно верно
С его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтаньям преданный безмерно,
С его озлобленным умом,
Кипящим в действии пустом.[1]

[1] «Евгений Онегин», гл. 7.

Бенж. Констан первый вывел на сцену сей характер, впоследствии обнародованный гением Лорда Байрона. С нетерпением ожидаем появления сей книги. Любопытно видеть, каким образом опытное и живое перо Кн. Вяземского победило трудность метафизического языка, всегда стройного, светского, часто вдохновенного. В сем отношении, перевод будет истинным созданием и важным событием в Истории нашей Литературы» (ср. «Пушкин и его соврем.», вып. XII, стр. 126—128, и вып. XIII, стр. 175—176, — заметки Н. О. Лернера). В библиотеке Пушкина сохранился наряду с другими сочинениями Б. Констана и экземпляр «Adolphe» в 3-м парижском издании, 1824 г. (с которого переводил и Вяземский), носящий на себе следы чтения самого поэта, нанесшего, как установлено А. А. Ахматовой, на страницы книги ряд замечаний и отметок (ср. Б. Л. Модзалевский, «Библиотека А. С. Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 210). По словам Вяземского, в его посвящении своего перевода Пушкину, «Адольф» был их общим «любимым романом», о превосходстве которого они «часто говорили». Вяземский занимался переводом «Адольфа» в 1829—1830 г., живя в Саратовской деревне, с. Мещерском и в Остафьеве, и, когда закончил работу (см. Сочинения Вяземского, т. IX, стр. 120, 131, 133), послал ее, в декабре 1829 г., Боратынскому, который писал Вяземскому: «Благодарю вас за присылку вашей рукописи; я не принесу ей великую пользу, но для меня чрезвычайно любопытен перевод светского, метафизического,[1] тонко чувственного Адольфа на наш необработанный язык, и перевод вашей руки. Я еще не успел разглядеть его» («Старина и Новизна», кн. V, стр. 47). 24 января 1830 г. Боратынский вернул Вяземскому рукопись при подробном письме, и «обременив тетрадь замечаниями» на перевод (там же, стр. 48), за которые Вяземский благодарил поэта в своем посвящении «Адольфа» Пушкину. Затем он отослал рукопись для издания в Петербург, к Жуковскому и Дельвигу, прося их взять на себя проведение перевода через цензуру, а затем и издание его. Однако дело это затянулось (см. в письме Вяземского к Жуковскому от 26 октября 1830 г. — «Русск. Арх.» 1900 г., кн. I, стр. 360), а между тем в «Московском Телеграфе» Полевого началось печатание другого перевода «Адольфа», и Вяземский, заволновавшись по этому случаю, обратился уже к П. А. Плетневу, и письмом от 12 января 1831 г. спрашивал его: «Была-ли моя рукопись в цензуре? Вышла-ли? Я совершенно ничего не знаю. Потрудитесь меня уведомить, и если еще не всё сделано, что должно, исхитьте мою сироту из беспечных рук и пустите ее в ход. Возьмите на себя труд сделать нужные приготовления и для печатания. Мне хочется издание красивое, на лучшей бумаге, формата подобного французским романам и если можно во всем сходного с подлинником, который можете моим именем выпросить у Ел. Мих. Хитровой через Сомова... А я между тем пришлю вам на-днях два приложения к переводу моему: письмо к Пушкину [оно при издании датировано: 1829 года. с. Мещерское] и несколько слов от переводчика. Таким образом книга будет как книга. Но вы и до получения моих дополнений можете пустить книгу в печать. Нужно-ли мне

---

[1] Этот же термин, как мы видели, употребил и Пушкин по отношению к языку романа Б. Констана. *Б. М.*

№ 400 выдать вперед деньги на издержки, или можно-ли отложить расчеты с типографиею до конца? Так бы лучше. Еще одна покорнейшая просьба: поверьте с моим переводом перевод Телеграфа. Помилуй боже и спаси нас, если будет много сходного. Я рад всё переменить, хоть испортить, — только не сходиться с ним. Вы видите, что я надеюсь на Вашу приязнь ко мне и общую готовность подавать всем руку помощи. В моем *безответном* горе тотчас вспомнил я о вас и бросился в ваши объятия, уверенный, что от вас добьюсь по крайней мере ответа и толка... Пожалуйста, поспешите успокоить мою родительскую заботливость и будьте восприемником, опекуном и ангелом-хранителем моего Адольфа. Отрекитесь за него от Жуковского и Дельвига, сей сатанинской двоицы лени, плюньте на перевод Полевого и проч. Обнимаю вас... Пушкин был у меня два раза в деревне, всё так же мил и всё тот же жених. Он много написал у себя в деревне» («Изв. Отд. Русск. яз. и слов. Акад. Наук» 1897 г., т. II, кн. 1, стр. 92—93). 17 января Вяземский переслал Пушкину свое посвятительное ему письмо и предисловие от переводчика: «Сделай милость, прочитай и перечитай с бдительным и строжайшим вниманием посылаемое тебе и укажи на все сомнительные места. Мне хочется по крайней мере в предисловии не поддать боков критике. Покажи после и Баратынскому, да возврати поскорее, послав ко мне в дом Демиду. Нужно отослать в Петерб. к Плетневу, которому я уже писал о начатии печатания Адольфа. Надобно-ли в замечании задрать киселем в жопу Адольфа Полевого, или пропустить его без внимания, comme une chose non avenue?» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 217—218). На эту записку Пушкин и отвечал запискою за № 400, в которой извещал о смерти Дельвига. Обещание свое он исполнил и вскоре же вернул Вяземскому присланное им на просмотр, так что 31 января последний уже писал вторично Плетневу: «Вот, любезнейший Петр Александрович, мои приложения к моему Адольфу. Сделайте одолжение, отдайте всё переписать, в цензуру и печать. Печатайте где хотите. Вам и книги в руки. Если однако-же Вам не время заняться моим делом, или бездельем, то передайте всё Сербиновичу, бывшему цензору, который не откажется от того. А Вы между тем понадзирайте за ним. Мне хочется, чтобы всё издание было на лучшей бумаге, просто, но красиво, форматом и вообще наружностью похожим на Европейские романы французские или английские. Разумеется, без виньеток» и т. д. («Изв. Отд. Русск. яз. и слов. Акад. Наук» 1897 г., т. II, кн. 1, стр. 94). Но дело издания подвигалось медленнее, чем того хотелось Вяземскому. 21 апреля, из Москвы, он благодарил Плетнева за «реляцию о, типографических действиях» (там же, стр. 96); в июне и в июле, когда Пушкин был в Царском Селе, Вяземский просил и его постараться с Плетневым продать издание «Адольфа» — с таким расчетом, чтобы ему очистилось от 2 до 3 тысяч (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 252, 254, 290; ответ Пушкина — см. ниже, в письме № 437); в конце августа он узнал о выходе «Адольфа» и писал Пушкину: «Родительскому сердцу не терпится обнять его. Напиши Плетневу, чтобы он выслал на мое имя или книгопродавца Салаева экземпляров сто или, по крайней мере, поскорее один мне на показ» (там же, стр. 313—320); две недели спустя, 13 сентября, очевидно, не дождавшись книги, он сам писал (из Москвы) Плетневу

и, благодаря его за дружеские хлопоты и уведомление о напечатании «Адольфа», просил прислать ему «на зубок» несколько экземпляров («Изв. Отд. Русск. яз. и слов. Акад. Наук» 1897 г., т. II, кн. 1, стр 97—98). Книга напечатана была в Типографии Департамента Народного Просвещения, в 12°, и заключала в себе XXXIV + 222 страниц, с посвящением Пушкину, долженствовавшим свидетельствовать о взаимной приязни и уважении переводчика «к дарованию, коим радуется дружба и гордится отечество». — Посылая ее упомянутой выше Е. М. Хитрово, Вяземский писал ей 7 октября: «Беру на себя смелость представить Вам моего «Адольфа». Ему подобает возвратиться к Вам по стольким основаниям. Вы любите этот роман, Вы будете довольны тем, что я посвятил его имени, для Вас дорогому, и именно Ваш французский экземпляр послужил мне как бы совещательным образчиком для русского издания. Пусть все эти соображения, подтвержденные всегдашнею Вашею ко мне благосклонностью» побудят Вас милостиво принять мое почтительное приношение» («Русск. Арх.» 1895 г., кн. II, стр. 110, 112; ср. «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Лгр. 1927, стр. 168). Конечно Вяземский послал экземпляр книги и Пушкину, но в библиотеке последнего его не сохранилось; зато в Пушкинском Доме сохраняется подлинная рукопись «Адольфа», бывшая в цензуре с посвящением Пушкину, переписанным рукою кн. В. Ф. Вяземской (ср. «Изв. Отд. Русск. яз. и слов. Акад. Наук» 1897 г., т. II, кн. 1, стр. 96). Об «Адольфе» и переводе Вяземского см. статью Н. Н. Виноградова: «К вопросу о литературных вкусах Пушкина» — в сб. «Пушкин и его соврем.», вып. XXIX—XXX, стр. 9—17. Перевод Вяземского перепечатан при X томе Полного Собрания его Сочинений, С.-Пб. 1886, стр. XVI + 82. Рецензии на перевод были помещены в «Московском Телеграфе» Полевого (ч. 41, стр. 231—244), в «Северной Пчеле» (1831 г., № 273—275,), в «Телескопе» (1831 г., ч. 5, № 7, стр. 102—104), в «Гирлянде» (1831 г., ч. 1, № 15, стр. 381) и в «Северном Меркурии» (1831 г., № 70). В 1862 г. «Адольф» был дан еще, в переводе, в «Библиотеке для Чтения» (кн. 9), а в 1915 г. «Адольф» вышел в новом переводе Е. Андреевой, в московском издательстве К. Ф. Некрасова (см. рец. Н. О. Лернера в «Речи» от 12 января 1915 г.).

401. *П. А. Плетневу.* 21 января [1831 г.] (стр. 8—9). Впервые напечатано в «Современнике» 1838 г., т. IX, Современные записки, стр. 63, в статье (П. А. Плетнева) «Александр Пушкин» (без адреса и с сокращением имен), откуда перепечатано в книге «Отрывки из прозаических сочинений лучших Российских писателей для постепенных занятий переводами с русского языка на французский и немецкий, составлены И. Бераром и А. Журданом», изд. 3-е, С.-Пб. 1840, стр. 47—48 (как образец писем), затем в статье В. П. Гаевского о Дельвиге в «Современнике» 1854 г. т. XLVII, кн. 9, стр. 58—59, и в «Материалах» Анненкова, изд. 1855 г., стр. 314, и полностью (по подлиннику) в Сочинениях Плетнева, т. III, С.-Пб. 1885, стр. 362. Подлинник — на бумаге большого почтового формата, с водяными знаками: А. Г. 1829 (проколот в карантине при окуривании) — в ИРЛИ (Пушкинском Доме) Академии Наук, в собрании Л. Н. Майкова («Пушкин и его соврем.», вып. IV, стр. 34, № 7); он сложен конвертом и запечатан гербовою печатью Пушкина. На письме

№ 401 позднейшие пометы неизвестною рукою: «№ 2 А. Пушкинъ. Puschkin Alexander. Alexander Puschkin, Dichter, 1799»; это заставляет думать, что письмо ранее было в руках немецкого антиквара или коллекционера. Плетнев предпослал письму в «Современнике» следующие ценные строки: «Немногие хорошо знали Пушкина не-писателя — человека. Судили о нем по сочинениям его и привыкли представлять в его душе только ум, живость и необыкновенный талант. Казалось, и сам он находил удовольствие поддерживать о себе это мнение, особенно в обществе посторонних людей, где он был только или совершенно молчалив, или слишком блистателен. Лучшие движения сердца своего считал он домашним делом, и потому не любил выказывать. Он хранил их для тесного круга друзей, преимущественно для своих Лицейских товарищей, которых любил неизменно. Вот письмо Пушкина, писанное им, когда он извещен был о смерти барона Дельвига. Сколько в нем чувства истинного, глубокого, но в формах совершенно Пушкинских» (l. c., стр. 62—63).

— В начале письма Пушкин сообщает о том, как узнал он о смерти Дельвига: ср. в примечаниях к предыдущему письму, № 400, стр. 173—174; там же, на стр. 171—172 — письмо Плетнева к Пушкину, писанное ночью с 14 на 15 января.

— О М. А. Салтыкове, тесте Дельвига, см. выше, стр. 175—178.

— Карамзин был особенно близок Пушкину летом 1816 г., когда историограф жил в Царском Селе и хорошо узнал юного поэта-лицеиста. «Нас посещают здесь питомцы Лицея: поэт Пушкин, *историк* Ломоносов [С. Г.] и смешат своим добрым простосердечием. Пушкин остроумен» («Старина и Новизна», кн. I, стр. 11; ср. выше, Письма, т. I, стр. 179; «Рассказы о Пушкине», под ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 53 и 129). В послелицейские годы Пушкина в Петербурге Карамзин охладел к Пушкину, которого осуждал за образ жизни и за «вольные» стихотворения, однако, принял участие в смягчении участи его, когда Пушкину грозило за них тяжкое наказание в мае 1820 г. (см. выше, т. I, стр. 200, 203, 205—206); свидание с Карамзиным в это время, перед высылкой на Юг было последним, так как Карамзин умер 22 мая 1826 г., когда Пушкин был еще в михайловском заточении. Карамзин под конец стал чужд Пушкину, как человек, уважение же к нему, как к писателю и мыслителю, поэт сохранял до конца дней (Сочинения кн. Вяземского, т. I, стр. 160), считая его «великим писателем во всём смысле этого слова» («Старина и Новизна», кн. I, стр. 316); горько оплакал его кончину, заботился о его биографии (см. выше, т. II, № 210 и стр. 166—169) и уже перед самой своей смертью, приготовив к изданию в своем «Современнике» (1837 г., т. V) отрывок из рукописи Карамзина «О древней и новой России, в ее политическом и гражданском отношениях» сопроводил его следующим примечанием, в котором выразил свои чувства к Карамзину: «Мы почитаем себя счастливыми, имея возможность представить нашим читателям хотя отрывок из драгоценной рукописи. Они услышут если не полную речь великого нашего соотечественника, то по крайней мере звуки его умолкнувшего голоса».

— О любви Пушкина к Дельвигу, известной из рассказов многих современников, лучше всего свидетельствуют эти его слова, что «никто на

свете не был ему ближе Дельвига». О близости к Дельвигу Боратынского сохранилось до нас также много показаний; например, А. П. Керн, говоря о любви, которую Пушкин питал к Дельвигу, «другу-поэту», вспоминает: «Он всегда с нежностью говорил о произведениях Дельвига и Боратынского. Дельвиг тоже нежно любил Боратынского и его произведения» («Пушкин и его соврем.», вып. V, стр. 141), или, в другом месте: Пушкин «восхищался... пиесами Дельвига, равно как и поэзией Боратынского. Эти три поэта были связаны глубокой симпатией» (Л. Майков, «Пушкин», стр. 260). См. также свидетельство Н. М. Коншина («Рус. Стар.», 1897, № 2, стр. 278, 279). № 401

Приведем еще довольно меткий отзыв (1828 г.) о друзьях поэтах, принадлежащий молодому дипломату Ф. П. Фонтону: «Пушкин, Боратынский, Дельвиг — каков терцет! Боратынский — плавная река, бегущая в стройном русле. Пушкин — быстрый, сильный, иногда свирепствующий поток, шумно падающий из высоких скал в крутое ущелье. Дельвиг — ручеек, журчащий тихо через цветущие луга и под сенью тихих ив. Боратынского все читали, Пушкина все наизусть знают, и обоих можно знать по их сочинениям. Но Дельвига надобно лично знать, чтобы понять его поэзию» («Воспоминания», т. I, Лейпциг, 1862, стр. 25—26). — Литература об отношениях Дельвига и Боратынского указана в сб. «Пушкин и его соврем.», вып. XXI—XXII, стр. 221—222, и в сборнике Ю. Н. Верховского: «Е. А. Боратынский», Пгр. 1916, стр. 40, примеч., где перечислены шесть посланий Боратынского к Дельвигу (1819—1827) и шесть пиес Дельвига, имеющих отношение к Боратынскому (1819—1826). Что касается П. А. Плетнева, то он, действительно, был искренно и дружески привязан к Дельвигу и высоко ценил его поэтическое дарование. Редко отдаваясь поэтическому творчеству, он все же два своих стихотворения посвятил Дельвигу, а именно — «К Дельвигу» (1825) и «Анакреон (Дельвигу и Боратынскому)», и упомянул его в своем послании «К Гнедичу и Боратынскому» (см. Сочинения П. А. Плетнева, т. III, С.-Пб. 1885, стр. 288, 296—297, 304—305). Однако, кроме небольшого некролога, написанного для «Литературной Газеты» под свежим впечатлением понесенной утраты, Плетнев не собрался написать что-либо бо̀льшее (причину сухости этой статьи Плетнев объяснил Пушкину в письме к нему от 22 февраля 1831 г. — см. Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 226); но память о друге была всегда дорога и близка ему, — что видно, например, по длинному ряду сердечных упоминаний о Дельвиге в многолетней переписке Плетнева с Я. К. Гротом (тт. I—III); в 1846 г. в своем «Современнике» он поместил известный восторженный отзыв Пушкина об «Идиллиях» Дельвига, предназначавшийся Пушкиным для помещения в «Северных Цветах на 1828 г.», среди других «Отрывков из писем, мыслей и замечаний», но пропущенный Дельвигом, редактором «Северных Цветов», из понятной скромности. Плетнев считал необходимым опубликовать эти строки, «драгоценные по имени Пушкина и замечательные по истине, в них заключающейся».

— Павел Воинович Нащокин (см. о нем выше, т. II, по указателю) в позднейшем письме своем к Н. М. Коншину (1844 г.) вспоминал по поводу встречи своей с Пушкиным после получения вести о кончине Дель-

 вига: «Когда известие о смерти бар. Дельвига пришло в Москву, — тогда, мы были вместе с Пушкиным, — и он, обратясь ко мне, сказал: «Ну, Войныч, держись, — в наши ряды постреливать стали!» («Русск. Стар.» 1908 г., № 12, стр. 762—763).

— Боратынский был связан тесными дружескими узами с Плетневым, который посвятил ему несколько стихотворений (Сочинения П. А. Плетнева, т. III, С.-Пб. 1885, стр. 257, 296—297, 304—305, 307). Об их взаимных отношениях см. статью К. Я. Грота в «Русск. Стар.» 1904 г., № 6, стр. 511—522, где опубликовано четыре письма Боратынского к Плетневу.

— Как мы указывали уже выше (стр. 174), Пушкин старался не поддаваться тяжелому настроению по поводу смерти друга. Уже 22 января он обедал в Английском Клубе, на людях, и «всё время обеда проболтал» «Русск. Арх.» 1902 г., кн. I, стр. 48), а через два дня посетил приехавшего в Москву кн. Вяземского, где с Д. В. Давыдовым и А. Я. Булгаковым вел разговоры о политике (там же, стр. 49). По поводу этой характеристической черты и заключительного призыва Пушкина, заканчивающего его письмо к Плетневу: «постараемся быть живы», П. В. Анненков писал: «Какая-то особенная бодрость духа не покидала Пушкина в минуты самых тяжелых ударов. Она не изменила ему и в муках смертного одра, как известно, и всегда находила исток болезненному чувству, возбраняя жалобу, уныние и нравственную слабость» («Материалы», изд. 1855 г., стр. 315).

402. *Е. М. Хитрово.* 21 января [1831 г.] (стр. 9—10). Впервые напечатано в изданном Пушкинским Домом сборнике: «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Лгр. 1927 г., стр. 14—15; подлинник, — на почтовой бумаге большого формата, с водяными знаками: А. Г. 1829, — в ИРЛИ (Пушкинском Доме) Академии Наук СССР; проколот в карантине при окуривании.

Перевод: Вы совершенно правы, упрекая меня за мое пребывание в Москве. Не поглупеть в ней невозможно. Вы знаете эпиграмму на общество скучного человека:

Я не один, и нас не двое...

Это эпиграф к моему существованию. Ваши письма — единственный луч, проникающий ко мне из Европы. — Помните ли Вы то доброе время, когда газеты были скучны? Мы на это жаловались. Поистине, если мы и теперь недовольны, то трудно нам угодить. — Польский вопрос разрешить легко. Ничто не может спасти Польшу, кроме чуда, а чудес не бывает. Ее спасение в отчаянии: una salus nullam sperare salutem, а это бессмыслица. Только судорожный и всеобщий подъем мог бы дать полякам какую-либо надежду. Стало быть, молодежь права, но одержат верх умеренные, и мы получим Варшавскую губернию, что̀ должно было случиться 33 года назад. Из всех поляков меня интересует только Мицкевич. Он был в Риме в начале восстания. Боюсь, как бы он не приехал в Варшаву, — присутствовать при последних судорогах своего отечества. — Я недоволен нашими официальными сообщениями. В них господствует иронический тон, который не приличествует власти. Всё, что хорошо, т. е. чистосердечие, — исходит от императора; всё, что плохо, т. е. хвастовство

и грубый задор, — исходит от его секретаря. Нет нужды возбуждать русских против Польши. Наше мнение определилось вполне 18 лет тому назад. — Французы почти совсем перестали меня интересовать. Революция должна бы быть уже окончена; а каждый день бросают новые ее семена. Их король с зонтиком подмышкой слишком уже мещанин. Они хотят республику — и они получат ее, но что скажет Европа, и где они найдут Наполеона? — Смерть Дельвига нагнала на меня тоску. Независимо от его прекрасного таланта, это была отлично устроенная голова и незаурядная душа. Он был лучший из нас. Наши ряды начинают редеть — с грустью приветствую Вас. — 21 января. — Письмо Елизаветы Михайловны Хитрово (о ней см. выше, т. II, стр. 249—252, и в указанном сб. «Письма Пушкина к Е. М. Хитрова», Лгр. 1927, стр. 143—204, очерк Н. В. Измайлова: «Пушкин и Е. М. Хитрово») к Пушкину, о котором он упоминает в начале своего ответа, до нас не сохранилось, как и большинство писем к поэту его поклонницы и почитательницы.

— Эпиграмма на общество скучного человека, один стих из которой цитирует Пушкин, — принадлежит хорошо знакомому ему еще с Лицейской поры поэту-лирику Ecouchard-Lebrun (род. 1729—ум. 1807; см. выше, т. I, стр. 360):

O, la maudite compagnie
Que celle de certain fâcheux
Dont la nullité vous ennuie:
On n'est pas seul, on n'est pas deux, —

некогда переложенная Батюшковым:

Всегдашний гость, мучитель мой,
О, Балдус, долго-ль мне дремать с тобой?
Будь крошечку умней или дай жить в покое!
Когда жестокий рок сведет тебя со мной,
Я не один и нас не двое.

(«Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», стр. 208, в статье Б. В. Томашевского).

— Перевод латинской фразы: «Одно спасение — не надеяться ни на какое спасение» («Энеида» Виргилия, песнь II, ст. 354); в оригинале: «una salus victis nullam sperare salutem». Пушкин опустил слово «victis» (побежденным).

— Адам Мицкевич (см. выше, т. II, стр. 122, 496) в это время находился в Риме, и Пушкин, зная его глубокий патриотизм, опасался, что он спешит на родину, чтобы принять участие в ее борьбе за освобождение, — борьбе, в гибельном исходе которой для Польши Пушкин не сомневался. Опасения эти могли, между прочим, основываться у Пушкина на, может быть, переданном ему М. П. Погодиным известии из письма к последнему С. П. Шевырева, который писал, 13 декабря 1830 г. — 1 января 1831 г., из Рима: «у здешнего франц. посл. был приемный вечер: он, узнавши, что здесь много поляков, ко всем разослал приглашения. Ни один не поехал. — Мицкевич очень грустен и даже похудел в эти дни» (см. «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Лгр. 1927, стр. 263).

— Секретарем, т. е. статс-секретарем Николая I, привлекавшимся к составлению манифестов и других важнейших актов, был в то время

 Д. Н. Блудов; им был составлен манифест от 12 декабря (см. «Русск. Арх.» 1872 г., кн. II, ст. 1296), но, например, воззвание к войскам и народу Царства Польского от 5/17 декабря о начале восстания было составлено не им (там же, ст. 1307), равно как и прибавления к «Journal de St-Pétersbourg» о польских делах были составлены кем-то другим (там же, ст. 1302), хотя, по словам А. Я. Булгакова, они и понравились Пушкину («Русск. Арх.» 1902 г., кн. I, стр. 49); манифест же 25 января 1831 г. был снова написан Блудовым («Русск. Арх.» 1873 г., кн. III, ст. 2069).

— Король с зонтиком подмышкой — Луи-Филипп (род. 6 октября 1773), занявший престол французских королей после Июльской революции 1 августа 1830 г. и свергнутый Февральской революцией 1848 г., провозгласившей республику. О его буржуазных привычках и повадках писалось много в газетах; так, например, 12 августа в официозном «Journal des Débats» сообщалось: «Сегодня утром король вышел пешком с зонтиком в руке. Он был узнан и окружен толпой; теснимый рукопожатиями и приветствиями, он принужден был вернуться при единодушных криках: «Да здравствует король Филипп!». Зонтик Луи-Филиппа стал одною из любимых острот по адресу новой монархии (см. «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Лгр. 1927, стр. 325 и 313 (по поводу слов Пушкина «они хотят республику»).

— О смерти Дельвига см. выше, стр. 171—174; Е. М. Хитрово узнала о ней, вероятнее всего, от О. М. Сомова, друга Дельвига, редактора «Литературной Газеты», дававшего уроки русского языка дочери и зятю Хитрово — графине и графу Фикельмон (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 148), а может быть и из газет, — например, из «Северной Пчелы» от 16 января 1831 г., № 12, где на стр. 1-й было сообщено о кончине коллежского асессора барона А. А. Дельвига, «известного в Русской Литературе прекрасными своими стихотворениями».

403. *П. А. Плетневу.* 31 января [1831 г.] (стр. 10—11). Впервые напечатано в «Современнике» 1838 г., т. X, стр. 45 (отрывок); в «Портретной и биографической галлерее словесности, наук, художеств и искусств в России. I. Пушкин-Брюлов» (портреты Соколова), С.-Пб. 1841, стр. 11 (отрывок); в «Современнике» 1854 г., т. XLVII, № 9, стр 59 (отрывок); в «Материалах» Анненкова, изд. 1855 г. (отрывок); в Сочинениях, изд. 1882 г., т. VII, стр. 290 (отрывок); в Сочинениях П. А. Плетнева, т. III, С.-Пб. 1885, стр. 362—364 (полностью, с подлинника, но не совсем точно); в Акад. изд. Переписки (то же); у нас печатается точно по подлиннику, находящемуся в **ИРЛИ** (Пушкинском Доме), на листе почтовой бумаги большого формата, с водяными знаками: А. Г. 1829, проколотой в карантине при окуривании.

— Письмо Плетнева, на которое отвечает Пушкин, до нас не сохранилось.

— О получении 2000 руб. Пушкин уведомлял Плетнева и в письме от 7 января (см. выше, № 396); эти деньги были за «Бориса Годунова» (см. ниже, № 443); из письма Плетнева Пушкину от 22 февраля видно, что «Годунов» был продан за 10 000 руб., которые были израсходованы так: 4000 были посланы Пушкину, 5000 отданы Дельвигу как долг, а 1000 руб. была выдана баронессе С. М. Дельвиг за выкупленный у нее Пушкиным свой портрет работы Кипренского (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 224).

— Латинская фраза значит: «Достаточно, господине, достаточно!» № 403

— Софья Михайловна — баронесса Дельвиг, вдова поэта Антона Антоновича, рожд. Салтыкова (о ней см. выше, т. I, стр. 470—471 и 519 и др. и т. II, стр. 141 и др.). После неожиданной смерти мужа она осталась в очень затруднительном материальном положении, так как на другое же утро по кончине поэта обнаружено было, что из бюро Дельвига, стоявшего в его кабинете, где он и умер, было украдено все его состояние, — по расчету брата С. М. Дельвиг — Михаила Михайловича Салтыкова — и Михаила Лукьяновича Яковлева (лицейского товарища Пушкина и Дельвига), ухаживавших за Дельвигом во время его болезни и проводивших в его доме ночь после его смерти, — исчезло более 60 000 рублей ассигнациями, а именно — часть приданого, полученного Дельвигом за женой в сумме 100 000 руб. ассигнациями, и 5000 руб., полученных «на зубок» дочерью его Елизаветой от деда, М. А. Салтыкова; нашлись же заемные письма разных лиц, коим Дельвиг давал деньги, — на сумму 40 000 руб. — и немного наличными (Бар. А. И. Дельвиг, «Мои воспоминания», т. I, М. 1912, стр. 122—123). Таким образом, Пушкин, у которого, вероятно, были денежные счеты с Дельвигом, поспешил возвратом долга поддержать вдову друга в трудную минуту, пока она не оправится.

— Мысль о том, чтобы «помянуть» Дельвига выпуском новой книжки его альманаха «Северные Цветы» в пользу его семейства, пришедшая, повидимому, Плетневу, была осуществлена в конце 1831 г., когда Пушкин при участии Плетнева выпустил «Северные Цветы на 1832 год» (см. ниже, № 412, 439, 441, 449, 458, 471, 475); экземпляр этого издания еще в 1917 г. мы видели у внука Плетнева, соименного ему Петра Александровича Плетнева [ныне он принадлежит П. П. Щеголеву. *Ред.*], — с надписью Пушкина: «Плетневу от Пушкина. В память Дельвига 1832 15 февр. С. П. Б.» (см. «Пушкин и его соврем.», вып. XVI, стр. 36, примеч. [и факсимиле в «Литературном Наследстве», № 16—18, стр. 595. *Ред.*]). 27 января Пушкин «поминал» Дельвига за дружеской трапезой, о которой поэт Н. М. Языков писал брату: «Вчера совершалась тризна по Дельвиге. Вяземский, Боратынский, Пушкин и я, многогрешный, обедали вместе у Яра, — и дело обошлось без сильного пьянства» («Историч. Вестн.» 1883 г., № 12 стр. 530—531).

— Сомов — Орест Михайлович (род. 1793—ум. 1833; см. о нем выше, т. I, стр. 290 и др., и т. II, стр. 256, 357, 369 и др.), после запрещения Дельвигу издавать «Литературную Газету» ставший ее номинальным издателем и помогавший Дельвигу в ее редактировании, — человек, искренно привязанный к нему, литератор по профессии, никогда нигде не служивший и существовавший только на литературные заработки, что было в те времена явлением исключительным (см. выше, т. I, стр. 62 и 290). Отвечая Пушкину 22 февраля, Плетнев писал ему о Сомове и «Северных Цветах» в память Дельвига: «Ты упоминал об издании Северн. Цветов. Это непременно сделать надобно с посвящением Дельвигу. Сомова можно будет вознаградить из выручки такою же суммою, какая приходилась на его долю и прежде. Я даже полагаю, что для пользы Сомова надобно будет поступать так и с Литературной Газетой. Он ей не

№ 403 придаст живости, без чего она решительно умрет. Не взяться ли тебе с Вяземским за нее. [1] Будь в каждом ее номере хоть пять строчек то острых, то умных, то живых, и тем она уж поднимется над братиею своею Вам двоим ничего это не будет стоить, а на будущее время она может сделаться верною ареною, при которой Сомов останется на обыкновенном жалованье» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 225). О том, как поразила его смерть Дельвига и как он о нем горевал, прекрасно свидетельствует следующее письмо его к Боратынскому, от 15 января 1831 года, дающее некоторые любопытные подробности о печальном событии и сохранившееся в бумагах Пушкина, которому Боратынский, очевидно, и передал его: «С чего начну я письмо мое, почтеннейший Евгений Абрамович? Какими словами выскажу вам жестокую истину, когда сам едва могу собрать несколько рассеянных, несвязных идей: милый наш Дельвиг — наш только в сердцах друзей и в памятниках талантов: остальное у бога! Жестокая десятидневная гнилая горячка унесла у нас нашего друга! Бедная вдова — да подкрепит ее бог! покамест сносит ужасную свою потерю с геройским самоотвержением: видит, постигает роковое событие, но всё еще хочет себя уверить обманчивою надеждой, помня и выражая святые обязанности матери. Удар этот рушился над нами вчера, в среду, 14-го янв. в 8-мь часов вечера. Ради бога, постарайтесь видеться с Михаилом Александровичем Салтыковым, если он еще по письму своего сына (о крайне опасном положении Барона) не отправился из Москвы; предупредите его: ибо сия смерть не может не сделаться гласною скоро и в Москве, чрез газеты или чрез письма. Право, мысли мои и все душевные силы растерялись: не знаю, что пишу и что писать. Приготовьте Пушкина, который верно теперь и не чает, что радость его возмутится такою горестью. Скажите Кн. Вяземскому, И. И. Дмитриеву и Михайлу Алексан. Максимовичу — и всем, всем, кто знал и любил покойника, нашего назабвенного друга, что они более не увидят его, что Соловей наш умолк на вечность. — Баронесса сама приказала мне писать к вам и к Сергею Абрамовичу. [2] Она тверда, но твердость эта неутешительна: боюсь, чтоб она не слишком круто переламывала себя. Вчерась она плакала, и ей было легче. Малютка здорова; но неспокойна, вероятно, от испорченного молока своей кормилицы-матери. В субботу (17-го в день именин покойника) мы отдадим ему последний братский поцелуй на этом свете. Утрата сия для меня горьче, нежели утрата ближнего родного. Сердце мое сжато и слезы не дают дописать. Весь Ваш О. Сомов» (И. А. Шляпкин, «Из неизданных бумаг А. С. Пушкина», С.-Пб., 1903, стр. 134 — 135).

— Написать «Жизнь Дельвига» Боратынский, к сожалению, так и не собрался, хотя и приступил было к этому труду, переехав летом 1831 г. из Москвы в Казанскую губернию, в имение своего тестя, Л. Н. Энгельгардта, — с. Каймары; отсюда он писал П. А. Плетневу: «Потеря Дельвига для нас незаменяема. Ежели мы когда-нибудь и увидимся, ежели еще

---

[1] Вяземский, с своей стороны, в письме от 31 января старался убедить Плетнева взять «Газету» в свои руки («Изв. Отд. Русск. яз. и слов. Акад. Наук» 1897 г., т. II, кн. 1, стр. 94).

[2] Брату поэта Боратынского, за которого вдова Дельвига через полгода и вышла замуж.

в одну субботу сядем вместе за твой стол, — боже мой! как мы будем еще одиноки! Милый мой, потеря Дельвига нам показала, что̀ такое невозвратно прошедшее, которое мы угадывали печальным вдохновением, что̀ такое опустелый мир, про который мы говорили, не зная полного значения наших выражений. Я еще не принимался за жизнь Дельвига. Смерть его еще слишком свежа в моем сердце. Нужны не одни сетования, — нужны мысли; а я еще не в силах привести их в порядок» («Русск. Стар.» 1904 г. № 6, стр. 519); вскоре затем он писал И. В. Киреевскому: «Теперь пишу я жизнь Дельвига. Это только для тебя» («Татевский Сборник С. А. Рачинского», С.-Пб. 1899, стр. 27). Однако, по словам М. Л. Гофмана, записки Боратынского о Дельвиге, как и многое другое, повидимому бесследно пропали (М. Л. Гофман, «Е. А. Боратынский. Биографический очерк», С.-Пб. 1914, стр. 56). № 403

— Те же мысли о Дельвиге-поэте высказал Пушкин и позже в незаконченной статье своей, предназначавшейся, быть может, для издания собрания стихотворений поэта (см. «Сборник Пушкинского Дома на 1923 г.», Пгр., 1922, стр. 9): он говорит о рано проявившейся живости его воображения, игривости ума, любви к поэзии, о первых опытах его в стихотворстве, в которых уже сказалось «необыкновенное чувство гармонии и той классической стройности, которой никогда он не изменял. Никто не обратил тогда внимания на ранние опресноки столь прекрасного таланта. Никто не приветствовал вдохновенного юношу... Такова участь Дельвига: он не был оценен при раннем появлении на кратком своем поприще; он еще не оценен и теперь, когда покоится в своей безвременной могиле». Опыт оценки произведений Дельвига сделан М. Л. Гофманом в статье приложенной к изданной им книжке: «Дельвиг. Неизданные стихотворения», Пгр. 1922, стр. 7—26. [См. также очерк И. Н. Розанова в его книжке: «Поэты двадцатых годов XIX века», М. 1925, стр. 30 — 61, и в статьях И. А. Виноградова и Б. В. Томашевского в «Полном собрании стихотворений А. А. Дельвига», Л. 1934, стр. 5—102. *Ред.*]

— «Он знал почти наизусть Собрание русских стихотворений, изданное Жуковским. С Державиным он не расставался» — свидетельствует Пушкин в упомянутой выше статье о Дельвиге. «Более того, — пишет М. Л. Гофман, — у Дельвига был настоящий культ Державина, и он с волнением ожидал приезда маститого поэта в Царскосельский Лицей, чтобы поцеловать руку, написавшую «Водопад». С меньшим благоговением, но с большею сердечностью, интимностью относился он к поэзии сердечного чувства и воображения Жуковского, на которой, заслушиваясь пленительною сладостью мелодики ее, воспитались и он, и Пушкин, и Боратынский» (назв. соч., стр. 11).

— «Что̀ душу волнует, что̀ сердце томит» — стих из баллады Шиллера «Граф Габсбургский» в переводе Жуковского (1818 г.), у которого, впрочем, стих этот читается:

Что̀ душу волнует, что̀ сердце манит.

— Туманский — Василий Иванович (род. 23 февраля 1800—ум. 23 марта 1860), даровитый поэт, с которым Пушкин познакомился в 1823 г. в Одессе, где Туманский служил, как и Пушкин, в канцелярии новороссийского

№ 403 генерал-губернатора гр. М. С. Воронцова (о нем см. выше в тт. I и II, по указателю). Упоминая о нем по поводу знакомства с ним в Одессе, Вигель пишет про Туманского, что он «почитал себя совершенно равным Пушкину, основываясь на том, что был с ним почти ровесником, в одних чинах и «пописывал стихи», хотя и «преплохие». Стихи не есть еще поэзия, — а ни малейшей искры ее не было в душе Василия Ивановича, принадлежащего к известному в Малороссии по надменности своей роду Туманских. Самодовольствие его, хотя учтивое, делало общество его не весьма приятным; ему нельзя было совсем отказать в уме; но, подобно фамильному имени его, он светился сквозь какой-то туман. Всегда бывал он пристоен, хладнокровен; иногда же, когда вздумается ему казаться веселым, и он захочет сказать или рассказать что-нибудь смешное, никого как-то он не смешил» («Записки», ч. VI, стр. 119—120). [Отзыв Вигеля, несомненно, пристрастен и несправедлив, в особенности в оценке поэтического дара Туманскаго и его отношения к Пушкину. — *Ред.*] Начав печатать свои стихотворения еще с 1817 г., Туманский в 20-х годах помещал свои произведения во всех главнейших журналах и альманахах, до Пушкинского «Современника» включительно. К Пушкину-поэту он питал восторженное поклонение и однажды, в письме к А. А. Бестужеву, с которым был близко знаком (как и с Рылеевым, Кюхельбекером и др.), назвал его «Иисусом Христом нашей поэзии» («Русск. Стар.» 1888 г., № 11, стр. 319), а в интересном и содержательном письме к Пушкину от 2 марта 1827 г. наименовал его — «мой соловей» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 7—9; другое его письмо к Пушкину, от 12 и 20 апреля 1827 г., там же, стр. 22—23 и 24). Пушкин, из переписки которого с Туманским дошло до нас два письма, — по обыкновению, переоценивал талант Туманского, хотя, в 1824 г., и писал про него: «он славный малый, но, как поэта, я не люблю его» (см. выше, т. I, стр. 70); за то в 1827 г. в наброске статьи об альманахе «Северная Лира», предназначавшейся для «Московского Вестника», он писал, что из стихотворений этого альманаха «Греческая песня, Туманского, к Одесским друзьям, [1] его же, отличаются гармонией, точностию слога и обличают решительный талант» («Пушкин и его соврем.», вып. XXIII—XXIV, стр. 1). И. В. Киреевский в своем «Обозрении русской словесности за 1829 год» в «Деннице на 1830 год» писал, говоря, что «влияние Итальянское или, лучше сказать, Батюшковское заметно у немногих наших стихотворцев»: «Туманский отличается между ними нежностью чувства и музыкальностью стихов...» Сопоставление лицейских «Стансов» Пушкина («Из Вольтера») и перевода Туманского той же пьесы см. в сб. «Пушкин и его соврем.», вып. XXIX — XXX, стр. 2—4. О Туманском см. в сб. «Пушкин», под. ред. М. П. Алексеева, вып. III, Одесса, 1927, стр. 90—91. — Назначенный, в 1828 г., состоять при председателе Диванов Молдавии и Валахии гр. Палене, по дипломатической части, Туманский принимал затем участие в редактировании Адрианопольского мирного трактата, а по заключении мира с Турциею состоял при гр. П. Д. Киселеве, управлявшем в то время делами княжеств Молдавии и Валахии, и числился по Азиатскому Департаменту Коллегии Иностранных Дел (Стихотворения

[1] В этом стихотворении упоминаются «Пушкина пленительные звуки».

В. И. Туманского, С.-Пб. 1881, стр. XXII). О пребывании в Эски-Сарае № 403
«Василия Туманского, любезного товарища и поэта», в октябре 1829 г., упоминает в своих письмах Ф. П. Фонтон («Воспоминания. Юмористические, политические и военные письма», т. II, Лейпциг, 1862, стр. 166); в декабре Туманский находился в Бургасе с дипломатическою канцелярией, в компании молодежи Главной квартиры («Тут поют и беседуют; шумное веселье не перестает. Мы часто Беранже, а иногда и «Капитана» Пушкина [1] пропеваем», — там же, стр. 182), лето провел, повидимому, на родине, на Украине (Стихотворения и письма В. И. Туманского, под ред. С. Н. Браиловского, С.-Пб. 1912, стр. 309), а в октябре был в Петербурге, откуда через бар. А. А. Дельвига передавал поклон кн. П. А. Вяземскому, а когда Дельвиг умер, он посвятил ему коротенькую заметку: «Ко гробу бар. Дельвига» («Литературная Газета» 1831 г., т. III, № 4, стр. 32). Затем он, проездом обратно в Яссы, посетил Москву, — повидимому, недели через три после женитьбы Пушкина, и в письме из Орла, от 16 марта 1831 г., сообщил своей кузине, С. Г. Туманской, любопытный рассказ о свидании с молодою четою Пушкиных (там же, стр. 310—311): «Пушкин радовался, как ребенок, моему приезду, оставил меня обедать у себя и чрезвычайно мило познакомил меня со своею пригожею женою» и т. д. Один любопытный случай при встрече Туманского с Пушкиным в Москве в 1828—1829 г. рассказывает А. В. Никитенко в своем «Дневнике» со слов А. С. Норова (Записки и Дневник, С.-Пб. 1906, стр. 240). [О Туманском и Пушкине см. новейшие данные в работе Ю. Н. Тынянова в «Литературном Наследстве», № 16—18, стр. 350—356. *Ред.*]

— Стихи Гнедича, посланные было им в «Северную Пчелу»,— его стихотворение «На смерть барона А. А. Дельвига»; не принятые Н. И. Гречем (помощником Ф. Булгарина по редактированию «Северной Пчелы») вследствие враждебных отношений, существовавших между этой газетой и Дельвигом, они появились на стр. 29-й № 4 «Литературной Газеты», перед «Некрологией» поэта, написанной с большим чувством Плетневым (стр. 31—32). Узнав, что Греч отказался напечатать стихи Гнедича и вернул их ему при письме, кн. Вяземский писал Плетневу (31 января 1831 г. из Остафьева): «Надобно напечатать стихи Гнедича вместе с письмом к нему Греча. Если у вас нельзя, то отошлите в Москву в «Телескоп» или в «Денницу», альманах, готовимый Максимовичем. Должно вывести этих негодяев к позорному столбу. Вот эпиграмма, которая ходит по Москве, не знаю, чья она, но чья бы ни была, она хороша, потому что дает пощечину кому подобает:

Фиглярин — вот поляк примерный,
В нем истинных Сарматов кровь:
Смотрите, как в груди сей верной
Хитра к отечеству любовь.
То мало, что из злобы к Русским,
Хоть от природы трусоват,
Он бегал под орлом Французским
И в битвах жизни был не рад:

[1] То есть «Рефутацию Беранжера».

№ 403

Патриотический предатель,
Расстрига, самозванец сей
Уж не поляк, уж наш писатель,
Уж Русский к сраму наших дней.
Двойной присягою играя,
Поляк в двойную цель попал:
Он Польшу спас от негодяя
И Русских братством запятнал!

(«Изв. Отд. Русск. яз. и слов. Акад. Наук» 1897 г., т. II, кн. 1, стр. 94—95); об этой эпиграмме см. заметку Н. О. Лернера в «Русск. Стар.» 1908 г., № 1, стр. 113—117). Кроме упомянутых стихов, Гнедич написал также двустишие на погребение Дельвига; вот эти стихотворения:

На смерть
Барона А. А. Дельвига.

Милый, младый наш певец! на могиле, уже мне грозившей,
Ты обещался воспеть Дружбы прощальную песнь; [1]
Так не исполнилось! Я над твоею могилою ранней
Слышу надгробный плач Дружбы и Муз и Любви!
Бросил ты смертные песни, оставил ты бренную землю,
Мрачное царство вражды, грустное светлой душе!
В мир неземной ты унесся, небесно-прекрасного алчный;
И, как над прахом твоим слезы мы льем на земле, —
Ты, во вратах уже неба, с фиалом бессмертия в длани,
Песнь несловесную там с звездами утра поешь.

К нему же,
при погребении.

Друг, до свидания! Скоро и я наслажусь своей частью:
Жил я, чтобы умереть; скоро умру, чтобы жить!

Обе пьесы напечатаны в «Стихотворениях Н. Гнедича», С.-Пб., 1832, стр. 185—186 (рядом со стихотворением: «А. С. Пушкину, по прочтении сказки его о Царе Салтане и проч.», стр. 187).

— St. Florent — петербургский книгопродавец. По поводу долга ему Пушкина Плетнев отвечал 22 февраля: «Надеюсь, что Белизар доставил тебе известие о полученных им от меня деньгах за все книги, взятые тобою в разные эпохи из его магазина, а также и переслал тебе остававшиеся у него томы Латинских классиков. На уплату этого долга я употребил деньги из твоих доходов Смирдинских (что за все старое пойдут на четыре года)» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 226). Что касается Сен-Флорана, то вот что Булгарин в «Литературных Листках» 1824 г. (ч. I, № 6, стр. 219) сообщает о нем: «Отец г. Сен-Флорана, Французский дворянин, выехал в Россию во время ужасов Французской революции, а сам он, по страсти к книгам и литературе, избрал для себя звание книгопродавца, в котором он отличается вежливостью образованного

[1] Покойный Дельвиг, во время опасной болезни Автора, в дружеских с ним разговорах, обещал написать стихи в случае смерти его (*Прим. Редакции «Литературной Газеты»*).

светского человека, благородными приемами старого дворянина и честностью негоцианта, промышляющего более о своей доброй славе, нежели о временных выгодах». «По словам E. Dupré de St.-Maure'a в его книге «L'Hermite en Russie» (Paris, 1829, t. I, p. 134—138), Сен-Флоран к тому времени, которое Дюпре де-Сен-Мор провел в России (1819—1824 гг.), жил в Петербурге уже 30 лет, — следовательно, приехал в Россию около 1790 г.; он называет его придворным книгопродавцем и одним из наиболее выдающихся представителей местной французской колонии; к сожалению, мы не знаем, имеет ли этот книгопродавец Сен-Флоран отношение к Франциску Сен-Флорану, который, значась, по Формулярному о нем списку за 1802 год, уроженцем Франции, 58 лет от роду, был принят, из майоров Французской службы, в 1-й Кадетский Корпус, по именному повелению, 17 апреля 1797 г., с чином коллежского асессора, и находился, в 1803 г., при надзирании за воспитанниками (Сенатский Архив. Формулярные списки 1802 г., № 11, л. 7, и 1803 г., № 13, л. 7), причем указано, что сын его Домерк (sic) прибыл к нему из Франции 8 августа 1802 г.— В 1820 г. магазин Сен-Флорана упоминается в «Сыне Отеч.» (ч. 60, № 12), а в 1824—1825 г. в письмах А. И. Тургенева («Остаф. Архив», т. III) и самого Пушкина (см. выше, т. I, стр. 96, 120, 129) и Плетнева (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 273, 298, 320). Из письма Жуковского к А. И. Тургеневу из Петербурга от 27 ноября 1827 г. видно, что уже к этому времени «место» Сен-Флорана «заступил» упомянутый в ответе Плетнева Фердинанд Беллизар («Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу», под ред. И. А. Бычкова, М. 1895, стр. 230), книгопродавец, с которым впоследствии до самой смерти Пушкин имел постоянные дела по приобретению книг для своей библиотеки, причем остался ему должен, так что с Беллизаром, который писал Пушкину об уплате долга, расплачивалась уже опека (см. Б. Л. Модзалевский, «Архив опеки над детьми и имуществом Пушкина» — «Пушкин и его соврем.», вып. XIII, pass.; Акад. изд. Переписки, т. III, стр. 470 и 472—473). Магазин Беллизара был на Невском, у Полицейского моста (Б. Л. Модзалевский, «Библиотека А. С. Пушкина», С.-Пб., 1910, стр. 259, 302, 369), и впоследствии принадлежал фирме Мелье (Сочинения П. А. Плетнева, т. III, С.-Пб. 1885, стр. 367, примеч.), а затем до 1917 г. — С. Н. Трофимову и помещался все это время на Невском в доме Голландской церкви у Полицейского моста. № 403

— Вдова — баронесса Софья Михайловна Дельвиг; она была ученицей Плетнева (в 1823—1824 гг.) по петербургскому частному пансиону Елизаветы Даниловны Шрётер. Плетнев с большим расположением и, кажется, не без сердечной нежности относился к своей даровитой и симпатичной ученице, дочери почетного члена «Арзамаса», и она, в свою очередь, питала к нему чувства дружеского уважения и симпатии (заглазно она называла его нежным именем «Плетинька»), очень любила его уроки и ему, повидимому, была обязана развитием большой любви к словесности вообще и к русской в особенности, в частности — к произведениям Пушкина, которые были для нее кумиром: судя по ее письмам к пансионской подруге А. Н. Семеновой (хранящимся в Пушкинском Доме [см. посмертный сборник статей Б. Л. Модзалевского, «Пушкин», Лгр. 1929, стр. 125—273, в статье «Пушкин, Дельвиг и их петербургские друзья

 в письмах С. М. Дельвиг». — *Ред.*]), она знала наизусть многие его произведения. От Плетнева же знала она о Боратынском, Рылееве, Бестужеве, наконец, о Дельвиге, за которого вышла замуж 30 октября 1825 г. Она помнила стихи их на память, и имена этих поэтов то и дело мелькают в ее переписке. С Плетневым она поддерживала отношения и впоследствии, хотя после выхода ее за Боратынского сердечной близости между ними не было (см. Б. Л. Модзалевский, «Роман декабриста Каховского», Лгр. 1926, стр. 24). О бар. С. М. Дельвиг много рассказывает бар. А. И. Дельвиг в своих «Воспоминаниях» (т. I, М. 1911, pass.); Д. Н. Блудов, сообщая своей семье за границу о смерти Дельвига, писал (21 января): «Вдова его ждет отца и вероятно поедет с ним в Москву» («Русск. Арх.» 1873 г., кн. III, ст. 2069). Однако ни М. А. Салтыков не приехал за дочерью, ни она сама не поехала к нему, а осталась в Петербурге и в июне тайком от родных и друзей обвенчалась с С. А. Боратынским, после чего уже надолго покинула Петербург (см. Б. Л. Модзалевский, «Роман декабриста Каховского», Лгр. 1926, стр. 114—116 [а также указ. статью в сб. Б. Л. Модзалевского «Пушкин», стр. 262—266. — *Ред.*]).

404. *Е. М. Хитрово* [начало (до 9-го) февраля 1831 г.] (стр. 11). Впервые напечатано в издании Пушкинского Дома Академии Наук «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Лгр. 1927, стр. 16—17, подлинник — на листе почтовой бумаги большого формата, с водяными знаками: А. Г. 1830, сложен конвертом, с пометкой карандашом, рукою Хитрово: «Пушкин». — в ИРЛИ (Пушкинском Доме) Академии Наук СССР.

— Письмо Е. М. Хитрово, на которое отвечает Пушкин, до нас не сохранилось.

Перевод: Большое счастье для Вас иметь душу, способную всё понять и всем интересоваться. Волнение, которое Вы среди судорог Европы проявляете к смерти поэта, — явное доказательство этого всеобъемлющего чувства. Если бы вдова моего друга была в бедственном положении, поверьте, что только к Вам обратился бы я за помощью. Но Дельвиг оставил двух братьев, для которых он был единственной поддержкой: нельзя ли устроить их в Пажеский Корпус?—Мы ждем решения судьбы. Последний манифест императора удивительно прекрасен. Повидимому, Европа останется только зрительницей наших действий. Великий принцип возникает из недр революций 1830 года: принцип невмешательства, который заместит принцип легитимизма, поруганный от одного конца Европы до другого; не такова была система Канинга. — Итак, г-н Мортемар в Петербурге, а в Вашем обществе еще один любезный и исторический человек; как мне досадно, что я еще не там, и как я пресыщен Москвой и ее татарским ничтожеством. Вы говорите мне об успехе «Бориса Годунова»; по правде, я не могу этому верить. Успех совершенно не входил в мои расчеты, когда я писал его. Это было в 1825 году — и понадобилась смерть Александра, неожиданное благоволение ко мне нынешнего императора, его великодушие, его широкий и свободный взгляд на вещи, чтобы моя трагедия могла выйти в свет. К тому же всё хорошее в ней так мало рассчитано на то, чтобы поражать почтеннейшую публику (то-есть ту сволочь, которая нас судит), и раскритиковать меня вполне основательно так легко, что я думал доставить удовольствие только дура-

кам, которые могли бы выказать остроумие за мой счет. — Но в этом мире есть только удача и неудача, и *delenda est Varsovia.* № 404

— Вдова поэта барона А. А. Дельвига — Софья Михайловна Дельвиг, рожд. Салтыкова. См. о ней выше, стр. 187, в примечаниях к предыдущему письму, а также том I, стр. 470—471 и 519, т. II, стр. 141 и др.

— Братья Дельвига — бароны Александр (род. 28 августа 1816, ум. 2 декабря 1882)) и Иван (род. 9 августа 1819, ум. 18..) Антоновичи. «Чтобы облегчить положение матери и дать образование своим братьям, которые слишком двадцатью годами были его моложе, Дельвиг привез их в Петербург», — читаем в «Воспоминаниях» бар. А. И. Дельвига: «Братья эти — Александр и Иван Антоновичи — жили у него и учились за его счет. Старший выказывал много способностей в учении и хороший характер; младший ни в том, ни в другом не походил на брата» (ч. I, стр. 79). Часто бывавшая у Дельвига в это время А. П. Керн, говоря о доброте поэта, пишет: «Я помню, как ласкал он своих маленьких братьев, семи- и восьмилетних малюток, выписав их вскоре по возвращении своем из Харькова. Старшего, Александра, он звал классиком, а младшего, Ивана, — романтиком, и под этими именами представил их однажды Пушкину. Александр Сергеевичь нежно ласкал их, и когда Дельвиг объявил, что меньшой уже сочинил стихи, он пожелал их услышать, и малютка-поэт, не конфузясь нимало, медленно и внятно произнес, положив обе ручки в руки Пушкина:

Индияди, Индияди, Индия!
Индиянда, Индиянда, Индия!

Александр Сергеевич, погладив поэта по голове, поцеловал и сказал: „Он точно романтик“ (Л. Майков, «Пушкин», С.-Пб. 1899, стр. 261). После смерти барона А. А. Дельвига вдова его, по недостатку средств, не могла более платить в пансион за маленьких братьев своего мужа, с которыми поэтому занимался у нее на дому их двоюродный 17-летний брат, автор цитированных «Воспоминаний», бар. А. И. Дельвиг (ч. I, стр. 124—125). В Пажеский Корпус они не поступили, и, где учились, нам неизвестно. Впоследствии бар. Александр Антонович служил в гвардии, вышел в отставку штабс-капитаном, в 1859 г. служил окружным начальником ведомства Министерства Государственных Имуществ в Зарайском уезде Рязанской губернии и умер в Туле; был женат на Хионии Александровне Чапкиной и оставил большое потомство в лице пяти сыновей и двух дочерей. Барон Иван Антонович женат был на графине Александре Петровне Толстой, но умер бездетным (В. И. Чернопятов, «Родословец Тульской губ.». Добавл., М. 1912, стр. 49). Участие Пушкина в судьбе братьев Дельвига выразилось в ходатайстве его о них перед Е. М. Хитрово и в издании в их пользу альманаха «Северные Цветы на 1832 год», вышедшего в свет к Рождеству 1831 г., с обильным вкладом самого Пушкина, Жуковского, Боратынского, Вяземского и др. (см. ниже, в письмах № 403, 439, 458 и др.).

— Последний манифест — от 25 января 1831 г.; он был составлен статс-секретарем Д. Н. Блудовым (некогда сотоварищем Пушкина по «Арзамасу», а в это время состоявшим товарищем министра народного просвещения, членом Государственного Совета и главноуправляющим духовными делами иностранных исповеданий) и был вызван вынесенным

 *

№ 404 Сеймом 13 января 1831 г. постановлением о том, что царствование дома Романовых в Польше прекратилось и польский престол — вакантен. «Посылаю... новый манифест о делах Польских, — писал Блудов жене 28 января (9 февраля) 1831 г. — Он одобрен и подписан государем в прошедшее воскресенье, после спектакля в Эрмитаже, а вчера прочтен в Сенате и обнародован. Вы в нем увидите те же чувства великодушного и благоразумного милосердия, но и ту же сообразную с достоинством монарха твердость, коими ознаменованы все действия нашего государя в отношении к несчастному краю, приведенному на край погибели толпою злодеев и безумцев. Надеюсь, что мне удалось не совсем слабо выразить все эти прекрасные чувства. Государь был очень доволен моим проектом и сказал: «В изъявление благодарности обнимаю тебя» («Русск. Арх.» 1873 г., кн. III, ст. 2069).[1] Вот текст этого манифеста, названного Пушкиным «admirable» («удивительно прекрасным»): «Манифестом нашим от 12 Декабря минувшего года мы объявили верным нашим подданным о возникшем в Царстве Польском возмущении. Тогда, в самом праведном нашем негодовании на мятежников, готовясь смирить и наказать их, мы еще утешали себя надеждою спасти заблуждающихся и обольщенных. Гласом истины и новыми знаками милосердия мы хотели возвратить их к долгу и с тем вместе, оживив бодрость в благомыслящих, устрашенных первыми ужасами бунта, дать им возможность остановить успехи оного и счастливым противодействием доказать свету, что не весь народ Царства Польского достоин презренного названия изменников. Мы и ныне удостоверены, что сей народ несчастный есть токмо слепая жертва немногих злодеев. Но сии вероломные продолжают им властвовать: они готовят оружие на Россию, в безумстве своем призывают верных подданных наших к предательству и, наконец, 13 сего месяца, среди мятежного противозаконного сейма, присвоивая себе имя представителей своего края, дерзнули провозгласить, что царствование наше и дома нашего прекратилось в Польше, а что трон, восстановленный императором Александром, ожидает иного монарха. Сие наглое забвение всех прав и клятв, сие упорство в зломыслии исполнили меру преступлений; настало время употребить силу против незнающего раскаяния, и мы, призвав в помощь всевышнего, судию дел и намерений, повелели нашим верным войскам итти на мятежников. Россияне! В сей важный час, когда с прискорбием отца, но с спокойной твердостию царя, исполняющего священный долг свой, мы извлекаем меч за честь и целость державы нашей, соедините усердные мольбы свои с нашими мольбами пред олтарем всевидящего, праведного бога. Да благословит он оружие наше, для пользы и самих наших противников; да устранит скорою победою препятствия в великом деле успокоения народов, десницею его нам вверенных, и да поможет нам, возвратив России мгновенно отторгнутый от нее мятежниками край, устроить будущую судьбу его на основаниях прочных, сообразных с потребностями и благом всей нашей империи, и положить

---

[1] В составлении важных бумаг Блудову помогали А. И. Кошелев и кн. В. Ф. Одоевский, — см. «Записки А. И. Кошелева», Берлин 1884, стр. 23—24.

навсегда конец враждебным покушениям злоумышленников, мечтающих № 404
о разделении. Верные подданные наши! Сия цель достойна ваших трудов и усилий; вы привыкли не щадить их за нас и отечество. Дан в Санктпетербурге, 25-го Генваря, в лето от Рождества Христова тысяча восемьсот тридцать первое, царствования нашего в шестое». — «Манифест этот, которому незадолго перед тем предшествовали две прокламации графа Дибича к Польским войскам и народу, сопровождался вступлением русской армии на территорию Царства Польского. Таким образом, жребий был брошен, и обе борющиеся стороны, конечно, вполне отдавали себе отчет в исключительной важности момента. При этом и в России, и в Польше возникли — в первой опасения, а во второй — надежды на вмешательство в польские дела западно-европейских государств. Как известно, основания к этому были довольно веские. Дело в том, что либеральные западно-европейские круги склонны были смотреть на дело Польши как на «дело всемирное, дело справедливости, человеколюбия, свободы» (по выражению одной английской газеты). В то же время правительства этих стран смотрели на Польское восстание как на удобное средство к ослаблению сил России...» Это положение было использовано поляками. Уже первый манифест, изданный Сеймом, в значительной мере преследовал цель обратить на это дело внимание европейских держав. Затем «польское правительство послало к иностранным дворам своих дипломатических агентов: в Англию — маркиза Велепольского, во Францию — сначала интенданта Волицкого, а затем генерала Княжевича, в Швецию — графа Романа Залусского, в Турцию — графа Линовского и т. д. Агентов этих правительства разных стран принимали по-разному, но все-же в громадном большинстве случаев выслушивали и не совсем были чужды мысли о возможном восстановлении Польши с вознаграждением России и Австрии за счет Турции, а Пруссии за счет Саксонии» («Gazette de France»). Особенно сочувственно относились к полякам во Франции... Здесь в поляках склонны были видеть авангард культурной Европы, храбро кинувшийся на борьбу с диким русским великаном, русским медведем. Удачам поляков радовались, как своим удачам, их поражения принимались, как свои поражения... Газеты и журналы постоянно печатали полонофильские статьи... Французская изящная литература во главе с виднейшими ее представителями, как Виктор Гюго, Казимир Делавинь и Беранже, славили Польшу и поляков за их отвагу в геройской борьбе.[1] В Париже был организован особый Польский Комитет, выпустивший в феврале 1831 г. воззвание, в котором, между прочим, старался исторически обосновать правоту борьбы поляков; французское общество во главе с престарелым Лафайетом принимало во всем этом самое живое и деятельное участие. Торжественная панихида по Костюшке (23 февраля 1831 г.) и ряд других демонстраций, из которых одна даже сопровождалась попыткой разгро-

---

[1] В своей интересной книге «Aleksander Puszkin» (Kraków, 1926) Wacław Lednicki дает весьма яркую и полную картину тогдашних западно-европейских, в частности — французских отношений к восстанию в Польше. При этом автор вполне основательно подчеркивает важность для Пушкина того участия, которое принимали в этом его французские собратья по перу. — *М. Б⟨еляев⟩.*

№ 404 мить здание русского посольства, свидетельствуют об этом. В Палате Депутатов Эдуард Бинион, Моген, генерал Ламарк и Лафайет постоянно выступали с требованиями интервенции сначала лишь мирной, а позднее даже и военной. Среди всех этих явлений Французское правительство должно было всячески стараться вести какую-то среднюю линию, которая, с одной стороны, не слишком раздражала бы общественное мнение, а с другой — не давала бы явных поводов Русскому правительству говорить о вмешательстве Франции в те дела, которые оно считало своими внутренними. Некоторый возможный нажим на Россию все же пытались сделать, причем исполнителем этого был выбран герцог Мортемар, которому, при отправлении к русскому двору, была поручена, между прочим, и поддержка польских интересов, что он, действительно, и старался всячески делать. — В Англии, Германии и других странах Польское восстание не возбуждало таких волнений и симпатий, однако и здесь большинство общества было явно на стороне поляков, как это видно из газет, журналов и отдельных специальных изданий, а правительства не вполне были чужды мысли о возможности дипломатического вмешательства». Особенно активизировались эти настроения в Европе, после того как медленность и нерешительность фельдмаршала Дибича создали иллюзию истощения военных сил России; а холера и бунты внутри империи — надежду на возможность в ней самой революционного движения. Всему этому Пушкин противопоставляет принцип «невмешательства» (в дела чужих государств), провозглашенный правительством Луи-Филиппа как основа международной политики (см. «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», стр. 274 — 276, 327 — 330 и 335).

— Каннинг — английский государственный деятель и писатель лорд Джордж Каннинг (George Canning, род. 1770 — ум. 1827), с 1807 по 1809 г. был министром иностранных дел, в 1814 — 1816 гг. английским посланником в Лиссабоне, с 1822 г. снова министром иностранных дел, и в конце жизни — главой кабинета министров. Противопоставляя политику «невмешательства» системе Каннинга, Пушкин имел в виду внешнюю политику Каннинга, выразившуюся в признании отделившихся от Испании американских колоний — Мексики, Колумбии и Аргентины — и особенно в признании Греческой независимости. Каннинг привлекал внимание Пушкина также в качестве писателя. См. заметку, опубликованную Н. К. Козминым в сб. «Атеней», кн. I — II, 1924, стр. 5. [Стихи Каннинга находились в французском переводе в библиотеке Пушкина в издании 1827 г. (Б. Л. Модзалевский, «Библиотека А. С. Пушкина», № 704). — *Ред.*] Имя Каннинга упоминается в так называемом письме Раевскому 1827 г. (см. выше. т. II, стр. 32).

— Мортемар — Casimir-Louis-Victournien de Rochechouart, duc de Mortemart (род. 20 марта 1787) — французский генерал и дипломат. Жизнь его была богата событиями, пестра и интересна по участию его во многих важных исторических моментах. Сын генерала и поэта, в 1791 г. эмигрировавшего в Англию вместе с семьей, — в том числе и с четырехлетним сыном Казимиром, последний воспитывался в Англии и лишь в 1801 г. мог вернуться на родину, в Париж, поступил в 1803 г. на военную службу и сделал прусскую и польскую кампании 1806 — 1807 гг.; в 1811 г. был

взят Наполеоном в ординарцы и с успехом исполнил много важных его № 404
поручений. Присоединившись к великой армии Наполеона в Познани, он совершил поход в Россию и получил за это баронский титул; в сражении при Лейпциге и Ганау был вновь награжден Наполеоном. Одним из первых Мортемар, однако, приветствовал реставрацию Бурбонов, — и Людовик XVIII не замедлил назначить его пэром Франции (4 июня 1814 г.) и капитан-полковником сотни швейцарцев своей гвардии. Во время ста дней он последовал за Людовиком XVIII в Гент, где и оставался до падения Наполеона. Его услуги и преданность королю были последовательно вознаграждены чином генерал-майора и званием маршала (1815), а затем он был пожалован кавалером королевских орденов (1825) и, наконец, назначен посланником в Россию (в марте 1828 г.) — на место Лаферронэ. В апреле 1828 г. Мортемар из Парижа направился прямо на театр начавшейся русско-турецкой войны, так как был приглашен, вместе с некоторыми другими дипломатами, сопровождать Николая I в его поездке в действующую армию. По окончании первой части кампании Мортемар съездил в Париж, откуда прибыл в Петербург лишь в феврале 1829 г., проехав через Вену. При самом въезде в Петербург он был встречен флигель-адъютантом Николая, вручившим ему, при рескрипте от 27 февраля, орден Андрея Первозванного — как знак особого благоволения императора к французскому посланнику за его расположение к России и за дружественные в ее пользу выступления проездом в Вене. В мае 1830 г. Мортемар отправился во Францию, где политическое настроение было уже весьма напряженное. Отпуская Мортемара, Николай I поручил ему передать Карлу X советы быть умеренным и уважать конституцию, во избежание революции (Baron Paul de Bourgoing, «Episodes militaires et politiques», Paris, 1864, p. 469; ср. «Военный Сборник» 1866 г., т. LXIX, отд. II, стр. 139). Приехав во Францию в июне, Мортемар собирался было ехать на воды, когда узнал о революции, вспыхнувшей в Париже 27 июля. Он поспешил в Сен-Клу, к Карлу X, чтобы умолять его принять быстрые и решительные меры против волнений. Король после долгих возражений решил сделать уступку революции, по его мнению достаточную, поручив Мортемару (29 июля) образовать новое министерство, в которое должны были войти Казимир Перье, ген. Жерар и др. с Мортемаром во главе. Мортемар сперва отказывался, говоря, что подобное бремя ему не под силу, но, побежденный настояниями короля, согласился и получил обещание короля немедленно созвать Палату Депутатов. Между тем, колебания Карла задержали Мортемара в Сен-Клу, — и он уже не мог пробраться оттуда в Париж (где собрались депутаты под председательством Лафита), так как и командовавший войсками сын Карла — герцог Ангулемский, не сочувствовавший назначению Мортемара, не выпускал его из Сен-Клу. Когда, наконец, 30 июля Мортемар достиг Парижа, он встретил здесь депутата Берара, который сказал ему фразу, ставшую исторической: «Слишком поздно!» («Il est trop tard!»). Поместившись, тем не менее, в Люксембургском дворце, Мортемар заготовил проекты нескольких законов, направленных к закреплению создавшегося положения, имел свидание с герцогом Орлеанским, который заверял его в неизменной преданности старшему члену фамилии; но уже 31 июля, видя, что ни официальная

№ 404 печать, ни Палата Депутатов не признают его, Мортемар сознал свое бессилие и вернулся в Сен-Клу, а 9 августа обе палаты провозгласили королем герцога Орлеанского, под именем Луи-Филиппа I. Тогда Мортемар предложил свои услуги новой династии и попрежнему занял место в Палате Пэров. 5 января н. ст. 1831 г. он вновь, как человек, лично известный Николаю I и сумевший заслужить его расположение, был назначен чрезвычайным посланником в Россию, с поручением ему специальной миссии к Николаю I. Об этом назначении в «Moniteur Universel» от 7 января н. ст. 1831 г. появилось такое официозное сообщение: «Le Roi a nommé le duc de Mortemart son ambassadeur près S. M. l'Empereur de toutes les Russie et l'a chargé d'une mission speciale. Cette nomination n'infirme point celle du maréchal duc de Trévise». 26 января н. ст. Мортемар проехал через Берлин (накануне, 13 января ст. ст., в «Северной Пчеле», № 9, появилось сообщение, что «Король Французов назначил Герцога Мортемара Послом при Императорском Российском Дворе», а на другой же день, в № 10, — что «Герцог Мортемар вскоре отправится в С.-Петербург»), где представлялся королю, и вскоре прибыл в Петербург через Курляндию. «Проезжая, посреди снежных сугробов, чрез обширные и мрачные леса Курляндии, — пишет барон П. Бургуэн, — он вдруг был остановлен группою всадников, которые окружили его экипаж, но с первых же слов отнеслись к нему почтительно. Выдав себя за депутатов Варшавского временного правления, они сочли своим долгом расположить герцога Мортемара в пользу своего дела и, кроме того, пожелали узнать, какой помощи могут поляки ожидать от французов. Посланник наш отвечал, что Франция, при всем искреннем сочувствии к Польше, не желает из-за нее начинать войны. Он прибавил, что поляки должны сообразить, достаточны ли их силы для успеха, что, в противном случае, он постарается исходатайствовать для них у императора выгодные условия примирения. После нескольких возражений так называемые депутаты приняли это предложение. Когда посланник приехал в Петербург, государь знал уже о встрече его с польскими делегатами...» Несколько иные подробности об этой встрече Мортемара с польским дипломатическим агентом Козмяном передает Д. В. Давыдов в «Воспоминаниях о Польской войне 1831 года» (Сочинения, изд. «Севера», С.-Пб. 1893, т. II, стр. 241, примеч.). О приезде Мортемара было сообщено в № 24 «Северной Пчелы», от 30 января 1831 г.: «Во вторник, 27-го Января, прибыл в здешнюю столицу Чрезвычайный Посол Короля Французов, Герцог Мортемар» (стр. 1.; то же, но с указанием на 28 февраля — в академическом «Месяцослове на 1832 год» (стр. 217). — Личное положение Мортемара во время вторичного пребывания его в Петербурге, по словам П. Бургуэна, осталось то же, что и раньше, но обстоятельства изменились значительно. Франция, вместо того, чтобы быть в глазах Николая I союзницею, пользовавшеюся всеми его симпатиями, стала предметом недоверия и даже неприязни, и это новое чувство сильно развилось под влиянием польской войны. Ходатайства и убеждения Мортемара служили иногда поводом к разномыслию, а иногда и к столкновениям. По мнению Николая I, правительство Луи-Филиппа позволяло себе увлекаться демократическим потоком, который, — говорил он, — приведет Францию к войне и к новым революциям (Bar. P. Bourgoing, op. c.,

рр. 539—540, и «Военный Сборник» 1866 г., № 6, стр. 282 — 284). В октябре того же 1831 г. Мортемар окончательно заместил собою герцога Тревизского в качестве французского посланника в Петербурге. В июле 1831 г. Мортемар получил отпуск в Париж, будучи временно замещен бароном Бургуэном, получившим звание полномочного министра (ор. с., р. 542). Так сообщает сам Бургуэн, между тем как С. С. Татищев передает, что Мортемар *вынужден* был уехать из Петербурга вследствие гнева на него Николая за ходатайство в пользу поляков (С. С. Татищев, «Император Николай и иностранные дворы», С.-Пб., 1889, стр. 160, 170). Вернувшись в Петербург, он оставался здесь до 1833 г. Сойдя на некоторое время с политической сцены после Февральской революции, он 31 августа 1849 г. был снова принят на службу в Генеральный Штаб, примкнул к Наполеоновской партии, командовал затем одним из военных округов, а 27 марта 1852 г. назначен был сенатором. Революция 4 сентября 1870 г. заставила его удалиться от дел; он умер 1 января 1875 г. Мортемара хорошо знали кн. П. А. Вяземский и А. И. Тургенев, который в 1835 г. встречался с ним уже в Париже, причем герцог и жена последнего (Virginie, рожд. Comtesse de Sainte-Aldegonde, р. 1792 — ум. 1878), известная красавица, звали его к себе в деревню, на берег моря («Остаф. Арх.», т. III, стр. 265, 271 и др.); с герцогиней Вяземский состоял в переписке (там же, стр. 267 и др.), а Тургенев упоминает о ней в своей «Хронике русского в Париже», напечатанной во 2-й книге Пушкинского «Современника» 1836 г. Сам Пушкин мог встречаться с Мортемаром у А. О. Смирновой, Е. М. Хитрово и Д. Ф. Фикельмон. (См. еще в книге «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Лгр. 1927, стр. 276, 309 — 310 и 337, в статьях М. Д. Беляева и Б. В. Томашевского.)

— Об успехе или неуспехе «Бориса Годунова» см. выше, стр. 145—146 и 151—155.

— Delenda est Varsovia — латинская фраза, означающая в переводе: «Варшава должна быть разрушена», — представляет собою перефразировку известных слов Катона Старшего, который всякую свою речь, чего бы она ни касалась, оканчивал словами о необходимости борьбы с Карфагеном до конца: «Caeterum censeo Carthaginem delendam esse». В раннем письме своем к Н. И. Гнедичу от 13 мая 1823 г. Пушкин сделал то же применение этой фразы Катона к необходимости уничтожения цензуры: «Vale, sed delenda est censura».

405. *Н. И. Кривцову*. 10 февраля [1831 г.] (стр. 11—12). Впервые напечатано в «Русск. Арх.» 1864 г., ст. 973 — 974, по автографу, находящемуся в Государственной Публичной Библиотеке (см. «Отчет Библиотеки за 1892 г.», стр. 211), в альбоме дочери адресата, Софьи Николаевны Батюшковой, где он наклеен на л. 95; писано было на листе почтовой бумаги большого формата, без водяных знаков, а при наклейке в альбом верх второго полулиста бумаги был отрезан узкой полосой и наклеен к низу первого полулиста [см. Л. Б. Модзалевский, «Рукописи Пушкина в собрании Государственной Публичной Библиотеки в Ленинграде», Л. 1929, стр. 35 (№ 83). — *Ред.*]

— О Николае Ивановиче Кривцове (род. 10 января 1791 — ум. 31 июля 1841) и его двух письмах к Пушкину (1819 и 1824 г.) см. выше, т. I,

№ 405 стр. 9, 91, 195—196 и др., по указателю; а также «Русск. Арх.» 1864 г., ст. 974—976; статью В. П. Гаевского «Пушкин и Кривцов» в «Вестнике Европы» 1887 г., № 12, стр. 453—463 (где на стр. 451—462 напечатано письмо Пушкина № 405); «Воспоминания А. М. Фадеева» — «Русск. Арх.» 1891 г., кн. II, стр. 24—26; статью о Кривцове Б. Н. Чичерина — «Русск. Арх.» 1890 г., кн. I, стр. 501—525; «Отчет Имп. Публичной Библиотеки за 1892 г.», приложение (где напечатаны письма к Кривцову Карамзина, Жуковского и кн. П. А. Вяземского); «Остаф. Архив», т. I—III, и др. В 1830—1831 гг. жил в тамбовской своей деревне Любичи (в 20 верстах от г. Кирсанова), где поселился после выхода своего, 3 апреля 1827 г., в отставку с поста нижегородского гражданского губернатора. «Редко выезжал он из нее в Москву на несколько недель; еще реже являлся в Петербурге, и то на время еще короче... Построил он в деревне каменную готическую английскую башню; но вместе с тем построил и большой деревянный дом, красивый, хорошо расположенный и со всеми возможными удобствами как для себя и для своих, так и для гостей, навещавших его. Из соседей своих преимущественно сблизился он с семейством кн. Гр. Серг. Голицына (которого помещичья жизнь и домашняя обстановка ожидают живописцы для верной и достойной обрисовки всей ее своеобразности), с Боратынскими, с Чичериными. От других соседей он уклонялся... Не знаю, был-ли он способен к дружбе в полном значении этого слова, т. е. с ее откровенностью, горячностью, самопожертвованиями; но он питал в себе чувства искренней приязни и уважения к некоторым исключительным лицам и остался им верен до конца. Он не был записан в «Арзамасском» штате, но был приятелем почти всех арзамасцев... Деревенская жизнь, с своим спокойствием, с независимостью своею, год от году все более привязывала его к себе» (Сочинения кн. П. А. Вяземского, т. VIII, стр. 266). По словам Е. А. Боратынского (декабрь 1829 г.), Кривцов представлялся ему «человеком любопытным своею оригинальностию; в наших краях, — прибавляет он, — он служит предметом множества пересудов» («Старина и Новизна», кн. V, стр. 47). В деревне Кривцов много читал, следил за получавшимися из столиц всеми новостями дня. Пушкин, если верить словам Б. Н. Чичерина, присылал Кривцову в рукописи свои неизданные стихотворения («Вестн. Европы» 1887 г., № 12, стр. 461); ему же пожелал он послать и своего «Бориса Годунова», свое любимое произведение. О наружности Кривцова см. «Русск. Арх.» 1889 г., кн. I, стр. 63; его портреты в журн. «Худож. Сокровища России» 1905 г., № 2, табл. IX; оригинальный акварельный портрет его, с пуделем, держащим в зубах костыли, — в Пушкинском Доме.

— Не далеко от тебя, — т. е. в Лукояновском уезде Нижегородской губернии, в с. Болдине.

— Выражение «брюхом захотелось» не раз встречается у Пушкина в дружеских письмах (см. выше, в т. I, № 43, 62, 123), так же, как и выражение: «мочи нет, хочется» (см. В. Ф. Ходасевич, «Поэтическое хозяйство Пушкина», кн. I, Лгр. 1924, стр. 90).

— Можно думать, что Пушкин встречался с Кривцовым в 1834—1835 гг. в Петербурге, когда Кривцов приехал для исходатайствования продолжения аренды, назначенной ему весьма благоволившим к нему Але-

ксандром I: Кривцов жил тогда в нижнем этаже дома Силы Андреевича Баташева, на набережной, у Прачешного моста, где жил тогда, во втором этаже, кн. Вяземский и где потом (с августа 1834 г. до сентября 1836 г.) жил в третьем этаже Пушкин (Сочинения кн. П. П. Вяземского, С.-Пб. 1893, стр. 365; «Вестн. Европы» 1887 г., № 12, стр. 462); но ни в «Дневнике» поэта, ни в его письмах нет упоминаний имени Кривцова. № 405

— Кривцов лишился ноги в сражении под Кульмом, на глазах Александра I и других коронованных участников битвы.

— Свадьба Пушкина совершилась через восемь дней. Она откладывалась со дня на день из-за домашних неурядиц в семье Гончаровых. Еще 25 января Погодин писал Шевыреву: «Послание Пушкину отдал; очень, очень благодарен и хотел отвечат тебе стихами-же: разве только свадьба теперь помешает: на-днях женится» («Русск. Арх.» 1882 г., кн. III, стр. 180).

— Французская фраза означает: «Вне обычной колеи нет счастья», или: «Счастье только на проторенных дорогах», или: «Счастье только на избитых дорогах», и представляет собою свободно переданную мысль французского философа-скептика и моралиста Michel Montaigne (род. 1533 — ум. 1592), автора получивших широкое распространение «Essais»; последние сохранились в библиотеке Пушкина в парижском четырехтомном издании 1828 г., которое, повидимому, было просмотрено поэтом (Б. Л. Модзалевский, «Библиотека А. С. Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 292) и которое он в письме от 21 сентября 1835 г. из Михайловского просил прислать ему для чтения: «Пришли мне, если можно, Essais de M. Montaigne — 4 синих книги, на длинных моих полках. Отыщи». Montaigne выразил эту мысль следующими словами: «Les plus belles vies sont, à mon gré, celles qui se rangent au modèle commun» (см. «Essais», назв. изд., [ср. в «Русск. Арх.» 1871 г., ст. 1882 — свидетельство П. И. Бартенева; см. также статью И. И. Лапшина «Пушкин и Монтень» в «Пушкинском сборнике», изданном русским институтом в Праге, 1929 г., стр. 245—252. *Ред.*].

— «Будущность является мне не на розах»: ту же мысль выразил Пушкин в своем болдинском стихотворении «Элегия» (8 сентября 1830 г.):

... Печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.
Но не хочу, о други, умирать!
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать; [1]
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и треволненья...

П. И. Бартенев сообщал по поводу мрачных предчувствий Пушкина, высказанных им Кривцову, что ему «случилось видеть еще одно французское письмо Пушкина, писанное также почти накануне свадьбы и еще более поразительное по удивительному самосознанию или вещему предвиде-

---

[1] Ср. слова Люцифера в конце 2-го акта «Каина» Байрона: «Умейте (смертные) мыслить и страдать».

 нию судьбы своей: там Пушкин прямо говорит, что ему, вероятно, придется погибнуть на поединке» («Русск. Арх.» 1864 г., ст. 974, примеч.). Письмо это, к сожалению, остается до сих пор неизвестным в печати.

— Дом Хитровой — вдовы действительного статского советника Настасьи Николаевны Хитрово, рожд. Каковинской (дочери московского обер-коменданта, генерал-поручика Николая Никитича Каковинского; род. 1764 — ум. 1 января 1840); большой дом ее находился на Арбате, между церквами Николы в Плотниках и Троицы, против дома Головина, и здесь Пушкин нанял квартиру во втором этаже (сообщение П. И. Бартенева со слов П. В. Нащокина — «Девятнадцатый Век», кн. I, стр. 384 и «Русск. Арх.» 1902 г., кн. I, стр. 56, примеч.), в которой жил после свадьбы до переезда летом в Царское Село. «Хозяйка дома в течение 40 лет была известна всей Москве», — как говорит гр. М. В. Толстой. — «Не будучи ни особенно богатою, ни особенно знатною и чиновною, Н. Н. Хитрово пользовалась особенным уважением в московском дворянском круге: в нем, не было никого от мала до велика, кто бы не знал ее. Все знакомые ее любили, как одну из самых милых и ласковых старушек, живших в Москве. Тогда были две современницы: Офросимова и Хитрово, каких с тех пор не было и едва-ли когда-нибудь будет: одной все боялись за грубое и дерзкое обращение, наружно уважая ее единственно из страха, а другую все любили и уважали чистосердечно и непритворно. Н. Н. Хитрово жила и при жизни мужа, и по кончине его [в 1809 г.] в своем доме, на конце Пречистенки. Дом этот... был всегда открыт для всех и утром и вечером, и каждый приехавший был обласкан хозяйкою так, что можно было подумать, будто бы он был для нее самый дорогой из всех и самый желанный гость». Гр. Толстой дает живой портрет старушки Хитровой, ее обихода и быта, собраний у нее, ее семейства и проч. Много подробностей о семье Хитровой можно найти также в «Рассказах бабушки», Д. Д. Благово (С.-Пб. 1885, стр. 307—315 и др).

— Вяз. — кн. Петр Андреевич Вяземский, давний приятель Кривцова; четыре письма его к Кривцову, из коих три — как раз 1824 г. (при одном из них он посылал ему издание «Бахчисарайского Фонтана») — напечатаны в приложении к «Отчету Имп. Публичной Библиотеки за 1892 г.», стб. 44—50. Письмо Кривцова к Пушкину 1824 г. до нас не сохранилось, как и другие его письма к поэту.

406. *П. А. Плетневу* [Середина (до 16-го) февраля 1831 г.] (стр. 12—13). Впервые напечатано в «Русск. Арх.» 1869 г., стб. 2068—2069 (отрывок), откуда вошло в изд. 1882 г., т. VII, стр. 290, полностью, но не совсем точно, — в Сочинениях Плетнева, т. III, стр. 364, и в Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 223—224; у нас печатается по подлиннику, принадлежащему ИРЛИ (Пушкинскому Дому); он писан на листе почтовой бумаги большого формата, с водяными знаками: А. Г. 1830; запечатан гербовою печатью Пушкина под графскою короною и проколот в карантине при окуривании. Датируется содержанием и почтовым штемпелем, показывающим, что письмо писано, вероятнее всего, 15 февраля, в воскресенье.

— Свадьба Пушкина состоялась, действительно, через несколько дней — 18 февраля.

— Пушкин заложил, с разрешения отца, свое нижегородское имение — деревню Кистенево (Тимашево то ж), на речке Чеке, Алатырского (потом Сергачского уезда), в которой за ним числилось 200 душ мужского пола (остальные 274 души, из которых 200 были уже заложены отцом поэта С. Л. Пушкиным, в 1827 и 1828 гг., числились за отцом поэта) с женами и детьми; залог совершен был в Московском Опекунском Совете (Ломбарде) в сумме 11 428 р. 58 к., что̀ при переводе на ассигнации составило до 38 000 р. (см. выше, т. II, стр. 416, 464, ниже, в письме № 412, и «Русск. Арх.» 1882 г., кн. I, стр. 232, показание П. В. Нащокина). № 406

— Теща — Наталья Ивановна Гончарова, см. выше, в т. II, стр. 408—409, 464, 490 и др.

— Нащокин — Павел Воинович, друг Пушкина.

— «В июне буду у вас», — любопытно, что еще до свадьбы Пушкин точно наметил себе срок, после которого переедет в Петербург.

— En bourgeois — «как добрый мещанин».

— Под «тетками» Пушкин разумеет вообще женскую родню своей невесты.

— По поводу каламбура Пушкина о «состоянии» см. сопоставления о средствах Пушкина и о его литературных заработках в книге В. Ф. Ходасевича: «Поэтическое хозяйство Пушкина», кн. I, Лгр. 1924, стр. 93 и след. По поводу собственно каламбура ср., например, выше, в т. I, стр. 53, 140, т. II, стр. 23, т. III, № 429, 536.

— Повести — «Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А. П.», вышли не к святой неделе 1831 г., а лишь к концу октября, см. ниже, в письмах № 436, 439, 443, 449, 453, 455, 464, 471, 472.

— Баронесса — вдова поэта Дельвига. Плетнев отвечал о ней Пушкину 22 февраля, отзываясь сразу на вопросы о вдове Дельвига в письмах № 403 и 406: «Здоровье Баронессы ни хорошо, ни худо. В делах ее денежных вышла очень худая притча. Бог знает, кто и когда успел утянуть из их портфели ломбардных билетов на 54 тысячи. Сколько ни старались открыть, даже следов не видно. Это тем непонятнее, что все другие бумаги найдены по смерти Дельвига в чрезвычайном порядке с удивительною отчетливостью: а пропавшие билеты находились между этими же бумагами» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 224—225).

— Хитрова — Елизавета Михайловна; письмо ей Пушкина о братьях Дельвига и о последних — см. выше, № 404, и стр. 195.

— По поводу долга Дельвигу Сергея Львовича Пушкина можем сказать лишь, что в июле 1831 г., из Павловска, он послал бар. С. М. Дельвиг 500 рублей, на что имеется указание в письме его к дочери, О. С. Павлищевой, от 22 июля (Пушкинский Дом, неизд. письма).

— «Мой портрет» — известный портрет Пушкина масляными красками, работы Ореста Адамовича Кипренского, 1827 г., сделанный по заказу Дельвига; баронесса Дельвиг уступила его Пушкину за 1000 рублей, что видно из письма Плетнева Пушкину от 22 февраля: «Уговорил я Баронессу продать тебе портрет твой. Высылать его в Москву не за чем. Оставлю до приезда твоего у себя. Деньги за него (тысячу рублей) отдам остальные от десяти тысячь Годунова, из которых четыре переслано тебе, а пять отдано долгу Дельвигу» (Акад. изд. Переписки,

№ 406 т. II, стр. 224);[1] после смерти поэта он принадлежал его вдове, потом — его старшему сыну, Александру Александровичу Пушкину, а после смерти последнего был продан наследниками (за 10 000 руб.) Московской Третьяковской Галлерее, где и находится в настоящее время.

— Михайло Алекс. — Салтыков, отец баронессы С. М. Дельвиг; см. выше, стр. 175—178.

— О «Жизни Дельвига» см. выше, в письме № 403, и в примечании к нему, стр. 188—189. На вопрос Пушкина Плетнев отвечал 22 февраля: «Написать историю и характеристику поэзии Дельвига — дело столь же прекрасное, сколько и полезное. Если бы Баратынский не вызвался на это я бы тебя стал просить о том же, или даже сам на то посягнул бы. Теперь займусь составлением материалов и перешлю их сперва к тебе в цензуру, а ты передай ему с своими зачерками и вставками» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 224). К сожалению, до нас не дошли результаты работы Плетнева по биографии Дельвига.

— Статья Плетнева о Дельвиге — его «Некрология», помещенная в № 4 «Литературной Газеты» 1831 г., стр. 31—32. В виду отзыва Пушкина об этой небольшой статье приводим здесь из нее некоторые наиболее интересные отрывки: «Изящные науки составляли постоянный предмет занятий бар. Дельвига. Оставив место воспитания своего в 1817 г., он предался им со всем жаром юной души, и не изменил до самой смерти. Не было ни одной отрасли познаний, прикосновенных к изящным наукам, которой бы он не почитал для себя необходимою. История народов и философии, художеств и древностей столько же обращала на себя внимание, как и всякая новая теория литературы. Что касается до самых произведений великих писателей, он, во время чтения своего, изучал их с такой любовью, с какою истинный художник рассматривает творение бессмертного предшественника... Поэтический талант бар. Дельвига раскрылся, можно сказать, вдруг и довольно рано. Некоторые из своих стихотворений написал он, бывши пятнадцати лет. Но это не были в истинном значении детские опыты, обыкновенно забываемые в последствии времени... Постоянство в занятиях, драгоценных для души образованной, жажда совершенства в искусстве своем и сближение с людьми, постигнувшими таинства этого искусства, приметным образом действовали на успехи бар. Дельвига, уже как ревностного литератора. Во множестве молодых сочинителей невозможно было не отличить его по разнообразию и оригинальности вымыслов, по верному поэтическому чувству и по прекрасному употреблению почти всех стихотворных форм...» Сказав далее о «Северных Цветах», Плетнев продолжает: «Авторское славолюбие не было главною пружиною литературных занятий бар. Дельвига. Он, не заботясь об отдельном издании своих сочинений, сердечно радовался успехам ка-

---

[1] Дочь бар. С. М. Дельвиг — бар. Елизавета Антоновна Дельвиг — настаивает, однако, на том, что мать ее этот портрет подарила поэту, не взяв с него денег (см. «Историч. Вестн.» 1888 г., № 9, стр. 672; № 10, стр. 263, и № 12, стр. 799—800). Но это неверно (см. письмо Плетнева к Пушкину от 25 июня 1831 г., где он прямо пишет, что отдал бар. С. М. Дельвиг 1000 рублей за портрет («Переписка Пушкина, т. II, Лгр., стр. 289). — *Ред.*

ждого истинного таланта, потому что с ними соединяются лучшие наслаждения каждого образованного человека. Но в 1829 г. неожиданно выбрал он и напечатал те из своих стихотворений, которые почитал окончательно отделанными. Может быть, ему любопытно было услышать беспристрастный приговор любимым его созданиям, а может быть в этом внезапном движении души явилось уже предчувствие кончины, так недалеко его ожидавшей. Как бы то ни было, издание «Стихотворений барона Дельвига» останется одним из замечательнейших памятников русской поэзии текущего столетия. Они дышут свежестью картин; в них кипят чувства; от них раздается музыка величественной простоты; они, как времена года, блестят собственными каждое красотами; кто, прочитав их, не почувствует наслаждения, — тот или отжил, или не начинал еще жить для восторгов к изящному. — В прошедшем году бар. Дельвиг начал издавать «Литературную Газету». Полнота и ясность литературных его сведений были залогом успехов его на новом поприще. Рассматривая новые книги, он уже изложил несколько главнейших своих мыслей о разных отраслях словесности. Но преждевременная смерть остановила труды его». — В заключение Плетнев писал: «В наш век с именем автора не сливается уже понятие о жизни совершенно кабинетной. Светские собрания оживляются остроумием и любезностию многих писателей. Бар. Дельвиг также любил общество, но дружеское, избранное, достойное ума его и сердца, в чем полагал он весь аристократизм свой, правда, не увлекший его в большой свет, но защитивший от знакомств скучных и слишком уж нелестных.[1] Ум его от природы был более глубок, нежели остр. Оттого иногда заметна была в нем неговорливость. Но по характеру своему он расположен был к самой счастливой веселости и беспечности, так что от одного присутствия его одушевлялось целое общество. Ежели он увлекался разговором, то обнимал предмет с самых занимательных сторон и удивлял всех подробностию и разнообразием познаний. В домашнем кругу, даже в кабинете его, никто не примечал перемены на этом открытом, ясном, веселом лице, которое было чистым зеркалом прямой и любезной души. Провидение, пославшее ему столько прекрасных даров, отказало в одном долголетии» (статья перепечатана в Сочинениях П. А. Плетнева, т. I, С.-Пб. 1885 г., стр. 213—217). Отвечая на похвалу Пушкина, Плетнев писал ему (22 февраля): «Когда я собирался писать некрологию Дельвига (помещенную в Газете), сердце мое было сжато. Все, что употребили враги его для очищения своих гнусностей, так меня тягчило и мучило, что я решился перед публикою говорить языком человека постороннего в этом деле, страшась, чтобы мерзавцы не воспользовались для достижения своей цели самою святынею дружества. Они, как я предчувствовал, готовы были даже и то обратить в укоризну покойнику, что никто об нем ни слова не сказал языком беспристрастным. Вот почему я говорил без всякого энтузиазма, не вводя ни одного обстоятельства, которое бы выказывало меня как его домашнего человека: я ограничился только тем, что

[1] В этих словах нельзя не видеть отповеди по адресу Булгарина-Греча и Полевого за упреки Дельвигу, Пушкину, Вяземскому и их близким в «литературном аристократизме».

 должно было дойти до сведения всякого литератора, хотя бы он и не видывал Дельвига. Думаю, что меня весьма не многие поняли; больше осуждали. Ты совершенно утешил меня, особено тем, что начал смотреть с хорошой стороны на пьесу после нескольких раз ее чтения. Мне только этого и хотелось» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 226).

407. *А. Н. Гончарову.* 24 февраля 1831 г. (стр. 13—14). Впервые напечатано в «Русск. Арх.» 1881 г., кн. II, стр. 504, и в сб. П. И. Бартенева «Пушкин», вып. I, М. 1881, стр. 186, по подлиннику, принадлежавшему тогда О. К. Гончаровой, а затем хранившемуся в Музее Калужской Ученой Комиссии, в «Известиях» которой перепечатано вновь в 1901 г. вместе с другими шестью подлинными письмами поэта к деду своей жены, И. Д. Четыркиным (Калуга, 1901, стр. 7—8); подлинник писан на листе почтовой бумаги большого формата, с водяными знаками: А. Г. 1830 (то есть самого адресата письма) и хранится ныне в Московском Областном Архиве.

— Свадьба Пушкина, решенная еще в мае 1830 г., как известно, откладывалась в течение целых девяти месяцев, — то вследствие невыясненности отношений к Пушкину,[1] то из-за смерти В. Л. Пушкина (20 августа 1830 г.),[2] то по причине ссоры с будущей тещей, то по вине холеры и невозможности жениху вернуться в Москву из Болдина, куда он уехал для устройства своих дел, то, наконец, из-за безденежья, капризов тещи и тому подобных задержек. Княгиня В. Ф. Вяземская вспоминала впоследствии, что по просьбе Пушкина она однажды ездила к Н. И. Гончаровой, чтобы просить ее «скорее кончать» дело («Русск. Арх.» 1888 г., кн. II, стр. 306). Часто женитьба поэта грозила совсем расстроиться, и слухи об этом не раз распространялись по Москве. Так, за месяц до свадьбы, 12 января 1831 г., бывший директор Лицея Е. А. Энгельгардт, писал своему питомцу и однокашнику Пушкина — Ф. Ф. Матюшкину: «Пушкин собрался было жениться в Москве; к счастию для невесты дело опять разошлось. Он всё еще стихотворствует, иногда очень удачно, но подчас и весьма плохо» («Вестн. Всемирной истории» 1899 г., № 1, стр. 101), и даже 16 февраля, то есть всего за два дня до венчания Пушкина, известный «вестовщик» А. Я. Булгаков писал брату в Петербург: «В городе опять начали поговаривать, что Пушкина свадьба расходится; это скоро должно открыться: Середа — последний день, в который можно венчать. Невеста, сказывают, нездорова. Он был на бале у наших,[3] отличался, танцовал, после ужина скрылся. «Где Пушкин?» — я спросил, а Гриша Корсаков серьезно отвечал: «Il a été donc ici toute la soirée et maintenant il est allé trouver sa promise». Хорош визит в 5 часов утра и

---

[1] Хотя 20 июля 1830 г. С. Л. и Н. О. Пушкины официальным письмом на имя А. Н. Гончарова известили его о принятии сватовства сына (см. письмо это в «Известиях Калужской Ученой Архивной Комиссии», вып. 1901 г., стр. 8).

[2] О чем см. выше, т. II, стр. 102 и 460, и «Историч. Вестн.» 1883 г., № 12, стр. 530.

[3] То есть у молодой замужней дочери Булгакова—Ольги Александровны, 28 января 1831 г. вышедшей за кн. Александра Сергеевича Долгорукова. См. о ней «Дневник» Пушкина, под ред. Б. Л. Модзалевского, Пгр. 1923, стр. 213—214, и ниже, в письме № 540.

к больной! Нечего ждать хорошего, кажется; я думаю, что не для нее одной, но и для него лучше бы было, кабы свадьба разошлась» («Русск. Арх.» 1902 г., кн. I, стр. 52). Но слух был неверен, хотя еще в самый день свадьбы, по свидетельству кн. Е. А. Долгоруковой (дочери посаженой матери Н. Н. Гончаровой), теща, Н. И. Гончарова, «послала сказать Пушкину, что надо еще отложить, что у нее нет денег на карету или на что-то другое... Пушкин опять послал денег» («Рассказы о Пушкине», под ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 64). На том же балу у новобрачных кн. О. А. и А. С. Долгоруковых Пушкин, восторгаясь ловкостью и тактом молодой княгини, говорил ее отцу, А. Я. Булгакову, что «воспел бы ее, да не стихи на уме теперь», а жене Булгакова: «Пора мне остепениться; ежели не сделает этого жена моя, то нечего уже ожидать от меня» («Русск. Арх.» 1902 г., кн. I, стр. 54). — Накануне свадьбы, 17 февраля, Пушкин устроил у себя холостой обед, и Погодин (на него не приглашенный), заехав к поэту днем, чтобы «пожелать ему добра» в новой жизни, застал у него приехавшего на время из Остафьева в Москву Вяземского (жена которого, кн. Вера Федоровна, должна была быть у Пушкина посаженой матерью — см. выше, т. II, стр. 86 — в письме № 327 — и стр. 417, и Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 217, — но не смогла быть, так как упала, прибивая дома образ, выкинула и слегла в постель — «Русск. Арх.» 1902 г., кн. II, стр. 50—51, 51) и Боратынского, «толкующих о нравственной пользе» («Пушкин и его соврем.», вып. XXIII—XXIV, стр. 112).[1] Самый «мальчишник» состоялся вечером и, конечно, затянулся за-полночь; один из его участников, поэт Языков, писал брату: «у Пушкина был девишник, так сказать, или, лучше сказать, пьянство — прощальное с холостой жизнью» (см. «Историч. Вестн.» 1883 г., № 12, стр. 531, и «Вестн. Европы» 1897 г., № 12, стр. 604). Сохранилось несколько записей об этом собрании у Пушкина, сделанных П. И. Бартеневым со слов участников. Так, Нащокин рассказывал ему: «Накануне свадьбы Пушкин позвал своих приятелей на мальчишник, приглашая записочками. Собралось обедать человек 10, — в том числе были: Нащокин, Языков, Боратынский, Варламов, кажется, Елагин (Алексей Андреевич) и пасынок его, Иван Васильевич Киреевский. По свидетельству последнего, Пушкин был необыкновенно грустен, так что гостям даже было неловко. Он читал свои стихи — прощание с молодостью, которых после Киреевский не видал в печати. Пушкин уехал вечером к невесте. Но на другой день, на свадьбе, все любовались веселостью и радостью поэта и его молодой супруги, которая была изумительно хороша» («Рассказы о Пушкине», под ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 53); другая запись Бартенева, менее четкая и с трудом разбираемая, такова: «Накануне свадьбы был очень грустен и говорил стихи, прощаясь с молодостью (был Варламов), ненапечатанное. Мальчишник. А закуска [?] из свежей [?] семьги [?]. Обедало у него человек 12: Нащокин, Вяземский, Боратынский, В[арламов?]... И вот Пушкин уехал к невесте; кажется Елагин. На другой день он был... с отк. рук. он был очень весел, смеялся, был счастлив, любезен № 407

---

[1] Рассказ цыганки Тани о том, как за два дня до свадьбы она застала Пушкина у Нащокина и спела ему «на счастие», см. выше, стр. 138

№ 407 с друзьями; бр[ат?] шу[тил?]» (там же, стр. 129; ср. «Русск. Арх.» 1904 г., № 1, обложка). Из одного позднейшего письма Д. В. Давыдова к поэту Языкову видно, что на «мальчишнике» был и Давыдов, и что оба они — и Давыдов и Языков — были очень пьяны, — Языков до беспамятства («Русск. Стар.» 1884 г., № 7, стр. 134). М. А. Цявловский, перечисляя, на основании этих записей, участников пирушки (сам Пушкин, Вяземский, Боратынский, Нащокин, Языков, И. Киреевский, Елагин, Д. Давыдов, Лев Пушкин) высказывает предположение, что вместо Варламова (композитора), с которым поэт совсем не был знаком и во всяком случае не был близок, следует иметь в виду композитора А. Н. Верстовского, с которым Пушкин был «на ты»; а также весьма вероятно предположение, что стихи, которые читал Пушкин, прощаясь с молодежью, — были его известные терцины «В начале жизни школу помню я», написанные в 1830 году в Болдине, в период подведения итогов прошлого перед вступлением в новую жизнь (там же, стр. 130, 131 и «Русск. Библиофил» 1916 г., № 8, стр. 75—76). Быть может на этом «мальчишнике» у Пушкина кн. Вяземский написал не совсем скромные стихи, сохранившиеся в бумагах поэта (второй куплет их был писан не Пушкиным, как полагал И. А. Шляпкин; он тщательно зачеркнут, так что можно разобрать лишь отдельные слова):

Пушкин! Завтра ты женат!
Холостая жизнь прощай-ка!
Об-земь холостая шайка,
Но завтра не задай ты холостой заряд.
. . . леэть собором целым
Не совестно. К чему содом?
Вам отвечай . . . .
. . . . ты . . . .

(И. А. Шляпкин, «Из неизданных бумаг Пушкина», С.-Пб. 1903, стр. 136—137). «Сегодня свадьба Пушкина наконец», — сообщал А. Я. Булгаков брату. — «С его стороны посажеными Вяземский и гр. [Елизавета Петровна] Потемкина, а со стороны невесты — Ив. Ал. Нарышкин и А. П. Малиновская. Хотели венчать их в домовой церкви кн. Серг. Мих. Голицына, но Филарет не позволяет. Собирались его упрашивать; видно в домовых нельзя» («Русск. Арх.» 1902 г., кн. I, стр. 53). Обряду венчания, назначеннному на вечер, предшествовал так называемый «брачный обыск», запись которого сохранилась и опубликована; вот ее текст, определяющий ближайших участников свадьбы: «1831-го года февраля 18 дня по указу Его Императорского Величества, Никитского Сорока церкви Вознесения Господня, что на Царицыной улице, Протоиерей Иосиф Михайлов с причтом о желающих вступить в брак женихе 10-го класса Александр Сергеевиче Пушкине и невесте г-на Николая Афонасиевича Гончарове дочери его девице Наталии Николаевной Гончаровой обыскивали и по троекратной публикации оказалось: 1-е что они православную веру исповедуют так, как Святая, Соборная и Апостольская Церковь содержит; 2-е между ими плотского, кровного и духовного родства, т. е. кумовства, сватовства и крестного братства по установлению св. церкви не имеется; 3-е состоят они в целом уме и к сочетанию браком согласие имеют вольное, и от

родителей дозволенное, жених и невеста первым браком; 4-е лета их правильны, — жених имеет от роду 31 год, а невеста 18 лет. И в том сказали самую сущую правду. Естли-же что из объявленного показания окажется что ложное или что скрытое, за то повинны суду, как духовному, так и гражданскому. Во уверение всего вышеписанного как сами жених и невеста так и знающие состояние их поручители своеручно подписуются. К сему обыску во всем вышеписанным вышеозначенный 10-го класса Александр Сергеев сын Пушкин руку приложил. К сему обыску Наталья Николаевна дочь Гончарова руку приложила. К сему обыску Мать ее колежская асесорша Наталья Иванова дочь Гончарова руку приложила. К сему, обыску по женихе брат его Поручик Лев Сергеев сын Пушкин руку приложил. К сему обыску по женихе 9-го Класса Алексей Семенов сын Передельский руку приложил. К сему обыску по невесте Коллегский Советник и Кавалер Павел Матвеев сын Азанчевский руку приложил. — К сему обыску по невесте Отец ее, коллегский асессор, Николай Афанасьев сын Гончаров, руку приложил.[1] К сему обыску по женихе Коллежский Советник и Кавалер Князь Петр Андреев сын Вяземский руку приложил» («Петерб. Газета» от 27 апреля 1899 г., № 113; Н. Невзоров, «К биографии Пушкина. Материалы из архивов и других малоизвестных источников», С.Пб. 1899, стр. 7—8; факсимиле там же и в «Московском Листке». Прибавление к № 146, 27 мая 1899 г., № 21, стр. 4). Во время венчания,[2] — по свидетельству кн. Е. А. Долгоруковой — нечаянно упали с налоя крест и Евангелие, когда молодые шли кругом. Пушкин весь побледнел от этого. Потом у него потухла свечка. — «Tous les mauvais augures» — сказал Пушкин («Рассказы о Пушкине», под ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 64, «Русск. Арх.» 1870, ст. 1388); ср. рассказ в «Русск. Стар.» 1880 г., № 1, стр. 148, о том, что, по рассказам, Пушкин, задев нечаянно за аналой, уронил крест, и что при обмене колец одно из них упало на пол.[3] Невеста была очень красива под венцом, — по словам Языкова (который сам на венчании не был) — «со- № 407

---

[1] Княгиня В. Ф. Вяземская вспоминала впоследствии, что «будущего Пушкинского тестя, умоповрежденного Н. А. Гончарова, она видала в церкви Большого Вознесения в Москве и говела с ним в одно время. Он прекрасно говорил по-французски и любил употреблять отменные выражения» («Русск. Арх.» 1888 г., кн. II, стр. 306).

[2] Пушкин венчался во фраке Нащокина, чтобы не тратить денег на заказ нового («Девятнадцатый Век», кн. I, стр. 386, примеч.).

[3] «Самая свадьба поэта», говорится в его биографии, составленной под ред. П. А. Ефремова (?), «была ознаменована многими дурными приметами, которые, по народному поверью, не предвещают счастья и долгоденствия молодым. Посещая дом невесты, Пушкин обратил внимание на вывеску гробовщика, жившего насупротив окон квартиры Гончаровых. Это неприятное memento mori заронило в ум Пушкина первую мысль написать «Гробовщика» — одну из повестей Белкина. Эта мысль преследовала поэта до самого дня его свадьбы, до тех пор, покуда не сложилась в изящный рассказ. Заметим еще, что в феврале 1831 года над Москвою тяготело всеобщее уныние, следствие недавней холеры; траурные платья встречались на каждом шагу; рассказы о недавних ужасах эпидемии еще ходили из уст в уста» («Русск. Стар.» 1880 г., № 1, стр. 148). При рассказе о свадьбе Пушкина мы не приводим того, что говорится в пресловутых воспоминаниях племянника поэта, Л. Н. Павлищева, так как они совершенно недостоверны.

№ 407 вершенство красоты» («Вестн. Европы» 1897 г., № 12, стр. 603). Один из участников обряда, кн. Павел Петрович Вяземский, тогда десятилетний мальчик, несший образ перед женихом и невестой, рассказывает об обстановке квартиры молодых (в доме Хитровой, на Арбате) и о беседах по возвращении от венца: «По совершении брака в церкви, я отправился вместе с Павлом Войновичем Нащокиным на квартиру поэта для встречи новобрачных с образом. В щегольской, уютной гостиной Пушкина, оклеенной диковинными для меня обоями под лиловый бархат с рельефными набивными цветочками, я нашел на одной из полочек, устроенных по обоим бокам дивана, никогда мною невиданное и не слыханное собрание стихотворений Кирши Данилова. Былины эти, напечатанные в важном формате и переданные на дивном языке, приковали мое внимание на весь вечер... С жадностью слушал я высказываемое Пушкиным своим друзьям мнение о прелести и значении богатырских сказок и звучности народного Русского стиха. Тут же я услыхал, что Пушкин обратил свое внимание на народное сокровище, коего только часть сохранилась в сборнике Кирши Данилова, что имеется много чудных, поэтических песен, доселе неизданных, и что дело это находится в надежных руках [П. В.] Киреевского» (Сочинения кн. П. П. Вяземского, С.-Пб. 1893, стр. 529). Вечером, после венчания, у Пушкина был большой ужин, где распоряжался брат поэта Лев Сергеевич («Рассказы о Пушкине», под ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 64). Других сообщений об этом дне, к сожалению, мы не имеем и не знаем ни состава гостей Пушкина, ни того, в каком настроении был поэт. Сам он, в одном письме к жене из Москвы, уже от сентября 1832 г. (см. выше, № 511), сообщал ей слышанный накануне «анекдот» о поклоннике Натальи Николаевны — Давыдове, «который, говорят, женится на дурнушке»: «В 1831 году, февр. 18, была свадьба на Никитской в приходе Вознесения. Во время церемонии двое молодых людей разговаривали между собою. Один из них нежно утешал другого, нещастного любовника венчаемой девицы. А нещастный любовник, с воздыханием и слезами, надеялся со временем забыть безумную страсть и пр., и пр. Княжны Вяземские слышали весь разговор и думают, что нещастный любовник был Давыдов. А я так думаю, Петушков или Буянов, или паче Сорохтин. Ты как? не правда ли, интересный анекдот?» — На другой день после свадьбы А. Я. Булгаков писал брату о Пушкиных: «Филарет таки поставил на своем, — их обвенчали не у кн. Серг. Мих. [Голицына], а у Старого Вознесения. Никого не велено было пускать, и полиция была для того у дверей. Почему, кажется, нет? И так, совершилась эта свадьба, которая так долго тянулась. Ну, да как будет хороший муж! То то всех удивит, никто этого не ожидает, и все сожалеют о ней. Я сказал Грише Корсакову: «Быть ей milady Byron». Он пересказал Пушкину, который смеялся только» («Русск. Арх.» 1902 г., кн. I, стр. 54). Пушкин, как известно, родился в день вознесенья, и то обстоятельство, что венчаться ему суждено было, более или менее для него неожиданно, также у вознесенья, «он не приписывал одной случайности: важнейшие события его жизни, по собственному его признанию, все совпадали с днем вознесенья. Незадолго до своей смерти», по свидетельству Анненкова, «он задумчиво рассказывал об этом одному из своих друзей и передал ему твердое свое намерение

выстроить, со временем, в селе Михайловском церковь во имя вознесения господня. Упоминая о таинственной связи всей своей жизни с одним великим днем духовного торжества, он прибавил: «Ты понимаешь, что всё это произошло недаром и не может быть делом одного случая» («Материалы» Анненкова, изд. 1855 г., стр. 315). Про день после брака мы имеем курьезный рассказ кн. В. Ф. Вяземской, которая, со слов самой Н. Н. Пушкиной, передавала П. И. Бартеневу о том, что «муж ее в первый же день брака, как встал с постели, так и не видал ее: К нему пришли приятели, с которыми он до того заговорился, что забыл про жену и пришел к ней только к обеду. Она очутилась одна в чужом доме и заливалась слезами» («Русск. Арх.» 1888 г., кн. II, стр. 307). 20 февраля Пушкин с молодой женой были на балу у Щербининой (быть может, у Анастасии Михайловны, рожд. кн. Дашковой, вдовы бригадира Андрея Евдокимовича и родственницы гр. М. С. Воронцова), [1] о чем имеется ценное показание А. И. Кошелева, тогда еще молодого человека, в письме его к кн. В. Ф. Одоевскому от 21 февраля 1831 г.: «Вчера на бале у Щербининой встретил Пушкина. Он очень мне обрадовался. [2] Свадьба его была 18-го, в прошедшую среду. Он познакомил меня с своею женою, и я от нее без ума. Прелесть как хороша. Сегодня вечером еду к ним. Пушкин весьма доволен твоим *Квартетом Бетговена.* [3] Он говорит, что это не только лучшая из твоих печатных пьес (что бы немного значило), но что едва когда-либо читали на русском языке статью столь замечательную и по мыслям и по слогу. Он бесится, что на нее мало обращают внимания, он находит, что ты в этой пьесе доказал истину, весьма для России радостную, а именно, что возникают у нас писатели, которые обещают стать наряду с прочими европейцами, выражающими мысли нашего века» («Русск. Стар.» 1904 г., № 4, стр. 206). Затем мы знаем, что 22 февраля Пушкин с женою был на маскараде в Большом Московском Театре, устроенном с благотворительною целью, — в пользу тех, кто пострадал от холеры 1830 г.: сохранением рассказа об этом маскараде и о присутствии на нем Пушкина мы обязаны тому же «вестовщику» А. Я. Булгакову, который писал брату 23 февраля, замечая, что «маскарады как-то не клеятся у нас» и что было «весьма мало масок»: «Был изрядный ужин... За одним столом сидели мы и Пушкин-поэт; беспрестанно подходили любопытные смотреть на двух прекрасных молодых. [4] Хороша Гончарова бывшая, но Ольге все дают преимущество. Князь Дм. Вл. [Голицын, генерал-губернатор московский] подходил к нам два раза и делал honneur du bal. Собрали однакож только тысяч пять... На Пушкина всклепали уже какие-то стишки на № 407

---

[1] Ср., однако, у Ю. Н. Щербачева: «Приятели Пушкина М. А. Щербинин и П. П. Каверин», М. 1913, стр. 17 и 182.

[2] В «Записках» своих (Берлин 1884, стр. 31) А. И. Кошелев говорит, что «Пушкина я знал довольно коротко: встречал его часто в обществе [в Петербурге]; бывал я и у него; но мы друг к другу не чувствовали особенной симпатии».

[3] Рассказ кн. В. Ф. Одоевского: «Последний квартет Бетговена», помещенный в «Северных Цветах на 1831 год» (стр. 101—119 отдела Прозы), с надписью: ь. ъ. й.

[4] То есть Пушкину и дочь Булгакова, кн. Ольгу Долгорукову, вышедшую замуж 28 января.

№ 407 женитьбу; полагаю, что не мог он их написать, неделю после венца; не помню их твердо, но вот à peu près смысл:

Хочешь быть учтив — поклонись,
Хочешь поднять — нагнись,
Хочешь быть в раю — молись,
Хочешь быть в аду — женись, —

Как-то эдак. Он, кажется, очень ухаживает за молодою женою и напоминает при ней Вулкана с Венерою» («Русск. Арх.» 1902 г., кн. I, стр. 54).[1] 27 февраля молодые Пушкины дали у себя вечеринку или бал, о котором приглашенный на него А. Я. Булгаков на другой день писал брату: «Пушкин славный задал вчера бал. И он, и она прекрасно угощали гостей своих. Она прелестна, и они как два голубка. Дай бог, чтобы всегда так продолжалось. Много все танцовали, и так как общество было небольшое, то я также потанцовал по просьбе прекрасной хозяйки, которая сама меня ангажировала, и по приказанию старика Юсупова: «Et moi j'aurais dansé, si j'en avais la force» — говорил он. Ужин был славный; всем казалось странно, что у Пушкина, который жил всё по трактирам, такое вдруг завелось хозяйство. Мы уехали почти в три часа. Куда рад я был, что это близехонько от нас, что можно было отослать карету домой часов на шесть. Была вьюга и холод, которая и теперь продолжается. Завтра pour la clôture, санное катанье, блины у Пашковых..., а вечером сборище у наших молодых [то есть Долгоруковых]..., а там и покой. Москва тряхнула стариною, веселье за весельем» (там же, стр. 55—56). В этом катанье на трех больших санях, по случаю последнего дня масляницы, 1 марта, участвовали и Пушкины. Благодаря Булгакову мы знаем всех участников веселой поездки и перечислим их здесь по его списку: всё это были московские знакомые Пушкина, почему имена их для нас не безразличны. В первых больших санях находились: Княгиня Крапоткина с дочерью; кн. Александр Долгоруков с женою, кн. Ольгою Александровною, рожд. Булгаковою; Мельгунов [Алексей Степанович] с женою, рожд. кн. Урусовою [Александрою Александровною]; гр. Потемкина [Елизавета Петровна, рожд. кн. Трубецкая, по второму браку Подчаская, посаженая мать Пушкина],[2] Кикин с дочерью, кн. Цицианова, Григорий [Римский-] Корсаков, Niedham, Английский путешественник, кн. Алексей Голицын, Свистунов, офицер л.-гв. Конного полка [см. о нем ниже, стр. 290—291, в объяснениях к письму № 427] и А. Я. Булгаков с сыном Костей [род. 17 апреля 1812, ум. 8 декабря 1862].[3] — Во вторых

---

[1] 28 марта 1831 г. Е. А. Энгельгардт передавал Ф. Ф. Матюшкину эти же «стихи», как сочиненные Пушкиным (см. ниже, стр. 222). Ср. с этими стихами слова Пушкина в черновых набросках «Египетских ночей»: «Но главною неприятностью платится мой приятель — приписыванием множества чужих сочинений, — как то... *о женитьбе*, в коем так остроумно сказано, что коли хочешь быть умен — учись, коли хочешь быть в аду — женись» («Русск. Стар.» 1884 г., № 12, стр. 533).

[2] О ней см. нашу заметку, по поводу стихов к ней Пушкина, в «Атенее», вып. I—II, Лгр. 1925, стр. 5, 12—13.

[3] О нем и об отношениях его к Пушкину см. в работе А. Л. Вейнберг: «К. К. Данзас, секундант Пушкина, и К. А. Булгаков», в «Звеньях», кн. I, М. 1931, стр. 64—76. *Ред.*

больших санях сидели: Александр Пушкин, Мад. Пушкина, рожд. Гончарова, Сергей [Иванович] Пашков и его жена [Надежда Сергеевна, рожд. кн. Долгорукова], дев. Елизавета Нарышкина, [1] девица-полька кн. Долгоруковой, Додо Сушкова [впоследствии гр. Ростопчина, поэтесса] и ее гувернантка Мад. Дювернуа, Ломоносов, кн. Платон Мещерский [см. выше т. II, стр. 74 и 374—375], Сергей Норов и Свиньин. — В третьих больших санях помещались: княгиня Щербатова с дочерьми княжнами Наталией, Анной и Полиной, полковник Лазарев, Владимир Пфелер, Василий Обресков, граф Алексей Бобринский и улан Скарятин («Русск. Арх.» 1902 г. кн. I, стр. 57—58). Из писем, которыми друзья приветствовали его со вступлением в новую жизнь, до нас дошли только два: Плетнева, от 22 февраля, в коем он писал: «Поздравляю тебя, милый друг, окончанием кочевой жизни. Ты перешел в наше состояние истинно гражданское. Полно в пустыне жизни бродить без цели. Всё, что на земле суждено человеку прекрасного, оно уже для тебя утвердилось. Передай искреннее поздравление мое и Наталье Николаевне: целую ручку ее» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 224), и Е. А. Карамзиной, которая в теплом письме от 3 марта, показывающем ее искреннее расположение к поэту, писала ему (по-французски): «Задолго до получения вашего письма, милый Пушкин, [2] я поручила Вяземскому поздравить вас со счастливым днем и пожелать, чтобы ваше счастье было настолько постоянно и совершенно, насколько это возможно на земле. Спасибо за то, что вы вспомнили обо мне в первые моменты вашего счастья, — это истинное доказательство дружбы. Я повторяю мои пожелания или скорее надежду, что ваша жизнь станет тихой и спокойной настолько же, насколько она была бурной и мрачной до сих пор, что ваша кроткая и красивая избранница будет вашим ангелом-хранителем, что ваше сердце, всегда такое доброе, очистится возле вашей молодой супруги. Божественное милосердие да благословит и да сохранит вас! Я очень бы хотела быть свидетельницей вашего нежного и добродетельного счастья. Вы не усомнитесь в искренности этих пожеланий, как не сомневаетесь в дружбе, которая их внушила той, которая до конца жизни вам преданная — Е. Карамзина. Прошу вас передать Mad. Пушкиной мою благодарность за ее любезные строки и сказать ей, что я ценю ее молодую дружбу, и уверить ее, что, несмотря на мою холодную и суровую внешность, она всегда найдет во мне сердце, готовое ее любить, особенно если она упрочит счастие своего мужа. Дочери мои, как вы сами можете представить, нетерпеливо желают познакомиться с прекрасной Natalie» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 228—229). Приятель Пушкина А. Н. Вульф в «Дневнике» своем под 28 марта 1831 г. (около Дубно) лишь кратко отметил: «Сегодня Ушакова брат привез из Москвы известие, что Пушкин наконец женился» («Пушкин и его соврем.», вып. XXI—XXII, стр. 162). Н. М. Смирнов впоследствии писал, что «женитьба была его [Пушкина] несчастие» и что «все близкие друзья

---

[1] Фрейлина Елизавета Ивановна Нарышкина (род. 1791 — ум. 1858), дочь посаженого отца Н. Н. Пушкиной Ивана Александровича Нарышкина (о нем см. «Русск. Арх.» 1897 г., кн. II, стр. 183).

[2] Письмо это до нас не дошло, как и другие письма Пушкина к супругам Карамзиным.

407—408 его сожалели, что он женился. Семейные обязанности должны были неминуемо отвлечь его много от занятий, тем более, что, не имея еще собственного имения, живя произведениями своего пера и женясь на девушке, не принесшей ему никакого состояния, он приготовлял себе в будущем грустные заботы о необходимом для существования. Так и случилось. С первого года Пушкин узнал нужду, и хотя никто из самых близких не слыхал от него ни единой жалобы, беспокойство о существовании омрачало часто его лицо» («Русск. Арх.» 1882 г., кн. I, стр. 232—233).

— Письмо Пушкина к деду его жены, Афанасию Николаевичу Гончарову (о нем см. выше, т. II, стр. 425 и др.; дату его смерти, в которой мы не были уверены, теперь следует уточнить: он умер в Москве 8 сентября 1832 г., погребен в Полотняном Заводе), в Полотняный Завод, представляет собою типичное письмо младшего родственника к старшему, написанное в обычных для того времени почтительно-торжественных выражениях, нисколько не соответствовавших тем действительным чувствам, какие поэт мог питать (и питал) к несимпатичному семидесятилетнему старику, о котором в дальнейших письмах к близким друзьям (Плетневу и Нащокину) он отзывается весьма нелестно, например: «Дедушка свинья: он выдает свою третью наложницу замуж с 10 000 приданого, а не может заплатить мне моих 12 000 и ничего своей внучке не дает» (см. выше, письмо № 471), несмотря на обещания, высказывавшиеся им устно и письменно (например, в письме от 9 апреля 1831 г. — см. Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 234—235).

— Дмитрий Николаевич — Гончаров, брат Н. Н. Пушкиной; о нем см. выше, т. II, стр. 100, 452—453 и др., и в настоящем томе письма №№ 514 и 536, и примечания к ним.

— Памятник — бронзовая статуя Екатерины II, находившаяся в подвалах в Полотняном Заводе, о разрешении продажи которой хлопотал «дедушка» Гончаров еще в 1830 г.; см. выше, т. II, в письмах № 341, 349, 354, 357, 358, 360, 361, 371, 372, и выше в письме № 501, а также Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 378, в письме к Пушкину И. П. Мятлева, которому поэт в 1832 г. предлагал купить эту статую.

— Приписка Н. Н. Пушкиной — один из весьма немногих дошедших до нас образчиков эпистолярного слога жены поэта, которая, повидимому, не любила писать письма; письма ее к мужу до нас не сохранились [за исключением одного (1834 г.), напечатанного facsimile, с переводом П. Е. Щеголева, в его труде: «Дуэль и смерть Пушкина», 3 изд., Лгр. 1928, стр., 51—52. Ср. ниже, стр. 451—453. — *Ред.*].

408. *П. А. Плетневу*. 24 февраля [1831 г.] (стр. 14). Впервые напечатано в «Современнике» 1838 г., т. X, стр. 46 (отрывок), в «Портретной и биографической галлерее словесности, наук, художеств и искусств в России, I. Пушкин — Брюллов» (Портреты Соколова), С.-Пб. 1841, стр. 11, и в «Материалах» Анненкова, изд. 1855 г., стр. 315 (то же), в Сочинениях Плетнева, т. III, С.-Пб. 1885, стр. 367—368 (полностью, с подлинника, но неточно), и в Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 228 (то же); у нас печатается точно, по подлиннику, хранящемуся в ИРЛИ (Пушкинском Доме); он писан на листе почтовой бумаги большого формата (без водяных знаков) и проколот в карантине при окуривании.

— Дочка Плетнева — Ольга Петровна, которой в это время было несколько месяцев (род. в мае 1830); она рано потеряла мать, воспитывалась сперва дома, а после смерти матери (см. ниже) — у известной детской писательницы Александры Осиповны Ишимовой (к которой обращено известное последнее письмо Пушкина, от 27 января 1837 г.); 7 января 1851 г. она, в Петербурге, вышла замуж за Александра Борисовича Лакиера (род. 30 апреля 1825 — ум. 28 января 1870), кандидата Московского Университета, познакомившегося с Плетневым в 1845 г. и привязавшегося к нему нежной привязанностью. Брак был непродолжителен: 15 октября 1851 г. Ольга Петровна скончалась при родах первенца-сына Петра. См. выше, т. II, стр. 107, 430 и 468, «Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым», тт. I—III; Сочинения П. А. Плетнева, т. III, С.-Пб. 1885, стр. 352, 405, 406, 410—411, 481. № 408

— Ст. Ал. — жена Плетнева — Степанида Александровна, рожд. Раевская (не из рода Раевских — друзей Пушкина); она умерла 21 апреля 1839 г., 44 лет от роду (род. 11 ноября 1795; см. «Петербургский Некрополь», т. III, стр. 429). О ней нам мало известно. С. М. Дельвиг в своих письмах 1824 г. к пансионской своей подруге А. Н. Семеновой [см. посмертный сборник статей Б. Л. Модзалевского: «Пушкин», Лгр. 1929, стр. 187, 234 и 244. — *Ред.*] дает о ней отзывы как о женщине бесцветной, стоявшей ниже своего мужа и мало ему подходившей. Такой же представляется она и в тех немногих словах, которые о ней сохранились в «Воспоминаниях» И. С. Тургенева: в статье «Литературный вечер у Плетнева» (в январе 1837 г.) он пишет: «Петр Александрович ввел меня в гостиную и представил своей (первой) жене, уже немолодой даме, болезненного облика и очень молчаливой». Гоголь, узнав о смерти С. А. Плетневой, писал Плетневу из Москвы: «Я слышал и горевал о вашей утрате. Вы лишились вашей доброй и милой супруги, столько лет шедшей обруку вашу, свидетельницы горя и радостей ваших и всего, что волнует нас в прекрасные годы нашей жизни. Знаете-ли, что я предчувствовал это? И когда я прощался с вами, мне что-то смутно говорило, что я увижу вас в другой раз уже вдовцом» («Изв. Отд. Русск. яз. и слов. Акад. Наук» 1900 г., т. V, кн. 1, стр. 265). Провдовев без малого десять лет, Плетнев 26 января 1849 г. женился вторично — на молодой своей ученице, княжне Александре Васильевне Щетининой (род. 12 февраля 1826 — ум. 29 декабря 1901).

— Баронесса — С. М. Дельвиг, вдова поэта; см. выше, стр. 187 и 205.

— Жуковский в это время был в Петербурге; лето он провел в Царском Селе, в постоянном общении с Пушкиным.

— Гнедич — Николай Иванович (род. 2 февраля 1784, ум. 3 февраля 1833); 31 января 1831 г. он был уволен от службы из библиотекарей Публичной Библиотеки (В. Л. Модзалевский, «Малороссийский Родословник», т. I, Киев 1908, стр. 281), но уже через несколько дней состоялся указ, коим «Отставному статскому советнику Гнедичу всемилостивейше повелено быть Членом Главного Правления Училищ» (см., например, «Северн. Пчелу» от 16 февраля 1831 г., № 37, стр. 1). О Гнедиче см. выше, тт. I и II, по указателю.

— Addio — по-итальянски значит: «прощай».

— Ответ Плетнева на это письмо Пушкина нам неизвестен.

№ 409 409. *Н. И. Хмельницкому.* 6 марта 1831 г. (стр. 14). Впервые напечатано в «Отеч. Записках» 1855 г., № 6, отд. III, стр. 68, в статье В. П. Гаевского о I томе Сочинений Пушкина под ред. П. В. Анненкова, 1855 г.; подлинник был у В. П. Гаевского, которому был сообщен Е. Н. Васильевым, служившим при Хмельницком в Смоленске во время губернаторства последнего; затем принадлежал Л. Н. Майкову, а ныне неизвестно где находится: у нас (как и в Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 229—230) печатается по копии В. П. Гаевского, принадлежавшей Е. И. Якушкину, а ныне находящейся в ИРЛИ (Пушкинском Доме) Академии Наук СССР.

— Письмо Хмельницкого, на которое отвечает Пушкин, сохранилось; оно совершенно тождественно с официальным письмом его к М. Н. Загоскину, датированным: «№ 1626. 11 февраля 1831 г. Смоленск», и содержавшим в себе просьбу «украсить Смоленскую Публичную Библиотеку подарком сочинений» Загоскина («Раут», изд. Н. В. Сушкова, кн. III, М. 1854, стр. 308—309). Приводим текст письма Н. И. Хмельницкого к Пушкину за № 1629 от 11 февраля 1831 г.: «Милостивый Государь, Александр Сергеевич, По распоряжению Господина Министра Внутренних Дел Графа Арсения Андреевича Закревского предположено повсеместно завести Губернские Публичные Библиотеки и, по приглашению Его Сиятельства, многие уже из Господ Писателей и журналистов согласились доставить в оные по экземпляру своих сочинений и периодических изданий. — Озабочиваясь исполнением столь общеполезного предположения Начальства и с тем вместе будучи уверен в вашем благосклонном ко мне, Милостивый Государь, расположении, я решился покорнейше просить вас украсить Смоленскую Публичную Библиотеку подарком ваших сочинений, что без сомнения почту за особенно оказанное мне одолжение. — С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть Милостивый Государь Ваш покорнейший слуга Николай Хмельницкий» [см. «Литературное Наследство» № 16—18, стр. 579.—*Ред.*].

— Николай Иванович Хмельницкий (род. 11 августа 1791 — ум. 8 сентября 1845); с 1824 г., служа по ведомству Министерства Внутренних Дел и состоя чиновником для особых поручений, был неоднократно посылаем в разные губернии, а 24 февраля 1829 г. был назначен губернатором в Смоленск. По словам Н. А. Добротворского, пользовавшегося изустными преданиями и архивными данными, Хмельницкий в течение $8^1/_2$ лет своего управления краем «сделал для города и губернии чуть ли не больше, чем каждый из остальных губернаторов, состоявших в этой должности иногда по 10—15 лет». И действительно, не говоря уже о мелких улучшениях внешнего вида Смоленска, Хмельницкий оказал ему много услуг более существенных: так, он исходатайствовал у государя ссуду в миллион рублей на нужды города (1829 г.), еще носившего на себе следы Наполеоновского нашествия, устроил первую в России губернскую «выставку ремесленных и мануфактурных изделий» с целью поощрить местное производство, составил статистическое описание двенадцати городов или нескольких уездов Смоленской губернии, описание земледельческой ремесленной и торговой ее промышленности, агрономическую карту губернии и т. п. Наконец, когда в 1830 г., по мысли гр.

Н. С. Мордвинова, Министерство Внутренних Дел предложило губернаторам приступить к открытию общественных библиотек в губернских городах (см. «Русск. Арх.» 1882 г., кн. III, стр. 157; Н. П. Барсуков, «Жизнь и труды Погодина», кн. III, стр. 193), стараниями Хмельницкого была открыта в Смоленске, уже в 1831 г., Публичная библиотека с особым кабинетом для чтения, в котором обыватели могли читать книги, газеты и журналы, и притом бесплатно. Составилась эта библиотека почти исключительно из одних пожертвований, причем Хмельницкий, имея значительные личные литературные знакомства, обратился ко всем известным петербургским и московским писателям с просьбою о высылке их сочинений во вновь открывающуюся Смоленскую библиотеку. Многие сочувственно отозвались на призыв и прислали не только сочинения, но и журналы, которые ими издавались. Так, Полевой прислал бесплатно свой «Московский Телеграф» за несколько лет, обещаясь и впредь высылать его даром; Погодин выслал свой «Московский Вестник» и т. д. Библиотека существовала до конца 70-х годов, когда почему-то была закрыта («Историч. Вестн.» 1889 г., № 12, стр. 567). В деле внутренней жизни губернии Хмельницкому пришлось столкнуться с двумя очень щекотливыми по тому времени вопросами: о злоупотреблении помещичьей властью и о положении раскольников. Грубые крепостники встречали в лице Хмельницкого настойчивое противодействие: он выступал нередко против нарушения закона или превышения помещиками власти. Что касается вопроса о расколе, то Хмельницкий понимал, что здесь нельзя ничего достигнуть мерами строгости и насилия, а потому считал полезным постоянно сдерживать пыл не в меру ревностной полиции; такой небывалый доселе образ действий губернатора возбудил против него общее негодование духовенства, и оно обратилось к своему архиерею с просьбою «о принятии каких-либо мер». Но губернатор, несмотря на письмо к нему «преосвященного», не изменил своей политики. Создав себе таким образом многочисленных и сильных врагов, Хмельницкий подготовил и свое падение. На него со всех сторон посыпались в Петербург доносы, в которых между прочим выставлялось на вид, что все произведенные при Хмельницком казенные постройки в губернии обошлись неимоверно дорого; не забыли указать даже на слабость холостяка Хмельницкого к женскому полу, пользуясь которою, от «веселого губернатора» можно было будто бы добиться всевозможных послаблений. Все это привело к тому, что для исследования дела на месте была назначена комиссия, а Хмельницкий, переведенный 6 июля 1837 г. губернатором в Архангельск, в начале 1838 г. был вызван в Петербург, так как комиссия обнаружила большие хищения казенных денег со стороны строителей Смоленско-Московского шоссе, а на губернатора взводила обвинение если не в участии в казнокрадстве, то в нерадении к служебным обязанностям. До окончательного расследования дела Хмельницкий был заключен в Петропавловскую крепость, где просидел шесть месяцев. Наконец, Николай I, прочитав дело о следствии, убедился в полной невиновности Хмельницкого, приказал немедленно освободить его и даже наградил орденом. Хмельницкий вышел из крепости уже совершенно разбитый болезнями и душевными страданиями, седой и полуослепший. В надежде восстановить свое надломленное

409—410 здоровье, он весною 1843 г. уехал за границу, но, не вылечившись, возвратился в Петербург, где вскоре и умер. По словам людей, близко знавших Хмельницкого, это был человек очень добрый, мягкий и душевный, хотя и прикрывавший свою мягкость и добродушие маскою вежливой наружной холодности. Литература была любимым занятием Хмельницкого, которому он охотно посвящал свои досуги. Во время жизни своей в Петербурге он постоянно вращался в литературных кружках столицы. Между прочим, он усердно посещал собрания у кн. А. А. Шаховского и у себя устраивал вечера, на которых бывали не только писатели, но и артисты, так как интересы Хмельницкого вращались преимущественно в сфере театра. С Пушкиным был он знаком еще в лицейские годы поэта и, по словам Н. В. Сушкова, посещал его еще в Царском Селе («Раут», кн. III, М. 1854, стр. 330). Выступив перед публикой в 1817 г. (то есть в год выпуска Пушкина из Лицея) с комедией «Говорун» (переделка с французского), он ежегодно ставил на сцену по одной или две пьесы (из них одна была написана при участии Грибоедова), которые всегда исполнялись с большим успехом и создали Хмельницкому известность лучшего водевилиста, а некоторые его герои долгое время были популярны и сделались типами; Хмельницкий писал и рассказы, и стихи, и исторические пьесы, и комедии, делал переводы из Мольера, писал и путевые письма, — но главное его значение — именно в создании легкого, игривого и шутливого водевиля, и хотя, в конце концов, в истории русской литературы Хмельницкий занимает довольно скромное место, имя его в свое время пользовалось громкой известностью. Пушкин называл его «любимым своим поэтом». — В письме к брату (1825 г.; см. выше, т. I, стр. 127; ср. стр. 38, 49, 254, 270 и 426) он говорил следующее: «Хмельницкий — моя старинная любовница: я к нему имею такую слабость, что готов поместить в честь его целый куплет в 1-ю песнь Онегина». Хмельницкий был веселым и остроумным писателем. Своими игривыми водевилями, всегда естественно и приятно написанными, он ловко умел угождать вкусам и потребностям публики, которая за это и любила его. О Хмельницком см. статью Б. Л. Модзалевского в «Русском Биографическом Словаре», Ф—Ц, С.-Пб. 1901 г.; здесь библиография сочинений Хмельницкого и литературы о нем; к ней добавим еще указание на статью Ю. Д. Беляева о юбилейной постановке водевиля Хмельницкого «Карантин» — в «Новом Времени» от 1 сентября 1906 г.; № 10944, стр. 4 [см. также в «Записках А. А. Кононова» — в «Библиографических Записках» 1859 г., столб. 309—310. *Ред.*].

410. *С. Д. Киселеву.* [Вторая половина марта 1831 г.] (стр. 15). Впервые напечатано в газ. «Русск. Ведом.» 1899 г., № 151, стр. 3, столб. 6, по подлиннику, принадлежавшему тогда Аде Ивановне Киселевой, а в последнее время находившемуся в собрании И. С. Остроухова в Москве [ныне в Третьяковской Галлерее. *Ред.*]: он писан на небольшом листе почтовой бумаги, с водяным знаком: А. Г. 1830. Датируется по соображению времени рождения первого ребенка у Сергея Дмитриевича Киселева (род. 1793 — ум. 12 июля 1851) и его жены (с 1830 г.) Елизаветы Николаевны, рожд. Ушаковой (род. 9 сентября 1810 — ум. 21 сентября 1872): их первенец Павел (впоследствии, как старший племянник бездетно умер-

шего графа П. Д. Киселева, — с 30 апреля 1873 г. — граф Киселев) родился в Москве 28 марта 1831 г. (ср. Н. О. Лернер, «Труды и дни», М. 1903, стр. 89). — Очевидно, Пушкин, дружески связанный с С. Д. Киселевым (см. выше, т. I, стр. 250, и т. II, стр. 59, 68, 76, 123, *214*, 246, 319, 320, 321, 340, 354, 376, *388*, 498) и с его женою, которой он посвятил стихотворение в период еще недавнего увлечения своего ею и ее старшею сестрою Екатериною (см. о них выше, т. II, стр. 74, 76, 214, 339, *354*, *376—377*, 378, 388, 402, 416), знал об ожидавшемся в конце марта событии и, воспользовавшись случаем возвращения взятых у Киселева книг, захотел узнать, не совершилось ли уже это событие.

411. *Е. М. Хитрово.* 26 марта [1831 г.] (стр. 15—16). Впервые напечатано в изданном Пушкинским Домом сборнике «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Лгр. 1927, стр. 18—19; подлинник в ИРЛИ (Пушкинском Доме) — на листе почтовой бумаги большого формата, с водяными знаками: А. Г. 1830, сложен конвертом и запечатан гербовою печатью Пушкина под графскою короною; проколот в карантине при окуривании; карандашом, рукою Е. М. Хитрово, помечено: «Пушкин».

Перевод: Хлопоты и затруднения этого месяца, который у нас не мог бы быть назван медовым, до сих пор мешали мне написать Вам. — Мои письма к Вам должны были бы состоять исключительно из извинений и благодарностей, но Вы стоите слишком высоко над тем и другим, чтобы я это себе позволил. Однако же, мой брат будет обязан Вам всей своей будущей карьерой; он уехал, проникнутый благодарностью. Каждую минуту я жду решения Б[енкендорфа], чтобы сразу же его уведомить. — Я надеюсь быть у Ваших ног самое большое через месяц или два. Думаю об этом, как о настоящем празднике. Москва — это город ничтожества На ее заставе написано: Оставьте всякое разумение, о вы, сюда входящие. Политические новости доходят до нас поздно или искаженными. Около двух недель мы не знаем ничего определенного о Польше, и ни у кого нет никакого беспокойства и нетерпения. Если бы еще мы были рассеянны, очень безумны, очень легкомысленны но совсем нет. Мы жалки, мы печальны и тупо подсчитываем, насколько сократились наши доходы. — Вы говорите мне о де Ламенэ. Я хорошо знаю, что это Босюэт журналистики, но его листок не доходит до нас. Пускай его пророчит; я не знаю, Ниневия ли для него Париж, но что касается нас, то уж мы-то — тыквы. — Скарятин только что сказал мне, что перед отъездом он видел Вас, что Вы были так добры, что вспомнили вновь обо мне и даже хотите послать мне книги. Положительно придется благодарить Вас, хотя бы я и вывел Вас тем из терпения. Примите уверения в моем почтительном уважении и передайте его графиням Вашим дочерям. 26 марта. Мой адрес: дом Хитровой на Арбате.

— Месяц со дня свадьбы Пушкина исполнился 18 марта; о каких хлопотах и затруднениях, им пережитых в это время, говорит поэт, неизвестно, так как мы мало знаем о том, что происходило с ним тогда: только вышеупомянутый Пушкиным (стр. 10; ср. стр. 191) поэт В. И. Туманский, проездом из Петербурга на службу в Молдавию посетивший в Москве Пушкина, оставил нам несколько слов о нем и его житье-бытье: «В Москве провел я весьма приятно целые сутки, — писал он своей кузине

№ 411 16 марта 1831 г. из Орла,— Пушкин радовался, как ребенок, моему приезду, оставил меня обедать у себя, и чрезвычайно мило познакомил меня со своею пригожею женою. Не воображайте, однако ж, чтобы это было что-нибудь необыкновенное. Пушкина — беленькая, чистенькая девочка с правильными черными и лукавыми глазами, как у любой гризетки. Видно, что она неловка еще и неразвязна, а все-таки московщина отражается на ней довольно заметно. Что у ней нет вкуса, это было видно по безобразному ее наряду; что у нее нет ни опрятности, ни порядка — о том свидетельствовали запачканные салфетки и скатерть и расстройство мебелей и посуды» (Стихотворения и письма В. И. Туманского, С.-Пб. 1912, стр. 310—311); да бывший директор Лицея, известный своим добродушием Е. А. Энгельгардт, так строго отзывался о своем бывшем питомце по поводу его женитьбы (в письме к Ф. Ф. Матюшкину от 18 марта 1831 г.): «Знаешь-ли, что Пушкин женился? Жена его москвичка, как говорят, очень любезная, образованная и с деньгами.[2] Жаль ее: она верно будет несчастлива. В нем только и было хорошего, что его стихотворческий дар, да и тот, кажется, исчезает; новейшие его произведения далеко отстали от прежних, напр., Борис Годунов его очень слаб. Он забавляется маленькими, эпиграмматическими стихами, в которых довольно пошлым образом ругает всех и всё. Плохое ремесло» («Вестн. Всемирной Истории», 1899 г., № 1, стр. 101, в статье об Е. А. Энгельгардте Д. Ф. Кобеко; Дм. Кобеко, «Имп. Царскосельский лицей», С.-Пб. 1911, стр. 314), а 28 марта он писал тому же Матюшкину: «Пушкин женился и на другой день свадьбы сочинил эпиграмму, в которой, между прочим, в заключении сказано: если хочешь попасть в рай — молись, а хочешь в ад — женись» (там же, стр. 315).[3] Приведем еще отзыв одной умной и наблюдательной современницы, Е. Е. Кашкиной, которая в письме к своей родственнице, П. А. Осиповой, от 26 апреля 1831 г., так передавала свое наблюдение о Пушкиных, основанное на неоднократном впечатлении от молодой пары: «С тех пор, что он женился, это совсем другой человек, — положительный. — рассудительный, обожающий свою жену. Она достойна этой метаморфозы, так как утверждают, что она столь же умна, как и красива, — осанка богини, с прелестным лицом; и когда я его встречаю рядом с его прекрасной супругой, он мне невольно напоминает портрет того маленького очень умного и смышленного животного, которое ты угадаешь и без того, чтобы я тебе назвала его» (Б. Л. Модзалевский, «Поездка в Тригорское» — «Пушкин и его соврем.», вып. I, стр. 65).

— Мой брат — Лев Сергеевич Пушкин, поручик Нижегородского драгунского полка; как мы видели выше (стр. 160—161), он, получив отпуск с Кавказа, проживал в Петербурге, а затем в Москве — до марта 1831 г. В его послужном списке 1849 г. этот отпуск означен так: «Приказом Глав-

---

[1] Здесь, кажется, заметна в Туманском та же склонность к преувеличениям, которую отмечал в нем Пушкин и раньше, в Одессе, — ср. его письмо к брату от 25 августа 1823 г., выше, т. I, стр. 53.

[2] Как известно, образованием Н. Н. Пушкина не могла похвастать; денежных средств не имела никаких.

[3] Ср. выше, стр. 214.

нокомандовавшего в Грузии Генерал-Фельдмаршала кн. Варшавского гр. № 411
Паскевича-Эриванского в 14 день декабря 1829 г. № 251 был уволен в отпуск по домашним обстоятельствам в С.-Петербург на 4 месяца; отпуск сей высочайшим приказом 21 апреля 1830 г. продолжен еще на 2 месяца и с высочайшего разрешения дозволено ему было остаться в оном еще 14 дней; во время следования его из отпуска в полк он заболел и находился для пользования в Москве, — о каковой болезни было доставлено при отношении Московского Коменданта за № 799 надлежащее свидетельство». Судя, однако, по упрекам поэта (см. письмо его к брату от 6 апреля — выше, № 413) в болтовне и пьянстве с французскими актерами у Яра (о чем было сообщено Бенкендорфу), Лев Пушкин не был болен, а просто не мог расстаться с веселой и беспутной московской жизнью... Протянув же всеми правдами и неправдами отпуск до крайней степени возможности, он стал хлопотать о переходе в войска, действовавшие на театре войны в Польше, и Пушкин, желая помочь брату, обратился с письмом к Бенкендорфу (письмо это нам неизвестно), прося его содействия. Бенкендорф ответил Пушкину 7 апреля: «Милостивый Государь Александр Сергеевич! Письмо ваше, в коем вы просите о переводе в действующую Армию брата вашего поручика Нижегородского драгунского полка, я имел счастие докладывать государю императору, и его величество, приняв благосклонно просьбу вашу, высочайше повелеть мне соизволил спросить графа Паскевича-Эриванского, может-ли таковой перевод брата вашего последовать, приятным долгом поставляя вас, милостивый государь, о сем уведомить, пребываю с совершенным почтением и преданностью ваш, милостивый государь, покорнейший слуга А. Бенкендорф» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 233); но так как в то же время Бенкендорф получил неблагоприятный отзыв о Льве Пушкине из Москвы, пришлось усугубить хлопоты, — и в дело была введена Е. М. Хитрово. Между тем Л. С. Пушкин покинул Москву еще в марте 1831 г.: 27 марта сестра его О. С. Павлищева писала мужу, Н. И. Павлищеву, из Петербурга: «Лев принужден был возвратиться в Тифлис, — он не сумел написать прошения и утверждает, что это из-за орфографии. Это меня очень огорчило, и я два дня проплакала. Я надеюсь его снова увидеть» («Пушкин и его соврем.», вып. XV, стр. 47); через полтора месяца, 17 мая 1831 г., О. С. Павлищева писала мужу: «Лев принужден был возвратиться в Тифлис, но г-жа Хитрово употребляет всё свое влияние [M-me Hittroff cabale de tout son pouvoir], чтобы скорее перевести его в действующую армию — эту дурацкую армию» («Пушкин и его соврем.», вып. XV, стр. 64—65). Хлопоты увенчались успехом, — и 20 мая 1831 г. Лев Сергеевич был переведен в Финляндский драгунский полк, о чем его брат писал П. В. Нащокину в таких выражениях: «Брат мой переведен в Польскую Армию. Им были недовольны, за его пианство и буянство; но это не будет иметь следствия никакого» (см. выше, в письме № 442). — Е. М. Хитрово познакомилась с Л. С. Пушкиным через посредство брата-поэта, который рекомендовал его ей посредством записки, относящейся к марту — апрелю 1830 г. и врученной при отъезде Л. С. из Москвы в Петербург (см. выше, т. II, стр. 80 и 321, и примечания, стр. 407—408). На Льва Пушкина Е. М. Хитрово, повидимому,

№ 411 перенесла часть тех нежных чувств, которые питала к его старшему брату, так что, когда он уезжал из побывки в Петербурге обратно в Москву, его прощанье с нею «было очень нежно» (ср. в записках гр. М. Д. Бутурлина в «Русск. Арх.» 1897 г., кн. II, стр. 373).

— Действительно, Пушкин покинул Москву в середине мая 1831 г.; приехав в Петербург, он провел здесь, остановившись в гостинице Демута, около недели и затем переехал в Царское Село, на Колпинскую улицу, на дачу Китаева.

— Выражением: «Оставьте. . .» и т. д. Пушкин пародирует заключительный стих надписи на вратах ада в поэме Данта: «Lasciate ogni speranza voi ch'entrate» — «Оставьте всякую надежду сюда входящие» («Inferno», Canto terzo, v. 9.). Этот же стих, и тоже в пародическом применении, Пушкин цитировал в третьей главе «Евгения Онегина» (строфа XXII).

— Об аббате Ламенне и его «листке», то есть газете «l'Avenir», см. выше, стр. 132, в примечаниях к письму № 394. Сравнивая Ламенне с Босюэтом (род. 1627 — ум. 1704), Пушкин имел в виду знаменитейшего духовного проповедника Франции XVII века, славившегося своими речами, беседами и богословскими произведениями, имевшими широкое распространение и пользовавшимися в свое время большим влиянием.

— «Замечание Пушкина о Ниневии и тыквах, примененное к Ламенне, не совсем ясно, — говорит Б. В. Томашевский. — Очевидно, Пушкин имеет в виду библейское сказание об Ионе. — Как известно, Иона по «божьей воле» проповедывал в Ниневии о том, что этот город через 40 дней будет разрушен. Жители Ниневии вняли проповеди Ионы и раскаялись, вследствие чего бог помиловал город. Иона был недоволен тем, что пророчество его не исполнилось, и жаловался на это богу. Тогда бог явил Ионе следующее знамение: Иона устроил себе за городом шалаш. Бог вырастил в одну ночь вьющееся растение, которое дало Ионе тень, очень его обрадовавшую. Однако, червь подточил корень растения, и оно на следующий день увяло, и солнце снова стало жечь голову Ионе. На его жалобы по этому поводу бог сказал ему, что если он сожалеет о гибели растения, выросшего в одну ночь, то сколь более достоин сожаления такой большой город, как Ниневия. Пушкин пользовался, очевидно, славянской библией, а не французской; во французском тексте растение Ионы обозначено в католических библиях, переведенных с Вульгаты, словом «le lierre» (плющ), а в протестантских (перевод Остервальда) еврейским словом «le kikajon». В славянской библии в соответствующем месте (Книга пророка Ионы, гл. IV, стих 6) стоит слово «тыква», которое Пушкин и перевел словом «citrouille». — Применение Ниневии к Парижу более или менее понятно (то есть Пушкин говорит о том, что ему неизвестно, последуют ли парижане указаниям Ламенне), но труднее уловить применение слова «тыква» к себе. («Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Лгр. 1927, стр. 348, и примеч.). Повидимому, однако, эту фразу надо понимать просто в смысле: «что касается нас, то мы — просто дураки».

— Скарятин — Федор Яковлевич (род. 3 апреля 1806), старший из пяти сыновей известного по участию в убийстве Павла I Якова Федоро-

вича Скарятина (ум. 1850), женатого на кн. Наталии Григорьевне Щербатовой и лично знакомого с Пушкиным (который в «Дневнике» своем неоднократно о нем упоминает, — см. издание под ред. Б. Л. Модзалевского, Лгр. 1923, стр. 7, 8, 9, 10); будучи фанен-юнкером Нарвского драгунского полка, Ф. Я. Скарятин был привлечен к следствию по делу декабристов, но признан был невиновным и, по выдержании под арестом, был освобожден 20 апреля 1826 г. и отправлен в полк под надзор своего дяди, командира 4-го пехотного корпуса князя А. Г. Щербатова, а 23 июня переведен юнкером в Кавалергардский полк и определен в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров («Алфавит декабристов», под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, Лгр. 1925, стр. 178, 182, 396) и в 1828 г. выпущен корнетом в С.-Петербургский уланский полк (Е. С. Каменский, «История 2-го драгунского С.-Петербургского полка», т. II, М. 1900, прил., стр. 47). В 1829 г. он уволился в резерв и совершил путешествие на Ближний Восток (Ф. П. Фонтон. «Воспоминания», т. II, Лейпциг 1862, стр. 143), по возвращении откуда поступил адъютантом к московскому генерал-губернатору кн. Д. В. Голицыну. Из Прибавления к № 67 «С.-Петербургских Ведомостей» от 20 марта 1831 г. видно (стр. 632), что какой-то отставной штабс-капитан Скарятин выехал из Петербурга в Москву 17 марта 1831 г. (подробнее о нем см. в «Письмах Пушкина и Е. М. Хитрово», Л. 1927, стр. 102—103). — Следует, однако, сказать, что Пушкин, может быть, упоминает в письме своем не Ф. Я. Скарятина, а младшего брата его, Григория Яковлевича (род. 1808), поручика Кавалергардского полка, который, выехав из Петербурга «в разные губернии» 18 марта 1831 г. (Прибавление к № 68 «С. Петербургских Ведомостей» от 21 марта 1831 г., стр. 644), вернулся в Петербург из Москвы 2 мая 1831 г. (Прибавление к № 104 «С.-Петербургских Ведомостей», стр. 988). О Г. Я. Скарятине, убитом в Венгерскую войну 9 июля 1849 г., см. в «Сборнике биографий кавалергардов», т. IV, стр. 37.

412. *П. А. Плетневу*. 26 марта [1831 г.] (стр. 16—17). Впервые напечатано в «Современнике» 1838 г., т. X, стр. 47 (отрывок), и оттуда — у Анненкова в «Материалах», изд. 1855 г., стр. 316 (с неверным отнесением к Петербургу), в «Русск. Арх.» 1869 г., ст. 2069, и в Сочинениях, изд. 1882 г., т. VII, стр. 290—291; полностью, по подлиннику, не совсем исправно, в Сочинениях П. А. Плетнева, т. III, С.-Пб. 1885, стр. 368—369; у нас печатается точно по подлиннику, принадлежащему ИРЛИ (Пушкинскому Дому) Академии Наук СССР; он на листе почтовой бумаги большого формата, с водяными знаками: А. Г. 1830; проколот в карантине при окуривании.

— «Уже месяц» — то есть с поздравительного письма Плетнева от 22 февраля (см. Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 224—226), на которое Пушкин и сам еще не отвечал.

— О запрещении Плетневу переписываться с Пушкиным см. выше, стр. 148, в письме № 396; «всемилостивейшее запрещение» — так называемый «оксиморон» (oxymoron) — шутка, остроумная глупость; ср. выше, т. I, стр. 67 («всемилостивейший отказ»).

— Одною из главных причин, побуждавших Пушкина уехать из Москвы, были нелады его с тещей, Н. И. Гончаровой. Хотя, по свиде-

№ 412 тельству близких людей, характер у Пушкина был «самый счастливый», чрезвычайно покладливый и удобный для семейной жизни, — теща не ладила с молодыми. По рассказу кн. Е. А. Долгоруковой, «Наталья Ивановна была очень довольна. Она полюбила Пушкина, слушалась его. Он с нею обращался как с ребенком. Может быть, она сознательнее и крепче любила его, чем сама жена. Но раз у них был крупный разговор, и Пушкин чуть не выгнал ее из дому. Она вздумала чересчур заботиться о спасении души своей дочери. У Пушкина она никогда не жила» («Рассказы о Пушкине», под ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 64). О столкновениях с тещею см. ниже, в письме № 431.

— Святая, так называемая пасхальная, неделя в 1831 г. приходилась на 19—25 апреля; с переездом Пушкин несколько запоздал, отправившись из Москвы около 15 мая.

— Подчеркнув слово *осень*, Пушкин хотел отметить важность и ценность этого времени года для его творческой работы, которая осенью обыкновенно особенно спорилась; см. выше, т. II, стр. 39, 41, 52, 104, 110, 254, 257–292, 463—464; ср. ниже, в письмах № 437, 453. Об уединении, как о необходимом для него условии плодотворности работы, см. выше, в письме № 399 (черновое) и ниже, № 519, 533, 548.

— Милые воспоминания связывались у Пушкина с Царским Селом по жизни там полицейский период (1811—1817 гг.), по дружбе с Чаадаевым, Раевским и другими молодыми просвещенными лейб-гусарами, по отношениям с Карамзиным и его семьей и т. д.

— Жуковский из-за холеры, появившейся летом 1831 г. в Петербурге, также провел летние месяцы в Царском Селе, куда переселился Николай I с семьею, то есть и с двенадцатилетним наследником Александром Николаевичем, воспитанником Жуковского.

— Белизар — петербургский книгопродавец; см. выше, стр. 193 и ниже стр. 334.

— Из заказанных Пушкиным английских поэтов — «лэкистов» — в в библиотеке его до нас сохранились (см. Б. Л. Модзалевский, «Библиотека А. С. Пушкина», С.-Пб. 1910): «The poetical works of George Crabbe complete in one volume», Paris 1829, 8°, 319 стр.; «The poetical works of Robert Southey. Complete in one volume», Paris 1829, 8°, 728 стр. (и другие издания Соути), но сочинений Шекспира и Вордсворта не сохранилось, хотя известно, что Пушкин их изучал очень внимательно и усердно, причем Вордсворта читал, по свидетельству Шевырева, в подлинных текстах (см. Л. Н. Майков, «Пушкин», С.-Пб. 1899, стр. 330; см. также в статье Н. В. Яковлева: «Из разысканий о литературных источниках и творчестве Пушкина», этюды о сонетах Пушкина, «Перевод Пушкина из поэмы Вордсворта «Экскурсия», «Пушкин и Соути» — «Пушкин в мировой литературе. Сборник статей», Лгр. 1926, стр. 122—129, 132—137 и 145—159, а также его статьи о стихотворении Пушкина «Цыганы»—«Пушкин и его соврем.», вып. XXXVI, стр. 63—70 и др., — в которых обследованы Пушкинские изучения произведений английской литературы и отражение их в творчестве Пушкина).

— О доме Хитровой на Арбате см. выше, стр. 204.

— «Южная ласточка, смугло-румяная красота наша» — Александра Осиповна Россети (впервые высказал это, как предположение, Я. К. Грот —

Сочинения П. А. Плетнева, т. III, С.-Пб. 1885, стр. 368—369),[1] впоследствии Смирнова, одна из замечательнейших женщин петербургского света 20—30-х годов XIX века. Она родилась 6 марта 1809 г. и была дочерью Осипа Ивановича Россети, швейцарского подданного [см. его формуляр в изд.: «Записки, дневники, воспоминания и письма» А. О. Смирновой, со статьями и примечаниями Л. В. Крестовой», изд. «Федерация», М. 1929, стр. 407. — *Ред.*], перешедшего в русскую службу, во флот, и отличившегося в 1790 г. при взятии Измаила Суворовым, а впоследствии служившего инспектором Карантинной конторы в Одессе (Месяцеслов на 1810 г., ч. II, стр. 214); он умер 11 декабря 1813 г., оставив жену, Надежду Ивановну (из немецкого рода Лореров; ее мать была из грузинского рода князей Цициановых), четырех сыновей и дочь. В феврале 1826 г. Александра Осиповна, потерявшая в 1825 г. и мать (бывшую во втором браке за генералом И. К. Арнольди), окончила курс в петербургском Екатерининском институте со вторым шифром; как сирота, была взята ко двору вдовствующей императрицы Марии Федоровны, а затем (14 октября 1826 г.) назначена фрейлиной ко двору царицы. В институте была она любимой ученицей Плетнева, преподававшего там русскую словесность и сохранившего к ней навсегда нежную дружбу и расположение; тогда же узнала она и Жуковского (который написал стихи на выпуск ее класса); вскоре — повидимому, в 1827 г., когда Пушкин, в конце мая вернулся в Петербург познакомилась она и с великим поэтом, — по свидетельству дочери, — через Жуковского («Русск. Стар.» 1888 г., № 4, стр. 36). В это время она уже была окружена тою атмосферою влюбленности, флирта, ухаживаний, кокетства и т. д., какою проникнута была придворная и особенно дворцовая обстановка, — тою «атмосферою разврата», которая веяла от нее и впоследствии, когда наблюдал ее, уже в 40-х годах, молодой И. С. Аксаков (Письма И. С. Аксакова, т. I, стр. 410). — Падкий до женской красоты и умственного обаяния, кн. Вяземский не замедлил увлечься ею, переписывался с нею, искал ее общества и посвятил ей несколько стихотворений, например в 1830 г. («Литер. Газета» 1830 г., т. I, стр. 158): № 412

И молча бы вы умницей прослыли.
Дар слова, острота, — всё это роскошь в вас:
В глаза посмотришь вам — и разглядишь как раз,
Что с неба звезды вы схватили.

или в 1831 г. («Северные Цветы на 1831 г.», стр. 119):

Красою смуглою румянца
Смотрите, как она южна:
Она желтее померанца,
Живее ласточки она.

или раньше, в 1828 г.:

Южные звезды! Черные очи!
Неба чужого огни!

---

[1] В конце июня 1831 г. Вяземский писал о ней Жуковскому: «Поцелуй за меня ручку у небесного дьяволенка, Dona Sol тож, ласточка тож, померанца тож и проч. и проч. («Русск. Арх.» 1900 г., кн. I, стр. 361).

№ 412

Вас-ли встречают взоры мои
На небе хладном бледной полночи?

Юга созвездье! Сердца зенит.
Сердце, любуяся вами, —
Южною негой, южными снами
Бьется, томится, кипит!

Тайным восторгом сердце объято,
В вашем сгорая огне;
Звуков Петрарки, Песней Торквато
Ищешь в немой глубине!

Тщетны порывы! Глухи напевы!
В сердце нет песней, увы!
Южные очи северной девы
Нежных и страстных, как вы!

На эти стихи Пушкин откликнулся известною пьесою: «Ее глаза» (1828 г.):

Она мила, скажу меж нами,
Придворных витязей гроза, –
И можно с южными звездами
Сравнить, особенно стихами,
Ее черкесские глаза.
Она владеет ими смело,
Они горят огня живей;
Но, сам признайся, то ли дело
Глаза Олениной моей!
Какой задумчивый в них гений,
И сколько детской простоты,
И сколько томных выражений.
И сколько неги и мечты!..
Потупит их с улыбкой Леля —
В них скромных граций торжество;
Поднимет — ангел Рафаэля
Так созерцает божество!

Это было писано Пушкиным в пору увлечения Олениной, а летом 1830 г.[1] поэт писал о ней в своем известном шутливом экспромте:

Полюбуйтесь же вы, дети,
Как в сердечной простоте
Длинный Фирс играет в *эти*,
Те, те, те и те, те, те.
Черноокая Россети
В самовластной красоте
Все сердца пленила *эти*.
Те, те, те и те, те, те.
О, какие же здесь сети
Рок нам стелет в темноте:
Рифмы, деньги, дамы *эти*
Те, те, те и те, те, те.

Наконец, уже 18 марта 1832 г., подарив ей большой, заключенный в кожаный переплет альбом, в котором он убеждал ее писать «Историче-

---

[1] См. соображения В. В. Вересаева: «Пушкин в жизни», вып. III, М. 1927, стр. 22.

ские Записки А. О. С.***», Пушкин вписал в него[1] следующую как бы № 412 автохарактеристику Смирновой:

В тревоге пестрой и бесплодной
Большого света и двора
Я сохранила взор холодный,
Простое сердце, ум свободный
И правды пламень благородный
И как дитя была добра.
Смеялась над толпою вздорной,
Судила здраво и светло
И шутки злости самой черной
Писала прямо набело.

К 1831 году, к которому относится упоминание о Россети в письме Пушкина к Плетневу, она была в зените своей красоты и общего поклонения. Вяземский в письме к Плетневу от 21 апреля 1831 г. просил передать сердечное почтение «ослепительной Александре Осиповне» («Изв Отд. Русск. яз. и слов. Акад. Наук» 1902 г., т. II, кн. 1, стр. 97), а в письме к неравнодушному к ней Жуковскому называет ее «небесным дьяволенком», прося поцеловать ручку у «Dona Sol, ласточка тож, померанца тож и проч. и проч.» и побудить ее почаще писать к Sophie Карамзиной (в Остафьево), потому что она «в письмах такой же небесный дьяволенок, такая же Дона Соль и Дона Инбирь, как и с рожицы» («Русск. Арх.» 1900 г., кн. I, стр. 361), — а Тургенев в том же письме называет ее «придворною Sevigné» (там же, стр. 362). В это же время Смирновой был совершенно пленен молодой А. И. Кошелев (см. его «Записки», Берлин 1884, стр. 30—31; Н. П. Колюпанов, «Биография А. И. Кошелева», т. I, кн. 2, М. 1889, стр. 207—212), мечтавший жениться на ней; А. С. Хомяков, в 1831 г. написавший ей послание (см. «Русск. Арх.» 1863 г., ст. 928—929), старался отделаться от ее чар холодным рассуждением и критическим отношением к ее внутреннему содержанию:

Она лукаво улыбалась,
В очах живой огонь пылал,
Головка милая склонялась, —
И я глядел, и я мечтал!
И чудная владела греза
Моей встревоженной душой;
И думал я: «О дева-роза,
Печален, жалок жребий твой»... и т. д.

Гр. Е. П. Ростопчина в своем «Воспоминании о милой женщине» («Современник» 1839 г., № 3, стр. 152—154; в изд. Стихотворений 1841 г., С.-Пб., стр. 153—155, названо: «Воспоминанье. Александре Осиповне Смирновой»), с эпиграфом из «Чернеца» Козлова:

В веселой резвости мила,
В тоске задумчивой милее, —

[1] См. Б. Л. Модзалевский, «Описание рукописей Пушкина, находящихся в Музее А. Ф. Онегина в Париже» — «Пушкин и его соврем.», вып. XII, стр. 24—25 и «Рукою Пушкина», Л. 1935, стр. 658—659.

№ 412 писала о ней, как бы возражая суровому приговору Хомякова и тех, кто думал о ней так же, как он:

Нет, вы не знаете ее,
Вы, кто на балах с ней встречались,
Кто ей безмолвно поклонялись,
Всё удивление свое
В дань принося уму живому,
Непринужденной простоте
И своенравной красоте,
И глазок взору огневому!..
Нет, вы не знаете ее,
Вы, кто слыхали, кто делили
Ее беседу; кто забыли
Забот и дел своих житье,
Внимая ей в гостиных светских!..
Кто суетно ее любил,
Кто в ней лишь внешний блеск ценил,
Кто первый пыл мечтаний детских
Ей без сознанья посвятил... и т. д.

Поэт В. И. Туманский посвятил ей свою, ставшую потом весьма популярною, «Песню»:

Любил я очи голубые,
Теперь влюбился в черные.
Те были нежные такие,
А эти непокорные.

Глядеть, бывало, не устанут
Те долго, выразительно;
А эти не глядят, а взглянут, —
Так словно царь властительный.

На тех порой сверкали слёзы,
Любви немые жалобы,
А тут не слезы, а угрозы, —
А то и слез не стало бы... и т. д.

Лермонтов, плененный ею, писал ей в 1840 г.:

Без вас хочу сказать вам много,
При вас — я слушать вас хочу;
Но молча вы глядите строго, —
И я в смущении молчу.
Что-ж делать? Речью неискусной
Занять ваш ум мне не дано...
Всё это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно, —

и в стихах, записанных в альбом С. Н. Карамзиной, вспоминал:

Смирновой штучки, Фарсы Саши
И Ишки Мятлева стихи...

Мятлев, поэт sui generis, также воспевал ее в шутливых стихотворных № 412
записочках и посланиях (см. их в «Русск. Арх.» 1889 г., кн. III, стр. 410—414), например:

Нечто о некоторой даме из вороных.

Воронинькую дамочку,
Что музой у меня
Поставил бы я в рамочку
И целые три дня
Смотрел бы всё, поглядывал
И к сладостным стихам
Всё рифмы бы прикладывал
Я про мою мадам.
Она школьно-манерная,
Бьен-елевé, умна,
Своим девуарам верная,
Емабильна, скромна.
На фортáх вы послушайте, —
Ке се ке са ле Фильд!
Ее динé покушайте, —
Ке се ке са Ротшильд!
Хозяйка презатейная,
Дворецкий есть Франсуа,
И челядь есть ливрейная,
А сервитёр, — се муа!
Притом она красавица,
Я ею опьянен
И как мертвецкий пьяница,
Всё только бы смотрел,
Как в небе звезды ясные,
Глаза ее горят
И штучки преопасные
Для сердца говорят...
Нет, право, я бы в рамочку
Постановил сейчас
Воронинькую дамочку
И не спускал бы глаз.

Дань поклонения брала она, можно сказать, со всех мужчин своего круга; даже целомудренный Жуковский и своеобразный, неприступный для женского влияния Гоголь, юноша Владимир Карамзин — все были в той или иной степени «привороженны» ею. Скромный, даже робкий Плетнев писал о ней однажды Пушкину (19 июня 1831 г.): «Поблагодари Россети за ее ко мне дружбу. Ее беспокойство о моей судьбе трогает меня не на шутку. Я не умею сам себе объяснить, чем я заслужил от нее столько участия; но быть за это признательным и преданным очень умею. Если бы она была мущиной, да стариком еще, то, кажется, в ней бы я нашел для себя другого Молчанова. В ней так много человеко-прекрасного, так много предупреждающего и столько душевной делимости, что право об ней нельзя говорить просто, как о других» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 283). По определению И. С. Аксакова, который, как и его отец, был связан с нею какими-то длительными и довольно запутанными и противоречивыми отношениями, не раз менявшими свою окраску (см. «Иван Сергеевич Аксаков в его письмах», т. I, pass.; ср. Н. Барсуков, «Жизнь

№ 412 и труды М. П. Погодина», т. VIII, стр. 63—73, 541), «ее красота, столько раз воспетая поэтами, — не величавая и блестящая красота форм (она была очень невысокого роста), а полная красота тонких, правильных линий смуглого лица и черных, бодрых, проницательных глаз, вся оживленная блеском острой мысли, ее пытливый, свободный ум и искреннее влечение к интересам высшего строя — искусства, поэзии, знания... создали ей... в свете исключительное положение» («Русь» 1882 г., № 37, некролог). Кн. А. В. Мещерский, говоря о петербургском обществе начала 40-х годов, пишет про нее: «А. О. Смирнова пользовалась уже тогда прочно установившейся в свете репутацией умной женщины, с мнением которой считались, вследствие чего в обществе многие искали ее благосклонного внимания. Она была небольшего роста, брюнетка, с непотухающей искрой остроумия в черных и добрых глазах. Неподражаемы были особенно юмор в ее рассказах и тонкая насмешливая улыбка, когда она шутила. Высокое ее положение в свете и изящество манер не помешали многим находить, что наружностью она походила на красивую молодую цыганку. Недавно помещенные в печати Записки Александры Осиповны не могли дать об этой своеобразной и замечательной женщине достаточного представления. Общественный круг ее знакомых и друзей, а также ее обширная переписка свидетельствуют о том, как ее все любили за все ее качества, а в особенности за подкупающие прямодушие и необыкновенную простоту в обращении со всеми, независимо от их положения в свете. ... Я, в мои лета, не мог не испытать на себе действия всех чар такой обворожительницы, какова была Александра Осиповна...» («Русск. Арх.» 1901 г., кн. I, стр. 102—103). По словам близко узнавшего Смирнову уже в 50-х годах поэта Я. П. Полонского (жившего у нее в доме в качестве воспитателя ее единственного сына), она, «блистая молодостью, красотой, замечательными способностями и остроумием, была маленьким идолом для всех, кто знал ее» («Голос Минувшего» 1917 г., № 11—12, стр. 146). В жизни Пушкина Смирнова играла видную роль; кроме посвященных ей стихотворений и упоминаний в стихотворении к А. Н. Вульф и в «Онегине», поэт отметил в своем «Дневнике» под 29 июля 1831 г. о предстоящем ее выходе замуж (Сочинения, под ред. П. О. Морозова, изд. «Просвещения», т. VI, стр. 532) и несколько раз в 1834 году (см. наше издание, 1923 г., по указателю) и часто и с симпатией упоминает о ней в своей переписке; он любил беседу с нею и был частым гостем ее замечательного салона; она одна из немногих светских женщин сумела оценить Пушкина, имя которого мелькает в ее воспоминаниях. Я. П. Полонский передает ее поздний отзыв о поэте: «Никого не знала я умнее Пушкина, — говорила она. — Ни Жуковский, ни кн. Вяземский спорить с ним не могли, — бывало, забьет их совершенно. Вяземский, которому очень не хотелось, чтоб Пушкин был его умнее, надуется и уж молчит, а Жуковский смеется: «Ты, брат Пушкин, чорт тебя знает, какой ты — ведь вот и чувствую, что вздор говоришь, а переспорить тебя не умею, — так ты нас обоих в дураки и записываешь» («Голос Минувшего» 1917 г. № 11—12, стр. 154; ср. «Русск. Арх.» 1882 г., кн. I, стр. 245). К сожалению, Смирнова, как почти все другие близкие к Пушкину лица, не оставила нам своих си-

стематических воспоминаний о знакомстве с поэтом, и мы можем лишь № 412
воображать себе их взаимные отношения.[1] Что они были близки и дружественны, — в этом не может быть сомнения; но странно, что между ними никогда не было переписки (показания самой Смирновой — «Русск. Арх.» 1871 г., кн. II, ст. 1882). Кроме более или менее специальных воспоминаний о лете 1831 г., проведенном в Царском Селе одновременно с Пушкиным и Жуковским («Русск. Арх.» 1871 г., кн. II, ст. 1877—1883), мы не имеем никаких рассказов Смирновой о Пушкине; из переписки ее также дошло до нас лишь очень немногое, в том числе любопытные письма ее из Берлина, от 29 февраля и 4 мая 1836 г., к кн. П. А. Вяземскому, касающиеся «Современника» (см. сб. П. И. Бартенева «Пушкин», вып. II, М. 1885, стр. 62—63). Весть о кончине Пушкина она получила, будучи в Париже: при ней молодой А. Н. Карамзин получил 12/24 февраля 1837 г. письмо от матери своей, Е. А. Карамзиной, о гибели поэта. «Александра Осиповна горько плакала. Вечером собрались у них [то есть Смирновых] Соболевский, Платонов... et remplis du ressentiment de l'amitié ils en prononcaient des anathèmes impitoyables» («Старина и Новизна», кн. XVIII, стр. 292). Уже в конце апреля, жалуясь из Парижа на обуявшую ее тоску и говоря о живом желании увидеть всех своих петербургских друзей, она писала Жуковскому: «Братья, Карамзины, Вяземский, Вы — тут всё слилось в одно чувство дружбы и преданности. Одно место в нашем кругу пусто, и никогда никто его не заменит. Потеря Пушкина будет еще чувствительнее современем; вероятно, талант его и сам он развились бы с новою силою через несколько лет», — вот всё, что нашлось у Смирновой сказать по поводу смерти Пушкина в письме к такому человеку, как Жуковский... О встречах Смирновой, тогда еще девушки, с Пушкиным в Царском Селе летом 1831 г. см. ниже, стр. 337—339. В конце июля этого года ей уже было разрешено, как мы знаем из цитированного выше дневника Пушкина, выйти замуж за Николая Михайловича Смирнова (род. 14 мая 1808 — ум. 4 марта 1870), с 6 декабря 1829 г. имевшего звание камер-юнкера, служившего в Канцелярии Министерства Иностранных дел (с мая 1828 г.), а с февраля 1832 г. в Азиатском Департаменте того же министерства, впоследствии камергера, калужского (1845—1851) и петербургского (1855—1861) губернатора и, наконец, сенатора. Брак совершен был 11 января 1832 г., но еще 28 августа 1831 г. брат невесты, молодой офицер А. О. Россет, уведомляя ее о взятии Варшавы, в котором он принимал личное участие, писал ей, что мечтает о поездке в Петербург, чтобы поспеть к ее свадьбе («Русск. Арх.» 1896 г., кн. I, стр. 285), а 29 октября, из Женевы, А. И. Кошелев, неудачно сватавшийся к Россети лишь в начале этого года, писал кн. В. Ф. Одоевскому с некоторой насмешкой: «За известие о бракосочетании спасибо. Принято к сведению. Что впоследствии по сему предмету приключится, прошу почтить уведомлением» («Русск. Стар.» 1904 г., № 4, стр. 213).[2] По

[1] Так называемых «Записок» Смирновой, изд. «Северным Вестником», мы не считаем, так как признаем их фальсификацией ее дочери, Ольги Николаевны Смирновой.

[2] Здесь, вероятно, речь идет еще о предстоящем бракосочетании, а не о совершившемся уже. *Ред.*

№ 412 позднейшему сообщению дочери, О. Н. Смирновой, Пушкин на этой свадьбе был посаженым отцом Н. М. Смирнова (посаженой его матерью — Е. А. Карамзина), а посажеными отцом и матерью невесты были Николай I и Александра Федоровна («Русск. Стар.» 1888 г., № 6, стр. 605). Всё это, однако, выдумка; по последним разысканиям П. Е. Рейнбота, сделанным в камер-фурьерских журналах, посажеными отцом и матерью у Н. М. Смирнова были кн. П. М. Волконский и гр. М. Д. Нессельроде, а у Россет — в. кн. Михаил Павлович и Е. Н. Карамзина; Пушкин значится в списке приглашенных, но тут же вычеркнут. А. О. Смирнова умерла в Париже 7/19 июля 1882 г.; погребена в Москве. Краткие очерки ее биографии и характеристики даны В. И. Саитовым и Н. О. Лернером в Сочинениях Пушкина под ред. С. А. Венгерова, т. VI, стр. 426—427. Статья «об жизни и характере» ее, написанная Н. Александровым и касающаяся преимущественно отношений Смирновой к Гоголю, помещена в «Историко-литературном сборнике», посвященном В. И. Срезневскому, изд. Академии Наук, Лгр. 1924, стр. 297—334. [Из последних работ о Смирновой см. обширную и подводящую итоги ее жизни биографию, написанную Л. В. Крестовой, при переиздании «Записок» Смирновой, М. 1929, стр. 11—157, а также напечатанную по рукописи «Автобиографию А. О. Смирновой», подготовленную к печати Л. В. Крестовой, и с предисловием Д. Д. Благого, М. 1931, 364 стр. *Ред.*]. — Воспоминания мужа Смирновой — Н. М. Смирнова — о Пушкине см. в «Русск. Арх.» 1882 г., кн. I, стр. 229—239; там же и Воспоминания о поэте брата Смирновой — Аркадия Осиповича Россета (стр. 245—248), который, как и другой брат, Клементий Осипович, были в дружеских отношениях с Пушкиным.

— Сомов — Орест Михайлович, редактор (после Дельвига) «Литературной Газеты» и помощник его в издании «Северных Цветов» 1825—1831 гг.; о нем см. выше, стр. 187—188.

— «Последние Северные Цветы» — новый томик альманаха Дельвига, который Пушкин вознамерился издать с Плетневым в память умершего своего друга в пользу двух малолетних братьев его; см. выше, письмо № 403, и объяснения к нему, стр. 187, и ниже, в письмах № 439, 441, 449, 458, 471, 475, а также в примечаниях к ним, — в письмах к Пушкину по этому поводу М. Л. Яковлева, Плетнева, Вяземского, А. И. Тургенева, Ф. Н. Глинки.

— «Затеваю другое» — собственное повременное издание в форме альманаха, журнала или газеты, о чем поэт вскоре повторял в письме к Плетневу же от 11 апреля (см. ниже, № 414). Это была давняя мысль Пушкина, начавшая волновать его еще в 1825 г. и затем настойчиво преследовавшая его в последующие годы (см. выше, т. I, стр. 118, 151, 405, 487, 526, и т. II, стр. 5, 12, 20, 140, 159, 204), причем к 1827 г. выяснилось даже название будущего органа друзей-писателей: «Что наш *Современник*, пойдет ли современем?», спрашивал Пушкина Вяземский 22 ноября 1827 г. (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 50). Основание «Московского Вестника» (1827), а затем «Литературной Газеты» (1830) останавливало на время намерения Пушкина, и планы об организации своего собственного литературного органа отодвигались; когда же «Литературная

Газета» прекратилась, перед Пушкиным снова встал вопрос об учреждении собственного журнального предприятия. На путь осуществления своих предположений, о которых он намекает в цитированных письмах к Плетневу, Пушкин перешел уже по переезде в Царское Село. История почти полуторагодичных хлопот Пушкина об этом органе, которому он намерен был дать название «Дневник», изложена в статье Н. К. Пиксанова: «Несостоявшаяся газета Пушкина «Дневник» (1831—1832)» — в сб. «Пушкин и его соврем.», вып. V, стр. 30—74 [а также ниже, в примечаниях к письму № 499. — *Ред.*]. № 412

— Жук. — Жуковский.

— *Марфа Посадница* — трагедия Погодина (см. выше, в письме № 395 и в примечания к нему, стр. 146—147). Так как выход ее в свет все задерживался, Погодин писал Пушкину 3 июня: «Не слыхали ли вы чего-нибудь о «Марфе» от Жуковского или Блудова? Уведомьте пожалуйста. — Мне это необходимо к сведению, и скоро ли можно выпустить. — Это нужно и для моих финансов; я так задолжал, устраивая домашние дела, что покоя не имею» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 245); Пушкин отвечал: «Жуковский будет сюда и я дождусь его чтоб вручить ему Вашу посылку. Напрасно сердитесь Вы на него за его молчание. Он самый неакуратный корреспондент и ни с кем не в переписке. Могу Вас уверить что он искренно Вас уважает. Вы удивляете меня тем, что трагедия Ваша еще не поступила в продажу. Веневитинов сказывал мне что она уже вышла, потому то я и не хлопотал об ней. Непременно надобно ее выдать, и непременно буду писать при первом случае об этом к Б[енкендорфу]. Холера и смерть Цесаревича нас совершенно смутили: дайте образумиться» (см. ниже, № 433). Пушкин исполнил обещание, о чем свидетельствуют следующие строки письма А. В. Веневитинова к Погодину: «Пушкин сказал мне, что он говорил Бенкендорфу о твоей *Марфе*, и что Бенкендорф отвечал ему оставить это до того времени, пока эти *смутные обстоятельства прекратятся*» (Н. Барсуков, «Жизнь и труды Погодина», т. III, стр. 247). Между тем Погодин в письме к Пушкину от 10 августа снова повторял: «Примите к сведению, что Б[енкендорф] писал к цензору еще весною, после многих похвал: «нет никаких препятствий выпустить «Марфу» в свет; но лучше остановиться до окончания нынешних смутных обстоятельств». След. с ними говорить нужно-ли? Лишь будет поспокойнее, я имею сугубое право выдать ее» (Переписка, l. с., стр. 300).

— Ряд *отрицательных* отзывов о Погодине Н. М. Языкова, как раз от этого времени, см. в «Русск. Стар.» 1903 г., № 3, стр. 530. Отрицателен отзыв о Погодине той поры и С. М. Соловьева, который пишет в «Записках» своих: «Мы пришли слушать Погодина с предубеждением относительно его нравственных качеств: он славился своею грубостью, цинизмом, самолюбием и особенно корыстолюбием... Человек отражался в писателе и профессоре. Погодин менее всего был призван быть профессором, ученым...» (изд. «Прометей», стр. 53—59).

— Степан Петрович Шевырев (род. 18 октября 1806 — ум. 8 мая 1864), с которым Пушкин познакомился в Москве в сентябре 1826 г., с начала 1829 г. жил в Италии, находясь в семье кн. З. А. Волконской в качестве воспитателя ее сына, кн. Александра Никитича, и усердно

№ 412 работал над расширением своего собственного образования. Помимо знакомства с Римом и другими городами Италии, в которых он изучал все достойное внимания в отношении истории и искусства, он в Риме, по словам автобиографии, «возобновил свои занятия классическою филологиею и изучал писателей Греции и Рима; к этому присоединил историю Рима и его древностей, руководствуясь сочинениями Нибби, Нардини, Нибура и Бунсена: изучал историю древнего и нового искусства, постоянно посещал Ватикан, храм св. Петра, Капитолий и частные галлереи Рима; здесь прочел Винкельмана с комментариями, Лаокоона Лессингова и увидел, как бесплодны одни эстетические умозрения отвлеченных теоретиков Германии. В Риме же изучил италианский язык и... читал с комментариями Данта, Петрарку, Боккачио, Ариоста, Тасса, соединяя с историею Итальянской литературы историю Италии средних веков. Здесь же занимался Английским языком и словесностью, преимущественно же чтением Шекспира под руководством весьма опытного Англичанина, Гамока, который особенно хорошо объяснял творения великого поэта; выучился также Испанскому языку... и читал Сервантеса и Калдерона. Живучи в доме кн. З. А. Волконской,.. Шевырев имел здесь богатые средства к усовершенствованию вкуса в искусствах образа и звука. Музыкальные вечера княгини и участие в них всех славных артистов, посещавших Рим, давали ему средство познакомиться ближе со всем тем, что̀ славного произвела музыка Италии прежнего и нового времени. Беседа самой княгини и личное участие в ней Торвальдсена, Камуччини, Гораса Вернета и славных художников Русских: Бруни, Брюллова и других, составляли живую эстетическую школу для Шевырева. Отличная русская библиотека княгини предлагала возможность ему продолжать занятия Русскою словесностию. Здесь познакомился он короче с языком летописей, русских песен в сборнике Кирши Данилова и, перечитав еще несколько раз Историю Карамзина в занятиях с сыном княгини, имел средства образовать свой более самостоятельный взгляд на движение Русской истории, мея особенно в виду постоянный предмет для сравнения в истории Запада и его главного центра — Рима. Сосредоточенные кабинетные занятия двух с половиною лет весьма благотворно отвлекали Шевырева от современной литературной деятельности и послужили ему приготовлением к другому поприщу. Во время пребывания своего в Италии и в Риме Шевырев замышлял планы исторических драм и написал два действия трагедии «Ромул». Отдельные статьи его о путевых впечатлениях Италии и других стран, равно стихотворения печатаны были в «Галатее» Раича, в «Московском Вестнике», в «Северных Цветах» и «Литературной Газете» Дельвига, в «Деннице» Максимовича и, наконец, в «Телескопе». «Эти слова автобиографии Шевырева (см. «Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского Университета», т. II, М. 1855, стр. 608—609) достаточно выразительно обрисовывают образ жизни трудолюбивого молодого ученого, о котором Пушкин знал и по статьям и по стихам, появлявшимся в печати, и по рассказам Погодина, который состоял в деятельной переписке с Шевыревым (его письма к Шевыреву, 1829—1832 гг., напечатаны в «Русск. Арх.» 1882 г., кн. III, стр. 67—126 и 127—202; письма Шевырева к Погодину, еще не изданные, — в Пушкинском Доме»

в Дашковском собрании). О приязненных отношениях Пушкина к Шевыреву свидетельствует записка его к нему от 29 апреля 1830 г. (см. выше т. II, № 326), а о чувствах великого уважения и преданности, которые питал Шевырев по отношению к Пушкину, можно судить как по воспоминаниям о нем и другим заявлениям, приведенным в книге Л. Н. Майкова «Пушкин» («Воспоминания Шевырева о Пушкине», стр. 318—354), так и из следующих двух мест автобиографии Шевырева, в которых он останавливается на воспоминаниях о сношениях своих с поэтом; говоря о 1826 годе и о своем лирическом стихотворении «Я есмь», «заслужившем внимание Пушкина», Шевырев пишет о себе: «В этом же году он имел счастие быть лично представлен Александру Сергеевичу Д. В. Веневитиновым. Чтение «Бориса Годунова» Пушкиным в доме у Веневитинова, чтение других пиес Пушкиным лично Шевыреву, как, например, «Пророка», «Графа Нулина», «Утопленника», «Поэта и черни», беседы с Пушкиным о поэзии и русских песнях, чтение Пушкиным этих песен наизусть — принадлежат к числу тех плодотворных впечатлений, которые содействовали образованию его вкуса и развитию в нем истинных понятий о поэзии...» «Критическая деятельность Шевырева была постоянно ободряема Пушкиным, как он после выразил это и печатно в отрывке своем «Москва», изданном в «Современнике» и в XI томе его сочинений. В знак сочувствия своего к нему Пушкин вручил Шевыреву, осенью 1828 г., в Петербурге, несколько стихотворений для напечатания их в отдельном альманахе, в том числе «Поэт и чернь», «Утопленник», перевод из «Валленрода» Мицкевича. Но другие занятия отвлекли Шевырева от этого издания: его ожидало путешествие. Стихотворения Пушкина напечатаны были в «Московском Вестнике» 1829 г.» («Биографический словарь профессоров Московского Университета», т. II, М. 1855, стр. 606, 608). — Из-за границы Шевырев вернулся лишь в конце сентября 1832 г., но пожелание Пушкина о том, чтобы Шевырев занял кафедру Мерзлякова все же осуществилось: через год по возвращении в Москву, в сентябре 1833 г., он был избран адъюнктом по Словесному отделению Московского Университета и 15 января 1834 г. начал чтение лекций. Этим осуществилось и горячее желание друга Шевырева — Погодина, который в письмах своих к нему за границу «призывал его готовиться к занятию кафедры Русской Словесности» (там же, стр. 610), а 11 мая 1831 г. писал по поводу планов о вступлении Шевырева профессором в Университет: «Главные защитники в Петербурге — Блудов, Жуковский и Дашков. Пушкин едет туда, облеченный во всеоружии брани за тебя. Совесть моя и любовь к Университету говорят мне, что это место должен занимать ты» («Русск. Арх.» 1882 г., кн. III, стр. 185. Ср. у Н. Барсукова, «Жизнь и труды Погодина», кн. III, стр. 304—306). — Будучи, с сентября 1840 г., ординарным профессором Московского Университета, Шевырев 19 октября 1841 г. был избран адъюнктом вновь образованного Отделения Русского языка и словесности Академии Наук, с 6 февраля 1847 г. — экстраординарным и 6 ноября 1852 г. — ординарным академиком. Общая характеристика Шевырева дана в «Записках» С. М. Соловьева, который пишет о нем: «В сущности это был добрый человек, не ленивый сделать добро, готовый и трудиться много; но эти добрые качества заглушались

№ 412 страшною мелочностью, завистливостью, непомерным самолюбием и честолюбием и вместе с способностью к лакейству; самой грубой лести было достаточно, чтобы вскружить ему голову и сделать его полезным орудием для всего; но стоило только немного намеренно или ненамеренно затронуть его самолюбие, и этот добрый, мягкий человек становился зверем и действительно растерзывал, если жертва была слаба; но если выставляла сильный отпор, то Шевырев долго не выдерживал и являлся с братским поцелуем. Эта-то задорливость, соединенная с слабостью, всего более раздражала против Шевырева людей крепких, вселяла в них к нему полное отвращение, презрение. Хороши стихи, написанные на Шевырева Каролиною Павловою, хотя они далеко не определяют еще вполне его характера:

Преподаватель христианский,
Он верой тверд, душою чист,
Не злой философ он германский,
. . . .
И скромно он по убежденью
Себя считает выше всех,
И тягостен его смиренью
Один лишь ближнего успех.

«Основа недостатков Шевырева заключалась в необыкновенной слабости природы, природы женщины, ребенка, в необыкновенной способности опьяняться всем, в отсутствии всякой самостоятельности. Нельзя сказать, что он вначале не обнаружил таланта; но этот талант дан был ему в чрезвычайно малом количестве, как-то очень некрепко в нем держался; и он его сейчас израсходовал, запах исчез, оставив какой-то приторный выцвет. Шевырев как был слаб пред всяким сильным влиянием нравственно, так был физически слаб пред вином, и как немного охмелеет, то сейчас растает и начнет говорить о любви, о согласии, братстве и всякого рода сладостях; сначала, в молодости, и это у него выходило иногда хорошо, так что однажды Пушкин, слушая пьяного оратора, проповедующего довольно складно о любви, закричал: «Ах, Шевырев! зачем ты не всегда пьян!» («Записки», изд. «Прометей», стр. 47—48). В эпоху своего профессорства Шевырев явился одним из самых рьяных проповедников и идеологов реакции, знаменосцем официальной формулы: «самодержавие, православие и народность». О Шевыреве см. выше, т. II, стр. 293 и др., по указателю.

— Ординарный профессор красноречия и поэзии Московского Университета, доктор философии Алексей Федорович Мерзляков (род. 1778), занимавший эту кафедру с 1804 г., умер 26 июля 1830 г. В молодые годы он был очень дружен и духовно близок с Жуковским и братьями Тургеневыми, но затем, остановившись в своих литературных вкусах на образцах старой школы, не пошел за новым направлением литературы. По словам своего биографа, Н. Д. Мизко, Мерзляков не понимал ни Данте, ни Шекспира, ни Гёте; романтической поэзии вообще не понимал и, по предвзятым своим идеям, сочувствовать не мог. «Поэтому он и в отечественной литературе неблагосклонно относился к новой литературной школе, основанной Карамзиным и продолжаемой Жуковским, не говоря

уже о Пушкине: читая «Кавказского Пленника», он, как рассказывают, плакал, но одобрить не решался; а прочитав «Цыган» в Цензурном Комитете, при всех назвал это сочинение неблагопристойным и безнравственным. Примером и доказательством ожесточения его против «новшеств» литературных было известное «Письмо из Сибири» («Труды Общества Любителей Российской Словесности» 1818 г., ч. XI) и сопровождавшая его закулисная литературная история, в которой Мерзляков не пощадил друга своего Жуковского» («Русск. Стар.» 1879 г., № 1, стр. 128). По свидетельству М. А. Дмитриева, к этому побудила его «старая привычка к классицизму, старое убеждение и опасение нововведений, колебавших тогда нашу литературу...» «Вообще он никак не мог привыкнуть к новым формам и новому духу нашей поэзии. Часто он с каким-то горьким чувством говорил против Пушкина и Боратынского» («Мелочи из запаса моей памяти», изд. 2, М. 1869, стр. 169). О том же свидетельствует и преемник Мерзлякова по кафедре — С. П. Шевырев, который в биографии его пишет: «Мерзляков был теоретиком и критиком первого периода Русской словесности — Ломоносовского, в ее новом образовании. Школа, основанная Карамзиным и Жуковским, не входила в область его критического сознания, тем еще менее — поэзия Пушкина. Чувство Мерзлякова при чтении произведений Пушкина выражалось только слезами. Читая «Кавказского Пленника», он, говорят, плакал. Он чувствовал, что это прекрасно, но не мог отдать себе отчета в этой красоте и — безмолвствовал» («Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского Университета», т. II, М. 1855, стр. 96). Один из учеников Мерзлякова по Московскому Университетскому благородному Пансиону, А. М. Миклашевский, учившийся у него одновременно с Лермонтовым (1829—1830 г.), вспоминал впоследствии, «как на лекциях русской словесности заслуженный профессор Мерзляков принес к ним в класс только что вышедшее стихотворение Пушкина: № 412

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя, и проч.

и как он, древний классик, разбирая это стихотворение, критиковал его находя все уподобления невозможными, неестественными, и как всё это бесило тогда Лермонтова», стихи которого Мерзляков также не одобрял («Русск. Стар.» 1884 г., № 12, стр. 589); ср., однако, у П. А. Висковатова «М. Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество», М. 1891 (стр. 41—42). Пушкин относился к Мерзлякову также отрицательно и еще молодым человеком смеялся над его «премудрым» разбором «Россиады» Хераскова в журнале «Амфион» 1815 г. (см. выше, т. I, стр. 4 и 180; ср. «Словарь профессоров...», l. c., стр. 86—87), а в 1830 г. выступил в «Литературной Газете», (№ 16, от 17 марта) со статьей «О гекзаметрах Мерзлякова», в которой оспаривал мнение (Надеждина) о заслугах Мерзлякова в деле разработки этого размера в русской литературе. Что касается Мерзлякова как чело века, то, по общему свидетельству, это был «веселый, остроумный и вдохновенный собеседник». Нередко оживлял он общество стихотворною импровизациею. «Нет человека любезнее его, когда он нараспашку» — говорит о Мерзлякове автор «Дневника Студента» [С. П. Жихарев].

№ 412 «В беседе дружеской и семейной высказалась, кроме ума, веселая и добра душа Мерзлякова, ибо, по его же словам, «десяток умных голов не стоит одной веселой и доброй души: все умны по-своему». По наружности это был человек приземистый, широкоплечий, с свежим, открытым лицом, с доброй улыбкой, с приглаженными в кружок волосами, с пробором вдоль головы, горячий душой и кроткий сердцем. Но чтобы вполне оценить его красноречие и добродушие, простоту обращения и братскую любовь к ближнему, надо было встречаться с ним в дружеских беседах, за круговою чашей или в небольшом обществе коротко знакомых людей: тогда разговор его был жив и свободен.» О смерти Мерзлякова, похоронах, некрологах см. у Н. Барсукова, «Жизнь и труды Погодина», кн. III. стр. 166—175.

— О «меркантильных обстоятельствах» Пушкина, то есть о закладе его имения в Опекунском Совете, см. выше, стр. 205.

— О теще Пушкина и о деде жены его см. выше, стр. 216 и 225—226. Пушкин писал ему в начале апреля, — но письмо это нам неизвестно и о содержании его мы можем лишь догадываться по ответу А. Н. Гончарова от 9 апреля, из Полотняного Завода: в нем он подтверждал поэту, что свое Нижегородское имение он отдает трем своим внучкам: Екатерине, Александре и Наталии, и просил прислать поверенного для совершения соответствующего акта. Вместе с тем он сообщал Пушкину, в ответ на его запрос, о сватавшемся к Александре Николаевне Гончаровой А. Ю. Поливанове: «Что ж вы пишете на щет *Саши*, — Я Александра Юрьевича Поливанова очень знаю (хотя не быв в коротком с ним знакомстве), но по частому с ним свиданью и почти по соседству. — Много об нем наслышан: разумею его весьма хорошим молодым человеком и заслуженным большого внимания от всего общества целой нашей губернии, и буде этого хочет сама Саша и мать ее на то согласна, я против себя никакакого препятствия не могу сделать; а как вам известно, что я в силах сделать, то паче он на то согласен, с Богом! и я готов. — Будьте уверены, что по желанию вашему от меня сие до поры и время никому объявлено не будет и даже и к матери ее о том не напишу, а буду ждать ее ко мне извещения о том. — Сверх же того, аще обстоятельства мои понравятся и дела примут лучший оборот, не откажусь сделать всем им трем прибавку и пособие. — Прося вас продолжения добрых ваших о мне мыслей и родственной любви, с почтением моим пребыть имею ваш, Милостивый Государь, покорный слуга Афанасий Гончаров. P. S. Отъезд ваш в Петербург может опять надолго не решенным оставить обстоятельства, мною вышеописанные. Прошу вас покорнейше известить меня, когда думаете оттуда возвратиться и могу ли я иметь удовольствие в мае или июне лично иметь с вами свиданье, чего буду ожидать от вас из Москвы прежде выезда вашего» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр 234—235).

— О жене Пушкина дошел до нас еще отзыв Погодина, который 13 апреля 1831 г. писал С. П. Шевыреву, среди других новостей: «Пушкин написал [в Болдине] тьму. Он показывал и читал мне всё по секрету, ибо многое хочет выдавать без имени: Онегина 8 и 9 главы, Сцены, Моцарт, Дон-Жуан, повесть пресмешная и большая октавами, то есть окта-

вами Жуковского, несколько повестей в прозе,[1] множество статей прозаических о критике, об Истории Русской литературы и проч. Завтра привезу к нему твои октавы. Жена его премилая, и я познакомился с нею молча. Они едут скоро в Петербург» («Русск. Арх.» 1882 г., кн. III, стр. 184). Из Москвы-же П. М. де-Роберти писал 8 апреля 1831 г. Ф. Н. Глинке: «Пушкин что-то замолк, женясь. Постараюсь увидеть здесь его супругу, чтобы посмотреть выбор его поэтического вкуса. Говорят, жена его красавица, и сумасброд так отзывается: *я женился, чтобы иметь дома свою Мадонну*» («Пушкин и его соврем.», вып. XVII—XVIII, стр. 265). 11 апреля сестра Пушкина, О. С. Павлищева, писала мужу из Петербурга, извещая его, что поэт в мае переезжает в Петербург»: «Вот и еще расходы — если не на экипаж, то на туалеты. Я не хочу быть кухаркою по сравнению с женою брата, которая, говорят, элегантна до чрезвычайности» («Пушкин и его совр.», вып. XV, стр. 50). Насколько интересовались в то время молодоженами Пушкиными в Москве, видно из того, что упоминание о них попало в статью «Тверской бульвар», помещенную в прибавлении к «Молве» — «Московском Калейдоскопе» (ценз. дозв. от 21 апреля 1831 г.): в нем при перечислении различных типов, наблюдаемых на Тверском бульваре, упоминаются:

... и романтик полупьяный,
И классицизма вождь седой,
Певцом ругавшийся Татьяны,
И сам певец с своей женой.

Тогда же и писатель-патриот С. Н. Глинка, посетивший молодых Пушкиных в их доме 10 апреля, написал следующие стихи-комплимент:

Пушкиной и Пушкину

(Экспромт, написанный в присутствии поэта)

Того не должно отлагать,
Что̀ сердцу сладостно сказать.
Поэт! обнявшись с красотою,
С ней слившись навсегда душою,
Живи, твори, пари, летай!...
Орфей, природу оживляй
И Байрона перуном грозным
Над сердцем торжествуй морозным.
Теперь ты *вдвое* вдохновен;
В *тебе* и в *ней* всё вдохновенье.
Что-ж будет новое творенье, —
Покажешь: ты дивить рожден!

Стихи были напечатаны, с подписью «Мечтатель», в «Дамском Журнале» 1831 г. № 17, стр. 53.

413. *Л. С. Пушкину*, 6 апреля [1831 г.] (стр. 17). Впервые напечатано в «Библиографических Записках» 1858 г., № 4, стр. 112; подлинник (на бумаге большого почтового формата с водяными знаками: А. Г. 1830,

---

[1] Ср. в Дневнике Погодина — «Пушкин и его соврем.», вып. XXIII—XXIV, стр. 112.

 сложенной конвертом и запечатанной неразборчивою сургучной печатью) в библиотеке имени В. И. Ленина в Москве, № 1254, лл. 58—59.

— «Всё было решено» — относительно перевода Л. С. Пушкина из Нижегородского драгунского полка в Финляндский драгунский же полк, находившийся на театре военных действий в Польше. Перевод состоялся в приказе 20 мая 1831 г. (формулярный список; В. Потто, «История 44 драгунского Нижегородского полка», т. X, С.-Пб. 1895, прилож., стр. 32).

— Гр. Паскевич — граф Иван Федорович Паскевич-Эриванский, генерал-фельдмаршал, генерал-адъютант, главноуправляющий гражданскою частью в Грузии и главнокомандующий Отдельного, Кавказского корпуса, которому был подчинен Л. С. Пушкин, как офицер входившего в войска Кавказского корпуса Нижегородского драгунского полка. Во время своего путешествия на Кавказе в 1829 г. поэт был представлен Паскевичу и наблюдал его в походе, а Паскевич подарил ему саблю с датой 29 июня 1829 г. (находится ныне в Пушкинском Доме Академии Наук).

— Б. — Александр Христофорович Бенкендорф, через которого Пушкин хлопотал о переводе брата Льва в действующую армию. См. выше, стр. 223, в комментарии к письму № 411, письмо Бенкендорфа к Пушкину от 7 апреля.

— Яр — знаменитый в те времена содержатель ресторана в Москве. Пушкин вспоминает его в своем стихотворении 1829 г. «Дорожные жалобы»:

...Долго-ль мне в тоске голодной
Пост невольный соблюдать
И телятиной холодной
Трюфли Яра поминать...

— Чугуев — город в Харьковской губернии, через который Л. С. Пушкин ехал на Кавказ, направляясь из Москвы на Тулу, Орел, Курск, Харьков, Новочеркасск и Ставрополь. 8 мая Пушкин писал Е. М. Хитрово, что, по его предположениям, его брат уже находится в Грузии (см. ниже, письмо № 417); но, повидимому, это было не так, ибо еще 4 июня О. С. Павлищева писала мужу, что Лев Сергеевич переведен в действующую армию и вскоре должен прибыть к своему полку, а в конце письма прибавляла, что он в Тифлисе, но уже переведен в армию и вскоре соединится со своим полком («Пушкин и его соврем.», вып. XV, стр. 67), через месяц же (3 июля) сообщала: «Лев перешел в действующую армию, в Финляндский драгунский полк. Его последнее письмо — от 1 июня, и он еще не знал о решении своей участи; несомненно он в пути в настоящую минуту. Да сохранит его бог и даже предохранит его, если возможно, от дурацкой, дурацкой войны» (там же, стр. 73).

414. *П. А. Плетневу.* 11 апреля [1831 г.] (стр. 17—18). Впервые напечатано в «Русск. Арх.» 1869 г., ст. 2069 (отрывок), откуда перепечатано в Сочинениях, изд. 1882 г., т. VII, стр. 291; полностью, но не точно, — в Сочинениях Плетнева, т. III, С.-Пб. 1885, стр. 369—370; у нас печатается точно по подлиннику, принадлежащему ИРЛИ (Пушкинскому Дому); он писан на листе почтовой бумаги большого формата, с водяными знаками: А. Г. 1830; запечатано гербовой печатью Пушкина под графскою короною.

— По поводу выражения «тень возлюбленная» В. Ф. Ходасевич высказал предположение, что оно является автоцитатой из стихотворения 1830 г. «Заклинание»: № 414

Явись, возлюбленная тень!

и что выражение это, в свою очередь, подсказано Пушкину Дельвигом, который в 1826 г. писал Пушкину, что умопомрачившийся Батюшков в комнате своей, на окне написал слова: «Ombra adorata» (см. В. Ходасевич, «Поэтическое хозяйство Пушкина», кн. I, Лгр. 1924, стр, 83); но Б. В. Томашевский указал, что выражение «Ombra adorata», по всей вероятности, было известно Пушкину по популярной арии из оперы Цингарелли «Guilietta e Romeo» (1796 г.), начинавшейся словами:

Ombra adorata, aspetta и т. д.

(«Пушкин и его соврем.», вып. XXXI—XXXII, стр. 58—60).

— Ревель с его морскими купаньями был в те годы любимым летним местопребыванием многих петербургских семей: там живала семья Карамзина (1826), кн. Вяземский (1825, 1826), бар. Дельвиг (1827), родители Пушкина с дочерью (1825, 1826, 1827), Дороховы, Обресковы, Фроловы-Багреевы, Долгоруковы, Веревкины, Мещерские и мн. др. (см., например, «Остаф. Арх.», т. V, вып. 1).

— Граф Артур Потоцкий — бывший адъютант Наполеона, офицер польских войск (род. в 1787 — ум. 30 января 1832); был женат на сестре гр. Е. К. Воронцовой — гр. Софье Ксаверьевне Браницкой (род. 1790 — ум. 1879); Пушкин мог встречать его у Воронцовых в Одессе. Потоцкий интересовался польской историей; его книга — «Fragments de l'histoire de Pologne, Marina Mniszech», Livr. 1) (вышла в Париже в 1830 г.) — сохранилась в составе библиотеки Пушкина (см. Б. Л. Модзалевский, «Библиотека А. С. Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 313); была переведена на итальянский язык в Венеции в 1832 г.; затем, уже после его смерти, было издано на русском языке его сочинение: «Димитрий Самозванец вторый, или Тушинский. Исторический роман из Летописей Польских XVI и XVII веков. Сочинение Графа Артура Потоцкого, 3 части, Москва 1833, 12°, ц. 1 р. 50 к.». О побочном сыне гр. А. Потоцкого — Альберте Артуровиче Еллинском, известном остроумце, которому покровительствовал гр. М. С. Воронцов в бытность кавказским наместником, см. «Старина и Новизна», кн. VII, стр. 6—13.

— Французская фраза значит: «Я предпочитаю скучать как-нибудь иначе».

— По поводу слов Пушкина о возможности основания газеты см. выше, стр. 234—235, в примечаниях к письму № 412.

— О сочинении кн. П. А. Вяземского о Фонвизине см. выше, стр. 163, в примечаниях к письму № 397. Отъезд Вяземского в Петербург, к месту новой службы в министерстве финансов (в должности вице-директора Департамента Внешней Торговли), однако задержался тяжелою болезнью его жены, княгини Веры Федоровны (см. «Русск. Арх.» 1902 г., кн. I, стр. 61, 63).

— «Исключая Карамзина» — то есть его «Истории Государства Российского».

№ 414 — «Петр Иваныч» — новый роман Фаддея Булгарина «Петр Иванович Выжигин», только что вышедший (ниже Пушкин называет его «Выжигиным II» в отличие от первого романа Булгарина «Иван Выжигин», изданного в 1829 г., 2-м изд. в 1829 г., и 3-м в 1830 г.); за поднесение его Николаю I и Александре Федоровне Булгарин получил по бриллиантовому перстню: см. выше, стр. 169—171, в примечаниях к письму № 398. О пожаловании перстнем императрицей было опубликовано в «Северной Пчеле» 30 марта 1831 г., № 70, а императором — 13 апреля 1831 г., № 82. Вскоре Булгарин уехал в свое имение под Дерптом, откуда в апреле 1831 г. И. Ф. Золотарев писал Погодину: «Булгарин сюда приехал и, как кажется, совсем сюда переселился. Пользуется здесь особенным уважением, как владетель Карлова, и живет здесь, как Вальтер-Скотт в своих Эдинбургских поместьях; счастливец, — так его здесь называют многие» (Н. Барсуков, «Жизнь и труды Погодина», кн. III, стр. 351). Тогда же Вяземский писал (21 апреля) из Москвы П. А. Плетневу: «Здесь говорят, что Булгарина выслали из Петербурга: довольно выслать-бы его из русской литературы, а то пожалуй живи себе, где хочешь» («Изв. Отд. Русск. яз. и слов. Акад. Наук» 1902 г., т. II, кн. 1, стр. 97; ср. ниже, в письме № 422, рассказ Пушкина о мнимой высылке Булгарина). Летом и осенью Пушкин выступил против Булгарина и Греча с двумя убийственными для них статьями в «Телескопе», под псевдонимом Феофилакта Косичкина: «Торжество дружбы, или оправданный Александр Анфимович Орлов» (в № 13, стр. 135—144) и «Несколько слов о мизинце Г. Булгарина и о прочем» (в № 15, стр. 412—418), причем в последней был сообщен план романа «Настоящий Выжигин. Историко-нравственно-сатирический роман XIX века», содержавший ясные и обличительные намеки на Булгарина и его авантюристскую биографию. Подобная же пародия, в виде оглавления нового нравоописательно-сатирического, географо-исторического и прозаико-поэтического романа XIX века «Марфа Ивановна Выжимкина», была напечатана Надеждиным в чрезвычайном прибавлении к «Молве» 1831 г., № 5 (ср. Н. Барсуков, «Жизнь и труды Погодина», кн. III, стр. 268—269). Ходившую в то время эпиграмму на Булгарина и на его два романа «Иван Выжигин» и «Петр Иванович Выжигин» —

Фаддей роди Ивана,
Иван роди Петра:
От дедушки-болвана
Какого ждать добра? —

приписывалась Пушкину, но, кажется, без достаточных оснований. Что касается романов Булгарина, то в библиотеке Пушкина, действительно, не сохранилось его экземпляров в отдельных изданиях, а в имеющемся в ней трехтомном издании сочинений 1836 г., названные романы не включены. Пушкин говорил, что он не читал и первого романа Булгарина «Димитрий Самозванец»: в «Литературной Газете» 1830 г., в № 45, от 9 августа, в заметке об «Иване Выжигине», написанной, повидимому, не без участия Пушкина, было сказано в подстрочном примечании: «А. С. Пушкину предлагали написать критику Исторического романа Г. Булгарина. Он отказался, говоря: «чтобы критиковать книгу, надобно ее прочесть,

а я на свои силы не надеюсь...» Так же относился к произведениям Булгарина и кн. Вяземский: так, например, в письме к Пушкину от 24 августа 1831 г., отрицательно отзываясь о романе Загоскина «Рославлев», он писал: «Я начинаю думать, что Петр Иванович Выжигин сноснее, но чтобы убедиться в этом надобно прочесть его, а боже упаси того! (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 311). № 414

— Длинное письмо Ореста Михайловича Сомова к Пушкину до нас не сохранилось; очевидно, Сомов просил в нем Пушкина о присылке обещанной когда-то статьи о вышедшей в Париже в 1829 г. книжке «Первых поэтических опытов» Сент-Бева, которые он издал под вымышленным именем поэта Делорма: «Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme» (сохранившейся до наших дней в библиотеке Пушкина в двух изданиях,— см. Б. Л. Модзалевский, «Библиотека А. С. Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 221). Пушкин статью написал, передал ее Сомову, как обещал, уже приехав в Петербург, и она появилась в № 32 «Литературной Газеты» от 5 июня (пропущенном цензурою 4 июня) с подписью *Р.* О принадлежности ее Пушкину впервые намекнул Анненков в своих «Материалах», изд. 1855 г., стр. 298, примеч., а доказал ее несомненную принадлежность перу поэта Н. О. Лернер в сб. «Пушкин и его соврем.», вып. XII, стр. 141—158; ср. еще статью П. О. Морозова, «Пушкин и Сент-Бёв» — в «Русском Библиофиле» 1915 г., ноябрь, и в статье Б. В. Томашевского «Французская литература в письмах Пушкина к Е. М. Хитрово» — в изд. «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Лгр. 1927, стр. 206—208.

— Баронесса — вдова Дельвига, Софья Михайловна. Потеряв мужа 14 января и быв первые дни в страшной скорби (см. «Мои воспоминания» бар. А. И. Дельвига, т. I, М. 1911, стр. 117) она не слишком долго предавалась этой скорби, будучи от природы нрава довольно легкомысленного.[1] Приехавшая в марте 1831 г. в Петербург приятельница С. М. Дельвиг — О. С. Павлищева (сестра Пушкина) — в конце месяца навестила вдову Дельвига, и в начале мая писала о ней мужу: «Что касается баронессы Дельвиг, то я хочу сообщить тебе небольшую сплетню на ее счет: говорят, что пропавшие деньги [см. выше, стр. 187] просто-напросто растрачены, и что она это *прекрасно* знает. Она пустила этот слух для того, чтобы обмануть своего отца, но он не был так глуп и написал ей по этому поводу. Я видела ее только дважды после твоего отъезда,— она не любит, чтобы к ней ходили, — женщины, разумеется; но она непрестанно со своим кузеном Сапуном [бар. А. И. Дельвиг?] и Сомовым, причем ее видели кокетничающею в церкви с Резимоном» («Пушкин и его соврем.», вып. XV, стр. 45 и 62); через полторы недели она сообщала дополнительно: «Сергей Боратынский здесь, он не выходит от баронессы Дельвиг, и последняя уверяет, что ее отец, г. Салтыков, желает, чтобы она совершила путешествие в Москву с ним. Это очень умно с ее стороны так говорить: отец ее не так глуп, чтобы видеть ее как можно реже» [?] (там же, стр. 65). См. еще бар. А. И. Дельвиг, «Мои воспоми-

[1] Так же сравнительно легко перенесла она и казнь, в 1826 г., декабриста П. Г. Каховского, влюбленного в нее и одно время завладевшего ее сердцем (см. Б. Л. Модзалевский, «Роман декабриста Каховского», Лгр. 1925).

414—415 нания», т. I, М. 1911, стр. 124—127, а также в книжке Б. Л. Модзалевского: «Роман декабриста Каховского», Лгр. 1925, стр. 114—115, и ниже, в письме Пушкина к М. Л. Яковлеву, № 441 [и в посмертном сборнике статей Б. Л. Модзалевского, «Пушкин», Лгр. 1926, стр. 259—273. — *Ред.*].

— Жихарева — вероятно, Феодосия Дмитриевна, рожд. Нечаева (род. 29 мая 1795 — ум. в Москве 3 декабря 1850), жена Степана Петровича Жихарева (род. 18 февраля 1788 — ум. 31 августа 1860), в 1831 г. бывшего обер-прокурором VIII (Московского) Департамента Сената, некогда сочлена Пушкина по «Арзамасу», где носил прозвище «Громобой» (о нем см. статью Б. Л. Модзалевского в «Русском Биографическом Словаре», Пгр. 1916, стр. 49—52). Она была дочерью Данковского (Рязанской губ.) уездного предводителя дворянства Дмитрия Степановича Нечаева и жены его Анны Ивановны, рожд. Сиверс, замуж за С. П. Жихарева вышла в 1818 г. и имела двух детей: сына Платона (род. 1820 — ум. 1838) и дочь Варвару (бывшую впоследствии замужем за поэтом кн. Элимом Петровичем Мещерским). А. Я. Булгаков познакомился с нею в 1822 г. и называет ее «милой и доброй бабенкой»; 17 декабря он обедал у Жихарева с Вяземским и С. И. Тургеневым и определяет Жихареву опять как «бабенку предобрую и премилую» («Русск. Арх.» 1901 г., кн. I, стр. 421, 468). В середине января 1831 г. она была в Петербурге: «Вчера обедала у нас Жихарева с детьми, чему я очень рад, ибо совсем ее не мог видеть с тех пор, что она здесь», — писал К. Я. Булгаков брату 19 января («Русск. Арх.» 1903 г., кн. III, стр. 548). — Какой анекдот о билетцах сообщила Жихарева Пушкину, нам неизвестно; быть может, о будто бы украденных у баронессы Дельвиг тотчас после смерти мужа ломбардных *билетах* на 54 тысячи рублей, — о чем сообщал Пушкину Плетнев в письме от 22 февраля (см. выше, в примечаниях к письму № 406, стр. 205, и к этому письму — выше, стр. 245, выдержки из письма О. С. Павлищевой к мужу).

— Пасха в 1831 г. приходилась на 19 апреля.

415. *П. А. Плетневу.* [12—14 апреля 1831 г.] (стр. 18—19). Впервые напечатано по подлиннику, но не совсем точно, в Сочинениях Плетнева, т. III, С.-Пб. 1885, стр. 370—371; у нас печатается точно по подлиннику, принадлежащему ИРЛИ (Пушкинскому Дому); письмо — на листе почтовой бумаги большого формата, с водяными знаками: А. Г. 1830; запечатано гербовою печатью Пушкина под графскою короною. Датируется на основании почтового штемпеля.

— Письмо это является ответом отчасти на письмо Плетнева еще от 22 февраля (см. его, частями, выше, в примечаниях к письму № 406, стр. 205 и 206; Акад. изд. Переписки, том II, стр. 224—226), в котором Плетнев, поздравляя Пушкина с женитьбой, знакомил его с Гоголем и рассказывал о Деларю, писал о биографии Дельвига, о вдове последнего, об издании «Северных Цветов на 1832 год», о своем некрологе Дельвига и пр.

— Говоря о Чацком, Пушкин вспоминает его известный диалог с Молчалиным в 3-м явлении III действия «Горя от ума», где Молчалин на вопрос Чацкого о том, какие у него таланты, отвечает:

Два-с:
Умеренность и акуратность.

— Деларю — Михаил Данилович (род. 1811 — ум. в Харькове в ночь на 24 февраля 1868); сын долголетнего начальника Архива Инспекторского Департамента Главного Штаба Данилы Андреевича Деларю; родился в Казани, где служил тогда его отец, там же провел детство и с Казанью был связан и впоследствии; воспитывался в Царскосельском Лицее с 1820 г. и окончил в нем курс 29 июня 1829 г., в составе V его выпуска, получив при выпуске серебряную медаль; тотчас поступив на службу (12 августа 1829 г.) в Департамент Государственного Хозяйства и публичных зданий Министерства Внутренних Дел, он с 6 апреля 1830 г. был здесь старшим помощником столоначальника, а с 7 февраля 1832 г. столоначальником; переведенный 7 февраля 1833 г. секретарем в Канцелярию Военного Министерства, он в мае 1834 г. был командирован в Казань для осмотра Комиссариатской Комиссии, арсенала и порохового завода, а 19 декабря того же года был уволен от службы (см. Н. М. Затворницкий, «Указатель биографических сведений, архивных и литературных материалов, касающихся чинов общего состава по Канцелярии Военного Министерства с 1802 до 1902 г. включительно», С.-Пб. 1909, стр. 163—164) за стихотворение «Красавице», переведенное им из Гюго («A une femme»), напечатанное в 12-й книге «Библиотеки для Чтения» и найденное, по указанию Андрея Николаевича Муравьева, «неприличным» петербургским митрополитом Серафимом, а по его донесению — и Николаем I. № 415

Красавице.

Когда-б я был царем всему земному миру,
Волшебница! тогда-б поверг я пред тобой
Все, все, что власть дает народному кумиру:
Державу, скипетр, трон, корону и порфиру,
За взор, за взгляд единый твой!
И если-б богом был — селеньями святыми
Клянусь — я отдал бы прохладу райских струй,
И сонмы ангелов с их песнями живыми,
Гармонию миров и власть мою над ними
За твой единый поцелуй! —

О происшествии с Деларю и о пострадавшем за пропуск его перевода цензоре А. В. Никитенко Пушкин записал в своем Дневнике под 22 декабря 1834 г.: «Цензор Никитенко на обвахте под арестом и вот по какому случаю: Деларю напечатал в Биб[лиотеке] Смирдина перевод оды В. Юго: [пропуск в автографе Пушкина]: в которой находится следующая глубокая мысль: Если де я был бы богом, то я бы отдал свой рай и своих ангелов, за поцелуй Милены или Хлои. Митрополит (которому дается читать наши бредни) жаловался государю, прося защитить православие от нападений Деларю и Смирдина — Отселе буря. Крылов сказал очень хорошо:

Мой друг! когда бы был ты бог,
То глупости такой сказать бы ты не мог.

Это все равно, заметил он мне, что я бы написал: когда б я был архиерей, то пошел бы во всем облачении плясать французский кадриль» («Дневник», под ред. Б. Л. Модзалевского, Пгр. 1923, стр. 24; ср. москов-

№ 415 ское издание, стр. 66). Несчастие, постигшее Деларю, привлекло к нему общественное сочувствие, а самую пиесу сделало чрезвычайно популярной и известной. Пробыв некоторое время в отставке, он был принят на службу в Департамент Государственных Имуществ Министерства Финансов, а в 1837 г., по ходатайству Д. М. и А. М. Княжевичей и через посредство Я. И. Ростовцова, получил место инспектора Одесского Ришельевского Лицея. «Добрый и благонамеренный» характер его, — как свидетельствует о том его сослуживец Н. Н. Мурзакевич, — привязал к нему всех Лицейских сослуживцев, которым и Попечителю он рассказал причину своего удаления из Петербурга. Трудная и очень хлопотливая должность Инспектора Лицея, при слабом здоровье, принудила Михаила Даниловича в 1841 г. просить увольнения вовсе от службы» (Н. Н. Мурзакевич, «Автобиография», С.-Пб. 1889, стр. 125, 152). Поселившись затем у себя на хуторе под Харьковом, он занимался там сельским хозяйством и умер там на 57-м году жизни («Русск. Стар.» 1880 г., № 10, стр. 426). — Начав писать стихи еще в лицейские годы, Деларю впервые выступил в печать, повидимому, в 1830 г. — в «Литературной Газете» Дельвига, который, находя в несколько меланхолическом таланте Деларю много черт, сродных с чертами своей собственной музы, оказывал Деларю особенное покровительство. Стихотворения его появлялись в «Невском Альманахе на 1830 г.», в «Литературной Газете» 1830—1831 гг., в «Северных Цветах на 1831 г.», в «Литературных Прибавлениях к Русскому Инвалиду» 1832—1834 гг., в «Комете Белы» 1833 г., «Библиотеке для Чтения» 1834 г, в после-Пушкинском «Современнике» 1837—1844 гг., «Альманахе на 1838 г.», «С.-Петебургских Ведомостях» 1838 г. (№ 151 — кант при открытии Ришельевского Лицея в 1838 г.), сб. «Новогодник» 1839 г., «Одесских Альманахах» на 1839 и 1840 гг., «Одесском Вестнике»; отдельно изданы: «Превращение Дафны. Сельская поэма», С.-Пб. 1829 и «Опыты в стихах», С.-Пб. 1835 (экземпляр их сохранился в библиотеке Пушкина), и «Песнь об ополчении Игоря, сына Святославова, внука Олегова», Одесса 1839 — стихотворное «переложение», как назвал Деларю свой добросовестный труд; в его литературной деятельности следует особенно отметить переводы из латинских поэтов — особенно Виргилия и Овидия; он до конца жизни трудился в этом направлении, и смерть застала его за переводом «Георгик» Виргилия. — Пушкин своими словами о Деларю отвечал Плетневу на следующий отзыв его о нем в письме от 22 февраля: «Я познакомился короче с Деларю. Его привязанность к памяти Дельвига представляет также что-то священное. Это уже одно связывает меня с ним, не говоря о прекрасном его таланте. Все это я пересказываю тебе для того, чтобы ты передумал хорошенько о литературной своей деятельности в будущем и с божиею помощию принялся бы за что-нибудь хорошенькое, где бы открылось поле для деятельности и других людей с чистою душою и благородным стремлением к нравственному совершенству» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 225—226). Пушкин в это время был уже лично знаком с Деларю, и до нас дошло одно письмо поэта к его младшему однокашнику (от 28 сентября 1831 г. — см. ниже, № 464); последний, по словам его сына, «относился всегда к Пушкину как к гению и смотрел на него как на своего учителя»; однако он «ближе стоял, по своим личным симпатиям и склон-

ностям, к другому нашему поэту, другу и сотоварищу Пушкина, барону Дельвигу». Отношения его к последнему были «самые нежно-дружеские», и Деларю «пришлось закрыть глаза нашему Русскому Геснеру», что отчасти послужило поводом и к более тесному сближению между Деларю и Пушкиным («Русск. Стар.» 1880 г., № 9, стр. 217). Об этой близости свидетельствует и биограф Дельвига В. П. Гаевский, которому Деларю сообщил много сведений о Дельвиге (см. «Современник» 1854 г., № 9, Отдел критики, стр. 55, 56, 58, 64, примеч.), и стихотворения Деларю, посвященные Дельвигу («К могиле бар. Дельвига» и «Полет души» — «Литературная Газета» 1831 г., № 6, стр. 47, «Северные Цветы на 1832 г.», стр. 157 — «Анфологическое четверостишие», посвященное его памяти, и др.), его вдове («Литературная Газета» 1831 г., № 12, стр. 96) и дочери Лизаньке («Северные Цветы на 1832 г.», стр. 180—181), и деятельная помощь Пушкину и Плетневу в издании в память Дельвига и в пользу его братьев «Северных Цветов на 1832 г.» («Современник», l. c., стр. 64, примеч.), и сообщение бар. А. И. Дельвига, что Деларю, «наравне со всеми лицеистами, был предан Дельвигу и даже более других, как поэт, которого первые стихотворения напоминали музу Дельвига, и как юноша, который лицом был похож на последнего. Он часто бывал у Дельвига» («Мои воспоминания», т. I, М. 1911, стр. 97). Отзыв Пушкина о Деларю до некоторой степени подтверждается и позднейшим (1846 г.) отзывом Плетнева, который выразился о нем: «он все еще аркадский пастушок, что̀ не много говорит о сфере мыслительной его силы» («Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым», т. II, С.-Пб. 1896, стр. 675); тем не менее, стихотворения Деларю приятны по форме и содержанию и обличают в нем хороший вкус и умение владеть стихом, не уступая образцам, которым он подражал; поэтому понятно, что двенадцать стихотворений Деларю включены в антологический сборник Ю. Н. Верховского: «Поэты Пушкинской поры», М. 1919 (стр. 17—23); в сборник же Н. В. Гербеля (С.-Пб. 1888) вошли только три его пиесы. Отметим, что одно стихотворение Деларю, напечатанное им в «Северных Цветах на 1831 г.», — «Глицере» (стр. 51) начинается стихом из Пушкинского «Подражания Песни Песней» (1821): № 415

Лобзай меня: твои лобзанья
Огнем любви текут по мне...

В Московском Историческом Музее хранятся письма к Деларю Пушкина, Дмитриева, Боратынского и Дельвига (последние три — неизданные, см. «Русск. Арх.» 1869, ст. 041—042). О Деларю см. «Русский Биографический Словарь» (статья П. Е. Щеголева); С. А. Венгеров, «Источники словаря русских писателей», т. II; «Дневник» Пушкина, под ред. Б. Л. Модзалевского, Пгр. 1923; московское издание «Дневника», 1923; «Русск. Стар.» 1904 г, № 7, стр. 10—11 (заметка Е. А. Боброва); Е. А. Бобров, «Мелочи из истории русской литературы», I—VI, Варшава 1905, стр. 10—15 (о переводе Деларю из В. Гюго); сб. «С. Ф. Платонову ученики, друзья и почитатели». С.-Пб. 1911 (пять писем к Деларю Е. А. Энгельгардта, сообщ. Н. К. Кульманом).

— Подолинский — Андрей Иванович (род. 1 июля 1806 ум. в ночь на 4 января 1886) — второстепенный поэт кружка бар. А. А. Дельвига,

№ 415 сотрудник его «Литературной Газеты» и «Северных Цветов», а также многих других альманахов 30-х годов, дебютировавший в 1827 г. повестью в стихах «Див и Пери», за которою в 1829 г. появилась поэма «Борский», вызвавшая резкий отзыв Дельвига (в письме к Боратынскому он, назвав его стихи «гладкими», выразился, что «Подолинскому говорить нечего», что «разве лета его обработают») и критический отзыв Пушкина (см. выше, т. II, стр. 266); равным образом И. В. Киреевский в своем «Обозрении русской словесности за 1829 год» выразился о Подолинском по поводу этой поэмы: «Замечательнейший из подражателей Пушкина есть г. Подолинский. Но его поэма «Борский» по бедности мыслей, по несоответственности языка с чувствами и чувств с предметами и по еще важнейшим несообразностям в плане, — замечательна только одною звучностью стиха» («Денница» 1830 г., стр. XLI); в 1830 г. вышла поэма его «Нищий», давшая критике повод сказать, что она «не удовлетворила ожиданий»; вообще вторая и третья поэмы Подолинского встречены были, по словам его биографа, «хотя и с похвалами внешней их стороне: прекрасному, гладкому, звучному, свободному стиху, живым и ярким картинам, но вместе с тем указывалось на внутренние крупные недостатки новых поэм: на слабость и неправдоподобность завязки, насильственность развязки, неудовлетворительность плана, несоразмерность частей, недостатки в характерах действующих лиц и даже бедность мысли. Суровее всех отнесся к «Борскому» Н. И. Надеждин. О знакомстве Подолинского с Пушкиным в 1824 г. см. выше, т. I, стр. 343—344, а критический отзыв о нем поэта см. в т. II, стр. 45; там же, стр. 265—266, — о самом Подолинском, подробная биография которого, с библиографическим перечнем произведений, написанная Ф. А. Витбергом, помещена в «Русском Биографическом Словаре», 1905, стр. 201—210.

— Гоголь — Николай Васильевич; слова Пушкина служат ответом на следующие строки Плетнева к поэту от 22 февраля 1831 г.: «Надобно познакомить тебя с молодым писателем, который обещает что-то очень хорошее. Ты может быть заметил в Сев. Цветах отрывок из исторического романа, с подписью 0000, также в Литературной Газете Мысли о преподавании Географии, статью: Женщина и главу из малороссийской повести: Учитель. Их писал Гоголь-Яновский. Он воспитывался в Нежинском Лицее Безбородки. Сперва он пошел-было по гражданской службе, но страсть к педагогике привела его под мои знамена: он перешел также в учители. Жуковский от него в восторге. Я нетерпеливо желаю подвести его к тебе под благословение. Он любит науки только для них самих, и как художник готов для них подвергать себя всем лишениям. Это меня трогает и восхищеет» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 225). Приехав в Петербург, с целью поступить на службу, в самом конце декабря 1828г., Гоголь долго не мог добиться места и терпел разочарования; в № 12 «Сына Отечества» за 1829 г. (т. II, июнь) было напечатно стихотворение «Италия», а в августе 1829 г., издав свою «Идиллию в картинах» — «Ганц Кюхельгартен» (в стихах), он отправился за границу, но дальше Гамбурга не попал и в сентябре вернулся в Петербург; в грустном настроении встретил он здесь новый

1830 год и в январе, «после бесконечных исканий», получил наконец скромное чиновничье место сперва в Министерстве Внутренних Дел, а потом — в апреле — в Департаменте Уделов. В № 118 и 119 «Отечественных Записок» П. П. Свиньина за 1831 г. (февраль и март) Гоголь напечатал, без подписи, своего «Бисоврюка или вечер накануне Ивана Купала, Малороссийскую повесть из народного предания, рассказанную дьячком Покровской церкви» (стр. 238—264 и 421—442). К концу года он уже был знаком с Дельвигом, которому отдал для «Северных Цветов на 1831 год» (цензурное их разрешение — 18 декабря 1830 г.) «Главу из исторического романа» (стр. 225—256), с подписью 0000, а затем начинает участвовать и в его «Литературной Газете» 1831 г., в которой появляются: в № 1 (от 1 января) — «Учитель. Из малороссийской повести „Страшный кабан"» (стр. 1—4, с подписью: П. Глечик) и «Несколько мыслей о преподавании детям Географии» (стр. 4—7, с подписью: Г. Янов); в № 4 (от 16 января) — «Женщина» (стр. 27—29, с подписью: Н. Гоголь); в № 17 (от 22 марта)—«Успех посольства. Из малороссийской повести „Страшный кабан"» (стр. 133—135, без подписи). Познакомившись около того же времени с Плетневым и Жуковским, Гоголь сблизился также с писателями, группировавшимися вокруг Дельвига (умершего 14 января 1831 г.), особенно же с О. М. Сомовым, который один из первых оценил дарование Гоголя, коему, как земляку — украинцу — с родственным себе талантом чувствовал особенную симпатию (см. «Русск. Арх.» 1908 г., кн. III, стр. 265—266); тогда же Гоголь, через Плетнева, получил частные уроки в домах Балабина, Лонгинова и Васильчикова, а 10 марта был назначен преподавателем истории в женском Патриотическом Институте. К этому времени у него уже были написаны рассказы первой части «Вечеров на хуторе близ Диканьки». 16 апреля он писал матери о своих делах и, сообщая об оставлении своей «ничтожной службы», говорил: «Путь у меня другой, дорога прямее, и в душе более силы итти твердым шагом. Я мог бы остаться теперь без места, если бы не показал уже несколько себя. Государыня приказала читать мне в находящемся в ее ведении Институте благородных девиц. Впрочем, вы не думайте, чтобы это много значило. Вся выгода в том, что я теперь немного больше известен, что лекции мои мало по малу заставляют говорить обо мне и, главное, что имею гораздо более свободного времени: вместо мучительного сидения по целым утрам, вместо 42 часов в неделю, я занимаюсь теперь 6, между тем жалованье даже немного более; вместо глупой, бестолковой работы, которой ничтожность я всегда ненавидел, занятия мои теперь составляют неизъяснимые для души удовольствия... Но между тем занятия мои, которые еще бо́льшую принесут мне известность, совершаются мною в тиши, в моей уединенной комнатке: для них теперь времени много» (Письма Н. В. Гоголя, ред. В. И. Шенрока, т. I, С.-Пб., изд. Маркса, стр. 174—175).—О личном знакомстве Гоголя с Пушкиным, состоявшемся по переезде поэта из Москвы в Петербург, а затем в Царское Село, см. ниже, в примечании к письму № 453. № 415

— С Жуковским, которого Пушкин благодарит за участие в его судьбе и за поздравление с женитьбой, поэт вскоре встретился в Царском Селе, где они одновременно проводили лето 1831 г. Дружеской

№ 415 переписки между ними, действительно, никогда не было, а обменивались они письмами только по каким-либо чрезвычайным поводам, когда с Пушкиным приключалось что-либо особенное и притом неприятное. О новых балладах Жуковского, со слов Плетнева, узнал тогда от Пушкина и кн. П. А. Вяземский, который 21 апреля, из Москвы, писал Плетневу: «Вы, я думаю, морочите нас, говоря о балладном разрешении Жуковского. Не в 1-й ли день апреля писали вы о том Пушкину»? («Изв. Отд. Русск. яз. и слов. Акад. Наук» 1897 г., т. II, кн. 1, стр. 96—97). Говоря о новых балладах Жуковского, Плетнев имел в виду следующие переводы Жуковского: «Кубок» («Водолаз» — из Шиллера; помечено 10 марта 1831 г.), «Перчатка» (из Шиллера), «Воскресное утро в деревне» (из Гебеля), «Поликратов перстень» (из Шиллера; помечено 17 марта), «Жалобы Цереры» (из Шиллера; помечено 17—19 марта), «Суд божий над епископом» (из Соути; помечено 24—26 марта), «Появление весны» (из Уланда), баллада «Покаяние» (помечено 29 марта—5 апреля), «Ленора» (из Бюргера; помечено 29 марта—1 апреля); «Доника», баллада (из Соути), «Королева Урака и пять мучеников» (из Соути), «Замок на берегу моря» (из Уланда), «Алонзо», баллада (из Уланда), вскоре, затем в апреле, он написал сказку: «Война мышей и лягушек» (отрывок), а в конце лета— «Сказку о царе Берендее» и сказку «Спящая царевна» (см. еще ниже, в письмах № 422 и 426). — Муза Жуковского почти совершенно молчала с 1821 г., то есть в течение почти десяти лет; еще в середине 1824 г., имея в виду это молчание, Пушкин писал о Жуковском: «Славный был покойник, дай бог ему царство небесное» (см. выше, т. I, стр. 84 и 331; ср. стр. 10).

— Слова: «былое с ним сбывается опять» — цитата из стихотворения самого Жуковского (1823 г.): «Я музу юную, бывало, Встречал в подлунной стороне», оканчивающегося словами:

Не умерло очарованье,—
Былое сбудется опять.

Эти слова Пушкин однажды процитировал, в применении их к Жуковскому же, в письме к кн. Вяземскому от 25 мая 1825 г., в котором он, говоря о Жуковском, писал (см. выше, т. I, стр. 131, № 144): «К тому же смешно говорить о нем, как об отцветшем, тогда как слог его еще мужает. Былое сбудется опять, а я все чаю в воскресение мертвых» (ср. выше, т. I, стр. 437).

— По части ирландской народной словесности в библиотеке Пушкина сохранилось позднейшее издание: «Fairy Legends and Traditions of the South of Ireland», London 1834.

— Четьи-Минеи Пушкин изучал еще в 1825 году, работая над «Борисом Годуновым» в Михайловском заключении, где эту книгу застал у него на столе И. И. Пущин (ср. выше, т. I, стр. 155 и 494—495). Доказывая, что помещенная в III томе «Современника» рецензия на составленный М. Л. Яковлевым и кн. Д. А. Эристовым «Словарь о святых, прославленных в Российской церкви, и о некоторых сподвижниках благочестия местно-чтимых» составлена Пушкиным, — Н. О. Лернер пишет: «Предмет Словаря живо интересовал Пушкина. Он однажды

писал Плетневу, чтобы тот посоветовал Жуковскому... «читать Четь Минею» («Пушкин», сб. «Русского Библиофила», С.-Пб. 1911, стр. 68—69); а в самой рецензии говорил: «Издатель Словаря о Святых оказал важную услугу Истории. Между тем, книга его имеет и общую занимательность: есть люди не имеющие никакого понятия о житии св. угодников, чье имя носят от купели до могилы и чью память празднуют ежегодно. Не дозволяя себе никакой укоризны, не можем по крайней мере не дивиться крайнему их нелюбопытству» и т. д. (см. выше, т. I, стр. 518).

— До января Пушкин в Царском Селе не прожил: он переехал в Петербург уже в середине октября.

416. *А. Н. Гончарову.* 25 апреля [1831 г.] (стр. 19—20). Впервые, без даты напечатано А. В. Срединым в его статье «Полотняный Завод» в ж. «Старые Годы» 1910 г., июль—сентябрь, стр. 104, по подлиннику, найденному в семейном архиве Гончаровых; затем напечатано им же вторично, с ошибочной датой: «25 октября», в «Известиях Калужской Ученой Архивной Комиссии», вып. XXI, 1911 г., стр. 40—41, в статье его: «Пушкин и Полотняный Завод». Подлинник ныне составляет собственность Центрального Литературного Музея в Москве; письмо писано на двух листах почтовой бумаги большого формата, с водяными знаками: А. Г. 1830. Этим письмом Пушкин отвечает на письмо «дедушки» от 9 апреля 1831 г. (см. выше стр. 240). К этому письму Пушкина относятся вызванные этим письмом следующие документы, приведенные А. В. Срединым по подлинникам семейного архива Гончаровых (они составлены, вероятно, при участии посланного Пушкиным поверенного): а) составленный «дедушкой» проект заемного письма, с замечаниями на него какого-то юриста: «1831 года Маия... дня. Мы нижеподписавшиеся надворный советник и кавалер Афанасий Николаев сын Гончаров и из дворян 10-го класса Наталья Николаева Пушкина заключили сие условие: 1-е. Я Афанасий Гончаров занял у нее Натальи Пушкиной денег государственными ассигнациями 000 рублей, в чем и дал ей от крепостных дел заемное письмо, писанное и совершенное сего Маия дня в Медынском Уездном Суде сроком и т. д. 2-е. А я Пушкина, получа означенную довсренность во управление мое его, Гончарова, имение, обязываюсь вышеизъясненное письмо при жизни его, Гончарова, ко взысканию никуда не представлять и никому не передавать, разве в таком токмо случяе должна я представить, ежели какое государственное место вызывать будет его, Гончарова, кредиторов и т. д. 3-е. Естьли означенной Гончаров, который дед мой родной, кончит жизнь его (чего боже сохрани) прежде заплаты мне по описанному заемному письму денег, то я должна сие условие сохранить свято и ненарушимо с сыном его, а моим отцом, коллежским ассессором Николаем Афанас. Гончаровым, которой есть единственный после его наследник. — Вот тут претькновение, ибо он наследник, без него ничего, — ни вступает во владение, ни уничтожается опека, потому что дети его, при жизни его, не могут вступить во владение, чего я прежде не догадался». Всё приведенное, с самого начала до последних слов, перечеркнуто и в низу приписано: «Стало один конец — дать ей заемное письмо. А от ней подать в Суд просьбу, что она при выдаче ее в замужество получила полное награждение от Вас и уже из

 имения Вашего от наследников никакой части требовать не должна, а остается довольною Вашим награждением, а условие останется в двух только пунктах» («Известия Калужской Ученой Архивной Комиссии», l. c., стр. 41—42); б) реверс, данный Н. Н. Пушкиной «дедушке»: «1831 года маия... дня я нижеподписавшаяся из дворян 10-го класса Наталья Николаева Пушкина дала сей реверс надворному советнику Афанасию Николаевичу Гончарову в том, что по заемному письму, данному мне им сего 1831 года мая ...дня в занятых им у меня деньгах... руб. сроком на один год, обязуюсь я, Наталья Пушкина, не токмо по истечении сего срока, но даже до конца жизни его, Гончарова, в помянутой сумме денег, а также на оную процентов нисколько не взыскивать, равно обязуюсь при жизни его, г. Гончарова, сие заемное письмо никому не передавать; в противном же сему случае волен он, г. Гончаров, просить о поступлении со мною по законам и денег нисколько не... (*неразб.*). По кончине г. Гончарова, вольна я, Пушкина, сим обязательством его, г. Гончарова, расположить так, как сама заблагорассужу» («Старые Годы» 1910 г., июль — сентябрь, стр. 114, примеч. 50, и «Известия Калужской Ученой Архивной Коммиссии», l. с., стр. 42). О самом А. Н. Гончарове см. упоминания в письмах № 423, 429, 431, 455, 471, 481 и в примечаниях к ним.

— «Прочие внуки» — старшие сестры Н. Н. Пушкиной, девицы Екатерина и Александра Николаевны Гончаровы, о которых «дедушка» писал Пушкину 9 апреля: «Милостивый Государь Александр Сергеевич! Сейчас получа письмо ваше, спешу вам на то моим ответом. Как я сказал, что нижегородское имение отдаю трем моим внукам, Катерине, Александре и Наталье, так и ныне подтверждаю тоже.—Паче ваш поверенной может иметь способ совершить сию крепость — с большим моим удовольствием соглашаюсь на то, прося вас покорнейше дать случай мне (чем скорей, тем лучше) видеться с ним и устроить сие дело к окончанию. — Проезд его ко мне и возвращение есть мое дело следовательно, сие и озабочивать его не должно» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 234). Екатерина Николаевна впоследствии вышла замуж за барона Дантеса-Геккерена (убийцу Пушкина), а Александра — за барона Фризенгофа.

417. *Е. М. Хитрово.* 8 мая [1831 г.] (стр. 20). Впервые напечатано в изданном Пушкинским Домом Академии Наук сборнике «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Лгр. 1927, стр. 20; подлинник хранится в ИРЛИ (Пушкинском Доме) Академии Наук СССР; письмо на листе почтовой бумаги большого формата, без водяных знаков, с неотчетливым овальным тисненым клеймом в верхнем левом углу; на обороте рукою Е. М. Хитрово помета: «Poushkin».

Перевод: «Вот «Странник», которого Вы просили у меня. В этой немного манерной болтовне чувствуется истинный талант. Самое замечательное то, что автору уже 35 лет, а между тем это его первое произведение. Роман Загоскина еще не вышел. Он был вынужден переделать несколько глав, где говорилось о поляках 1812 г. Поляки 1831 года причиняют гораздо более хлопот, и их роман еще не кончен. Здесь передается известие о сражении, яко бы происшедшем около 20 апреля. Это должно быть ложно, — по крайней мере в отношении числа. — Мое путе-

шествие отложено на несколько дней из-за дел, не имеющих ко мне отношения. Надеюсь справиться с ними к концу месяца. — Мой брат ветрогон и лентяй. Вы слишком добры, слишком любезны, принимая в нем участие. Я ему уже написал «дядюшкино» письмо, в котором намылил ему голову, сам не зная хорошенько, за что. В настоящее время он должен быть в Грузии. Я не знаю, следует ли мне переслать ему Ваше письмо; я предпочел бы сохранить его у себя. — Без прощания, как и без установленных фраз. 8 мая». № 417

— «Странник» — роман Александра Фомича Вельтмана (род. 8 июня 1800 — ум. 11 января 1870), печатавшийся, отрывками, в «Московском Телеграфе», а затем вышедший в Москве в трех частях в 1831, 1832 и 1833 годах (в 1840 г. в Москве же вышли одно за другим два издания, в трех частях каждое, в размере 12° и 32°). Уроженец Петербурга, Вельтман учился в Москве — в школе пастора Плеско, в Университетском благородном пансионе, в частном пансионе братьев Терлиновых и, наконец, в известном заведении для колонновожатых Н. Н. Муравьева, где и завершил свое образование в 1817 году, после чего, служа в Генеральном Штабе в 1818 г., командирован был для топографических съемок в Бессарабию и провел в ней около трех лет, живя по временам в Кишиневе, где и познакомился с Пушкиным по приезде его на жительство в этот город в сентябре 1820 г. «Встречая Пушкина в обществе и у товарищей, — пишет Вельтман в своих Воспоминаниях, — я никак не умел с ним сблизиться: для других в обществе он мог казаться ровен, но для меня он казался недоступен. Я даже удалялся от него, — и сколько я могу понять теперь тайное, безотчетное для меня чувство, я боялся, чтобы кто-нибудь из товарищей не сказал ему при мне: «Пушкин, вот и он пописывает у нас стишки» (Л. Майков, «Пушкин», С.-Пб. 1899, стр. 121). Потом они познакомились, встречались и у Вельтмана и в разных домах, — между прочим, у И. П. Липранди, который в своих Воспоминаниях так определяет фигуру этого даровитого молодого человека: Вельтман, по его словам, «не принимал живого участия ни в игре в карты, ни в кутеже и не был страстным охотником до танцовальных вечеров; но он — один из немногих, который мог доставлять пищу уму и любознательности Пушкина, а потому беседы с ним были иного рода. Он безусловно не ахал каждому произнесенному стиху Пушкина, мог и делал свои замечания, входил с ним в разбор, и это не нравилось Александру Сергеевичу, несмотря на неограниченное его самолюбие» («Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1251). Когда, в 1822 г., Вельтман покинул Кишинев, он не скоро снова свиделся с Пушкиным: продолжая служить в Генеральном Штабе, он в 1828—1829 гг. принимал участие в Турецкой войне в качестве старшего адъютанта при Главной Квартире, а затем — начальника Исторического Отделения штаба армии, но в 1831 г., выйдя в отставку, по болезни (с чином подполковника), он поселился в Москве и здесь встретился с Пушкиным, вскоре после его женитьбы: поэт посетил Вельтмана и сказал ему, что, «непременно будет писать о «Страннике». «В последующие свидания он всегда напоминал мне об этом намерении,— рассказывает Вельтман: — Обстоятельства заставили его забыть об этом; но я дорого ценю это намерение. — «Пора нам перестать говорить друг

№ 417 другу *бы»*, сказал он мне, когда я просил его в собрании показать жену свою. И я в первый раз сказал ему: «Пушкин, ты — поэт, а жена твоя — воплощенная поэзия!» Это не была фраза обдуманная: этими словами невольно только высказалось сознание умственной и земной красоты» (Л. Майков, l. с., стр. 131—132). О дальнейших сношениях Пушкина с Вельтманом нам ничего не известно, кроме упоминаний о нем в письмах поэта к Нащокину от 1 июня 1831 г. (№ 423) и 2 декабря 1832 г. (№ 515), да в письмах Нащокина к поэту от 30 сентября 1831 и 10 января 1833 гг. (Акад. изд. Переписки, т. II. стр. 331, и т. III, стр. 1); кроме того в библиотеке Пушкина сохранились следующие сочинения Вельтмана, поднесенные им поэту: 1) «Начертание древней истории Бессарабии. С присовокуплением исторических выписок и карты, сочиненное Генерального Штаба Штабс-Капитаном Вельтманом», М. 1828, с надписью: «Александру Сергеевичу Пушкину от Сочинителя в знак глубочайшего уважения и в знак памяти»; 2) «Странник. Сочинение А. Вельтмана. Часть третия», М. 1832, с надписью: «Александру Сергеевичу Пушкину Вельтман»; 3) «Беглец. Повесть в стихах. Соч. А. Вельтмана», М. 1831, с надписью: «Александру Сергеевичу Пушкину от уважающего и преданного»; 4) «Муромские леса. Повесть в стихах, сочинение Александра Вельтмана», М. 1831, с надписью: «Первому Поэту России от Сочинителя»; 5) «Песнь ополчению Игоря Святославича, Князя Новгород Северского. Переведено с древнего русского языка XII столетия Александром Вельтманом», М. 1833, с надписью: «Александру Сергеевичу Пушкину Вельтман»; эту книгу Вельтман послал поэту при письме из Москвы от 4 февраля 1833 г. (см. Акад. изд. Переписки, т. III, стр. 3, и ниже, в примечаниях к письму № 513); перевод Вельтмана вызвал ряд замечаний Пушкина, изложенных на полях книги и на отдельном листке; 6) «О Господине Новгороде Великом. (Письмо). С приложением вида Новгорода в 12-м столетии и плана окрестностей. А. В.», М. 1834, без надписания (см. Б. Л. Модзалевский, «Библиотека А. С. Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 19—22, со снимком с листка, на котором Пушкин записал несколько своих замечаний на перевод Вельтманом «Песни ополчению Игоря Святославича»). Наконец, результатом знакомства Вельтмана с Пушкиным остались его в высокой степени ценные Воспоминания о поэте, изложенные в статье «Воспоминания о Бессарабии», полностью опубликованные Л. Н. Майковым (см. его книгу «Пушкин», С.-Пб. 1899, стр. 92—136), а частично напечатанные еще самим Вельтманом в № 3 «Современника» за 1837 г. (стр. 226—249), да стихотворение Вельтмана «Пегас (А. С. Пушкину)», помещенное на стр. VII—VIII упомянутой выше повести в стихах «Беглец». — Что касается романа «Странник» (собственно только первой его части), посланного Пушкиным Е. М. Хитрово, и сопровождавших его слов, то, говоря, что он — первое произведение 35-летнего автора, Пушкин был не совсем точен: как мы видели выше, Вельтман был годом моложе поэта, а в литературе выступил в 1828 г. с книгою об «Истории Бессарабии», затем печатал стихи в «Московском Телеграфе» 1829 и 1831 гг. и в том же 1831 году, но позже, напечатал две «повести в стихах»: «Муромские леса» и «Беглец»; но в роли повествователя-прозаика Вельтман выступил в «Страннике», действительно, впервые. «Книга эта (первая часть ее вышла весною

1831 года, и о ней только идет речь у Пушкина), — говорит Н. В. Измайлов, — написана в своеобразной манере:[1] в виде «путешествия по географической карте», где путешествие служит автору лишь предлогом для лирических отступлений и для высказываний на всевозможные темы и рамкой для самых причудливых стилистических и композиционных узоров; сюжетом своим автор «играет», нисколько этого не скрывая, иногда забывает его намеренно и обращает повествование в ряд отрывков, ничем, кроме авторской личности и авторских намерений, не связанных. Такая форма, хотя и довольно известная по западным и русским образцам, в особенности по романам Стерна, вызвавшим и в России множество подражаний (на что̂ указывали рецензенты книги Вельтмана), вместе с тем была и нова — в силу особенностей дарования, ума и темперамента автора; пленял его неподдельный легкий юмор, с налетом сентиментальности, его уменье развертывать, не утомляя читателей (по крайней мере в первой части книги) неожиданные, откровенно показанные приемы повествования, с переходами от спокойного рассказа к лирике, к разговору с самим собою и с читателем, от прозы к стиху, от серьезного, почти этнографического описания к юмористическим заметкам вроде наводнения в Испании от пролитого на карту стакана воды... Рамкою, избранною автором для первой части книги, служит поездка по Бессарабии, с подробным описанием отдельных ее мест и в особенности Кишинева. Уже это одно должно было привлечь сочувственное внимание Пушкина... Мелькающие описания знакомых мест, знакомые имена и лица, образы и нравы кишиневских жителей, — всё это будило в поэте старые воспоминания. Оригинальные приемы повествования Вельтмана, хотя и чуждые духу и приемам Пушкинской прозы, интересовали его, как свежее явление среди скудной пока русской прозаической литературы. По всему этому поэт, всегда сочувственно относившийся ко всему новому и молодому в словесности, не мог не отметить роман Вельтмана и увидал в этой — по его краткому, но чрезвычайно меткому определению, «немного манерной болтовне» — признание истинного таланта» («Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Лгр. 1927, стр. 106—107).[2] Но отзывы критики о романе Вельтмана были разноречивы. С одной стороны, рецензент «Московского Телеграфа» «превозносил книгу, как одно из самых замечательных литературных явлений современности, свежее, яркое, вполне оригинальное, проникнутое воображением и поэзией, и особенно высоко ставил драматическую поэму «Искандер», вставленную в роман». Между тем журнал Надеждина «Телескоп» «отнесся к нему сдержанно-отрицательно, отмечая многочисленные его недочеты и неудачные приемы»; наконец «Литературная Газета» Сомова напечатала (в № 30, от 26 мая, совпавшем с моментом переезда Пушкина из Петербурга в Царское Село) «совершенно уничтожающую рецензию: в ней указывалось на несамостоятельность Вельтмана, на его подражание Стерну

[1] О «Страннике», его художественной манере и литературном значении см. в статьях: Т. Роболин, «Литература путешествий», и Б. Бухштаба, «Первые романы Вельтмана» — «Русская Проза», сб. под ред. Б. М. Эйхенбаума и Ю. Н. Тынянова. Лгр., 1926, стр. 66—72 и 194—203.

[2] Заметим, кстати, что ту же «манерность» находил позднее в писаниях Вельтмана и Тургенев (см. Сочинения, изд. 1915 г., т. X, стр. 388).

№ 417 и другим авторам, надуманность и натяжки его шуток и каламбуров, посредственность и ненужность вставных стихов, пустоту всего замысла. Попутно «Газета» полемизировала и с «Московским Телеграфом», упрекая его в дружеском пристрастии, в невежественности и в непонимании стихосложения — и, таким образом, через голову Вельтмана сводились счеты со старым противником — Полевым. Рецензия вызвала недовольство Пушкина, который 1 июня, уже из Царского Села, писал в Москву П. В. Нащокину — для передачи самому автору «Странника»: «Я сейчас увидел в Литер. Газ. разбор Вельтмана очень неблагосклонный и несправедливый. Чтоб не подумал он, что я тут как нибудь вмешался. Дело в том, что и я виноват: поленился исполнить обещанное, не написал сам разбора но и некогда было...» (см. ниже, письмо № 423). Подробнее о Вельтмане и о его литературной деятельности см. в биобиблиографических трудах Г. Н. Геннади и С. А. Венгерова («Словарь», т. V. и «Источники Словаря», т. I), небольшую заметку А. Ф. Кони в сб. «Sertum Bibliologicum в честь А. И. Малеина», Пб. 1922, стр. 194—196, и его же воспоминание о Вельтмане в 1-й части III тома «На жизненном пути» (Ревель — Берлин, 1922), стр. 244—250, и вышеуказанные (стр. 257, примеч.) статьи Т. Роболина и Б. Бухштаба.

— Роман Загоскина — «Рославлев»; он вышел в свет в начале июня 1831 г. («Литер. Газета» 1831 г., № 22, 16 апреля, стр. 182; «Северная Пчела», № 123, 4 июня, и «Литер. Газета», № 33, 10 июня, стр. 272); выхода его читающая публика ожидала с нетерпением, так как еще находилась под впечатлением первого романа Загоскина — «Юрий Милославский», вызвавшего общие восторги, о коих см. в письме Пушкина к Загоскину от 11 января 1830 г. (выше, т. II, № 309) и в примечаниях к нему (стр. 364—366). «Рославлев» посвящен был эпохе Отечественной войны, которую многие современники Пушкина, как и он сам, еще живо помнили. «Е. М. Хитрово роман должен был интересовать особо, как изображение событий, прославивших ее отца, фельдмаршала Кутузова-Смоленского. Кроме того и современные события — Польское восстание, корни которого были заложены, отчасти, в эпоху Наполеоновских войн, — должны были вызывать к роману особый интерес. Биограф Загоскина, С. Т. Аксаков, сохранил данные о том, насколько ожидался роман, «слух о котором прошел по всей России», и насколько уверены были в его успехе, — данные книгопродавческие, коммерческого и читательского характера, то есть наиболее объективные и убедительные: 4800 экземпляров романа были оплочены еще до его выхода в свет издателем, типографщиком Степановым, с помощью московских книгопродавцев заплатившим автору огромную по тому времени сумму в 40 000 руб. (Сочинения С. Т. Аксакова, т. III, С.-Пб. 1886, стр. 277—279; «Пушкин и его соврем.», вып. XXXI—XXXII, стр. 112—113). Естественно, что Пушкин, живя в Москве и встречаясь с Загоскиным, должен был много слышать о «Рославлеве» и о ходе работ автора над ним. Об этой-то авторской работе он и сообщает Е. М. Хитрово. Однако же, слухи о «переплавке» глав, где речь идет о «поляках 1812 года», были, видимо, неточны или касались неизвестных для нас перипетий цензурной истории романа. В романе, каким он был напечатан, о поляках говорится лишь в двух главах (часть III, глава 6, и часть IV, глава 5): в одной изображается польский генерал из свиты

Наполеона, в момент переезда императора из Кремля через горящую Москву в Петровский замок; этот поляк — лицо бледное и эпизодическое, не характеризующее отношения автора к полякам вообще. В другой — рассказ офицера о приключениях при переезде через Польшу, когда он догонял свой полк зимою 1813 г. Он попадает сначала к одному поляку-помещику, который, вместо гостеприимства, издевается над ним и коварно его обманывает и дразнит, потом к другому, где, после комического недоразумения, вполне традиционного в литературе (мнимый разбойничий притон, подслушанный разговор якобы в плане убийства путешественника, на самом деле оказывающийся разговором об убитом медведе), находит самое радушное гостеприимство. Впечатление от двух последних эпизодов получается двойственное, но, во всяком случае, оба они имеют в романе побочное значение. Поляки не интересовали Загоскина — интересовался же ими Пушкин, всецело поглощенный событиями на берегах Вислы. — Несмотря на большие ожидания, роман не имел успеха ни в журналистике, ни в публике, и вызвал скорее разочарование в таланте Загоскина.— Пушкин, получив книгу от самого Загоскина через посредство О. М. Сомова около 20 июня, когда жил в Царском Селе (см. письмо Сомова Загоскину от 15 июня 1831 г., — «Русск. Стар.» 1902 г., сентябрь, стр. 620), тотчас же прочитал роман и, не высказываясь сначала по существу, 3 июля спрашивал П. А. Вяземского: «Очень желаю знать, каким образом ты бранишь его [то есть «Рославлева»]», уверенный, что его друг будет недоволен романом (Переписка, т. II, стр. 267), — и не ошибся, как видно по отзыву Вяземского, купившего право «по совести бранить» роман «пôтом лица и скукою внимания» (там же, стр. 311) и считавшего что в «Рославлеве нет истины ни в одной мысли, ни в одном чувстве, ни в одном положении», с чем Пушкин и согласился, говоря, однако, что к отзыву Вяземского можно бы «прибавить еще три строчки: что положения, хотя и натянутые, занимательны; что разговоры, хотя и ложные, живы, и что всё можно прочесть с удовольствием»: он, как видно, не отнесся к роману серьезно, и ему было «смешно читать рецензии наших журналов: кто начинает с Гомера, кто с Моисея, а кто с Вальтер Скотта» (намек на статьи «Московского Телеграфа» и «Телескопа»; там же, стр. 318). — Пушкин не отозвался на «Рославлева» никакой журнальной статьей — зато начал писать ответ на него в повествовательной форме, часть которого напечатал в «Современнике» 1836 г., как «Отрывок из неизданных записок дамы (с французского)», и который позднее печатался под названием «Рославлев» (Н. В. Измайлов — сб. «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Лгр. 1927, стр. 107—109).

— Весь март и часть апреля дела на Польском театре войны шли неопределенно, — происходили в разных местах сравнительно небольшие стычки польских и русских войск, кончавшиеся частною удачею то одной, то другой стороны, но не приводившие ни к каким решительным результатам. «Весь март месяц, вплоть до 10 апреля, не было получено из Польши никаких удовлетворительных известий», — записал в Дневнике своем П. Г Дивов. — «Мало того, генерал Гейсмар самым глупейшим образом допустил напасть на себя врасплох 25-тысячному отряду поляков и потерял несколько орудий» («Русск. Стар.» 1899 г., № 12, стр. 524). Сообщения о событиях на

417—418 театре военных действий были опубликованы в «Северной Пчеле» от 3, 9, 13, 16, 18, 23, 27 апреля; в последнем содержались известия от середины апреля — об успешных действиях генерала Ридигера против польских отрядов под начальством Дверницкого в Волынской губ. Затем в № 98, уже от 5 мая, были переданы известия из армии от второй половины апреля — о деле 14 апреля при Минске и о сильной рекогносцировке 22 апреля. Пушкин, как и большинство его современников, всё это время ждал решительных боев.

— «Мое путешествие» — то есть переселение с женою из Москвы в Петербург и Царское Село; задержалось оно из-за дел «дедушки», о котором см. выше, стр. 253—254.

— Об осложнениях с переводом Льва Сергеевича Пушкина в войска армии, действовавшей в Польше, см. выше, стр. 222—224. Письмо Е. М. Хитрово к Л. С. Пушкину до нас не дошло. «Дядюшкино письмо» (une lettre d'oncle) брата-поэта к нему же, о котором говорит Пушкин, — от 6 апреля 1831 г. (см. его выше, № 413). О взаимных отношениях Пушкина и его брата см. выше, стр. 161 интересное свидетельство кн. П. А. Вяземского, в примечаниях к письму № 397. К началу 1830-х годов снисходительное отношение поэта к брату, уже вышедшему из лет первой молодости, но продолжавшему быть баловнем матери, отца и сестры, сменилось некоторой суровостью, что и дало ему повод свое письмо к нему от 6 апреля назвать «дядюшкиным письмом». — О времени прибытия Льва Пушкина в Грузию поэт, повидимому, заблуждался, — см. выше, стр. 242 в объяснениях к письму № 413.

418. *Е. М. Хитрово.* [Вторая половина мая 1831 г.] (стр. 20—21). Впервые напечатано в изданном Пушкинским Домом Академии Наук сб. «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Лгр. 1927, стр. 21; подлинник — в ИРЛИ (Пушкинском Доме) Академии Наук СССР; письмо на листе почтовой бумаги большого формата, с водяными знаками: А. Г. 1830; сложено конвертом: на обороте адрес, показывающий, что оно послано было не по почте. Датировке письмо поддается лишь приблизительной. По содержанию письма и его адресу видно, что оно писано в Петербурге, а не послано из другого города. В Петербург же Пушкин, покинувший Москву в середине мая, приехал, повидимому, 18 мая: 11 мая Погодин уведомлял Шевырева, что Пушкин едет в Петербург («Русск. Арх.» 1882 г., кн. III, стр. 185); 17 мая Пушкины сюда еще не приезжали (см. в письмах О. С. Павлищевой к Н. И. Павлищеву — «Пушкин и его соврем.», вып. XV, стр. 64); в числе же приехавших в «столичный город С.-Петербург» *18 мая* («С.-Петерб. Ведом.» 1831 г., № 117, прибавление, стр. 1136) значится некий «из Москвы, отставной 7-го класса Пушкин», который, очень вероятно, есть именно А. С. Пушкин: поэт, как известно, был «отставной 10-го класса», а такая неточность полицейского сообщения вполне допустима (ср. в статье Ф. А. Витберга: «К вопросу о времени знакомства Гоголя с Пушкиным и А. О. Россет» — «Русск. Стар.» 1897 г., № 6, стр. 612—613). Как бы то ни было, известно, что около 25 мая Пушкин с женою уже переехал в Царское Село. Кроме того Е. М. Хитрово в письме к кн. Вяземскому от 21 мая 1831 г., упомянув о том, что она «была очень счастлива сви-

деться с нашим общим другом» (то есть с Пушкиным), пишет далее: «Нет, я не могу восхищаться «Наложницею» [Боратынского] и я в том покаялась Пушкину. Впрочем, я прочла ее в два часа утра и с головой, наполненной Эсмеральдой — милейшей, прелестнейшей и очаровательнейшей изо всех цыганок — этим созданием Виктора Гюго и украшением «Notre-Dame de Paris . . .» (Сочинения кн. П. П. Вяземского, С.-Пб. 1893, стр. 531; «Русск. Арх.» 1884 г., кн. II, стр. 418). Именно экземпляра, принадлежавшего Е. М. Хитрово, и ждал, очевидно, Пушкин, желая поскорее прочесть «Notre-Dame». А если Е. М. Хитрово прочла роман к 21 мая (или несколько раньше), то в эти дни читал его и Пушкин, торопясь окончить чтение перед отъездом своим в Царское Село. Принимая во внимание эти данные, а также время выхода в свет трех упоминаемых Пушкиным французских романов, которые были новинкою в Петербурге именно в мае 1831 г., нужно отнести письмо № 418 ко второй половине мая 1831 года. № 418

Перевод: «Вот Ваши книги, умоляю Вас прислать мне второй том Rouge et Noir. Я от него в восторге. Plock et Plick жалок, это куча бессмысленной чепухи, лишенной даже оригинальности. Можно-ли уже достать Notre Dame? До свидания. А. Пушкин». — На обороте: «Госпоже Хитровой».

— Rouge et Noir — роман «Le Rouge et le Noir. Chronique de 1830» («Красное и Черное. Хроника 1830 года»), сочинение известного французского критика и романиста Стендаля (Stendhal — псевдоним Анри Бейля, Henri Beyle; род. 1783, — ум. 1842); он появился в свет в Париже в ноябре 1830 г., в двухтомном издании, приобретенном потом и Пушкиным, — вероятно, для жены, так как на экземпляре его, сохранившемся в библиотеке поэта, надпись о принадлежности его последнему сделана рукою Н. Н. Пушкиной (см. Б. Л. Модзалевский, «Библиотека А. С. Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 342—343); в письме к Е. М. Хитрово от конца мая — начала июня Пушкин выразился об этом романе Стендаля по прочтении его 2-го тома несколько строже и сдержаннее: «Rouge et noir хороший роман, несмотря на фальшивую риторику, встречающуюся в некоторых местах, и на несколько замечаний дурного вкуса» (см. ниже, в письме № 421). По поводу этих отзывов Пушкина о «Le Rouge et le Noir» Б. В. Томашевский в статье своей «Французская литература в письмах Пушкина к Е. М. Хитрово» пишет о столь понравившемся поэту сочинении Стендаля следующее: «Роман был встречен современниками не как чисто художественное произведение, а как политический и социальный памфлет. Так «Figaro», объявляя о предстоящем выходе романа и отмечая странность заголовка (в самом деле, термины рулетки, поставленные в заголовке, не имеют прямой связи с сюжетом) и парадоксальность изложения, заявил: «Человек со странностями, г-н де Стендаль не запутал своей мысли мишурой салонов и смеет говорить правду. Этот роман — зеркало; тем хуже для уродов» (6 ноября 1830 г.) «La Quotidienne» в ожидании романа пишет: «Автор умеет иногда говорить довольно жесткие истины всем партиям. Увидим, сохранит ли он смелость остаться вне партий и в этом романе (1 ноября). «Le Globe» называл «Le Rouge et le Noir» «политическим романом» (номер от 23 февраля 1831 г.). — В романе искали в первую

№ 418 очередь отзыва на современность. Психологическая манера автора скорее отталкивала критиков и казалась помехой в осуществлении основной — сатирической — цели. Критик «Revüe de Paris» писал: «Эта хроника — не что иное, как форменный донос против человеческой души, некий анатомический театр, в котором автор рассекает ее по кусочкам, чтобы яснее показать нравственную проказу, которою, по его мнению, она заражена». Отмечая преувеличения автора на этом пути, критик продолжает: «Сатира на современные нравы, которую автор намеревался сочетать с сатирой на человека вообще, показалась нам чрезмерно страстной. и быть может в своем стремлении к большей выпуклости и живости изображения автор дал нам карикатуру». Признавая фабулу романа увлекательной, критик сопровождает эту невольную похвалу резкими оговорками: «На каждом шагу хочется спорить с автором то за фальшивое чувство, то за странную и мучительную ситуацию, то за небрежность в ведении событий и в характерах» (28 ноября 1830 г.). — Эти отзывы показывают, как мало современники Стендаля ценили в его романе художественную сторону, ограничивая свое внимание почти исключительно сатирическими моментами. «Le Rouge et le Noir» был прежде всего «Хроникой 1830 года» — произведением, тесно связанным с современностью, с нравами до-июльского французского общества. Вот почему небезынтересна характеристика, данная этому роману историком, видящим в нем типичнейшее произведение начала Июльской монархии: «Протест против «социального факта» начался и более не кончится. «Le Rouge et le Noir» Стендаля, дающий наиболее сильный и тонкий анализ, представляет собою вкратце историю сыновей века. Провозглашенное равенство дало им почувствовать карьеру, равную их безграничным притязаниям к их достоинствам, которые по их мнению обеспечивали им высокое будущее. Но перед ними встают препятствия, выдвигаемые со стороны обладателей власти и денег. Чтобы преодолеть их, требуется одна только сила: энергия страстная, грубая и лукавая, неразборчивая в средствах, готовая итти на преступление. Жюльен Сорель — безвестный ученик Наполеона, остановленный, как и он, случайностью. Но их легион; он родоначальник всех честолюбцев Бальзака, которые так же, открыто или тайно, идут на завоевание общества; он — старший брат, только более тонкий и выдающийся, Робер-Макера. Начиная с «Le Rouge et le Noir», романисты приписывают себе эту роль, которою завладел Бальзак, эту «функцию» врача, социального физиолога, роль, близкую к роли «пророка», которую приписывают себе поэты с тех пор, как всё стало так «серьезно» в литературе» (Ernest Lavisse, «Histoire de France Contemporaine», t. V, 1921). — Эта проповедническая струя в романе Стендаля не ускользнула от Пушкина, но именно она вызвала упреки. «Фальшивая декламация», «наблюдения дурного вкуса» очевидно и есть тот элемент социальной сатиры, проповеди и памфлета, который наличествует в романе и который остро ощущался современниками, но гораздо менее заметен для нас, удаленных от актуальной обстановки 1830 г. — Конкретизируя мнение Пушкина, мы должны прежде всего остановиться на таких местах «фальшивой декламации», как речи Альтамиры или размышления Жюльена Сореля в тюрьме. Эта декламация против социальной обстановки казалась Пушкину нарушающей

стройность романа, «фальшивой». Под «замечаниями дурного вкуса» следует, вероятно, разуметь замечания «от автора», рассыпанные по всему роману. Таковы, например, следующие места: «На деле эти умные люди оказывают там в (провинции) самый тягостный «деспотизм»; по причине этого некрасивого слова пребывание в маленьких городах невыносимо для всякого, кто жил в этой великой республике, именующейся Парижем. Тирания мнения — и какого мнения!— так же бессмысленна во французских городах, как и в Соединенных Штатах Америки» (гл. I). Или следующее замечание в скобках: «Здесь автор хотел поместить страницу многоточий. Это будет иметь плохой вид, сказал издатель, а для такого легкого произведения плохой вид — смерть. — Политика, сказал автор, это камень, привязанный на шею литературе, который менее, чем через полгода утопит ее. Политика среди тем, созданных воображением, — это выстрел во время концерта. Этот шум раздирает уши, не являя никакой силы. Он не согласуется ни с одним инструментом. Эта политика смертельно обидит одну половину читателей и усыпит от скуки другую, которой та же политика покажется совсем иной в утренней газете. — Если ваши персонажи не будут говорить о политике, возразил издатель, то они не будут французами 1830 года, и таким образом ваша книга, вопреки вашим притязаниям, не будет зеркалом...» (гл. LII). Такие заявления «от автора», всегда внезапные и без подготовки нарушающие объективное повествование романа, казались Пушкину, вероятно, назойливыми»(«Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», стр. 217—220). С отзывом Пушкина о романе Стендаля интересно сопоставить замечание о нем кн. П. А. Вяземского, который в письме к Пушкину от 24 августа 1831 г. (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 311) писал: «Читал ли ты le noir et le rouge? Замечательное творение». А. Н. Вульф, читавший роман по второму изданию, упоминает его в своем Дневнике под датами 21 и 23 августа 1832 г. и замечает: «Давно не читал я столь занимательного романа, как этот — Стендаля» (Л. Майков, «Пушкин», стр. 184, ср. А. Н. Вульф, «Дневники», под ред. П. Е. Щеголева, М. 1929, стр. 345. — *Ред.*]

— Plock et Plick — роман «Plick et Plock. Scènes maritimes» (Paris; вышел в январе 1831 г.) — первое сочинение известного впоследствии французского писателя-романиста, тогда еще молодого Евгения Сю (Eugène Sue; род. 1804—ум. 1857), автора знаменитых «Mystères de Paris», «Juif errant» и многих других произведений, из которых, однако, в составе библиотеки Пушкина до нас не дошло ни одного. Об этом произведении молодого дебютанта, вызвавшем столь резко-отрицательный отзыв Пушкина, Б. В. Томашевский в названной статье своей пишет: «„Морские сцены" представляют собою две повести («El Gitano» и «Kernock le pirate»), наполненные ужасами обычного репертуара: здесь и убийства, и богохульства, и детально описываемая казнь, и т. д. Герои — контрабандисты и пираты — переживают невероятные приключения. Название «Plick et Plock», составленное по принципу эвфонической забавы парных слов (вроде трик-трак, bric-à-brac, flic-flac и т. п.), объединяет имена нарочито незначительных персонажей этих повестей: так, если Плок имеет некоторое — второстепенное — отношение к развязке первой повести, то Плик только один раз упоминается в последней главе второй

№ 418 повести. Эти повести представляют собою явление «экзотической ужасной литературы», причем экзотическим в данном случае являлся «морской быт», подсказанный автору «Красным Корсаром» Купера. Литература эта является едва ли не прямым продолжением «ужасных» романов Дюкре Дюминиля и д'Арленкура, и «френетического» романа 20-х годов с некоторым переосмыслением и перестройкой элементов литературных ужасов, произошедшим под влиянием смены литературных школ. Жюль Жанен писал, что в области ознакомления читателя с морским бытом «эта повесть не достигает цели. Но если у автора недостаточно смелости и выдержки, то взамен того у него много мысли и красок. Его живой, живописный стиль достоин первоклассных писателей. Е. Сю далеко не такой моряк, как Купер, ему нехватает знакомства с морем и небом» («Journal des Débats», 13 марта 1831 г.; подпись: J. J.). Однако Сю считал своей заслугой именно морской фон своих историй: вслед за «Плик и Плок» последовали другие его морские рассказы. К четвертому изданию книги (в 1832 г.) он присоединил предисловие, в котором ставит себя во главе «морских» писателей. На открытие Версальского музея (1837 г.) Сю явился в костюме цвета vert de mer, который привлек всеобщее внимание (см. Beaumont-Vassy, «Les salons de Paris et la Société Parisienne sous Louis-Philippe», I, 1866). Эти экзотические авантюрные ужасы вызвали резкое осуждение со стороны Пушкина» («Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», стр. 221—222).

— Notre Dame — роман молодого Виктора Гюго (Victor Hugo; род. 1802 — ум. 1885) «Notre Dame de Paris, 1482», вышедший в двух томах, в Париже, 15 марта 1831 г., и создавший славу Гюго. Пушкин еще в 1829—1830 г. читал повесть Гюго «Dernier jour d'un condamné» (см. выше, т. II, стр. 86), а в 1830 г. познакомился, при посредстве Е. М. Хитрово, с драмою его «Hernani», о которой был высокого мнения (там же, стр. 91, 434 [отдельное издание этой драмы было в библиотеке Пушкина, см. в работе Л. Б. Модзалевского о библиотеке поэта в «Литературном Наследстве», стр. 1017. — *Ред.*]), а в одной заметке 1831 г. утверждал: «Lamartine скучнее Юго и не имеет его глубины», — следовательно, находил Гюго поэтом скучным, хоть и не лишенным глубины. О Гюго-лирике и драматурге см. в названном очерке Б. В. Томашевского, стр. 205—206 и 209—214; по поводу же «Notre Dame de Paris» («Собор Парижской Богоматери») находим у него следующие данные: «Роман имел шумный успех. В 1831 г. вышло одно за другим 7 изданий. Вокруг романа возникли, как и следовало ожидать, споры, но признание значительности романа было единодушно. Критик «Journal des Débats» писал: «Вот уже несколько лет, как роман странным образом изменил характер. Основа романа, то есть изображение страсти было всё или почти всё в романе; рамка мало заботила автора и почти не интересовала читателя. Теперь же рамка — самое главное; основа или страсть — не более как аксессуар. С точки зрения языка «Notre Dame de Paris» — блистательное произведение; в нем писатель вторгается в область живописи; трудно на полотне изображать полнее, и мне кажется, что по описаниям «Notre Dame de Paris» возможно рисовать с такой же точностью, как и с натуры» (15 июля 1831 г.; подпись: N). Очевидно это перенесение центра тяжести с фабулы на колорит описаний в повество-

вательной форме прозаического романа было встречено Пушкиным несочувственно. Как и в «Плик и Плоке», Пушкина мог оттолкнуть экзотический фон романа. Но экзотизм Гюго — это экзотизм средневекового Парижа, подчеркнутый форсированной колоритностью описаний. Пушкин признал впечатлевающую и убеждающую силу описаний Гюго, отметив главу вторую заключительной, одиннадцатой книги («La creatura bella bianco vestita»), содержащую описание падения Клода Фролло с верхней площадки Notre Dame» («Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», стр. 222—223). О впечатлении, произведенном романом Гюго в России, пишет И. И. Панаев: «Я узнал о «Notre Dame de Paris» из «Московского Телеграфа». Вскоре после этого весь читающий по-французски Петербург начал кричать о новом гениальном произведении Гюго. Все экземпляры, полученные в Петербурге, были тотчас расхватаны. Я едва достал для себя экземпляр и с нервическим раздражением приступил к чтению» (Литературные воспоминания», под ред. Р. В. Иванова-Разумника, «Academia», Лгр. 1928, стр. 51). Ольга Сергеевна Павлищева писала мужу в августе 1831 г.: «Ce qui fait fureur à l'heure qu'il est — c'est *Notre Dame de Paris*, roman de Victor Hugo; on en parle dans les rues comme dans les salons au point que cela m'a ôté l'envie de le lire, et que j'attendrois patiemment pour le lire que cela me tombe sous la main» («Пушкин и его соврем.», вып. XV, стр. 85—86). Еще отзыв Пушкина о «Notre Dame de Paris» см. ниже, в письме № 421.

419. *П. В. Нащокину*. [Около 25 мая 1831 г.] (стр. 21). Впервые напечатано в «Москвитянине» 1851 г., кн. I, № 23, стр. 462 (отрывок), и в сб. «Девятнадцатый Век» П. И. Бартенева, кн. I, М. 1872, стр. 384, с подлинника, полностью; подлинник был в Остафьевском Архиве, ныне в Центрархиве в Москве; он на листе бумаги большого почтового формата с водяными знаками: А. Г. 1829; письмо запечатано гербовой печатью Пушкиных под графскою короною. — Датируется по соображению начальных слов письма со временем приезда Пушкиных в Петербург и поездкой в Царское Село (см. выше, стр. 260).

— С Нащокиным (о нем см. выше, т. I, стр. 360, и т. II, стр. 483—485, 497 и др.) Пушкин еще больше сблизился со времени своей женитьбы,— и с этой поры их отношения и переписка принимают особенно интимный, дружественный характер; из большого числа писем Пушкина к Нащокину дошло до нас, к сожалению, только 25: ни сам Нащокин, ни впоследствии жена его не берегли писем поэта, и многие из них пропали (см. выше, т. I, стр. XXXIX [и статью Н. О. Лернера «Новооткрытые строки Пушкина» в «Красной Ниве» 9 июня 1929 г., № 24.— *Ред.*]).

— Демутов трактир — петербургская гостиница, в которой Пушкин в холостые годы всегда жил во время приездов своих в Петербург, начиная с 1827 г. (см. выше т. II, стр. 248, 261, 319; Анненков, «Материалы», изд. 1855 г., стр. 117; Дневник А. Н. Вульфа — «Пушкин и его соврем.», вып. XXI — XXII, стр. 53 [А. Н. Вульф, «Дневники», под ред. П. Е. Щеголева, М. 1929, стр. 195.— *Ред.*]; Записки Кс. А. Полевого, С.-Пб. 1888, стр. 200, 268, 273). Трактир этот, или, как он назывался при своем основании, «герберг», в доме петербургского купца Филиппа-Якоба Демута, занимавшем сквозной квартал между Мойкой и Конюшенной улицей,

№ 449 существовал уже в 1770-х годах; о нем упоминается в разных документах и воспоминаниях, относящихся к царствованию Екатерины II («Русск. Стар.» 1883 г., № 10, стр. 143), к 1796—1797 гг. (там же, 1874 г., № 9, стр. 187), 1812 г. («Русск. Арх.» 1871 г., кн., I, ст. 092), 1820 г. («Остаф. Арх.», т. II, стр. 388), 1822 г. («Старина и Новизна», кн. I, стр. 124), 1825 г. (Дневник В. П. Шереметовой, М. 1916, стр. 18, 19), 1827 г. (Записки Кс. Полевого, l. с.), 1829 г. («Пушк. и его соврем.», вып. XXI—XXII, стр. 53 [и А. Н. Вульф, «Дневники», под ред. П. Е. Щеголева, М. 1929, стр. 195. — *Ред.*]), 1833 г. («Русск. Стар.» 1881 № 8, стр. 604, 612), 1836 г. (Переписка Пушкина, т. III, стр. 421), 1846 г. (Воспоминания Ф. В. Булгарина, т. I, С.-Пб. 1846, стр. 291), 1848 г. (Воспоминания Ф. Г. Торнера, т. I, С.-Пб. 1910, стр. 61). Греч и Булгарин называют и гостиницу и самого Демута «знаменитыми» («Записки», С.-Пб. 1886, стр. 157, и l. с.),—и. действительно, она попала даже в заглавие рассказа бар. Ф. Корфа: «Два дня в Демутовом трактире» (сб. «Русская Беседа», т. II, С.-Пб. 1841). История дома Демута и его трактира в связи с жизнью в нем Пушкина изложена в работе [А. Г. Яцевича «Пушкинский Петербург», ч. II., Лгр. 1931, стр. 166—176. *Ред.*] и не совсем точно в статье П. Н. Столпянского: «В старом Петербурге, XIX. Квартиры А. С. Пушкина» — в «Новом Времени» от 29 января 1912 г., № 12889. О купце (впоследствии коллежском асессоре и директоре Заемного Банка в Петербурге) Филиппе-Якове Демуте (род. в Страсбурге 28 декабря 1750—ум. в Петербурге 4 ноября 1802 г.) и его дочери Елизавете (род. 1781—ум. 1837; она была замужем за д. ст. сов. Францем Ивановичем Тираном, к которому и перешел дом Демута на Мойке), — см. «Петербургский некрополь», т. II и IV, а также ж. «Наша Старина» 1915 г., № 11, стр. 1059, «Сенатский Архив», т. I; «Полн. Собр. Законов», т. XIX, стр. 800 (1773 г.), т. XXII, стр. 852 (1787 г.); П. Н. Столпянский, «Зеленый змий в Старом Петербурге» — «Наша старина» 1915 г., № 11, стр. 1059. Скажем кстати, что еще в 1876 г. в Демутовой гостинице останавливался И. С. Тургенев («Русск. Стар.» 1883 г., № 10, стр. 218).

— Дом Китаевой, в котором Плетнев нанял помещение для Пушкина в Царском Селе, находится на Колпинской улице, на углу Кузьминской. и существует до сих пор (в 1910 г. имел № 2). Китаева была вдова придворного лакея 20-х годов Китаева, который умер в том же году, когда Пушкин жил у него на даче. По исследованию Р. В. Иванова-Разумника, в 1831 г. дом этот принадлежал уже Олениным (семье А. Н. Оленина), а впоследствии (1910, 1914) вдове тайн. сов. Ольге Владимировне Ивановой, и на стене его, со стороны Колпинской улицы, была прибита мраморная доска с надписью: «А. С. Пушкин жил в этом доме с 25-го мая по 20-е октября 1831 года». «С. Н. Вильчковскому, — пишет Р. И. Иванов-Разумник, — недавно удалось найти в Архиве Царскосельского Дворцового Управления чертежи и рисунки дома Китаева до перестройки и после нее. Перестройка заключалась в том, что с обеих сторон фасад дома был увеличен на два окна, а четыре колонны в середине дома были заменены галлереей; таким образом был испорчен типический «ампир» Александровской эпохи. Но все эти перестройки не слишком нарушили общий наружный вид дома: сравнивая рисунок 30-х гг. с тем, что мы видим в настоящее время, сразу узнаешь «дом Китаева». Внутреннее расположение

комнат осталось, разумеется, тоже прежним» (И.-Р. «Дом Пушкина в Царском Селе» — «Русск. Ведом.» 1910 г., № 232). По планам «Атласа города Царского Села», составленного Н. И. Цыловым и изданного в 1857 г., видно, что в 30-х годах вся местность, где был расположен дом Китаевой, была занята императорским парком. О доме Китаевой см. статью Ф. Зарина-Несвицкого: «Пушкинский дом в Царском Селе» — в «Историч. Вестн.» 1914, № 4, стр. 269 — 279, с тремя снимками по фасаду (с угла) и с Колпинской и с Кузьминской улиц, цитированную заметку Иванова-Разумника в «Русск. Ведом.» 1910 г., № 232 [а также заметку П. М. Устимовича: «Там, где жил Пушкин» — «Красная Панорама» 1926 г., 5 февраля, № 6 (100) стр. 10 — 11 (со снимком с современного вида дома), и книжку Н. П. Анциферова: «Пушкин в Царском Селе», Л. 1929, стр. 43—45, ср. в книжке Э. Ф. Голлербаха «Литература о Детском Селе», с дополнениями В. М. Лосева. Л. 1933, по указ. *Ред.*]. № 419

— Поливанов — Александр Юрьевич (род. 1795—ум. 18. .), сватавшийся в это время за старшую сестру Н. Н. Пушкиной — Александру Николаевну и прибегший в этом деле к посредничеству Пушкина, который писал о сватовстве «дедушке» А. Н. Гончарову; последний отнесся к проекту выхода замуж внучки вполне благосклонно, о чем и писал поэту 9 апреля (см. выше, стр. 240, в примечаниях к письму № 412). Поливанов был калужский дворянин, сын сослуживца Суворова, генерал-майора Юрия Игнатьевича Поливанова (ум. 1813), от брака его с Анастасией Михайловной, рожд. Свечиной (ум. 1814); в апреле 1814 г. поступил на службу в Кавалергардский полк, а 2 апреля 1823 г. вышел в отставку, по болезни, подполковником и поселился в своем имении — селе Никольском, Малоярославецкого уезда, Калужской губернии; в 1831 г. в пору сватовства к А. Н. Гончаровой, он был малоярославецким уездным предводителем дворянства (Месяцеслов на 1831 г., ч. II, стр. 99), но был им недолго; в деревне он и умер и погребен, но время его смерти нам неизвестно. По словам Бартенева, он, действительно, «был влюблен в сестру жены Пушкина, тоже красавицу» («Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым», М. 1925, стр. 60); в сватовстве его, повидимому, принимал участие и Нащокин, которого Пушкин, по отъезде своем из Москвы, не раз извещал о положении дела с этим сватовством (см. ниже, № 423, 429 и 455), да и Нащокин писал поэту о Поливанове — например 9 июня (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 248) и 20 июня (там же, стр. 255). Сватовство не только расстроилось из-за несогласия Н. И. Гончаровой, но и поссорило поэта с его тещей; она была в ссоре с «дедушкой» и рассердилась на Пушкина за то, что он вступил с ним в переписку по этому поводу, минуя ее, и вообще вмешался в дело замужества ее дочери, — что̀ видно из резкого письма поэта к теще от 26 июня 1831 г. (см. ниже, № 431), и из слов его в письме к Нащокину, уже от 3 сентября: «Теща моя не унимается; ее не переменяет ничто, Ni le temps, ni l'absence, ni des lieux la longueur; бранит меня, да и только, — а все за нашего друга Ал. Юрьевича» (см. ниже, № 455). По этому поводу П. П. Каратыгин, в своем очерке о Н. Н. Пушкиной, писал: «К числу терний супружества, по практическим выводам народной мудрости, принадлежат «свекровь» и «теща», в большинстве случаев не особенно симпатичные невесткам и зятьям. Последнее было

№ 419 с Пушкиным: столкновение с тещею не замедлило. Поводом к нему послужило сватовство его знакомого, Александра Юрьевича Поливанова, за старшую дочь Гончаровой, Александру Николаевну. Пушкин ходатайствовал за Поливанова перед дедушкою, Афанасием Николаевичем. Это разгневало г-жу Гончарову, которая написала к дочери своей, новобрачной Пушкиной, письмо очень дерзкое и для него оскорбительное. Видимое желание тещи поселить разлад в доме молодых было едва-ли не главною причиною отъезда Пушкина в Петербург, а затем в Царское Село» («Русск. Стар.» 1883 г., № 1, стр. 65), откуда поэт и написал ей, 26 июня упомянутое резкое письмо (см. его ниже, № 431). О поездке А. Ю. Поливанова к «дедушке» в Полотняный Завод см. в письме Нащокина к Пушкину от 9 июня 1831 г. (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 248—249). Об А. Ю. Поливанове см. небольшую заметку, с портретом, в «Сборнике биографий кавалергардов», т. II, С.-Пб. 1906, стр. 285; и А. В. Селиванова: «Род дворян Поливановых 1376—1902», Владимир. губ., 1902, стр. 27 и 36. Заметим кстати, что брат А. Ю. Поливанова — также кавалергард Иван Юрьевич (ум. 5 сентября 1826) — был декабристом (см. «Алфавит декабристов» под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, Лгр. 1925, стр. 153, 378—379).

— Горчаков — Владимир Петрович (род. 1800—ум. 18 февраля 1867), кишиневский приятель Пушкина, в 1826 г. вышедший в отставку и с тех пор постоянно живший в Москве, посещая небольшой кружок близких ему людей (в том числе своего прежнего сослуживца А. Ф. Вельтмана) и будучи постоянным членом Английского Клуба. О нем см. выше, т. I, стр. 25, 45, 236 и др., по указателю. Гр. Е. П. Растопчина посвятила ему два свои стихотворения: „Зачем? Ответ на «Что?»“ (Москва. Ноябрь 1831) и «Еще вопрос» (Москва. Май 1832) — «Стихотворения», СПб. 1841, ч. I, стр. 73—74. О Горчакове Пушкин упоминает и в дальнейших своих письмах к Нащокину (№ 424, 430, 441, 442, 444, 447). Из писем Нащокина: от 20 июня видно, что Пушкин к этому времени уже наполовину рассчитался с Горчаковым (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 255), а от 2 сентября, что весь долг был уплачен и вексель Пушкина возвращен (там же, стр. 315). В начале декабря поэт виделся с Горчаковым в Москве (см. ниже, письмо № 478).

— Вероятно, об этой тысяче рублей, должных Пушкину, кн. П. А. Вяземский спрашивал П. А. Плетнева в письме из Остафьева от 12 января 1831 г.: «Сделайте одолжение, скажите мне, лично ли Вам, или Пушкину должен я 1000 рублей, коими вы ссудили меня так обязательно? Мне часто хотелось прислать вам заемное письмо на них, по холерным обстоятельствам, хотя у Вас и есть моя росписка. Не пеняйте мне, что я еще не заплатил Вам: всё это время у нас в Москве только и было прихода, что в больных» («Изв. Отд. Русск. яз. и слов. Акад. Наук» 1897 г., т. II, кн. I, стр. 93). См. ниже, в письме Нащокина, стр. 270, и в письме Пушкина № 426, и в ответе на него Вяземского, в примечаниях к этому последнему письму, стр. 289—290.

— «Хозяйка» Нащокина — цыганка Ольга Андреевна, из того же табора, что̀ была и упомянутая выше, в письме № 394, цыганка Татьяна Демьяновна; в приведенном выше (примечание, стр. 137) рассказе послед-

ней упоминается о том, что Нащокин «пропадал» из-за Ольги и как она № 419
потом, после долгих настояний Нащокина, переехала к нему в дом, на Садовой. О ней повествует в своих воспоминаниях о Нащокине и Н. И. Куликов, знавший Ольгу Андреевну, по его словам, «милую, беспечную, добродушную девушку», с «милым нравом», которую он потом вывел в комедийке с пением: «Цыганка», женив на ней в пьесе «Поля», в коем Нащокин сразу узнал себя («Русск. Стар.» 1880 г., № 12, стр. 992—993). Некоторое время Нащокин и Ольга жили мирно и в ладах, у них родились мальчик Павел и девочка, крестница Пушкина (она умерла летом 1831 г.— см. ниже, в письме № 442, и письмо Нащокина к Пушкину от 15 июля 1831 г., Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 273); мирная жизнь шла, однако, не слишком долго, так как из письма Пушкина к Нащокину от 1 июня (см. ниже, № 423) видно, что друзья уже в это время помышляли о том, как бы избавиться от «известной особы», но из дальнейших писем ясно, что это долго не удавалось; к началу 1833 г. отношения Нащокина и его сожительницы окончательно испортились, и Нащокин стал настойчиво думать о разрыве, в чем его поддерживал и Пушкин (см. ниже, в письмах № 519 и 553); однако только в феврале 1834 г. Нащокину удалось тайком уехать от своей сожительницы (см. Акад. изд. Переписки, т. III, стр. 73—74), и давно желанный разрыв состоялся, причем у Нащокина остался прижитый от Ольги сын Павел (там же, стр. 91, и письма Пушкина ниже № 466 и 515), по выражению Куликова,— «дворняжка, ненавидевший комнат» («Русск. Стар.» 1880 г., № 12, стр. 992), а сам женился на Вере Александровне Нарской (ум. 17 ноября 1900), от которой имел несколько человек детей.

— Марья Ивановна — экономка Пушкина, жившая у него в Москве с тех пор, как он женился («Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым», М. 1925, стр. 60), и оставленная им после отъезда в Петербург при «доме», то есть при квартире в доме Хитровой на Арбате, ликвидацию которой поэт поручил Нащокину. См. ниже, в письме Нащокина.

— Н. Н. Пушкина относилась к Нащокину очень дружественно и после смерти Пушкина подарила ему на память несколько вещей поэта (см., например, письма ее к Нащокину в журн. «Искусство» 1923 г., № 1, стр. 326—328).

— Это письмо Пушкина к Нащокину писано почти одновременно с письмом Нащокина к Пушкину, также без даты; приводим его целиком, так как из него ясно видны те дружеские чувства, которые Нащокин питал к поэту (исправляем орфографию и пунктуацию):

«Ты не можешь себе представить, какое худое влияние произвел твой отъезд отсюда на меня,— я совершенно оробел; расстройство нерв, и более чувствую, чем когда-нибудь, всего боюсь, ни за что, ни про что, не нахожу средств уединиться, одному же скучно.— Чувствую в себе какого-то, вроде *вампира*, — некого ждать, не к кому итти, — одним словом, очень худо; читаю — в пот бросает, музыкой я недоволен; что̀ со мной будет, право, не знаю. Не стану говорить о привязанности моей к тебе, что же касается до привычки видеть и заниматься тобою — она без меры. Всё это ты и знал, и предполагать мог, оно не нужно было, но само как-то написалось; извини. Дом твой остался в большом беспорядке в нравствен-

419—420 ном смысле: М[арья] И[вановна] была на меня в неудовольствии, жаловалась на меня, куда следует, и долженство[ва]ло бы быть процессу; но я задавил его силою красной ассигнации, всё кончилось, уложены твои вещи и завтра будут отправлены. Деньги я еще от Вяземского не получил, некогда было быть у него. Все тебе велели кланяться. Об отъезде твоем ничего еще не успел слышать.— Сделай милость, ошибок не поправляй: их много, и меня это будет конфузить. — Наталье Николаевне мое почтение. Не забудь портрет; мне сдается, — боюсь вымолвить, — что я тебя иначе не увижу; но, может, это враки. Посылаю тебе доверенность, соверши ее в Гражданской Палате и не выропи лоскутка из пакета, на котором написано, как тебе подписать; присылай ее скорее.— Жить ты будешь счастливо, я в этом уверен, — следственно, говорить и желать тебе мне нечего. Не забудь меня, поминай меня, да не лихом, — я со своей стороны тебе был друг искренний, по душе, или по чему другому, всё равно.— Сидя в карете, я плакал и этому давнишнему удовольствию я тебе обязан. Письма мои, сделай милость, рви, ибо им можно будет со временем смеяться, этому более, ибо оно совершенно писано слогом нежной Московской кузины; поэтому виноват ты, не позволив мне писать начерно. Прощай, Александр Сергеевичь,— прошу тебя сказать своим слогом Наталье Николаевне, сколь много я ей желаю всякого счастия и удовольствия. П. Нащокин».

420. *Е. М. Хитрово*. [Около 25 мая 1831 г.] (стр. 21). Впервые напечатано в изданном Пушкинским Домом Академии Наук сб. «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Лгр. 1927, стр. 22; подлинник в ИРЛИ (Пушкинском Доме) Академии Наук СССР; он — на листе почтовой золотообрезной и окаймленной тиснением бумаги малого формата, с частью клейма, — вероятно, это бумага Н. Н. Пушкиной; сложено конвертом; на обороте адрес, показывающий, что письмо было послано не по почте. Датировка письма приблизительная и основана на том, что Пушкины переехали из Петербурга в Царское Село около 25 мая, а письмо написано, повидимому, в самый день их отъезда. Пушкин писал Нащокину 1 июня: «Вот уже неделя, как я в Царском Селе» (см. выше, № 423).

Перевод: «Сейчас я уезжаю в Царское Село, с искренним сожалением, что не могу провести вечер у Вас. Что касается самолюбия Сюлливана, то будь, что̀ будет. Вы, обладающая таким умом, скажите ему что-нибудь, что̀ могло бы его успокоить. — Всего лучшего, и главное — до свиданья». Приписка Н. Н. Пушкиной: «Я в отчаянии, что не могу воспользоваться Вашим любезным приглашением,— мой муж увозит меня в Царское Село. Примите выражение моего сожаления и совершенного уважения.— Наталья Пушкина». На обороте рукою Пушкина: «Госпоже Хитровой».

— Сюлливан — секретарь Нидерландского Посольства в Петербурге O'Sullivan de Grass, значущийся в этой должности при чрезвычайном посланнике и полномочном министре бароне Геккерене в «Готском Альманахе» на 1831 и 1832 гг. («Gothaischer genealogischer Hof-Kalender auf das Jahr 1831», S. 248, и 1832, S. 246); в «Альманахе на 1828 г.» его еще нет, а в «Альманахе на 1836 г.» при посланнике Геккерене секретарем посольства значится уже J. C. Gevers. О'Сюлливан был в числе участников того маскарада у вел. княгини Елены Павловны, 4 января 1830 г., на ко-

тором графиня Е. Ф. Тизенгаузен произнесла стихотворение «Циклоп», сочиненное для нее Пушкиным (см. выше, т. II, стр. 70 и 358 — 359). В изданной по поводу маскарада брошюре «Vers chantés et récités» (St. Pétersbourg, 1830) находится на стр. 6 и шутливое стихотворение за подписью Сюлливана, произнесенное, вероятно, им самим в женском костюме:

La chevelure de Bérénice

Vous voyez devant vous la triste Bérénice,
Qui jadis, à sa gloire, offrit en sacrifice
Ce Titus, dont à Rome on chanta les vertus.
C'était trés-beau! mais moi, depuis cette injustice,
Je ne suis jamais coiffée à la Titus.

Par M. O'Sullivan de Grasse.

Б. В. Томашевский, просматривая «Moniteur Universel» за 1830 г., в номере от 11 октября нашел корреспонденцию из Антверпена от 5 октября, в которой сообщалось, по поводу известий с театра войны между Голландиею и Бельгиею, что кронпринц Вильгельм Оранский (зять Николая I), главнокомандующий голландскою армиею, прибыл туда и манифестом от 4 числа назначил для сопровождения своего сына (племянника Николая I) Вильгельма в Антверпен пятерых государственных советников (Conseillers d'état) — в том числе O'Sullivan de Grass; то же ли это лицо, что и вышеуказанный секретарь Нидерландского Посольства в Петербурге, сказать не можем.

— По поводу приписки Н. Н. Пушкиной отметим, что как раз в это время, 25 мая 1831 г., дочь Е. М. Хитрово, графиня Д. Ф. Фикельмон, писала в Москву кн. П. А. Вяземскому следующие пророческие строки, обнаруживающие большую ее наблюдательность и ум: «Пушкин к нам приехал, к нашей большой радости. Я нахожу, что он в этот раз еще любезнее. Мне кажется, что я в уме его отмечаю серьезный оттенок, который ему и подходящ. Жена его — прекрасное создание; но это меланхолическое и тихое выражение похоже на предчувствие несчастия. Физиономии мужа и жены не предсказывают ни спокойствия, ни тихой радости в будущем: у Пушкина видны все порывы страстей, у жены — вся меланхолия отречения от себя. Впрочем, я видела эту красивую женщину всего только один раз» (сб. П. И. Бартенева, «Пушкин», вып. II, М. 1885, стр. 50).

421. *Е. М. Хитрово*. [Конец мая — начало июня 1831 г.] (стр. 21—22). Впервые напечатано в изданном Пушкинским Домом Академии Наук сб. «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Лгр. 1927, стр. 23; подлинник в ИРЛИ (Пушкином Доме) Академии Наук СССР; он на листе почтовой бумаги большого формата, с водяными знаками: А. Г. 1830; сложен конвертом и запечатан гербовой печатью Пушкина; на обороте — адрес, свидетельствующий, что письмо послано было не по почте. По поводу датировки письма следует повторить то, что уже было сказано при первой его публикации. Письмо по содержанию тесно связано с письмом № 418 и написано через несколько дней после него, то есть не ранее конца мая 1831 г. Письмо помечено: «вторник»; вторник же в мае 1831 г. приходился на 19-е и 26-е числа и на 2 и 9 июня. Эти числа

 затрудняют датировку: 19 мая Пушкин еще только что приехал в Петербург и не только не читал «Notre Dame», но не мог бы послать и письма такого содержания, как № 418, а 26 мая был в Царском Селе, только что, по имеющимся сведениям, переехав туда. Если предположить даже, что дата переезда «25 мая» неверна и что настоящее письмо написано 26 мая, пришлось бы письмо № 420 отнести, по крайней мере, к 27 мая, что маловероятно. Остается думать, что письмо № 421 написано в один из кратких приездов Пушкина из Царского Села в Петербург, *в начале июня*. О таком приезде можно заключить из того, что Пушкин между 2 и 11 июня виделся в Петербурге с приехавшим 2 июня из-за границы А. И. Тургеневым (см. ниже, в примечаниях к письму № 426). На поездку в Петербург в эти дни указывают и «Воспоминания» Л. Н. Павлищева (М. 1890, стр. 243, 245), но их данные не соответствуют подлинному содержанию писем О. С. Павлищевой, на которых «Воспоминания» основываются (ср. «Пушкин и его соврем.», вып. XV, стр. 66 и сл.). Вопрос о дате письма, таким образом, остается неопределенным, но наиболее вероятна дата — 9 июня, так как в этот день Пушкин, приехав в Петербург, мог видеть Тургенева скорее, чем 2 июня, — в самый день приезда последнего. Во всяком случае, оба письма, и № 418 и № 420, относятся ко времени до того, как в Петербурге появилась холера и установленные карантины прервали сношения между Царским Селом и столицей, то есть до конца июня 1831 года. Необходимо отметить еще, что Л. Н. Павлищев, в своих «Воспоминаниях об А. С. Пушкине», приводит письмо О. С. Павлищевой к мужу от середины августа 1831 г., в котором сестра поэта пишет: «Сегодня Александр подарил мне вышедший недавно роман Гюго «Notre Dame de Paris»" и т. д. (стр. 257). Это сообщение, занесенное и Н. О. Лернером в «Труды и дни» под 19 августа (стр. 249), могло бы заставить изменить датировку нашего письма, отодвинув его на более поздний срок, — но в подлинном письме О. С. Павлищевой («Пушкин и его соврем.», вып. XV, стр. 85—86) ни о каком подарке Пушкиным романа В. Гюго не говорится, и фраза эта сочинена самим Павлищевым.

Перевод: «Мне крайне досадно, что я не могу провести вечер у Вас. Одно очень скучное обстоятельство, то есть обязанность, заставляет меня итти зевать, сам не знаю куда. — Вот книги, которые Вы были добры мне одолжить. Ваше восхищение Notre dame вполне понятно. Во всем этом вымысле много изящества. Но, но... я не смею сказать всего, что об нем думаю. Во всяком случае, падение священника великоленно со всех точек зрения; от него просто кружится голова. Rouge et noir — хороший роман, несмотря на несколько фальшивую риторику, встречающуюся в некоторых местах, и на несколько замечаний дурного вкуса. — Вторник». — *На обороте*: Госпоже Хитровой.

— О романе В. Гюго «Notre Dame de Paris» см. выше, в письме № 418, и в примечаниях, стр. 264—265. «Падение священника» — «Rouge et Noir» — роман Стендаля; о нем см. выше, в письме № 418 и в примечаниях к нему, стр. 261—263.

422. *Князю П. А. Вяземскому*. 1 июня [1831 г.] (стр. 22—23). Впервые напечатано в сб. «Старина и Новизна», кн. XII, М. 1907, стр. 322—324; подлинник был у гр. С. Д. Шереметева в Остафьевском архиве, ныне в

Центрархиве в Москве; письмо — на листе почтовой бумаги большого формата, с водяным знаком: А. Г. 1829; было сложено конвертом и запечатано перстнем-талисманом.

— О доме Китаевой и Царском Селе см. выше, стр. 266—267.

— Петербургские знакомки — несомненно, Е. М. Хитрово и ее дочери — гр. Е. Ф. Тизенгаузен и гр. Д. Ф. Фикельмон (25 мая 1831 г. писавшая Вяземскому о своих впечатлениях о Пушкине и его жене, — см. выше, стр. 271), а также фрейлина А. О. Россети, вскоре переехавшая со двором также в Царское Село.

— «Здешние залы» — то есть, вероятно, салоны, гостиные, в которых собиралось светское общество, проводившее лето в Царском Селе.

— Дибич — генерал-фельдмаршал граф Иван Иванович Дибич-Забалканский, назначенный 1 декабря 1830 г. главнокомандующим действующею против поляков армиею. Приехав из-за границы в Петербург в первых числах декабря, он отправился к армии 18 декабря; 13 февраля он разбил поляков под стенами Праги, на Гроховском поле, а 14 февраля занял Прагу, но затем отступил, — повидимому, под давлением советов цесаревича Константина Павловича, — и тем изменил весь дальнейший ход кампании. «Граф Дибич, этот живой, неутомимый Начальник Главного Штаба в царствование имп. Александра Павловича, этот прошлогодний славный Забалканский победитель, был неузнаваемым во время Польской кампании», — пишет И. Ф. Тимирязев. — «Слабый и болезненный, медлительный и нерешительный, он растянул армию на громадном пространстве, утомлял ее постоянными передвижениями, дав время Польским силам окончательно сформироваться, не воспользовался даже в достаточной мере Остроленковскою полупобедой, чтобы твердо двинуться вперед, и наконец окончательно занемог, просил об увольнении и скончался» («Русск. Арх». 1884 г., кн. I, стр. 309—310; ср. «Русск. Стар.» 1896, № 10, стр. 85 и «Русск. Арх.» 1883, кн. III, стр. 129). Раздавались против Дибича и более резкие осуждения. Так, например, в «Записках» гр. А. Д. Блудовой по этому поводу читаем следующее: «После нескольких успешных сражений Гроховское дело казалось решительным, и в Варшаве уже собирались принести Дибичу ключи города для сдачи; какое-то непонятное опасение, колебание, ошибочный стратегический расчет заставил его остановиться, не пользуясь вновь прибывшим свежим войском — гренадерской дивизией, — против которой Поляки сами не имели никакой надежды устоять... Вероятно обычная осторожность наших старых вождей, боящихся за свою репутацию победителей, если будут хоть раз разбиты, остановила Дибича после Грохова, остановила Паскевича под Силистрией. Но в нашей армии, равно как и в Берлине, овладело сомнение в верности Дибича и его главных советников — графа Толя и Нейдгардта; посылались клеветы, появились карикатуры, помню, между прочим, одну, представлявшую гр. Дибича за клавикордами, играющим аккомпанемент дуэта Нейдгардта с Толем, который, стоя сзади его, поет: «Еще Польска не сгинела». А когда Дибич умер холерой, между русскими разнесся слух, что он с отчаяния и страха, от своей измены, отравился. Меня грустно поразила, в 1866-м уже году, песня солдатская, перенесенная, как переносится наша песня, как

№ 422 переносятся ветром семена деревьев и трав, на почву крестьянскую в Вязе́мском уезде, к нам в деревню. Пели наши мужики

Об изменушке,
О великой той измене
Графа Дибича...»

(«Русск. Арх.» 1872 г., кн. II, ст. 1290—1291). В другом месте гр. Блудова пишет еще резче: «Голицын [кн. Леонид] разделял мнение насчет наших генералов: он считал Дибича решительно помраченным в уме, а об Нейдгардте и Толе не знал, что и думать. Как ни толкуй, но дело Гроховское остается и теперь загадкою. Голицын, бывший сам в сражении (не помню, чьим адъютантом), сто раз говорил нам, что сражение было вполне выигранное. Поляки, наголову разбитые, спаслись бегством к стенам города; Прага *не могла* защищаться серьезно. В самое это время подошел Шаховской (если не ошибаюсь) с целой гренадерской дивизией. Нетронутые, свежие, отличные войска кинулись за неприятелем с «ура», скорым шагом, с увлечением, как говорили старые служаки, «по-суворовски». Вдруг фельдмаршал, поговорив несколько минут с гр. Толем и Нейдгардтом, велел остановить движение и возвратить гренадерскую дивизию в лагерь. Известно, что за сим мы ретировались перед готовыми к сдаче Поляками, изумленными не менее Русских тем, что̀ происходило. Никто не может серьезно сомневаться в верности этих генералов; но у всех троих, как нарочно, случились немецкие имена,— и в армии слух прошел об измене» («Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, стр. 730). Когда Пушкин писал о Дибиче, он не знал, что фельдмаршала уже нет в живых и что он скончался 29 мая от холеры, в трех верстах от Пултуска.

— Эриванский — генерал-фельдмаршал граф Иван Федорович Паскевич-Эриванский, главнокомандующий Отдельным Кавказским Корпусом. После неудачи графа Дибича-Забалканского он был вызван Николаем I из Тифлиса в Петербург, куда и прибыл 13 мая («Северн. Пчела» 1831 г., № 108). 4 июня, по получении сообщения о смерти Дибича, Паскевич был назначен его заместителем (о приезде Паскевича в армию см. в дневнике П. Г. Дивова («Русск. Стар.» 1899, № 12, стр. 524; ср. там же, 1897, № 2, стр. 245—246). К армии он прибыл 13 июня («Сев. Пчела», 1831 г., № 142, приб.).

— Сражение 14 мая — известная битва при Остроленке, в которой Дибич, настигнув дивизию Лубинского, быстрым натиском опрокинул ее, взял приступом Остроленку и, перейдя реку Нарев, нанес главнокомандующему польскими войсками Яну Скржинецкому (которого Пушкин называет «Кржнецкий»), пришедшему на подкрепление этой дивизии, совершенное поражение. Урон поляков в этом сражении, продолжавшемся 12 часов, простирался до 8000 человек, два дивизионных генерала польских — Каминский и Кицкий — были убиты, и вся польская армия в беспорядке отступила. «Решительная победа под Остроленкою, блистательная атака Мейендорфа с его кирасирами обрадовали нас, подняли дух» — пишет гр. А. Д. Блудова в своих Воспоминаниях: «И что же? Опять Штаб фельдмаршала [Дибича] решил не преследовать неприятеля, не итти прямо на Варшаву, это было новое, тяжелое испытание для нас, Русских» («Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, ст. 730 — 731). Реляция об Остроленском деле, от 24 мая, была опубликована в «Северной Пчеле» 23 мая (№ 114), а в № 120,

от 1 июня, помещено было письмо из Остроленки одного из участников боя, с более или менее подробным его описанием. Об этом сражении, как вообще о всей Польской кампании, — см. в «Воспоминаниях» Г. И. Филипсона — «Русск. Арх.» 1883 г., кн. III, стр. 118 — 145. № 422

— Jeszcze Polska nie zginela — «Еще Польша не погибла» — слова из так называемого «Марша Домбровского», который впервые был пет Польским легионом, собранным Домбровским в Италии в 1796 г. при Наполеоне Бонапарте (*сообщ. И. К. Линдемана*).

— Мысль о том, что «для нас мятеж Польши есть дело семейственное, старинная семейная распря», Пушкин через два месяца повторил в своем стихотворении «Клеветникам России», лишь несколько ее перефразировав:

Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор...
. . . .
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда . . . .

— Non intervention — невмешательство, нейтралитет.

— По поводу слов Пушкина: «того и гляди навяжется на нас Европа», приведем слова гр. А. Д. Блудовой из цитированных уже Записок ее: «Политический горизонт все больше и больше покрывался тучами, и все тревожно ожидали какого-нибудь взрыва, который привел бы за собою общую европейскую войну... В Берлине военная молодежь, в том числе и принцы, — желали ее; ландверы ее опасались, а национальная гвардия (Берлинские бюргеры) страшились ее и стали ненавидеть Россию, воображая, что мы будем причиной такого несчастия»; распространялись «всякого рода преувеличенные и даже выдуманные известия о поражении и бегстве наших войск, о положении оружия, будто бы, целыми полками и тому подобное. Из Гиелгута и Дверницкого делали гениальных полководцев во главе целых армий. Во Франции говорили, что сформировался целый легион беглых солдат из нашей армии...» Очень характерны и письма этого времени (март — апрель 1831 г.) членов семьи Блудовых, свидетельствующие об унынии русского высшего общества и его нетерпеливом ожидании решительных действий, которые положили бы конец «Польским делам» («Русск. Арх.» 1873 г., кн. II, ст. 2115—2130; ср. «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Л. 1927, стр. 280). К этому приблизительно времени относится приводимый П. И. Бартеневым рассказ гр. Е. Е. Комаровского о том, как он, встретив Пушкина на прогулке, задумчивого и тревожного, спросил его: «Отчего не веселы, Александр Сергеевич?» — и получил ответ: «Да все газеты читаю». — «Что ж такое?» — «Разве вы не понимаете, что теперь время чуть ли не столь же грозное, как в 1812 году!» («Русск. Арх.», 1879 г., кн. I, стр. 385. [Ср. «Девятнадцатый век», изд. П. И. Бартеневым, кн. I, М. 1872, стр. 386. — *Ред.*]

— Слух о высылке Булгарина из Петербурга был неверен; Булгарин, действительно, еще в 1831 г. уехал к себе в имение Карлово, под Дерптом (см. выше, стр. 244), но никакой немилости Николая I он тогда не навлек. (См. напр. понравившееся Николаю I «Известие о Варшавском мятеже и о предварительных причинах оного», напечатанное в «Север-

422—423 ной Пчеле» 1830 г., № 152, сообщение под 22 декабря (перепечатано во II приложении к книге М. К. Лемке: «Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг.», изд. 2, СПб. 1909, стр. 581—587; ср. там же, стр. 281—282).[1] Откуда Пушкин получил столь неверные сведения о высылке Булгарина, непонятно.

— Карл X — ех-король французский, свергнутый с престола Июльской революцией; уже 16 августа он покинул Францию, в Шербурге простился со своею гвардией и направился в Англию, в Холируд, около Эдинбурга, где и поселился.

— О балладах, написанных Жуковским, см. выше, стр. 251—252, и ниже, в письме № 426.

— Княгине — Вере Федоровне Вяземской; она, как мы указывали выше (стр. 209), должна была быть посаженой матерью на свадьбе Пушкина, но заболела, упав со стула, была на «смертном одре» («Русск. Арх.» 1902 г., кн. I, стр. 61) и потом долго хворала от последствий этого падения (ср. там же, стр. 63).

— Вопрос Пушкина о здоровье престарелого поэта и министра Ивана Ивановича Дмитриева (род. 10 сентября 1760) объясняется тем, что незадолго до того он был опасно болен. Еще 1—2 января 1831 г. Пушкин послал ему экземпляр «Бориса Годунова», за который Дмитриев благодарил поэта запискою от 3 января (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 210), сделал ему вскоре затем визит, но не застал, и запискою пригласил к себе «откушать» (там же, стр. 219); в то же время (13 января) он писал кн. Вяземскому: «Признаюсь, что из всех *наших* романтиков уважаю и люблю и ум, и талант, и сердце Пушкина и князя Вяземского. Это говорит, право, сердце, еще не простывшее к изящному, несмотря на 70 лет и вчерашнюю икоту» («Старина и Новизна», кн. II, стр. 163). Однако он вскоре поправился и пережил Пушкина: скончался 3 октября 1837 г.

— За это письмо Вяземский благодарил Пушкина небольшою запискою от 11 июня, из Москвы, уведомляя его о приезде в Остафьево Карамзиных (с которыми Пушкин, повидимому, виделся в Петербурге), и спрашивал: «Что̀ твои литтературные проекты? Есть-ли начало? Хорошо бы с нового года начать журнал, а к новому году изготовить «Альманачик», а на слова Пушкина: «Грех тебе будет ко мне не заехать», — отвечал: «Разумеется, не проеду мимо тебя, но когда проеду? Бог весть. У нас[2] дела еще на месяц. Да того и смотри, что вы в Петербурге запретесь[3]...» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 252).

423. *П. В. Нащокину.* — 1 июня [1831 г.] (стр. 23—24). Впервые напечатано в «Москвитянине» 1851 г., кн. I, № 23, стр. 463 (отрывок), откуда перепечатано в «Материалах» Анненкова, изд. 1855 г., стр. 316—317, а затем в сб. «Девятнадцатый век», кн. I, стр. 384—385 (полностью); подлинник на листе почтовой бумаги большого формата, без водяных зна-

---

[1] Впрочем, в начале 1831 г., по поводу доноса, поданного ему кн. А. Б. Голицыным, Николай I при упоминании Булгарина написал: «Булгарина и в лицо не знаю и никогда ему не доверял» («Русск. Стар.» 1898, № 12, стр. 521, примеч.).

[2] С устройством выставки в Москве.

[3] По случаю надвигавшейся холеры.

ков, сложенном конвертом и запечатанном сургучною печатью (причем печать вырвана), — был в архиве гр. С. Д. Шереметева, ныне в Центрархиве, в Москве. № 423

— 1 июня приходилось на понедельник, а предыдущий понедельник — на 25 мая; отсюда и выводят, что Пушкин с женой переехал в Царское Село в этот день.

— Доверенность от Пушкина нужна была Нащокину на ведение в Москве его денежных и других дел, — по ликвидации его дома.

— М. Ив. — экономка Марья Ивановна (см. выше, стр. 269 и 270).

— О долге В. П. Горчакову см. выше, стр. 268.

— Об А. Ю. Поливанове, влюбленном в А. Н. Гончарову, см. выше, стр. 267—268. Отвечая Пушкину 9 июня, Нащокин писал о Поливанове: «Как хочешь, а тебе расскажу про Поливанова из Питера. Остановился у меня на сутки только, но что̀ за сутки. Влюблен уж очень, сердит, упрям, не слушает, что ему говорят, совсем рехнулся, капризен, что̀ ты Оль[га] Ан[дреевна]! Кстати она тебе кланяется. Дмитрий Николаевич [Гончаров] был у меня за час перед отъездом в Заводы, а потому говорить могли очень мало. Из малого заметил, что он не расположен хорошо к А. Ю. О Семене Ивановиче очень хорошего мнения, следственно я и ожидал, что Поливанову будет сначало не очень хорошо. Так и случилось: по приезде к себе в деревню решился он ехать к дедушке; был — и никого не видал, кого нужно; так и воротился. Дедушка ему сказал, что он сам у себя уже шестой день никого не видит, что Наталья Ивановна не здорова и не выходит и дочери тож. Дм. Ник. он очень недоволен, и таким образом он теперь у себя в деревне не в красивом положении. Вот мое донесение» (Акад. изд. Переписки, т. II. стр. 248—249).

— О фрейлине Екатерине Ивановне Загряжской, тетке Н. Н. Пушкиной», см. выше, т. II, стр. 99, 100, 449—450 и др.

— «Известная особа» — упомянутая далее О. А., то есть сожительница Нащокина, Цыганка Ольга Андреевна (см. выше, стр. 268—269), которую и Пушкин, и Нащокин мечтали выдать за кого-либо замуж и таким образом освободиться от нее.

— По поводу «арапов и карликов» можно привести свидетельство Н. И. Куликова в его воспоминаниях о Нащокине: «У него чуть не ежедневно собиралось разнообразное общество: франты, цыгане, литераторы, купцы-подрядчики; иногда являлись заезжие Петербургские друзья, — в том числе и Пушкин, всегда останавливавшийся у него. Постоянным посетителем его дома был генерал князь Гагарин (прозванный Адамовой головой), храбрец, выигравший в 1812 году у офицера пари, что доставит Наполеону два фунта чаю!.. При всей разноколиберности гостей, хозяин умел оживлять всех, находя такой разговор с каждой отдельной личностью, который мог интересовать и других...» («Русск. Стар.» 1880 г., № 12, стр. 992). Сам Пушкин, в письме к жене от 16 декабря 1831 г., так говорит про дом Нащокина: «Нащокин занят делами, а дом его — бестолочь и ералаш, что голова кругом идет. С утра до вечера у него разные народы: игроки, отставные гусары, студенты, стряпчие, цыганы, шпионы, особенно заимодавцы. Всем вольный вход. Всем до него нужда; всякий кричит, курит трубку, обедает, поет, пляшет; угла нет свободного —

№ 423 что делать? Между тем денег у него нет, кредита нет!..» (см. ниже, № 482).

— В «Литературной Газете» 1831 г., № 30, от 26 мая, была напечатана рецензия, резко отрицательно отнесшаяся к «Страннику», роману Вельтмана (см. выше, стр. 255—258, в примечаниях к № 417), к которому Нащокин был дружески расположен.

— О «тысяче Вяземского» см. выше, стр. 268, и ниже, в письме № 424.

— П. В. Нащокин отвечал Пушкину письмом от 9 июня: «Виноват что не писал. Всякой день вставая, в продолжении всего дня все думал как бы написать, на силу собрался. Это письмо тоже доставит тебе хлопот; оно тоже за страховое. Посылаю тебе контракт, который я заключил с подрядчиком об отправке твоего обоза и щет деньгам полученным мною от Вяземского. Обоз я думаю к тебе пришел. Будут просить прибавки, не давай, Александру Григорьеву дал я за месяц вперед т. е. 50 рубл. Просил он у меня за три, но я не мог дать столько; с обозом твоим хлопот не мало было, но не для чего описывать, интересного мало, а как водится были проводы и тому подобные вещи. О некоторых я по власти мне данной простил и обещался молчать, но для всякой предосторожности советую поверять изредко щеты и нынешнего твоего дворецкого. Доверенность я жду, но не думаю чтобы она была нужна так скоро; ибо Рохманов хотя и предлагал мне хорошую сумму за мою претензию, но с условием: с таким условием, что ты верно бы не догадался. Жаль что тебе нельзя подумать, что тут же я должен решить задачу, в чем условие; в том, что я себя застраховал, в случае смерти довольно. Кажется, объяснять нечего. Почему не себя точно? Верно, это тоже из тех штук, которые ни с кем кроме со мною не случалось; кажется что я первый в России, который на волосок был от страхования. Как жаль, что я тебе пишу — наговорил бы я тебе много забавного. Между прочим был приезжий из провинции, который сказывал, что твои стихи не в моде, а читают нового Поэта, и кого бы ты думат? Опять задача! Его зовут Евгений Онегин. Хорошо? Анекдотов, разных приключениев в Москве, в клобе, очень много; но предоставляю тебе узнавать через других... О себе скажу, что очень, очень тяжело — и толькб; увидимся когда нибудь — всё узнаешь, и я думаю, что скоро; ибо получать деньги скоро надо будет, и тогда, как ты обещал, должен сам приехать. День твоего приезда верно я буду весел, и здоров. Мое почтение Наталье Николаевне. Очень много говорят о Ваших прогулках по Летнему Саду. Я сам заочно утешаюсь и живо представляю себе Вас гуляющих, и нечего сказать: очень, очень хорошо. Вам скучно. В Царском Селе будет весело скоро. Прошу всенижайше Наталью Николаевну и тогда для меня оставить уголок в своей памяти. А чтож портрет? Портрет непременно! Сделай милость, напомни Натальи Николаевне, что она мне обещалась тебе об оном напоминать почаще.[1] — Прощай друг. Будь щастлив и здоров. Много бы еще кой чего надо напи-

---

[1] По поводу этой просьбы о портрете Пушкина см. статью Н. О. Лернера «Лже-Брюлловский портрет Пушкина» — «Старые Годы» 1914 г. апрель

сать, но вдруг не упомнишь. И Вы же меня развлекаете: я точно с тобой в кабинете стою и молчу и жду сам не знаю чего. Ты перебираешь листы, Наталья Николаевна сидит за канвой. Вот, братец, не портрет, а картина; найди-ка мне такого мастера, чтобы он так нарисовал живо, как мне теперь представляется. Прощай еще раз. Ты не можешь вообразить, как много я Вам предан. Я сам, покуда Вы были, не воображал. Без тебя, брат, ты не можешь вообразить, я всё молчу, а иногда и отмалчиваюсь и скоро разучусь говорить, а выучусь писать. Дай бог, я бы очень этого желал. Письмо начать мне было очень трудно, теперь не могу перестать. Однако пора, прощай в самом деле. П. Нащокин. — Помнишь ли, я тебе пророчил про Сергея Барятинского? Что̀, каково, начинает сбываться? Вить не усидел в деревне» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 247—249). Пушкин, в свою очередь, отвечал Нащокину на это письмо письмом 19 или 20 июня, — см. ниже, № 429. 424—425

424. *П. В. Нащокину.* [Начало июня 1831 г.] (стр. 24). Впервые напечатано в сб. «Девятнадцатый Век», кн. I, стр. 384; подлинник — на отрезанной половине полулиста бумаги большого почтового формата, без водяных знаков — был у гр. С. Д. Шереметева в Остафьевском архиве; ныне в в Центрархиве в Москве.

— О долге В. П. Горчакову см. выше, стр. 268.

— О долговых счетах с кн. П. А. Вяземским см. стр. 268 и 283.

— На эту записку Нащокин отвечал Пушкину 20 июня, одновременно с ответом на следующее письмо Пушкина — от 11 июня (№ 425).

425. *П. В. Нащокину.* 11 июня [1831 г.] (стр. 24). Впервые напечатано в «Москвитянине» 1851 г., кн. I, № 23, стр. 463 (отрывок), и в «Материалах» Анненкова, изд. 1855 г. стр. 317 (отрывок); полностью в сб. «Девятнадцатый Век», кн. I, стр. 385—386; подлинник — на листе почтовой бумаги большого формата, с водяными знаками: А. Г. 1829, сложенном конвертом и запечатанном гербовою (?) печатью, был у гр. С. Д. Шереметева в Остафьевском архиве, ныне в Центрархиве в Москве.

— Московский обоз — с вещами и обстановкой московской квартиры Пушкина в доме Хитровой на Арбате.

— Павлов — Николай Филиппович (род. 7 сентября 1805, — ум. 29 марта 1864). Еще в 1830 г. Пушкин через А. Н. Верстовского советовал Нащокину «поссориться» с Павловым (см. выше, т. II, стр. 118). Павлов был страстный игрок, — и в «Воспоминаниях» Н. И. Куликова о Нащокине сохранился рассказ об игре его с Нащокиным; об этом, как вообще о Павлове, см. выше, в т. II, стр. 486. Н. И. Надеждин, описывая Павлова в одном из писем к Е. В. Сухово-Кобылиной (гр. Салиас) 1835 г. и рассказывая его сложную и необычайную биографию, писал: «Нынешний образ жизни Павлова нечист: он живет на чужой счет; говорят, что он обыгрывает простяков в карты; но я скорее думаю, что его содержат старые барыни, в него влюбленные... Всё это, конечно, гнусно... Сам по себе Павлов не имеет сердца, но у него есть ум...» («Русск. Арх.» 1885 г., кн. III, стр. 579). Женившись в 1837 г. вторично на поэтессе К. К. Яниш и взяв за нею хорошее приданое, Павлов с особенною страстью предался карточной игре и в конце концов расстроил свое состояние (Собрание сочинений Каролины Павловой, под ред. В. Я. Брюсова, т. I, М. 1915,

№ 425 стр. XXXVI). Отметим здесь кстати, что Павлову принадлежит следующее стихотворение «к N. N.», напечатанное в «Телескопе» 1831 г., № VI (дозволено цензурой 1 декабря 1831 г.), стр. 90—91 (с эпиграфом из Бальзака: «La vanité a un souffle qui dessèche tout»), которое с большим основанием может быть относимо, по содержанию, к молодой Н. Н. Пушкиной, — ибо и ее, и Пушкина Павлов хорошо знал и мог близко наблюдать в Москве:

Нет, ты не поняла поэта
И не понять тебе его:
Зачем же спрашивать ответа
Ему у сердца твоего!
    Не для небесных вдохновений,
    Не для любви созрела ты,
    Но для безжизненных волнений,
    Но для мертвящей суеты.
Но многих голос твой обманет,
Но многих взор твой соблазнит,
Хоть никогда слеза не канет, —
Слеза любви — с твоих ланит.
    Тебе не внятны сердца стоны,
    И жертва сердца не нужна.
    Ты, как паркетные законы
    И суетна и холодна. [1]
И я пророчу день печальный,
Когда губительный расчет
Тебя пред жертвенник печальный
С блестящим шутом поведет.
    Смешные думы я покину,
    Нас помирит судьба твоя:
    Не раз Рафаэля картину
    В дому невежды видел я.
Кружись, блистай на сцене света:
На ней так сладко торжество!
Нет, ты не поняла поэта
И не понять тебе его!..

(перепечатано в сб. В. В. Каллаша: «Русские поэты о Пушкине», М. 1899, стр. 277—278; ответ на это стихотворение гр. Е. П. Ростопчиной см. в ее Стихотворениях, С.-Пб. 1841, т. I, стр. 62—63, «Отринутому поэту», с датой: «Москва. Февраль 1832 г.», с эпиграфом в виде двух первых — двух последних стихов стихотворения Павлова).

— Рохманов — доверенное лицо Пушкина и Нащокина, постоянно упоминается в их переписке 1831, 1832 и в начале 1833 г.; Пушкин был ему должен и доверял ему улажение некоторых своих дел в Москве (например, выкуп заложенных бриллиантов жены); судя по двум сохранившимся письмам Рохманова к Пушкину — от 9 февраля и 10 апреля 1832 г. (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 370—371 и 379), видно, что Пушкин был с ним в деловой переписке. Это был Алексей Федорович Рохманов (род. 4 сентября 1799 — ум. 4 апреля 1862; см. «Московский Некрополь», т. III), богатый москвич, родом из калужских дворян, сын премьер-майора Федора Степановича Рохманова (богатого помещика Владимирского и Керенского уездов, умершего в Москве 20 июля 1820 г.) и жены его, Елены

[1] Ср. отзыв С. Д. Киселева о Н. Н. Гончаровой — выше, т. II, стр. 124.

Матвеевны, рожд. Красильниковой (род. 6 января 1768 — ум. в Петербурге 20 мая 1824), родной, по матери, тетки поэта Дельвига. Поступив 17 апреля 1817 г. юнкером в Кавалергардский полк, А. Ф. Рохманов 30 июня 1818 г. перешел в л.-гв. Гусарский полк и 9 апреля 1820 г. был произведен в корнеты этого полка; 9 января 1826 г. он вышел в отставку штаб-ротмистром (К. Н. Манзей, «История л.-гв. Гусарского полка», ч. III, стр. 103), а в день коронации Николая I, 22 августа 1826 г., был назначен камер-юнкером и 13 июня 1827 г. причислен к Московскому Архиву Коллегии Иностранных Дел, но вскоре, 17 декабря 1828 г., вышел в отставку и поселился в Москве, женившись перед тем 5 июля 1825 г. («Русск. Арх.» 1901 г., кн. II, стр. 197) на княжне Елизавете Яковлевне Голицыной (род. 5 октября 1802 — ум. 21 сентября 1837); впоследствии, в 1831 г., он снова поступил на службу — к московскому военному генерал-губернатору кн. Д. В. Голицыну (26 августа); в 1834 г. (9 апреля) переведен в Канцелярию Московского Губернского Правления, но уже 23 октября того же года вышел в отставку и вследствие этого исключен из придворных списков (15 декабря). Все сведения — из дела Архива Департамента Герольдии и из генеалогических материалов В. В. Руммеля. Впоследствии А. Ф. Рохманов жил в Москве, в своем роскошном доме на углу Страстного бульвара и Дмитровки, славился своею невероятною толщиною и любовью хорошо поесть (см. «Воспоминания» П. П. Соколова в „Историческом Вестнике“ 1910, № 10, стр. 59—63 и «Русск. Арх.». 1903, кн. I, стр. 435—436). Одновременно с А. Ф. Рохмановым в л.-гв. Гусарском полку служил (с 30 октября 1819 г. по 21 января 1827 г.) его старший брат, Николай Федорович Рохманов 1-й (род. 11 июня 1798 — ум. до 1839), человек, довольно близкий к своему двоюродному брату поэту бар. Дельвигу. Мы уже указывали выше, что матери их, рожденные Красильниковы, были родные сестры («Сборник Пушкинского Дома на 1923 год», Пгр. 1922, стр. 79 и др.).

— О. А. — сожительница Нащокина, цыганка Ольга Андреевна; о ней см. выше, стр. 268—269, и ниже, стр. 283.

— Главнокомандующий действующей армиею генерал-фельдмаршал граф Иван Иванович Дибич-Забалканский умер от холеры, в несколько часов, 29 мая 1831 г.; о нем не только не жалели, но как бы радовались его смерти, видя в ней надежду на поворот кампании в сторону быстрых успехов. По этому случаю А. Х. Бенкендорф писал в своих «Записках»: «Холера, свирепствовавшая в войсках, действовавших в Царстве Польском, одною из последних почти жертв своих избрала фельдмаршала Дибича, подготовленного, так сказать, к этой болезни терзавшим его раскаянием и неудачами наших военных операций. Он страдал всего лишь несколько часов и испустил дух в присутствии гр. А. Ф. Орлова, только что прибывшего в армию с поручением государя ободрить фельдмаршала и, вместе, указать погрешности, которые были замечены в его действиях и которые сам он слишком хорошо чувствовал.[1] Он умер в цвете

---

[1] Это совпадение приезда Орлова к фельдмаршалу от лица недовольного последним Николая I послужило поводом к распространению молвы о том, что Орлов по поручению Николая отравил Дибича (см., например,

№ 425 лет,[1] после блестящего поприща, омраченного единственно этой кампанией. Армия и Россия почти обрадовались его смерти, приписывая ему одному срам столь продолжительной борьбы против Польской революции» («Русск. Стар.» 1896 г., № 10, стр. 85—86). Партизан-поэт Д. В. Давыдов, «с прискорбием» утверждая, что «единственным виновником продолжения войны был сам генерал-фельдмаршал гр. Дибич-Забалканский», — пишет с исключительной резкостью: «Клеймо проклятия горит на его памяти в душе каждого россиянина, кто бы он ни был, — друг ли его или человек им облагодетельствованный, если только честь и польза отечества дороже для него всех частных связей и отношений» («Воспоминания о Польской войне 1831 года» — Сочинения, изд. 1893 г., т. II, стр. 244). [Ср. также в его стих. «Голодный пес» в Полн. собр. стихотворений Дениса Давыдова, под ред. В. Н. Орлова, Л. 1933, стр. 122—123 и 263—264. — *Ред.*] О болезни и смерти Дибича его временный заместитель начальник Главного Штаба армии, генерал-адъютант граф К. Ф. Толь, прислал подробное донесение, которое было опубликовано в газетах, например, в «Северной Пчеле» 6 июня 1831 г., № 125, стр. 1—2; то же донесение, с прибавлением другого, от того же 29 мая 1831 г., — у Н. К. Шильдера: «Имп. Николай I», С.-Пб. 1903, т. I, стр. 586—588.

— Слух о взятии и сожжении Вильны был неверен (см. ниже, стр. 285), как неверен был и слух о повешении временного виленского и гродненского военного губернатора (с 24 декабря 1830 г.) генерал-адъютанта, генерал-лейтенанта Матвея Евграфовича Храповицкого (род. 9 августа 1784 — ум. 31 марта 1847); впрочем, уже 23 августа 1831 г. он был уволен от этой должности по болезни. Впоследствии Храповицкий был (с 17 апреля 1846 г.) членом Государственного Совета и Комитета Министров. Эти слухи Пушкин повторил в письме к кн. Вяземскому от 11 июня (№ 426).

— В декабре 1830 г. холера прекратилась в Москве, но одновременно появилась в Калужской, Тульской, Волынской, Подольской, Могилевской и Черниговской губерниях, в феврале 1831 г. — в Виленской, в марте — в Минской и Гродненской, в апреле — в Белостокской области и Царстве Польском, в мае сразу вспыхивает в Рязанской, Орловской, Воронежской, Курляндской, Лифляндской, Смоленской, Витебской и Архангельской и вторично, в Нижегородской, Ярославской и Вологодской губерниях. «В Твери холера, — писал К. Я. Булгаков из Петербурга 6 июня брату в Москву. — Не миновал-таки и этот город» («Русск. Арх.» 1903 г., кн. III, стр. 559); а 16 июня он уведомлял брата, что «в Твери точно были два случая холерные или похожие; сим затрудняется переезд в Москву многих туда собирающихся» (там же, стр. 560).

— Любопытно, как Пушкин пометил место написания письма: Сарско-Село; так называлось прежде Царское Село, сохраняя древнее

рассказ О. А. Дюгамеля — «Русск. Арх.», 1885 г., кн. I, стр. 492, или Г. И. Филипсона — там же, 1883 г., кн. III, стр. 130; Вас. Д. Давыдова — там же, 1871 г., кн. I, ст. 0289—0293; А. Д. Блудовой — там же, 1874, кн. I, ст. 759, и др.).

[1] Дибичу было всего лишь 46 лет.

наименование селения, возникшего здесь еще до завоевания Ингерманландии Петром Великим, который в 1708 г. подарил бывшую здесь мызу Саари (что по-фински означает: «возвышенность») Екатерине I; Царским Селом оно стало иногда называться уже с 1725 г. № 425

— На письма № 424 и 425 Нащокин отвечал Пушкину трогательным письмом от 20 июня; приводим его с небольшими пропусками: «Получил я от тебя удивительный Александр Сергеевич, и доверенность и деньги. Первая будет лежать у меня до времени, тысячу-же отдал Горчакову. Об ваших более не знаю как то, что я писал, а о Поливанове ни слуху ни духу. Думаю, что лениться перестану, как скоро чаще от тебя буду получать письма. Три или четыре дня я не отвечал, потому что был немного болен. Теперь слава богу — у меня все тихо и здорово Об игре мне не говори, у меня еще ее и в голове нет. С Рохмановым я тебе писал почему разошлось. О. А. тебе кланяется и любит тебя: у нее наоборот: Les absents ont toujours raison. Живу я в чаду и не весело. Ты живешь как в деревне, говоришь ты, а я как в городской кузнице. Не для хвастовства скажу тебе любезный друг — что не с кем мне здесь суриозно говорить, надо или буфонить или лукавить, и то и другое мне очень надоело: видеть самому не для чего, тем более, что и то и другое всегда для меня было или казалось ломовой работою. О Дибиче я не горюю, как вообще о всех мертвецах. Москва тоже кажется его не жалеет. Замечено мною, что Москва любит болтать обо всем, собственно чтобы убить только время, ветрена до совершенства, не об чем участия никакого не может иметь и равнодушие удивительное ко всему, ничто ее за сердце не трогает; я полагаю, что она из ума выжила, *стара стала, глупа стала.* Поляков я всегда не жаловал — и для меня радость будет, когда их не будет не одного Полячка в Польше, да и только. Оставшихся в высылку в степи. Польша от сего пуста не будет: фабриканты русские займут ее. Право мне кажется, что не мудрено ее обърусить. Вяземского никак не могу застать дома: с утра всё на Выставке; на будущей почте отпишу к тебе, как он расположится с своей тысячью. Холера много потеряла во мнении публики; не то что прежде: мало кто ее боится; Про себя скажу, что покуда здесь Федор Данилович, я нащет ее совершенно безопасен. Человек, который посылан был при начале ее, когда еще никто не знал, что за холера, в Русских Губерниях лечил холерных и мертвых не видал, тогда как в Москве не знали как приняться и чем лечить. К стати брат он меня просил чтобы я к тебе отписал, не можешь ли ты узнать в канцелярии у Г. Закревского или у него у самого, не будет ли ему какое награждение за две экспедиции, как за Турецкую и Сибширскую [sic!]; все уже получили, он один бедный ничего, тогда когда он с большим успехом в чуму Турецкую и холеру кочующею истреблял лихо, аттестован отлично, был представлен несколько раз... Натальи Николаевне мое нижайшее почтение. Не нахожу слов выразить мою благодарность за поклоны и за все ласки Ваши, а все таки не могу не напомнить — портрет, портрет, хороший портрет! Я его право заслуживаю, и я требую мне должное; а если милость будет Ваша доказать мне на деле ваше общее ко мне дружеское расположение, в таком случае пусть Наталья Николаевна дозволит себя в твоем портрете предста-

 вить себя хоть в зеркале или в перспективе. Я может никогда не увижу Вас на яву: мне быть в Петербурге не возможно. Прощай, любезный друг. Пиши ко мне письма, а для потомства трагедии и хоть один роман. Прощай, будь здоров и щастлив. П. Нащокин. — В болезнь мою и во сне довольно громко разговаривал с тобою, об чем то горячился, уверял по обыкновению. Андрей Петрович [Есаулов] свидетельствует тебе почтение; он почти столько-же тебя знает и любит, как и я, что̀ доказывает, что он не дурак: тебя знать — не безделица. Романс твой так хорош, что способу нет, переправлен, обдуман, чудо. Если б кто бы мог тебе его там разыграть, я бы прислал. Еще брат совсем позабыл: О[льга] А[ндреевна] напомнила, что ты обещал прислать фуляров. Как я охотно к тебе пишу, ты не можешь представить. — Прощай, мой славный Пушкин. Что твой брат, пишет ли к тебе? Я его право люблю. Напиши ему от меня поклон, сделай одолжение» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 255 — 257). Пушкин отвечал Нащокину в свою очередь, 26 июня (см. ниже, письмо № 430).

426. *Кн. П. А. Вяземскому*. 11 июня [1831 г.] (стр. 25). Впервые напечатано в сб. «Старина и Новизна», кн. XII, М. 1907, стр. 324—325, по подлиннику, принадлежавшему гр. С. Д. Шереметеву и хранившемуся в Остафьевском архиве, ныне в Центрархиве в Москве; писано на листе почтовой бумаги большого формата, с водяными знаками: А. Г. 1829; сложено конвертом и запечатано перстнем-талисманом.

— Письмо Пушкина, о котором он спрашивает Вяземского, см. выше, № 422, от 1 июня. Вяземский отозвался на него в тот же самый день, как Пушкин задавал ему свой вопрос, — 11 июня, — небольшою запискою: «Спасибо за письмо, но не спасибо за то, что ты купил мои мебли. Карамзины меня не поняли, или я не так объяснился. Я полагал, что некоторые мебли были взяты на прокат и писал о них, чтобы отдать их купцу. Сделай милость, возврати мне их, если можно: то есть держи их у себя до приезда моего. Карамзины приехали благополучно и вчера отправились в Остафьево. Я еще все выставляюсь», и т. д. (см. выше, стр. 276, в примечаниях к письму № 422). «Прости, моя душа. Мое почтение жене. Моя все еще очень слаба. Постарайтесь с Плетневым продать моего Адольфа: если мне барыша очистилось-бы от 2 до 3 ты[сяч], то я Вам, публике книгопродавцам и самой тени Б. Констана, поклонился-бы в ножки» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 252).

— О тысяче рублей Вяземского см. ниже, в его ответе Пушкину от 17 июня, стр. 289.

— О холере в Твери см. выше, стр. 24, в письме № 425 и в примечаниях к нему, стр. 282.

— Пироскафами назывались тогда колесные пароходы. Как сказано было выше, гр. И. Ф. Паскевич-Эриванский, назначенный 4 июня главнокомандующим действующей армией на место умершего гр. Дибича, 6 июня, в субботу, отправился к армии на пароходе «Ижора» из Петербурга через Кронштадт («Сев. Пчела» 1831 г., № 128, стр. 1) на Мемель — самым кратчайшим и безопасным путем. 13 июня он уже прибыл в главную квартиру армии.

— В словах: «Потеря Дибича должна быть чувствительная для Поляков», нельзя не усмотреть отрицательного отношения Пушкина к умер-

шему фельдмаршалу: очевидно и он, как многие его современники (см. выше, стр. 273—274), не мог простить Дибичу его нерешительности, неудачи и затяжки Польской кампании.

— Начальник Штаба действующей армии, генерал-адъютант граф Карл Федорович Толь 1-й по смерти графа Дибича, 29 мая 1831 г., принял командование армией впредь до назначения нового главнокомандующего; так как Паскевич вступил в должность 13 июня, то граф Толь пробыл во главе армии всего 14 дней.

— Слух о взятии Вильны, передаваемый Пушкиным и в письме к Нащокину, № 425, как видно из предыдущего примечания, был неверен; также неверен был и слух о повешении военного губернатора М. Е. Храповицкого (см. выше, стр. 282).

— Тургенев — Александр Иванович (род. 1784—ум. 1845), один из старших друзей Пушкина, близко знавший поэта почти от колыбели и до самой могилы и принимавший постоянное участие в его судьбе; м. выше, тт. I и II, по указателю, особенно т. I, стр. 7, 18, 23, 64, 88, 191—192, 194—195, 342, 384, 441, 443—444, где приведены письма Пушкина к Тургеневу и сведения о нем. Тургенев, уехав за границу в 1826 г., после приговора над его братом — декабристом Николаем Ивановичем, несколько лет провел в странствованиях по Европе и вернулся на родину лишь 1—2 июня 1831 г. «Александр Тургенев приехал с пароходом и был сейчас у меня» — писал К. Я. Булгаков брату в Москву 2 июня, а на другой день рассказывал: «Приехал Тургенев, с коим много болтали; накормил я его ряпушкой и завез в Демутов трактир, где он остановился. Собирается в Москву, а попадет может быть в Неаполь» («Русск. Арх.» 1903 г., кн, III, стр. 558). Но Тургенев не поехал за границу, а испугавшись петербургской холеры, вскоре уехал в Москву, где А. Я. Булгаков, как и Пушкин, нашел в нем мало перемены (см. ниже, стр. 294—295 и 326—327, в примечаниях к письмам № 428 и 437).

— О Жуковском и его сочинениях см. выше, стр. 251—252 и 276, в примечаниях к письмам № 415 и 422.

— О Соути, которым в это время интересовался и Пушкин, см. выше, стр. 16, в письме № 412 и в примечаниях к нему, стр. 226. Жуковский перевел из Соути «Суд божий над епископом» 24—26 марта 1831 г., а также балладу «Доника» и «Королева Урака и пять мучеников».

— Из Шиллера Жуковский перевел «Кубок» (10 марта 1831 г.), «Перчатку», «Поликратов перстень» (17 марта) и «Жалобу Цереры» (17—19 марта).

— Из Уланда Жуковский перевел шестистишие «Появление весны», «Замок на берегу моря» и балладу «Алонзо».

— «Неконченная баллада Вальтер-Скотта Пильгрим» — Жуковский перевел балладу В. Скотта, «The Grey Brother» (Ср. Ballads and lyrical pieces by Walter Scott, Esq., fourth edition. Edinburgh: Printed by James Ballantyne and Co, 1812, pp. 64—70, или: The Poetical Works of sir Walter Scott, Bart. 1822, Edinburgh: Printed for A. Constable a. Co., vol. III, pp. 193—201). Баллада была переведена под произвольным заглавием «Покаяние» (ср. Сочинения В. А. Жуковского, изд. X, под ред. П. А. Ефремова, С.-Пб. 1901, стр. 272—274, без указания на оригинал). Вни-

№ 426 мательное сличение перевода Жуковского с оригиналом произведено С. Шестаковым («Замечания к переводам Жуковского из немецких и английских поэтов», Казань, 1903, стр. 52). Пушкин назвал балладу «Пильгримом» по ее герою (слово Pilgrim упоминается в семи строфах баллады). Близкой по заглавию и теме у В. Скотта является баллада «The Palmer» («Пилигрим»), что, может быть, также подсказало Пушкину неверное заглавие. «The Grey Brother» печатался как отрывок — «a fragment», и Пушкин знал о *незаконченности* баллады из комментария к ней самого В. Скотта. Жуковский своим окончанием как бы осуществил волю самого автора — «it was the authors intention to have completed the end» *(сообщение Д. П. Якубовича).*

— Сказка гекзаметрами — «Две были и еще одна», написанная 29 мая — 11 июня.

— «Красный карбункул» — сказка, из Гебеля, переведенная Жуковским еще в 1816 г.

— По поводу слов «вот всё, чем можно нам утешаться» и т. д. Вяземский писал Жуковскому в письме без даты: «Ты, сказывают, написал прелести. Пушкин писал мне, что только твоими стихами и можно утешаться в нынешнее время. Пришли что-нибудь: дай и нам хоть чему-нибудь порадоваться из того, что у вас делается и пишется в Питере. Чтò Пушкин? То-то у тебя слюнки текут, глядя на жену его. И Пушкин уже успел жениться, а ты все еще нет!» («Русск. Арх.» 1900 г., кн. I, стр. 361; ответ Жуковского см. в изд. «Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу», М. 1895, стр. 255 — 256).

— «Баллады и повести» Жуковского, действительно, появились в 1831 г., в Петербурге, в двух частях, с виньетками, в изд. А. Ф. Смирдина.

— «В нашем омуте» — то есть в литературе.

— Княгиня — Вера Федоровна Вяземская, жена кн. Петра Андреевича.

— Катерина Андреевна — Карамзина, вдова историографа, сестра кн. П. А. Вяземского. Пушкин, по преданию, в молодые годы был к ней неравнодушен (см. Воспоминания А. П. Керн — «Русск. Стар.» 1870 г., т. I, стр. 234 [и отдельное издание воспоминаний А. П. Керн, под ред. Ю. Н. Верховского, Л. 1929, стр. 60. — *Ред.*]; письмо гр. Р. С. Эдлинг — «Русск. Стар.» 1896 г., № 8, стр. 417, и «Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым», под ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 53); своею ссылкою (в деле смягчения которой, по словам С. П. Шевырева, Е. А. Карамзина приняла непосредственное участие — Л. Майков, «Пушкин», стр. 326) он на много лет был оторван от семьи Карамзиных; историограф умер в 1826 г., когда поэт жил в Михайловском; известно, как он был огорчен этой смертью. По переезде в Петербург в конце мая 1827 г. Пушкин не застал здесь Карамзиных, но уже с осени стал постоянным их гостем; так, 24 ноября, в день именин старшей дочери Е. А. Карамзиной — Екатерины Николаевны (впоследствии княгини Мещерской), он написал «Акафист» («Земли достигнув наконец...»), а в альбом Софии Николаевны, вероятно, тогда же, — стихотворение «Три ключа» (см. Б. Л. Модзалевский, «Из альбомной старины», Пгр. 1916, стр. 3 и 11, и его же заметку: «Новые строки Пушкина» — в сб. «Пушкин и его соврем.», вып. XXVIII,

Цгр. 1917, стр. 1—4, со снимками. Вскоре, 13 декабря 1827 г., Е. А. Карамзина писала И. И. Дмитриеву из Петербурга в Москву: «Мы, по обыкновению, мало выезжаэм; дома видим несколько приятелей, оставшихся верными воспоминаниям прошедшего, — Жуковского, Дашкова, Пушкина и пр.; последний ежедневно у нас: итак не повесничает» («Письма Карамзина к Дмитриеву», С.-Пб. 1866, стр. 430, с ошибкой в дате года). И в следующие годы Пушкин был обычным посетителем семейства Карамзиных (там же, стр. 432, 437, 439); к главе ее, Екатерине Андреевне, он питал любовь и постоянное уважение. — Об ней вспомнил он, когда предложение его, сделанное Н. Н. Гончаровой, было принято, и в письме кн. Вяземскому 2 мая 1830 г. писал: «Сказывал ты Катерине Андреевне о моей помолвке? Я уверен в ее участии; но передай мне ее слова: они нужны моему сердцу, и теперь не совсем щастливому» (см. выше, т. II, стр. 87); когда же свадьба его состоялась, он ее, одну из немногих, немедленно известил о том письмом (до нас, к сожалению, не дошедшим), на которое Карамзина отозвалась 3 марта дружеским письмом, в коем поздравляла Пушкина, высказывала ему пожелания и уверения, что, «несмотря на ее холодную и суровую внешность», Н. Н. Пушкина найдет в ней сердце, готовое ее любить, — особенно, если она «упрочит счастье своего мужа» (см. выше, стр. 215, в примечаниях к письму № 407). Уважение к Карамзиной было у Пушкина постоянное (он не раз упоминает ее в своем «Дневнике» 1833—1834 гг.) и настолько глубокое, что чуть ли не ее одну он посвятил в историю своей семейной драмы («Пушкин и его соврем.», вып. XXV—XXVII, стр. 094), тем самым сделав ее участницей всех своих переживаний; и она небезразлично относилась к судьбе Пушкина, что видно из писем к ней ее сына Андрея Николаевича из Парижа («Старина и Новизна», кн. XVII. М. 1914, pass.). Когда же драма разрешилась дуэлью и раненный поэт сознал уже свой близкий конец, — он выразил желание повидать именно Карамзину: «Карамзина? Тут-ли Карамзина?—спросил он, спустя немного», — читаем в записях Жуковского: — «Ее не было; за нею немедленно послали, и она скоро приехала. Свидание их продолжалось только минуту, но когда Катерина Андреевна отошла от постели, он ее кликнул и сказал: «перекрестите меня!» потом поцеловал у нее руку» («Пушкин и его соврем.», вып. XXV—XXVII, стр. 40); о том же свидетельствуют и К. К. Данзас (см. А. Аммосов, «Последние дни жизни и кончина Пушкина», изд. Я. А. Исакова, С.-Пб. 1863, стр. 33—34), и Жуковский в своем известном письме к С. Л. Пушкину, с описанием кончины Пушкина [ср. «Труды Я. К. Грота», т. III, Спб. 1901, стр. 259 второй пагинации; «Архив Раевских», под ред. Б. Л. Модзалевского, т. II, стр. 347, и «Старина и Новизна», вып. VI, стр. 21. — *Ред.*]. Тургенев рассказывает, что, благословив умирающего, Карамзина «зарыдала и вышла» («Пушкин и его соврем.», вып. XXV—XXVII, стр. 333). — «Меня очень тронуло известие, что первая особа, о которой после катастрофы спросил Пушкин, была Карамзина, предмет его первой и благородной привязанности» — писала графиня Р. С. Эдлинг В. Г. Теплякову по поводу смерти поэта («Русск. Стар.» 1896 г., № 8, стр. 417). Карамзина до старости сохраняла бодрость физическую и душевную. А. В. Старчевский, посетивший ее около

№ 426 1846 г., так описывает старушку: «Карамзина была в молодости необыкновенно красива, и следы этой красоты остались у нее и в старости. Это была особа видная, весьма порядочного роста и симпатичная» («Историч. Вестн.» 1888 г., № 10, стр. 126). Лишь за год до смерти она почувствовала упадок сил. Передавая от нее поклон, А. О. Россет писал своей сестре А. О. Смирновой: «Карамзины тебе очень кланяются, Катерина Андреевна в особенности; она бедная очень опустилась летом, совсем старушка. Впрочем, всё у них по прежнему, т. е. болтовня живая и веселая» («Русск. Арх.» 1896 г., кн. I, стр. 372—373; ср. «Русск. Арх.» 1868 г., ст. 440). Плетнев в марте 1850 г. писал Жуковскому: «у Катерины Андреевны Карамзиной было недавно что-то в роде воспаления. Мы все за нее испугались. Однако, теперь ей лучше. Для нас без нее утратится в Петербурге и последний центр соединения» (Сочинения, т. III, С.-Пб. 1885, стр. 659). Но конец этой дорогой многим жизни был уже близок. Гостя у своей дочери, кн. Е. Н. Мещерской, в ее имении — дер. Мануилове, Ямбургского уезда, Е. А. Карамзина скончалась там 1 сентября 1851 года, 70 лет от роду («Сын Отеч.» 1851 г., № 9, Соврем. летопись, стр. 71). О смерти ее см. в письмах П. А. Плетнева (в «Сочинениях П. А. Плетнева», т. III, стр. 700—701, 709) и Ф. И. Тютчева («Старина и Новизна», кн. XVIII, стр. 32—33 и 34).

— Софья Николаевна — падчерица Е. А. Карамзиной — дочь историографа от его первого брака, с Елизаветой Ивановной Протасовой (род. 1767—ум. 1802); она родилась 5 марта 1802 г. и в доме отца получила хорошее образование, — между прочим прекрасно изучила французский язык («Русск. Стар.» 1874 г., № 9, стр. 53). 30 августа 1821 г. она была назначена фрейлиной («Старина и Новизна», кн. I, стр. 117), но придворной службы, кажется, не несла; к отцу она относилась с пылкой любовью и благоговением и горько оплакала его смерть («Русск. Стар.» 1874 г., № 10, стр. 239, 268; «Архив братьев Тургеневых», вып. VI, стр. 36 и др.; «Письма Карамзина к Дмитриеву», pass.; «Русск. Арх.» 1895 г., кн. I, стр. 107). Замуж она не вышла, хотя еще весной 1819 г. были слухи о предполагаемом браке ее с Жуковским; слухи эти возобновились в 1831 г., но и на этот раз без результата («Уткинский Сборник», т. I, М. 1904, стр. 30, 233; «Пушкин и его соврем.», вып. XV, стр. 82); впрочем, дружеские отношения поддерживались между ними и позже, и Жуковский был с нею в переписке («Русск. Арх.» 1902 г., кн. II, стр. 118; письма эти не сохранились). В 1842 г., весною, у нее был роман с братом поэта, Львом Сергеевичем Пушкиным, — и бар. Е. Н. Вревская писала по этому поводу: «Недавно Карамзина Софья ему призналась в своей любви, да еще со слезами. А Наталья Николаевна [вдова поэта] его бранила сурьезно, что очень не морально: сводить с ума, не чувствуя сам к ней ничего» («Пушкин и его соврем.», вып. XIX—XX, стр. 112). Ранее Наталья Николаевна ревновала к С. Н. Карамзиной своего собственного мужа (там же, вып. XXV—XXVII, стр. 044), который всегда относился к Софье Николаевне весьма дружественно, что видно из писем его к жене 1834 г. и из «Дневника» (17 сентября 1836 г. он был у нее на именинах в Царском Селе — там же, вып. XXIX—XXX, стр. 33); ранее он посвятил ей стихотворение «Три ключа», записанное им в ее альбом, вероятно,

в конце 1827 года (см. Б. Л. Модзалевский, «Из альбомной старины» — «Русск. Библиофил» 1916 г., октябрь, со снимком, а также «Пушкин и его соврем.», вып. XXVIII, стр. 1—4). По выражению ее дяди, кн. П. А. Вяземского, характер у С. Н. Карамзиной был «счастливый и благоразумный» («Архив бр Тургеневых», в. VI, стр. 102), а по словам кн. А. В. Мещерского, она отличалась «неимоверной добротой» («Русск. Арх.» 1901 г., кн. I, стр. 472), была, по выражению А. О. Смирновой, «милая болтунья» («Русск. Арх.» 1895 г., кн. II, стр. 325 [ср. А. О. Смирнова, Записки, ред. М. А. Цявловского, М. 1929 г., стр. 190. *Ред.*] и отличалась остроумием («Русск. Стар.», 1888 г., № 6, стр. 610). В салоне своей матери, который образовался еще при жизни историографа, она играла выдающуюся роль, о которой свидетельствуют единогласно многие современники. № 426

— A horse, a horse! my Kingdom for a horse! — известные слова *короля Ричарда III* в трагедии Шекспира «Ричард III», в 4-й сцене V акта. Приведенный Пушкиным стих в переводе значит: «Коня, коня! Престол мой за коня!» Приводя эти слова, Пушкин имел в виду любовь С. Н. Карамзиной к верховой езде и стихотворение Вяземского, посвященное им своей племяннице, конечно, известное Пушкину, так как оно недавно перед тем было напечатано в № 2 «Литературной Газеты», от 6 января 1831 г.; приводим из него лишь начало:

«Прогулка в степи»

Посвящается Софии Николаевне Карамзиной.

A horse! a horse! my Kingdom for a horse!
Shakespeare (Life and death of King Richard III)

Мой добрый конь, мой верный конь!
Люблю ноздрей твоих огонь
И стать твою, и гордый рост,
И развевающийся хвост.

Люблю, красавец удалой,
Когда ты скачешь подо мной,
И мерный стук твоих копыт
Один в глухой степи звучит.

В забвеньи бурном бытия,
Не человек, не птица я,
Не на земле, не в облаках,
Нет нужды в крыльях мне, в ногах.

Придав мой пыл к его огню,
Я прикипел, прирос к коню,
В одно спаялись в нас тела:
Кентавра басня в нас ожила...

и т. д., еще 15 строф.

— На это письмо Пушкина кн. Вяземский отвечал ему из Москвы: «Ты жалуешься на молчание мое, а я писал тебе недавно через Толмачева. Тысячу мою держи у себя до приезда моего. Спроси пожалуйста у Плетнева, получил-ли он свою тысячу. — Я очень рад, что Жуковский опять сбесился, но не рад тому, что он остается в Петер-

 бурге. Он, говорят, очень болен. Убеди его куда-нибудь съездить, хоть в Москву к искусственным водам. Высылайте скорее и Тургенева. Боюсь, он выдохнется в Петербурге и уже не ошибет меня своим Европейским запахом. Я здесь никого из порядочных людей не вижу: Баратынский в деревне, не знаю где и что̀ Языков. Карамзины с женою моею в Остафьеве; езжу к ним по Субботам отдыхать от бремени государственных дел. Прошу теперь читать меня в Коммерческой Газете. Отъищи мой взгляд на выставку. Читал-ли ты о Борисе Годунове разговор, напечатанный в Москве? Прочти, моя радость. Университет не позволил Погодину прочесть на акте похвальное слово Мерзлякову. Каченовский сказал, что это не сто̀ит внимания. Пусти-же в свет моего Адольфа. Когда будешь в Питере, передай мой сердечный поклон Элизе и Доле. Я с удовольствием узнал тебя в Делорме. Цалую тебя и милую» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 254).

427. *Е. М. Хитрово* [Середина июня 1831 г.] (стр. 26). Впервые напечатано в изданном Пушкинским Домом Академии Наук сб. «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Лгр. 1927, стр. 24 и 117. по подлиннику, хранящемуся в Пушкинском Доме (ныне ИРЛИ); он — на листе почтовой бумаги большого формата, с водяными знаками: А. Г. 1829; сложен конвертом и запечатан гербовой печатью Пушкина под графской короной. Письмо поддается лишь приблизительной датировке, по связи содержания со следующим письмом, № 428, относящимся к 19 или 20 июня 1831 г. Указание Л. Н. Павлищева («Воспоминания об А. С. Пушкине», М. 1890, стр. 251—252), что Пушкин приезжал в Петербург 17 июня, могло бы служить для уточнения даты, так как Пушкин пишет, что «*на этих днях* рассчитывает на несколько часов приехать в Петербург»; но указание это опровергается подлинниками писем, которыми пользовался Павлищев и которые хранятся в ИРЛИ (ср. «Пушкин и его соврем.», вып. XV, стр. 69 и сл.).

Перевод: «Свистунов мне сказал, что увидит Вас сегодня вечером. Пользуюсь этим случаем, чтобы попросить Вас об одной милости. Я предпринял исследование о Французской революции и умоляю Вас прислать мне Тьера и Минье, если возможно. Обе эти работы запрещены. У меня здесь имеются лишь «Мемуары, относящиеся к революции». — На этих днях я рассчитываю на несколько часов приехать в Петербург. Я воспользуюсь этим, чтобы явиться на Черную речку». — *На обороте.* Госпоже Хитровой».

— Свистунов — Алексей Николаевич (род. 1808—ум. 8 апреля 1872), поручик л.-гв. Конного полка, старший товарищ племянника Е. М. Хитрово — К. Ф. Опочинина, также конногвардейца (см. ниже. стр. 419—420). Младший брат кавалергарда-декабриста П. Н. Свистунова, в 1826 г. осужденного на 20-летнюю каторжную работу, он получил образование в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, из которой был выпущен в Конный полк корнетом 25 марта 1828 г.[1] Прослужив в полку до 25 января 1835 г., он вышел в отставку с чином штабс-ротмистра

---

[1] По школе он был товарищем по выпуску Ф. Я. Скарятина (см. выше, стр. 224—225).

(«Полный список шефов, полковых командиров и офицеров л.-гв. Конного полка», С.-Пб, 1886, стр. 306); вскоре затем, находясь за границей, он женился на известной красавице (Вяземский называет ее «Резедой»), фрейлине графине Надежде Львовне Соллогуб (ум. 13 января 1903), родной племяннице лицейского товарища Пушкина — князя А. М. Горчакова, впоследствии канцлера. Пушкин довольно открыто за нею ухаживал в 1834—1835 гг. (см. «Дневник» Пушкина, московское издание, 1923, стр. 363—364). Свадьба Свистунова состоялась в Штуттгардте 9 октября 1836 г. («Сборник старинных бумаг П. И. Щукина», ч. VIII, стр. 347; «Остаф. Арх.», т. III, стр. 348 и др.; «Архив братьев Тургеневых», т. VI, по указателю). Вернувшись в Россию, А. Н. Свистунов определился на службу в ведомство Министерства Финансов, будучи причислен к Особой Канцелярии по кредитной части (Месяцеслов на 1838 г., ч. I, стр. 693), 31 декабря 1838 г. пожалован в камер-юнкеры («С.-Петерб. Ведом.» 1839 г., № 15), затем был камергером и в 40-х годах служил в Провиантском Департаменте Военного Министерства, а в 1850 г., при содействии дяди жены, князя А. М. Горчакова, перешел в ведомство Министерства Иностранных Дел, занимал здесь должности члена Совета Министерства и директора Департамента Личного Состава; умер 8 апреля 1872 г. № 427

— По поводу просьбы Пушкина о присылке ему сочинений Тьера и Минье и о работе его над историей Французской Революции Б. В. Томашевский пишет: «Пушкин усердно следил за французской исторической литературой. Он упоминает в своих статьях имена братьев (Augustin и Amédée) Thierry, Barante, отводит особое место Guizot. Занятия историческими изысканиями у Пушкина были подготовлены знакомством с молодой исторической школой. Этот интерес к истории совпал с интересом к историческому роману (то есть к Вальтер Скотту и его школе). — Из напечатанных писем Пушкина к Е. М. Хитрово мы узнаем о предпринятом им труде по истории Французской революции. От этого труда до нас дошли только незначительные отрывки. В Майковском собрании сохранились две рукописи (одна — датированная: «30 мая 1831 г. Ц. С.»), представляющие в начальных фразах совпадение с отрывками, опубликованными И. А. Шляпкиным под названием «О Французской Революции» И. А. Шляпкин, «Из неизданных бумаг А. С. Пушкина», стр. 56), а в дальнейшем — с опубликованным Анненковым отрывком о французском феодализме (см. «Материалы», изд. 1855 г., стр. 267—269), который ныне, без достаточных к тому оснований, печатается в качестве программы третьей статьи об «Истории» Полевого (первый отрывок)... Кроме того, в Майковском собрании сохранилась заметка Пушкина, где он цитирует слова Bailly и Rabaut-Saint-Etienne из их речей в «Etats Généraux» (из прений о праве третьего сословия объявить себя представителями нации), с замечаниями на эти слова... — В первой стадии своей работы Пушкин пользовался, очевидно, только изданием «Collections des Mémoires relatifs à le Révolution Française», 23 тома, изд. 1821—1825 гг. (см. «Библиотека Пушкина» Б. Л. Модзалевского, стр. 201—209), о которых он упоминает в письме к Хитрово. Конечно, это не всё, что было известно Пушкину по истории Французской революции. Напомню, что еще в 1824 г. он писал из Одессы Вяземскому о прочтенных им сочине-

№ 427 ниях Rabaut-Saint-Etienne. В статье о M-me de Staël он упоминает ее посмертный трактат (изд. 1818 г.) «Considérations sur la Révolution Française. .». — В дальнейшем он пользовался, как видно из письма к Е. М. Хитрово, работой Минье: «Histoire de la Révolution Française depuis 1789 jusqu'à 1814», par F.-A. Mignet (2 тома, 1824 г.). Этой работой открывалась новая страница во французской историографии. Вместо описательной, полубиографической истории, возвышавшейся в лучшем случае до общих морально-философских соображений, Минье дал образец анализа конкретных исторических факторов-причин и неизбежных следствий событий. Плеханов видит в Минье, как авторе «Истории Революции», предшественника исторической концепции К. Маркса: «В своей истории Французской Революции Минье смотрит на события именно с точки зрения «нужд» различных общественных классов. Борьба этих классов составляет у него главную пружину политических событий. Эклектики упрекали сторонников новых исторических теорий в *фатализме,* в пристрастии к *системе* (ésprit de système). (Н. Бельтов, «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», 1895, стр. 19)... — Другая история Революции, о которой пишет Пушкин, это «Histoire de la Révolution Francaise» par M. A. Thiers (10 томов, 1823—1827 гг.) — труд еще более значительный, чем история Минье, представлявший собою последовательную историческую реабилитацию Революции и являвшийся долгое время библией либерального доктринаризма... [1] — Об этих работах, впрочем, вообще уже достаточно известных в эти годы, Пушкин знал, вероятно, из статей Сент-Бёва в «Le Globe» (о Тьере — в номере от 10 января, 19 января 1826 г., 28 апреля, 12 мая и 29 ноября 1827 г., о Минье — в номере от 28 марта 1826 г.). Сент-Бёв в своей автобиографии называет рецензии на Тьера и Минье первыми значительными своими статьями. Позже в том же «Le Globe» он писал: «Гг. Тьер и Минье в их замечательных историях убедительно и со смелой твердостью взгляда показали, что Гора, несмотря на свои ужасы, Директория, несмотря на слабость, Наполеон, несмотря на тиранию, — были продолжателями, заслужившими бо̀льшую или меньшую славу, законными наследниками Революции 1789 г.». — Эти взгляды не могли не оказать своего влияния на Пушкина, и совершенно естественно, что, занимаясь Французской революцией, он в первую очередь обратился к трудам Тьера и Минье. — Пушкин внимательно следил за литературой о Французской революции и в позднейшее время, о чем свидетельствует запись в дневнике Н. А. Муханова; речь идет о посмертной книге Dumont (1759—1829): «Souvenirs sur Mirabeau et sur les deux premières Assemblées legislatives» (1832). Запись относится к 29 июня 1832 г. и следует непосредственно за отзывом о «Table de nuit» Musset (см. «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Л. 1927, стр. 217). «Я спросил мнения его о Дюмоне, которого еще не читал, но он известен мне по критике Débats, и по мнению некоторых моих знакомых. Пушкин очень хвалит Дюмона, а Вяземский позорит, из чего вышел самый жаркий спор. Я совершенно мнения Пушкина по его доводам и справедливости

[1] «История Революции» Тьера сохранилась в библиотеке Пушкина в Льежском издании 1828 г., Минье — в Брюссельском, тоже 1828 г.

заключений. Оба они выходили из себя, горячились и кричали. Вяземский говорил, что Дюмон старался похитить всю славу Мирабо. Пушкин утверждал, напротив, что он известен своим самоотвержением, коему дал пример переводом Бентама, что он выказывает Мирабо во внутренней его жизни, и потому весьма интересен, что Jules Janin врет, что Французы презрительны, что таланта истинного в них нет, что лучшие их таланты не Французы, что Мирабо не Француз, что Journal des Débats нельзя принимать за мнение всей Франции, и что ее мнение даже неверно и пр. Спор усиливался» («Русский Архив» 1897 г., кн. I, стр. 654)» («Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Лгр. 1927, стр. 253—256).

— Черная речка — под Петербургом, в Новой Деревне, где жила Е. М. Хитрово и летом 1830 г. (см. выше, т. II, стр. 103 и 461).

— О поездке Пушкина в Петербург никаких подробностей неизвестно.

428. *Е. М. Хитрово* [19 или 20 июня 1831 г.] (стр. 26). Впервые напечатано в изданном Пушкинским Домом Академии Наук сб. «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Лгр. 1927, стр. 25; подлинник — в ИРЛИ (Пушкинском Доме) Академии Наук СССР; он — на листе почтовой бумаги большого формата, без водяных знаков; сложен конвертом и запечатан гербовою печатью Пушкина под графскою короною. На обороте — почтовый адрес и штемпель, почтовые пометы и приписки. — Датируется на основании числа почтового штемпеля, как написанное в день отправления или накануне. Кроме того для соображений о датировке может служить то, что П. П. Новосильцов привез Пушкину книгу Минье, повидимому, 18 июня (см. ниже).

Перевод: «Благодарю Вас за Революцию Минье. Я получил ее через Новосильцова. Правда ли, что Тургенев нас покидает и притом так внезапно? — Итак, у вас холера, но, впрочем, не беспокойтесь. Это все та же история, что и с чумой: порядочные люди никогда от нее не умирают, как говорила маленькая гречанка. Надо надеяться, что эпидемия не будет слишком сильна даже и среди простого народа. В Петербурге много воздуха и к тому же море...— Я исполнил Ваше поручение, т. е. я не исполнил его, так как что̀ за мысль пришла Вам — заставить меня переводить русские стихи французской прозой, меня, который не знает даже правописания? Кроме того, стихи посредственны. Я написал на ту же тему другие, стоющие немногим больше, и которые я Вам пришлю при первой возможности. — Будьте здоровы, — в настоящий момент это то, что я больше всего спешу Вам пожелать».

— О «Революции» Минье — см. в предыдущем письме и в примечаниях к нему, стр. 291—292.

— Новосильцов — Петр Петрович (род. 9 декабря 1797—ум. в Москве 27 сентября 1869), офицер л.-гв. Кирасирского (с 1820) и Кавалергардского (с 1823) полков, адъютант (1821—1838) московского генерал-губернатора князя Д. В. Голицына (как и упоминавшийся выше Ф. Я. Скарятин). Из Прибавления к № 144 «С.-Петербургских Ведомостей» от 21 июня 1831 г. (стр. 1372) видно, что адъютант генерала-от-кавалерии князя Голицына, Кавалергардского полка штабс-ротмистр Новосильцов выехал из Петербурга в Москву 18 *июня:* по дороге туда он, вероятно, проезжая через

№ 428 Царское Село, и заезжал к Пушкину. — Впоследствии П. П. Новосильцов был, в 1838—1851 гг., московским вице-губернатором и камергером (с марта 1842 г.), в 1851—1858 гг. рязанским гражданским губернатором [и прославился на этом посту кровавыми усмирениями крестьянских восстаний. Ему посвящено стихотворение Некрасова «Бунт» (1858 г.) *Ред.*]; до 1866 г. Новосильцов состоял при Министерстве внутренних дел. В молодости он был масоном («Русск. Стар.» 1907 г., № 9, стр. 643), но подозревался едва ли не в шпионстве. Хотя он сам не занимался литературою, но, говоря словами Гоголя, «был знаком всем нашим литераторам и вращался в их кругу» («Остаф. Арх.», т. III, стр. 104 и 467—478), был в дружеских отношениях с Погодиным, с Карамзиным, с гр. В. А. Соллогубом. А. Я. Булгаков в мае 1833 г., сообщая брату, что Новосильцов «идет в отставку», писал по этому поводу: «Князь [Д. В. Голицын] лишится умного, расторопного и делового адъютанта. Этого всюду можно употребить. Жаль, что не так идет его служба, как бы следовало. У него есть что-то резкого и самохвального в обхождении, и это вооружило против него всех тех, которые не коротко его знают» («Русский Архив» 1902 г., кн. I, стр. 530; ср. там же, стр. 70). Подробнее о П. П. Новосильцове см. статью А. А. Голомбиевского в «Сборнике биографий кавалергардов», под ред. С. А. Панчулидзева, в т. III, стр. 387—390 и в «Письмах Пушкина к Е. М. Хитрово», Л. 1927, стр. 120. [Пушкин был знаком с семьею Новосильцовых в 1830 г., будучи в Нижегородской губ. Возможно, что П. П. Новосильцов был ближайшим родственником этих Новосильцовых. См. Письма Пушкина, т. II, стр. 482; С. Я. Гессен и Л. Б. Модзалевский, «Разговоры Пушкина», М. 1925, стр. 153—154, и М. А. Цявловский, «Два автографа Пушкина», М. 1914, стр. 16. — *Ред.*]

— Тургенев — Александр Иванович, только что приехавший из-за границы в Петербург (см. выше в письме № 426, и в примечаниях к нему, стр. 285). Подшучивая над свойственною Тургеневу непоседливостью и торопливостью, К. Я. Булгаков 18 июня сообщал брату в Москву: «Я тебе говорил, что Тургенев к вам едет, а может очутиться в Италии; хоть не в Италию, но он отправляется на пароходе в Любек. Теперь скорее поверю, что будет у вас, хотя записался на пароходе» («Русск. Арх.» 1903 г., кн. III, стр. 560); наконец, на другой день, 19 июня: «Тургенев не решился ехать в Любек. Его испугал карантин. Теперь хочет ехать к вам, но также не знает, как проехать» (там же, кн. III, стр. 561), — ибо в это время в Петербурге уже появилась и начала быстро развиваться страшная холера, — первая тогда в столице; она вырывала много жертв во всех классах населения, и повсюду были поэтому устроены заставы и очистительные карантины, — такие же, какие, в конце предыдущего года, доставили так много огорчений и волнений Пушкину во время его пребывания в Болдине и попыток выехать в Москву. — Пушкин повидался со своим верным старшим другом после многолетней разлуки вскоре же после его приезда в Петербург, и 11 июня (см. выше, стр. 25, в письме № 426) сообщал Вяземскому о своем впечатлении от свидания, а после отъезда Тургенева из Петербурга писал тому же Вяземскому (3 июля): «По газетам видел я, что Тургенев к себе отправился в Москву; не приедешь-ли ты с ним назад? Это было бы славно. Мы бы что нибудь и затеяли в роде Альма-

наха, и Тургенева порастрепали бы» (см. ниже, в письме № 436). Тургенев выехал из Петербурга 19 июня, что видно из № 145 «С.-Петербургских Ведомостей» за 1831 г. В Москве он был уже дня через четыре. 26 июня А. Я. Булгаков писал брату в Петербург: «Вчера является к нам вдруг Александр Тургенев. Чрезвычайно я ему обрадовался. Всё тот-же: те-же дистракции, та-же доброта, мало переменился, нахожу, а шесть лет куда много времени в наши годы! Катеньке начал тотчас куры строить, т. е. руки целовать, не дал на себя хорошенько налюбоваться и исчез. Зовет меня с собою к Вяземскому на имянины [в Остафьево]... а потом вспомнил, что зван в тот же день в Рожествено к кн. Дмитрию Владимировичу [Голицыну], у коего был вчера на парадном обеде. Большой чудак, боится холеры и признается, что от страха уехал бы в Любек, но испугался карантина. Не мог я добиться, где живет: то у Жихарева, то у тетки, то где-то под Москвою...» (Русск. Арх.» 1902 г. кн. I, стр. 69—70). Жуковский пенял Тургеневу за неожиданность его отъезда: «Хорош ты! Уехал из Петербурга, не дав знать о себе ни строчкою! Я писал к Булгакову,— тот не отвечает! Наконец, Козлов уже вывел меня из недоумения насчет твоего маршрута. И я рад, что ты не уехал в Лондон. Москва место безопасное (если только не будешь объедаться и не простудишься); прилипчивости холеры бояться нечего» («Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу», М. 1895, стр. 256; это — ответ на приписку Тургенева в письме Вяземского к Жуковскому без даты — см. «Русск. Арх.» 1900 г. кн. I, стр. 361—362). Жуковский в письме своем к императору Николаю I, написанном 22 июля 1831 г. с целью оправдания Тургенева от подозрений в либерализме и от обвинений в излишней привязанности к осужденному заочно брату-декабристу, Н. И. Тургеневу, так объяснил приезд Тургенева в Россию и показавшуюся Николаю I подозрительной спешность отъезда его в Москву: «Причина приезда А. Тургенева есть устройство его хозяйственных дел... Для этого нужно было ему... увидеться с Жихаревым в Москве; он изготовился к отъезду, но остановился, услышав, что в Москве возобновилась холера. Вдруг открылась она и в Петербурге, и Тургенев собрался-было немедленно возвратиться в Англию: но ему не удалось найти места на пароходе, и он, избрав из двух опасных мест менее опасное, уехал в Москву» («Декабристы. Неизданные материалы и статьи», под ред. Б. Л Модзалевского и Ю. Г. Оксмана. Труды Пушкинского Дома, М. 1925, стр. 153). В конце письма Жуковский писал еще, что, по его убеждению в полной лояльности Тургенева, последний «не был бы вреден теперь и Пушкину, ибо в прежнее время, когда пылкая молодость сводила Пушкина с прямого пути, никто более Тургенева не старался его укрощать и наводить на прямую дорогу. Служба его была беспорочна» и т. д. — Оставшись в Москве на неопределенное время, Тургенев 14 июля писал оттуда Пушкину, приписывая ему в письме кн. П. А. Вяземского (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 272); Пушкин благодарил его за эту «религиозно-философическую приписку» 3 августа (см. ниже, № 448), а 29 октября Тургенев снова писал Пушкину из Москвы, посылая ему стихи Н. Д. Иванчина-Писарева для «Северных Цветов», предпринятых Пушкиным в пользу братьев Дельвига (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 340—341). В декабре, в свою кратковременную поездку в Москву, Пушкин снова № 428

№ 428 видался с Тургеневым (см. ниже, письмо № 478), который прожил в Москве до июля 1832 г., когда опять надолго отправился за границу — сперва в Германию, а затем в Италию.

— Холера появилась в Петербурге в середине июня 1831 г. (см. Дневник П. Г. Дивова — «Русск. Стар.» 1899, № 12, стр. 525). 18 июня К. Я. Булгаков писал брату в Москву: «Холерных еще нескольких припадков было... Меры взяты: город разделен на части, вверенные сенаторам, между прочим Полетика [«Арзамасец»] имеет одну. Авось с этими мерами остановят ее и скоро совсем прекратят. Дай-то бог! Я не такой Фома неверный, как ты, хотя не разделяю страха многих» («Русск. Арх.» 1903 г., кн. III, стр. 560), а на другой день сообщал. что болезнь «хотя тихо, но распространяется» (там же, стр. 561). В тот же день А. В. Никитенко записал в своем Дневнике: «Наконец холера, со всеми своими ужасами, явилась в Петербурге. Повсюду берутся строгие меры предосторожности. Город в тоске. Почти все сообщения прерваны. Люди выходят из домов только по крайней необходимости или по должности» («Записки и Дневник», т. I, С.-Пб. 1905, стр. 214). 20 июня он же писал: «В городе недовольны распоряжениями правительства; государь уехал из столицы. Члены Государственного Совета тоже почти все разъехались. На Генерал-Губернатора [гр. П. К. Эссена] мало надеются. Лазареты устроены так, что они составляют только переходное место из дома в могилу. В каждой части города назначены попечители, но плохо выбранные из людей слабых, нерешительных и равнодушных к общественной пользе. Присмотр за больными нерадивый. Естественно, что бедные люди считают себя погибшими, лишь только заходит речь о помещении их в больницу. Между тем туда забирают без разбора больных холерою и не холерою, а иногда и просто пьяных из черни, кладут их вместе. Больные обыкновенными болезнями заражаются от холерных и умирают наравне с ними. Полиция наша, и всегда отличающаяся дерзостью и вымогательствами, вместо усердия и деятельности в эту плачевную эпоху, только усугубила свои пороки. Нет никого кто бы одушевил народ и возбудил в нем доверие к правительству. От этого в разных частях города уже начинаются волнения. Народ ропщет и, по обыкновению, верит разным темным слухам, как, например, будто доктора отравляют больных, будто вовсе нет холеры, но ее выдумали злонамеренные люди для своих целей и т. п. Кричат против немцев, лекарей и поляков, грозят всех их перебить. Правительство, точно, в усыплении: оно не принимает никаких мер к успокоению умов» (там же, стр. 214—215; ср. «Русск. Стар.», 1897, № 11, стр. 401). Из этих кратких выдержек видно настроение жителей Петербурга в момент появления эпидемии. Официальные сведения о ней, крайне неопределенные и успокоительные, были помещены впервые в правительственном сообщении от 17 июня 1831 г., в № 141 «С.-Петербургских Ведомостей». 20 июня от с.-петербургского военного генерал-губернатора было напечатано объявление (оно, между прочим, было приложено к № 136 «Северной Пчелы» от того же 20 июня), в котором было сообщено населению столицы об образовании, под председательством его комитета из генерал-адъютантов гр. Чернышева, гр. Закревского и кн. Меншикова для принятия мер против распространения холеры, о разделении города на 13 частей с попечителями, о назначении

докторов, устройстве временных больниц, отводе особых кладбищ дезинфекции барок и пр. 22 июня уже произошли известные холерные волнения на Сенной площади, и в те же дни были учреждены кругом Петербурга, а особенно по дороге в Царское Село, где болезни еще не было, строжайшие карантины. Любопытный очерк возникновения и хода холеры в Петербурге, составленный П. П. Каратыгиным, см. в «Русск. Стар.» 1878 г., № 7, стр. 482—490; здесь, на стр. 489 — таблица по дням июня (с 18-го) и июля (до 14-го включительно) заболевших, умерших и выздоровевших; из нее видно, что в общем итоге за весь период эпидемии, по официальным данным, заболело 9245, а умерло 4757 человек; Каратыгин считает, что цифры эти преуменьшены по крайней мере на одну треть. Из «Воспоминаний» О. А. Пржецлавского («Русск. Стар.» 1874 г., № 12, стр. 693—698), очерка Р. И. Фон-дер-Ховена, современника и очевидца тогдашних многих событий—«Холера в С.-Петербурге в 1831 году», и статьи А. Г. Пупарева: «Холерный месяц в Петербурге» («Русск. Стар.» 1884 г., № 11, стр. 391—400 и 401—416, и 1885 г., № 7, стр. 69—86) и Бывалого (А. П. Башуцкого) «Первая холера в Петербурге (воспоминания очевидца)» в «Русск. Вестнике», 1866 г., № 7, стр. 225—236), можно составить отчетливое представление о ходе эпидемии, о растерянности администрации, о происходивших в столице в июне и июле волнениях и насилиях над врачами, которых винили в умышленном отравлении народа, о разгроме в разных частях города больниц, об усмирении всех этих беспорядков и суде над привлеченными к ответу и т. д. Ховен приходит к выводу, на основании современных официальных документов, что холера, считая за начало ее день первого объявления о появлении ее в Петербурге, то есть 19 июня, за конец — последнее извещение о заболевших в «Северной Пчеле» 6 ноября 1831 г., — гнездилась в столице 4 месяца и 17 дней. Главною и основною причиной всех смут и народных волнений, связанных с эпидемией, было то, что люди, стоявшие во главе администрации, были так напуганы, что под влиянием охватившей их паники издавали распоряжения, служившие поводом ко всеобщему неудовольствию и возбуждению населения; потому-то в Москве, где меньше «заботились» о народном здравии, холера 1830 года прошла без особых смут и беспорядков. № 428

— Об этой же *гречанке* Пушкин упоминает еще в письме к Н. Н. Гончаровой, из Болдина, от 11 октября 1830 г. (см. выше, т. II, стр. 109 и 471): «Добровольно подвергать себя опасности среди холеры было бы непростительно. Я хорошо знаю, что всегда преувеличивают картину ее опустошений и число жертв; молодая женщина из Константинополя говорила мне когда-то, что только чернь (la canaille) умирает от холеры, — всё это прекрасно и превосходно; но всё же нужно, чтобы порядочные люди принимали меры предосторожности, так как именно это спасет их, а вовсе не их элегантность и не хороший тон». Кто эта гречанка, определить не удалось; может быть она была встречена Пушкиным в его поездку в Арзрум, может быть это какая-нибудь его знакомая по Кишиневу или по Одессе, может быть, наконец, та самая «маленькая Гречанка» Родоес Сафианос, о которой Пушкин просил похлопать В. А. Жуковского в 1824 г. (см. выше, т. I, стр. 93, 101, 330, 354); но о ней нет достаточных сведений; к тому же то, что Пушкин говорит о ней в вышеприведенном письме к невесте, плохо вяжется с таким предположением, —

№ 428 тем более, что тон, в котором пишет Пушкин Е. М. Хитрово о «маленькой гречанке» (владевшей французским языком), можно предположить, что Хитрово знала ее лично.

— Русские стихи, о переводе которых на французский язык просила Пушкина Е. М. Хитрово, по всей вероятности, «посредственное» (по выражению Пушкина) стихотворение Трилунного (псевдоним Дмитрия Юрьевича Струйского, род. 1806—ум. 1856) — «Гробница Кутузова», напечатанное в «Литературной Газете» от 11 мая 1831 г., № 27, стр. 218—219; что речь идет именно об этих стихах, видно из слов Пушкина, что он сам написал другие; на ту же тему, — то есть стихотворение «К гробу полководца» — «Перед гробницею святой. . .». «Начало стихотворения Трилунного, — замечает Н. В. Измайлов («Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Лгр. 1927, стр. 124), — совпадает и в тематике, и в образности со стихотворением Пушкина:

Великолепен Руской храм
Где под сияющим столбам
Висят отбитые знамена,
И на орлах Наполеона
Видна заржавленная кровь...
(Сильна к отечеству любовь!)
Я подхожу к ограде мирной,
Где спит великий человек...
. . . .
Я испытал восторгов пламень,
Молчаньем гроба поражен;
Едва взглянул на грустный камень
И был святыней устрашен...
. . . .

Далее идет канонически построенная ода Кутузову. В его восхвалении нет ничего, относящегося к современности, — ни намеков, ни сопоставлений: славословие совершенно отвлеченно, отягчено многочисленными славянизмами, а в конце переходит в оправдание певца перед самим собою, в уверениях себя в искренности хвалы, в отсутствии лицемерия и лести и в том, что Кутузов хвалы достоин. Это окончание звучит диссонансом, которого Пушкин не мог не почувствовать; к целому же стихотворению он должен был отнестись только иронически, как к чему-то давно отжившему и забытому» (там же стр. 124). Что касается автора стихов — Дмитрия Юрьевича Струйского, то это был внук известного писателя XVIII в. и владельца Рузаевской типографии, узаконенный сын Юрия Николаевича Струйского и его крепостной Натальи Филипповны и двоюродный брат, по крови, Полежаева,[1] второстепенный, довольно плодовитый поэт, прозаик, рецензент и музыкальный критик, он выступил в печати в 1827 г. «драматической поэмой» «Аннибал на развалинах Карфагена» (насмешливый отзыв Вяземского в «Моск. Телегр.» 1827 г.; есть отзыв и в «Северных Цветах на 1828 год», стр. 46—47); затем сотрудничал во многих альманахах и журналах 30—50-х годов — в «Галатее», «Атенее», «Литературной Газете» 1830—1831 гг. (между прочим, по критике и музыкальной критике),

---

[1] О предках Д. Ю. Струйского см. в новейшей работе В. В. Баранова в изд.: «А. И. Полежаев. Стихотворения», изд. «Academia», М. 1933, стр. 37—60 и сл. — *Ред.*

«Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду», «Телескопе»,«Библиотеке для Чтения», «Современнике» (Плетнева), «Сыне Отечества», «Пантеоне», «Отечественных Записках» и других изданиях; в 1830 г. выпустил в Петербурге в двух частях сборник: «Стихотворения Трилунного. Альманах на 1830 год». О его «Мелодиях» для сопрано и тенора, между прочим, на слова из «Евгения Онегина»—см. «Современник» 1837 г., № 1, стр. 339—340; впоследствии был издан еще его романс будто бы на слова Пушкина «Упивайтесь ею» (см. В. Межов, «Puschkiniana», № 4509); писал он музыку и на слова кн. Вяземского и других поэтов; был он близок и к Глинке. В 1831 г. он служил младшим помощником столоначальника во 2-й Экспедиции Департамента Министерства Юстиции (Месяцеслов на 1831 г., ч. I, стр. 646). О нем см. «Русск. Стар.» 1903 г., № 8, стр. 272—273.

429. *П. В. Нащокину* [19 или 20 июня 1831 г.] (стр. 26—27). Впервые напечатано в «Москвитянине» 1851 г., кн. I, № 23, стр. 463 (отрывок), и (полностью) в сб. «Девятнадцатый Век», кн. I, М. 1872, стр. 386—387, и в Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 254—255, по подлиннику, принадлежавшему гр. С. Д. Шереметеву, а ныне хранящемуся в Центрархиве в Москве; он — на большом листе почтовой бумаги, с водяными знаками: А. Г. 1829; сложен конвертом и запечатан облаткой.

— Письмо Нащокина к Пушкину от 9 июня см. выше, стр. 278—279 в объяснениях к письму № 423.

— Подрядчик — тот, который доставлял вещи Пушкина с его московской квартиры в доме Хитровой на царскосельскую дачу Китаевой.

— Об Алексее Федоровиче Рохманове см. выше, стр. 24 и в примечаниях, стр. 280—281.

— «Не застрахованы, а застращены» — обычный для Пушкина каламбур.

— О появлении холеры в Петербурге см. выше, стр. 296—297. Царское Село было оцеплено для охранения от занесения заразы этого города, в который должна была переехать из Петергофа и Александрии царская фамилия со всем двором. Ср. в письме Д. Н. Блудова в «Русск. Арх.». 1874 г., кн. I, стр. 834.

— Говоря о скупости, Пушкин имел в виду, главным образом, своего отца, отличавшегося этим качеством; некоторые предполагают, что, изображая «Скупого Рыцаря» и его сына, Пушкин имел в виду себя и своего отца, который в юные и молодые годы поэта отказывал ему даже в мелочах, если они сопряжены были с расходом; см., например, в письме Пушкина к брату от 25 августа 1823 г. из Одессы (т. I, стр. 53) и рассказ кн. Вяземского о скупости отца поэта (там же, стр. 277).

— Дела жены — ее имущественные отношения с дедом, А. Н. Гончаровым, и матерью, Натальей Ивановной: см. выше, стр. 253—254, о «реверсе» Н. Н. Пушкиной, и ниже, письмо к теще, № 431.

— Алекс. Юрьевич—Поливанов, влюбленный в Александру Николаевну Гончарову; см. выше, стр. 23, и в примечаниях, стр. 267—268, известие о нем Нащокина, стр. 277, в письме его от 9 июня.

— Ответ Нащокина на это письмо Пушкина неизвестен.

— 430. *П. В. Нащокину.* 26 июня [1831 г.] (стр. 27—28). Впервые напечатано в «Москвитянине» 1851 г., кн. I, № 23, стр. 463 (отрывок), в «Мате-

№ 430 риалах» Анненкова, изд. 1855 г., стр. 317 (то же), в сборнике «Девятнадцатый Век», кн. I, М. 1872, стр. 389—390 (полностью), и в Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 257—258, — по подлиннику, принадлежавшему тогда гр. С. Д. Шереметеву, а ныне хранящемуся в Центрархиве в Москве; он — на листе почтовой бумаги большого формата, с водяными знаками: А. В. 1829, сложен конвертом и запечатан облаткою.

— Письмо Нащокина, за которое благодарит и на которое отвечает Пушкин, — от 20 июня, из Москвы; см. его выше, стр. 283—284, в примечаниях к письму № 425.

— О холере в Петербурге в первые дни ее там появления см. выше, стр. 296—297.

— Говоря о бунте на Сенной, Пушкин имеет в виду события 23 июня, когда волнения достигли крайней степени напряжения; но события эти подготовлялись постепенно. Еще 21 июня П. Г. Дивов кратко отметил в своем Дневнике: «Сегодня на Сенной был бунт, вызванный устройством холерных госпиталей; ночью был такой же бунт на Рождественской» («Русск Стар.» 1899 г., № 1 , стр. 525), а Никитенко записал несколько подробнее: «На Сенной площади произошло смятение. Народ остановил карету, в которой везли больных в лазарет, разбил ее, а их освободил. Народ явно угрожает бунтом; кричит, что здесь не Москва, что она даст себя знать лучше, чем там, немцам, лекарям и полиции. Правительство и глухо, и слепо, и немо...» «В час ночи меня разбудили с известием, что на Сенной площади настоящий бунт. Одевшись наскоро..., я прошел до Фонтанки. Там спокойно. Только повсюду маленькие кучки народу. Уныние и страх на всех лицах... Войска и артиллерия держат в осаде Сенную площадь, но народ уже успел разнести один лазарет и убить нескольких лекарей» («Записки и Дневник», т. I, С.-Пб. 1905, стр. 215). Начальник 1-го округа Корпуса жандармов от 22 июня донес А. Х. Бенкендорфу, что «в Каретной и Рождественской частях, на улицах, в коих учреждены временные больницы по случаю болезни холеры, со дня ее появления собиралась ежедневно толпа праздных и любопытных людей, более из низшего сословия, трактующих о ходе сей болезни. Вчерашнего же числа [19-го], вероятно, по случаю праздника, собралось в Рождественской части более, чем в прочие дни, народа, окружили больницу и начали выходить из послушания полиции. В 5-м часу пополудни частный пристав донес о сем сборище обер-полицмейстеру, который, приехав туда, приказал собравшейся толпе разойтиться. В это время один пьяный из толпы бросил камнем в окно больницы и вышиб два стекла, не причинив впрочем дальнейшего вреда. Как этот человек, так и другие, около семи, замеченные в буйстве, взяты полициею под стражу. Обер-полицмейстер приказал полиции решительно разогнать народ и в ту же минуту послал к плац-майору просить наряда караула для охранения больницы и от С.-Петербургского жандармского дивизиона приказал выслать конную команду на случай усиления беспорядков... Команда прибыла к Рождественской больнице в 10 часов, но народ почти весь уже разошелся. В 11 часов прибыл караул, и по приказанию обер-полицмейстера остановлена половина команды жандармов для ночного караула. Утром сего числа собирался также народ небольшими кучками у больницы в доме

Таирова, на Сенной» (Н. К. Шильдер, «Император Николай I», т. II, № 430 С.-Пб. 1903, стр. 593—594). Событиям на Сенной 20 июня и вообще волнениям этих дней посвящено еще довольно подробное донесение (на французском языке) М. Я. фон-Фока Бенкендорфу (там же, стр. 594—595) и записка агента тайной полиции Кобервейна фон-Фоку (там же, стр. 595—597). — «Вчера были беспорядки пред холерными больницами на Сенной». — писал К. Я. Булгаков брату 23 июня, — «собралась толпа народа, но как скоро пришла военная команда, так и разошлась. Сегодня всё тихо» («Русск. Арх.» 1903 г., кн. III, стр. 562). В тот же день, 23 июня, начальник 1-го округа Корпуса жандармов доносил Бенкендорфу, что после отправления своей предыдущей записки он был на Сенной, где «нашел небольшое число народа разного звания, но больше, однако, обыкновенного; были и во фраках как бы для любопытства. Тут узнал я, что перед сим толпа народа насильно освободила везомых в лазаретной карете больных в холерную гошпиталь, но потом усмирилась. В 8 часов вечера узнал я, что толпы вновь собираются, отправился тотчас к генерал-губернатору, который объявил мне, что он приказал собираться войскам, а мне велел собирать сколько можно более жандармов и с ними быть как наискорее на Сенную площадь, что̀ немедленно и было мною учинено. По прибытии, толпы рассеялись и попрятались в домах. Несколько подозрительных лиц взято и отведено в крепость. Находились тут все генералы: Васильчиков, Закревский, Депрерадович, Перовский, обер-полицмейстер и проч. Без особенных строгих мер, — заключал он, — я полагаю, обойтиться нельзя» (Н. Шильдер, op. c., стр. 597—598). Подробный рассказ о бунте 22 июля, принадлежащий гвардейскому офицеру И. Р. фон-дер-Ховену, бывшему в этот день в карауле на Сенной, см. в «Русск. Стар.» 1885 г., № 7, стр. 61—68. На следующий день, 24 июня, К. Я. Булгаков, стараясь быть спокойным, уведомлял брата: «Вчерашний день перед больницами все было спокойно. Государь приехал в город, был на Сенной, народ ему обрадовался, он их побранил за беспорядки, велел им тут же молиться и просить у бога прощения; отслужили молебен, и все разошлись. Там и перед другими больницами поставлены пикеты, так что можно быть покойну, что более не будет беспорядков. Разбитые больницы восстанавливаются. Государь. откушав в Елагином дворце, вчера же возвратился на пароходе в Петергоф» («Русск. Арх.» 1903 г., кн. III, стр. 562). Однако дело было совсем не так просто и не так благополучно, как это старался представить К. Я. Булагаков. Существует много рассказов и показаний об этом ужасном дне 23 июня,[1] - одном из трех дней, про которые Пушкин впоследствии писал в «Капитанской дочке»: «Не приведи бог видеть русский бунт — бессмысленный и беспощадный». Из официальных свидетельств об этом дне весьма интересны три записки, вышедшие из недр III Отделения (писаны по-французски) и полуофициальное письмо Жуковского к принцессе Луизе Прусской (все три

[1] Между прочим адъютанта петербургского генерал-губернатора Эссена, А. П. Башуцкого, под заглавием: «Первая холера в Петербурге. (Воспоминания очевидца)» — в «Русск. Вестн.» 1866 г., № 7, стр. 225—236 (под псевдонимом Бывалый), и И. В. Селиванова — «Русск. Арх.» 1868 г., № 6, ст. 958—962.

№ 430 записки напечатаны в книге Н. К. Шильдера «Император Николай I», т. II, С.-Пб. 1903, стр. 598—601). Некоторые поправки к рассказу Жуковского И. Р. фон-дер-Ховена, бывшего 23 июня на карауле на Сенной площади, см. в «Русск. Стар.» 1884 г. № 11, стр. 399—400. Рассказ кн. А. С. Меншикова о выступлении Николая I на площади приведен в сочинении Н. К. Шильдера «Император Николай I», т. II, С.-Пб. 1903, стр. 364 — 365; там же, стр. 365—366 — извлечение из письма Николая I гр. Паскевичу от 26 июня о поездке его в Петербург и о выступлении на Сенной. Для полноты картины событий этих дней, слухи о которых доходили до Пушкина и не могли не вызывать к себе его внимания, приведем еще рассказ А. Х. Бенкендорфа о происшествиях 22 и 23 июня; сам он в эти дни был болен, но в руках его сходилось столько сведений, что повествование его нельзя не признать очень точным, хотя и сжатым. «Холера в Петербурге, возрастая до ужасающих размеров, напугала все классы населения, в особенности простонародие, которое все меры для охранения его здоровья, усиленный полицейский надзор, оцепление города и даже уход за пораженными холерою в больницах, начинало считать преднамеренным отравлением. Стали собираться в скопища, останавливать на улицах иностранцев, обыскивать их для открытия носимого при себе мнимого яда, гласно обвинять врачей в отравлении народа. Напоследок, возбудив сама себя этими толками и подозрениями, чернь столпилась на Сенной площади и, посреди многих других бесчинств, бросилась с яростию рассвирепевшего зверя на дом, в котором была устроена временная больница. Все этажи в одну минуту наполнились этими бешеными, которые разбили окна, выбросили мебель на улицу, изранили и выкинули больных, приколотили до полусмерти больничную прислугу и самым бесчеловечным образом умертвили несколько врачей. Полицейские чины, со всех сторон теснимые, попрятались или ходили между толпами переодетыми, не смея употребить своей власти. Наконец военный генерал-губернатор граф Эссен, показавшийся среди сборища, равномерно не успел восстановить порядка и также должен был укрыться от исступленной толпы. В недоумении, что предпринять, городское начальство собралось у графа Эссена, куда прибыл и командовавший в Петербурге гвардейскими войсками граф Васильчиков. После предварительного совещания последний привел на Сенную батальон Семеновского полка, с барабанным боем. Это хотя и заставило народ разойтись с площади в боковые улицы, но нисколько его не усмирило и не заставило образумиться. На ночь волнение несколько стихло, но все еще город был далек от обыкновенного порядка. — Государь, по донесению о всем происшедшем в Петербурге, велев, чтобы к утру все наличные войска были готовы выступить под ружье, а военные власти собрались бы у Елагинского моста, прибыл сам из Петергофа на пароходе «Ижора» в сопровождении кн. Меншикова. Быв поражен видом унылых лиц всех начальников, он, по выслушании подробных их рассказов, приказал прежде всего приготовить себе верховую лошадь, которая не пугалась бы выстрелов, и потом, взяв с собою Меншикова, поехал в коляске на Сенную, где лежали тела падших накануне и которая была покрыта сплошною массою народа, продолжавшего волноваться и шуметь. Государь остановил свою

коляску в середине скопища, встал в ней, окинул взглядом теснившихся около него и громовым голосом закричал: «На колени!» Вся эта многотысячная толпа, сняв шапки, тотчас приникла к земле. Тогда, обратясь к церкви Спаса, он сказал: «Я пришел просить милосердия божия за ваши грехи; молитесь ему о прощении; вы его жестоко оскорбили. Русские-ли вы? Вы подражаете французам и полякам; вы забыли ваш долг покорности мне; я сумею привести вас к порядку и наказать виновных. За ваше поведение в ответе перед богом — я. Отворить церковь! Молитесь в ней за упокой души невинно убитых вами». Эти мощные слова, произнесенные так громко и внятно, что их можно было расслышать с одного конца площади до другого, произвели волшебное действие. Вся эта сплошная масса, за миг перед тем столь буйная, вдруг умолкла, опустила глаза перед грозным повелителем и в слезах стала креститься. Государь также перекрестившись, прибавил: «Приказываю вам сейчас разойтись, итти по домам и слушаться всего, что я велел делать для собственного вашего блага». — Толпа благоговейно поклонилась своему царю и поспешила повиноваться его воле. Порядок был восстановлен, и все благословляли твердость и мужественную радетельность государя. В тот же день он объехал все части города и все войска, которые, из предосторожности от холеры, были выведены из казарм и стояли в палатках по разным площадям... Но холера не уменьшалась; весь город был в страхе, несмотря на значительное число вновь устроенных больниц, их становилось мало, священники едва успевали отпевать трупы, — умирало до 600 человек в день. Эпидемия похитила у государства и у службы много людей отличных.[1] Инженер-генерал Опперман умер в несколько часов, в твердой уверенности, что его отравили стаканом воды, — до того симптомы болезни походили на действие яда... На каждом шагу встречались траурные одежды и слышались рыдания. Духота в воздухе стояла нестерпимая. Небо было накалено как бы на далеком юге, и ни одно облачко не застилало его синевы, трава поблекла от страшной засухи — везде горели леса и трескалась земля. Двор переехал из Петергофа в Царское Село, куда переведены были и кадетские корпуса. Но за исключением Царского Села холера распространилась и по всем окрестностям столицы. Народ страдал от препон, которые полагались торговле и промышленности...» («Русск. Стар.» 1896 г., № 10, стр. 87—90). Показания и рассказы других современников о событиях июньских дней и приезде Николая I на Сенную площадь сходятся с приведенными данными официальных записок и воспоминаний Бенкендорфа. № 430

— Цесаревич, великий князь Константин Павлович, умер от холеры в Витебске 15 июня 1831 г., на 52-м году жизни. «После сражения под Прагою, — пишет А. Х. Бенкендорф в своих «Записках», — Константин Павлович стал дуться на Дибича и, в одном из припадков своего неудовольствия, оставил армию и уехал в Белосток, который, впрочем, должен был вскоре также оставить, по случаю вторжения Хлопицкого. Тогда он с супругою своею сперва укрылся в Минске, а потом, при

[1] 4 июля умер гр. А. Ф. Ланжерон, одесский знакомый Пушкина (см. выше, т. II, стр. 435—436).

№ 430 дальнейшем распространении мятежа, переехал, в сопровождении каких-нибудь двадцати жандармов и части государева черкасского конвоя, в Витебск. Здесь, в раздумье о том, что̀ ему делать, не решаясь отправиться по зову брата в Петербург, чувствуя всю неловкость своего положения, он чувствовал себя самым несчастным человеком. Быв в продолжение нескольких часов русским императором, он не видел теперь, во всем обширном Русском царстве, ни одного угла, где бы мог преклонить голову. Душевное уныние сообщило его телу восприимчивость к холере. Прострадав лишь несколько часов, он скончался...» («Русск. Стар.» 1896 г., № 10, стр. 86—87). «Тело цесаревича ожидают сюда 13 [августа]. Оно простоит в крепости до 17-го и в тот день будет предано там земле» — писал из Петербурга К. Я. Булгаков брату в Москву («Русск. Арх.» 1903 г., кн. III, стр. 570); однако церемония перевезения тела из заставы в крепость состоялась 14 августа (там же, стр. 571), погребение же, в соборе в Петропавловской крепости, — 17 августа («Петербургский Некрополь» т. I, стр. 4; «Русск. Арх.» 1906 г., кн. I, стр. 152; «Русск. Стар.» 1899 г., № 12, стр. 529 — «Дневник» П. Г. Дивова). Как отнеслось русское общество к смерти Константина, можно видеть из следующих слов А. Я. Булгакова брату, написанных 23 июня под свежим впечатлением известия о ней: «Как обдумаешь хорошенько, то, право, чуть не должно ли радоваться скорее смерти, о коей ты мне пишешь, чем скорбеть о ней. Положение покойника в отношении к русским и полякам было ужасно; все ему упрекали. Союз его не мог быть приятен Отечеству. Провидение знает, что̀ делает. Он имел и хорошие качества, но всё я полагаю счастием для России, что он не царствовал. Здесь никто еще не подозревает весть такую, а на ухо говорят, что у него умственное повреждение и что живет скрытый в Стрельне» («Русск. Арх.» 1902 г., кн. I, стр. 68; ср. в его же письме к дочери, кн. О. А. Долгоруковой — там же, 1906 г., кн. I, стр. 140; «Русск. Арх.», 1884, кн. I, стр. 309).

— Фельдмаршал граф Иван Иванович Дибич-Забалканский, умерший 29 мая (см. выше, стр. 281—282), был привезен в Петербург и погребен 12 сентября на Волковом лютеранском кладбище («Петербургский Некрополь», т. II, стр. 47); П. Г. Дивов в «Дневнике» своем отметил по этому случаю: «Все были приглашены на похороны» («Русск. Стар.» 1899 г., № 12, стр. 531).

— Гр. Паскевич, отправившись к армии, на замену Дибича, в 3 часа утра 6 июня из Петергофа, на пароходе «Ижора», в Мемель, прибыл в этот город 9 июня, а затем направился на Тильзит и приехал в главную квартиру армии в ночь с 13 на 14 июня. Из Пултуска он 17 июня писал Николаю I: «Я решил действовать по плану, апробированному вашим величеством»; план же царя заключался в том, чтобы совершить переправу войск на нижней Висле и затем итти к Варшаве (Н. К. Шильдер, «Император Николай I», т. II, С.-Пб. 1903, стр. 356).

— Догановский — московский карточный игрок Василий Семенович Огонь-Догановский: о нем и черновик письма к нему Пушкина, второй половины 1830 г., о карточном ему долге, см. выше, в т. II, стр. 93 и 440—441.

— Поездку в Москву Пушкин осуществил в начале декабря 1831 г., *№ 430* см. ниже, письмо № 477.

— Письмо Вяземского — от 17 июня; см. его выше, стр. 289—290, в примечаниях к письму № 426.

— О тысяче Горчаковской см. выше, стр. 21, и в примечаниях, стр. 268.

— О карантинах в Царском Селе см. выше, стр. 299, в примечаниях к письму № 429.

— О. А. — цыганка Ольга Андреевна, сожительница Нащокина; о ней см. выше, стр. 21, и в примечаниях, стр. 268—269.

— Об «образе», то есть о портрете, Нащокин просил Пушкина в Москве и в письмах от конца мая, 9 июня и 20 июня (см. выше, стр. 270, 278 и 283 в примечаниях к письмам № 419, 423 и 425), во второй половине января 1832 и 10 января 1833 г. (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 365, и т. III, стр. 1).

— Брюлов — известный уже тогда архитектор и портретист Александр Павлович Брюллов (род. 29 ноября 1798, ум. 9 января 1877), старший брат знаменитого художника Карла Брюллова (последний знал Пушкина еще до 1820 г., так как «по памяти» нарисовал его детский портрет, приложенный, в гравюре Е. Гейтмана, к изданию «Кавказского Пленника» 1822 г.; ср., однако, в статье Н. О. Лернера: «Лже-Брюлловский портрет Пушкина» — «Старые годы», 1914 г., акварель [из новейших изысканий об этом портрете см. статью М. Д. Беляева: «Новые портреты Пушкина» — «Красная Панорама», 31 мая 1929 г., № 22, стр. 6—7, а также в «Литературном Наследстве», № 16—18, стр. 961—963. — *Ред.*], а затем, уехав за границу, вернулся в Петербург лишь в 1835 г.). Отправившись осенью 1822 г., по окончании курса в Академии Художеств, за границу на средства Общества Поощрения Художников, А. П. Брюллов провел там (в Италии, Франции и Англии), семь лет. В 1829 г. он вернулся в Петербург и за поднесение Николаю I экземпляра своего труда о «Помпейских термах» (изд. в Париже, 1829 г.) получил звание «архитектора его императорского величества» и академика 1-й степени Академии Художеств по архитектуре. На выставке в Академии в 1830 г. был выставлен, между прочим, исполненный им акварельный портрет кн. Лопухина, вызывавший всеобщий восторг знатоков искусства (ранее, еще в бытность за границей, Брюллов сделался известен портретом Вальтер-Скотта, с пледом на плече, исполненным им в 1827 г. на вечере у кн. Голицыной и затем им же отлитографированным, а также портретами членов неаполитанской королевской семьи); в 1830 г. ему было поручено построить Михайловский театр, который был открыт 8 ноября 1833 г. и вызвал общие восторги (см. «Дневник» Пушкина, под ред. Б. Л. Модзалевского, Пгр., 1923, стр. 53), в 1831 г. он написал акварельный портрет Николая I, окруженного кадетами разных кадетских корпусов, и занимался исполнением архитектурных заказов, например, готической церкви в Парголове, в усадьбе гр. В. И. Полье (см. о ней выше, т. II, стр. 450—451), дома гр. Ю. П. Самойловой в Славянске (за Царским Селом) и др., и с февраля этого, 1831 г., был профессором 2-й степени по классу архитектуры в Академии Художеств. Он быстро прославился как талантливый архитектор, автор множества капитальных построек в Петербурге (лютеранская церковь Петра и Павла, Генеральный

№ 430 Штаб и Экзерциргауз на Дворцовой площади и мн. др.) и в его окрестностях (Пулковская Обсерватория). Полного списка работ его не имеется; они находятся в Русском Музее, Третьяковской Галлерее и почти во всех других собраниях; многие воспроизведены в разных изданиях, — например, в Каталоге выставки русских портретов «Синего Креста» (С.-Пб., 1902), в «Русских портретах XVIII—XIX ст.» вел. кн. Николая Михайловича (между прочим знакомых Пушкина — А. А. Перовского-Погорельского, Н. А. Дуровой, С. И. Тургенева), в Каталоге Русского Музея, бар. Н. Н. Врангеля (т. I), и мн. др. В Музее Пушкинского Дома находится знаменитый портрет Н. Н. Пушкиной работы А. П. Брюллова (в розовом платье, с бриллиантовым колье в волосах и на лбу);[1] он же, между прочим, исполнил фронтиспис для заглавного листа сборника в честь А. Ф. Смирдина «Новоселье» (С.-Пб. 1833), где изобразил, среди других литераторов, и Пушкина, а также нарисовал одну иллюстрацию к «Каменному Гостю» Пушкина, приложенную в гравюре к I тому сборника «Сто русских литераторов» (С.-Пб. 1839). В конце января 1832 г. Пушкин писал Нащокину: «Портрет мой Брюлов напишет на-днях» (см. выше, в письме № 491), но проект этот остался неосуществленным. Нащокин мог знать А. П. Брюллова еще в пору своей жизни и службы в Петербурге, где Нащокин служил в Измайловском полку (до 1824 г.) и откуда Брюллов уехал в 1822 г. А. П. Брюллов в 1830-х г.г. женился на бар. Александре Александровне Ралль (род. 16 марта 1810 — ум. 14 марта 1885), дочери известного петербургского придворного (1804) банкира, барона Александра Александровича Ралля (ум. 22 апреля 1832), у которого от брака с дочерью сахарозаводчика Елизаветою Николаевною Мольво (ум. 8 октября 1843) был сын Федор (ум. 4 июля 1848), в свое время известный музыкант, композитор и капельмейстер императорских театров, и пять дочерей, из коих София была за известным генерал-квартирмейстером и почетным членом Академии Наук Федором Федоровичем Шубертом, а Аделаида — за не менее известным профессором-ориенталистом, писателем и издателем «Библиотеки для Чтения», Осипом Ивановичем Сенковским («Русск. Арх.», 1872 г. кн. II, стр. 1931) «Русск. Стар.», 1893 г., № 11, стр. 301 и сл.).

— Шнейдер — Федор Данилович известный московский врач, штаб-лекарь, значащийся еще в «Российском медицинском списке на 1866 г.» (С.-Пб. 1866, стр. 261). Он был питомцем Московского (?) университета и к 1828 г. был уже довольно известным врачом-практиком в Москве (см. о нем «Русск. Арх.», 1904 г. кн. III, стр. 34—35, 43). Из письма Нащокина к Пушкину от 20 июня (см. выше, стр. 283) видно, что Нащокин очень верил искуству Шнейдера, у которого он тогда лечился, и что он просил Пушкина узнать в канцелярии гр. А. А. Закревского или у него самого, не будет ли Шнейдеру за участие в двух экспедициях какой-либо награды, к которой он был представлен уже несколько раз; Пушкин отвечал, что, сидя в Царском Селе за карантинами, он никого не видит и не у кого ему осведомиться об этом представлении Шнейдера к награде. В 1832 и 1833 гг. Пушкин дважды упоминает в письмах

[1] О нем см. ниже, в примечаниях к письму 8 декабря 1831 г., № 478, стр. 447.

к Нащокину (№ 515 и 519) о своем долге Шнейдеру в тысячу рублей. № 430
В конце 30-х годов Ф. Д. Шнейдер женился на дочери состоятельного помещика Курмышского уезда Симбирской губ. — Варваре Сергеевне Пазухиной (род. 1805 — ум. 1842), родной племянник которой, Алексей Дмитриевич Пазухин, впоследствии женился на Марии Осиповне Пеньковской (по первому браку Марковой-Стружской), дочери О. М. Пеньковского, бывшего в 30-х годах управляющим в пушкинском Болдине (ср. А. А. Пазухин, «Родословная Пазухиных и родословные материалы Пазухинского архива», С.-Пб. 1914, стр. 19, 23).

— Андр. Петр. — Андрей Петрович Есаулов, собственно Петров, побочный сын Есаулова (сб. «Девятнадцатый Век», кн. I, М. 1872, стр. 389), музыкант, пользовавшийся покровительством Нащокина. Об Есаулове и романсе его Нащокин писал Пушкину в письме 20 июня и передавал поклон Есаулова Пушкину (см. выше, стр. 284). В письме к Нащокину от 3 августа 1831 г. (см. ниже, № 447) Пушкин опять спрашивал своего друга: «Чтож не присылаешь ты Есауловского романса, исправленного во втором издании. Мы бы его в моду пустили между фрейлинами», а в письме от 2 декабря 1832 г. (№ 515) осведомлялся у Нащокина об опере Вельтмана, то есть, по объяснению П. В. Анненкова (со слов Нащокина?), о либретто оперы Вельтмана «Летняя ночь», содержание которой было заимствовано, вероятно, из известной пьесы Шекспира («Материалы», изд. 1873 г. стр. 363): либретто предназначалось для оперы, которую сочинял Есаулов. «Из этой неоконченной оперы, — говорит Бартенев, — оставался памятен гимн сов» (сб. «Девятнадцатый век», кн. I, стр. 395); по поводу сообщения Анненкова см. замечания С. К. Булича в сб. «Памяти Пушкина», С.-Петербургского Университета, С.-Пб. 1900, стр. 54—60. — В любопытных Воспоминаниях о Нащокине Н. И. Куликов рассказывает о своей поездке с Нащокиным и Есауловым в конце июня 1833 г. из Москвы в Петербург: «В 1833 году Нащокин приютил у себя замечательного музыканта, бывшего полкового учителя и капельмейстера Андрея Петровича Эссаулова, капризного и неуживчивого артиста. Он, ссорясь с начальством, переходил из полка в полк, наконец без места и без средств к жизни, явился в Москву, как-то познакомился с Павлом В иновичем и, разумеется, воспользовался от него квартирой и столом. Мало того: видя задумчивый, меланхоличный нрав артиста, Нащокин устроил для него квартетные вечера; нарочно поехал с визитами к В. И. Живокини и П. М. Щепкину (см. выше, т. II, стр. 484) и пригласил их на квартеты; они играли первую и вторую скрипку, Эссаулов альта, а я виолончель». Когда Нащокин в конце июня 1833 г. собрался в Петербург на крестины сына Пушкина — Александра Александровича, р ждение которого тогда ожидалось, — он взял с собою Куликова и Есаулова с тем чтобы определить его в придворный оркестр. Приехав в Петербург, они все втроем остановились в трактире Демута, куда к ним на другой же день их приезда, 29 июня, пришел с дачи на Черной речке Пушкин. В июле же Нащокину удалось определить Есаулова, через своего приятеля А. М. Гедеонова (директора театров) на службу в оркестр императорских театров («Русск. Стар.» 1881 г., № 8, стр. 602—603, 604—606). В начале марта 1834 г. Пушкин из Петербурга писал Нащокину об Есаулове: «Андрей Петровичь в ужасном положении. Он

№ 430 умирал с голоду и сходил с ума. Соболевский и я помогали ему деньгами скупо, увещаниями щедро. Теперь думаю отправить его в полк капельмейстером. Он художник в душе и в привычках, то есть беспечен, нерешителен, ленив, горд и легкомыслен; предпочитает всему независимость. Но ведь и нищий независимее поденщика. Я ему ставлю в пример Немецких Гениев, преодолевших столько горя, дабы добиться славы и куска хлеба. Сколько ты должен ему? Хочешь, я за тебя и ему заплачу?» и далее, упомянув о запутанных обстоятельствах своего брата Льва, прибавлял, что он «в своем роде такой же художник, как и Андрей Петровичь, с той разницей что за собою никакого художества не знает» (см. Акад. изд. Переписки, т. III, стр. 84). Нащокин отвечал Пушкину вопросом: «Что делает Эсаулов?» — и прибавлял: «Я об нем крепко думаю» (там же, стр. 91). Анненков высказывает предположение, что Пушкин, принимая живейшее участие в Есаулове и желая вывести в люди неизвестного композитора, именно для него начал свою «Русалку», и прибавляет, что «романическая жизнь А. П. Есаулова заслуживала бы описания» и что «замечательным способностям его отдают справедливость все знавшие его коротко» («Материалы», изд. 1873 г., стр. 363, примеч.; ср. в статье Л. А. Сакетти: «Отношение Пушкина к музыке» в «Сборнике статей в честь Д. Ф. Кобеко», С.-Пб. 1913, стр. 40—41). С. К. Буличу, заинтересовавшемуся личностью Есаулова, удалось получить воспоминания о нем одного из учеников. По этим воспоминаниям Есаулов в 30-х годах жил в г. Ряжске, Рязанской губ., а потом и в самой Рязани, где давал уроки музыки (фортепиано). «Все знали его под фамилией Есаулова, хотя в виде на жительство он носил фамилию Петрова, что было известно только полиции. По словам автора воспоминаний, видно было, что отец Есаулова был человек «знатный и богатый», сам же Есаулов был прекрасно образован в светском смысле, с благородными наклонностями, неподкупной честности и неспособен ни на какой низкий поступок, но, к несчастию, вел не всегда трезвую жизнь. Образ жизни Есаулова был странен: в большом зале его квартиры вся мебель состояла из стола и двух стульев, прислуги он не держал никакой, сам рубил дрова, мыл белье и готовил обед. Обычным одеянием его служил модный тогда плащ без рукавов из непромокаемой материи, под которым он незаметно носил футляр со скрипкой. Нрава был молчаливого и серьезного: к просьбам сыграть что-нибудь на скрипке, которою владел превосходно («как Русский Паганини», по словам автора воспоминаний), был непреклонен, а иногда без всяких просьб, находясь в обществе, брал скрипку и играл. Соседи Есаулова по квартире передавали, что на него иногда «находило», и тогда он был способен играть всю ночь напролет, не зажигая огня. Скрипка «пела» и «говорила как человек» в его руках. Нередко Есаулов импровизировал фантазии или вариации на русские песни: «поиграет какую-нибудь русскую песню один раз, а потом из этой песни, шут его знает, что начнет играть: песня — не песня, какая-то тралала», как выражался один немузыкальный сослуживец автора воспоминаний, живший в одном доме с Есауловым. В 40-х годах Есаулов всенародно засвидетельствовал свои музыкальные знания и талант, организовав в Рязани концерт с архиерейскими певчими и отличным оркестром Д. Д. Нарышкина, от управления которым отказался

о. М. А. Виноградов, хотя устройство этого концерта (в пользу приюта для № 430
бедных девиц духовного звания) было поручено именно ему рязанским архиепископом Гавриилом. Концерт под управлением Есаулова, на которого М. А. Виноградов смотрел всегда «как на светило», сошел на славу и в художественном и в материальном смыслах: желающим нехватило мест, и приют получил отличный сбор в свою пользу. Кончил жизнь свою Есаулов трагически в 50-х годах, утонув в р. Трубеже в Рязани. Хорошо и крепко сложенный, широкоплечий, Есаулов был отличным пловцом и прекрасно нырял на большое расстояние, что̀ подало повод к басне, будто он был разжалованным морским офицером. Придя однажды летом купаться на Трубеж, Есаулов, повидимому, не вполне трезвый, несколько раз, одетый, переходил реку вброд, но вдруг пропал под водой, крикнув, что тонет. Купавшиеся тут же певчие приняли это за одну из обычных его шалостей и только после нескольких минут напрасного ожидания догадались, что несчастный не шутил, бросились спасать, дали знать полиции, но все поиски неводом и баграми оказались тщетными. Тело Есаулова осталось ненайденным, хотя Трубеж в это время года узок и не глубок» («Памяти Пушкина. Сборник статей... С.-Петербургского университета», С.-Пб. 1900, стр. 53—54). Анненкову был известен только один романс Есаулова на слова Пушкина — «Расставание» («В последний раз твой образ милый...»), «свидетельствующий о глубине чувства, даровании автора и его познаниях в гармонии»,[1] причем он высказывает предположение, что именно об этом романсе Пушкин и спрашивал дважды Нащокина; к этому следует присоединить еще указание на музыку Есаулова к «Гишпанской песне» Пушкина («Ночной зефир...») (Москва, без года); она опубликована была в журнале «Эолова Арфа», изд. А. Е. Варламовым в Москве в 1834 г. (№ 4 и 5),[2] где помещен и вальс его сочинения; кроме того ему принадлежат романсы: «Утешение» на слова Жуковского («Светит месяц на кладбище»), посвященный кн. Николаю Романовичу Ухтомскому (М., около 1930 г.) и «Певец Услад», слова П. А. Катенина (М., ценз. дозв. 7 февр. 1830 г.); «Она поет, она играет» (М., ценз. дозв. 13 июня 1832 г.). Однако Есаулов более известен как духовный композитор; ему принадлежат два хора «Свете тихий» (издано в Москве), «Ныне отпущаеши» (рукопись), «Хвалите имя господне» (издано в Москве), восьмигласная «Херувимская», концерт «Не введи мя» и др., хотя они вычурны по модуляциям и гармониям, не всегда безупречны в техническом отношении и театрально-сентиментальны по настроению, — однако до начала XX в. были еще в ходу не только в провинциальных церковных хорах, но и в столичных. Не соглашаясь с высокою оценкою дарования Есаулова, сделанною П. В. Анненковым, С. К. Булич считает, что оно было, повидимому, «среднего размера и не может считаться выдающимся даже сравнительно с такими современными ему композиторами, как Алябьев, безусловно превышавший его мелодическим талантом, и Варламов. Техника Есаулова, хотя и довольно разнообразна по тогдашнему времени, когда и Алябьев считался выдающимся гармонистом, не всегда

[1] По словам Н. Ф. Финдейзена, он не сохранился («Музыкальный словарь» Г. Римана, М. 1901, вып. VII, стр. 506).

[2] См. «Северн. Пчела» 1834 г. № 176, сер. 701.

430—431 безупречна и ничего выдающегося не представляет, хотя и стоит выше, чем, например, у Титова и других современных дилетантов» (назв. соч., стр. 59—60).

— О. А. — сожительница Нащокина, цыганка Ольга Андреевна; Тат. Дм. — по всей вероятности, цыганка Татьяна Демьяновна (см. выше, стр. 136—141); Матрена Сергеевна — очевидно также цыганка того же табора («компании»), что и прочие, названные Пушкиным: все они бывали у Нащокина, водившего с ними дружбу.

— Ответа Нащокина на это письмо, повидимому, не было.

431. *Н. И. Гончаровой.* 26 июня 1831 г. (стр. 28—29). Впервые напечатано И. С. Тургеневым в «Вестн. Европы» 1878 г., № 1, стр. 21—22, в переводе с французского подлинника, принадлежавшего тогда дочери Пушкина — гр. Н. А. Меренберг, [а ныне находящегося в Париже (см. «Временник Общества друзей русской книги», т. III, Париж, статья Як. Полонского «Неизданные автографы писем Пушкина в Париже». — *Ред.*], нам остался недоступен; слова: «vil usurier», фраза от: «Vous êtes une sotte» и т. д. до: «un homme de 32» и дата взяты из копий, сделанных П. В. Анненковым (в ИРЛИ (Пушкинском Доме) Академии Наук СССР, инв. № 5752.)

— Письмо тёщи Пушкина к Н. Н. Пушкиной, послужившее поводом к написанию этого резкого ответа поэта, нам неизвестно; но причина ссоры более или менее ясна из этого ответа. [Он, вероятно, не дошел до Гончаровой, так как Н. Н. Пушкина успела его удержать (см. Б. Л. Модзалевский, «Пушкин», Л. 1929, стр. 364) — *Ред.*].

— О «дедушке» Афанасии Николаевиче Гончарове и о сватовстве Александра Юрьевича Поливанова см. выше, стр. 240, 253—254 и 267—268.

— Жалобы Пушкина на московскую обстановку его жизни см. выше, в письмах к Плетневу, №№ 398, 406, 412, 414.

— Перевод французских фраз: «с вашей стороны глупо позволять мужу и т. д. Сознайтесь, что это значило проповедывать развод. Жена не может, сохраняя приличие, выслушивать, что ее муж — презренный человек, и обязанность моей жены подчиняться тому, что я себе позволяю. Не женщине в 18 лет управлять мужчиною 32 лет».

— О финансовых расчетах Пушкина ко времени свадьбы см. выше, в письмах № 406 и 412, и в примечаниях, стр. 205. По поводу этого места письма в указанных копиях Анненкова записано, — может быть, со слов Нащокина, — следующее: «Дело в том, что он на приданое жены дал ее семейству своих 11 000 и вместо благодарности получил название ростовщика за то, что, раздосадованный их оскорблениями, предъявил на них свои права. В Москве он продал брильянты жены, чтобы расплатиться с Жемчужниковым и устроить денежное дело между Нащокиным и Догановским» (Пушкинский Дом, № 5752).

— Ответ тещи на это письмо поэта нам неизвестен. Впоследствии отношения их улучшились, и кн. Е. А. Долгорукова рассказывала П. И. Бартеневу, что Наталья Ивановна «полюбила Пушкина, слушалась его. Он с нею обращался как с ребенком. Может быть, она сознательнее и крепче любила его, чем сама жена. Но раз у них был крупный разговор, и Пушкин чуть не выгнал ее из дому. Она вздумала чересчур заботиться о спа-

сении души своей дочери. У Пушкиных она никогда не жила. В последнее время она поселилась у себя в Ярópольце и стала очень несносна...» («Рассказы о Пушкине», под ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 64).

432. *П. А. Осиповой.* 29 июня [1831 г.] (стр. 29—30). Впервые напечатано в «С.-Петербургских Ведомостях» 1866 г., № 168, в статье М. И. Семевского: «Прогулка в Тригорское» (перевод) [см. А. Н. Вульф, «Дневники», под ред. П. Е. Щеголева, М. 1929, стр. 107 — 108. — *Ред.*], затем — в «Русск. Арх.» 1867 г., ст. 138—140 (на франц. яз. и в переводе), в «Русск. Стар.» 1880 г., т. XXVIII, № 5, стр. 71—72, и в изд. Сочинений под ред. П. А. Ефремова, т. VII, 1882, стр. 222—224 (текст и перевод); подлинник был у дочери П. А. Осиповой — Евф. Борисовны Зубовой (ум. в Пскове 19 сентября 1917), ныне в ИРЛИ (Пушкинском Доме) Академии Наук СССР; он — на листе почтовой бумаги большого формата, с водяными знаками: А. Г. 1829 и проколот в карантине при окуривании. Год, поставленный Пушкиным — 1830 — явная описка, что было отмечено уже Семевским (ср. «Русск. Арх.» 1910 г., кн. III, стр. 526, в заметке Н. О. Лернера: «Описки Пушкина»).

Перевод: «Я откладывал намерение свое писать к вам, ожидая с минуты на минуту вашего к нам приезда; но обстоятельства не дозволяют мне более на это надеяться. И так, милостивая государыня, письменно поздравляю вас и желаю Евпраксии всего того счастия, какое только возможно на земле и которого так достойно существо столь благородное и кроткое. — Времена чрезвычайно печальные. Эпидемия сильно опустошает Петербург. Народ возмущался несколько раз. Распространились нелепые слухи: утверждали будто доктора отравляют жителей. Чернь в ярости умертвила двух из них. Государь явился среди бунтовщиков. Мне пишут: «Государь говорил с народом — чернь слушала на коленях — тишина — один царский голос, как звон святой, раздавался на площади». За мужественною храбростью и уменьем говорить у него дело не станет; на этот раз мятеж был усмирен; но после того беспорядки возобновились. Быть может придется прибегнуть к картечи. Мы ожидаем двор в Царское Село, которое до сих пор еще не охвачено заразою; но я думаю, что это не замедлит случиться. Да сохранит господь Тригорское от семи казней египетских. Живите счастливо и спокойно и да придет время, когда я опять буду жить в вашем соседстве! И к слову сказать, если бы я не боялся быть нескромным, то попросил бы вас, как добрую соседку и дорогого друга, уведомить меня, не мог-ли бы я приобрести Савкино и на каких условиях. Я бы выстроил себе там хижину, поместил бы в ней свои книги и приезжал бы проводить несколько месяцев в году вблизи моих добрых и старых друзей. Что вы скажете, сударыня, о моих воздушных замках или о моей хижинке в Савкине. Меня восхищает эта мысль и я постоянно к ней возвращаюсь. Примите, уверение в глубоком моем уважении и совершенной преданности. Мой привет всему вашему семейству; примите также приветствие моей жены, в ожидании, когда я буду иметь удовольствие вам ее представить».

— Приезд П. А. Осиповой в Петербург не мог состояться из-за появления в Опочецком уезде холеры, пришедшей туда из Западного края, где она свирепствовала.

№ 452 — Пушкин поздравляет П. А. Осипову с замужеством ее старшей дочери Евпраксии Николаевны Вульф (род. 12 октября 1809 — ум. 22 марта 1883), некогда Зины, Зизи, воспетой Пушкиным (см. о ней выше, т. I, стр. 363—364, т. II, стр. 273—275 и др., по указателю); она вышла замуж 8 июля 1831 г. за барона Бориса Александровича Вревского (род. 29 ноября 1805 — ум. 17 декабря 1888). Еще 20 января 1831 г. брат ее, А. Н. Вульф, писал сестре Анне: «С нетерпением жду известий об дальнейших успехах и победах Евпраксеи и желаю, чтоб они были столь же важны, как и сам барон, — дай бог ему смелости. А пуще всего направь его стопы на путь истинный, а не на тот, по которому идет большая часть нашей братии. От того-ли, что я по себе самому сужу, но на молодежь я мало надеюсь, впрочем...» (Б. Л. Модзалевский, «Поездка в Тригорское», «Пушкин и его соврем.», вып. I, стр. 93). Очевидно, Вульф, судя по себе, боялся, чтобы ухаживания молодого Вревского не ограничились одним бесплодным флиртом, и в «Дневнике» своем отметил под 29 января, что, получив от сестры Анны сообщение, будто «Евпраксея сделала завоевание б. Вревского, из которого, она говорит, что могут быть важные следствия», — прибавлял: «я однако этому не верю, — не слишком ли далеко они увлекаются своими браколюбивыми мечтами», а затем снова записал, уже под 10 мая: «Сестры пишут про редкие правила барона Бориса Сердобина,[1] то есть что будто бы он имеет намерение предложить свою руку Евпраксии; для меня чрезвычайно трудно этому поверить, впрочем, невозможного тут нет» («Пушкин и его соврем.», вып. XXI—XXII, стр. 157—158, 163); [А. Н. Вульф, «Дневники», под ред. П. Е. Щеголева, М. 1929, стр. 304—305, 310. — *Ред.*]; и действительно, 28 апреля состоялась помолвка Зины и барона Вревского (как отметила П. А. Осипова в своем календаре — «Пушкин и его соврем.», вып. I, стр. 142), а 8 июля состоялась и свадьба (там же). Получив известие о помолвке, А. Н. Вульф писал о своем Дневнике: «3 июля я получил из Тригорского письма с известием, что сестра Евпраксея помолвлена за барона Бориса Алекс. Вревского, всеми хвалимого, молодого челевека лет 25, с хорошим состоянием и ближнего нашего соседа, — одним словом, партия, какой нельзя было лучше для нее желать, ибо, еслиб он был богаче, то это неравенство не было бы для нее столь выгодно. Свадьба назначена в половине июля; одна холера, появившаяся в тех краях, затрудняла приготовления к оной» («Пушкин и его соврем.», вып. XXI—XXII, стр. 170—171). [Ср. А. Н. Вульф, «Дневники», под ред. П. Е. Щеголева, М. 1929, стр. 318. — *Ред.*] После свадьбы молодые поселились в имении Вревского — сельце Голубове, близ погоста Врева, Островского уезда, Псковской губ., в 18 верстах от Тригорского. Пушкин впоследствии познакомился с Вревским и бывал в Голубове; побывав там в сентябре 1835 г., он писал жене 21 сентября: «Вревская очень добрая и милая бабенка, но толста, как Мефодий, как псковский архиерей. И незаметно, что она уж не брюхата: все та же, как когда ты ее видела» (ср. «Пушкин и его соврем.», вып. XXI—XXII, стр. 388—389).

[1] Жених Е. Н. Вульф был побочным сыном известного вельможи кн. Александра Борисовича Куракина, часть внебрачных детей которого носила фамилии баронов Вревских, а часть — баронов Сердобиных.

В этот приезд свой в родные места Пушкин «много времени проводил в Голубове, принимая участие даже в хозяйственных хлопотах (по семейным преданиям, голубовский сад разбивался под его руководством, и он собственными руками посадил в нем много деревьев) и настолько подружился с «бабенкой» бар. Вревской, что еще за два дня до дуэли рассказал ей свое положение, заставившее его искать случая в поединке с Дантесом» (М. Л. Гофман, «Из Пушкинских мест», «Пушкин и его соврем.», вып. XIX—XX, стр. 104—105; ср. там же, вып. XXI—XXII, стр. 226—227; Пушкин был в Голубове 9 мая, в октябре 1835 г. и в апреле 1836 г. — там же, стр. 390 и 392 и 395). Что касается самого барона Б. А. Вревского, то он воспитывался, с 25 августа 1817 г., в С.-Петербургском Университетском Благородном Пансионе, где, как известно, некоторое время учился и брат поэта — Лев Пушкин; выпущенный из Пансиона, по окончании курса, в июле 1822 г. с чином 12-го класса (одновременно с М. И. Глинкой — «Русск. Стар.» 1874 г., № 4, стр. 724), недолго служил в л.-гв. Измайловском полку (унтер-офицером с 17 апреля 1823 т., подпрапорщиком с 26 июня 1823, прапорщиком с 6 января 1826, батальонным адъютантом с 16 августа 1826 и подпоручиком с 6 декабря 1826), из которого вышел в отставку 7 ноября 1827 г. «для определения к статским делам», но потом нигде и никогда не служил, лет пятьдесят прожив почти безвыездно в своем Голубове и занимаясь усердно хозяйством, в котором считался, повидимому, знатоком, да воспитывая своих многочисленных (одиннадцать человек) детей, много читая и собирая библиотеку; последняя погибла при пожаре Голубовского дома вместе со всею обстановкою дома в начале 1918 г., во время отхода частей Красной армии от западных границ ко Пскову и Петербургу, причем спасена была лишь часть архива, вывезенная заблаговременно в Пушкинский Дом Академии Наук, и несколько портретов, переданных Дому тогда же женою внука бар. Б. А. Вревского — бар. Светланою Николаевною Вревскою, которая вместе с мужем, бар. Павлом Александровичем, дала возможность посетившему Голубово М. Л. Гофману использовать некоторые бумаги своего архива в сб. «Пушкин и его соврем.», вып. XIX—XX и XXI—XXII.[1] — Письма Пушкина к бар. Б. А. Вревскому, как и последнего к поэту, до нас не дошли, хотя можно предполагать, что они существовали, ибо Вревский всегда относился к Пушкину с большим вниманием и интересом, что видно, между прочим, и из сохранившихся до нас шести писем Вревского к отцу поэта, С. Л. Пушкину, — из Голубова, от 7 октября и 9 декабря 1836 г., 7 января, 25 февраля, 21 марта и 2 мая 1837 г. («Пушкин и его соврем.», вып. VIII, стр. 43—44, 46—47, 50—51, 53—55, 62—64 и 72—73, в статье Б. Л. Модзалевского: «Из бумаг С. Л. Пушкина»). № 432

— О холере в Петербурге и о холерных беспорядках в разных частях города см. выше, в письме № 430, и в примечаниях к нему, стр. 300—303.

— Любопытный рассказ, иллюстрирующий слова Пушкина о холере и беспорядках, находим в «Воспоминаниях» В. И. Сафоновича: «Лето

[1] Несколько любопытных сообщений о посещении села Врева в 1862 г. можно найти в «Автобиографии» Н. И. Костомарова (см. «Литературное наследие», С.-Пб. 1890, стр. 142).

№ 432 [1831 г.] было необыкновенно душное, солнце едва проглядывало из-за густого тумана или дыма; на улицах происходили волнения; в народе распространилось убеждение, что поляки отравляют колодцы и провизию и что с ними заодно некоторые доктора; толпы мужиков останавливали прохожих, обыскивали их, и если случайно находили в карманах скляночки или коробочки с каким-нибудь снадобьем, которое многие носили из предосторожности для собственного употребления, то подвергали их оскорблениям и побоям. Народ в своем безумии вламывался в холерные больницы, бил докторов и уносил оттуда больных. Я был свидетелем одной подобной сцены. Из больницы на Сенной вытащили одного больного, составили носилки и с торжеством несли его по улице до самой Большой Конюшенной, где и внесли его в один дом. Я провожал эту любопытную процессию до самого места, желая знать, чем это кончится. В этой больнице дежурный доктор был выброшен из окна и погиб на месте. Полиция старалась принять все меры, чтоб унять толпу; караулы были усилены, и отряд войск всегда был готов в случае малейшего волнения. В один день сам государь приехал на Сенную площадь в открытой коляске, остановился и произнес к народу сильную речь: многие стали на колени. Сцена изображена в одной литографированной картине, впрочем, дурной работы. Холеру считали болезнью заразительною; само правительство поддерживало эту мысль и принимало разные карантинные меры; она поражала людей во всех возрастах и не щадила ни здоровых, ни болезненных, ни стариков, ни молодых. Разные рассуждения, описания и предостережения, которые беспрерывно появлялись в тогдашних журналах и газетах, официальных и частных, сильно настраивали воображение читающей публики; но простой народ, который ничего не читает и думает только о своих ежедневных материальных нуждах, встретил холеру совсем иначе, то есть вовсе не со страхом, а с негодованием против поляков, которые будто бы составили заговор, чтобы вредить русским из старинной к ним ненависти. Сколько, с одной стороны, люди более образованные предавались унынию, столько, с другой, простой народ становился более и более дерзким, принимая на себя энергические меры к уничтожению причин болезни, которую он приписывал людям злонамеренным. Одни до такой степени боялись болезни, что совершенно заперлись и прекратили сообщения с обществом; другие, напротив, толпились везде массами, не принимая никаких предосторожностей и беспощадно пожирая огурцы, незрелые ягоды и всякую дрянь, которую вовсе не считали вредною, а, напротив, радовалась, что все это дешево» («Русск. Арх.» 1903 г., кн. 1, стр. 354—355). Каково было настроение в Петербурге в эти дни конца июня, можно судить по «Дневнику» Никитенко, который пишет 27 июня в 7 часов утра: «Тяжел был вчерашний день. Жертвы падали вокруг меня, пораженные невидимым, но ужасным врагом... Теперь болезнь и смерть — синонимы. По крайней мере так думают все. В сердце моем начинает поселяться какое-то равнодушие к жизни. Из нескольких сот тысяч, живущих теперь в Петербурге, всякий стоит на краю гроба, — сотни летят стремглав в бездну, которая зияет, так сказать, под ногами каждого. *28-го.* Болезнь свирепствует с адскою силой. Стоит выйти на улицу, чтобы встретить десятки гробов на пути к кладбищу. Народ от

бунта перешел к безмолвному, глубокому унынию. Кажется, настала минута всеобщего разрушения, — и люди, как приговоренные к смерти, бродят среди гробов, не зная, не пробил ли уже и их последний час. *30-го.* Вчера умерших было 237 человек»[1] («Записки и дневник», т. I, С.-Пб. 1905, стр. 216). № 432

— По словам К. Я. Булгакова, три больницы были совершенно разрушены в дни беспорядков; «в городе вчера было спокойно: видно, подействовали объявления правительства. Толпы эти всё добираются до докторов и, говорят, человек трех избили так, что они умерли. После стали они сами забирать тех, кои, по слухам, кидали порошки в лавочках на разные припасы съестные и питейные, и представлять их на гауптвахты; но дорогою их так колотят, что приводят всех избитыми и привязываются к тем, у коих находят уксус, хлор и тому подобное; этим также доставалось порядочно. Надобно надеяться, что теперь всё это укротится» («Русск. Арх.» 1903 г., кн. III, стр. 562, 563). Насилия над врачами были учинены и во время бунта на Сенной площади 22 июня, когда народ громил Таировскую больницу. Главный доктор ее был колл. сов. Заман, убитый разъяренной толпой, ординатором — иностранный врач Тарони и доктор надв. сов. Молитор («Русск. Стар.» 1878 г., № 7, стр. 484; из них и Тарони и Георгий Молитор значатся еще в «Российском Медицинском Списке» 1848 года). «Ужасное, что рассказывают», — писал А. Я. Булгаков дочери о Петербургских происшествиях: — Уваров пишет своей жене, что Мудров благоразумно скрылся у него, так как покушались на его жизнь; а другой госпитальный врач, по имени Бланк, был выброшен из окна 3-го этажа на улицу. Это ужасно!» («Русск. Арх.» 1906 г., кн. I, стр. 144).

— Цитируя сообщение о выступлении Николая I среди бунтующего народа, Пушкин делает выписку из письма к нему писателя бар. Егора Федоровича Розена из Петербурга от 27 июня; в нем последний благодарил поэта «за дружеское письмо»; письмо это нам неизвестно,[2] но содержание его выясняется отчасти из ответа Розена, почему и приводим его здесь в выдержках наиболее существенного: «Будучи принят в службу с назначением состоять при Дежурстве Глав. Штаба, я остаюсь здесь — в соседстве Вашем — и уеду только тогда, когда двинется все Дежурство; но тем не менее лестен для меня Ваш Горацианский прощальный привет. Вменяя себе в приятную обязанность удовлетворять желаниям Вашим — по мере сил моих — посылаю Вам требуемую пиэсу: 26-ое мая.[3] Поправьте, что Вам не понравится, и позвольте поместить в Альционе. — Благодарю Вас за обещание дать стихов своих;[4] оставьте их у себя до

---

[1] По официальным данным; на самом деле — раза в два больше. — *Б. М.*

[2] Существует только одно письмо Пушкина к бар. Е. Ф. Розену от октября — ноября 1831 г. (см. ниже, № 468).

[3] Пьеса на день рождения Пушкина в ответ на стихотворение Пушкина «Дар напрасный, дар случайный...» и с комплиментом по адресу поэта и его жены; вероятно, Пушкин не дал своего согласия на помещение стихов Розена, так как в его «Альционе» на 1832 г. они напечатаны не были, см. ее в Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 261—262.

[4] Бар. Е. Ф. Розен писал 19 июля С. П. Шевыреву: «„Альциона" выйдет в первых числах декабря. Пушкин дал мне несколько прекрасных пьес и уверяет честию, что еще даст. Мы с ним довольно сблизились» («Русск. Арх.» 1878 г., кн. II. стр. 47).

№ 432 удобного случая. Приготовляю все нужное для перевода Бориса, и, как скоро можно будет, приеду к Вам. Невзирая на жестокую у нас смертность, надеюсь его увидеть и обнять Вас дружески. Щеглов умер; ввечеру был еще здоров — а в ночь скончался. Много умерло людей, умрет еще более — смерть у каждого за спиною! Слава богу, что Вы в безопасном месте! Чернь наша сходит с ума — растерзала двух врачей и бушует на площадях; ее унять бы картечью! — Государь говорил с народом; будущий историк сохранит для потомства его прекрасные слова... Коленопреклоненная чернь слушала... тишина... один царский голос на площади раздавался — *Как звон святой!* Величественное зрелище!..» Последние фразы и цитирует Пушкин; слова: «Как звон святой» — из предсмертного монолога Бориса Годунова, где он, обращаясь к царевичу Федору, говорит:

Будь молчалив: не должен царский голос
На воздухе теряться по-пустому;
Как звон святой, он должен лишь вещать
Велику скорбь или великий праздник.

(«Борис Годунов», сцена XXI.)

— Волнения в Петербурге не возобновлялись, и прибегать к картечи не пришлось.

— Двор переехал в Царское Село (из Петергофа) позже, а именно — 10 июля (см. ниже, письма № 439, 440).

— В Тригорском холера всё-таки появилась, — в августе месяце, что видно из письма П. А. Осиповой к Пушкину от 21 августа 1831 г. (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 307).

— Говоря о «семи казнях египетских», Пушкин делает ошибку: египетских казней, описанных в Библии, было не семь, а десять; очевидно, поэт не во-время вспомнил «семь чудес света», «семь мудрецов греческих», «семь коров» сна Иосифа и т. д.

— Савкино, Савкина горка — местность между Михайловским и Тригорским, на берегу реки Сороти, за деревней Савкино, отличающаяся замечательно живописным положением, старое «городище» (то есть насыпанное земляное укрепление); оно видно из усадьбы Михайловского, из которой до Савкина можно пройти по берегу озера Маленца или по дороге из Михайловского в Тригорское, свернув вправо от «трех сосен». Вид ее и заметку А. Красуского см. в ж. «Столица и Усадьба» 1916 г., № 57, стр. 23 («Любимый уголок Пушкина»), а также очерк П. М. Устимовича: «Михайловское, Тригорское и могила Пушкина», изд. Акад. Наук, Лгр. 1927, стр. 30, 31 и план при стр. 41.

— На это письмо П. А. Осипова отвечала Пушкину письмом из Тригорского, от 19 июля, на французском языке; даем его в несколько исправленном переводе И. А. Шляпкина из его книги «Из неизданных бумаг Пушкина», С.-Пб. 1903, стр. 141, где письмо впервые опубликовано: «Спасибо за любезное письмо, которое я получила, мой дорогой Александр, спасибо за его дружеское содержание; надеемся, что Евпраксия будет счастлива с человеком своего выбора, который, кажется, обладает всеми качествами, упрочивающими семейное счастье. Свадебная церемония состоялась 8-го числа сего месяца, но я провела три дня во Вреве и

письмо Ваше пришло в мое отсутствие, к тому же, будучи адресованным в Опочку, оно там несколько задержалось. Несмотря на известия, помещенные в Петербургской «Литературной Газете», холера была в Острове только в головах докторов, и до прошлого понедельника Псков тоже не был затронут ею. С тех пор я больше ничего не слышала. Наш маленький кружок, слава богу, до сих пор невредим, но говорят, в Островском уезде холера объявилась, но, кажется, вовсе не сильно. Вообще, кажется, большая смертность должна быть приписана малому умению лечить эту болезнь, а также и быстроте хода болезни у больных, но не ее эпидемичности: это болезнь повальная, а не зараза. Мы живем помаленьку, благодаря бога за его милость, охраняющую нас, но не сможем быть спокойными и счастливыми, пока не будем уверены, что наши петербургские, царскосельские и павловские друзья находятся вне опасности. Нравятся ли мне ваши воздушные замки? Я не успокоюсь, пока не сбудутся ваши мечты, если я буду иметь к этому малейшую возможность; — если же из этого ничего не выйдет, то на окраине моих владений, *на берегу большой реки,* находится маленькое имение — премилое местечко с домиком, окруженным красивой березовой рощей. Земля продается одна, без крестьян. Не хотите ли его приобрести, если владельцы Савкина не захотят расстаться со своим? В остальном я постараюсь сделать все, что смогу. Передайте от меня вашей красавице жене мой сердечный привет, как от человека, нежно любящего вас, который уже по слуху восхищается ею и готов любить ее всем сердцем. Да сохранит вас бог — это единственная мысль, наполняющая в эту минуту и мой разум и мою душу». На это письмо Пушкин ответил, в свою очередь, письмом от 29 июля (см. выше, № 445). *432—433*

433. *М. П. Погодину.* [Конец июня 1831 г.] (стр. 30—31). Впервые напечатано в «Москвитянине» 1842 г., ч. V, № 10, стр. 465—466 (неполно), а затем в издании Сочинений Пушкина 1882 г., под ред. П. А. Ефремова, т. VII, стр. 309—310 (то же); конец (от слов: «У нас есть счетец...») — в «Вестн. Евр.» 1887 г., май, стр. 406; полностью — в «Сочинениях», изд. Суворина, под ред. П. А. Ефремова, т. VII, С.-Пб. 1903, стр. 414—415; подлинник в Библиотеке имени В. И. Ленина в Москве, в архиве М. П. Погодина, № 3518 («Письма 1831 года»), л. 185; он на полулисте почтовой бумаги большого формата, с водяными знаками: А. Г. 1829.

— В начале письма Пушкин благодарит Погодина за следующее письмо его из Москвы, от 3 июня: «А вот уж я пишу к вам, любезнейший Александр Сергеевич! Здоровы-ли вы? Как вас бог милует, и в пользу ли Север? Что̀ печатаете и что̀ затеваете? Посылаю вам четыре экз. старой Статистики: два золотые попросите Василья Андреевича, или кого следует по команде, представить официально Великим Князьям Александру и Константину: эта книга для них нужна. Я сам не пишу к Жуковскому, и вот почему: третьего года я написал к нему письмо, сердечное, по делу Арцыбашевскому, и не получил ни строки в ответ. Это меня так огорчило, что до сих пор не поднимается рука писать к нему, хоть я люблю и уважаю его попрежнему. Объясните и это, если хотите. [1] Другие два экз. для вас

[1] В «Дневнике» своем Погодин под 27 мая 1831 г. записал: «Пошлю я к Пушкину экземпляр Статистики и объясню, почему сам не хочу к Жуковскому» («Пушкин и его соврем.», вып. XXIII—XXIV, стр. 114).

№ 433 и для него. — Первое действие «Петра» я устроил и кончил давно, но за второе не принимался; так и мерещится, что Петр отворяет дверь и грозит дубинкою. Дрожь берет, даже и выговаривая это имя. Не знаю, не пошлет ли бог смелости в деревне. — Я, Хомяков и Языков дали друг другу слово к 23 Декабря нынешнего года приготовить по большому сочинению и сим у вас как первого нотариуса записываем свое условие. Не слыхали ли вы чего-нибудь о «Марфе» от Жуковского или Блудова? Уведомьте, пожалуйте. — Мне это необходимо к сведению, и скоро ли можно выпустить. — Это нужно и для моих финансов; я так задолжал, устраивая домашние дела, что покоя не имею. — В деревню еду я дней через десять. В Университет подал просьбу такого смысла: «мне нужно два года пробыть в деревне для приобретения сведений, которые и пр. и прошу об отставке; если же Университету угодно удерживать меня в своей службе, то да благоволит он, *уволив от лекций на это время* сделать мне какое-либо ученое препоручение, напр. написать Теорию истории сообразно с нынешним состоянием науки или т. п. Не знаю, какое представление пошлется к министру. Не думаю, чтоб Университет заблагорассудил удерживать меня, ибо Каченовский с товарищами неистовствуют против меня. Я желаю такого увольнения на два года для уединенного занятия и вовсе не отрекаюсь от службы ученой. Поговорите об этом с кем нужно. Извините меня, что занимаю вас такими личными мелочами: я уверен в вашем добром ко мне расположении. и поэтому etc. — Если у вас есть лишние деньги, велите кому-нибудь купить мне Сисмонди *Историю Французов* и Гиббона, изданного Гизо, и прислать на имя Ширяева. — Жду от вас письма. Ободрите и освежите вам преданного М. Погодина. — Языков [1] болен!» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 244—246).

— Старая статистика — изданная Погодиным в Москве книга: «Цветущее состояние Всероссийского Государства, в каковое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий, Отец Отечествия, Император и Самодержец Всероссийский, и прочая и прочая и прочая. — Книга первая, в которой описаны Губернии и Провинции, в них города, гарнизоны, артиллерия, Канцелярии, Конторы, управители с подчиненными, епархии, монастыри, церкви, число душ, расположенные полки и доходы, как оные ныне состоят, Губернии Санктпетербургская, Московская, Смоленская, Киевская, Воронежская, Рижская, Ревельская. Собрано трудами Статского Советника и бывшего в Сенате Обер-Секретаря Г. Ивана Кирилова, из подлиннейших Сенатских Архивов в Феврале месяце 1727 года. О прочих Губерниях и других околичностях описано в другой книге». М. В Университетской Типографии 1831 г. — То же, «Книга вторая, в которой описаны Губернии Нижегородская, Казанская, Астраханская, Архангелогородская, Сибирская. Собрано трудами Статского Советника и бывшего в Сенате Обер-Секретаря Г. Ивана Кирилова, из подлиннейших Сенатских архивов в Феврале месяце 1727 года. Прочие Губернии в первой книге и части, а на обе генеральные те перечневые ведомости и табели в сей обретаются», М. В Университетской Типографии. 1831 г. В ч. I—6 нен. + 184 стр., в ч. II — 2 нен. + II + 202 стр. Издание этой книги, сохранив-

---

[1] Отзывы Языкова о Погодине в эту пору см. в «Русск. Стар.» 1903 г., № 3, стр. 530.

шейся в библиотеке Пушкина (в одном переплете и без заметок — см. № 433
Б. Л. Модзалевский, «Библиотека А. С. Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 50—51), было предпринято Погодиным еще в 1829 г. вместе с В. Н. Каразиным, по списку, принадлежавшему некогда И. И. Голикову и находившемуся в библиотеке его, перешедшей к Каразину; но последний от издания потом отклонился, и книга вышла с именем одного Погодина на средства книгопродавца А. С. Ширяева. Погодин был «озабочен рассылкою экземпляров книги к сильным мира сего» и, кроме посылки их для вел. кн. Александра и Константина Николаевичей, хотел поднести их Николаю I и Александре Федоровне; поднести книгу Николаю ему не удалось, так как, по предварительном сношении Министра Народного Просвещения кн. К. А. Ливена с Академией Наук, издание было признано недостойным этой чести, а императрице было поднесено через ее секретаря И. П. Шамбо, — по совету о том Жуковского, переданному Погодину Пушкиным в письме от конца июля 1831 г. (см. выше, № 446), [1] в котором поэт между прочим писал Погодину: «Не имею времени отвечать Вам на Ваше письмо. Уведомляю Вас только, что поручение Ваше, касательно Статистики Петра I, исполнено; Ж. получил экз. для Великого Князя и для себя; экземпляром, следующим В. К Константину, расположил он иначе: Ж. представит его Императрице. Напишите, сделайте милость, официальную записку *Его Превосх. Ивану Павловичу Шамбо* (секретарю Ее Величества). *Осмеливаюсь повергнуть k ногам Ее Величества такую-то замечательную книгу* и проч. и доставьте письмо мне». Погодин так и поступил и получил за это подношение бриллиантовый перстень. Он послал свое издание также и министрам Д. Н. Блудову, А. А. Закревскому, гр. Е. Ф. Канкрину и Д. В. Дашкову, а также Московскому генерал-губернатору кн. Д. В. Голицыну, Гречу и Булгарину; но в конце концов это предприятие его принесло ему одни хлопоты и неприятности: Полевой разбранил издание в «Московском Телеграфе», покупали его плохо, Академия его раскритиковала, и Николаю I поднести ее не удалось. Отвечая на критики в «Телескопе» (1831 г., № 15, стр. 409—411), Погодин свою заметку кончал заявлением, что, издавая книгу, он имел в виду лишь пользу занимающихся историей. «Других видов не могло быть... А меня теперь упрекают за толстую бумагу, дурную обертку, за квасной патриотизм, за другое, за третье и взводят небылицы!.. Простите слабости: мне было это очень прискорбно!..» Подробнее см. у Н. П. Барсукова: «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. III, С.-Пб. 1890, стр. 284—294. — Об авторе изданной Погодиным книги — Иване Кирилловиче Кирилове (ум. 14 апреля 1737 г.) см. статью Н. П. Павлова-Сильванского в «Русском Биографическом Словаре» (т. И.-К., С.-Пб. 1897, стр. 666—668); по словам биографа, Кирилов, «по всей энергии и по увлечению своему разными практически-полезными предприятиями и работами, является одним из оригинальнейших и замечательных деятелей, выдвинувшихся в эпоху Петра Великого».

— Жуковский переехал в Царское Село вместе с царской семьей в десятых числах июля.

---

[1] О том же писал Погодину и А. В. Веневитинов (см. ниже, стр. 372, примечания к письму № 446).

№ 433 — «Трагедия ваша» — «Марфа Посадница Новгородская»; о ней и о затруднениях при выпуске ее в свет см. выше, в письмах № 395 и 412 и в объяснениях к ним, стр. 146—147 и 235.

— Веневитинов — Алексей Владимирович (род. 2 декабря 1806 — ум. 14 января 1872), младший сын умершего в 1814 г. гвардии прапорщика В. П. Веневитинова и брат скончавшегося в 1827 г. поэта Д. В. Веневитинова; они приходились четвероюродными братьями Пушкину (см. «Пушкин и его соврем.», вып. XI, стр. 120), который был знаком с семейством Веневитиновых, повидимому, еще в детские годы, до поступления своего в Лицей; у них он читал «Бориса Годунова» в 1826 г., на третий день приезда своего в Москву из Михайловской ссылки, и тогда же познакомился или возобновил знакомство с молодыми братьями Веневитиновыми; из них Алексей Владимирович, до конца дней сохранявший воспоминание о посещении их дома Пушкиным и о рассказе поэта о его свидании с Николаем I 8 сентября 1826 г. (см. «Русск. Стар.» 1880 г., № 3, стр. 674—675), в это время был «архивным юношей»: он служил актуариусом в Московском Архиве Коллегии Иностранных дел, куда поступил 9 февраля 1825 г., по сдаче «испытания в языках и науках» при Московском Университете. Прослужив в Архиве до 4 декабря 1829 г., Веневитинов переселился в Петербург, перейдя «для особых поручений» в Министерство внутренних дел; по этому поводу А. Я. Булгаков писал брату: «Из нашего Архива разбегаются все. Веневитинова, малого отличного, завербовал Закревский к себе, — вот и другая жемчужина, кн. Мещерский тоже выходит» («Русск. Арх.» 1901 г., кн. III, стр. 381); проведя вторую половину 1830 г. в отпуску, он, из-за холерных карантинов, явился на службу в Петербург лишь 8 января 1831 г. и 3 марта был откомандирован к чиновнику особых поручений Министерства внутренних дел Абраму Сергеевичу Норову (впоследствии министру народного просвещения) для занятий по порученному последнему составлению исторических сведений по этому Министерству. В 1833 г., по случаю почти всеобщего неурожая, был командирован в разные голодающие губернии для обследования действительного их положения и мер необходимой помощи. По возвращении в Петербург, в сентябре, Веневитинов составил отчет о поездке и в 1834 г. и 1835 г. исполнил еще две командировки по продовольственным вопросам, а 22 мая 1836 г. прикомандирован был к V Отделению собственной е. в. канцелярии, к П. Д. Киселеву, по представлению которого был командирован, в июне, для обследования государственных имуществ Курской губ., и, вернувшись, представил Киселеву донесение о поездке. По поводу последнего Пушкин, в конце декабря 1836 г., писал своему отцу (троюродному брату матери Веневитинова — Анны Николаевны, рожд. кн. Оболенской): «Веневитинов a présenté son rapport sur l'état du gouvernement de Koursk. L'Empereur en a été frappé et s'est beaucoup informé de Веневитинов; il a dit à je ne sais pas qui: faites-moi faire sa connaissance la première fois que nous nous trouverons ensemble. Voilà une carrière faite». И, действительно, 21 декабря 1836 г. Веневитинов был назначен и. д. управляющего С.-Петербургскою Конторою Казенных Имуществ, а 26 декабря — членом Совещательного Комитета V Отделения и членом его Межевой Комиссии. Проработав с П. Д. Киселевым три года (см. «Русск. Стар.» 1903 г., № 10, стр. 20), Веневитинов

5 февраля 1840 г. перешел в Межевой Департамент Сената, с 1850 г. был членом Совета Министерства внутренних дел, 14 июня 1853 г. назначен и. д. товарища министра уделов, а в 1856 г. уволен от должности товарища министра уделов и назначен почетным опекуном и гофмейстером; присутствуя в разных Департаментах Сената, он в 1866 г. получил звание обер-шенка. С 10 февраля 1843 г. Веневитинов был женат на графине Аполлинарии Михайловне Виельгорской (род. 15 октября 1818, ум. 4 сентября 1884), дочери графа Михаила Юрьевича Виельгорского — одного из опекунов детей Пушкина. С юных лет вращаясь в кругу лучших представителей московской интеллигенции, литераторов и ученых, Веневитинов восприняв на себя часть тех симпатий, которые во всех вызывал его столь безвременно умерший брат-поэт, и был знаком, близок и дружен с Вяземским, кн. В. Одоевским, кн. З. Волконской, Погодиным, Н. Мельгуновым, Языковым, Хомяковым, Шевыревым, И. Киреевским, Кошелевым, Жуковским, А. И. Тургеневым, Плетневым, Гоголем, [1] Тютчевым и т. д. и т. д., был близок к редакции «Московского Вестника», а позже — «Московского Наблюдателя». Хорошее понятие о нем можно получить из нескольких опубликованных писем его к Погодину (см. у Н. Барсукова: «Жизнь и труды Погодина», pass.), кн. Одоевскому (17 июля 1830 г. Москва — «Русск. Стар.» 1904 г., № 4, стр. 203), С. Л. Пушкину (17 марта 1837 г. — «Пушкин и его соврем.», вып. VIII, стр. 59—60), Н. Ф. Павлову (1853 г. — «Русск. Арх.» 1894 г., кн. I, стр. 214) и писем к нему — Хомякова (33 письма 1830—1860 гг. — Сочинения Хомякова, т. VIII, М. 1900, стр. 7, 25—86), И. Киреевского (Сочинения, т. II, М. 1911, стр. 281, 289), Н. А. Мельгунова (Н. Барсуков, op. cit., т. IV, стр. 230; то же — «Старина и Новизна», вып. IV, стр. 179—180). В 1861 г. Веневитинов был одним из распорядителей праздника в честь пятидесятилетия литературной деятельности кн. П. А. Вяземского (Сочинения П. А. Плетнева, т. III, С.-Пб. 1885, стр. 236; «Русск. Стар.» 1904 г., № 8, стр. 441), состоял членом Комитета Общества Поощрения Художеств («Русск. Стар.» 1881 г., № 8, стр. 640) и членом Литературного Фонда (с апреля 1868 г.) и умел группировать в своем доме представителей литературы и искусства, которые ежедневно собирались у него в кабинете. Довольно красочное описание дома А. В. и А. М. Веневитиновых, конца 50—60-х годов, дано в «Воспоминаниях» К. Ф. Головина (изд. 2, М. О. Вольфа, С.-Пб., ч. I, стр. 17—19 и 64—71). — Об участии Веневитинова в судьбе изданий Погодина см. выше, стр. 235, и ниже, стр. 372, в примечаниях к письму № 446. № 433

— Б. — А. Х. Бенкендорф, начальник III Отделения и шеф жандармов; писать ему Пушкин не собрался, но, судя по письму к Погодину от конца июля, поэт был у него лично в Царском Селе, но не застал дома, и собирался еще раз сделать попытку повидаться с ним (см. ниже, письмо № 446, стр. 372—373).

— О холере в Петербурге см. выше, стр. 313—315.

— О смерти цесаревича Константина Павловича и о его погребении см. выше, стр. 303—304

---

[1] Гоголь относился к нему иронически (см. «Переписку Грота с Плетневым», т. II, стр. 321).

№ 433 — Петр — трагедия Погодина, написанная «перед глазами Пушкина»,— по выражению самого Погодина в предисловии к изданию этой пьесы, увидевшей свет лишь в 1873 г. — за два года до смерти автора. Он начал ее 28 января 1831 г., с целью «изобразить Россию и ее надежду, возбудить благоговение к памяти бессмертного Петра, любовь к просвещению и ненависть к невежеству» (Н. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. III, стр. 252, 253). Работа шла с большим напряжением, — автор то отчаивался в успехе, то воодушевлялся. Написав первые три действия, Погодину захотелось прочесть их Пушкину (запись в «Дневнике» под 4 мая 1831 г.) и 5 мая он отметил: «К Пушкину, прочел ему «Петра». Хвалит, но не так живо, как «Марфу». И меня пугает мысль выводить Петра. Это дух вызываемый» («Пушкин и его соврем.», вып. XXIII—XXIV, стр. 114). Впоследствии Погодин вспоминал, что во время этого чтения Пушкин сделал ему следующую поправку: расстрига-протопоп Иаков, в 1-м действии, осуждая действия Петровы, говорит о захваченных им церковных деньгах. Когда Погодин прочел:

И не избегнет кары он, в аду
Истлеет грешник. Всякая копейка
Церковная падет горячим углем
На голову его в последний день.

„Каплей, каплей!" — воскликнул Пушкин, вскочив и потирая руки. Это была любимая его привычка — так выражал он свое удовольствие, когда находил выражение более точное. Еще прежде Пушкин советовал Погодину «писать прозою „Петра"»; но Погодин на это не согласился и отметил в своем «Дневнике»: «Неужели я не овладею стихом?» (Н. Барсуков, op. cit., стр. 253—254; «Пушкин и его соврем.» l. c., стр. 113—114). Погодин заканчивал свою трагедию, уже по отъезде Пушкина из Москвы и окончил ее 24 июля 1831 г. и записывал в «Дневнике»: «Ура! Положил сорок поклонов благодарности. Поутру пришлось несколько стихов, которые я оставлю для «Бориса». Думаю о нем. Перебирая Пушкина *Бориса*, остановился на его прозе. А что, не махнуть-ли в самом деле прозою трагедию?» («Пушкин и его соврем.», вып. XXIII—XXIV, стр. 116). Погодин рассчитывал, что Пушкин «прозвонит» в Петербурге о его «Петре» и замолвит о нем Николаю; но этого не случилось, а потому он в письме от 10 августа писал, что позабыл совершенно свою трагедию, как будто бы она и не бывала у него в голове. В конце сентября Погодин прочел всего «Петра» в Царском Селе Пушкину и Жуковскому, которые остались им довольны (Н. Барсуков, op. c., стр. 334—335); но все хлопоты Погодина в Петербурге о пропуске трагедии в цензуре не увенчались успехом: Николай I положительно не позволил ее печатать. «Лице императора Петра Великого, — писал он в резолюции 22 декабря 1831 г. по этому делу: — должно быть для каждого русского предметом благоговения и любви; выводить оное на сцену было бы почти нарушение святыни, и посему совершенно неприлично. Не дозволять печатать» («Русск. Стар.» 1903 г., № 2, стр. 315—316, «Старина и Новизна», кн. VII, стр. 160—162); так Погодин ни с чем и уехал из Петербурга (см. его письма к С. П. Шевыреву — «Русск. Арх.» 1882 г., кн. III, стр. 189—191 и 194; ср. Русск. Стар.» 1903 г., № 3, стр. 530). Еще в 1833 г. Погодин надеялся,

что «Петра» разрешат издать и писал Пушкину, отвечая на его письмо: «Что вы не упомянули Царю о моем «Петре» при таком благоприятном случае? Бог вам судья! Я уверен, что он по докладной записке не позволил печатать, думая, что все печатаемое играется. Другой причины быть не может: В трагедии всё уже известное у нас и перепечатанное; нового — форма. Если б были места непозволительные — ну, делай свое дело цензура, торгуйся, вымарывай. Скажите это Дмитрию Николаевичу [Блудову]. Может быть, он возьмется при случае объяснить. Похлопочите» (Акад. изд. Переписки, т. III, стр. 18). Однако, как сказано выше, Погодинский «Петр» был издан лишь в 1873 г. (в Москве) и вышел со следующим посвящением — подражанием посвящения Пушкинского «Бориса Годунова» памяти Карамзина: «Драгоценной для Русских памяти Александра Сергеевича Пушкина сей труд, гением его вдохновенный, с благоговением и благодарностию посвящает Михаил Погодин».

— По поводу университетской деятельности Погодина упомянутый в конце его письма к Пушкину Языков 29 апреля 1831 г. писал брату: «Погодин оставляет Университет и поселяется в деревне, где займется сочинением всеобщей истории, которая была бы хороша, если бы он намеревался рассказать путно и чистенько, не по-своему, одни факты, а он собирается парить, что ему вовсе неблагопристойно. Читал-ли ты его статьи в № 7 «Телескопа»? У него есть особенная способность говорить много и жарко и ничего не сказать и умение представить предмет так что его вовсе не видно, и излагать мысли свои какой-то сумятицей, без всякой последовательности, связи, так что прочитаешь и решительно не знаешь, что̀ автор хотел выразить. Таковы все его произведения, даже исторические разыскания, например о Дмитрии Царевиче: собрано много дельного, а перемято и представлено так нелепо, что читатель затрудняется и не знает, в чем дело. Университет потеряет в нем очень мало: он читал лекции мерзко и почти вовсе не занимался своей кафедрой» («Русск. Стар.» 1903 г., № 3, стр. 530). Ср. выше, стр. 235, отзыв о Погодине историка Соловьева.

— От Смирдина — то есть от его книжного магазина, в котором Погодин просил Пушкина купить сочинения историков Сисмонди и Гиббона.

— Погодин, получив настоящее письмо Пушкина, записал в своем «Дневнике» под 3 июля: «Приятное письмо от Пушкина; «вы были бы сотрудником Петру» и проч.» («Пушкин и его соврем.», вып. XXIII—XXIV, стр. 114), под 5 июля: «Написал письмо к Пушкину о своем положении и две речи Петра. Как то они понравятся ему с Жуковским? Неужели и Петр не вымчит меня из толпы?», а под 12 июля: «Гулял и думал о 4-м [действии «Петра»] и будущем письме от Пушкина» (там же, стр. 115); но ни письмо Погодина к Пушкину от 5 июля, ни ответ на него Пушкина (если это не письмо № 446) нам неизвестны.

434. *Н. М. Коншину.* [Июнь — июль или осень 1831 г.] (стр. 31). Напечатано впервые Н. Ф. Бельчиковым в «Красном Архиве» 1928 г., т. 4 (29), стр. 218, с неправильным отнесением к Д. И. Языкову. Н. В. Измайловым определено, что письмо обращено к Н. М. Коншину как по общему содержанию, так и по упоминанию «Авдотьи Яковлевны» — жены Коншина; подлинник на листке бумаги в 16-ю долю, с водяными знаками:

№ 434 ⟨А⟩Г ⟨18⟩29, — в Центрархиве, в Москве (Древлехранилище, фонд А. Г. Достоевской). При письме конверт с надписью рукою Достоевской: «Пушкин Александр Сергеевичь, великий поэт. Письмо к ? без означения года и числа. Получено от М. А. Языкова, см. письмо от 26 января 1879 г.». Этого письма Языкова в архиве А. Г. Достоевской (Центрархив и Пушкинский Дом) не нашлось.

— О Н. М. Коншине см. т. II, стр. 401, и биографию в книге А. И. Кирпичникова: «Очерки по истории новой русской литературы», т. II, изд. 2, М. 1903, стр. 90—121; в «Русском Биографическом Словаре», т. Кнаппе-Кюхельбекер, стр. 243—245; в книге Ю. Н. Верховского: «Барон Дельвиг», П. 1922, стр. 113—115 и заметку Б. И. Коплана в «Радуге, Альманахе Пушкинского Дома», П. 1922, стр. 107—110. В это время Коншин (с 1 марта 1829 г.) состоял правителем канцелярии главноуправляющего Царским Селом и дворцовым правлением и в этой должности оставался более восьми лет. Благодаря своему служебному положению он смог оказать Пушкину небольшую услугу (см. следующее, № 435, письмо Пушкина к нему). Отношения Пушкина и Коншина не были особенно близкими, и сближение их произошло, вероятно, в 1829—1830 г., когда Коншин совместно с бар. Е. Ф. Розеном издал альманах на 1830 год «Царское Село», в который Пушкин дал три своих стихотворения: «Зимнее утро», «Загадка (при посылке бронзового сфинкса)» и «Из Гафиза».[1] К лету 1831 года относится небольшое письмо Коншина к Пушкину (см. Переписка Пушкина, т. II, стр. 294—295). В библиотеке Пушкина сохранился экземпляр «Двух повестей Н. Коншина (из его записок о Финляндии)», С.-Пб. 1833 г., с надписью: «Александру Сергеевичу Пушкину от автора», см. Б. Л. Модзалевский, «Библиотека Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 52); В 1834 г. Коншин просил Пушкина за протодиакона Ф. Ф. Лебедева, исключенного за пьянство из царскосельской придворной церкви. Пушкин ходатайствовал за Лебедева перед обер-прокурором св. синода С. Д. Нечаевым письмом от 12 февраля 1834 г. (об этом эпизоде см. в статье П. Е. Щеголева в сб. «Пушкин и его соврем.», вып. XXXVIII—XXXIX, стр. 252—256). О взаимоотношениях их см. в работе проф. А. И. Кирпичникова: «Н. М. Коншин», — в книге его: «Очерки по истории новой русской литературы», т. II, изд. 2, М. 1903, стр. 106 и 111—115. См. также «Русск. Стар.» 1897 г., № 2, стр. 275—279; «Русск. Стар.» 1887 г., № 8, стр. 464—465; «Русск. Арх.» 1877 г., кн. III, стр. 402—403.

— О каких номерах говорит Пушкин и за доставление каких известий благодарит Коншина, мы не знаем.

— О «Литературной Газете» см. в т. II, и выше, стр. 168—169.

— Авдотья Яковлевна — жена (с 3 сентября 1824 г.) Коншина, рожд. Васильева, дочь инженерного генерал-майора, от которой он имел несколько человек детей (см. А. И. Кирпичников, «Очерки по истории новой русской литературы», т. II, изд. 2, М. 1903, стр. 98, 105 и 115).

---

[1] В. Я. Брюсов полагает, что Пушкин познакомился с Коншиным через Е. А. Боратынского, который служил под начальством Коншина в Финляндии (см. «Письма Пушкина и к Пушкину, под ред. В. Я. Брюсова, М. 1903, стр. 106).

435. *Н. М. Коншину* [июнь — июль или осень 1831 г.] (стр. 31). Напечатано впервые А. Ф. Бычковым в «Русск. Стар.» 1880 г., № 8, стр. 806. Подлинник на листе почтовой бумаги большого формата, с водяными знаками: А. Г. 1829, в Государственной Публичной Библиотеке в Ленинграде; он сложен конвертом и запечатан облаткою (см. Л. Б. Модзалевский, «Рукописи Пушкина в собрании Государственной Публичной Библиотеке в Ленинграде», Лгр. 1929, стр. 36, № 85). № 433

— О Н. М. Коншине см. в предыдущем письме.

— Жена Пушкина; Наталья Николаевна.

436. *П. А. Плетневу.* 3 июля [1831 г.] (стр. 31—32). Впервые напечатано в «Сочинениях Плетнева», т. III, С.-Пб. 1885, стр. 372 (не совсем точно); у нас печатается по подлиннику, принадлежащему ИРЛИ (Пушкинскому Дому) Академии Наук СССР; он писан на листе почтовой бумаги большого формата с водяными знаками: А. ⟨Г.⟩ 1829, запечатан облаткой и проколот в карантине при окуривании.

— Смирдин — книгопродавец; он, быть может, оставался должен Пушкину за издание «Бориса Годунова»; см. выше, в письме № 396, и ниже, № 443.

— «5 повестей и предисловие» — «Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А. П.»; они были пересланы Плетневу, пропущены 1 сентября 1831 г. цензором, профессором Никитою Ивановичем Бутырским, отпечатаны в типографии Плюшара и вышли в свет в конце октября. Сюда вошли: предисловие «От издателя», с подписью: А. П., и повести: «Выстрел», «Метель», «Гробовщик», «Станционный смотритель» и «Барышня-крестьянка». См. выше, в письме № 406, и ниже, № 439, 443, 449, 452, 453, 455, 471, 472.

— R. S. V. P. — французский шифр: «Retournez, S'il Vous Plait», то есть: «Переверните лист, пожалуйста».

— Поклон жене Жуковского — шутка: Жуковский был холост и женился значительно позднее — 21 мая 1841 г. (на Елизавете Алексеевне Рейтерн).

437. *Кн. П. А. Вяземскому.* 3 июля [1831 г.] (стр. 32). Впервые напечатано в сб. «Старина и Новизна», кн. V, С.-Пб. 1902, стр. 19, по подлиннику, бывшему у гр. С. Д. Шереметева, в Остафьевском Архиве, а ныне находящемуся в Центрархиве в Москве; он — на листе почтовой бумаги большого формата с водяными знаками: А. Г. 1829, сложен конвертом и запечатан облаткою.

— Пушкин отвечает на следующее письмо кн. Вяземского из Москвы от 17 июня: «Ты жалуешься на молчание мое, а я писал тебе недавно через Толмачева. Тысячу мою держи у себя до приезда моего. Спроси пожалуйста у Плетнева, получил-ли он свою тысячу. — Я очень рад, что Жуковский опять сбесился, но не рад тому, что он остается в Петербурге. Он, говорят, очень болен. Убеди его куда-нибудь съездить, хоть в Москву к искусственным водам. Высылайте скорее и Тургенева. Боюсь, он выдохнется в Петербурге и уже не ошибет меня своим Европейским запахом. Я здесь никого из порядочных людей не вижу: Баратынский в деревне, не знаю где и что Языков. Карамзины с женою моею в Остафьеве; езжу к ним по субботам отдыхать от бремени государствен-

№ 437 ных дел. Прошу теперь читать меня в Коммерческой Газете. Отыщи мой взгляд на выставку. Читал ли ты о Борисе Годунове разговор, напечатанный в Москве? Прочти, моя радость. Университет не позволил Погодину прочесть на акте похвальное слово Мерзлякову. Каченовский сказал, что это не стóит внимания. Пусти-же в свет моего Адольфа. Когда будешь в Питере передай мой сердечный поклон Элизе и Доле. Я с удовольствием узнал тебя в Делорме.[1] Целую тебя и милую» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 254 и выше, в примечаниях к письму № 426, стр. 289—290).

— Федосей Сидорович — вероятно назван как тип мещанина-обывателя: в таком именно кругу были в ходу печати с эмблемами и девизами, подобными приведенным Вяземским, причем «Бог моя надежда» — наиболее распространенный девиз, которым пользовались для печатей своих как духовные, так и светские лица: см. «Надписи и девизы на русских печатях частных лиц. Из собрания И. К. Антошевского», С.-Пб. 1903, стр. 7, 9 (трижды), 13, и Н. Ф. Романченко, «Надписи и девизы на русских печатях моего собрания», С.-Пб. 1905, стр. 13, 14, 15.

— Тургенев — Александр Иванович, 1—2 июня приехавший из-за границы в Петербург: см. выше, в письмах № 426 и 428, и в примечаниях к ним, стр. 285 и 294—296. 24 июня А. Я. Булгаков писал брату, в ответ на его сообщение о приезде Тургенева: «Тургенев, видно, все тот же; как не решиться, куда ехать, в Любек или в Москву? Ему надобно быть сюда, Жихарев [С. П.] не дождется его и никак не берет на себя продажу имения без него, а посмотри, — как заедет сюда в Остафьево к Вяземским и Карамзиным, — то его не выгонишь из Москвы, чего мы очень желаем» («Русск. Арх.» 1902 г., кн. I, стр. 69). 25 июня он уже свиделся с Тургеневым и, описав свое впечатление в письме к брату от 26-го числа (см. выше, стр. 295), 27 июня писал дочери, кн. О. А. Долгоруковой: «Вчера был у меня Александр Тургенев, — всё тот же рассеянный, обжора, до такой степени боящийся холеры, что в Петербурге чуть было не сел на пароход в Любек; он любезничает с твоею сестрою и сгорает желанием увидать тебя» («Русск. Арх.» 1906 г., кн. I, стр. 142). В то же время кн. Вяземский писал Жуковскому из Москвы: «Александр боится холеры и почти ничего не ест, голубчик; даже и чай свой кушает без сливочек. Ты поймешь его тяжелое положение. Вижусь с ним часто и в городе, где мыкаемся по гуляниям и салонам, и в деревне...» (ср. «Русск. Арх.», 1900 г., кн. I, стр. 361—362). 14 июля Тургенев сделал приписку к Пушкину в письме Вяземского, которым последний отзывался на настоящее письмо Пушкина за № 437 (см. ниже, стр. 378). Говоря об использовании Тургенева для Альманаха или чего-либо подобного, Пушкин имел в виду энциклопедическую осведомленность Тургенева в вопросах текущей западной политики и литературы: Тургенев, как известно, вел дневник, в который конспективно записывал все свои впечатления и наблюдения, а потому мог служить для журнала или литературного сборника статьями в роде его известной «Хроники Рус-

---

[1] То есть в статье: «Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme» в № 32 «Литературной Газеты» от 5 июня, за подписью: Р.

ского» и заграничных писем, печатавшихся в «Московском Телеграфе» № 437
1827 г., а позднее — в «Европейце» 1832 г., в «Московском Наблюдателе» 1835 г., «Современнике» 1836—1839, 1841 и 1842 гг. и «Москвитянине» 1845 г.; по поводу «Хроники», помещенной в «Современнике» 1836 г. без ведома Тургенева, Пушкин писал во II томе своего журнала: «Глубокомыслие, остроумие, верность и тонкая наблюдательность, оригинальность и индивидуальность слога, полного жизни и движения, которые везде пробиваются сквозь небрежность и беглость выражения, служат лучшим доказательством того, чего можно было бы ожидать от пера, писавшего таким образом *про себя*, когда следовало бы ему писать *про других*. Мы имели случай стороною подслушать этот a-parte, подсмотреть эти ежедневные, ежеминутные отметки и поторопились... поделиться удовольствием и свежими современными новинками с читателями «Современника»... Мы предпочли сохранить в них живой, теплый, внезапный отпечаток мыслей, чувств, впечатлений, городских вестей, бульварных, академических, салонных, кабинетных движений, так сказать, *стенографировать* эти горячие следы, эту лихорадку Парижской жизни» и т. д.

— Об «Адольфе», романе Бенжамена Констана, переведенном кн. Вяземским и в это время печатавшемся в Петербурге под наблюдением П. А. Плетнева; о выходе его в свет и проч. см. выше, в письме № 400, и в примечаниях к нему, стр. 178—181.

— На молчание Плетнева Пушкин жаловался в письме к нему самому от 3 же июля (выше, № 436).

— Ж. — В. А. Жуковский; он, в качестве наставника наследника в. кн. Александра Николаевича и наблюдающего за преподаванием наук великим княжнам (при всех них учителем российской словесности был Плетнев), жил со всем прочим «двором» и в это время находился в Петергофе. В Царское Село он переехал через неделю — 10 июля — одновременно с царскою фамилиею[1].

— Слухи об отравлениях распространялись очень широко (см. выше, стр. 296—297, 314); любопытные известия о них мы находим в воспоминаниях графини А. Д. Блудовой, жившей в это время в Берлине, куда эти слухи также проникли; в письме своем от 8 (20) августа к отцу, графу Д. Н. Блудову, она писала: «Здесь носились и до сих пор носятся слухи ужасные; рассказывают, что польские и другие агенты отравливают русских; между прочим в. к. Константина Павловича; что государь и государыня от следствий яда чахнут и слабеют. Ты можешь представить, что сначала я не верила этим слухам, но их беспрестанно повторяют и столь утвердительно, что я хотя не уверилась, но была в страшном беспокойстве на их счет и страшилась за тебя, и потому спрашивала, куда ты ходишь или ездишь обедать, в какие трактиры...» («Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, стр. 855).

— Об убийстве врачей собиравшимися на улицах толпами народа см. выше, стр. 296—297, 314, а также в рассказе очевидца одного из таких событий, И. В. Селиванова, в «Русск. Арх.» 1868 г., № 6, ст. 958—962.

---

[1] Здесь оканчивается комментарий Б. Л. Модзалевского.—*Ред.*

№ 437 — Сведения об усмирении народного возмущения, бывшего на Сенной площади 23 июня, даны выше, стр. 300—303.

— Рославлев — роман М. Н. Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году», ч. I—IV, Москва, в типографии Н. Степанова при Императорском Театре. 1831». Пушкин получил экземпляр «Рославлева», вероятно, от самого Загоскина через О. М. Сомова. В библиотеке Пушкина экземпляр романа был, но до нас не дошел. 15 июня Сомов писал Загоскину: «На днях-же я буду у Пушкина, кочующего теперь с молодою своею в садах царскосельских, где остается он на целое лето. Я порадую его милым спутником летних прогулок, живым, лихим, истиннорусским Рославлевым» («Русск. Стар.» 1902 г., № 9, стр. 620). О впечатлении, которое произвел новый роман Загоскина на читающую публику, см. выше, стр. 258—259, в примечаниях к письму № 417; см. также отзывы современников: Е. А. Боратынского в «Татевском сборнике С. А. Рачинского», С.-Пб. 1899, стр. 22 и 28; О. М. Сомова в «Русск. Стар.» 1902 г., № 9, стр. 619—620, и В. А. Жуковского в «Русск. Арх.» 1868 г., ст. 973—975.

— Разговор о Борисе — очень редкая анонимная брошюра: «О Борисе Годунове, сочинении Александра Пушкина, разговор, Москва, В Университетской Типографии, 1831, 8°, 16 стр.; ценз. дозв. цензора Льва Цветаева: «Москва, мая 4-го дня 1831 г.» (она перепечатана в «Русск. Стар.» 1890 г., № 11, стр. 445—455, и у В. Зелинского: «Русская критическая литература о произведениях А. С. Пушкина», ч. III, М. 1888, стр. 106—115). Кн. П. А. Вяземский писал Пушкину 14 июля: «Разговор о Годунове сказывают Филимонова: он Филимонами и пахнет.

Мой друг! не хочешь ли лимонов?
Тьфу, что за гадость Филимонов!»

(Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 271). Брошюра помечена: «15-го Апреля 1831 года. Из Астрахани», и представляет «Разговор помещика, проезжающего из Москвы через уездный городок, и вольнопрактикующего в оном учителя Российской словесности». Кроме Вяземского, об этом «Разговоре» писал Пушкину и П. В. Нащокин 15 июля: «Пробежал я где-то Разговор о Борисе Годунове Учителя с Помещиком, — очень хорошо — и кто написал ни как сего не воображает что лучше и похожее описать разговором — суждений наших безмозглых грамотеев семинаристов ни как нельзя — это совершенной слепок с натуры; думая написать на тебя злую критику, — написал отрывок — достойный поместить в роман; прочти, сделай одолжение, ты по разговору узнаешь говорящих, и если б осталось место, я бы рассказал рост их, в чем одеты, словом сказать прекрасно — Вальтер Скотт, совершенный» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 274); на это Пушкин отвечал Нащокину: «Ты пишешь мне о каком критическом разговоре, которого я еще не читал. Если бы ты читал наши журналы, то увидел бы что все, что̀ называют у нас критикой, одинаково глупо и смешно. С моей стороны я отступился; возражать серьезно — не возможно; а паясить перед публикою не намерен. Да к тому-же ни критики, ни публика не достойны дельных возражений» (см. выше, в письме от 21 июля, № 442, стр. 36). Никаких других упоминаний об этой брошюре у Пушкина не находим; возможно предположить, что

в виду малой ее распространенности, Пушкину она вовсе и не попала в руки, и он ее не читал. П. О. Морозов пишет: «Это совершенно нелепое произведение, которое, однако, Олин в своей «Гирлянде» (1831, ч. II, № 24—25) и Бестужев-Рюмин в «Северном Меркурии» (1831, № 28) рекомендовали своим читателям, как „занимательное"» (Сочинения Пушкина, акад. изд., т. IV, стр. 154). В «Северной Пчеле» 1831 г., № 167, появился разбор этой брошюры неизвестного автора (подпись: « — в — »); в нем автор обрушился на критика, и между прочим писал: «Положим, что ни какому практикующему учителю Российской Словесности, как ни были бы ограничены его теоретические и исторические сведения, нельзя запретить судить о Поэте современном, ибо знаменитость сего Поэта может быть оправдана потомством, но может быть и отринута; по крайней мере непозволительно с такими слабыми средствами хотеть быть судьею гениев великих, Шекспира, например» (ср. «Пушкин и его соврем.», вып. XXIII—XXIV, стр. 175—176). Должную оценку «Разговора» дал только что выступивший тогда на литературное поприще В. Г. Белинский, который поместил в «Листке» 1831 г., № 45 (ценз. помета: 10 июня 1831 г.) рецензию на эту брошюру. По словам С. А. Венгерова, «она высмеивает брошюрку неизвестного автора. Но мимоходом рецензент весьмо ясно дает понять, какого он высокого мнения о трагедии. Он проявляет тут полную самостоятельность, нападая на Полевого и слегка иронизируя над Надеждиным, тогда еще, главным образом, известного под псевдонимом Недоумки» (Сочинения В. Г. Белинского, под ред. С. А. Венгерова, т. I, стр. 148—150). Подтверждения тому, что автором «Разговора» был В. С. Филимонов (о нем см. в т. I, стр. 396—399, и в т. II, стр. 326), мы не находим ни в одном из современных отзывов. М. П. Погодин, например, недоумевал: «Какой разговор напечатан о Борисе Годунове» (запись в его дневнике в мае 1831 г. — «Пушкин и его соврем.», вып. XXIII—XXIV, стр. 114). Н. О. Лернер, написавший примечание к посланию Пушкина Филимонову, склонен думать, что авторство это приписано Вяземским Филимонову вряд ли с достаточным основанием (Сочинения Пушкина, под ред. С. А. Венгерова, т. IV, стр. LXVI). О «Борисе Годунове» и об отзывах современников на него, см. выше, в примечаниях к письмам №№ 395 и 396.

— Ожидаю осени — осень была лучшим временем года для творчества Пушкина (см. об этом в т. II, стр. 104 и 463, в письме № 366).

— Элиза — Елизавета Михайловна Хитрово.

— Письмо Е. М. Хитрово к Пушкину — «трогательное прощание», до нас не дошло (см. в статье Н. В. Измайлова: «Пушкин и Е. М. Хитрова», в сб. «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Лгр. 1927, стр. 182).

— О монографии кн. П. А. Вяземского о Д. И. Фонвизине, см. в т. II, стр. 478—479, и в примечаниях к письмам № 397 и 414. Письмом от 14 июля 1831 г. из Остафьева Вяземский отвечал Пушкину: «Мой Фон-Визин еще не в Цензуре. На досуге хочу его пересмотреть и исправить» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 271). Труд Вяземского прошел цензуру лишь в 1835—1836 г., а появился в печати только в 1848 г. Пушкин поздравлял Вяземского «с благополучным возвращением из-под цензуры» монографии о Фонвизине отдельным письмом от первой половины марта 1836 г. (см. Акад. изд. Переписки, т. III, стр. 285).

437—438 — Щеглов — Николай Прокофьевич, цензор, умер от холеры 26 июня 1831 г. О. М. Сомов 20 августа писал М. А. Максимовичу: «Холера у нас кое-кого прибрала и кое-что почистила. Таким образом, например, выбыл из фронта университетский мой цензор Щеглов. Цензорское место *свято*, то есть не будет пусто, и потому уже замещено» («Русск. Арх.» 1908 г., кн. III, стр. 263—264; см. также в т. II, стр. 380, где и об отношении Пушкина к Н. П. Щеглову).

— «Отец мой горюет у меня в соседстве, в Павловском» — родители поэта, Сергей Львович и Надежда Осиповна, жили в это время в Павловске, в версте расстояния от Царского Села; в Павловск они переехали в самом начале июля или в конце июня, собравшись и покинув Петербург из-за холеры «менее чем в 24 часа». В Павловске они сняли дачу на все лето (см. письмо О. С. Павлищевой к мужу от 3 июля 1831 г. из Петербурга — «Пушкин и его соврем.», вып. XV, стр. 71; Л. Н. Павлищев, «Воспоминания об А. С. Пушкине», стр. 249).

— Тургенев — Александр Иванович. О возвращении его из-за границы — см. выше, стр. 326—327. 14 июля он был уже в Остафьеве у кн. Вяземского, откуда писал Пушкину на письме Вяземского от 14 июля (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 272; см. также письмо Тургенева к Жуковскому, относящееся к этому же времени, в «Русск. Арх.» 1900 г., кн. I, стр. 361—362). Тургенев в Остафьево приехал немного ранее 14-го числа (см. письмо кн. Вяземского к В. А. Жуковскому от 14 июля 1831 г. в «Русск. Арх.» 1900 г., кн. I, стр. 363).

438. *П. Я. Чаадаеву*, 6 июля [1831 г.] (стр. 33). Впервые напечатано в брошюре иезуита кн. Ивана Сергеевича Гагарина: «Tendances catholiques dans la société russe», 8°, Paris, 1860, 35 pp., impr. Racon et C°, libr. Douniol. Эта брошюра была перепечатана в Наубурге chez G. Poetz, libraire éditeur, 1860, 8°, 41 pp., затем перепечатана Гагариным же в книге: «Oeuvres choisies de Pierre Tchaadaief, publiées pour la première fois par le P. Gagarine de la compagnie de Jésus». Paris 1862, pp. 166—168 (ср. «Русск. Арх.», 1863, ст. 871—873); издано в «Полярной Звезде» на 1861 г. А. И. Герцена и Н. П. Огарева, кн. VI, Лондон 1861, стр. 102—104 (в переводе) и в «Материалах для биографии Пушкина», изд. Л. Каспровича, Лейпциг 1875, стр. 105—107 (то же). В России письмо впервые опубликовано с отнесением к 1830 г. в «Библиографических Записках» 1861 г., т. III, № 1, стр. 9—11, и вошло в Сочинения Пушкина, изд. 1882 г., под ред. П. А. Ефремова, стр. 341—343 (дата исправлена). Подлинник, очень ветхий, на листе почтовой бумаги большого формата, с водяными знаками: А. Г. 1829, хранится в Публичной Библиотеке им. В. И. Ленина, куда поступил от М. И. Жихарева; письмо сложено конвертом и было запечатано печатью, вырванной при вскрытии.

Перевод: «Друг мой, я буду говорить с вами на языке Европы; он мне привычнее нашего, и мы будем продолжать наши беседы, начавшиеся когда-то в Царском Селе и так часто прерывавшиеся. Вы знаете, что происходит у нас в Петербурге; народ вообразил, что его отравляют. Газеты истощаются в увещаниях и протестах; но к несчастью народ не умеет читать, и кровавые сцены готовы возобновиться. Мы окружены в Царском Селе и Павловском и не имеем никакого общения с Петербургом.

Вот отчего я не видал ни Блудова, ни Беллизара. Ваша рукопись все еще у меня; не хотите ли вы, чтобы я отослал ее вам; но что вы станете делать с нею в Некрополисе? Оставьте мне ее еще на несколько времени. Я только что перечитал ее; мне кажется, что начало очень связано с предшествовавшими рассуждениями, и с идеями гораздо ранее развитыми, очень ясными и положительными для вас но о которых читатель не осведомлен. Первые страницы поэтому несколько темны, и я думаю, что вы сделаете лучше, если замените их кратким примечанием или сделаете из них извлечение. Я готов был также заметить вам отсутствие порядка и плана во всей статье, но рассудил, что это ведь письмо и что этот род извиняет и дает право на эту небрежность и это laisser aller. Всё, что вы говорите о Моисее, Риме, Аристотеле, идее истинного бога, древнем искусстве, протестантизме, все это изумительно по силе, правде и красноречию. Всё, что является портретом и картиной, — широко, блестяще и величественно. С взглядом вашим на историю, мне совершенно новым, я однако ж не могу всегда согласиться: например, я не понимаю ни вашего отвращения к Марку Аврелию, ни вашего предпочтения Давиду (псалмами которого я восхищаюсь, если только они им написаны). Не вижу я также, отчего сильная и наивная живопись политеизма возмущает вас в Гомере. Не говоря уже о поэтическом достоинстве, он кроме того и по вашему признанию великий исторический памятник. Да и все, что ни представляет кровавого Илиада, разве то же не находится и в Библии? Вы видите христианское единство в католицизме, то есть в папе. Не в идее ли оно Христа, которая есть и в протестантизме? Первая идея была монархическою; потом сделалась республиканскою. Я дурно выражаюсь, но вы меня поймете. Пишите же мне, друг мой, если бы даже вам пришлось бранить меня. Лучше, говорит Екклезиаст, слушать обличение от мудрого, нежели песни безумца. 6 июля С. С.» № 438

— Этим письмом Пушкин отвечал на письмо П. Я. Чаадаева от 17 июня 1831 г. из Москвы (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 253, перевод его дан в «Сочинениях и Письмах П. Я. Чаадаева», под ред. М. О. Гершензона, т. II, М. 1914, стр. 176—177). Об отношениях между Пушкиным и Чаадаевым говорят все биографы того и другого. Специально этой теме посвящен очерк М. О. Гершензона, напечатанный в т. VI Сочинений Пушкина под ред. С. А. Венгерова. Очерк вошел и в сборник статей автора о Пушкине: М. О. Гершензон, «Статьи о Пушкине». М. 1926, изд. Государственной Академии Художественных Наук, стр. 31—41 (ср. в очерке В. В. Стасова в «Русск. Стар.», 1908 г., № 1, стр. 47—48, и № 2, стр. 277—278, и у Н. К. Козмина: «Н. И. Надеждин», СПб. 1912, стр. 541 и др.). Однако исчерпывающего исследования по этому вопросу мы не имеем. Лучшую характеристику отношений между обоими друзьями для раннего периода дал сам Пушкин в целом ряде заметок: в Кишиневском Дневнике 1821 г., в письмах и стихотворениях, в трех своих посланиях к Чаадаеву 1818, 1820 и 1821 гг. Принадлежность Пушкину первого из них и обращение его именно к Чаадаеву оспаривались М. Л. Гофманом, но после напечатания его статьи со всей его аргументацией в сборнике «Недра», 1925 г., и опровержения этой аргументации там же Л. П. Гроссманом (пере-

№ 438 печатано в сочинениях Гроссмана, т. I, «Пушкин», стр. 216—241), и после доклада Д. И. Шаховского в Пушкинской Комиссии Общества Любителей Русской Словесности в Москве, с подробным разбором этого послания, едва ли может вызвать сомнение, что оно написано Пушкиным и обращено к Чаадаеву. Литература о Чаадаеве весьма обширна. Последнее по времени исследование о нем с большим, но не исчерпывающим библиографическим указателем вышло в серии «Bibliotheque de l'Institut francais de Leningrad», Tome XII, под заглавием: «Charles Quenet. Tchaadaev et les lettres philosophiques. Contribution a l'étude du mouvement des idées en Russie», Paris, 1931, 440 + LXX pp. О Чаадаеве и Пушкине см. также в т. I, стр. 200, 205—206, и т. II, стр. 443—444, «Декабристы и их время», т. II, стр. 174 и 175. Письмо Пушкина к Чаадаеву читал А. И. Тургенев и написал (припиской на письме Вяземского к Пушкину от 14—15 июля) о нем Пушкину свои мысли (см. ниже, стр. 378). Комментируемое письмо является единственным дошедшим до нас в подлиннике настоящим письмом Пушкина к Чаадаеву из отосланных к адресату. Помещенные в т. I два письма 1820 г. записаны П. И. Бартеневым гораздо позже — вероятно в 1855 г. — со слов Чаадаева; записка 2 января 1831 г. не имеет характера настоящего письма; известное письмо-возражение Пушкина против напечатанного в «Телескопе» в октябре 1836 г. «Первого Философического письма» Чаадаева (см. Переписка Пушкина, т. III, стр. 387—389) — не было послано последнему и осталось у Жуковского и, вероятно, оно так и осталось неизвестным Чаадаеву несмотря на настоятельные попытки его получить этот важный документ от Жуковского (см. «Русск. Стар.» 1903 г., № 10, стр. 185—186). Сам Чаадаев в письме к отцу поэта в конце февраля 1837 г., прося о разрешении задержать на день письмо Жуковского о последних часах жизни Пушкина, сообщает, что он нашел комментируемое письмо Пушкина среди бумаг, отобранных у него при обыске и только что тогда ему возвращеных, и при этом прибавляет: «Это единственное сохранившееся у меня письмо [Александра] из многих, написанных мне в разные периоды его жизни, и я счастлив, что оно ко мне вернулось» (см. «Пушкин и его современники», вып. VIII, стр. 53 и Сочинения и письма Чаадаева, под ред. М. О. Гершензона, т. I, М. 1913, стр. 205). В 1850 г. Чаадаев посылал то же письмо для ознакомления М. П. Погодину: «Письмо незабвенного друга получил и очень рад, что вам им угодил», пишет он, очевидно, по получении письма обратно (Сочинения и письма, т. I, стр. 204). — Переписка между Пушкиным и Чаадаевым возникла по поводу сочинения Чаадаева, увезенного Пушкиным в 1831 г. из Москвы, как это видно из письма Пушкина, вероятно, для издания его при содействии Блудова (очевидно, в цензурном отношении) и книгопродавца Беллизара (со стороны технической). В дальнейшем, впрочем, о попытках напечатания рукописи в Петербурге более не упоминается. Рукопись несомненно соответствует тексту, напечатанному затем кн. И. С. Гагариным в «Oeuvres choisies de Tchaadaief» в 1862 г., под именем *второго* и *третьего* писем о философии истории (sur la philosophie de l'histoire), и перепечатанных отсюда в «Сочинениях и письмах Чаадаева» М. О. Гершензоном. Последний в примечании к письму № 40 в этом издании (стр. 380), а также и в примечаниях к письму № 38 (стр. 369) говорит, будто руко-

пись Чаадаева, о которой идет речь в письме Пушкина, содержала текст одного лишь так называемого *третьего* философского письма, но это — явная ошибка. Оба письма составляют одно целое; издавать одно только *третье* (по счету Гагарина), а также передавать его отдельно от *второго* для ознакомления не имело смысла, да и замечание Пушкина о темноте первых страниц и о связи их с предшествующими рассуждениями автора относятся несомненно к так называемому *второму*, а не третьему письму. Критика протестантизма, вызвавшая возражение Пушкина, составляет также существенное содержание *второго* письма (поэтому примечание в т. II Писем Пушкина на стр. 444 нужно считать неточным). Впрочем, теперь, после обнаружения всей серии философических писем, отобранных у Чаадаева при обыске вслед за напечатанием первого из них в «Телескопе», оказывается, что письма, напечатанные у Гагарина, как второе и третье, на самом деле занимают шестое и седьмое места во всем произведении, состоящем из восьми писем. Из того же авторского экземпляра видно, что шестое и седьмое письма, вероятно, приблизительно в том составе, как они были переданы Пушкину в 1831 г., в конце следующего, 1832 г. были представлены в Московскую цензуру, но, очевидно, не были допущены к печати. В авторском экземпляре сохранился и предполагавшийся текст титульного листа этого отдельного издания. На нем выставлено было заглавие: «Deux lettres sur l'histoire, adressées à une dame». Затем оба письма в рукописи, приготовленной для отдельного издания, были зашнурованы, как первое и второе. При включении в общую серию они получили номера 6 и 7. Письма, разумеется, написаны по-французски. В настоящее время вся серия находится в архиве Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии Наук СССР. № 438

Как известно, Пушкин давал рукопись Чаадаева для прочтения Жуковскому (см. Дневники его, с примеч. И. А. Бычкова, С.-Пб., 1901, стр. 217) и сообщил свое замечание о высказанном там взгляде на реформацию Вяземскому (см. письмо от 3 августа 1831 г., № 448, стр. 41).

В своем отзыве на сочинения Чаадаева Пушкин, конечно, не охватил предмета во всей полноте. Как он сам указывает, общий взгляд Чаадаева на историю для него «совершенно нов», и он не касается самой его сущности. Можно бы ожидать, что письмо Пушкина вызовет пространные рассуждения со стороны Чаадаева; с другой стороны, многие вопросы затронутые в письмах Чаадаева 17 июня, 7 июля и 18 сентября, особенно в последнем, вызовут отзыв со стороны Пушкина. Следов дальнейшей переписки, однако, не сохранилось, и нет оснований предполагать, что она продолжалась. В декабре 1831 г. Пушкин встречался с Чаадаевым в Москве (см. письмо к жене от 8 декабря 1831 г., № 478), и, может быть, темы, оборвавшейся переписки послужили предметом устных бесед *(сообщ. Д. И. Шаховским)*.

— «Я буду говорить с вами на языке Европы» — то есть на французском. Пушкин отвечает этой фразой на следующее место из письма Чаадаева от 17 июня: «Пишите мне по-русски; вам не следует говорить на ином языке, кроме языка вашего призвания. Жду от вас милого и длинного письма; говорите мне о всем, что вам вздумается: все,

№ 438 что идет от вас, будет мне интересно» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 253).

— «Будем продолжать наши беседы, начавшиеся когда-то в Царском Селе». — Пушкин имеет в виду пребывание свое в Царскосельском Лицее, когда он впервые встретился с Чаадаевым, в то время офицером л.-гв. Гусарского полка, стоявшего в Царском Селе. О беседах Пушкина и Чаадаева в то время можно судить, например, по дневнику сослуживца Чаадаева по полку В. Д. Олсуфьева; отрывки из его дневника, касающиеся Пушкина, были опубликованы М. А. Цявловским в сб. «Пушкин и его соврем.», в. XXXVIII—XXXIX, стр. 216—218; под 28 марта 1819 г. В. Д. Олсуфьев записал: «Обедал у Чаадаева, где был Пушкин, много говорили; он нам читал свои сочинения...» и т. п. (op. cit., стр. 217); ср. «Красный Архив», т. 29, стр. 222—223.

— О народных волнениях в Петербурге в связи с холерой см. выше, стр. 300—303 и 313—315.

— О прекращении сообщения между Петербургом и Царским Селом см. выше, стр. 299.

— Блудов — Дмитрий Николаевич (о нем выше, в т. I, стр. 445) в это время, с 25 ноября 1826 г., был товарищем министра народного просвещения, а с 25 апреля 1828 г. управляющим Главного Управления духовными делами иностранных исповеданий. Очевидно через него Пушкин предполагал провести в печать Философическое письмо Чаадаева, взятое для этой цели у последнего еще весной 1831 г. (см. во II томе, стр. 444).

— Беллизар — Фердинанд Михайлович (Ferdinand Bellizard, ум. 28 августа 1863); петербургский книгопродавец и издатель; он издавал «Revue Etrangère» и «Journal de St.-Pétersbourg». Пушкин покупал много книг у Беллизара, особенно в последние годы своей жизни на довольно крупные суммы (см. выше, стр. 193; «Пушкин и его соврем.», вып. XIII, стр. 96, 97, 108, 109, 111, 112, 115—117, 119, 125 и 127; Б. Л. Модзалевский, «Библиотека А. С. Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. VI, VIII, XVI, XVIII и др.). Очевидно, что именно Беллизару Пушкин предполагал предложить издание Философического письма Чаадаева.

— О рукописи Философического письма Чаадаев писал Пушкину 17 июня: «Что-же, мой друг, что сталось с моей рукописью? От вас нет вестей с самого дня вашего отъезда. Сначала я колебался писать вам по этому поводу, желая, по своему обыкновению, дать времени сделать свое дело; но подумавши, я нашел, что на этот раз дело обстоит иначе. Я окончил, мой друг, все, что имел сделать, сказал все, что имел сказать: мне не терпится иметь все это под рукою. Постарайтесь поэтому, прошу вас, чтобы мне не пришлось слишком долго дожидаться моей работы, и напишите мне поскорее, что вы с ней сделали. Вы знаете, какое это имеет значение для меня? Дело не в честолюбивом эффекте, но в эффекте полезном...» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 253; перевод — Сочинения и письма П. Я. Чаадаева, под ред. М. О. Гершензона, т. II, М. 1914, стр. 176). Предполагая рукопись устроить в печать, Пушкин оставил ее некоторое время у себя. Написав об этом Чаадаеву 6 июля, он получил от него другое письмо, от 7 июля, разошедшееся с пись-

мом Пушкина. (см. «Русск. Стар.» 1896 г., № 3, стр. 613—614). В этом *№ 438* письме от 7 июля Чаадаев вновь просил прислать ему рукопись: «Дорогой друг, я писал вам, прося вернуть мою рукопись; я жду ответа. Признаюсь, что мне не терпится получить ее обратно; пришлите мне ее, пожалуйста, без промедления. У меня есть основания думать, что я могу ее использовать немедленно и выпустить в свет вместе с остальными моими писаниями. — Неужели вы не получили моего письма? В виду постигшего нас великого бедствия, это не представляется невозможным. Говорят, что Царское Село еще не затронуто. Мне не нужно говорить вам, как я был счастлив узнать это. Простите мне, друг мой, что я занимаю вас собою в такую минуту, когда ангел смерти столь ужасно носится над местностью, где вы живете. Я бы так не поступил, если бы вы жили в самом Петербурге; но уверенность в безопасности, которой вы еще пользуетесь там, где вы находитесь, придала мне смелости написать вам...» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 269—270, перевод — в Сочинениях и письмах П. Я. Чаадаева, под ред. М. О. Гершензона, т. II, М. 1914, стр. 177). Несмотря на такую настойчивую просьбу прислать рукопись обратно последняя еще долго оставалась у Пушкина. 21 июля он, наконец, собрался отправить ее через П. В. Нащокина, которому писал: «Посылаю тебе посылку на имя Чадаева; он живет па Дмитровке против Церкви. Сделай одолжение, доставь ему» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 285, и выше, стр. 36). Но из следующего письма Пушкина к Нащокину, от 29 июля, мы узнаем, что посылка не была отослана по причине, от Пушкина не зависевшей. Пушкин писал: «Я просил тебя в последнем письме доставить посылку Чаадаеву: посылку не приняли на почте» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 291, и выше, стр. 38). Не получая посылки, Нащокин запрашивал Пушкина 18 августа: «Послал ли ты Чедаеву посылку, я его всякий день вижу, но не как не решишься подойти, я об нем такого высокого мнения, что не знаю, как спросить или чем начать разговор — он ныне пустился в люди — всякий день в клобе, где и я позатянулся по милости твоей» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 304). Об этом же Пушкин писал и Вяземскому 3 августа: «Радуюсь, что Чедаев опять явился в обществе — Скажи ему что его рукопись я пытался-было прислать к нему, но на Почте посылок еще не принимают, извини меня перед ним» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 297, и выше, стр. 41). Рукопись одно время находилась и у В. А. Жуковского, который получил ее для прочтения от Пушкина: «Манускрипт Ч. он давал мне читать и взял его у меня, чтобы отправить к Ч. Вероятно, что он уже и получен», писал Жуковский А. И. Тургеневу 23 августа (см. «Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу», М. 1895, стр. 258 и примеч.). В своем ответе на письмо Пушкина Чаадаев писал 18 сентября: «Ну что же, мой друг, куда вы девали мою рукопись? Холера ее забрала что ли? Но слышно, что холера к вам не заходила. Может быть, она сбежала куда-нибудь? Но, в последнем случае, сообщите мне, пожалуйста хоть что-нибудь об этом...» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 324, и перевод — в Сочинениях и письмах П. Я. Чаадаева, под ред. М. О. Гершензона, т. II, М. 1914, стр. 178). О рукописи запрашивали Пушкина П. В. Нащокин и А. И. Тургенев (см. Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 331

438—439 и 340). — Известно, что издать рукопись Чаадаева Пушкину не удалось, и Философическое письмо впервые увидело свет лишь в 1862 г., в издании кн. И. С. Гагарина: «Oeuvres choisies de Pierre Tchaadaief, publiées pour la première fois par le P. Gagarine», Paris 1862 (Об этом см. Сочинения и письма П. Я. Чаадаева, под ред. М. О. Гершензона, т. II, стр. 367—377; Письма Пушкина, т. II, Лгр. 1928, стр. 444).

— Некрополис — то есть «Город Мертвых» — так Чаадаев назвал Москву, подписав свое философическое письмо: «Necropolis, 1829, 16 février» (см. «Сочинения и письма П. Я. Чаадаева», т. I, стр. 138).

— Моисей — пророк, вождь и законодатель еврейского народа, по преданию написавший «Десятисловие» и первые пять книг Библии (так называемое Пятикнижие).

— Об Аристотеле см. в т. I, стр. 268.

— Антонин, Марк Аврелий (Marcus Aurelius Antoninus), римский император с 161 г. по 180 г. и философ (род. 26 апреля 121 г. — ум. 17 марта 180 г.); в своих философских воззрениях был последователем стоика Эпиктета (160—180 гг.).

— Давид (ум. в 950 г. до н. э.) — второй царь еврейского народа (980—950 до н. э.), легендарный автор ряда религиозных гимнов и стихотворений, вошедших в число канонизированных христианской церковью книг под именем «Псалмов». Пушкин упоминает о нем еще в письме к жене 28 апреля 1834 г. в виде поговорки: «Помяни господи царя Давида и всю кротость его!» (Акад. изд. Переписки, т. III, стр. 106).

— Гомер, Омир — греческий поэт; жил, по преданию, в IX в. до н. э.; легендарный автор «Илиады» и «Одиссеи». «Илиада» была переведена на русский язык Н. И. Гнедичем, а «Одиссея» — В. А. Жуковским (см. по указателю к тт. I и II).

— Екклезиаст — название ветхозаветной библейской книги, которая в русской Библии помещается среди Соломоновых книг. Текст, приведенный Пушкиным, находится в книге Екклезиаста, или проповедника, глава 7, стих 5, и здесь читается так: «Лучше слушать обличение от мудрого, нежели слушать песни глупых».

— Московский адрес Чаадаева Пушкин указывает не совсем точно: П. Я. Чаадаев жил между Петровкой и Дмитровкой, в Рождественском переулке, в приходе Рождества Столешники, в доме Решетникова; этот адрес сам П. Я. Чаадаев указывал в своих письмах к Евдокии Сергеевне Норовой 1830—1831 гг. (Публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина, № 1032, лл. 220 об. и 246 об.). (*Сообщение Д. И. Шаховского.*)

439. *П. А. Плетневу* [первая половина (до 11-го) июля 1831 г.] (стр. 34). Впервые напечатано в изд.: Сочинения и переписка П. А. Плетнева, под ред. Я. К. Грота, т. III, С.-Пб. 1885, стр. 373—374; первая половина письма воспроизведена facsimile в несколько уменьшенном виде в книге С. Я. Гессена: «Книгоиздатель Александр Пушкин. Литературные доходы Пушкина», Л. 1930, стр. 108—109. Подлинник на листе почтовой бумаги большого формата, с водяными знаками: А. Г. 1829, — в ИРЛИ (Пушкинском Доме) Академии Наук СССР, он сложен конвертом и запечатан облаткою (см. «Временник Пушкинского Дома», II. 1914, стр. 6).

— Двор переехал в Царское Село 10 июля.

— Ж — Жуковский, Василий Андреевич (о нем см. выше, стр. 319). № 439
Отвечая на письмо кн. П. А. Вяземского и А. И. Тургенева, писанное в июле (см. «Русск Арх.» 1900 г., кн. I, стр. 361—362, Жуковский писал из Царского Села в конце июля или начале августа: «Я собрался было ехать в Ревель и там, конечно, в тени Катеринтальских каштанов, под шопот уединения, много бы написал; но холера всему помешала. Я не решился обратить перед нею тыла; да и в отдалении от нападения всяких пустых слухов, было бы не до стихов. Пушкин мой сосед, и мы видаемся с ним часто. С тех пор как ты сказал мне, что у меня слюни текут, глядя на жену его, я не могу себя иначе и вообразить, как под видом большой старой датской собаки, которая сидит и дремлет, глядя, как перед нею едят очень вкусно и с морды ее по обеим сторонам висят две длинные ленты из слюней. А женка Пушкина очень милое творение. C'est le mot. И он с нею мне весьма нравится. Я более и более за него радуюсь тому, что он женат. И душа, и жизнь, и поэзия в выигрыше. . .» («Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу», М. 1895, стр. 255 — 256; ср. в письме Вяземского к Пушкину от 27 июля 1831 г. — Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 290).

— Плетнев жил в это время на даче И. И. Кушелева, тестя П. С. Молчанова, у Самсониевской заставы (см. ниже, стр. 348).

— Россети черноокая — Александра Осиповна Россети, вскоре вышедшая замуж за Н. М. Смирнова; о ней см. выше, стр. 226—234. В ответном своем письме Пушкину 19 июля Плетнев просил благодарить Росетти за ее к нему дружбу (см. Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 283). А. О. Смирнова относилась с большим уважением и любовью к П. А. Плетневу, что между прочим видно из приписки Пушкина в письме к нему 3 августа: «Россети вижу часто; она очень тебя любит и часто мы говорим о тебе» (см. в письме № 449). Плетнев, как мы видим из его письма 19 июля, платил ей тем же. К лету 1831 г. относится следующий интересный рассказ А. О. Смирновой о житье в Царском Селе и о встречах с Жуковским и с Пушкиным: «Пушкин с молодой женой поселился в доме Китаева, на Колпинской улице. Жуковский жил в Александровском дворце, а фрейлины помещались в Большом дворце. Тут они оба взяли привычку приходить ко мне по вечерам, т. е. перед собранием у императрицы, назначенном к 9 часам. Днем Жуковский занимался с великим князем или работал у себя. Пушкин писал, именно свои сказки, с увлечением; так как я ничего не делала, то и заходила в дом Китаева. Наталья Николаевна сидела обыкновенно за книгою внизу. Пушкина кабинет был наверху, и он тотчас же зазывал к себе. Кабинет поэта был в порядке. На большом круглом столе, перед диваном, находились бумаги и тетради, часто несшитые, простая чернильница и перья; на столике графин с водой, лед и банка с крыжовниковым вареньем, его любимым (он привык в Кишиневе к дульчецам). Волоса его обыкновенно еще были мокры после утренней ванны и вились на висках; книги лежали на полу и на всех полках. В этой простой комнате, без гардин, была невыносимая жара, но он это любил, сидел в сюртуке, без галстука. Тут он писал, ходил по комнате, пил воду, болтал с нами, выходил на балкон и прибирал всякую чепуху насчет своей соседки графини [У. М.] Ламберт. Иногда читал нам отрывки своих сказок и очень

№ 439 серьезно спрашивал нашего мнения. Он восхищался заглавием одной: «Поп-толоконный лоб и служитель его Балда» «Это так дома можно, — говорил он, — а ведь цензура не пропустит!» Он говорил часто: «Ваша критика, мои милые, лучше всех; вы просто говорите: этот стих не хорош, мне не нравится». Вечером, в 5 или 6 часов, он с женой ходил гулять вокруг озера, или я заезжала в дрожках за его женой; иногда и он садился на перекладинку верхом, и тогда был необыкновенно весел и забавен. У него была неистощимая mobilité de l'ésprit. В 7 часов Жуковский с Пушкиным заходили ко мне; если случалось, что меня дома нет, я их заставала в комфортабельной беседе с моими девушками. «Марья Савельевна у вас аристократка; а Саша, друг мой, из Архангельска, чистая демократка. Никого ни в грош не ставит». Они заливались смехом, когда она Пушкину говорила: «Да что вы мне, что вы стихи пишете — дело самое пустое! Вот Василий Андреевич гораздо почетнее вас». — «А вот зато, Саша, я тебе напишу стихи, что ты так умно рассуждаешь». И точно, он ей раз принес стихи, в которых говорилось, что

Архангельская Саша
Живет у другой Саши.

Стихи были довольно длинные и пропали у нее. В это время оба Жуковский и Пушкин предполагали издание сочинений Жуковского с виньетками. Пушкин рисовал карандашом на клочках бумаги, и у меня сохранился один рисунок, также и арабская головка его руки. . .» (А. О. Смирнова, «Записки», со статьей и примеч. Л. В. Крестовой, под ред. М. А. Цявловского, М. 1929, стр. 303—305). К этому же времени относится другой рассказ А. О. Смирновой, записанный с ее слов Я. П. Полонским: «Когда мы жили в Царском Селе, Пушкин каждое утро ходил купаться, после чая ложился у себя в комнате и начинал потеть. По утрам я заходила к нему. Жена его так уж и знала, что я не к ней иду. — Ведь ты не ко мне, а к мужу пришла, ну и поди к нему. — Конечно не к тебе, а к мужу. Пошли узнать, можно ли войти? — Можно. — С мокрыми курчавыми волосами лежит бывало Пушкин в коричневом сюртуке на диване. На полу вокруг книги, у него в руках карандаш. — А я вам приготовил кой-что прочесть, — говорит. — Ну читайте. — Пушкин начинал читать (в это время он сочинял всё сказки). Я делала ему замечания, он отмечал и был очень доволен. — Читал стихи он плохо. — Жена его ревновала ко мне. Сколько раз я ей говорила: «Что ты ревнуешь ко мне. Право, мне все равны: и Жуковский, и Пушкин, и Плетнев, — разве ты не видишь, что ни я не влюблена в него, ни он в меня». — Я это хорошо вижу, говорит, да мне досадно, что ему с тобой весело, а со мной он зевает. — Однажды говорю я Пушкину: «Мне очень нравятся ваши стихи» «Подъезжая под Ижоры». — Отчего они вам нравятся? — Да так, — они как будто подбоченились, будто плясать хотят. — Пушкин очень смеялся. — Ведь вот, подите, отчего бы это не сказать в книге печатно — «подбоченились», — а вот как это верно. Говорите же после этого, что книги лучше разговора. — Когда сердце бьется от радости, то по словам Пушкина оно: то так, то пятак, то денежка! Этими словами он хотел выразить биение и тревогу сердца. — Наговорившись с ним, я спрашивала

его (поутру у него в комнате): — Что же мы теперь будем делать? — А вот что! Не возьмете ли вы меня прокатиться в придворных дрогах? — Поедемте. — Бывало и поедем. Я сяду с его женой, а он на перекладинке, впереди нас, и всякий раз бывало поет во время таких прогулок: № 439

Уж на Руси
Мундир он носит узкий,
Ай да Царь, ай да Царь.
Православный Государь!»[1]

(см. М. А. Цявловский, Рассказы А. О. Смирновой в записи Я. П. Полонского» — «Голос Минувшего» 1917 г. № 11—12, стр. 155—156; ср. в «Автобиографии А. О. Смирновой», под ред. Л. В. Крестовой, М. 1931, стр. 208.) К сожалению, приведенное свидетельство Смирновой — это почти все, что она написала о поэте, а рассказать о нем она могла много... Характеристику ее, данную ей кн. П. А. Вяземским, см. в его «Старой записной книжке» в «Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, ст. 1337—1340 и в Сочинениях кн. П. А. Вяземского, т. VIII, стр. 233—235. О знакомстве ее с Жуковским и письма к ней Жуковского см. в «Русск. Арх.» 1871 г., кн. II, ст. 1856—1857 (см. также А. О. Смирнова, «Записки», под ред. М. А. Цявловского, М. 1929, стр. 296—303 и 329 — 352, и в «Русск. Арх.», 1883, кн. I, стр. 335—346).

— О 500 рублях Плетнев писал Пушкину в своем ответном письме 19 июля: «500 рублей получил от нее [то есть Смирновой] для себя, а я из твоих (когда увижусь со Смирдиным и возьму от него) отдам эту пенсию» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 283). О том же писал Пушкину М. Л. Яковлев в письме 23 июля: «Плетнев мне сказал, что он писал к тебе в прошедший понедельник и просил тебя получить с фрейлины Россети 500 р.» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 288). О какой пенсии здесь идет речь — неясно. В следующем письме Пушкина к Плетневу, от 22 июля, Пушкин вновь говорит об этих деньгах (см. письмо № 443) 25 июля Плетнев сообщил Пушкину, что он вычел из денег его 500 рублей, полученных Пушкиным вместо Плетнева от Россети (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 289).

— Эслинг — Геслинг, Николай Николаевич (род. 1806 — ум. 21 мая 1853), вероятно, сын д. ст. советника, врача и акушера Николая Филипповича Геслинга (р. 1778, ум. 1851), бывшего в 1809 г. корреспондентом Петербургской медико-хирургической Академии (см. «Петербургский Некрополь», т. I, стр. 589; Н. Макаров, «Мои 70 лет воспоминаний», т. I, ч. 3, С.-Пб. 1881, стр. 103, 120 и сл.; «Сын Отеч.» 1851 г., кн. 11 (сообщение о смерти); Месяцеслов 1828 г., ч. I, стр. 440 и 450; С. А. Венгеров, «Источники словаря русских писателей», т. I, стр. 753). Н. Н. Геслинг в июне 1826 г. окончил (IV курс) Царскосельский Лицей и был определен на службу в Департамент исполнительной полиции, а 6 марта 1828 г.

---

[1] Эта песня К. Ф. Рылеева («Царь наш немец прусский...») приведена в «Стихотворениях К. Ф. Рылеева с его жизнеописанием, Лейпциг, 1862, стр. 77—78 См. также: К. Ф. Рылеев. Полное собрание стихотворений, под ред. Ю. Г. Оксмана, Л. 1934, стр. 369 и 508 50)

№ 439 был переведен в канцелярию Тифлисского военного губернатора начальником отделения, но уже 30 сентября 1830 г. был оттуда уволен. За труды по следственной комиссии, учрежденной в Новгороде для обнаружения участников волнений в округах военного поселения 22 апреля 1832 г., было выражено ему «высочайшее благоволение»; вскоре, 10 июня того же года Геслинг назначен был секретарем в Канцелярию Военного Министерства, и 7 августа 1833 г. переведен правителем дел комитета для установления справочных цен. 22 декабря следующего года уволен был за штат с перечислением в канцелярию Военного Министерства до 1 июля 1835 г., а 31 августа 1835 г. был переведен в канцелярию Департамента военных поселений (см. Н. М. Затворницкий, «Указатель биографических сведений, архивных и литературных материалов, касающихся чинов общего состава по Канцелярии Военного Министерства с 1802 г. по 1902 г. включительно», в изд.: «Столетие Военного министерства, 1802 — 1902», отдел 5, С.-Пб. 1909, стр. 156, и «Памятная книжка лицеистов 1811 — 19 октября — 1911», С.-Пб., 1911, стр. 11). Н. Н. Геслинг был произведен в статские советники 17 сентября 1841 г., а в 1842 г. был в этом чине управляющим Астраханским Соляным Правлением (Список чинам V — VII класса по 1 ноября 1844 г.); он умер в 1853 г., и после его смерти в «С.-Пб. Губ. Ведом.» от 27 июня 1853 г., № 26, была помещена публикация с вызовом наследников. — П. А. Плетнев в ответном письме 19 июля недоумевал: «Эслинга (бог знает, что это за существо! Ты воображаешь, что я знаком со всем светом) я не принимал еще у себя и о повестях никакого известия не имею. Рад буду их издать, только по возвращении в город, т. е. по прекращении холеры; а теперь я удалил от себя всякое земное помышление, и оттого ни о чем не думаю и неспособен ничего делать» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 283). Пушкин разъяснял в письме 22 июля: «Эслинг сей, которого ты не знаешь, — мой внук по лицею, и, кажется, добрый малой; я поручил ему доставить тебе мои сказки; прочитай их ради скуки холерной, а печатать их не к спеху» (см. в письме № 443). Но еще 25 июля Геслинг у Плетнева не был, о чем Плетнев писал Пушкину под этим числом (см. Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 289). Вероятно он так и не побывал у Плетнева, так как Пушкин сообщал последнему 3 августа «Сказки мои возратились ко мне, не достигнув до тебя» (см. письмо № 449). Имя Геслинга упоминается еще в письме Пушкина к М. Д. Деларю 28 сентября, в котором Пушкин просил Деларю доставить письмо Геслингу и спрашивал: «где он? что он?» (см. в письме № 464). Ответного письма Деларю мы не имеем, а потому не представляется возможным найти объяснение причины посылки письма к Геслингу. По сведениям Б. Л. Модзалевского, извлеченным им из архива редакции «Русской Старины» (см. картотеку его в Пушкинском Доме), Н. Н. Геслинг был знаком с И. А. Крыловым, А. Н. Олениным, гр. Ф. П. Толстым, и у него бывали Н. В. Кукольник, М. И. Глинка, А. П. Брюллов, В. К. Кюхельбекер и другие литераторы и художники. В бытность Н. Н. Геслинга начальником Отделения Тифлисского военного губернатора в 1829 г. произошла встреча его с Пушкиным в Тифлисе; об этой встрече и о случае, происшедшем с Пушкиным в городе Душете, в котором Пушкин был 26 мая 1829 г., с тамошним полицмейстером майором Рафаилом Сергеевичем

Ягуловым (см. Месяцеслов с росписью чиновных особ... на лето 1829 г.», ч. II, С.-Пб., стр. 520), сохранился рассказ, записанный со слов Н. Н. Геслинга, в бумагах С. Д. Полторацкого; он напечатан в «Русск. Стар.» 1892 г., № 7, стр. 25—27, под заглавием: «А. С. Пушкин у душетского городничего». «Вчера, между прочим, рассказан мне, — пишет неизвестный автор, — в Царском Селе живущим там ст. сов. Ник. Ник. Геслингом забавный анекдот о Пушкине, который можно поставить в pendant к анекдоту, недавно рассказанному в газетах о Викторе Гюго и А. Дюма, бывших свидетелями на одной деревенской свадьбе и оставшихся вовсе неизвестными для мэра деревни. — Пушкин во время поездки в Грузию и Закавказье имел спутником молодого графа [В. А.] Мусина-Пушкина [о нем см. выше, т. I, стр. 254 и др. по указателю], с которым поссорился в дороге, тем более, что экипаж принадлежал Мусину-Пушкину, — он взял свои вещи и отправился пешком до первой станции, которая была г. Душет (в 52 верстах от Тифлиса), надеясь найти по дороге какую-нибудь телегу или арбу, чтобы доплестись до города. Обманувшись в своих ожиданиях и принужденный нести на себе свои вещи под солнцем Грузии (это было весною [26 мая], он едва имел сил добрести до города. Узнав, что в городе нет ни трактира, ни гостиницы, ничего, кроме отвратительного нечистотою грузинского духана, он решился отправиться прямо в дом городничего, твердо надеясь найти у него обычное русское гостеприимство. Городничего не было дома: путешественника встретила ключница или управительница и ввела его в комнаты. Пушкин едва доплелся до дивана, упал как полумертвый, снял с себя платье и в одних кальсонах растянулся на диване. По просьбе его, ключница подала ему для утоления жажды стакана два чихаря (красного вина), и он уже начал засыпать. Внезапно возвращается хозяин дома и, узнав от людей о неизвестном человеке, расположившемся в его гостиной, с шумом и яростию врывается туда и спрашивает у Пушкина, что̀ он за человек и как смел войти к нему? Тот преспокойно, и не думая одеваться, рассказывает ему всё, как случилось, и просит извинения в его смелости и нецеремонности. Городничий, не внимая ничему, требует, чтобы он ту же минуту оставил его дом, грозя в противном случае велеть его вывести. — Тут уже Пушкин решился объявить ему свое имя, надеясь несомненно на магическое его влияние. Каково же было его замешательство, когда городничий, не изменяя своего тона, объявил ему, что это все равно, что он какой-то Пушкин и что много их братьев сочинителей таскается там, и что ему не принимать же всех. — После такого приема, разумеется, Пушкин не заставил себя долго просить и, приехав в Тифлис, не мог не рассказать анекдота, в смех, а не в жалобу. Геслинг (товарищ Пушкина по лицею), бывший в то время правителем канцелярии военного губернатора (генер.-адъют. [Н. М.] Сипягина, послал предписание душетскому городничему явиться в Тифлис для объяснений по делам службы. Можно себе представить что было с бедняжкою и как ему досталось от неумолимой молодежи. Его напоили допьяна и заставили на коленях просить прощения у поэта, который больше всех забавлялся приключением. Действующее лицо сей комедии, вероятно не однажды повторявшейся с знаменитостями, был отставной из кавалерии майор Ягушов или Егушов». № 439

№ 439 — Повести покойного Белкина — «Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А. П.» — о них см. выше, в письмах № 406 и 436, и ниже, в письмах № 439, 443, 449, 452, 453, 455, 471, 472. Написанные еще в 1830 г. в Болдине, они появились в свет лишь в октябре 1831 г. Под земской цензурой Пушкин подразумевал обыкновенную цензуру, а под удельной — цензуру Николая I, которому сочинения поэта обыкновенно представлялись через А. Х. Бенкендорфа. Н. Н Геслинг, повидимому, не доставил Плетневу повестей (см. письмо Плетнева от 19 числа, Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 283); Пушкин вскоре же препроводил их Плетневу через Н. В. Гоголя (см. в письме Пушкина № 452), со вторичною просьбою к Плетневу отдать их в *простую* цензуру, что Плетнев и исполнил. О посылке с рукописью Гоголь писал Пушкину 16 августа и 21 августа (см. Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 303 и 305, и Письма Н. В. Гоголя, под ред. В. И. Шенрока, т. I, С.-Пб., стр. 183, 185 и примеч. на стр. 185); в последнем письме Гоголь писал: «у Плетнева я был, отдал ему в исправности вашу посылку и письмо» (Переписка, op. cit., стр. 305). Пушкин благодарил Гоголя за исполнение его поручения в письме к нему 25 августа (см. письмо № 453). Рукопись повестей рассматривал цензор и профессор Петербургского Университета Никита Иванович Бутырский (род. 1787 — ум. 1848); по свидетельству Плетнева, в повестях «ни перемен, ни откидок не воспоследовало» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 319); «Повести Белкина» были разрешены Бутырским к печати 1 сентября (см. Н. Синявский и М. Цявловский, «Пушкин в печати», М. 1914, стр. 107), о чем Плетнев уведомлял поэта в письме 5 сентября (Переписка, op. cit., стр. 319).

— Смирдин, Александр Филиппович — книгопродавец и книгоиздатель, о нем см. выше, в т. II, стр. 277 и др. Издание «Повестей» не было передано Смирдину; Пушкин издал их при посредстве Плетнева на свой счет, а относительно Смирдина просил Плетнева, чтобы последний шепнул Смирдину имя настоящего автора повестей (то есть Пушкина), с «тем, чтоб он перешепнул [его] покупателям» (см. в письме № 452), имея в виду широкий размах издательских предприятий Смирдина, и известить его как книгоиздателя, пользовавшегося авторитетом и уважением.

— О денежных расчетах с Плетневым в связи с этим изданием см. в книжке С. Я. Гессена: «Книгоиздатель Александр Пушкин. Литературные доходы Пушкина», Лгр. 1930, стр. 111—115 и ниже в письме № 452.

— Сев. Цветы — «Северные Цветы на 1832 год», изданные Пушкиным в память бар. А. А. Дельвига и в пользу братьев его. Мысль об издании альманаха возникла у Пушкина и Плетнева после смерти Дельвига. 31 января Пушкин писал Плетневу: «Бедной Дельвиг! Помянем его Северными Цветами...» (см. выше, в письме № 403 и в примечании к нему, стр. 187). Плетнев отвечал Пушкину 22 февраля: «Ты упомянул об издании Северных Цветов. Это непременно сделать надобно с посвящением Дельвигу» («Переписка», т. II, стр. 225). В следующем письме к Плетневу 26 марта Пушкин вновь писал: «Об альманахе переговорим. Я не прочь издать с тобою последние С. Цветы» (см. выше, в письме № 412). Об этом же Пушкин писал М. Л. Яковлеву 19 июля «Что Сев. Цветы? с моей стороны я готов» (см. в письме № 441). На комментируемое письмо

№ 439 Плетнев отвечал 19 июля: «Северные Цветы готовы, но мне никаких поручений не делай. Живу я в такой деревне, которая не на почтовой дороге. Писем отсюда посылать не с кем, а получить еще менее можно. И так к Баратынскому, к Языкову, Вяземскому и другим пиши сам. Мое дело будет в городе смотреть за изданием» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 283). Вследствие такого категорического ответа Пушкин обратился к ряду своих друзей и знакомых с просьбою прислать свои произведения для альманаха (см., например, в письмах №458, 475), на что многие из них откликнулись и прислали и прозу и стихи. О. М. Сомов, как ближайший сотрудник Пушкина по этому изданию, также обращался к некоторым лицам с предложением присылать материалы для альманаха. Так, например, он писал 28 сентября М. А. Максимовичу: «Пушкин решил на будущий год продолжать «Северные Цветы», с благою целью. Он поручил мне передать вам его поклон и великое челобитье, а о чем тому следуют пункты: 1-й и последний: если у вас есть что-либо в прозе, какой-либо отрывок из вашей вдохновенной ботаники, то пришлите его нам для «Северных Цветов». Да не водитесь ли вы с Языковым? Нельзя ли умолить его Христом да богом, чтоб он прислал нам стихов, и поболее и поскорее: ибо «С. Цветы» непременно выйдут в свет к 15-му» («Русск. Арх.» 1908 г., кн. III, стр. 264 — 265). М. А. Максимович откликнулся на призыв и дал в альманах свою статью — «О жизни растений», напечатанную в нем на стр. 133 — 149, и переслал для него и часть стихов Н. М. Языкова. «Пушкин и я челом вам бьем за столь живую «Жизнь растений», — писал Сомов в следующем письме, — которое служит прелестным pendant столь ярко блеснувшему *цветку*... Благодарю вас также, милый земляк, и за доставление стихов Языкова: мы и от него еще получили три пьесы. Все очень милы; а эпиграмма — такая правда, как нельзя больше. Не худо бы послать ее отсюда Н. А. Полевому для помещения в Телеграфе?» («Русск. Арх.» 1908 г., кн. III, стр. 265 и 267, ср. здесь также письмо Сомова от 28 ноября, стр. 268). Альманах вышел в свет около 24 декабря 1831 г.; Пушкин дал в него ряд своих произведений: обе сцены «Моцарта и Сальери», стр. 17 — 32; Четыре Антологические эпиграммы («Царскосельская статуя», «Отрок», «Рифма» и «Труд»), стр. 41 — 42; «Дорожные жалобы», стр. 47 — 48; «Эхо», стр. 50; «Делибаш», стр. 58; «Анчар, древо яда», стр. 113 — 115, и «Бесы», стр. 169 — 171. Из найденных в бумагах Дельвига стихотворений напечатаны пять: «К Морфею», стр. 4—5; «Сонет», стр. 6; две «Русские песни», стр. 7—8, и «Отрывок», стр. 9. Дали свои стихи, кроме Пушкина[1], — Н. М. Языков, М. Д. Деларю, Е. А. Боратынский, кн. П. А. Вяземский, В. А. Жуковский, Ф. Н. Глинка, кн. З. А. Волконская, И. И. Дмитриев, А. А. Комаров, кн. А. В. Мещерский, бар. Е. Ф. Розен, В. Г. Тепляков, Д. Ю. Струйский (Трилунный), кн. А. А. Шаховской, В. Н. Щастный, Л. А. Якубович и некоторые другие; в библиотеке Пушкина сохранилось 4 экземпляра «Сев. Цветов на 1832 год» (см. Б. Л. Модзалевский,

---

[1] Примечание к повести К. Н. Батюшкова «Предслав и Добрыня» (стр. 1—2 в отделе прозы) не принадлежит Пушкину (см. соображения Ю. Г. Оксмана в «Литературном Наследстве», № 16—18, стр. 593).

№ 439 «Библиотека Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 123), что, по словам Н. О. Лернера, указывает на то, что Пушкин «распространял альманах в качестве его издателя» (см. «Пушкин и его соврем.», вып. XVI, стр. 38). Об этом издании см. в статье В. П. Гаевского: «Дельвиг», статья 4-я — «Современник» 1854 г., т. 47, кн. 9, стр. 60—64 и Н. А. Гастфрейнд, «Товарищи Пушкина по Имп. Царскосельскому Лицею», т. II, С.-Пб. 1912, стр. 359—361). Интересные новые материалы по изданию альманаха, в том числе два неопубликованных до настоящего времени письма О. М. Сомова к Пушкину, напечатаны Ю. Г. Оксманом в «Литературном Наследстве», № 16—18, стр. 588—596).

— Ж — Жуковский. В альманах Жуковский дал повесть, написанную гекзаметром, «Сражение с змеем» (стр. 187—198) и стихотворение «Ответ Ивану Ивановичу Дмитриеву» (стр. 11—13). Это — ответ на стихотворение Дмитриева «Василию Андреевичу Жуковскому, по случаю получения от него двух стихотворений на взятие Варшавы», напечатанное здесь же, на стр. 10.

— Баратынский — Евгений Абрамович (о нем см. в тт. I и II, по указателю) в это время находился в имении своего тестя, Л. Н. Энгельгардта, — Каймары, Казанской губ. В альманахе «Северные Цветы» напечатано только одно стихотворение его, под заглавием: «Мой Элизий» («Не славь, обманутый Орфей...»). Боратынский писал (письмо без даты) И. В. Киреевскому: «Я отвечаю всем альманашникам, что у меня стихов нет, и на днях тем же буду отвечать Пушкину» («Татевский сборник С. А. Рачинского», С.-Пб. 1899, стр. 23), а в другом письме ему же сообщал: «Я послал Пушкину «Не славь, обманутый Орфей...», но уверяю, что больше нет ничего за душою. Я не отказываюсь писать; но хочется на время, и даже долгое врѐмя, перестать писать. Поэзия для меня не самолюбивое наслаждение...» (там же, стр. 26). Боратынский предлагал для альманаха еще и другое свое стихотворение: «Бывало, отрок, звонким кликом...», но Пушкин отклонил его напечатание. Боратынский писал по этому поводу И. В. Киреевскому в феврале 1832 г.: «Еще просьба: напечатай в *Европейце* мое «Бывало, отрок, etc.» Я не знаю, отчего Пушкѝн отказал ей место в «*Северных Цветах*» («Татевский сборник С. А. Рачинского», С.-Пб. 1899, стр. 38—39). Это обстоятельство должно было огорчить Боратынского, который очень любил Дельвига и только ради благой цели издания альманаха послал свои стихи Пушкину. См. отзыв Боратынского о смерти Дельвига в письме к П. А. Плетневу в июле 1831 г. из Казанской губернии в «Русск. Стар.» 1904 г., № 6, стр. 519. Об отношении Боратынского к Дельвигу и Пушкину см. выше, стр. 183, 188—189.

— Плетнев не только не нашел стихов для «Северных Цветов», но вообще не дал ни одного своего сочинения для этого альманаха. По поводу выраженного Пушкиным желания, чтобы он написал что-нибудь о Дельвиге, Плетнев ответил 19 июля: «Написать о Дельвиге желаю, но не обещаю. Все зависеть будет от случая: Минута ему повелитель»[1] (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 283). Но желания своего Плетнев не исполнил; кроме небольшого некролога Дельвига, напечатанного сразу же после его

---

[1] Стих из баллады В. А. Жуковского «Граф Габсбургский».

смерти в «Литературной Газете» 16 января 1831 г. № 4, стр. 31—32 (перепечатан в Сочинениях и переписке П. А. Плетнова, под ред. Я. К. Грота, т. I, С.-Пб. 1885, стр. 213—217), Плетнев о нем больше нигде не писал (об этом см. выше, в письме № 406, стр. 206—208).

— «Проза нужна» — в «Северных Цветах на 1832 год» помещены следующие прозаические произведения: повесть К. Н. Батюшкова «Предслав и Добрыня» (стр. 1—46); Иакинфа Бичурина «Байкал. Письмо к О. М. С⟨омову⟩» (стр. 66—85 — рукопись эта оказалась в архиве Пушкина и теперь находится в ИРЛИ); анонимного автора «Отрывок из китайского романа: Хау-цю-Джуань, то есть беспримерный брак. Перевод с китайского» (стр. 86—109); Ф. Н. Глинки «Важный спор. Аллегория» (стр. 246—252); И. И. Лажечникова «Страшный суд. Отрывок из романа Последний Новик» (стр. 110—132); упомянутая выше статья М. А, Максимовича «О жизни растений» (стр. 133—149); А. В. Никитенка «Отрывок из романа Леон или Идеализм» (стр. 253—282); — ср. в «Записках и дневнике» А. В. Никитенка, т. I, СПб. 1905, стр. 216; кн. В. Ф. Одоевского, скрывшегося под инициалами: ь. ъ. й. — «Opera del cavalerie Giambattista Piranesi», с посвящением А. С. Хомякову (стр. 47—65); М. П. Погодина «Нечто о науке. Отрывок из письма к графине N.» (стр. 283—295); О. М. Сомова — повесть «Сватовство. Из воспоминаний старика о его молодости» (стр. 150—240) и «Живой в обители блаженства вечного» (стр. 296—304); Д. Ю. Струйского (Трилунного) «Дума. Посвящена памяти графа Каподистрия. Отрывок» (стр. 241—245). Как видим, прозаического материала в альманах набралось довольно много; обозрения российской словесности, которое обыкновенно должно было открывать альманах, на сей раз, по желанию Пушкина, напечатано не было.

— Полевой — Николай Алексеевич, о нем см. выше, стр. 121—122.

— Булгарин — Фаддей Венедиктович, о нем см. выше, стр. 128—129, 169—170.

— Дельвиг — бар. Антон Антонович, о нем см. выше, в письме № 400, где об отношении Пушкина к его смерти (стр. 172—175).

440. *П. А. Плетневу.* [15 или 16 июля 1831 г.] (стр. 34—35) Напечатано впервые в издании «Сочинения и переписка П. А. Плетнева», под ред. Я. К. Грота, т. II С.-Пб. 1885, стр. 372. Подлинник на листе почтовой бумаги большого формата, с водяными знаками: А. Г. 1829, хранится в ИРЛИ (Пушкинском Доме) Академии Наук СССР; он сложен конвертом и запечатан облаткою; на нем позднейшая пометка Я. К. Грота: «Получено Плетневым 18 июля 1831» (см. «Временник Пушкинского Дома», 1914, стр. 6). Дата определена нами по почтовому штемпелю: 16 июля; таким образом письмо могло быть написано и накануне, то есть 15 июля.

— Письма, о которых Пушкин говорит, что он «надоедал» ими Плетневу, до нас не дошли; об этом Плетнев пишет Пушкину в ответном письме 19 июля: «Вчера получил я от тебя вдруг два письма. Первое из них начинается: Я надоел тебе письмами. Это меня удивило, потому что я не получал до сих пор ни строчки. Вероятно письма твои лежат в городе, куда я слишком месяц ноги не накладывал, да и не намерен до прекращения холеры» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 282). Письмом от 19 июля Плетнев отвечал сразу на два письма Пушкина: № 439 и 440.

№ 440 — После слова «слепца» в письме Пушкина Плетнев позже сделал следующее примечание: «Он говорит здесь о смерти статс-секретаря Молчанова, самого благорасположенного ко мне человека, который и Пушкина любил чрезвычайно» (Сочинения и переписка П. А. Плетнева, т. III, стр. 372). Пушкин, причислявший Молчанова к «близким сердцу», помянул его еще и в следующем письме к Плетневу 22 июля (см. выше, № 443), но никаких подробных свидетельств об их взаимоотношениях до нас не дошло.

— Молчанов, Петр Степанович (род. 1770 — ум. 8 июля 1831 от холеры и погребен на холерном кладбище в 4 верстах от Петербурга; см. «Петербургский Некрополь», т. III, стр. 160); образование получил в Московском Университетском Благородном Пансионе. Отец его управлял имением кн. А. Б. Куракина, и П. С. Молчанов в молодости находился при кн. Куракине (см. его письма к Куракину 1795—1805 гг. в «Русск. Арх.» 1893 г., кн. III, стр. 523—536) а также историч. сб. «Восемнадцатый век, издаваемый кн. Ф. А. Куракиным», под ред. В. М. Смольянинова, т. I, 1904, по указателю), затем служил в Сенате, был обер-прокурором, статс-секретарем, членом Комиссии прошений, в 1808—1815 гг. был управляющим делами Комитета министров при кн. Н. И. Салтыкове, получил чин тайного советника и был назначен сенатором (8 августа 1812 г.); Молчанов пользовался большим влиянием на государственные дела, но под конец жизни утратил его, был под судом, ослеп, а с 1817 г. проживал вдали от дел и был уволен в отставку 17 ноября 1828 г. В 1780—1790 гг. он занимался литературой, сотрудничал в ряде журналов, писал стихи и переводил с французского языка. Из его переводов отметим перевод поэмы Ариоста «Неистовый Роланд» и др. (список его произведений приведен у Г. Н Геннади: «Справочный словарь о русских писателях и ученых», Берлин 1880, т. II, стр. 339). П. С. Молчанов был почетным членом Вольного Общества Любителей Словесности, Наук и Художеств, почетным членом Беседы Любителей Русского Слова и членом Вольного Экономического Общества, а с 1812 г. он был членом Особого Комитета по управлению хозяйственной частью императорских театров («Русск. Арх.» 1870 г., ст. 1554—1555). Плетнев был очень близок к Молчанову. Есть основания считать, что он был наставником его сына, умершего в молодости в 1828 г. (см. в I т., стр. 217). Плетнев жил в это время на его даче, принадлежавшей его тестю, Ив. Ив. Кушелеву, в Лесном. «Ты угадал мои чувства по случаю кончины Молчанова, — писал Плетнев Пушкину в ответ 19 июля. — Он и Дельвиг были для меня необходимыми, чтобы я вполне чувствовал счастие жизни. Смерть их сделала из меня какого-то автомата. Не знаю, что будет вперед, а теперь я ко всему охладел. Жду зимы, чтобы согреть близь тебя душу. Впрочем думаю, что ты скоро соскучишь мною и оставишь меня на произвол моей странной судьбы. Других надежд у меня нет. Жуковский совсем не знает меня; потому что он никогда не имел случая видеть меня близко. Вероятно придется мне закрыться и ждать другой жизни. Я так избалован Молчановым; он так понимал меня во всяком расположении духа; он так был деятелен умом для оттирания цепеневшего моего духа — что конечно никто уж не наложит на себя его обязанности. В одном ли я с ним жил

месте, разрознены ли мы бывали — он умел изобретать способы сливать свою душу с моею и беспрестанно доставлять мне свое общество. Все, что в отсутствии говорил он или готовился делать с другими, он совестился не передать мне этого, чтобы в наших разговорах и действиях никогда не показывалось промежутка» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 282—283; см. еще отзывы Плетнева о Молчанове 1833 г. в письме к В. А. Жуковскому, в «Сочинениях и переписке Плетнева», т. III, стр. 525, и в «Переписке Я. К. Грота с П. А. Плетневым», под ред. К. Я. Грота, тт. I — III по указателю). Под непосредственным впечатлением смерти Молчанова писаны также письма: гр. Д. Н. Блудова («Русск. Арх.», 1874, кн. I, ст. 846) и К. Я. Булгакова (там же, 1903, кн. III, стр. 566; ср. в письме А. Я. Булгакова, там же, 1902, кн. I, стр. 75). Отзывы современников единодушно рисуют Молчанова с хорошей стороны. Н. И. Греч называет его «умным и благородным» (Н. И. Греч, «Записки», Лгр. 1930, стр. 212), а всегда точный в своих записях А. В. Никитенко отметил в своем дневнике (11 ноября 1826 г.): «Сегодня познакомился с известным государственным человеком, Петром Степановичем Молчановым. Ему лет за пятьдесят; он к несчастию лишен зрения, но лицо у него свежее. Он бодр, говорит весело, приятно и любит рассказывать анекдоты из прошедших времен... Он довольно долго жил в Малороссии и говорит по малороссийски, как истый малороссиянин. Мысли его о нынешних государственных делах обличают большую опытность... Я целый вечер не отходил от господина Молчанова и с интересом слушал его. У деловых людей всегда чему-нибудь научишься и никак не следует пренебрегать мнением о настоящем положении вещей тех, которые некогда сами участвовали в правлении», а в другом месте своего дневника Никитенко вспоминал (в 1865 г.): «Когда я был студентом и жил у г-жи Штерич, он часто бывало у нее, иногда сажал меня возле себя и подолгу со мной говорил о Малороссии, которую очень любил. Он умер во время холеры 1831-го года одною из первых жертв ее. Во время моего знакомства он был уже слеп» (А. В. Никитенко, Записки и Дневник, т. I, стр. 158—159 и т. II, стр. 263). Кн. П. А. Вяземский, знавший Молчанова также на склоне его дней, говорит: «Я не знал Молчанова, когда он был, как говорится, в случае и силе. Слышно было, что он считался всемогущим дельцом при князе Н. И. Салтыкове; а князь, в пребывание императора за границею во время войны, был чуть ли не регентом в России. Касательно этой эпохи ничего положительного о Молчанове сказать не могу: я вовсе не знал его, а худого по наслышке ничего сказать не хочу. Сблизился я с ним уже позднее, когда был он в отставке и слеп. Нашел я в нем человека умного, обхождения самого вежливого и приятного. Отставку и слепоту переносил он бодро и ясно. Был словоохотлив, говорил и рассказывал с большою живостью и увлекательностью. Многое и многих знал он вблизи; знал хорошо и сцену света, и актеров, и закулисные таинства, и всё сохранил он в своей твердой и зеркальной памяти. Искал он беседы с людьми почему нибудь известными и достойными внимания. С ними он, так сказать, кокетствовал, заискивая их доброе к себе расположение. Он говаривал, что можно всем прикинуться, и богатым, и знатным, но умным уж никак не при- № 440

№ 440 кинешься, если нет ума». Далее Вяземский говорит об отношениях Молчанова к И. И. Дмитриеву и об их столкновениях в бытность Молчанова управляющим Комитетом Министров, а Дмитриева — министром юстиции. «По крайней мере, — продолжает Вяземский, — при последнем пороге жизни очистились они друг перед другом от неприязненных чувств, которые, может быть, пережили в сердцах их и самую пору, и самые причины взаимного недоброжелательства: политические и даже просто служебные разногласия и пререкания гораздо злопамятнее, нежели сердечные и любовные размолвки. В то время холера начинала разыгрываться. Молчанов очень боялся ее. По возвращении своем в Петербург, он наглухо заперся в своем доме, как в крепости, осажденной неприятелем. Но крепость не спасла. Неприятель ворвался в нее и похитил свою жертву» («Русск. Арх.» 1873 г., № 6, ст. 1026—1028; Сочинения кн. П. А. Вяземского, кн. VIII, СПб. 1883, стр. 119—121; ср. П. И. Бартенев «Пушкин», в. I, М. 1881, стр. 188). В письме к Плетневу от 13 сентября 1831 г. Вяземский писал: «А бедный Молчанов, как жаль его. Грустно мне будет найти в Петербурге эти два пустые места: Дельвига и Молчанова. Святое место пусто не будет, но грешное место, видно, не так легко заместить» («Изв. Отд. Русск. яз. и слов. Акад. Наук» 1897 г., т. II, стр. 98, а также 93 и 95). П. С. Молчанов был женат на дочери сенатора Ив. Ив. Кушелева, Евдокии (Авдотье) Ивановне (род. 23 ноября 1786 — ум. 7 октября 1823). Некоторые из его исторических анекдотов записаны А. В. Никитенком (в его «Дневнике», т. I, стр. 158), кн. П. А. Вяземским («Русск. Арх.» 1873 г., № 6, ст. 1025—1026, и Сочинения Вяземского, т. VIII, стр. 119) и Н. И. Брусиловым («Русск. Стар.» 1893 г., № 11, стр. 417). Биографические сведения о Молчанове см. в «Остаф. Арх.», т. I, стр. 448—449, в «Русск. Арх.» 1893 г., кн. III, стр. 523 и др., по указателю, в «Русск. Вестн.» 1867 г., т. 72, № 11, стр. 109 — 110, в Записках Ф. Ф. Вигеля, т. II, М. 1928, стр. 34—35 и 70, в Записках Н. И. Греча, Лгр. 1930, стр. 211 — 212, в записках И. И. Дмитриева: «Взгляд на мою жизнь», стр. 204, в «Русск. Стар.» 1902 г., № 6, стр. 467—469; в Сочинениях и переписке П. А. Плетнева, т. III, стр. 529 — 530, в «Русск. Стар.» 1880 г., № 10, стр. 224, и в «Письмах главнейших деятелей в царствование императора Александра I», под ред. Н. Ф. Дубровина, С.-Пб. 1883, по указателю.

— Патмос — остров; о нем см. в т. I, стр. 223. Плетнев жил в это время на Кушелевой даче у Самсониевой заставы (см. выше, стр. 337), ныне местечко Кушелевка в Лесном. Пушкин здесь бывал у него (см. «Русск. Обозр.» 1896 г., май, стр. 382).

— Двор переехал в Царское Село 10 июля (см. выше, стр. 316, 327, 336).

— Царица — императрица Александра Федоровна (род. 1 июля 1798— ум. 20 октября 1860), жена Николая I, в девичестве принцесса Прусская Шарлотта-Фредерика-Луиза-Вильгельмина, вышла замуж 1 июля 1817 г. (о ней и об отношении к ней Пушкина см. у Б. Л. Модзалевского, в примечаниях к «Дневнику» Пушкина, П. 1923, стр. 134—135 и др., и в московском издании «Дневника», 1923, стр. 231—232 и др.). Официально Пушкин представлялся ей 8 апреля 1834 г. (см. «Дневник», П., 1923, стр. 12), но знакомство его с ней произошло, вероятно, в это время в Царском

Селе; это утверждает и Л. Н. Павлищев в своих не заслуживающих никакого доверия «Воспоминаниях об А. С. Пушкине», М. 1890, стр. 255; О. С. Павлищева писала мужу Н. И. Павлищеву, 15 или 13 августа: «Ma belle soeur est charmante, je vous l'ai dit, vous l'avez oublié; elle fait l'admiration de Царское, et l'Impératrice veut qu'elle vienne à la Cour; elle en est désolée, car elle n'est pas sotte; ce n'est pas ce que j'ai voulu dire: quoiqu'elle ne soit pas sotte du tout, elle est timide encore un peu, mais cela passera et elle s'arrangera et de la Cour et de l'Impératrice en femme et belle, et jeune, et aimable. Mais je crois qu'en revanche Alexandre en est aux anges; je suis fâcheé d'être un peu loin de Царское, de ne pas les voir de près et leur ménage. Physiquement ils sont deux contrastes parfaits: Вулкан и Венера, Кирик и Улита etc. etc. etc.» («Пушкин и его современн.», вып. XV, стр. 84 и 89). Из приведенной цитаты можно сделать вывод, что встреча Пушкина с императрицей, о которой говорил Л. Н. Павлищев, действительно могла иметь место (это подтверждается и сообщением Н. О. Лернера со слов Б. Л. Модзалевского в его «Трудах и днях Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 247). Встреча могла произойти в саду Александровского дворца, где Пушкин гулял с женой, о чем вспоминал впоследствии бар. Ф. А. Бюлер (см. «Русск. Арх.» 1872 г., кн. I, стр. 202). Императрица в это время находилась в последнем месяце беременности и 27 июля родила великого князя Николая Николаевича (старшего; умер 13 апреля 1891). Об этом Пушкин написал 29 июля П. В. Нащокину: «Государыня третьего дня родила великого князя Николая Николаевича».

— Паскевич — граф Иван Федорович, генерал-фельдмаршал (о нем см. в т. II, стр. 343—344 и выше, стр. 242 и 304), в это время главнокомандующий русской армией, действовавшей в Польше против восставших поляков (ср. «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Л. 1927, стр. 281).

— Слухи о прекращении холеры исходили из Петербурга; ср. письмо гр. Д. Н. Блудова от 8 августа — «Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, ст. 855.

— О Кушелевой даче см. выше, стр. 337 и 348.

441. *М. Л. Яковлеву.* 19 июля [1831 г.] (стр. 35—36). Впервые напечатано в «Библиографических Записках» 1861 г., т. III, № 10, стр. 287—288, по сообщению В. П. Гаевского, списавшего письмо с подлинника, хранившегося у М. Л. Яковлева; отсюда письмо перепечатано во всех изданиях сочинений Пушкина и в Акад. изд. Переписки его, т. II, стр. 281—282. Подлинник — на листе почтовой бумаги большого формата, с водяными знаками: А. Г. 1829, — в ИРЛИ (Пушкинском Доме) Академии Наук, в собрании автографов В. И. Яковлева; письмо сложено конвертом и запечатано облаткою (см. В. И. Срезневский, «О Пушкинских текстах из коллекции В. И. Яковлева» — в сб. «Пушкин и его соврем.», вып. XXXVI, стр. 5, № 4).

— Это письмо служит ответом на следующее письмо М. Л. Яковлева к Пушкину, писанное из Петербурга 16 июля: «Наконец, после долгих и многих сборов, Баронесса Софья Михайловна расстается на днях с Петербургом. — Царское Село оцеплено, след. она с тобою не увидится и след. проценты (125 р.), о которых я тебе прежде писал, не можешь ты ей отдать лично — а деньги ей нужны и весьма нужны. Нельзя ли тебе, друг сердечный, переслать их на мое имя: чем скорее, тем лучше. Адрес мой следующий: Михаилу Лукьяновичу Яковлеву. Во 2-м Отделении собствен-

№ 441 ной его величества канцелярии» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 275—276).

— Михаил Лукьянович Яковлев (род. 19 сентября 1798—ум. 4 января 1868), второй сын Лукьяна Яковлевича Яковлева (род. 1763—ум. 1831), женатого на Прасковии Николаевне Калмыковой (род. 1769—ум. 1824), и младший брат Павла Лукьяновича Яковлева (о нем см. выше, в примечаниях к письму № 394, стр. 125—128), однокашник Пушкина по Лицею — был одним из ближайших его друзей в послелицейский, зрелый период его жизни; друг бар. А. А. Дельвига и других лицеистов. Яковлеву Пушкин посвятил следующие строки в стихотворении 1814 года «Пирующие студенты» (6-я строфа)

А ты, который с детских лет
  Одним весельем дышишь!
Забавный, право, ты поэт,
  Хоть плохо басни пишешь.
С тобой тасуюсь без чинов,
  Люблю тебя душою, —
Наполни кружку до краев:
  Рассудок, бог с тобою.

К этим стихам Я. К. Грот сделал примечание: «Таким и я знал еще Яковлева. Веселость выражалась в чертах его лица, его появление всегда оживляло общество; он был мастер петь романсы и никогда не отказывал в том» («Пушкин, его лицейские товарищи и наставники» — «Труды Я. К. Грота», т. III, С.-Пб. 1901, стр. 15); последнее дарование соединялось у Яковлева с несомненными музыкальными способностями вообще: он хорошо играл на рояле, на скрипке и неплохо перелагал некоторые романсы на музыку; так, из его романсов в свое время известны были, главным образом, романсы на слова бар. А. А. Дельвига (перечень их см. в книге Н. А. Гастфрейнда «Товарищи Пушкина...», т. II, С.-Пб. 1912, стр. 257—258), а сочувственный отзыв известного «дедушки русского романса», композитора Н. А. Титова, о двух из них «Роза ль ты, розочка» и «Когда, душа, просилась ты...» на слова бар. А. А. Дельвига см. в «Древней и Новой России» 1878 г., № 12, стр. 274. На слова Пушкина Яковлев написал музыку только к трем стихотворениям: «Слеза» — «Вчера за чашей пуншевою...» (сохранились ноты этого романса с поправками Пушкина в тексте стихов, см. Л. Б. Модзалевский, «Рукописи Пушкина в собрании Гос. Публ. Библиотеки в Ленинграде», М. 1929, стр. 9, 46), «Зимний вечер» — «Буря мглою небо кроет...» и «Признание» — «Я вас люблю, хотя...» (Н. А. Гастфрейнд, op. cit., стр. 257, Д. Кобеко «Императорский Царскосельский Лицей», СПб., 1911, стр. 310—311 и 489). М. И. Глинка в своих записках говорит о нем: «Летом... 1828 г. Михаил Лукьянович Яковлев, композитор известных русских романсов и хорошо певший баритоном, познакомил меня с бароном Дельвигом, известным нашим поэтом. Я нередко навещал его... Барон Дельвиг переделал для моей музыки песню: «Ах, ты, ночь ли, ноченька...», и тогда же я написал музыку на слова его-же: «Дедушка, девицы раз мне говорили»; эту песню весьма ловко певал М. Л. Яковлев» (М. И. Глинка, «Записки», под ред. А. Н. Римского-Корсакова, Лгр. 1930, стр. 91. Ср. «Русск. Стар.» 1871 г., № 7, стр. 42—43). О пении Яковлева см. еще: А. Н. Вульф, «Дневники», под ред. П. Е. Щеголева, М. 1929, стр. 165, А. П. Керн, «Воспоминания», под ред. Ю. Н. Верховского, Лгр.

1929, стр. 297—298, также «Русск. Стар.» 1886 г., № 8, стр. 351, и Е. А. Сушкова, «Записки», под ред. Ю. Г. Оксмана, Лгр. 1928, стр. 175. Кроме музыкального дарования, Яковлев рисовал и обладал актерским и поэтическим даром (писал стихи, басни), но из произведений его дошло до нас лишь несколько стихотворений; одно из них, 1823 г., обращено к бар. А. А. Дельвигу: «Где-то добрый Дельвиг мой...» (см. «Русск. Арх.» 1891 г., кн. II, стр. 357—358, и Гастфрейнд, op. cit., стр. 260—261). Сохранилось еще свидетельство В. П. Гаевского о том, что Яковлев в первые два года лицейской жизни, вместе с Пушкиным, написал комедию «Так водится в свете», предназначавшуюся для домашнего театра («Современник» 1863 г., № 7, стр. 155). В 1839 г. бар. М. А. Корф записал в своем дневнике о Яковлеве: «Хороший товарищ, надежный в приязненных своих сношениях, не без способностей к делу, хороший музыкант и приятный композитор. По службе, которую он начал в московском сенате, ему сперва очень не везло; но потом, с переходом во II Отделение собственной государевой канцелярии (к Сперанскому) все поправилось. Теперь он действительный статский советник и занимает место директора типографии II отделения» («Русск. Стар.» 1904 г., № 6, стр. 552). В 1836 г. М. Л. Яковлев вместе с кн. Д. А. Эристовым составил «Словарь исторический о святых, прославленных в российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых», С.-Пб. 1836; изданная анонимно, книга эта вызвала благожелательный отзыв Пушкина в «Современнике» (см. об этом выше, в т. I, стр. 518, в «Русск. Арх.» 1904 г., кн. III, стр. 498, в книге Д. Ф. Кобеко: «Императорский Царскосельский Лицей», С.-Пб. 1911, стр. 347—348, и статью Н. О. Лернера: «Из истории журнальной деятельности Пушкина» — в сборнике журнала «Русский Библиофил» — «А. С. Пушкин», 1911, стр. 68—69), книга была в библиотеке Пушкина, но не сохранилась. Первоначально Яковлев воспитывался в Московском Университетском благородном пансионе, откуда в 1811 г. перешел в только что открывшийся лицей. По словам его биографа, «обучался Яковлев в Лицее успешно и был отличен профессорами, как ученик прилежный и больших дарований. Он рано почувствовал любовь к родной словесности и примкнул к лицейскому литературному кружку, во главе которого стоял Пушкин; одновременно Яковлев участвовал в театральных представлениях, дававшихся в то время в Лицее, и усердно посещал дружеское литературное общество С. Д. Пономаревой, рожд. Позняк, в гостиной которой бывали Крылов, Гнедич, Греч, Измайлов, Дельвиг, Боратынский и др. [см., например, «Русск. Арх.» 1868 г., ст. 145]. Уже тогда Яковлев искушал свои силы в составлении стихов» («Русск. биограф. словарь», т. Яблоновский — Фомин, С.-Пб. 1913, стр. 94). Как актер и подражатель, Яковлев пользовался большим успехом у лицеистов, которые прозвали его «паясом»; в одном из сборников лицейских стихотворений имеется такая эпиграмма на него, писанная неизвестным лицеистом: № 444

Мишук не устает смешить,
Что день, то новое проказит.
Теперь затеял умным быть...
Не правда ль? мастерски паясит?

(Н. В. Измайлов, «Новый сборник лицейских стихотворений» — «Сборник Пушкинского Дома на 1923 год», II. 1922, стр. 64). В протоколах лицейских

№ 441 годовщин, праздновавшихся ежегодно и обыкновенно на квартире «старосты» М. Л. Яковлева, эта кличка «паяс» написана в протоколе (1828 г.) при его имени, а в другом протоколе М. Л. Яковлев, подписавшись, приписал при своей фамилии «паяс 200 №№» (см. К. Я. Грот, «Празднование лицейских годовщин при Пушкине и после него» — «Пушкин и его современники», вып. XIII, стр. 51, и К. Я. Грот, «Пушкинский Лицей», С.-Пб., 1911, стр. 80—81; ср. здесь же, стр. 313—314, стихотворение «Паясы», 1813 г.). Список этих двухсот лиц и фигур, которые представлял Яковлев, напечатан в указанной книге К. Я. Грота (стр. 80—81). Среди них он представлял своих товарищей, в том числе Пушкина (№ 42), ряд лицейских преподавателей и других лиц. «Паясничать» Яковлев не переставал и позже. Так, в протоколе празднования годовщины 1828 года, например, в перечне того, что в данный вечер собравшиеся делали, записано под литерою «к»: «Паяс представлял восковую персону» («Пушкин и его соврем.», вып. XIII, стр. 47). Повидимому, к Яковлеву относится следующий рассказ кн. П. А. Вяземского в его «Старой записной книжке»: «Пушкин спрашивал приехавшего в Москву старого товарища по Лицею про общего приятеля, а также сверстника-лицеиста, отличного мимика и художника по этой части: «А как он теперь лицедействует и что представляет?» — Петербургское наводнение. — «И что же?» — Довольно похоже, отвечал тот. Пушкин очень забавлялся этим *довольно похоже*» (Сочинения кн. П. А. Вяземского, т. VIII, С.-Пб. 1883, стр. 331); но уже в 1826 г. в письме к В. Д. Вольховскому 4 января Яковлев писал, что «ему не удается много паясить, потому что занят делом» (Гастфрейнд, «Товарищи Пушкина», т. II, стр. 232). По окончании Лицея Яковлев служил в Сенате, затем был прикомандирован в качестве секретаря при сенаторах Гермесе и Мортваго, ревизовавших Кавказ и Астраханскую губ., а затем проживал в Москве. Возвратился в Петербург он лишь в 1824 г. и 8 сентября был переведен на службу в департамент министерства юстиции, а в 1826 г. (11января) был определен столоначальником в департамент разных податей и сборов. По словам его биографа, «когда указом 1826 г. составление свода законов было возложено на учрежденное тогда II Отделение собственной его имп. вел. канцелярии, во главе которого был поставлен М. М. Сперанский, последний пригласил на службу в Отделение в числе других лицеистов и Яковлева». Дальнейшая служебная карьера Яковлева протекала в следующем порядке. В 1830 году (21 марта) он был назначен членом комиссии для разбора архивов государственного и сенатского, а в 1832 году ему поручено было управление типографиею II Отделения собственной е. и. в. канцелярии, директором которой он сделался в следующем году (10 февраля 1833 г.). В это время, по просьбе Пушкина, Яковлев принял на себя как выбор бумаги и шрифта для первой исторической работы Пушкина «История Пугачевского бунта», так и тщательное чтение корректур этого труда (об этом см. ниже, в т. IV, при письмах к нему, касающихся печатания «История Пугачевского бунта» в этой типографии под его наблюдением). О дальнейшей его службе см. «Русский биографический словарь», т. Яблоновский — Фомин, стр. 94, Н. А. Гастфрейнд, «Товарищи Пушкина по имп. царскосельскому Лицею», т. II, С-Пб. 1912, стр. 219—265, «Русск. Стар.» 1903 г., № 6, 630—631, в статье И. А. Кубасова о П. Л. Яковлеве,

И. А. Шляпкин, «Из неизданных бумаг А. С. Пушкина», С.-Пб. 1903, стр. 139. № 441 Смерть Пушкина произвела на Яковлева тяжелое впечатление; о ней ему писал в трогательных выражениях Ф. Ф. Матюшкин 14 февраля 1837 г.: «Пушкин убит — Яковлев, как ты это допустил — у какого подлеца поднялась на него рука! Яковлев, Яковлев, как ты мог это допустить? — Наш круг редеет, пора и нам убираться» (К. Я. Грот, «Пушкинский Лицей», С.-Пб. 1911, стр. 71—72 и 73), а в своем письме к В. Д. Вольховскому 22 июня 1837 г. Яковлев писал: «Ты мне пеняешь, зачем я не написал тебе о горестной кончине Пушкина? Вот мой ответ. Не писал я потому, что голова кругом шла в то время, а когда образумился, то уж газеты предупредили известия о его смерти. . .» (Н. Гастфрейнд, «Товарищи Пушкина», т. II, стр. 235). Осенью 1836 г. Яковлев, так же как и некоторые другие знакомые Пушкина, получил анонимный пасквиль, адресованный Пушкину, и помог ему определить бумагу, на которой он был написан; об этом сохранился рассказ С. Д. Комовского в записи Я. К. Грота («Труды Я. К. Грота», т. III, С.-Пб. 1901, стр. 282 второй пагинации). М. Л. Яковлев был женат два раза: первым браком, вероятно, на Маргарите Васильевне Куломзиной (Б. Л. Модзалевский, «Пушкин», Лгр. 1929, стр. 193) и вторым браком — на вдове генерал-майора Надежде Ивановне Игнатьевой (кн. А. Б. Лобанов-Ростовский, «Русская Родословная книга», т. II, С.-Пб. 1895, стр. 460, и у Н. А. Гастфрейнда, op. cit., т. II, стр. 236, здесь Гастфрейнд перечисляет и детей второй его жены, очевидно, Игнатьевых).

— М. Л. Яковлев исполнил поручение Пушкина о деньгах, должных Пушкиным бар. С. М. Дельвиг. 23 июля он отвечал Пушкину: «Вчера был я у Плетнева, на даче Молчанова; получил от него 125 руб. и дал ему надлежащую росписку; в тот же день отдал деньги Баронессе. Она при мне сделала надпись на векселе в получении процентов вперед за полгода. — ... Ты угадал: он [Плетнев] сидит на даче и в город не заглядывает. Все у него здоровы. Софья Михайловна премного благодарит тебя за все твои благие намерения. Она в них не сомневалась» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 288). Надо полагать, что деньги Пушкин должен был С. М. Дельвиг за свой портрет, писанный О. А. Кипренским и купленный Пушкиным у нее за 1000 рублей (об этом см. выше, в примечаниях к письму № 406, стр. 205—206). Рассчитался с ней Пушкин вскоре же, что видно из письма Плетнева к Пушкину 25 июля (см. ниже, стр. 365—366).

— Плетнев — Петр Александрович (о нем см. выше, в т. I и II, passim), жил в это время на даче своего только что умершего друга П. С. Молчанова в Лесном (см. выше, в примечаниях к письму № 440, стр. 348). Деньги, в которых Пушкин в это время нуждался, были посланы ему Плетневым из 10 000 рублей, полученных Пушкиным за «Бориса Годунова» (см. ниже, в письме Плетнева к Пушкину от 25 июля, стр. 365—366).

— Софья Михайловна — вдова бар. А. А. Дельвига (о ней см. выше, стр. 245—246). «Горесть С. М. Дельвиг после неожиданной смерти мужа была и сильна и остра, но непродолжительна, — пишет Б. Л. Модзалевский (см. бар. А. И. Дельвиг, «Мои воспоминания», т. I, М. 1912, стр. 117 и 125), — уже менее чем через два месяца лицейский товарищ Дельвига и Пуш-

№ 441 кина, М. Л. Яковлев, решился обратиться к ней с письмом, в котором сделал ей предложение выйти за него замуж» («Роман декабриста Каховского», Лгр. 1926, стр. 114). Но из этого предложения ничего не вышло, а С. М. Дельвиг получила другое предложение, от брата Е. А. Боратынского — Сергея Абрамовича, и они уже в июне обвенчались (см. об этом в книжке Б. Л. Модзалевского: «Роман декабриста «Каховского», Лгр. 1926, стр. 114—115, и в «Воспоминаниях» бар. А. И. Дельвига, т. I, стр. 147—149, и у Б. Л. Модзалевского, «Пушкин», Лгр. 1929, стр. 262—266). В это время, пока совершались эти события, отец Софьи Михайловны, М. А. Салтыков, и родственники ее первого мужа — Дельвиги — с нетерпением ожидали ее приезда в Москву. «Наконец, — говорит А. И. Дельвиг, — С. М. Дельвиг приехала с малолетней дочерью и двумя братьями мужа [то есть Дельвигами] в конце июля и остановилась у отца, который жил тогда в небольшой квартире на Маросейке...» (бар. А. И. Дельвиг, op. cit., стр. 147). Как видим из письма Пушкина, поэт не смог проститься с ней перед ее отъездом.

— Сев. Цветы — альманах «Северные Цветы на 1832 год», предположенный Пушкиным и его друзьями к изданию в память бар. А. А. Дельвига (см. выше, стр. 342—344).

— Письма Дельвига к Пушкину дошли до нас не все, так же как и письма Пушкина к нему (см. в т. I, стр. XXXVIII). Намерения своего напечатать письма Дельвига Пушкин не исполнил. Бар. С. М. Дельвиг предполагала вернуть Пушкину его письма к Дельвигу, что видно из письма М. Л. Яковлева 23 июля (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 288), но получил ли он их, остается невыясненным.

— Кюхля — Вильгельм Карлович Кюхельбекер, товарищ Пушкина по Лицею, осужденный по делу 14 декабря 1825 г. в каторжные работы сперва на 20, а потом на 15 лет, и отбывавший наказание вместо Сибири в арестантских ротах при Динабургской крепости; пробыв с октября 1827 г. (после случайной встречи своей с Пушкиным на станции Залазы — см. выше, т. I, стр. 220, и т. II, стр. 264) в названных арестантских ротах (откуда в 1828 и 1830 гг. дважды писал к Пушкину — см. Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 68 и 180—182), он в апреле 1831 г. отправлен был по «высочайшему повелению» сначала в Ревель через Ригу, а оттуда по распоряжению Главного Штаба 27 апреля 1831 г. вскоре (7 октября) отправлен в Свеаборгские арестантские роты, где и находился до конца 1835 г.; затем он был обращен на поселение в Сибирь и отправлен в г. Барагузин, Иркутской губ., где прожил до сентября 1839 г. За эти годы сохранилось три дружеских письма его к Пушкину — все 1836 года (Акад. изд. Переписки, т. III, №№ 974, 1057 и 1082); он умер в Тобольске 11 августа 1846 г., постоянно и много занимаясь литературой (о нем см. также т. I, стр. 216, 220, 247, 296—297, 345, 392, 426—427, 484—485, 530, и в т. II, стр. 141—142, см. также в новой работе Ю. Н. Тынянова в «Литературном Наследстве», № 16—18, стр. 321—378). Во время пребывания в крепости и затем на поселении в Сибири Кюхельбекер вел дневник (1831—1845, с небольшими промежутками), в котором есть много упоминаний и высказываний о Пушкине; он напечатан с сокращениями в «Русск. Стар.» 1875 г., т. XIII—XIV; 1883 г., т. XXXIX;

1884 г., т. XLI; 1891 г., т. LXXII, и более полно по писарской копии, № 444 хранящейся в архиве «Русской Старины» в ИРЛИ, отдельным изданием, Лгр. 1929, изд. «Прибой», под ред., с введением и примечаниями В. Н. Орлова и С. И. Хмельницкого и с предисловием Ю. Н. Тынянова. Говоря о трагедиях Кюхельбекера, бывших в рукописях у Дельвига, Пушкин имел в виду, вероятно, трагедии «Архилох» и «Аргивяне», так и не увидевшие света; отрывки из последней напечатаны были в «Мнемозине» 1824 г., ч. II, и «Соревнователе Просвещения и Благотворения» 1825 г. ч. XXX, стр. 301—302, и ч. XXXI, стр. 102—105 (см. Список произведений Кюхельбекера, предназначенных им для собрания его сочинений, отправленный им в 1845 г. к В. А. Жуковскому при письме от 21 декабря, 1845 г., — «Русск Стар.» 1902 г., № 4, стр. 109; перепечатан при отдельном издании дневника Кюхельбекера, op. cit., стр. 313. Об «Аргивянах» см. исследование Ю. Н. Тынянова в его книге «Архаисты и новаторы», Лгр. 1929, стр. 292—329). Пушкин неоднократно снабжал Кюхельбекера вновь выходящими книгами, посылая их через С. Н. Дирина (см. в работах Ю. Г. Оксмана: «К истории библиотеки Пушкина» в «Сборнике статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова», Л. 1934, стр. 445—447 и письмо С. Н. Дирина к Пушкину в «Литературном Наследстве», № 16—18, стр. 572—574).

— «Ижорский» — по словам В. Н. Орлова, «одно из самых крупных и значительных произведений Кюхельбекера, названное им «трагедией-мистерией». Над «Ижорским» Кюхельбекер работал много лет; есть основания предполагать, что задуман он был еще в середине двадцатых годов (см. запись в дневнике от 23 февраля 1841 г.). В «Сыне Отеч.» 1827 г., № 1, стр. 91—102, был напечатан «Отрывок из Драматической Поэмы: Ижорский» (1-е явление 1-го действия: «Царскосельская дорога. Ижорский скачет на перекладных») — с подзаголовком: «Сообщено от неизвестного». Затем в альманахе Дельвига и Аладьина «Подснежник» на 1829 г. (стр. 90—113) были напечатаны без подписи сцены из «Ижорского». Появление в одной из этих сцен «Буки в виде обезьяны на престоле, в порфире и с пуком розог» — дало повод Катенину говорить о том, что «цензура видно подобрела»: он усмотрел в этой сцене вызывающий намек на Николая I (см. «Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину», под ред. А. А. Чебышева, С.-Пб. 1911, стр. 145, письмо от 27 мая 1829 г.)» — см. указ. изд. «Дневника Кюхельбекера», стр. 348—349. Рукопись первой части «Ижорского» Кюхельбекер послал Дельвигу при письме к нему 18 ноября 1830 г. из Динабургской крепости; письмо это, сохранившееся в бумагах Пушкина и напечатанное П. И. Бартеневым в «Русск. Арх.» 1881 г., кн. I, стр. 140—141, и в книге его «Пушкин», т. I, М. 1881, стр. 52—53, начинается следующими словами: «Вот тебе первая часть моего «Ижорского». Желал бы я очень знать, как тебе покажется. Теперь финансы и прочие суеты мирские: прошу тебя, если можно, напечатай «Ижорского» под псейдографическим именем напр. *Космократова Младшего* (буде Пушкин позволит); далее, чтобы profanum vulgus никак не узнал настоящего имени автора, et c'est pour cause, потому что через таковое узнание могу лишиться пера и чернил, единственной отрады, которая осталась мне в жизни; наконец, если ты согласен принять в свое

№ 441 обладание мою чертовщину, через подателя пришли мне 100 рубл. в зачет 300 или 250, которых за нее прошу...» Немного ранее, 20 октября, Кюхельбекер писал и Пушкину: «... я, новый Камоэнс, творю, творю хоть не Лузиады, а ангельщины и дьявольщины, которым конца нет. Мой черный демон отразился в «Ижорском»... Сделай, друг, милость, напиши мне: удался ли мой «Ижорский» или нет? У меня нет здесь судей...» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 180). Отзыва Пушкина об «Ижорском» мы не имеем — писем к Кюхельбекеру, за исключением одного, 1825 г., не дошедшего до Кюхельбекера (см. т. I, стр. 171 (№ 189) и 532), до нас не сохранилось; нет также отзыва Пушкина и в письмах его к другим лицам. Отзывы современников: И. В. Киреевского («Денница» 1830 г., стр. XLIII—XLIV, перепеч. в Полн. собр. соч. И. В. Киреевского, под ред. М. О. Гершензона, т. II, стр. 26), В. Г. Белинского («Молва» 1835 г., № 27, стр. 30, и в Полн. собр. соч. В. Г. Белинского, под ред. С. А. Венгерова, т. II, стр. 149—154) и О. И. Сенковского («Библиотека для Чтения» 1825 г., X, отд. VI, стр. 1—8) приведены в примечаниях к «Дневнику В. К. Кюхельбекера», Лгр. 1929, стр. 350—351 (см. также отзыв И. И. Дмитриева 1829 г. в письме к кн. П. А. Вяземскому — «Старина и Новизна», т. XII, стр. 332). Первая и вторая части «Ижорского» появились только в 1835 г. отдельной книжкой без имени автора; они были представлены в цензуру повидимому не без участия вел. кн. Михаила Павловича (см. «Русск. Стар.» 1884 г., № 2, стр. 360—361), пропущены цензором В. Н. Семеновым 10 июня 1833 г. и по распоряжению Николая I печатались в типографии III Отделения собств. его имп. вел. Канцелярии. В издании «Ижорского» принимал участие и Пушкин. Впоследствии (21 декабря 1845 г.) Кюхельбекер писал гр. А. Ф. Орлову: «Не излишним считаю довести до сведения вашего, что в 1835 году, когда я находился еще в Свеаборгской крепости, — *по ходатайству покойного А. С. Пушкина,* государю императору угодно было дозволить напечатать две части моей мистерии «Ижорский», найденные нашим великим поэтом в моих старых бумагах» («Русск. Стар.» 1902 г., № 4, стр. 111; ср. там же, 1891 г., № 10, стр. 70, 86; «Русск. Арх.» 1871 г., кн. I, стр. 0175; «Русск. Арх.», 1879 г., кн. III, стр. 477 (свидетельство И. И. Пущина) и И. И. Пущин — «Записки о Пушкине и письма из Сибири», под ред. С. Я. Штрайха, М. 1925, стр. 205); в своем дневнике под 12 мая 1835 г. Кюхельбекер отметил: «Большую радость бог послал мне: мой «Ижорский» мне прислан напечатанный. Жаль только, что в нем ошибок типографских бездна. Худой же корректор Владимир Федорович Одоевский. Но все же я и ему благодарен за труд» («Дневник», op. cit., стр. 233). III часть «Ижорского» так и не увидала света, хотя Кюхельбекер и прилагал все старания к тому, чтобы она была напечатана (см. об этом письма его к В. А. Жуковскому в «Русск. Арх.» 1871 г., кн. I, стр. 0179—0180; 1872 г., кн. I, стр. 1006—1008; «Русск. Стар.» 1878 г., № 6, стр. 345—346). Подробнее об «Ижорском» и о других поэмах Кюхельбекера см. в статьях Н. А. Котляревского о Кюхельбекере в «Русск. Богатстве» 1900 г., № 4, стр. 70—86, и Сочинениях Пушкина, под ред. С. А. Венгерова, т. VI, стр. 277—278; там же и свод высказываний Кюхельбекера о Пушкине.

— «Баллада о Рыцаре, влюбленном в Деву» — известное стихотворение «Был на свете рыцарь бедный...» Рукопись его нашлась недавно в Рукописном Отделении Публичной Библиотеки в Ленинграде, в бумагах кн. В. Ф. Одоевского, под заглавием «Легенда», и предназначалась Пушкиным к напечатанию в «Северных Цветах на 1830 год» за впервые открытым псевдонимом Пушкина — А. Заборский; из-за цензурных соображений оно при жизни Пушкина не появилось в печати, и рукопись его осталась у бар. А. А. Дельвига. М. Л. Яковлев отвечал Пушкину 23 июля: «Трагедии К.[юхельбекера], твою балладу и письма [С. М. Дельвиг] отдаст мне для передачи тебе» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 288); однако, намерение это осталось невыполненным, и рукопись впоследствии попала к кн. В. Ф. Одоевскому, собиравшему с другими друзьями Пушкина после его смерти материалы для посмертного издания его сочинений. В 1835 г. Пушкин воспользовался переработанными и сокращенными стихами «Легенды» для включения их в «Сцены из рыцарских времен» в виде песни Франца «Жил на свете рыцарь бедный...». Впервые «Сцены из рыцарских времен» были напечатаны в 5-й посмертной книжке «Современника» 1837 г., стр. 193—224 (220—221) (подробнее см. в заметке Л. Б. Модзалевского: «Новый автограф Пушкина «Легенда» 1829 г.» — «Пушкин и его соврем.», вып. XXXVIII—XXXIX, стр. 11—18, со снимками с автографов и его же книжку: «Рукописи Пушкина в собрании Государственной Публичной Библиотеки в Ленинграде», Лгр. 1929, стр. 11, со снимками с других страниц этого же автографа). История создания «Легенды» и вопрос об источниках баллады подробно рассмотрен в работах Г. Н. Фрида: «История романса Пушкина о бедном рыцаре» — в сборнике «Творческая История», под ред. Н. К. Пиксанова, М. 1927, стр. 92—123, и Н. К. Гудзия: «К истории сюжета романса Пушкина о бедном рыцаре» — во 2-м сборнике Пушкинской Комиссии Общества Любителей Российской Словесности — «Пушкин», под ред. Н. К. Пиксанова, М. 1930, стр. 143—158. Но окончательного решения вопроса об источниках ее эти работы не дают.

— Плетнев — Петр Александрович.

— Спрашивая о приятелях, «отправившихся туда, отколь никто не воротится», Пушкин интересовался новыми жертвами холеры. Такою жертвою был престарелый князь Н. Б. Юсупов (о нем см. в следующем письме, стр. 358).

442. *П. В. Нащокину*. 21 июля [1831 г.] (стр. 36—37). Впервые напечатано в отрывке в «Москвитянине» 1851 г., кн. I, № 23, стр. 463—464, и в «Материалах» П. В. Анненкова, изд. 1855 г., стр. 211 и 317. Полностью напечатано П. И. Бартеневым в его историческом сборнике «Девятнадцатый Век», кн. I, М. 1872, стр. 387—388, откуда и перепечатано в изданиях сочинений Пушкина, а также в Акад. изд. Переписки, т. II стр. 285—286. Подлинник на листе почтовой бумаги большого формата, с водяными знаками: А. Г. 1829; был в Остафьевском архиве гр. С. Д. Шереметева; ныне в Центрархиве в Москве; письмо сложено конвертом и запечатано печатью черного сургуча с гербом Пушкина под графскою короною. — Это письмо служит ответом на письмо Нащокина от 15 июля («Русск. Арх.» 1904 г., кн. III, стр. 437—438, и Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 273—274).

№ 442 — Крестница Пушкина — дочь П. В. Нащокина, прижитая им от цыганки Ольги Андреевны (см. «Дневник» Пушкина, под ред. Б. Л. Модзалевского, Лгр. 1923, стр. 201); о смерти ее Пушкин узнал из письма Нащокина, который писал: «Кстати Александр Сергеевич так как ныне смерть поступает и решает жизнь человеческую уже не гражданским порядком, а Военным судом — т. е. скоро и просто, в таком случае буде она до меня доберется, то прошу покорно по всем векселям моим взыскать деньги; капитал храни где хочешь — а проценты половину на воспитание сына, если не умрет, ибо твоей крестницы уже нет, — а другую на содержание матери; я еще не думаю — а все-таки лучше сказать прежде — это только в таком случае когда я сам не успею распорядиться, обременять же тебя я не хочу никакой обязанностию — но зная твое доброе сердце — ты бы сам их не оставил» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 273—274).

— Юсупов — князь Николай Борисович (о нем см. выше, стр. 162—163, в примечаниях к письму № 397). О смерти его, последовавшей в Москве 15 июля, Пушкин узнал из письма к нему кн. П. А. Вяземского 14 и 15 июля. Вяземский писал: «15-го. Юсупов сегодня умер частью от холеры, частью от удара, частью от 80 лет. Третьего дня ужинал он еще в клубе» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 272) и из письма П. В. Нащокина от 15-го же числа: «Новостей много слышу, пересказать ни одну не могу, — писал последний. — Одна новость для тебя Юсупов умер — не знаю почему, а мне было его жаль, вреда кажется он никому не делал — ибо никто не жаловался, а про добро не знаю; умер же умно и равнодушно, как мне рассказывали; ему предложили перед смертью за час исполнить христианский долг — на что он спросил — разве пора, и послал за священником; — накануне был в клубе» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 273). Пушкин упомянул о смерти Юсупова и в письме к Плетневу от 22 июля: «Мой Юсупов умер, наш Хвостов умер. Авось смерть удовольствуется сими двумя жертвами» (см. выше, стр. 37).

— Чаадаев — Петр Яковлевич. О посылке к нему рукописи его Философического письма см. выше, стр. 334—336.

— О бунтах и убийствах, вызванных свирепствовавшею повсеместно холерой, см. выше стр. 300—303 и 313—315, и ниже, стр. 367—369.

— В связи с холерными беспорядками, Николай I ставил Москву в пример Петербургу в речи своей к народу, сказанной в Петербурге 23 июня на Сенной площади (ср. выше, стр. 302—303).

— Говоря о «каше» вокруг Царского Села, Пушкин, вероятно, имеет в виду карантин, который был установлен в Царском Селе для приезжающих. Из писем О. С. Павлищевой к мужу Н. И. Павлищеву от 9 и 24 июля видно, что карантины около Петербурга повсюду были сняты за исключением Царского Села. Вследствие этого О. С. Павлищевой, ездившей на свидание к родителям в Царское Село, приходилось разговаривать с ними за веревками, протянутыми на сажень расстояния между ними «и потом,— прибавляет она,— разъезжаемся — они в Царское, я сюда [то есть в Петербург]. Комедья надеюсь скоро прекратится. Болезнь совершенно почти исчезла и снимут дурацкий карантин...» («Пушкин и его соврем.», вып. XV, стр. 75, 77 и 80).

— Критический разговор — «О Борисе Годунове, сочинении Александра Пушкина, разговор», М. 1831, — брошюра неизвестного автора (о ней см. выше, стр. 328—329). № 442

— Около 21 —22 июля Пушкин обратился с официальной запиской к А. Х. Бенкендорфу (она напечатана впервые в Сочинениях Пушкина, изд. П. А. Ефремова — Суворина, т. VII, стр. 426—428, а затем в Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 278—280, в беловой и черновой редакциях, и в изд. «Дела III Отделения... об А. С. Пушкине», С-Пб. 1906, стр. 120—121), в которой Пушкин писал: «Заботливость истинно-отеческая Государя Императора глубоко меня трогает. Осыпанному уже благодеяниями Его Величества, мне давно было тягостно мое бездействие. Мой настоящий чин (тот самый с которым я выпущен из лицея) к нещастию представляет мне препятствие на поприще службы. Я считался в Иностранной Коллегии от 1817-го до 1824 года; мне следовали за выслугу лет еще два чина, т. е. титулярного и коллежского ассесора; но бывшие мои начальники забывали о моем представлении. Не знаю, можно-ли мне будет получить то что мне следовало. — Если Государю Императору угодно будет употребить перо мое, то буду стараться с точностию и усердием исполнить волю Его Величества и готов служить ему по мере моих способностей. В России периодические издания не суть представители различных политических партий (которых у нас не существует) и Правительству нет надобности иметь свой официальный журнал; но тем не менее общее мнение имеет нужду быть управляемо. С радостию взялся-бы я за редакцию *Политического* и *Литературного Журнала*, т. е. такого, в коем печатались бы политические и заграничные новости. Около него соединил бы я писателей с дарованиями и таким образом приблизил бы к правительству людей полезных, которые все еще дичатся, напрасно полагая его неприязненным к просвещению.— Более соответствовало-бы моим занятиям и склонностям дозволение заняться историческими изысканиями в наших Государственных Архивах и библиотеках. Не смею и не желаю взять на себя звание Историографа после незабвенного Карамзина; но могу современем исполнить давнишнее мое желание написать историю Петра Великого и его наследников до Государя Петра III». Этому официальному обращению Пушкина, как видно из письма его к Нащокину, предшествовал разговор его с Николаем I, результатом которого и явилось «высочайшее» разрешение Пушкину заниматься в архивах; на официальном письме Бенкендорф наложил следующую резолюцию: «Написать гр. Нессельроде, что Государь велел его принять в Иностранную коллегию с позволением рыться в старых архивах для написания Истории Петра Первого. Не угодно-ли будет Графу испросить или самому назначить Пушкину жалованье» («Дела III Отделения...», С.-Пб. 1906, стр. 120). Во исполнение «высочайшей воли», уже 23 июля Бенкендорф, за № 3716, сообщил все, касающееся сущности резолюции гр. К. В. Нессельроде (там же, стр. 122, и Н. А. Гастфрейнд, «Пушкин. Документы Госуд. и С.-Пб. Главн. Архивов Министерства Иностр. дел, относящиеся к службе его 1831—1837 гг.», С.-Пб. 1900, стр. 17), и Пушкин после долгого промежутка времени был вновь зачислен на службу высочайшим приказом 14 ноября 1831 г. с чином коллежского секретаря и с определением в государственную коллегию

№ 442 иностранных дел с жалованьем по 5000 руб. в год (Гастфрейнд, op. cit., стр. 23, и Н. О. Лернер, «Труды и дни Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 255).

«С 1831 года, — писал П. А. Плетнев в некрологе поэта, напечатанном в «Современнике», кн X, стр 21—52, — Пушкин избрал для себя великий труд, который требовал долговременного изучения предмета, множества предварительных занятий и гениального исполнения. Он приступил к сочинению истории Петра Великого. По всемилостивейшему соизволению его императорского величества, он начал собирать для нее необходимые материалы, хранящиеся в разных архивах. Переехавши в Санктпетербург, он до кончины своей жил уже постоянно в нем за исключением нескольких поездок в Москву и осенних выездов в Михайловское .. Преимущественно занимали его исторические разыскания. Он каждое утро отправлялся в какой нибудь архив, выигрывая прогулку возвращением оттуда к позднему своему обеду. Даже летом, с дачи, он ходил пешком для продолжения своих занятий» (Сочинения и переписка П. А. Плетнева, ред. Я. К. Грота, С.-Пб. 1885, стр. 383—384). «Труд, за которым его застала смерть», — писал тот же Плетнев в другом месте, — «был выше всего, что мы от него получили. Он готовил нам историю Петра Великого. Эта мысль, овладевшая его душою, занимала его преимущественно в последние годы. Чувствуя живо величие предприятия, он желал совершить его достойным образом. Заготовленные им материалы свидетельствуют, в какой полноте хотел он обнять предмет свой. Силы его таланта уже достаточно ручались за успех. Исполнение блистательное было всегда его уделом. За труд, который требует не только знаний, терпения, проницательности, но еще сочувствия в величии, непосредственного соприкосновения к идеям и силам исполинским, оригинальной, широкой кисти, чтоб ожила в подлинных красках вся эта чудесная эпоха—для такого труда один великий талант и предызбран. В этом деле какой бы голос ни подал человек обыкновенного ума, его суд не будет принят, потому что в его суде не будет художественной правды» (там же, стр. 338—339).

Мысль о написании истории Петра I возникала у Пушкина еще в 1827 г.; так, по свидетельству А. Н. Вульфа, Пушкин, будучи в Михайловском и играя как-то на биллиарде, сказал: «Удивляюсь, как мог Карамзин написать так сухо первые части своей «Истории», говоря об Игоре, Святославе. Это героический период нашей истории. Я непременно напишу историю Петра I, а Александрову — пером Курбского. Непременно должно описывать современные происшествия, чтобы могли на нас ссылаться. Теперь уже можно писать и царствование Николая I, и об 14 декабря» (А. Н. Вульф, «Дневники», под ред. П. Е. Щеголева, М. 1929, стр. 137, и Л. Н. Майков, «Пушкин», С.-Пб. 1899, стр. 178). Собрание документов Петровской эпохи было, по словам Н. О. Лернера, «прервано увлекшей Пушкина «Историей Пугачевского бунта», но, справившись с нею, он снова взялся за Петра. Трудности этой работы он прекрасно сознавал, и они даже пугали его» (Н. О. Лернер, «Проза Пушкина», изд. 2, П. 1923, стр. 64). В. И. Далю он говорил в 1833 г.: «Я стою перед изваянием исполинским, которого не могу обнять глазом, — могу ли я описывать его? Что я вижу? Оно только застит мне исполин-

ским ростом своим, я вижу ясно только две-три пядени, которые у меня под глазами» («Русск. Стар.» 1907 г., № 10, стр. 66). «Пушкин потом воспламенился в полном смысле слова,— пишет В. И. Даль в другом месте своих воспоминаний о Пушкине,— коснувшись Петра Великого, и говорил, что непременно кроме дееписания об нем, создаст и художественное в память его произведение: «я еще не мог доселе постичь и обнять вдруг умом этого исполина: он слишком огромен для нас близоруких, и мы стоим еще к нему близко — надо отодвинуться на два века,— но постигаю его чувством; чем более его изучаю, тем более изумление и подобострастие лишают меня средств мыслить и судить свободно. Не надо торопиться; надобно освоиться с предметом и постоянно им заниматься; время это исправит. Но я сделаю из этого золота что-нибудь. О, вы увидите: я еще много сделаю!» (Л. Н. Майков, «Пушкин», С.-Пб. 1899, стр. 419). Но к работе над историей Петра Пушкина вплотную приступил лишь в 1834 г.; об этом он сам говорит в письме к М. П. Погодину в апреле 1834 г.: «К Петру приступаю со страхом и трепетом...» (Акад. изд. Переписки, т. III, стр. 93). Однако, жизнь Пушкина сложилась в последние годы очень неблагоприятно для того, чтобы можно было не отрываясь работать неустанно в одном направлении; последовавшая вскоре его смерть «застала его почти у самого начала задуманной монументальной работы» (Н. О. Лернер, «Проза Пушкина», изд. 2, П. 1923, стр. 65); об отношении Пушкина к Петру Великому, о его работе над ней и о Пушкине-историке см. в статьях акад. М. Н. Покровского: «Пушкин-историк» — в Полн. Собр. Соч. Пушкина, изд. «Красная Нива», т. V, стр. 5 — 15; Я. К. Грота, «Приготовительные занятия Пушкина для исторических трудов» — «Труды Я. К. Грота», т. III, С.-Пб. 1901, стр. 117 — 124 второй пагинации; в биографии Пушкина, написанной М. М. Поповым в «Русск. Стар.» 1874 г., № 8, стр. 707—710 и 714; в некрологе Пушкина, писанном М. А. Коркуновым («Пушкин и его соврем.», вып. VIII, стр. 82 — 83); Н. П. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. III, С.-Пб. 1890, стр. 275—277; Сочинения И. Н. Жданова, изд. Акад. Наук, т. II, С.-Пб. 1907, стр. 269—322; «Памятные заметки Н. М. Смирнова» — в «Русском Архиве» 1882 г., кн. I, стр. 229 — 230; Сочинения кн. П. А. Вяземского, т. II, С.-Пб. 1879, стр. 373 — 379; выписки из дневника переводчика дневника генерала Гордона надв. сов. Дмитрия Егоровича Кёлера, с записями о Пушкине и о работах его над историей Петра I — в Сочинениях Пушкина, под ред. П. А. Ефремова, изд. А. С. Суворина, т. VIII, стр. 586 — 587, и в «Русск. Стар.» 1914 г., № 3, стр. 535; В. В. Григорьев, «История С.-Петербургского Университета», С.-Пб. 1870, прилож., стр. 8; Л. Н. Майков, «Пушкин», С.-Пб. 1899, стр. 353; П. И. Бартенев, «Рассказы о Пушкине», под ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 51, 52, и 126 и в новейшей работе П. С. Попова: «Пушкин в работе над историей Петра I» в «Литературном Наследстве», № 16—18, стр. 467—512, где впервые рассматривается вопрос о сохранившихся до настоящего времени тетрадях Пушкина с материалами о Петре I (ср. «Сочинения Пушкина», изд. А. С. Суворина, т. VIII, стр. 584—585, «Дела III Отделения... об А. С. Пушкине», С.-Пб. 1906, стр. 191; «Русск. Стар.» 1884, № 12, стр. 576. «Пушкин и его современники», в. XIII, стр. 102; «Исторический Вестник» 1889, № 3, стр. 692, «Современник» 1913 г.,

№ 442 № 9, стр. 326, «Столица и Усадьба», 1915 г., № 42, стр. 3 и Н. О. Лернер «Труды и дни Пушкина», изд. 2, С.-Пб. 1910, стр. 483).

Слух о том, что Пушкину разрешено заниматься историей Петра I и что ему открыт доступ в исторические архивы, быстро распространился среди друзей, знакомых, почитателей и недругов поэта как в Петербурге, так и в Москве. Первой по времени записью об этом нужно считать лаконичную запись в дневнике М. П. Погодина под 16 августа: «Пушкину позволено разбирать архивы» («Пушкин и его современники», в. XXIII—XXIV, ст. М. А. Цявловского, «Пушкин по документам Погодинского архива», стр. 116); Погодин узнал об этом, вероятно, от А. В. Веневитинова, который писал ему: «Царь велел для Пушкина открыть все архивы в нашем Государстве и что он имеет позволение в них рыться сколько хочет» (Н. П. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. III, СПб. 1890 г., стр. 276). 20 августа О. М. Сомов из Петербурга писал М. А. Максимовичу: «Скажу вам приятную новость: Пушкин сделан историографом Петра Великого, причислен к Иностранной Коллегии, и велено открыть ему все возможные архивы. Он живет покуда в Царском Селе, в котором покуда не было холеры. Спасибо царю за Пушкина; а желал бы я видеть рожу Свиньина, когда он услышит эту новость. Он уже двенадцать лет корпит над какою-то историею Петра Великого; думаю, налгал в ней до-нельзя!» («Русск. Архив» 1908 г., кн. III, стр. 264). А. И. Тургенев 15 сентября сообщал об этом брату Н. И. Тургеневу за границу в следующих выражениях: «Жуковский и Пушкин (коего слышно сделали Биографом Петра I и положили ему оклад) написали стихи на взятие Варшавы...», а 26 числа того же месяца он подтверждал свое первое сообщение: «Ал. Пушкин точно сделан Биографом Петра I и с хорошим окладом, но ни он, ни Жуковский мне об этом не пишут, а слышу здесь от других. Ему открыты архивы о Петре, и это не одно сходство будет у него с Вольтером. Участь Петра Великого иметь историками — первых поэтов нации в их время» (В. М. Истрин, «Из документов архива братьев Тургеневых» в «Журнале Министерства Народного Просвещения», новая серия, часть XLIV, 1913 г., № 3, стр. 19 и 21—22). П. Я. Чаадаев один из первых писал Пушкину 18 сентября (перевод): «Мне говорят, что вы назначены, или еще каким то способом поручено вам написать историю Петра Великого? В добрый час! Поздравляю вас от всего сердца» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 328) «Лестно для Пушкина заступить место Карамзина, ежели только правда это» — писал из Москвы А. Я. Булгаков брату 19 сентября. — «Пусть употребит талант свой, ум и время на дело полезное, а не на вздорные стишки, как бы ни были они плавны и остры» («Русск. Архив» 1902 г., кн. I, стр. 87). 23 сентября В. А. Муханов спрашивал брата: «Правда ли что Пушкин сделан историографом и что ему поручено писать историю Петра Великого?» («Щукинский сборник», в. V, стр. 344; ср. там же, стр. 286, 293 и 338). Д. Н. Садовников, имевший в руках документы из Языковского архива, потом частично утраченные, говорит: «Н. М. Языков в письме к брату, от 4 октября, смеется над легковерием первопрестольной. Из письма [В. Д.] Комовского, писанного несколько позже (октября 16-го) — слухи подтверждаются. Он пи-

шет, что государь велел Пушкину написать историю Петра Великого и рассказывает по этому поводу даже как это случилось. Пушкин встретился с государем в царскосельском саду и на предложенный вопрос: «почему он не служит?» — отвечал: «Я готов, но кроме литературной службы не знаю никакой». Тогда государь приказал ему сослужить службу — написать историю Петра Великого. А. М. Языков в письме из Уфы, от 4 ноября 1831 года, не верит, чтобы Пушкин написал эту историю, хотя бы даже и решился. «Главное, достанет ли у него терпения читать и думать? Впрочем, пусть пишет, только бы писал!» («Историч. Вестн.» 1883 г., № 12, стр. 533). И. В. Росковшенко писал 22 октября И. И. Срезневскому: «Пушкин живет в Царском Селе; он остепенился, и пишет, как ты думаешь, что? Поэму? — нет! Трагедию? — нет! Сказать ли? Любопытно ли тебе знать? Ну, слушай. Ему открыты все архивы, и он пишет историю Петра Великого. Каково! Ты не ожидал сего от Пушкина. Новая гениальная способность!» (В. И. Срезневский, «Петербург в 1831—1832 гг. (по письмам провинциала)»—«Русск. Стар.» 1900 г., № 2, стр. 482). Узнав из Москвы от брата Н. М. [Языкова], что Пушкин только и говорит что о Петре, «...которого не возлюбляет, — говорит Д. Н. Садовников (ср. «Вестн. Евр.» 1897 г., № 12, стр. 603, письмо Н. М. Языкова брату А. М. Языкову), — что он много уже собрал и еще соберет новых сведений в своей истории, много открыл, сообразил, осветил и проч., А. М. [Языков] с прежним недоверием к усидчивости и знаниям Пушкина пишет 31 декабря [В. Д.] Комовскому: «Теперь он за все хватается» — «В истории Петра есть где разуму разгуляться и почему разбежаться глазами, да столько работы совсем не по Пушкину!» — «Странно, — пишет он дальше, — встреча его в сем деле с Свербеевым, но Свербеев сделает больше: у него верно будет новое» («Историч. Вестн.» 1883 г., № 12, стр. 533). Директор Лицея Е. А. Энгельгардт восклицал в письме к Ф. Ф. Матюшкину 4 декабря: «Пушкин, по поручению царскому, назначен историографом Петра!», а в следующем, 1832, году ему же писал 22 мая: «Пушкин, говорят, занимается историею Петра Великого. Сомневаюсь, это не по нем», и 23 октября: «[Пушкин], говорят, занимается историею Петра Великого; не знаю, по нем ли дело; жизнь Петра величественна, удивительна — но жестокая проза» («Вестник Всемирной Истории», 1900 г., № 1, стр. 101). Такими противоречивыми отзывами встречен был современниками поэта один из ярких моментов его жизни — приступ к историческим изысканиям. После смерти Пушкина Николай I предлагал кн. П. А. Вяземскому продолжать труд Пушкина по истории Петра I, но Вяземский отказался (см. Полн. Собр. Соч. Вяземского, т. I, стр. LV, и «Старина и Новизна», кн. XX, стр. 228). О попытке Н. А. Полевого в 1836 г. приступить к писанию истории Петра I, окончившейся неудачно см. в «Русской Старине» 1897 г., № 11, стр. 385—386 и «Русск. Архиве» 1905 г., кн. III, стр. 208—209. О работе Пушкина над историей Петра I см. еще в примечаниях Б. Л. Модзалевского к «Дневнику» Пушкина, П. 1923, стр. 238—239, и в московском издании «Дневника», М. 1923, стр. 528—529. № 442

— Зубков — Василий Петрович (о нем см. в т. II, стр. 215—217 и по указателю).

— Павлов — Николай Филиппович (о нем см. в т. II, стр. 486 и по указателю, и выше, стр. 279—280).

— Брат мой — Лев Сергеевич Пушкин (о нем см. в тт. I и II, pass.), после Турецкой кампании 1829 г., сделанной им в рядах Нижегородского полка, был в отпуску и 20 мая 1831 г. в чине поручика переведен был в Финляндский драгунский полк, бывший в это время в Польше, на театре военных действий. В середине августа он был уже на месте нового служения (Л. Н. Павлищев, «Воспоминания об А. С. Пушкине», М. 1890, стр. 257, см. также в письмах О. С. Павлищевой к мужу 7 и 24 июля в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. XV, стр. 74, 78) и с 25 августа принимал участие в военных действиях (Л. Н. Майков, «Пушкин», С.-Пб., 1899, стр. 39); к 24 июля относится записка Л. С. Пушкина к брату, касающаяся просьбы об уплате денег (она найдена Б. Л. Модзалевским в архиве Раевских и опубликована им в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. II, стр. 19—20, и в «Архиве Раевских», под ред. Б. Л. Модзалевского, т. II, стр. 83, откуда и заимствовано примечание о Л. С. Пушкине; см. также Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 288—289).

— Гр. И. Ф. Паскевич о своей переправе через нижнюю Вислу сообщил Николаю рапортом от 8 июля, распубликованным во всеобщее сведение 19-го числа того же месяца. Однако в последующие дни Паскевич не имел сколько-нибудь значительных столкновений с поляками. Поэтому и известия с театра войны были скудны и за время с 19 июля по 1 августа ограничивались лишь двумя донесениями Паскевича от 14 и 19 июля, распубликованными 25 и 30 июля и не содержавшими в себе ничего особо существенного. Поэтому-то в письме к Нащокину от 29 июля Пушкин и ограничивается одной только фразой: «О Польше ничего не слышно» (см. выше, стр. 38). Однако из упомянутого сообщения от 30 июля, а также из сообщений, распубликованных 4 августа, было уже очевидно, что конец восстания приближается (см. «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Л. 1927, стр. 282).

— О Петре Александровиче Плетневе и о денежных с ним расчетах Пушкина см. выше, в примечаниях к письму № 441, и ниже, к письму № 443.

— Смирдин — Александр Филиппович (о нем см. выше, стр. 342).

— Горчаковская тысяча — долг Пушкина В. П. Горчакову (см. выше, стр. 268).

— Догановский — Огонь-Догановский, Василий Семенович (о нем см. выше, стр. 304 и в т. II, стр. 440—441). Пушкин беспокоится о своих с ним денежных расчетах, в виду следующих строк П. В. Нащокина к нему из письма 15 июля: «с Тагоновским говорить еще рано, и прошу тебя оставить это дело на мое попечение, и самому не беспокоиться, и верно я лучше его сделаю, чем бы я для себя делал, надо говорить, когда деньги в руках — а теперь только может быть пустой разговор, ни к чему не служащий» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 274).

443. *П. А. Плетневу*. 22 июля [1831 г.] (стр. 37—38). Впервые напечатано в отрывке в «Русск. Арх.» 1869 г., ст. 2069; затем в Сочинениях Пушкина, под ред. П. А. Ефремова, М. 1882, стр. 291; полностью — в Сочинениях и переписке П. А. Плетнева, под ред. Я. К. Грота, т. III, С.-Пб. 1885, стр. 376—377, и в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 286—287.

Подлинник на листе почтовой бумаги большого формата, с водяными знаками: А. Г. 1829 — в Пушкинском Доме. Письмо сложено конвертом и запечатано гербовою печатью Пушкина; на нем дезинфекционные проколы. № 443

— Пушкин отвечает на письмо Плетнева от 19 июля (см. Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 282—283).

— О бар. А. А. Дельвиге и его смерти см. выше, стр. 172—175 и др.

— О П. С. Молчанове и его смерти см. выше, стр. 346—348.

— Жуковский — выдержка из письма его к А. И. Тургеневу от конца июля — начала августа о Пушкине приведена выше, стр. 337 (см. Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу, М. 1895, стр. 255—256). К этому же времени относится письмо Жуковского Николаю I (22 июля) с упоминанием о Пушкине в связи с ходатайством Жуковского об А. И. Тургеневе (см. выше, стр. 295, и «Декабристы. Неизданные материалы и статьи», под ред. Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана, «Труды Пушкинского Дома», М. 1925, стр. 154).

— Дочь Плетнева — Ольга Петровна, вышедшая в 1851 г. замуж за А. Б. Лакиера (о ней см. в т. II, стр. 430, и выше, в примечаниях к письму № 408, стр. 217).

— Жена Плетнева — Степанида Александровна, рожд. Раевская, ум. в 1839 г., 44 лет (о ней в т. II, стр. 430 и выше, в примечаниях к письму № 408, стр. 217). Кроме дочери от первого брака, у Плетнева было двое сыновей — Александр и Алексей (род. в 1854 г.) Петровичи от второго его брака — с княжной Александрой Васильевной Щетининой (см. выше, стр. 217). Алексей Петрович Плетнев был автором небольших воспоминаний (изданы в Одессе в 1910 г.) и ряда рассказов, главным образом, из жизни Парижа (о нем см. книжку Г. М. Пилипенко, «А. П. Плетнев как писатель и критик», Одесса 1912, 56 стр.).

— Письма, о которых говорит Пушкин, до нас не сохранились, Плетнев отвечал Пушкину 25 июля: «Твои ко мне письма не пропадут. Если ты их адресовал в Екатерининский Институт, они там пролежат у швейцара до прекращения холеры, и я после все-таки их возьму» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 289).

— Эслинг—Николай Николаевич Геслинг (о нем см. выше, стр. 339—341).

— Сказки — Пушкин иногда называл сказкой то, что мы называем повестью, и басней то, что мы называем сказкою, вероятно в связи с французскою терминологиею *(conte* и *fable)*; см., например, запись в дневнике о *сkazke* Н. В. Гоголя «как Иван Иванович поссорился с Иваном Тимофеевичем» («Дневник» Пушкина, под ред. Б. Л. Модзалевского, П. 1923, стр. 3, и в письме к Н. Н. Пушкиной от 30 октября 1833 г. (№ 550) сказка А. Е. Измайлова «Заветное пиво» названа басней. В данном случае Пушкин под сказками подразумевает свои «Повести Белкина» (см. выше, стр. 342).

— Борис — Борис Годунов (о нем см. выше, стр. 122, 145—146, 151—155).

— О денежных расчетах Пушкина со Смирдиным см. выше, стр. 122 и 186, и в книжке С. Я. Гессена, «Книгоиздатель Александр Пушкин», Лгр. 1930, стр. 106—107. Плетнев отвечал Пушкину 25 июля: «Деньги за Бориса (всего 10 000) употреблены следующим образом: 5000 отдано долгу Дельвигу, 4000 переслано к тебе в Москву (в два срока по 2000), и 1000 от-

 дана Баронессе за твой портрет. Кстати где-то он? Ты угадал, что жалованья твоего накопилось 2000. Из них я вычел 500 р., полученные тобою вместо меня от Россети, а 1500 р. препровождаю. Прошу тебя дать мне знать, когда их получишь, потому что я не сам отдаю на почту» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 289).

— Россетинские деньги — деньги А. О. Россети. Об этом см. выше, стр. 339.

— О поступлении Пушкина на службу и о разрешении ему заниматься в архивах см. выше, стр. 359—363, в примечаниях к предыдущему письму. П. А. Плетнев отвечал 25 июля: «Поступок Царя в отношении к тебе восхищает меня: он тебя балует более, нежели Екатерина Державина. Поцелуй Жуковского и поклонись Россети. У Натальи Николаевны целую ручку» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 289).

— Перевод французской фразы Николая I: «Так как он женат и не богат, то надо поддержать его хозяйство».

— Юсупов — князь Николай Борисович, о его смерти см. выше, стр. 358, в примечаниях к предыдущему письму.

— Хвостов — граф Дмитрий Иванович (о нем см. выше, в т. I, стр. 252—253, 397, 521 и др., по указателю, и ниже, стр. 515—516, в примечаниях к письму № 504); слух о его смерти оказался ложным; Хвостов прожил еще 4 года (скончался 22 октября 1835 года). О том, что он остался жив Пушкин писал П. А. Плетневу 3 августа: «С душевным прискорбием узнал я что Хвостов жив. Посреди стольких гробов, стольких ранних и бесценных жертв Хвостов торчит каким-то кукишем похабным» (см. в письме № 449, стр. 42).

444. *П. В. Нащокину* [29 июля 1831 г.] (стр. 38). Впервые напечатано полностью П. И. Бартеневым в его историческом сборнике «Девятнадцатый Век», в. I, М. 1872, стр. 388—389, подлинник, на полулисте почтовой бумаги большого формата с водяными знаками: А. Г. 1829, был в Остафьевском архиве гр. С. Д. Шереметева, ныне в Центрархиве в Москве. Письмо датируется 29 июля по связи с предыдущим письмом к Нащокину 21 июля (№ 442) и по упоминанию о рождении вел. кн. Николая Николаевича.

— О П. Я. Чаадаеве и о посылке к нему рукописи его Философического письма см. выше, стр. 331—336.

— О В. П. Горчакове и о долге Пушкина см. выше, стр. 268. При письме Нащокина к Пушкину от 18 августа (см. Акад. изд. Переписки т. II, стр. 304) В. П. Горчаков сделал следующую приписку к Пушкину: «От Павла Воиновича деньги две тысячи все сполна получил — спасибо за точность. Будь здоров и не забывай преданного Горчакова».

— В ответ на вопрос Пушкина о деньгах, которые Нащокин должен был получить, последний сообщал Пушкину в письме 2 сентября: «[денег] я еще не получил, буде тебе известно» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 315).

— Догановский — Василий Семенович Огонь-Догановский (о нем см. выше, стр. 304 и 364, и в т. II, стр. 440—441). В письме от 18 августа Нащокин писал: «Все исправно — теперь у нас идут переговоры с Токановским до получения моих денег. — Нашел я приятеля, который мне дает сколько

потребуется на твою сделку — следственно к будущей почте я думаю все кончить и прислать все твои векселя» и в конце, говоря о том, что он бывает в клубе, где «позатянулся» по «милости» Пушкина, добавляет: «ибо там происходит моя дипломатика касательно твоего дела с Тогоновским — мне хочется выторговать три или две тыся[чи]» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 304).

— О петербургских бунтах и о холере см. выше, стр. 313—315.

— О поездке Николая I в Новгород и о бунте в военных поселениях Пушкин писал также в тот же день П. А. Осиповой (см. № 445) и 3 августа кн. П. А. Вяземскому (см. № 448) и записал в своем дневнике под 26 июля: «Вчера государь император отправился в Военные поселения (в Новгородской губернии) для усмирения возникших там беспокойств. Несколько офицеров и лекарей убито бунтовщиками. Их депутаты пришли в Ижору с повинною головою и с роспискою одного из офицеров, которого перед смертью принудили бунтовщики письменно показать, будто они лекаря отравливали людей. Государь говорил с депутатами мятежников, послал их назад, приказал во всем слушаться гр. Орлова, посланного в Поселения при первом известии о бунте, и обещал сам к ним приехать. «Тогда я вас прощу», сказал он им. Кажется все усмирено, а ежели нет еще, то все усмирится присутствием государя. — Однакожь сие решительное средство, как последнее, не должно быть употребляемо. Народ не должен привыкать к царскому лицу, как обыкновенному явлению. Расправа полицейская должна одна вмешиваться в волнения площади, и царский голос не должен угрожать ни картечью, ни кнутом. Царю не должно сближаться лично с народом. Чернь перестанет скоро бояться таинственной власти и начнет тщеславиться своими сношениями с государем. Скоро в своих мятежах она будет требовать появления его, как необходимого обряда. Доныне государь, обладающий даром слова, говорил один; но может найтиться в толпе голос для возражения. Таковые разговоры неприличны, а прения площадные превращаются тотчас в рев и вой голодного зверя. Россия имеет 12 000 верст в ширину. Государь не может явиться везде, где может вспыхнуть мятеж. — Покамест полагали, что холера прилипчива как чума, до тех пор карантины были зло необходимое. Но как скоро начали замечать, что холера находится в воздухе, то карантины должны были тотчас быть уничтожены. Шестнадцать губерний вдруг не могут быть оцеплены, а карантины, не подкрепленные достаточною цепью, военною силой, суть только средства к притеснению и причины к общему неудовольствию. Вспомним, что турки предпочитают чуму карантинам. В прошлом году карантины остановили всю промышленность, заградили путь обозам, привели в нищету подрядчиков и извозчиков и чуть не взбунтовали 16 губерний. Злоупотребления неразлучны с карантинными постановлениями, которых не понимают ни употребляемые на то люди, ни народ. Уничтожьте карантины — народ не будет отрицать существования заразы, станет принимать предохранительные меры и прибегнет к лекарям и правительству; но покамест карантины тут, меньшее зло будет предпочтено большему, и народ будет более беспокоиться о своем продовольствии, о угрожающей нищете и голоде, нежели о болезни неведомой и коей признаки так близки к отраве

№ 444 (Сочинения и письма Пушкина, под ред. П. О. Морозова, изд. «Просвещение», С.-Пб., т. VI, стр. 530—532 и 696). Об этом событии существует много рассказов очевидцев (см. «Русск. Стар.» 1881, № 8, стр. 562—563, 565—566 и сл., Н. К. Шильдер, «Император Николай I», т. II, стр. 612—615 и сл.; «Русск. Стар.» 1896, № 10, стр. 90—91; «Русск. Арх.» 1906, стр. 148—149; «Русск. Стар.» 1879, № 6, стр. 389—398; см. перечень их у С. Р. Минцлова, «Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России и напечатанных на русском языке», вып. II и III, Новгород 1912, стр. 141—142).

— По официальным данным Н. К. Шильдера, за участие в восстании в Новгороде подверглись наказанию: розгами 150 человек, шпицрутенами 1599 человек, кнутом 88 человек, исправительно — 773 человека; после телесного наказания и во время его умерло 129 человек («Император Николай I», т. II, стр. 487). Николай I жестоко расправился с замученными массами солдат: например очевидец экзекуции в Новгороде, крестьянин Петр Павлов, в своих воспоминаниях рассказывает следующее: «Из числа 60 человек [приговоренных к наказанию] 20 должны были пройти восемь раз чрез 500 человек, т. е. получить 4000 ударов, 10 человек — 3000 ударов, 15 человек — 2000 ударов и 15 человек по 1000 ударов, — наказание было настолько немилосердно, что вряд ли из 60 человек осталось в живых десять... Многих, лишившихся чувств, волокли и, всетаки, нещадно били... Были случаи, что у двоих или троих выпали внутренности... По плацу раздавались стоны, вопли, крики, просьбы о милосердии, о пощаде, но ничто уже не помогло... У некоторых несчастных, как, например, у поселянина Егора Степанова, выхлестнули глаза, и так водили, а глаз болтался; Морозова, который писал прошение от имени поселян, били нещадно; не смотря на его коренастую фигуру, высокий рост, он не вытерпел наказания, потому что его наказывали так: бьют до тех пор, пока не обломают палок, потом поведут опять, там опять остановят, пока не обломают палок, ему пробили бок, и он тут же в строю скончался, не пройдя положенных 1000 ударов... К концу ноября расправа с прекратителями холеры была окончена...» («Историч. Вестн.» 1894 г., т. LV, стр. 786—787). Подробности происшествий в военных поселениях см. еще в книжке А. Слезскинского «Бунт военных поселян в холеру 1831 г.», Новгород 1894; «Бунт военных поселян в холеру 1831 г.», Новгород, 1894; «Бунт военных поселян в 1831 г. Рассказы и воспоминания очевидцев», С-Пб. 1870; рассказы П. Павлова в «Историч. Вестн.» 1894 г., т. LV, стр. 738—787; А. К. Гриббе в «Русск. Стар.» 1876 г., № 11, стр. 513—536; И. П. Можайского в «Историч. Вестн.» 1886 г., № 8, стр. 359—364, рассказы священников-очевидцев в «Русск. Стар.» 1879 г., № 8, стр. 731—738, и в «Отеч. Записках» 1867 г., № 5, стр. 87—107, и др.; см. также в новейших работах Сергея Гессена «Холерные бунты», М. 1932, 62 стр., и П. П. Евстафьева «Восстание военных поселян Новгородской губернии в 1831 г.». М. 1934, 253 стр. Следует отметить еще, что после подавления возмущения новгородское дворянство отправило к Николаю I депутацию «с изъявлением чувств признательности всех сословий Новгородской губернии за восстановление в оной спокойствия, с принесением государю верноподданнических поздравлений с рождением

сына великого князя Николая». Депутация эта, состоявшая из одиннадцати дворян и одного купца, среди которых был брат лицейского товарища Пушкина Александра Дмитриевича Тыркова — Алексей Дмитриевич Тырков, бывший в это время Новгородским уездным предводителем дворянства (см. Н. Гастфрейнд, «Товарищи Пушкина по Имп. Царскосельскому Лицею», т. III, стр. 385), прибыла 21 августа в Царское Село и на следующий день представлялась Николаю I. Описание этого представления и рескрипт Николая I новгородскому дворянству, данный им 27 июля, напечатаны в «Русск. Стар.» 1873 г., № 9, стр. 411—414.

— О рождении вел. кн. Николая Николаевича см. выше, стр. 349. Он родился спустя несколько часов после возвращения Николая I из Новгорода (см. «Русск. Стар.», 1873 г., № 9, стр. 419).

445. *П. А. Осиповой.* 29 июля [1831] (стр. 38—39). Впервые напечатано, в переводе, М. И. Семевским в «С.-Петербургских Ведомостях» 1866 г., № 172 (см. А. Н. Вульф, «Дневники», под ред. П. Е. Щеголева, М. 1929 г., стр. 109—110), затем им же, полностью, в «Русск. Арх.» 1867 г., ст. 140—143 (№ 14) и перепечатано с переводом в «Русск. Стар.» 1880 г., № 5, стр. 73—74. Подлинник — на листе почтовой бумаги большого формата с водяными знаками: А. Г. 1829, находится в Государственной Публичной Библиотеке; письмо сложено конвертом и запечатано облаткой (см. Л. Б. Модзалевский, «Рукописи Пушкина в собрании Гос. Публ. Библиотеки в Ленинграде», Лгр. 1929. стр. 35, № 84).

Перевод: «Ваше молчание начинало меня тревожить, дорогая и добрая Прасковья Александровна; ваше письмо успокоило меня как нельзя более кстати. Еще раз поздравляю вас и желаю вам всем от глубины сердца — благоденствия, спокойствия и здоровья. Я сам отнес ваши письма в Павловск и, признаюсь, смертельно желал узнать их содержание; но матушки моей не было дома. Вы знаете о приключении, бывшем с ними, о выходке Ольги, о карантине и т. д. Теперь, слава богу, все кончено. Мои родители более не под арестом, холеры бояться уже нечего. В Петербурге она скоро прекратится. Знаете-ли, что в Новгороде, в военных поселениях были мятежи? Солдаты взбунтовались и все под тем-же нелепым предлогом отравления. Генералы, офицеры и врачи были умерщвлены с утонченной жестокостью! Император отправился туда и усмирил бунт с удивительною храбростью и хладнокровием; но народу не следует привыкать к бунтам, а бунтовщикам к его присутствию. Кажется все кончено. Вы судите о болезни гораздо лучше, нежели доктора и правительство. Болезнь повальная, а не зараза, следственно карантины лишнее; нужны одни предосторожности в пище и в одежде. Если бы эта истина была нам ранее известна, мы избегнули-бы многих бедствий Теперь холеру лечат как всякую отраву — *растительным маслом и теплым молоком,* не забывая и паровой ванны. Дай бог, чтобы рецепт этот не понадобился вам в Тригорском. — Поручаю вам мои интересы и планы. Я не особенно держусь за *Савкино* или за какое другое место; я желаю только быть вашим соседом и обладателем красивой местности. Благоволите сообщить мне о цене той или иной усадьбы. Обстоятельства задержат меня, повидимому, в Петербурге более чем я-бы желал, но это нисколько не изменяет ни моих намерений, ни надежд. — Примите увере-

№ 445 ние в моей преданности и совершенном уважении. Кланяюсь всему вашему семейству. — 29 июля. Царское Село». Перевод приписки Н. Н. Пушкиной: «Разрешите мне поблагодарить вас за все те приятные вещи, которые вы мне говорите в письме к моему мужу; заранее поручаю себя вашей дружбе и дружбе ваших дочерей. Примите выражение моего почтения. Наталья Пушкина». Этим письмом Пушкин отвечает на письмо к нему П. А. Осиповой от 19 июля (см. его выше, стр. 316—317).

— Пушкин вторично поздравляет П. А. Осипову с выходом замуж Евпраксии Николаевны Вульф за бар. Б. А. Вревского (см. выше, стр. 312—313).

— Письма П. А. Осиповой, которые Пушкин относил в Павловск к своим родителям, жившим там (см. выше, стр. 330), до нас не сохранились.

— «Выходка» О. С. Павлищевой заключалось в том, что она, желая повидаться с родителями, приехала в Павловск поздно вечером, миновав карантины, для чего сделала по дороге туда крюк, но ошиблась домом и постучалась к соседке Архаровой; ее приезд был обнаружен, и ее при помощи полиции отправили обратно в Петербург. Об этом она рассказывает в письме к мужу Н. И. Павлищеву 7 июля (см. «Пушкин и его современники», в. XV, стр. 74 и 75). Об этом же рассказывает и Л. Н. Павлищев в своих воспоминаниях о Пушкине, по своему обыкновению, искажая текст писем матери и произвольно воссоединяя в одно письмо места из разных писем (op. cit. и стр. 253—254). Вероятно, узнав об этом приключении, Пушкин и написал сестре не дошедшее до нас, письмо («Пушкин и его соврем.», в. XV, стр. 76).

— О происшествии в Новгородских военных поселениях в связи с холерой см. выше, стр. 367—369. В тот же день 29 июля Пушкин сделал об этом запись в своем дневнике (Соч. Пушкина, изд. ГИХЛ, т. 5, кн. 2, стр. 817—818).

— В связи с мнением Пушкина о холере см. подобное же мнение гр. Д. Н. Блудова в письме к дочери гр. А. Д. Блудовой из Петербурга от 14 (26) августа («Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, стр. 870) и ср. в т. II, стр. 465.

— Савкино — местность между Михайловским и Тригорским (см. о ней выше, стр. 316, в примечаниях к письму № 432, и в письме П. А. Осиповой к Пушкину 21 августа, см. ниже, стр. 371).

П. А. Осипова отвечала Пушкину письмом от 21 августа. Оно напечатано впервые И. А. Шляпкиным в его книге «Из неизданных бумаг А. С. Пушкина», С.-Пб. 1903 г., стр. 143—144, с переводом. Французский текст его перепечатан в Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 307—309. Мы даем здесь перевод этого письма в исправленном виде: «Холера в окрестностях Тригорского неприятна только тем, что задерживает почту, и этому же я думаю следует приписать и такую позднюю получку вашего письма от 29 июля: оно получено здесь 11 августа, мой дорогой Александр, а так-как мое здоровье все это время неважно, я не могла ответить раньше, да еще визиты архиерея и г-на Пещурова, которые приехали повидать меня, затем поездка к Борису и Евпраксии и масса других мелочей помешали мне написать вам до сегодня. Я вас благо-

дарю за доверие, оказанное мне, но чем оно больше, тем больше я чувствую себя обязанной быть достойной его, иначе моя совесть не даст мне покоя. Вот почему, рискуя наскучить вам, мой друг, я спрашиваю, какой суммой вы можете располагать на покупку «хижины», как вы ее называете? Я полагаю не больше 4—5 тысяч? Обитатели Савкина имеют 42 десятины, разделенные между тремя владельцами. Двое из них почти согласны продать, но старший упрямится и поэтому назначает сумасшедшую цену. Если же вы мне сообщите вашу сумму — найдем средство примирить наши разногласия. Скажите, что стали бы вы делать с усадьбой, отдаленной от Михайловского и Тригорского (осмеливаюсь так написать после вашего любезного выражения), Тригорского, вся прелесть которого теперь для меня заключается в надежде вашего соседства? Поэтому я стою за Савкино, пока не потеряю последней надежды. И мы слышали, увы! о волнениях военных поселений... Вы правы, говоря, что они ненужны. Но пока бравый Николай будет держаться военщины в правлении, — всё пойдет из огня да в полымя — вероятно, он не читал внимательно или вовсе не читал историю Византийской Империи Сегюра и кой-кого другого, кто писал о причинах падения Восточной Римской Империи. Что думают об этой глупой войне с поляками у вас? когда она кончится? Я совсем заболталась от удовольствия говорить с вами, милый сын моего сердца. Если бы моя бумага представляла необъятное небо, а чернила — море, то все же у меня всегда нашлись бы еще мысли, выражающие мою дружбу, а между тем достаточно двух слов, чтобы высказаться: любите меня четверть того, как я люблю вас и с меня довольно. Аннет и Александра кланяются вам. Прасковья Осипова. Тысячу приветов вашим родителям от меня». — Н. Н. Пушкиной П. А. Осипова отвечала в этом письме: «По истине, милостивая государыня, те три строчки, которые вы написали мне в письме вашего супруга, доставили мне больше радости, чем три страницы в другое время, и я благодарю вас от всего сердца. Я льщу себя надеждой увидеть когда-нибудь вас, чтобы полюбоваться вами и полюбить, как делают все, кому удастся познакомиться с вами. Вы делаете счастливым человека, которого я люблю, — вот уже причина моей благодарности. Прошу верить в искренность чувств вашей покорной слуги Прасковьи Осиповой. Если моя дорогая Ольга [Павлищева] у вас, передайте ей тысячу лучших пожеланий». На это письмо Пушкин отвечал в свою очередь письмом от 11 сентября (см. № 463).

446. М. П. Погодину [конец июля 1831 г.] (стр. 39). Впервые напечатано в монографии Н. П. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. III, С-Пб. 1890, стр. 286, а затем в издании П. А. Ефремова, т. VII, стр. 415—416, но с неправильным присоединением к нему конца письма Пушкина к Погодину от конца июня (см. № 433). Неточность эта исправлена в Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 264 и 293. Подлинник — на полулисте бумаги большого почтового формата, с водяными знаками: А. Г. 1829, — в Публичной Библиотеке имени В. И. Ленина в Москве (архив Погодина, № 3518, «письма 1831 г.», л. 249).

— Получив это письмо, Погодин отметил в своем дневнике под 3 августа: «Письмо от Пушкина и ни слова о Петре (некогда), а о под-

№ 446 несении статистики Государыне. Вот тебе и послание. Неужели не понравился...» (М. А. Цявловский, «Пушкин по документам Погодинского архива» — «Пушкин и его соврем.», вып. XXIII—XXIV, стр. 116), а 4 августа Погодин записал, исправляя свою ошибочную запись 3 августа: «Нынче письмо от Пушкина, а не вчера» (там же, стр. 116). По связи с этими записями письмо Пушкина и датируется концом июля.

— Статистика Петра I — труд И. К. Кириллова, изданный Погодиным (о нем см. выше, стр. 318—319, в примечаниях к письму № 433).

— Жуковский. Об экземплярах «Статистики» см. в примечаниях к письму № 433, стр. 317—319.

— Императрица — Александра Федоровна (о ней см. выше, стр. 348—349). По поводу представления ей экземпляра «Статистики» см. выше, стр. 319. Кроме Пушкина, предложение Жуковского передал Погодину и А. В. Веневитинов. «С самого появления холеры в Петербурге, — писал последний, — я не оставляю Царское Село. Я часто здесь вижу Жуковского и Пушкина. Первый сказал мне написать тебе, что касательно поднесения Статистики Государыне, тебе наперед надобно написать письмо к ее секретарю И. П. Шамбо, уведомив его, Жуковского, об этом и тогда он уже с своей стороны будет стараться об окончании дела. Теперь же ему приступить неловко, ибо помянутый Шамбо мог бы обидеться и дело капут» (Н. П. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. III, стр. 285—286). М. П. Погодин исполнил предложение Жуковского и представил ей экземпляр по его совету, через секретаря императрицы И. П. Шамбо, а письмо к нему переслал через Пушкина при следующих строках из письма к последнему от 10 августа: «Благодарю, сердечно благодарю любезнейшего Александра Сергеевича за его хлопоты. Мне очень совестно. Вот письмо к Г. Шамбо. Но прилично ли представлять Статистику Государыне? На что ей? Впрочем буди по вашему» (Акад. Изд. Переписки, т. II, стр. 299). [1]

— Иван Павлович Шамбо (род. в Берлине 29 января (10 февраля) 1783 г. — ум. в Петербурге 17 (29) июня 1848, «Петербургский Некрополь», т. IV, С.-Пб. 1913, стр. 500) с 15 декабря 1814 г. состоял личным секретарем императрицы Александры Федоровны, бывшей тогда еще принцессой Прусской, с которой и прибыл в Россию в июле 1817 г. В этой должности оставался до самой своей смерти. По роду своей службы постоянно находился при дворе, вместе с которым и был в 1831 г. в Царском Селе. Умер от холеры (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, под ред. К. Я. Грота, т. III, стр. 265 и «Ведомости СПб. Городской полиции» 2 июля 1848 г., № 143). О нем см. биографический очерк Б. Л. Модзалевского (В. Гарского) в «Русском биографическом словаре», т. Чаадаев — Швитков, С.-Пб. 1905, стр. 497—498, где указана и литература о нем, а также «Остаф. Арх.», под ред. В. И. Саитова, т. III, стр. 611—612; его вдова Юлия-Шарлотта умерла за границей 7 марта 1852 г. («С.-Пб. Губ. Вед.» 1852 г., № 58).

---

[1] О письмах своих к Пушкину и к Шамбо М. П. Погодин отметил в дневнике под 10 августа: «К Шамбо, к Пушкину и проч.» («Пушкин и его соврем.», вып. XXIII — XXIV, стр. 116).

— У А. Х. Бенкендорфа Пушкин был, очевидно, с целью похлопотать перед ним о пропуске в печать трагедий Погодина «Марфа-Посадница» и «Петр» (о них см. выше, стр. 146—147, 235, 321—323). В своем ответе Пушкину от 10 августа Погодин между прочим писал: «Петра я кончил, а вы не вставили об нем ни слова. Я почел это неблагоприятным знамением. Теперь он позабыт мною совершенно, совершенно, как будто б и не бывал в голове. Что я набродил тогда вам в своей горячке! Сам не помню.— Примите к сведению, что Б[енкендорф] писал к цензору еще весною, после многих похвал: «нет никаких препятствий выпустить «Марфу» в свет; но лучше остановиться до окончания нынешних смутных обстоятельств». След. с ним и говорить нужно-ли? Лишь будет поспокойнее, я имею сугубое право выдать ее» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 299—300). См. «Пушкин и его соврем.», вып. XXIII — XXIV, стр. 117, примеч.» и М. К. Лемке, «Николаевские жандармы и литература 1826 — 1855», С-Пб. 1909, стр. 62—63. № 446—447

447. *П. В. Нащокину* 3 августа [1831 г.] (стр. 40) Напечатано впервые в отрывке в «Москвитянине» 1851 г., кн. I, № 23, стр. 465, и у П. В. Анненкова в «Материалах», изд. 1855 г., стр. 372; полностью — П. И. Бартеневым в сб. «Девятнадцатый Век», в. I, М. 1872, стр. 390. Подлинник неизвестно где находится.

В ответном письме Нащокин писал между прочим Пушкину 18 августа: «Горчакова вексель я не получил, ибо он живет в деревне — приезжал два раза, и не привозил его — у Короткого я еще не спрашивал про ломбард. Я его не видал — тоже к будущей почте; Корнилол-Пиньский здоров — я его на улице встретил, зачем тебе его; я существую понемногу; Есаулова нет в Москве — и романса тоже, получил место за 4 т. руб. — Я очень рад. Он в Ярославле; и еще ко мне не писал. Натальи Николаевне мое нижайшее почтение, про нее и про тебя сказок в Москве много. За поцалуй чувствительно благодарю — я его получил в темя и отразил мысленно в ручку» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 304).

— О Горчаковской 1000 руб.— см. выше, стр. 366.

— Короткий — Дмитрий Васильевич служил в Ссудной казне Опекунского Совета Воспитательного Дома; через него Пушкин сносился с Опекунским Советом по поводу процентов за заем в 40 000 р., сделанный им перед свадьбой под полученное от отца имение, сельцо Кистенево в Сергачском уезде Нижегородской губ. (см. «Русск. Арх.», 1904 г. кн. III, стр. 440; Письма Пушкина, т. II, стр. 464, П. Е. Щеголев, «Пушкин и мужики», М. 1928, стр. 73 — 78, и выше, стр. 205, в примечаниях к письму № 406).

— По поводу фразы о платеже в ломбард в связи с займом в 40 000 р. П. В. Анненков отмечает, что Пушкин «начинал ликвидацию своих молодых годов и притом с беспокойством и часто с неопытностью, которая по временам выражалась весьма простодушно» (Сочинения Пушкина, изд. П. В. Анненкова, т. I, С-Пб. 1855, стр. 316).

— Дороховский вексель — вероятно, вексель, выданный Пушкину его кавказским знакомым Руфином Ивановичем Дороховым (ум. 18 января 1852) при расчете по карточной игре, веденной ими во время пребывания на Кавказе в 1829 г. (см. Л. Н. Майков, «Пушкин», СПб. 1899, стр. 392). Сын генерал-лейтенанта Ивана Семеновича Дорохова (род. 1762,

 ум. 1815), известного участника Отечественной войны 1812 г. (о нем см. в «Русском биографическом словаре», т. Дабелов — Дядьковский, С.-Пб., 1905, стр. 598 — 600, и в изд. «Военная Галлерея 1812 г.», С.-Пб. 1912, стр. 77), Р. И. Дорохов был незаурядной личностью; он обладал хорошим образованием, отличался смелостью на театре военных действий и мог бы сделать себе блестящую военную карьеру, если бы ему не мешал его неукротимый нрав и буйные выходки, из-за которых он неоднократно бывал разжалованным в рядовые. Оригинальною личностью Дорохова воспользовался гр. Л. Н. Толстой в «Войне и Мире» под именем Долохова. После Турецкой войны 1828 г., когда при блокаде Эривани Дорохов был ранен пулею в грудь, он ездил вместе с М. И. Пущиным лечиться на Кавказские Минеральные воды; проездом туда во Владикавказе, в августе 1829 г., он встретился с Пушкиным, с которым провел несколько дней, играл с ним в карты и проигрался; здесь-то, возможно, и был им выдан Пушкину вексель. 11 августа Пушкин, Дорохов и М. И. Пущин выехали вместе из Владикавказа на Минеральные воды (см. Л. Н. Майков, «Пушкин», С.-Пб. 1899, стр. 390 — 392). О Р. И. Дорохове см. в примечании П. О. Морозова в «Сочинениях Пушкина», изд. «Просвещение», т. VI, стр. 687 — 688, и у Б. Л. Модзалевского в «Архиве Раевских», т. II, стр. 241 — 242 и 412 — 414, где о нем собраны подробные биографические сведения). Воспользовался ли Нащокин векселями Р. И. Дорохова при уплате процентов за долг Пушкина в Опекунский Совет, неизвестно.

— Корнилион-Пинский — Матвей Михайлович Карниолин-Пинский (о нем см. в томе I Писем Пушкина, стр. 513, а также «Русский биографический словарь», т. Ибак — Ключарев, С.-Пб. 1897, стр. 528 — 529). В это время он служил в департаменте министерства юстиции; он был известен по двадцатилетнему скандальному процессу со своею женою Надеждою Ивановной Стародубской (ум. 1887), дочерью Екатерины Семеновны Семеновой и кн. И. А. Гагарина (до их брака) (см. Сочинения Пушкина, изд. Суворина, ред. Ефремова, т. VII, стр. 431). Впоследствии (1862) Карниолин-Пинский был первоприсутствующим сенатором в Первом Отделении 5-го Департамента Сената, председательствовал в Сенате по делу Н. Г. Чернышевского и был членом верховного уголовного суда над Каракозовым. Он был другом секунданта Пушкина К. К. Данзаса, от которого знал подробности преддуэльной истории Пушкина. Одна из них с его слов напечатана в «Русск. Стар.» 1880 г., № 7, стр. 513. Характеристика его дана Н. И. Надеждиным в письме к Е. В. Сухово-Кобылиной (см. «Русск. Арх.», кн. II, стр. 577). По какому поводу вспомнил Карниолина-Пинского Пушкин остается невыясненным.

— Об Есауловском романсе см. выше, стр. 307 и 373.

— Портрет Пушкина Нащокин просил прислать ему в письмах своих к Пушкину 9 и 20 июня (см. Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 249 и 257). Об этом см. выше, стр. 278, 283 и 305.

448. *Князю П. А. Вяземскому* 3 августа [1831 г.] (стр. 40—41). Напечатано впервые П. Н. Шеффером в «Старине и Новизне», кн. XII, стр. 325 — 326, а затем в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 296 — 297. Подлинник, на листе почтовой бумаги большого формата, с водяными знаками:

А. Г. 1829, был в Остафьевском Архиве гр. С. Д. Шереметева, ныне в Центрархиве в Москве; письмо сложено конвертом и запечатано облаткою; оно служит ответом на два письма Вяземского от 14 — 15 и 27 июля. № 448

— «Литературная Газета», издававшаяся после смерти бар. А. А. Дельвига О. М. Сомовым (см. выше, стр. 168—169), начала, по выражению Н. К. Замкова, «хиреть еще в конце 1830 года» и после смерти бар. Дельвига «становилась все безжизненнее». Пушкин, по словам Н. О. Лернера, «еще во второй половине 1830 г. остывший к этому изданию, теперь совсем охладел к газете, перешедшей в руки О. М. Сомова». Еще в феврале 1831 г. Плетнев, говоря о Сомове, писал Пушкину, что «он ей не придаст живости, без чего она решительно умрет. Не взяться ли тебе с Вяземским за нее?» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 225). «Но, — продолжает Н. О. Лернер,— Пушкин, как достоверно предполагает С. Браиловский («Пушкин и его соврем.», вып. XI, стр. 98), не мог платить Сомову за сотрудничество, если бы взял на себя руководимое этим тружеником издание; с своей стороны, Сомов не мог хорошо платить Пушкину, для которого вопрос о гонораре был не безразличен... Расхолаживал Пушкина и Сомов своей неисправностью в выпуске «Газеты», которая упорно запаздывала и вообще и велась, и расходилась плохо» («Пушкин и его соврем.», вып. XII, стр. 142). Количество подписчиков все уменьшалось, и, наконец, издание «Газеты» прекратилось на 37-м номере, помеченном 30 июня (дозволенном цензурою 4 июля). В «Литературной Газете» за время издательства Сомова Пушкин поместил за своею подписью только сонет «Мадону» (в № 15, от 12 марта), а также под псевдонимом «Р» рецензию на произведения Сент-Бёва «Vie, poésies et pensées de J. Delorme» и «Les consolations, poésies», начинавшуюся словами: «Года два тому назад, книжка, вышедшая в свет под заглавием...» (в № 32 от 5 июня). Об этой рецензии Пушкина см. выше стр. 245. О «Литературной Газете» 1831 г. и об участии в ней Пушкина см. в указ. статье Н. О. Лернера: «Новооткрытые страницы Пушкина», в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. XII, стр. 141 — 143, а также в статье Н. К. Замкова: «К истории Литературной Газеты барона А. А. Дельвига» в «Русской Старине» 1916 г., № 5, стр. 245 — 281, в статье С. Н. Браиловского «К вопросу о Пушкинской плеяде. О. М. Сомов» — в «Русск. Филологич. Вестн.» 1909 г. и отдельно — Варшава 1909, 151 стр.; в статье М. А. Цявловского, «Литературная Газета» Дельвига, в «Литерат. Газете», 3 июня 1929, № 7, в т. II Писем Пушкина, стр. 492 — 493 и в статье Б. В. Томашевского в Полном собрании стихотворений А. А. Дельвига, Л. 1934, стр. 68—86.

— О Сомове см. выше, стр. 187—188. Фраза о нем Пушкина, что он «болен или подпиской недоволен», взята и перефразирована им из басни И. И. Дмитриева «Воробей и Зяблица», начинающейся так:

Умолк Соловушка! конечно, бедный, болен,
Или подружкой недоволен...

(Сочинения И. И. Дмитриева, под ред. А. А. Флоридова, С.-Пб. 1893, стр. 77.)

— Замечание Вяземского о «Мизинце Булгарина» заключается в письме его Пушкину 27 июля 1831 г. из Остафьева. В нем Вяземский писал:

№ 448 «Кинь это в Литературную Газету: В конце длинной статьи, написанной в защиту и оправдание Булгарина критикованного Телескопом г-н Греч говорит (Сын От. [№ 27]): «Я решился на сие не для того, чтоб оправдывать и защищать Булгарина (который в этом не имеет надобности, ибо у него в одном мизинце более ума и таланта, нежели во многих головах рецензентов). — Жаль-же, сказал один читатель, что Булгарин не одним мизинцем пишет». А, если хочешь, дай другой оборот этому. Во всяком случае на этом мизинце можно погулять и хорошенько расковырять им гузно. Что за лакей!» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 289—290). Приведенная Вяземским фраза была напечатана в «Сыне Отеч.» 1831, ч. 143, № 27, стр. 59 — 68, в статье Н. И. Греча, направленной в защиту находившегося в это время в своем имении Карлово Булгарина от нападок на него «Телескопа», напечатавшего убийственную статью Пушкина под псевдонимом Феофилакта Косичкина «Торжество дружбы или оправданный Александр Анфилович Орлов» (в № 13, стр. 135 — 144), и рецензию Н. И. Надеждина на произведения А. А. Орлова, в которой Надеждин также высмеивал Булгарина (в № 9, стр. 98 — 104) (об этом см. ниже, стр. 464—465, а также текст статьи Греча, перепечатанный во II части IX тома Сочинений Пушкина под ред. Н. К. Козмина, Л. 1929, стр. 450 — 452). Пушкин воспользовался мыслью данной ему Вяземским, и написал также под псевдонимом «Феофилакт Косичкин» уничтожающую Булгарина статью «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем»; она появилась в «Телескопе» 1831 г., ч. IV, № 15, стр. 412 — 418; к ней Пушкин, между прочим, приложил программу «историко-нравственно-сатирического романа XIX века» — «Настоящий Выжигин», полную намеков на не совсем чистоплотное прошлое Булгарина (см. об этом выше, стр. 244, и подробно в примечаниях Н. К. Козмина к т. IX Акад. изд. соч. Пушкина, ч. II, Лгр. 1929, стр. 452 — 457); некоторыми деталями из молодости Булгарина при составлении этой программы Пушкин воспользовался из рассказа полковника В. Н. Спечинского (см. «Русск. Арх.» 1884 г., кн. III, стр. 352 — 353, «Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым», под ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 35 и 96 — 99, и Письма Пушкина, т. II, стр. 428 — 429). Несколько новых соображений о намеках этой программы романа Пушкина даны в статье Р. В. Иванова-Разумника в предисловии к его изданию «Записок о моей жизни» Н. И. Греча, Лгр. 1930, стр. 22. Н. М. Коншин в письме от июля-августа 1831 г. спрашивал Пушкина: «Что-то Косичкин? возгласил ли в Москве, и как идет продолжение? Это очень меня занимает, не поленитесь сказать мне слова два и пришлите в мою канцелярию. . .» (Переписка Пушкина, под ред. В. И. Саитова, т. II, стр. 295). Знакомые и друзья поэта с нетерпением ожидали продолжения полемики «Телескопа» с «Сыном Отечества».

— О возмущениях в Новгородских военных поселениях и в Старой Руссе см. выше, стр. 367—369.

— Орлов — Алексей Федорович, граф (о нем см. в т. I, стр. 192 — 193); в это время он только что возвратился из действовавшей в Польше армии, побывав после недолго в Пруссии, на границе которой под его наблюдением были устроены запасные для русских войск магазины; по приезде в Петербург Орлов был назначен, в виду тревожного настроения в сто-

лице, военным губернатором 1-й Адмиралтейской, Московской и Нарвской частей. В новгородские поселения Орлов приехал 20 июля. 27 июля Николай I посетил штаб императора Австрийского полка. № 448

— Николай I сказал между прочим: «Если бы я и хотел вас простить, то простит ли вас закон? Простит ли бог? Выдайте мне зачинщиков!» (указ. кн. «Бунт военных поселян в 1831 г.» СПб. 1870, стр. 161). За труды, понесенные им в Новгороде по прекращению беспорядков, Орлов был награжден орденом св. Владимира 1-й степени.

— Дело польское — польское восстание. Пушкин напряженно следил за ходом польских событий и с нетерпением ожидал развязки. Имевшие свои основания опасения Пушкина насчет вмешательства Франции и Англии в русско-польские дела не оправдались; дело окончилось взятием Варшавы русскими войсками, что, однако, произошло несколько позднее (см. ниже, стр. 403 — 404).

— Жуковский — Василий Андреевич. О нем и о Пушкине в это время см. в книге П. А. Плетнева «О жизни и сочинениях В. А. Жуковского», С.-Пб. 1853, стр. 80 — 81.

— Россетти — Александра Осиповна (о ней см. выше, стр. 226 — 234) только что получившая разрешение от императрицы выйти замуж за Николая Михайловича Смирнова, что отметил Пушкин в своем дневнике 29 июля: «Третьяго дня государыня родила великого князя Николая; накануне она позволила фрейлине Россетти выйти за Смирнова» (см. Сочинения Пушкина, под ред. П. О. Морозова, т. VI, стр. 532). А. О. Смирнова так рассказывает в своих «Записках» о стихах Жуковского: «Жуковский очень любил вальс Вебера и всегда просил меня сыграть его; раз я рассердилась, не хотела играть, он обиделся и потом написал мне опять галиматью. Вечером Пушкин очень ею любовался и говорил, что сам граф [Д. И.] Хвостов не мог бы лучше написать. Очень часто речь шла о сем великом муже, который тогда написал стихи на Монплезир: Все знают, что на лире Жуковский пел о Монплезире...» и т. п. «Они тоже восхищались и другими его стихами по случаю концерта, где пели Лисянская и Пашков:

Лисянская и Пашков там
Мешают странствовать ушам!

«Вот видишь, — говорил ему Пушкин, — до этого ты уж никак не дойдешь в своих галиматьях». — «Чем же моя хуже» — отвечал Жуковский и начал читать:

Милостивая государыня, Александра Иосифовна!
Честь имею препроводить с моим человеком
Федором к вашему превосходительству данную вами
Книгу мне для прочтения, записки французской известной
Вам герцогини Абрантес. Признаться, прекрасная книжка!
. . . .
Я на все решиться готов! Прикажите ль кожу
Дать содрать с своего благородного тела, чтоб сшить вам
Дюжину теплых калошей, дабы, гуляя по травке,
Ножки свои замочить не могли вы? Прикажите ль, уши
Дам отрезать себе, чтобы в летнее время хлопушкой
Вам усердно служа, колотили они дерзновенных

№ 448 Мух, досаждающих вам неотступной своею любовью
И вашему смуглому личику. И т. д.

(«Русск. Арх.» 1871 г., кн. II, ст. 1878—1880, А. О. Смирнова, «Записки», под ред. М. А. Цявловского, с прим. Л. В. Крестовой, М. 1929, стр. 305—307, и Сочинения В. А. Жуковского, изд. 7-е, т. VI, стр. 522). Пушкин приводит несколько строк из этого именно стихотворения Жуковского; послал ли он Вяземскому полностью это «арзамасское» стихотворение Жуковского — неизвестно.

— Пушкин благодарит А. И. Тургенева за следующую приписку его на письме Вяземского к Пушкину от 14 и 15 июля, писанного из Остафьева: «В письме к Чад[аеву] о его рукописи много справедливого.[1] Поставь на место Католицизма — Христианство и все будет на месте; но в том-то и ошибка его и предтечей его: Мейстера, Бональда, Ламене, Свечиной. — На словах и в записочках я часто бесил сию превосходно мыслящую четверку тем же замечанием; но они не сдаются ни на рассуждения, ни на историю, в коей видят только Рим и церковь, а не мир и религию. — Чаадаев попал на ту-же мысль, или лучше увлечен ими на ту-же дорогу, хотя он — выслушивает и *другую сторону*: т. е. читает и Протестантов; но находит в них или подтверждение своему взгляду на Историю или слабые доказательства, кои спешит обессилить, или устраняется от состязания когда доводы противников слишком сильны. — Это кабинетное занятие было бы спасительно и для его ментально-физического здоровья, о котором пишу к Жуковскому, — но болезнь, т. е. хандра его, имеет корень в его характере и в неудовлетворенном самолюбии, которое впрочем всем сердцем извиняю, и постигаю. Мало по малу я хочу напомнить ему, что учение Христ. объемлет всего человека и бесконечно, есть ли, возводя мысль к Небу, не делает нас и здесь добрыми *земляками* и не позволяет нам уживаться с людьми в анг. московском клобе; деликатно хочу напомнить ему, что можно и должно менее обращать на себя и на das liebe Ich внимания, менее ухаживать за собою, а более за другими, не повязывать пять галстуков в утро, менее даже и холить свои ногти и зубы и свой желудок; а избыток отдавать тем, кои и от крупиц падающих сыты и здоровы. Тогда и холеры и гемороя менее будем бояться: до нас-ли? сказал один мудрец в 30 лет, за жизнь коего в Царе-граде, во время Греческого восстания, страшился брат в П. Бурге. Тогда и жизнь и смерть — и болезнь — и все получит смысл; но не это письмо: à l'impossible nul n'est tenu. Ex-garçon des cultes» (Переписка Пушкина, под. ред. В. И. Саитова, т. II, стр. 272).

— Чедаев — Петр Яковлевич Чаадаев, о нем и об его «Философических письмах» см. выше, стр. 331—336.

— Перевод французской фразы письма Пушкина: то есть проявление христианского духа. То что христианство потеряло в своем единстве, оно зато выиграло в популярности.

— 18 августа П. В. Нащокин сообщал Пушкину о Чаадаеве: «Он ныне пустился в люди — всякий день в клобе» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 304), а 30 сентября о нем же писал: «Чедаев всякий день в клобе, всякой

[1] Письмо Пушкина к Чаадаеву от 6 июля см. выше, № 438, стр. 33.

раз обедает, в обхождении и в платье переменил фасон, и ты его не узнаешь. Я опять угадал, что все странное в нем было ни что иное, как фантазия, а не случайность и не плод опытного равнодушия ко всему. Еще с позволения Вашего скажу (ибо ты не любишь, чтоб я об нем говорил), рука на сердце, говорю правду, что он еще блуждает, что еще он не нашел собственной своей точки. Я с ним об многом говорил, основательности в идеях нет, себе часто противоречит. Но, что я заметил, и это мне приятно: человек весьма добрый, способен к дружбе, привязчив, честолюбив более чем я, себя совсем не знает и часто себе будет наружно изменять, что ничего не доказывает. Тебя очень любит, но менее, чем я» (там же, стр. 331).

— О посылке Чаадаеву его рукописи Философического письма, см. стр. 334—336.

449. *П. А. Плетневу* 3 августа [1831 г.] (стр. 41—42). Напечатано впервые в издании «Сочинения и переписка П. А. Плетнева», под ред. Я. К. Грота, т. III, С.-Пб. 1885, стр. 337—378, и вошло в последующие издания сочинений Пушкина, и в Переписку, под ред. В. И. Саитова, т. II, стр. 297—298. Подлинник на листе почтовой бумаги большого формата с водяными знаками: А. Г. 1829, — в ИРЛИ (Пушкинском Доме) Академии Наук СССР; письмо сложено конвертом и запечатано облаткой (см. «Временник Пушкинского Дома», 1914, стр. 7); оно является ответом на письмо Плетнева 25 июля (оно частями приведено выше, стр. 365—366).

— О денежных расчетах с Плетневым, см. выше стр. 365—366.

— Холера в Петербурге в это время уже совсем почти прекратилась, и многие стали принимать в пищу овощи и ягоды (см. «Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, ст. 854—855, 871, и «Русск. Стар.» 1881 г., № 8, стр. 566).

— С. село — Сарское село (см. выше, стр. 282—283).

— Пушкин возвратился в Петербург в октябре 1831 г., и только тогда возможна была встреча его с Плетневым; вряд ли он виделся с ним в кратковременный приезд свой в Петербург 8 сентября («Пушкин и его соврем.», вып. XV, стр. 90, и Н. О. Лернер, «Труды и дни Пушкина», изд. 2, стр. 488) и ниже, стр. 418.

— Цветы — «Северные Цветы на 1832 год», предпринятые к изданию Пушкиным в память бар. А. А. Дельвига (см. выше, стр. 342—344).

— Яковлев — Михаил Лукьянович; он писал Пушкину 23 июля: «С Цветами надо перегодить. Впрочем от тебя одного зависит успех издания оных. Твои окружные грамматы будут самые действительные» (Переписка Пушкина, под ред. В. И. Саитова, т. II, стр. 288).

— Сомов — Орест Михайлович — несколько позже принимал деятельное участие в собирании произведений поэтов и писателей для издания «Северных Цветов» (см. «Русск. Арх.» 1908 г., кн. III, стр. 264—268). О Пушкине и о Сомове см. статью С. Н. Браиловского в сб. «Пушкин и его соврем.», вып. XI, стр. 95—100.

— Лит. Газ. — «Литературная Газета»; она прекратилась изданием на 37-м номере еще от 30 июня (см. выше, стр. 375). Пушкин, отрезанный карантинами от Петербурга, еще, повидимому, не знал об этом.

— Меркурий — «Северный Меркурий» — литературная газета, издававшаяся в Петербурге М. А. Бестужевым-Рюминым три раза в неделю

№ 449 в 1830 — 1832 гг. (в 1830 г. вышло 149 номеров, в 1831 г.—77, а в 1832 г. — всего 4); она издавалась очень неисправно и выходила все реже и реже, пока не прекратилась на № 77 1831 г.; М. А. Бестужев-Рюмин пытался возобновить газету с 1832 г., но после № 4 она прекратилась окончательно.

— Бестужев-Рюмин — Михаил Алексеевич (род. ок. 1800 — ум. 6 марта 1832), журналист и писатель, издатель вышеупомянутой газеты «Северный Меркурий», журнала «Гирлянда» (1831 — 1832) и нескольких альманахов: «Майский Листок» (1824), «Сириус» (1826), «Северная Звезда» (1829). Стихотворения его, ряд критических и полемических статей, а также рассказов печатались в журналах, газетах и альманахах, большей частью под псевдонимом «Аристарх Завстный»; он вел большую полемику с «Литературными прибавлениями к Русскому Инвалиду», издававшимися А. Ф. Воейковым, из-за личной к нему вражды; за полемикой этой современники следили довольно внимательно, так же как и Пушкин; значение Бестужева-Рюмина, как писателя и журналиста, не велико, и теперь имя его совершенно забыто (подробные биографические и библиографические сведения о нем напечатаны в «Критико-биографическом словаре» С. А. Венгерова, т. III, С.-Пб. 1892, стр. 207 — 215 (М. Мазаева), и в «Русском биографическом словаре», т. Алексинский — Бестужев-Рюмин, стр. 787). Пушкин относился к Бестужеву-Рюмину резко отрицательно и не участвовал в литературных его предприятиях (за исключением напечатания отрывка из «Деревни» в «Майском Листке» 1824 г., стр. 1, и в «Сириусе» 1826 г., кн. I, стр. 154). Появление в альманахе «Северная Звезда» 1829 г., на стр. 50, 161 — 162, 174, 235 — 236, 295 — 296 и 305 — 306, семи стихотворений за подписью: «Ап», из коих шесть принадлежат Пушкину, а стихи «О ты, которая из детства...» представляют отрывок стихотворения кн. П. А. Вяземского «Негодование» (перечень шести Пушкинских стихотворений см. в книге Н. Синявского и М. Цявловского, «Пушкин в печати», М. 1914, стр. 76 (595 — 600) объясняется тем, что Бестужев, воспользовавшись отсутствием из Петербурга Пушкина, в это время путешествовавшего по Кавказу, напечатал их без ведома поэта; он был глубоко возмущен как бесцеремонным поступком Бестужева, так и тем, что среди этих стихотворений были воспроизведены его ранние пьесы, как «Послание к Ф. Ф. Юрьеву» и др. Негодование Пушкина усиливалось еще тем, что незадолго до этого Б. М. Федоров, также без ведома Пушкина, напечатал в альманахе «Памятник Отечественных Муз на 1827 год» шесть его стихотворений (об этом см. в Сочинениях Пушкина, изд. «Просвещения», т. VI, стр. 631 — 632, и у Н. К. Козмина, в примечаниях к т. IX Акад.-изд. Сочинений Пушкина, ч. II, стр. 302 — 303). Бестужев-Рюмин, печатая стихи Пушкина в своем альманахе, кроме того довольно развязно и бесцеремонно «благодарил г. Ап» за доставление этих стихов. Поступок Бестужева вызвал со стороны Пушкина небольшую заметку, сохранившуюся в двух редакциях (они напечатаны в т. IX Акад. изд. Сочинении Пушкина, ч. I, стр. 104, и ч. II, стр. 290 — 291), в которой высказал свой протест против действий Бестужева; однако при жизни Пушкина она не появилась в печати, может быть вследствие того, что О. М. Сомов выступил на защиту поэта, напечатав в «Северных Цветах на 1830 год» в отделе Прозы, стр. 43,

заметку, объяснив в ней, что «подлинный сочинитель» стихотворений, «подписанных Ап», «вовсе не назначал [их] в С[еверную] Звезду» (об этом см. подробно в статье В. П. Гаевского, «Библиографические заметки о сочинениях Пушкина и Дельвига» — в «Отеч. записках» 1853 г., № 6, отд. Смесь, стр. 154 — 156, в указ. издании Сочинений Пушкина, т. IX, ч. 2, стр. 302 — 304, и в изд. «Просвещения», т. VI, стр. 630 — 632). Неприязненное отношение Пушкина к Бестужеву объясняется еще и тем, что Бестужев не упускал случая печатно резко и необоснованно критиковать и высмеивать поэта. Его выпады против «Евгения Онегина» (см. его анекдотическую сцену в стихах «Мавра Власьевна Томская и Флор Савич Калугин», С.-Пб. 1828, частично напечатанную у В. В. Каллаша, «Puschkiniana», Киев 1902, стр. 83 — 84), затем «A Madame de N N, просившей меня прислать ей роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» — в «Северном Меркурии» 1830 г., № 27, стр. 108 (перепечатано у В. В. Каллаша «Русские поэты о Пушкине», М. 1899, стр. 54 — 56), пасквиль на бар. А. А. Дельвига «Сплетница», в котором главными действующими лицами выведены Н. А. Полевой под именем Матрены Алексеевны Лесной, Дельвиг под именем Аделаиды Антоновны Габенихтсин и Пушкин в виде приятельницы Габенихтсиной, Александры Сергеевны (напечатан был в № 49 и 50 «Северного Меркурия» за 1830 г., помеченный 22 апреля 1830 г.; см. о нем обстоятельную статью Н. К. Замкова в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. XXIX — XXX, стр. 68 — 71), ряд статей Бестужева-Рюмина в журналах, между прочим в «Северной Звезде» 1829 г., стр. 280 — 290, под заглавием: «Мысли и замечания литературного наблюдателя», Аристарха Завстного и отзывы в «Север. Меркурии», например, 1830 г., № 98, стр. 79 и др., — все это раздражало поэта, болезненно воспринимавшего личные намеки и личные выпады. Пушкин, однако, большею частью обходил молчанием эти выходки Бестужева. Едва ли не единственной попыткой Пушкина заклеймить Бестужева была статья его, известная под заглавием «Альманашник», не появившаяся, впрочем, при жизни поэта, в которой он изобразил в отрицательном свете как альманахи, так и издателей их, несмотря на то, что сам принимал деятельное участие хотя бы в альманахе Дельвига «Северные Цветы»; в ней Пушкин под именем Бесстыдина вывел Бестужева с довольно прозрачными на него намеками (см. в статье Н. О. Лернера в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. XVI, стр. 34. и в примечаниях Н. К. Козмина в ч. 2, т. IX, Акад. изд. Сочинений Пушкина, стр. 139 — 144, см. также вариант стихотворения Пушкина «Собрание насекомых» 1828 г.: «Вот Рюмин — черная пиявка», который приводит П. А. Плетнев в письме к Я. К. Гроту от 24 ноября 1843 г. — «Переписка П. А. Плетнева с Я. К. Гротом», т. II, стр. 158). К 1829 — 1830 г. относится эпиграмма Пушкина на гр. Д. И. Хвостова: «Седой Свистов! ты царствовал со славой...», появившаяся в «Северных Цветах на 1830 год», в отделе Поэзии, стр. 97, и подписанная Пушкиным псевдонимом «Арз», т. е. Арзамасец; М. А. Бестужев-Рюмин неосновательно принял эту эпиграмму на свой счет, предполагая, что псевдоним «Арз» является намеком на его псевдоним «Аристарх Заветный»; вслед за появлением эпиграммы Пушкина он немедленно поместил новый выпад против поэта в виде ответа «К Арз., на № 449

 его эпиграмму, напечатанную в «Северных Цветах на 1830 год», стр. 97, в которой в довольно грубой форме обозвал Пушкина «Враловым» (она появилась в «Северном Меркурии» 1830 г., № 3, от 6 января, стр. 12; см. соображения Н. О. Лернера в его статье — в сб. «Пушкин и его соврем.», вып. XVI, стр. 33 — 37, ср. в Сочинениях Пушкина, под. ред. С. А. Венгерова, т. V, стр. XLVIII — XLIX). Это недоразумение, однако, сыграло заметную роль в отношениях Бестужева-Рюмина к Пушкину, и до конца дней своих Бестужев не мог простить ему этой эпиграммы. Дни Бестужева были сочтены: предаваясь сильно пьянству, что отмечает и Пушкин, и ослабив тем свой организм, он умер от простуды в 1832 г. (см. некролог его, напечатанный в «Гирлянде» 1832 г., № 7, стр. 153).

— Фразу Пушкина, что холера уносит пьяниц, можно сопоставить с сообщением Д. Н. Блудова в письме к дочери от 14 (26) августа 1831 г. (см. «Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, стр. 870).

— О мнимой смерти гр. Д. И. Хвостова см. выше, стр. 366.

— Дельвиг, барон, Антон Антонович, письма его к Пушкину напечатаны в Акад. изд. Переписки Пушкина, под ред. В. И. Саитова (см. перечень их в изд. М. А. Цявловского: «Письма Пушкина и к Пушкину», М. 1925, стр. 51), и частично вошли в примечания к тт. I и II Писем Пушкина, под ред. Б. Л. Модзалевского; но сохранились они далеко не все.

— Веневитинов — Дмитрий Владимирович — о нем и его смерти см. в т. II, стр. 230 — 231. Письмо Дельвига о смерти Веневитинова напечатано в Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 13, и в части своей, касающейся Веневитинова, приведено в т. II Писем, стр. 230. Фраза из этого же письма Дельвига о гр. Д. И. Хвостове цитирована Пушкиным не совсем точно: вот она: «В день его смерти я встретился с Хвостовым и чуть было не разругал его, зачем он живет» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 13). О Веневитинове см. в «Полном собрании» его сочинений, под ред. Б. В. Смиренского, изд. «Academia», 1934. Там же собран новейший материал об отношениях его с Пушкиным.

— Плетнев в письме к В. А. Жуковскому 11 марта 1833 г. (см. «Русск. Арх.» 1875 г., кн. II, стр. 467, и Сочинения и переписка П. А. Плетнева, т. III, стр. 526) повторил пророчество Пушкина о Хвостове в таких выражениях: «Пушкин пророчит, что Хвостов всех нас похоронит».

— Сказки мои — то есть «Повести Белкина» (см. выше, стр. 342 и 365).

— Россетти — Александра Осиповна (см. выше, стр. 377), была помолвлена за Николая Михайловича Смирнова 26 июля, о чем записал Пушкин в своем дневнике 29 июля. В Москву это известие дошло в начале сентября. 4 сентября кн. П. А. Вяземский в письме просил Жуковского поздравить А. О. Россет со скорым приездом ее жениха в Царское Село («Русск. Арх.» 1900, кн. I, стр. 363). Об отношениях ее к Плетневым, см. выше, стр. 337.

450. *П. И. Миллеру* [начало августа 1831 г.] (стр. 42). Впервые напечатано в «Русск. Арх.» 1902 г., кн. III, стр. 234, откуда вошло в Сочинения Пушкина, изд. Суворина, под ред. П. А. Ефремова, т. VII, стр. 433, с датировкой письма 6 августа, без объяснения причин, затем

в издании Сочинений Пушкина под ред. П. О. Морозова («Просвещение»), стр. 259, с этой же датой. Н. О. Лернер также принял эту дату («Труды и дни», изд. 2, стр. 248) и в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 299, с исправлением даты. Мы принимаем дату Академического издания, так как по содержанию письма и из воспоминаний П. И. Миллера точнее началом августа датировать письмо не представляется возможным. Издание сочинений Пушкина под ред. С. А. Венгерова также приняло дату Академического издания (т. VI, стр. 84). Подлинник письма неизвестно где находится.

— Павел Иванович Миллер (р. 1813 — ум. 6 июня 1885, см. «Московский Некрополь», т. II, С.-Пб. 1908, стр. 262), сын генерал-майора и тульского помещика Ивана Ивановича, от брака его с Прасковьей Александровной Волковой (об И. И. Миллере и его жене см. «Русск. Арх.» 1866 г., столб. 692 — 694; 1902 г., кн. II, стр. 624; 1877 г., кн. I, стр. 266 — 267, 1890 г., кн. I, стр. 68, и «Дворянское сословие Тульской губернии», т. III (XII). Родословец, ч. II, издал В. И. Чернопятов, стр. 122), воспитывался в Александровском Лицее, курс которого окончил в июне 1832 г. (VI выпуск), с чином 9-го класса (см. «Памятная книжка лицеистов. Издание собрания курсовых представителей императорского Александровского Лицея 1811, 19 октября 1911», С.-Пб. 1911, стр. 17). Вследствие родства своего с известным жандармским генералом Александром Александровичам Волковым (о нем см. в т. II, по указателю), которому он приходился родным племянником, П. И. Миллер 18 февраля 1833 г. был определен секретарем к шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу (отзыв о нем члена «Общества танцоров» см. в «Сборнике старинных бумаг П. И. Щукина», ч. X, стр. 167) и прослужил в этой должности до 1846 г., когда был причислен (2 апреля 1846 г.) к почтовому департаменту, дослужился до чина действительного статского советника и в середине 50-х годов вышел в отставку, проживая в Москве (формулярный список о службе, «Щукинский сборник», вып. IX, стр. 157 — 158; ср. в воспоминаниях кн. Д. Д. Оболенского в «Русск. Арх.», 1895 г., кн. I, стр. 508). Находясь еще в Лицее, в 1831 г. Миллер познакомился с Пушкиным и в течение трех месяцев, с 27 июля, встречался с ним четыре раза; об этом знакомстве он оставил свои небольшие, но ценные воспоминания, в которых опубликовал и несколько записочек к себе Пушкина. В 1860 г. эти воспоминания он переслал Я. К. Гроту, в виду приближавшегося в 1861 г. 50-летнего юбилея Лицея, о чем последний сообщал М. Н. Похвисневу в письме от 14 января 1860 г. (см. «Щукинский сборник», вып. IX, стр. 157 — 158), но появились в печати они лишь в 1902 г. в «Русск. Арх.», кн. III, стр. 232 — 235 (отрывок напечатан был в «Новом Времени» 22 октября 1902 г., № 9567. См. также в книге Д. Ф. Кобеко: «Императорский Царскосельский Лицей. Наставники и питомцы 1811 — 1843», С.-Пб. 1911, стр. 306 и 513). Вот что рассказывает П. И. Миллер: «27 июля, в 7-м часу вечера я шел к знакомому, жившему в полуциркуле дворца. Вместо того, чтобы выйти прямо на Дворцовую площадь и взять вправо тротуаром полуциркуля, я пошел парком, войдя в него с той стороны, где он углом выдается на улицу против заднего бока Лицея. — Не сделал я двадцати шагов, как вышел из-за деревьев на ту же дорогу человек

№ 450 среднего роста, с толстой палкой в руках. Он шел мне навстречу скоро, большими шагами. Хотя он был еще далеко от меня, но по походке и бакенбардам не трудно было узнать в нем Александра Сергеевича. Я не спускал с него глаз и решился подойти к нему. — За несколько шагов сняв фуражку, я сказал ему взволнованным голосом: «Извините, что я вас останавливаю, Александр Сергеевич; но я внук вам по Лицею и желаю вам представиться». — «Очень рад, — отвечал он, улыбнувшись и взяв меня за руку,— очень рад». — Непритворное радушие видно было в его улыбке и глазах. Я сказал ему свою фамилию. — «А ваш выпуск будет который? — спросил он, взглянув на золотые петлицы на моем воротнике: — ведь вы после Деларю?» — «Деларю был мой старший, 5-го курса, а я 6-го». — «Так я вам не дед, даже не прадед, а я вам пращур. Ну, что у вас делается в Лицее? Если вы не боитесь усталости,— прибавил он,— то пойдемте со мной». — Мы пошли так же скоро и теми же большими шагами. Я не чувствовал ни прежнего волнения, ни прежней боязни. — При всей своей славе Александр Сергеевич был удивительно прост в обхождении. Гордости, важности, резкого тона не было в нем ни тени, оттого и нельзя было не полюбить его искренно с первой же минуты. — Из парка мы перешли в большой сад. — «Ну, а литература у вас процветает?» — спросил он. — «Мы, по крайней мере, об ней хлопочем: у нас издаются журналы и газеты». — «Принесите их мне; ну, а что Сергей Гаврилович Чириков?» [о нем см. в т. I, по указателю]. — Я отвечал, что он у нас гувернером в старшем курсе, попрежнему добрейший человек, но что под старость лет у него явилась охота к пенью. — «Каким это образом?» — «Он с нами поет в рекреационное время, по вечерам, разные арии из Сбитенщика и Водовоза; он запевает, а мы ему хором подтягиваем». — Александр Сергеевич от души засмеялся. — «А мы в нем и не подозревали голоса, сказал он, пригласите его когда-нибудь ко мне». — «Что ваш сад и ваши полисадники? А памятник в саду вы поддерживаете? Видаетесь ли вы с вашими старшими? Выпускают ли теперь из Лицея в военную службу? Есть ли между вами желающие? Какие теперь у вас профессора? Прибавляется ли ваша библиотека? У кого она теперь на руках? Что Пешель? Боится ли он холеры?» — На эти вопросы Александра Сергеевича я едва успевал отвечать. — В свою очередь мне ужасно хотелось расспросить его об нем самом, но он решительно не давал мне времени и, конечно, делал это не без намерения. Я понимал, что ему не о чем было более говорить с 17-летним юношею, как об его заведении, но в этом-то и было все мое горе. И как я до сих пор помню это горе!.. Многие расставленные по саду часовые ему вытягивались, и если он замечал их, то кивал им головою. Когда я спросил: отчего они ему вытягиваются? — он отвечал: «Право, не знаю; разве потому, что я с палкой». — Обойдя кругом озера, он сказал: «Вы раскраснелись, кажется, устали?» — «Это не от усталости, а от эмоции и удовольствия итти с вами». — Он улыбнулся и протянул мне руку. — С полдороги начала меня смущать мысль, что я ему надоел и употребляю во зло его доброту. Я стал искать предлога с ним раскланяться. Дойдя до Камероновой колоннады, я остановился и на прощанье спросил у него: «не желает ли он получить из Лицейской библиотеки книги, журналы, газеты и какие именно?» — «Из книг — я вам

напишу какие, а из журналов, нельзя ли вам прислать мне Телеграф и Телескоп? Да главного не забудьте: заходите ко мне». — Мы расстались — и я, разумеется, был в восторге. — Дня через два он прислал мне список книгам; три из них, по несчастью, были выданы из библиотеки разным лицам. Отобрав одну у товарища Э[йхена], [1] а другие две выпросив у профессоров В[рангеля],[2] и О[лива, [3] или Оболенского], [4] я послал их при письме к Александру Сергеевичу. Через неделю он возвратил мне их при следующей записке [следует письмо № 450]... В продолжение трех месяцев, со дня знакомства, я был у него всего четыре раза и во все разы оставался по несколько минут. Боязнь быть ему в тягость или притти не во-время не переставала меня преследовать. Эта же боязнь была причиною, что я не показал ему издававшихся нами журналов и не привел к нему Сергея Гавриловича Чирикова. — В конце октября Александр Сергеевич переехал в Петербург, а в 1832 году курс наш вышел из Лицея» (см. еще в примечаниях к письмам №№ 457, 459 и 472). П. И. Миллер был хранителем лицейских традиций, посещал ежегодные лицейские вечера (см. «Пушкин и его соврем.», вып. XIII, стр. 78, 80, 82, 84 и 85) и поддерживал отношения с однокашниками по Лицею до глубокой старости (см. например, его отзыв о статье Я. К. Грота, помещенной в «Складчине», «Первенцы Лицея и его предания», стр. 339 — 376, в письме к нему от 30 ноября 1874 г. — К. Я. Грот, «Пушкинской Лицей», С.-Пб. 1911, стр. 120). Заботливые, благожелательные и благоговейные отношения его к Пушкину выразились: в 1834 г. в связи с перехваченным письмом поэта к жене от 20 и 22 апреля 1834 г. (см. в примечаниях к этому письму в IV томе и «Новое Время» от 14 сентября 1880 г., № 1633, стр. 3, откуда перепечатано в «Русск. Стар.» 1880 г., № 10, стр. 218 и 224 — 225, и «Дневник» А. С. Пушкина, московское изд. 1923, стр. 432, и под ред. Б. Л. Модзалевского, П. 1923, стр. 174 — 175), а также в 1837 г. («Русск. Арх.» 1888 г., кн. II, стр. 308, и там же, 1910 г., № 4, вторая обложка, и П. Е. Щеголев «Дуэль и смерть Пушкина», изд. 3, Лгр. 1928, стр. 112) и в 1880 г., при открытии памятника Пушкину в Москве, вызвавшему ряд статей его, помещенных в «Московских Ведомостях» 1871 г., № 264, и 1872 г., № 11 (о месте для памятника), там же — 1875 г., № 128 («Фотографический портрет Пушкина»), в «Русск. Арх.» 1871 г., кн. II, столб. 1939 — 1942 (о памятнике); см. также статью Я. К. Грота об открытии памятника Пушкину в сборнике «Венок на памятник Пушкина», С.-Пб. 1880, стр. 203, и в «Трудах Я. К. Грота», т. III, С.-Пб., 1901, стр. 166, 168 и 288 второй пагинации. В 1861 г. П. И. Миллер сообщил тексты 4 писем Пушкина к А. Х. Бенкендорфу и В. А. Жуковскому в «Библиографических Записках» 1861 г., № 9, стр. 257 — 260. № 540

— Называя себя дедом, а П. И. Миллера внуком, Пушкин имеет в виду Царскосельский Лицей, который они окончили в разное время — П. И. Миллер на 15 лет позже Пушкина.

---

[1] Василия Николаевича.
[2] Барона Егора Васильевича.
[3] Франца Адамовича.
[4] Андрея Филипповича.

№ 451 451. *Кн. П. А. Вяземскому* 14 августа [1831 г.] (стр. 42—43). Опубликовано впервые П. Н. Шеффером в журн. «Старина и Новизна», кн. XII, 1907, стр. 327—328, откуда вошло в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 300—301, и в Сочинения Пушкина, под ред. С. А. Венгерова, т. VI, стр. 414. Подлинник, на листе почтовой бумаги большого формата с водяными знаками: А. Г. 1829, был в Остафьевском архиве гр. С. Д. Шереметева, ныне в Центрархиве в Москве; письмо сложено конвертом и запечатано неразборчивою печатью на сером сургуче.

— Кн. П. А. Вяземский отвечал Пушкину письмом от 24 августа из Остафьева (см. Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 310—312).

— Кн. Петр Андреевич Вяземский только что, 5 августа, получил звание камергера («Старина и Новизна», кн. XII, стр. 340); от этого звания он отказывался ранее (см. «Русск. Арх.» 1907 г., кн. II, 2-я обложка). С пожалованием этого звания Пушкин и поздравляет друга (см. еще «Русск. Арх.» 1902 г., кн. I, стр. 79 и 81, в письмах А. Я. Булгакова к брату от 31 июля и 6 августа).

— Василий Львович — Пушкин, дядя поэта (о нем см. в I и II тт. Писем, по указателю). Говоря о манере В. Л. Пушкина, он имеет в виду стихотворение его «К П. Н. Приклонскому», начинающееся словами:

Любезный родственник, поэт и камергер
Пожалуй на досуге
Похлопочи о друге!
Ты знаешь мой манер...

(Сочинения В. Л. Пушкина, под ред. В. И. Саитова, С.-Пб. 1893, стр. 74). Павел Николаевич Приклонский (род. ок. 1770) был камергером, писателем и родственником по жене В. Л. Пушкину (см. его биографию, написанную Б. Л. Модзалевским в «Русском биографическом словаре», т. Плавильщиков — Примо, С.-Пб. 1905, стр. 797—798). Вяземский хорошо помнил эти стихи В. Л. Пушкина (см. «Остаф. Арх.», т. I, стр. 200, где он приводит их первую строчку) и позже сам переделал их, наподобие Пушкина, в приписке своей на письме И. П. Мятлева к Пушкину от 28 мая 1834 г. (см. И. А. Шляпкин, «Из неизданных бумаг Пушкина», С.-Пб. 1903, стр. 197—198, П. И. Бартенев, «А. С. Пушкин», т. II, М. 1885, стр. 58, и Акад. изд. Переписки, т. III, стр. 119).

— Камергерский ключ носился обыкновенно на придворном мундире сзади, ниже спины. См. недавно опубликованный шуточный портрет Пушкина с камергерским ключом в руке в «Литературном Наследстве», № 16—18, стр. 983.

— Княгиня Вера — жена П. А. Вяземского — Вера Федоровна (о ней см. в тт. I и II Писем Пушкина, по указателю). Небольшая записочка ее Пушкину 31 августа 1831 г. напечатана в Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 314.

— Арзамас — литературное общество, членами которого были П. А. Вяземский (прозвище — Асмодей), Пушкин (Сверчок), В. Л. Пушкин (Вот), В. А. Жуковский (Светлана) и др. (о нем см. работу Е. А. Сидорова «Литературное Общество Арзамас» в «Журнале Министерства Народного Просвещения» 1901 г., июнь, стр. 356—391, и июль, стр. 45—92;

А. И. Кирпичникова, «Новые материалы для истории «Арзамаса» — в «Русск. Стар.» 1899 г., № 5. стр. 337—351, а также новейшие работы М. Боровковой-Майковой — в «Сборнике Отд. Русск. яз. и слов.», т. CI, № 3, стр. 278—279, и ее же книгу «Арзамас и арзамасские протоколы», Лгр. 1933, 303 стр.; в «Старине и Новизне», в. XII, стр. 334—335 и 346—347; в статье П. Н. Шеффера). Пушкин излагает в шутливой форме беседу свою с Жуковским в виде протокола заседания «Арзамаса» в составе двух арзамасцев — себя и Жуковского (ср. подобное же заседание двух арзамасцев, изложенное в письме П. И. Полетики и Д. Н. Блудова к Жуковскому в 1818 г. («Русск. Стар.» 1902 г., № 10, стр. 195—196). Вяземский благодарил Пушкина за присылку «Арзамасской грамоты» следующим образом: «Спасибо, большое спасибо за Арзамасскую грамоту. Крыло вдохновения, старины и Арзамаского Гуся повеяло над тобою и потрепало мою задницу. Это приятное щекотание отозвалось в моем сердце и таким образом ты меня потешил со всех сторон. И здесь твое послание было прочтено в полном присутствии» (Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 310). № 451

— «Секретарь ответил единогласно» — острота, игра бессмыслицей.

— Говоря о «Коммерческой Газете», Пушкин шутливо намекает на отношения Вяземского к этой газете, издававшейся с 1825 г. по 1860 г. в Петербурге при Департаменте Внешней Торговли Министерства Финансов, где Вяземский с 18 апреля 1830 г. служил в качестве чиновника особых поручений, а с 8 августа того же года занимал должность члена Общего Присутствия Департамента Внешней Торговли, имея в то же время касательство к изданию «Коммерческой Газеты» (см. Полное собрание сочинений кн. П. А. Вяземского, т. I, С.-Пб. 1878, стр. LI; «Щукинский Сборник», вып. IX, стр. 165; «Русск. Арх.» 1897 г., кн. III, стр. 284). Возможно, что Вяземский по службе соприкасался также и с Государственным Заемным Банком, управляющим которым он был позже с 25 октября 1846 по 29 мая 1853 г. (см. «Министерство Финансов 1802—1902», С.-Пб. 1902, ч. II, стр. 687; ср. «Русский Архив» 1902, кн. I, стр. 320, 323).

— По поводу польских событий этого времени М. Д. Беляев пишет: «11 и 13 августа в газетах было опубликовано о переправе ген. Ридигера через верхнюю Вислу и о дальнейшем наступлении русских войск на Варшаву, а также сообщалось о переменах в польском главном командовании» («Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Лгр. 1927, стр. 283). В комментируемом месте письма Пушкина, по словам того же М. Д. Беляева, Пушкин дает «точный очерк международного положения и вновь высказывает мысль о возможности общеевропейской войны. Здесь надлежит кстати сказать, что в это время возможность вооруженной помощи Польше со стороны Франции служила предметом обсуждения в Палате Депутатов, причем во время прений по этому вопросу министр иностранных дел доказывал, «что 400 миль отделяют Францию от Польши, и по его счету нужно сделать три кампании, чтобы прибыть на помощь Польше», и что «сии усилия без пользы подвергли бы Францию опасности». В то же время предполагалось совместное выступление французского и великобританского послов перед русским правительством, не-

№ 451 состоявшееся лишь вследствие несогласия на него Пальмерстона (как видим, Пушкин угадал и это последнее обстоятельство). Тем не менее, герцог Мортемар не переставал настойчиво добиваться прекращения войны с поляками, что, повидимому, и послужило отчасти причиной отъезда его, под предлогом длительного отпуска, из России 15 августа» («Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Лгр. 1927, стр. 94 и 283).

— О постепенном окружении Варшавы русскими войсками см. в «Автобиографии А. О. Дюгамеля» в «Русск. Арх.» 1885 г., кн. I, стр. 492—493.

— Крженецкий — Ян Сигизмунд Скржинецкий (Skrzynecki, род. 1787— ум. 1860), польский генерал, главнокомандующий польской армией, был отрешен от командования после неудачных действий под Остроленкой, приведших к поражению поляков и вследствие общей тактики выжидания. К 1831 г. относится запись Пушкина мнения генерала бар. А. В. Жомини о Польской кампании (см. Сочинения Пушкина, под ред. П. О. Морозова, изд. «Просвещение», т. VI, стр. 534), в которой Пушкин отметил: «Ошибки Скржинецкого состояли в том, что он пожертвовал 8000 избранного войска понапрасну под Остроленкой. Позиция его была чрезвычайно сильная, и Паскевич опасался ее. Но Скржинецкого сменили недовольные его действиями или бездействием начальники мятежа, и Польша погибла». После своего смещения он присоединился к партизанскому корпусу Ружицкого, с которым и перешел на территорию вольного города Кракова. Это дало Пушкину повод записать в дневнике под 4 сентября, что «Скржинецкий скрывается» (см. Сочинения Пушкина под ред. П. О. Морозова, изд. «Просвещение», т. VI, стр. 533). В Варшаве в 1831 г. вышла книга Скржинецкого: «Dwa dni zwycieztw», в которой он описал свои победы (см. о нем в «Воспоминаниях Г. И. Филипсона» — в «Русск. Арх.» 1883 г., кн. III, стр. 126—127).

— Дембинский, Генрих (Henryk Dembinski, род. 1791—ум. 1864), польский генерал, после увольнения Скржинецкого был назначен главнокомандующим польской армией, но через несколько же дней уступил этот пост генералу Круковецкому, после чего двинулся с частью войск в Литву, где особенно отличался военными действиями в Беловежской пуще. Он оставил свои записки о польском восстании, изданные на польском языке в Кракове в 1878 г., в двух томах, и несколько других книг по этому же вопросу.

— Паскевич — граф Иван Федорович (о нем см. выше, стр. 304 и 364). О счастии, сопутствовавшем ему во все время операций на полях военных действий под Варшавой, Паскевич сам говорит в письме своем к В. А. Жуковскому от 2 октября 1831 г. из Варшавы (см. «Русск. Арх.» 1875 г., кн. III, стр. 369).

— Король Голландский — Вильгельм I Фридрих, первый голландский король (род. 24 августа 1772 — ум. 12 декабря 1843), великий герцог Люксембургский. По постановлению Венского конгресса Бельгия была присоединена к Голландии, и 16 марта 1815 г. Вильгельм I был провозглашен королем, но вследствие революции 1830 г. Бельгия вновь отделилась от Голландии, и 21 июля 1831 г. вступил на бельгийский престол под именем короля Леопольда I принц Леопольд-Георг-Христиан-Фридрих Саксен-Кобургский (род. 16 декабря 1790 — ум. 10 декабря 1865). Виль-

гельм I долго противился признать самостоятельность Бельгии и только в 1839 г. принужден был подчиниться решению других государств (см. отклики на эти события в «Старине и Новизне», кн. XII, стр. 341, «Дневнике» П. Г. Дивова под 7 августа в «Русск. Стар.» 1899 г., № 12, стр. 528, в письме А. Я. Булгакова брату от 4 августа в «Русск. Арх.» 1902 г., кн. I, стр. 80). № 451

— «Взять жену в торока» — т. е. привязать ремешком к седлу, взять ее с собою в поход (торок — ремешек у седла).

— Ж — Жуковский: он действительно в это время написал несколько произведений гекзаметрами: «Сказка о царе Берендее, о сыне его Иване царевиче, о хитростях Кощея бессмертного и о премудрости Марьи царевны, кощеевой дочери», «Война мышей и лягушек», сказка и др., вроде цитированного выше «послания» А. О. Смирновой (стр. 377—378). Вяземский писал Пушкину в ответ 24 августа: «А Жуковский все еще пописывает: бог помощь! Не знаю, холера ли, Царскосельский ли воздух, но на вас действует какое-то благоприятное письменное наитие. И ты стал так исправно отвечать на письма, что любо» (Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 310). Ср. в письме Н. В. Гоголя к А. С. Данилевскому от 2 ноября 1831 г. (Письма Гоголя, под ред. В. И. Шенрока, т. I, стр. 196).

— Мысль об издании журнала или газеты возникла у Пушкина давно, но осуществления не получила в ближайшие годы (см. статью Н. К. Никсанова: «Несостоявшаяся газета Пушкина», «Дневник», — «Пушкин и его соврем.», вып. V, стр. 30—74, а также выше, в настоящем томе Писем, стр. 234—235, и ниже, стр. 489—500. «Сделай одолжение занимайся приготовлениями журнала, — писал Вяземский в ответ, — корми эту мысль, но прежде всего напиши план и представь его, куда следует» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 310). Пушкин, как видно из обращения его к А. Х. Бенкендорфу от 21—22 июля, цитированному выше, на стр. 359, уже высказывал официально свое желание об издании журнала.

— Quarterley, — т. е. четырехмесячник. Журнал, выходящий по типу английских обозрений (Review) по четвертям года, раз в три месяца, напр. «The Quarterly Review и др.

— Лиза Голенькая — Елизавета Михайловна Хитрово, рожд. Голенищева-Кутузова, по первому браку графиня Тизенгаузен (о ней см. выше, стр. 136 и в т. II, стр. 249—251). Пушкин упоминает так о ней еще в письме к кн. П. А. Вяземскому от 5 ноября 1830 г. (см. т. II, стр. 115). Письмо Хитрово «в роде духовной» — неизвестно; другое письмо Хитрово к Пушкину от середины мая 1830 г. (см. Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 152—153, и Бартенев, «Пушкин», вып. II, М. 1885, стр. 46—47), приведено Н. В. Измайловым в его статье о Пушкине и Хитрово в сб. «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Лгр. 1927, стр. 177—178.

— Перевод французской фразы: «верьте, любви той, которая будет вас любить даже и за гробом»; этой фразы нет в письме Хитрово к Пушкину от середины мая 1830 г., но смысл ее подходит к тому, что она в нем писала поэту (см. Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 153). Пушкин цитирует, очевидно, эту фразу по памяти, передавая только смысл ею написанного; действительно после этого письма в письмах ее к Пушкину существует перерыв до середины сентября 1831 г., но возможно, что за

 этот период времени письма ее и не сохранились (см. соображения об этом Н. В. Измайлова в «Письмах Пушкина к Хитрово», Лгр. 1927, стр. 174, примечание).

— Вояжер Mornay — лицо не установленное. Н. В. Измайлов ставит его имя в связь с каким-то скандальным происшествием, о котором сообщают С. Л. и Н. О. Пушкины дочери О. С. Павлищевой от июля — августа 1831 г. (см. «Письма Пушкина к Хитрово», Лгр. 1927, стр. 182—183). Вяземский на сообщение Пушкина отвечал в письме 24 августа: «Кстати, ты кажется ревнуешь и к Голенькой. Я поздравлю ее и скажу, что ты часто пишешь мне о каком то Mornay. Впрочем, не беспокойся и не верь клевете: это верно Dona Sol [А. О. Россет] смутила тебя, — она и меня хотела поссорить с нею» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 311).

— Перевод французской фразы: «О женщина, женщина, создание слабое и обманчивое»; фраза эта почти дословно взята Пушкиным из монолога Фигаро в 3-й сцене V акта комедии Бомарше (Beaumarchais) «Le mariage de Figaro», где слово «femme» в этом месте повторено три раза.

452. *П. А. Плетневу*. [Первая половина августа 1831 г.] (стр. 43—44). Напечатано впервые в изд.: Сочинения и переписка П. А. Плетнева, под ред. Я. К. Грота, т. III, С.-Пб. 1885, стр. 378—379, откуда перепечатано в последующих изданиях Сочинений Пушкина и в Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 302—303. Издание П. О. Морозова, С.-Пб. 1887, стр. 278, приняло дату письма: «до 25 августа», повторенную следующими изданиями, и только Акад. изд. Переписки, а за ним издание Брокгауза-Ефрона, под ред. С. А. Венгерова (т. VI, стр. 84), придвинуло дату письма на первую половину августа; мы придерживаемся этой датировки по соображению с письмом Н. В. Гоголя к Пушкину 16 и 21 августа (см. ниже, стр. 391). Подлинник письма Пушкина на согнутом вдвое полулисте почтовой бумаги большого формата, с водяными знаками: А. Г. 1829, — в ИРЛИ (Пушкинском Доме) Академии Наук СССР (см. «Временник Пушкинского Дома», 1914, стр. 7).

Плетнев отвечал Пушкину 5 сентября следующим письмом: «Повести Ивана Петровича Белкина из цензуры получены. Ни перемен, ни откидок не воспоследовало по милости Никиты Ивановича Бутырского. Чтобы приступить к печатанию, надобно от тебя через день же получить ответ, в котором бы ты разрешил меня в следующем: 1. Сколько экземпляров печатать: не довольно ли 1200? 2. Чтобы по 18 строк выходило на странице в 12-ю долю листа, то разрядка строк будет одинакова с Евг. Онегиным: аппробуешь ли ее? а иначе (т. е. в один шпон, а не в два) выйдет по 22 строчки на странице. 3. Я взял эпиграф к Выстрелу из Романа в 7 письмах; вот как он стоит в подлиннике: «Мы близились с двадцати шагов, я шел твердо — ведь уже три пули просвистали мимо этой головы — я шел твердо, но без всякой мысли, без всякого намерения: скрытые во глубине души чувства совсем омрачили мой разум». Согласен ли ты его так принять, и если да, то Баратынского слова: *Стрелялись мы* вычеркнуть ли из тетради? 4. Не задержишь ли ты издания присылкою Предисловия и уморительно-смешного эпиграфа? 5. Не подать ли нам благого примера в прозе молодым писателям и не продавать ли Белкина по 5 р. книжку? Нас это не разорит, а добрый пример

глубоко пустит корни. Я и кн. Вяземскому присоветовал продавать Адольфа по 5 р. Впрочем буди во всем твоя святая воля. Долго ли еще проживешь ты в Царском? Поклонись от меня всем. Не пропусти в ответе своем ни одного из моих вопросов» (Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 319—320). № 452

— О Н. В. Гоголе — см. выше, стр. 250—251 и ниже, стр. 393—395.

— Посылку с «Повестями Белкина» (см. выше, стр. 340 и 342). Плетнев получил через Н. В. Гоголя, который не знал ее содержания (см. ст. А. С. Долинина в «Пушкинском Сборнике памяти С. А. Венгерова», II, 1923, стр. 188); уезжая к 15 августа в Петербург Гоголь должен был взять ее с собой; он, однако, не исполнил сразу просьбы поэта и, приехав в Петербург, написал ему 16-го числа извинительное письмо, объясняющее причины, по которым он этого не сделал: «Приношу повинную голову, что не устоял в своем обещании по странному случаю. Я никак не мог думать, чтобы была другая дорога не мимо вашего дома в Петербург. И преспокойно ехал в намерении остановиться возле вас; но вышло иначе. Я спохватился уже поздно, а сопутницы мои, спешившие к карантину для свидания с мужьями, никаким образом не захотели склониться на мою просьбу и потерять несколько минут. Если же посылка ваша может немножко обождать, то вы можете отдать [А. И.] Васильчиковой, которой я сказал (она думает ехать в среду) заслать за нею к вам, и тогда она будет доставлена в мои руки» (Переписка Пушкина, т. II, стр. 303). Пушкину ничего, вероятно, не оставалось делать, как последовать указанию Гоголя и отправить «Повести» через А. И. Васильчикову (о ней см. в «Воспоминаниях» гр. В. А. Соллогуба, под ред. С. П. Шестерикова, Лгр. 1931, и «Рассказы о Пушкине П. И. Бартенева», под ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 38 и 103—104), так как в следующем письме, от 21 августа, Гоголь писал уже: «У Плетнева я был, отдал ему в исправности ваши посылку и письмо» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 305). Здесь необходимо отметить, что сложное рассуждение В. И. Шенрока (см. его «Материалы для биографии Гоголя», т. I, стр. 347, и Письма Гоголя, т. I, стр. 185) о поездке Пушкина 8 августа в Петербург, основано на описке Гоголя в письме к В. А. Жуковскому от 10 сентября (см. Письма Гоголя, т. I, стр. 189). Пушкин приезжал в Петербург 8 сентября (см. «Пушкин и его соврем.» вып. XV, стр. 90; Н. О. Лернер, «Труды и дни Пушкина», изд. 2, С.-Пб. 1910, стр. 488; В. В. Гиппиус, «Литературное общение Гоголя с Пушкиным» в «Ученых Записках Пермского Государственного Университета», вып. 2, Пермь 1930, стр. 74, примеч., и 75). Кроме посылки с «Повестями Белкина», Пушкин, вероятно, послал с Васильчиковой также письмо и деньги, отосланные по ошибке Гоголю в Царское Село от одного его корреспондента (см. Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 303). По получении рукописи «Повестей» Плетнев поспешил передать их на рассмотрение цензуры; цензуровал их цензор Н. И. Бутырский; подписал он их к разрешению в печать 1 сентября (см. Н. Синявский и М. Цявловский, «Пушкин в печати», М. 1914, стр. 107 и выше, стр. 342 и 390).

— «Простая цензура», то есть цензура на общих основаниях в противоположность цензуре Николая I, через А. Х. Бенкендорфа. Из того, что

№ 452 Пушкин дважды просил Плетнева отдать повести в «простую цензуру» (см. еще письмо Плетневу за № 439 где Пушкин употребляет несколько иное выражение, но с тем же понятием), видно, что он придавал этому обстоятельству сугубое значение, вероятно, не желая лишний раз подвергаться расспросам А. Х. Бенкендорфа.

— Предисловие «От издателя» к «Повестям Белкина», написанное еще в Болдине 16 ноября 1830 г., было переписано Пушкиным в начале июля, что видно из его письма 3 июля (см. выше, стр. 31 и в примечаниях к этому письму, № 436, на стр. 325); послал он его позже, очевидно, при недошедшем до нас письме к Плетневу.

— Правила, которыми должен был руководствоваться Плетнев при издании «Повестей Белкина», соблюдены были им только отчасти; в частности Плетнев возражал против цены, предложенной Пушкиным. Книжка продавалась в магазине А. Ф. Смирдина по 5 р. 45 коп., а в переплете 6 р. 45 коп. (см. Н. Синявский и М. Цявловский, «Пушкин в печати», М. 1914, стр. 108; ср. С. Я. Гессен, «Книгоиздатель Александр Пушкин», Лгр. 1930, стр. 111—115).

— Эпиграф из «Романа в семи письмах» А. А. Бестужева (см. о нем в тт. I и II Писем, по указателю), напечатанного впервые в «Полярной Звезде» 1824 г., стр. 273—290 (ср. «Сочинения А. Марлинского», ч. IV, СПб. 1838, стр. 185—203), был Пушкиным отвергнут. Пушкин спутал текст Бестужева; предложенный Пушкиным эпиграф находится не в «Романе в семи письмах», а в рассказе Бестужева «Вечер на бивуаке», напечатанном впервые в «Полярной Звезде» 1823 г., стр. 315—332 (327) (см. об этом эпиграфе в статье М. П. Алексеева в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. XXXVIII — XXXIX, стр. 251). В издании «Повести Белкина» эпиграфы к «Выстрелу» напечатаны такие: «Стрелялись мы. Баратынский», и «Я поклялся застрелить его по праву дуэли (за ним остался еще мой выстрел). Вечер на бивуаке» (Н. Синявский и М. Цявловский, «Пушкин в печати», М. 1914, стр. 107). В рукописи Пушкина для «Выстрела» имеется только один эпиграф из «Евгения Онегина» — «Теперь сходитесь...» — Очевидно, его-то Пушкин и заменил вышеприведенными двумя («Русская Старина» 1884, №. 11, стр. 339). «Пушкин очень любил эпиграфы и удачности их выбора придавал большое значение. Эпиграфы мы постоянно встречаем не только над художественными произведениями Пушкина; они входят у него в композицию писем, литературных заметок и т. п. Например в письме к жене 21 июня 1834 г.: Ваше благородие, всегда понапрасну лаяться изволите (Недоросль). Помилуй, за что, в самом деле, ты меня бранишь» и т. д... «По рукописям «Повестей Белкина» и «Арапа Петра Великого» [ср. Н. О. Лернер, «Два эпиграфа к «Арапу Петра Великого» — «Пушкин и его соврем.», вып. XVI, стр. 53—56] видно, как тщательно подбирал Пушкин свои эпиграфы, как затем заботился о воспроизведении их в печати. С Одоевским он обсуждал эпиграфы даже чужих статей и брал у авторов их произведения для приискания эпиграфов к главам. Манера и искусство эпиграфирования в основе принадлежит писателям Западной Европы. Искусство это особенно поражает в произведениях Вальтер-Скотта» (А. Орлов, «Народные песни в «Капитанской дочке» Пушкина», Государственная Академия Художественных Наук.

Художественный фольклор. Орган фольклорной подсекции Литературной секции ГАХН, под редакцией Юрия Соколова, II — III, М. 1927, стр. 94). Об эпиграфах к «Повестям Белкина» см. в статье Д. П. Якубовича: «Предисловие к «Повестям Белкина» и повествовательные приемы Вальтер-Скотта» в сб. «Пушкин в мировой литературе», Лгр. 1926, стр. 172—174.

453. *Н. В. Гоголю.* 25 августа [1831 г.] (стр. 44). Впервые напечатано. по сообщению П. А. Кулиша, в «Библиографических Записках» 1858 г., т. I, № 3, стр. 75; приведено В. Б.[урнашевым] в его статье «Мое знакомство с Воейковым» в «Русском Вестнике» 1871 г., № 11, стр. 172, с незаслуживающим никакого доверия рассказом о Пушкине, Воейкове и Гоголе (см. «Русск. Арх.» 1872 г., кн. I, столб. 856—861) а затем перепечатано во всех изданиях сочинений Пушкина и в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 312. Снимок с оригинала воспроизведен в «Родине» 1902 г., кн. 3. Подлинник, на одном полулисте бумаги обыкновенного почтового формата (четвертка большого почтового листа), с водяными знаками: А. Г. 1829, — в ИРЛИ (Пушкинском Доме) Академии Наук СССР (из бумаг В. П. Авенариуса). Письмо это, — первое к Гоголю, — служит ответом на письмо Гоголя из Петербурга от 21 августа (см. Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 305—307).

— Об установлении времени знакомства Пушкина с Н. В. Гоголем и об их взаимоотношениях существует большая литература. Говорено и писано было много о «дружбе» этих двух великих писателей, и только сравнительно недавно (с 1902 г.) исследователи начали подходить к пересмотру всего вопроса в целом; ряд крупных исследований в этом направлении (В. В. Каллаша, «Н. В. Гоголь в его письмах» — в «Русск. Мысли» 1902 г., № 6; В. Я. Брюсова, «Испепеленный» — в «Весах» 1909 г., № 4; затем в сб. «Гоголевские дни в Москве», М. 1910, и отд. изд. «Скорпиона» 1909 и 1910 гг.; В. В. Каллаша «Заметки о Гоголе» — в «Голосе Минувшего» 1913 г., № 9, стр. 235 — 239; Шмидта, «Гоголь» — в «Русской Мысли» 1913 г., № 11, стр. 53 — 60; Б. Е. Лукьяновского, «Пушкин и Гоголь в их личных отношениях (Вопрос о дружбе)» — в сб. Общества Истории Литературы в Москве «Беседы», М. 1915, стр. 32 — 49; А. С. Долинина, «Пушкин и Гоголь. К вопросу об их личных отношениях» — в «Пушкинском сборнике памяти проф. С. А. Венгерова», II, 1923, стр. 181—197, и, наконец, акад. М. Н. Сперанского в примечаниях к «Дневнику» Пушкина, московское изд., 1923, стр. 169 — 180) внесли существенные коррективы в оценку отношений Гоголя и Пушкина, а появившаяся в 1930 г. обстоятельная работа В. В. Гиппиуса: «Литературное общение Гоголя с Пушкиным» (издана в «Ученых Записках Пермского Государственного Университета», вып. 2, стр. 61 — 126), уточнила вопрос и окончательно подвела ему итоги. В. В. Гиппиус со всею тщательностью исследовал четыре вопроса: о времени, обстановке и характере первоначального знакомства Гоголя и Пушкина, о достоверности некоторых отзывов Пушкина о Гоголе, об отношении художественных тем «Ревизора» и «Мертвых душ» к соответственным замыслам Пушкина и о журнальных взаимоотношениях между Гоголем, как сотрудником «Современника», и Пушкиным — его издателем. К этим темам мы и подойдем при

№ 453 комментировании соответствующих мест из писем Пушкина, не вдаваясь вновь в историю отдельных вопросов, а руководствуясь положениями, к которым пришел В. В. Гиппиус. Кроме указанных выше ссылок на работы о Пушкине и Гоголе, см. еще у М. А. Цявловского, в примечаниях к «Рассказам о Пушкине, записанным со слов его друзей П. И. Бартеневым», М. 1925, стр. 44—45 и 115—116.

— По свидетельству П. В. Анненкова Гоголь пытался познакомиться с Пушкиным в Петербурге еще в 1829 г. (между 18 января и 9 марта), придя на его квартиру (см. Анненков, «Материалы для биографии Пушкина», С.-Пб. 1873, стр. 360, и В. В. Гиппиус, op. cit, стр. 63—64 и 65—66), но знакомство не состоялось и произошло в Петербурге между 18 и и 25 мая, вернее — 20 мая, на вечере у П. А. Плетнева, когда Гоголь был представлен Пушкину (см. Гиппиус, op. cit., стр. 71; ср. Н. О. Лернер, «Труды и дни Пушкина», изд. 2, стр. 240). «Давняя мечта Гоголя, — говорит В. В. Гиппиус, — осуществилась, но трудно допустить, чтобы между старшим знаменитым писателем и молодым дебютантом, принадлежавшими к различным социальным кругам, сразу же установились какие-нибудь серьезные отношения. Встреча писателей была, всего вернее, единственной, и вряд ли дело не ограничилось официальным «представлением». По крайней мере Гоголь при всем позднейшем благоговении к Пушкину и его памяти — нигде об этой первой встрече не вспоминал» (op. cit., стр. 71). С июня Гоголь поселился в Павловске и здесь давал уроки в доме А. И. Васильчиковой ее малолетнему умственно дефективному сыну Василию Алексеевичу Васильчикову (см. «Воспоминания» гр. В. А. Соллогуба, под ред. С. П. Шестерикова, Лгр. 1931, стр. 270—273). Жизнь в Павловске вблизи от Царского Села дала возможность Гоголю встречаться не раз с Пушкиным; так известно, что он встретился с ним 27 июня и попросил его разрешения пользоваться его царскосельским адресом «вероятно, потому, — полагает В. В. Гиппиус, — что сообщение с Петербургом было прервано из-за холеры, а почта в Павловске была неисправна». После приезда в Царское Село В. А. Жуковского, который относился к Гоголю с расположением, встречи его с Пушкиным могли быть довольно часты. Здесь же Гоголь познакомился и встречался с А. О. Россет, с которой впоследствии находился в дружеских отношениях. Скудость и противоречивость известных нам материалов не дает, однако, вывести какое-либо суждение о характере отношений Пушкина и Гоголя в это время. Из письма Гоголя к А. С. Данилевскому от 2 ноября (см. Письма Гоголя, под ред. В. И. Шенрока, т. I, стр. 196), в котором он пишет, что «все лето я прожил в Павловске и Царском Селе. Стало быть, не был свидетелем времен терроризма, бывших в столице. Почти каждый вечер собирались мы: Жуковский, Пушкин и я» и сообщает далее о том, что Пушкин написал «Домик в Коломне» («Кухарка») и сказки и что Жуковский также написал несколько сказок — нельзя теперь, после исследования В. В. Гиппиуса выводить заключение о том, что действительно все лето было проведено Гоголем в постоянном непрерывном общении с Пушкиным и Жуковским; кроме того А. О. Смирнова в своих подлинных записках, говоря о времени пребывания в Царском Селе и рассказывая о Пушкине

и Жуковском, ни разу не упоминает о Гоголе; впоследствии она даже не могла вспомнить, где с ним познакомилась, хотя не подлежит никакому сомнению то, что знакомство это произошло именно в это время (ср. «Записки» А. О. Смирновой, под ред. М. А. Цявловского, М. 1929, стр. 311). Реальным же следом отношений Пушкина и Гоголя в это лето остались лишь письма Гоголя к Пушкину 16 и 21 августа, о которых говорено выше, стр. 391, в связи с посылкой через Гоголя рукописи «Повестей Белкина», и комментируемое письмо Пушкина к Гоголю (см. подробнее в указ. работе В. В. Гиппиуса, стр. 71—75). № 453

— Пушкин благодарит Гоголя за доставление посылки с «Повестями Белкина» П. А. Плетневу — см. выше, стр. 391.

— Письмо Гоголя — к Пушкину от 21 августа (см. Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 312; «Русск. Арх.» 1880 г., кн. II, стр. 509—511, и «Письма Гоголя», под ред. В. И. Шенрока, т. I, стр. 184—187).

— «Проект ученой критики» Гоголя — заключается в письме его Пушкину 21 августа; в нем Гоголь давал Пушкину мысль новой статьи об А. А. Орлове и Булгарине и предлагал сравнить последнего с Байроном, проведя между ними аналогию; как видим, Пушкин одобрил эту мысль, но не воспользовался ею; он полагал, что Гоголь сам бы мог написать такую статью. Говоря о лености Гоголя, Пушкин не ошибся — Гоголь такой статьи не писал (ср. Акад. изд. Сочинений Пушкина, т. IX, ч. 2, стр. 456—457).

— Статья Ф. Косичкина — первая статья Пушкина, подписанная этим псевдонимом — «Торжество дружбы»; она появилась, вероятно, в самом конце августа в «Телескопе» Н. И. Надеждина (об этом см. выше, стр. 244 и 376 и ниже, стр. 464—465).

— Фаддей Венедиктович — Булгарин (см. выше, стр. 244—245).

— Пушкин поздравляет Гоголя с тем эффектом, который произвели в типографии «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя, печатавшиеся в типографии департамента народного просвещения. Об этом Гоголь сообщил Пушкину сам в письме 21 августа: «Любопытнее всего было мое свидание с типографией. Только что я просунулся в двери, наборщики, завидя меня, давай каждый фыркать и прыскать себе в руку, отворотившись к стенке. Это меня несколько удивило; я к фактору, и он, после некоторых ловких уклонений, наконец сказал, что: *Штучки, которые изволили прислать из Павловска для печатания, оченно до чрезвычайности забавны и наборщикам принесли большую забаву*. Из этого я заключил, что я писатель совершенно во вкусе черни» (Переписка Пушкина, т. II, стр. 305). Как откликнулся Пушкин на это произведение Гоголя, видно из письма его к А. Ф. Воейкову (см. № 460), в котором он, между прочим, повторил слышанное от Гоголя впечатление типографии и наборщиков от «Вечеров на хуторе».

— Остренький сиделец — Н. А. Полевой. Об отзывах журналов и в частности «Московского Телеграфа» на «Вечера» Гоголя см. в примечаниях к письму № 460, стр. 407—408.

— «Бунтов, наводнения и холеры нет». — Эта фраза Пушкина является откликом на сообщение Гоголя о наводнении и холере в Петербурге. «В Петербурге скучно до нестерпимости, — писал Гоголь. — Холера

 всех поразгоняла во все стороны, и знакомым нужен целый месяц антракта, чтобы встретиться между собою...» и далее: «У нас бывают дожди и необыкновенно сильные ветры; вчерашнюю ночь даже было наводнение: дворы домов по Мещанской, по Екатерининскому каналу и еще кое-где, а также и много магазинов, были наполнены водою. Я живу на третьем этаже и не боюсь наводнений; а кстати квартира моя во 2 Адмиралт. части, в Офицерской улице, выходящей на Вознесенский проспект, в доме Брунста» (Переписка Пушкина, т. II, стр. 305 и 307. Ср. в дневнике П. Г. Дивова, «Русск. Стар.» 1899 г., № 12, стр. 530).

— Жуковский расписался — об этом см. выше, стр. 389.

— «Я чую осень» (об этом см. выше, стр. 226). — Вяземский писал Жуковскому 4 сентября: «Надеюсь, что Пушкину лучшей осени не нужно: смело может он приняться за стихи. У нас такое ненастье, что не приведи господи» («Русск. Арх.» 1900 г., кн. I, стр. 363).

— Надежда Николаевна — так Гоголь ошибочно назвал жену Пушкина Наталью Николаевну в своем письме от 21 августа, в котором писал: «Да сохранит вас бог вместе с Надеждою Николаевною от всего недоброго и пошлет здравия навеки» (Переписка Пушкина, т. II, стр. 307). Пушкин не замедлил подчеркнуть ошибку Гоголя в вежливой, но ясной форме.

— Н. Н. Пушкина обратила на себя в это время внимание императрицы Александры Федоровны. О. С. Павлищева писала мужу 15 августа: «Моя невестка прелестна; она является предметом удивления в Царском; императрица желает, чтобы она была при дворе» («Пушкин и его соврем.», вып. XV, стр. 84), а 4 сентября Н. Н. Пушкина была представлена императрице и произвела на нее сильное впечатление (см. письмо О. С. Павлищевой, там же, стр. 89).

— Плетнев — Петр Александрович, в это время хлопотал о прохождении через цензуру «Повестей Белкина» (см. выше, стр. 390 и 391).

454. *Неизвестному* [Лето—осень? 1831 г.] (стр. 45). Впервые напечатано В. И. Саитовым в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 314, и вошло в Сочинения Пушкина, под ред. С. А. Венгерова, изд. Брокгауз-Ефрон, т. VI, стр. 85, с таким примечанием П. О. Морозова: «Одна из многих записок этого рода, вызванных затруднительным денежным положением» (там же, стр. 572). Подлинник, карандашом, на листке бумаги, оторванном от большого почтового листа, без водяных знаков, — в ИРЛИ (Пушкинском Доме) Академии Наук СССР (собрание автографов И. И. Куриса; об этом собрании см. заметку М. А.: «Автографы Пушкина в Одессе» — в сб. Одесского Дома Ученых «Пушкин. Статьи и материалы», под ред. М. П. Алексеева, вып. I, Одесса 1925, стр. 56—57, где, впрочем, об этой записке Пушкина ничего не говорится); на обложке пометка: «20 мая 1886 от П. С. Москалева». Бумага в карантинных проколах, то есть оторвана от письма, писанного в холерное время. Дата установлена В. И. Саитовым, но было бы осторожнее датировать: начало 30-х годов, не ранее декабря 1830 г.

— Перевод записки: «Я буквально без копейки. Благоволите подождать один или два дня. Весь ваш А. П.».

455. *П. В. Нащокину.* 3 сентября [1831 г.] (стр. 45). Напечатано впервые в отрывке в «Москвитянине» 1851 г., кн. I, № 23, стр. 464, и у П. В. Анненкова в «Материалах» (Сочинения Пушкина, т. I, С.-Пб. 1855, стр. 317, примечание); полностью издано П. И. Бартеновым в сборнике «Девятнадцатый век», кн. I, М. 1872, стр. 390—391, откуда вошло во все последующие издания Сочинений Пушкина и в Акад. изд. Переписки, под ред. В. И. Саитова, т. II, стр. 316—317. Подлинник на полулисте почтовой бумаги большого формата, без водяных знаков, был в Остафьевском архиве гр. С. Д. Шереметева; ныне в Центрархиве в Москве. *№ 455*

— Пушкин отвечает на письмо П. В. Нащокина от 18 августа и выражает ему свою радость и благодарность за улажение его денежных расчетов с В. С. Огонь-Догановским (об этом см. выше, стр. 366—367, и ниже, стр. 420).

— Елена Тимофеевна — лицо неизвестное.

— О разрешении Пушкину заниматься в архивах над историей Петра I см. выше, стр. 359—363.

— О «перемене министерства» в доме Пушкина П. Е. Щеголев пишет следующее: «Первые месяцы семейной жизни Пушкина прошли в Москве. Здесь и было положено начало штату Пушкина, здесь он приговорил дворецкого и повара. В этом деле поспособствовал ему, конечно, Нащокин. Дворецкий Александр Григорьев сопровождал из Москвы в Царское Село обоз с вещами Пушкина. Нащокин, принявший заботы о пушкинских делах, выдал Александру Григорьеву вперед за месяц деньги — 50 рублей — и посоветовал проверять его щеты [См. «Переписку Пушкина», т. II, стр. 248]. В начале июня пришел обоз вместе с Александром Григорьевым, а в сентябре кончилась его служба. Разыгрался скандальный инцидент, о котором Пушкин и сообщал Нащокину» («Пушкин и мужики», М. 1928, стр. 167).

— Василий, — по словам П. Е. Щеголева, — «поставленный на место дворецкого, — сын Михайлы Иванова Калашникова и брат известной нам Ольги, бывшей предметом крепостной любви Пушкина... Василий тоже выводил по временам Пушкина из терпения» («Пушкин и мужики», М. 1928, стр. 168). О нем см. в письме Пушкина к жене от середины декабря 1831 г., № 481 и в примечаниях к нему, стр. 452 и 453).

— О поваре Пушкина, который действительно уехал в Москву и видал там Нащокина, последний сообщал в письме 30 сентября: «Повар солгал, что его хотели в солдаты; это есть или была отговорка, чтоб прилично отойти от тебя. Узнал я сие от Власа» (Переписка Пушкина, т. II, стр. 331, и «Русск. Арх.» 1904 г., кн. III, стр. 440). О поварах Пушкина см. в книге П. Е. Щеголева, «Пушкин и мужики», Лгр. 1928, стр. 165—176.

— «Теща моя не унимается» — Наталия Ивановна Гончарова, мать Н. Н. Пушкиной, сердилась на Пушкина за то, что Пушкин вступил без ее ведома с «дедушкой» в переписку по поводу брака Александры Николаевны Гончаровой с А. Ю. Поливановым (об этом см. подробнее выше, в примечаниях к письмам № 412 и 419, стр. 240 и 267—268).

— Перевод французских слов: «Ни время, ни разлука, ни расстояние».

— Ал. Юрьевич — Александр Юрьевич Поливанов (о нем см. выше, стр. 267—268).

 — «Дедушка нигугу» — Афанасий Николаевич Гончаров. Пушкин здесь имеет в виду свои денежные и имущественные расчеты с Гончаровым в связи с женитьбой на Н. Н. Гончаровой (ср. выше, стр. 240).

— Нат. Николаевна — Н. Н. Пушкина, об имущественных делах ее с А. Н. Гончаровым см. выше, стр. 253—254.

— Повести — «Повести Белкина»; они в это время уже прошли через цензуру, о чем хлопотал П. А. Плетнев (см. выше). Несмотря на то, что Пушкин, как говорит, печатал их incognito, тем не менее он не особенно тщательно сохранял его; напротив он просил Плетнева «перешепнуть» его имя покупателям через А. Ф. Смирдина (см. выше, стр. 342). Получил ли Нащокин экземпляр книги — неизвестно (ср. в письме № 471).

— О ломбарде (см. выше, стр. 373). Нащокин писал Пушкину 30 сентября: «О ломбарде не беспокойся. Я все забывал спросить у Дм. Вас. [Короткого]; заглажу тем, что попрошу его, чтобы он моими деньгами заплатил, а там сочтемся» (Переписка Пушкина, т. II, стр. 331).

— Жена — Н. Н. Пушкина. Нащокин, по словам его жены, «обожал Наталию Николаевну и всегда, когда она выезжала куда-нибудь от нас, он нежно, как отец, крестил ее» (Воспоминания В. А. Нащокиной в кн. Л. П. Гроссмана: «Письма женщин к Пушкину», М. 1928, стр. 236).

456. *Кн. П. А. Вяземскому.* 3 сентября [1831 г.] (стр. 46). Напечатано впервые Н. П. Барсуковым в «Старине и Новизне», кн. V, С.-Пб. 1902, стр. 20—21, откуда перепечатано во все последующие издания сочинений Пушкина и в Акад. изд. Переписки Пушкина, под ред. В. И. Саитова, т. II, стр. 317—318. Подлинник, на листе бумаги обыкновенного формата, без водяных знаков, был в Остафьевском архиве гр. С. Д. Шереметева, ныне в Центрархиве в Москве. Пушкин отвечает на письмо к нему Вяземского от 24 августа; на это письмо Пушкина Вяземский в свою очередь ответил письмом 11 сентября.

— У Нащокина денег Пушкина действительно не было; он хлопотал в это время сам с устройством денежных дел Пушкина (см. выше, стр. 373—374). Эта фраза Пушкина вызвана письмом Вяземского 24 августа: «Не будет ли твоих денег у Нащокина рублей пятьсот? В таком случае вели ему отдать их мне, а остальные додашь мне в Питере» (Переписка, т. II, стр. 310—311). Узнав же от Пушкина, что у Нащокина денег его нет, Вяземский написал 11 сентября: «Не беспокойся о деньгах. Я полагал, что Нащокин, может быть, имеет счеты с тобой, а впрочем пускай деньги ждут меня в Питере» (Переписка, т. II, стр. 321). О деньгах этих Вяземский писал и Плетневу 13 сентября (см. «Изв. Отд. Русск. яз. и слов. Акад. Наук», т. II, С.-Пб. 1897, стр. 97, в статье К. Я. Грота, и выше, в письме Пушкина Вяземскому от середины октября, № 467).

— О неосуществившихся планах Пушкина издавать журнал или газету см. выше, стр. 389, и ниже, стр. 489—500. При журналах кн. П. И. Шаликова «Дамский журнал» Н. А. Полевого «Московский Телеграф» и др. прилагались обыкновенно картинки в красках с новыми модами. Вяземский возражал Пушкину в следующих выражениях: «Каким же быть модам, когда ты помышляешь о четырехмесячном или третейском журнале? Куда же поспеют наши моды, разве в Камчатку? А о месячном журнале нам и думать нечего: мы не довольно правильной жизни, чтобы

месячные наши иметь к сроку [здесь игра слов]» (Переписка Пушкина, т. II, стр. 321. Ср. ниже, стр. 423). № 456

— Ф. Фок — Максим Яковлевич фон-Фок (о нем см. в т. II Писем Пушкина, стр. 426—427). Пушкин обращался к нему однажды с письмом в связи с получением разрешения на продажу на расплавление статуи Екатерины II, находившейся на Полотняном заводе, имении Гончаровых (см. там же, стр. 101 и 455). Сохранилось также письмо Фока Пушкину от 8 июня 1831 г. (см. «Русск. Арх.» 1881 г., кн. I, стр. 440, и Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 246—247, а также «Старина и Новизна», кн. V, стр. 34). М. Я. фон-Фок умер 27 августа 1831 г., и Пушкин через несколько же дней записал о нем и его смерти несколько строк (они приведены в т. II Писем Пушкина, стр. 427; ср. «Щукинский Сборник» вып. V, стр. 341).

— Н. И. Греч — Николай Иванович (о нем см. в т. I и II Писем Пушкина, по указателю) в это время уже нисколько не скрывал своего политического лица и открыто, действуя вместе с Булгариным, оказывал свои «услуги» III Отделению. Пушкин несомненно иронизирует, говоря о том, что Греч после смерти фон-Фока мог бы занять его место; Греч продолжал свою охранительную работу на добровольных началах, не находясь официально на службе у Бенкендорфа (см. подробнее у Р. В. Иванова-Разумника в предисловии к «Запискам» Н. И. Греча, изд. «Academia», Лгр. 1930, стр. 18—24 и др., а также в примечании акад. М. Н. Сперанского к «Дневнику Пушкина», М. 1923, стр. 306—308). На место фон-Фока назначен был А. Н. Мордвинов (о нем см. ниже, стр. 595). Слух о его назначении в Петербурге ходил уже в самом начале сентября (см. письмо К. Я. Булгакова брату 2 сентября в «Русск. Арх.» 1903, кн. III, стр. 572, и 1902, кн. I, стр. 86).

— Переписка Авраама с Игн. — О ней кн. П. А. Вяземский писал Пушкину 24 августа из Остафьева: «Жаль, что тебя здесь нет: я угостил бы тебя перепискою знакомого тебе Авраама с Игнатием Петровым, по поводу отпускной его. Письма подсыпаны эпиграммами против господ Ворожейкиных[1] и желчно-элегийскими выходками что всем известно, что после брата не осталось ему ни булавки. И все это написано с добросовестностью и некоторою классическою сановитостью. Одним словом, вкусно и хорошо» (Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 310). Повидимому речь идет о С. Л. Пушкине и крепостном В. Л. Пушкина, Игнатии Петрове; переписка их неизвестна в печати.

— Ж. — Жуковский. «Холера имела, сказывают [со слов Пушкина] благодетельное действие над Жуковским и проломила его стихотворческий запор» — писал Вяземский П. А. Плетневу 13 сентября (см. Изв. Отд. русск. яз. и слов. имп. Академии Наук, 1897, т. II, стр. 98; ср. в письме Жуковского А. И. Тургеневу и кн. Вяземскому в конце июля или начале августа — «Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу», М. 1895, стр. 256).

---

[1] Родственники Анны Николаевны Ворожейкиной, не узаконенной жены В. Л. Пушкина (см. Б. Л. Модзалевский и М. В. Муравьев, «Пушкины. Родословная роспись», Лгр. 1932, стр. 54, в примечании).

№ 456 — Сказка в тысяча стихов — «Сказка о царе Салтане и сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеде», имеющая в рукописи помету: «29 Авг. Ц. С. 1831» (см. Л. Б. Модзалевский, «Рукописи Пушкина в собрании Государственной Публичной Библиотеки в Ленинграде», Лгр. 1929, стр. 14); между прочим на письме к Пушкину П. А. Плетнева от 5 сентября имеется черновой набросок карандашом четырех стихов этой сказки со слов «Помогите ради бога...» (см. «Временник Пушкинского Дома», 1914 г., стр. 11), следовательно, Пушкин 29 августа закончил сказку только вчерне, а затем ее перерабатывал; таким образом выражение Пушкина «на-днях» нужно понимать буквально. В печати сказка появилась тогда же в особой брошюре вместе с сказками В. А. Жуковского; «но эта брошюра, — говорит П. О. Морозов, — назначена была Жуковским только для высочайших особ» (Сочинения Пушкина, изд. «Просвещение», т. II, стр. 584, ср. примечание Н. О. Лернера в изд. Сочинений Пушкина, под ред. С. А. Венгерова, т. VI, стр. 415; мы ее не могли отыскать), а затем в конце марта 1832 г. в изд. «Стихотворения Александра Пушкина». Третья часть. С.-Пб. 1832, на стр. 130—181 (ценз. дозв. 20 января 1832 г., цензора В. Н. Семенова). Цензурная рукопись этого издания из бумаг В. П. Гаевского хранится в Пушкином Доме; здесь имеется полная писарская рукопись сказки, но с поправками рукою Пушкина (см. также «Русск. Стар.» 1884 г., № 7, стр. 40). О сказке этой см. в примечаниях П. О. Морозова к Сочинениям Пушкина, изд. «Просвещение», т. II, стр. 584—589, и к изд. под ред. С. А. Венгерова, т. VI, стр. 412—415 (Н. О. Лернера).

— Другая сказка — «Сказка о попе и работнике его Балде» — имеет в рукописи дату: 13 сентября (см. «Русск. Стар.» 1884 г., № 10, стр. 81). При жизни Пушкина она не могла появиться в печати (см. напр. «Истор. Вестн.» 1883, № 12, стр. 534) и напечатана была уже после его смерти в «Сыне Отеч.» 1840 г., т. II, № 5, стр. 1—10, а затем в посмертном издании Сочинений Пушкина, в т. IX, с измененным заглавием: «Сказка о купце Кузьме Остолопе». Настоящее заглавие ее было восстановлено лишь П. А. Ефремовым в изд. 1882 г., т. III, стр. 233—238 (см. примечания Н. О. Лернера к изд. Сочинений Пушкина, под ред. С. А. Венгерова, т. VI, стр. 418—419).

— Рославлев — роман М. Н. Загоскина (о нем см. выше, стр. 258—259 и 328, в примечаниях к письмам №№ 417 и 437); Пушкин отвечает на отзыв кн. П. А. Вяземского в его письме 24 августа (см. Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 311).

— Говоря о Гомере, Моисее и Вальтер-Скотте, Пушкин имеет в виду отзывы о «Рославлеве» «Московского Телеграфа» и «Телескопа» (см. выше, стр. 259 и «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Л. 1927, стр. 109).

— Дона Sol — А. О. Россет (о ней см. выше, стр. 226—234 и 377—378, а также статью Н. О. Лернера в Сочинениях Пушкина, под ред. С. А. Венгерова, т. VI, стр. 426—427; в «Записной книжке» кн. П. А. Вяземского — «Русск. Арх.» 1874, кн. II, столб. 1337—1340, и Сочинения кн. П. А. Вяземского, т. VIII, стр. 233—235). Вяземский просил Пушкина в письме 24 августа «попросить ее, т. е. Дона Sol, сжечь до замужества своего всю мою поэзию и мою прозу, а что они у нее залежались знаю я потому, что она

для смеха их кому-то показывала» (Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 311), Как видно из письма Пушкина, А. О. Смирнова-Россет не пожелала исполнить просьбы Вяземского, но письма его к ней, к сожалению, дошли далеко не все, только за позднейшие годы; они напечатаны в «Русск. Арх.» 1888 г., кн. II, стр. 292—304, и 1896 г., кн. I, стр, 288—291. № *456*

— Перевод французских слов: и обвиняет вас в фатовстве.

— Генеральша Ламбер — графиня Ульяна Михайловна Ламберт, рожд. Деева (род. 20 июня 1791), жена гр. Карла Осиповича Ламберта (1772—1843), генерал-адъютанта, генерала-от-кавалерии и сенатора. Она жила в это время в Царском Селе, на Колпинской улице, в доме Олениной, против дома Китаевой, в котором жил Пушкин. По словам А. О. Смирновой, он «прибирал всякую чепуху на счет своей соседки графини Ламберт» («Записки»; под ред. М. А. Цявловского, М. 1929, стр. 304) и называл ее за ее увесистость «Madame Tolpège» («Русск. Арх.» 1890 г., кн. I, стр. 487); о ней и ее муже см. подробнее в примечаниях Б. Л. Модзалевского к «Дневнику» Пушкина, Лгр. 1923, стр. 173—174 и в «Дневнике» Пушкина, московское изд., 1923, стр. 429—430, и ниже, в примечаниях к письмам №№ 457 и 461, стр. 404 и 411.

— Рассуждение Вяземского о пословице — заключается в письме его к Пушкину 24 августа: «Я полагаю, что текст пословицы *щей горшок, да сам большой* не исправен. В русском нет этого духа независимости. Не просто ли: *щей горшок, да самый большой?* Вот это так; это по русски. Не написать ли мне трактат об этом также, как и о том, что вероятно: *Куда ни кинь так клин* перевод: de quel coté que je me tourne, je vois le port de Livourne» (Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 311).

— Пушкин, как и многие, смешивает поговорку с пословицей: «За тычком не угонишься» — поговорка, а не пословица.

— Статья Ф. Косичкина — Феофилакта Косичкина, то есть самого Пушкина, напечатанная в «Телескопе» 1831 г., т. IV, № 13, стр. 135—144, под заглавием: «Торжество дружбы, или оправданный Александр Анфимович Орлов» (о ней см. выше, стр. 403). Вяземский отвечал 11 сентября: «Вчера у новорожденного Дмитриева [то есть Ивана Ивановича, родившегося 10 сентября] читали мы Косичкина и очень смеялись. Я ничего не знал о нем, потому что живу в деревне и не велел присылать себе никакого вздора, следовательно и «Телескоп» (Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 321).

— Д. Соль — Дона Соль (или Dona Sol) — А. О. Россет. Ее брат — Клементий Осипович Россет (род. 1811 — ум. 1866, см. «Петербургский Некрополь», т. III, стр. 620) — в это время проживал в Москве, будучи в отставке. Вяземский о нем писал Пушкину 24 августа, прося передать А. О. Россет, что «брат ее в Москве много успел по части каламбуров» (Переписка Пушкина, т. II, стр. 311), а Жуковскому сообщал 26 октября: «Брат ее здоров, я стараюсь влюблять его там и сям и, кажется, довольно успеваю» («Русск. Арх.» 1900, кн. I, стр. 361; ср. там же, стр. 363). К. О. Россет по окончании Пажеского Корпуса, из камер-пажей 25 декабря 1828 г. выпущен был прапорщиком в л.-гв. Финляндский полк (см. Д. Левшин, «Пажеский его императорского величества корпус за 100 лет», т. II, стр. 283, Ф. Ростаковский, «История л.-гв. Финляндского полка», отд. II и III, С.-Пб. 1881, стр. 85 второй пагинации, где он ошибочно

№ 456 назван именем брата Аркадия), но вскоре же (21 октября 1830 г.) вышел в отставку и вновь поступил на службу только 17 декабря 1832 г., поручиком в Бутырский пехотный полк, стоявший в г. Мценске, Орловской губ.; 28 декабря того же года он был прикомандирован к Генеральному Штабу, с назначением в Отдельный Кавказский Корпус, куда и выехал 22 января 1833 г., но вследствие болезни приехал на службу только 26 марта 1833 г. и стал работать в чертежной штаба Кавказского Корпуса. Будучи с 12 июня 1834 г. переведенным в Генеральный Штаб, Россет участвовал в делах против горцев с 13 по 17 сентября и с 2 по 30 октября, а 28 февраля следующего, 1835, года был командирован в Петербург в распоряжение военного министра и генерал-квартирмейстера Главного Штаба и здесь после отпуска вступил в должность 1 марта; об оставлении Кавказа он потом жалел (см. «Русск. Арх.» 1896 г., кн. I, стр. 267). 30 апреля 1836 г. Россет был назначен состоять при первом отделении департамента Генерального Штаба и 25 июня 1837 г. произведен был в штабс-капитаны; затем — в капитаны (1841), служил по особым поручениям при киевском, подольском и волынском генерал-губернаторе, генерал-адъютанте Бибикове (с 1843 по 1846 гг.), произведен в майоры (1846) и служил с 1848 г. в департаменте разных податей и сборов, с переименованием в титулярные советники (сведения взяты из формулярного списка). Пушкин довольно хорошо знал Россета, так же как и его брата А. О. Россета, и оставил о нем небольшой отзыв в письме к П. С. Санковскому 1833 г., перед отъездом Россета на Кавказ (см. в письме № 517). Пушкин приглашал его осенью 1836 г. в секунданты («Русск. Арх.» 1882 г., кн. I, стр. 247; П. Е. Щеголев, «Дуэль и смерть Пушкина», изд. 3, Лгр. 1928, стр. 75, 105 и др., по указателю, и Б. Л. Модзалевский, «Пушкин», Лгр. 1929, стр. 374). Записочка К. О. Россета к Пушкину, относящаяся к этому же времени, напечатана у И. А. Шляпкина: «Из неизданных бумаг Пушкина», С.-Пб. 1903, стр. 283, и перепечатана в Переписке Пушкина, т. III, стр. 384. См. о нем также ниже, стр. 558, в примечаниях к письму № 517.

— Ж. — Жуковский.

— Екатерина Андреевна — Карамзина (о ней см. выше, стр. 286—288). Семья Россет была в дружеских с ней отношениях, поэтому не удивительно, что именно через К. О. Россета она спрашивала Жуковского о том, где лучше жить А. О. Россет в Петербурге или в Москве. После свадьбы, которая состоялась 11 января 1832 г. (об этом см. выше, стр. 233), А. О. Смирнова-Россет с мужем поселилась в Москве (см. А. О. Смирнова, «Записки», под ред. М. А. Цявловского, М. 1929, стр. 45).

— Слова Жуковского о том, что «еслиб он имел сто языков, то все бы они заговорили» — взяты и переделаны им из стихотворения Пушкина, посвященного гр. Е. Ф. Тизенгаузен «Язык и ум теряя разом...», которое оканчивается так: «Когдаб имел я сто очей, то все бы сто на вас глядели...» (см. о нем подробно в «Письмах Пушкина к Е. М. Хитрово», Лгр. 1927, стр. 40—46, и в Письмах Пушкина, т. II, стр. 358—359).

— О холере в Петербурге см. выше, стр. 296—297, 379 и ниже, стр. 416 и 417.

— Варшава взята была русскими войсками 26 августа (об этом см. ниже, стр. 403—404).

457. *П. И. Миллеру* [начало сентября (после 4-го) 1831 г.] (стр. 47). **№ 457**
Опубликовано впервые П. И. Бартеневым в «Русск. Арх.» 1902 г., кн. III, стр. 234, в воспоминаниях П. И. Миллера о Пушкине, и вошло во все издания его Сочинений, начиная с издания А. С. Суворина, под ред. П. А. Ефремова, т. VII, стр. 440, и в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 320. Подлинник письма неизвестно где находится. Письмо П. И. Миллер сопроводил следующими словами: «В конце августа напечатана была статья Феофилакта Косичкина. Я послал Александру Сергеевичу тот номер Телескопа и вместе сообщил ему только что полученное известие о взятии Варшавы». Датируется письмо началом сентября на основании упоминания о взятии Варшавы (см. ниже).

— О П. И. Миллере см. выше, стр. 383—385.

— Статья Ф. К. — Первая статья Пушкина «Торжество дружбы», подписанная им псевдонимом Феофилакта Косичкина и напечатанная в 4-й части «Телескопа» 1831 г., № 13, июль, стр. 135—144 (о ней см. выше, стр. 401); этот номер «Телескопа» вышел, вероятно, в самом конце августа (цензурное разрешение помечено цензором С. Т. Аксаковым 2 августа 1831 г., см. Н. Синявский и М. Цявловский, «Пушкин в печати», М. 1914, стр. 105, ср. в письме Пушкина № 453 и в примечаниях к нему, стр. 395). Пушкин, конечно, имел этот номер Телескопа сразу же по выходе его в свет.

— Варшава взята была русскими войсками еще 26 августа, но известие об этом достигло Царского Села только 4 сентября в 3 часа дня; под этим числом Пушкин отметил в своем дневнике: «[А. А.] Суворов привез сегодня известие о взятии Варшавы. Паскевич ранен в бок. Мартынов и Ефимович убиты.[1] [Ф. К.] Гейсмар ранен. Наших пало 6000 Поляки защищались отчаянно. Приступ начался 24 августа. Варшава сдалась безусловно 27-го. Раненый Паскевич сказал: Du moins j'ai fait mon devoir. Гвардия все время стояла под ядрами. Суворов был два раза на переговорах и в опасности быть повешенным. Государь пожаловал его полковником в суворовском полку. Паскевич сделан князем светлейшим. Скржинецкий скрывается. Лелевель при Ромарино. Суворов видел в Варшаве Montebello, Высоцкого, зачинщика революции, гр. А. Потоцкого и других. Взятие под стражу еще не началось. Государь тому удивился; мы также. — NB. «Сколько в суворовском полку осталось? спросил государь у Суворова. — 300 человек ваше величество. «Нет, 301: ты в нем полковник» (см. Сочинения Пушкина, под ред. П. О. Морозова, изд. «Просвещение», т. VI, стр. 533—534). Свидетельница царскосельской жизни в этот период, А. О. Смирнова, рассказывает в своих подлинных записках, что, «когда взяли Варшаву, приехал Суворов с известиями; мы обедали все вместе за общим фрейлинским столом. Из Александровского [дворца] прибежал лакей и объявил радостную и страшную весть. У всех были родные и знакомые; у меня два брата на штурме Воли. Мы все бросились в Александровский дворец, как были, без шляп и зонтиков, и, проходя мимо Китаева дома, я не подумала объявить об этом Пушкину. Что было во дворце, в самом кабинете императрицы, я не берусь

---

[1] Это не совсем верно, так как генерал Николай Петрович Мартынов был тяжело ранен («Русск. Арх.» 1878 г., кн. I, стр. 178—179 и 495).

 описывать. Государь сам сидел у ее стола, разбирал письма, писанные наскоро, иные незапечатанные, раздавал их по рукам и отсылал по назначению. Графиня Ламберт, которая жила в доме Олениной против Пушкина и всегда дичилась его, узнавши, что Варшава взята, уведомила его об этом тогда так нетерпеливо ожидаемом происшествии» («Русский Архив» 1871 г., кн. II, ст. 1881—1882 и «Записки» А. О. Смирновой, под ред. М. А. Цявловского, М. 1929, стр. 308; ср. в «Автобиографии А. О. Смирновой», под ред. Л. В. Крестовой, М. 1931, стр. 206—207; см. еще об этом в ее письме к жениху Н. М. Смирнову от 5 сентября, — там же, стр. 41—42). Подробности штурма и взятия Варшавы были рассказаны Смирновой ее братом, участником осады, А. О. Россетом, в письме из Варшавы 28 августа, очевидно привезенном в Царское Село 4 же сентября А. А. Суворовым (см. «Русск. Арх.» 1896 г., кн. I, стр. 284—285, см. еще 1903, кн. III, стр. 573; 1902, кн. I, стр. 86—87; «Письма В. А. Жуковского А. И. Тургеневу», М. 1895, стр. 259; «Русск. Арх.» 1875 г., кн. I, стр. 133—134, 138—143; «Русск. Стар.», 1899 г., № 12, стр. 531—532; 1896, № 10, стр. 92—93; «Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, стр. 873—878; «Дневник» А. Н. Вульфа, под ред. М. Л. Гофмана, П. 1916, стр. 175—184, и в книге: «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Лгр. 1929, стр. 283—284). Как Пушкин отнесся к окончанию подавления польского восстания, а взятие Варшавы предрешало ход военных действий в Польше, что было тогда всем совершенно ясно, см. в примечаниях к письму № 461, стр. 410.

— Пушкин подписался «пращуром» по тем же соображениям, как и в предыдущем письме к П. И. Миллеру — «дедом» (см. выше, стр. 385).

458. *Кн. П. А. Вяземскому* [начало сентября 1831 г.] (стр. 47). Напечатано впервые Н. П. Барсуковым в «Старине и Новизне», кн. V, стр. 18, и отсюда вошло в последующие издания Сочинений Пушкина, начиная с изд. А. С. Суворина, под ред. П. А. Ефремова, т. VII, стр. 433, с датой: «После 20 августа», сохраненной изд. «Просвещение» (т. VIII, стр. 259), и в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 320, с отнесением времени написания к началу сентября, принятому и в изд. Брокгауза-Ефрона, под ред. С. А. Венгерова (т. VI, стр. 86). В нашем издании принимается дата Акад. издания, по сопоставлению с письмом Вяземского к Пушкину от 11 сентября (см. Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 321—322). Подлинник письма Пушкина, писанный на обрывке бумаги в 8-ю долю, без водяных знаков, был в Остафьевском архиве гр. С. Д. Шереметева, ныне в Центрархиве в Москве. Вероятно, это приписка к другому, не дошедшему до нас, письму или к письму № 456.

— Два брата бар. А. А. Дельвига — Александр и Иван Антоновичи (о них см. выше, стр. 195).

— Вдова Дельвига — бар. Софья Михайловна (о ней см. выше, стр. 353—354).

— Северные Цветы — альманах, изданный Пушкиным в пользу детей Дельвига на 1832 г. и вышедший к Рождеству 1831 г. (о нем см. выше, стр. 342—344).

— 31 августа Вяземский писал Пушкину «Чтоже наши Цветы пойдут ли на лад? Пора приниматься, а у меня уже кой-какие стишки готовы, которые пока преют за пазухою у Тургенева» (Акад. изд. Переписки

Пушкина, т. II, стр. 314), а 11 сентября писал ему же в ответ на письмо Пушкина: «На Северные Цветы я совершенно согласен и соберу все, что могу по альбумам» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 321), но обещанное Вяземский собрался сделать гораздо позже; 5 октября он уведомлял П. А. Плетнева: «На днях пришлю в Северные Цветы свои и Языкова стихи. Он расписался и прекрасно воспел Дельвига» («Известия Отд. Русск. яз. и слов. Акад. Наук», т. II, 1897 г., стр. 99). Пушкин просил Вяземского прислать стихов и прозы еще в письме от середины октября (см. выше, стр. 52). Вяземский послал свои «дары» в «Северные Цветы» только 15 ноября, при письме к Пушкину: «Я виноват перед тобою, то есть перед Цветами как каналья. Вот все что мог собрать... Если стихов мало, возьми у Dona Sol Южные звезды, черные очи [то есть А. О. Смирновой]: напечатать бы их пока звезды и очи не посоловеют от Гименея» (Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 342—343). Северные Цветы прошли через цензуру 9 октября, но вышли только около 24 декабря (см. Н. Синявский и М. Цявловский, «Пушкин в печати», М. 1914, стр. 111); между прочим в «Северн. Пчеле» 1831 г., № 222, от 2 октября, на стр. 1, в отделе Смесь было объявлено что «Альманах Северные Цветы на 1832 год издается А. С. Пушкиным», а в «Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду» от 21 ноября 1831 года, № 93, на стр. 731, было напечатано следующее «Литературное предсказание: «... Мы предрекаем, что альманах: *Северные Цветы*, на будущий 1832-й год, будет очень разнообразен. Любители приятного чтения найдут в числе прозаических статей сего альманаха *повесть*, сочиненную некогда Батюшковым и никогда еще ненапечатанную; *письмо* почтенного нашего ориенталиста *Г. Бичурина; отрывок из китайского романа, переведенного с китайского языка* и доселе еще неизвестного в Европе, и несколько других замечательных статей. — В отделении стихотворений помещены будут: несколько новых произведений *А. С. Пушкина* (в том числе небольшая драматическая поэма: *Моцарт и Сальери*), два стихотворения *В. А. Жуковского*, одно *И. И. Дмитриева* и пр. и пр. Повторим, что альманах сей будет отличаться и разнообразием и выбором составляющих оный статей; в том и другом случае верною порукою может служить имя нынешнего издателя, *А. С. Пушкина.* — Сказывают, что альманах сей выйдет непременно к 1-му числу декабря сего года. Цена оному прежняя: 12 р. в С. Петербурге, и 13 р. с пересылкою в другие города» (ср. объявление в «Молве» 1831 г., № 43, стр. 271 (ценз. дозв. 28. X 1831), и в «Гирлянде» 1831 г., №№ 28 и 29, стр. 268, где сказано что «Северные Цветы на 1832 г.» издают А. С. Пушкин и О. М. Сомов). Задержка в выходе альманаха могла произойти отчасти в виду дополнительной присылки стихов Вяземского и др. лиц и необходимости представить их в цензуру. Вяземский дал в альманах следующие стихи: «Дарье Алексеевне Шиповой, урожденной Окуловой» (стр. 105); «Хандра» (стр. 88), «Тоска» (стр. 90), «Володеньке Карамзину» (стр. 134), «До свидания» (стр. 152), «Предупреждение» (стр. 182) (ср. «Русск. Арх.» 1908 г., кн. III, стр. 264—268). № 458

— Журнал наш — о нем см. выше, стр. 398—399.

— Вас. Льв. — Василий Львович Пушкин. О смерти его см. в т. II, Писем, стр. 458—460.

— Об арзамасцах — см. выше, стр. 386—387.

— Светлана — арзамасское прозвище В. А. Жуковского.

— Обряд принятия В. Л. Пушкина в «Арзамас» изложен подробно кн. Вяземским в его «Старой записной книжке», где приведены и речи, сказанные арзамасцами по этому случаю (см. «Русск. Арх.» 1876 г., кн. I, стр. 63—70, ср. в Полном собрании сочинений кн. П. А. Вяземского, т. VIII, стр. 415—426), а также в «Записках Ф. Ф. Вигеля», под ред. С. Я. Штрайха, т. II, М. 1928, стр. 99—100 и в книге М. С. Боровковой-Майковой: «Арзамас и арзамасские протоколы», Лгр. 1933, стр. 140—152 и 272—278. В Арзамасе В. Л. Пушкин имел прозвище «Вот», которое затем было переделано в «Вот-рушку», отчего и поминали его вотрушками. «Надгробное» слово Жуковского, очевидно, не было записано (см. еще «Старина и Новизна», кн. V, С.-Пб., 1902, стр. 32—33, и «Ирои-Комическая поэма», под ред. Б. В. Томашевского, Лгр. 1933, стр. 644).

459. *П. И. Миллеру* [первая половина сентября 1831 г.] (стр. 47). Напечатано впервые П. И. Бартеневым в «Русск. Арх.» 1902 г., кн. III, стр. 234; вошло в последующие издания сочинений Пушкина. Подлинник не известно где находится. Письмо датируется по содержанию и по связи с предыдущим письмом к Миллеру (№ 457).

— В «Сыне Отеч.» ответа на статью Пушкина «Торжество дружбы» не появилось, но Пушкину было очень важно знать впечатление, произведенное статьей на Н. И. Греча и Булгарина.

— Пушкин благодарит Миллера за присылку одного из номеров «Московского Телеграфа», возможно, именно того, в котором появился отклик Н. А. Полевого на статью «Торжество дружбы», то есть № 19, стр. 448 (ср. Сочинения Пушкина, Акад. изд., т. IX, ч. 2, стр. 456).

460. *А. Ф. Воейкову* [первая половина сентября 1831 г.] (стр. 47—48). Напечатано Л. А. Якубовичем в «Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду» 3 октября 1831 г., № 79, стр. 623,[1] и перепечатано П. В. Анненковым в его «Материалах для биографии Пушкина», в Сочинениях Пушкина, т. I, стр. 164, и в статье В. Б.[урнашева] «Мое знакомство с Воейковым» — в «Русск. Вест.» 1871 г., № 11, стр. 165 в сопровождении малодостоверного рассказа о Пушкине, А. Ф. Воейкове и А. Л. Якубовиче (см. «Русск. Арх.» 1872 г., кн. I, стр. 860—861). Затем в изд. Сочинений Пушкина, с датировкой: «между 21—25 августа»; Акад. изд. Переписки Пушкина (т. II, стр. 309) отнесло письмо к «концу августа» с чем согласилось и изд. С. А. Венгерова (т. VI, стр. 85). В нашем издании дата передвинута на первую половину сентября, по соображениям Н. О. Лернера в его «Трудах и днях Пушкина», изд. 2, С.-Пб. 1910, стр. 466, и по сопоставлению с письмом к Н. В. Гоголю (см. № 453). Подлинник письма неизвестно где находится; нами письмо печатается по публикации Л. А. Якубовича.

— Об А. Ф. Воейкове см. в т. I и II Писем Пушкина, по указателю. Письмо Пушкина к Воейкову является единственным дошедшим до нас.

---

[1] Выдержка из письма, со слов «Пора, пора нам осмеять...» до конца письма приведена в примечании к рецензии А. Короблинского (Воейкова) на альманах Дм. Сигова «Утренняя Звезда» в «Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду» 28 октября 1831 г., № 86, стр. 678—679.

— «Вечера близ Диканьки» — «Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести изданные Пасичником Рудым Паньком. Первая книжка», С.-Пб. 1831. В нее вошли: «Сорочинская ярмарка», «Вечер накануне Ивана Купала», появившаяся перед этим в «Отечественных Записках» 1830 г. (см. выше, стр. 251) «Майская ночь» и «Пропавшая грамота». Повести вышли в начале сентября (ценз. разреш. 26 мая 1831), а 10 сентября Гоголь писал Жуковскому: «Насилу мог я управиться с своею книгою и теперь только получил экземпляры для отправления вам: один собственно для вас, другой для Пушкина, третий, с сентиментальною надписью, для Розетти, а остальные — тем, кому вы по усмотрению своему определите. Сколько хлопот наделала мне эта книга! Три дня я толкался из типографии в цензурный комитет, из цензурного комитета в типографию, и наконец теперь только перевел дух» (Письма Гоголя, под ред. В. И. Шенрока, т. I, стр. 188). Экземпляр книжки в библиотеке Пушкина не сохранился. В «Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду» 1831 г. 3 октября, № 79, появилась восторженная рецензия Л. А. Якубовича, в которой он и привел отзыв Пушкина, в виде письма к А. Ф. Воейкову, с следующим добавлением: «Рецензент, будучи совершенно согласен с знаменитым поэтом, радуется, что великий талант, умея постигать все прекрасное — отдает и полную справедливость юному таланту» (стр. 623), Кроме этого отзыва, о «Вечерах» Гоголя появилось еще несколько рецензий: в «Северн. Пчеле» 1831 г., № 219—220, в отделе «Новые книги», в «Московском Телеграфе» 1831 г., ч. XLI, № 17, сентябрь, стр. 91—95, и в «Телескопе», ч. V, отд. VI, стр. 558—563. Сентябрьская книжка «Московского Телеграфа», в которой была напечатана рецензия Н. А. Полевого, вышла с значительным опозданием, через полтора месяца, то есть уже после появления «Вечеров» Гоголя, в то время как, будучи сентябрьской, она не могла еще содержать в себе какую бы то ни было рецензию на «Вечера», появившиеся в начале сентября. Это обстоятельство, а также ряд совершенно необоснованных суждений Н. Полевого об украинском языке и вообще несколько его исторических промахов, которыми была наполнена его рецензия, дали возможность О. М. Сомову под псевдонимом «Никиты Лугового» выступить в «Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду» (№ 94, от 25 ноября, стр. 737—739) с «Письмом к издателю Литературных прибавлений о вечерах на хуторе близ Диканьки, о критике на них г. Полевого и о прочем», помещенном в отделе «Пересмешник». В этом письме О. Сомов, защищая Гоголя и Пушкина, в язвительной и иронической форме обличал ошибки Полевого в русской истории, замечая между прочим: «Прочитав в 79-м № ваших Литературных Прибавлений статью о книге: Вечера на хуторе близ Диканьки, мы, ваши усердные читатели, поверили на слово А. С. Пушкину, из письма коего помещена рецензентом выписка, и со всею охотой принялись читать помянутую книгу!» «... Теперь, не во гнев А. С. Пушкину и вам, г. издатель Литературных Прибавлений, вера наша в вас обоих сильно поколебалась»; в конце письма Сомов с иронией писал: — Заключу письмо мое тем же, чем и начал, то есть что отныне мы, ваши читатели, не станем безусловно верить ни вам, ни А. С. Пушкину, когда дело будет итти о Малороссии, а наперед сличим ваши суждения с суждениями № 460

№ 460—461 г. Полевого, как писателя, глубоко-проникнутого в рудники нравов, обычаев; преданий и поверий Малороссийских. Он видел Малороссиян до Азовского моря, — ему и книги в руки». Об этой своей статье и о Гоголе О. М. Сомов подробно писал М. А. Максимовичу (см. «Русск. Арх.» 1908 г., кн. III, стр. 265—266). Надо полагать, что А. Ф. Воейков разрешил напечатать Л. А. Якубовичу письмо Пушкина без согласия последнего, следуя своей обыкновенной бесцеремонной привычке поступать таким образом; вследствие этого Пушкин, помимо своего желания, лишний раз попал в гущу полемики между «Московским Телеграфом» и «Литературными прибавлениями». Ср. слова Пушкина: «мое дело сторона», сказанные им по этому поводу в письме к А. А. Орлову (см. выше, стр. 64). Новые произведения Гоголя Пушкин встречал всегда благожелательно; по поводу второго издания «Вечеров» 1836 г. Пушкин написал рецензию в своем «Современнике», т. I, стр. 312—313, в которой, между прочим, писал: «Читатели наши конечно помнят впечатление, произведенное над ними появлением «Вечеров на хуторе»: все обрадовались этому живому описанию племени поющего и пляшущего, этим свежим картинам Малороссийской природы, этой веселости, простодушной и вместе лукавой. Как изумились мы Русской книге, которая заставила нас смеяться, мы, не смеявшиеся со времен Фонвизина! Мы так были благодарны молодому Автору, что охотно простили ему неровность и неправильность его слога, бессвязность и неправдоподобие некоторых рассказов, предоставляя сии недостатки на поживу критики. Автор оправдал такое снисхождение». «Северная Пчела» в статье «Новые книги», говоря о «Вечерах на хуторе», сравнила их с «Борисом Годуновым» («Пушкин и его соврем.», вып. XXIII—XXIV, стр. 177).

— О прыскании и фыркании наборщиков типографии Гоголь сам рассказал Пушкину в письме своем от 21 августа (см. выше, стр. 395).

— «Вечера на хуторе» Гоголя печатались в Типографии Департамента Народного Просвещения.

— Мольер — Жан Батист Покелен (род. 1622 — ум. 1673) — см. выше, т. II, стр. 449.

— Фильдинг — Генрих Фильдинг (род. 1707 — ум. 1754), английский писатель (см. выше, т. II, стр. 480).

— Les précieuses ridicules нашей словесности — комедия Мольера «Жеманницы». Эти женщины пытались придать языку более утонченный и приторный характер под предлогом сообщить ему больше правильности и вежливости.

— Тредьяковский — Василий Кириллович (род. 1703 — ум. 1769), профессор элоквенции Академии Наук (см. выше, т. II, стр. 274).

461. *А. О. Смирновой* [После 10-го сентября 1831 г.] (стр. 48). Напечатано впервые П. И. Бартеневым в «Воспоминаниях А. О. Смирновой» в «Русск. Арх.» 1871 г., кн. II, столб. 1882 (ср. «Записки» А. О. Смирновой, под ред. М. А. Цявловского, М.1 929, стр. 308 и в «Автобиографии» А. О. Смирновой под ред. Л. В. Крестовой, М. 1931, стр. 207), при следующем разъяснении А. О. Смирновой: «Когда Пушкин напечатал свои известные стихи на Польшу, он мне прислал экземпляр, и написал карандашом: «La comtesse Lambert m'ayant annoncée la première la prise de

Varsovie, il est juste qu'elle recoive le premier exemplaire, le second est pour vous» [графиня Ламберт возвестила мне первая о взятии Варшавы; надо, чтобы она и получила первый экземпляр, второй — для вас] [далее приведен текст стихов]. «Ouand j'aurai trouvé les deux autre vers, je vous les enverrai» [когда сыщу два других стиха, пришлю их вам]. П. А. Ефремов в своем издании Сочинений Пушкина (С.-Пб. 1880) не напечатал этого письма в VII томе (С.-Пб. 1882), а ограничился тем, что использовал сообщение А. О. Смирновой в примечании к стихотворению «Бородинская Годовщина» (см. т. III, стр. 216 и 440); целиком, по сообщению Смирновой, письмо вошло в издание П. О. Морозова, С.-Пб. 1887, стр. 291, с датой: «в августе»; в изд. А. С. Суворина П. А. Ефремов исправил дату на «после 5 сентября» (т. VI, стр. 439), руководствуясь, очевидно, пометкой Пушкина под стихотворением «Бородинская Годовщина»; эту же дату сохранил и П. О. Морозов в изд. «Просвещения» (т. VIII, стр. 263). Акад. изд. Переписки Пушкина датировало письмо «началом сентября» (т. II, стр. 321), что сделал и П. О. Морозов в изд. Брокгауза-Ефрона (т. VI, стр. 86). В нашем издании письмо печатается по тексту, данному в «Голосе Минувшего» 1917 г., № 11—12, стр. 160, с уточнением датировки Акад. изд. на «после 10-го сентября», на основании выхода брошюры Пушкина и Жуковского. В продажу экземпляры брошюры поступили только около 14 сентября (см. Н. Синявский и М. Цявловский, «Пушкин в печати», М. 1914, стр. 106), но закончена печатанием была она уже 10 сентября (см. Л. Б. Модзалевский, «Новые материалы об изданиях Пушкина» — в «Звеньях», № 2, стр. 242). Пушкин мог иметь несколько экземпляров брошюры сразу же после 10 сентября, еще до поступления ее в продажу. Я. П. Полонский, сохранивший нам текст подлинного письма Пушкина (письмо теперь неизвестно где находится), сообщил следующий разговор свой с А. О. Смирновой: Я хотела показать вам, — говорит Александра Иосифовна, — редкости». — «Какие редкости?» — «А вот письма в. к. Михаила Павловича. Когда он умер, мне их возвратили — вот приписка А. С. Пушкина, его рука — прочтите». Я взял в руки брошюру — вот ее заглавие: «На взятие Варшавы. Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина. СПб. Печатано в военной типографии 1831»; — (на обороте) «печатать позволяется, СПб. 7-го сентября 1831 г. Цензор П. Гаевский». В брошюре этой помещены стихотворения Жуковского: № 464

Старая песня на новый лад.

(На голос «Гром победы, раздавайся»)

Раздавайся гром победы,
Пойте песню старины:
Бились храбро наши деды,
Бьются храбро их сыны!

Вот начало. А. Пушкина — «Клеветникам России» и «Бородинская Годовщина». Вот надпись, сделанная рукой Пушкина на обороте бумажной зеленой обертки»; далее приведен печатающийся нами текст надписи-письма Пушкина (см. М. А. Цявловский, «Рассказы А. О. Смирновой в записи Я. П. Полонского» — в «Голосе Минувшего» 1917 г., № 11—12, стр. 142—172).

№ 461 — *Перевод письма:* «Несмотря на то, что вы уже знаете эти стихи, так как я только что послал экземпляр их графине Ламбер, справедливо и вам иметь подобный... Вы получите этот второй стих как только я его для вас найду». При передаче текста надписи по памяти А. О. Смирнова, как теперь видно, совсем изменила ее смысл.

— Об А. О. Смирновой см. выше, стр. 226—234 и 377—378. Она, несомненно, знала стихи Пушкина еще до их публикации.

— Стихи — два стихотворения Пушкина: «Клеветникам России» и «Бородинская Годовщина». Первое имеет в печатной брошюре дату: «16-го Августа 1831 года». а второе — «5-го Сентября 1831 года». 5-го же числа все эти стихотворения, в том числе и В. А. Жуковского, помеченные 4 сентября, были представлены Николаю I, 7-го подписано официальное цензурное разрешение на издание брошюры, а 10-го она была уже готова и вскоре выпущена в продажу (см. выше, стр. 409). «Такая молниеносная быстрота, — по словам Н. В. Измайлова, — объясняется, конечно, патриотическим содержанием брошюры и волею Николая I: стихотворения, как гимн злободневности, нужны были сейчас же, без промедления» («Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Л. 1927, стр. 131; ср. «Русск. Арх.» 1902 г. кн. II, стр. 516). «Оду Клеветникам России, — говорит П. Е. Щеголев, — мы назвали бы теперь «агиткой». По соглашению, быть может, и молчаливому, Пушкин выполнил заказ правительства, точнее сказать — самого Николая. В этом ярком произведении барабанной поэзии нашли точное отражение империалистические и шовинистические взгляды русского правительства, но замечательно вот что: заказчик не дал широкого распространения оде Пушкина. Она была напечатана в военной типографии только по-русски, в ничтожном сравнительно количестве, но клеветники России по-русски не читали, и политические выступления Пушкина и Жуковского оказались только для внутреннего употребления» (П. Е. Щеголев, «Из жизни и творчества Пушкина», изд. 3, Лгр. 1931, стр. 352). Обстоятельства, вызвавшие стихотворения Пушкина и самую брошюру, а также вызванные ею суждения друзей и знакомых Пушкина подробно изложены в новейшей работе М. Д. Беляева в сб. «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Лгр. 1927, стр. 286—296 и 130—131 (об автографах). (Ср. в примечаниях Н. О. Лернера к этим стихотворениям в изд. Сочинений Пушкина, под. ред. С. А. Венгерова, т. VI, стр. 408—412, и Н. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. III, стр. 331—333, «Щукинский сборник», вып. IV, стр. 158, и вып. V, стр. 342, в книгах: Venceslas Lednicki «Pouchkine et la Pologne. A propos de la trilogie antipolonaise de Pouchkine», Paris, 1928, 210 pp. и В. А. Францева «Пушкин и польское восстание 1830—1831. Опыт исторического комментария к стихотворениям «Клеветникам России» и «Бородинская Годовщина», в «Пушкинском Сборнике», 1929, Прага, стр. 65—208, и ниже, в примечаниях к письму № 474, стр. 438). О стихотворении «Бородинская Годовщина» см. еще в указ. сб. «Письма Пушкина к Хитрово», Лгр. 1927, стр. 127—130. О переводах стихотворения «Клеветникам России» см. в примечаниях к письмам №№ 465 и 470, стр. 418—419 и 429—430. Стихотворение В. А. Жуковского «Русская песнь на взятие Варшавы» и с измененным заглавием: «Старая песня на новый лад» — было напечатано три раза; сначала оно появилось в «Сев. Пчеле» 1831 г., № 201 (ср. «Татев-

ский сборник С. А. Рачинского», С-Пб. 1899, стр. 21), затем вышло отдельным изданием (4°) в Петербурге в типографии Н. И. Греча (ценз. разреш. 6 сентября) и почти одновременно в ним вместе с двумя стихотворениями Пушкина (см. выше, стр. 409). Кроме того по этому же поводу им же напечатано было другое стихотворение, «Русская Слава», отдельным изданием в типографии Александра Смирдина 1831 г., 8° (ценз. разреш 17 сентября 1831 г.); это издание было в библиотеке Пушкина, но не сохранилось в составе его библиотеки, хранящейся ныне в ИРЛИ. Историю своих стихотворений Жуковский подробно изложил в письме к А. И. Тургеневу второй половины сентября 1831 г. (см. «Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу», М. 1895, стр. 259—261. Ср. «Русск. Арх.» 1902 г., кн. I, стр. 94). Экземпляры изданий этих двух стихотворений Жуковского, посланные им И. И. Дмитриеву, [1] вызвали с его стороны благодарность в виде стихотворения: «Василию Андреевичу Жуковскому, по случаю получения от него двух стихотворений на взятие Варшавы», напечатанного Пушкиным в «Северных Цветах на 1832 год», отдел Поэзии, стр. 10; здесь и ответ В. А. Жуковского, стр. 11—13 (ср. «Русск. Арх.» 1866 г., столб. 1634—1635). Взятие Варшавы, победы кн. И. Ф. Паскевича и успехи русского оружия в Польше вызвали кроме стихотворений Пушкина и Жуковского еще ряд поэтических откликов других поэтов; так, например, Д. П. Рунич написал сразу три стихотворения: «На победы русских в Польше», «На победы князя Варшавского» и «К портрету князя Варшавского графа Паскевича-Эриванского» (см. facsimile их в труде Н. К. Шильдера «Император Николай I», т. II, С.-Пб. 1903, между 376 и 377 стр.); Ф. И. Тютчев написал стихотворение «На взятие Варшавы» (см. «Русск. Арх.» 1879 г., кн. I, стр. 385—386 и Ф. И. Тютчев «Полное собрание стихотворений» под ред. Г. И. Чулкова, М.—Л. 1933, стр. 193—194 и 352—354); А. С. Хомяков также написал стихотворение «Ода» — «Внимайте голос истребленья...» (см. «Стихотворения А. С. Хомякова», М. 1861, стр. 30—31), О. М. Сомов — «Голос Украинца при вести о взятии Варшавы», СПб. 1831 (сохранилась в библиотеке Пушкина, Б. Л. Модзалевский, «Библиотека Пушкина», СПб. 1910, стр. 98). На ряду с патриотическими и шовинистическими стихотворениями см. напр. стих. кн. А. И. Одоевского «Недвижимы, как мертвые в гробах...» («Полное собрание стихотворений и писем» под ред. И. А. Кубасова, Л. 1934, стр. 199—200 и 397—398). № 461

— Графиня Ламберт — Ульяна Михайловна (о ней см. выше, стр. 401 и 404). Возможно предположить, что экземпляр брошюры с своими стихотворениями Пушкин подарил ей с какой-либо надписью, но местонахождение его ныне неизвестно. Кроме гр. Ламберт и А. О. Смирновой, Пушкин, несомненно, послал экземпляр и Е. М. Хитрово (см. ее письмо к Пушкину в Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 324 и ниже, стр. 415); через В. А. Жуковского экземпляр брошюры послан был также кн. И. Ф. Паскевичу, который в письме к Жуковскому 2 октября из Варшавы писал: «Прошу вас

---

[1] От Пушкина и Жуковского Дмитриев получил также экземпляр «На взятие Варшавы» с надписью Жуковского: «Его Высокопревосходительству Ивану Ивановичу Дмитриеву от обоих учеников его» (Библиотека Московского Университета).

 принять нелицемерную мою благодарность за присланные строфы и сообщить таковую же Александру Сергеевичу Пушкину, столь много обязавшему меня двумя отличными своими сочинениями. Стихи истино прекрасны и богаты чувствами народной гордости». Далее Паскевич развивает мысль с намеками на Пушкина, что он теперь удовлетворен вполне за тот промах «первостепенных поэтов», которые «едва-едва отозвались» на подвиги русского оружия во время «событий Персидской и Турецкой войн», то есть в 1829 г. («Русск. Арх.» 1875 г., кн. III, стр. 369).

— Неисправный текст письма Пушкина, сообщенный Смирновой в «Русск. Арх.» 1871 г. ввел в заблуждение С. М. Бонди, который, говоря о стихах Пушкина «От вас узнал я плен Варшавы...» высказал неправильное соображение о его ритмике (см. «Пушкинский сборник памяти С. А. Венгерова, П. 1922, стр. 41—42, примеч.)

462. *Е. М. Хитрово* [После 10 сентября 1831 г.] (стр. 48—49). Напечатано впервые в сб. «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Лгр. 1927, стр. 26—27 и 125—127, и в собрании Писем Пушкина включается впервые. Подлинник, на листе почтовой бумаги большого формата, без водяных знаков, — в ИРЛИ (Пушкинском Доме) Академии Наук СССР; он сложен конвертом и запечатан гербовою печатью Пушкина. Дата письма определяется выходом в свет брошюры со стихотворениями Пушкина и Жуковского, о которой Пушкин говорит как об уже напечатанной. Брошюра эта появилась после 10 сентября (см. выше, стр. 409).

— *Перевод:* «Эти стихи были написаны в такой момент, когда можно было утратить бодрость. Слава богу, этот момент миновал. Мы снова вернули себе то положение, которое не должны были терять. Конечно, оно уже не то, которым мы были обязаны князю, Вашему отцу, но все же достаточно хорошо. — У нас нет слова, которое выражало бы французское *resignation*, хотя это душевное состояние или, если хотите, качество, вполне русское. Слово *столбняк*, пожалуй, передает его с наибольшей верностью. — Хотя я и не смел докучать Вам своими письмами в это бедственное время, я не переставал получать о Вас известия и знал, что Вы были здоровы и развлекались, — что, разумеется, вполне достойно Декамерона. Вы читали во время чумы, вместо того, чтобы слушать сказки, — это тоже вполне философично. — Полагаю, что мой брат участвовал в штурме Варшавы; я не имею о нем известий. Но как пора было взять Варшаву! Вы читали, я думаю, стихи Жуковского и мои: ради бога, исправьте стих: Святыню всех твоих *градов*, поставьте *гробов*. Дело идет о могилах Ярослава и Печерских угодников — это назидательно и имеет смысл. *Градов* не значит ничего. — Я надеюсь явиться к Вам в конце этого месяца. Царское Село оглушительно; Петербург гораздо более замкнут». — *На обороте*: «Госпоже Хитровой».

— Замечание письма Пушкина № 428 (стр. 298) вместе с тем, что говорится в этом письме по поводу стихотворения «Перед гробницею святой» — «позволяет датировать последнее, — говорит Н. И. Измайлов, — с большею долею вероятия, точнее, чем это мог сделать Н. О. Лернер, в «Трудах и днях Пушкина» (изд. 2, 1910, стр. 248: летом, между июлем и августом) и в примечаниях к стихотворению в издании С. А. Венгерова т. VI, стр. 408: июнь — июль): письмо № 428, датирующееся, судя по

почтовому штемпелю, 19-м или 20-м июня 1831 г. (см. также выше, стр. 293), устанавливает terminus ante quem. Приезд Пушкина из Москвы в Петербург, около 18 мая, определяет другой предел, раньше которого оно не могло быть написано: при всем справедливо-критическом отношении к автобиографическим элементам в творчестве Пушкина, нельзя отрицать необходимости реальных впечатлений для построения очень многих его стихотворений — в особенности таких, содержащих определенные общественно-политические высказывания, как стихотворение к гробу Кутузова. Чтобы написать его, Пушкин *должен* был пережить подобный момент у гробницы в Казанском соборе, а это могло быть лишь в майский приезд его в Петербург, в 1831 г. Ни компановать, ни пользоваться впечатлениями предыдущего пребывания в Петербурге (до 10 августа 1830 г., когда о Польском восстании и вообще об опасности для русской государственности не было еще и речи) он, разумеется, не мог. Краткое и, конечно, очень занятое пребывание в Петербурге не было благоприятно для творческих раздумий поэта: правильнее предположить, что стихотворение написано уже в Царском Селе. Замечание письма о том, что оно написано в такой момент, «Когда позволено было отчаяваться», в связи с пессимистическими сообщениями о «нынешних горьких обстоятельствах» в письмах к Вяземскому и к Нащокину от 11 июня (см. выше, стр. 24—25), указывает на эти дни, как на время, наиболее подходящее по своему настроению для написания стихотворения. Около половины июня Пушкин должен был уже знать о прибытии гр. Паскевича к армии, означавшем некий поворот кампании и возможность новых надежд. Таким образом, три недели между концом мая и серединой июня представляют наиболее вероятную, при настоящих данных, датировку Пушкинского стихотворения» («Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Лгр. 1927, стр. 124 — 125). «Ода к гробнице Кутузова («К тени полководца»), не имеющая ни в рукописи, ни в печати никакого заглавия и получившая его лишь от позднейших издателей, — говорит тот же исследователь, — была создана в момент затяжных неудач в Царстве Польском, как выражение охватившего Пушкина тяжелого, пессимистического состояния, которое сам он называет «résignation» или «столбняком». Упомянув о написании оды в письме к Е. М. Хитрово, он, однако, никому другому о ней не писал и самой дочери Кутузова текста ее не сообщал, считая оду, быть может, слишком откровенно-пессимистической и поэтому не желая ее распространения. Он хранил ее до того момента, когда Варшава была взята, восстание, в главном, подавлено, и когда только что изданы были патриотические стихотворения его и Жуковского, посвященные этому событию. Тогда ода к Кутузову стала прошлым, злободневность ее обратилась в историю, хвала полководцу, так часто поминавшемуся поэтом в связи с восстанием, заслонила пессимизм последних строф, — и явилась возможность сообщить оду Хитрово. Но и после того стихотворение еще пять лет оставалось неизвестным не только читателям, но и друзьям поэта — по крайней мере, мы нигде не встречаем о нем упоминаний. В 1836 году, в III томе «Современника», появилось другое стихотворение Пушкина, обращенное к другому герою Отечественной войны — к Барклаю-де-Толли, — «Полководец». Стихотворение, как известно

№ 462 вызвало резкие нападки некоторых почитателей Кутузова, выражавших возмущение «неприличным вымыслом» Пушкина и сочувствие дочери фельдмаршала Е. М. Хитрово, якобы оскорбленной этим. Написана была специальная брошюра, посвященная опровержению стихотворения Пушкина (Л. И. Голенищевым-Кутузовым, С.-Пб. 1836 г.; перепечатана в Сочинениях Пушкина, изд. Ефремова — Суворина, т. VIII, стр. 361 — 367). Сама Е. М. Хитрово, понимавшая побуждения и настроения поэта, стала на его сторону и по поводу статьи Голенищева-Кутузова написала ему письмо — свидетельство нежной дружбы и тонкого понимания поэта, не изменившихся за многие годы: «Je viens d'aprendre que la censure a laissé passer une article de réfutation sur vos vers cher ami. La Personne qui les a écrit, est *furieuse contre moi*, — n'a jamais voulu ni me les *montrer* — ni les *retirer*. — On ne cesse de me tourmenter pour votre Elégie — je suis comme les martirs: cher Poushkine, je vous en aime d'avantage et je crois à votre admirateur pour votre Héros et à votre simpatie pour moi!..» («Я только что узнала, дорогой друг, что цензура пропустила статью, опровергающую ваши стихи. Лицо, написавшее ее, в ярости на меня и не пожелало ни за что ни показать мне ее, ни взять обратно [из цензуры]. Меня не перестают тревожить из-за вашей элегии — я словно мученица, милый Пушкин, но люблю вас оттого еще больше и верю вашему преклонению перед Героем и вашему хорошему отношению ко мне...») и подписалась полным именем — словно чтобы подчеркнуть, кто она: «Elise Hitroff née Pr. Kout. Smol.» [Елизавета Хитрова, рожденная княжна Кутузова-Смоленская»]. (Акад. изд. Переписки Пушкина, т. III, стр. 377). Пушкин оценил ее отношение, понял и заключающийся в письме намек — и в следующей книге «Современника» (т. IV, стр. 295 — 298), вышедшей в конце ноября или в декабре 1836 г., напечатал объяснение, где, в доказательство своего уважения к Кутузову и признания его заслуг, поместил три первые строфы оды к гробнице Кутузова — те строфы, где воздавалась хвала покойному вождю и не было пессимистического сопоставления с современностью, в 1836 г. уже непонятного, но всё же недопустимого с точки зрения цензуры. Но, чтобы показать, что какое-то продолжение было, он заключил строфы ремаркой «и проч.»: Е. М. Хитрово, та, для которой предназначалось объяснение, и ее друзья сами могли вспомнить окончание стихотворения. Эти последние две строфы были напечатаны лишь Анненковым (Сочинения Пушкина, том VII, стр. 44), как отдельный отрывок, по рукописи, ныне находящейся в Майковском собрании автографов Пушкина, в Академии Наук. Рукопись — беловой автограф, заключающий лишь две строфы, с датой: «1831». Первые три стиха перечеркнуты; весь клочок бумаги оторван от большого листа, и по отрыву видны следы — быть может, предыдущих строф». Несомненно, что Пушкин сделал новый список стихотворения, пометив его датой 1831 г. и затем уже включил в «Объяснение». «По этим двум контаминированным частям текста, печатной и рукописной, печаталось до сих пор стихотворение в изданиях Сочинений Пушкина. Текст его в письме к Е. М. Хитрово — первый *полный* автограф, известный нам, — тем более важен, что черновых не сохранилось. Он дает некоторые разночтения и позволяет исправить одну ошибку, сделанную Анненковым и повторяемую

почти всеми изданиями, вплоть до издания Государственного Издательства (Лгр. 1925, стр. 86—87)» («Письма Пушкина к Е. М. Хитрово, Лгр. 1927, стр. 127—129, а также 129—130, где приведены и разночтения и варианты с текстом «Современника» и автографом из Майковского собрания). № 462

— Князь — светлейший князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов-Смоленский (род. 5 сентября 1745, ум. 3 апреля 1813), фельдмаршал, отец Е. М. Хитрово.

— Пушкин получал известия о Е. М. Хитрово, вероятно, через кн. П. А. Вяземского.

— Намек Пушкина на «развлечения» Хитрово очевидно касается приключения ее с вояжером Mornay (об этом см. выше, стр. 390).

— Декамерон — знаменитое произведение итальянского писателя Джованни Бокаччо (1313—1375), содержащее в себе сто новелл, рассказанных семью дамами и тремя молодыми людьми, удалившимися в 1348 г. из Флоренции, во время свирепствовавшей там чумы, на загородную виллу. В библиотеке Пушкина было произведение Бокаччо на итальянском языке: «Il Decameron di messer Gio. Boccaccio. Firenze. Presso Gius. Molini e comp. 1820, но без всяких заметок (см. Б. Л. Модзалевский, «Библиотека Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 172, № 657).

— Брат — Лев Сергеевич Пушкин (о нем см. в тт. I и II Писем Пушкина, по указателю) в это время был на театре военных действий в Польше, где находился Финляндский драгунский полк, в котором он служил; с 25 августа по 23 сентября Л. С. Пушкин принял участие в стычке с поляками под Пултуском, в разбитии восставших под местечком Некельске, в поиске отряда генерал-майора Дохтурова на Плонск и в преследовании остатка польских войск к прусской границе, за что награжден был чином штабс-капитана (см. Л. Н. Майков, «Пушкин», С.-Пб. 1899, стр. 39; «Архив Раевских», под ред. Б. Л. Модзалевского, т. II, стр. 460, и «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Лгр. 1927, стр. 53).

Сестра Пушкина О. С. Павлищева неоднократно просила мужа доставить ей сведения о Л. С. Пушкине, беспокоясь о его здоровье и жизни в это время. Так в письмах конца сентября, 6 и 13 октября она упоминает о нем, жалуясь на отсутствие известий с июня месяца. Наконец 13 октября она пишет, что узнала о нем новости: «Он находился во многих делах, его лошадь была под ним убита, и он остался жив, как ни в чем не бывало» (См. «Пушкин и его современники», в. XV, стр. 92, 94 и 98).

— О взятии Варшавы см. выше, стр. 403—404.

— Стихи Жуковского и Пушкина — брошюра «На взятие Варшавы. Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина» (о ней см. выше, стр. 409). В это же время Е. М. Хитрово послала Пушкину записочку, может быть скрестившуюся с письмом Пушкина, в которой писала: «Я только что прочла ваши прекрасные стихи — и заявляю вам, что если вы не пришлете мне экземпляр (а говорят, что их нельзя найти), я вам этого никогда не прощу» (Переписка Пушкина, т. II, стр. 324). Надо полагать, что Пушкин исполнил просьбу Хитрово. Опечатка в стихотворении «Бородинская Годовщина», о которой говорит Пушкин, была исправлена при следующем переиздании пьесы в III части стихотворений Пушкина, 1832 г.

 — Пушкин уехал из Царского Села в Петербург только в середине октября (см. ниже, стр. 422).

463. *П. А. Осиповой* [11 сентября 1831 г.] (стр. 50). Опубликовано впервые в «Отчете Имп. Пуб. Библиотеки за 1897 г.», С.-Пб. 1900, стр. 92—93, а затем вошло в последующие издания Сочинений Пушкина, начиная с изд. А. С. Суворина, под ред. П. А. Ефремова, т. VII, стр. 439—440, и в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 322—323. Подлинник — на листе почтовой бумаги большого формата, без водяных знаков, — в Госуд. Публ. Библиотеке в Ленинграде; сложен конвертом и запечатан гербовою печатью Пушкина (см. Л. Б. Модзалевский, «Рукописи Пушкина в собрании Государственной Публичной Библиотеки в Ленинграде», Лгр. 1929, стр. 36, № 86); письмо это служит ответом на письмо П. А. Осиповой от 21 августа (см. выше, стр. 370—371).

Перевод: «Благодарю вас за труд, который вы себе доставляете, договариваясь с помещиками Савкина. Если один из них окажется слишком упорным, то не будет ли возможным устроиться с двумя другими, оставя его в стороне. Впрочем дело терпит: новые занятия задержат меня в Петербурге не менее как на два или на три года. Я огорчен: я надеялся их провести вблизи Тригорского. — Жена моя вам очень благодарна за строки, которые вы пожелали ей написать. Она очень простосердечна и готова полюбить вас от всего сердца. — Я вам не говорю о взятии Варшавы. Вы представляете себе с каким энтузиазмом мы приняли это известие, после 9 месяцев несчастий. Что скажет Европа? Вот вопрос, который нас занимает. — Холера кончила свои опустошения в Петербурге, но теперь обойдет и провинцию. Будьте особенно осторожны, сударыня. Ваши боли в желудке заставляют меня дрожать. Не забывайте, что холера лечится как от простого отравления: молоком и растительным маслом — и остерегайтесь холодного. — Прощайте, сударыня, — примите уверение в моем уважении и в моей искренней привязанности. Мое почтение всей вашей семье».

П. А. Осипова отвечала Пушкину 29 сентября из Тригорского (ее письмо с переводом впервые напечатано в книге И. А. Шляпкина: «Из неизданных бумаг Пушкина», С.-Пб. 1903, стр. 152; даем его в исправленном переводе: «После чтения в прошлую субботу с невыразимым удовольствием «Три стихотворения на взятие Варшавы» мое воображение так было ими занято, что я всю ночь видела вас во сне. Я помню, что во сне целовала ваши глаза — судите же о моем приятном удивлении, когда в то же утро почтальон принес мне ваше письмо от 11-го числа. Я хотела бы поцеловать Ваши милые глаза, дорогой Александр, за выражение вашего внимания ко мне, но будьте спокойны Холера обошла всю губернию, как в городе, так и в деревне и опустошения ее были меньше, чем где-либо. Но что действительно замечательно, так это то, что в Великих Луках и в Новгороде она не появлялась раньше, чем там не провезли тело великого князя Константина: затем она была жестока. В свите князя не было больных и все же как только они уехали из дома Д. Н. Философова, чер з 24 часа заболело не менее 70 человек, и так было на всем пути. І подтвержде ие нашего наблюдения я только что получила письмо моей племянницы Бегичевой, которая нам сообщает, что с некото-

рых пор болезнь в Петербурге вновь увеличилась и что ежедневно бывает 26 и больше больных и я предполагаю, что одинаковая причина производит одинаковое следствие; так как размеры Петербурга больше всех мест, через которые провозили тело великого князя, то и болезнь продолжится там дольше. Я повторяю вам, что она не поднимется на высоту наших гор. Les beaux esprit ce rancontrent и у нас была одинаковая мысль о Савкине. Акулина Герасимовна, которой принадлежит половина участка, быть может продаст его. А так как вы говорите, что это не к спеху, то можно надеяться, хотя то что вы говорите мне относительно вашего пребывания в Петербурге зарождает во мне мысль: не навсегда ли вы там обосновались. Савкино может быть только хижиной для двух месяцев летом и если вы его приобретете, нужно будет целое лето, чтобы сделать его обитаемым. Я прошу вас передать привет вашей прекрасной супруге, мои дочери передают вам свой. Напомните обо мне моей милой Надежде Осиповне; я была это время сильно нездорова лихорадкой, вследствие моих желудочных болей, теперь уже и правилась. Прощайте, будьте здоровы и верьте всегда в мою нежную преданность. П. О.» № 463

— Савкино — местность между Михайловским и Тригорским (см. выше, стр. 316, 370 и 371). Из переписки Пушкина с Осиповой видно, что Савкино принадлежало трем лицам, из коих одним была некая Акулина Герасимовна; не была ли она по фамилии Кузнецова? (см. «Сборник Псковской губернской ученой Комиссии», вып. I, Псков 1917, стр. 58, в статье В. Д. Смиречанского). Пушкин Савкина не приобрел. (О Савкине см. статью К. А. Иеропольского: «Говор деревни Савкино» в «Известиях по русск. яз. и слов. Акад. Наук СССР» 1930 г., т. III. кн. 2, стр. 585—597.)

— Новые занятия Пушкина — очевидно, поступление на службу и предположения о написании истории Петра Великого.

— Строки в письме Осиповой, обращенные к Н. Н. Пушкиной, приведены выше, стр. 371.

— О взятии Варшавы и о впечатлениях об этом событии см. выше, стр. 403—404.

— О распространенном тогда методе лечения холеры находим указание в письме Н. В. Гоголя к матери от 24 июля 1831 г.: «Обыкновенный и самый действительный способ лечения ее в Петербурге состоит в том, что больному дают как можно больше пить теплого молока, и чем теплее тем лучше. Кроме того, многие вылечиваются, принимая белок яйца с прованским маслом; над некоторыми же особливо имеющими крепкое сложение и хороший желудок (следовательно, это для многих сурового сложения крестьян) оказывает очень хорошее действие ложка воды с солью, сначала с самою горячею водою, потом постепенно теплее, теплее, наконец дается ложка соли с холодною водою; с последним приемом больной совершенно выздоравливает» (Письма Н. В. Гоголя, под ред. В. И. Шенрока, т. I, стр. 182). Интересно отметить, что оба писателя старались популяризировать в деревне способы лечения холеры. (Ср. «Записку о противохолерном элексире», напечатанную в «Русск. Арх.» 1893 г., кн. II, стр. 613—615.)

464. *М. Д. Деларю* [28 сентября 1831 г.] (стр. 50). О существовании этого письма было известно еще в 1868 г., когда оно поступило от П. П. Пекарского в Чертковскую библиотеку через П. И. Бартенева (см. «Русск. Арх.» 1868 г., ст. 041—042), но напечатано оно впервые было только в Акад. изд. Переписки Пушкина, под ред. В. И. Саитова, т. II, стр. 329. Подлинник — на листе почтовой бумаги большого формата, с водяными знаками: J. Whatman 1829, хранится в Госуд. Историч. Музее в Москве (Чертковская библ., собр. автографов, № CXXXIV); он сложен конвертом и запечатан гербовою печатью Пушкина под графскою (?) короною на сером сургуче; на письме позднейшие пометы: «Передано П. И. Бартеневу П. Пекарским» и «Чертк. 483/63».

— О Михаиле Даниловиче Деларю см. выше, стр. 247—249.

— Письмо Деларю к Пушкину неизвестно.

— Пушкин был в Петербурге 8 сентября, на один день, приехав из Царского Села (см. письмо О. С. Павлищевой к мужу от 10 сентября в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. XV, стр. 90). Здесь на Вознесенском проспекте[1] Пушкин встретился с Н. В. Гоголем, который в письме к Жуковскому от 10 сентября писал, что Пушкин «воззвал голосом трубным ко мне, лепившемуся по низменному тротуару, под высокими домами. Это была радостная минута, она уже прошла. Это случилось 8-го августа» (Письма Н. В. Гоголя, ред. В. И. Шенрока, т. I, стр. 189; в указании даты встречи Гоголь описался — см. выше, стр. 391).

— Геслинг — Николай Николаевич (о нем см. выше, стр. 339—341). Письмо Пушкина к нему неизвестно.

465. *Е. М. Хитрово* [конец сентября — начало октября 1831 г.] (стр. 51). Напечатано впервые в сб. «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово, 1827—1832» Лгр. 1927, стр. 29 и 131—132. Подлинник — на листе почтовой бумаги большого формата, с водяными знаками: J. Whatman 1829,— в ИРЛИ (Пушкинском Доме) Академии Наук СССР; сложен конвертом и запечатан гербовою печатью Пушкина.

Дата письма определяется содержанием и связью с предыдущим письмом к Хитрово № 462; письмо написано незадолго до переезда Пушкина в Петербург, что совершилось в середине октября.

Перевод: «Благодарю Вас за изящный перевод оды; я отметил в нем две неточности и одну описку переписчика: «иссякнуть» значит «tarir»; «скрижали» — «tables chroniqeus». «Измаильский штык» — «la bayonnette d'Ismael», а не «d'Ismailof». В Петербурге ждет Вас письмо: это ответ на первое полученное мною от Вас, — прикажите его Вам доставить. Я приложил к нему оду в честь покойного князя, Вашего отца. Г-н Опочинин оказал мне честь посетить меня. Это очень достойный молодой человек. Благодарю Вас за это знакомство. На днях я буду у Ваших ног». *На обороте:* «Госпоже Хитровой».

— Ода «Клеветникам России» известна в четырех прижизненных Пушкину переводах на иностранные языки: одном немецком и трех французских. Немецкий перевод бар. Анстета (о котором см. статью П. Е.

[1] В это время, очевидно, Пушкин нанимал квартиру в доме Берникова на Вознесенском проспекте (см. ниже, стр. 424).

Щеголева в его книге: «Из жизни и творчества Пушкина», Лгр. 1931, стр. 357—360, не может нас интересовать, так как в письме к Е. М. Хитрово речь идет о переводе *французском.* Также не относятся к настоящему случаю переводы: на французский язык барона П. А. Вревского, сделанный, повидимому, не ранее конца 1834 г. (он напечатан в сб. «Пушкин и его соврем.», вып. XXI—XXII, стр. 386—388), и почти дословно совпадающий с переводом, напечатанным при письме С. С. Уварова к Пушкину от 8 октября 1831 г. (см. «Письма Пушкина и к Пушкину» под ред. В. Я. Брюсова, М. 1903, стр. 100—102 и Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 333—335; см. также соображения П. Е. Щеголева о непринадлежности этого перевода Уварову в его книге «Из жизни и творчества Пушкина», Л. 1931, стр. 353), и князя Н. Б. Голицына, исполненный уже в 1836 г. и за который Пушкин благодарил переводчика письмом от 10 ноября 1836 г. (Акад. изд. Переписки, т. III, стр. 406). Упомянутый выше перевод, исполненный С. С. Уваровым в Москве, вскоре после напечатания стихотворения был прислан переводчиком Пушкину при письме от 8 октября 1831 г.; впервые он напечатан П. Е. Щеголевым в его книге, op. cit., стр. 354—357; о нем см. выше, в примечаниях к письму № 470. Но и не о нем идет речь в письме Пушкина, так как в переводе Уварова нет тех ошибок, которые отмечает настоящее письмо; еще один перевод — прозаический, имелся в распоряжении П. Е. Щеголева из бумаг Пушкина. по словам владельца «анонимный и ничем не замечательный» (П. Е. Щеголев, «Из жизни и творчества Пушкина», Лгр. 1931, стр. 357 примеч.). Подлинник его хранится в ИРЛИ и писан, как нам удалось установить, рукою графини А. Г. Лаваль. Кроме того, О. С. Павлищева в письме к мужу от 6 октября 1831 г. говорит о нескольких, даже, повидимому, многих плохих переводах стихотворений на взятие Варшавы, на французский и немецкий языки, называя в числе переводчиков, «искалечивших» стихи, некоего Бакунина («Пушкин и его соврем.», вып. XV, стр. 96; ср. в статье М. Д. Беляева, в сб. «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Л. 1927, стр. 288). В указанном выше письме к кн. Н. Б. Голицыну Пушкин писал о переводах своего стихотворения: «Я видел их уже три, один из них принадлежал вельможе из моих друзей [un puissant personnage de mes amis, т. е. С. С. Уварову]». Одним из двух других переводов, по предположению Н. В. Измайлова, «должен быть именно тот, который посылала поэту Е. М. Хитрово. Автор его нам неизвестен, как неизвестен и текст; предположение, невольно возникающее при первом взгляде, — что переводчиком была сама Е. М. Хитрово — мало вероятно: слишком краток, небрежен и сух отзыв Пушкина о переводе. Но очень возможно, что Е. М. Хитрово сообщала его Пушкину как анонимный — и тогда не исключается предположение об ее авторстве. Если она могла заниматься переводом с английского на русский, то могла перевести и стихотворение с русского на французский язык — конечно, прозою» («Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Лгр. 1927, стр. 132—133). *№ 465*

— Письмо Пушкина, о котором он говорит,— это письмо № 462 нашего издания; письма Хитрово к Пушкину, как первое так и и второе, неизвестны в печати; вряд ли одним из них была записочка Хитрово с отзывом о стихах Пушкина (см. выше, стр. 415).

— Опочинин — Константин Федорович, родной племянник Е. М. Хитрово, сын ее сестры, Дарьи Михайловны Голенищевой-Кутузовой (род. 1788—ум. 1854) от брака ее (14 января 1807) с Федором Петровичем Опочининым (род. 1778—ум. 20 декабря 1852), в 1831 г. бывшим шталмейстером, а впоследствии членом Государственного Совета. Единственный сын своих родителей и их первенец, К. Ф. Опочинин родился 14 ноября 1808 г., службу начал в л.-гв. Кирасирском полку, но из него перешел 3 декабря 1831 г. в л.-гв. Конный полк; 6 декабря 1840 г. назначен был флигель-адъютантом, в 1844 г. получил чин полковника и назначен в свиту, а 18 января 1848 г. умер. Был женат, с 11 ноября 1840 г., на фрейлине Вере Ивановне Скобелевой (род. 28 мая 1825—ум. 3 января 1898), дочери известного инвалида-писателя, генерала И. Н. Скобелева («Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Л. 1927, стр. 133).

466. *П. В. Нащокину*, 7 октября 1831 г. (стр. 51). Напечатано впервые П. И. Бартеневым в сб. «Девятнадцатый Век», кн. I, М. 1872, стр. 391—392, а затем вошло в последующие издания Сочинений Пушкина и в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 332—333. Подлинник неизвестно где находится. Нами печатается по тексту, данному в Акад. изд. Переписки Пушкина.

— Пушкин отвечает на письмо Нащокина от 30 сентября, в котором последний писал: «Об тебе столько толкуют, что всего не перескажешь, а так как ты человек с необыкновенным умозрением, в таком случае ты сам угадаешь, в чем толк. Что же касается до Догановского, толку ни какого не добьюся; как я уже тебе писал, что денег я не получал, а давал мне Рохманов и теперь дает; но господа компанейщики не хотели и денег, лишь бы только взять вексель с Рохманова, чего я ему не предлагал, ибо знал, что он на сие не согласится; меня же они совершенно обидели тем, что не хотели доверить мне пяти тысяч рублей. Теперь, любезный друг, скажу тебе, что я в страшном сокрушении, что не мог с этими минотаврами кончить — и потому предлагаю тебе либо дождаться моих денег, которые все сполна пришлю для удовлетворения сих и проч.; а не то, эти же 15 т. могу взявши тебе прислать. Догановский с Жемчужниковым едут к Вам; ты там с ними и кончишь, додав своих 5 т. Кстати, если можешь, на сколько ты жалованья получаешь? Это меня собственно интересует» (Переписка Пушкина, т. II, стр. 330—331). Как видно из письма Пушкина, и Догановский и Жемчужников приезжали к Пушкину в Царское Село, но «дело разошлось» из-за 5000 рублей; по приезде Пушкина в Петербург в середине октября Пушкин видел Жемчужникова и Догановского. «Они, — говорит Пушкин, — согласились взять с меня 5000 векселем, а 15000 получить тотчас» (письмо Нащокину от 22 октября, см. выше, стр. 54).

— Догановский — В. С. Огонь-Догановский (о нем см. выше, стр. 364).

— Жемчужников, Лука Ильич (а не Иванович) (род. 3 февраля 1783—ум. 22 декабря 1856), сын секунд-майора и Юрьевского уездного (Владимирской губ.) предводителя дворянства (1791) Ильи Яковлевича; службу начал подпрапорщиком 1 декабря 1798 г. во Владимирском гарнизонном батальоне; 21 марта 1803 переведен был в Курский мушкетерский полк; 1 января 1805 — в л.-гв. Измайловский полк; портупей-прапорщик

с 29 ноября 1806; подпоручик — 11 августа 1809; поручик и плац-адъютант в 1812 г.; штабс-капитан в 1814 г.; капитан 30 июля 1816 г.; 30 сентября 1816 г. — бригадный адъютант в резервной бригаде отдельного Грузинского корпуса; 11 июня 1817 г. произведен был в полковники, а 6 июля 1818 г. уволен был за болезнью от службы; он был помещиком Боровского уезда, дер. Деревенщины, и Медынского уезда, дер. Прокшино и Теренино (см. П. П. Жемчужников, «Родословие дворян Жемчужниковых», Новгород 1907, стр. 14, а также «Петербургский Некрополь»). Женат был на неаполитанской еврейке Прасковье Францовне де-Морелли (род. 1796 — ум. 1855), от которой имел 9 сыновей и 7 дочерей; один из сыновей его, Алексей Лукич (род. 1830 — ум. 1854), поручик л.-гв. Гусарского полка, женат был на Екатерине Силовне Баташевой (род. 1833— ум. 1861), дочери полковника Силы Андреевича Баташева, у которого Пушкин впоследствии, с конца 1834 г. до конца 1836 г. нанимал квартиру на Гагаринской набережной (см. об этом в примечаниях к IV т. Писем Пушкина). Л. И. Жемчужников был профессиональным карточным игроком и членом С. Петербургского Английского Собрания с 1818 г. по 1857 г., (см. «Столетие С.-Пб. Английского Собрания», С.-Пб. 1870, стр. 93) и здесь встречался за карточным столом и с Пушкиным, который тоже был членом этого собрания с 1832 г. (см. там же, стр. 111). Пушкин занял у него а может быть и проиграл в карты, по свидетельству П. В. Анненкова, до 14 000 рублей (см. Б. Л. Модзалевский, «Пушкин», Лгр. 1929, стр. 357). Из сохранившегося векселя Пушкина от 3 июля 1830 г., выданного в Москве, видно, что он должен был Жемчужникову 12 500 руб. асс. сроком на два года, т. е. по 3 июля 1832 г. На этом векселе есть расписка Жемчужникова в получении от Пушкина 24 декабря 1831 г. 7500 рублей (см. ниже, стр. 446, а также Б. Л. Модзалевский, «Пушкин», Лгр. 1929, стр. 357; Письма Пушкина, т. II, стр. 440, и «Пушкин и его соврем.», вып. XIII, стр. 96—97 и 104 и ниже, стр. 456). Остальную сумму Жемчужников получил уже после смерти Пушкина от опеки (там же, стр. 96—97 и 104, и «Рукою Пушкина» под ред. М. А. Цявловского, Л. Б. Модзалевского и Т. Г. Зенгер, Л. 1935, по указателю). О другом векселе Пушкина на имя Жемчужникова упоминает А. Ф. Рохманов в письме к Пушкину от 10 апреля 1832 г. (Переписка Пушкина, т. II, стр. 379). № 466

— Пушкин был вновь зачислен на службу в ведомство государственной коллегии иностранных дел с чином коллежского секретаря только 14 ноября 1831 г., с жалованьем по 5000 руб. в год; несмотря на то, что отношение А. Х. Бенкендорфа к гр. К. В. Нессельроде об определении Пушкина на службу написано было еще 23 июля 1831 г., за № 3716 (см. текст этого письма по отпуску в книге С. С. Сухонина: «Дела III Отделения... о Пушкине», С.-Пб. 1906, стр. 122, а также книгу Н. Гастфрейнда «Пушкин. Документы Государственного и С.-Пб. Главного архивов Мин. Иностр. Дел», С.-Пб. 1900, стр. 2 и 17, и выше, стр. 359), — первые деньги Пушкин получил только 27 июля 1832 г., назад с 14 ноября 1831 г., всего 2319 руб. 44¼ коп. (Гастфрейнд, op. cit, стр. 29—31). Таким образом Пушкин, говоря о том, что он «не видит ни полушки», был совершенно прав (см. ниже, стр. 483—484, в примечаниях к письму № 497).

— Ответа Нащокина на это письмо Пушкина не сохранилось.

№ 466—467 — Сестра Пушкина, Ольга Сергеевна Павлищева, жила в это время в разъезде со своим мужем Николаем Ивановичем (о них см. в т. I и II Писем Пушкина, по указателю). После свадьбы она поселилась в доме купца Дмитриева в Большом Казачьем пер., близ Гороховой, и здесь прожила четыре года. Пушкин часто бывал у сестры в этом доме и привозил к ней свою жену (см. А. Яцевич, «Пушкинский Петербург», Лгр. 1931, стр. 104—105, и Н. О. Лернер, «Рассказы о Пушкине», Лгр. 1929, стр. 19—21). Письма О. С. Павлищевой к мужу в Польшу за 1831—1832 гг. содержат в себе несколько упоминаний о Пушкине, матери, отце, Л. С. Пушкине и представляют немалый интерес для биографии и характеристики самого корреспондента (см. их в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. XV, стр. 43—136).

— Ольга Андреевна — цыганка, сожительница П. В. Нащокина (о ней см. выше, стр. 268—269).

— Наследник — сын Нащокина от Ольги Андреевны, Павел Павлович (о нем см. в «Русск. Стар.» 1880 г., № 12, стр. 992). Мальчик был жив еще в 1834 году, после женитьбы Нащокина на В. А. Нарской и жил у отца; последний сообщал Пушкину в это время: «Жена моя брюхата без причуд, только не любит табаку; знать будет старовер. Я желаю дочь: она будет сестрою Павла Павловича; сын же того и гляди, вместо брата, сделается ему барином, чего я не хочу: Что мне приятно, что жена моя в большой дружбе с моим сыном» («Переписка Пушкина», т. III, стр. 91).

467. *Кн. П. А. Вяземскому* [Середина октября 1831 г.] (стр. 52). Впервые напечатано А. А. Фоминым в «Русск. Библиофиле» 1911 г., № 5, стр. 19 («А. С. Пушкин», изд. ж. «Русский Библиофил», 1911, стр. 19), откуда перепечатано Н. О. Лернером в изд. Сочинений Пушкина, под ред. С. А. Венгерова, т. VI, стр. 602, а затем — в изд. М. А. Цявловского «Письма Пушкина и к Пушкину», М. 1925, стр. 16 и 44. Подлинник — на согнутом вдвое полулисте почтовой бумаги большого формата, без водяных знаков — в ИРЛИ (Пушкинском Доме) Академии Наук СССР (из архива бр. Тургеневых, № 630). А. А. Фомин неверно датировал письмо сентябрем; ошибка эта была исправлена Н. О. Лернером, который отнес письмо к октябрю, между 15-м и 19-м числами (см. его соображения в «Русск. Арх.» 1912 г., кн. II, стр. 287—288, и в изд. Брокгауза-Ефрона, т. VI, стр. 602—603). М. А. Цявловский согласился с датировкой Лернера. Мы переносим письмо на середину октября, принимая во внимание то, что Жуковский, о котором Пушкин пишет, что он находится в Петербурге, был там уже 16 октября (см. его письмо к И. И. Дмитриеву в «Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1634—1637). Следовательно, письмо Пушкина могло быть написано 15—16 октября.

— Точной даты переезда Пушкина из Царского Села в Петербург мы не знаем, но он произошел, вероятно, в самой середине октября.

— Мебель была взята Пушкиным у Вяземского перед отъездом в Царское Село (см. выше, стр. 32, 278 и 284).

— О деньгах, которые Пушкин не выслал Вяземскому в Москву, см. выше, стр. 278, 289, 325 и 398.

— «Жду тебя сюда» — т. е. в Петербург. Вяземский находился в это время в Остафьеве и наездами в Москве. «Жду Вяземского», — писал, Пушкин Нащокину 22 октября (см. выше, стр. 54).

— О «Северных Цветах на 1832 год» и об участии в издании кн. Вяземского см. выше, стр. 404—405, в примечаниях к письмам №№ 458 и 474. № 467

— Н. М. Языков дал в альманах Пушкина следующие стихотворения: «Песня» (стр. 56), «Им» (стр. 79), «Бессонница» (стр. 103), «К К. Яниш» (стр. 116), «И. В. Киреевскому (об П. В.)» (стр. 145—146), и «А. А. Дельвигу» (стр. 184). Об участии Н. М. Языкова в «Северных Цветах на 1832 год» см. в письмах О. М. Сомова к М. А. Максимову в «Русск. Арх.» 1908 г., кн. III, стр. 264—265, 267—268, и в письме кн. П. А. Вяземского к П. А. Плетневу в «Известиях Отд. Русск. яз. и слов. Акад. Наук» 1897 г., т. II, кн. 1, стр. 99; Пушкин благодарил Н. М. Языкова за доставление материала в альманах в письме к нему № 474.

— Киреевский — Иван Васильевич (о нем и о журнале «Европеец» см. выше, стр. 135 и ниже, стр. 435 и в примечаниях к письмам №№ 483 и 502). Пушкин узнал об издании журнала Киреевского, несомненно, от В. А. Жуковского, которому Киреевский подробно сообщал о своем литературном предприятии в письме от начала октября 1831 г. из Москвы (почтовый штемпель: 6 октября) (см. «Русск. Арх.» 1909 г., кн. I, стр. 591—592, и Полн. Собр. Соч. И. В. Киреевского, под ред. М. О. Гершензона, т. II, М. 1911, стр. 224—225).

— Моды — картинкам с новыми модами Пушкин придавал большое значение; он имел в виду модные иллюстрации, прилагавшиеся обыкновенно к журналам «Московский Телеграф», «Дамский журнал» и «Литературные Прибавления к Русскому Инвалиду», видя в этом, вероятно один из способов привлечь подписчиков. Ср., например, в письме его в Вяземскому от 3 сентября 1831 г. (№ 456) и в примечаниях к нему, выше, стр. 398—399. В «Европейце» картинки с модами не прилагались (см. мнение И. В. Киреевского об этом ниже, стр. 436).

— Косичкин — псевдоним Пушкина: «Феофилакт Косичкин». Вторая статья Пушкина — «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем» подписанная этим псевдонимом (см. о ней выше, стр. 375—376), — была напечатана в «Телескопе» 1831 г., ч. IV, № 15, август, стр. 412—418 (ценз. разреш. 27 сентября); книжка «Телескопа» вышла между 27 сентября и 4 октября (см. Н. Синявский и М. Цявловский, «Пушкин в печати», М. 1914, стр. 106, № 795). Отзывы о статье Пушкина см. в письмах братьев Языковых в «Историч. Вестн.» 1883 г., № 12, стр. 532—533, и в «Вестн. Европы» 1897 г., № 12, стр. 603. Отношения Пушкина к «Телескопу», издававшемуся Н. И. Надеждиным, рассмотрены в книге Н. К. Козмина: «Н. И. Надеждин», С-Пб. 1912, стр. 367—409, и в его же примечаниях к т. IX Акад. изд. Сочинений Пушкина, Лгр. 1929.

— Двор у Вас — т. е. в Москве. Николай I приехал туда 11 октября, а императрица 15 октября (см. об этом в воспоминаниях гр. А. Д. Блудовой в «Русск. Арх.» 1857 г., кн. I, стр. 148, 150; 1902 г., кн. I, стр. 94 и 95—98, и 1903 г., кн. III, стр. 578, и выше, в письме Пушкина Нащокину от 22 октября, стр. 54).

— Ж. — Жуковский; 16 октября он был уже в Петербурге (см. выше, стр. 422).

— Россети — Александра Осиповна.

— Сведения о творчестве Жуковского в Царском Селе сообщены выше, стр. 251—252, 285—286, 338, 344, 377—378, 389, 399 и 409—411.

№ 467—468 — Marmion — поэма Вальтер-Скотта «Marmion, a tale of Flottenfield», изданная впервые в 1808 г. Жуковский перевел из нее отрывок под заглавием «Суд в подземелье», имеющий дату: «Верне. На берегу Женевского Озера. 1832 (октября 11)». Это — дата окончательного завершения произведения (ср. в статье Д. П. Якубовича в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. XXXVIII — XXXIX, памяти Б. Л. Модзалевского, Лгр. 1930, стр. 125). Перевод Жуковского напечатан был в «Библиотеке для чтения» 1834 г.

— Гогель — Гоголь. Говоря: «Каков Гогель», Пушкин, очевидно, кратко передает Вяземскому свое впечатление о «Вечерах на хуторе близ Диканьки» (см. выше, стр. 407—408).

— «Повести мои» — Повести Белкина, печатавшиеся в это время в типографии Плюшара и вскоре затем вышедшие в свет (об этом см. ниже, стр. 432).

— Сев. Цв. — «Северные Цветы на 1832 год» (см. выше, стр. 342—344 и 404—405, где сообщается об участии в них Вяземского и о «Литературном предсказании» об этом издании.

— В Петербурге Пушкин нашел себе новую квартиру, адрес которой он и сообщил в письме к Вяземскому, описавшись в названии улицы (нужно Вознесенский проспект). Но, по свидетельству сестры поэта, квартира эта ему и жене его не понравилась, и он принужден был найти другую, и поселился на Галерной ул. в доме Брискорна в квартире ценою за 2500 рублей в год (см. «Пушкин и его соврем.», вып. XV, стр. 101; письмо О. С. Павлищевой мужу 23 октября. Ср. П. В. Анненков, «Материалы», изд. 1855 г., стр. 321; А. Яцевич, «Пушкинский Петербург», вып. 2, Лгр. 1931, стр. 13). О перемене квартиры Пушкин писал в письме Нащокину от 22 октября.

— Берников — Александр Сергеевич (род. 1788 — ум. 16 апреля 1844); назначен был 6 декабря 1831 г. обер-прокурором II отделения 3 департамента сената; в 1838 г. сенатор.

468. *Барону Е. Ф. Розену* [середина октября — середина ноября 1831 г.] (стр. 52). О существовании этого письма Пушкина было известно еще с 1888 г., после опубликования в «Русск. Стар.» 1888 г., № 11 (стр. 412) дневника О. М. Бодянского, в котором последний сообщал, что в альбоме Елизаветы Алексеевны Драшусовой (а не Долгоруковой) он нашел «множество знаменитостей, русских: Пушкина — записка к барону Розену на лоскутке, о Борисе Годунове что-то и Альционе Розена»; но напечатано оно было впервые М. А. Цявловским с подробным комментарием в ж. «Культура театра» 1921 г., № 5, стр. 30 — 31, по неисправной копии П. И. Бартенева, а затем перепечатано с оригинала альбома Драшусовой в книге М. А. Цявловского: «Письма Пушкина и к Пушкину», М. 1925, стр. 16 (см. там же, стр. 44). Оригинал письма теперь неизвестно где находится. Бумаги Розена после его смерти были уничтожены, как ненужный хлам, его братом Павлом Федоровичем и таким образом, письмо Пушкина, случайно сохранившееся, является единственным известным до сего времени (ср. «Дневник» Пушкина, под ред. Б. Л. Модзалевского, П. 1923, стр. 121). Письмо датировано было М. А. Цявловским по содержанию и связи его с письмом к Пушкину Розена от 27 июня 1831 г. (см. Переписка Пушкина, т. II, стр. 260 — 262). Нами дата письма к Розену исправлена по сопоставлению с письмом Пушкина к А. Х. Бенкендорфу

от второй половины октября и ответного письма Бенкендорфа от 19 октября (см. выше, стр. 52—53, и ниже, стр. 427). № 468

— Розен, барон Егор Федорович (род. 16 декабря 1800, ум. 23 марта 1860), сотрудник многих литературных журналов и газет и издатель альманахов «Царское Село», 1830, вместе с Н. М. Коншиным, и «Альциона» на 1831, 1832 и 1833 гг. (последние три сохранились в библиотеке Пушкина, см. Б. Л. Модзалевский, «Библиотека Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 121), автор нескольких поэм, драм, трагедий и либретто к опере М. И. Глинки «Жизнь за царя». Розен считал себя не только знатоком драматического искусства, но и выдающимся драматургом; в письмах своих и в воспоминаниях, в которых он приводит несколько интересных данных и фактов о Пушкине, Розен неоднократно упоминает о сочувственных отзывах Пушкина, Вяземского, Жуковского и других писателей о своих произведениях. Подтверждение этому находится в отзыве Пушкина, в его дневнике, где Пушкин, сравнивая Н. В. Кукольника и А. С. Хомякова с бар. Розеном, отмечает, что последний «имеет более таланта» («Дневник Пушкина», под ред. Б. Л. Модзалевского, П. 1923, стр. 11 и «Сын Отеч.» 1847 г., июнь, отд. 3, стр. 11). Ничего выдающегося, однако, Розен не создал и вскоре был забыт, пережив многих из своих друзей и знакомых вместе с небольшой известностью, которой он пользовался в 1830-х годах. Биографию его см. в «Русском Биографическом Словаре», т. Рейтерн—Рольцберг, С.-Пб. 1913, стр. 399—403, и автобиографию — в книге бар. А. Е. Розена: «Очерк фамильной истории рода баронов фон-Розен», С.-Пб. 1876, стр. 77—80. Некоторые из отдельных изданий его сочинений находились в библиотеке Пушкина с посвятительными надписями (см. Б. Л. Модзалевский, «Библиотека Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 85—86, №№ 315—318). Об отношениях Пушкина и Розена см. в примечаниях Б. Л. Модзалевского к «Дневнику» Пушкина, П. 1923, стр. 120—121, и в московском издании «Дневника», 1923, стр. 339—344, а также в живых и интересных воспоминаниях Розена о Пушкине и Гоголе: «Ссылка на мертвых» в «Сыне Отеч.» 1847 г., № 6, отд. 3, стр. 3—40, и в статье Н. О. Лернера «Пушкин и «царские собаки» в его книге «Рассказы о Пушкине», Л. 1929, стр. 198—203.

— Пир во время чумы — «Пир во время чумы (из Вильсоновой трагедии: The city of the plague)», трагедия Пушкина, напечатанная впервые в альманахе бар. Е. Ф. Розена «Альциона на 1832 год», стр. 19—32 (цензурн. разреш. 20 ноября 1831 г.), куда Пушкин дал еще двустишие «На перевод Илиады» (стр. 79). Трагедия «Пир во время чумы» создана была Пушкиным еще в Болдине 6 ноября 1830 г.; рукопись ее, принадлежавшая бар. Розену и находившаяся потом в частных руках у артиста А. И. Чарина (Галкина), до сих пор полностью неизвестна (см. «Раннее утро» 21 января 1910 г., № 16, и заметку Л. Б. Модзалевского «Исчезнувшая рукопись Пушкина» в «Звеньях», кн. 3—4, стр. 167—172). О трагедии Пушкина см. в работах: Д. Дарского, «Маленькие трагедии Пушкина», М. 1915, стр. 65—72; К. К. Арсеньева в изд. Сочинений Пушкина, под ред. С. А. Венгерова, т. III, стр. 166—168, и в новейшем исследовании Н. В. Яковлева «Об источниках «Пира во время чумы» (Материалы и наблюдения)» в «Пушкинском сборнике памяти С. А. Венгерова», II. 1923, стр. 93 —

№ 468 170, здесь же и о Джоне Вильсоне). 19 июля 1831 г. Розен писал С. П. Шевыреву: «Альциона выйдет в первых числах декабря [вышла около 1 декабря]. Пушкин дал мне несколько прекрасных пьес и уверяет честию, что еще даст. Мы с ним довольно сблизились. Его лестные обо мне отзывы сторицею воздают мне за несправедливость некоторых критиков, задетых эпиграмматическою стрелою или пораженных в честной критике» («Русск. Арх.» 1878 г., кн. II, стр. 47). Ср. еще в письме Розена к Пушкину от 27 июня 1831 г., в котором Розен, отвечая на недошедшее письмо Пушкина, благодарил его за обещание дать ему свои стихи; «оставьте их у себя до удобного случая» — прибавляет он (Переписка Пушкина, т. II, стр. 260 — 262, где и стихи Розена на рождение Пушкина). Как было указано выше (стр. 425), Пушкин дал в «Альциону» только два своих произведения, причем одно из них послал при комментируемом письме; а «несколько стихотворений» Пушкина, о которых говорит Розен как о данных уже ему, Пушкин только обещал дать и не дал, по правильному предположению М. А. Цявловского, из нежелания «обесценить» альманах «Северные Цветы на 1832 год» (см. подробнее в статье М. А. Цявловского в ж. «Культура театра» 1921 г., № 5, стр. 32).

— à effet, — т. е. рассчитанной на эффект.

— О предприятии Пушкина по изданию III тома своих стихотворений — см. в примечаниях к письму № 469, стр. 427. «Альциона» вышла раньше 3-й части Стихотворений Пушкина, появившейся только в последних числах марта 1832 г. (см. Н. Синявский и М. Цявловский, «Пушкин в печати», М. 1914, стр. 113).

— Предисловие к «Борису Годунову» написано было Розеном для его перевода «комедии» Пушкина; над ним он работал летом 1831 г. «Приготовляю все нужное для перевода Бориса, и как скоро можно будет, приеду к вам» — писал он Пушкину 27 июня (Переписка Пушкина, т. II, стр. 261), а С. П. Шевыреву сообщал 19 июля: «За отсутствием лучших критиков, я написал рецензию Годунова, которая будет напечатана в Литературной Газете, издаваемой Сомовым. Кроме того, я еще перевел его на немецкий язык, с рукописи автора и заслужил его восторженную благодарность и хвалу Жуковского» («Русск. Арх.» 1878 г., кн. II, стр. 47); но ни рецензия, ни перевод «Бориса Годунова» тогда в печати не появились; перевод, может быть, не был закончен (об этом см. выше, стр. 151, в примечаниях к письму № 396). Только в дерптском журнале «Dorpater Jahrbücher» («Дерптский Ежегодник литературы, статистики и искусства, в особенности России», 1833 г., № 1, стр. 43—59) была напечатана на немецком языке статья Розена, «довольно строгая рецензия», по его выражению («Сын Отеч.» 1847, июнь, отд. 3, стр. 10), о «Борисе Годунове», которая должна была служить введением к его переводу трагедии Пушкина; а позднее она была переведена и напечатана А. Савицким в «Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду» 1834 г., № 2, стр. 12—15, и № 3, стр. 13—23; очевидно, этим введением Пушкин и интересовался.

— Второе отдельное издание «Бориса Годунова» не осуществилось, и «Борис Годунов» при жизни Пушкина перепечатан не был.

— Предисловие Пушкина в виде дружеского письма к Е. Ф. Розену о «Борисе Годунове» написано не было. Ю. Г. Оксман и Б. В. Томашевский

допускали возможность считать за материалы к этому предисловию так называемое письмо к Н. Н. Раевскому (см. Письма Пушкина, т. II, стр. 29—33; «Путеводитель по Пушкину», М., 1931, стр. 313), но Н. В. Измайлов воздержался от такого сближения; см. «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Л. 1927, стр. 98—99. № 469

469. *А. Х. Бенкендорфу* [вторая половина октября 1831 г.] (стр. 52—53). Напечатано впервые С. С. Сухониным в изд. «Дела III Отделения собств. его имп. вел. Канцелярии о Пушкине», С.-Пб. 1906, стр. 123, с неверной датой «23 июля 1831 г.» (она в оригинале отсутствует). П. А. Ефремов включил в свое издание (А. С. Суворина), т. VII, стр. 442, это письмо с датой 19 октября, очевидно, по сопоставлению с ответом Бенкендорфа (см. ниже). П. О. Морозов в изд. «Просвещения» (т. VIII, стр. 264) повторил ошибочную дату Ефремова и только Акад. изд. Переписки Пушкина датировало письмо правильно: «серединою октября» (т. II, стр. 335—336; ср. Н. О. Лернер, «Труды и дни Пушкина», изд. 2, С.-Пб. 1910, стр. 246, и изд. Сочинений Пушкина под ред. С. А. Венгерова, т. VI, стр. 87—88). Мы придерживаемся даты Акад. изд. Переписки, но передвигаем письмо на вторую половину октября, так как оно писано, вероятно, между 15 и 19 октября. Подлинник на листе плотной почтовой бумаги большого формата с водяными знаками: J. Whatman 1829, в ИРЛИ (Пушкинском Доме) Академии Наук СССР, из собрания Пушкинского Лицейского Музея, куда поступил из архива III Отделения.

Бенкендорф 19 октября отвечал Пушкину: «На письмо ваше ко мне имею честь вас уведомить, что никакого не может быть препятствия к изданию особою книгою тех стихотворений ваших, которые уже были единожды напечатаны. Для меня всегда приятно быть с вами в сношениях по предмету ваших сочинений, и потому я прошу вас всякой раз, когда будете иметь в том надобность, обращаться ко мне со всею искренностию. Вместе с сим считаю неизлишним заметить вам, что сколь ни удостоверен государь император в чистоте ваших намерений и правил, но со всем тем однакоже мне неизвестно, чтобы его величество разрешил вам все ваши сочинения печатать под одною вашею ответственностью. Упоминаемое в письме вашем сообщение мое к вам 1829 года относилось к одной лишь трагедии вашей под названием Годунов, а потому вам надлежит по прежнему испрашивать всякий раз высочайшее его величества соизволение на напечатание ваших сочинений и есть ли вам угодно будет делать сие через посредство мое, то я готов всегда вам в сем случае содействовать» (Переписка Пушкина, т. II, стр. 336—337).

— К работе над изданием III части Стихотворений Пушкин приступил, повидимому, тотчас же после получения разрешения, но сдал рукопись в цензуру только в январе 1832 г.; ее рассматривал цензор В. Н. Семенов и 20 января пропустил в печать; книга набиралась в Типографии Департамента Народного Просвещения; вышла она из печати в последних числах марта 1832 г. (см. Н. Синявский и М. Цявловский, «Пушкин в печати», М. 1914, стр. 113—116, где дан и перечень помещенных в ней произведений Пушкина). В этом издании Пушкин впервые напечатал только стихотворения: «Каков я прежде был», «Узник» и «Сказку о царе

 Салтане» (ср. выше, стр. 400). Цензурная рукопись III части Стихотворений в подлинниках Пушкина и в копиях была в бумагах В. П. Гаевского, а ныне хранится в Пушкинском Доме.

— О том, что Николай I разрешил Пушкину в 1829 г. самому издавать свои сочинения, под его авторскою ответственностью, поэт вскоре пытался опять писать Бенкендорфу, 24 февраля 1832 г., в черновом письме (см. выше письмо № 495), но со ссылкой на разрешение 1828 г. Ссылаясь на это разрешение Пушкин ошибался, так как разрешение Николая I, как правильно отмечает Бенкендорф в письме Пушкину 19 октября, относилось только к «Борису Годунову» и было передано Пушкину в письме от 28 апреля 1830 г. (Переписка Пушкина, т. II, стр. 414, М. К. Лемке, «Николаевские жандармы...», С.-Пб. 1909, стр. 507, и «Дела III Отделения... о Пушкине», стр. 96; ср. помету на письме Пушкина, сделанную А. Н. Мордвиновым).

— Письмо Погодина к А. X. Бенкендорфу нам неизвестно; оно было отправлено Погодиным Пушкину еще 29 сентября, о чем Погодин записал в своем дневнике: «Писал письмо к Бенкендорфу о Марфе и отправил к Пушкину — лучше бы кажется прямо». 28 сентября Погодин сам приехал в Петербург — хлопотать о разрешении выпустить в свет свои трагедии «Марфа Посадница» и «Петр». Пушкин принимал в этих хлопотах деятельное участие («Пушкин и его соврем.», вып. XXIII—XXIV, стр. 116 и 117, и выше, стр. 321 и 372—373).

470. *С. С. Уварову* 21 октября 1831 г. (стр. 53). Напечатано впервые в «Отчете Имп. Публ. Библиотеки за 1881 г.», стр. 78—79, а затем вошло в последующие издания Сочинений Пушкина и в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 338. Подлинник — на листе почтовой бумаги большого формата, с водяными знаками: J. Whatman 1829, — в Публичной Библиотеке в Ленинграде; он сложен конвертом и запечатан облаткой (см. Л. Б. Модзалевский, «Рукописи Пушкина в собрании Госуд. Публ. Библиотеки в Ленинграде», Лгр. 1929, стр. 36 (№ 87). Снимок с автографа помещен в книге П. Н. Полевого: «История русской словесности», т. III, С.-Пб. 1900, стр. 149.

— Уваров — Сергей Семенович (род. 15 августа 1786, — ум. 4 сентября 1855), с 1818 г. президент Академии Наук, а с 21 марта 1833 г. — управляющий Министерством Народного Просвещения (с 1834 г. — министр народного просвещения); с 1 июля 1846 г. — граф (о нем и об его отношениях с Пушкиным см. в примечаниях к «Дневнику» Пушкина, П. 1923, стр. 145—147 и к московскому изданию «Дневника», 1923, стр. 358—362 и 538; в статье Л. К. Ильинского в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. XXXVIII — XXXIX, стр. 209 — 212, а также в Соч. Пушкина, под ред. С. А. Венгерова, т. VI, стр. 480—484 в обширном и ценном примечании Н. О. Лернера к стихотворению Пушкина «На выздоровление Лукулла»).

— Князь Дундуков — князь Михаил Александрович Дондуков - Корсаков (род. в 1794—ум. 29 августа 1869), брат лицейского товарища Пушкина Н. А. Корсакова. В это время он с 1826 г. числился по Министерству внутренних дел и служил по выборам гдовским уездным предводителем дворянства и совестным судьею. Биографию его см. в «Русском

Биографическом Словаре», т. Дабелов—Дядьковский, С.-Пб. 1905, стр. 591— № 470
592. Об отношениях Пушкина и Дондукова-Корсакова см. в примечаниях Б. Л. Модзалевского к «Дневнику Пушкина», П. 1923, стр. 26 и 244—245, и М. Н. Сперанского к московскому изданию «Дневника», 1923, стр. 539, а также в работе Л. К. Ильинского «Из мелочей Пушкинского комментария. Эпиграмма «В Академии Наук» — в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. XXXVIII — XXXIX, памяти Б. Л. Модзалевского, стр. 205—212 и в статье Н. Ф. Лаврова к письму Пушкина к Дондукову-Корсакову в «Литературном Наследстве», № 16—18, стр. 547—550.

— Стихи Пушкина — «Клеветникам России» (о них см. выше, стр. 410—411, и о переводах их, стр. 418—419). С. С. Уваров через кн. М. А. Дондукова-Корсакова препроводил свой французский перевод этой оды Пушкину 8 октября из Москвы при следующем письме: «Инвалид, давно забывший путь к Парнассу, но восхищенный прекрасными, истинно *народными* стихами вашими, *попробовал на деле* сделать им подражание на французском языке. Он не скрывал от себя всю опасность борьбы с вами, но вами вдохновенный, хотел еще раз, вероятно в последний, *завинтить свой Европейский* штык. Примите благосклонно сей опыт и сообщите оной В. А. Жуковскому. Уваров» (Переписка Пушкина, т. II, стр. 333). Но самый перевод-подражение Уварова под заглавием: «Aux détracteurs de la Russie. Imitation libre de Pouchkin», напечатан был впервые П. Е. Щеголевым только в недавнее время в его книге «Из жизни и творчества Пушкина», Лгр. 1931, стр. 354—356. Приложенный же к письму Уварова перевод, опубликованный в книге В. Я. Брюсова «Письма Пушкина и к Пушкину», М. 1903, стр. 100—102, а затем перепечатанный в Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 333—335, как доказал П. Е. Щеголев, не принадлежит Уварову (см. в указ. книге Щеголева, стр. 352—353, и выше, стр. 419). Перевод Уварова оды Пушкина написан был еще в конце сентября, что видно из письма А. Я. Булгакова брату из Москвы от 29 сентября: «Сергей Уваров читал прекрасно им сделанный на французский язык перевод Пушкина стихов «Клеветникам России». Я не могу насытиться чтением прекрасного этого произведения: и стихи и чувства прекрасные. Пушкин никогда не любил Ляхов...» («Русск. Арх.» 1902 г., кн. I, стр. 93, ср. на стр. 107 о присылке Уваровым своего перевода А. Я. Булгакову, ср. также «Русск. Арх.» 1903 г., кн. III, стр. 580). 8 октября, одновременно с письмом к Пушкину, Уваров послал свой перевод и А. Х. Бенкендорфу при следующем письме (даем его французский текст, так как у П. Е. Щеголева дан только перевод, стр. 353—354):

«Les beaux vers de Pouchkin intitulés: «Aux détracteurs de la Russie» m'ont fait naitre de désir de les traduire ou plutôt de les imiter en francais; c'était de seul moyen de les faire parvenir à leur adresse. Sans attacher aucune importance à cet essai j'ai l'honneur de Vous l'envoyer ci-joint, mon cher Général, en vous reservant de juger si cette imitation mérite le bonheur d'être mise sous les yeux de Sa Majesté. Je n'ai pas pris sur moi de livrer ces vers à l'impression, ne sachant pas si la publication d'une pièce aussi véhémente convenait à notre cabinet; des gens qui crient: *Mort aux russes!* dans les rues de Paris, ne méritent pas beaucoup d'égards, il est

№ 470—471 vrai; mais quoique la pièce originale fut imprimée, j'ai jugé à propos de laisser jusqu'à nouvel ordre la traduction en manuscrit.

Agréez, mon cher Général, l'assurance de ma haute considération et de mon sincère attachement.

Ouvaroff.

Moscou
ce 8 Octobre
1831
A. S. E. Mr le G-al
de Benckendorff, etc. etc.

На письме имеется резолюция Бенкендорфа карандашом: «Je lui ai répondu; qu'il peut rester ici, mais *non* imprimer» (Секр. арх. III Отделения, № 502). В своем переводе-подражании Уваров зашел слишком далеко в обвинении поляков и высказал мысль, совершенно чуждую Пушкину, о том, что «для торжества одного из народов нужно, чтобы погиб другой». «Не приходится удивляться, — говорит П. Е. Щеголев, — тону легкой и злой иронии, которую не в силах сдержать Пушкин в ответе Уварову. Конечно, Пушкин мог быть только неприятно поражен теми результатами, к которым привело Уварова логическое развитие мыслей, прокламированных в оде «Клеветникам России» (Щеголев, op. cit., стр. 356). Перевод Уварова в силу резолюции Бенкендорфа не был напечатан и таким образом, — пишет Щеголев, — «политика Уварова не дошла до „Клеветников России"» (там же, стр. 357). О переводе Уварова Пушкин вспомнил в 1836 г., когда 10 ноября писал кн. Н. Б. Голицыну в связи с присланным им Пушкину своим переводом «Клеветникам России»: «Я видел уже три перевода, из которых один принадлежит лицу высокопоставленному *из моих друзей*, но все не стоят вашего» (Переписка Пушкина, т. III, стр. 406, ср. «Сын Отеч.» 1840 г., т. I, кн. 4, стр. 917). В 1831 г. в Петербурге была издана анонимная брошюра под заглавием: «Aufstand (Der Polen) und Warschau's Fall» 1831. In drei Gedichten von A. Puschkin, W. Shukowski und Chomijakow, St. Petersburg 1831, 4°» (см. В. И. Межов, «Puschkiniana», С.-Пб. 1886, стр. 205, № 3214). Брошюру эту нам не удалось разыскать. Можно предполагать, что она принадлежит перу переводчика А. Е. Вульферта (о нем см. в т. I, стр. 291). Последний в ноябре 1831 г. подносил экземпляр стихотворений Жуковского и Пушкина в своем переводе императрице Александре Федоровне, за что ему было «изъявлено высочайшее благоволение» (из дела Комитета Правления Академии Наук 1831 г., № 39, в Архиве Академии Наук, фонд 4). О другом немецком переводе оды «Клеветникам России», принадлежащем перу Friedrich'a Arnold'a Steinmann'a, см. в «Архиве бр. Тургеневых», вып. VI, стр. 100 и 456—458. Не копия ли этого перевода сохранилась в архиве бр. Тургеневых (см. «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Лгр. 1927, стр. 132)?

471. *П. В. Нащокину.* 22 октября [1831 г.] (стр. 54). Напечатано впервые в отрывке в «Москвитянине» 1851 г., кн. I, № 23, стр. 462, и у П. В. Анненкова в «Материалах», С.-Пб. 1855, стр. 321—322; полностью издано П. И. Бартеневым в его сб. «Девятнадцатый Век», кн. I, М. 1872, стр. 392, с пропуском даты и указанием только штемпеля на конверте: «24 октября» отчего письмо под последней датой и печаталось в изданиях сочинений

Пушкина; дата исправлена только в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 338—339. Подлинник на листе почтовой бумаги большого формата, с водяными знаками: J. Whatman 1829, — был в Остафьевском архиве гр. С. Д. Шереметева, теперь в Центрархиве в Москве. Письмо сложено конвертом и запечатано плохо разборчивою вензелевою печатью (АР?). № 471

— О приезде Пушкина в Петербург и о перемене квартиры см. выше, стр. 422 и 424. 28 октября Погодин записал в дневнике: «Он только что переехал и разбирается» («Пушкин и его соврем.», вып. XXIII—XXIV, стр. 118).

— Брискорн — вдова сенатора Федора Максимовича Брискорна — Ольга Константиновна, бывшая в первом браке за Струковым (о ней и о семье Брискорн см. Н. И. Греч, «Записки о моей жизни», С.-Пб. 1886, по указателю, и новое издание, под ред. Р. В. Иванова-Разумника и Д. М. Пинеса, изд. «Academia», Лгр. 1930, по указателю. О ее доме см. у А. Яцевича, «Пушкинский Петербург», вып. 2, Лгр. 1931, стр. 13—16).

— О Жемчужникове и о расчетах с ним см. выше, стр. 420—421 и ниже, стр. 444 и 446.

— Предположение Пушкина о поездке в Москву вскоре осуществилось (см. ниже, стр. 443).

— О бриллиантах Н. Н. Пушкиной см. ниже, стр. 446.

— Семен Федорович — Душин (род. 1792, ум. 12 сентября 1842), был в течение двадцати лет управляющим Н. И. Гончаровой в ее имении Ярополец (см. статью М. А. Цявловского «Пушкин и Н. И. Гончарова» в сб. «Ярополец», М. 1930, стр. 11—12).

— «Дедушка» — Афанасий Николаевич Гончаров. О деньгах, которые Пушкин дал ему в долг под приданое Н. Н. Гончаровой перед женитьбой на ней, см. выше, стр. 12, 216, 253—254 и 310.

— «Нат. Ник. брюхата» — Пушкин употреблял это слово, определяющее беременность женщины, вполне сознательно. П. А. Плетнев вспомнил впоследствии, что «Пушкин бесился, слыша, если кто про женщину скажет: «она тяжела», или даже «беременна», а не *брюхата* — слово, самое точное и на чистом русском языке обыкновенно употребляемое. Пушкин тоже терпеть не мог, когда про доктора говорили: «он у нас пользует», — надобно просто: «*лечит*» (см. «Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым», т. III, стр. 400). Почти в это же время, 23 октября, О. С. Павлищева писала мужу: «Моя кузина брюхата, но пока это еще не заметно; она прекрасна и любезна» («Пушкин и его соврем.», вып. XV, стр. 101). Говоря, что Н. Н. Пушкина «в мае родит», Пушкин не ошибся: действительно, его старшая дочь Мария Александровна родилась 19 мая 1832 г. (о ней см. ниже, стр. 501).

— «Обо всем надо подумать» — этой фразой Пушкин отмечает новые обязательства, которые налагались на него семейной жизнью. Видевший его 20 октября М. П. Погодин записал в дневнике, что «Пушкин что-то очень расстроен» («Пушкин и его соврем.», вып. XXII—XXIII, стр. 117).

— О пребывании Николая I в Москве и о торжествах и балах по этому случаю см. выше, стр. 423, и ниже, стр. 446. И. В. Киреевский писал из Москвы С. П. Шевыреву 26 октября: «Ты верно уже знаешь, что здесь в Москве император и императрица. Говорят они останутся здесь недель шесть, а может и больше. Теперь в Москве только и слышишь, что балы,

№ 471—472 праздники, ура и т. п. Народ толпится вокруг дворца и с утра до вечера кремль полон» («Голос Минувшего» 1914 г., № 7, стр. 222).

— «Жду Вяз.» — кн. П. А. Вяземский был в это время в Москве, откуда А. И. Тургенев писал Пушкину 29 октября, что он 28-го числа провел вечер у Вяземского и Дмитриева с Жуковским: «Мы вспоминали о тебе, милый сверчок-Поэт, а Жуковский и о твоем издании в пользу семейства незабвенного Дельвига» (Переписка Пушкина, т. II, стр. 340).

— О журнале Пушкина см. выше, стр. 389, 398.

— «Северные Цветы на 1832 год» — см. выше, стр. 342—344 и 404—405.

— Братья Дельвига — Александр и Иван Антоновичи (о них см. выше, стр. 195).

— «Повести мои напечатаны» — «Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А. П.» были отпечатаны 22 октября, а 24 октября вышли в свет, согласно выданному цензором Н. Бутырским разрешению (см. Л. Б. Модзалевский, «Новые материалы об изданиях Пушкина», в «Звеньях», № 2, стр. 242—243; ср. Н. Синявский и М. Цявловский, «Пушкин в печати», М. 1914, стр. 107—108). О «Повестях Белкина» см. следующие работы: А. С. Долинина (Искоза) в собрании сочинений Пушкина, под ред. С. А. Венгерова, т. IV, стр. 184—200; Н. И. Черняева — в его «Критических статьях и заметках о Пушкине», Харьков 1900, стр. 92—143, 233—326, 509—591; статью Д. П. Якубовича: «Реминисценции из Вальтер-Скотта в «Повестях Белкина» в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. XXXVII, стр. 100—118; Б. В. Варнеке, «Построение повестей Белкина» — там же, вып. XXXVIII—XXXIX, стр. 162—168; Д. П. Якубовича, «Предисловие к повестям Белкина и повествовательные приемы Вальтер-Скотта» — в сб. «Пушкин в мировой литературе», Лгр. 1926, стр. 160—187; Ю. О[ксмана] в Сочинениях Пушкина, изд. «Красной Нивы», вып. 12, стр. 282—283, «Пушкин и его соврем.», вып. VI, стр. 143; вып. VIII, стр. 18; вып. XIX—XX, стр. 159—160; вып. XXI—XXII, стр. 371; вып. XXIII—XXIV, стр. 112, 117—118; вып. XXXI—XXXII, стр. 130, 133—135; «Татевский сборник С. А. Рачинского», С.-Пб. 1899, стр. 23—26, 27; «Вестн. Европы» 1897 г., № 12, стр. 603; «Историч. Вестн.» 1883 г., № 12, стр. 533; «Голос Минувшего» 1914 г., № 7, стр. 222; «Литературно-библиологический сборник» Русского Библиологич. Общ-ва, под ред. Л. К. Ильинского, П. 1918, стр. 65—66; «Русск. Стар.» 1903 г., кн. III, стр. 531, и др.

472. *П. И. Миллеру* [20-е числа октября — начало ноября 1831 г.] (стр. 54). Напечатано впервые П. И. Бартеневым в «Русск. Арх.» 1902 г., кн. III, стр. 235, а затем в последующих изданиях Сочинений Пушкина и в Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 335, где письмо датировано первой половиной октября. Мы датируем по сопоставлению с выходом «Повестей Белкина» (см. выше). Подлинник неизвестно где находится.

В своих воспоминаниях о Пушкине П. И. Миллер (о нем см. выше, стр. 383—385) пишет: «Вскоре по выходе повестей Белкина, я на минуту зашел к Александру Сергеевичу; они лежали у него на столе. Я и не знал, что они вышли, и еще менее подозревал, что автор их — он сам. — «Какие это повести? И кто этот Белкин?» спросил я, заглядывая в книгу. — «Кто бы он там ни был, а писать повести надо вот этак: просто, коротко

и ясно». Далее я не хотел расспрашивать. На другой или на третий день дошел до нас из Петербурга слух, что вышли повести Пушкина под этим именем. Я вспомнил, что видел их у него на столе, и написал к нему записку, в которой, называя его Иваном Петровичем, просил прислать мне эти повести. Он отвечал [далее следует текст записки Пушкина]· Дней через пять он действительно прислал мне один экземпляр» («Русск. Арх.» 1902 г., кн. III, стр. 234—235). По содержанию рассказа П. И. Миллера ясно, что он говорит о Пушкине, как еще живущем в Царском Селе, однако повести Белкина вышли уже во время пребывания его в Петербурге, и видеть их Миллер мог у Пушкина на столе только в Петербурге. Здесь, очевидно, в чем-то память изменила Миллеру.

473. *Е. М. Хитрово* [октябрь — ноябрь 1831 г.] (стр. 54). Напечатано впервые в изд. Пушкинского Дома «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Лгр. 1927, стр. 30 и 134, и в собрание писем Пушкина включается первый раз. Подлинник на листе почтовой бумаги обыкновенного формата, без водяных знаков, — в ИРЛИ (Пушкинском Доме) Академии Наук СССР; половина второго полулиста (без текста) оторвана. Письмо датируется предположительно, по упоминаниям о читавшихся Пушкиным, через посредство Е. М. Хитрово, французских романах. Роман Бюра-де-Гюржи, «La Primadonna et le Garçon boucher» («Примадонна и подручный-мясник»), вышел в свет в начале мая, а роман Жюля Жанона, «Barnave» («Барнав»), — в сентябре (до 17-го) 1831 г. Таким образом, Пушкин мог их читать не раньше осени этого года, когда, с половины октября до начала декабря, он жил в Петербурге. 3 декабря Пушкин уехал в Москву и выехал оттуда обратно 24 декабря. Гораздо менее вероятно, чтобы он читал эти романы после поездки, зимою 1831 — 1832 гг.

Перевод: «Большое спасибо за Garçon boucher. В нем есть подлинный талант. Но Barnave, Barnave... Посылаю Манцони, который принадлежит графу Литте. Не откажите его возвратить и не обращайте внимания на мои пророчества».

— О романе «La Primadonna et le Garçon boucher», принадлежащем перу Эдмона Бюра-де-Гюржи (Edmond Burat de Gurgy, род. ок. 1810 — ум. в первых числах марта 1840), см. подробно в статье Б. В. Томашевского в изд. «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Л. 1927, стр. 223—240 (ср. «Известия ЦИК, 26 апреля 1935, № 90 в заметке «Редкая книга»).

— «Barnave» — роман Жюля Жанена (Jules Janin, род. 1804 — ум. 1874), о нем см. в указанной статье Б. В. Томашевского, стр. 240—243. Ср. заметку Н. К. Козмина «Письмо неизвестного к Леве-Веймару. Из франко-русских отношений тридцатых годов прошлого века» в «Сборнике статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова», Л. 1934, стр. 487—488.

— Манцони — Alessandro Manzoni (род. 1785 — ум. 1873), один из крупных итальянских поэтов, автор нашумевшего в свое время романа «I Promessi sposi» («Обрученные»). Говоря о Манцони, Пушкин, вероятно, имел в виду именно этот роман, с которым он хотел познакомиться в италь-

 янском оригинале, так как читал его во французском переводе (см. «Пушкин и его соврем.», вып. V, стр. 156; А. П. Керн «Воспоминания», под ред. Ю. Н. Верховского, Лгр. 1929, стр. 346 и подробно в указанной выше статье Б. В. Томашевского, стр. 250—251).

— Литта — граф Юлий Помпеевич (род. 1/13 апреля 1763 — ум. 24 января 1839), старший обер-камергер высочайшего двора, член Государственного Совета и председатель Комиссии для постройки Исаакиевского собора. Позднее, после назначения Пушкина камер-юнкером, последний был подчинен Литте по придворной службе. О Литте см. подробные биографические сведения у Б. Л. Модзалевского в примечаниях к «Дневнику Пушкина», П. 1923, стр. 159—160, в примечаниях В. Ф. Саводника в московском издании «Дневника», М. 1923, стр. 415—416, и в примечании М. Д. Беляева в изд. «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Лгр. 1927, стр. 134—135 и 251. М. Д. Беляев предполагает, что Пушкин упоминает в данном случае не Ю. П. Литту, а его побочного сына, известного под фамилией-анаграммой Аттил, через которого Пушкин мог получить роман Манцони (см. там же, стр. 135 и 251, примеч.).

— О каких своих пророчествах говорит Пушкин — неизвестно.

474. *Н. М. Языкову* [18 ноября 1831 г.] (стр. 55). Впервые напечатано Д. Н. Садовниковым в «Историч. Вестн.» 1884 г., № 5, стр. 326—327, а затем в изданиях Сочинений Пушкина и в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 343. Подлинник на полулисте почтовой бумаги большого формата, без водяных знаков, — в ИРЛИ (Пушкинском Доме) Академии Наук СССР (дар М. Д. Беляева). Датируется письмо согласно помете на нем Н. М. Языкова.

— О Николае Михайловиче Языкове см. в тт. I и II Писем Пушкина, по указателю, а также в новейшем исследовании М. К. Азадовского «Н. М. Языков» в полном собрании стихотворений Н. М. Языкова, изд. «Academia», 1934, стр. 12—78.

— Пушкин в начале письма благодарит Н. М. Языкова за письмо, не сохранившееся до нас, а также И. В. Киреевского за письмо, отправленное последним к Пушкину еще в Царское Село в конце сентября (почтовый штемпель: 28 октября), но за ненахождением там Пушкина пересланное ему в Петербург (см. «Русск. Арх.» 1896 г., кн. II, стр. 575). Письмо это касается издания журнала «Европеец» и служит пояснением к комментируемому письму Пушкина; приводим его текст: «Вчера получил я разрешение издавать с будущего 1832 года журнал и спешу рекомендовать вам его, как рекрута, который горит нетерпением служить и воевать под вашим предводительством; как девушку, еще невинную, которая хочет принадлежать вам душой и телом; как духовную особу, которая просит утвердить ее в чине пастыря над стадом словесных животных, и наконец, рекомендую вам журнал мой, как *Европейца*, потому что его так зовут. Я назвал его так не от того, разумеется, чтобы надеялся сделать его Европейским по достоинству (я не знаю еще, сколько могу надеяться на ваше участие), но потому, что предполагаю наполнить его статьями, относящимися больше до Европы вообще, чем до России. Однако, если когда нибудь Феофилакт Косичкин захочет сделать честь моему журналу: высечь в нем Булгарина, то разумеется в этом случае

Булгарин будет Европа в полном смысле слова. — Журнал мой будет состоять из пяти отделений: 1) Науки, где главное место займет философия; 2) Изящная словесность; 3) Биографии знаменитых современников; 4) Разборы иностранных и русских книг, критика и пр.; 5) Смесь. Каждый месяц будут выходить две книжки. Первая явится к нам около 1-го Генваря. — Так как ваши друзья должны смотреть на мой журнал как на им принадлежащий, то прошу вас сказать мне, куда доставить его Катенину, и как вообще его адрес» (Переписка Пушкина, т. II· стр. 341—342). № 474

— Пушкин благодарит за присланные стихи одного Языкова, который очевидно, при недошедшем до нас письме послал их для «Северных Цветов» (об участии его в этом альманахе см. выше, стр. 423). 4 ноября М. П. Погодин записал в своем дневнике: «[был] у Пушкина, который получил при мне письмо о новом журнале Киреевского и стихи Языкова» («Пушкин и его соврем.», вып. XXII—XXIII, стр. 118).

— Об Иване Васильевиче Киреевском см. выше, стр. 423 и ниже, стр. 456—458, в примечаниях к письму № 483.

— Европеец — журнал «наук и словесности, издаваемый Иваном Киреевским» в сотрудничестве с Е. А. Боратынским и Н. М. Языковым. Слух об издании этого журнала дошел до Пушкина через В. А. Жуковского еще в начале октября (см. выше, стр. 423). В сентябре И. В. Киреевский вошел в Московский Цензурный Комитет с прошением об исходатайствовании ему дозволения издавать с будущего 1832 года журнал под этим заглавием, и в заседании Главного Управления Цензуры 13 октября 1831 г. Киреевскому было дано это разрешение (Н. П. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. III, стр. 367, и «Старина и Новизна», кн. II, стр. 230). Предприятие Киреевского встретило большое сочувствие в среде писателей-«аристократов», надеявшихся, сгруппировавшись вокруг нового журнала, уничтожить журнальную монополию, бывшую в руках Булгарина и Греча. М. П. Погодин писал С. П. Шевыреву 21 декабря: «Киреевский издает Европейца. Все аристократы у него: журналов на 3000 р. почти. Книжки по 10 листов. Вот брат как выезжают на наших опытах. Я рад его журналу: это возбудит его деятельность» («Русск. Арх.» 1882 г., кн. III стр. 191; ср. Н. П. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. III, стр. 368), а Е. А. Боратынский в письме к Н. М. Языкову говорит: «Киреевский принимается за журнал. Весть эта меня очень обрадовала. Будем помогать ему всеми силами: дело непременно пойдет на лад» («Литературно-библиологический сборник» Русского Библиологич. Общества, под ред. А. К. Ильинского, П. 1918, стр. 68, и «Историко-литературный сборник в честь В. И. Срезневского», Лгр. 1924, стр. 13). Цель журнала, по словам Киреевского, изложенная им в письме к С. П. Шевыреву 26 октября, должна была «состоять в том, чтобы, выписывая *почти все* иностранные литературные журналы, выбирать из них самое интересное и таким образом сблизить нашу литературу с заграничною. Русская словесность войдет в журнал не много, т. е. только лучшее. Помогать мне, кроме моего семейства, обещают Баратынский и Языков. Вяземский также обещает печатать у меня все, что напишется. *Может быть* Пушкин и вероятно Жуковский» («Голос Минувшего» 1914 г., № 7, стр. 222, публикация

№ 474 Ю. М. Соколова). «Русская литература, — писал он же В. А. Жуковскому, — вошла бы в него только как дополнение к Европейской, и с каким наслаждением мог бы я говорить о вас, о Пушкине, о Боратынском, о Вяземском, о Крылове, о Карамзине, на страницах, не запачканных именем Булгарина, перед публикой, которая покупает журнал не для модных картинок, имея в памяти только тех читателей, которые думают и чувствуют не на слово, которых участие возвышает деятельность, и забыв, что есть на свете другие... Когда то хотел издавать журнал Пушкин; если он решится нынешний год, то разумеется *мой* будет уже лишний...» («Русск. Арх.» 1909 г., кн. I, стр. 592). «Что такое «Европеец»? — недоумевал М. П. Розберг в письме к В. Г. Теплякову 10 ноября из Одессы. — Это, мне кажется, слишком заносчивое название. Зная Киреевского и его преувеличенные мнения при всем уме, я думаю, что в этом журнале хвалы приятелям и хулы всем прочим будут беспредельные. Несмотря на все сие, журнал, по издателю, обещает много хорошего» («Русск. Стар.» 1896 г. № 4, стр. 194, публикация А. Ф. Шидловского). Название журнала вызывало сомнения и у ближайших друзей Киреевского; так Е. А. Боратынский писал ему 8 октября: «Я уже отвечал тебе о журнале. Принимайся с богом за дело. Что касается до названия, мне кажется всего бы лучше выбрать такое, которое ровно ничего не значило и не показывало бы никаких претензий. *Европеец*, вовсе не понятый публикой, будет понят журналистами в обидном смысле; а зачем вооружать их прежде времени? Нельзя ли назвать журнал «Северным Вестником» «Орионом» или своенравно, но вместе незначительно, вроде «Nain jaune», издаваемого при Людовике XVIII наполеонистами?» («Татевский сборник С. А. Рачинского», С.-Пб. 1899, стр. 21—22, а в другом письме Боратынский замечал: «Ежели уже получено позволение издавать журнал под фирмою *Европейца*, пусть он остается *Европейцем*. Не в имени дело» (ib., стр. 25). С января 1832 г. новый журнал стал выходить в свет, но уже первая его книжка, в которой напечатана была статья И. В. Киреевского «Девятнадцатый век», вызвала у правительства сомнения насчет благонадежности издателя (см. об этом в «Русск. Стар.» 1903 г., № 2, стр. 313—315, М. К. Лемке, «Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг.», С.-Пб. 1909, стр. 71—74, и письмо В. А. Жуковского Николаю I в «Русск. Арх.» 1896 г., кн. I, стр. 117—119). Отзывы о «Европейце» см. в Дневнике А. Н. Вульфа, под ред. П. Е. Щеголева, М. 1929, стр. 341—342; ср. Л. Н. Майков, «Пушкин , С.-Пб. 1899, стр. 1 0—181. После выхода второй книжки журнала он был запрещен 22 февраля 1832 г., и отпечатанные несколько листов третьей книжки так и остались не вышедшими; в настоящее время они представляют большую библиографическую редкость (о запрещении «Европейца» см. в книге В. Лясковского, «Братья Киреевские. Жизнь и труды их», С.-Пб. 1899, стр. 35—36, в труде И. М. Остроглазова «Книжные редкости» — в «Русск. Арх.» 1891 г., кн. III, стр. 92—93; ср. «Русск. Арх.» 1877 г., кн. II, стр. 493, примеч., в «Литературном Наследстве» № 16—18, стр. 543—547 и ниже, стр. 505—508, в примечаниях к письму № 502).

— Ф. Косичкин — псевдоним Пушкина (см. выше, стр. 423). Пушкин в «Европейце» не успел ничего напечатать; ср. ниже, стр. 458.

— Орлов — Александр Анфимович (род. в 1790 или 1791 — ум. в марте 1840), мелкий бездарный писатель первой половины XIX века, сохранивший известность только по журнальной полемике Пушкина-Косичкина. Орлов писал стихи, поэмы, нравственно-сатирические романы и повести, полемические статьи и печатал их в разных журналах; произведения эти вызвали у современников только насмешку, а у Ф. В. Булгарина и издевательство, на которые А. А. Орлов отвечал множеством мелких романов и повестей; в них фигурировали преимущественно герой Булгарина Иван Выжигин и его родственники (перечень этих романов см. ниже, стр. 464). Материалы для характеристики и биографии Орлова собраны С. А. Венгеровым и напечатаны в «Литерат. Вестн.», т. I, кн. III, 1901, С.-Пб. 1901, стр. 284—290, где указан список его сочинений, и А. В. Смирновым, там же, стр. 291—294; см. еще «Русск. Биографич. Словарь», т. Обезьянинов — Очкин С.-Пб. 1905, стр. 321; И. А. Шляпкин, «Из неизданных бумаг А. С. Пушкина», С.-Пб. 1903, стр. 154—158 (письмо А. А. Орлова И. И. Дмитриеву, сохранившееся в бумагах Пушкина, и перечень произведений Орлова), и в Полн. Собр. Соч. В. Г. Белинского, под ред. С. А. Венгерова. т. IV, С.-Пб. 1901, стр. 494—499; «Литературные прибавления к Русскому Инвалиду» 2 марта 1832 г., № 18, стр. 137—138, заметка, «Нечто о А. А. Орлове» и др. Письмо Орлова к Пушкину неизвестно, а ответ на него Пушкина см. выше, № 485 и примечания к нему, ниже, стр. 464—465. № 474

— Погодин — Михаил Петрович.

— Жуковский — В. А. Жуковский; вскоре же по возвращении в Петербург из Царского Села он ездил в Москву, сопровождая вел. кн Александра Николаевича на торжества; 28 октября он уже был в Москве, а выехал из нее с наследником обратно в Петербург 12 ноября (см. «Голос Минувшего» 1914 г., № 7, стр. 222; «Русск. Арх.» 1903 г., кн III, стр. 580; 1902 г., кн I, стр. 119—121, 139; «Молва», 1831 г., № 44, стр. 274, и № 46, стр. 308).

— Какие «утешительные» известия привез Жуковский, не знаем.

— Хомяков — Алексей Степанович (род. 1 мая 1804 — ум. 23 сентября 1860), сын Степана Александровича и Марии Алексеевны, рожд. Киреевской, один из крупных впоследствии представителей славянофильства, писатель, поэт, историк; в молодости служил в военной службе и, выйдя в отставку (1829), занялся сельским хозяйством в своих деревнях и с этого же времени посвятил себя учено-литературной деятельности (о нем см. в т. II Писем, стр. 189 и др.). Об отношениях его с Пушкиным см. в примечаниях Б. Л. Модзалевского к «Дневнику» Пушкина, П. 1923, стр. 118—120, в московском издании «Дневника», 1923, стр. 335—339. Биографию Хомякова, написанную А. М. Ловягиным, см. в «Русск. Биографическ. Словаре», т. Фабер — Цявловский, С.-Пб. 1901, стр. 397—411. В это время Хомяков только что приехал из деревни в Москву (см. «Русск. Стар.» 1898 г. № 11, стр. 317, примеч.).

— Самозванец — «Дмитрий Самозванец», трагедия А. С. Хомякова; закончена была в 1831 г.,[1] но дозволена к печати была только 20 апреля

[1] 21 декабря 1831 М. П. Погодин сообщал С. П. Шевыреву, что Хомяков пишет 4-е действие «Самозванца» («Русск. Арх.» 1882 г., кн. III, стр. 191).

№ 474 1832 г. и в начале 1833 г. была напечатана в Москве (см. перепечатку ее без цензурных пропусков в «Русск. Арх.» 1886 г., № 8, прилож., с заметкой об истории трагедии). Экземпляр ее сохранился в библиотеке Пушкина, но без надписи автора (см. Б. Л. Модзалевский, «Библиотека Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 113). В это время Пушкин знал уже трагедию Хомякова, а позже по выходе ее в свет сомневался в том, что Хомяков способен написать вообще хорошую трагедию (см. в «Дневнике Пушкина», под ред. Б. Л. Модзалевского, П. 1923, стр. 11 и 121, и московское издание «Дневника», 1923, стр. 336—337, а также «Русск. Стар.» 1904 г., № 5, стр. 472—473, в биографии Хомякова, написанной П. Матвеевым).

— Не будет уже студент — т. е. в нем не будет уже тех недостатков юношеской мечтательности и восторженности, какими был отмечен «Ермак» — юношеская трагедия Хомякова (ср. «Дневник Пушкина» московское издание, 1923, стр. 337).

— «Торопите Вяз.»— т. е. кн. П. А. Вяземского с присылкою материала для «Северных Цветов» (см. об этом выше, стр. 404—405 и 422). Письмо Пушкина к Языкову разошлось с письмом Вяземского Пушкину от 15 ноября, с которым Вяземский, наконец, послал свои «дары» для «Цветов» (см. Переписка Пушкина, т. II, стр. 342—343).

— Баратынский — Евгений Абрамович; о нем см. выше, стр. 344, где об его участии в «Северных Цветах».

— Тризна по Дельвиге — «Северные Цветы»; изданы были Пушкиным в пользу его семьи (см. выше, стр. 342—344).

— Хвостов — граф Дмитрий Иванович (о нем см. выше, стр. 366). 24 октября он, вдохновленный одой Пушкина «Клеветникам России», писал Пушкину следующее: «Не позстречая вас лично, по приезде вашем из Царского Села, я имею честь послать к вам мои стихи вскоре после творения вашего, *Клеветникам России,* сочиненные. Примите их от старика, близкого к могиле, в знак отличного уважения к дарованиям вашим.

Против крамол писал я много,
Изобличал безумцев строго. —

Но убедясь в печальной истине опытом, что развращенные сердца завистливых крамольников ожесточенны и слухи их не внемлют прелестей гармонии сынов Аполлона, я ограничиваюсь желанием, чтобы знаменитая лира ваша предпочтительно воспевала богатырей русских давнего и последнего времени. Верьте почтению и преданности с коими есмь и буду ваш, Милостивый Государь мой, покорный слуга Граф Хвостов» (Переписка Пушкина, т. II, стр. 339—340; ср. Е. Я. Колбасин, «Певец Кубры или Граф Д. И. Хвостов» — в журнале «Время» 1862 г., № 6, стр. 177, и И. А. Шляпкин, «Из неизданных бумаг Пушкина», С.-Пб. 1903, стр. 153). Послание Хвостова напечатано в Стихотворениях его, т. VII, С.-Пб. 1834 стр. 99—102 (и примеч. на стр. 261—262), и вошло в сборник В. В. Каллаша «Русские поэты о Пушкине», М. 1899, стр. 301—304; озаглавлено оно: «А. С. Пушкину, члену Российской Академии, 1831 года, при случае чтения стихов его о клеветниках России» (Пушкин членом Академии

выбран был только в 1832—1833 г.); цитируемое Пушкиным место из *№ 474—475* стихов Хвостова в печатном тексте читается иначе:

Я, сгорбяся, равняюсь злаку,
Но стал союзник Зодиаку,
Страшась Холеры стрел и пуль
Я пел в Петрополе *Июль.*

(См. об этом в примечании М. Н. Сперанского к «Дневнику Пушкина» М. 1923, стр. 550—551.)

— «Достойно отвечать» Хвостову Пушкин не собрался; Хвостов же 2 августа 1832 г. прислал Пушкину новые стихи, под заглавием: «Соловей в Таврическом Саду» (об этом см. ниже, стр. 515—516).

— Водолей, Рак и Козерог — знаки созвездия и зодиака.

475. *Ф. Н. Глинке.* 21 ноября [1831 г.] (стр. 55—56). Опубликовано впервые по сообщению К., в «Литерат. Вестн.» 1904 г., т. VII, кн. I, С.-Пб. 1904, стр. 3, с пропуском даты, по подлиннику, находившемуся в собрании Общества Любителей Древней Письменности и Искусства (под шифром FCCCLI № 6748; см. «Пушкин и его соврем.», вып. XXIX — XXX, стр. 85). Перепечатано было в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 344, вновь по подлиннику, с восстановлением даты (ср. статью Н. О. Лернера «Из отношений Пушкина и Ф. Н. Глинки» — в изд. «Пушкин и его соврем.» вып. VII, стр. 73—74); подлинник нам остался недоступен.

— Глинка, Федор Николаевич (о нем см. в тт. I и II Писем Пушкина, по указателю и в примечаниях к письму № 396, стр. 149—150, а также статью Н. К. Замкова «Пушкин и Ф. Н. Глинка» в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. XXIX—XXX, стр. 78 — 97; в изд. «Дневника Пушкина», под ред. Б. Л. Модзалевского, П. 1923, стр. 229—230, и в московском издании «Дневника», 1923, стр. 514—518; статью М. Л. Гофмана «Отзыв Пушкина о «Карелии» Ф. Н. Глинки (новые материалы к тексту Пушкина)» в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. XXIII—XXIV, стр. 9—20; ср. в примечаниях Н. К. Козмина к т. IX Акад. изд. Сочинений Пушкина, Лгр. 1930, ч. 2, стр. 907 — 908).

— На письмо Пушкина Глинка отвечал 28 ноября из Твери в следующих выражениях: «Весело было мне взглянуть на почерк руки вашей; спасибо сплетчикам за доставленное мне удовольствие читать строки ваши. Но я долго думал и не мог додуматься, из чего бы можно было вывести, что *яко-бы я на вас сердит?!..* Смею уверить, что я вас любил, люблю и (сколько за *будущее* ручаться можно) любить не перестану. Многие любят ваш талант, я любил и люблю в вас — всего вас [ср. в письме Глинки 1827 г. к А. А. Ивановскому в «Русск. Стар.» 1889 г., № 7, стр. 123]. В первый раз из письма вашего узнаю, что альманах составляется в *пользу или в память Дельвига,* милого, доброго Дельвига. О. М. Сомов писал мне неясно. Я однакож, еще до получения вашего письма, выслал Сомову одну в прозе и пять пиес в стихах. Теперь вам посылаю: три в стихах и одну (т. е. один лоскуток!) в прозе. Прозы у меня совсем нет! Проза Губернского Правления съела весь мой досуг. Из всех сих 10-ти пиес вы выберете пару, много две пары по вашему усмотрению, а прочие прошу покорно передать моему комиссионеру Актеру Сибирякову, который к вам явится. Еслиб я забыл вас, то мне напомнила бы о вас жена моя, кото-

 рая еще издавно поставила портрет ваш подле Шиллера и Гете. Она, будучи еще в девушках, перевела целый том Шиллера. Вчера я выдернул один листок из ея тетради и посылаю вам *Военную Песню* из Валл. Лагеря; да познакомит вас это с одною из почитательниц ваших — моею женою; а меня прошу (как говорят французы) положить к ногам вашей милой Супруги. Я много наслышался о ее красоте и любезности. И так и вы осемьянились. Да почиет благословление божие над вами и семейством вашим!» (Переписка Пушкина, т. II, стр. 347 — 348).

— О «Северных Цветах на 1832 год» см. выше, стр. 342—344 и 404—405.

— В «Северных Цветах» помещены следующие произведения Ф. Н. Глинки, в отделе Прозы: «Важный спор (Аллегория)» (стр. 246—252) и в отделе Поэзии: «Лесные войны (из поэмы: Дева Карельских лесов)» (стр. 94—97); «Отрывки из поэмы: Безымянные или дева Карельских лесов» (стр. 138—141); «Псалом 103-й» (стр. 158—163) и «Созерцание» (стр. 177). Как видим, Пушкин поместил не все присланные для альманаха пьесы.

— Баратынский — Евгений Абрамович. Об участии его в «Северных Цветах» см. выше, стр. 344.

— В словах Пушкина: «говорят, будто вы на меня сердиты, это не резон», сквозит, по словам Н. О. Лернера, «что-то вроде извинения» за эпиграмму Пушкина «Собрание насекомых», в которой Пушкин зарегистрировал Глинку «божией коровкой», намекая на его пиэтизм. Эпиграмма эта появилась в «Подснежнике» 1830 г., стр. 18, «и уж, конечно, не могла не дойти до Глинки, и он имел право сердиться на Пушкина. Но этим правом Глинка не воспользовался; он понимал настоящее отношение Пушкина к нему, выразившееся не в эпиграммах, а в послании к благородному «Аристиду», и не был подобен тем мелочным натурам, которые были способны мстить великому поэту за случайно сорвавшуюся с пера эпиграмму или за острое словцо... Ответ Глинки свидетельствует об его уме и доброте. Эти свойства вполне сказались в его слабых в эстетическом отношении, но теплых стихах на смерть поэта: «Воспоминание о пиитической жизни Пушкина» в «Библиотеке для Чтения» 1837 г., ч. XXI, стр. 85—91» («Пушкин и его соврем.», вып. VII, стр. 75—76, вып. XVI, стр. 23—24, вып. XXIX—XXX, стр. 88—89; ср. еще письмо Глинки к Пушкину от 28 июля 1831 г. в Переписке Пушкина, т. II, стр. 290—291, и «Пушкин и его соврем.», вып. XVI, стр. 105—106, и «Сборник Отд. Русск. яз. и слов. Акад. Наук», т. V, вып. 1, стр. 184).

476. *А. Х. Бенкендорфу*. 24 ноября [1831 г.] (стр. 56—57). Впервые напечатано П. А. Ефремовым, с подлинника, в Сочинениях, изд. А. С. Суворина, т. VII, 1903, стр. 445—447, и вошло в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 346—347. Подлинник — на листе почтовой бумаги большого формата, без водяных знаков, — в ИРЛИ (Пушкинском Доме) Академии Наук СССР (в собрании Пушкинского Лицейского Музея, куда поступил из архива III Отделения). Известно прекрасное воспроизведение этого письма Пушкина, изданное на бумаге «верже» в изд. «Пушкинская выставка 1924 г. в Пушкинском Доме при Российской Академии Наук. 20 воспроизведений с портретов и рукописей», воспроизведение 12-е.

Перевод: «Генерал, не будучи окончательно зачислен на службу и имея спешные дела, требующие моего пребывания в Москве, я принужден отлучиться на две или на три недели без всякого другого разрешения, кроме разрешения участкового пристава, о чем и считаю своим долгом предупредить Ваше Превосходительство. Пользуюсь этим случаем, чтобы поговорить с вами о чисто личном моем деле. Внимание, которое вы благоволили всегда мне выказывать, дает мне смелость передать вам всё подробно и с полным доверием. Приблизительно год тому назад одна из наших газет напечатала сатирическую статью, в которой говорилось о некоем писателе, претендующем на благородное происхождение, тогда как в действительности он не более как мещанин во дворянстве. Прибавляли, что его мать была мулатка, отец которой, бедный негритенок, был куплен одним матросом за бутылку рома. Хотя Петр Великий вовсе не походил на пьяного матроса, ясно, что имели в виду меня, ибо кроме меня нет в России писателя, имеющего среди своих предков негра. Так как упомянутая статья была напечатана в официальной газете, и неприличие довели до того, что в фельетоне, который должен бы быть лишь литературным, говорили о моей матери, и так как наши газетчики не дерутся на дуэли, я считал себя обязанным отвечать *анонимному* сатирику, что и сделал в стихах и очень резко. Я послал свой ответ покойному Дельвигу, прося напечатать его в журнале. Дельвиг советовал мне взять его обратно, указывая, что было бы смешно защищаться с пером в руках против нападок такого рода и афишировать аристократические чувства человеку, который, если хорошенько разобрать, не более, как дворянин во мещанстве, если не мещанин во дворянстве. Я послушался его совета, и на этом дело кончилось. Но по рукам ходило несколько копий этого ответа, что меня вовсе не огорчает, так как в нем нет ничего такого, от чего бы я хотел отказаться. Признаюсь, я дорожу тем, что называют предрассудками: я считаю себя таким же дворянином, как и всякий другой, хотя это и не приносит никаких выгод; я дорожу, наконец, именем своих предков, так как это единственное наследство, которое они мне оставили. Но так как мои стихи могут принять за косвенную сатиру на происхождение некоторых известных фамилий, не зная, что это лишь очень сдержанный ответ на вызов, достойный крайнего порицания, я счел своей обязанностью дать вам откровенное объяснение и приложить при сем сочинение, о котором идет речь. Примите, генерал, выражение моего высокого почтения. Вашего Превосходительства нижайший и покорнейший слуга Александр Пушкин». При письме приложен был текст «Моей родословной», опубликованный П. А. Ефремовым в Сочинениях Пушкина, изд. А. С. Суворина, т. VII, 1903, стр. 447—449 и полностью воспроизведенный в факсимильном издании кн. О. К. Романова, под заглавием: «Рукописи Пушкина», I, С.-Пб. 1911. № 476

Перевод пометы Николая I: «Вы можете сказать от меня Пушкину, что я совершенно согласен с мнением его покойного друга Дельвига: такие низкие и подлые оскорбления, которыми его угостили, обесчещивают не того, к кому они относятся, а того, кто их произносит. Единственное оружие против них есть — презрение; вот что я сделал бы на его месте. Что касается до этих стихов, я нахожу их остроумными, но в них больше злобы, чем чего-либо другого. Лучше было бы для чести его

№ 476 пера не распространять эти стихи». Эту резолюцию Николая I Пушкин узнал из письма А. Х. Бенкендорфа от 10 декабря. Выписав ее целиком, Бенкендорф писал поэту: «Я не знаю лучшего ответа на Ваше последнее почтенное письмо от 24 ноября, как дословно передать мнение Его Величества Императора» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 352; В. Я. Брюсов, «Письма Пушкина и к Пушкину», М. 1903, стр. 65; «Дела III Отделения... о Пушкине», С.-Пб. 1906, стр. 125). Ответ Бенкендорфа не застал уже Пушкина в Петербурге, и Н. Н. Пушкина сочла нужным переслать его мужу в Москву. В письме к ней от середины декабря Пушкин заметил: «Письмо Б[енкендорфа] ты хорошо сделала, что отослала — дело не о чине, а все-таки нужное. Жду его» (см. выше, стр. 60).

— О зачислении Пушкина на службу см. выше, стр. 359.

— В Москву Пушкин выехал из Петербурга 3 декабря, в день представления гр. К. В. Нессельродом Пушкина к производству в чин титулярного советника (см. Н. О. Лернер, «Труды и дни Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 256). На следующий день состоялось постановление об определении Пушкина на службу в Коллегию Иностранных Дел, во исполнение указа от 14 ноября (см. Н. Гастфрейнд, «Пушкин...», стр. 23). Очень возможно, что комментируемое письмо Пушкина дало толчок к оформлению его служебного положения. В Москву Пушкин уехал для устройства своих денежных дел (см. ниже, стр. 444), а выехал в Петербург 24 декабря (см. ниже, стр. 443).

— Вся дальнейшая часть письма касается известной выходки Ф. В. Булгарина, о которой рассказано выше в примечаниях к т. II Писем Пушкина, стр. 466 (см. еще в примечаниях Н. К. Козмина к т. IX Акад. изд. Сочинений Пушкина, стр. 261—269; в примечаниях Н. О. Лернера к «Моей родословной» в Сочинениях Пушкина, под ред. С. А. Венгерова, т. V, стр. LVIII — LIX, и в примечаниях П. А. Ефремова в изд. А. С. Суворина, т. VIII, стр. 330—332 и 610 — 612).

— «Qu'il n'etoit qu'un bourgeois gentilhomme» — одна из комедий Мольера озаглавлена «Мещанин-дворянин».

— На выходку Булгарина Пушкин написал стих. «Моя родословная», помеченное 16 октября 1830 г. в Болдине. Оно при жизни Пушкина напечатано не было, но усиленно распространялось в списках. По этому поводу кн. П. П. Вяземский говорит: «Распространение этих стихов, несмотря на увещания моего отца, несомненно вооружило против Пушкина много озлобленных врагов, и более всего вооружило против него при его кончине целую массу влиятельных семейств в Петербурге. Хуже всего для Пушкина было то, что он играл честью предков (хотя в сущности эти выходки были вполне безобидны), будучи увлечен и подвигнут на то исключительно полемикой с Булгариным» (Собрание сочинений кн. П. П. Вяземского, 1876—1887, С.-Пб. 1893, стр. 528). Предположение Пушкина о том, что «Моя родословная» может быть понятна как сатира «на происхождение некоторых известных фамилий», подтвердилось вполне, что видно хотя бы из вышеприведенной записи кн. П. П Вяземского. Поэтому-то Николай I не счел удобным печатать стихотворение Пушкина и укрылся за мнение бар. А. А. Дельвига, подсказанное ему самим поэтом. История о распространении «Моей родословной»

естественно, не могла не волновать его; очевидно, поэтому он и решил первый довести о ней до сведения правительства, чтобы избежать очередных неприятностей. Возможно, что для написания письма был какой-либо непосредственный повод, но мы его не знаем (ср. Сочинения Пушкина, под ред. С. А. Венгерова, т. V, стр. 466).

477. *Н. Н. Пушкиной.* 6 декабря [1831 г.] (стр. 57). Вторая половина письма, со слов: «Сегодня мочи нет...», впервые напечатана И. С. Тургеневым в «Вестн. Европы» 1878 г., № 1, стр. 22, по подлиннику, хранящемуся ныне в Публичной Библиотеке СССР имени В. И. Ленина в Москве. Первая половина (отрезанная от остального текста) впервые появилась в печати в публикации Н. О. Лернера в «Русск. Библиофиле» 1913 г., № 2, стр. 18, со снимком в размере подлинника, который принадлежал тогда Н. В. Соловьеву, а теперь хранится в ИРЛИ (Пушкинском Доме). Академии Наук СССР в альбоме, принадлежавшем С. Н. Шуваловой. Целиком письмо опубликовано впервые Н. О. Лернером в изд. Сочинений Пушкина, под ред. С. А. Венгерова, т. VI, стр. 603, а затем М. А. Цявловским в изд. «Письма Пушкина и к Пушкину», М. 1925, стр. 17. Оно писано карандашом на согнутом пополам полулисте писчей бумаги с водяными знаками: А. Гончаровъ; сложено конвертом и запечатано сургучною неразборчивою печатью.

Это — первое письмо Пушкина к Наталье Николаевне, как к жене, и открывает собою ряд в высшей степени содержательных и интересных писем к ней поэта (ср. предисловие И. С. Тургенева к этим письмам Пушкина в «Вестн. Европы» 1878 г., № 1, стр. 7—8, и в предисловии Б. Л. Модзалевского к т. I Писем Пушкина, стр. XV — XVI, и т. II, стр. 446—447. Отношения Пушкина и его жены рассмотрены П. Е. Щеголевым в 3 изд. его книги «Дуэль и смерть Пушкина», Лгр. 1928, стр. 34—62).

Пушкин в Москву выехал 3 декабря (см. № 479), взяв 28-дневный отпуск для устройства своих денежных дел. Это был его первый приезд в Москву после выезда из нее с женой на постоянное жительство в Петербург. Пушкин поехал к Нащокину, в Большой Николо-Песковский пер., д. Годовиковой (теперь № 5), но там его не нашел. Дом Ильинской у Пречистенских ворот, куда переехал Нащокин, был в Гагаринском переулке, между Пречистенским бульваром и Нащокинским пер. (теперь дом № 4, ср. Н. П. Чулков, «Пушкин-москвич» — в сб. «Пушкин в Москве», М. 1930, стр. 79 и 90 и «Красн. Арх.», кн. 37, стр. 243, — рапорты полицмейстеров г. Москвы). Подробности своей поездки Пушкин сообщил в следующем письме. Выехал Пушкин обратно в Петербург 24 декабря (см. «Красн. Арх., кн. 37, стр. 243). Эта дата правдоподобнее даты 22 декабря, так как источник ее, пересказ Д. Н. Садовниковым писем Н. М. Языкова к брату (см. «Историч. Вестн.» 1883 г., № 12, стр. 534), не может считаться непреложным. Важно еще то, что 24 декабря Пушкин рассчитывался с Нащокиным в Москве (см. «Искусство» 1923 г., № 1, стр. 314).

478. *Н. Н. Пушкиной.* 8 декабря [1831 г.] (стр. 57—59). Напечатано впервые И. С. Тургеневым в «Вестн. Европы» 1878 г., № 1, стр. 23—24, а затем в изданиях сочинений Пушкина. Подлинник на листе почтовой бумаги большого формата без водяных знаков в Публичной Библиотеке СССР им. В. И. Ленина в Москве; оригинал письма сложен конвертом и запечатан

№ 478 неразборчивою сургучною печатью. Пересказ этого письма дан П. В. Анненковым (см. Б. Л. Модзалевский, «Пушкин», стр. 356—358).

— Письмо в три строчки — предыдущее, № 477.

— Itinéraire — маршрут. Это же слово Пушкин употребил и в письме к С. А. Соболевскому от 9 ноября 1826 г. (см. в т. II Писем Пушкина, стр. 18).

— «Мемельский жид» — еврей из г. Мемеля в Восточной Пруссии, близ русской границы.

— Ivan Wijiguin — «Иван Выжигин», роман Ф. В. Булгарина (о нем см. т. II, стр. 370—371 и др.).

— «Ganz charmant» — совсем очаровательно (смесь немецкого и французского яз.).

— Княгиня Голицына — Анна Васильевна, рожд. Ланская (род. 18 августа 1792—ум. 8 июля 1868), дочь члена Государственного Совета и бывшего с 1823 по 1827 г. управляющего Министерством внутренних дел Василия Сергеевича Ланского (род. 1754 — ум. 1831). В 1817 г. (22 января) вышла замуж за князя Александра Борисовича Голицына (род. 1792 — ум. 1865), бывшего в 1826—1830 гг. саратовским губернатором, а в 1839—1842 гг. владимирским губернским предводителем дворянства (см. А. Б. Лобанов-Ростовский, «Русская родословная книга», т. I, изд. 2. С-Пб. 1895, стр. 299 и 301, и кн. Н. Н. Голицын, «Род князей Голицыных», т. I, С.-Пб. 1892, стр. 168 и др.; отзыв о ней см. в письме кн. П. А. Вяземского к В. А. Жуковскому 1823 г. в «Русск. Арх.» 1900 г., кн. I, стр. 191; Остафьевский архив князей Вяземских, под ред. В. И. Саитова, тт. I—III, по указателю).

— «Приятель мой Жемчужников» — Лука Ильич (о нем см. выше, стр. 420—421). Как было указано, Пушкин поехал в Москву для устройства своих денежных расчетов с Жемчужниковым, В. С. Огонь-Догановским и П. В. Нащокиным. Это, очевидно, не составляло тайны, так как после возвращения Пушкина в Петербург Н. М. Языков писал брату: «Между нами будь сказано, он [т. е. Пушкин] приезжал сюда по делам не чисто литературным, или вернее сказать, не за делом, а для картежных сделок, и находился в обществе самом мерзком: между щелкоперами, плутами и обдиралами. Это всегда с ним бывает в Москве. В Петербурге он живет опрятнее. Видно, брат, не права пословица: женится — переменится!» («Историч. Вестн.» 1883 г., № 12, стр. 534; ср. «Вестн. Европы» 1897 г, № 12, стр. 603).

— Фр. Кочтова — Екатерина Николаевна Кочетова (ум. в марте 1867), дочь костромского губернатора (1798—1806) Николая Ивановича Кочетова и жены его Натальи Петровны, рожд. Хрущовой; с 1803 по 1841 г.г. Кочетова была фрейлиной императриц Марии Федоровны, Елизаветы Алексеевны и Александры Федоровны (см. «Русск. Арх.» 1867 г., столб. 1030; 1890 г., кн. II, стр. 283; «Арх. князя Воронцова», тт. V и XXI, по указателю; «Сборник Русского Исторического Общества», т. 60, стр. 442; о ее родителях см. В. В. Руммель и В. В. Голубцов, «Родословный сборник русских дворянских фамилий», т. II, стр. 627, и «Арх. кн. Воронцова», т. XXXI, стр. 60—61; ценную характеристику Е. Н. Кочетовой дает А. О. Смирнова в своей «Автобиографии», изданной под ред. Л. В. Крестовой, М. 1931, стр. 125; интересен отзыв о ней декабриста А. С. Ган-

геблова, который называет ее «бессовестной перезрелой девой» и рассказывает о возмутительном с ним поступке, учиненном Кочетовой — «Русск. Арх.» 1886 г., кн. III, стр. 198—199). № 478

— Валдай — уездный город Новгородской губ., тринадцатая станция по тогдашней почтовой дороге между Петербургом и Москвой, в 330 верстах от Петербурга и в 390 верстах от Москвы (о Валдае и его достопримечательностях см. в т. II, стр. 19 и 197—199).

— О перемене П. В. Нащокиным квартиры см. выше, стр. 443.

— «Нащокин дурак» — «дураком» Нащокина называла Пушкина за подарки ей, как это видно из письма Нащокина к Пушкину, помещенного в Акад. изд. Переписки Пушкина, стр. 364 (письмо это нужно датировать началом января 1832 г.; см. «Сборник Пушкинского Дома на 1923 год» П. 1922, стр. 14).

— Нащокинский домик (который Пушкин упоминает в стихотворении «Новоселье») — любопытная затея П. В. Нащокина — двухэтажный домик из красного дерева, умещающийся на ломберном столе. Нащокин заказывал у лучших мастеров, многое за границей, настоящие предметы в миниатюре — фортепиано (у Вирта), винтовой стул к нему, бронзовые канделябры, серебро с пробой 1830-х годов, фарфор с маркой Попова, литографии, масляные картины — копии с итальянских и голландских картин и пр. до сооружения самого домика, и позднее постоянно пополнял его. Рассказывали, что эта затея немало способствовала разорению Нащокина, так-как будто бы стоила ему 10 000 р. серебром. Впоследствии (1854 г.), после смерти Нащокина, домик был описан за долги его, многие годы продавался в московской антикварной лавке Волкова на Волхонке, будто бы за 40 000 р. ассигнациями, и будто бы Александр II на предложение купить эту игрушку для своих детей ответил, что он недостаточно богат для этого. В 1910 г. домик принадлежал художнику С. А. Галяшкину и выставлялся в Петербурге в большом конференц-зале Академии Наук и в Москве в Литературно-Художественном Кружке. Тогда же была издана серия в восемь снимков с домика и его интерьеров, с фигурками Пушкина, кн. П. И. Шаликова, цыганки Ольги Андреевны, с которой жил Нащокин, и др. Сейчас домик этот, найденный в годы революции в разрушенном состоянии у какого-то антиквара, в реставрированном виде, но с очень малым количеством подлинных Нащокинских вещей, находится в Историческом Музее (о домике П. В. Нащокина см. выше в письме конца сентября 1832 г., стр. 82; в Переписке Пушкина, т. III, стр. 308; М. О. Гершензон, «Мудрость Пушкина», М. 1919, стр. 210—211, и в статье В. Т-на, «Московские оригиналы былых времен. Заметки старожила» — в «Искре» 1866 г.. № 47; «Русск. Арх.» 1878 г., кн. I, стр. 76; «Нива» 1911 г., № 42, стр. 783 (снимок с домика), «Новое Время» 1911 г., № 12679, и в т. II Писем Пушкина, стр. 485, где указана библиография).

— Вяземские — кн. П. А. и В. Ф. Вяземские.

— Мещерские — кн. Петр Иванович (род. 29 мая 1802 — ум. 15 апреля 1876), сын кн. Ивана Сергеевича Мещерского и Софии Сергеевны, рожд. Всеволожской, и жена его (с 1828 г.) Екатерина Николаевна, рожд. Карамзина, дочь историографа (о нем см. в т. II, стр. 398 и др.).

№ 478 — Дмитриев — Иван Иванович (о нем см. в т. II, по указателю, и ниже, в письмах Пушкина к Дмитриеву). С. Н. Карамзина спрашивала Дмитриева в письме 9 декабря из Петербурга: «вы, конечно, с удовольствием увидели у себя Пушкина» («Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву», С.-Пб. 1866, стр. 437, и ниже анекдот про Английский Клуб, стр. 448).

— Тургенев — Александр Иванович.

— Чадаев — Петр Яковлевич Чаадаев (о нем см. выше, стр. 331—336).

— Горчаков — Владимир Петрович (о нем см. выше, стр. 268, и статью П. С. Шереметева в книге М. А. Цявловского «Книга воспоминаний о Пушкине», М. 1931, стр. 52—58; здесь же, на стр. 59—235, перепечатаны воспоминания Горчакова о Пушкине.

— Давыдов — Денис Васильевич — см. о нем в т. I, стр. 260—261, 430, 464 и др., а также выше, стр. 134.

— Собрание — «Благородное Собрание» московского дворянства (ныне Дом Союзов), где происходили зимой по вторникам балы.

— Догановский — В. С. Огонь-Догановский (о нем см. выше, стр. 366), Дело с П. В. Нащокиным и Догановским заключалось в том, что Пушкин был должен, по проигрышу в карты, компаньонам Л. И. Жемчужникову и В. С. Огонь-Догановскому двадцать тысяч рублей, а Нащокин, будучи в свою очередь должен Пушкину пятнадцать тысяч (десять тысяч Пушкин дал ему в начале февраля 1831 г., чтобы выручить его из плохих обстоятельств), взялся уплатить кредиторам Пушкина, но сделать этого тоже не смог, хотя и имел кредит у А. Ф. Рохманова. В октябре Жемчужников с Огонь-Догановским приехали в Петербург, где согласились получить пятнадцать тысяч, должные им Пушкиным, с Нащокина в Москве. Огонь-Догановский, надо думать, выехал в Москву раньше, а вслед за Пушкиным поехал туда Жемчужников.

— «О твоих брилиантах». — Теща Пушкина Наталья Ивановна дала ему для заклада свои бриллианты, которые и были заложены в Москве у купца Н. А. Вейера (см. ниже, стр. 562).

— «Двор в Москве» (см. выше, стр. 423). Николай I с женой и принцем Гольштейн-Ольденбургским пробыл в Москве с 11 октября по 25 ноября 1831 г. Подробности пребывания царской фамилии в Москве рассказаны в письмах А. Я. Булгакова к брату (см. «Русск. Арх.» 1902 г., кн. I, стр. 95—153).

— Цихлер — Сихлер, модный магазин в Москве, который существовал в течение пятидесяти лет на одном месте в Москве — на углу Газетного пер. и Большой Дмитровки (см. в т. II, стр. 317, и «Записки гр. М. Д. Бутурлина» в «Русск. Арх.» 1897 г., кн. II, стр. 437) Н. Н. Пушкина заказывала в нем свои наряды.

— А. Корсакова — Александра Александровна Римская-Корсакова (ум. 1860), дочь Марии Ивановны Римской-Корсаковой (о них см. в т. II, стр. 242—243). 12 февраля 1832 г. А. А. Римская-Корсакова вышла замуж за кн. Александра Николаевича Вяземского (род. 15 марта 1804), сына полковника Николая Семеновича (ум. 1833) и жены его Екатерины Петровны, рожд. Римской-Корсаковой. Кн. А. Н. Вяземский служил корнетом в Кавалергардском полку, но за участие в деле декабристов пере-

веден был в С.-Петербургский драгунский (уланский) полк, участвовал в Турецкой кампании, получил чин поручика и в 1832 г. уволен был от службы (см. Н. А. Гастфрейнд, «Товарищи Пушкина», т. III, стр. 468—469; «Алфавит декабристов», под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, Лгр. 1925, стр. 60 и 301, и в примечаниях к т. II. стр. 242—243).

— Комендантская лестница — в Зимнем Дворце.

— О беременности Н. Н. Пушкиной см. выше, стр. 431.

— брат — очевидно, старший брат Н. Н. Пушкиной Дмитрий Николаевич Гончаров (ум. 1859) — о нем см. в т. II, стр. 452—453.

— Брюлов — Александр Павлович Брюллов (о нем см. выше, стр. 305—306). Речь идет, несомненно, о портрете, до сих пор неправильно считавшемся писанным с Гончаровой — невесты (см. Сочинения Пушкина, под ред. Венгерова, т. IV, между стр. 224—225). Писать ее невестой А. П. Брюллов не мог, так как не жил в Москве. Из вопроса Пушкина неясно, посылался ли в декабре этот портрет, но с уверенностью можно сказать, что он писался не позднее января 1832 г., так как 19 мая она уже родила. На общение Пушкина с А. П. Брюлловым в январе 1832 г. указывают слова Пушкина в письме к Нащокину в конце января 1832 г.: «Портрет мой Брюллов напишет на днях». Подлинник портрета Н. Н. Пушкиной. писанный Брюлловым, храниться ныне в Пушкинском Доме.

— Хитрово — Елизавета Михайловна (см. о ней в т. II, стр. 249—252).

— Фикельмон — Дарья Федоровна (о ней см. т. II, стр. 418—420, и Б. Л. Модзалевский, «Пушкин», Лгр. 1929, стр. 341).

479. *Н. Н. Пушкиной.* 10 декабря [1831 г.] (стр. 59). Напечатано впервые И. С. Тургеневым в «Вестн. Европы» 1878 г., № 1, стр. 24, и вошло в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 351—352. Подлинник — на листе почтовой бумаги большого формата, без водяных знаков, — в Публичной Библиотеке СССР им. В. И. Ленина в Москве; письмо сложено конвертом и запечатано неразборчивою сургучною печатью.

— Говоря о билетах, Пушкин имеет в виду «визитные билеты», т. е. визитные карточки, о которых он упоминает еще в письме к жене от середины декабря, № 482 (снимок с визитной карточки Пушкина см. во «Временнике Пушкинского Дома на 1913 год», стр. V).

— В распоряжении Пушкина было еще около двух недель отпуска.

— Какое дело «затевал» Пушкин — неизвестно.

— О балах и увеселениях в Москве см. выше, стр. 431—432.

— Английский Клуб — Английский Клуб в Москве, основанный в XVIII в., с 1813 г. по апрель 1831 г. помещался в доме Н. Муравьева на Б. Дмитровке (ныне № 11), а с апреля 1831 г. до ликвидации в 1917 г. — на Тверской, в доме гр. Разумовской (ныне Музей Революции). Старейший и самый аристократический из клубов, Английский Клуб был одним из главных центров, где создавалось так называемое «общественное мнение» дворянской Москвы. Пушкин в «Евгении Онегине» прения в клубе иронически называет «пробой народных заседаний». Пушкин был избран членом Английского Клуба вместе с Боратынским в марте 1829 г. (см. письмо П. А. Плетнева Пушкину — Переписка Пушкина, т. II, стр. 89), но посещал его мало, о чем рассказывал П. В. Нащокин П. И. Бартеневу и о чем сам поэт писал жене 27 августа 1833 г. («Русск. Арх.» 1889 г.,

№ 479 № 5, стр. 88—93; «Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым», М. 1925, стр. 27 и 75). О посещении Пушкиным клуба 21 января 1831 г. сообщил А. Я. Булгаков брату (см. «Русск. Арх.» 1902 г., кн. I, стр. 52); Н. М. Языков писал брату 18 февраля 1832 г., что «И. И. Дмитриев в одно из своих посещений Английского Клуба, на Тверской, заметил, что ничего не может быть страннее самого названия: *московский английский клуб*. Случившийся тут Пушкин, смеясь, сказал ему на это, что у нас есть названия еще более странные. — «Какие же?» — спросил Дмитриев. — «А *императорское человеколюбивое общество?*» — ответил поэт (в пересказе Д. Н. Садовникова в «Историч. Вестн.» 1883 г., № 12, стр. 536).

— Александр Сергеевич Власов (род. 1777 — ум. 1825), действительный камергер, женатый с 1805 г. на княжне Магдалине Александровне Белосельской-Белозерской, сестре кн. З. А. Волконской. Власов имел первоклассное собрание картин, гравюр, книг, рукописей, камей, камней, охотничьих принадлежностей и пр., которое он начал коллекционировать еще служа в л.-гв. Семеновском полку. Среди его галлереи в 1824 г. находились картины Рафаэля, Леонардо да Винчи, Микель Анджело, Рубенса и др. Получив в приданное за женой 4000 душ, до 165 000 руб. деньгами и вещами, он стал покупать драгоценности за границею и в России, часто целыми коллекциями. После смерти Власова (28 января 1825 г.), оказалось после него наличными 113 р. 40 к. и долгов на 1 810 000 р. Особая комиссия, учрежденная для погашения долгов, начала летом 1826 г. ликвидацию его библиотеки и богатейших коллекций, оконченную лишь в 1835 г. Была устроена лотерея, в январе 1830 г., прекращенная и замененная аукционной распродажей, которую комиссия поручила производить московскому торговому дому «Петр Ларме и К°», в доме купца Сырцова на Маросейке (теперь дом № 2). Позднее, во время посещения аукциона Пушкиным, продажа была уже в третьих руках: в «Объявлении» к № 93 «Моск. Ведом.» от 21 ноября (суббота) 1831 г. читаем: «Содержатель конторы частных справок и комиссий честь имеет известить, что по случаю продажи с аукционного торга вещей, принадлежащих г-ну Власову, в оной конторе аукционная продажа по средам и субботам отменяется, а производиться будет по воскресеньям с 11 ч. утра впредь до уведомления. Продаваться будут оригинальные картины разных мастеров, бриллиант шести каратов, разные фарфоровые вещи, бронзовая машина наз. оракул и разные другие в щи. Контора на Лубянской площади в д. кн. Долгорукова. Московский купец В. Бутлер». В распродававшемся собрании картин находилась картина Фр. Мериса. Будучи под свежим впечатлением произведения этого мастера, Пушкин 4 января 1832 г. легко отвечал Киреевскому об его манере (см. еще Сочинения Пушкина, изд. А. С. Суворина, т. VIII, стр. 612—613, сб. «Пушкин в Москве», М. 1930, стр. 80, и статью Б. Л. Модзалевского в «Известиях Отд. Русск. яз. и слов. имп. Акад. Наук», 1902 г., т. VII, кн. 4, стр. 95—97).

— «Студент-дурак» — поэт Федор Фоминский, автор романа «Неведомые Теодор и Розалия, или высочайшее наслаждение в браке. Нравоучительный роман, взятый из истинного происшествия. Сочинение Федора Фоминского». Книга напечатана в Москве в типографии Лазаревых

Института восточных языков, в 1832 г. (цензурн. разреш. 23 октября 1831 г.). **№ 479—480**
В библиотеке Пушкина он не сохранился. Кроме того Фоминскому принадлежит ряд статей в «Дамском журнале» кн. П. И. Шаликова и еще три книги, среди которых сборник мелких стихотворений «Новая Аглая или юные чувства души и сердца», Москва, в типографии Авг. Семена, 1831 г. (цензур. дозв. 23 сентября 1831 г.). Он посвящен: «Ольге Львовне Турчаниновой, урожденной княжне Грузинской, и Александре Николаевне Неведомой».[1] Возможно, что автор под «Неведомой» скрыл Наталью Николаевну Гончарову. Роман «Теодор и Розалия» — роман в письмах; посвящен он восторженному описанию прелести чистого брака по сравнению с холостой жизнью и написан элементарно-наивно. Может быть Фоминский, чтобы объяснить свой подарок Пушкину, сказал ему любезную фразу, что это «описывается их (Пушкиных) история», так как в самом романе нет ничего похожего на историю брака Пушкина. Однако в романе этом есть подробное описание венчания молодых, происходившее в Москве в церкви В[ознесения?]; оно настолько реально, что возникает вопрос: не был ли сам Фоминский свидетелем бракосочетания Пушкина с Н. Н. Гончаровой, происходившего, как известно, в церкви Вознесения? Кроме того в романе есть еще прямое обращение к Пушкину: «Бесподобный автор Онегина! Ты превосходно изобразил Истомину, но живописующая кисть твоя должна упасть к ногам твоей богини» (далее идет описание наружности Розалии [Н. Н. Пушкиной?]). — Изложение романа Фоминского и материалы к этому эпизоду из жизни Пушкина даны в книге П. Е Щеголева «Из жизни и творчества Пушкина», Лгр. 1931, стр. 311—314 (ср. Б. Л. Модзалевский, «Пушкин», Лгр. 1929, стр. 358 и примеч.).

— «Ваш дом на Никитской» — т. е. дом Гончаровых в Москве (теперь ул. Герцена, д. № 50).

— Нат. Ив. — Наталья Ивановна Гончарова, теща Пушкина. Отношения между ними в это время были довольно натянутые (см. выше, стр. 310. а также статью М. А. Цявловского «Пушкин и Н. И. Гончарова» в сб. «Ярополец», М. 1930, стр. 5—16).

— Несмотря на просьбу Пушкина к жене, чтобы она не ездила во дворец и не «плясала» на балах, она не исполняла его желаний. Так мы знаем, что 19 декабря Н. Н. Пушкина была на придворном балу в Аничковом дворце, где блистала своей красотою (см. письмо княжны В. Н. Репниной к кн. В. А. Репниной в публикации М. А. Цявловского в изд «Пушкин и его соврем.», вып. XXXVIII — XXXIX, стр. 224 — 227), а О. С. Павлищева отмечала 17 ноября в своем письме к мужу: «что касается моей belle soeur, то она здесь в большой моде; она вращается в самом высшем свете, ее находят прекраснейшей из всех и прозвали ее Психеей» («Пушкин и его соврем.», вып. XV, стр. 106).

480. *Д. Н. Бантышу-Каменскому*. 14 декабря [1831 г.] (стр. 59—60). Напечатано впервые, по сообщению Н. Д. и Л. Е. Бантыш-Каменских, в «Русск. Стар.» 1871 г., № 4, стр. 526, с неверною датою: «14 декабря 1832 г.»,

---

[1] Ср. стихотворение за подписью «Автор Неведомой 1832 года 21 марта, Новгород. губ. Дубровка», под заглавием: «Ответ А. Н. Неведомой», в «Молве» 15 апреля 1832 г., № 31, стр. 121—122.

№ *480* вошедшею во все издания Сочинений Пушкина и исправленною лишь в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 354. Подлинник на полулисте золотообрезной почтовой бумаги обыкновенного формата, без водяных знаков, — в ИРЛИ (Пушкинском Доме) Академии Наук СССР. На письме позднейшая помета его рукою: «1832» — ошибочно, вместо 1831. В тот же день Д. Н. Бантыш-Каменский отвечал Пушкину: «Милостивый государь Александр Сергеевич! Я должен более жалеть, нежели Вы, что лишен удовольствия познакомиться с уважаемым всеми писателем, делающим честь России; но долгом поставлю предупредить Вас своим посещением в доказательство глубочайшего почтения, с коим имею честь быть Вашим, милостивый государь, покорнейшим слугою Дмитрий Бантыш-Каменский» (Переписка Пушкина, т. II, стр. 354).

— Дмитрий Николаевич Бантыш-Каменский (род. 5 ноября 1788 — ум. 25 января 1850), сын управляющего московским архивом Министерства Иностранных Дел Николая Николаевича (род. 1737 — ум. 1814) и жены его Марии Ивановны, рожд. Куприяновой (род. 1756 — ум. 1788), был одним из крупных историков и археологов своего времени, автором ряда монографий, как «Описание деяний полководцев и министров Петра Великого» (1812), «Жизнь Н. Н. Бантыш-Каменского» (1818), «Историческое собрание списков кавалеров четырех российских императорских орденов» (1814; было в библиотеке Пушкина, см. Б. Л. Модзалевский, «Библиотека Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 5—6), «Биография Амвросия Зертис-Каменского, архиепископа Московского» (одного из предков) и др. В 1822 г. в четырех частях появилась его известная «История Малороссии», вышедшая в 1830 г. в трех томах, новым, исправленным изданием; в 1840 г. он выпустил в четырех частях «Биографии российских генералиссимусов», а в 1836 г. напечатал свой большой труд «Словарь достопамятных людей русской земли» в пяти томах, потребовавший дополнения, осуществленного им незадолго до смерти в 1847 г., в трех томах. С 1825 по 1828 г.г. Бантыш-Каменский занимал пост тобольского губернатора, а с 1836 г. по 1838 г. был виленским губернатором (см. биографию его, написанную В. И. Штейном, в «Русском Биографическом Словаре», т. II, С.-Пб. 1900, стр. 460—468). Знакомство Пушкина с Д. Н. Бантышем-Каменским произошло, надо полагать, несколько позже комментируемого письма, из которого видно, что в 1831 г. оно не состоялось; произошло оно, вероятно, в 1834 г., когда между ними завязалась небольшая переписка в связи с работами Пушкина над «Историей Пугачевского бунта»; Бантыш-Каменский содействовал поэту в работе присылкой разного рода исторических материалов. Пушкин воспользовался некоторыми из них, в частности оговорив сделанное им извлечение из неизданного тогда еще «Исторического словаря» Каменского (см. Сочинения Пушкина, изд. Акад. Наук, т. XI, стр. 162 первой пагинации, см. еще стр. 26, 27 и 40 второй пагинации); кроме того он сделал ряд выписок из предоставленных ему Бантышем-Каменским секретных архивных бумаг об участниках Пугачевского движения — Аристове, Белобородове и Перфильеве (см. в новейшем исследовании Ю. Г. Оксмана в «Литературном Наследстве», № 16—18, стр. 457, 463 и 466). Пушкин, с своей стороны, сообщил Бантышу-Каменскому некоторые сведения для биографии А. П. Ганнибала, помещенной в его «Словаре достопамятных

людей русской земли», ч. II, М. 1836, стр. 12—15, где Д. Н. Бантыш-Каменский в перечислении источников, послуживших материалом для нее, отметил «и по словесному преданию, переданному мне родным правнуком А. П. Ганнибала, Александром Сергеевичем Пушкиным». Отношения Пушкина и Бантыша-Каменского, судя по их переписке, носили официальный характер. Одним из самых крупных по своему значению следов их знакомства нужно признать биографию Пушкина, написанную Бантышем-Каменским на основании рассказов о нем отца поэта и отчасти по личным воспоминаниям ее составителя, не считая печатной литературы; биография эта имеет особое значение в литературе о Пушкине, так как является первой большой для своего времени биографией поэта; напечатана она в прибавлении ко второй части «Словаря достопамятных людей русской земли», С.-Пб. 1847, стр. 58—205. Д. Н. Бантыш-Каменский вел свои записки, изданные в 1873 г. в «Русск. Стар.», № 6, стр. 735—784, под заглавием: «Шемякин суд в XIX столетии»; они охватывают период с 1825 по 1834 гг. и являются ценным материалом для биографии мемуариста, но в них нет ни одного упоминания о Пушкине (см. еще сообщение Бантыша-Каменского о женитьбе Пушкина в письме к И. П. Котляревскому от 26 мая 1830 г. в «Киевск. Стар.» 1883 г., № 5, стр. 153).

— «Историк Малороссии» — Д. Н. Бантыш-Каменский, как было сказано выше, издал историю Украины еще в 1822 г. В библиотеке Пушкина сохранился экземпляр III части «Истории Малой России. От избрания Мазепы до уничтожения Гетманства» во 2-м издании 1830 г. (без заметок; см. Б. Л. Модзалевский, «Библиотека Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 5). По свидетельству М. П. Погодина, Пушкин в 1829 г. сам собирался писать историю Украины (см. «Русск. Арх.» 1882 г., кн. III, стр. 80). В бумагах поэта сохранилась историческая программа, начинающаяся: «Что ныне называется Молороссией?» (И. А. Шляпкин, «Из неизданных бумаг Пушкина», С.-Пб. 1903, стр. 52).

481. *Н. Н. Пушкиной* [середина (между 10 и 16) декабря 1831 г.] (стр. 60—61). Напечатано впервые И. С. Тургеневым в «Вестн. Европы» 1878 г., № 1, стр. 24—25, и вошло в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 355—356. Подлинник — на листе почтовой бумаги большого формата, без водяных знаков, — в Публичной Библиотеке СССР им. В. И. Ленина в Москве; письмо сложено конвертом и запечатано сургучною гербовою (не Пушкина) печатью.

— Упоминаемые письма Н. Н. Пушкиной (как и вообще все ее письма к Пушкину)[1] неизвестны (ср. статью Н. О. Лернера «По следам Пушкина. Где письма Н. Н. Пушкиной к Пушкину?» — в «Стройке» 5 мая

---

[1] Кроме одного, впервые напечатанного П. Е. Щеголевым в изд. 3 его книги «Дуэль и смерть Пушкина», Лгр. 1928, стр. 51—52. Писем Н. Н. Пушкиной опубликовано вообще очень немного; нам известны следующие: 1) А. Н. Гончарову, Москва 24 февраля 1831 г. («Русск. Вестн.» 1881 г., № 7, стр. 410, «Русск. Арх.» 1881 г., кн. II, стр. 504; П. Бартенев, «Пушкин», вып. 1, стр. 186; И. Д. Четыркин, «Письма Пушкина, находящиеся в Калужском Губернском Историческом Музее» — «Известия Калуж. Уч. Арх. Ком.» 1901 г., стр. 8; Переписка Пушкина, т. II, стр. 227); 2) Е. М. Хитрово, около 25 мая 1831 г. С.-Пб. («Письма Пушкина к Е. М. Хитрово»,

№ 481 1930 г., № 7, стр. 14, и его же статью в «Вечернем выпуске Красной Газеты» 20 июля 1928 г., № 198, «Письмо Н. Н. Пушкиной о Пушкине».

— Василий — Василий Михайлович Калашников (о нем см. выше, стр. 397).

— Об «Алешке» сведений нет. Несколько ниже Пушкин в зачеркнутой фразе вновь упоминает его, а также В. М. Калашникова.

— Фомин. — П. В. Анненков в своем пересказе писем Пушкина к жене пишет, что Пушкин в письме к жене «особенно сердится, что допустили к ней литератора Фомина, бедного, бесталанного надоедателя. NB Н. Н. [Пушкина] рассказывает, что для этого Фомина сам Пушкин составил

Лгр. 1927, стр. 22 и 114, facsimile на отд. л. между стр. 22 и 23); 3) кн. П. М. Волконскому, 18 февраля 1833 г. («Речь» 30 марта 1911 г., № 87, и «Русск. Стар.» 1913 г., № 12, стр. 511—512); 4) В. А. Жуковскому, конец января — начало февраля 1837 г. («Красная Газета», вечерний выпуск 20 июля 1928 г., № 198); 5) С. Л. Пушкину, 1 марта 1837, Полотн. Завод («Пушкин и его соврем.», вып. VIII, стр. 55); 6) С. Л. Пушкину, 21 марта 1837 г., Полотн. Завод (там же, вып. VIII, стр. 61—62); 7) гр. Е. Ф. Канкрину, 30 марта 1837, Полотн. Завод («Русск. Арх.» 1890 г., кн. II, стр. 104); 8) П. В. Нащокину, в апреле 1837 г. («Искусство» 1923 г., № 1, стр. 326); 9) С. Л. Пушкину, 15 мая 1837 г., Полотн. Завод («Пушкин и его соврем.», вып. VIII, стр. 73—74); 10) О. М. Пеньковскому, 4 июня 1837 года («Известия Московск. Литерат.-Худ. Кружка, вып. I, октябрь 1913, стр. 44, № 10); 11) П. В. Нащокину, 18 марта 1838 г. Полотнян. Завод («Искусство» 1923 г., № 1, стр. 327); 12) гр. Г. А. Строганову, 25 марта 1838, Полотн. Завод («Пушкин и его соврем.», вып. XIII, стр. 131—132); 13) П. В. Нащокину, 28 июня 1838 г., Полотн. Завод («Искусство» 1923 г., № 1, стр. 327—328); 14) П. В. Нащокину, 1841 или 1842 г. («Русск. Арх.» 1904 г., кн. III, стр. 602); 15) А. И. Тургеневу, 10 марта 1843, и facsimile («Отчет о деятельности Отд. Русск. яз. и слов. имп. Акад. Наук за 1912 г.», прилож., стр. 59—61, и facsimile между стр. 58 и 59, табл. № 41); 16) М. Н. Мусину-Пушкину, 22 октября 1846 («Литерат. Музеум», 1921, вып. I, стр. 9); 17) П. П. Ланскому, 20 июля 1849 (Б. Л Модзалевский, «Пушкин», Лгр. 1929, стр. 282—283); 18) И. В. Анненкову, без даты (П. Е. Щеголев, «Пушкин и мужики», стр. 194—195); 19) бар. М. А. Корфу, 31 октября 1855. Вятка («Русск. Библиофил» 1913 г., № VI, стр. 22—23); 20) А. С. Норову, ноябрь 1856 г. («Пушкин и его соврем.», вып. XI, стр. 55—56). Следует отметить также упоминания о письмах ее: Николаю I, в Опеку, гр. М. Ю. Виельгорскому («Пушкин и его соврем.», вып. XIII, стр. 95, 98, 99), В. А. Жуковскому (там же, вып. XII, стр. 33, 40, 41 и 42), гр. М. Ю. Виельгорскому («Русск. Арх.» 1902 г., кн. II, стр. 440). Кроме того известны: дарительная надпись ей на книге в библиотеке Пушкина («Пушкин и его соврем.», вып. IX—X, № 446; расписка ее, данная А. Ф. Смирдину 29 декабря 1836. и facsimile («Читатель и Писатель» 11 февраля 1928 г., № 4—5); обязательство ее о крепостной и facsimile (П. Е. Щеголев, «Пушкин и мужики», стр. 174—177), и указания на ее вексель от 30 декабря 1836 г. («Пушкин и его соврем.», вып. XIII, стр. 105). Прошение ее на «высочайшее имя» о выдаче детям ее метрических свидетельств, в феврале 1837 г. (Н. Невзоров, «К биографии А. С. Пушкина», С.-Пб. 1899, стр. 17; благодарность, выданная Н. Н. и П. П. Ланскими О. М. Пеньковскому 31 мая 1850 г., и аттестат, выданный ему же 31 мая 1850 г. («Известия Московск. Литерат. Худ. Кружка», № 1, октябрь 1913 г. стр. 41—42, № 8 и стр. 42, № 9; письмо-доверенность П. В. Анненкову, от 25 марта 1857 г., на издание сочинений Пушкина (П. Е. Щеголев, «Из жизни и творчества Пушкина», Лгр. 1931, стр. 361). Из писем к Н. Н. Пушкиной нам известны от (письма Пушкина здесь не перечисляются): Е. М. Хитрово (?) — клочок письма, послужившего Пушкину за-

брошюру, направленную против Булгарина» (Б. Л. Модзалевский, «Пушкин», стр. 357). Пушкина, повидимому, спутала Фомина с А. А. Орловым, Фомин же — вероятно, Николай Ильич Фомин (ум. до 1848), третьестепенный писатель, сначала бывший чиновником, затем актером. Литературную деятельность начал элегией, изданной брошюрой: «Плач Россиянина над гробом незабвенного монарха Александра I Благословенного», М. 1826 г. Писал Фомин и прозой, столь же плохой, как и стихи. Вероятно об этом же Фомине рассказывает и А. О. Смирнова в своей Автобиографии (ред. Л. В. Крестовой, М. 1931, стр. 253): «Был некий Фомин, который писал каждый год стихотворение по случаю новогоднего торжества. Он приносил мне эти стихи говоря: «Вам, сударыня, первой». Я ему давала тридцать пять рублей; он обходил город, и это давало ему возможность существовать. Несчастный! Голь на выдумки хитра!» В делах опеки над детьми Пушкина есть счет Фомина на проданные им Пушкину старые книги. См. «Пушкин и его соврем.», вып. XIII, стр. 146. № 481

— Ты пляшешь по их дудке — это выражение происходит из 27-й басни Эзопа и вошло в русскую поговорку. В. И. Даль в своем словаре приводит разницу между выражениями: «плясать под чужую дудку» — льстиво исполнять чужую волю, и «плясать по чужой дудке» — исполнять ее поневоле, нехотя (сообщ. И. К. Линдемана).

— «Возлюбленная» Василия Калашникова — девушка Маланья Семенова, лет 19—20, записанная по ревизии села Яропольца и данная Н. И. Гончаровой в приданое дочери. Несмотря на желание Пушкина «выпроводить» В. М. Калашникова и М. Семенову, он их оставил у себя. В 1832 г. они вступили в брак и оставались в доме Пушкиных до смерти Калашникова в 1838 г. В 1841 г. вдова его после двухлетней переписки Н. Н. Пушкиной и опекунства с Петербургской дворянской опекой была отпущена на волю (см. П. Е. Щеголев, «Пушкин и мужики», М. 1928, стр. 168 и 174—178).

— Afin de faire maison nette — чтобы очистить дом.

— Не сердись, что я сержусь — игра слов.

кладкой в его книге («Пушкин и соврем.», вып. IX—X, № 1345, и «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово». Лгр. 1927, стр. 174); П. А. Осиповой, 21 августа 1831 г. на письме к Пушкину (И. А. Шляпкин, «Из неизданных бумаг Пушкина», С.-Пб. 1903, стр. 144 и 145; Переписка Пушкина, под ред. В. И. Саитова, т. II, стр. 308—309; Л. П. Гроссман, «Письма женщин к Пушкину», М. 1928, стр. 64—65); А. Х. Бенкендорфа, 1 октября 1832 г. («Пушкин и его соврем.», вып. V, стр. 62); кн. П. М. Волконского, 25 февраля 1833 г. («Русск. Стар.» 1913 г., № 12, стр. 513); Е. А. Карамзиной, октября 1834 (И. А. Шляпкин, «Из неизданных бумаг Пушкина», С.-Пб. 1903, стр. 207); В. А. Жуковского, 1836 г. («Русск. Арх.» 1889 г., кн. III, стр. 124); кн. В. Ф. Одоевского, 10 мая 1836 г. («Искусство» 1923 г., № 1, стр. 324—325); А. Х. Бенкендорфа («Письма Пушкина и к Пушкину», под ред. В. Я. Брюсова, М. 1903, стр. 92); А. О. Россети 1831 (sic) г. (И. А. Шляпкин, «Из неизданных бумаг Пушкина», С.-Пб. 1903, стр. 303); М. Н. Мусина-Пушкина, 24 октября 1846 г. («Литерат. Музеум» 1921 г., кн. I, стр. 12); бар. М. А. Корфа, 1855 г. («Русск. Библиофил» 1913 г., № VI, стр. 23—24); дарственная запись ей деда А. Н. Гончарова, 1830 г. («Старые Годы» 1910 г., № 7—9, стр. 102); указание на письма к ней Д. В. Дашкова, А. С. Танеева, А. И. Чернышева («Пушкин и его соврем.», вып. XIII, стр. 91—92).

№ 481 — Дела мои затруднительны — речь идет об уплате долга Л. И. Жемчужникову и В. С. Огонь-Догановскому (см. выше, стр. 446).

— Об участии П. В. Нащокина в денежных делах Пушкина см. выше, стр. 444 и 446.

— Дед — Афанасий Николаевич Гончаро́в, скончавшийся 8 сентября 1832 г. О нем см. в т. II, стр. 425, и выше, стр. 12, 216, 253—254 и 310. «Дело» его, которому хочет помешать Пушкин, — может быть, то, о котором он писал Нащокину 22 октября 1831 г.: «Дедушка свинья: он выдает свою третью наложницу замуж с 10 000 приданого».

— Не дружись с графинями — одна из них, несомненно, гр. Екатерина Марковна Ивелич (о ней см. в т. I, стр. 369). В письме от 2 ноября 1824 г. Софья Михайловна Салтыкова, впоследствии бар. Дельвиг, писала своей приятельнице, что графиня Ивелич «больше походит на гренадера самого дурного тона, чем на барышню. Что за походка, что за голос, что за выражения! К тому же она нюхает табак и курит, когда никого нет» (см. Б. Л. Модзалевский, «Пушкин», Лгр. 1929, стр. 141). О ней же писала О. С. Павлищева мужу 12 сентября 1835 г., описывая, как она подъехала с ней в коляске к дому А. С. Пушкина, и увидела его на крыльце: «Когда он узрел Ивеличеву со мной, то чуть в обморок не упал и насилу выговорил «А вы *графиня?*» Из доброты душевной она поспешила его успокоить, сказав: «я еду к Кокошкиным». Тут он обрадовался...» («Пушкин и его соврем.», вып. XVII—XVIII, стр. 168 и «Литературное Наследство», № 16—18, стр. 794). До конца жизни оставшаяся в девицах и не любившая, когда ее подруги выходили замуж, по свидетельству современника, Ивелич шокировала женатого Пушкина своей эксцентричностью. Другая графиня — вероятно, гр. Александра Петровна Ивелич, рожд. Языкова (род. 1796 — ум. 1864) (см. «Пушкин и его соврем.», вып. XVII—XVIII и XXIII—XXIV, по указателю).

— Письмо Б. — письмо А. Х. Бенкендорфа Пушкину от 10 декабря (см. выше, стр. 442), заключавшее в себе мнение Николая I о «Моей родословной» Пушкина.

— Описание жизни у П. В. Нащокина Пушкин дал в следующем письме, № 482.

— Солдан — Сольдейн, Вера Яковлевна, рожд. Мерлина (род. 28 апреля 1790 — ум. 2 февраля 1856), жена генерал-майора Христофора Федоровича Сольдейн (или Солдаен), бывшего секретарем голландского посольства при русском дворе, вступившего в военную службу из капитанов батавской службы и в 1807 г. принявшего подданство России; он служил в л.-гв. Конном полку, командовал Малороссийским Кирасирским полком до 1822 г., был масоном (см. «Русск. Стар.» 1907 г., № 6, стр. 666), а в 1828—1829 гг. был командиром 1-й бригады 2-й гусарской дивизии (о нем см. «Полный список шефов, полковых командиров и офицеров л.-гв. Конного полка с 1731 г. по 1886 г.», С.-Пб. 1886, стр. 211—212; «Список генералам, штаб- и обер-офицерам всей Российской армии, с показанием чинов, фамилий и знаков отличия», С.-Пб. 1829, стр. 208, и в «Записках» гр. М. Д. Бутурлина в «Русск. Арх.» 1897 г., кн. II, стр. 186 и др.; кн. III, стр. 591). По словам Бутурлина, Х. Ф. Сольдейн был «хорошим музыкантом, с изящными манерами в обществе и до конца жизни плохо говорил по

русски». О его жене пишет в своих воспоминаниях А. Д. Галахов (псевдоним «сто один»): «Памятен мне еще дом г-жи Есиповой, в первом замужестве г-жи Сольдан [это неверно, она была в первом браке Есипова, см. Сочинения кн. П. А. Вяземского, т. IX, стр. 70 и 71; «Старина и Новизна», кн. VI, стр. 326. и «Петербургский Некрополь», т. IV, стр. 133], очень обходительной и образованной женщины, интересовавшейся литературой. Я давал уроки двум дочерям ее и племяннице г-же Лубяновской, дочери известного по службе и в литературе Ф. Ф. Лубяновского. У ней собирались молодые представители умственной жизни Москвы. Из числа их часто бывал И. В. Киреевский, в то время оскорбленный запрещением своего журнала «Европеец». Здесь же на большом балу, в первый раз увидал я Пушкина [который был у нее между прочим в середине декабря, см. в следующем письме № 482], кн. П. А. Вяземского и обеих Гончаровых, из которых одна была уже невеста поэта» («Русск. Вестн.» 1877 г., № 2, стр. 92). О ней см. еще в «Русск. Арх.» 1878 г., кн. I, стр. 467; 1897 г., кн. II, стр. 239—240, где также ошибка в браках.

— Вечер у Вяземского — кн. Петра Андреевича.

— Стихов твоих не читаю. — Есть свидетельство о том, что Наталья Николаевна писала стихи. Академик В. П. Безобразов в письме к Я. К. Гроту от 17 мая 1880 г., описывая Полотняный Завод, между прочим сообщает: «... я читал в альбоме стихи Пушкина к своей невесте и ее ответ, также в стихах. По содержанию, весь этот разговор в альбоме имеет характер взаимного объяснения в любви» (см. Я. Грот, «Пушкин, его лицейские товарищи и наставники», С.-Пб. 1899, стр. 132). Альбом этот не сохранился. Возможно, что Наталья Николаевна прислала Пушкину стихи не свои, а ей посвященные.

482. *Н. Н. Пушкиной.* 16 декабря [1831] (стр. 61). Напечатано впервые И. С. Тургеневым в «Вестн. Европы» 1878 г., № 1, стр. 25—26 и вошло в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 356—357. Подлинник, писанный весь (кроме адреса) карандашом, на листе почтовой бумаги большого формата, без водяных знаков, — в Публичной Библиотеке СССР им. В. И. Ленина в Москве; письмо сложено конвертом и запечатано сургучною гербовою (не Пушкина) печатью.

— Vertige — головокружение.

— Бабка — повивальная бабка, акушерка.

— К празднику приеду — т. е. к празднику Рождества, 25 декабря. Как указано выше (стр. 443), Пушкин только выехал из Москвы в сочельник, 24-го числа, и в Петербурге мог быть только 27 декабря.

— Голкондские алмазы. — Голконда — древний город, столица государства Декана в Индостане, славившийся замечательным собранием алмазов. О заложенных бриллиантах Н. И. Гончаровой см. письмо № 471. Выкупить их Пушкину в этот приезд не удалось (см. письмо № 486; ср. «Русск. Арх.» 1882 г., кн. I, стр. 232, примеч.).

— Картина дома П. В. Нащокина, нарисованная Пушкиным, тожественна той, которую набросал сам Нащокин в письме к Пушкину от 10 января 1833 г. (Переписка Пушкина, т. III, стр. 2): «Народу у меня очень много собирается, со всяким надо заниматься, а для чего, так богу угодно. Ни читать ни писать время нет; только и разговору здравствуйте,

 подай трубку, чаю. Прощайте очень редко, ибо у меня опять ночуют, и по утру не простясь уходят. Вот каково на этом свете; на том хуже быть не может».

— Дело мое не распутывается — дело с Л. И. Жемчужниковым и В. С. Огонь-Догановским (см. выше, стр. 444 и 446). М. П. Погодин отмечал в письме к С. П. Шевыреву от 21 декабря 1831 г. из Москвы: «Пушкин здесь, но что то пасмурен и рассеян» («Русск. Арх.» 1882 г., кн. III, стр. 191).

— Бобковая мазь — мазь из лавровых ягод, употребляющаяся для втирания при ревматизме.

— Солдан — Вера Яковлевна Сольдейн (о ней см. выше, стр. 454—455).

— Вяземская — княгиня Вера Федоровна.

— Твой Давыдов — вероятно, студент В. Давыдов, один из поклонников Н. Н. Пушкиной, еще до ее выхода замуж (см. о нем в т. II, стр. 481). Этот В. Давыдов был членом студенческого кружка, состоявшего из А. Недремского, В. Ф. Щербакова, Л. Ребинченкова, Сорохтина и Б. Берса. Ими в 1831 г. издавался рукописный журнал «Момус», в № 3 которого имеется «Элегия» Э. Фаева и сцена «Два разговора об одном предмете», подписанная «Простодушным», намекающие на брак Пушкина (см. об этом выше, стр. 157—159, и П. Е. Щеголев, «Из жизни и творчества Пушкина», Лгр. 1931, стр. 302 и 314; ср. Сочинения Пушкина, под ред. П. А. Ефремова, т. VIII, стр. 109, 112—113). Может быть, об этом же Давыдове писал Н. М. Языков брату 22 октября 1830 г., сообщая, что свадьба Пушкина расстроилась и что его Мадонна выходит замуж за князя Давыдова («Историч. Вестн.» 1883 г. декабрь, стр. 530). В письмах же от 25 и 27 сентября 1832 г. (см. №№ 511 и 512) Пушкин вновь упоминал Давыдова, назвав его «супирантом» и сообщив, что он «женится на дурнушке».

— Цыганский вечер у Нащокина. — Он жил в это время с цыганкой Ольгой Андреевной (см. выше, стр. 268—269).

483. *И. В. Киреевскому* 4 января 1832 г. (стр. 61—62). Напечатано впервые О. И. Поповою в «Огоньке» 31 мая 1929 г., № 21 (321), по подлиннику, найденному ею в архиве бр. Киреевских (ср. в т. I, стр. XXXIX), а затем ею же перепечатано в «Литературном Наследстве», № 16—18, стр. 543; в собрание писем Пушкина включается впервые. Снимок с первой страницы письма воспроизведен в «Огоньке», назв. номер. Подлинник, — на полулисте почтовой бумаги большого формата, без водяных знаков, — в Государственном Историческом Музее в Москве, — в архиве бр. Киреевских арх. № 27, инв. № 67221).

— Киреевский — Иван Васильевич (о нем см. выше, стр. 135—136, в примечаниях к письму № 394), публицист, славянофил. Издавал журнал «Европеец» (1832), журнал «Москвитянин» (1845), сотрудничал в журнале М. П. Погодина «Московский Вестник» и в ряде других изданий. Издательская и литературная деятельность Киреевского была непродолжительна: все попытки его в этом направлении быстро пресекались правительством, считавшим его с 1827 г. политически неблагонадежным (см. М. Лемке, «Николаевские жандармы и литература 1826 — 1855 гг.», С.-Пб. 1908, стр. 67 — 78). Невозможность отдаться любимому делу, — к которому Киреевский чувствовал призвание, — составляла в его жизни большую душевную

драму. Еще в 1827 г. он писал своему другу А. И. Кошелеву: «Я могу быть литератором, а содействовать к просвещению народа не есть-ли величайшее благодеяние, которое можно ему сделать? На этом поприще мои действия не будут бесполезны; я могу это сказать без самонадеянности. Я не бесполезно провел мою молодость, и уже теперь могу с пользою делиться своими сведениями» (Полн. Собр. Соч. И. В. Киреевского под ред. М. Гершензона, М. 1911, т. I, стр. 10). — Печальную судьбу Киреевского вспоминает Герцен в «Былое и Думах»: «Преждевременно состарившееся лицо Ивана Васильевича носило резкие следы страданий и борьбы, после которых уже выступил печальный покой морской зыби над потонувшим кораблем. Жизнь его не удалась», «...он не выдержал и уехал в деревню, затая в груди глубокую скорбь и тоску по деятельности. И этого человека, твердого и чистого, как сталь, разъела ржа страшного времени. Через 10 лет он возвратился в Москву из своего отшельничества мистиком и православным» (Соч., ред. М. Лемке, П., 1919, т. XIII, стр. 144 — 145). Типичный представитель западничества в начале своей литературной деятельности, Киреевский, под влиянием брата, П. В. Киреевского, и А. С. Хомякова, становится в 40-х годах во главе славянофильского движения. С московским кружком 20-х — начала 30-х годов, — к которому примыкал Киреевский, — сблизился через Веневитинова и Пушкин в конце 1826 г. К этому времени и следует, вероятно, отнести первое знакомство Киреевского с поэтом (см. выше, стр. 135, и Полн. Собр. Соч. Киреевского, под ред. М. Горшензона, М. 1911, т. I, стр. 7). В письмах Киреевского к С. А. Соболевскому периода 1829 г. имеется много упоминаний о Пушкине, о встречах с ним Киреевского, о вечерах, проводимых с Пушкиным и др., а в одном из них (29 января 1829 г.) Киреевский так отзывается о Пушкине: «В Пушкине нашел еще больше, чем ожидал: такого мозгу кажется не вмещает уже ни один русский череп, по крайней мере ни один из ощупанных мною». Далее сообщается о том, как Пушкин залез в библиотеку Соболевского, хранившуюся у Киреевских, и изъял из нее свои книги, несмотря на протесты Киреевского, заявляя при этом, что он «сам обо всем Соболевскому напишет» (А. К. Виноградов, «Мериме в письмах к Соболевскому», М. 1928, стр. 18. Другая встреча Киреевского с Пушкиным произошла у Жуковского, когда, в 1830 г., Киреевский проездом за границу остановился у него в Петербурге в качестве родственника: «Пушкин был у нас вчера и сделал мне три короба комплиментов об моей статье» — писал Киреевский матери 15 января 1830 г. («Русск. Арх.» 1906, кн. III, стр. 586, и Полн. Собр. Соч. Киреевского, т. I, стр. 18, 19). Похвала Пушкина Киреевскому одинаково могла относиться как к статье его «Нечто о характере поэзии Пушкина» (см. «Московск. Вестн.» 1828 г. ч. VIII, № 6, стр. 171 — 196), так и к другой статье: «Обозрение русской словесности за 1829 год» (см. альманах «Денница на 1830 год», изд. Максимовичем в 1829 г.) См. также о встречах Пушкина и Киреевского 15 января 1830 г. в Петербурге, о чем Киреевский пишет в другом письме, 16 января 1830 г. («Русск. Арх.» 1906 г., кн. III, стр. 587). В это время в «Литерат. Газете» 5 февраля 1830 г., № 8, стр. 62 — 66, Пушкин напечатал рецензию на альманах М. А. Максимовича «Денница на 1830 г.», в которой уделил много места статье И. В. Киреевского «Обозрение русской № 483

№ 483 словесности за 1829 год». Заканчивая свою рецензию, Пушкин отметил следующее: «там где двадцатитрехлетний критик мог написать столь занимательное, столь красноречивое *Обозрение словесности*, там есть словесность — и время зрелости оной уже недалеко» (см. Сочинения Пушкина, изд. Акад. Наук, т. IX, ч. 1, стр. 409 — 417, и т. IX, ч. 2, стр. 884 — 890, ср. «Нива» 1914 г., № 22, стр. 430 — 434, статья А. А. Фомина; его же брошюру «К вопросу об авторах неподписанных статей в «Литерат. Газете» 1830 г. и статья А. С. Пушкина об И. В. Киреевском, по поводу его Обзора русской литературы», С.-Пб. 1914 (на обложке: «Памяти А. С. Пушкина»), стр. 19 — 28; «Речь» 21 апреля 1914 г., № 107 (заметка «Новооткрытая статья Пушкина»). В другом месте, в «Мыслях на дороге», Пушкин, говоря о Киреевском, сказал, что его литературные опыты «должны стать на ряду с лучшими статьями Английских Reviews» (Сочинения Пушкина, изд. Акад. Наук, т. IX, ч. 1, стр. 174). См. также упоминание о Киреевском в заметках Пушкина 1830 г. по поводу того же «Обозрения» Киреевского (там же, стр. 113—114, и ч. 2, стр. 325—326). О Пушкине и Киреевском см. еще в «Рассказах о Пушкине, записанных со слов его друзей П. И. Бартеневым», под. ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 53 и 129—131; «Русск. Арх.» 1884 г., № 5, стр. 194.

— О «Европейце» см. выше, стр. 435—436. В библиотеке Пушкина сохранились две первые книжки этого журнала, но без надписи Киреевского и без заметок Пушкина (см. Б. Л. Модзалевский, «Библиотека Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 126).

— Об участии Пушкина в «Европейце» — см. выше, стр. 436 и 458.

— «Рассеянность Петербургской жизни». — С женитьбой для Пушкина начался тот светский образ жизни, которым он так тяготился: «Нет у меня досуга вольной холостой жизни, необходимой для писателя, — писал Пушкин позднее П. В. Нащокину: — Кружусь в свете, жена моя в большой моде — все это требует денег, деньги достаются мне через труды, а труды требуют уединения» (см. выше, стр. 87).

— Говоря об Альманахах, Пушкин имеет в виду альманах бар. Е. Ф. Розена «Альциона», в который он дал несколько своих произведений, и «Северные Цветы на 1832 год» в память бар. А. А. Дельвига; в последний Пушкин дал значительное количество своих стихов (см. выше, стр. 343).

— В марте 1832 г. Киреевский благодарил Пушкина «за присылку стихов» (Переписка Пушкина, под ред. В. И. Саитова, т. II, стр. 377); повесть, о которой говорит в письме Пушкин, была стихотворная — «Домик в Коломне», отрывок, найденный недавно в архиве Киреевского и хранящийся в настоящее время в Литературном Музее в Москве; рукопись этого отрывка переписана рукою Н. Н. Пушкиной с подписью поэта; она пока еще не опубликована.

— В журнале «Европеец» были помещены следующие произведения В. А. Жуковского: в № 1 — «Сказка о спящей царевне» (стр. 24 — 37), а в № 2 — отрывок из неоконченной поэмы «Война мышей и лягушек» (стр. 143 — 164); из стихотворений Н. М. Языкова: в № 1 — «Екатерине Александровне Свербеевой» (стр. 85 — 86), «Ау» (стр. 86 — 89); в № 2 — «Воспоминания об А. А. Воейковой» (стр. 187 — 189), «Конь» (стр. 201 — 202) и «Элегия» (стр. 203).

— «Мышью Степанидой» Пушкин называет отрывок из неоконченной № 483
поэмы Жуковского «Война мышей и лягушек», по имени одного из персонажей поэмы.

— Об отношении Пушкина к творчеству Н. М. Языкова см. в т. I Писем, а также в примечаниях М. К. Азадовского к изданию полного собрания стихотворений Н. М. Языкова, изд. «Academia», Л. 1934, стр. 765—767.

— В ответ на советы Пушкина по изданию журнала И. В. Киреевский писал ему в марте 1832 г. «Благодарю Вас за Ваши советы о журнале: они совершенно справедливы и я бы непременно ими воспользовался, если бы журнал мой не прекратился» (Переписка Пушкина, т. II, стр. 377).

— Раич — Семен Егорович (см. выше, т. I, стр. 276, 371, и т. II, стр. 378 — 379, 414, 422). По словам К. А. Полевого, Раич был «посредственный стихотворец, отличавшийся множеством оригинальных сторон и в разговоре и в обращении. — Он был»... «серб по происхождению. Маленький ростом, какой-то чернокожий, тщедушный, почти монах по образу жизни, он любил в стихах своих выражать наслаждения жизнью, *буянил в стихах,* как мы говорили тогда; а в разговоре старался все поэтизировать, восхищался многим, что не стоило восхищения, говорил всегда нараспев, тоненьким больным голоском, и это, в противоположности с его личностию, представляло столь истинного комизма, что при имени С. Е. Раича нельзя было не улыбнуться. Впрочем, это не мешало ему искренно любить литературу, и доказательством того служит постоянство, с каким он переводил Тассов Освобожденный Иерусалим, переводил много лет, печатал отрывки из него в журналах и, несмотря на многие насмешки современников, окончил и издал свой долголетний труд» (см. Николай Полевой, «Материалы...», под ред. Вл. Орлова, 1934, стр. 155, в записках Кс. А. Полевого). В 1823 г. вокруг Раича образовался кружок молодых литераторов, главным образом из питомцев Московского университета, которые впоследствии своей деятельностью оставили след в истории русской литературы (кн. В. Ф. Одоевский, В. П. Титов, братья Киреевские, М. П. Погодин, С. П. Шевырев, А. Н. Муравьев и др.). По воспоминаниям К. Полевого, Раич по свойствам своей личности «придал смешной характер литературному обществу молодых людей, избравших его своим председателем» (см. Записки К. А. Полевого, там же, стр. 155). И. С. Аксаков пишет, что «Раич был человек ученый и вместе вполне литературный, отличный знаток классической древней и иностранной словесности», «...в высшей степени оригинальный, бескорыстный, чистый, вечно пребывавший в мире идиллических мечтаний, сам олицетворенная буколика, соединивший солидность ученого с каким-то девственным пылом и младенческим незлобием» (см. Биографию Ф. И. Тютчева, М. 1886, стр. 12, 13). Об отношениях Пушкина и Раича см. в сб. «Пушкин. Статьи и материалы», под ред. М. П. Алексеева, вып. III, Одесса 1926, стр. 75 — 76, и «Известия по русскому языку и словесности Акад. Наук СССР» 1928 г., т. I, кн. 1, стр. 321; С. Я. Гессен, «Книгоиздатель Александр Пушкин», Лгр. 1930, стр. 127 — 128.

— Павлов — Николай Филиппович (о нем см. в т. II и выше, стр. 279—280).

— Ваша статья — статья Киреевского, напечатанная в журнале «Европеец», №№ 1 и 2, в отделе Критики, под заглавием: «Обозрение русской

№ 483 литературы за 1831 год, в которой Киреевский разбирает драму Пушкина «Борис Годунов» и поэму Е. А. Боратынского «Наложница», известную впоследствии под заглавием «Цыганка», так как слово «наложница» по тому содержанию, которое вкладывалось в него, считалось по-тогдашнему неудобным для употребления (см. письмо Боратынского к Киреевскому от 29 ноября 1831 г. — С. А. Рачинский, «Татевский сборник», С.-Пб. 1899, стр. 28).

— О публицистическом таланте Киреевского говорит также и Боратынский в письме к нему от 16 мая 1832 г.: «Я не знаю человека богаче тебя истинно критическими мыслями» (С. А. Рачинский, «Татевский сборник», С.-Пб., 1899, стр. 45).

— «Учеными терминами» Пушкин называет, повидимому, следующие слова, встречающиеся в статье Киреевского «Девятнадцатый век»: «сенсимонисты», «супранатуралисты», или выражение: «политеизм стал буйством последних своих сектаторов» — в статье «О императоре Иулиане» (см. «Европеец», № 1, стр. 20 и 40).

— Мысль Пушкина о «младенчествующем» состоянии русского языка встречается также в статьях его: «О причинах замедливших ход нашей словесности» (от 1824 г.), в которой он пишет: «...у нас нет еще ни словесности, ни книг; все наши знания, все наши понятия с младенчества почерпнули мы в книгах иностранных; мы привыкли мыслить на чужом языке»; и «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» (от 1825 г.).

— Боратынский — Евгений Абрамович (см. выше, т. I и II). В ответ на разбор своей поэмы «Наложница» (она же «Цыганка»), напечатанной в «Телескопе» за № 10, 1831 г., Боратынский написал «антикритику» (см. «Европеец», № 2, стр. 289—304).

— Миерис — (Frans van-Mieris) — (род. 1635 — ум. 1681) — голландский художник, с творчеством которого Киреевский сравнивает творческие приемы Боратынского в поэме «Наложница» (см. статью Киреевского «Обозрение русской литературы на 1831 год» в журн. «Европеец», № 2, стр. 268—269). «Однако, — говорит Киреевский, — несмотря на все достоинства «Наложницы», нельзя не признаться, что в этом роде поэм, как в картинах Миериса, есть что-то бесполезно стесняющее, что-то условно ненужное, что-то мелкое, не позволяющее художнику развить вполне поэтическую мысль свою». — Когда же Пушкин нашел сравнение Боратынского с Миерисом удачным и принял его безоговорочно, Киреевский поспешил оговориться и дать этому сравнению подробное толкование: «В одном только позвольте мне не согласиться с Вами, — писал он Пушкину в марте 1832 г., — в мнении о Боратынском. Я сравнил его с Миерисом не потому, чтобы находил сходство в их взгляде на вещи или в их таланте, или вообще в поэзии их искусства; но только потому, что они похожи в наружной отделке и во внешней форме. Эта форма слишком тесна для Боратынского и сущность его поэзии требует рамы просторнее; мне кажется я это доказал; но Миерис в своих миньятюрах выражается весь, и влагает в них еще более, чем что было в уме, т. е. труд и навык. Вот почему Миерис сделал все, что мог, а Боратынский сделает больше, чем что̀ сделал. Говоря, что Баратынский должен создать нам нового рода комедию, я основывался не

только на проницательности его взгляда, на его тонкой оценке людей и их отношений, жизни и ее случайностей, но больше всего на той глубокой, возвышенно-нравственной, чуть не сказал, Гениальной деликатности ума и сердца, которая всем движениям его души и пера дает особенный поэтический характер и которая всего более на месте при изображениях общества. Впрочем, Вы лучше других знаете Боратынского и лучше других можете судить об нем, потому я уверен, что покрайней мере в главном мы с Вами не разним. Но во всяком случае я Вам отменно благодарен за то, что Вы обратили внимание на мое мнение о Боратынском. После основных законов нравственности, понятие о людях которых я уважаю, есть вещь, которою я более всего дорожу в моих мнениях. И в этом случае мне бы особенно приятно было сойтись с Вами. Преданный Вам слуга И. Киреевский» (см. Переписка Пушкина, под ред. В. И. Саитова, т. II, стр. 377). Пушкин и, вероятно, Киреевский судили о Миерисе под свежим впечатлением виденных работ Миериса, продававшихся незадолго перед тем на аукционе Власова (см. выше, стр. 448).

— Комедии Боратынского до нас не дошло. Сомнение Пушкина в способности Боратынского создать комедию, «требующую кисти резкой и широкой», следует отнести, очевидно, не к реально задуманной им комедии, а к предположению Киреевского, высказанному в его статье о «Наложнице», что «Боратынский, больше чем кто либо из наших поэтов, мог бы создать нам поэтическую комедию, состоящую не из холодных карикатур, не из печальных острот и каламбуров, но из верного и вместе поэтического представления жизни действительной» (см. «Европеец», № 2, стр. 269). Следует сказать, что к моменту издания Киреевским журнала, Боратынского от стихов потянуло к прозе. «Ежели дело дойдет до дела, то я — непременный и усердный твой сотрудник, тем более, что все меня клонит к прозе», — писал он Киреевскому 21 сентября 1831 г. Действительно, в том же 1831 г. Боратынский написал драму, которую и доставил Киреевскому на тот случай, если «в журнале и посредственное годится для занятия нескольких листов» (см. С. А. Рачинский, «Татевский сборник», С.-Пб. 1899, стр. 29 и др., где мнения Е. А. Боратынского об «Европейце» и о сотрудничестве его в журнале, стр. 30—40, 48). С закрытием «Европейца» драме не суждено было появиться в свет, и дальнейшая ее судьба нам неизвестна.

— Языков — Николай Михайлович.

484. *П. А. Осиповой.* [Начало января 1832 г.] (стр. 62—63). Напечатано впервые М. И. Семевским в отрывке и переводе в «С.-Петербургских Ведомостях» 1866 г., № 172 (ср. А. Н. Вульф, «Дневники», под ред. П. Е. Щеголева, М. 1929, стр. 111, и им же полностью напечатано в «Русск. Арх.» 1867 г., стр. 143—145 (№ 15), затем перепечатано в «Русск. Стар.» 1880 г., № 5, стр. 77—78, и вошло в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 358. Подлинник был у Е. Б. Зубовой и теперь находится в ИРЛИ (Пушкинском Доме) Академии Наук СССР. Письмо писано на бумаге с водяными знаками: А. Г. 1829.

Перевод: «Примите, мою искреннюю благодарность за те заботы, которые вам угодно было оказать моим книгам. Я злоупотребляю вашей добротой и вашим временем, но умоляю оказать мне последнюю милость —

№ 484 приказать спросить у моих людей в Михайловском, нет ли там еще сундука, присланного в деревню вместе с ящиками, содержавшими мои книги. Подозреваю, что Архип или другие удерживают один ящик, по просьбе Никиты, моего слуги (теперь принадлежащего Льву). Он должен содержать (я разумею сундук, а не Никиту) его скарб, его вещи, также мои вещи и несколько книг, которых я не могу отыскать. Еще раз умоляю вас простить мою назойливость, но ваша дружба и ваше снисхождение избаловали меня. Посылаю вам «Северные Цветы» коих я недостойный издатель. Это — последний год этого альманаха и дань памяти нашего друга, утрата которого долго будет казаться нам недавнею. Присоединяю к этому скучнейшие сказки; желаю, чтобы они на минуту позабавили вас. Мы услыхали здесь о беременности вашей дочери. Дай бог, чтобы все счастливо кончилось и чтобы здоровье ее совершенно оправилось. Говорят, что от первых родов молодая женщина хорошеет; дай бог, чтобы они были так же благоприятны и здоровью. Благоволите, принять уверение в моем высоком почтении и неизменной преданности. А. П.».

— О книгах Пушкина П. А. Осипова писала 25 января (перевод): «Исполнение ваших поручений составляет для меня настоящее удовольствие, мой дорогой Александр, но мне досадно, что я не могу до сих пор найти все, что осталось из ваших книг и вещей. NB. Ан.[на Н. Вульф] уверяет, что она ничего не нашла в сундуке, который считают принадлежащим Никите, кроме книг, что я отослала вам, и сломанного ящика из-под чая, но я заставлю продолжить поиски, — только мне необходимо знать, какого вида был сундук Никиты — так как очень может быть мне покажут другой, а настоящий спрячут» (Переписка Пушкина, т. II, стр. 366). Книги Пушкина были перевезены из с. Михайловского на его петербургскую квартиру в начале 1832 г. К. А. Тимофеев, посетивший Михайловское в 1859 г. и видевший там кучера Пушкина Петра, передает с его слов, что везли их на двенадцати подводах, упакованными в двадцать четыре ящика (см. Б. Л. Модзалевский, «Библиотека Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. III — IV).

— Архип — вероятно, садовник в Михайловском (см. т. I, стр. 119, 178 и Переписка Пушкина, т. III, стр. 341, 342 и 369). Из письма няни Арины Родионовны к Пушкину (1827 г.) видно, что этому Архипу поручено было в то время привезти Пушкину 124 книги из Михайловского (Переписка, т. II, стр. 5).

— Никита — Никита Тимофеевич Козлов (упоминаемый в т. II, стр. 98, Никита Андреевич, по правильному предположению П. Е. Щеголева, какой-то другой Никита),— один из преданнейших крепостных Пушкина, его «дядька»; он приставлен был к Пушкину еще с детских лет, сопровождал Пушкина в 1820 г. в ссылку (см. т. I, стр. 206), находился при нем в последние годы его жизни, а после его смерти сопровождал вместе с А. И. Тургеневым его тело в Святогорский монастырь. Исчерпывающие сведения о Н. Т. Козлове собраны П. Е. Щеголевым в его книге Пушкин и мужики», М. 1928, стр. 160—164; ср. «Русск. Арх.» 1901 г., кн. II, стр. 248 и «Литературное Наследство» № 16—18, стр. 607—608 и 677.

— Лев — брат Пушкина Лев Сергеевич (о нем см. выше, стр. 415). Из этих строк Пушкина видно, что Н. Т. Козлов некоторое время находился

в распоряжении Л. С. Пушкина (ср. П. Е. Щеголев, «Пушкин и мужики», М. 1928, стр. 162). Об Л. С. Пушкине Осипова сообщала поэту 25 января, что «Лев пресыщен лаврами и хочет покинуть полк» (Переписка Пушкина, т. II, стр. 366). Однако, Л. Пушкин вышел в отставку только 17 декабря 1832 г. (см. Л. Н. Майков, «Пушкин», С.-Пб. 1899, стр. 39; «Арх. Раевских», т. III, стр. 460).

— «Северные Цветы на 1832 год» (о них см. выше, стр. 342—344) вышли из печати около 24 декабря (м. Н. Синявский и М. Цявловский, «Пушкин в печати», М. 1914, стр. 111); экземпляр их, преподнесенный Пушкиным П. А. Осиповой, не сохранился. Последняя писала Пушкину об альманахе 25 января (перевод): «Получение Сев. Цветов доставило мне большое удовольствие, и меня особенно трогает ваше доброе внимание, горячо любимый Александр, — это прекрасный цветок, брошенный на могилу нашего дорогого Дельвига, при воспоминании о котором я до сих пор не могу удержать горячей слезы на глазах. Мне кажется, что этот сборник самый лучший из всех предыдущих... Я действительно могу сказать вам, пародируя вас, что я Северные Цветы *читаю и не начитаюсь*» (Переписка Пушкина, т. II, стр. 366; ср. Н. О. Лернер, «Труды и дни Пушкина», изд. 2, С.-Пб. 1910, стр. 261, под 28 января).

— «Наш друг» — бар. А. А. Дельвиг.

— «Сказки — вероятно, «Сказка о царе Салтане», вместе с сказками В. А. Жуковского напечатанная отдельною брошюрой в 1831 г. (ср. выше, стр. 400, и И. А. Шляпкин, «Из неизданных бумаг Пушкина», С.-Пб. 1903, стр. 160, примеч.). «Ваши новые сказки, — отвечала П. А. Осипова 25 января, — наоборот заставили меня провести бессонную ночь, но я нисколько не сожалею об этом» (Переписка Пушкина, т. II, стр. 366).

— Дочь П. А. Осиповой — баронесса Евпраксия Николаевна Вревская, рожд. Вульф, жена бар. Бориса Александровича Вревского (о ней и о ее муже см. выше, стр. 312—313 и 370). Е. Н. Вревская вскоре разрешилась от бремени младенцем Александром Борисовичем Вревским, через год уже умершим (род. 21 апреля 1832 — ум. 25 апреля 1833; запись Б. Л. Модзалевского ср. «Пушкин и его соврем.», вып. I, стр. 7 и «Провинциальный Некрополь т. I, стр. 172). А. Н. Вульф записал в своем Дневнике «Евпраксия из стройной девы уже успела сделаться полною женщиною и беременною» (А. Н. Вульф, «Дневники», ред. П. Е. Щеголева, М. 1929, стр. 337), а П. А. Осипова, отвечая Пушкину, писала 25 января: «Здоровье Евпраксии для ее положения довольно хорошо, впрочем из-за полной бездорожицы мы с 7-го числа не видались... Евпраксия наверно будет польщена вниманием, которое вы постоянно ей оказываете» (Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 366).

485. *А. А. Орлову*, 24 ноября 1831 и 9 января 1832 г. (стр. 63—64). Напечатано впервые в газ. «Молва» 7 июня 1880 г., № 156, стр. 1, по подлиннику, принадлежавшему Е. А. Погожеву (см. «Каталог Пушкинской выставки, устроенной Комитетом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым», С.-Пб. 1880, стр. 50, № 12), а теперь неизвестно где находящемуся. Перепечатано в «Историч. Вестн.» 1880 г., № 7, стр. 574—575, в издании «Венок на памятник Пушкину», СПб. 1880,

№ 485 стр. 270, а затем в изданиях Сочинений Пушкина и в Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 345.

— Об Александре Анфимовиче Орлове см. выше, стр. 437.

— Письмо А. А. Орлова, за которое благодарит Пушкин и о котором он упоминает в письме к Н. М. Языкову (№ 474), до нас не дошло; среди бумаг поэта сохранилось письмо А. А. Орлова к И. И. Дмитриеву (см. «Русск. Стар.» 1874 г. № 8, стр. 714; «Дела III Отделения об А. С. Пушкине», изд. С. С. Сухонина, стр. 190; И. А. Шляпкин, «Из неизданных бумаг Пушкина», С.-Пб. 1903, стр. 154—155).

— «Заступление» Пушкина за Орлова выразилось в статьях Пушкина под псевдонимом Феофилакта Косичкина «Торжество дружбы или оправданный Александр Анфимович Орлов» (см. выше, стр. 244 и 376) и «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем» (см. выше, стр. 375—376). А. А. Орлов напечатал в 1831 г. несколько лубочных романов и повестей, в которых в сатирической форме высмеивал В. Ф. Булгарина и его роман «Иван Выжигин». Из этих сочинений Орлова следует назвать следующие: 1) «Родословная Ивана Выжигина, сына Ваньки Каина, род его, племя с тетками, додами, тестем и со всеми отродками. Нравственно-сатирический роман», 4 части, М. 1831; 2) «Смерть Ивана Выжигина. Нравственно-сатирический роман, М. 1831; 3) «Хлыновские свадьбы Игната и Сидора, детей Ивана Выжигина. Сатирический роман», М. 1831; 4) Хлыновские степняки Игнат и Сидор, или дети Ивана Выжигина, 2 части», М. 1831; 5) «Церемониал погребения Ивана Выжигина, сына Ваньки Каина. Нравственно-сатирический роман», М. 1831; 6) «Крестный отец Петра Выжигина, или два кума Ивана Выжигина. Аллегорический роман», М. 1831; 7) «Бегство Петра Ивановича Выжигина в Польшу. Нравственно-сатирический роман», М. 1832; 8) «Федор Кривой, или Елизавета Михайловна, супруга Петра Ивановича Выжигина, ни девка, ни вдова и не мужняя жена. Нравственно-сатирический роман» 3 части, М. 1832, и др. На некоторые из перечисленных произведений Орлова, а именно на №№ 2, 3 и 4, Н. И. Надеждин написал рецензию в № 9 «Телескопа» 1831 г., в которой едко вышутил известные романы Булгарина. Н. И. Греч, обидевшийся на рецензию Надеждина, заступился за Булгарина в своей статье, напечатанной в «Сыне Отечества» (№ 27), и обрушился в ней на А. А. Орлова, назвав его книжки «глупейшими» произведениями «какого-то Орлова». Пушкин воспользовался этой статьей Греча для своего ядовитого ответа ненавистному ему Булгарину (см. выше, стр. 376) и написал свою первую статью под псевдонимом Феофилакта Косичкина в форме защиты А. А. Орлова, а затем продолжал свои нападки на Булгарина во второй статье, воспользовавшись другим местом статьи Греча, указанным ему кн. П. А. Вяземским (см. выше, стр. 375—376) и объявлением «Северной Пчелы» (в № 201) о выходе романа Ивана Гурьянова «Новый Выжигин на московской ярмарке»; в объявлении этом «Северная Пчела» назвала Орлова «блаженным». Во второй статье Пушкин также защищал А. А. Орлова. Последний, однако, не понял истинного значения статей Пушкина, не понял того, что упоминания Пушкина о нем являлись только средством к достижению совершенно другой цели: как можно больше уязвить Булгарина. Орлов принял отзывы Пушкина, назвавшего Орлова своим «благородным другом» и пр., за чистую

монету и выразил свою благодарность в письме к Пушкину, до нас не № 485
дошедшем. Ответ Пушкина, утонченно-вежливый по форме, но иронический по существу стал известен бр. Полевым и вызвал с их стороны сильнейшее негодование (об этом см. в Записках Кс. А. Полевого, 1888, стр. 313—317, Николай Полевой, «Материалы...», ред. Вл. Орлова, Л. 1934, стр. 305—307, 461 и в Акад. изд. Сочинений Пушкина, т. IX, ч. 2, стр. 445—457).

— Медный лоб Голиафа Фиглярина — т. е. Ф. В. Булгарина.

— Новый ваш Выжигин — очевидно, один из вышеперечисленных «романов» Орлова 1831 г.

— Объявление в «Молве» о намерении Орлова писать историю русского народа напечатано в № 43 (цинзурн. разреш. 28 октября 1831 г.) на стр. 263—264. Озаглавлено оно — «Литературный слух» и содержит следующие иронически-шутливые строки: «Можем сообщить приятное известие подписчикам на *Историю Русского Народа* [Н. А. Полевого]. Наконец и для них есть верная надежда дождаться всех *двенадцати* ее *томов*. Есть слухи, что добрый и незлопамятный Александр Анфимович Орлов решился помогать Николаю Алексеевичу Полевому в его гениальном труде, и в следствии того перо романиста променял на грифель Клии: он пишет также *Историю Русского Народа*; но дабы скорее удовлетворить алчущих чтения оной, начал работать не с *четвертого*, а с *двенадцатого* тома: и таким образом от Адрианопольского трактата — (крайней точки программы сей Истории), он безостановочно будет пятиться назад, до самого того места, где его грифель столкнется с грифелем г. Полевого. При общеизвестной деятельности сих гениальных писателей можно без сомнения утешаться надеждою, что *История Русского Народа*, отделываемая теперь, на подобие дорожного шоссе, вдруг с двух концов, явится на позорище мира и быстро и великолепно, во всей своей обещанной красе, силе и величии. Давай бог! Давай бог!» В той же «Молве» (1831 г., № 41, стр. 230—232) перед этим напечатано было «заявление» нескольких лиц (анонимно): «В Литературную управу благочиния» от имени «надв. сов. Читаева с товарыщи», в котором было предложено объявить Н. А. Полевого литературным банкротом за задержку выпуска в свет обещанных томов «Истории Русского Народа» и сделать у него обыск, при котором, конечно, не окажется 4-го тома истории; в заключение «челобитчики», «взнося по 3 тома «Истории» Полевого», просили возвратить им деньги. Пушкин, несомненно, читал и эту заметку «Молвы».

— Полевой — Николай Алексеевич. Нападки его на Пушкина находятся в рецензии на «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя, напечатанной Полевым в «Московском Телеграфе» 1831 г., № 17, сентябрь стр. 91—95, в связи с рецензией на «Вечера» Л. А. Якубовича в «Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду» 1831 г., № 79, стр. 623, в которой приведено письмо Пушкина к А. Ф. Воейкову с отзывом о «Вечерах» (см. выше, стр. 407—408). Пушкин, вероятно, имеет в виду еще заметку Полевого в «Московском Телеграфе» 1831 г., № 19, стр. 448, где говорится и о Пушкине и об Орлове (см. Акад. изд. Сочинений Пушкина, т. IX, ч. 2, стр. 456).

 — Говоря о том, что с Полевым «возятся» Воейков и Сомов, Пушкин имеет в виду статью О. М. Сомова под псевдонимом Никиты Лугового в «Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду» А. Ф. Воейкова (№ 94 от 25 ноября, стр. 737—739; см. выше, стр. 407—408).

486. *П. В. Нащокину*. 8 и 10 января 1832 г. (стр. 64). Первая часть письма, писанная 8 января, появилась в отрывке в «Москвитянине» 1851 г., кн. I, № 23, стр. 465, с правильной датой. П. В. Анненков, печатая отрывок его в своих «Материалах» (стр. 322), отнес его к 5 января. С этой неверной датой полностью письмо было напечатано в сб. «Девятнадцатый Век», кн. I, М. 1872, стр. 392—393, причем приписка 10 января напечатана была здесь как самостоятельное письмо и получила отдельный номер (№ 15). С этими ошибками оно печаталось во всех изданиях Сочинений Пушкина, и только Акад. изд. Переписки Пушкина исправило их (т. II, стр. 359—360). Подлинник на листе почтовой бумаги большого формата, с водяными знаками: А. Г. 1829, — был в Остафьевском архиве гр. С. Д. Шереметева, теперь в Центрархиве в Москве; письмо сложено конвертом и запечатано неразборчивой сургучной печатью.

— Не получая от Нащокина писем после отъезда своего из Москвы в Петербург, Пушкин написал Нащокину первую половину письма 5 января; оно осталось не посланным; 8 января Пушкин собирался его отослать, для чего исправил цифру 5 на 8, но в это время получил письмо от Нащокина без даты, относящееся к началу января (см. Переписка Пушкина, т. II, стр. 364—365, и соображения Б. Л. Модзалевского о его датировке в «Сборнике Пушкинского Дома на 1923 год», стр. 14), — и тогда сделал приписку 10 января.

— Посольство. — Пушкина интересовала поездка А. Х. Кнерцера к брату Нащокина, В. В. Нащокину, жившему в Костроме. По поручению П. В. Нащокина А. Х. Кнерцер должен был взять у В. В. Нащокина деньги (см. ниже, стр. 471—473). П. В. Нащокин об этом «посольстве» рассказал сам в письме к Пушкину от начала января: «Приезд Анд. Хр. от Брата меня более огорчил, чем утешил; я так был растроган рассказом о несчастном положении брата, что забыл о собственном своем деле. Вообрази его засаленного, в табаке, с впалыми щеками, с синим лицом в прыщах, с ужаснейшей бородою в ежеминутном раздражении, трясении в руках, всех и всего боится, окружен дьяконами, дьячками, кабашными отставными обер-офицерами; еще какой то обрюзглой Демидовский студент с ним пьет и еще имеет на него бо́льшее влияние. Ко всему этому засадили его жить в запачканную гореньку в Костроме, каким образом уверили его, что ему надо служить, определили его в удельную контору, посадили за него вероятно какого нибудь по жене родственника, который обокрал и был таков, а брата моего теперь щитают и судят и потому живет в городе, а жена в деревне и утешается свободою — ходит гулять с камердинером бывшим князя Грузинского: щеголь, в куртке, в плисовых шароварах, весь в бронзовых цепях и говорит басом. Дома же она прядет вместе с девками, под песню посиделки-девки и т. д.; вечером ездит по деревням сбирать с крестьян пряжу и проч. сам-друг с кучером Кирианом; молодой парень, грубиан, вершков 10-ти. Вся дворня охает, говорит мне Павел камердинер Петрушка все еще ничего, а от Кириана житья нет никому. Вот главные лица вла-

дельцы той усадьбы откуда мой отец так чванно выезжал, где он и похоронен. Если там где он теперь душа также чувствует и понимает, как и здесь, так вот Ад наказание за суетность. — Я занесся любезный Алек. Серг. признаюсь тебе, Брат мне до слез жалок, пособить ему нечем. Анд. Хр. был у него, видел его. Я этого не желаю, заочно содрогаюсь; у человека 80 т. чистого доходу; не завидую а жалею» (Переписка Пушкина, т. II, стр. 364—365). Очевидно, «посольство» не увенчалось успехом, и денег А. Х. Кнерцер для П. В. Нащокина не получил. «Письмо твое о твоем брате ужасно хорошо», — заметил Пушкин в ответе Нащокину (см. выше, стр. 67). № 486

— Брат Нащокина — Василий Воинович (род. 1796); 20 сентября 1812 г. назначен был урядником в конный полк Костромского ополчения, 29 июля 1813 г. произведен был в прапорщики и уволен со службы 23 февраля 1815 г.; в 1815 г. (10 июля) поступил на службу в общую канцелярию Военного Министерства с переименованием в коллежские секретари, а 21 февраля 1816 г. уволен от этой должности. Дальнейшая служба его неизвестна и в списках служащих костромской уездной конторы за 1831 и 1832 гг. он не значится (см. Н. М. Затворницкий, «Указатель биографических сведений... касающихся чинов общего состава по канцелярии военного министерства с 1802 г. по 1902 г.», С.-Пб. 1909, стр. 86, и «Адрес-календарь»); умер в своем родовом имении, с. Шишкине, Костромского уезда, где и погребен, надгробие без дат (см. «Русский Провинциальный Некрополь», т. I, стр. 596). Он был женат на Анне Николаевне Пановой (см. «Русск. Архив» 1883 г., кн. II, стр. 242—243).

— О каком опекунском билете говорит Пушкин — неизвестно.

— «комода» — слово это Пушкин употребляет в женском роде вместо современного «комод» — мужского рода. А такие слова, как дуэль, ниша лента у Пушкина — мужеского рода (см. Е. Ф. Будде, «Опыт грамматики, языка А. С. Пушкина», вып. I, — в «Сборнике Отд. Русск. яз. и слов. Акад. Наук», т. LXXVII, № 4 стр. 26). Встарину слово «архива» употреблялось в женском роде, вместо современного нам «архив».

— О суеверии Пушкина см. в статье С. А. Соболевского, «Таинственные приметы в жизни Пушкина» — в «Русск. Арх.» 1870 г., ст. 1377—1388, в «Рассказах о Пушкине, записанных со слов его друзей П. И. Бартеневым», под ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 40—41 и 106—107 (где приведена библиография вопроса); Сочинения Пушкина, под ред. С. А. Венгерова, т. V, стр. XXV; «Пушкинский сборник памяти С. А. Венгерова», П. 1923, стр. 267. П. В. Нащокин был тоже суеверен (см. сб. «Девятнадцатый Век», кн. I, М. 1872, стр. 393, и указанные выше источники).

— Рахманов — Алексей Федорович (о нем см. выше, стр. 280—281), доверенное лицо Пушкина и Нащокина. Он принимал участие в выкупе заложенных бриллиантов Н. Н. Пушкиной. В переписку с ним Пушкин немного позже и вступил по этому вопросу (см. ниже, стр. 474).

— Что хотел Пушкин сказать фразой: «не забудь Revue de Paris» — неизвестно. «Revue de Paris» — французский журнал.

— «Посольство своего немца» — т. е. поездка А. Х. Кнерцера (о нем см. ниже, стр. 473) к В. В. Нащокину в Костромскую губернию за деньгами

№ 486 П. В. Нащокина (см. выше, стр. 466—467). Пушкин, очевидно, говорит здесь о судебном процессе Нащокина с его братом, как о процессе возможном. Состоялся ли он на самом деле и получил ли Нащокин свои деньги — неизвестно; во всяком случае, как было отмечено выше (стр. 467), денег А. Х. Кнердер с собою не привез, и Нащокин в этот раз их не получил.

— О Н. Н. Пушкиной и о ее времяпрепровождении в Петербурге — см. выше, стр. 449.

— Г. — Государь, т. е. Николай I. П. И. Бартенев со слов П. В. Нащокина записал: «сам Пушкин говорил Нащокину, что государь как офицеришка ухаживает за его женою; нарочно по утрам по нескольку раз проезжает мимо ее окон, а в вечеру на балах, спрашивает, отчего у нее всегда шторы спущены. Сам Пушкин сообщал Нащокину свою совершенную уверенность в чистом поведении Натальи Николаевны». Об отношениях Николая I к Н. Н. Пушкиной см. в «Рассказах о Пушкине, записанных со слов его друзей П. И. Бартеневым», под ред. М. А. Цявловского, П. 1923, стр. 45 и 117—120, и в книге П. Е. Щеголева, «Дуэль и смерть Пушкина», изд. 3, Лгр. 1928, стр. 34—62 и 435—515.

— «Ждет взяток обещанных» — по этому поводу Нащокин писал Пушкину: «Удостоила ли меня Нат. Николаевна каким нибудь *дураком* за обновку новейшего покроя и лучший подарок на праздник, который мог я ей доставить — удовольствием встретить тебя после первого расставания. Прошу поздравить от меня Ната. Николаевну и пожелать ей от меня встретить также приятно новый год, как и тебя. (На старый не сердится с новым померится). В самом деле уведомь меня, что твое отсутствие ни малейшего вреда Вам не сделало, и ножкой топать от нетерпения Наталья Николаевна перестала-ли, не смотря что это должно быть очень к лицу» (Переписка Пушкина, т. II, стр. 364).

— Sur ce — засим, — любимое слово Пушкина (см. в письме к Нащокину от 2 декабря 1832 г.).

— Ольга Андреевна — сожительница Нащокина (о ней см. выше, стр. 268—269).

— Фуляры — платок из шелковой мягкой ткани полотняного тафтяного переплетения. Нащокин о нем писал Пушкину еще 20 июня (см. Переписка Пушкина, т. II. стр. 257), но Пушкин в ответном письме от 26 июня сообщил, что он его не посылает, «ибо с П. Б. всякое сообщение прервано» (см. выше, стр. 28). Не послал он его и с комментируемым письмом, и выслал его только в начале февраля (см. следующие письма Пушкина к Нащокину).

— О денежных делах Пушкина П. В. Нащокин сообщал ему: «задержал я деньги тебе присланные из твоей деревни; не послал же тебе их по почте не так по их тягости (бездна серебра, но денег не много, менее тысячи) как потому что ты мне говорил внести за тебя в Опе[кунский] Сове[т] проценты, почему и рассудил их оставить вместо того чтобы даром платить весовые деньги. Сколько именно их было увидишь из письма твоего управляющего; [1] впрочем ты можешь распорядиться как

[1] Это письмо М. И. Калашникова — неизвестно (см. «Искусство» 1923 г., № 1, стр. 322).

хочешь; деньги готовы и я жду твоего приказания. Твои дела Рохманов кончил, векселя получены; о бриллиантах справлялся, срок еще не выходил, все в порядке» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 364).

— О бриллиантах см. ниже, стр. 474.

— Рахманов — Алексей Федорович (см. выше, стр. 280—281 и ниже, стр. 474).

487. *М. О. Судиенку.* 15 января [1832 г.] (стр. 65). Напечатано впервые П. И. Бартеневым в «Русск. Арх.» 1898 г., кн. I, стр. 166—167, по подлиннику, принадлежавшему тогда внучке Судиенко — Марии Алексеевне Егоровой, рожд. Судиенко, по второму браку Скаржинской, и ныне неизвестно где находящемуся. Письмо вошло в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 360—361, откуда мы его и перепечатываем.

— О Михаиле Осиповиче Судиенке см. в т. II, стр. 367—368.

— М. О. Судиенко жил в это время в своем имении, селе Очкине, Новгород-Северского уезда, на р. Десне, и Пушкин несколько лет его не видел.

— О женитьбе Пушкина см. выше, стр. 208—216. 18 февраля 1832 г. исполнялось ровно год женатой жизни Пушкина.

— София Остафьевна — содержательница увеселительного заведения в Петербурге (о ней см. в т. II, стр. 313).

— О карточной игре Пушкина см. в Дневнике А. Н. Вульфа, под ред. П. Е. Щеголева, стр. 351 и 376; в Воспоминаниях А. П. Керн, под ред. Ю. Н. Верховского, стр. 273—274; Л. Н. Майков, «Пушкин», стр. 330, и в т. II, стр. 440—441.

— Обращался к М. О. Судиенку Пушкин за деньгами уже не в первый раз (см. его письма № 311 и 314 в т. II), и по прежнему долгу с ним рассчитался еще в 1830 г.

— Есть у меня имение — с. Кистенево, Нижегородской губ., Сергачского уезда, полученное Пушкиным от отца 27 июля 1830 г. (см. в т. II стр. 464).

— En fait de grandes progriétaires — т. е. «из числа крупных собственников».

— Яковлев — Иван Алексеевич (род. 1804 — ум. 1882), богач и карточный игрок (см. о нем в т. II, стр. 355—356). Он жил в это время в Париже (см. «Русск. Арх.» 1883 г., кн. I, стр. 190).

— Третий — Николай I.

— Какая-то коллегия — Пушкин прекрасно знал, что он зачислен был на службу в коллегию иностранных дел (см. выше, стр. 359 и ниже стр. 483—484). В это же время он дал подписку о непринадлежности к масонской ложе и к тайному обществу, а 27 января подписал форменное «клятвенное обещание» на верность службы (см. Н. Гастфрейнд, «Пушкин. Документы Госуд. и С.-Пб. Главн. архивов Министерства Иностранных Дел об его службе», С.-Пб. 1900, стр. 23—24 и 26; ср. Сочинения Пушкина, под ред. П. А. Ефремова, изд. А. С. Суворина, т. VII, стр. 462—463). В Музее Революции в Ленинграде хранится книга расписок чиновников Коллегии Иностранных Дел, начиная с 5 марта 1744 г., в чтении определения Коллегии 5 марта 1744 г. и определения Коллегии за подписью Петра I (копия) 13 февраля 1720 г.; в этой книге есть расписка Пушкина: «Читалъ Титулярный

 Совѣтникъ Пушкинъ», находящаяся между расписками других лиц 22 января и 5 февраля 1832 г. (шифр Музея: № 885 кн. пр. Док. до 1917 г., № 853); расписка Пушкина несомненно относится также к 27 января (ср. Н. О. Лернер, «Труды и дни Пушкина», изд. 2, С.-Пб. 1910, стр. 261; «Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты», под ред. М. А. Цявловского, Л. Б. Модзалевского и Т. Г. Зенгер, Л. 1935, стр. 843—846).

— 6000 годового дохода. — Пушкин был зачислен в службу с жалованием 5000 руб., но известие об этом он получил позже, так как в это время оклад его жалованья точно не был установлен (ср. выше, стр. 484).

— Яковлев — Иван Алексеевич — несмотря на такой отзыв о нем, Пушкин в 1836 г. имел с ним денежные расчеты (см. Переписка Пушкина, т. III, стр. 345).

— Un petit déjeuné — т. е. легкий завтрак.

— Жду ответа. — Ответа Судиенки до нас не дошло, и неизвестно, удовлетворил ли он просьбу Пушкина.

488. *Д. Н. Блудову.* 20 января 1832 г. (стр. 65—66). Напечатано впервые В. И. Саитовым в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II. стр. 362, и является единственным письмом Пушкина к Блудову. Подлинник на листе почтовой бумаги большого формата, с водяными знаками: А. Г. 1829, — в Государственном Литературном Музее, в Москве.

— Дмитрий Николаевич Блудов в это время занимался пересмотром архивных документов, хранившихся в разных архивах, преимущественно же в «кабинете его величества», и сосредоточил их в Государственном архиве, занимая должность статс-секретаря и члена комитетов по делам Царства Польского и западных губерний. О нем см. в т. I, стр. 445, в примечаниях Б. Л. Модзалевского к «Дневнику» Пушкина, П. 1923, стр. 78—79, в московском издании «Дневника», 1923, стр. 234—237, и в «Русском Биографическом Словаре», С.-Пб. 1908, стр. 94—98.

— Письмо Блудова к Пушкину, на которое последний отвечает, неизвестно, но о содержании его можно догадываться из следующего письма к Блудову гр. К. В. Нессельроде от 15 января: «Милостивый государь, я имел счастие докладывать государю императору о дозволении титулярному советнику Пушкину отыскивать в Архивах Министерства Иностранных Дел материалы для сочинения истории Петра I. Его императорское величество, изъявив на сие высочайшее соизволение, повелел при том, чтобы из хранящихся в здешнем архиве дел секретные бумаги времен императора Петра I открыты были Пушкину не иначе, как по назначению вашего превосходительства, и чтобы он прочтением оных и составлением из них выписок занимался в Коллегии иностранных дел, и ни под каким видом не брал бы вообще всех вверяемых ему бумаг к себе на дом». Письмо это назначалось Блудову для «сведения и для распоряжения» (Н. Гастфрейнд, «Пушкин. Документы», стр. 18). Очевидно, Блудов и уведомлял Пушкина об изложенном в вышеприведенном письме. С письмом Пушкина нужно сопоставить еще письмо к нему К. С. Сербиновича 18 февраля, которым последний от имени Д. Н. Блудова приглашал Пушкина в Архив Коллегии Иностранных Дел (см. Переписка Пушкина, т. II, стр. 373). Предварительные сношения Пушкина этим и ограничились, и работой над историей Петра он занялся лишь в 1835 г.,

о чем свидетельствует запись его дневника (см. «Дневник» Пушкина, под ред. Б. Л. Модзалевского, П. 1923, стр. 26). М. П. Погодин в письме С. П. Шевыреву от 21 декабря 1831 г. писал, что «проект его [т. е. Пушкина] — писать историю Петра, кажется еще не утвержден» («Русск. Арх.» 1882 г., кн. III, стр. 191). Но это был только слух. Пушкин сам отложил эту работу.

— Дело мне порученное — история Петра I. О занятиях Пушкина историей Петра I см. выше, стр. 359—363, и в «Дневнике» Пушкина, под ред. Б. Л. Модзалевского, П. 1923, стр. 238—239, и в московском издании, 1923, стр. 528—529.

489. *А. Д. Балашеву* 23 января 1832 г. (стр. 66). Напечатано впервые Б. Л. Модзалевским по копии В. П. Гаевского, хранящейся в его бумагах в Пушкинском Доме, в «Сборнике Пушкинского Дома на 1923 год», П. 1922, стр. 16; и затем перепечатано М. А. Цявловским в его изд. «Письма Пушкина и к Пушкину», М. 1925, стр. 18; подлинник письма неизвестен.

— Александр Дмитриевич Балашев (род. 13 июля 1770—ум. 8 мая 1837), генерал-адъютант, генерал-от-инфантерии, член Государственного и Военного Советов, в 1810—1819 гг. был всесильным министром полиции и пользовался тогда особенною известностью по связи своей с делом о высылке М. М. Сперанского; в 1820—1825 гг. он занимал пост рязанского, тульского, орловского, воронежского и тамбовского генерал-губернатора и отличался лихоимством и взяточничеством (см. характеристику, данную ему бар. М. А. Корфом, в «Русск. Стар.» 1902 г., № 3, стр. 485, и в Записках Ф. Ф. Вигеля, под ред. С. Я. Штрайха, т. I, М. 1928, стр. 316—317; биографические сведения о нем см. в «Русском Биографическом Словаре», т. Алексинский—Бестужев-Рюмин, С.-Пб. 1900, стр. 442—444, и в изд. «Столетие Военного Министерства», т. III, отд. IV: Н. М. Затворницкий, «Память о членах военного совета», С.-Пб. 1907, стр. 122—126, где указана и библиография); в бытность Балашева министром полиции имя молодого Пушкина было ему известно со стороны его неблагонадежности, а в 1828 г. в связи с делом о стихах из элегии «Андрей Шенье», проходившем в Государственном Совете, Балашев, подписавший журнал Департамента гражданских и духовных дел, не счел нужным вместе с Н. С. Мордвиновым и А. Н. Олениным усугублять приговор, постановленный Сенатом относительно Пушкина и обязывавший его не выпускать своих сочинений в публику без рассмотрения и пропуска цензуры; это обстоятельство свидетельствует во всяком случае о благожелательном со стороны Балашева отношении к Пушкину (подробнее об этом см. в книге П. Е. Щеголева «Из жизни и творчества Пушкина», изд. 3, Лгр. 1931, стр. 123 и 125). Письменные сношения Пушкина с Балашевым стоят в тесной связи с письмом Нащокина к Пушкину начала января 1832 г. (см. выше, стр. 466—467), и Пушкина к Нащокину от 8—10 января 1832 г. (№ 486) и возникли вследствие желания Нащокина приобрести у А. Д. Балашева участок земли в его даче под Симоновым монастырем, на берегу Москвы-реки; здесь Нащокин для поправления своих запутанных дел предполагал, при содействии немца А. Х. Кнерцера, механика по специальности, завести мельницу и с ее помощью выйти из долгов. Самое большое затруднение.

№ 489 встретившееся Нащокину на первых порах к осуществлению задуманного предприятия, заключалось в отсутствии денег. «Посольство» А. Х. Кнерцера к брату Нащокина, Василию Воиновичу, за деньгами не увенчалось, как говорилось выше (стр. 467), успехом. Извещая Пушкина о неудаче, Нащокин писал ему в начале января, прося достать денег: «Думаем мы с Анд: Хрис: перекрестясь начинать кой как наше заведение. Дело вот в чем: будет тебе легко достать денег как ты сказывал; в таком случае достань и дай их Андрею Христофоровичу который закупит что следует для нашего начала; буде же не так легко как мы думаем в таком случае моя нижайшая просьба себя ни сколько не тревожить» (Переписка Пушкина, т. II, стр. 365). Письмо это, по весьма вероятному предположению Б. Л. Модзалевского, было привезено Пушкину самим А. Х. Кнерцером, который, приехав, просил Пушкина, от имени Нащокина, написать А. Д. Балашеву письмо по вопросу о приобретении от него участка земли. Пушкин исполнил просьбу Нащокина и тогда же обратился к Балашеву с неизвестным нам письмом, на которое Балашев отвечал Пушкину 19 января: «Получа приятное письмо ваше поспешаю на оное ответствовать: я очень рад что Г. Кнерцер прибегнул к посредничеству вашему, по предмету желаемой им купить земли у меня, потому что доставляет мне случай быть в сношении с вами: я полагаю что сия земля находиться должна в имении моем под Симоновым монастырем находящемся и называемом Тюфили; но положения торгуемого места мне неизвестно, то-есть сколько сажен по берегу Москвы реки, и сколько в глубь и также к концу ли границы моей, и какую цену предлагает Г. Кнерцер за десятину, ибо у меня тут 222 десятин, которые мне бы хотелось продать вообще; но в протчем от сего последнего я и отступить могу. — Как скоро обо всех обстоятельствах сих узнаю, то так же скоро и на продажу ответ дать готов как и ныне» (Переписка Пушкина, Акад. изд., т. II, стр. 361). Через три дня, 22 января, Балашев извещал Пушкина: «Обстоятельное предложение касательно Тюфилевой моей дачи имел честь сей час получить. и вот мой ответ: во всей сей даче 222 десятины; цена всей даче 110 000 р. — Естьли небудет охотника на всю дачу, то я решусь продавать и частями; но в сем последнем случае нельзя мне сравнить десятины прибережные с десятинами в глубину, потому что одни других несравненно выгоднее, а потому и расценку сделать должно: неугодно ли будет Г. Кнерцеру (есть ли он здесь) пожаловать ко мне и по плану назначить черту, отделяющую желаемую им часть земли, то мы в цене сговориться можем удобнее. — Мне Обер-Прокурор Новосильцов предлагает назначенную мною цену 110 т. р.; но при совершении купчей дает только 50 т., а остальные на год с залогом той же дачи; а я желаю получить все наличными: вот в чем у нас остановка. — Доходу мне с дачи более нежели что дать могут 110 т. А потому, отдавая дешево, отдать очень дешево не могу. Прибережная же десятина конечно стоит в двое противу прочей» (Переписка Пушкина, Акад. изд., т. II, стр. 362—363). Вот на это второе письмо Балашева Пушкин и отвечал письмом 23 января, комментируемым нами. В начале февраля 1832 г. А. Х. Кнерцер отправился обратно в Москву, получив от Пушкина на дорогу 1000 рублей (см. в следующем письме Пушкина к Нащокину, № 491) и уладив дело с по-

купкою земли в Тюфилях. В дальнейшей переписке Пушкина и Нащокина имя Кнерцера и Тюфили упоминаются несколько раз (см. об этом подробнее в статье Б. Л. Модзалевского в «Сборнике Пушкинского Дома на 1923 год», стр. 12—18, а также в «Литературном Наследстве», № 16—18, стр. 580—582). С Балашевым у Пушкина после этого дела больше не было никаких сношений.

— Г. Кнерцер — Андрей Христофорович Кнерцер (Heinrich Adam Knoerzer, род. 8 февраля 1789 — ум. 5 марта 1853; см. «Московский Некрополь, т. II, стр. 52). В 1851 г. он по адресной книге Москвы значился. почетным гражданином и купцом 2-й гильдии (см. К. Нистрем, «Адрес Календарь жителей Москвы», ч. II, М. 1851, стр. 178) и был механиком по специальности. В распоряжении П. Е. Щеголева находилось еще неопубликованное письмо Кнерцера к Пушкину из Тюфелева 26 января 1834 г.; оно напечатано Ю. Г. Оксманом в «Литературном Наследстве» № 16—18, стр. 580—582.

490. *Е. М. Хитрово.* Воскресенье. [Конец января 1832 г.] (стр. 66) Напечатано впервые в изд. Пушкинского Дома «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово 1827—1832», Лгр. 1927, стр. 31 и 135. Подлинник на листке, оторванном от листа почтовой бумаги большого формата, без водяных знаков, — в ИРЛИ (Пушкинском Доме) Академии Наук СССР; письмо сложено конвертом; датируется в связи с упоминанием о Гончарове и «Евгении Онегине» (см. ниже, стр. 473—474).

Перевод: «Конечно, я не забуду про бал у посланницы и прошу разрешения представить на нем моего шурина Гончарова. — Я очень рад что Онегин Вам понравился: я дорожу Вашим мнением. Воскресенье» *На обороте:* «Госпоже Хитровой».

— Посланница — графиня Д. Ф. Фикельмон, жена австрийского посла (о ней см. выше, т. II, стр. 418—420). К. Я. Булгаков сообщал брату в Москву 1 февраля: «Обед у Австрийского [посла] великолепный. Нас было человек 40, все в парадных мундирах... После обеда тотчас разъехались» («Русск. Арх.» 1904 г., т. I, стр. 73). В письме Пушкина имеется в виду, однако не этот обед; сведений же о бале мы не имеем.

— Шурин Гончаров — один из братьев жены Пушкина, Натальи Николаевны; по правильному предположению Б. Л. Модзалевского здесь имеется в виду «не старший из братьев Гончаровых, Дмитрий Николаевич (род. 1 мая 1808—ум. 1859), служивший в Коллегии Иностранных Дел, состоявший в звании камер-юнкера и, по всему вероятию, уже знакомый с Е. М. Хитрово по придворным балам и встречам в высшем обществе Петербурга, — а Иван Николаевич, только что перед тем вернувшийся с театра войны в Польше (о нем см. в т. II, стр. 396—397, и в примечании к комментируемому письму Пушкина в изд. «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», стр. 136—137).

— Онегин — VIII глава «Евгения Онегина» — «Последняя глава» романа; она вышла в свет, подобно предыдущим, отдельной брошюрой в конце января 1832 г. (ср. Н. Синявский и М. Цявловский, «Пушкин в печати», М. 1914, стр. 112). Предыдущая, VII глава, вышла в марте 1830 г., когда Пушкин, во-первых, был в Москве и, во-вторых, не мог назвать еще Гончарова своим шурином. Вследствие изложенных сообра-

№ 490—491 жений и письмо Пушкина датируется концом января 1832 г. (см. подробнее соображения Н. В. Измайлова в его примечании к этому письму в изд. «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Лгр. 1927, стр. 137). Об участии Е. М. Хитрово в судьбе «Онегина» см. там же, стр. 38—40. Об экземпляре VIII главы Онегина см. еще в письме кн. П. А. Вяземского к Пушкину второй половины января (Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 363, и в письме И. И. Дмитриева к Пушкину; оно цитируется ниже, на стр. 478).

491. *П. В. Нащокину.* [Конец января 1832 г.] (стр. 66—67). Напечатано впервые П. И. Бартеневым в сб. «Девятнадцатый Век», кн. I, М. 1872, стр. 393—394, а затем в Собраниях Сочинений Пушкина и в Акад. изд. его Переписки, т. II, стр. 367. Подлинник — на полулисте почтовой бумаги большого формата, без водяных знаков, был в Остафьевском архиве, ныне в Центрархиве в Москве. Письмо сложено конвертом, печать при вскрытии вырвана с частью текста, бумага по краям оборвана.

Это письмо служит ответом на письмо Нащокина от начала января 1832 г., неправильно датированное Акад. изд. Переписки Пушкина (стр. 364) второй половиной января (см. «Сборник Пушкинского Дома на 1923 год», стр. 14).

— Твои дела кончены — Пушкин извещает Нащокина об окончании переговоров с А. Д. Балашевым через А. Х. Кнерцера и при своем содействии по поводу приобретения у него участка земли на Москве-реке для Нащокина (об этом см. выше, стр. 471—473).

— А. Хр. — Андрей Христофорович Кнерцер (о нем см. выше, стр. 473).

— Рахманов — Алексей Федорович (см. выше, стр. 280—281 и 467). Письмо, о котором говорит Пушкин, — неизвестно.

— Нащокин не ответил на письмо Пушкина 8—10 января, в котором он просил сообщить адрес Рохманова, чтобы переслать ему 5500 руб. для выкупа бриллиантов жены. Не дождавшись письма Нащокина, Пушкин, очевидно, написал Рохманову письмо, адресовав его на имя Нащокина. Ответ А. Рохманова писан 9 февраля 1832 г. (об этом см. ниже, стр. 477; о бриллиантах см. выше, стр. 455, и ниже, стр. 477).

— Арап — чернильница, в виде двух тюков, с прислоненным к одному из них якорем и стоящей между ними фигурой арапа, облокотившегося левой рукой на якорь (о ней см. в статье Н. С. Ашукина, «Пушкинские реликвии», в «Красной Ниве» 13 февраля 1927 г., № 7, стр. 11, где и снимок с чернильницы; снимок воспроизведен также при статье Л. П. Гроссмана «Как жили в Пушкинскую эпоху» — в «Красной Ниве» 12 февраля 1928 г., № 7, стр. 10 и в книге «Пушкин о литературе», под ред. Н. В. Богословского, М. 1934, стр. 225). Посылая эту чернильницу, Нащокин писал Пушкину в начале января: «Посылаю тебе твоего предка с чернильницами (которые открываются), и открывают что он был за человек (à double vue)» (Переписка Пушкина, Акад. изд., т. II, стр. 364). В настоящее время она хранится в ИРЛИ (Пушкинском Доме) Академии Наук СССР, вместе с другими вещами, принадлежавшими Пушкину.

— Фуляры (о них см. выше, стр. 468). Пушкин послал их при следующем письме к Нащокину (см. № 493) через А. Х. Кнерцера, уехавшего в Москву в начале февраля (см. выше, стр. 472).

— Брюллов — Александр Павлович (о нем см. выше, стр. 305—306 № 491 и 447). Портрет Пушкина им не был написан, несмотря на неоднократные напоминания Нащокина о желании иметь портрет друга (см. выше, стр. 278, 283—284 и 374); 10 января 1833 г. Нащокин разочаровано писал поэту: «о портрете я уже говорить не буду» (Переписка Пушкина, т. III, стр. 1; см. также в статье Н. О. Лернера «Лже-Брюлловский портрет Пушкина» — в «Русск. Стар.» 1911 г., № 12, стр. 660 и 663).

— Письмо Нащокина — от начала января (см. выше, стр. 466—467).

— Брат Нащокина — Василий Войнович (о нем см. выше, стр. 467).

492. *А. Х. Бенкендорфу.* [7 февраля] 1832 г. (стр. 67). Напечатано впервые, в отрывке, М. М. Поповым в его статье «А. С. Пушкин» — в «Русск. Стар.» 1874 г., № 8, стр. 710, откуда вошло в изд. Сочинений Пушкина под ред. П. А. Ефремова, т. VII, М. 1882, стр. 391, и под ред. П. О. Морозова, т. VII, С.-Пб. 1887, стр. 299. Полностью с подлинника впервые напечатано П. А. Ефремовым в Сочинениях Пушкина, изд. А. С. Суворина, т. VII, стр. 456, и перепечатано в последующих изданиях, в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 369 — 370, и С. С. Сухониным в изд. «Дела III Отделения... об А. С. Пушкине», С.-Пб. 1906, стр. 126. Подлинник на листе почтовой бумаги большого формата с водяными знаками: А. Г. 1829, — в ИРЛИ (Пушкинском Доме) Академии Наук СССР, в собрании Пушкинского Лицейского Музея, куда поступил из архива III Отделения. Хотя письмо и имеет дату 7 января, но, как это доказал В. Я. Брюсов (см. его заметку «Описка Пушкина» в «Русск. Арх.» 1906 г., кн. I, стр. 328), оно писано 7 февраля, в один день с письмом Бенкендорфа к Пушкину, на которое является ответом. (Ср. В. Я. Брюсов, «Письма Пушкина и к Пушкину», М. 1903, стр. 66, и Н. О. Лернер в «Историч. Вестн.» 1905 г., № 6, стр. 957). Дата впервые исправлена В. И. Саитовым в Акад. изд. Переписки Пушкина.

А. Х. Бенкендорф 7 февраля официально писал Пушкину: «Генерал-Адъютант Бенкендорф покорнейше просит Александра Сергеевича Пушкина доставить ему объяснение, по какому случаю помещены в изданном на сей 1832 год Альманахе под названием Северные Цветы некоторые стихотворения его, и между прочим *Анчар, древо яда,* без предварительного испрошения на напечатание оных высочайшего дозволения» (см. Переписка Пушкина, т. II, стр. 368 — 369). Пушкин отвечал, по выражению Н. В. Измаилова «спокойно и достойно отводя от себя обвинение в измене данному слову» («Пушк. и его совр.» в. XXXI—XXXII, стр. 4). Как известно (см. выше, т. II, стр. 207 — 210), Пушкин должен был на опубликование своих произведений испрашивать через А. Х. Бенкендорфа разрешение у Николая I, и только после одобрения последнего поэту разрешалось их печатать; по крайней мере так гласят два официальных письма Бенкендорфа к Пушкину — 30 сентября и 22 ноября 1826 г; но Пушкин толковал это решение Николая в том смысле, что ему не запрещалось и печатание сочинений на общих основаниях, т. е. путем прохождения их через существовавшую официальную цензуру. Так поступил Пушкин и печатая свои стихи в «Северных Цветах на 1832 год». С своей стороны Бенкендорф не упускал случая пользоваться каждым удобным для него моментом, чтобы тем или иным способом дать

№ 492 почувствовать поэту всю зависимость его от III Отделения, а Пушкину приходилось оправдываться. Согласно резолюции А. Н. Мордвинова, положенной на письме Пушкина, он вызван был к Бенкендорфу 10 февраля, вследствие своего желания, и там, очевидно, дал устное объяснение (см. «Русск. Арх.» 1906 г., кн. I, стр. 328, и Н. О. Лернер, «Труды и дни Пушкина», изд. 2, С.-Пб. 1910, стр. 262). Не удовлетворившись, однако письменным и устным объяснениями, Пушкин, составляя через несколько дней новое письмо Бенкендорфу (24 февраля), вновь пытался изложить в довольно пространной форме свой взгляд на затруднительность положения, в каком он оказывался, подвергаясь двойной и неопределенной цензуре; впрочем, при окончательной редакции письма вся эта часть его была Пушкиным отброшена (об этом см. ниже, стр. 482, в примечаниях к письму № 495). Ср. также в черновом письме Пушкина к Бенкендорфу от второй половины августа 1828 г. (в т. II, № 278).

— Древо яда — стихотворение Пушкина, написанное еще в 1828 г. в Малинниках, было напечатано в «Северных Цветах на 1832 год», С.-Пб. 1831, стр. 113 — 115 второй пагинации, под заглавием: «Анчар, древо яда». В том же альманахе Пушкин напечатал: «Моцарт и Сальери», «Анфологические эпиграммы», «Эхо», «Делибаш» и «Бесы» (см. Н. Синявский и М. Цявловский, «Пушкин в печати», М. 1910, стр. 109 — 110), и тогда же издал их отдельною брошюрой (ценз. разреш. 7 января 1832 г.), представляющей большую библиографическую редкость (см. в указ. труде, стр. 111, «Пушкин и его соврем.» вып. XXXI—XXXII, стр. 5, примеч., и Л. Б. Модзалевский, «Новые материалы об изданиях Пушкина» в «Звеньях», № 2, стр. 243). Но из всех вышеперечисленных произведений только «Анчар» привлек к себе внимание III отделения. Появление «Анчара» почти совпало с запрещением «Европейца» (об этом см. ниже, стр. 505—508) за статью И. В. Киреевского «XIX век»; в ней Бенкендорф усмотрел «не что иное как рассуждение о высшей политике» под видом литературы, где «сочинитель, рассуждая будто бы о литературе, разумеет совсем иное: под словом *просвещение* он понимает *свободу, деятельность разума* означает у него *революцию*, а искусно *отысканная середина* не что иное как *конституция*» (см. ниже, стр. 505). Мы, к сожалению, не знаем разговора, происходившего между Бенкендорфом и Пушкиным 10 февраля 1832 г., но можно догадываться, что Бенкендорф, упрекая за напечатание «Анчара», указал Пушкину на «политические подразумения» в статье и стихотворении. Это дало поэту повод в черновом письме к Бенкендорфу 24 февраля писать: «Весьма простым образом сия цензура [т. е. цензура Бенкендорфа] будет смотреть на меня с предубеждением и находить везде тайные применения, allusions и затруднительности — а обвинения в применениях и подразумениях не имеют границ ни оправданий, если под словом *дерево* будут разуметь конституцию, а под словом *стрела* [⟨зачеркнуто⟩: свободу] самодержавие...» (см. выше, в письме № 495). Несомненно, что именно такие «сближения» и делали Бенкендорф и его помощники, обратившие внимание на «Анчара», получившего, таким образом, политическое истолкование (об «Анчаре» см. в Сочинениях Пушкина, под ред. П. О. Морозова, изд. «Просвещение», т. II, стр. 439—441, и в новейших статьях: Н. В.

Измайлова, «Из истории Пушкинского текста «Анчар, древо яда» — в сб. «Пушкин и его соврем.», вып. XXXI—XXXII, стр. 3—14 и Д. П. Якубовича в «Литературном Наследстве» № 16—18, стр. 867—874.

— Высочайшая милость — т. е. принятие Николаем I звания цензора произведений Пушкина в 1826 г. Кн. П. А. Вяземский писал по этому поводу А. И. Тургеневу и В. А. Жуковскому 29 сентября 1826 г.: «Государь обещался сам быть его Цензором. Вот и это хорошо! Какое противоречие! Государь или правительство может давать привиллегии в ущерб казне, но как давать привиллегии в ущерб нравственности народной? Одно из двух: или Цензура притеснительна, тогда отмени ее, или она истинный страж, не пропускающий заразы, и тогда как можно давать кому нибудь право миновать ее?» («Арх. бр. Тургеневых», вып. 6, П. 1921, стр. 42—43). В письме же к жене, через четыре года (18 мая 1836 г.), поэт с горечью писал: «Будучи еще порядочным человеком, я получал уже полицейские выговоры и мне говорили: Vous avez trompé, и тому подобное», т. е. вы обманули (Переписка Пушкина, Акад. изд. т. III, стр. 316; ср. П. В. Анненков, «Воспоминания и критические очерки», отдел III. СПб. 1881, стр. 256—257). Недоразумения на почве цензурования стихов Пушкина продолжались и в следующие годы (см. статью М. И. Сухомлинова «Император Николай Павлович — критик и цензор сочинений Пушкина» — в «Исследованиях и статьях» М. И. Сухомлинова, т. II, СПб. 1889, стр. 208—216).

493. *П. В. Нащокину* [начало февраля 1832 года] (стр. 68). Напечатано впервые П. И. Бартеневым в сб. «Девятнадцатый Век», кн. I, М. 1872, стр. 394, а затем в собраниях Сочинений Пушкина и в Акад. изд. Переписки Пушкина, т, II, стр. 370. Подлинник, писанный карандашом, на листе почтовой бумаги обыкновенного формата с водяными знаками: А. Г. 1829,—в ИРЛИ (Пушкинском Доме) Академии Наук (дар А. А. Журавлева); письмо сложено конвертом и запечатано облаткой. Оно переслано было Нащокину через уезжавшего в Москву А. Х. Кнерцера (см. выше, стр. 472).

— О фулярах см. выше, стр. 468 и 474.

— О бриллиантах, заложенных у Вейера, см. выше, стр. 474. Из письма А, Рохманова к Пушкину 9 февраля (это письмо является ответом на недошедшее до нас письмо к нему Пушкина) видно, что Рохманов выкупил бриллианты из Ломбарда при Московском Воспитательном Доме, где они были заложены за 9100 рублей (см. письмо Рохманова в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 370—371, и И. А. Шляпкин, «Из неизданных бумаг Пушкина», С.-Пб. 1903, стр. 161—163). О выкупе бриллиантов Пушкин вспоминает в своем дневнике под 8 января 1835 г., но добавляет, что, выкупив их, «принужден был их перезаложить в частные руки — не согласившись продать их за бесценок» («Дневник» Пушкина, московское издание, 1923, стр. 67 и примеч. стр. 522; см. также в изд. «Дневника» под ред. Б. Л. Модзалевского, П. 1923, стр. 231—232). Пушкин выкупил бриллианты в этот раз все же не все (см. «Русск. Арх.» 1882 г., кн. I, стр. 232, примеч.).

— Ответ Рахманова — Пушкин, как указано выше, его получил. Это было письмо от 9 февраля 1832 г. из Москвы.

№ 494 494. *И. И. Дмитриеву.* 14 февраля [1832 г.] (стр. 68). Напечатано впервые по сообщению М. А. Дмитриева, в «Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1721—1722, по подлиннику, ныне неизвестно где находящемуся; затем вошло в собрание Сочинений Пушкина и в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 371—372.

— Об Иване Ивановиче Дмитриеве и об отношениях Пушкина и Дмитриева см. в т. I, стр. 244—245, в т. II, стр. 206, 207, 389 и др., а также выше, стр. 276 и 446.

Это письмо Пушкина открывает собою ряд немногочисленных писем поэта Дмитриеву полуофициального характера. Пушкин отвечал Дмитриеву на следующее письмо (от 1 февраля): «Милостивый государь Александр Сергеевич! Всем сердцем благодарю вас за Альманах, и за все прекрасные цветы собственной вашей Оранжереи; равно и за песнь Онегина, хотя я и вздохнул, что она последняя, и герой ваш отложил Путешествие свое по любезной отчизне. —[1] Не скажу с Пчелою, что вы *ожили*: в постоянном вашем здоровье всегда был уверен; изменение только в том, что вы, благодарение Фебу, год от года мужаете и здоровеете. Ваши Годунов, Моцарт и Салиери доказывают нам, что вы не только Поэт-Протей, но и сердцеведец, и живописец и музыкант. До сих пор после Карамзина (в старинных его мелких стихах) один только Пушкин заставляет меня читать *белые* свои стихи и забывать о рифмах. — Но старческая искренность и говорливость заставили меня позабыть и приговор Полевого о нашей братье ветеранах. По крайней мере я еще жив для чутья к изящному. Оно увлекло меня. — Заключаю столь же искренним уверением в совершенном почтении, которое навсегда сохранит, милостивый Государь, покорнейший ваш слуга Иван Дмитриев. — PS. Дозвольте попросить вас сказать мое почтение вашим родителям и любезному Василию Андреевичу [Жуковскому]. Я еще прочитал прекрасные стихи его уже в печати, с прежним чувством умиления и благодарности за себя и моего друга. Благодарю его также и за новейшую Поэзию его в Альманахе и Европейце» (Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 367—368).

— Белые стихи — белыми стихами написана трагедия Пушкина «Моцарт и Салиери», только что появившаяся в «Северных Цветах на 1832 год» (стр. 17—32 второй пагинации, с датой 26 октября 1830 г.). Задумана она была еще в 1826 г. в Михайловском (см. Барсуков, «Жизнь и труды Погодина», кн. II, стр. 42). Кроме приведенного выше отзыва Дмитриева об этой трагедии, произведшей на него сильное впечатление, Дмитриев 9 апреля писал кн. Вяземскому: «Я не вытерпел прочитать еще раз «Моцарта и Сальери». По этому, говоря модным языком, *созданию* признаю я и мыслящий ум, и поэтический талант Пушкина в мужественном полном созрении» («Старина и Новизна», кн. II, стр. 164). Трагедия сразу же по выходе в свет была поставлена два раза на сцене в Петербургском большом театре (27 января и 1 февраля), но успеха у публики не имела и больше при жизни Пушкина не ставилась (см. в статье П. Н. Столпянского

[1] См. отзыв А. И. Тургенева о VIII главе «Онегина», «Арх. бр. Тургеневых», вып. VI, стр. 91. Об экземпляре VIII главы, посланном Дмитриеву, см. в письме кн. П. А. Вяземского Пушкину — в Переписке Пушкина, т. II, стр. 363.

в сб. «Русск. Библиофила» 1911 г. — «А. С. Пушкин», стр. 75; ср. «Северн. Вестн.» 1895 г. № 9, стр. 328). О «Моцарте и Салиери» см. статьи Д. Дарского в его книге «Маленькие трагедии Пушкина», 1915, стр. 36—52; Евг. Браудо в «Столице и Усадьбе» 1915 г., № 45, стр. 13—14; А. Горнфельда в Сочинениях Пушкина, под ред. С. А. Венгерова, изд. Брокгауза-Ефрона, т. III, стр. 118—125, а также П. В. Анненков, «Материалы», изд. 1855 г., стр. 288—289, и изд. 1873 г., стр. 279—280; «Пушкин и его соврем.», вып. IV, стр. 24 (№ 7), вып. XXIII — XXIV, стр. 182—184, 189 (отзывы «Северн. Пчелы»), заметку Н. О. Лернера в его книге «Рассказы о Пушкине», Лгр. 1929, стр. 216—218, статьи В. Я. Брюсова в «Русск. Арх.» 1900, кн. II, стр. 537—545; 1901, кн. I, стр. 158—164 и кн. III, стр. 574—579 и выше, т. II, стр. 121 и 491.

— О запрещении «Европейца» см. выше, стр. 436, и ниже, стр. 505, в примечаниях к письму Пушкина к И. В. Киреевскому (№ 502).

495. *А. Х. Бенкендорфу* — 24 февраля 1832 (стр. 69—70). Беловой текст напечатан впервые в отрывке М. М. Поповым в «Русск. Стар.» 1874 г., № 8, стр. 708, а полностью в Сочинениях Пушкина, изд. А. С. Суворина, т. VII, стр. 464, затем в изд. С. С. Сухонина «Дела III Отделения... о Пушкине» С.-Пб. 1906, стр. 127, в Переписке Пушкина, под ред. В. И. Саитова, т. II, стр. 373—374, и в последующих изданиях Сочинений Пушкина. Подлинник на листе почтовой бумаги большого формата, без водяных знаков, — в ИРЛИ (Пушкинском Доме) Академии Наук в собрании Пушкинского Лицейского Музея, куда поступил из архива Департамента полиции. Черновое письмо напечатано впервые, не совсем исправно, И. А. Шляпкиным в его книге: «Из неизданных бумаг А. С. Пушкина», С.-Пб. 1903, стр. 86—87 и в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 374 — 375. Подлинник написан на чистых листах письма К. С. Сербиновича к Пушкину от 18 февраля 1832 г., хранится там же, в собрании И. А. Шляпкина; письмо написано на почтовой бумаге большого формата, без водяных знаков, с красными цифрами 18 и 17 жандармской нумерации.

— Книга — «Полное Собрание Законов Российской Империи с 1649 года [по 1825 год]. Санктпетербург. Печатано в типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830». В библиотеке Пушкина издание это не сохранилось. По описи библиотеки, составленной после его смерти, 13 апреля 1837 г., значилось 55 томов этого издания (ср. П. Е. Щеголев, «Материальный быт Пушкина» в журн. «Искусство» 1929, май — июнь, № 3—4, стр. 42, и «Литературное Наследство» № 16—18, в работе Л. Б. Модзалевского, стр. 1005). Издание это было приобретено за 560 рублей за счет Кабинета Николая I и препровождено Пушкину 17 февраля 1832 г. при следующем письме А. Х. Бенкендорфа к Пушкину (за № 118): «Шеф Жандармов, Командующий Императорскою Главною Квартирою, Генерал-Адьютант Бенкендорф, свидетельствуя свое почтение Александру Сергеевичу, честь имеет препроводить при сем один экземпляр полного собрания законов Российской Империи, назначенного Александру Сергеевичу в подарок Его Императорским Величеством. Генерал-Адьютант Бенкендорф» (Переписка Пушкина, т. II, стр. 372; В. Я. Брюсов, «Письма Пушкина и к Пушкину», М. 1903, стр. 67). Приобретению этого подарка для Пушкина предшествовала переписка между

№ 495 А. Х. Бенкендорфом и министром императорского двора кн. П. М. Волконским. Напечатана она Н. О. Лернером в его статье «Из неизданных материалов для биографии Пушкина. Царский подарок» — в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. XV, стр. 34—38 (ср. заметку Г. Есипова «Подарок императора Николая Пушкину» — в «Историч. Вестн.» 1887 г., № 2, стр. 470). Пушкин при своих занятиях русскою историею, конечно, часто обращался к полному собранию законов. Так, например, в письме к жене из Болдина от 11 октября 1833 г. он писал: «Съезди к Плетневу и попроси его, чтоб он к моему приезду велел переписать из Собрания Законов (год 1774 и 1775 и 1773) все указы, относящиеся к Пугачеву» (см. выше, стр. 108). В материалах, собранных Пушкиным для истории Пугачевского бунта, не вошедших в изданный им об этом труд и остающихся до сих пор не изданными (см. «Пушкин и его соврем.», вып. IV, стр. 30—31, и «Русск. Стар.» 1884 г., № 12, стр. 573, тетрадь № 2391), есть также много выписок из «Собрания законов», сделанных рукою Пушкина.

— Предпринимаемый мною труд — «История Петра Великого». Как известно, Пушкин не написал ее, но начал собирать материалы (см. выше, стр. 360—361). В процессе работы Пушкину понадобилось рассмотреть личную библиотеку Вольтера, который пользовался разными редкими книгами и рукописями, доставленными ему И. И. Шуваловым для предпринятой Вольтером истории Петра Великого. Вследствие просьбы Пушкина о допущении его в Эрмитаж, где тогда хранилась библиотека Вольтера, А. Х. Бенкендорф по получении разрешения Николая I и снесясь с министром императорского двора кн. П. М. Волконским (письмо к последнему Бенкендорфа от 1 марта, за № 1162, и ответ Волконского от 2 марта напечатаны в изд. С. С. Сухонина «Дела III Отделения... о Пушкине», С.-Пб. 1906, стр. 128 и 130), писал 29 февраля Пушкину (за № 1163): «Милостивый Государь Александр Сергеевич! По письму Вашему от 24 февраля докладывал я Государю Императору, и Его Величество Всемилостивейше дозволил Вам рассмотреть находящуюся в Эрмитаже библиотеку Вольтера, о чем и сообщено мною Г. Министру Императорского Двора. Уведомляя о сем Вас, имею честь быть с истинным почтением и преданностью, Милостивый Государь, Ваш покорный слуга А. Бенкендорф» (Переписка Пушкина, т. II, стр. 376; «Дела III Отделения... о Пушкине», С.-Пб. 1906, стр. 129, и В. Я. Брюсов, «Письма Пушкина и к Пушкину», М. 1903, стр. 68). Придворная Контора, получив предписание министра двора от 2 марта (см. его в «Литературном Наследстве» № 16—18, стр. 910), 3 марта, за № 22, отправила следующее отношение, небезызвестному ученому, академику Егору Егоровичу Келеру (род. 13/25 августа 1765 — ум. 22 января 1838), бывшему с 20 августа 1817 г. начальником I Отделения Эрмитажа: «Господин Министр Императорского Двора конторе сообщил, что Государь Император повелеть соизволил допустить известного Сочинителя Александра Пушкина рассмотреть хранящуюся в Эрмитаже библиотеку Вольтера, о чем для надлежащего со стороны Вашей распоряжения сим Вашему Превосходительству и рекомендуется. Советник Петр Шретер, Секретарь Барон Биельский, титулярный Советник Лебрюн» (см. «Литературное Наследство» № 16—18, стр. 910). Несомненно, что именно с Е. Е. Келером Пушкин и имел дело, посещая Эрмитаж для своих занятий; к сожалению,

нам неизвестно, когда и сколько раз он там был. Известно только, № 495
что библиотеку Вольтера он рассматривал 10 марта, о чем оставил запись в своей записной книжке, хранящейся в Рукописном Отделении Публичной Библиотеки в Ленинграде, в бумагах А. А. Краевского; в ней находятся заметки о книгах из библиотеки Вольтера, а также сделанный им рисунок с известной статуи Вольтера, работы Гудона (см. Л. Б. Модзалевский, «Рукописи Пушкина в собрании Государственной Публичной Библиотеки в Ленинграде», Лгр. 1929, стр. 26, а также подробно в статье Д. П. Якубовича в «Литературном Наследстве», № 16—18, стр. 905—922).

— Библиотека Вольтера — приобретена была Екатериной II в 1779 г. и поступила на хранение в Эрмитаж (см. «Музей Императорского Эрмитажа. Описание различных собраний, составляющих Музей...», С.-Пб. 1861, стр. 128—135). Запись П. И. Бартенева со слов П. В. и В. А. Нащокиных о том, что библиотека Вольтера находилась в Царскосельском Лицее, неверна (см. «Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым», под ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 25 и 72). О библиотеке Вольтера, хранящейся в Публичной Библиотеке в Ленинграде, см. заметку Е. Т. в «Стройке» 1931 г., № 22, август, и в «Библиограф. Записках» 1861 г., т. III, № 20, стр. 663-664 и в назв. статье Д. П. Якубовича, стр. 905—908.

— Шувалов — Иван Иванович (род. 1 ноября 1727 — ум. 14 ноября 1797), вельможа и меценат эпохи Елизаветы и Екатерины II, первый куратор Московского Университета, президент Академии Художеств, покровитель М. В. Ломоносова. По поручению Шувалова в 1757 г. Ф. П. Веселовский ездил к Вольтеру в Женеву с целью пригласить его в Россию и написать историю Петра Великого (об этом см. «Арх. кн. Воронцова», т. III, стр. 266-267, и т. XXXIII, стр. 261—262; ср. «Русск. Арх.» 1887 г., кн. III, стр. 445). С тех пор между Шуваловым и Вольтером возникла большая переписка, продолжавшаяся много лет, причем Шувалов снабжал Вольтера ценными документами, гравюрами, медалями и тому подобными материалами для работы над историей Петра. Вольтер написал труд под следующим заглавием: «Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand», который, впрочем, не удовлетворил Шувалова. В библиотеке Пушкина отдельного издания труда Вольтера не было, но Пушкин знаком был с ним по изданию «Oeuvre complète de Voltaire. Nouvelle édition. Paris. MDCCCXVII—MDCCCXX», в которое вошел названный труд Вольтера (в т. XV); оно сохранилось в библиотеке Пушкина, и некоторые страницы этого тома разрезаны (см. Б. Л. Модзалевский, «Библиотека Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 361—362). Подробности о знакомстве Пушкина с перепиской Шувалова с Вольтером см. в назв. работе Д. П. Якубовича в «Литературном Наследстве», № 16—18, стр 906—908.

— О каком стихотворении, препровожденном Пушкиным А. Х. Бенкендорфу, говорится в комментируемом письме, сказать не можем.

(К черновому тексту)

— Объявление Пушкину желания Николая I быть его цензором состоялось не в 1827 г., а в 1826 г. (см. выше, в примечаниях к письмам №№ 469 и 492, стр. 428 и 475—477).

— О каком объявлении через П. Я. Фон-Фока (брат (?) М. Я. Фон-Фока) воли Николая I в конце 1828 г. говорит Пушкин — неизвестно (Пушкиным эта фраза не дописана и зачеркнута). Во всяком случае объявление это было словесное, так как документов, подходящих к тому, что написал в этой фразе Пушкин, не существует.

— О стеснении Пушкина двойной цензурой (обыкновенной и личной Николая I) см. в письме № 492 и в примечаниях к нему, на стр. 475—477.

— Говоря о том, что, «если под словом дерево будут разуметь конституцию, а под словом стрела самодержавие», Пушкин имеет в виду эпизод с своим стихотворением «Анчар. Древо яда» (ср. в примечаниях на стр. 476—477).

— Черновик второй половины (большей) этого письма Пушкин не перебелял и не послал Бенкендорфу. Судя по словам, написанным в конце этого черновика Н. Н. Пушкиной как бы в виде «пробы пера», можно предположить, что Пушкин составлял его в присутствии жены.

496. *Кистеру* [Вторая половина февраля 1832 г.] (стр. 70—71). Впервые напечатано И. А. Шляпкиным в его книге «Из неизданных бумаг А. С. Пушкина», С.-Пб. 1903, стр. 87, и вошло в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 376. В очень уменьшенном виде воспроизведено facsimile в книжке И. С. Зильберштейна, «Из бумаг Пушкина», М. 1926, стр. 58 (ср. еще на стр. 62). Подлинник написан на четвертой странице письма К. С. Сербиновича к Пушкину от 18 февраля 1832 г. и хранится в ИРЛИ (Пушкинском Доме) Академии Наук СССР, в собрании И. А. Шляпкина.

Письмо датируется на основании даты письма К. С. Сербиновича и временем проживания Пушкина на Галерной ул., в доме Брискорн (выехал оттуда Пушкин уже в мае 1832 г.); оно касается, как указывает и сам Пушкин, векселя, выданного им еще в 1820 г., и стоит в тесной связи с публикацией в «Сенатских Объявлениях о запрещениях на недвижимые имения» от 1 ноября 1830 г., № 44, стр. 2853, в статье 15456; публикация эта гласит следующее: «От С. Петербургского Губернского Правления 16 октября 1830 г. за № 2447 налагается запрещение на недвижимое имение, где бы какое ни оказалось отставного Коллежеского Секретаря Александра Сергеевича Пушкина за неплатеж Титулярному Советнику Кистеру по заемному письму, данному 1820 года февраля 8-го на имя Барона Шиллинга, переданному портному мастеру Серендену, а от сего к Кистеру по передаточной надписи дошедшему, 500 рублей». В бумагах Пушкина, находившихся в распоряжении П. Е. Щеголева (теперь в Пушкинском Доме), сохраняется выписка «из книг Гражданской Палаты о запрещениях», почти дословно повторяющая вышеприведенную публикацию[1] и писанная рукою писца, со следующею припискою, без даты, неизвестного лица, очевидно, исполнявшего поручение Пушкина: «Вот справка, полученная мною от стряпчего Г. Круглова. — Г. Кистер есть один из известных спекуляторов города, покупает и перепродает векселя и живет более в передних присутственных мест, чем у себя на квартире. — Если хотите писать к нему, то пришлите письмо на мое имя; оно дойдет

[1] В ней указан только бар. Штиглиц — ошибочно, вместо бар. Шиллинга.

исправно по назначению». Приведенными документами и объясняется письмо Пушкина к Кистеру, личность которого подробнее установить не удалось. Известно, что в 1819 году Пушкин выдал барону Сергею Романовичу Шиллингу вексель в 2000 рублей, вследствие проигрыша в карты (см. статьи: Л. С. Мацеевича, «Карточный должок А. С. Пушкина (К материалам для его биографии)» в «Русск. Стар.» 1878 г., № 7, стр. 498—502, и И. А. Смирнова «Дело о Пушкине (1820)» изд. «Пушкинской Комиссии Одесского Литературно-Артистического Общества», Одесса 1899, стр. 10; ср. «Пушкин», под ред. М. П. Алексеева, вып. I, Одесса 1925, стр. 58—59; «Отчет Императорской Публичной Библиотеки за 1900—1901 гг.», стр. 231; «Русь» 31 июля 1907 г., № 199, Л. Б. Модзалевский, «Рукописи Пушкина, хранящиеся в Публичной Библиотеке в Ленинграде», Лгр. 1929, стр. 42, и «Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты», под ред. М. А. Цявловского, Л. Б. Модзалевского и Т. Г. Зенгер, Л. 1935, стр. 797—799); нет никакого сомнения в том, что и вексель Пушкина 1820 г. на 500 рублей, перешедший затем к Кистеру, выдан был Пушкиным тому же барону С. Р. Шиллингу и весьма возможно, что он имеет такое же происхождение, т. е. денежный проигрыш. Расплатился ли Пушкин по нему с Кистером спустя 12 лет остается не выясненным.

497. *А. Х. Бенкендорфу.* 3 мая 1832 г. (стр. 71). Напечатано впервые П. А. Ефремовым в Сочинениях Пушкина, изд. А. С. Суворина, т. VII, стр. 465, затем в книге С. С. Сухонина «Дела III Отделения... о Пушкине», С.-Пб. 1906, стр. 131, и вошло в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 381. Подлинник на полулисте (вторая половина листа отрезана) почтовой бумаги большого формата, без водяных знаков, — в ИРЛИ (Пушкинском Доме) Академии Наук СССР, в собрании Пушкинского Лицейского Музея, куда он поступил из архива Департамента полиции; письмо сложено конвертом.

Перевод: «Генерал. Его величество, соблаговолив заинтересоваться моей судьбой, назначил мне жалованье. Но так как я не знаю, откуда я должен его получать и считая с какого дня, я беру на себя смелость, обратиться к вашему высокопревосходительству с просьбой вывести меня из неизвестности. Простите мою назойливость и примите ее с привычной вам снисходительностью. Остаюсь с уважением, генерал, вашего превосходительства нижайшим и покорнейшим слугою Александр Пушкин».

Письмо это вызвано неопределенным положением, в котором оказался Пушкин после принятия его на службу в Коллегию Иностранных Дел, не получая жалованья (ср. выше, стр. 421, в примечаниях к письму № 466). Вследствие обращения Пушкина, делу был дан ход, и 10 мая Бенкендорф писал гр. К. В. Нессельроде, за № 2468: «По всеподданнейшему моему докладу словесно сделанного мне Вашим Сиятельством отзыва, что по вверенному Вам Министерству не имеется ныне штатного места для г. Пушкина, по которому бы могло ему быть определено жалованье, его величество повелел мне сообщить Вам, Милостивый Государь, высочайшую волю, дабы Вы, назначив ему ныне жалованье по усмотрению Вашему, сообщили г. Министру Финансов о производстве ему оного из Государственного Казначейства, со дня вступления его в Министерство Иностранных дел по 1-е Генваря 1833 г., а к будущему году внесли бы оклад его в общую

 смету расходов вверенного Вам Министерства. Сим исполняя его величества волю, имею честь быть Вашего Сиятельства покорнейший слуга А. Бенкендорф» (Н. А. Гастфрейнд, «Пушкин. Документы Госуд. и С.-Пб. Главн. архивов Министерства Иностранных Дел... 1831—1837», С.-Пб. 1900, стр. 29, и С. С. Сухонин, «Дела III Отделения... о Пушкине», С.-Пб. 1906, стр. 132). После запроса гр. Нессельроде 14 июня о размере жалованья (см. там же, стр. 29—30 и 133) Бенкендорф отвечал гр. Нессельроде 20 июня о том, что, по его мнению, Пушкину «жалованья могло бы быть назначено пять тысяч рублей» (там же стр. 30 и 134). После сношений гр. К. В. Нессельроде с Министерством Финансов и обширной канцелярской переписки с хозяйственными органами Министерства Иностранных Дел Пушкин, наконец, получил свое первое жалованье, о чем свидетельствует следующая его расписка: «Я ниже подписавшийся получил из Казначейства Министерства Иностранных дел следующие на известное Его Императорскому Величеству употребление с 14 ноября 1831 г. по 1 мая Сего 1832 года всего 2319 р. 44¼ к., в чем и дал сию росписку. Июля 27 дня 1832 Титулярный Советник Александр Пушкин» (Н. Гастфрейнд, op. cit., стр. 30—31, и следующие расписки Пушкина, 9 сентября и 28 декабря 1832 г., и воспроизведение второй расписки Пушкина — там же, стр. 32—33; ср. «Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты», под ред. М. А. Цявловского, Л. Б. Модзалевского и Т. Г. Зенгер, Л. 1935, стр. 846). Любопытный рассказ о назначении Пушкину жалованья, не отраженный, конечно, в официальной переписке, находим в дневнике Н. А. Муханова, который записал его 29 июня 1832 г., со слов гр. Д. Н. Блудова, на квартире кн. П. А. Вяземского, где был и Пушкин: «[Блудов] сказал Пушкину, что он о нем говорил государю и просил ему жалованья, которое давно назначено, а никто давать не хочет. Государь приказал переговорить с Нессельродом. Странный ответ: я желал бы, чтобы жалованье выдавалось от Бенкендорфа. — Почему же не от вас? Не все ли равно, из одного ящика или из другого? — Для того, чтобы *избежать дурного примера.* Помилуйте, возразил Блудов, ежели бы такой пример породил нам хоть нового Бахчисарайского фонтана, то уж было бы счастливо. Мы очень сему смеялись» («Русск. Арх.» 1897 г., кн. I, стр. 655).

498. *П. А. Осиповой* [16 мая 1832 г.] (стр. 71). Напечатано впервые в отрывке и переводе М. И. Семевским в «С.-Петербургских Ведомостях» 1866 г., № 172 (см. А. Н. Вульф, «Дневники», под ред. П. Е. Щеголева, М. 1929, стр. 112), и им же полностью в «Русск. Арх.» 1867 г., ст. 145—146 (№ 16), и в «Русск. Стар.» 1880 г., № 5, стр. 78—79, затем в Собраниях Сочинений Пушкина. Подлинник, на полулисте почтовой бумаги большого формата, без водяных знаков, с тисненным овальным штемпелем Петергофской бумажной фабрики, — в Государственной Публичной Библиотеке в Ленинграде (см. Л. Б. Модзалевский, «Рукописи Пушкина в Государственной Публичной Библиотеке в Ленинграде», Лгр. 1929, стр. 37, № 88). Отметка П. А. Осиповой о годе написания письма, сделанная позже, ошибочна. Письмо датируется 1832 г. по сопоставлению с переездом Пушкина в дом Алымова и по связи с ответным письмом П. А. Осиповой от 22 мая 1832 г. (ср. Н. О. Лернер, «Труды и дни Пушкина», изд. 2, С.-Пб. 1910, стр. 265).

Перевод: «Г. Алымов нынешней ночью отправляется в Псков и в Тригорское, и он согласился взять с собою письмо к вам, милая, добрая и почтенная Прасковья Александровна. Я не поздравил вас с рождением внука. Дай бог ему и его матери здравствовать, а нам всем побывать у него на свадьбе, если нам не пришлось быть на его крестинах. К слову о крестинах: они будут скоро у меня на Фурштатской, в доме Алымова. Не забудьте этот адрес, если вздумаете написать мне письмецо. Не сообщаю вам никакой ни политической, ни литературной новости. Полагаю, что они надоели вам так же, как и всем нам. Нет ничего разумнее, как жить в своей деревне и поливать капусту — старая истина, которую я ежедневно применяю к себе, живя жизнью совершенно светскою и совершенно безалаберною. Не знаю, увидимся ли мы этим летом — это одно из моих мечтаний — если бы оно исполнилось. До свидания, нежнейший мой привет вам и всему вашему семейству». *№ 498*

Получив это письмо, П. А. Осипова поспешила ответить Пушкину письмом из Пскова 22 мая (даем перевод его в несколько исправленном виде по сравнению с переводом в книге И. А. Шляпкина, «Из неизданных бумаг А. С. Пушкина», С.-Пб. 1903, стр. 170—171): «Это был весьма приятный сюрприз получить сегодня от господина Алымова ваше письмо, дорогой Александр Сергеевич, и посему спешу поблагодарить Вас. Вот уже более 3-х недель, как я во Пскове довольно терпеливо перенося farniente, но вот три чудных летних дня, которые вызывают у меня «тоску по родине». Евпраксия и ее питомец (она сама кормит) здоровы, слава богу, и мне хочется сказать Вам на Ваши речи: аминь. Если вы утомились от литературных и политических новостей, то мне еще более надоели глупые выборы. Поистине наше дворянство еще напоминает вандалов, в полном смысле этого слова. Слава богу, завтра все кончено и через три дня возвращаюсь в свои горы. От души желаю, чтобы эти строчки застали Вас уже отцом и чтобы ваша прелестная супруга так же благополучно разрешилась от бремени, как и моя дочь. Я жду этого известия с 20-го с нетерпением и не перестаю думать об этом. Если Вы останетесь летом в Петербурге, то может быть еще увидимся там, хотя понятно, приятнее встретиться в моем огороде, но и в последнем я все-таки не отчаиваюсь. Тысячу лучших пожеланий Вашей супруге. Мои дочери благодарят за память, я целую Вас в оба глаза. Да будет стыдно тому, кто худо подумает об этом. Я с искренней нежностью остаюсь Вашей преданной слугой П. Осиповой».

— Алымов — вероятно, один из братьев, сыновей владелицы дома на Фурштадтской улице, Екатерины Петровны Алымовой, рожд. Чернышевой (ум. от холеры 2 июля 1831) — Петр Матвеевич (род. 2 марта 1806), бывший в 1842 г. отставным артиллерии штабс-капитаном, затем титулярным и надворным (1845) советником, или, что вероятнее, — Павел Матвеевич (род. 1810—ум. 15 марта 1891), в это время поручик Корпуса Инженеров Путей Сообщения, впоследствии (1877) тайный советник (см. кн. А. Б. Лобанов-Ростовский, «Русская родословная книга», изд. 2, С.-Пб. 1895, т. I, стр. 10, «Список лиц окончивших курс наук в Институте Инженеров Путей Сообщения с 1811 г. по 1882 г.», С.-Пб. 1883, стр. 22, и А. Яцевич, «Пушкинский Петербург», Лгр. 1931, стр. 85 и 153). Сообщение

№ 498 И. А. Шляпкина (в его книге «Из неизданных бумаг Пушкина», С.-Пб. 1903, стр. 171) о том, что Алымов был опоческим предводителем дворянства, чем и объяснялась его поездка в Псков, неверно, так как в списках уездных предводителей дворянства по Псковской губернии не значится ни один Алымов (ср. «Сборник Псковской губернской ученой Архивной Комиссии», вып. I, Псков 1917, стр. 149—155, сообщение Н. Акулова). Таким образом ни цель поездки Алымова во Псков, ни связь его с Псковской губернией и семьею П. А. Осиповой — остаются неизвестными.

В дом Алымова на Фурштадтской улице (ныне ул. Петра Лаврова, на месте дома под № 20) Пушкин переехал в начале мая, вероятно, в ту самую квартиру, где незадолго перед этим жил декабрист Ф. Ф. Вадковский, во втором этаже, состоящую из 14 комнат с паркетными полами, кухней, людской и прачешной (об этом см. в книжке А. Яцевича «Пушкинский Петербург», Лгр. 1931, стр. 84—88, где между стр. 84 и 85 находится чертеж фасада этого дома). Переезд Пушкина на новую квартиру и последовавшее вскоре рождение дочери вызвали со стороны Н. И. Гнедича следующие приветствие (от 26 мая):

Пушкин, прийми от Гнедича два в одно время привета:
Первый привет с новосельем; при нем, по обычаю предков,
Хлеб-соль прийми ты, в образе Гекзаметрической булки;[1]
А другой привет мой — с счастьем Отца, тебе новым,
Сладким, прекрасным, и самой любви удвояющим сладость!

(Переписка, т. II, стр. 383). На житье Пушкина в доме Алымова отозвался также и гр. Д. И. Хвостов, написавший Пушкину стихотворение «Соловей в Таврическом саду» (об этом см. ниже, в примечаниях к письму № 504). Жизнь Пушкина в новой квартире, однако, продолжалась недолго; уже в декабре он переехал на другую — в дом Жадимеровского на Морской ул. (см. ниже, в примечаниях к письму № 515).

— Рождение внука — бар. Александра Борисовича Вревского (род. 21 апреля 1832), у дочери П. А. Осиповой, бар. Евпраксии Николаевны Вревской (см. выше, стр. 463, в примечаниях к письму № 484). Младенец вскоре же умер (см. там же).

— Говоря о крестинах, Пушкин имел в виду близкое разрешение от бремени Н. Н. Пушкиной. Через несколько дней, 19 мая, у Пушкина родился первый ребенок, дочь Мария Александровна (ср. в письме Пушкина № 500). Узнав об этом событии П. А. Осипова послала Пушкину поздравление в следующих выражениях (даем перевод): «Привет Вам, дорогой Александр Сергеевич, от души поздравляю Вас с рождением милой малютки Марии и очень сожалею что не могу расцеловать Вас и ее прелестную молодую мамашу. Это отлично, маленький барон может быть когда-нибудь будет мужем прелестной Марии, ну а мы потанцуем на их свадьбе. Но шутки в сторону; я страшно нуждалась в этой хорошей вести, чтоб оживить мой упавший дух: гораздо легче переносятся все

---

[1] Она, как часто случается и с Гекзаметрами, изломалась [*Примечание Н. И. Гнедича*].

невзгоды, когда знаешь, что счастливы те, кого любишь. Будьте счастливы, дорогой Пушкин, это даст мне утешение во многих невзгодах, которые могут случиться со мной лично. П. О. (письмо 31 мая; см. Переписка Пушкина, т. II, стр. 384).

— Слова Пушкина о капусте напоминают стихи из «Евгения Онегина» (гл. VI, строфа 7):

Как я сказал. Зарецкий мой,
Под сень черемух и акаций
От бурь укрывшись, наконец,
Капусту садит, как Гораций,
Разводит уток и гусей
И учит азбуке детей.

Почти то же выражение находим в письме П. А. Осиповой к Пушкину от 17 июня 1834 г. «Comme jadis Domitien ces choux» (т. е. как когда-то Домициан садил свою капусту) — см. И. А. Шляпкин «Из неизданных бумаг Пушкина», СПб. 1903, стр. 198.

— Побывать в Михайловском и Тригорском Пушкину не удалось не только в этом, но и в следующих годах (до 1835 г.).

499. *А. Х. Бенкендорфу*. 27 мая [1832 г.] (стр. 72). Впервые напечатано: беловое в Сочинениях Пушкина, под ред. П. А. Ефремова, изд. Суворина, т. VII, СПб. 1903, стр. 404—405, по подлиннику, находящемуся ныне в ИРЛИ (Пушкинском Доме) Академии Наук СССР; он писан на листе толстой почтовой бумаги большого формата, без водяных знаков, с тисненным штемпелем Петергофской бумажной фабрики; черновое — в том же издании, стр. 405, где приведено по копии, записанной в черновой тетради Анненкова (см. там же, т. VIII, стр. 610). Подлинник чернового ныне неизвестно где находится; копия с этой копии, сделанная П. А. Ефремовым, хранится там же под шифром I 6 55, стр. 140. Тексты письма после публикации П. А. Ефремова вошли во все последующие издания Сочинений Пушкина.

Перевод: «Генерал, Девица Кюхельбекер обратилась ко мне с вопросом, не возмусь ли я быть издателем нескольких рукописных поэм, которые ее брат ей оставил. Мне думается, что для этого нужно разрешение вашего превосходительства и что разрешения цензуры недостаточно. Смею надеяться, что позволение, о котором я ходатайствую, не сможет мне повредить: так как я был товарищем по школе В. Кюхельбекера, то естественно, что его сестра, в этом случае, обратилась ко мне скорее, чем к кому-либо другому. — Теперь позвольте мне обеспокоить Вас по некоторому личному делу. До настоящего времени я относился очень небережно к своим денежным средствам. Теперь, когда я не могу быть беспечным, не погрешая против своих обязанностей, я должен подумать о способах увеличения своих средств и прошу на это разрешения его величества. Служба, к которой он соблаговолил меня причислить, мои литературные занятия — обязывают меня жить в Петербурге, — а у меня нет других доходов, кроме тех, которые доставляет мне моя работа. Литературное предприятие, на которое я прошу разрешения и которое упрочило бы мою судьбу, — было бы находиться во главе журнала, о котором г-н Жуковский, как он сказал мне, Вам говорил. Остаюсь с уважением, генерал,

№ 499 вашего превосходительства нижайший и покорнейший слуга Александр Пушкин. 27 мая».

Перевод чернового: «Дев. К⟨юхельбекер⟩ обратилась ко мне с вопросом, не мог ли я быть издателем нескольких рукописных трагедий ее брата, которые он ей оставил в ее владение. Я бы не искал ничего лучшего как быть ей полезным, но подумал, что для сего нужно разрешение вашего превосходительства и что разрешения цензуры не достаточно. Надеюсь, что позволение, о котором я ходатайствую, не повредит мне во мнении его величества: Так как я был товарищем по школе К⟨юхельбекера⟩, то естественно, что сестра его в этом случае обратилась ко мне скорее, чем к кому-либо другому... 27 ⟨мая⟩».

Письмо это датировалось до сих пор всеми изданиями *1831 годом, в Царском Селе* (ср. в статье Н. К. Пиксанова в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. V, стр. 33 и сл.). Мы переносим его, согласно аргументации Н. В. Измайлова, в письма 1832 года, по следующим основаниям: 1) нет никаких прямых доказательств датировки письма 1831 годом (П. А. Ефремов их не приводит); 2) утверждение П. А. Ефремова, что «при письме от 27 мая была представлена записка», датируемая несомненно 1831 годом (см. стр. 491), также бездоказательно; 3) Пушкин *не мог в мае 1831 г.* говорить о своей службе как о совершившемся факте (см. выше, стр. 421); 4) сомнительно, чтобы Пушкин писал к Бенкендорфу через два дня после переезда в Царское Село и мог быть вызван к нему на другой день (после доклада письма), при неудобстве сообщений; 5) письмо к Пушкину М. Я. Фон-Фока от 8 июня 1831 г., писанное, несомненно, по прочтении им черновика-копии записки Пушкина «10 лет тому назад», указывает на то, что письмо к Бенкендорфу не могло быть написано ранее чтения Фон-Фоком этой записки и получения Пушкиным ответа последнего от 8 июня 1831 г. (ср. недоумения Н. К. Пиксанова в названной его работе, стр. 37); 6) весною 1832 г. Пушкин вновь стал хлопотать о газете, и от этих хлопот не сохранилось никаких документальных данных, а они должны были сохраниться (показание Н. И. Тарасенко-Отрешкова о *начале* 1832 года — см. «Историч. Вестн. 1886 г., № 2, стр. 387-391; «Пушкин и его соврем.», вып. V, стр. 45 и сл. — очень неопределенно); 7) приводимое Н. К. Пиксановым письмо О. С. Павлищевой от 28 апреля 1832 г. целиком выдумано Л. Н. Павлищевым (этого письма нет среди опубликованных писем ее в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. XV, стр. 122 и сл.). Но сообщение кн. П. А. Вяземского в письме к И. И. Дмитриеву от 3 июня 1832 г. относительно «обещанного позволения, данного Пушкину, издавать газету и с политическими известиями» («Русск. Арх.» 1868 г., ст. 619) — скорее подтверждают нашу датировку письма к Бенкендорфу: именно между 27 мая и 3 июня 1832 г. и могло состояться свидание Пушкина с Бенкендорфом, следствием чего и явилось «обещанное позволение». Обращение же сестры В. К. Кюхельбекера к Пушкину может относиться одинаково и к 1831 и к 1832 году.

— Девица Кюхельбекер — вторая, младшая сестра лицейского товарища Пушкина — декабриста Вильгельма Карловича Кюхельбекера — Ульяна (Юлия) Карловна; дочь статского советника Карла Ивановича Кюхельбекера, состоявшего (1800) при строении Михайловского замка в

Петербурге, а затем директором г. Павловска, и жены его Юстины Яковлевны, рожд. Ломен (род. 1757—ум. 1841), после смерти мужа бывшей классною дамою в училище Ордена св. Екатерины; она получила воспитание в этом институте, где в 1814 г. окончила курс с золотым шифром малой величины; в 1826 г., во время ареста ее брата она жила с матерью в Смоленской губернии, у сестры своей Юстины Карловны Глинки («Русск. Стар.» 1873 г., № 4, стр. 465), а в середине 1833 г. уже находилась в качестве компаньонки или demoiselle de compagnie, у графини Варвары Петровны Полье, по первому браку гр. Шуваловой (о ней см. выше, т. II, стр. 450—451), с которой ездила за границу и летом 1833 г. («С.-Петерб. Ведом.» 1833 г., №№ 118 и 119), и в 1846 г., когда гр. Полье была уже в третьем браке за кн. Бутера-ди-Радали («Русск. Инвалид» 1846 г., № 151); при ней находилась она и в 1835 г., что видно из письма сестры Пушкина, О. С. Павлищевой, к мужу («Пушкин и его соврем.», вып. XVII—XVIII, стр. 167). Время ее смерти нам неизвестно; знаем только, что она и сестра ее поддерживали своим пособием обоих братьев-декабристов и в 1845 г. посылали им по 600 рублей каждому, — о чем В. К. Кюхельбекер 21 декабря 1845 г. писал Жуковскому («Русск. Стар.» 1902 г., № 4, стр. 107). № 499

— О В. К. Кюхельбекере и об участии Пушкина в издании мистерии Кюхельбекера «Ижорский» см. выше, стр. 354—356. О каких именно поэмах Кюхельбекера думал Пушкин, когда просил Бенкендорфа об их издании, сказать трудно; в списке произведений, составленном Кюхельбекером в конце 1845 г., когда он просил Жуковского исходатайствовать ему разрешение на право издания анонимно его сочинений («Русск. Стар.» 1902 г., № 4, стр. 109), — указано несколько *поэм*, в стихах: «Давид» в 10 книгах, «Юлий и Ксения» в 6 песнях, «Сирота» в 5 разговорах, «Зоровавель» в 3 частях, «Семь спящих отроков» в 2 частях, «Святополк» в 3 частях, «Вечный жид» в 5 отрывках; но некоторые из них были написаны или закончены после 1831 г.

— Судя по помете на письме Пушкина, сделанной рукою А. Н. Мордвинова (?), Пушкин был приглашен к Бенкендорфу для личных объяснений по письму, вероятно, на следующий день после доклада письма Бенкендорфу. 29 мая приходилось на воскресенье; вряд ли письмо поэта доложено было раньше 30 числа; в таком случае Пушкин мог быть вызван на 31 мая, в 12 часов дня, и получил ответ на свое ходатайство в устной форме. Необычность этого способа официальных сношений увеличивается еще тем, что и письмо Пушкина не было вшито в «дело» III Отделения о Пушкине (1-й экспедиции, 1826 г., № 62: «О дозволении сочинителю Пушкину въезжать в столицу. Тут же об издаваемых им сочинениях и переписка с ним по разным предметам»). Беседа Пушкина с А. Х. Бенкендорфом неизвестна; можно предположить, что разрешения на издание сочинений В. К. Кюхельбекера, о чем просила сестра его У. К. Кюхельбекер, Пушкину дано не было.

— Вторая часть письма касается одного из крупных литературных вопросов, волновавших Пушкина многие годы, — об издании собственной политической газеты. В письмах Пушкина, начиная с 1825 г., мелькают мысли об издании журнала или газеты (см. в т. I, стр. 118, 405, 151, 487,

№ 499 169, т. II, стр. 5, 140, 12, 159, 20, и в этом томе, выше, стр. 16, 234—235, 18, 359, 43, 389, 46, 398—399, 47, 54). Только в 1831 г. он вплотную подходит к осуществлению своей мечты, совершенно определенно высказывая свое желание в двух своих записках, поданных на имя А. Х. Бенкендорфа: «Заботливость истинно-отеческая государя императора» (напечатана нами выше, в примечаниях к письму № 442) и «Десять лет тому назад...». Рассмотрению вопроса о газете, задуманной Пушкиным к изданию на протяжении 1831—1832 гг., посвящено специальное исследование Н. К. Пиксанова «Несостоявшаяся газета Пушкина «Дневник» (1831—1832)», напечатанное в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. V, стр. 30—74. Собрав накопившийся к тому времени (1907) печатный материал и освежив его рядом новых неизвестных до того материалов, извлеченных из архивов (например из архива Ф. В. Булгарина в имении Карлово), Н. К. Пиксанов подробно рассмотрел историю неосуществившегося предприятия Пушкина. Со стороны фактических данных работа Н. К. Пиксанова не утратила своего значения еще и сейчас, поэтому мы и отсылаем к ней. К сожалению, недостаточность точных сведений, в особенности хронологической последовательности фактов, не позволила Н. К. Пиксанову разобраться до конца в запутанной истории хлопот Пушкина об издании газеты. Вследствие тех же причин сделать это и сейчас довольно трудно, хотя пересмотр фактов, проделанный нами, рисует несколько иную последовательность развития внешней истории задуманного Пушкиным предприятия (см., например, соображения о датировке комментируемого письма, и ниже).

В мае-июне 1831 г. Пушкин писал М. Я. Фон-Фоку, препроводив к нему черновик-копию своей записки «10 лет тому назад». Письмо это, к сожалению, неизвестно, и мы можем судить о его содержании лишь из ответного письма Фон-Фока от 8 июня (см. П. И. Бартенев, «Бумаги А. С. Пушкина», вып. I, М. 1881, стр. 160—161, Переписка Пушкина, т. II, стр. 246—247). Ходатайствуя перед Фон-Фоком о протекции для испрошения позволения издавать газету, Пушкин не встретил, однако, поддержки у Фон-Фока. Последний отклонил всякое участие в этом деле и, препроводив обратно Пушкину его записку, посоветовал ему обратиться непосредственно к А. Х. Бенкендорфу за получением разрешения (ср. в т. II, стр. 427). Последующие события: холера, переезд двора в Царское Село, общее тревожное настроение того времени, заставили Пушкина временно отложить дальнейшие попытки. 21—22 июля Пушкин, однако, подал свою первую записку: «Заботливость истинно-отеческая государя императора...», в которой просил разрешения вновь вступить в службу и дозволения заняться историческими работами в архивах, а в конце, как бы вскользь, упомянул о том, что с радостью взялся бы за редакцию политического и литературного журнала, то есть такого, в котором печатались бы политические и заграничные новости, около которого соединил бы писателей с дарованиями, и таким образом «приблизил бы к правительству людей полезных, которые все еще дичатся, напрасно полагая его неприязненным к просвещению» (см. выше, стр. 359). Брошенная мимоходом фраза эта, вероятно, потребовала от Пушкина более детального обоснования. Нужно думать, что он получил от Бенкендорфа предложение представить другую, более подробную записку по вопросу о

газете, что и исполнил, представив вскоре свою вторую, сделавшуюся исторической, записку: «10 лет тому назад...» Подлинник ее, хранящийся в Пушкинском Доме писан на листе писчей бумаги с водяным знаком: А. Гончаров. 1829 — таком же точно, как и записка о журнале, о которой говорилось выше (см. выше, стр. 359, в примечаниях к письму № 442); вторая записка сохранилась среди документов III Отделения незапагинированной и не прошитой, т. е. она не попала в «дело» о Пушкине, так же как и комментируемое письмо. По этому подлиннику мы и сообщаем здесь текст этой второй записки Пушкина: «10 лет тому назад Литературою занималось у нас весьма малое число любителей. Они видели в ней приятное, благородное упражнение, но еще не отросль промышленности: читателей было еще мало; книжная торговля ограничивалась переводами кой-каких романов и перепечатанием сонников и песенников. — Нещастные обстоятельства сопроводившие возшедствие на престол ныне царствующего *Императора,* обратили внимание *Его Величества* на сословие писателей. Он нашел сие сословие совершенно преданным на произвол судьбы и притесненным невежественной и своенравной Цензурою. Не было закона касательно собственности литературной. — Ограждение сей собственности и Цензурной Устав принадлежат к важнейшим благодеяниям нынешнего царствования. — Литература оживилась и приняла обыкновенное свое направление, т. е. *торговое.* Ныне составляет она отросль промышленности покровительствуемой законами. — Изо всех родов литературы, периодические издания более приносят выгоды, и чем разнообразнее по содержанию, тем более расходятся. — Известия политические привлекают большее число читателей, будучи любопытны для всякого. — *Северная Пчела* издаваемая двумя известными литераторами, имея около 3000 подписчиков, естественно должна иметь большое влияние на читающую публику, следственно и на книжную торговлю. — Всякой журналист имеет право говорить мнение свое о нововышедшей книге, столь строго, как угодно ему. Северная Пчела пользуется сим правом и хорошо делает; законом требовать от журналиста благосклонности или беспристрастия было бы невозможно и несправедливо. [Таким образом литературная][1] — Автору осужденной книги остается ожидать решения читающей публики, или искать управы и защиты в другом журнале. — Но журналы, *чисто литературные* вместо 3000 подписчиков, имеют едва-ли и 300 и следственно голос их был бы вовсе не действителен. — Таким образом литературная торговля находится в руках издателей Северной Пчелы и критика как и политика сделались их монополией. — От сего терпят вещественный ущерб все литераторы, не находящиеся в приятельских сношениях с издателями Северной Пчелы; ни одно из их произведений не продается, ибо никто не станет покупать товара, охужденного в самом газетном объявлении. — Для восстановления равновесия в литературе, нам необходим журнал, коего средства могли бы ровняться средствам Северной Пчелы, то есть журнал

[1] В рукописи б. Румянцевского Музея, № 2386 Б, лл. 11, 12 и 27, находится черновик этой записки, составленный при жизни Дельвига, судя по упоминанию о контрафакции Ольдекопа (см. выше, т. II, стр. 38, 39, 44), как о «прошлогодней», в 1828 г.; см. его в «Русск. Стар.» 1884 г., № 12, стр. 535—537.

№ 499 в коем бы печатались политические и заграничные новости. — Направление политических статей зависит и должно зависить от Правительства, и в сем случае я полагаю священной обязанностию ему повиноваться и не только соображаться с решением Цензора, но и сам обязуюсь строго смотреть за каждой строкою моего журнала. Злонамеренность была бы с моей стороны столь-же безрассудна [как и неблагодарна]». [1]

Записка Пушкина не возымела на этот раз желаемого действия, и разрешения на издание газеты он не получил. [2] Основною причиною этому были, очевидно, политические события в Польше, вокруг которых было сосредоточено тогда внимание правительственных кругов, и внутренние беспорядки в связи с свирепствовавшей холерой. Между тем, Пушкин занялся составлением будущих статей для своей газеты. По свидетельству П. В. Анненкова, «некоторое время оставались в руках его друзей статейки приготовленные им для газеты в виде образчика. Эти последние свидетели намерения его теперь сохраняются в бумагах его, как примеры мастерского изложения событий» («Материалы для биографии А. С. Пушкина», С.-Пб. 1855, стр. 359). Статей этих мы не знаем, так как напечатанные в пробном номере газеты «Дневник» известия не подходят под определение Анненкова (см. «Пушкин и его соврем.», вып. V, стр. 49—50). Е. И. Якушкин предполагал, что этими статьями для газеты могли быть известные записи Пушкина дневникового характера 1831 г. (от 26 и 29 июля и 4 сентября), печатающиеся обычно в сочинениях Пушкина в отделе «автобиографических записей» (см. «Библиографические Записки», 1859 г. № 5, стр. 134, примеч.). Мы располагаем еще неизданным свидетельством М. П. Погодина, из которого видно, что и Погодин причислял эти Пушкинские автобиографические записи к статьям для газеты. Получив от П. В. Анненкова экземпляр вышедшего в 1855 г. его труда «Материалов», М. П. Погодин стал набрасывать при их чтении свои замечания и поправки (они хранятся в Государственной Публичной Библиотеке им В. И. Ленина в Москве под № 3510 (43)). При чтении вышеприведенного нами места в книге Анненкова (на стр. 359) Погодин написал следующее: «П[ушкин] читал мне статью о возмущении на Сенной Площади и в Старой Руссе». [3] Среди записей Пушкина 1831 г. имеются записи под 26 и 29 июля (первая приведена у нас выше, стр. 367), где говорится о бунте в Новгородских военных поселениях и упоминается о возмущении в Старой Руссе, но в них нет ни слова о событиях на Сенной Площади. Возможно, что этими дневниковыми записями Пушкин пользовался для составления своих статей, но самые статьи до нас не дошли. Нельзя не согласиться и с Якушкиным, что известные записки Пушкина 1831 г. и по содержанию и по форме своей могут быть только записями автобиографического характера (ср. П. В. Анненков, «Воспоминания и критические очерки», отд. III, С.-Пб. 1881, стр. 252 и примеч. 1).

---

[1] Эти три слова выскоблены, но след их остался.

[2] Хотя, по свидетельству П. В. Анненкова, 31 июля 1831 г. ему и было обещано это разрешение (см. «Воспоминания и критические очерки», отд. III. С.-Пб. 1881, стр. 250).

[3] Пушкин мог читать их Погодину в свой приезд в Москву в декабре 1831 г. (см. выше, стр. 443).

Последними сведениями о газете в 1831 г. были упоминания в письмах Пушкина 3 сентября и 22 октября (см. выше, стр. 46, 47 и 54). На этом дело и замерло до 1832 г. Источником для изучения дальнейшей истории газеты Пушкина являются воспоминания Н. И. Тарасенко-Отрешкова («Историч. Вестн.» 1886 г., № 2, стр. 387—391), принятые во внимание в работе Н. К. Пиксанова, но ничего не дающие для определения хронологической последовательности фактов. Тарасенко-Отрешков приурочивает к весне 1832 г., получение Пушкиным разрешения на издание газеты, причем говорит лишь о предварительном разрешении, вовсе не упоминая о каком-либо другом, окончательном (см. «Пушкин и его соврем.», вып. V, стр. 46—47). Мы считаем, что окончательного разрешения Пушкин так и не получил, а предварительное разрешение последовало вскоре после доклада комментируемого письма Пушкина к А. Х. Бенкендорфу и беседы последнего с Пушкиным в конце мая — начале июня 1832 г. Перед этим, очевидно, произошел разговор В. А. Жуковского с Бенкендорфом, о котором упоминает Пушкин в своем письме.[1] Уже 3 июня этого года осведомленный кн. П. А. Вяземский писал И. И. Дмитриеву из Петербурга, что «в литературном мире, за исключением обещанного позволения, данного Пушкину издавать газету и с политическими известиями, нет ничего нового» «Русский Архив» 1868 г., ст. 619, и «Пушкин и его соврем.», вып. V, стр. 51). Вяземский говорит об «обещанном позволении», т. е. очевидно о «предварительном» позволении по терминологии Н. И. Тарасенко-Отрешкова. Это «обещанное» или «предварительное» позволение на издание газеты и послужило основанием Пушкину для дальнейших действий. Пушкин в письме к И. В. Киреевскому 11 июля (см. выше, стр. 74) сообщал, что ему «разрешили на-днях политическую и литературную газету», и просил Киреевского, Н. М. Языкова и других в ней сотрудничать. То же Пушкин писал и М. П. Погодину в тот же день (см. выше, стр. 75): «Знаете ли Вы что Государь разрешил мне политическую газету? Дело важное, ибо монополия Греча и Булгарина пала». Здесь следует еще указать на один из важнейших источников в вопросе о газете Пушкина, оставшийся неизвестным Пиксанову. В дневнике Н. А. Муханова под 29 июня 1832 г. находится следующая запись: «Пушкин будет издавать газету (Б[лудов] выпросил у Государя на сие позволение) под заглавием Вестник, газета политическая и литературная; будет давать самые скорые сведения из министерства внутренних дел» («Русск. Арх.» 1897 г., кн. I, стр. 655; ср. в новейшей статье Ю. Г. Оксмана «Дневник» в Полн. Собр. Соч. Пушкина изд. «Красной Нивы», М.-Л. 1931, т. VI, «Путеводитель по Пушкину», стр. 126). Это свидетельство тем более ценно, что записано непосредственно после описываемого разговора, происходившего у кн. П. А. Вяземского в присутствии Д. Н. Блудова и Пушкина. Таким образом, в предприятии Пушкина помогал, кроме В. А. Жуковского, также и Д. Н. Блудов, обещавший с своей стороны, как министр внутренних дел, сообщать новейшие сведения о политических событиях непосредственно из министерства. Сохранилось известие о том, что Пушкину было № 499

[1] В. А. Жуковский выехал из Петербурга за границу 18 июня 1832 г.; среди провожавших его был и Пушкин (см. «Дневник В. А. Жуковского», с примеч. И. А. Бычкова, С.-Пб. 1901, стр. 218).

№ 499 обещано содействие и министерства иностранных дел. Так, Н. М. Языков писал брату Александру Михайловичу 28 июля: «Пушкин хочет издавать политическую газету. Говорят, что государь велел Нессельроде доставлять ему известия» («Русск. Стар.» 1903 г., № 3, стр. 531). Из других записей дневника Н. А. Муханова видно, что 4, 5 и 7 июля 1832 г. происходили оживленные разговоры о газете между Пушкиным, Плетневым, Н. А. Мухановым, гр. А. П. Толстым, С. С. Уваровым и другими. Так под 5 июля записано: «Пришел Александр Пушкин. Говорили долго о газете его. Он издавать ее намерен с сентября или октября; но вряд ли поспеет. Нет еще сотрудника. О Погодине. Он его желает; хочет мне дать к нему поручение. О Вяземском он сказал, что он человек ожесточенный, aigri, который не любит Россию, потому что она ему не по вкусу; о презрении его к русским журналам, о [Вас. Петр.] Андросове и статье Погодина о нем. Толстой [гр. Ал-др Петров.] говорил, что Андросов презирает Россию, о несчастном уничижении, с которым писатели наши говорят об отечестве, что в них оппозиция не правительству, а отечеству. Пушкин очень сие апробовал и говорил, что надо об этом сделать статью журнальную. Пушкин говорил долго. Квасной патриотизм. Цель его журнала, как он ее понимает, доказать правительству, что оно может иметь дело с людьми хорошими, а не с литературными шельмами, как доселе было. Водворить хочет новую систему. Я много ожидаю добра от сего журнала». Под 7 июля Муханов писал: «Vive dispute avec Ouvaroff à cause du journal de Pouchkine. Il est blessé que la permission lui ait été accordée par le ministère de l'intérieur et non par le sien. Il soutient, que Pouchkine ne saura jamais rédiger un beau journal, manque de son caractère, de tenacité, d'application préparatifs, qu'un journal nécessite. Il a raison d'un côté. Avec Ouvaroff soirée chez les Pouchkines...» *Перевод:* «Оживленный спор с Уваровым по поводу газеты Пушкина. Он [т. е. Уваров] обижен тем, что разрешение Пушкину дано министерством внутренних дел, а не его министерством [т. е. народного просвещения]. Он утверждает, что Пушкин никогда не сможет редактировать хорошую газету из-за недостатка характера, настойчивости, прилежáния, нужных для издания газеты. Отчасти он прав. Вечером с Уваровым у Пушкиных...» (там же, стр. 657). К этому же времени несомненно относится и большое письмо Ф. Ф. Вигеля к Пушкину, без даты, но относимое до сих пор к июню-августу 1831 г. (см. Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 264—266 и в статье Н. К. Пиксанова, стр. 41—43); из сопоставления текстов записей Н. А. Муханова и содержания письма Ф. Ф. Вигеля несомненно видно, что последнее могло быть писано только в июне-июле 1832 г. Находившийся за границей А. И. Тургенев, узнав о газете Пушкина, поспешил преподнести ему только что вышедший в Париже (1832) «Album littéraire. Choix d'Articles extraits des meilleurs Ecrits periodiques publiés en France, sur la Littérature, les Arts et les Sciences...» со следующей надписью: «Журналисту Пушкину отъ Гремушки-пилигрима. Любек. 6 июля 1832 г.» (Б. Л. Модзалевский, «Библиотека Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 137). Сведения о предполагаемой газете Пушкина проникли и в печать. Так, в «Молве» (29 июля 1832 г., № 61, стр. 243) было напечатано известие, что «носятся приятные слухи, что А. С. Пушкин будет издавать

в С. Петербурге газету: ни имени, ни времени выхода, ни расположения ее не знаем: но искренно радуемся и поздравляем Русскую публику», а несколько позже там же («Молва» 19 августа 1832 г., № 67, стр. 267) сообщалось, что «Пушкин написал, говорят, несколько народных сказок, из них одна с рифмами, вольными стихами и без всяких стоп: новый опыт в Русской версификации! Вероятно мы увидим его в газете, литературной и политической, которую, слышно, он получил позволение издавать. И так монополия Гг. Булгарина и Греча, ко благу Русской словесности — пала!.. Сердечно радуемся и желаем всякого успеха новому достойнейшему конкуренту». Н. К. Пиксанов в названной выше работе (стр. 52—64) приводит любопытные сведения из переписки Н. И. Греча с Булгариным, из которой видно, что в это время (июнь — ноябрь 1832 г.) Пушкин вступил в переговоры с Гречом, приглашая его войти соиздателем в будущую газету и оставить для этого «Северную Пчелу». Переговоры эти окончились полной неудачей, и Пушкин решил действовать самостоятельно, для чего выдал 16 сентября Н. И. Тарасенко-Отрешкову официальную доверенность на ведение всех дел по газете (она напечатана не совсем точно в работе Пиксанова, стр. 60—61; вновь по подлиннику в книге «Рукою Пушкина», Л. 1935, стр. 761—762), а в начале сентября был составлен и пробный номер газеты под заглавием «Дневник. Политическая и литературная Газета» (см. графическое изображение плана газеты в книге П. В. Анненкова «Воспоминания и критические очерки», отд. III, С.-Пб., стр. 259, и в некоторых изданиях Сочинений Пушкина после 1881 г.). Так как текст пробного номера еще ни разу не был напечатан, то мы печатаем его здесь по подлиннику, сохранившемуся в единственном экземпляре в Публичной Библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, в бумагах Н. И. Тарасенко-Отрешкова (там же хранится и оригинал доверенности Пушкина): № 499

1 Января 1833 — . — Понедельник — . —

ДНЕВНИК

Подписка принимается

Политическая литературная газета

Контора Редакции открыта с 9 часов утра до 9 часов ежедневно.

Внутренние известия.

Санктпетербург 2-го Сентября.

В Среду, 31-го Августа последовало открытие Александрийского Театра. Государь Император и Государыня Императрица, со всею Августейшею фамилиею Своею, благоволили удостоить сие открытие Высочайшим Своим присутствием.

— В Четверток, 1-го Сентября, спущены на воду суда, построенные на Охтенской верфи Корпуса Корабельных Инженеров Полковником Стоке 44-пушечный Фрегат Паллада, и транспорт Виндава, во 100 тоннов, заложенные 2-го Ноября 1831 года, Фрегатом командует Капитан-Лейтенант Нахимов.

№ 499 — В С. Петербург прибыли: 29-го Августа из Динабурга, Начальник 17-й пехотной дивизии, Генерал-Майор Чеодаев; 30-го числа, из Новгорода, Начальник 2-ой Легкой Гвардейской Кавалерийской дивизии, Генерал-Лейтенант Кноринг; из Ревеля, тамошний Комендант, Генерал-Лейтенант Паткуль; из Смоленска, отставной Генерал-Маиор Оленин; из Дмитриева, Директор Департамента Министерства Юстиции, Д. Ст. Сов. Дегай; из Устюжны, Сенатор Баранов. — Выехал: 30-го Августа, в Киев, Корпуса Инженеров Военных Поселений Генерал-Маиор Рерберг.

Франция. Париж, 30-го Августа пишут: «На счет планов бывшего Дея Гуссейна о завладении прежними землями известно, что он намеревался сделать высадку и надеялся на восстание Арапов. В день праздника рождения Магометова составлен в Белиде и Медее заговор, а сборным местом назначена лежащая по левую сторону р. Арача мыза Бебали. Подаренные Маршалом Клозелем городу Медее два орудия исправлены, и при них находится девять дезертиров иностранного легиона, все участвующие в заговоре обязаны запастись на месяц провиантом. Здешнего Агу хотели завлечь в сей умысел. Противу измены приняты меры. Вероятно, что Арабские племена, кои намереваются участвовать в нападении, явятся в сборном месте.[1]

Смесь

порознь, без всякого и издержат большую часть своего провианта; по сей причине нам легко будет с ними управится. 8000 человек, в числе коих 1000 хорошей конницы, 14 исправленных полевых орудий и блокгаузы, снабженные сильною артиллериею, готовы наказать наступающих. Бывший Арабский Ага, Бургем, поселившийся во Франции, возвратился сюда; но так как он прибыл в то самое время, когда получено известие о заговоре Арабов на юге и западе, и приготовлениях Дея в Ливорне, то присутствие его в столице Регенства оказалось подозрительным: по сей причине он немедленно отправился обратно на судне.

— В полученном из Алжира письме от 1-го сего месяца сказано: «В прошедшем месяце остались ⟨оставило?⟩ наше войско позицию, известную под названием: квадратного дома, которую немедленно заняли Арабы. Бедуины в числе 20,000, укрепились на мысе Матифу, и намериваются сделать нападение; до нас дошло сведение, что оное назначено на 15 Августа. В следствие сего решилися дать им сильный отпор; каждый солдат получил по связке патронов. Наша колония находится ныне в хорошем состоянии; народонаселение с каждым днем увеличивается; лучше всего производится торг вином. Каждаму пассажиру, прибывшему на бриге Луизе, Губернатор приказал отвести по четыре акра земли, кроме того отпускать, до окончательной уборки полей, жизненные припасы. Ныне в нашей гавани находится 120 купеческих кораблей, в числе коих много Мальтийских и Испанских и только 8 или Французских. ⟨sic!⟩ Народонаселение Алжира простирается до 22,000 человек, в числе коих считается 10,000 Мавров и 5000 Негров и Бедуинов, 5000 Жидов и 5000 Европейцев. На

[1] Далее после раздела «Смесь», текст начинается без абзаца, с слова «порознь». — *Ред.*

каждого Мавра и Негра приходится по две женщины, у Жидов оба пола равны числом, а у Европейцев, напротив того, на одну женщину приходится по двадцати мужчин. Со времени пребывания здесь Французов число туземцев уменьшилось двумя третями; сначала выехали богатейшие семейства, а ныне переселение продолжается здесь Французское Правление. № 499

— 12-го сего месяца Г. Телльруа делал близ острова Нуармутье опыты над изобретенным им подводным судном. В нем, приводимом в движение посредством паровой машины, помещается три человека, и без труда могут пробыть час под водою. Вильруа опускался с сею машиною на глубину от 15-ти до 18-ти футов, и доставал со дна моря раковины, камни и другие предметы; он уверяет, что может опуститься на глубину от 500 до 600 футов.

Новости заграничные.

Англия. Лондон, 30-го Августа. В одной из здешних газет напечатано: «В феврале сего года Иосиф Бонопарте обратился к Английскому Правительству письмом, в коем, изъявляя желание предпринять по частным делам путешествие в Европу, просил разрешения по сему предмету. На сие получил он от Лорда Грея ответ, в коем сей последний изъявляет не только совершенное согласие Английского Министерства на помянутое путешествие, но и обещает употребить все зависящие от него средства, чтобы Графу Сюрвилие сделать оные сколь возможно приятным и полезным».

Португалия. В Придворной газете от 15-го Августа напечатано донесение Генерала Санта-Морты, полученное из Балтара от 10-го Августа. В оном сказано, что ничего нового не случилось. Передовой пост Дона Педра в Пио, состоявший из одного унтер-офицера и 10 солдат, в сей день перешел с оружием и снарядами. Армия Дона Педра стоит в укреплениях Опорта. Балтар находится по ныне во власти 4-й дивизии; форпосты оной стоят в Валонго, а конные пикеты на ружейный выстрел от пикетов неприятельских, расположенных близ города. Генерал присовокупляет к сему, что все сообщения Опорту прерваны, и сухим путем сей город уже не получает подвоза.

— Лиссабон, 17-го Августа. Дон Педро, получив вероятно известие, что часть кавалерии второй дивизии, состоящей под начальством Генерала Повоаса, намерена перейти на его сторону, приказал графу Виллафлору напасть 7-го сего месяца, с 3000 чел., на означенную дивизию, во 7000 человек, чтобы дать между тем кавалерии время исполнить ее мнимое желание. Дивизия принуждена была с потерею оставить позицию при Санто-Рендо и Граф Виллафлор прибыл на место, где должен был совершиться возвещенный переход. Капитан Ребохо, командовавший авангардом Графа Виллафлора, от страха или не зная секретного намерения своего начальника, дал знак к отступлению; в начале солдаты не могли постигнуть сего приказания, но при повторении оного отступление обратилось в совершенное бегство. Виллафлор арестовал сего Капитана, и прилагал всевозможное старание к восстановлению порядка, но все было тщетно. Генерал Повоас преследовал неприятеля, взял обратно все потерянное, и сверх того три орудия. В сей день Дон Педро лишился 300

№ 499 человек убитыми, раненными и пленными; в числе раненных находится Граф Виллафлор и много значительных офицеров. Из пленных многим удалось спастись бегством. — 10-го сего месяца Адмирал Сарториус напал с двумя легкими судами в Португальскую эскадру, но не имел значительного успеха. Эскадра сия прибыла сюда, в р. Таг. — Генерал-лейтенант Виконт Пезо да Регоа, командующий 2-ю, 3-ю и 4-ю дивизиями, приближается к городу Опорту; войско его составляют около 20,000 человек. Ожидают общей битвы.

Разные известия. Император Австрийский дозволил Надворному Советнику и Придворному Драгоману Иосифу Гаммеру принять и носить по установлению, пожалованные ему ордена: Императором Всероссийским, Св. Анны 2-й степени с алмазными украшениями, и Королем Французов, Почетного Легиона. [1]

Между тем она мгновенно вскочила в байдару, и отпихнулась от берегу.

«Что ты это делаешь? — вскричал Протопоп вне себя от страха: — воротись! Ты погибнешь!

— «Благословите меня, дедушка, и молитесь за меня».

Старик не говорил ни слова, и вперив на свою внучку неподвижные взоры, трепетал при каждой волне, стремившейся на нее, как бы каждая из них завалила его сердце. Байдара, в которой ехала девушка, была ни что иное, как маленький челнок, по Камчадальски тахту, выдолбленный из тополя, с прибитыми по краям досками. Волны бросали его, как щепку, и он то скрывался в пропастях, беспрестанно разверзавшихся под ним, то взлетал стрелою на стремнины восстававших пред ним хребтов. Малейшая неосторожность и ошибка плавательницы могла бы погубить ее; но она сохраняя величайшее присутствие духа, смело рассекала веслом волны, и мужественно стремилась к своей цели. Наконец она была недалеко от погибающего. Внимание старика увеличилось, ибо это была минута самая опасная. Утопающий мог в отчаянии схватиться неосторожно за край байдары, и опрокинуть ее своею тяжестью. Между тем героиня наша увидела, что навстречу ей плыли два человека, из коих один держался за доску, а другой плывя без всякой помощи, почти выбивался.

— Контр-Адмирал Дюкре де Вилльнев готовится отправиться в Бразилию, чтобы принять начальство над стоящею там Французскою эскадрою.

— Здешний Уголовный Суд оправдал вчера еще троих, обвиненных в участии в возмущении 5-го

[1 лист, размером 28 ×36 *см*, три столбца. Собрание автографов Публичной Библиотеки, № 361, *л.* 73.]

Приведенный образчик газеты носит, как видим, совершенно черновой характер и имеет скорее вид внешней формы, заполненной отрывками разных текстов без всякой связи между собою, вырванных из

[1] Далее без связи с предыдущим и последующим текстами вставлен отрывок из романа И. Т. Калашникова «Камчадалка», ч. I, С.-Пб. 1833, стр. 80—82 (цензурн. разреш. 5 сентября 1832 г.). — *Ред.*

разных источников, иногда без начала и без конца. Этот образец газеты № 499
был представлен А. Х. Бенкендорфу на утверждение. Он живо интересовал современников Пушкина. И. И. Дмитриев писал кн. П. А. Вяземскому 12 октября: «Кланяйтесь Блудову и Пушкину, нетерпеливо жду проспектуса об его журнале» («Старина и Новизна», кн. II, стр. 169; ср. стр. 233—234). 17 сентября Пушкин уехал в Москву, где, повидимому, вербовал сотрудников для газеты. Здесь у него «голова шла кругом при мысли о Газете» (см. в письме к жене, № 513). В его отсутствие А. Х. Бенкендорф извещал 1 октября Н. Н. Пушкину письмом, в котором назначал день, в который готов был принять Н. И. Тарасенко-Отрешкова для переговоров, о газете (см. в указ. статье Пиксанова, стр. 62), а после возвращения из Москвы Пушкин получил письмо от А. Н. Мордвинова от 21 октября, в котором последний писал: «На письмо ваше ко мне спешу Вас, Милостивый Государь, уведомить, что я представил Г. Генерал-Адъютанту Бенкендорфу полученные мною от Вас образцы вашего журнала; и сколько известно мне Его Высокопревосходительство располагал представить оные Государю Императору по возвращении своем из Ревельской Губернии. — До воспоследования же Высочайшего по сему предмету разрешения, не полагаю я благонадежным для вас приступить к каким либо распоряжениям» (Переписка Пушкина, т. II, стр. 397). На этом оканчиваются официальные материалы о газете Пушкина. «Соглашение Пушкина с Тарасенко-Отрешковым лишало Пушкина самостоятельности в будущем издании, — говорит Ю. Г. Оксман, — материальные выгоды от последнего, при отсутствии основного капитала и необходимости конкурировать с «Северной Пчелой», оказывались также не очень значительными и вовсе не компенсировались двусмысленным положением официозного журналиста, на которое обрекал себя Пушкин в случае напоминаний об осуществлении необдуманно взятых им на себя в 1831 г. идеологических обязательств, исполнить которые в условиях 1832—1833 гг. он уже не мог и не хотел. Поэтому, воспользовавшись тем, что выпуск «Дневника» приходилось отсрочить до начала нового года, Пушкин от издания газеты решил отказаться» (Сочинения Пушкина, изд. «Красной Нивы», т. VI, вып. 12, стр. 126). Между тем в печати продолжали появляться заметки информационного характера о предприятии Пушкина. Так, «Дамский журнал» объявлял, что: «С 1833 года в С. Петербурге А. С. Пушкин будет издавать ежедневную газету политическую и литературную» (1832 г., ч. 40, стр. 63, ценз. пом. 17 октября; ср. «Пушкин и его соврем.», вып. V, стр. 61, объявление в «Молве»). Но это были уже запоздалые сведения. Кн. П. А. Вяземский сообщал В. А. Жуковскому 11 декабря: «Пушкин собирался было издавать газету, все шло горячо, и было позволение на то; но журнал нам, как клад, не дается. Он поостыл, позволение как то попризапуталось или поограничилось, и мы опять без журнала» («Русск. Арх.» 1900 г., кн. I, стр. 365). Сам Пушкин тоже писал П. В. Нащокину 2 декабря: «Мой журнал остановился, потому, что долго не приходило разрешение. Нынешний год он издаваться не будет. Я и рад. К будущему успею осмотреться и приготовиться; покаместь буду жаться по немногу» (см. выше, стр. 84). А. Ф. Вельтман, узнав о том, что Пушкин отложил издание газеты, писал ему 4 февраля 1833 г.: «Досадно мне, да и каждому досадно, что Александр

 Сергеевич отложил издавать журнал до будущего года. — Если говорить правду, то перевод песни Игоря был приготовлен для сего журнала» (Переписка Пушкина, т. III, стр. 3). Помимо официальных записок Пушкина об издании газеты, сохранились и черновые наброски его в связи с работой над нею: «Что есть журнал европейский...» и «Контора под ведомством Редактора...» (Сочинения Пушкина, изд. «Красной Нивы», вып. 11, стр. 532). Разочаровавшись в газете, Пушкин иронически сообщал М. П. Погодину в первой половине сентября 1832 г. ее план или программу (см. № 509). Общую сводку материалов о газете см. у Н. К. Пиксанова, в его работе «Несостоявшаяся газета Пушкина Дневник» в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. V, стр. 30—74, где указана и литература вопроса; см. также Н. П. Барсуков, «Жизнь и труды Погодина», кн. 4, С.-Пб. 1891, стр. 95—97; П. В. Анненков, «Воспоминания и критические очерки», отд. III, С.-Пб. 1881, стр. 257—260; Сочинения Пушкина, под. ред. С. А. Венгерова, т. V, стр. 467—468, 471—473; «Русск. Арх.» 1897 г., кн. III, стр. 284; 1909 г., № 7, стр. 508; «Арх. бр. Тургеневых», вып. 6, стр. 104, 110 и 124; «Старина и Новизна», кн. XXII, стр. 50, и «Пушкин и его соврем.», вып. XXXVII, стр. 169—170.

— О назначении Пушкина на службу в Коллегию Иностранных Дел см. выше, стр. 483—484, в примечаниях к письму № 497.

500. *Княгине В. Ф. Вяземской.* 4 июня [1832 г.] (стр. 72—73). Напечатано впервые П. Н. Шеффером в «Старине и Новизне», кн. XII, С.-Пб. 1907, стр. 330, и вошло в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 384. Подлинник был в Остафьевском Архиве гр. Шереметевых, ныне должен находиться в Центрархиве; нам остался недоступен. Письмо это является припиской на письме кн. П. А. Вяземского к жене кн. В. Ф. Вяземской, датированном 4 июня. Пушкин в этот день, как видно из упомянутого письма, был у кн. П. А. Вяземского и застал последнего за писанием письма; он здесь же сделал свою приписку («Старина и Новизна», кн. XII, стр. 330). Год написания письма установлен как по содержанию письма кн. П. А. Вяземского, так и по упоминанию о рождении у Пушкина ребенка (см. доводы П. Н. Шеффера в примечаниях к этому письму в «Старине и Новизне», кн. XII, стр. 341, примеч. 35).

Перевод: «Сейчас от Хитровой. Она как нельзя более тронута состоянием Батюшкова — и предлагает самое себя, чтобы испробовать последнее средство, с самоотвержением истинно удивительным. Кстати о самоотвержении: представьте себе, что жена моя имела неловкость родить маленький портрет моей персоны. Я в отчаянии, несмотря на все мое самодовольство».

— Хитрова — Елизавета Михайловна. Как видно из письма Пушкина, она для излечения больного сумасшествием К. Н. Батюшкова решилась на самоотверженный поступок, так как, по преданию, врачи для излечения от сумасшествия рекомендовали больному физическое общение с женщиной (см. «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Лгр. 1927, стр. 183). Это средство, вероятно, было для больного только вредным, так как именно сама болезнь К. Н. Батюшкова проистекала, по свидетельству доктора Ланга, его лечившего, от его половых излишеств (см. в дневнике Ю. Н. Бартенева в «Русск. Арх.» 1899 г., кн. II, стр. 574—575). О болезни

К. Н. Батюшкова см. еще выше, т. I, стр. 262, и т. II, стр. 403, «Русск. Стар.» 1883 г., № 9, стр. 545—552 (статья П. Гревеница) и записку доктора Антона Дитриха о душевной болезни Батюшкова (на немецком языке) в Сочинениях Батюшкова, с примеч. Л. Н. Майкова и В. И. Саитова, т. I, С.-Пб. 1887, стр. 334—353 первой пагинации). К. Н. Батюшков был в это время в с. Остафьеве, где находилась при нем кн. В. Ф. Вяземская, с своей стороны предлагавшая тот же способ лечения, для чего намеревалась повидимому пригласить деревенскую девушку за вознаграждение. Кн. П. А. Вяземский относился к этому предприятию неодобрительно, что и выразил в письме к ней, посланном с комментируемой нами припиской Пушкина (см. подробнее «Старина и Новизна», кн. XII, стр. 329—330). Пушкин к намерению Е. М. Хитрово отнесся шутливо-иронически, что ясно чувствуется по тону строк его письма и по его обычному отношению к влюбленной в него и экзальтированной Е. М. Хитрово. № 500

— Пушкин извещает кн. В. Ф. Вяземскую о последовавшем у него 19 мая рождении дочери Марии Александровны (см. выше, стр. 487). Крещение состоялось 7 июня в Сергиевском всей артиллерии соборе, и официальными восприемниками при ее крещении были: Сергей Львович Пушкин и Наталья Ивановна Гончарова, Афанасий Иванович Гончаров и Екатерина Ивановна Загряжская (см. метрику в книге Н. Невзорова «К биографии А. С. Пушкина», С.-Пб. 1899, стр. 18). П. И. Бартенев говорит, что «выросши, она заняла красоты у своей красавицы-матери [т. е. Н. Н. Пушкиной], а от сходства с отцом сохранила тот искренний задушевный смех, о котором А. С. Хомяков говаривал, что смех Пушкина был так же увлекателен как его стихи» («Русск. Арх.» 1907 г., № 6, 2-я обложка; ср. «Русск. Арх.» 1895 г., кн. I, стр. 369—370). Тот же П. И. Бартенев отмечает, вероятно, со слов П. В. Нащокина, что Пушкин «плакал при первых родах и говорил, что убежит от вторых» («Рассказы о Пушкине, записанные... П. И. Бартеневым», под ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 62). 12 июня 1832 г. Е. А. Энгельгардт писал Ф. Ф. Матюшкину: «Пушкин нажил себе дочь, но стихотворство его что-то идет на попятную» (см. «Вестн. Всемирной Истории» 1899 г., № 1, стр. 101). Рождение у Пушкина дочери отметил и М. П. Погодин в письме к С. П. Шевыреву 30 июня 1832 г. («Русск. Арх.» 1882 г., кн. III, стр. 200). Ср. еще в письме О. С. Павлищевой к мужу в сб. «Пушкин и его соврем.», вып. XV, стр. 129—130. Мария Александровна Пушкина (ум. 22 февраля/7 марта 1919 г.) в декабре 1852 г. была пожалована во фрейлины, а 6 апреля 1860 г. вышла замуж за Леонида Николаевича Гартунга, генерал-майора (род. в 1834 г.— застрелился 13 октября 1877 г.) (см. Б. Л. Модзалевский и М. В. Муравьев, «Пушкины. Родословная роспись», Лгр. 1932, стр. 59). Он был сыном генерала-от-инфатерии, окончил Пажеский корпус, служил в конной гвардии, затем по конозаводству в Туле, а позднее был начальником конозаводства в Москве. Во время жизни М. А. и Л. Н. Гартунг в Туле в 60-х годах с М. А. Пушкиной-Гартунг познакомился Л. Н. Толстой, изобразивший некоторые черты ее внешности в Анне Карениной. М. А. Гартунг умерла в Москве и погребена на кладбище Донского монастыря.

— Об отношении Пушкина к своей наружности см. у В. Ходасевича, «Поэтическое хозяйство Пушкина», кн. 1, Лгр. 1924, стр. 84.

№ 501 501. *А. X. Бенкендорфу* 8 июня 1832 г. (стр. 73—74). Беловой текст напечатан впервые Н. О. Лернером в газ. «Речь» 30 марта 1911 г., № 87, по копии [1] в Деле Архива министерства императорского двора «О бронзовой колоссальной статуе Екатерины II, предлагаемой к покупке писателем А. Пушкиным» (это дело хранится теперь в Пушкинском Доме); затем перепечатано в его же статье «Заметки о Пушкине» в «Русск. Стар.» 1913 г., № 12, стр. 505—506, и вошло в Собрание Сочинений Пушкина, под ред. С. А. Венгерова, изд. Брокгауза-Ефрона, т. VI, стр. 603—604 (№ 712). Черновой текст впервые напечатан, по копии П. В. Анненкова, П. А. Ефремовым в Собрании Сочинений Пушкина, изд. А. С. Суворина, т. VII, С.-Пб. 1903, стр. 520 и примеч., т. VIII, стр. 614, с неверною датою, исправленою в Акад. изд. Переписки Пушкина, но также не совсем точно (т. II, стр. 357). Оба подлинника (беловой и черновой) неизвестно где находятся.

Перевод: «Генерал. Два-три года тому назад господин Гончаров, дед моей жены, испытывая денежные затруднения, был готов расплавить колоссальную статую Екатерины II, и за разрешением на то я обращался к вашему высокопревосходительству. Думая, что речь идет только о бесформенной массе бронзы, я большего и не просил. Но статуя оказалась прекрасным произведением искусства, и мне стало совестно и жалко ее уничтожить, чтобы извлечь из нее несколько тысяч рублей. Ваше Превосходительство с обычной добротою подали мне надежду, что правительство могло бы ее купить у меня, и я велел привезти ее сюда. Если средства частного лица не позволяют ни ее купить, ни хранить ее, то эта прекрасная статуя могла бы быть достойно помещена или в одном из учреждений, основанных императрицей, или в Царском Селе, где её статуи недостает среди памятников, воздвигнутых ею великим людям, которые ей служили. Я хотел бы за нее 25 000 р., что составляет четверть ее стоимости (этот памятник был сооружен в Пруссии одним берлинским скульптором). — Статуя находится теперь у меня (Фурштатская улица, дом Алымова). — Остаюсь с почтением, Генерал, Вашего превосходительства нижайший и покорнейший слуга Александр Пушкин. 8 июня 1832. Ст.-Пб.»

— Французский текст черновика почти дословно (с некоторыми пропусками) совпадает с беловым текстом письма.

— Гончаров — Афанасий Николаевич (о нем см. выше, т. II, стр. 425 и в настоящем томе, по указателю).

— История хлопот Пушкина по продаже бронзовой статуи Екатерины II, находившейся в имении Гончаровых, Полотняный Завод, рассказана выше, т. II, стр. 439—440. Несмотря на полученное в 1830 г. разрешение, статуя эта не была тогда продана и, как видно из письма Пушкина, в это время находилась у него на квартире, где, между прочим, ее видел Н. А. Муханов, отметивший 4 июля в своем дневнике: «Видел у него [т. е. Пушкина]... статую Екатерины, весьма замечательную» («Русск. Арх.» 1897 г., кн. I, стр. 657). Новое обращение Пушкина к Бенкендорфу, спустя ровно 2 года после первого, по справедливому

---

[1] Н. О. Лернер сообщил, что печатает с авторизованной копии, что неверно; копия писана не Пушкиным.

предположению Н. О. Лернера, вызвано было, с одной стороны, просьбами родственников жены Пушкина, а с другой, вероятно, надеждою Пушкина выручить данные теще Н. И. Гончаровой перед своей женитьбой деньги, в которых он ощущал острую необходимость. Вследствие письма Пушкина А. Х. Бенкендорф передал это дело в ведение Министерства императорского двора, которое отношением от 13 июня, за подписью кн. П. М. Волконского, обратилось в Академию Художеств с просьбою «поручить Г. Г. Мартосу, Демуту, Гальбергу и Орловскому осмотреть означенную статую и донести как о достоинстве оной, так и о цене ее» (см. «Против течения» 29 октября 1910 г., № 3, и «Русск. Стар.» 1913 г., № 12, стр. 510, статьи Н. О. Лернера). 22 июня контора Академии Художеств отношением за подписью конференц-секретаря В. И. Григоровича, уведомила о предложении министра двора ректора Академии И. П. Мартоса, профессора В. И. Демут-Малиновского и академиков С. И. Гальберга и Б. И. Орловского, которые и расписались в чтении этого отношения (оно не полностью было напечатано в статье А. В. Средина «Полотняный Завод» — «Старые годы» 1910 г., июль — сентябрь, стр. 105). Вскоре состоялся осмотр статуи на квартире Пушкина, вероятно в его присутствии, и 12 июля был составлен акт осмотра, который подписали И. П. Мартос, С. И. Гальберг и Б. И. Орловский (В. И. Демут-Малиновский не участвовал в осмотре). «Мы, — писали они, — осматривали у известного писателя Пушкина колоссальную статую Екатерины II, которую предлагает он к приобретению на счет правительства, и находим, что огромность сей статуи, отливка оной и тщательная обработка или чеканка оной во всех частях, не говоря уже о важности лица изображаемого и следовательно о достоинстве сего произведения, как монументального которое непростительно было бы употребить для другого какого либо назначения, заслуживает внимания правительства; что же касается до цены сей статуи 25 тысяч рублей, то мы находим ее слишком умеренной, ибо одного металла, полагать можно, имеется в ней по крайней мере на двенадцать тысяч рублей, и если бы теперь заказать сделать таковую статую, то она, конечно, обошлась бы в три или четыре раза дороже цены, просимой г. Пушкиным. При сем мы должны по всей справедливости объявить, что произведение сие не чуждо некоторых видных недостатков в отношении сочинения, рисунка и стиля впрочем, если взять в соображение век, в который статуя сия сделана, то она вовсе не может почесться слабейшею из произведенных в то время в Берлине» (см. указ. статьи Н. О. Лернера и А. В. Средина). Однако на этом дело остановилось. Пушкин продолжал надеяться на благоприятный исход своих хлопот и 2 декабря писал П. В. Нащокину: «мою статую еще я не продал, но продам во что бы то ни стало» (см. выше, стр. 84). «Надо думать, — говорит Н. О. Лернер, — что Пушкин был не совсем в добрых отношениях с кн. П. М. Волконским, так как не только не обратился непосредственно к нему, возбуждая свое ходатайство, но даже стал действовать именем жены, убедившись, что дело заглохло». В феврале 1833 г. Н. Н. Пушкина послала кн. П. М. Волконскому следующее письмо (даем его перевод, подлинник напечатан у Н. О. Лернера в «Русск. Стар.» 1913 г., № 12, стр. 511—512): «Князь, я намеревалась продать в казну бронзовую

 статую, которая, как мне сказали, стоила моему деду 100 000 рублей, и за которую я хотела бы получить 25 000. Посланные для ее осмотра академики говорили, что она стоит этих денег. Но, не получая больше известий об этом, я осмеливаюсь, князь, прибегнуть к вашей любезности. Намереваются ли еще купить эту статую, или же сумма, которую спросил мой муж, кажется чрезмерной? В последнем случае нельзя ли было бы выдать нам, по крайней мере, *материальную* стоимость статуи, т. е. стоимость бронзы, а остальное уплатить когда и как вам будет угодно. Суббота. 18 февраля 1833». Письмо это, очевидно, было продиктовано Пушкиным; оно сложено и запечатано сургучом с оттиском Пушкинского перстня-талисмана, и на обороте второго листа Пушкин собственноручно написал: «Его Сіятельству Милостивому Государю Князю Петру Михайловичу Волконскому отъ Н. Н. Пушкиной». Дальнейший ход этого дела Н. О. Лернер излагает так: «Получив письмо в тот же день, князь немедленно потребовал: «Справку, на чем остановилось сие дело». 21 февраля был составлен для доклада министру краткий экстракт о положении дела, т. е. о заключении экспертов. Как видно из карандашной надписи министра, от 23 февраля, на этой бумаге, Волконский сначала хотел «Гр. Сансе просить ответить г-же Пушкиной, что я крайне сожалею о невозможности исполнить ее просьбу по весьма затруднительному положению, в котором находится ныне кабинет, отчего не может делать никаких приобретений сего рода». Но через два дня Волконский решил, вероятно, что вежливее будет ответить самому, и послал 25 февраля Наталье Николаевне письмо, в котором заключался изложенный в самых изысканных выражениях, но бесповоротный отказ от покупки статуи» (см. текст письма в статье Н. О. Лернера в «Русск. Стар.» 1913 г., № 12, стр. 513). После этого отказа Пушкин не предпринимал больше никаких шагов к реализации «медной бабушки», по крайней мере в нашем распоряжении нет никаких документов о новых его хлопотах. Статуя Екатерины II была продана, вероятно, после смерти Пушкина заводчику Франщу Берду, у которого ее купило екатеринославское дворянство, и в 1846 г. она была воздвигнута в г. Екатеринославле (ныне Днепропетровск) на площади, перед заложенным Екатериною собором (см. об этом выше, т. II, стр. 440, где указана и вся библиография о статуе).

— Об авторах статуи см. в т. II, стр. 439.

502. *И. В. Киреевскому.* 11 июля [1832] (стр. 74—75). Напечатано впервые О. И. Поповой в журн. «Огонек» 31 мая 1929 г., № 21 (321), по подлиннику, найденному ею в архиве бр. Киреевских (ср. в т. I, стр. XXXIX); здесь же приложено и facsimile, в очень уменьшенном против оригинала виде, с 1-й и 3-й страниц письма; перепечатано ею же в «Литературном Наследстве», № 16—18, стр. 543—544. В собрание писем Пушкина включается впервые. Подлинник — на листе почтовой бумаги большого формата, без водяных знаков, — в Государственном Историческом Музее в Москве, в архиве бр. Киреевских (арх. № 27, инв. № 67221).

Это — второе из дошедших до нас писем Пушкина к И. В. Киреевскому. Судя по словам Пушкина — «я прекратил переписку мою с вами», — он в этот период времени (с 4 января по 11 июля 1832 г.) более Киреевскому не писал.

— «Уголь сажею не может замараться» — этими словами Пушкин № 502
иронизирует над собою и Киреевским, попавшим также в положение лица, политически неблагонадежного, к каковым Пушкин был причислен правительством уже давно. Не далее, как 7 февраля того же 1832 года, Пушкин получил еще раз подтверждение в том, что бдительное правительственное око следит за ним неукоснительно. То был запрос Бенкендорфа: «почему стихотворение «Анчар, древо яда» было напечатано Пушкиным в альманахе «Северные Цветы» без «испрошения на напечатание оных высочайшего дозволения» (см. выше, стр. 67 и примечание, стр. 475). Историю тайного надзора над Киреевским см. в книге М. Лемке: «Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг.», П. 1908, стр. 67—78.

— При перлюстрации писем, широко практиковавшейся в Николаевскую пору, корреспонденты прибегали к передаче писем частным путем, с «оказией». Оказией пользовались и декабристы. Этому бытовому явлению Пушкин отдал дань в письме к Вяземскому следующими словами: «Сходнее нам в Азии писать по оказии» (см. т. I, стр. 66).

— Журнал «Европеец» был запрещен 22 февраля 1832 г., после выхода в свет двух первых номеров; № 3 был уже отпечатан, когда последовало запрещение. Причиною для закрытия журнала послужили статьи Киреевского: 1) «XIX век» и 2) «Разбор постановки «Горе от ума» на московской сцене».

По поводу первой статьи Бенкендорф писал министру народного просвещения кн. К. А. Ливену от 7 февраля 1832 г.: «государь император, прочитав в № 1 издаваемого в Москве Иваном *Киреевским* журнала под названием «Европеец» статью *Девятнадцатый век,* изволил обратить на оную особое свое внимание. Его величество изволили найти, что все статьи сии есть не что иное, как рассуждение о высшей политике, хотя в начале оной сочинитель и утверждает, что он говорит не о политике, а о литературе. — Но стоит обратить только некоторое внимание, чтобы видеть, что сочинитель, рассуждая будто бы о литературе, разумеет совсем иное; что под словом *просвещение* он понимает *свободу,* что *деятельность разума* означает у него *революцию,* а *искусно отысканная середина* не что иное, как *конституция.* Посему его величество изволит находить, что статья сия не долженствовала быть дозволена в журнале литературном, в каком воспрещено помещать что либо о политике, и как, сверх того, оная статья, не взирая на ее наивность, писана в духе самом неблагонамеренном, то и не следовало цензуре оной пропускать» (см. М. Лемке: «Николаевские жандармы и литература 1826—1855 г.», П., 1908 г., стр. 73; ср. «Русскую Старину» 1903, № 2, стр. 314—315).

Статья Киреевского о постановке «Горе от ума» на московской сцене, по мнению того же Бенкендорфа, была «самой неприличной и непристойной выходкой на счет находящихся в России иностранцев». В ней Киреевский, защищая западное просвещение, в довольно резких выражениях советовал своим современникам «любовь к иностранному»... «не смешивать с пристрастием к иностранцам» (см. журнал «Европеец», № 1, стр. 140). И этого ему, конечно, не простили те иностранцы, которые стояли во главе государственного управления, а их было не малое число: А. Х. Бенкендорф, К. А. Ливен, К. В. Нессельроде и другие. Характерно,

№ 502 что в то же самое время, Н. И. Любимов писал (30 января 1832 г.) из Петербурга своему другу Погодину: «У вас теперь новый журнал Европеец. В нем быть может много хорошего, но как жалко, что он дышит чем-то европейским, а не русским. Читали ли вы в нем разбор Горе от ума? Срам да и все тут. Не стыдятся явно проповедовать, чтобы мы благоговели перед иностранцами и забывали все русское» (см. Н. П. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. 4, стр. 7).

— По поводу впечатления, произведенного запрещением «Европейца», см. письмо Пушкина к И. И. Дмитриеву от 14 февраля 1832 г. (выше, стр. 68). А. В. Никитенко записал в своем дневнике 10 февраля: «Вечер провел у Плетнева. Там застал Пушкина. «Европейца» запретили. Тьфу! Да что же мы, наконец, будем делать на Руси? Пить и буянить? И тяжко, и стыдно и грустно!» («Записки и дневник», т. I, С.-Пб. 1905, стр. 219). Тяжелое впечатление запрещение журнала произвело и на Е. А. Боратынского: «От запрещения твоего журнала не могу опомниться» — писал он И. В. Киреевскому 14 марта 1832 г. «Нет сомнения, что тут действовал тайный, подлый и несправедливый доносчик, но что в этом утешительного? Где найти на него суд? Что после этого можно предпринять в литературе? Я вместе с тобой лишился сильного побуждения к трудам словесным. Запрещение твоего журнала просто наводит на меня хандру, и судя по письму твоему, и на тебя навело меланхолию. Что делать! будем мыслить в молчании и оставим литературное поприще Полевым и Булгариным...» («Татевский сборник С. А. Рачинского», С.-Пб. 1899, стр. 40). «Ты необыкновенный критик» — писал он ему же в том же году — «и запрещение *«Европейца»* для тебя большая потеря» (ibid., стр. 48). Кн. П. А. Вяземский с горечью писал И. И. Дмитриеву 13 апреля: «Вы, верно, пожалели о прекращении «Европейца», последовавшем, вероятно, также в силу вышеупомянутого узаконения [т. е. узаконения того, что в «России никто не может издавать политическую газету, кроме Греча и Булгарина»]. Все усилия благонамеренных и здравомыслящих людей, желавших доказать, что в книжке «Европейца» нет ничего революционного, остались безуспешны. «В напечатанном, конечно, нет ничего возмутительного, — говорили в ответ, — но тут надобно читать то, что не напечатано, и вы тогда ясно увидите те злые умыслы и революцию на ладони...». Против такой логики спорить нечего» («Русск. Арх.» 1868 г., ст. 616—617). См. также в письме М. П. Погодина к С. П. Шевыреву от 14 марта 1832 г. в «Русск. Арх.» 1882 г., кн. III, стр. 194—195.

— Словами: «не из Булгаринской навозной кучи, но из тучи», Пушкин перефразировал народную пословицу:

Гром не из тучи,
А из навозной кучи,

давая этим знать, что «Европеец» запрещен сверху, Николаем I, а не по доносу Булгарина, как думал Киреевский, судя по письму его к Пушкину от марта 1832 г.: «Я до сих пор не отвечал вам на письмо ваше и не благодарил вас за присылку стихов, потому что через несколько дней по получении их я узнал о запрещении моего журнала. Не зная в каких вы отношениях с Булгариным, я боялся, чтобы он, оклеветав меня не

вздумал и вас представить сообщником» (Переписка Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, стр. 377). Так как Булгарин в лице издателя «Европейца» мог видеть опасного для себя конкурента, то очень возможно, что именно ему принадлежала инициатива истолкования в антиправительственном духе двух статей Киреевского в новом журнале. № 502

— Жуковский писал в защиту Киреевского и Николаю I и Бенкендорфу. «Клевета искусна» — писал поэт Николаю — «издалека наготовит она столько обвинений против беспечного, честного человека, что он вдруг явится в самом черном виде и, со всех сторон запутанный, не найдет слов для оправдания. Не имея возможность указать на поступки, обвиняют *тайные намерения*. Такое обвинение легко, а оправдания против него быть не может»... «Пример перед глазами. Киреевский, молодой человек, чистый совершенно, с надеждою приобрести хорошее имя, берется за перо и хочет быть автором в благородном значении этого слова. И в первых строках его находят *злое намерение*. Кто прочтет эти строки без предубеждения против автора, тот конечно не найдет в них сего тайного злого намерения. Но уже этот автор представлен вам, как человек безнравственный, и он, неизвестный лично вам, не имеет средства сказать никому ни одного слова в свое оправдание, уже осужден перед верховным судилищем, перед вашим мнением»... «На что же послужили ему 25 лет непорочной жизни? И на что может вообще служить непорочная жизнь, если она в минуту может быть опрокинута клеветою?» («Русский Архив» 1896, кн. I, стр. 117—119). О письме своем к Николаю I Жуковский сообщал самому Киреевскому: «Я уже писал к государю и о твоем журнале, и о тебе. Сказал мнение свое на чистоту. Ответа не имею, и вероятно, не буду иметь, но что надобно было сказать, то сказано» (см. В. Лясковский, «Братья Киреевские, жизнь и труды их», 1899 г., стр. 39). По словам матери Киреевского, А. П. Елагиной, Жуковский позволил себе даже лично поручиться за Киреевского перед Николаем I.—«А за тебя кто поручится?»—был ответ Николая. Жуковский после этого сказался больным и две недели не являлся на занятия с наследником, воспитателем которого был (см. М. Лемке, «Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг.», 1908 г., стр. 74, «Русск. Архив.» 1882, кн. III, стр. 196). Бенкендорфу Жуковский писал в более резких выражениях: «...честный человек с талантом должен бросить перо и отказаться от мыслей»—писал он шефу жандармов (см. «Русск. Архив» 1896 г., кн. I, стр. 114—116). В. А. Жуковский писал также и кн. Д. В. Голицыну 22 февраля 1832 г., прося его обратить внимание на дело И. В. Киреевского (см. «Татевский сборник С. А. Рачинского», СПб. 1899, стр. 78).

— В результате заступничества Жуковского Бенкендорф предложил Киреевскому дать объяснения, какие он найдет нужным. Киреевский представил тотчас же шефу жандармов записку (она была написана П. Я. Чаадаевым, но мысли, в ней изложенные, принадлежали самому Киреевскому), в которой изложил свою точку зрения на культурное развитие Европы и России, указав при этом, что «не с политической, но с мыслящей Европой» хотел он установить тесную связь, и не скрыв своего мнения, что необходимым условием развития России, особенно нравственного,

№ 502 является — освобождение крестьян... (см. «Русск. Арх.» 1896 г., кн. II, стр. 576—582; дата записки неизвестна). Этого было достаточно, чтобы за ним окончательно установилась репутация человека опасного и он был отдан под полицейский надзор (см. М. К. Лемке, «Николаевские жандармы и литература 1825—1855 гг.», С.-Пб. 1908, стр. 77—78). О запрещении «Европейца» см. еще в книге И. А. Шляпкина, «Из неизданных бумаг Пушкина», С.-Пб. 1900, стр. 164—166; в труде Н. П. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. III, стр. 367—368; т. IV, стр. 5—12, 16, 37; т. V, стр. 469—470; т. VII, стр. 404; «Арх. бр. Тургеневых», вып. VI, стр. 85, 97, 98 и 454—455; «Старина и Новизна», кн. II, стр. 230; Полн. Собр. Соч. И. В. Киреевского, под ред. М. О. Гершензона, т. I, стр. 59—61; «Русский Биографический Словарь, т. Ибак—Ключарев, С.-Пб. 1897, стр. 676—680; «Русск. Арх.» 1894 г., кн. II, стр. 336—338; 1877 г., кн. II, стр. 493; 1875 г., кн. I, стр. 69—70; «Русск. Стар.» 1898 г., № 11, стр. 316, примеч.; Собр. Сочинений Пушкина, изд. «Красной Нивы», вып. 12, стр. 136; «Русск. Арх.» 1902 г., кн. I, стр. 280.

— Письмо кн. П. А. Вяземского к А. Х. Бенкендорфу неизвестно. Об отношениях же Вяземского к запрещению «Европейца» свидетельствует письмо его к И. И. Дмитриеву (см. выше, стр. 506).

— Бенкендорф — Александр Христофорович.

— Полевой — Николай Алексеевич.

— Надеждин — Николай Иванович.

— Оправдательного письма по предложению Пушкина И. В. Киреевский не написал (оно нам неизвестно), но отправил Бенкендорфу записку, о которой было говорено выше, стр. 507—508.

— «Брат Ваш» — Киреевский, Петр Васильевич (род. в с. Долбине вблизи г. Белева, родовом имении своего отца, 11 февраля 1808 — умер 25 октября 1856), младший брат И. В. Киреевского, переводчик, известный главным образом как собиратель русских народных песен, на каковой почве и состоялось, повидимому, знакомство с ним Пушкина. Как известно, Пушкин передал П. В. Киреевскому 50 записанных им песен, сказав при этом: «Когда-нибудь от нечего делать разберите-ка, которые поет народ и которые *смастерил я сам?*» «И сколько ни старался я разгадать эту загадку — говорил П. В. Киреевский — никак не могу сладить» (акад. Ф. И. Буслаев, «Мои воспоминания», М. 1897, стр. 293). Вопрос о том, какие из песен, собранных Киреевским, принадлежат творчеству поэта, до сих пор остается невыясненным. Тетрадь же с записями Пушкина, переданная Киреевскому, еще не разыскана, но тексты записанных Пушкиным песен теперь установлены все. Об этом существует большая литература, к которой мы и отсылаем: «Рассказы о Пушкине» П. И. Бартенева, под ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 52—53 и 126—128, где приведены ссылки на источники; М. Сперанский, «К вопросу о песнях, записанных А. С. Пушкиным» в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. XXXVIII—XXXIX, стр. 95—107; Н. О. Лернер, «Новые песенные записи Пушкина» в «Красной Панораме» 13 декабря 1929 г., № 50, стр. 14; М. Н. Сперанский, «Записи народных песен Пушкина в собрании П. В. Киреевского» в сб. «Памяти П. Н. Сакулина», М. 1931, стр. 290—295; Н. Н. Трубицын, «Народные песни, записанные Пушкиным» в изд. «Пушкин и его соврем.»,

вып. XV, стр. 137—145. Все тексты песен, записанных Пушкиным, с подробным комментарием, см. в книге «Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты», под ред. М. А. Цявловского, Л. Б. Модзалевского и Т. Г. Зенгер, Л. 1935, стр. 414—462. О самом П. В. Киреевском см. в статье Г. М. Князева в «Русском Биографическом Словаре», т. Ибак — Ключарев, С.-Пб. 1897, стр. 695—700; в книге Валерия Лясковского «Братья Киреевские. Жизнь и труды их», С.-Пб. 1899, и в изд. «Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия», II, вып. 1 и 2, М. 1911 и 1929, под ред. М. Н. Сперанского, и рецензию В. Резанова на вып. II в «Известиях по русск. яз. и слов. Акад. Наук СССР» 1930 г., т. III, кн. 1, стр. 327—330. № 502

— Языков — Николай Михайлович.

— О несостоявшейся газете Пушкина «Дневник» см. выше, стр. 489—500. Пушкин говорит здесь о том, что ему разрешили издавать газету «на днях». Эту фразу нужно понимать не буквально. Разрешение последовало в период между 31 мая и 3 июня. Возможно, однако, предположить, что у Пушкина был еще какой-то разговор с Бенкендорфом о газете, нам неизвестный, в результате которого он получил дополнительное разрешение в первых числах июля (ср. в следующем письме к М. П. Погодину).

— Обращение Пушкина к И. В. и П. В. Киреевским и к Н. М. Языкову о сотрудничестве в его газете не получило осуществления, так как издание газеты Пушкина не состоялось.

— Ник. Мих. — Языков. О его лености говорит и Е. А. Боратынский в письме к И. В. Киреевскому 16 мая 1832 г.: «Что поделывает Языков? Этот лентяй из лентяев пишет ли что нибудь?» («Татевский сборник С. А. Рачинского», С.-Пб. 1899, стр. 46). В «Молве» 23 августа 1832 г., № 68, стр. 272, сообщалось, что «Языков уехал на лето в Симбирск. Песни священные (из Псалтыря, Экклезиаста, Книги Бытия и пр.) наполняют теперь пиитическую жизнь его. Пора, пора перестроить звучную лиру!»

— Как можно менее стихов — «стихотворений помещать не намерен ибо и Христос запретил метать бисер перед публикой; па то проза-мякина» — писал Пушкин в письме к М. П. Погодину от первой половины сентября 1832 г. (см. выше, стр. 78).

— Неизвестно, отозвался ли И. В. Киреевский на просьбу Пушкина о присылке его мнения о газете. Писем его к Пушкину после марта 1832 г. не сохранилось.

— В Москву Пушкин поехал лишь 17 сентября, а приехал туда 21 числа (см. ниже, стр. 525, в примечаниях к письму № 510).

503. *М. П. Погодину*, 11 июля [1832. Петербург] (стр. 75—76). Напечатано впервые в «Москвитянине» 1842 г., ч. V, № 10, стр. 466—467, и у П. В. Анненкова в «Материалах», С.-Пб. 1855, стр. 304, в отрывке. Полностью в изд. Сочинений Пушкина, под ред. П. А. Ефремова, М. 1882, стр. 310—312, и в последующих изданиях. Подлинник на листе почтовой бумаги большого формата, без водяных знаков, — в Публичной Библиотеке СССР им. В. И. Ленина (Архив Погодина, № 3519, письма 1832 г., перепл. 5, лл. 85—86).

Пушкин отвечает на письмо М. П. Погодина от 18 апреля 1832 г., писанное из Москвы: «А я уж соскучился по вас, любезнейший Але-

№ 503 ксандр Сергеевич: так давно нет об вас ни слуху, ни духу. Что вы делаете, что сделали, что будете делать, что ваш Петр и пр. Хоть бы Хомяков воротился и привез известия. Как вам понравилась его лирическая хроника? — Между тем у меня есть до вас и просьба; я напечатал Нем. Театр, пер. Шишкова, в 4 част. — Издание (1100 экз.) стоит мне с заплатою переводчика 5000 р. — Не купит ли его сполна Г. Смирдин? Пусть он назначит сам цену, *какую ему угодно*, сроки, *какие ему угодно*. Я во всем полагаюсь на его честность. — Готов взять даже, что себе стоит, ибо я хотел только помочь переводчику. — Книга хорошая и пойдет непременно. — Будьте посредником. — Еще — не купит ли он всего издания Марфы Посадницы. Условия также зависят от него. Я был бы очень благодарен ему, еслиб он избавил меня от всех этих хлопот, а может быть и я современем ему пригожусь. — С Московс. книгопродавцами мне тошно иметь дело» (И. А. Шляпкин, «Из неизданных бумаг Пушкина», С.-Пб. 1903, стр. 167—169; Переписка Пушкина, т. II, стр. 380). Получив ответ Пушкина, Погодин записал в своем дневнике 10 июля: «Письмо от Пуш⟨кина⟩ о газете» («Пушкин и его соврем.», вып. XXIII — XXIV, стр. 119), а 1 августа отправил свой ответ (см. там же), недошедший до нас.

— В начале письма Пушкин касается переговоров своих по просьбе Погодина с книгопродавцем и издателем А. Ф. Смирдиным о приобретении последним издания «Марфы Посадницы» (о ней см. выше, в т. II, стр. 90—92, 111, 383, 431, 438, 474 и 487—488, и в настоящем томе, стр. 146—147, в примечаниях к письму № 395). Трагедия Погодина была встречена критикой очень сурово; в «Сыне Отеч.» (1832 г., № 20, стр. 330—352) появилась резкая рецензия, в которой трагедия была названа «площадною» (см. Н. П. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. IV, стр. 20—23). Погодин отметил в своем дневнике, что «*Марфы* проданы пять экземпляров. Вот и еще утешение» (там же, стр. 22). Понятно, что Погодин начал хлопоты о скорейшей продаже издания, с чем и обратился к Пушкину. Но ответ его показывает, что «комиссия» его у Смирдина не увенчалась успехом, так как Смирдин отказался приобрести издание трагедии (см. в книге Т. Грица, В. Тренина, М. Никитина, «Словесность и коммерция», М. стр. 267). Разбор драмы, сделанный Пушкиным и относящийся к 1830 г. см. в Акад. изд. Сочинений Пушкина, т. IX, ч. 1, стр. 127—130; он напечатан был впоследствии Погодиным в «Москвитянине» 1842 г., ч. V, № 10 стр. 462—465 (ср. в указ. Собрании Сочинений Пушкина, т. IX, ч. 2, стр. 350, 355—356, 365, 367—368, 372, 374—379 и 392).

— А. Ф. Смирдин незадолго перед тем открыл новую книжную лавку на Невском проспекте, в доме около Петровской церкви. 19 февраля состоялось новоселье, на котором присутствовали писатели разных группировок и среди них Пушкин. Об этом литературном событии сохранилось значительное количество свидетельств современников; кн. П. А. Вяземский писал И. И. Дмитриеву 13 апреля: «На первый случай рекомендую Вам новую книжную лавку — Смирдина, первую европейскую лавку русскими книгами. В ней не темно, не холодно, не сыро и не грязно: говорю не в литературном отношении. Везде — красное дерево, бронза, все так нарядно, так блестит, что русским книгам должно быть совестно

тут... Об обеде для новоселья, на котором журналисты перепились, говорить не стану. Увидим, какова будет *дижестия* этого обеда, т. е. альманах, который обязались мы поставить в благодарность за хлеб соль. Здесь есть довольно много движения в литературе, но движения без деятельности и действия. Смирдин, сказывают, снимает Северную Пчелу и Сын Отечества и дает за право прежним откупщикам по 60 или 50 тысяч ежегодно» («Русск. Арх. 1868 г., ст. 616). Книжная лавка Смирдина сделалась вскоре центром, куда сходились писатели, издатели и журналисты для устройства своих литературно-издательских дел, чтения и приобретения книжных новинок. В лавке бывал часто и Пушкин. О лавке Смирдина и о новосельи у него см. выше, т. I, стр. 277—278, и в следующих изданиях: «Дневник» Пушкина, под ред. Б. Л. Модзалевского, П. 1923, стр. 73—74; московское издание «Дневника», 1923, стр. 512—514; Т. Гриц, В. Тренин, М. Никитин, «Словесность и коммерция (Книжная лавка А. Ф. Смирдина)», под ред. В. Б. Шкловского и Б. М. Эйхенбаума, М., стр. 215—297 и др.; К. Шимкевич «Литературный обед у Смирдина с участием Пушкина» — в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. XXXI—XXXII, стр. 111—118; там же, вып. XXIII—XXIV, стр. 184 № 130; Рассказ В. Б[урнашева] в «Русск. Арх.» 1901 г., кн. II, стр. 254; рассказ Н. Н. Терпигорева в «Русск. Стар.» 1870 г., кн. I, стр. 580—581; Письмо П. А. Плетнева В. А. Жуковскому от 11 марта 1833 г. в «Русск. Арх.» 1875 г., кн. II, стр. 467, и в Сочинениях и переписке П. А. Плетнева, т. III, стр. 526. (вторичное новоселье в 1833 г.); «Молва» 18 марта 1832 г., № 23, стр. 92. № 503

— «Вас разбранили где-то за Посадницу» — нужно думать, что это была рецензия на драму, помещенная в «Сыне Отечества», о чем говорилось выше, стр. 510. См. на нее «Антикритику», помещенную в «Молве» 17 июня 1832 г. № 49, стр. 194—195.

— О «Борисе Годунове» и «Полтаве» Пушкина см. отзыв выше, в т. II, стр. 345 (о «Полтаве»), и в настоящем томе, стр. 145—146, в примечаниях к письму № 395 (о «Борисе Годунове»).

— Говоря о критике, Пушкин старался успокоить Погодина и сгладить неприятное впечатление, произведенное на последнего суровостью и резкостью рецензий, появившихся о «Марфе Посаднице». По тем же причинам Пушкин, несомненно, преувеличивал значение драм Погодина.

— Хлопоты Погодина о постановке «Марфы Посадницы» на сцене не достигли желаемого результата; «Марфу вашу, — писал ему Б. А. Враский, — до сих пор дирекция московских театров еще к нам не доставила, впрочем, еслиб она и доставлена была, то все-же нельзя было бы позволить, ибо Государю не угодно, чтобы на сцену выводимы были наши цари и поляки, к какому бы времени это ни относилось» (Н. П. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. IV, стр. 20).

— Петр — другая трагедия Погодина, о ней см. выше, стр. 321—323, в примечаниях к письму № 433 («Русск. Стар.» 1903 г., № 2, стр. 315—316). «Мой Петр лежит все под спудом» — писал Погодин С. П. Шевыреву 13 июля 1832 г. («Русск. Арх.» 1882 г., кн. III, стр. 198).

— Скриб (Augustin-Eugène Scribe, род. в Париже 25 декабря 1791— ум. там же 20 февраля 1861), автор многочисленных водевилей и комедий; избранный в академики французской Академии после смерти А. В. Арно

№ 503 и произнесший 28 января 1836 г. на академическом заседании «блестящую», по выражению Пушкина, речь. Эту речь, а также ответ на нее непременного секретаря Академии А. Ф. Вильмена Пушкин напечатал в 1836 г. в «Современнике» (т. II, стр. 14—52), в своей статье «Французская Академия». Об этом, а также о самом Скрибе см. в статье Н. О. Лернера в «Русск. Стар. 1911 г.», № 10, стр. 3—33, и в Акад. изд. Сочинений Пушкина, т. IX, ч. 1, стр. 275—301, и ч. 2, стр. 769—780. В библиотеке Пушкина сохранилось несколько изданий сочинений Скриба, а также биография Скриба, написанная Густавом Планшем (Gustave Planche), — см. Б. Л. Модзалевский, «Библиотека Пушкина», С-Пб. 1910, стр. 311, 333 и 334.

— Дидло, Шарль-Луи, знаменитый балетмейстер (о нем см. в т. II, стр. 263).

— О газете, разрешенной Пушкину, но не осуществившейся, см. выше, стр. 489—500; о противодействии Булгарину со стороны Пушкина в это время см. в статье кн. П. П. Вяземского в сборнике П. И. Бартенева «А. С. Пушкин», II, М. 1885, стр. 52—53.

— «Но журнал будучи торговым предприятием, я ни к чему приступить не дерзаю». — Галлицизм в сокращении придаточного предложения, что несколько раз встречается у Пушкина. Так, в повести «Выстрел» — «Вы согласитесь, что имея право выбрать оружие, жизнь его была в моих руках». В повести «Дубровский» — «Воспитанная в аристократических предрассудках, учитель для нее был род слуги или мастерового, а слуга или мастеровой не казался ей мужчиною» [наблюдения И. К. Линдемана. — *Ред.*].

— «Собрать подписку на Историю Русского народа» — намек на «Историю Русского народа» Н. А. Полевого, объявившего и собравшего подписку на свой труд, в то время когда он еще не был написан (об этом см. выше, т. II, стр. 474, выше, стр. 465, и в Полн. Собр. Соч. кн. Н. А. Вяземского, т. II, СПб. 1879, стр. 145—149, в статье его: «История русского народа, критика на нее Вестника Европы и других журналов. Один том на лицо. Одиннадцать будущих томов в воле божией»). В своих заметках на черновике письма кн. П. А. Вяземского к С. С. Уварову, писанном в 1836 г., Пушкин резко выразился о Полевом и о «плутовстве подписки» на его «Историю Русского народа» (см. в т. II, стр. 372, см. Полн. Собр. Соч. кн. П. А. Вяземского, т. II, стр. 225, примеч. 2).

— Надеждин — Николай Иванович (о нем см. в т. II, стр. 441—442, и другие, по указателю). Говоря о его непростительной опрометчивости суждений в связи с сравнением с Н. А. Полевым, Пушкин, по всей вероятности, имеет в виду прочтенную им в журнале Надеждина «Телескоп», 1832 г., № 9, стр. 103—115 (ценз. разрешение цензора Николая Лазарева 5 июля 1832), рецензию на последнюю главу Евгения Онегина (СПб. 1832) и на сборник своих стихотворений, часть III (СПб. 1832). В этой рецензии путем тонких намеков Пушкин действительно сравнивается с Полевым. Надеждин между прочим писал: «Большинство публики, в минуты первого упоения, обмороченное вероломными кликами *шарлатанов*, спекулировавших на общий энтузиазм к Пушкину, видело в Онегине какое то необыкновенное чудо, долженствовавшее разродиться неслыханными последствиями. Оно думало читать в нем *полную историю современного*

человечества, оправленную в роскошные поэтические рамы, ожидало найти в нем Русского Чайлд-Гарольда. И могло ли устоять долго это добродушное ослепление, когда откровенная искренность поэта сама его разрушала беспрестанно? Каждая новая глава Онегина яснее и яснее обнаруживала непритязательность Пушкина на исполинский замысел, ему приписываемый . . .»; «Смело можно было угадывать, что при первой главе Онегина, Пушкин и не думал, как он кончится; и вот собственное его откровенное признание в последней главе: № 503

Промчалось много, много дней
С тех пор, как юная Татьяна
И с ней Онегин *в смутном сне*
Явилися впервые мне —
И даль *свободного романа*
Я сквозь магический кристалл
Еще *не ясно* различал (VIII, 50).

Но сие признание сделано уже слишком поздно. Оно не спасло откровенного поэта от мести тех, кои, думая видеть в мыльных пузырьках, пускаемых его затейливым воображением, роскошные огни высокой поэтической фантасмагории, наконец должны были признать себя жалко обманувшимися»... «Ясно, что Пушкин, с благородным самоотвержением сознал наконец тщету и ничтожность поэтического суесловия, коим, увлекая других, не мог конечно и сам не увлекаться. Его созревший ум проник глубже и постиг вернее тайну поэзии: он увидел, что для гения — повторим давно сказанную остроту — не довольно создать Евгения... Не лучше ли от того нашей словесности? При ее крайнем убожестве, блестящая игрушка, подобная Онегину, все, по крайней мере, наполняла собой ужасную ее пустоту. Видеть эту игрушку разбитою руками, ее устроившими, и не иметь, чем заменить ее — еще грустнее, еще безотраднее». Опровергая основное обвинение рецензента, Пушкин совершенно справедливо ссылается на свое предисловие к первой главе романа»: «Вот начало большого стихотворения, которое, вероятно не будет окончено» (ср. Н. П. Барсуков «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. IV, С.-Пб 1891, стр. 100).

— Шишков — Александр Ардальонович (см. в т. I, стр. 298—299, и т. II, стр. 504). Пушкин благодарит его за полученное от него через М. П. Погодина издание «Избранный Немецкий театр. Перевод Александра Шишкова 2. Москва 1831», в 4 томах с следующею надписью: «А. С. Пушкину от переводчика» (Б. Л. Модзалевский, «Библиотека Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 115—116). Издание это осуществлено было М. П. Погодиным (см. в письме М. П. Погодина к Пушкину выше, стр. 510). Посылая Пушкину первый том «Немецкого театра», Шишков писал ему 6 октября 1831 г.: «Надеясь на твое снисхождение к трудам моим, милый мой Александр Сергеевич, посылаю тебе 1 том моих переводов; второй-же доставлю с первой почтой. Прими его: порой он напоминает товарища детских лет твоих и отчасти бурной молодости. Посылая 2 том, буду писать к тебе подробно о многом, теперь же спешу, чтоб не опоздать на почту. Не забывай меня, милый друг, и сохрани ко мне хоть сотую долю той дружбы, которой я гордился некогда. И так до первой почты. Обнимаю тебя и почитаю излишним уверять тебя в чувствах глубокого уважения

 и преданности, которые всегда питал к тебе и питать не перестану. Душевно преданный тебе Ал. Шишков» (Переписка Пушкина, т. II, стр. 332). В 1832 г. в «Молве» (9 февраля, № 12, стр. 46—47) А. А. Шишков поместил следующее объявление: «Благосклонный прием публикою напечатанных мною четырех томов Избранного Немецкого Театра, и ревностное желание, по мере сил трудиться для пользы Отечественной Словесности, поощрили меня к продолжению предпринятого мною труда. Избранный Немецкий Театр продолжаться будет в том же точно виде, в каком вышли первые четыре тома. В половине сего 1832 года выйдет пятый, состоящий из двух трагедий: Розамунды — Кернера и Дмитрия Самозванца, начатого Шиллером, конченного Мильтицем...» Но этому предположению Шишкова не суждено было осуществиться, так как он был убит 27 сентября 1832 г. А. Я. Булгаков писал брату в Петербург 3 октября: «В Твери была ужасная история, рассказывал [М. Н.] Загоскин. Офицер [А. П.] Чернов, кажется, сказал что то на бале о жене Шишкова, племянника бывшего министра, тоже автора. Шишков дал пощечину. Офицер выждал его на крыльце у разъезда и кинжалом заколол, дав четыре раны, потом сам предался губернатору в руки» («Русск. Арх.» 1902 г., кн. I, стр. 318; см. также выше, в I т., стр. 298; Н. О. Лернер, «Труды и дни Пушкина», изд. 2, С.-Пб. 1910, стр. 467; И. А. Шляпкин, «Из неизданных бумаг Пушкина», С.-Пб. 1903, стр. 95 и 168). В «Молве» 30 декабря 1832 г., № 105, был помещен некролог А. А. Шишкова. По поручению его вдовы там же сообщалось о сборе подписки на издание 4 томов «Сочинений и переводов Шишкова 2», с изложением их содержания, причем указывалось, что «надзор за изданием принимают на себя С. Т. Аксаков, М. П. Погодин и издатель Телескопа» (там же, стр. 418—419). Предприятие это не осуществилось, вероятно, из-за малого количества собранных денег. «Сочинения и переводы» Шишкова были изданы в 4 томах в 1834—1835 гг. на средства Российской Академии, в пользу дочери Шишкова. В 1833 г. Пушкин принимал живое участие в посмертном издании переводов Шишкова и составил для вдовы его письмо на имя гр. С. С. Уварова (см. в назв. книге И. А. Шляпкина, стр. 93—95, и в книге «Рукою Пушкина», под ред. М. А. Цявловского, Л. Б. Модзалевского и Т. Г. Зенгер, Л. 1935, стр. 820, и выше, в т. I, стр. 298—299).

— Фортунат — драматическая сказка Людвига Тика, переведенная Шишковым и напечатанная в III томе «Избранного Немецкого Театра», М. 1831 (см. «Дневник» Пушкина, М. 1923, стр. 544).

— На приглашение Пушкина приехать в Петербург М. П. Погодин не отозвался, оставаясь в течение 1832 г. в Москве. Здесь, несомненно, состоялось их свидание осенью 1832 г. (о чем ниже, стр. 520, 521 и 524).

504. *Графу Д. И. Хвостову* [2 августа 1832 г.] (стр. 76). Беловой текст напечатан впервые в очерке Е. Я. Колбасина «Певец Кубры или граф Дмитрий Иванович Хвостов (†1835)» в журнале «Время» 1862 г., № 6, отд. I, стр. 139—181 (140), а оттуда в изд. Сочинений Пушкина (напр. изд. Литературного Фонда, т. VII, стр. 310), с неправильным отнесением к октябрю 1832 г. В Акад. изд. Переписки Пушкина (т. II, стр. 386—387) датировано более правильно: «лето 1832 г. С.-Пб.». Черновой текст напечатан впервые Ю. Г. Оксманом в «Литературном Наследстве», № 16—18

стр. 597. Подлинник белового текста — на листе почтовой бумаги большого формата, без водяных знаков, — в ИРЛИ (Пушкинском Доме) Академии наук СССР (Литературная переписка гр. Д. И. Хвостова 1832 г., письмо № 70, лл. 141 и 144; в реестре перед письмом под № 70 записано неизвестною рукою: «Письмо А. С. Пушкина от 2 августа. Благодарность за присылку пѣсенки Соловей съ музыкою»): он сложен конвертом и запечатан гербовою печатью Пушкина под графской короной; подлинник чернового текста находится там же, в бумагах, полученных через П. Е. Щеголева; письмо написано на обороте письма гр. Д. И. Хвостова к Пушкину от 2 августа, текст которого мы и приводим полностью: № 504

«Свидетельствуя почтение приятелю — современному, знаменитому поэту Александру Сергеевичу Пушкину, посылаю ему песенку моего сочинения на музыку положенную и прошу в знак дружбы ко мне доставить оную вашей Наталье Николаевне. Примите уверение искренней преданности и дружбы с коими есть и буду покорный слуга Граф Хвостов. 1832 года Августа 2 дня». *На обороте:* «Его благородию Александру Сергеевичу Пушкину. От графа Хвостова» (см. «Литературное Наследство», № 16—18, стр. 597).

— О гр. Д. И. Хвостове см. выше, т. I, стр. 252—253, 397, 521 и др., по указателю, а также «Дневник» Пушкина, М. 1923, стр. 547—551. Хвостов в это время был очень жалок, свидетельствует кн. П. А. Вяземский: «он так дряхл и расслаб, что недолго осталось ему публично падать, писать и...» («Русск. Арх». 1868 г., ст. 619—620; «Старина и Новизна», кн. II, стр. 231, где рассказывается о том, как Хвостов упал в Летнем Саду).

— Подарок Хвостова, поднесенный им Н. Н. Пушкиной, состоял в стихотворении Хвостова «Соловей в Таврическом Саду, 1832 года»:

Зовут друзья в саду Тавриды
Под вечер слушать соловья:[1]
Родной напев, родные виды —
До вас большой охотник я.

Услышать трели Филомелы
Бреду — и стал почти без ног;
Раскаты, переливы смелы
Рождают сладостный восторг.

Пусть голос соловья прекрасный.
Пленяя, тешит, нежит слух,
Но струны лиры громогласной
Прочнее восхищают дух.

Любитель муз, с зарею Майской,
Спеши к источникам ключей,
Ступай послушать на Фурштатской,
Поет где Пушкин-соловей.

(см. Стихотворения графа Д. И. Хвостова, т. VII, С.-Пб. 1834, стр. 171—172; перепечатано в книге В. В. Каллаша «Русские поэты о Пушкине. Сборник стихотворений», М. 1899, стр. 304). К последней строке

[1] И. И. Дмитриев в 1830 г. сообщал кн. П. А. Вяземскому, что в «Северном Меркурии» Д. И. Хвостов был назван «северным соловьем», (см. «Старина и Новизна», кн. II, стр. 162).

стихотворения Хвостов сделал следующее примечание (там же, т. VII, стр. 271): «Сие приветствие известному поэту нашего времени Александру Сергеевичу Пушкину, который жил тогда на Фурштатской и удостоил автора ответом в прозе при получении сей песенки. Музыка на сей голос и с словами помещена в Музыкальном журнале Г. Добри» (этого издания нам не удалось разыскать).

— Говоря о своем долге перед Хвостовым и упоминая о том, что Хвостов «два раза почтил» его «лестным к нему обращением», Пушкин имеет в виду как настоящее, второе стихотворение Хвостова, так и первое, писанное еще в 1831 г. и отправленное им к Пушкину при письме 24 октября (об этом см. выше, стр. 438—439, в примечаниях к письму № 474; «Старина и Новизна», кн. II, стр. 210—211; Н. П. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. III, стр. 332—333, «Дневник» Пушкина, М. 1923, стр. 550—551; П. В. Анненков, «Материалы для биографии Пушкина», С.-Пб. 1855, стр. 321, примечание). Пушкин тогда же, в 1831 г., предполагал «достойно» отвечать Хвостову, но не выполнил своего намерения (см. выше, стр. 55). Нужно думать, что на этот раз он исполнил свое обещание и, кроме благодарственного письма, посетил старика-графомана, «патриарха» русской поэзии, вместе с Н. Н. Пушкиной. Возможно, что отзвуком «благодарности» Хвостову служит упоминание последнего в следующих строках Пушкина в «Медном Всаднике»:

...Граф Хвостов,
Поэт, любимый небесами,
Уж пел бессмертными стихами
Несчастье невских берегов

505. *А. П. Керн.* [Вторая половина 1832 г.] (стр. 77). Напечатано впервые Б. Л. Модзалевским, по тексту А. П. Керн, в его статье «Дельвиг и Пушкин. Письмо А. П. Марковой-Виноградской (Керн) к П. В. Анненкову» в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. V, стр. 154 (ср. А. П. Керн, «Воспоминания», под ред. Ю. Н. Верховского, изд. «Academia», Лгр. 1929, стр. 344 и 416). Вошло в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 387. Подлинник неизвестен.

Перевод: «Перо мое так дурно, что г-жа Хитрова ⟨......⟩ им пользоваться, и мне выпала удача быть ее секретарем».

Записочка эта является припиской Пушкина на следующей, писанной его же рукою записке Е. Хитрово к А. П. Керн: «Chère Madame Kern, notre jeune a la rougeole et il n'y a moyen de lui parler, dès que ma fille sera mieux, j'irai Vous embrasser. El. Hitroff» («Дорогая г-жа Керн, малютка наша[1] в кори, и с нею нельзя видеться. Как только дочери моей[2] станет лучше, я приеду с вами повидаться. Ел. Хитрова» (подпись фамилии — рукою Е. М. Хитрово).

Как эта, так и две следующие записочки Пушкина к А. П. Керн (№№ 506 и 507) относятся ко времени, когда А. П. Керн пыталась вы-

---

[1] Внучка Е. М. Хитрово, дочь гр. Д. Ф. Фикельмон — графиня Елизавета-Александра (род. 1825), в 1841 г. вышедшая замуж за князя Эдмунда Клари-и-Альдринген (о ней см. «Дневник» Пушкина, под ред. Б. Л. Модзалевского, II. 1923, стр. 38).

[2] Или гр. Д. Ф. Фикельмон, или гр. Е. Ф. Тизенгаузен.

купить свое имение, сначала данное ей в приданое ее отцом Петром Марковичем Полторацким, а потом проданное им графу Шереметеву и составлявшее все ее имущество. Хлопоты по выкупу имения были предприняты А. П. Керн вскоре после смерти ее матери, Екатерины Ивановны Полторацкой, рожд. Вульф, последовавшей в первой половине 1832 г.[1] В хлопотах А. П. Керн приняли большое участие Елиз. Мих. Хитрово и Пушкин. Хлопоты не удались, о чем А. П. Керн подробно рассказывает в своем письме к П. В. Анненкову (см. «Пушкин и его соврем.», вып. V, стр. 152—155, и А. П. Керн «Воспоминания», под ред. Ю. Н. Верховского, Лгр. 1929, стр. 342—345). А. П. Керн рассказывает, что после того как Е. М. Хитрово взялась хлопотать, она получила от нее следующую записку: «Вчера утром я получила ваше хорошее письмо, сударыня, я бы тотчас приехала вас навестить, но серьезная болезнь дочери меня задержала. Если вы свободны приехать ко мне завтра в полдень, я с большой радостью Вас приму». «Вследствие этой-то записки,— говорит Керн,— Александр Сергеевич приехал ко мне в своей карете и в ней меня отправил к Хитровой». После этого Керн приводит вторую записку Е. М. Хитрово с припискою Пушкина, нами комментируемой. После двух других записок Пушкина (см. №№ 506 и 507) и одной от Е. М. Хитрово, из которых видно, что соглашение с гр. Шереметевым не состоялось, А. П. Керн оставила мысль о выкупе имения и более ни с Пушкиным, ни с Хитрово по этому делу не переписывалась.

506. *А. П. Керн* [вторая половина 1832 г.] (стр. 77). Напечатано впервые Б. Л. Модзалевским по тексту А. П. Керн в его статье «Дельвиг и Пушкин. Письмо А. П. Марковой-Виноградской (Керн) к П. В. Анненкову», в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. V, стр. 154—155 (ср. А. П. Керн «Воспоминания», под ред. Ю. Н. Верховского, изд. «Academia», Лгр. 1929, стр. 345 и 416). Вошло по этому же тексту в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 388. Нами впервые печатается по подлиннику, писанному на листке голубой золотообрезной бумаги обыкновенного почтового формата, с поврежденным краем; на обороте находятся написанные, вероятно, рукою А. П. Керн, записи адресов. Подлинник хранится в ИРЛИ (Пушкинский Дом), в собрании П. Я. Дашкова.

Перевод: «Вот ответ Шереметева. Желаю, чтобы он был для вас приятен. Г-жа Хитрова сделала все, что могла. Простите прекрасная, будьте покойны и довольны и верьте моей преданности».

Эта записочка Пушкина писана одновременно с следующей запиской Е. М. Хитрово к Керн: «Voici, ma très chère, une lettre de Che⟨remete⟩ff— dites-moi ce qu'elle contient. J'allais Vous la porter moi-même, mais j'ai un vrai malheur, car voila qu'il pleut.— E. Hitroff. («Вот, моя дорогая, письмо Шереметева — скажите мне его содержание. Я собиралась вам нести его сама, но на мое несчастье идет дождь. Е. Хитрова»).

Письмо Пушкина касается того же дела о выкупе А. П. Керн имения у гр. Шереметева (см. выше, стр. 516—517, в примечаниях к письму № 505).

---

[1] Поэтому записочки Пушкина датируются второй половиной 1832 г.

— Шереметев — или граф Дмитрий Николаевич (род. 1803—ум. 1871) — см. его биографию в «Сборнике биографий кавалергардов», под ред. С. А. Панчулидзева, т. III, стр. 384—387; или граф Николай Алексеевич (р. 1784 — ум. 1847). Ответ гр. Шереметева, в котором должно было заключаться его решение относительно продажи А. П. Керн принадлежавшего ей ранее имения, неизвестен. Содержание письма Шереметева к А. П. Керн не было известно также Пушкину и Е. М. Хитрово; вопреки пожеланию Пушкина решение Шереметева было неблагоприятно для А. П. Керн.

507. *А. П. Керн* [вторая половина 1832 г.] (стр. 77). Напечатано впервые Б. Л. Модзалевским по тексту А. П. Керн, в его статье «Дельвиг и Пушкин. Письмо А. П. Марковой-Виноградской к П. В. Анненкову», в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. V, стр. 155 (ср. А. П. Керн, «Воспоминания», под ред. Ю. Н. Верховского, изд. «Academia», Лгр. 1929, стр. 345 и 416). Вошло в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 388. Подлинник не сохранился, так как был уничтожен А. П. Керн, огорчившейся (по ее словам) содержанием письма. Приведенные отрывки письма восстановлены ею по памяти.

Перевод: «〈....〉 Раз вы ничего не могли добиться — вы, красивая женщина, — что мог бы сделать я — мужчина и притом некрасивый 〈....〉 Все, что могу посоветовать — это снова обратиться к услугам Д. 〈....〉». Приведя эти строки, А. П. Керн приписала: «etc. etc., et puis jouant sur le dernier mot...» («и т. д. и т. д. и потом играя на последнем слове»).

Отрывок этого письма касается приобретения А. П. Керн у гр. Шереметева принадлежавшего ей ранее имения, о чем см. выше в письмах № 505 и 506 и в примечаниях к ним.

— Д — к кому Пушкин советовал обратиться по ее делу, остается неизвестным.

508. *Е. М. Хитрово* [август — первая половина сентября или конец октября — декабрь 1832 г.] (стр. 77). Напечатано впервые в издании Пушкинского Дома: «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово, 1827—1832», Лгр. 1927, стр. 32 и 137—138. В собрание писем Пушкина включается впервые. Подлинник — на листе бумаги обыкновенного почтового формата, без водяных знаков — в ИРЛИ (Пушкинском Доме); писано карандашом.

Перевод: «Да, по совести, милый братец [le joli frère] положительно плох, вчера я его привез к себе. Он между сумасшествием и смертью, через час будет кризис, и Вы получите известия. — Как Вам не совестно было так легко отозваться о Кàрре: в его романе есть дарование, и он стòит изысканности Вашего Бальзака. — Прощайте, прекрасная и добрая».

Датировка письма основывается на том, что роман Альфонса Карра «Sous les tilleuls» («Под липами»), о котором, повидимому, в письме идет речь, вышел в свет в первой половине июля 1832 г. Следовательно, он мог быть в Петербурге и читаться Пушкиным, как новинка, уже в августе того же года или позднее. Конец 1832 г. Пушкин проводил в Петербурге, кроме одного месяца, между 16 сентября и 19 октября, когда ездил в Москву (Н. О. Лернер, «Труды и дни Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 271 — 272).

— Le joli frère — кого имеет здесь в виду Пушкин, не знаем; вряд ли дело идет о Л. С. Пушкине, который весь 1832 г., до выхода своего

в отставку 17 декабря, провел в Варшаве (Л. Майков, «Пушкин», С.-Пб. 1899, стр. 39 и др.). Вероятнее всего, дело идет об одном из Гончаровых, и скорее всего о среднем, Иване; младший, Сергей, был еще слишком молод, а на среднего указывает, быть может, наименование «joli frère» — повидимому, непереводимый по-русски каламбур в сопоставлении с названием зятя — «beau-frère». Все сообщение Пушкина имеет каламбурный смысл, понятный для Е. М. Хитрово, но ускользающий от нас. № 508

— Karr — Jean-Baptiste-Alphonse Karr (род. в Париже 24 ноября 1808 — ум. 30 сентября 1890 г.), французский писатель. Пушкин, очевидно, имеет в виду его дебютный роман «Sous les tilleuls [«Под липами»] par Alphonse Carr», 2 тома. A Paris, chez Gosselain, вышедший в июле (до 14-го) 1832 г. и напечатанный уже в августе вторым изданием (о нем см. в статье Б. В. Томашевского, «Французская литература в Письмах Пушкина к Е. М. Хитрово» в названном выше издании Пушкинского Дома, стр. 244—245, 252). Отзыва Е. М. Хитрово о романах Карра до нас не дошло. Пушкин сохранил интерес к Карру и в дальнейшем. В его библиотеке имеются три романа Карра: «Une heure trop tard» (1833); «Vendredi soir» (1835) и «Le chemin le plus court» (1836) (см. Б. Л. Модзалевский, «Библиотека Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 262), из которых два последние были куплены Пушкиным — первый 7 марта 1836 г. и второй — 18 июня того же года (см. «Пушкин и его соврем.», вып. XIII, стр. 115 и 121).

— Balzac — Honoré de Balzac (род. 1799 — ум. 1850), французский романист. По мнению Б. В. Томашевского, Пушкин в своем отзыве о Бальзаке подразумевал произведения его 1831 и 1832 гг.: «La Peau de Chagrin» и «La femme de trente ans». Характеризуя творчество Бальзака словом «marivaudage» (изысканность), Пушкин обозначал им большое количество манерных и капризных по форме деталей, данных Бальзаком в своих произведениях. «Если для нас это слово, — говорит тот же исследователь, — стало нарицательным, то для Пушкина его этимология была свежа. Пушкин, понятно, был хорошо знаком с романами Мариво: «La vie de Marianne» (1731) и «Le Paysan parvenu» (1735). Эти романы по характеристике Сент-Бева и Флери отличаются аффектацией стиля, стилистическими ухищрениями, вычурностью и изысканностью неологизмов, слишком большим злоупотреблением мелочами. То же наблюдается и в романах Бальзака, о стиле которого Сент-Бев выразился как о стиле «обольстительно-порочном», изломанном и изощренном. Очевидно, именно особенности стиля Бальзака и вызвали в Пушкине презрительное слово «marivaudage» (об отношении Пушкина к творчеству Бальзака см. в названной выше работе Б. В. Томашевского, стр. 245 — 249, и в его же статье о Бальзаке в Сочинениях Пушкина, изд. «Красной Нивы», вып. 12, стр. 48). По отзыву Пушкина 1836 г., Бальзак не был образцом как писатель для русских романистов (см. Акад. изд. Сочинений Пушкина, т. IX, ч. I, стр. 309); у русских же читателей романы его пользовались громадным и широким успехом. Увлекалась несомненно ими и Е. М. Хитрово; недаром Пушкин пишет ей «Votre Balzac» (см. в статье Н. В. Измайлова в «Письмах Пушкина к Е. М. Хитрово», Лгр. 1927, стр. 183). Зачитывался ими также А. Н. Вульф в 1833 г., о чем дважды отметил в своем дневнике (Л. Н. Майков, «Пушкин», П. 1899, стр. 201, 203 — 204). В библиотеке Пушкина

 были романы Бальзака в изданиях 1833 и 1836 гг. (см. Б. Л. Модзалевский, «Библиотека Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 147, 148, 287, 310 и 329).

— Belle et bonne — прозвище, данное Вольтером его воспитаннице Филиберте Варикур (позднее маркиза Виллет; Rouph de Varicourt, marquise de Villette, 1757—1822).

509. *М. П. Погодину* [первая половина сентября 1832 г.] (стр. 77—78). Отрывки белового текста напечатаны впервые П. В. Анненковым в его «Материалах для биографии Пушкина», С.-Пб. 1855, стр. 358 — 359, и в его же «Воспоминаниях и критических очерках», отд. III, С.-Пб. 1881, стр. 257; впервые этот текст полностью напечатан в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 388 — 389. Черновой текст впервые напечатан В. Е. Якушкиным в «Русск. Стар.» 1884 г., № 12, стр. 532 — 533, а затем П. А. Ефремовым в изд. Сочинений Пушкина, С.-Пб. 1903, т. VII, стр. 468, не совсем исправно (со вставкой двух фраз из белового текста). Перепечатан вновь по автографу в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 389 — 390. Подлинник белового письма (вернее, авторского перебеленного текста, так как он сохранился в бумагах Пушкина)[1] находится в ИРЛИ (Пушкинском Доме) — см. «Пушкин и его соврем.», вып. IV, стр. 34, № 8; он писан на полулисте почтовой бумаги обыкновенного формата, без водяных знаков; на нем помета рукою П. В. Анненкова «Цит.⟨ировано⟩». Подлинник чернового — в Госуд. Публ. Библиотеке СССР имени В. И. Ленина, в тетради № 2386, I, л. 15_{1-2}; он писан карандашом на листе синей писчей бумаги с водяными знаками: 18... и изображением льва с якорем в овале, увенчанном короною; на обороте листа — набросок к «Египетским ночам»: «Но главная неприятность, говорил мой приятель...». Письмо датируется на основании упоминания о драме М. П. Погодина о Борисе Годунове и о предстоящей поездке Пушкина в Москву (см. ниже, стр. 524).

П. В. Анненков, приводя начало этого письма, писал, что оно вызвано было просьбою московских друзей Пушкина о присылке программы предстоящей его газеты, на которую они возлагали большие надежды (о несостоявшейся газете Пушкина см. выше, стр. 489—500, в примечаниях к письму № 499). «Пушкин поспешил охладить их настроение» (см. «Воспоминания и критические очерки», отд. III, С.-Пб. 1881, стр. 457). В это время (сентябрь 1832 г.) он несомненно начал уже остывать к своему предприятию, — от первоначальных радужных надежд на осуществление своего печатного органа Пушкину пришлось отказаться. В условиях усилившихся цензурных репрессий Пушкин-журналист работать не мог. «Бодрость его не устояла при мысли, что ему предстоит каждодневно садиться на скамью подсудимых и разъяснять непонятые надзором слова и фразы» (там же стр. 257). В нарисованной программе газеты самые главные отделы — политический и литературный — представлялись ему ничтожными, а издавать газету для того, чтобы печатать известия о денежном курсе, о приезжающих и отъезжающих, о дождях и урожае (в черновике) не имело смысла. Все попытки, хлопоты и волнения, связанные с получением разрешения на издание газеты представлялись ему уже сделанными лишь

[1] Письмо, вероятно, и вовсе не было отослано М. П. Погодину; среди писем к нему Пушкина, хранящихся в Государ. Публ. Библиотеке СССР имени В. И. Ленина, такого письма нет.

для того, чтобы уничтожить монополию Н. И. Греча и Ф. В. Булгарина. № 509
В самом факте получения разрешения Пушкин видел падение этой монополии и утешал себя будто бы тем, что был совершенно удовлетворен этим. «Остальное мало меня интересует», — фраза писанная с горечью, досадой и иронией. Та же ирония сквозит и в следующих выражениях: «Газета будет немного похуже Северной Пчелы. Угождать публике я не намерен». Картина представлялась Пушкину безнадежно мрачной: «Что прикажете говорить о вещах, которые никого не интересуют, начиная с литераторов»; «угождать публике, восхищающейся пошлым балагурством Булгарина и бессмыслицей Полевого — было бы слишком низко» (в черновике). Набросав черновик и перебелив его с некоторыми изменениями и с вставкой фразы о том, что его в данный момент больше всего интересовало — «показать всю отвратительную подлость нынешней французской литературы», Пушкин, вероятно, не послал его Погодину, так как собрался сам ехать в Москву и лично рассказать ему о своих сомнениях по поводу газеты, что, повидимому, и исполнил.

— Об отношении «Северной Пчелы» к Пушкину при его жизни см. в очерке П. Н. Столпянского: «Пушкин и Северная Пчела» — «Пушкин и его соврем.», вып. XIX — XX, стр. 117 — 190; вып. XXIII — XXIV, стр. 127 — 194, и вып. XXXI — XXXII, стр. 129 — 146.

— Косичкин — псевдоним Пушкина (об этом см. выше, стр. 464).

— «Христос ⟨Бог — в черновике⟩ запретил метать бисер перед публикой» — выражение ведет свое начало из Евангелия от Матфея, гл. VII, 6.

— Нынешняя французская литература — Пушкин вообще в это время относился к французской поэзии отрицательно, ценя более французскую прозу (см. подробнее в работе П. Н. Сакулина «Взгляд Пушкина, на современную ему французскую литературу» в Сочинениях Пушкина, изд. Брокгауза-Ефрона, т. V, стр. 372—388; П. В. Анненков, «Материалы для биографии Пушкина», С.-Пб. 1873, стр. 288 — 289, и в новейшем исследовании Б. В. Томашевского «Французская литература в письмах Пушкина к Е. М. Хитрово» в изд. «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Лгр. 1927, стр. 205—256). В бумагах Пушкина сохранился перечень, относящийся, вероятно, к 1832 г. и свидетельствующий о желании его писать о французских романах; среди имен этого перечня находятся имена А. де-Виньи, В. Гюго и др. (см. там же, стр. 217). Набросок заметки о В. Гюго сохранился; он относится также к 1832 г. (см. ниже, стр. 522).

— Ламартин — Marie-Louis-Alphonse Prat de Lamartine, французский поэт — о нем см. в т. I, стр. 286, 425—426 и др., по указателю; Сочинения Пушкина, изд. Брокгауза-Ефрона, т. V, стр. 377—378; Сочинения Пушкина, изд. Акад. Наук, т. IX, ч. 2, стр. 487—491 и др. В заметке о В. Гюго 1832 г., которая начинается с известной фразы: «Всем известно, что французы народ самый anti-поэтический...», Пушкин так отозвался о Ламартине: «Не знаю, признались ли, наконец они [то есть французские писатели] в тощем и вялом однообразии своего Ламартина, но тому лет 10 они без церемонии ставили его наравне с Байроном и Шекспиром» (Соч. Пушкина изд. «Красной Нивы», в. 11, стр. 400). Ламартин сам интересовался поэзией Пушкина и в 1836 г. просил стихов Пушкина у кн. Вяземского (см. «Остаф. Арх.», т. III, стр. 301; там же отзывы Вяземского о Ламар-

№ 509 тине, стр. 310, 348 и др. См. еще сборник «Пушкин в мировой литературе», Лгр. 1926, по указателю, и заметку Б. В. Томашевского о Ламартине в изд. Сочинений Пушкина, изд. «Красной Нивы», вып. 12, стр. 217.

— Юнг — Young, Edward (род. 1684 — ум. 1765), английский поэт. Упоминание о нем Пушкина в письме является единственным в его сочинениях вообще (ср. Сочинения Пушкина, изд. Акад. Наук, т. IX, ч. 2, стр. 488, примеч.). У Пушкина в библиотеке находилось только одно издание Юнга, позднейшее: «Les Nuits d'Young, traduite de l'Anglais, par Le Tourneur. Nouvelle édition. Paris. 1818, 2 тома, из которых разрезаны только первые 108 страниц I тома (см. Б. Л. Модзалевский, «Библиотека Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 366).

— Béranger — Беранже, Пьер-Жан (род. в Париже 19 августа 1780 — ум. 16 июля 1857), французский поэт, автор популярных песен. Пушкин решительно не любил творчество Беранже, о чем свидетельствует также и князь П. А. Вяземский (см. «Старина и Новизна», кн. VIII, стр. 33). В цитированной выше заметке о В. Гюго 1832 г. Пушкин отозвался о Беранже следующим образом: «Первым лирическим поэтом почитается теперь несносный Беранже, слагатель натянутых и манерных песенок, не имеющих ничего страстного, вдохновенного, а в веселости и остроумии далеко отставших от прелестных шалостей Колле» [поэт XVIII века] (Сочинения Пушкина, изд. «Красной Нивы», вып. 11, стр. 399—400). Из всех песен Беранже Пушкин отдавал предпочтение песне «Le roi d'Ivetot», приведенной им в статье о «Французской Академии» 1836 г.: «Она очень мила (и чуть ли не лучшая из всех песен хваленого Béranger)...» — прибавлял Пушкин (см. Сочинения Пушкина, изд. «Красной Нивы», вып. 10, стр. 111—112). В библиотеке его сохранилось несколько изданий песен Беранже (см. Б. Л. Модзалевский, «Библиотека Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 157). Об отношении Пушкина к Беранже см. подробнее в Сочинениях Пушкина, под ред. С. А. Венгерова, т. V, стр. 376—377 и VII—VIII (ср. в статье Б. В. Томашевского «Рефутация Беранжера» в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. XXXVII, стр. 119—122, и Ю. Н. Щербачев, «Приятели Пушкина, М. А. Щербинин и П. П. Каверин», М. 1913, стр. 127—128); Сочинения Пушкина, изд. Акад. Наук, т. IX, ч. 2, стр. 485—486, и Сочинения, изд. «Красной Нивы», вып. 12, стр. 56—57.

— V. Hugo — Виктор Гюго (о нем см. выше, в т. II, стр. 434, в настоящем томе, стр. 150—151 и 264—265, в примечаниях к письмам №№ 396 и 418; в изд. «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Лгр. 1927, стр. 205—206, 209—214 и др., по указателю, и статью Б. В. Томашевского о В. Гюго в Сочинениях Пушкина, изд. «Красной Нивы», вып. 12, стр. 108—109). В своей статье о В. Гюго Пушкин называет его «человеком с истинным дарованием» (ib., в. 11, стр. 400), но как писателя Пушкин считал Гюго «неровным и грубым» и поэтом «второстепенным», а драмы его называл «уродливыми» (в 1836 г., см. там же, вып. 10, стр. 159; ср. в Акад. изд. Сочинений Пушкина, т. IX, ч. 2, по указателю).

— A. Vigny — Альфред де Виньи (Alfred-Victor comte de Vigny, род. 27 марта 1797 — ум. 17 сентября 1863), французский поэт романтической школы, автор имевшего большой успех романа «Сен-Марс, или заговор времен Людовика XIII» (1826), о котором Пушкин выразился как о «по-

«средственном» (см. Сочинения, Акад. изд., т. IX, ч. 1. стр. 164, примеч.). Пушкин в 1832 г. намеревался писать о творчестве Виньи, но, вероятно, не выполнил своего намерения (см. «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Лгр. 1927, стр. 217). Позже, в 1836 г. Пушкин признал роман А. де Виньи «облизанным», а автора назвал «чопорным и манерным» (Сочинения, изд. «Красной Нивы» вып. 10, стр. 159). О Пушкине и Виньи см. еще в Сочинениях Пушкина под ред. С. А. Венгерова, т. V, стр. 380—381, и Сочинения Пушкина, изд. Акад. Наук, т. IX, ч. 2. стр. 859 и др., по указателю.

— Загоскин — Михаил Николаевич — о нем см. в т. II, стр. 364—365 и др. и выше, стр. 258—259, в примечаниях к письму № 417. Сравнивая романы А. де Виньи с романами Загоскина не в пользу первого, Пушкин был еще под свежим впечатлением вышедших незадолго до того романов последнего «Юрий Милославский» (в 1829 г.) и «Рославлев» (в июне 1831 г.); особенно сильное впечатление произвел на Пушкина роман «Юрий Милославский» (см. также Сочинения Пушкина, изд. Акад. Наук, т. IX, ч. 2' стр. 195—196).

— Теле-скопских и графских — то есть журналов «Телескоп» и «Московский Телеграф», начальные слоги названий которых «Теле» дали Пушкину игру слов, в сочетании с окончаниями заглавий. Об отношении Пушкина к этим журналам см. в работах Н. К. Козмина «Н. И. Надеждин, Жизнь и научно-литературная деятельность 1804 — 1836», С.-Пб. 1912, стр. 395—409, в его же книге «Очерки из истории русского романтизма. Н. А. Полевой, как выразитель литературных направлений современной ему эпохи», С.-Пб. 1903, по указателю; у М. И. Сухомлинова, «Н. А. Полевой и его журнал „Московский Телеграф"» в «Исследованиях и статьях по русской литературе и просвещению», т. II, С.-Пб. 1889, стр. 367—431; «Дневник» Пушкина, М. 1923, стр. 308—314, 355—358, и в статье о «Московском Телеграфе» в Сочинениях Пушкина, изд. «Красной Нивы», вып. 12, стр. 244—245.

— «Проза... выкупает гадость того, что зовут поэзией — во Франции». — Б. В. Томашевский полагает, что «в такой формулировке имеется некоторая утрировка отрицательного отношения [Пушкина] к французской литературе, но предпочтение прозы перед поэзией все же ясно» (см. «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Лгр. 1927, стр. 217).

— Ваш клиент Годунов — в это время М. П. Погодин усиленно работал над драмой из жизни Бориса Годунова, озаглавленной им «История в лицах о Царе Борисе Федоровиче Годунове». К началу 1833 г. драма была уже закончена, о чем узнал Н. В. Гоголь, написавший Погодину 1 февраля 1833 г. восторженное письмо: «Как! в такое непродолжительное время и уже готова драма, огромная драма... Я нетерпелив прочесть ее...» («Письма Н. В. Гоголя, ред. В. И. Шенрока», т. I, стр. 235; ср. Н. П. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. IV, С.-Пб. 1891, стр. 153). Погодин в письме к Пушкину 29 марта 1833 года между прочим сообщал, что «Бориса окончил давно» (Акад. изд. Переписки Пушкина. т. III, стр. 18). Вероятно, во время пребывания в Москве в сентябре-октябре 1832 г. Пушкин ознакомился с драмой Погодина, тогда очевидно еще не законченой. Но и эта драма Погодина, подобно «Петру», увидела свет не ранее 1868 г., и только отрывок ее напечатан был в посмертном

 «Современнике» 1837 г., т. V, стр. 247—278, под заглавием «Смерть царя Бориса Федоровича Годунова. Исторические сцены 1605 г. Апреля 13» с таким примечанием редакции: «Продолжение этих сцен, посвященное А. С. Пушкину, напечатано особо в 1835 г. (История в лицах о Дмитрии Самозванце. Москва, 1835)».

— «На днях еду в Москву» — Пушкин уехал в Москву 17 сентября,[1] перед этим подав прошение в департамент хозяйственных и счетных дел Московского Главного архива министерства иностранных дел, по месту своей службы; в прошении Пушкин писал, что «по домашним обстоятельствам» он имеет «необходимую нужду отлучиться из С.-Петербурга в разные губернии на 28 дней» и просил выдать ему свидетельство на свободный проезд. Просьба Пушкина была удовлетворена, и 12 сентября выдано свидетельство (см. Н. А. Гастфрейнд, «Пушкин. Документы...», С.-Пб. 1900, стр. 27—28); но уехал он не сразу, так как задержался по делам своей газеты, выдав 16 сентября доверенность Н. И. Тарасенко-Отрешкову см. выше, стр. 495). Дальше Москвы Пушкин не поехал, вернувшись в Петербург в назначенный срок (см. Н. О. Лернер, «Труды и дни Пушкина», изд. 2, С.-Пб. 1910, стр. 270 и 271).

(К черновому)

— J. de. St. Pét — «Journal de St. Pétersbourg» — французская газета, издававшаяся в Петербурге.

— Браниться с Ж — то есть с журналами.

— Пошлое балагурство Булгарина — 16 декабря 1832 г. бар. Е. Ф. Розен писал С. П. Шевыреву: «Сказывал ли вам Пушкин [очевидно, когда был в Москве], что Булгарин домогается княжеского достоинства? Он утверждает, что он *князь Скандербег-Булгарин!* Жаль, что вы остаетесь в Москве. Вы бы пожаловали в Питер: мы бы затеяли какой-нибудь дельный журнал, что есть общее желание» («Русск. Арх.» 1878 г., кн. II, стр. 48).

— Полевой — Николай Алексеевич.

— Русл. — поэма «Руслан и Людмила».

— Плен. — поэма «Кавказский Пленник».

510. *Н. Н. Пушкиной* [22 сентября 1832, Москва] (стр. 79). Напечатано впервые И. С. Тургеневым в «Вестн. Европы» 1878 г., № 1, стр. 26—27; перепечатано в изд. Литературного Фонда, под ред. П. О. Морозова, т. VII, стр. 304—305, а затем в изд. А. С. Суворина, под ред. П. А. Ефремова, т. VII, стр. 471—472, в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 390—391, и в других изданиях. Подлинник, — на листе почтовой бумаги большого формата, без водяных знаков, — в Госуд. Публ. Библиотеке СССР имени В. И. Ленина в Москве; письмо сложено конвертом и запечатано облаткой.

В начале письма Пушкин просит жену не сердиться на него за то, что он не сразу написал ей по приезде в Москву, и объясняет далее причины своей долгой поездки, длившейся пять дней.

---

[1] Кн. П. А. Вяземский отправил с Пушкиным в Москву свое письмо к И. И. Дмитриеву от 17 сентября 1832 г. (см. «Русск. Арх.», 1868 г., ст. 622—623).

— Пушкин приехал в Москву 21 сентября, привезя с собою письмо № 510
кн. П. А. Вяземского к И. И. Дмитриеву от 17 сентября, в котором первый писал: «Теперь при мертвой букве посылаю вам и живую граммату — поэта Пушкина и будущего газетчика. Благословите его на новое поприще. Авось с легкой руки вашей одержит он победу над врагами ада, т. е. Телеграфа, зажмет рот Пчеле и прочистит стекла Телескопу» («Русск. Арх.» 1868 г., ст. 622—623). В Москве Пушкин пробыл три недели, с 21 сентября по 10 октября. По полицейским же донесениям, Пушкин приехал 10-го и уехал 16 октября 1832 г. («Красн. Арх.», кн. 37, стр. 243; ср. «Русск. Арх.» 1876 г., кн. II, стр. 236—237), что неверно.

— Приезд двора — Николай I приехал в Москву 20 сентября и уехал 22 сентября (см. в письмах А. Я. Булгакова к брату в «Русск. Арх.» 1902 г., кн. I, стр. 309—314). Кн. П. А. Вяземский писал И. И. Дмитриеву из Петербурга 17 сентября: «Царь и Пушкин у вас, политика и литература воцаренные. Петербург — упраздненный город...» («Русск. Арх.» 1868 г,, ст. 623).

— «Маленький Иосиф» — герой Библии, которого безуспешно соблазняла жена Пентефрия, одного из приближенных Фараона.

— Нащокин — Павел Воинович; он жил в это время на новой квартире на Остоженке в доме священника (теперь д. № 16). См. «Рассказы о Пушкине П. И. Бартенева», под ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 75.

— Сара — этим библийским именем назвал Пушкин цыганку Ольгу Андреевну, с которой жил П. В. Нащокин, намекая на ее ревность и препятствия, чинимые ею к его новому браку.

— Он кокю — cocu (франц.), рогоносец, обманутый муж. Пушкин упоминает это слово и в письмах к жене (№№ 513 и 550). Ср. в пасквильном дипломе Пушкину в книге А. С. Полякова «О смерти Пушкина», С.-Пб. 1922, стр. 14.

— О поездке с Нащокиным в бани (Лепехинские, у Смоленского рынка) вспоминала впоследствии В. А. Нащокина: «Поэт очень любил московские бани и всякий свой приезд в Москву они вдвоем с Павлом Войновичем брали большой номер с двумя полками и подолгу парились в нем. Они как объясняли потом, лежа там, предавались самой задушевной беседе, в полной уверенности, что уж там их никто не подслушает» (Иллюстр. прилож. к «Новому Времени» 1898 г., № 8122, стр. 7, и «Письма женщин к Пушкину», под ред. Л. П. Гроссмана, М. 1928, стр. 234; ср. «Рассказы о Пушкине П. И. Бартенева», под ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 27 и 75).

— Кн. Вяз. — кн. Вера Федоровна Вяземская, жена кн. П. А. Вяземского (о ней см. в тт. I и II, по указателю, и в настоящем томе, стр. 276, 386 и 500—501). Кн. П. А. Вяземский был в это время в Петербурге.

— Фр. Театр — французский театр. В этот день 21 сентября в Малом Театре давали абонементный спектакль. Шли три водевиля: «Une heure de prison» («Час тюремного заключения»), в 2 действиях, «Le philtre champenois» («Шампанский любовный напиток»), в 1 действии и «Verther» («Вертер») в 1 действии (см. «Москов. Ведом.» 1832 г., № 76, и «Пушкин в Москве», М. 1930, стр. 81). Спектакль начинался в шесть с половиной часов вечера, почему Пушкин и мог уже в десять часов лечь спать.

№ 510 — Обер — Лаврентий Николаевич Обер (Aubert, род. в Москве 10 июля 1802 — ум. там же 16 апреля 1884), сын француза-эмигранта и его жены, Розы Обер, рожд. Шальме (Chalmet), известной (до 1812 г.) содержательницы в Москве, близ Б. Дмитровки, магазина мод и «новостей всякого рода». Л. Н. Обер 10 февраля 1831 г. принял русское подданство и поступил в Московскую 1-ю гимназию (позже институт) младшим учителем французского языка, а через семь лет занял то же место преподавателя того же языка в Московской губернской гимназии. В 1845 г. он переменил службу, поступив в театральное ведомство, в котором проходил службу и его старший брат — Федор Николаевич (род. 1800 — ум. 1863). Сначала Обер служил в должности смотрителя Малого Московского Театра (с 8 января 1845 г.), затем был учителем французского языка при Театральном Училище, долгое время состоял инспектором Училища, а с 1872 г. занял место управляющего Московской Конторой императорских театров, выйдя незадолго до смерти в отставку (формулярный о службе список и «Русский Биографический Словарь», т. Обезъянинов — Очкин, С.-Пб. 1905, стр. 4—5). По словам знавшего его М. Н. Лонгинова, Обер был «очень любим в Москве за свои любезные качества» («Русск. Стар.» 1874 г., № 11, стр. 553). Перу Обера принадлежат оставшиеся в рукописи воспоминания, из которых напечатан лишь отрывок под заглавием «Мое знакомство с Пушкиным» («Русск. Курьер» 13 июня 1880 г., № 158, перепечатан в «Молве» 1880 г., № 164 и в сб. «Венок на памятник Пушкину», С.-Пб. 1880, стр. 340—343). Знакомство это состоялось вскоре после возвращения поэта из ссылки в 1826 г., в салоне кн. З. А. Волконской, о чем Л. Н. Обер рассказывает в своих воспоминаниях; Пушкин в конце 1820-х годов останавливался в его доме Тверской части, в Глинищевском переулке, в Москве, где тогда помещалась гостиница Коппа «Север» (см. «Пушкин в Москве», статья Н. П. Чулкова, стр. 65). В этот приезд (1832) Пушкин остановился в этом же доме Обера, в гостинице «Англия». Два отрывка из воспоминаний Л. Н. Обера о Пушкине перепечатаны в книге В. Вересаева «Пушкин в жизни», изд. 5, т. I, 1932, стр. 224, и в книге «Разговоры Пушкина. Собрали Сергей Гессен и Лев Модзалевский», М. 1929, стр. 137; ср. Б. Л. Модзалевский, «Библиотека Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. VII).

— Государь... сегодня едет к Вам — эта фраза свидетельствует о том, что Пушкин был хорошо осведомлен об этом, так как Николай I действительно уехал в Петербург 22 сентября в 4 часа 20 минут дня (см. «Русск. Арх.» 1902 г., кн. I, стр. 314).

— Бенкендорф — Александр Христофорович — Пушкину вероятно не удалось его видеть; он хотел, повидимому, говорить с ним по вопросу об издании своей газеты, что его в это время больше всего интересовало (см. выше, стр. 499).

— Великая Княгиня — Елена Павловна, жена вел. кн. Михаила Павловича (о ней см. в т. I, стр. 295, и в «Дневнике» Пушкина, ред. Б. Л. Модзалевского, П. 1923, стр. 186—189); она в это время была серьезно больна, после выкидыша, о чем сообщает А. Я. Булгаков брату (см. «Русский Архив» 1902 г., кн. I, стр. 313). Из-за этого, вероятно, были отменены все намечавшиеся ранее увеселения и балы, например у кн. Д. В. Голицына (там же).

— Чадаев — Петр Яковлевич Чаадаев (о нем см. выше, в т. I и II, по указателю, и в примечаниях к письму № 438, стр. 331—336 в настоящем томе). Пушкин видел его в Малом Театре. Интересные сведения о Чаадаеве сообщал в это время кн. П. А. Вяземский А. И. Тургеневу 4 сентября (см. «Архив бр. Тургеневых», вып. 6, П. 1921, стр. 104). № 510

— Дела мои. — Не удовлетворяясь оброчными доходами с своего Кистеневского имения, Пушкин решил перезаложить принадлежавшие ему двести душ крестьян в Опекунском совете и взять добавочные суммы, как это полагалось тогда, по 50 руб. на душу. Это дело Пушкин пытался закончить во время своего пребывания в Москве, но за отсутствием нужных документов его пришлось отложить и поручить П. В. Нащокину (ср. в следующем письме к жене, № 511). Из переписки с ним Пушкина за это время (1832—1833) видно, что Нащокин усердно взялся за поручение друга, но не смог ничего сделать, так как Опекунский совет признал, что Кистеневские крестьяне не пригодны к перезалогу (см. в письмах Пушкина №№ 515, 519, и в примечаниях к ним; П. Е. Щеголев, «Пушкин и мужики», Лгр. 1928, стр. 94—96).

— Петр — повар Пушкина (см. ibid., стр. 165—166 и 169).

— Ирина Кузминична и Ненила Ануфриевна — женская прислуга Пушкиных (ibid., стр. 169).

— Маша — дочь Пушкиных, Мария Александровна (о ней см. выше, стр. 501).

— Спасский — Иван Тимофеевич (род. в 1795 — ум. 13 января 1861) доктор медицины, профессор Медико-Хирургической Академии (биографические сведения о нем см. в «Русском Биографическом Словаре», т. Смеловский — Суворина, С.-Пб. 1909, стр. 179—181). В это время он был профессором названной Академии по кафедре зоологии и минералогии и одновременно состоял (с 1831 г.) младшим акушером Выборгской части в Петербурге. По отзывам современников, он был одним из лучших русских профессоров того времени, а как врач пользовался заслуженной репутацией и в публике и между врачами. В. В. Стасов отметил, что Спасский, будучи врачом Училища Правоведения, «сильно надоедал всем сильною приверженностью к пациентам из князей и графов» («Русск. Стар.» 1881, № 6, стр. 252—253, 257). У Пушкина он был постоянным домашним врачом, советами которого поэт пользовался в годы после своей женитьбы. Имя его не раз упоминается среди писем Пушкина к жене (см., например, в Переписке Пушкина, т. III, стр. 99, 116, 132 и 242). Во время предсмертной болезни поэта И. Т. Спасский находился у его постели и 2 февраля 1837 г. написал свою историческую записку, в которой описал его последние дни жизни, болезнь и смерть (она напечатана по авторитетному списку в книге П. Е. Щеголева, «Дуэль и смерть Пушкина», изд. 3, Лгр. 1928, стр. 200—204 и др., по указателю; «Русск. Стар.» 1884 г., № 10, стр. 146). По словам К. К. Данзаса, Пушкин, однако, имел к нему как к врачу мало доверия («Последние дни жизни и кончина А. С. Пушкина. Со слов... К. К. Данзаса», С.-Пб. 1863, стр. 31). О Пушкине и Спасском см. также в воспоминаниях М. Н. Лонгинова в книге М. А. Цявловского «Книга воспоминаний о Пушкине», М. 1931, стр. 357; И. И. Панаев, «Литературные воспоминания», под ред.

 Р. В. Иванова-Разумника, Лгр. 1928, стр. 88; «Русск. Стар.» 1891, № 4, стр. 121.

— О доме Алымова см. выше, стр. 486.

511. *Н. Н. Пушкиной* [25 сентября 1832 г.] (стр. 80—81). Впервые напечатано И. С. Тургеневым в «Вестн. Европы» 1878 г., № 1, стр. 27—28, с неверной датой 26 сентября; дата исправлена в Сочинениях, изд. Литературного Фонда, т. VII, стр. 305—306, затем в изд. А. С. Суворина, т. VII, стр. 472—474, в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 391—393, и в других изданиях. Подлинник — на листе почтовой бумаги большого формата, без водяных знаков — в Госуд. Публ. Библиотеке СССР имени В. И. Ленина в Москве; письмо сложено конвертом и запечатано облаткой.

— Письмо Н. Н. Пушкиной, на которое отвечает Пушкин, неизвестно.

— Повар — Петр (см. выше, стр. 397 и 527).

— Клоб — Английский Клуб в Петербурге, или С.-Петербургское Английское Собрание, основанный в 1770 г. и помещавшийся с 1830 г. на набережной р. Мойки, на углу Демидова переулка, между Красным и Синим мостами, в доме Демидова. Пушкин был избран в члены этого клуба в 1832 г. и оставался им до своей смерти (см. «Столетие С.-Петербургского Английского Собрания 1770—1870. Исторический очерк. Воспоминания. Список Старшинам. Список почетным членам и членам», С.-Пб. 1870, стр. 9, 28 и 111); в нем он иногда ужинал, так как кухня клуба пользовалась хорошей репутацией; проводил вечера в отсутствии жены, играл здесь в карты и на бильярде. В письме к жене от 30 апреля 1834 . Пушкин сообщал о «небывалом происшествии», случившемся с ним в клубе, где у него украли 350 руб., вскоре, впрочем, найденные и возвращенные ему (см. Переписка Пушкина, т. III, стр, 93, 107 и 108, 115, 120, 122, 125, 133, 151, 157, 234). После смерти Пушкина оставшийся его долг клубу, в размере 535 руб., был уплачен учрежденной над детьми и имуществом Пушкина опекой (см. «Пушкин и его соврем.», вып. XIII, стр. 97).

— Каретник мой — очевидно, у Пушкина был постоянный каретник. Этому же, вероятно, каретнику Пушкин выдал в 1834 г. обязательство об уплате на его счете за ремонт кареты (см. П. Е. Щеголев, «Пушкин и мужики», Лгр. 1928, стр. 132—135 и 228).

— Иван Фребелиус и Иохим — известные петербургские каретные мастера. О них см., например, в «Записках Д. Н. Свербеева», т. II, М. 1899, стр. 100. И. Фребелиус носил звание «Собственного его имп. величества каретного мастера». О нем упоминает Хлестаков во 2-м действии «Ревизора» Гоголя.

— Маша — дочь Пушкиных — Мария Александровна; в это время она была больна золотухой.

— Уткина — вероятно, акушерка Н. Н. Пушкиной.

— Не брюхата-ли ты — беременности еще не было.

— Твой Давыдов — вероятно, студент В. Давыдов, поклонник Н. Н. Пушкиной (см. о нем в т. II, стр. 481, и выше, стр. 157—159 и 456, в примечаниях к письмам № 397 и № 482, и Б. Л. Модзалевский,

«Пушкин», Лгр. 1929, стр. 358, примечание П. В. Анненкова). О женитьбе Давыдова ничего не известно. № 541

— В сообщаемом Пушкиным анекдоте описывается свадьба Пушкина, происходившая в приходе Вознесения, в Москве, 18 февраля 1831 г.

— Княжны Вяз. — Вяземские, дочери кн. П. А. и В. Ф. Вяземских — Мария Петровна (род. 1813 — ум. в феврале 1849), бывшая с 22 мая 1836 г. замужем за Петром Александровичем Валуевым (род. 1815 — ум. 1880), впоследствии графом и известным государственным деятелем, и Прасковья Петровна (род. в Москве 21 февраля 1817 — ум. в Риме 11 марта 1835) — о них см. в «Остаф. Арх.», тт. I—III, по указателю). Пушкин несколько раз упоминает о них в письмах к жене (см. Переписки Пушкина, т. II, стр. 392, 396, т. III, стр. 53, 56, 102, 156 и 161).

— Петушков и Буянов — вероятно, вымышленные фамилии; первый из них упоминается также в «Евгении Онегине», гл. V, строфы XXVI и XXXIX.

— Буянов — герой «Опасного соседа» В. Л. Пушкина; также упоминается в «Евгении Онегине», гл. V, строфа XXVI: «Мой брат двоюродный, Буянов».

— Сорохтин — студент, член студенческого кружка В. Ф. Щербакова в Москве (о нем см. в книге П. Е. Щеголева «Из жизни и творчества Пушкина», Лгр. 1931, стр. 302, 314, и выше, стр. 456, в примечаниях к письму № 482).

— Плетнев — Петр Александрович. Н. Н. Пушкина поддерживала с ним знакомство и после смерти Пушкина (см., например, интересный разговор ее с Плетневым, переданный последним Я. К. Гроту в 1841 г. в «Переписке П. А. Плетнева с Я. К. Гротом», т. I, стр. 216).

— Люди наши — то есть прислуга в доме Пушкиных (см. выше, стр. 527).

— Вяземская — Вера Федоровна; обоз с вещами отправлялся в Петербург, куда семья Вяземских переезжала на постоянное жительство (см. П. И. Бартенев, «Пушкин», кн. II, М. 1885, стр. 52).

— Нащокин — Павел Воинович. О безалаберности его дома см. выше, стр. 61 и 455—456.

— Окулова — одна из дочерей Алексея Матвеевича Окулова (род. 1766 — ум. 1821), бывшего камергером и Херсонским гражданским губернатором (1803—1805) и его жены Прасковьи Семеновны (род. 1772 — ум. 1864): Анна (род. 3 сентября 1795 — ум. 13 февраля 1861); София (род. 1795 — ум. 1 апреля 1872); Варвара (род. 1802 — ум. 14 сентября 1879); Елизавета (род. 1806 — ум. 1886) или Дарья Алексеевна (род. 26 ноября 1811 — ум. 28 апреля 1865); из них Анна Алексеевна была камер-фрейлиной и оставила записки, выдержки из которых напечатаны в «Русск. Арх.» 1896 г., кн. I, стр. 607—613; Дарья Алексеевна воспета в 1831 г. в стихах кн. П. А. Вяземским (Полн. Собр. Соч., т. IV, стр. 103—105); она в это время была уже замужем за Николаем Павловичем Шиповым (род. 1806 — ум. 1887) (см. В. Руммель и В. Голубцов, «Родословный сборник русских дворянских фамилий», т. II, стр. 731, и «Остаф. Арх.», т. II, стр. 523); Елизавета Алексеевна 3 мая 1836 г. вышла замуж за Алексея Николаевича Дьякова (род. 1790 — ум. 1837), о чем Пушкин сообщал на следующий день жене (Переписка

 Пушкина, т. III, стр. 308), прибавив к этому, что ее сестра Варвара «сошла с ума от любви» (там же; ср. «Московское дворянство. Родословная книга дворянства Московской губернии», т. I, под ред. Л. М. Савелова, стр. 522);[1] брат их, Матвей Алексеевич (род. 1793 — ум. 1853), женат был на сестре П. В. Нащокина — Анастасии Воиновне (род. 1787 — ум. 7 сентября 1862) (см. там же, стр. 523, и кн. А. Б. Лобанов-Ростовский, «Русская родословная книга», т. II, изд. 2, С.-Пб. 1895, стр. 27) и часто упоминается в письмах П. В. Нащокина к Пушкину (см. Переписки Пушкина, т. III, стр. 1, 267—269, 311, 427).

— Малиновские — Алексей Федорович, директор Московского Архива министерства иностранных дел, жена его Анна Петровна, рожд. Исленева, и дочь их Екатерина Алексеевна, вскоре (18 января 1833) вышедшая замуж за кн. Ростислава Алексеевича Долгорукова (о них см. в т. II, стр. 451).

— Дела мои — о перезалоге крестьян (см. выше, стр. 527).

— Маша — дочь Пушкина.

— Екатерина Ивановна — Екатерина Ивановна Загряжская, тетка Н. Н. Пушкиной (о ней см. в т. II, стр. 449—450).

— Иполит — слуга Пушкина Ипполит, которого он брал с собою в Москву и которого он в следующую поездку 1833 г., уже в сопровождении другого слуги Гаврилы, тепло вспоминал в письме к жене 19 сентября: «Свет-то мой Иполит!» (см. стр. 105).

— Об Алымове — см. выше, стр. 485—486.

512. *Н. Н. Пушкиной* [27 сентября 1832] (стр. 81). Напечатано впервые И. С. Тургеневым в «Вестн. Европы» 1878 г., № 1 стр. 28—29. Вошло в изд. Литературного Фонда, под ред. П. О. Морозова, т. VII, стр. 306—307, в изд. А. С. Суворина, под ред. П. А. Ефремова, т. VII, стр. 474, и Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 393—394, и другие издания. Подлинник — на листе почтовой бумаги большого формата, без водяных знаков — в Госуд. Публ. Библиотеке СССР имени В. И. Ленина в Москве; письмо сложено конвертом и запечатано облаткой.

В начале письма Пушкин говорит о своем предыдущем письме, отправленном 26 сентября.

— Полученные Пушкиным три письма Н. Н. Пушкиной неизвестны.

— Пушкин — вероятно родственник Н. Н. Пушкиной, Федор Матвеевич Мусин-Пушкин, приходившийся ей двоюродным дядей; его отец Матвей Платонович был родным братом бабки Н. Н. Пушкиной — Надежды Платоновны Мусиной-Пушкиной (род. 1765 — ум. 1835), бывшей замужем за Афанасием Николаевичем Гончаровым (см. кн. П. В. Долгоруков, «Российская Родословная книга», ч. 2, С.-Пб. 1855, стр. 197—198). Федор Матвеевич Мусин-Пушкин служил с 1817 по 1856 г. в л.-гв. Гусарском полку, откуда в чине полковника переведен был 14 ноября 1836 г. в Одесский Уланский полк (см. К. Н. Манзей, «История л.-гв. Гусарского полка», т. III, 1859, стр. 90) и вышел в отставку генерал-майором; с 1826 г. он был женат на приятельнице сестры поэта О. С. Павлищевой и род-

[1] Здесь ошибочно указано, что А. Н. Дьяков был женат на Дарье Алексеевне Окуловой.

ственнице бар. С. М. Дельвиг — Александре Осиповне Ришар, в первом браке Геннингс (ум. 1875) (см. Б. Л. Модзалевский, «Пушкин», Лгр. 1929, стр. 142—143). № 512

— Хлопочу по делам — по перезалогу душ (см. выше, стр. 527).

— Нащокин — Павел Воинович.

— Mémoires de Diderot — Пушкин читал мемуары Дидро, вероятно, по экземпляру, сохранившемуся в его библиотеке: «Mémoires, correspondance et ouvrages inédits de Diderot, publiés d'aprés les manuscrits confiés, en mourant, par l'auteur à Grimm. Paris, 1830—1831, в четырех томах, из которых разрезаны первые два тома и отдельные места в III и IV томах (Б. Л. Модзалевский, «Библиотека Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 225—226). Этой книги, впрочем, не значится в описи библиотеки поэта, составленной опекой в 1837 г. (см. в работе Л. Б. Модзалевского в «Литературном Наследстве», № 16—18, стр. 1022 (№ 883). О причинах интереса Пушкина к мемуарам Дидро см. в статье Ю. Г. Оксмана в «Литературном Наследстве», № 16—18, стр. 451—452. В 1836 г. кн. Вяземский обращался к Пушкину с просьбою прислать «les oeuvres de Diderot — последнее издание с его mémoires» (Переписка Пушкина, т. III, стр. 285). Кроме этого указания в письме к жене, об интересе Пушкина к Дени Дидро, известному главе французских энциклопедистов XVIII века (род. 1713 — ум. 1784), нет более никаких сведений. Известно лишь, что Пушкин два раза упомянул его имя: в набросках «о русской литературе с очерком французской», где Дидро назван «пылким» и «самым ревностным из апостолов» Руссо, и в статье об «Александре Радищеве», где Пушкин говорит о «политическом цинизме» Дидро. В послании Пушкина к кн. Н. Б. Юсупову («К вельможе») Дидро посвящены следующие строки:

То чтитель Промысла, то Скептик, то безбожник,
Садился Дидерот на шаткий свой треножник,
Бросал парик, глаза в восторге закрывал
И проповедовал...

— Вяземская — княгина Вера Федоровна.

— Le beau Bezobrasoff — прекрасный Безобразов.

— Безобразов — Сергей Дмитриевич (род. 22 августа 1801 — ум. 6 декабря 1879), с 1831 г. флигель-адъютант, офицер л.-гв. Подольского Кирасирского полка; отличался исключительной красотой, почему современники сравнивали его с Аполлоном Бельведерским. В этом прозвище был каламбур, так как, будучи адъютантом (с 1820 г.) вел. кн. Константина Павловича, он жил в Варшаве в Бельведерском дворце. Пушкин неоднократно упоминает о Безобразове и его семейной истории в письмах к жене и в своем дневнике. О Безобразове см. биографию в «Сборнике биографий кавалергардов», т. IV, стр. 166—170, с портретом, «Арх. Раевских», под ред. Б. Л. Модзалевского, т. III, С.-Пб. 1910, стр. 153, и «Дневник» Пушкина, под ред. Б. Л. Модзалевского, П. 1923, стр. 5, 6, 7, 82—83 и др.).

— Александров — Павел Константинович (род. 24 марта 1808 — ум. 23 октября 1857), сын вел. кн. Константина Павловича и его фаворитки Ульяны Михайловны (ум. в 1824), бывшей замужем за капитаном русской службы Фридрихсом, получившей в 1816 году фамилию Александровой по названию приобретенного ею имения и вышедшей замуж в 1820 г. за

№ 512 адъютанта великого князя, Александра Андреевича Вейс (см. «Остаф. Арх.», т. III, стр. 382—383; «Дневник» Пушкина, под ред. Б. Л. Модзалевского, П. 1923, стр. 87). П. К. Александров, получивший дворянство в 1812 г., начал службу в л.-гв. Конном полку юнкером (см. «Полный список шефов, полковых командиров и офицеров л.-гв. Конного полка с 1731 г. по 1886 г.», С.-Пб. 1886, стр. 247—248), в 1823 г. в чине поручика переведен в л.-гв. Подольский Кирасирский полк; в 1829 г. назначен флигельадъютантом; в 1832 г. (1 января) переведен в чине ротмистра обратно в л.-гв. Конный полк, где служил до чина генерал-майора (1846), когда назначен был в свиту; с 1855 г. — генерал-адъютант, а в следующем году произведен был в генерал-лейтенанты (см. его биографию в «Русском биографическом словаре», т. I, С.-Пб. 1896, стр. 124—125). Женат был (с 29 октября 1833) на княжне Анне Александровне Щербатовой (см. Г. А. Власьев, «Потомство Рюрика», т. I, ч. 3, стр. 297; «Арх. с. Михайловского», т. II, вып. 1, С.-Пб. 1902, стр. 25—26; «Арх. бр. Тургеневых», вып. 6, П. 1921, стр. 361). Пушкин упомянул Александрова также в письме к жене 8 октября 1833 г. Случай с Александровым у Бобринской неизвестен.

— Бобринская — вероятно, графиня Анна Владимировна, рожд. баронесса Унгерн-Штернберг (род. 9 января 1769 — ум. 28 марта 1846), бывшая замужем за гр. Алексеем Григорьевичем Бобринским, сыном Екатерины II от гр. Григория Орлова. Пушкин дважды упомянул о ней в своем дневнике, отметив, что она «всегда за меня лжет и вывозит меня из хлопот» (о ней см. в примечаниях Б. Л. Модзалевского к «Дневнику» Пушкина, П. 1923, стр. 7, 22 и 88—89, и выше, в т. II, стр. 240).

— Иполит — слуга Пушкина.

— Давыдов профессор — Иван Иванович (род. 15 июня 1794 — ум. 15 ноября 1863), заслуженный профессор Московского Университета в 1820—1847 гг., где последовательно занимал кафедры латинской словесности и философии, чистой математики и русской словесности (последнюю в 1831—1847 гг.); с 1841 г. ординарный академик Отделения русского языка и словесности Академии Наук и с 1851 г. председательствующий в Отделении; в 1847—1858 гг. И. И. Давыдов был директором Главного Педагогического Института в Петербурге, где читал в продолжение первых четырех лет лекции по русской словесности, а в 1858 г. был назначен сенатором в Москву в шестой департамент. Математик, физик, философ, историк и словесник, профессор, владевший редким даром красноречия, Давыдов был одним из первых зачинателей шеллингианства в России, но впоследствии отказался от своих убеждений и сделался выразителем крайних реакционных взглядов, соперничая в этом отношении с С. П. Шевыревым (о И. И. Давыдове см. подробные биографические сведения в «Биографическом словаре профессоров и преподавателей Императорского Московского Университета», ч. 1, М. 1855, стр. 276—286, и в «Русском Биографическом Словаре», т. Дабелов — Дядьковский, С.-Пб. 1905, стр. 24—27, где указана и другая о нем литература). Пушкин ехал слушать лекцию И. И. Давыдова в Московском Университете, о чем см. в примечаниях к следующему письму, № 513.

— Давыдов супирант — студент В. Давыдов (о нем см. выше, стр. 528).

— Денис — Давыдов, Денис Васильевич (о нем см. в т. I, стр. 260—261, 4.0, 464 и др., по указателю, а также «Дневник» Пушкина, под ред. Б. Л. Модзалевского, П. 1923, стр. 230—231 и др., московское издание «Дневника» 1923, стр. 518—520, сводку В. Н. Орлова в Полном собрании стихотворений Дениса Давыдова, вышедших под его редакцией, Лгр. 1933, стр. 283—285 и др.). Д. В. Давыдов проживал в это время в своем имении, селе Мазах, Сызранского уезда, Симбирской губ., откуда часто писал кн. П. А. Вяземскому, упоминая о Пушкине. О Давыдове в это время кн. П. А. Вяземский писал В. А. Жуковскому (см. «Русск. Арх.» 1900 г., кн. I, стр. 365—366), получив только что письмо от Давыдова от 7 декабря 1832 г., в котором последний так выразился о Пушкине и Вяземском: «Ты и Пушкин имеете дар запенить меня, как бутылку шампанского. Вот уже месяца три, как я закупоренный стою во льде прозы; после же стихов твоих вино закипело и пробка хлопнула...» («Старина и Новизна», кн. XXII, стр. 52; см. также в письме П. А. Плетнева к В. А. Жуковскому — 8 декабря 1832 г. — Сочинения и переписка П. А. Плетнева, т. III, С.-Пб. 1885, стр. 523). В этом же письме Давыдов послал Вяземскому стихи «Голодный пес», направленные против гр. И. И. Дибича, прося Вяземского прочитать их Пушкину, [Д. В.] Дашкову и [Д. Н.] Блудову («не как министрам, а как Арзамасцам»), а после их сжечь (см. Д. Давыдов, Полное собрание стихотворений, под ред. В. Н. Орлова. Лгр. 1933, стр. 263—264). Пушкин, Блудов и Вяземский «с удовольствием прочитали» эти стихи («Русск. Арх.» 1900 г., кн. I, стр. 372). № 512

— К Московскому Университету Пушкин в эти годы относился отрицательно. Еще в 1831 г. в письме к М. П. Погодину (№ 433) Пушкин, убеждая последнего «разделаться с Университетом», то есть уйти из него, замечал, что «ученость, деятельность и ум чужды Московскому Университету». Один из свидетелей жизни Московского Университета в это время, М. Маркс, писал о нем: «Московский Университет доживал тогда свой дореформенный период. Разладица в нем была страшная. Преподавались какие-то абсурды. У профессора [И. Е.] Дядковского эвольвировались то центральное, то периферическое электричество. [А. А.] Иовский кристаллизовал уже уголь в алмазы. [М. Г.] Павлов проповедовал, что вещество есть свет, потемненный тяжестью. У [Н. Е.] Зернова дифференциалы были частицы ваксы, приставшие к волоскам щетки, а интегралом — был слой ваксы на очищенном сапоге. [В. И.] Оболенский не декламировал, а распевал каким-то петушиным мотивом Анакреоновы оды и т. д., и т. д. И все это кипело, шипело, злилось, ругалось и заедалось между собою. [М. Т.] Каченовский грызся с [М. П.] Погодиным, [И. И.] Давыдов с [С. П.] Шевыревым, [Д. М.] Перевощиков с [М. Г.] Павловым, [Е. О.] Мухин с [И. Е.] Дядковским — всех не перечтешь. В этой безалаберной борьбе доставалось и бедной молодежи. [В. Г.] Белинский был исключен *за неспособностию k науkе* по настоянию Каченовского...[1] Тяжко и душно было всем, и профессорам и студентам» («Русск. Стар.» 1886, № 12, стр. 613—614, см. также в статье А. И. Кирпичникова «Пушкин и Московский Университет» («Очерки по

[1] В сентябре 1832 г. — *Ред.*

512—513 истории новой русской литературы», т. II, изд. 2, М. 1903, стр. 82—83). О посещении Пушкиным Московского Университета см. в примечаниях к письму № 513.

— Муханов — вероятно, Владимир Алексеевич (см. т. II, стр. 187).

— Маша — дочь Пушкина.

— К. Ив. — Екатерина Ивановна Загряжская, тетка Н. Н. Пушкиной.

513. *Н. Н. Пушкиной* [между 28 и 30 сентября 1832 г.] (стр. 82). Напечатано впервые И. С. Тургеневым в «Вестн. Европы» 1878 г., № 1, стр. 29—30, с неверным отнесением по почтовому штемпелю к 30 сентября; с этой датой вошло в изд. Литературного Фонда, под ред. П. О. Морозова, т. VII, стр. 307—308, в изд. А. С. Суворина, т. VII, стр. 475—476, в изд. «Просвещение», т. VIII, стр. 283—284. В Акад. изд. Переписки Пушкина отнесено на конец сентября 1832 г. Нами письмо датируется по связи с предыдущим письмом и по почтовому штемпелю, не ранее 28 и не позднее 30 сентября; вероятнее всего, письмо было писано 29 сентября, когда Пушкин уже мог сказать, что «на днях» был в Университете. Подлинник письма — на листе почтовой бумаги большого формата, без водяных знаков, — в Госуд. Публ. Библиотеке СССР имени В. И. Ленина в Москве; письмо сложено конвертом и запечатано облаткой.

— Пушкин — вероятно, Федор Матвеевич Мусин-Пушкин (о нем см. выше, стр. 530—531). Фраза Пушкина о нем непонятна, так как неизвестно, что писала Пушкину по этому поводу Н. Н. Пушкина.

— Идалия — Идалия Григорьевна Полетика, р. Обортей (ум. 1889), побочная дочь (рождена до брака) свойственника поэта, графа Григория Александровича Строганова (1770—1857), от португальской графини да-Ега, рожд. д'Альмейда, графини д'Оейнгаузен (в России ее звали Юлией Петровной; она умерла в 1864 г.). [1] В 1829 г. И. Г. Обортей вышла замуж за офицера Кавалергардского полка Александра Михайловича Полетику (род. 1800 — ум. 1854). Она была приятельницей Н. Н. Пушкиной и часто у нее бывала, так же как и Пушкина посещала Полетику (см., например, А. О. Смирнова, «Записки, дневник, воспоминания, письма», с примеч. Л. В. Крестовой, М. 1929, стр. 190). Через своего мужа И. Г. Полетика вошла в интимный круг офицеров-кавалергардов, где впоследствии познакомилась и близко сошлась с Ж. Дантесом. По свидетельству современников она играла не последнюю роль в деле ухаживания Дантеса за Н. Н. Пушкиной. П. И. Бартенев со слов кн. В. Ф. Вяземской говорит, что Полетика «сводила Гекерена [Дантеса] с Наталией Николаевной, которая с ужасом рассказывала княгине Вяземской, что однажды Идалия нарочно оставила ее вдвоем с Гекереном, и что положение ее делалось критическим, но ее спасла вбежавшая в комнату девочка, дочь Идалии» [Елизавета, род. в 1833 г.] (см. «Русск. Арх.» 1912 г., кн. II, стр. 160; ср. «Русск. Арх.» 1888 г., кн. II, стр. 310, и П. Е. Щеголев, «Дуэль и смерть Пушкина», изд. 3, Лгр. 1928, стр. 126 и др. по указателю). К Пушкину И. Г. Полетика питала исключительную ненависть и своим отношением к Н. Н. Пушкиной и Дантесу как бы мстила поэту, который «не внимал сердеч-

---

[1] Об отношении ее к Пушкину см. «Русск. Арх.» 1884 г., кн. II, стр. 438; 1892 г., кн. II, стр. 358, и 1908 г., кн. III, стр. 294.

ным излияниям невзрачной Идалии Григорьевны и однажды, едучи № 513
с нею в карете, чем-то оскорбил ее» («Русск. Арх.» 1908 г., кн. III, стр. 295). П. С. Шереметев в примечаниях к воспоминаниям В. П. Горчакова о Пушкине в книге М. А. Цявловского «Книга воспоминаний о Пушкине», М. 1931, стр. 212, не без основания относит рассказ Горчакова об эпизоде между Пушкиным и вымышленной Аделаидой Александровной (см. там же, стр. 74—90) к И. Г. Полетике; этот рассказ Горчакова, если верно отождествление Аделаиды Александровны с И. Г. Полетикой, может до некоторой степени объяснить ненависть последней к Пушкину (о Полетике см. также «Дневник» Пушкина, под ред. Б. Л. Модзалевского, П. 1923, стр. 151; В. Л. Модзалевский, «Малороссийский родословник», т. IV, Киев, 1914, стр. 137; С. А. Панчулидзев, «Сборник биографий кавалергардов», т. III, стр. 350—351). Муж И. Г. Полетики — А. М. Полетика — был также знаком с Пушкиным. Сохранился набросанный поэтом портрет Полетики (см. «Отчет Московского и Публичного Румянцовского музеев за 1903 г.», стр. 80). Об И. Г. Полетике Пушкин упоминает еще в письмах своих к жене 1833 и 1836 гг. (см. Акад. изд. Переписки Пушкина т. III, стр. 56 и 309).

— Письмо Н. Н. Пушкиной, за которое благодарит Пушкин, неизвестно.

— Кокю — рогоносец (см. выше, стр. 525).

— Баратынский — Евгений Абрамович. Он был женат с 10 мая 1826 г. на Анастасии Львовне Энгельгардт (род. 1804 ум. — 1860) — см. в т. II, стр. 159.

— Мадона — Пушкин намекает на посвященное жене стихотворение 1830 г. «Мадонна» — «Не множеством картин старинных мастеров...».

— Русская песня — Пушкин приводит 3-й и 4-й стихи народной песни «Как за церковью, за немецкою», которая сохранилась в записи Пушкина в его тетради № 2386 б (в Госуд. Публ. Библиотеке СССР имени В. И. Ленина); в ней стихи читаются так:

Как не дай, боже, хорошу жену:
Хорошу жену в честной пир зовут.

— Альманашник — редактор-издатель литературного альманаха, жанра чрезвычайно распространенного в 1820—1830 гг. Кого имел в виду Пушкин под именем альманашника, сказать трудно. В 1830 г. им написаны сцены: «Альманашник» (см. Сочинения Пушкина, изд. Акад. Наук, т. IX ч. 1, стр. 54—59, и в примечаниях, т. IX, ч. 2, стр. 137—145). 7 сентября 1828 г. Пушкин выдал П. А. Плетневу доверенность на ведение всех своих дел с альманашниками; текст этой доверенности до сих пор неизвестен (см. «Русск. Арх.» 1912 г., № 6, стр. 311).

— Газета — несостоявшаяся газета Пушкина «Дневник» (см. выше, стр. 489—500). Во время пребывания в Москве Пушкин вербовал сотрудников для своей газеты. В этом же письме Пушкин писал жене, что у него «голова кругом идет» при мысли о ней. В это-же время А. И. Тургенев, зная уже о предприятии Пушкина, несколько раз писал кн. П. А. Вяземскому из Италии, запрашивая его, не нужно ли Пушкину писем об Италии, которые он готов написать для газеты поэта, предлагая также объявление об «египетских монументах» и др. («Арх. бр. Тургеневых», вып. 6, стр. 110, 119 и 124).

№ 513 — Уваров — Сергей Семенович (род. 1786 — ум. 1855) — о нем см. выше в примечаниях к письму № 470, стр. 428. 21 апреля 1832 г. он был назначен товарищем министра народного просвещения и в качестве такового ревизовал Московский Университет (см. «Старина. и Новизна», кн. II, стр. 234, прим. 120).

— Московский Университет, по приглашению С. С. Уварова, Пушкин посетил 27 сентября, где присутствовал на лекции И. И. Давыдова (см. выше, в письме № 512), посвященной «Слову о полку Игореве». Лекция происходила в аудитории старого здания Университета, где впоследствии был читальный зал Библиотеки, в левом крыле главного здания (см. «Пушкин в Москве», М. 1930, стр. 81). Пушкин, по свидетельству О. М. Бодянского, сидел на лекции в креслах. И. А. Гончаров в своих воспоминаниях так описывает посещение Пушкина: «Когда он вошел с Уваровым, для меня точно солнце озарило всю аудиторию: я в то время был в чаду обаяния от его поэзии; я питался ею, как молоком матери; стих его приводил меня в дрожь восторга. На меня как благотворный дождь падали строфы его созданий («Евгения Онегина», «Полтавы» и др.). Его гению я и все тогдашние юноши, увлекавшиеся поэзиею, обязаны непосредственным влиянием на наше эстетическое образование. — Перед тем однажды я видел его в церкви, у обедни — и не спускал с него глаз. Черты его лица врезались у меня в памяти. И вдруг этот гений, эта слава и гордость России — передо мной в пяти шагах! Я не верил глазам. Читал лекцию Давыдов, профессор истории русской литературы. — «Вот вам теория искусства, — сказал Уваров, обращаясь к нам, студентам, и указывая на Давыдова: — а вот и самое искусство» — прибавил он, указывая на Пушкина. Он эффектно отчеканил эту фразу, очевидно, заранее приготовленную.[1] Мы все жадно впились глазами в Пушкина. Давыдов оканчивал лекцию. Речь шла о «Слове о полку Игоревом». Тут же ожидал своей очереди читать лекцию, после Давыдова, и Каченовский. Нечаянно между ними завязался, по поводу «Слова о полку Игоревом», разговор, который мало-по-малу перешел в горячий спор. — «Подойдите ближе, господа, — это для вас интересно» — пригласил нас Уваров, и мы тесной толпой, как стеной, окружили Пушкина, Уварова и обоих профессоров. Не умею выразить, как велико было наше наслаждение — видеть и слышать нашего кумира. — Я не припомню подробностей их состязания, — помню только, что Пушкин горячо отстаивал подлинность древнерусского эпоса, а Каченовский вонзал в него свой беспощадный аналитический нож. Его щеки ярко горели алым румянцем, и глаза бросали молнии сквозь очки. Может быть, к этому раздражению много огня прибавлял и известный литературный антагонизм между ним и Пушкиным. Пушкин говорил с увлечением, но, к сожалению, тихо, сдержанным тоном, так что за толпой трудно было расслушать. Впрочем, меня занимал не Игорь, а сам Пушкин. — С первого взгляда наружность его казалась невзрачною. Среднего роста, худощавый, с мелкими чертами смуглого лица.

[1] Ср. рассказ «бывшего студента» — «За 16 лет» в «Ведом. СПб. Городской Полиции» 1848 г., № 235, и в «Моск. Ведом.» 1848 г., № 131 (перепечатано у В. Вересаева «Пушкин в жизни», изд. 5, т. II, М. 1932, стр. 93) и примечание П. И. Бартенева в «Русск. Арх.» 1880 г., кн. II, стр. 513.

Только когда вглядишься пристально в глаза, увидишь задумчивую глубину и какое-то благородство в этих глазах, которых потом не забудешь. В позе, в жестах, сопровождавших его речь, была сдержанность светского, благовоспитанного человека. Лучше всего, по-моему, напоминает его гравюра Уткина с портрета Кипренского. Во всех других копиях у него глаза сделаны слишком открытыми, почти выпуклыми, нос выдающимся — это неверно. У него было небольшое лицо и прекрасная, пропорциональная лицу, голова, с негустыми, кудрявыми волосами» («Вестн. Европы» 1887 г., № 4, Полн. Собр. Соч. И. А. Гончарова, т. XII, изд. А. Ф. Маркса, прилож. к «Ниве» 1899 г., стр. 22—24). Тот же И. А. Гончаров рассказывал А. Н. Майкову, как во время спора Пушкина с М. Т. Каченовским «сквозь седины Каченовского проступал яркий румянец, и как горели глаза Пушкина...» Бой был неравен, судя по впечатлению приятеля: он и теперь еще, кажется, более на стороне профессора, — и немудрено! Пушкин угадывал только чутьем то, что уже после него подтвердила новая школа филологии неопровержимыми данными; но этого оружия она еще не имела в его время, а поэт не мог разорвать хитросплетенной паутины «злого паука» — добавляет от себя А. Н. Майков (см. «Предисловие к его переводу «Слова о полку Игореве» в Полн. Собр. Соч. А. Н. Майкова, под ред. П. В. Быкова, изд. А. Ф. Маркса, т. IV, стр. 92—93). Со слов проф. О. М. Бодянского П. И. Бартенев передает несколько подробнее по самому существу спора: «По окончании ее [то есть лекции И. И. Давыдова] взошел в аудиторию Каченовский, и, вероятно, по поводу самой лекции заговорили о «Слове о полку Игореве». Тогда Давыдов заставлял студентов разбирать древние памятники. Обращаясь к Каченовскому, Давыдов сказал, что ему подано весьма замечательное исследование и указал на Бодянского, который, увлеченный Каченовским, доказывал тогда подложность Слова. Услыхавши об этом, Пушкин с живостью обратился к Бодянскому и спросил: «А скажите, пожалуйста, что значит слово *харалужный*?» «Не могу объяснить». Тот же ответ на вопрос о слове «стрикусы». Когда Пушкин спросил еще о слове *кмет*, Бодянский сказал, что, вероятно, слово это малороссийское от *кметыти* и может значить *примета*. «То-то же, — говорил Пушкин, — никто не может многих слов объяснить, и не скоро еще объяснят». Через день Пушкин обходил весь Университет вместе с Уваровым и потом скоро уехал» (П. И. Бартенев, «Рассказы о Пушкине», под ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 49—50 и 124; ср. еще в рассказе М. Маркса в «Русск. Стар.» 1886 г., № 12, стр. 614, и в статье А. И. Кирпичникова «Пушкин и Московский Университет», в его «Очерках по истории новой русской литературы», т. II, изд. 2, М. 1903, стр. 83—86 и др.). П. А. Ефремов рассказывает со слов студента Мих. Дм. Перемышльского (старшего сына кн. Д. П. Горчакова), что во время диспута с Каченовским «Пушкин показался студентам очень похожим на обезьяну и что один из них, по поводу спора, тут же экспромтировал:

Мопса старая вступила
С обезьяной в страшный спор:
Утверждала, говорила,
Что Песнь Игорева вздор.

№ 513

Обезьяна строит рожи,
Просит факты указать;
Мопса рвется вон из кожи
И не может доказать.

(См. Сочинения Пушкина, изд. А. С. Суворина, т. VII, стр. 475—476). На лекциях И. И. Давыдова и М. Т. Каченовского присутствовал также и И. И. Дмитриев (см. его письмо кн. П. А. Вяземскому от 12 октября 1832 г. в «Старине и Новизне», кн. II, стр. 169).

Интерес Пушкина к «Слову о полку Игореве», подлинность которого он всегда защищал, непрекращался и в следующие годы. В 1833 г. А. Ф. Вельтман издал «Песнь ополчению Игоря Святославича, Князя Новгород-Северского. Переведено с древнего русского языка XII столетия Александром Вельтманом. Москва, 1833»; экземпляр этого издания Вельтман подарил Пушкину с надписью «Александру Сергеевичу Пушкину Вельтман» (Б. Л. Модзалевский, «Библиотека Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 20—21), препроводив его при письме от 4 февраля 1833 г. (см. И. А. Шляпкин, «Из неизданных бумаг Пушкина», С.-Пб. 1903, стр. 174—175, и Переписка Пушкина, т. III, стр. 3). В письме своем Вельтман просил поэта дать о переводе свое мнение, а также сообщил, что перевод Слова был приготовлен им для газеты Пушкина и издан отдельно только потому, что газета Пушкина не состоялась. Пушкин, вероятно, хотел сообщить Вельтману свои замечания на перевод Слова, о чем свидетельствуют многочисленные заметки его, сделанные на полученном от Вельтмана экземпляре, в котором оказался вложенным и листок с заметкой Пушкина, начинающейся «Хочу копье преломити...» (воспроизведена facsimile в «Библиотеке Пушкина», между стр. 20—21). Результатом работы Пушкина над «Словом» явились его «Замечания на песнь о Полку Игореве», найденные П. В. Анненковым в его бумагах (напечатаны впервые в «Соч. Пушкина», изд. 1855 г., т. I, стр. 478—487); они относятся к 1834 г. и говорят о глубоком изучении Пушкиным этого древнего памятника (см. текст их в Сочинениях Пушкина, изд. Акад. Наук, т. IX, ч. 1, стр. 211—217). Позже, в 1836 г., Пушкин предполагал и сам издать текст «Слова» со своими объяснениями и, может быть, со своим переводом, о чем свидетельствуют С. П. Шевырев (Л. Н. Майков, «Пушкин», С.-Пб. 1899, стр. 354), И. П. Сахаров («Русск. Арх.» 1873 г., кн. II, стр. 955), И. М. Снегирев, («Русск. Стар.» 1889 г., № 10, стр. 214, и «Русск. Арх.» 1902 г., кн. III, стр. 170) и А. И. Тургенев (П. Е. Щеголев, «Дуэль и смерть Пушкина», изд. 3, М. 1928, стр. 278). В своем известном «Письме к издателю Московских Ведомостей» от 4 февраля 1837 г. академик М. А. Коркунов вспоминал: «С месяц тому Пушкин разговаривал со мной о русской истории; его светлые объяснения древней Песни о полку Игореве, если не сохранились в бумагах, невозвратимая потеря для науки» («Москов. Ведом.» 1837 г., № 12, от 10 февраля, стр. 7—9; перепечатаны дважды — в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. VIII, стр. 82, и М. А. Цявловский, «Книга воспоминаний о Пушкине», М. 1931, стр. 349). За справками и советами во время работы Пушкин обращался к П. И. Кеппену (см. его письмо к Пушкину, напечатанное впервые П. В. Анненковым в его издании Сочинений Пушкина, т. I, 1855, стр. 486, и в Пере-

писке Пушкина, т. III, стр. 351—352) и к А. Х. Востокову, записка которого о «Слове» сохранилась, переписанная рукою поэта в его материалах о «Слове»; в этой записке, между прочим, среди неизвестных слов, встречающихся в «Слове», названы как раз те самые «харалуг» и «стрикус», о которых спрашивал Пушкин О. М. Бодянского на диспуте в Московском Университете (подробнее об интересе Пушкина к «Слову о полку Игореве» см. в примечаниях Н. К. Козмина в Сочинениях Пушкина, изд. Акад. Наук, т. IX, ч. 2, стр. 586—614 и 969, в Сочинениях Пушкина, под ред. П. О. Морозова, изд. «Просвещение», т. VI, стр. 638—641), в статье Н. О. Лернера «Из истории занятий Пушкина «Словом о полку Игореве» в издании «Пушкин. 1834 год», Л. 1934, стр. 93—109, и в книге «Рукою Пушкина», под ред. М. А. Цявловского, Л. Б. Модзалевского и Т. Г. Зенгер, Л. 1935, стр. 127—149 и др.).

Вскоре после посещения Университета Пушкин обедал у С. С. Уварова вместе с И. И. Давыдовым и М. А. Максимовичем (см. «Киевск. Стар.» 1904 г., № 9, стр. 336—337; «Русск. Арх.» 1874 г., кн. II, ст. 1059; «Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского Университета», ч. II, М. 1855, стр. 10).

— Каченовский, Михаил Трофимович (род. 1 ноября 1775 — ум. 19 февраля 1842), издатель «Вестника Европы» (до 1830 г.) и профессор Московского Университета по кафедре сначала русской истории, статистики и географии, а затем — российской словесности (1830—1831); с 1841 г. — академик Академии Наук; в 1832—1833 гг. он преподавал всеобщую историю и статистику (об отношениях его к Пушкину см. в тт. I и II, по указателю, а также в Сочинениях Пушкина, изд. Акад. Наук, т. II, стр. 24—30 второй пагинации, и в Сочинениях Пушкина, изд. «Красной Нивы», вып. 12, стр. 175—176).

— Вяземскому — Петру Андреевичу, который в это время был в Петербурге.

— В шахматы учишься — Пушкин ценил игру в шахматы и интерес к ней сохранил до своей смерти. Первое известие о Пушкине как о шахматисте относится к концу 1825 г.; о своей игре с А. Н. Вульфом в 1825 году он сам рассказывает в своей «Заметке о холере»; позже, в 1829 г., он играл с его дядей Павлом Ив. Вульфом; в 1833 г. — с Э. П. Перцовым в Казани; а в сентябре-октябре 1835 г. — с бар. Б. А. Вревским. Сводку данных по этому вопросу см. в работе М. С. Когана «Шахматы в жизни русских писателей. Пушкин, Тургенев, Толстой, Чернышевский», под ред. В. И. Ворченко, Л.-М. 1933, стр. 16—22; в его же статье «А. С. Пушкин и шахматы» — в «Литерат. Худож. Сборнике Красной Панорамы» 1929 г., июль, стр. 61—64, где в качестве шахматного комментария к тексту «Евгения Онегина» (гл. IV, строфа XXVI) приведена партия Ленского и Ольги; письмо П. П. Перцова к А. Новикову от 25 февраля 1928 г. в журнале «64», 1928 г., № 12, стр. 4; ср. там же, 1928 г., № 20, стр. 11, и «Шахматы» 1928 г., № 5, стр. 10. В библиотеке поэта сохранилось несколько изданий, касающихся шахмат: Руководство А. Д. Петрова (в двух экземплярах) под заглавием: «Шахматная игра, приведенная в систематический порядок, с присовокуплением игор Филидора и примечаний на оные», С.-Пб. 1824 (5 частей); один из этих экземпляров имеет надпись Петрова: «Милостивому

№ 543 Государю, Александру Сергеевичу Пушкину, в знак истинного уважения от издателя»; «Analyse du jeu des échecs par A. D. Philidor», Paris, 1820 (разрезана), и несколько номеров журнала «Le Palamède. Revue mensuelle des échecs, par M. M. De la Bourdonnais et Méry», Paris, 1836, t. I, №№ 1, 2, 3 (разрезаны первые 17 страниц № 1) — см. Б. Л. Модзалевский, «Библиотека Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 77, 309 и 368. Интересно отметить, что журнал «Le Palamède» Пушкин приобрел у книгопродавца Ф. Беллизара 14 августа 1836 г. (см. «Пушкин и его соврем.», вып. XIII, стр. 123). Как Пушкин доказал жене необходимость шахматной игры, остается неизвестным.

— Был я на бале у кн. Вяз. — у кн. В. Ф. Вяземской; в чем был прав Пушкин, неясно; вероятно в том, что был именно у Вяземской, а не у какой-нибудь другой своей московской знакомой. Этот бал, вероятно, был прощальный, данный кн. В. Ф. Вяземской перед отъездом на постоянное жительство в Петербург (см. выше, стр. 529).

— Графиня Салогуб — графиня Надежда Львовна Соллогуб (ум. в глубокой старости 13 января 1903), дочь гр. Льва Ивановича Соллогуба и гр. Анны Михайловны, рожд. княжны Горчаковой (сестры канцлера и товарища Пушкина по Лицею кн. А. М. Горчакова), двоюродная сестра писателя гр. В. А. Соллогуба; она была фрейлиною вел. кн. Елены Павловны и славилась своей красотою. В 1836 г. она вышла замуж за Алексея Николаевича Свистунова (род. 1808 — ум. 1872), брата декабриста П. Н. Свистунова. Пушкин посвятил ей стихотворение: «Нет, нет, не должен я, не смею, не могу...», датированное (не Пушкиным) в подлиннике (теперь неизвестном) 27 октября 1832 г., сильно увлекался ею и, по словам кн. В. Ф. Вяземской, за нею «открыто ухаживал» («Русский Архив» 1888, кн. II, стр. 309); увлечение это не осталось тайной для Н. Н. Пушкиной; она серьезно ревновала Пушкина к гр. Соллогуб, причем Пушкину приходилось неоднократно оправдываться перед женой в своих к ней письмах (см. Переписки Пушкина, т. III, стр. 116, 120, 133, 151). Есть основания предполагать, что Пушкин упомянул ее в своем Дневнике под буквой S. (запись 7 апреля 1834 г.). О ней подробнее см. в Сочинениях Пушкина, под ред. С. А. Венгерова, т. VI, стр. 428—429, в «Дневнике» Пушкина, московское издание 1923 г.. стр. 363—364; статью Н. С. Ашукина в «Звеньях», в. 2, 1933 г., стр. 221—222; здесь приводится текст стихотворения «Нет, нет, не должен я...» с датой «Москва 5 Окт.», находящейся в альбоме П. А. Бартеневой; эта дата вероятнее даты 27 октября, так как Пушкин уже 10 октября 1832 г. уехал из Москвы. Альбом П. А. Бартеневой в настоящее время приобретен Центральным Литературным Музеем в Москве. Нам удалось установить, что текст этого стихотворения в альбоме представляет собою не автограф поэта, а список неизвестной руки.

— Гр. Пушкин (Владимир) — граф Владимир Алексеевич Мусин-Пушкин (о нем см. в т. II, стр. 341).

— Aurore — Аврора Карловна Шернваль (род. 29 января 1813 — ум. 30 апреля 1902), дочь Выборгского губернатора Карла-Иоганна Шернваль; она отличалась исключительной красотой, так же как и ее сестра Эмилия Карловна. В 1824 г. в Гельсингфорсе ее воспевал Е. А. Боратынский

в стихотворениях: «Девушке, имя которой было: Аврора» и «Запрос Муханову» (см. Полн. собр. соч. Е. А. Боратынского, ред. М. Л. Гофмана, т. I, стр. 68, 191, 251, т. II, стр. 224 и 270), а С. А. Соболевский написал на нее эпиграмму (см. «Эпиграммы и экспромпты С. А. Соболевского», под ред. В. В. Каллаша, М. 1912, стр. 26 и 115). Появление ее в петербургском «свете» А. О. Смирнова относит к 1832 г., когда, по ее словам, Шернваль «была в полном цвете красоты» (см. А. О. Смирнова, «Записки», с примеч. Л. В. Крестовой, М. 1929, стр. 189 . Пушкин вместе с ней, Н. А. Мухановым, кн. П. А. Вяземским и гр. А. П. Толстым обедал у ее сестры 24 июня 1832 г., о чем записал в своем дневнике Н. А. Муханов (см. «Русск. Арх.» 1897 г., кн. I, стр. 653). В 1836 г. А. К. Шернваль вышла замуж за богача и мецената Павла Николаевича Демидова (род. 1798 — ум. 1840), а 10 июля 1846 г. вторично, за старшего сына историографа, Андрея Николаевича Карамзина (род. 1814 — ум. 1854). О ней см. подробнее в «Остафьевском Архиве», т. III, примеч., стр. 596—597, и А. А. Сиверс, «Генеалогические разведки», вып. 1, С.-Пб. 1913, стр. 147; см. также поэму Георгия Маслова «Аврора» со вступительной статьей Ю. Тынянова, П. 1922, изд. «Картонный домик», стр. 28. № 513

— Сестра ее — Эмилия Карловна Шернваль (род. 29 января 1810 — ум. 17 ноября 1846), тоже красавица, воспетая М. Ю. Лермонтовым в стихотворении «К гр. Э. К. Мусиной-Пушкиной» (Полн. Собр. Соч., под ред. Д. И. Абрамовича, т. II, стр. 274 и 479). С 4 мая 1828 г. она была замужем за гр. В. А. Мусиным-Пушкиным (см. т. II, стр. 341). О гр. Э. К. Мусиной-Пушкиной писал 28 декабря 1832 г. А. Я. Булгаков брату, что «она решительно лучше сестры своей» («Русский Архив» 1902, кн. I, стр. 334). «В Петербурге, — пишет А. О. Смирнова в своих письмах, — произвели фурор ее белокурые волосы, ее синие глаза и черные брови» («Записки», с примечаниями Л. В. Крестовой, М. 1929, стр. 189). Она была в дружеских отношениях с кн. П. А. Вяземским, также воспевшим ее, и находилась с ним в переписке (см. «Русск. Арх.» 1900 г., кн. I, стр. 391—399); в сохранившемся письме к ней 1837 г. Вяземский подробно описал последние минуты умиравшего Пушкина (см. там же и «Старина и Новизна», кн. III, стр. 342—346).

— Natalie Урусова — княжна Наталья Александровна Урусова (род. 1812 — ум. 22 июля 1882), дочь князя Александра Михайловича Урусова (род. 1767 — ум. 1853) и жены его Екатерины Павловны, рожд. Татищевой (род. 1775 — ум. 1855). В доме Урусовых Пушкин бывал еще в 1827 г., где у него произошло столкновение с В. Д. Соломирским, едва не окончившееся дуэлью; здесь Пушкин увлекся дочерьми Урусова, княжнами Марией Александровной, вышедшей замуж за гр. Ив. Алексеевича Мусина-Пушкина и вторым браком бывшей за лицейским товарищем поэта кн. А. М. Горчаковым, и Софией Александровной, бывшей замужем за князем Леоном Людвиговичем Радзивиллом. Все три сестры отличались редкой красотою (см. в т. II, стр. 239—240, и в статье Н. О. Лернера «Княгиня С. А. Радзивилл» в «Столице и Усадьбе», 15 апреля 1917 г., № 79, стр. 13—14). Княжна Наталья Александровна была младшею из сестер и в 1831—1834 гг. была фрейлиною, а затем вышла замуж за графа Ипполита Павловича Кутайсова (род. 1808 — ум. 1849).

№ 513 — Гр. Салагуб тетка — вероятно, графиня София Ивановна Соллогуб (род. 13 марта 1791 — ум. 30 июля 1854), рожд. Архарова, дочь генерал-от-инфантерии Ивана Петровича Архарова (род. 1744 — ум. 1815) и Екатерины Александровны, рожд. Римской-Корсаковой (род. 1756 — ум. 1836), жена гр. Александра Ивановича Соллогуба (род. 1784 — ум. 1844) и мать писателя гр. В. А. Соллогуба; ее муж, гр. А. И. Соллогуб, был родным братом отца гр. Надежды Львовны Соллогуб — гр. Льва Ивановича (см. выше, стр. 540). О гр. С. И. Соллогуб см. в т. I, стр. 389—390).

— Entendons-nous — договоримся, условимся.

— Уехал ужинать к Яру — известный московский ресторан Яр, где Пушкин часто бывал (см., например, в письме к А. А. Муханову, № 232); ср. в письме № 413 и в письме к жене от 18 мая 1836 г. (Переписка Пушкина, т. III, стр. 316). О Яре см. в примечаниях к письму № 413.

— Дела мои — с перезалогом душ, см. выше, стр. 527.

— Нащокин — Павел Воинович.

— О домике Нащокина см. в т. II, стр. 485 и выше, стр. 445 в примечаниях к письму № 478.

— Роман — «Дубровский», или как назвал его Пушкин в письме к Нащокину 2 декабря 1832 (№ 515) — «Островский», первая глава которого в рукописи датирована 21 октября 1832 г. (см. «Русск. Стар.» 1884 г., № 11, стр. 341, П. И. Бартенев, «А. С. Пушкин», кн. I, М. 1881, стр. 170). В первоначальном плане «Дубровского» герой романа также назван был Островским (см. «Письма Пушкина и к Пушкину», под ред. В. Я. Брюсова, М. 1903, стр. 136—137); роман Пушкина не был закончен, были написаны только девятнадцать глав (I—VIII первого тома и IX—XIX второго тома), VIII глава была окончена 11 ноября 1832 г., а 2 декабря Пушкин писал Нащокину: «Честь имею тебе объявить, что первый том Островского кончен и на днях прислан будет в Москву на твое рассмотрение и под критику г. Короткого. Я написал его в две недели...» (см. выше, стр. 84, в письме № 515). Следующие главы (IX—XIX)[1] написаны были в период времени между 14 декабря 1832 г. и 22 января 1833 г. Сюжетом для романа Пушкину послужил рассказ П. В. Нащокина о судебном процессе бедного дворянина Островского с соседом. Через знакомого Нащокина, Д. В. Короткого, знавшего судопроизводство, Пушкин достал выписку из подлинного судебного дела сельца Новопанского, которым и хотел воспользоваться в качестве исторического документа, приведя его в тексте II главы, соответственно изменив имена подлинных тяжущихся на вымышленные. Выписка из дела сохранилась среди рукописей «Дубровского» в Госуд. Публ. Библиотеке СССР имени В. И. Ленина (см. текст ее, напечатанный В. Е. Якушкиным в «Русск. Стар.» 1887 г., № 9, стр. 546—551); она имеет на себе изменения фамилий, сделанные поэтом. О сюжете «Дубровского» см. свидетельство П. И. Бартенева со слов Нащокина в книге П. И. Бартенева «Рассказы о Пушкине», под ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 27 и 76, и «Девятнадцатый Век», кн. I, М. 1872, стр. 394, примеч. Ср. И. А. Шляпкин, «Из неизданных бумаг Пушкина», С.-Пб. 1903, стр. 58—59,

---

[1] См. facsimile с заглавного листа второго тома «Дубровского» в Сочинениях Пушкина, под ред. С. А. Венгерова, т. IV, стр. 307.

и его же заметку в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. XVI, стр. 106—107; в «Молве» (6 апреля 1833 г., № 41, стр. 163), в статье «Литературные слухи», между прочим, сообщалось сведение о том, что «Пушкин также пишет роман, как мы слышали» — очевидно здесь говорилось или о «Дубровском», или о «Капитанской дочке». Текст «Дубровского» в очень неисправном виде напечатан был лишь в 1841 г. в посмертном издании сочинений Пушкина. Исправленный впервые текст под ред. Б. В. Томашевского и Д. П. Якубовича появился в т. IV Сочинений Пушкина, изд. ГИХЛ, М.-Лгр. 1932, стр. 440—515; там же см. и планы «Дубровского» (стр. 786—789). О «Дубровском» см. исследования: А. И. Яцимирского «Дубровский» в т. IV Собрания Сочинений Пушкина, под ред. С. А. Венгерова (стр. 271—286); Б. В. Томашевского «Судьба Дубровского» в «Книге и Революции» 1923 г., № 11—12; И. Н. Кубикова «Социологический смысл повести „Дубровский"» в сб. «Пушкин», сб. II, под ред. Н. К. Пиксанова, М.-Лгр. 1930, стр. 79—109; и Д. П. Якубовича «Незавершенный роман Пушкина («Дубровский»)» в изд. Пушкинского Общества «Пушкин. 1833 год», Лгр.1933, стр. 33—42. № 513

— Газета (о ней см. выше, стр. 535).

— Отрыжков — так иронически назван Пушкиным Наркиз Иванович Тарасенко-Отрешков (род. 1805 — ум. в Париже 22 ноября 1873), в это время приглашенный Пушкиным к работе над изданием газеты «Дневник»; ему Пушкин выдал 16 сентября доверенность на ведение дел по газете (об этом см. выше, стр. 495), чем и объясняется фраза поэта: «авось вывезет» и пожелание Отрешкову здоровья. Н. И. Отрешков был автором книг и статей по экономическим вопросам и писал, главным образом, на темы о финансовой и экономической политике, воображая себя первым русским политико-экономом; работы его представляют лишь курьезные плоды невежества и самомнения. В 1833 и 1834 гг. он издавал «Журнал общеполезных сведений или Библиотека по части промышленности, сельского хозяйства и наук к ним относящихся». В 1835 г. он издал труд «Об устроении железных дорог в России», направленный против введения их в России; взгляд Отрешкова был «живо» и «остро» осмеян М. С. Волковым, а Отрешков, по выражению Пушкина, «отделан очень смешно» (см. Переписка Пушкина, т. III, стр. 398, и П. Н. Сакулин, «Кн. В. Ф. Одоевский», т. I, ч. 1, М. 1913, стр. 571; перечень его работ см. в «Русском Биографическом Словаре», т. Суворова — Ткачев, С.-Пб. 1912, стр. 303). В 30—50-х годах он было чень популярен в петербургских светских литературных и особенно деловых кругах, постоянно строил разного рода проекты, устраивал дела, покупал и перепродавал разные предприятия и не всегда был чист на руку, состоя в то же время негласным сотрудником III Отделения и имея придворное звание камер-юнкера (с 17 августа 1836 г.), что в значительной мере облегчало ему проникновение в самые инт мные светские и деловые круги. (См. П. В. Анненков, «Воспоминания и критические, очерки» т. III, С.-Пб. 1881, стр. 258; ср. также в воспоминаниях Н. М. Колмакова в «Русск. Стар.» 1891 г., № 4, стр. 37—38), «Труды Псковского археологического общества» 1910—1911, вып. 7 и «Дела III Отд. о Пушкине», С.-Пб. 1906, стр. 210—211). Интересную характеристику Отрешкова дал М. Ю. Лермонтов, изобразив его под именем Горшенко в «Княгине Лиговской» (гл. VI) — см. в статье Н. О. Лернера

513—514 «Оригинал одного из героев Лермонтова» в «Ниве» 1913 г., № 37, стр. 731—732, где собраны биографические сведения и характеристики Отрешкова. Об участии своем в газете Пушкина Отрешков рассказал в своих воспоминаниях, опубликованных в «Историч. Вестн.» 1886 г., № 2, стр. 387—391; ср. там же, 1883 г., № 12, стр. 535. П. В. Анненков считает что «вероятно в одном из петербургских салонов Пушкину и указали на Н. И. Отрешкова, как на образцового и дельного сотрудника по журналу. Отрешков не усумнился взять в свои руки газету... и вести ее без признака редакторской способности, без литературных связей в обществе и без капитала...» («Воспоминания и критические очерки», т. III, стр. 258). Газета не состоялась, и Пушкин с Отрешковым более не имел никакого дела. Имя Отрешкова вновь выступает в соединении с именем Пушкина сразу же после смерти поэта, когда Отрешков, покровительствуемый гр. Г. А. Строгановым, сделался членом опеки, учрежденной над детьми и имуществом Пушкина; он стал принимать участие во всех ее мероприятиях и стоял близко к посмертному изданию сочинений поэта, которое, по свидетельству современников, вел беспорядочно и небрежно (см. П. И. Бартенев, «Рассказы о Пушкине», под ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 27 и 76—77, и в «Записках В. А. Инсарского» в «Русск. Стар.» 1894 г., № 2, стр. 18). Назначение Отрешкова членом опеки вызвало возмущение друзей поэта (см., например, в «Русск. Стар.» 1880 г., № 8, стр. 804), справедливо не доверявших Отрешкову. Гр. М. А. Меренберг, дочь поэта, вспоминала впоследствии, что в делах опеки гр. Строганов «предоставлял всем распоряжаться Отрешкову, который действовал весьма недобросовестно. Издание сочинений отца вышло небрежное, значительную часть библиотеки отца он расхитил и продал, небольшая лишь часть перешла к моему брату Александру; время, удобное для последующих изданий сочинений отца, пропустил... Мать мою не хотел слушать и не позволял ей мешаться в дела опеки, и только когда мать вышла замуж за Ланского, ей удалось добиться удаления от опеки Отрешкова: назначили опекуном Ланского» («Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина», П. 1924, стр. 129—130). В 1855 г. Отрешков пожертвовал в Публичную Библиотеку в Петербурге несколько автографов Пушкина, взятых им без ведома Н. Н. Пушкиной после смерти поэта при разборе его бумаг; это вызвало со стороны Н. Н. Пушкиной-Ланской сильное неудовольствие, повлекшее за собою официальное обвинение Тарасенко-Отрешкова в краже (см. статью В. Андерсона «Н. И. Тарасенко-Отрешков и автографы Пушкина» в «Русск. Библиофиле» 1913 г., № 6, стр. 21—27). Кроме воспоминаний об участии своем в газете Пушкина, Н. И. Тарасенко-Отрешков оставил небольшие, но интересные воспоминания о поэте как человеке, опубликованные Н. О. Лернером в «Русск. Стар.» 1908 г., № 2, стр. 428—433.

— Маша — дочь Пушкина, Мария Александровна.

— 514. *Н. Н. Пушкиной* [начало октября (до 3) 1832 г.] (стр. 83). Впервые напечатано И. С. Тургеневым в «Вестн. Европы» 1878 г., № 1, стр. 30—31, с неверным отнесением по почтовому штемпелю к 3 октября. Вошло с этой датой в изд. Литературного Фонда, под ред. П. О. Морозова, т. VII, стр. 308—309, и в изд. А. С. Суворина, под ред. П. А. Ефре-

мова, т. VII, стр. 477—478. Дата исправлена в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 395—396. Подлинник, на листе почтовой бумаги большого формата без водяных знаков, — в Госуд. Публ. Библиотеке СССР имени В. И. Ленина в Москве; письмо сложено конвертом и запечатано облаткой.

— В начале письма Пушкин отвечает на неизвестное нам письмо Н. Н. Пушкиной, в котором последняя снова, по неизвестным нам причинам, укоряла поэта за то, что он не сразу по приезде в Москву ей написал (ср. выше, в письме № 510).

— О посещении Пушкиным бани вместе с П. В. Нащокиным см. выше, в примечаниях к письму № 510, стр. 525.

— Пушкин приехал в Москву 21 сентября (см. выше, в том же письме, стр. 525).

— Пакет Бенкендорфа — возможно, что речь идет об извещении об утверждении А. Х. Бенкендорфом Н. И. Тарасенко-Отрешкова редактором газеты. Извещение это Н. Н. Пушкина, вероятно, вернула обратно за отъездом Пушкина, и 1 октября Бенкендорф написал записку Н. Н. Пушкиной следующего содержания, извещая ее, что он готов лично принять Н. И. Тарасенко-Отрешкова: «L'aide-de-camp Général Benkendorf, en presentant ses respects à Madame Pouschkine a l'honneur de la prevenir, qu'il ce fera un plaisir de recevoir M. Atreshkoff, demain le matin à 10 heurs. Ce 1 Octobre 1832. A. Madame de Pouschkine, née Gontscharoff» (подлинник в бумагах Тарасенко-Отрешкова в Публичной Библиотеке в Ленинграде; напечатан Н. К. Пиксановым в изд. «Пушкин и его соврем.» вып. V, стр. 62).

— Кокетничаешь — Князь П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу 7 сентября, что «жена Пушкина сияет на балах и затмевает других» («Арх. бр. Тургеневых», вып. 6, стр. 104).

— Положение, подобное Нащокинскому, то есть Павла Воиновича Нащокина.

— Две доверенности — одна из них, неизвестная нам, на имя П. В. Нащокина для перезалога двухсот душ; это-то дело Пушкин и оставил неоконченным Нащокину «на попечение» (см. выше, стр. 527). Другая доверенность выдана была поэтом его управляющему, М. И. Калашникову, 30 сентября 1832 г., на исходатайствование из Нижегородской гражданской палаты удостоверения в том, что на имении Пушкина Кистеневке нет ни казенных, ни ипотечных исков. Доверенность эта осталась неизвестной биографам Пушкина (см. П. Е. Щеголев, «Пушкин и мужики», Лгр. 1929, стр. 100; ср. «Действия Нижегородской Губ. Ученой Архивной Комиссии. Из родной старины. Выставка», Нижний-Новгород 1913, стр. 22), хотя она и была опубликована в «Московском Листке» 1899 г. и перепечатана в «Курских Губернских Ведомостях» 1899 г., 3 сентября, № 188. Доверенность эта, подписанная поэтом, находилась в деле Нижегородской гражданской палаты «По прошению титулярного советника Александра Сергеевича Пушкина поверенного, г-жи Пушкиной дворового человека, Михайла Калашникова, о уведомлении Московский опекунский совет». Текст доверенности следующий: «Михайла Ивановъ! Желаю я занять Императорскаго Воспитательнаго Дома въ Московскомъ

№ 514 Опекунскомъ Совѣтѣ надбавочныя деньги по 50 рубл: на душу, подъ залогъ недвижимаго моего имѣнія Нижегородской губерніи, почему и довѣряю тебѣ исходатайствовать откуда слѣдуетъ по узаконенной формѣ описаніе имѣнію моему, а потому и поручаю тебѣ отъ имени моего за твоимъ вмѣсто меня рукоприкладствомъ куда слѣдовать будетъ по сему предмету подавать прошенія и объявленія, и гдѣ слѣдуетъ росписываться и по исходатайствованіи оное получи и ко мнѣ доставь, а равно и испроси отъ мѣстной Гражданской Палаты того имѣнія, что бы оная увѣдомила Совѣтъ, что на моемъ имѣніи послѣ дачи свидѣтельства никакихъ взысканій какъ по казеннымъ, такъ и по частнымъ искамъ не имѣется, или какія есть, то показала бы, для удержанія оныхъ при займѣ, въ чемъ я тебѣ вѣрю, и что ты учинишь впредь спорить и прекословить не буду. Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ титулярный совѣтникъ « » Сентября 1832 Года. Сія довѣренность принадлежитъ Управляющему моему, крѣпостному Статской Совѣтницы Надежды Осиповны Пушкиной человѣку Калашникову». Доверенность засвидетельствована 30 сентября того же года во 2-м департаменте Московской Палаты гражданского суда, которая подписью заседателя Шульца и приложением печати удостоверила собственноручность «рукоприкладства» поэта. На основании доверенности М. И. Калашников подал в узаконенной форме прошение в Нижегородскую гражданскую палату, которая, однако, отказала удостоверить, что на имении Пушкина нет исков, на том основании, что в прошении не было указано, в каком уезде и селениях находится имение Пушкина (излагаем ход дела по публикации в «Курских губернских ведомостях»). В январе 1833 г. М. И. Калашников писал поэту: «при сем докладываю милости вашей, что мною было получено приказание ваше, чтобы взять свидетельство, а доверенность не изволили прислать, и я всякую неделю в Лукоянов езжу для получения, а все нет в получении, я не знаю, что и подумать» (см. «Искусство» 1923 г., № 1, стр. 318 и 322); очевидно доверенность где-то задержалась и Калашников не сразу мог «ходить» по делам Пушкина. На Калашникова сердился и П. В. Нащокин: «Да скажи ради бога, — писал он поэту 10 января, — что твой управляющий или бурмистр, чорт его знает, не присылает мне бумаг. Из твоего письма [см. следующее письмо, № 515] видно, что ты полагаешь, что я их давно получил и по оным уже и деньги, но ни того ни другого; и без бумаг, несмотря, что я имею доверенность, ничего сделать нельзя. Не пишет ли он тебе чего нибудь — уведомь, сделай милость» (Переписка, т. III, стр. 1). Вопрос с перезалогом разрешился лишь предварительно в феврале — марте, но тянулся до конца 1833 г. (см. ниже, стр. 549—550, а также выше, стр. 527, в примечаниях к письму № 510, и письма №№ 512 и 513.

— Брат Дмитрий Николаевич — брат Н. Н. Пушкиной, Гончаров (о нем см. выше, в примечаниях к письму № 407, и в т. II, стр. 452—453), наследник Гончаровского майората. 8 сентября 1832 г. в Полотняном Заводе скончался дед Н. Н. Пушкиной — Афанасий Николаевич Гончаров. Д. Н. Гончаров, живший в Петербурге, по получении известия о смерти деда выехал в Калужскую губернию, а после похорон приехал в Москву. По предписанию Московского Губернского Правления от 1 ноября 1832 г.

Московская дворянская опека учредила опекунство над «повредившемся в уме» отцом Н. Н. Пушкиной, Николаем Афанасьевичем Гончаровым, причем опекунство было поручено старшему его сыну Д. Н. Гончарову, который и взялся за управление майоратом (см. статью А. В. Средина «Полотняный Завод» в «Старых годах» 1910 г., июль-сентябрь, стр. 107, и статью В. Нечаевой «Из Гончаровского архива» — в «Московском Пушкинисте», кн. II, под ред. М. А. Цявловского, стр. 106—115). № 514

— Наталья Ивановна — Гончарова, мать Д. Н. Гончарова и Н. Н. Пушкиной.

— Отец — Николай Афанасьевич (см. о нем в т. II, по указателю).

— Гражданским губернатором в Москве в это время (с 28 января 1829 по 20 января 1838 г.) был Николай Андреевич Небольсин (род 10 декабря 1785 — ум. 8 сентября 1846), впоследствии (1837) сенатор, тайный советник.

— Катерина Ивановна — Загряжская, тетка Н. Н. Пушкиной.

— Вяземские — кн. Вера Федоровна с детьми; они переезжали на постоянное жительство в Петербург (см. выше, стр. 529). А. Я. Булгаков отметил в своем письме к брату от 8 октября из Москвы в Петербург: «Вчера был прощальный вечер у княгини Вяземской, которая звала всех наших; но дамы поленились ехать, я был один. Она едет к вам завтра, а так как у дам всегда требования странные, то просила, чтобы ей здесь заплатить вдруг все прогоны до Петербурга. На то была резолюция: нельзя! А дал ей расписание, сколько ей платить придется на всякой станции за 9 лошадей, на что и изволила она изъявить свое согласие» («Русск. Арх.» 1902 г., кн. I, стр. 319).

— Пушкин выехал в Петербург 10 октября. 12 октября П. В. Киреевский писал Н. М. Языкову: «Пушкин был недели две в Москве и третьего дня уехал. Он учится по-еврейски, с намерением переводить Иова и намерен как можно скорее издавать русские песни, которых у него собрано довольно много» (см. «Историч. Вестн.» 1883 г., № 12, стр. 535—536). См. также Н. О. Лернер, «Труды и дни Пушкина», изд. 2, С.-Пб. 1910, стр. 271—272.

— Комеражи — сплетни, от французского слова commérage.

— Горскина... вчера вышла за К. Щербатова — София Николаевна Горсткина (ум. 1858) вышла замуж за князя Петра Александровича Щербатова (род. 16 мая 1811), в это время корнета Митавского Гусарского полка (см. Г. А. Власьев, «Потомство Рюрика», т. I, ч. 3, С.-Пб. 1907, стр. 289), ему шел 22-й год, почему Пушкин и назвал его младенцем. С. Н. Горсткина-Щербатова отличалась красотой, о ней часто упоминает кн. П. А. Вяземский в письмах к А. И. Тургеневу (см. «Арх. бр. Тургеневых», вып. 6, по указателю); он же посвятил ей в 1832 г. стихотворение «Вера ⟨Бухарина⟩ и Софья ⟨Горсткина⟩» (см. Полн. Собр. Соч. кн. П. А. Вяземского, т. IV, стр. 144—146).

— Безобразов — Сергей Дмитриевич (о нем см. выше, стр. 531).

— Ninon — Нинон де Ланкло (р. 1620 — ум. 1705) — известная парижская куртизанка. Волосы она носила разделенными прямым пробором на две стороны и завитыми длинными локонами, спускавшимися до плеч. Такова прическа и на портретах Н. Н. Пушкиной (см. Собрание Сочине-

№ 514 ний Пушкина, под ред. С. А. Венгерова, т. IV, и в книге В. В. Вересаева «Пушкин в жизни», изд. 5).

— Кн. Урусов — один из сыновей кн. Александра Михайловича и Екатерины Павловны Урусовых (см. выше, стр. 541). В это время их было семеро: Михаил Александрович (род. 1 октября 1802 — ум. 16 декабря 1883), впоследствии генерал-лейтенант и сенатор, женатый на Екатерине Петровне Энгельгардт; Павел Александрович (род. 8 января 1807 — ум. 18 января 1886), впоследствии генерал-от-инфантерии, генерал-адъютант, женатый на Александре Сергеевне Уваровой; Николай Александрович (о нем см. ниже); Андрей Александрович (род. 4 февраля 1809 — ум. 14 марта 1839); Петр Александрович (род. 30 мая 1810 — ум. 29 июня 1890), впоследствии женатый на Екатерине Николаевне Сипягиной; Иван Александрович (род. 1 мая 1812 — ум. 3 мая 1871), впоследствии полковник; и Григорий Александрович (род. 1818 — ум. 8 апреля 1888), майор. Из них вероятнее всего могли быть упоминаемы Пушкиным или Павел, или Андрей, или Петр Александровичи.

— Маша Вяземская — дочь кн. П. А. и В. Ф. Вяземских, княжна Мария Петровна (о ней см. выше, стр. 529).

— Отец — кн. Петр Андреевич Вяземский, живший в Петербурге.

— Другой Урусов — князь Николай Александрович (род. 29 февраля 1808 — ум. 26 ноября 1843), брат вышеназванных и упоминавшейся в письме № 513 княжны Наталии Александровны Урусовой; он был капитаном л.-гв. Измайловского полка и адъютантом вел. кн. Михаила Павловича. Женат был на Анастасии Николаевне Бороздиной (род. 11 ноября 1809 — ум. 19 ноября 1877), дочери генерала-от-кавалерии, генерал-адъютанта Николая Михайловича Бороздина (род. 1777 — ум. 1830) и жены его Елизаветы Александровны, рожд. Жеребцовой (ум. 1841). После смерти Н. М. Бороздина, когда жена его, по словам А. О. Смирновой, «кутила где-то за границей, где прижила сына», Анастасию Николаевну и сестру ее Ольгу сделали фрейлинами и взяли во дворец, в 1831 г. По словам той же Смирновой: «Тогда Пушкин написал стихи:

Всему завистливый Моден,
На вензель, двум сироткам данный...»

В главе VIII «Евгения Онегина», строфе XXV, читается несколько иначе:

Тут был на эпиграммы падкий
На все сердитый господин:
На чай хозяйский, слишком сладкий,
На плоскость дам, на тон мужчин,
На толки про роман туманный,
На вензель, двум сестрицам данный.

Этот стих о вензеле, данном двум сестрицам, и имеет в виду двух сестер А. и О. Бороздиных, получивших фрейлинские вензеля-шифры (см. А. О. Смирнова, «Записки», с примеч. Л. В. Крестовой. Лгр. 1929, стр. 203—204). Там же А. О. Смирнова говорит о том, что «Настенька пела, как соловей», что объясняет «соловейку» в письме Пушкина.

— Москва ожидает царя к зиме — Николай I в это время в Москву не ездил.

— Маша — дочь Пушкина, Мария Александровна.

515. *П. В. Нащокину* 2 [декабря 1832] (стр. 84). Впервые напечатано (полностью) в «Москвитянине» 1851 г., кн. I, № 23, стр. 465—466, с опиской Пушкина в дате письма (2 октября); приведено в отрывке у П. В. Анненкова в «Материалах», С.-Пб. 1855, стр. 370—371; перепечатано П. И. Бартеневым в сб. «Девятнадцатый Век», кн. I, М. 1872, стр. 394—395, с повторением той же описки Пушкина, и в других изданиях. Правильная дата указана впервые П. О. Морозовым в изд. «Просвещения», т. V, стр. 241 (см. также соображения Н. О. Лернера в «Историч. Вестн.» 1905 г., № 6, стр. 958, и в его заметке в «Русск. Арх.» 1910 г., кн. III, стр. 526, и его же «Труды и дни Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 274). Вошло в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 397—398. Подлинник на листе почтовой бумаги большого формата, без водяных знаков, — был в Остафьевском архиве, теперь в Центрархиве в Москве; письмо сложено конвертом и запечатано гербовою печатью Пушкина под графскою короной.

На это письмо П. В. Нащокин отвечал Пушкину 10 января (см. «Русск. Арх.» 1904 г., кн. III, стр. 444—445, и Переписка Пушкина, т. III, стр. 1—2).

— О беспорядках в доме Пушкина см. у П. Е. Щеголева, «Пушкин и мужики», М. 1928, стр. 169 и др.

— Новая квартира — Пушкин только что, 1 или 2 декабря, переехал на новую квартиру на Морской ул. на углу Гороховой, ныне № 26 по ул. Герцена, в доме купца П. А. Жадимеровского, заключив с ним контракт 1 декабря 1832 г. сроком на один год, ценою за 3300 руб. ассигнациями в год; квартира находилась в третьем этаже (бель-этаже) и состояла из двенадцати комнат, кухни и из разных служб. Наем этой квартиры причинил поэту много неприятностей, возникла даже целая квартирная тяжба между Пушкиным и Жадимеровским, тянувшаяся много лет и оконченная уже после смерти поэта; она подробно описана П. Е. Щеголевым в его статье: «Квартирная тяжба Пушкина. Из истории материального быта — по неизданным материалам» — в «Красной Ниве» 9 июня 1929 г., № 24, стр. 7—9; там же напечатан впервые текст контракта и другие документы, связанные с этим делом; см. также в книге А. Яцевича «Пушкинский Петербург», Лгр. 1931, в. 2, стр. 114—118. В доме Жадимеровского Пушкин прожил недолго и с сентября 1833 г. нанял другую квартиру в доме Оливио на Пантелеймоновской ул.

— Нужные бумаги для перезалога (см. выше, стр. 545—546). Нащокин необходимых для ведения дела бумаг еще не получал, о чем извещал Пушкина в письме 10 января (см. выше стр. 546). Об этом же поэт спрашивал Нащокина и в следующем к нему письме от второй половины февраля (см. № 519). Нужное свидетельство Нащокин получил в феврале — марте, о чем писал поэту в это время: «Наконец получил твое свидетельство, которое тебе и отсылаю, ибо оно никуда не годится: нет по пяти десятин на душу, ты сам увидишь из оного — и потому добавочных не дают; к сему еще разногласие с прежним свидетельством: там 545 десятин,

№ 515 а здесь более. Далее говорить нечего, ибо я сейчас еду в деревню сам хлопотать об этом же» («Русск. Арх.» 1904 г., кн. III, стр. 444, и Переписка Пушкина, т. III, стр. 10). По этому же делу о перезалоге душ Нащокин писал Пушкину еще в конце 1833 г. (см Переписка Пушкина, т. III, стр. 64).

— Фед. Дан. — Федор Данилович Шнейдер, известный московский врач (о нем см. выше, в примечаниях к письму № 430, стр. 306—307 и «Русск. Арх.» 1904, кн. III, стр. 444, примечание), которому Пушкин должен был 1000 рублей. В письме к Нащокину № 519 Пушкин спрашивал друга, заплатил ли он Шнейдеру эти деньги. У Нащокина с ним, повидимому, были какие-то свои денежные расчеты, так как в письме к Пушкину в феврале — марте 1833 г. Нащокин сделал приписку, относящуюся к Шнейдеру: «Фед. Дан. присылай денег, коли можешь» (Переписка Пушкина, т. III, стр. 10). В письме от 10 января к Пушкину Нащокин между прочим писал: «Я хотя и очень плох финансами, но к этому я привык. Фед. Дан. дело другое, он все плотит на твой счет проценты по 25 руб. в месяц» (там же, стр. 1).

— Смирдин — Александр Филиппович (о нем см. выше, стр. 510—511).

— Онегин — под вторым изданием «Евгения Онегина» Пушкин имеет в виду первое отдельное полное издание романа, вышедшее в свет уже около 23 марта 1833 г., под заглавием: «Евгений Онегин, роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. С.-Пб. В типографии Смирдина. 1833» (см. Н. Синявский и М. Цявловский, «Пушкин в печати», М. 1914, стр. 119—121, № 908). Издание осуществлено было на средства А. Ф. Смирдина, который уплатил поэту гонорар в размере 12 000 рублей (см. П. В. Анненков, «Материалы», С.-Пб. 1873, стр. 185); ср. С. Я. Гессен, «Книгоиздатель Александр Пушкин», Л. 1930, стр. 100 и 103.

— Sur ce — засим; любимая поговорка Пушкина (см. выше, стр. 468).

— Островский — роман «Дубровский» (см. выше, стр. 542—543).

— Короткий — Дмитрий Васильевич, служивший в ссудной казне Опекунского Совета Воспитательного Дома, или, как тогда называли, — в ломбарде; Короткий хорошо знал ведение судебных процессов (см. о нем выше, стр. 373).

— Рюматизм — вместо современного «ревматизм». Об этой болезни Пушкина писал в это же время П. А. Плетнев В. А. Жуковскому 8 декабря 1832 г.: «Издание газеты, о которой так хлопотал Пушкин еще при вас, едва ли приведется в исполнение, хотя ему и дано на то право. Он больше роется теперь по своему главному труду, т. е. по истории, да кажется в его голове и роман копышется [то есть «Дубровский»]. Впрочем, редко видаясь с ним, особенно в последнее время, когда ревматизм поразил его в ногу, а меня в голову, совсем потерял я из виду нить его занятий» (Сочинения и переписка П. А. Плетнева, т. III, С.-Пб. 1885, стр. 521).

— Что твои мемории? — В своем ответном письме 10 января 1833 г. Нащокин лаконически ответил: «Мемории не начинал, некогда» (Переписка Пушкина, т. III, стр. 1). Здесь имеются в виду воспоминания П. В. Нащокина, написать которые Пушкин просил его в течение ряда лет. Нащокин обещал исполнить просьбу поэта, но из-за своей лености

и безалаберности оттягивал осуществление своего намерения. Только в 1836 г. он набросал их небольшой отрывок, о чем Пушкин упоминает в письме к нему 27 мая 1836 г. (см. Переписка Пушкина, т. III, стр. 325). Этот отрывок воспоминаний, начинающийся словами «Покорствуя твоему желанию, я начал писать свои записки от самого рождения...», сохранился в бумагах Пушкина (см. «Пушкин и его соврем.», вып. XII, стр. 24); он впервые опубликован с комментариями Л. Б. Модзалевского в книге «Рукою Пушкина», Л. 1934, стр. 116—117. Исполняя желание поэта, Нащокин начал их в виде своего письма к нему: «Любезный Александр Сергеевич!» Отрывок этот обрывается на полуслове; так как Пушкин, вероятно, не рассчитывал на то, что Нащокин продолжит их, то он и забрал их в таком неоконченном виде, желая, повидимому, опубликовать их в «Современнике»; за это говорит то обстоятельство, что текст воспоминаний носит на себе довольно много поправок и исправлений поэта; убедившись, что из имеющегося материала ничего сделать нельзя, Пушкин оставил эту работу. Известны также другие воспоминания П. В. Нащокина под заглавием «Записки П. В. Нащокина, им диктованные в Москве 1830», писанные рукою Пушкина со слов Нащокина; они входят во все издания сочинений поэта, но речь в письме Пушкина, конечно, идет не о них. № 515

— Мой журнал — газета Пушкина «Дневник» (см. выше, стр. 535).

— Моя статуя — бронзовая статуя Екатерины II (о ней см. выше, стр. 502-504).

— Нат. Нико. брюхата опять — Н. Н. Пушкина родила 6 июля 1833 г. сына, названного при крещении Александром. Исполняя просьбу поэта, П. В. Нащокин приехал 29 июня в Петербург к родам Н. Н. Пушкиной и крестил А. А. Пушкина (см. П. И. Бартенев, «Рассказы о Пушкине», под ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 136, и «Русск. Стар.» 1881 г., № 8, стр. 603). По поводу беременности Н. Н. Пушкиной кн. П. А. Вяземский писал 29 января 1833 г. В. А. Жуковскому: «Пушкин волнист, струист, и редко ухватишь его. Жена его процветает красотою и славою. Не знаю, что делает он с холостою музой своей, но с законною трудится он для потомства, и она опять с брюшком» («Русск. Арх.» 1900 г., кн. I, стр. 370).

— Гаврила Александрович — так Пушкин намеревался сначала назвать будущего сына в память своего предка Гавриила Григорьевича Слепого, выведенного в «Борисе Годунове» (см. выше, в т. II, стр. 333—334, а также Б. Л. Модзалевский и М. В. Муравьев, «Пушкины. Родословная роспись», Лгр. 1932, стр. 20, и Б. Л. Модзалевский, «Пушкин», Лгр. 1929, стр. 38—41).

— Баратынский — Евгений Абрамович.

— Смирдин — Александр Филиппович. Переговоры Е. А. Боратынского со Смирдиным закончились тем, что Боратынский продал ему издание своих стихотворений. Приблизительно в это же время Боратынский писал кн. П. А. Вяземскому: «Я продал Смирдину полное собрание своих стихотворений. Кажется, оно в самом деле будет последним и я к нему ничего не прибавлю. Время поэзии индивидуальной прошло, другой еще не созрело» (см. «Старина и Новизна», в. 5 стр. 54). Издание подвигалось очень медленно, несмотря на то, что сборник стихо-

515—516 творений был одобрен цензором Н. Бутырским 7 марта 1833 г.; о медленности производства книги Боратынский жаловался в письме к И. В. Киреевскому 4 августа 1833 г. (см. «Татевский Сборник С. А. Рачинского», СПб. 1899, стр. 50). «Стихотворения Е. А Баратынского» вышли в свет (в двух частях) в Москве только в 1835 г. и были отпечатаны в типографии Августа Семена. Издание было украшено портретом автора по рисунку К. Брюллова, гравированным Е. Скотниковым. Экземпляр их сохранился в библиотеке Пушкина (см. Б. Л. Модзалевский, «Библиотека Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 6).

— Бар. — Баратынский.

— Вельтман — Александр Фомич (о нем см. выше, стр. 255—258), в примечаниях к письму № 417). 4 февраля 1833 г. он написал Пушкину письмо, касающееся перевода «Слова о полку Игореве» (см. Переписка Пушкина, т. III, стр. 3). Об этом переводе см. выше, стр. 538, в примечаниях к письму № 513, и в книге И. А. Шляпкина «Из неизданных бумаг Пушкина», С.-Пб. 1903, стр. 174—175. По словам Л. Н. Майкова, обстоятельства Вельтмана «действительно были довольно плохие, так как Вельтман находился тогда в нужде» (Л. Н. Майков, «Пушкин», С.-Пб. 1899, стр. 135).

— Опера Вельтмана — то есть либретто для оперы композитора А. П. Есаулова, которая, по словам П. В. Анненкова со слов П. В. Нащокина, носила название «Летняя ночь»; содержание оперы А. Ф. Вельтман заимствовал, вероятно, из известной пьесы Шекспира (см. «Материалы» П. В. Анненкова, С.-Пб. 1874, стр. 363). Об этом, а также о самом А. П. Есаулове см. выше, стр. 307—310, в примечаниях к письму № 430. О Вельтмане П. В. Нащокин сообщал Пушкину в письме от 10 января 1833 г., что «Вельтман кланяется и пишет роман (Кащей), я еще не читал» (Переписка Пушкина, т. III, стр. 1).

— Павел — сын П. В. Нащокина от цыганки Ольги Андреевны (о нем см. выше, стр. 422, в примечаниях к письму № 466).

— Жадимировский — Петр Алексеевич Жадимеровский (род. 18 июня 1791 — ум. 30 мая 1844), фридрихсгамский первостатейный купец, домовладелец, у которого Пушкин только что, 1 декабря, снял квартиру на углу Гороховой и Морской ул. (см. выше, стр. 549).

516. *Неизвестной* [конец октября 1832 — начало (до 6-го) января 1833] (стр. 85). Впервые напечатано, не совсем точно, В. Е. Якушкиным в «Русск. Стар.» 1884 г., № 11, стр. 345. Вошло по тексту Якушкина в Собрание Сочинений Пушкина, под ред. С. А. Венгерова, т. VI, стр. 604; перепечатано в книге М. А. Цявловского «Письма Пушкина и к Пушкину», М. 1925, стр. 20—21. Подлинник в тетради № 2380 — II Госуд. Публ. Библиотеки СССР имени В. И. Ленина, л. 24_2 — на обороте обложки главы XVII «Дубровского» (лист писчей бумаги с водяными знаками: А. Г. 1830). На третьей странице того же листа записано окончание главы с датою: «6 января»; письмо написано до этого текста, но очевидно в Петербурге, то есть после возвращения из Москвы, после 10 октября 1832 г., чем и определяется датировка письма.

— *Перевод:* «[Я в] Представьте в каком я был отчаянии [от] когда [мой] мой пьяница [от] мне вернул сегодня ответ, посланный мною вчера

на любезную записку, которую я имел удовольствие от вас получить — 516—517
[Благодарю]».

— К кому адресовано это письмо — сказать трудно. По тону письма возможно предположить, что оно писано к женщине, и скорее всего к Е. М. Хитрово.

— Пьяница — слуга Пушкина, вероятно, Гаврила, отличавшийся невоздержанностью к вину (см. о нем у П. Е. Щеголева, «Пушкин и мужики», Лгр. 1928, стр. 169—170).

— Записка Пушкина, на которую он отвечает, неизвестна.

517. *П. С. Санковскому* 3 января 1833 (стр. 85). Впервые напечатано Н. Ф. Бельчиковым, с некоторыми неточностями, в «Красн. Арх.», т. XXIX, М. 1928, стр. 218—220. В собрание писем Пушкина вводится впервые. Подлинник на листе почтовой бумаги большого формата, без водяных знаков, с тисненым клеймом Петергофской бумажной фабрики, — в Центрархиве в Москве (АОР, фонд 1183, альбом I, л. 73); письмо сложено конвертом и запечатано гербовою печатью Пушкина.

Перевод: Я так виноват перед вами и кажусь таким неблагодарным, что мне стыдно писать вам. Г. Казасси принес мне ваше любезное письмо; вы в нем просите у меня стихов для альманаха, который вы намерены издать на этот год. Я медлил ответить вам по очень важной причине: у меня нечего было послать вам и я все время ждал момента вдохновения, как говорят, т. е. момента мании бумагомарания. И вот вдохновение не пришло. В продолжение двух лет я не писал ни одного стиха, и вот каким образом мое доброе намерение поднести вам мои бедные рифмы отправилось мостить ад. — Ради бога, не сердитесь на меня, а пожалейте меня за то, что я никогда не могу сделать того, что должен был или хотел сделать. — Я поручил Ширяеву доставить вам все, что я напечатал по возвращении из Тифлиса, — не знаю, исполнил ли он это. Что касается меня, то я должен вас очень благодарить за присланную вами «Тифлисскую Газету», единственную между русскими газетами, имеющую своеобразную окраску и в которой встречаются статьи, представляющие действительно европейский интерес. — Если вы иногда видите А. Бестужева, передайте ему мой дружеский привет. Мы встретились с ним на Гут-Горе, не узнавши друг друга, и с тех пор я имел о нем сведения только из журналов, где он печатал свои очаровательные рассказы. Здесь распространился слух об его смерти, мы его искренно оплакивали и очень обрадовались его воскресению в третий день по писанию. — Это письмо будет передано вам г. Россетти, вполне достойным молодым человеком, который покидает блестящий свет и легкомысленное и рассеянное существование для суровой жизни грузинского солдата. Мы его вам рекомендуем и уверены, что вы поблагодарите нас за это знакомство. — Примите, милостивый государь, уверение в моем глубоком к вам почтении. Александр Пушкин. 3 января 1833. Спб.

На обороте: Господину Санковс⟨кому⟩ в Тифлис.

Павел Степанович Санковский (род. ок. 1798 — ум. в Тифлисе 19 октября 1832) происходил из дворян Пирятинского повета, Полтавской губ. Отец его, Степан Андреевич, был градоначальником г. Феодосии, а ранее служил при петербургском главнокомандующем С. К. Вязмитинове; одно время,

№ 517 в начале XIX века, он занимал пост русского резидента при правителе Черногории (см. «Остаф. Арх.», т. I, стр. 80, 451, 452, и «Кавказская поминка о Пушкине», Тифлис 1899, стр. 52). П. С. Санковский начал службу в 1814 г. в Министерстве полиции, в 1823 г. приехал в Тифлис и сначала служил в канцелярии А. П. Ермолова, а в 1827 г. поступил чиновником особых поручений к И. Ф. Паскевичу, а затем к бар. Г. В. Розену. Санковский, так же как и его брат Андрей Степанович (впоследствии генерал-майор, ум. 4 сентября 1859), тоже служивший на Кавказе, но в военной службе, получил за границей хорошее образование и совершенно свободно владел французским и итальянским языками. В истории развития русского газетного дела на Кавказе он занимает видное место, как первый редактор первой русской официозной газеты в Закавказьи — «Тифлисские Ведомости» (о ней см. ниже, стр. 556—657), в которых, между прочим, поместил три заметки, касающиеся пребывания Пушкина на Кавказе, а также печатал в них свои стихи и прозу. Н. Б. Потокский в своих воспоминаниях о пребывании Пушкина на Кавказе в 1829 г. говорит, что Санковский был «давний знакомый» Пушкина, что поэт бросался ему при встрече в объятия и был с ним на ты, а также приводит их разговор (см. «Русск. Стар.» 1880 г., № 7, стр. 581—582); свидетельство Потокского явно недостоверно, так как до своей поездки на Кавказ в 1829 г. Пушкин не мог быть с ним знакомым и притом настолько, чтобы держать себя с ним по-приятельски (о недостоверности воспоминаний Потокского см. в статье Е. Г. Вейденбаума «Кавказская поминка о Пушкине», Тифлис 1899, стр. 107—108 и 114, и в его же книге «Кавказские этюды», Тифлис 1901, стр. 237—239 и 245—246; Л. Н. Майков, «Пушкин», С.-Пб. 1899, стр. 385; И. А. Шляпкин, «Из неизданных бумаг Пушкина», С.-Пб. 1903, стр. 17). Не подлежит сомнению только одно, что Санковский был восторженным поклонником музы Пушкина, о чем свидетельствует как теплое приветствие по поводу приезда Пушкина на Кавказ в «Тифлисск. Ведом.» 1829 г., № 26 (см. ниже, стр. 556), так и обращение его к Пушкину в недошедшем до нас письме его о присылке стихов для проектированного Санковским альманаха, на что, как видно из комментируемого письма, Пушкин ответил любезным отказом. О Санковском Пушкин оставил следующие строки в «Путешествии в Арзрум»: «В Тифлисе пробыл я около двух недель и познакомился с тамошним обществом. С[анковский], издатель Тифлисских Ведомостей, рассказывал мне много любопытного о здешнем крае, о К[н.] Цицианове, об А. П. Ермолове и проч. С[анковский] любит Грузию и предвидит для нее блестящую будущность» («Современник» 1836 г., т. I, стр. 41; Собрание Сочинений Пушкина, изд. «Красной Нивы», вып. 9, стр. 553). Известно также, что Пушкин присутствовал на званом обеде у П. С. Санковского, в Тифлисе, вероятно, в первое его посещение, с 27 мая по 10 июня 1829 г.; об этом обеде рассказывает К. И. Савостьянов, сам на нем присутствовавший и высказавший нелестный отзыв об оде Санковского «Наполеон», что не понравилось Пушкину (см. «Пушкин и его соврем.», вып. XXXVII, стр. 146). О П. С. Санковском см. в названных выше работах Е. Г. Вейденбаума; в «Арх. Раевских», под ред. Б. Л. Модзалевского, т. II, стр. 100—101 в Сочинениях Пушкина, изд. «Просвещение», т. VI, стр. 678, и изд. «Красной Нивы», вып. 12, стр. 326).

— Г. Казасси — Иван Антонович Казасси, сын танцовщика, театрального контролера и бутафора Антона Ивановича Казасси (Antonio Casassi) (Казацци), умершего в глубокой старости в 1832 г. и жены его Марии Францевны, рожденной Эгер, надзирательницы Театрального училища (ум. в 1827 г.), которую Пушкин упомянул в своем послании к П. Б. Мансурову, 1819 г.: № 517

Вздохни — и рюмку выпей вдруг
За здравие Крыловой.
Поверь, она верна тебе,
Как девственница Ласси,
Она покорствует судьбе
И госпоже Казасси.

(О родителях И. А. Казасси см. «Арх. Дирекции Имп. Театров», вып. I (1746—1801), отд. III, С.-Пб. 1892, стр. 6—7 (№ 34) и стр. 146 (№ 18) и по указателю к вып. I, С.-Пб. 1892, стр. 47—48: «Письма П. А. Катенина к А. М. Колосовой 1822—1826» в «Русск. Стар.» 1893 г., № 3, стр. 655; Записки Ф. Ф. Вигеля, ч. II, М. 1892, стр. 50; Сочинения Пушкина, под ред. С. А. Венгерова, т. I, стр. 535 и 560, и изд. «Красной Нивы», вып. 12, стр. 164). Иван Антонович Казасси произведен был в 1816 г. в прапорщики в драгунский Нижегородский полк (см. «Историю 44-го драгунского Нижегородского наследника цесаревича полка», сост. В. Потто, т. X, С.-Пб. 1895, стр. 25, прилож.); в 1827 г. был капитаном этого полка; в 1829—1830 гг. — майором в том же полку и командовал дивизионом (см. его рапорты ген. Н. Н. Раевскому в «Архиве Раевских», т. II, стр. 54—56); 9 октября 1832 г. переведен был в корпус жандармов; в 1835 г. Казасси в чине подполковника состоял кавказским военным полицмейстером (в Тифлисе), следил за ссыльными на Кавказе, в частности за А. А. Бестужевым («Русск. Стар.» 1880 г., № 10, стр. 418—420; упоминается в письмах этого времени В. Д. Вольховского к бар. Г. В. Розену — см. Н. Гастфрейнд, «Товарищи Пушкина», т. I, стр. 244, 246, 251, 253, 257, 258, 260, 262 и 265); умер в 1837 г. в чине подполковника корпуса жандармов в Тифлисе (см. известие о смерти и вызов наследников в «С.-Пб. Ведом.» 6 января 1838 г., прибавл. к № 4, стр. 31). Так как Нижегородский полк стоял на Кавказе, то, естественно, Казасси мог быть знаком и с Пушкиным и с Санковским еще с 1829 г.

— Письмо П. С. Санковского к Пушкину неизвестно. Санковский скончался еще 19 октября 1832 г., чего, видимо, ни Казасси, ни Пушкин не знали. Свой ответ Пушкин направил Санковскому, как видно из этого же письма поэта через уезжавшего на Кавказ К. О. Россета.

— О проектируемом альманахе П. С. Санковского ничего неизвестно; альманах, очевидно, не состоялся из-за смерти Санковского, последовавшей, как говорит Н. Б. Потокский, «чрез любимую женщину, которой [он] желал угодить» («Русск. Стар.» 1880 г., № 7, стр. 581, примеч. 1).

— Говоря о том, что он в продолжение двух лет не написал ни одного стиха, Пушкин, конечно, преувеличивал; за эти годы (1831—1832) Пушкин, действительно, в сравнении с другими годами, написал мало стихотворений.

— Ширяев — Александр Сергеевич (о нем см. в т. II, стр. 224, и выше, стр. 167, в примечаниях к письму № 398), известный московский книго-

№ 517 продавец. Издания Пушкина, вышедшие в свет после возвращения его из Тифлиса и пересланные П. С. Санковскому через А. С. Ширяева, могли быть следующие: VII глава «Евгения Онегина» (1830), «Бахчисарайский фонтан» (1830), «Борис Годунов» (1831), «Повести И. П. Белкина» (1831), последняя глава «Евгения Онегина» (1832), Стихотворения Пушкина, ч. III (1832) и др.

— Тифлисская газета — «Тифлисские Ведомости», правительственное издание, главным редактором которого был П. С. Санковский; газета выходила еженедельно с июля 1828 г. по 1831 г. (первый номер появился 4 июля 1828 г., в 1831 г. вместо обещанных 104 номеров вышли №№ 1—32, причем последний номер помечен цензором 14 ноября 1831 г.). По словам Е. Г. Вейденбаума, издание это было предпринято по мысли тогдашнего тифлисского военного губернатора генерал-адъютанта Н. М. Сипягина. По содержанию газета не имела ничего общего с обычными «тощими» губернскими ведомостями и, заключая в себе очень много материалов исторических, этнографических и статистических, не потеряла еще и теперь научного значения и интереса. Сам редактор был ее усердным вкладчиком, печатая свои стихи и прозаические произведения («Кавказская поминка о Пушкине», Тифлис 1899, стр. 53; Сочинения Пушкина, изд. «Просвещение», т. VI, стр. 678). В газете сотрудничал (анонимно) и ссыльный А. А. Бестужев (см. в статье М. П. Алексеева в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. XXXVIII—XXXIX, стр. 248—249). После небольшого перерыва П. С. Санковский совместно с Д. Е. Зубаревым и Г. С. Гордеевым с начала 1832 г продолжил издание под заглавием «Тифлисские ведомости. Отделение литературное», выходившее по два раза в месяц (вышли №№ 1—6, январь — март) (см. Н. М. Лисовский «Библиография русской периодической печати. 1703—1900 гг.», П. 1915, стр. 74—75). В «Тифлисск. Ведом.» за 1829 г. о Пушкине было напечатано три сообщения. Давно ожидая приезда Пушкина в Тифлис и, очевидно, потеряв надежду увидеть поэта, Санковский напечатал в своей газете следующее известие (№ 17, от 26 апреля 1829 г.), «Мы ожидали сюда одного из лучших наших поэтов, но сия надежда, столь лестная для любителей кавказского края, уничтожена последними письмами, полученными из России». Другое сообщение касается приезда Пушкина в Грузию; интересно отметить, что оно появилось в «Ведомостях» только в № 26, вышедшем 28 июня 1829 г. (этот номер ошибочно помечен: 18 июня), когда Пушкин находился уже в Эрзеруме. «Вероятно, — справедливо говорит Е. Г. Вейденбаум, — поднадзорное положение поэта, прибытие его в край без надлежащего разрешения и неизвестность, как отнесется к нему граф И. Ф. Паскевич, побудили генерала Стрекалова отложить печатание заметки Санковского до получения приказаний главнокомандующего». Вот текст этого сообщения: «Надежды наши исполнились: Пушкин посетил Грузию. Он недолго был в Тифлисе; желая видеть войну, он испросил дозволение находиться в походе при действующих войсках, и 16 июня прибыл в лагерь при Искан-су. Первоклассный поэт наш пребывание свое в разных краях России означил произведениями достойными славного его пера: с Кавказа дал он нам Кавказского пленника, в Крыму написал Бахчисарайский фонтан, в Бессарабии — Цыган, во внутренних провинциях списал он прелестные картины Онегина. Теперь читающая пуб-

лика наша соединяет самые приятные надежды с пребыванием А. Пушкина в стране кавказских войск и вопрошает: чем любимый поэт наш, свидетель кровавых битв, подарит нас из стана военного? Подобно Горацию, поручавшему друга своего опасной стихии моря, мы просим судьбу сохранить нашего поэта среди ужасов брани». Наконец, последнее сообщение о Пушкине имеется в № 32, от 9 августа 1829 г., в отделе «Разных известий»: «6 августа А. Пушкин, возвратившийся из Арзрума, выехал из Тифлиса к Кавказским минеральным водам. Любители изящного должны теперь ожидать прелестных подарков, коими гений Пушкина, возбужденный воспоминаниями о Закавказском крае, без сомнения наделит литературу» (см. «Кавказская поминка о Пушкине», Тифлис 1899. стр. 53, 60 и 114; Сочинения Пушкина, изд. «Просвещение», т. VI, стр. 668). Газета, как правительственный официоз, назойливо напоминала ему о том, что от него ждут как от свидетеля «кровавых битв», «прелестных подарков», воспевающих победы русского оружия на Востоке. Несмотря на то, что Санковский отправил Пушкину «Тифлисские ведомости», ни один номер их не сохранился в его библиотеке. № 517

— А. Бестужев — Александр Александрович (о нем см. в тт. I и II, по указателю), в это время находившийся на Кавказе в Дербенте, определенный туда рядовым в 41-й егерский полк (18 сентября 1829 г.) и переведенный (8 декабря 1829 г.) в Дербентский гарнизонный батальон. Пушкин вспоминает о своей несостоявшейся встрече с ним на Гут-Горе почти одновременно с Бестужевым; последний в письме к Н. А. Полевому 9 марта 1833 г. писал: «Давно ли, часто ли вы с Пушкиным? Мне он очень любопытен; я не сержусь на него именно потому, что его люблю. Скажите, что нет судьбы! Я сломя голову скакал по утесам Кавказа, встретя его повозку: мне сказали, что он у Бориса Чиляева, моего старого однокашника; спешу, приезжаю — где он?.. Сейчас лишь уехал, и, как нарочно, ему дали провожатого по новой околесной дороге, так что он со мной и не встретился!.. Я рвал на себе волосы с досады, — сколько вещей я бы ему высказал, сколько узнал бы от него, и случай развел нас на долгие, может быть на бесконечные годы. Скажите ему от меня: ты надежда Руси — не измени ей, не измени своему веку; не топи в луже таланта своего; не спи на лаврах: у лавров для гения есть свои шипы — шипы вдохновительные, подстрекающие; лавры лишь для одной посредственности мягки как маки» («Русск. Вестн.» 1861 г., № 4, стр. 436). Встреча эта могла состояться на Военно-Грузинской дороге около 7—8 августа 1829 г. (см. Л. Н. Майков, «Пушкин», С.-Пб. 1899, стр. 384; ср. в статье С. Я. Гессена «Источники десятой главы „Евгения Онегина"» в сб. «Декабристы и их время», т. II, 1932 г., стр. 158—159); в последующие годы Пушкин и Бестужев не встречались; М. П. Алексеев в своей работе «Пушкин и Бестужев» в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. XXXVIII—XXXIX, стр. 241—251, высказывает предположение, что они никогда и не видели друг друга «и что знакомство их началось и окрепло только в переписке» (стр. 244). В письмах своих после 1833 г. Пушкин о Бестужеве ни разу не упомянул; последний узнал о смерти поэта из письма своего брата, П. А. Бестужева, от 2 февраля 1837 г., опубликованного Г. В. Прохоровым в «Красной Ниве» 12 февраля 1928 г., № 7. Смерть Пушкина Бестужев воспринял

517—518 очень глубоко и тяжело (см. его письмо к брату П. А. Бестужеву из Тифлиса от 23 февраля 1837 г. в «Отеч. Записках» 1860 г., № 7, стр. 71—72; в «Русск. Вестн.» 1869 г., № 11, стр. 99—100, и у С. А. Венгерова «Критико-биографический словарь русских писателей и ученых», т. III, стр. 165—166). Сам Бестужев ненадолго пережил Пушкина: он погиб в стычке с горцами при занятии русскими войсками мыса Адлера 7 июня 1837 г. (см. малоизвестные воспоминания очевидца о смерти Бестужева, под заглавием «Последние минуты Марлинского», в «Иллюстрации» 1848 г., № 24, стр. 376—378). О Пушкине и Бестужеве см. названную выше статью М. П. Алексеева (ср. в статье А. И. Лященка, «Мнимый портрет Пушкина» в «Докладах Акад. Наук СССР» 1930 г., стр. 195—198), а также статью Г. В. Прохорова «Пушкин и Бестужев-Марлинский» в «Литерат.-Худож. сборнике Красной Панорамы» 1929 г., февраль, стр. 26—29.

— Перечень рассказов А. А. Бестужева, напечатанных в разных журналах в этот период времени см., например, в биографии его, напечатанной у С. А. Венгерова в «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых», т. III, стр. 174—176.

— Россетти — Клементий Осипович Россет (о нем см. выше, стр. 401—402 в примечаниях к письму № 456) только что перед этим (28 декабря 1832 г.), будучи поручиком Бутырского пехотного полка, прикомандированный к Генеральному Штабу с назначением в Отдельный Кавказский корпус, куда выехал 22 января 1833 г. В 1835 г. он возвратился в Петербург и жалел о том, что покинул Кавказ (см. «Русск. Арх.» 1896 г., кн. I, стр. 286—287; «Пушкин и его соврем.», вып. XVII—XVIII, стр. 182, и П. Е. Щеголев, «Пушкин и мужики», Лгр. 1928, стр. 147). О Россете в 1842 г. см. в «Остаф. Арх.», т. IV, стр. 144 и 149.

518. *Графу А. И. Чернышеву*, [9] февраля 1833 г. (стр. 86). Беловой текст напечатан впервые Я. К. Гротом в его статье «Приготовительные занятия Пушкина для исторических трудов» в «Русск. Вестн.» 1862 г., т. XLII, № 12, стр. 639—640 (перепечатано в «Трудах Я. К. Грота», т. III, С.-Пб. 1901, стр. 119) с указанием описки Пушкина (7 — вместо 9 февраля); с исправленной датой вошло в издание под ред. П. А. Ефремова, т. VII, М. 1882, стр. 407; затем напечатано в изд. Литературного Фонда, под ред. П. О. Морозова, т. VII, стр. 313, в изд. А. С. Суворина, под ред. П. А. Ефремова, т. VII, С.-Пб. 1903, стр. 482, и в других изданиях. Вновь опубликовано по подлиннику в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. III, стр. 4, с датой: «7 февраля», и оттуда вошло с этой датой в изд. под ред. С. А. Венгерова, т. VI, стр. 101. Мы датируем письмо 9 февраля в соответствии с письмом гр. А. И. Чернышева к Пушкину от 8 февраля, на которое оно служит ответом (см. также соображение Н. С. Ашукина в «Звеньях», кн. 2, стр. 225). Подлинник на листе почтовой бумаги большого формата, без водяных знаков, с тисненым клеймом Петергофской бумажной фабрики, был в Рукописном Отделении Библиотеки Академии Наук (ныне в ИРЛИ той же Академии, Пушкинском Доме) в деле инспекторского департамента Военного Министерства «О доставлении Пушкину из Архива Военного Министерства рукописей для составления «Истории Пугачевского бунта», 1833—1836» (см. описание дела у В. И. Срезневского в изд. «Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Руко-

писн. Отд. Библиотеки Акад. Наук в 1903 г.», С.-Пб. 1904, стр. 71—72 (№ 81), и в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. II, стр. 10—11. Черновое письмо впервые упоминается В. Е. Якушкиным в «Русск. Стар.» 1884 г., № 8, стр. 318; в собрание писем Пушкина вводится впервые; подлинник находится в Госуд. Публ. Библиотеке СССР имени В. И. Ленина, в Москве, в тетради № 2372, л. 60_1 (по жандармской, красной нумерации), и писано карандашом; здесь же, но в обратном направлении, записан план статьи «О новейших романах». № 518

Этим письмом Пушкин отвечает на следующее отношение гр. А. И. Чернышева, известное по отпуску, на бланке Канцелярии Военного Министерства от 8 февраля 1833 г. за скрепою секретаря М. Д. Деларю: «Военный Министр покорнейше просит Александра Сергеевича Пушкина уведомить его, какие именно сведения нужно будет ему получить из Военного Министерства для составления Истории Генералиссимуса Князя Италийского Графа Суворова Рымникского?» (см. Переписка Пушкина, т. III, стр. 5.

Граф Александр Иванович Чернышев (род. 1786,—ум. 1857), впоследствии, с 1841 г., князь, занимал пост военного министра с 26 августа 1827 г. по 26 августа 1852 г., был генерал-адъютантом, членом Военного и Государственного Советов (о нем и об отношениях его с Пушкиным см. в «Дневнике» Пушкина, М. 1923, стр. 347—351 и др., по указателю). Официальному письму А. И. Чернышева, очевидно, предшествовали нам неизвестные переговоры Пушкина в устной или письменной форме о желании его заняться в архиве Военного Министерства.

Письмо Пушкина является первым в ряду других официальных его обращений, вызванных приступом к историческим занятиям над «Историей Пугачевского бунта», или, как Пушкин назвал ее сам, — «Историей Пугачева»: первоначально просьба о допуске к занятиям в архиве военного министерство мотивировалась желанием написать биографию кн. А. В. Суворова-Рымникского, но, очевидно, это было лишь предлогом, (см. об этом в исследовании Ю. Г. Оксмана «Пушкин в работе над «Историей Пугачева» в «Литературном Наследстве», № 16—18, стр. 443—446), для того, чтобы иметь возможность, не навлекая на себя ненужных подозрений, заняться историей Пугачевщины с целью написания романа; интерес Пушкина к личности Пугачева и к проблеме массовых крестьянских восстаний вскоре пошел по двум линиям: собственно исторических изысканий, вылившись в написание двухтомной «Истории Пугачевского бунта», вышедшей в 1834 г., и воплотившись в художественное произведение — повесть «Капитанскую дочку», появившуюся в печати лишь в 1836 г. План повести, правда, в первоначальном виде, созрел уже в январе 1833 г. в разгар работы над «Дубровским» (план имеет дату 31 января 1833 г. — см. П. И. Бартенев, «Пушкин», I, М. 1881, стр. 169). Для обеих работ над эпохой Пугачева Пушкину нужно было ознакомиться с подлинными документами, почему он и обратился с просьбою к А. И. Чернышеву разрешить ему заняться материалами из архива Главного Штаба; разрешение было получено; Пушкин приступил к разработке материалов в течение конца февраля, марта и апреля 1833 г., вызвавшей дальнейшую переписку с Чернышевым (см. письма №№ 520, 522); в процессе работы Пушкин обращался к Г. И. Спасскому за рукописью

№ 518 П. И. Рычкова, касающейся времен Пугачева (см. письмо № 531); к И. И. Дмитриеву как очевидцу событий (письмо № 554) и другим, и счел необходимым посетить самые места событий в Оренбургском крае и на Урале (об этом см. ниже в письмах к жене). Работа по писанию истории быстро подвигалась вперед (на одной из рукописей, заметке об отце И. А. Крылова, имеется дата: «11 апр. 1833»); в мае Пушкин уже начал писать ее (шесть глав были написаны к 22 мая) и продолжил во время своего путешествия (помета под VII главой: «Казань 6 сент.»). Возвратившись из поездки, Пушкин привел в порядок собранный материал, в Болдине 2 ноября закончил весь черновой текст «Истории» и в декабре представил ее через А. Х. Бенкендорфа Николаю I «на высочайшее рассмотрение» (см. в примечаниях к письму № 557). Подробные сведения о работе Пушкина см. в новейшем исследовании Ю. Г. Оксмана «Пушкин в работе над «Историей Пугачева» в «Литературном Наследстве», № 16—18, стр. 443—466; в работе Т. Г. Зенгер «Николай I — редактор Пушкина», там же, стр. 524—533, ср. в статье Я. К. Грота «Приготовительные занятия Пушкина для исторических трудов» в «Трудах Я. К. Грота», т. III, стр. 117—124 второй пагинации, в работе Н. Н. Фирсова в Соч. Пушкина, изд. Акад. Наук, т. XI, стр. 19—56 второй пагинации (ср. в статье Д. Соколова «Несколько замечаний к комментарию проф. Н. Н. Фирсова на „Историю Пугачевского бунта“» в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. XXIX—XXX, стр. 18—27 и в статье В. Я. Брюсова «Пушкин перед судом ученого историка» в «Русской Мысли» 1916 г., № 2, стр. 110—123; вошла в его книгу «Мой Пушкин», М. 1929, стр. 173—187), в статье Е. А. Ляцкого, «Пушкин-повествователь в «Истории Пугачевского бунта» в «Пушкинском Сборнике» Русского Института в Праге, 1929, стр. 265—296; в книге Н. А. Гастфрейнда, «Пушкин. Документы Госуд. и С.-Пб. Главного архивов Министерства Иностранных Дел, 1831 — 1837», С.-Пб. 1900, стр. 18—22 (дело «о допущении к занятию в архивах Александра Пушкина для извлечения материалов по истории Петра Великого и к прочтению дела о Пугачевском бунте, также о принятии того дела из бывшего государственного архива старых дел»); А. Н. Макаров, «Дело о напечатании «Истории Пугачевского бунта», в Архиве бывшего II Отделения собственной е. и. в. Канцелярии», в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. XVI, стр. 77—92, и дело Штаба Корпуса жандармов «о выдаче заимообразно 20 тысяч рублей камер-юнкеру двора е. в. А. С. Пушкину на издание истории Пугачевского бунта» в изд. «Дела III Отделения... о Пушкине», С.-Пб. 1906, стр. 243—256; краткое описание рукописей см. в работе Л. Б. Модзалевского «Рукописи Пушкина в собрании Госуд. Публичной Библиотеки в Ленинграде», Лгр. 1929, стр. 16—18; в «Русск. Стар.» 1884 г., № 8, стр. 328; № 12, стр. 573—575; в работе В. И. Срезневского в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. IV, стр. 30 — 31 (многие материалы о Пугачеве, собранные Пушкиным, до сих пор еще не изданы).

В ответ на письмо Пушкина 9 февраля гр. А. И. Чернышев написал ему следующее письмо (от 25 февраля за № 1802 на бланке Канцелярии Военного Министерства): «Военный Министр, препровождая при сем к Александру Сергеевичу Пушкину три книги, заключающие в себе

сведения, касающиеся до Истории Графа Суворова-Рымникского, имеет честь уведомить его, что следственного дела о Пугачеве, равно как донесений Графа Суворова 1794 и 1799 годов и приказов его войскам, не находится в С.-Петербургском Архиве Инспекторского Департамента; о выправке же по сему предмету в Московском отделении Архива сделано надлежащее распоряжение. Военный Министр покорнейше просит Александра Сергеевича, по миновании надобности в препровождаемых при сем книгах, возвратить оные» (Переписка Пушкина, т. III, стр. 9; В. Я. Брюсов, «Письма Пушкина и к Пушкину», М. 1903, стр. 70). Донесения А. В. Суворова, о которых просил Пушкин, были ему доставлены для занятий при следующем письме А. И. Чернышева от 8 марта (см. в комментариях к письму № 520). Что же касается до следственного дела Е. И. Пугачева, то Пушкин имел возможность с ним познакомиться гораздо позже, уже после выхода своей «Истории Пугачевского бунта», в 1835 г., причем в нем не оказалось «главнейшего документа: допроса, снятого с самого Пугачева в Следственной Комиссии, учрежденной в Москве» (см. в письме Пушкина к В. А. Поленову от 28 августа 1835 г. в т. IV). Н. И. Сазонов напечатал за границей малоизвестную книгу «Правда о Николае I», о которой впервые напомнил П. Е. Щеголев в своей интересной работе «Пушкин и Тардиф. Неизданное и неизвестное» в «Звезде» 1930 г., № 7, где на стр. 239 привел любопытнейшую из нее страницу, касающуюся безуспешных домогательств Пушкина получить доступ к секретным историческим материалам: «Пушкин не посмел обратиться прямо к царю, — пишет Сазонов, — попросил разрешения через одного из министров. Николай сразу ответил решительным отказом: „На что ему эти бумаги? Они лежат в архиве нетронутыми с того времени, когда моя бабка приказала положить их туда, собственноручно их запечатав. Даже я их не читал. Пушкин может обойтись без них. Не пожелает ли он извлечь отсюда скандальный материал в параллель песне «Дон-Жуана», в которой Байрон обесчестил память моей бабки? Ну, нет!?“» Министр точно передал слова поэту, и поэт, уже освоившийся с деспотическим характером императора, выразил удивление только его эрудиции. «Я не думал, что он прочел «Дон-Жуана» Байрона» — сказал Пушкин.

519. *П. В. Нащокину* [вторая половина февраля, не позднее 25-го, 1833] (стр. 87). Напечатано в отрывке в «Москвитянине» 1851 г., кн. I, стр. 466, и у П. В. Анненкова в «Материалах», С.-Пб. 1855, стр. 361; впервые полностью опубликовано П. И. Бартеневым в сб. «Девятнадцатый Век», кн. I, М. 1872, стр. 395—396, с неверным отнесением к 23 февраля; вошло с этой датой в изд. Сочинений Пушкина, под ред. П. А. Ефремова, М. 1882, стр. 330—331, и в другие издания. В Акад. изд. Переписки Пушкина (т. III, стр. 8—9) отнесено ко второй половине февраля 1833 г.; мы уточняем дату по почтовому штемпелю, на котором ясно читается «25». Подлинник на листе почтовой бумаги большого формата, без водяных знаков, был в Остафьевском архиве, теперь в Центрархиве в Москве; письмо сложено конвертом и запечатано облаткой.

— Нужные бумаги — для перезалога крепостных душ (об этом см. выше, стр. 546).

№ 519 — Ф. Д. — Федор Данилович Шнейдер (о нем см. выше, стр. 306—307 и 550, в примечаниях к письмам №№ 430 и 516).

— Денег Пушкин от Нащокина не получил, так как заложить души тогда не удалось.

— Михаил Александрович Салтыков — тесть бар. А. А. Дельвига, отец бар. С. М. Дельвиг, сенатор с 7 декабря 1828 г. (о нем см. в т. I, стр. 470—471, и выше, стр. 175—178, в примечаниях к письму № 400). О каком долге ему в 2525 р. говорит Пушкин и почему настаивает на получении расписки, сказать не можем.

— Веер — Никита (Nicette — Nicolas) Андреевич Вейер (Weyer) (род. в Москве 27 сентября 1786 — ум. 14 апреля 1841), московский купец 2-й гильдии, французский вице-консул, принятый в московское купечество «из иностранцев французской нации»; с 1833 г. он владел домом на Б. Никитской (№ 42), принадлежавшем в свое время А. В. Суворову. А. А. Мартынов («Русск. Арх.» 1878 г., кн. I, стр. 171) называет Вейера «известным закладчиком» (о нем см. также в «Русск. Арх.» 1901 г., кн. I, стр. 298, и «Московский Некрополь», т. I, стр. 189). Он был женат на Анне Петровне Евреиновой (род. 19 декабря 1779 — ум. 1 июня 1849), родной тетке приятеля Пушкина В. П. Зубкова (см. «Пушкин и его соврем.», вып. IV, стр. 91, и М. Чернявский, «Генеалогия дворян Тверской губернии 1787—1869», стр. 64 об.). Пушкин и Нащокин довольно долго имели с ним денежные дела и расчеты. Пушкин же заложил в 1831 г. ему бриллианты своей жены (см. выше, в примечаниях к письмам №№ 482, 491, 493, а также в «Русск. Арх.» 1882 г., кн. I, стр. 232, примеч.; 1902 г., кн. I, стр. 56; 1904 г., кн. III, стр. 442; «Искусство» 1923, № 1, стр. 313—314). С выражением Пушкина: «Веер тебя топит, а Рахманов у тебя на плечах», — ср. в письме Нащокина к Пушкину в январе 1832 г.: «Веер пугает, Рахманов сулит и проч.» (Переписка Пушкина, т. II, стр. 364).

— Рахманов — Алексей Федорович Рохманов, доверенное лицо Пушкина и Нащокина (о нем см. выше, стр. 280—281).

— Сожительница Нащокина, цыганка Ольга Андреевна (о ней см. в т. II, стр. 485, и выше, стр. 268—269, в примечаниях к письму № 419) Пушкин и Нащокин еще с июня 1831 г. помышляли о том, как бы от нее освободиться, но это удалось лишь в феврале 1834 г. (см. также «Девятнадцатый Век», кн. I, М. 1872, стр. 385, 396; «Русск. Стар.» 1881 г., № 8, стр. 600, 614, и Сочинения Пушкина, под ред. С. А. Венгерова, т. IV, стр. XXXVI).

— Тюфли — владение А. Д. Балашева, которое предполагал приобрести у него П. В. Нащокин в январе 1832 г. для устройства в нем мельницы с целью извлечения доходов. В этом деле ему много помогал Пушкин, сносившийся с самим Балашевым (об этом см. в работе Б. Л. Модзалевского в «Сборнике Пушкинского Дома на 1923 год», стр. 12—18 и выше, в примечаниях к письму № 489, стр. 471—473).

— Записки Нащокина — о них см. выше, в примечаниях к письму № 515, стр. 550—551.

— Кружусь в свете... Жена моя в большой моде — Пушкин с женой в это время (на масленице) часто бывал на балах и маскарадах. Так, известно, что они присутствовали 8 февраля на балу-маскараде у министра имп.

двора кн. П. М. Волконского; кн. П. А. Вяземский, сам присутствовавший на нем, заметил в письме к А. Я. Булгакову 9 февраля: «Хороша очень была Пушкина — поэтша, но сама по себе, не в кадрилях, по причине, что Пушкин задал ей стишок свой, который с помощию божией не пропадет также для потомства» [намек на беременность Н. Н. Пушкиной] (см. П. И. Бартенев, «Пушкин», кн. II, М. 1885, стр. 54; описание бала см. в письме К. Я. Булгакова к брату в «Русском Архиве» 1904, кн. I, стр. 246—247; в дневнике П. Г. Дивова в «Русской Старине» 1900, № 4, стр. 129). О «рассеянном» образе жизни Пушкина 8 февраля писал Н. В. Гоголь А. С. Данилевскому: «Пушкина нигде не встретишь, как только на балах. Так он протранжирит всю жизнь свою, если только какой нибудь случай, и более необходимость, не затащут его в деревню» («Письма Гоголя», ред. В. И. Шенрока, т. I, стр. 241). Почти подобную же (более резкую) характеристику Пушкина дает и П. А. Плетнев в письме к В. А. Жуковскому 17 февраля 1833 г.: «Вы теперь в праве презирать таких лентяев, как Пушкин, который ничего не делает, как только утром перебирает в гадком сундуке своем старые к себе письма, а вечером возит жену свою по балам, не столько для ее потехи, сколько для собственной» («Русск. Арх.» 1875 г., кн. II, стр. 466, и Сочинения и переписка П. А. Плетнева, т. III, С.-Пб. 1885, стр. 524).

— План Пушкина о дальнейшей деятельности в течение года был осуществлен не совсем так, как он предполагал. Вместо отправления жены в Калужское имение Гончаровых — Полотняный Завод — в Медынском уезде, Пушкин поехал сперва в Ярополец, другое имение Гончаровых, Волоколамского уезда, Московской губ., а затем действительно был в Нижнем-Новгороде и других приволжских городах, и в Оренбургской губернии; в Астрахани Пушкин не был. Н. Н. Пушкина оставалась все лето в Петербурге, где жила на даче Миллера, на Черной речке (об этом см. ниже в примечаниях к письму № 529).

— Сестры Н. Н. Пушкиной — Александра Николаевна и Екатерина Николаевна, в самом начале 1837 г. вышедшая замуж за будущего убийцу Пушкина Ж. Дантеса-Геккерена.

— Путешествие свое Пушкин совершил преимущественно с целью собирания материалов об Е. И. Пугачеве (об этом см. ниже в примечаниях к письмам Пушкина к жене).

520. *Графу А. И. Чернышеву* 27 февраля 1833 г. (стр. 87—88). Напечатано впервые в изд.: «Výstava „Puškin a jeho doba“. Knižni část Puškiniana. Katalog dèla Puškinova a praci o něm sestaven úředniky knihoven musejnì a Slovonské. V Prazè», 1932, стр. 12, по оригиналу, принадлежащему Маргарите Болеславовне Сустер в Праге; подлинник, оставшийся нам недоступным, писан чернилами на белой (пожелтевшей) бумаге большого формата с вытесненным клеймом Петергофской бумажной фабрики; лист размером 20 × 25 сантиметров, был сложен вчетверо. Текст письма перепечатан Н. С. Ашукиным в его статье «Новые автографы Пушкина», в «Звеньях», в. 2, 1933, стр. 224—225. Мы печатаем по тексту Пражской выставки и вводим письмо в собрание писем Пушкина впервые.

520—521 Письмо Пушкина является ответом на письмо гр. А. И. Чернышева от 25 февраля, приведенное нами выше, стр. 560—561 в примечаниях к письму № 518.

— Пушкин благодарит А. И. Чернышева за присланные им три книги архивных материалов, заключающие в себе сведения, касающиеся деятельности гр. А. В. Суворова-Рымникского (см. в примечаниях к письму, №№ 518 и 522).

— Пушкин обещал в точности исполнить приказание Чернышева, то есть по миновании надобности в материале возвратить их по принадлежности, что и выполнял «по мере прочитывания», как в 1837 г. свидетельствовал гр. К. В. Нессельроде («Дела III Отделения... о Пушкине», стр. 199).

521. *М. П. Погодину*, 5 марта [1833 г.] (стр. 88—89). Напечатано впервые в «Москвитянине» 1842 г., ч. V, № 10, стр. 467—468, в отрывке приведено у П. В. Анненкова в «Материалах», С.-Пб. 1855, стр. 304; вошло в издания Сочинений Пушкина: под ред. П. А. Ефремова, т. VII, М. 1882, стр. 312; под ред. П. О. Морозова, т. VII, С.Пб. 1887, стр. 314—315; под ред. П. А. Ефремова, изд. А. С. Суворина, т. VII, С.-Пб. 1903, стр. 484—485, и другие издания, а также в Переписку Пушкина, т. III, стр. 11—12. Подлинник, на листе почтовой бумаги большого формата, без водяных знаков с клеймом Петергофской бумажной фабрики — в Публичной Библиотеке СССР имени В. И. Ленина в Москве (архив Погодина, № 3520, письма 1833—1835 гг., кн. 6, лл. 34 и 35); письмо сложено конвертом и запечатано перстнем-талисманом.

М. П. Погодин отвечал Пушкину пространным письмом, от 29 марта, которое мы и приводим здесь почти полностью (за исключением места, касающегося трагедии Погодина «Петр I», цитированного выше в примечаниях к письму № 434, стр. 323): «Рад без памяти и благодарю без ума. Но зачем вы зовете меня в Петербург? Мне довольно Москвы и на долго. Оставаясь в Университете (где я избран ордин. профессором Истории), я начну разбирать иностранный архив, в Петербург буду наезжать по мере надобности. Главное, исходатайствуйте скорее право-дубинку над архивом, чтоб я мог брать, читать, переписывать, извлекать... вволю, до сыта, до отвала. Важные секреты чай в Петербурге. Но какие же секреты для Истории? Ведь это смешно. Ну пусть отпоют меня, ну пусть отрежут язык на столько линий, сколько угодно! Позволение мне и предписание местным властям должно быть написано убедительно и обстоятельно. Напр. я приду к Малиновскому с писцом. с студентом, он пустит: «позволено вам, а не etc. »... Все предусмотреть и предупредить: дело с человеком 72 лет, архивом par excellence, прототипом архива, который думает, что архив, следовательно и он, тогда только важен, пока неизвестен. Вот еслиб Булгаков был там, с тем затруднений не было б. Вы пишете, что я буду печатать все и для себя; но на чей счет? — По моему вот как бы это устроить: «Для издания таких-то материалов учреждается Комиссия. Членами сей Комиссии Всемилостивейше повелено быть такому то с жалованьем.. такому то с жалованьем. На печатание, по мере изготовления, по сметам, имеет отпускаться сумма из Кабинета или.. Члены имеют право etc.»... — О своем жалованье я не говорю. Пусть назначат

что́ угодно. Я не имею теперь такой нужды, как прежде, и скажу с солдатами: рад стараться на память о батюшке нашем Петре Алексеевиче.— Мое дело, повторю для ясности, разбирать, приготовлять к печати, издавать.— Поздравляю с праздником. А как зовут вашу оду, и что вы написали в прошедшем году? Ваш М. Погодин ⟨.....⟩ Да, я и забыл: меня смешивали с Полевым!! Господи, боже мой Ждал ли кто такой напраслины? Да кто же ругал и обличал этого... больше моего? И я за это страдал!—Я начал писать в сценах нашу историю от Бориса до Романовых. Бориса кончил давно. Теперь за Самозванцем» (Переписка Пушкина, т. III, стр. 17—18). В своем дневнике Погодин отметил под 11 марта о получении письма Пушкина: «Письмо Пушкина об Петре.—Пошли удачи.—Пушкину хочется свалить с себя дело. Пожалуй мы поработаем», а под 31 марта отметил отправку своего ответа Пушкину от 29 марта (см. М. А. Цявловский, «Пушкин по документам Погодинского архива» в сб. «Пушкин и его соврем»., вып. XXIII—XXIV, стр. 119). Из переписки Пушкина и Погодина за это время до нас не дошло письмо Погодина от 1 августа 1832 г., о котором он отметил в своем дневнике (там же); другое его письмо от 12 апреля 1833 г., касающееся просьбы о Ю. И. Венелине, напечатано в Переписке Пушкина, т. III, стр. 20—21 Ответ на него Пушкина неизвестен.

— Государь—Николай I. Масленица в 1833 г. была между 5 и 12 февраля. В этот период времени, очевидно на одном из балов, и состоялся разговор с ним Пушкина о привлечении М. П. Погодина в сотрудники для работы над историей Петра I, а 20 февраля Н. В. Гоголь сообщал уже (раньше Пушкина) Погодину: «Пушкин недавно говорил о тебе с Государем на счет Петра и желания твоего трудиться вместе с ним. Государь наперед желал узнать о трудах твоих, и когда ему вычислили длинный ранг твоих изданий, то он тотчас согласился, и Пушкин говорит, что ты можешь, живя здесь или в Москве, издавать все выкапываемое в архивах и брать за это деньги. Как же велико будет твое жалованье, это ему еще неизвестно» («Русск. Арх.» 1872 г., кн. II, ст. 2371, и Письма Н. В. Гоголя, под ред. В. И. Шенрока, т. I, ст. 245). Несмотря на то, что Погодин был согласен работать совместно с Пушкиным, участие его в этом ограничилось лишь перепиской по этому вопросу (см. Н. П. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. IV, стр. 159—161 «Русск. Арх.» 1882 г., кн. III, стр. 192—193).

— О работе Пушкина над историей Петра I см. выше в примечаниях к письму № 442; впоследствии, в 1837 г., М. П. Погодин очень интересовался материалами о Петре I, собранными Пушкиным: «Христа ради, чтоб все Пушкина,—писал он кн. П. А. Вяземскому 29 апреля,— важное и неважное, было цело. На вас лежит святая обязанность. Что будет с его выписками о Петре? Почему их не напечатать, как они есть. И все его мелочи, начатки, отрывки, прозаические и стихотворные, с Nachlass, как то издается у немцев. Вы меня извините, что я пишу о том, что вы вдесятеро лучше знаете и сами желаете, верно, но как то не удержишься» («Старина и Новизна», кн. IV, стр. 34).

— Полевой—Николай Алексеевич—в 1836 г. он пожелал сам писать историю Петра I, обратившись за разрешением к Николаю I через гр.

№ 521 А. Х. Бенкендорфа, несмотря на то, что не закончил обещанной «Истории русского народа». Бенкендорф в ответном письме Полевому 25 января 1836 г. указал на то, что историю Петра I пишет Пушкин, и что Николай I «равномерно изволит находить неудобным, чтобы два лица, посвятившие труды свои одному и тому же предмету, почерпали необходимые для себя сведения из одного и того же источника» (см. «Русск. Арх.» 1905 г., кн. III, стр. 208—209, и «Русск. Стар.» 1897 г., № 11, стр. 385). Пушкин, вероятно, ничего не знал об этих попытках Н. А. Полевого стать на его дороге исторических изысканий о Петре I, в то время как слух о новой исторической работе Полевого распространился по Москве: так И. М. Снегирев в неизданном письме к И. Н. Лобойку 16 марта 1836 г. из Москвы писал: «Н. Полевому государь, столь благодетельный, позволил писать под августейшим его покровительством *Историю Петра I.* И так, теперь три историографа Петра I: Пушкин, П. Свиньин (своекоштный) и Полевой. Всякой из них представит особенное, рассматривая сего героя с разных сторон» (Архив Акад. Наук СССР). Сам Полевой в это время (10 марта 1833 г.) так отозвался о Пушкине: «Для чего Пушкин так фигурит, чтобы сказать вздор?» (письмо к В. К. Карлгофу в «Русск. Арх.» 1912 г., кн. I, стр. 419—420).

— Блудов — Дмитрий Николаевич (о нем см. в т. I, стр. 445, и выше, стр. 470) в это время был министром внутренних дел (с 12 февраля 1832 г.).

— Бенкендорф — Александр Христофорович, незадолго перед тем (8 ноября 1832 г.) именным указом Николая I получивший титул графа.

— Шлёцер — Август-Людвиг (род. 5 июля 1735 — ум. 9 сентября 1809), выдающийся историк; по приезде в Россию в 1761 г. к историографу Г.-Ф. Миллеру, вскоре был избран сперва в адъюнкты (1 июня 1762 г.), а затем в профессоры истории (3 января 1765 г.) Академии Наук; возвратился в Германию в 1769 г., где постоянно жил в Гёттингене. Шлёцер напечатал несколько русских исторических памятников, среди которых стало знаменитым его издание Летописи Нестора под заглавием: «Nestor. Russischen Annalen in ihrer slavonischen Grund-Sprache verglichen, übersetzt und erklärt», напечатанное в Гёттингене в 1802—1809 гг. (о Шлёцере см. биографию П. М. Майкова в «Русском Биографическом Словаре», т. Шебанов — Шютц, С.-Пб. 1911, стр. 339—345, где указана литература; автобиографию Шлёцера под заглавием: «Общественная и частная жизнь Августа-Людвига Шлёцера, им самим описанная» в переводе В. Кеневича в «Сборнике Отд. Русск. яз. и слов. Акад. Наук», т. XIII, 1875, и в статье Б. Л. Модзалевского «К биографии Августа-Людвига Шлёцера (неизданные его письма) в «Известиях Отд. Русск. яз. и слов. Акад. Наук» 1903 г., т. VIII, кн. I, С.-Пб. 1903, стр. 174—205). Пушкин высоко ценил исторические труды Шлёцера и ставил их себе за образец для своих исторических изысканий; о Шлёцере он упомянул в «Мыслях на дороге» а в «Замечаниях на Песнь о полку Игореве» назвал его «великим скептиком», который, «не видав еще Слова о Полку Игореве, резко назвал оное подлогом, но, прочитав, признал подлинно древнее произведение, и не почел даже за нужное приводить тому доказательства; так очевидна казалась ему истина!» (см. Сочинения Пушкина, изд. Акад. Наук, т. IX,

ч. 1, стр. 182 и 211, и ч. 2, стр. 605). Пушкин читал «Нестора» Шлёцера в переводе Д. И. Языкова;[1] перевод вышел в 1809—1819 гг. издание его сохранилось в библиотеке поэта (см. Б. Л. Модзалевский, «Библиотека Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 117); в его бумагах имеется листок с заметками при чтении этого труда Шлёцера, относящимися предположительно к 1832 г., причем Пушкина поразила в Шлёцере необыкновенная по тому времени точная передача текста при публикации документов: «Смотри чем начал Шлёцер свои критические исследования! Он переписывал летописи слово в слово, буква в букву...» и с горечью прибавил: «А наши!», намекая этим на русские издания подлинных текстов, не отличавшихся тогда подобной точностью (см. И. А. Шляпкин, «Из неизданных бумаг Пушкина», С.-Пб. 1903, стр. 59—61, и Сочинения Пушкина, изд. «Красной Нивы», вып. 11, стр. 474). А. И. Тургенев позже свидетельствовал в письме к брату от 13 декабря 1836 г., говоря о занятиях Пушкина «Словом о полку Игореве», что «он хочет сделать критическое издание сей песни в роде Шлецерова Нестора...» (П. Е. Щеголев, «Дуэль и смерть Пушкина», изд. 3, Лгр. 1928, стр. 278). 521—522

— Ломоносов — Михаил Васильевич (род. 8 ноября 1711 — ум. 4 апреля 1765), знаменитый ученый и поэт. Отзывы Пушкина о Ломоносове противоречивы: он считал его «великим человеком», но в то же время находил, что в нем «нет ни чувства, ни воображения. Оды его, писанные по образцу тогдашних немецких стихотворцев, давно уже забытых в самой Германии, утомительны и надуты. Его влияние на словесность было вредно и до сих пор в ней отзывается...» и т. д. (см. главу «Ломоносов» в «Мыслях на дороге»). Об отношениях Пушкина к Ломоносову см. также в тт. I и II по указателю, в Соч. Пушкина, изд. «Красной Нивы», кн. 12, стр. 224—225 (статья Г. А. Гуковского); в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. XXIII—XXIV, стр. 6—8, и вып. XXXVIII—XXXIX, стр. 113—121, в статье Б. И. Коплана, где указана литература, и в Сочинениях Пушкина, изд. Акад. Наук, т. IX, ч. 2, по указателю в комментариях Н. К. Козмина.

— Официального письма М. П. Погодин к Пушкину, повидимому, не написал, — оно неизвестно. В Петербург М. П. Погодин не поехал, что видно из его ответного письма, так как он только что был избран ординарным профессором русской истории Московского Университета (см. Н. Барсуков, «Жизнь и Труды Погодина», кн. IV, стр. 133—135).

522. *Графу А. И. Чернышеву*, 8 марта 1833 г. (стр. 89). Напечатано впервые Я. К. Гротом в «Русск. Вестн.» 1862 г., т. XLII, № 12, стр. 640—641, в статье его «Приготовительные занятия Пушкина для исторических трудов» (перепечатана в «Трудах Я. К. Грота», т. III, С.-Пб. 1901, стр. 120); вошло в издания Сочинений Пушкина, начиная с изд. под ред. П. А. Ефремова, т. VII, М. 1882, стр. 407—408, и вновь по подлиннику напечатано в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. III, стр. 13—14; подлинник, на листе почтовой бумаги большого формата, без водяных знаков, был в Библиотеке Академии Наук СССР, ныне в ИРЛИ (Пушкинском Доме) в «Деле о доставлении Пушкину из архива Военного Министерства

[1] См. в письме Пушкина И. И. Дмитриеву 26 апреля 1835 г. (Переписка Пушкина, т. III, стр. 196).

№ 522 рукописей для составления «Истории Пугачевского бунта» 1833—1836» (см. описание дела у В. И. Срезневского в изд. «Сведения о рукописях, печатн. изд. и др. предметах, поступ. в Рукописн. Отд. Библиотеки Акад. Наук в 1903 г.», С.-Пб. 1904, стр. 71—72 (№ 81), и в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. II, стр. 10—11, № 7).

Пушкин отвечает этим письмом на официальное отношение гр. А. И. Чернышева от 8 марта за № 2155, следующего содержания: «Военный Министр, препровождая при сем к Александру Сергеевичу Пушкину доставленные ему из Московского отделения Инспекторского Архива донесения Графа Суворова-Рымникского во время кампании 1794, 1799 и частию 1800 годов и книгу за № 532, в коей заключаются реляции сего Генерала двух последних годов, честь имеет уведомить, что приказов Суворова к войскам и следственного дела о Пугачеве в Архиве том не находится. Военный министр покорнейше просит Александра Сергеевича, по миновании надобности в означенных донесениях и реляциях, возвратить ему оные» (В. Я. Брюсов, «Письма Пушкина и к Пушкину», М. 1903, стр. 71; Переписка Пушкина, т. III, стр. 12—13).

— Генерал-Аншеф Бибиков — Александр Ильич (род. 1729 — ум. 1774), неоднократно упоминается в «Истории Пугачевского бунта».

— Князь Голицын — Петр Михайлович (род. 1738 — ум. 1775), генерал-майор, также много раз упоминается в «Истории Пугачевского бунта».

— Михельсон — Иван Иванович — подполковник, затем генерал-от-кавалерии (род. 1740 — ум. 1805), главный деятель в подавлении восстания Е. И. Пугачева, разбивший его войска.

— Суворов — Александр Васильевич, граф Суворов-Рымникский, князь Италийский (род. 1730 — ум. 1800 г.), генералиссимус российских войск.

— Исполняя просьбу Пушкина, гр. А. И. Чернышев вскоре препроводил ему восемь книг, заключавших в себе рапорты А. И. Бибикова, кн. П. М. Голицына и гр. А. В. Суворова, при следующем письме от 29 марта 1833 г., за № 2910, сохранившемся в канцелярском отпуске за скрепою секретаря М. Д. Деларю: «Военный Министр имеет честь препроводить при сем к Александру Сергеевичу Пушкину восемь книг, заключающих в себе рапорты Генерал-Аншефа Бибикова, князя Голицына и Графа Суворова Рымникского, присовокупляя, что рапортов Генерала Михельсона в делах Военного Министерства не имеется. — По миновании надобности покорнейше просит доставить обратно» (Переписка Пушкина, т. III, стр. 16). Ответ Пушкина на это письмо неизвестен. Материалы, взятые из архива для работы, Пушкин возвратил в ноябре 1835 г. (см. его письмо к П. А. Клейнмихелю от 19 ноября 1835 г. и письмо Клейнмихеля к Пушкину от 24 сентября 1835 г. в Переписке Пушкина, т. III, стр. 231 и 250—251). Из подлинного дела Инспекторского департамента Главного Штаба, о котором говорилось выше (стр. 558), видно, что Пушкин пользовался следующими делами (ведомость, приложенная к делу, от 20 ноября 1835 г.): «Разные секретные бумаги и собственноручные манифесты Пугачева в двух книгах; рапорты генералов Бибикова, князя Голицына и Графа Суворова-Рымникского 1774 года, в восьми книгах; письма и донесения Графа Суворова-Рымникского 1789, 1790 и 1791 годов, в одной книге; донесения гр. Суворова-Рымникского во время кампании

1794, 1799 и частью 1800 годов при особой оным описи и книга за № 532[м], в коей заключаются реляции сего генерала двух последних годов [в одной книге]» (подлинное дело — в Пушкинском Доме). 522—524

523. *Н. И. Гончаровой* [1831 — июль, первая половина августа 1833] (стр. 90). Напечатано впервые, с неверной датировкой, И. А. Шляпкиным в его книге «Из неизданных бумаг А. С. Пушкина», С.-Пб. 1903, стр. 83—84, где (между стр. 84 и 85) приложено и facsimile; на наброске начала этого письма находится черновик письма Е. Шишковой к гр. С. С. Уварову, составленный и писанный Пушкиным в июле — августе 1833 г.; вошло с датой 1831—1833 в изд. Сочинений Пушкина под ред. С. А. Венгерова, т. VI, стр. 604; в Акад. изд. Переписки Пушкина пропущено, вероятно, по неосновательным мотивам П. Е. Щеголева в «Известиях Отд. Русск. яз. и слов. Акад. Наук» 1903 г., т. VIII, кн. 4, стр. 379; перепечатано у М. А. Цявловского, «Письма Пушкина и к Пушкину», М. 1925, стр. 20; о датировке письма см. соображения в книге «Рукою Пушкина», стр. 823. Текст письма был уже сверстан, поэтому мы не имели возможности передвинуть письмо на свое место; удалось лишь исправить дату, которая первоначально неправильно была проставлена: «до 20 марта». Подлинник на полулисте почтовой бумаги большого формата с водяными знаками: орнаментальная рамка и год — 1830, в ИРЛИ (Пушкинском Доме) в собрании И. А. Шляпкина.

— О Наталии Ивановне Гончаровой — теще Пушкина см. в т. II, стр. 408—409, 464, 490 и др. по указателю, и выше, стр. 167, 225—226, 310, 397 и 449, а также в новейшей работе М. А. Цявловского «Пушкин и Н. И. Гончарова» в сб. «Ярополец», изд. Общества изучения Московской области, М. 1930, стр. 5—16.

— Письмо Н. И. Гончаровой, на которое Пушкин начал писать ответ неизвестно.

524. *Князю В. Ф. Одоевскому* [28 марта 1833 г.] (стр. 90). Напечатано впервые В. И. Саитовым в Переписке Пушкина, т. III, стр. 16 (см. «Русск. Стар.» 1912 г., № 5, 1-я обложка); вошло в изд. Сочинений Пушкина, под ред. С. А. Венгерова, т. VI, стр. 102; подлинник — на согнутом вдвое листе бумаги большого почтового формата, без водяных знаков, с клеймом Петергофской бумажной фабрики, — в Госуд. Публ. Библиотеке в Ленинграде (архив кн. Одоевского, 1869 г.); письмо сложено конвертом и запечатано неразборчивою сургучную печатью (см. Л. Б. Модзалевский, «Рукописи Пушкина в собрании Государственной Публичной Библиотеки в Ленинграде», Лгр. 1929, стр. 36—37 (№ 89).

Этим письмом начинается переписка Пушкина с Одоевским, продолжавшаяся до конца жизни Пушкина.

Князь Владимир Федорович Одоевский (род. 30 июля 1803 — ум. 27 февраля 1869), писатель, ученый, музыкант, философ, журналист и литературный критик, в это время служил в Комитете Цензуры иностранной и в то же время состоял столоначальником в департаменте духовных дел иностранных исповеданий, а в 1834 г. — еще членом Общего присутствия департамента государственного хозяйства; в это же время Одоевский напечатал свои «Пестрые сказки с красным словцом, собранные Иринеем Модестовичем Гомозейкою магистром философии и членом

№ 524 разных ученых обществ, изданные Бесгласным», С.-Пб. 1833, о которых сохранился отзыв Пушкина в рассказе гр. В. А. Соллогуба в его «Воспоминаниях» (изд. «Academia», под ред. С. П. Шестерикова, Лгр. 1931, стр. 567—568; см. также стр. 307—308). (Об Одоевском см. в исследовании акад. П. Н. Сакулина «Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель», изд. М. и С. Сабашниковых, М. 1913, т. I, ч. 1 и т. I, ч. 2.) Взаимоотношения Пушкина и Одоевского рассматривались несколько раз; сводка биографических и литературных данных об их знакомстве имеется в следующих изданиях: в названном труде П. Н. Сакулина, т. I, ч. 2, стр. 321 и следующие; в статье Н. В. Измайлова «Пушкин и кн. В. Ф. Одоевский» в сб. статей «Пушкин в мировой литературе», Лгр. 1926, стр. 289—308 и 394—399; П. Е. Щеголев, «Дуэль и смерть Пушкина», изд. 3, Лгр. 1928, стр. 506; «Дневник Пушкина», под ред. Б. Л. Модзалевского, П. 1923, стр. 96—98; московское издание «Дневника», 1923, стр. 275—282; в статье Н. В. Измайлова «К вопросу об участии В. Ф. Одоевского в посмертном Современнике» в сб. статей «Памяти П. Н. Сакулина», М. 1931, стр. 83—89, в книге П. И. Бартенева «Пушкин», вып. II, М. 1885, стр. 111—125, и других источниках, цитированных в названных работах.

Отрывки из своей переписки с Пушкиным Одоевский напечатал по просьбе П. И. Бартенева в «Русск. Арх.» (1864 г., ст. 994, 1004—1024). Письма Пушкина Одоевский отыскал у себя в 1861 г., о чем писал между прочим С. И. Лапшину (2 сентября 1861 г.): «Нашел у себя вещи преинтересные, о коих чуть было не забыл: мою переписку с Пушкиным, его письма...» («Русск. Стар.» 1892 г., № 4, стр. 136).

Пушкин отвечает на следующее письмо Одоевского от 27 марта 1833 г.: «Не угодно ли вам будет, Александр Сергеевич, выслушать Шекспирова Венецианского купца, переведенного г. Якимовым, который собирается перевести всего Шекспира? Завтра между 8 и 9 часов после обеда Яким будет читать свой перевод у меня, и вы много и его, и меня порадуете, если захотите быть в числе слушателей. Я пригласил и кн. Петра Андреевича [Вяземского]. Вас душевно уважающий кн. Влад. Одоевской» («Русск. Арх.» 1864 г., ст. 1004—1005; Переписка Пушкина, т. III, стр. 15).

— Одоевский жил в это время в Мошковом переулке, в доме гофмаршала Ланского. По свидетельству В. В. Ленца, посещавшего дом Одоевского, женатого на дочери С. С. Ланского — Ольге Степановне (род. 1797 — ум. 1872): «В 1833 г. князь Владимир Одоевский, уже известный писатель, принимал у себя каждую субботу после театра. Притти к нему прежде 11 часов было рано. Он занимал в Мошковом переулке (на углу Большой Миллионной) скромный флигелек, но тем не менее у него все было на большую ногу, все внушительно. Общество проводило вечер в двух маленьких комнатках и только к концу переходило в верхний этаж, в львиную пещеру, то есть в пространную библиотеку князя. Княгиня, величественно восседая перед большим серебряным самоваром, сама разливала чай, тогда как в других домах его разносили лакеи совсем уже готовый. Ее называли la belle Créole [прекрасная креолка], так как она цветом лица похожа была на креолку и некогда славилась красотою. Она была сестра сенатора Ланского, бывшего впоследствии министром.

У Одоевского часто бывали Пушкин, Жуковский, поэт князь Вяземский, драматург князь [А. А.] Шаховской, в насмешку называвшийся le père de la comédie [отец комедии], далее Замятин (будущий министр юстиции), Блудов, молодые члены французского посольства. Из дам особенно обращали на себя внимание красавица Замятина, графиня Лаваль старая и страшно безобразная, и нетерпящая света княгиня Голицына, Princesse Nocturne [ночная княгиня]...»; Одоевских посещала и Н. Н. Пушкина; тот же В. В. Ленц рассказывает, что «однажды вечером, в ноябре 1833 г.» «вдруг — никогда этого не забуду — входит дама, стройная как пальма, в платье из черного атласа, доходящем до горла (в то время был придворный траур). Это была жена Пушкина, первая красавица того времени. Такого роста, такой осанки я никогда не видывал — incessu dea patebat [когда она появилась, то казалось, что видишь богиню]. Благородные, античные черты ее лица напоминали мне Евтерпу Луврского Музея, с которой я хорошо был знаком. Князь Григорий [Волконский], подошед ко мне, шепнул на ухо: „не годится слишком на нее засматриваться...“». В следующие годы посещал Одоевских и будущий убийца Пушкина Дантес, о котором В. В. Ленц отозвался как о «воплощенной спеси» (см. «Русск. Арх.» 1878 г., кн. I, стр. 440—442; ср. в книге А. Яцевича «Пушкинский Петербург», вып. I, Лгр. 1931, стр. 130—134). Другой посетитель дома Одоевских, гр. В. А. Соллогуб, говоря об Одоевском, пишет: «Я сблизился с ним в тридцатых годах, когда он жил в Мошковом переулке, где занимал флигель в доме своего тестя, С. С. Ланского; квартира его, как всегда была скромная, но уже украшалась замечательной библиотекою, постоянно им дополнявшейся до дня кончины. В этом безмятежном святилище знания, мысли, согласия, радушия сходился по субботам весь цвет петербургского населения. Государственные сановники, просвещенные дипломаты, археологи, артисты, писатели, журналисты, путешественники, молодые люди, светские образованные красавицы встречались тут без удивления и всем этим представителям столь разнородных понятий было хорошо и ловко; все смотрели друг на друга приветливо, все забывали, что за чертой этого дома жизнь идет совсем другим порядком. Я видел тут, как андреевский кавалер беседовал с ученым, одетым в гороховый сюртук; я видел тут измученного Пушкина во время его кровавой драмы — я всех их тут видел, наших незабвенных, братствующих поэтов и мыслителей...» (сб. «В память о кн. В. Ф. Одоевском», М. 1869, стр. 96—97; статья Соллогуба перепечатана из газеты «Голос» 1869 г., № 72, цитирую по примечанию С. П. Шестерикова к «Воспоминаниям гр. В. А. Соллогуба», изд. «Academia», Лгр. 1931, стр. 307—308). М. П. Погодин свидетельствует также, что у Одоевских «сходились веселый Пушкин и отец Иакинф [Бичурин] с китайскими, сузившимися глазками, толстый путешественник, тяжелый немец — барон [П. Л.] Шиллинг [фон-Канштадт], воротившийся из Сибири» и многие другие (тот же сборник «В память о кн. В. Ф. Одоевском», М. 1869, стр. 56 и др.; сводку высказываний о салоне кн. В. Ф. Одоевского см. в книге М. Аронсона и С. Рейсера «Литературные кружки и салоны», Л. 1929, стр. 171—182). № 524

— Якимов — Василий Алексеевич (род. 1802 — ум. 1853), ординарный профессор Харьковского Университета по кафедре русского языка и

№ 524 словесности. По окончании курса в белгородской семинарии Якимов поступил в 1823 г. студентом Харьковского Университета на словесный факультет, который и окончил в 1826 г. со степенью кандидата; в 1827 г. он был определен учителем словесности в Харьковский Институт благородных девиц, а с 1831 г. ему было поручено преподавание в университете русской словесности; в 1832 г., получив в Петербургском Университете степень магистра русской словесности,[1] Якимов был утвержден адъюнктом по этому предмету в Харьковском Университете; по защите в 1838 г. докторской диссертации «О красноречии в России до Ломоносова», он в следующем году получил звание сперва экстраординарного, а затем ординарного профессора; в 1852 г. он вышел в отставку и через год умер. Как профессор Якимов не пользовался успехом; знавший его М. Ф. де-Пуле говорит, что Якимов «остановился на тогдашнем миросозерцании» «и не пошел далее; с тогдашними воззрениями на литературу он и остался. Он писал для актов торжественные речи; был убежден в необходимости писать такие же стихотворения и даже песнопения; требовал от студентов того же; хотел чтобы они изучали «Россиаду»; но, к счастью, требовал и хотел он всего этого как-то сонно и апатично. Якимов читал студентам эстетику, довольно сносно и историю русской литературы совсем уже плохо». Другой современник, Н. сообщает, что «Якимов не оправдал надежд, которыми встретили его при вступлении на университетскую кафедру. Первоначальное воспитание его в семинарии наложило на него неизгладимый тип своеобразных воззрений на жизнь и науку. Он разлюбил новейшую литературу и даже таких поэтов, как Жуковский и Пушкин, которых прежде сам был поклонником. Лекции Якимова по истории русской литературы не шли далее Карамзина, и всего более и с наибольшими подробностями останавливался он на произведениях допетровского периода... В последнее время своей жизни Якимов приобрел в Харькове дом и открыл коммерческое училище для детей купцов. Педагогическая деятельность Якимова, при его не совсем трезвой жизни, еще более отвлекала его от ученых профессорских занятий». В. А. Якимов известен, главным образом, как первый переводчик Шекспира на русский язык прозою. М. И. Сухомлинов передает, что он «с настойчивым упорным трудом изучал Шекспира и решился перевести его на русский язык с буквальной точностью, сохраняя все особенности слога и способа выражения подлинника, удерживая все частицы и т. п. — задача решительно невозможная. Перевод вышел во многих местах неуклюжим, и переводчик не достиг своей цели усвоить русской литературе произведения знаменитого английского драматурга. Тем не менее самая мысль избрать для перевода такого писателя, как Шекспир, заслуживает внимания. Нельзя также не отдать справедливости трудолюбию Якимова, который, несмотря на крайне неблагоприятные условия своего воспи-

---

[1] За «рассуждение», напечатанное в 1833 г. под заглавием: «О духе, в коем развивалась российская литература со времени Ломоносова, и влиянии, какое имели на сие развитие литературы иностранные. Рассуждение, написанное для получения степени магистра словесных наук, Василием Якимовым», СПб., в тип. департ. нар. просв. 1833 (см. на нее рецензию в «Молве» 20 июля 1833 г., № 86, стр. 341—344).

тания и жизненной обстановки в годы молодости, основательно изучил несколько иностранных языков...»; О переводах Якимова еще резче отзывается Н. И. Костомаров в своей автобиографии («Литературное Наследие», СПб. 1890, стр. 20): «В нашем историко-филологическом факультете русская словесность была в руках некоего Якимова. Он в свое время прославился бездарнейшим переводом Шекспира, из которого студенты приводили места в пример бессмыслицы» (ср. там же, стр. 45). В рецензиях на переводы Якимова в «Молве» также отмечалась излишняя буквальность переводов, затруднившая и переводчика и читателей и в то же время не передающая «духа» Шекспира. Рецензент считал переводы более, чем неудачными: «они не ознакомят русских читателей с британским поэтом, а возбудят в них отвращение к Шекспиру. Их невозможно дочитать» (15 августа 1833 г., № 97, стр. 385—387). Из Шекспира В. А. Якимов издал следующие переводы: «Король Лир. Трагедия в пяти действиях, Сочинение Шекспира. Перевел с английского Василий Якимов», СПб. 1833, в типографии Х. Гинце (первое действие «Короля Лира» напечатано было отдельно в Харькове, 1831 г. и в «Московском Телеграфе» 1832 г., № 5, стр. 19—79) и «Венецианский купец. Драма в пяти действиях. Соч Шекспира. Перевел с английского Василий Якимов», СПб., в типографии Х. Гинце, 1833. В рукописи остались переводы «Отелло», «Сон в летнюю ночь»; и «Цимбелин». (О Якимове подробнее см. биографии в «Русском Биографическом Словаре», т. Яблоновский—Фомин, С.-Пб. 1913, стр. 51—52, где он ошибочно назван Василием Яковлевичем и в издании «Историко-филологический факультет Харьковского Университета за первые сто лет его существования (1805—1905)», под ред. М. Г. Халанского и Д. И. Багалея. Харьков 1908, стр. 72—76; Собр. Соч. Шекспира, под ред. С. А. Венгерова, изд. Брокгауза-Ефрона, т. V, С.-Пб. 1904, стр. 559, 573, 578 и 587, где указаны рецензии на переводы Якимова). № 524

— В начале марта 1832 г. В. А. Якимов, проездом в Петербург, посетил Москву; в это время он переводил «Короля Лира»; узнав об этом М. П. Погодин отметил в своем дневнике: «Вот как зашевелилось»; очевидно Якимов познакомился здесь с Погодиным, который и записал 18 января свой с ним разговор (Н. П. Барсуков, «Жизнь и труды Погодина», кн. IV, С.-Пб. 1891, стр. 123). Вскоре в «Молве», вероятно не без содействия Погодина, было напечатано следующее известие: «*Г. Екимов*, Адъюнкт Харьковского Университета, перевел из Шекспира, совершенно близко к подлиннику, известного *Лира* (им же переведена с Английского Арабская грамматика Джонеса [осталась в рукописи], над которым давно трудился и Г. Ознобишин» (1 марта 1832, № 18, стр. 71). При отъезде в Петербург Погодин снабдил Якимова рекомендательным письмом к А. В. Веневитинову, который вскоре писал Погодину: «Благодарю тебя за доставление мне знакомства с Якимовым. Я его познакомил с Одоевским и на днях мы с ним вместе поедем к Пушкину. Между тем он временем своим воспользовался — и с тех пор как в Петербурге гораздо более в нем увидел нежели мы, постоянные жители столицы. Но я ли виноват, что у меня все под рукою, тогда как он должен из Харькова приехать, чтобы все любопытное здесь заметить» (Н. П. Барсуков, op. cit., кн. IV, стр. 123—124). Таким образом, вероятно, в марте 1832 г. В. А. Якимов был

524—525 представлен Пушкину и преподнес ему свою только что напечатанную брошюру: «Дар слова. Сочинение Василия Якимова», С.-Пб. 1832, 8°, 29 стр., со следующею надписью: «Александру Сергеевичу Пушкину от сочинителя. С.П.Б. Марта 20-го, 1832 года» (Б. Л. Модзалевский, «Библиотека Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 119). Это была речь в стихах, произнесенная Якимовым в торжественном заседании Харьковского Университета в 1831 г., о которой М. И. Сухомлинов заметил: «странным может показаться, что такие вирши не только читались с университетской кафедры, но что они были выслушаны с большим удовольствием и оказалась потребность напечатать их. Таковы были литературные вкусы...» («Историко-филологический факультет Харьковского Университета». X. 1908, стр. 75—76). Наконец, в начале 1833 г. когда переводы «Короля Лира» и «Венецианского купца» были закончены, В. А. Якимов решил прочитать их перед квалифицированной аудиторией. 20 января 1833 г. он читал «Венецианского купца» у А. В. Никитенка («Записки и дневник», т. I, С.-Пб. 1905, стр. 227—228). Вторично чтение Якимовым «Венецианского купца», как видно из письма кн. В. Ф. Одоевского Пушкину, приведенного нами выше, назначено было у Одоевского 28 марта 1833 г. и, вероятно, состоялось, но в отсутствии Пушкина. Надо думать, что не «подьяческие разговоры» помешали ему быть на чтении, а нежелание тратить свое время на выслушивание перевода Якимова, произведения которого вроде «Дара слова» Пушкину были хорошо известны с отрицательной стороны и от переводов которого он не ждал ничего положительного.

525. *А. П. Ермолову* [первая половина апреля 1833 г.] (стр. 90—91). Напечатано впервые, с датой 1833 г., И. А. Шляпкиным в его книге: «Из неизданных бумаг Пушкина», С.-Пб. 1903, стр. 88—89; вошло в изд. А. С. Суворина, под ред. П. А. Ефремова, т. VII, стр. 483—484 с той же датой и в изд. «Просвещения», под ред. П. О. Морозова, т. VIII, стр. 287—288; вновь по автографу напечатано в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. III, стр. 18—19, с уточненной датой; письмо датируется нами по соображениям, приведенным в комментариях к письму № 526; подлинник, писанный карандашом, теперь почти стершимся, писан на листе писчей бумаги без водяных знаков, с жандармскими пометками 1 и 8, и хранится в ИРЛИ (Пушкинском Доме) в собрании И. А. Шляпкина; на том же листе бумаги находится черновик письма к И. Т. Калашникову (№ 526).

Об адресате письма, Алексее Петровиче Ермолове, см. выше, в т. I, стр. 210 и др., и в т. II, стр. 342—343 и др., а также в новейшей работе С. М. Бонди «Новые страницы Пушкина. Стихи, проза, письма», М. 1931, стр. 136—143. А. П. Ермолов в это время находился не у дел и проживал в своем подмосковном имении Осоргине, изредка наезжая в Москву, где владел собственным домом (на Пречистенке). С 6 декабря 1831 г. Ермолов носил звание члена Государственного совета (см. А. Ермолов, «Род Ермоловых», М. 1913, стр. 48 и 50, и «Арх. кн. Воронцова», кн. 36, М. 1890, стр. 225; составленный А. С. Ермоловым «Биографический указатель сочинений, журнальных статей и заметок об А. П. Ермолове с приложением перечня его портретов» напечатан в «Русск. Библиофиле» 1911 г., № 4, прилож. 1, стр. 1—35).

Воспоминаниям крупных исторических деятелей Пушкин, как известно, придавал большое значение; известно также, что он не раз убеждал некоторых из выдающихся людей его времени начать записывать свои мемуары. Считая Ермолова «самым замечательным из наших Государственных людей» и в то же время «великим шарлатаном» (запись в дневнике 3 июня 1834 г.), Пушкин издавна интересовался опальной личностью Ермолова и в своем «Путешествии в Арзрум» отметил: «Думаю, что он пишет или хочет писать свои записки. Он недоволен историей Карамзина: он желал бы, чтобы пламенное перо изобразило переход русского народа от ничтожества к славе и могуществу...» Со времени этой записи (15 мая 1829 г.) протекло около четырех лет, но никаких записок Ермолова, живо интересовавших Пушкина, в печати не появлялось, и Пушкин решил обратиться непосредственно к Ермолову, чтобы напомнить ему о них и предложить свои услуги в качестве их издателя и в то же время получить от Ермолова разрешение быть историком его подвигов на Кавказе. Никакого ответа Ермолова на обращение Пушкина неизвестно; вероятнее всего письма к Ермолову Пушкин, почему-либо передумав, не отослал; во всяком случае сохранившийся черновик его письма свидетельствует о том значительном интересе, который имел Пушкин к личности и деятельности Ермолова (о Пушкине и Ермолове см. еще в «Дневнике» Пушкина, под ред. Б. Л. Модзалевского, П. 1923, стр. 83—84, в московском издании «Дневника», 1923, стр. 458—460, и статью Ю. Н. Тынянова о Ермолове в Полн. Собр. Соч. Пушкина, изд. «Красной Нивы», вып. 12, стр. 140). Записки А. П. Ермолова были изданы лишь в 1863 г. в Москве (В. Ермоловым) и затем переизданы Н. П. Ермоловым в 1865—1868 гг. в двух томах в «Чтениях имп. Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете».

526. *И. Т. Калашникову* [первая половина апреля 1833 г.] (стр. 91—92). Напечатано впервые И. А. Шляпкиным в его книге «Из неизданных бумаг Пушкина», С.-Пб. 1903, стр. 89. Вошло в изд. Сочинений Пушкина под ред. П. А. Ефремова, С.-Пб. 1903, т. VII, стр. 484, и в другие издания, а также в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. III, стр. 19—20 (с датой: конец марта—апрель 1833 г.). Подлинник, писанный карандашом, теперь полустершимся, на листе писчей бумаги без водяных знаков, с жандармской пометой 1 и 8, хранится в ИРЛИ (Пушкинском Доме); на другой стороне листа находится черновик письма к А. П. Ермолову (№ 525). Оба эти письма датируются нами по сопоставлению с письмом Калашникова к Пушкину от 28 марта 1833, на которое письмо Пушкина является ответом (см. ниже).

Беловое письмо Пушкина к Калашникову неизвестно. Б. Л. Модзалевский, со слов Ю. И. и Н. И. Калашниковых, сообщает, что оно хранилось у их отца, но после его смерти затерялось («Пушкин и его соврем.», вып. VI, стр. 101).

И. Т. Калашников писал Пушкину 28 марта: «Милостивый Государь, Александр Сергеевич! За все те приятные минуты в жизни, какими я наслаждался, читая Ваши превосходные творения, делающие честь делу и нашей литературе, не имея возможности заплатить тем же, я решаюсь поднести слабые труды мои, и покорнейше просить Вас, принять их, по

№ 526 крайней мере, за знак глубокого моего уважения к Вам, которое навсегда сохранится в моей душе. — Милостивый Государь ваш покорнейший слуга Иван Калашников» (публикация Ю. Г. Оксмана в «Литературном Наследстве», № 16—18, стр. 599—600).

Иван Тимофеевич Калашников (род. 22 октября 1797 — ум. 8 сентября 1863) был сыном иркутского уголовных дел стряпчего, Тимофея Петровича Калашникова (ум. 1828); по окончании курса Иркутской гимназии в 1808 г. (11 лет), И. Т. Калашников поступил на службу подканцеляристом в Иркутскую казенную экспедицию, в 1822 г. по предложению М. М. Сперанского он был назначен советником Тобольского губернского правления, а в следующем году покинул Сибирь и приехал в Петербург, где вскоре занял место столоначальника в Министерстве внутренних дел, а затем последовательно занимал должности начальника I отделения в Департаменте Уделов (1827), правителя Канцелярии медицинского департамента (1830), старшего помощника производителя дел Собств. е. и. в. Канцелярии (1836), и. д. производителя дел в V отделении той же Канцелярии (1838), директора Канцелярии Председателя Комитета Государственного Коннозаводства (1843) и, наконец, члена этого Комитета (1850). Получив в 1859 г. чин тайного советника, Калашников вышел в отставку и вскоре умер. Он был женат на Елизавете Петровне Масальской (ум. 1877), сестре писателя К. П. Масальского. И. Т. Калашников известен, главным образом, как автор пользовавшихся в свое время популярностью романов «Дочь купца Жолобова» (1831 и 1832) и «Камчадалка» (1833) из сибирской жизни, повести «Изгнанники» (1834) и других; литературную свою деятельность Калашников начал еще в бытность свою в Сибири, но тогда она имела случайный характер. После шумного успеха перечисленных романов Калашников издал в 1841 г. еще один роман в трех частях — «Автомат», но он уже не имел того успеха, как предыдущие. Занимая одновременно с должностями чиновника также должность учителя русской словесности в I Кадетском корпусе и наставника-наблюдателя в Дворянском полку, Калашников не мог уделять достаточно времени литературной работе, поэтому она вскоре почти совсем прекратилась, за исключением мелких рассказов и стихотворений, которые он печатал в разных петербургских журналах. Уже на склоне лет Калашников написал свои воспоминания, касающиеся его служебной деятельности, а во второй своей части почти целиком посвященные другу его П. А. Словцову (о Пушкине упоминаний в них нет); они напечатаны были лишь в 1905 году Б. Л. Модзалевским в «Русск. Стар.» 1905 г., № 7, стр. 187—251; № 8, стр. 383—409, и № 9, стр. 609—646. По отзыву В. А. Инсарского «Калашников был типом русского человека с большим запасом природного ума и совершенно беспечным характером. Находясь с ним в близких отношениях, я не помню времени, — говорит Инсарский, — когда бы Калашников, с своею обширною и милою семьею, не нуждался в деньгах и не искал бы случая и возможности занять их. Но как скоро являлась такая возможность, Калашников брал деньги и тотчас задавал пир на весь мир. От этого произошло, что хотя впоследствии он занимал значительные должности, но на старости лет сильно нуждался и умер в крайней бедности, облеченный впрочем чином тайного советника»

(«Записки В. А. Инсарского в шести частях», ч. I, С-Пб. 1908, изд. журнала «Русская Старина», стр. 29—30, 31, 42, 48, 51; ср. «Русский Архив» 1873, кн. I, стр. 537—538). О Калашникове см. подробнее в предисловии Б. Л. Модзалевского к «Запискам Иркутского жителя» в «Русск. Стар.» 1905 г., № 7, стр. 187—189; «Пушкин и его соврем.», вып. VI, стр. 100—101: «Остаф. Арх.», т. III, стр. 598—599; заметку В. И. Саитова в «Журнале Министерства Народного Просвещения» 1880 г., № 10 (ч. 211, 2), стр. 448; А. В. Никитенко, «Записки и дневник», т. I, С.-Пб. 1905, стр. 375—377. О любопытном неосуществившемся предприятии И. Т. Калашникова — издании в 1832 г. «Детской Энциклопедии» — см. в статье Б. Л. Модзалевского «К истории педагогической журналистики (три несостоявшихся издания)» в «Литературно-библиологическом сборнике» Русского Библиологического Общества, под ред. Л. К. Ильинского, П. 1918, стр. 120-123. К Пушкину Калашников относился с восторженным поклонением, но были ли они лично знакомы — неизвестно. Оба свои известные романа («Дочь купца Жолобова» и «Камчадалка») Калашников преподнес поэту и, судя по комментируемому письму, ждал с нетерпением от него критики. В сохранившемся письме к П. А. Словцову, писанному 12 февраля 1837 г. под свежим впечатлением смерти Пушкина, Калашников изложил более или менее достоверно историю дуэли поэта; письмо заключал он следующими словами: «Не сужу его: он был человек чувства и фантазии: поэт; человек рассудка, сын золотой посредственности, мог бы поступить иначе. Христианин — иначе...» («Пушкин и его соврем.», вып. VI, стр. 104—107). Комментируемое письмо, а также письмо Калашникова к Пушкину от 28 марта 1833 г. являются единственным следом их письменных сношений. № 526

— Письмо Калашникова, на которое отвечает Пушкин, приведено выше, стр. 575—576.

— «Камчадалка» – второй роман Калашникова, вышедший в начало 1833 г. под заглавием: «Камчадалка. Соч. И. Калашникова. Санктпетербург. Печатано в Типографии Штаба Отдельного корпуса внутренней стражи. 1833», в четырех томах. По выходе его в свет Калашников препроводил его к Пушкину при письме от 28 марта. Издание это сохранилось в библиотеке Пушкина (см. Б. Л. Модзалевский, «Библиотека Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 47) без его заметок. Рецензии на этот роман напечатаны были в «Московском Телеграфе» 1833 г., ч. 50, № 6, март, стр. 244—246, в «Отеч. Записках» 1833 г., т. XXVI, отд. VI, стр. 17, в «Молве» 25 апреля 1833 г., № 49, стр. 193—195, и в других журналах; см. также Е. А. Бобров, «Мелочи из истори русской литературы», Варшава 1905, стр. 6. В 1842 г. «Камчадалка» была издана вторым изданием. Отзыв о «Камчадалке» в «Московском Телеграфе» очень встревожил Калашникова. Пушкин, как видно из обрывков фраз его письма, успокаивал Калашникова, сопоставляя с его романом незадолго перед тем вышедший роман Полевого, «Клятва при Гробе Господнем. Русская быль XVI в.» 4 ч. М. 1832, 12°, говоря о последнем, что он должен быть ниже «Камчадалки» и «Дочери купца Жолобова». В рецензии «Московского Телеграфа» отмечались неестественность положений, в каких оказывались герои, их необычное поведение, множество несообразностей и «отвратительных

№ 526 злодеяний, которые совершаются без цели, без причины» в продолжение всего романа. К положительной стороне романа относилось, по мнению рецензента, «множество любопытных замечаний и сведений о Камчатке, о быте почти истребившихся ее жителей» и т. п.; реалистическое описание пожара корабля, снежного урагана, характеристики некоторых героев и др. В заключение автор рецензии писал: «Каким образом наши писатели романов не постигают важной для них истины, что роман есть создание поэтическое? Каким образом хотят они быть поэтами без особенного на то призвания? Например, г. Калашников издал теперь уже два романа, а не написал еще ни одного. Не лучше ли было бы ему увериться, что он, со своим дарованием и сведениями, может принести пользу на других путях словесности, которые все пусты; на большой же романической дороге, где такая толкотня, оставить толпу, с которою не трудно смешаться, и немногих избранных, которые заметны во всякой толпе»? («Московский Телеграф» 1833 г., ч. 50, № 6, март, стр. 244—246).

— Дочь — Дочь купца Жолобова, первый роман Калашникова, вышедший в 1831 г. под следующим заглавием: «Дочь купца Жолобова. Роман, извлеченный из иркутских преданий. Соч. И. Калашникова. Санкт-Петербург, печатано в Типографии Штаба Отдельного Корпуса внутренней стражи. 1831», четыре части. В 1832 г. вышло второе издание, а в 1842 г.— третье. Этот роман впервые отразил в русской литературе сибирскую жизнь. «Находясь под сильным влиянием могучего таланта В. Скотта, — пишет В. И. Саитов («Остаф. Арх.», т. III, стр. 598), — Калашников, не обладавший даром поэтического творчества, вздумал, подобно многим другим, подражать знаменитому романисту и своего первенца написал «по образцу бессмертного шотландца». Но образец оказался недосягаемым. Формы были соблюдены, но, вместо поэтического создания, полного жизни и действия, получился слабый во всех отношениях роман, но занимательный, полезный сборник бытовых и этнографических материалов для изучения Иркутской губернии. Русская критика встретила роман Калашникова доброжелательно, но отнеслась к нему серьезно и строго» (см. «Московский Телеграф» 1832 г., ч. 43; «Телескоп» 1832 г., ч. VII); только «Северная Пчела» (1832 г., № 41) воздала неумеренные похвалы автору и своему сотруднику, который сотрудничал и в родственном ей «Сыне Отечества». В. Г. Белинский в своей рецензии на третье издание романа говорил: «Гораздо лучше бы поступил г. Калашников, еслиб, вместо плохого романа, составил что-нибудь вроде записок о Сибири... Смеем уверить Г. Калашникова, что его книга имела бы большой успех... Г. Калашников, как видно из его романа, хорошо знает Сибирь и любит ее. Описания его часто бывают увлекательны и живы: знак, что он мог бы написать хорошую книгу в том роде, о котором мы говорим» (Полн. Собр. Соч. В. Г. Белинского, под ред. С. А. Венгерова, т. VII, С.-Пб. 1904, стр. 452—453). Восторженная рецензия на роман появилась также в «Литературных Прибавлениях к Русскому Инвалиду», за подписью А. Г. (20 апреля 1832 г., № 32, стр. 234—236), в которой роман был сопоставлен с сочинениями Фенимора Купера. Как видим из комментируемого письма, Пушкин с большою похвалою отозвался о первом большом произведении Калашникова. Экземпляр романа был у Пушкина, но не сохра-

нился в составе его библиотеки, хранящейся в Пушкинском Доме Академии Наук (см. в работе Л. Б. Модзалевского в «Литературном Наследстве», № 16—18, стр. 998; у Пушкина была также повесть Калашникова «Изгнанники», 1834 г.).

— П. — Николай Алексеевич Полевой. Вся последняя часть письма занята отзывом Пушкина о нем и о его романе «Клятва при гробе Господнем» (о нем см. в книге Н. К. Козмина «Очерки из истории русского романтизма», С.-Пб. 1903, стр. 69 и др.).

— Его История — История Русского народа, начатая Полевым и не завершенная (см. выше, стр. 465). В октябре 1833 г. вышел долгожданный IV том «Истории» Полевого, вызвавший большую полемику на страницах тогдашних журналов (см., например, рецензию в «Молве» 1833 г., № 130, стр. 517—520; № 134, стр. 533—536; № 135, стр. 537—540; № 141, стр. 561—564; № 142, стр. 565—568; № 143, стр. 569—572 (письмо И. Бичурина); № 151, стр. 601—604); в «Московском Телеграфе» (1833 г., ч. 50, № 7, апрель). Н. А. Полевой предуведомлял читателей, что «теперь печатание сей книги вновь начато мною и продолжается с наивозможным поспешением. Томы 4-й и 5-й уже поступили в типографию Г-на Семена; 6-й и 7-й будут печататься немедленно по окончании 4-го и 5-го, и 8-й том, надеюсь, выйдет в свет в нынешнем же году. Остановка в печатании Истории Русского народа послужила к лучшему, потому что я имел время с большим тщанием еще раз пересмотреть и обработать свой огромный труд. Теперь г-да подписавшиеся на Историю Русского народа получат уже не *двенадцать*, а *четырнадцать* томов, по причине умножившихся материалов, какие получил я в последние два года...» (стр. 421).

527. *П. А. Осиповой* [середина (до 15) мая 1833 г.] (стр. 92). Напечатано впервые в отрывке и в переводе М. И. Семевским в «С.-Пб. Ведом.» 1866 г., № 172 (см. А. Н. Вульф, «Дневники», под ред. П. Е. Щеголева, М. 1929, стр. 112—113) и им же опубликовано полностью в «Русск. Арх.» 1867 г., ст. 146—147; перепечатано в «Русск. Стар.» 1880 г., № 5, стр. 82—83; вошло в издания сочинений Пушкина и в Акад. изд. Переписки Пушкина (т. III, стр. 21—22), с датой 13 или 14 мая. Подлинник, на листе почтовой бумаги большого формата с водяными знаками: А. Гончаров, 1830, в орнаментальной рамке — в Государственной Публичной Библиотеке; письмо сложено конвертом и запечатано облаткою (см. Л. Б. Модзалевский, «Автографы Пушкина в собрании Государственной Публичной Библиотеки в Ленинграде, Л. 1929, стр. 37, № 90).

Перевод: «Виноват, тысячу раз виноват, дорогая Прасковья Александровна, что замедлил поблагодарить вас за ваше любезное письмо и за его интересную виньетку. Всякого рода затруднения мешали мне. Не знаю, когда я буду иметь счастье явиться в Тригорское, хотя мне этого смертельно хочется. Петербург отнюдь мне не подходит: ни мои склонности, ни мои средства к нему не приноровлены. Но надо потерпеть года два-три. Жена моя посылает тысячу любезностей вам и Анне Николаевне. Дочь моя беспокоила нас в течение этих пяти или шести дней; полагаю, что у нее режутся зубы; у нее нет до сих пор ни одного. Сколько ни убеждай себя, что каждый прошел через это, но эти созданьица так нежны, что невозможно без содрогания смотреть на их страдания.

№ 527 Родители мои только что приехали из Москвы. Они рассчитывают быть в Михайловском к июлю. Как бы я желал им сопутствовать!».

— Письмо П. А. Осиповой, на которое отвечает Пушкин, неизвестно; поэтому ничего нельзя сказать и о виньетке, которую Осипова прислала поэту. На комментируемое письмо Пушкина П. А. Осипова отвечала ему 28 июня из Тригорского следующим письмом (перевод с французского): «20 мая, мой дорогой, дорогой Александр, я получила ваше любезное письмо, и как раз в ту минуту, как я писала вашей матери [1] и просила поблагодарить вас за него, так как того же просит от вас у Аннет ваша прелестная супруга. — Думаю, что Надежда Осиповна забыла вам сказать об этом: поэтому я с удовольствием второй раз благодарю вас за полученное милое письмо, которое я сохраню вместе с другими, *прежде* полученными. Я перечитываю их по нескольку раз и с такой радостью, как скупец пересчитывает свои сокровища. Уже давно лошади из Михайловского посланы в распоряжение ваших родителей — по моему расчету, они должны быть там уже 8 дней тому назад, — почему никого еще нет? Я начинаю тревожиться. Что делает милая Мари, как поживает славная Натали и вы сами? Хотя вы мне и не верите, но мне кажется вы вторично будете отцом в этом месяце. Лето у нас чудное настолько, что напоминает 1826 год — такая же удушливая жара, и совсем нет дождя — но за исключением этого, — какая разница!!! Вы уже знаете, вероятно, что у Евпраксии родилась дочь Мари; мой Алексей с нетерпением ждет отпуска, а Валериан, который проводит здесь каникулы, хочет поступить в Университет. Бывают минуты, когда я желаю иметь крылья, чтобы на минуту взглянуть на вас, и потом возвратиться... это ведь безумие! неправда ли? Возвращаюсь к прежнему, — почему ваши родители не приезжают к нам? Поклон. Жара спала — иду гулять в сад и мечтать о вас, о прошлом и надеяться, что в будущем мы еще погуляем вместе. Целую очаровательную Натали и прошу ее не забывать меня и уделить мне уголок в ея памяти для П. О.» (И. А. Шляпкин, «Из неизданных бумаг Пушкина», С.-Пб. 1903, стр. 182—184, и Переписка Пушкина, т. III, стр. 25).

— В Тригорское Пушкину удалось поехать только в 1835 году.

— Анна Николаевна — Вульф. Она вместе с матерью П. А. Осиповой в начале февраля 1833 г. еще была в Петербурге, а затем вернулась в Тригорское (см. А. Н. Вульф, «Дневники», под ред. П. Е. Щеголева, М. 1929, стр. 347); о своем возвращении в Тригорское А. Н. Вульф писала сестре бар. Е. Н. Вревской (см. «Пушкин и его соврем.», вып. XXI — XXII, стр. 344).

— Дочь моя — Мария Александровна (о ней см. выше, стр. 501).

— Родители мои — Сергей Львович и Надежда Осиповна Пушкины; они приехали из Москвы в Петербург 6 мая, и Пушкин с женою немедленно их навестили; 23 мая по случаю дня рождения С. Л. Пушкина они вторично были у родителей поэта и пригласили их к себе обедать (см. Н. О. Лернер, «Труды и дни Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 281 и 282);

[1] Письмо П. А. Осиповой к Н. О. Пушкиной сохранилось в бумагах поэта; оно помечено 5 июня 1833 г., Псков, и напечатано в названной книге И. А. Шляпкина, на стр. 181—182 (ср. в заметках П. А. Осиповой за 1833 г. в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. I, стр. 143).

о пребывании С. Л. и Н. О. Пушкиных в Михайловском, в августе 1833 г., см. письмо их к О. С. Павлищевой в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. XIV, стр. 13—17. 527—528

528. *П. И. Соколову* [конец (после 27) мая 1833 г.] (стр. 92). Напечатано впервые не совсем верно В. Е. Якушкиным в «Русск. Стар.» 1884 г., № 8, стр. 318; вошло с той же ошибкой в изд. Сочинений Пушкина, под ред. П. А. Ефремова, т. VII, С.-Пб. 1903, стр. 486, и в другие издания, а также в Переписку Пушкина, т. III, стр. 23, где ошибка в чтении исправлена; подлинник, писанный карандашом, находится в тетради Госуд. Публ. Библиотеки СССР имени В. И. Ленина, в Москве, № 2372, л. 59_1; позднее по тексту письма записан пером конец «Сказки о мертвой царевне». Письмо датируется на основании соображений, приведенных ниже; беловик письма не сохранился.

Петр Иванович Соколов (род. 24 июня 1764 — ум. 9 января 1835), член Российской Академии (с 1793 г.) и долголетний непременный ее секретарь (с 1802 по 1835 г.), переводчик, ближайший соратник А. С. Шишкова; учился в Академической гимназии (1783), затем (1784) был причислен к Российской Академии «для исправления дел», 9 августа того же года получил степень магистра; состоя членом Российской Академии, в 1797 г. определен был к музею и библиотеке Академии Наук унтер-библиотекарем и издателем «С.-Петербургских Ведомостей», которые издавал с 1829 г.; с 1800 г. преподавал грамматику, логику и риторику в училище корабельной архитектуры (до 1825 г.); с 1819 г. состоял библиотекарем русского отделения Библиотеки Академии Наук; в 1824 г. был назначен членом Главного Правления училищ и членом ученого комитета при нем и произведен (1 апреля того же года) в действительные статские советники. Будучи непременным секретарем Российской Академии П. И. Соколов принимал участие во всех ее работах: заведывал ее типографией, деятельно сотрудничал в издаваемом Академиею Словаре русского языка, составил по поручению Академии «Российскую грамматику», первое издание которой вышло в Пб. в 1802 г., занимался по поручению той же Академии составлением риторики (не издана), переводил древних и новых писателей, принимал деятельное участие в издании «Известий Российской Академии», составил «Общий церковно-славяно-российский словарь (2 ч., С.-Пб. 1834), экземпляр которого, между прочим, сохранился в библиотеке Пушкина (см. Б. Л. Модзалевский, «Библиотека Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 98) издал несколько каталогов рукописей и книг Библиотеки Академии Наук и т. п. П. И. Соколов состоял членом многих литературных обществ (секретарем Беседы любителей русского слова со времени учреждения ее Шишковым, общества любителей российской словесности и др.). Близость Соколова к Шишкову служила неоднократным поводом к нападкам и насмешкам над ним со стороны литературных деятелей нового течения (Пушкин, Вяземский, Измайлов, Плетнев и др.). А. Ф. Воейков в своем «Доме Сумасшедших» дал ему резкую и невполне справедливую характеристику: «Вот он с харей фарисейской Петр Иваныч осударь, Академии Российской Непременный Секретарь. Ничего не сочиняет, ничего не издает, три оклада получает и столовые берет. . .» (см. «Русск. Стар.» 1874 г., № 3, стр. 594 и 610; ср. там же в «Парнасском

№ 528 Адрес-календаре 1818—1820 г.», стр. 613). Ср. М. И. Сухомлинов, «История Российской Академии», в. VII, С.-Пб. 1885, стр. 388. Подробные сведения о П. И. Соколове см. здесь же, на стр. 387—397, и в биографии его, составленной Б. Л. Модзалевским, в «Русском биографическом словаре», т. Смеловский — Суворина, С.-Пб. 1909, стр. 63—65, где указана библиография. К деятельности П. И. Соколова Пушкин относился отрицательно; в письме к И. И. Дмитриеву 14 февраля 1835 г., говоря о смерти Соколова, Пушкин отозвался о нем следующим образом: «Не знаю, занимает ли вас участь нашей Академии, которая недавно лишилась своего секретаря, умершего на щите, то есть на последнем корректурном листе своего Словаря. Не известно, кто будет его преемником. Святое место пусто не будет; но место непременного секретаря было довольно пустое, даже не будучи упразднено» (Переписка Пушкина, т. III, стр. 186; ср. стр. 187 и 197).

Официальное обращение Пушкина к П. И. Соколову является следствием того, что сам Пушкин был членом Российской Академии и как член ее должен был участвовать в ее работах в частности принимать участие в выборах новых членов. Предварительное избрание самого Пушкина произошло еще в 1832 г. В виду того, что в работе М. И. Сухомлинова («История Российской Академии», вып. VII) ряд деталей, касающихся выбора Пушкина, был пропущен, излагаем вновь ход избрания по архивным материалам.

3 декабря этого года президент Российской Академии А. С. Шишков вошел в Академию со следующим предложением, внесенным в протокол заседания от этого же числа и бывшего под его председательством в присутствии членов Академии: гр. Д. И. Хвостова, П. И. Соколова, Я. Д. Захарова, А. С. Никольского, И. И. Мартынова, И. А. Крылова, А. Х. Востокова, В. А. Поленова, П. А. Загорского, кн. П. А. Ширинского-Шихматова, М. Е. Лобанова, П. Н. Мысловского и Н. С. Мордвинова (§ 2):

Не благоугодно ли будет господам членам Академии в положенное по уставу число избрать в действительные члены Академии нижеследующих особ:

1. Титулярного советника Александру Сергеевича Пушкина.

2. Отставного гвардии полковника Павла Александровича Катенина.

3. Камергера, в должности директора московского театра, Михайлу Николаевича Загоскина.

4. Священника и магистра Алексея Ивановича Малова.

5. Действительного ст. советника Дмитрия Ивановича Языкова.

Известные в словесности дарования и сочинения их увольняют меня от подробного оных исчисления

Александр Шишков.

Декабря 3 дня
1832 года

По произведенной баллотировке выяснилось, что Пушкин, Загоскин и Языков получили по 15 избирательных голосов (13 голосов членов Академии и 2 голоса президента), а Катенин и Малов по 13 голосов избирательных и 2 голоса неизбирательных. Согласно главе VIII статьи

5 устава Академии, которой избрание в члены Академии считалось состоявшимся лишь после того как в Академию будут присланы голоса и от отсутствовавших на заседании членов Академии, то последним были разосланы 13, 14 и 15 декабря печатные отношения, от имени П. И. Соколова, в которых извещалось о состоявшейся баллотировке и предлагалось «о доставлении... в особой запечатанной записке... избирательного или неизбирательного голоса, для представления Собранию Академии». Ответы на это отношение были получены на имя непременного секретаря Академии от следующих членов Академии: Л. И. Голенищева-Кутузова, И. И. Ястребцова и Я. А. Дружинина (от 13 декабря), А. Н. Оленина и Д. С. Чижова (от 14 декабря), кн. А. Н. Голицына, К. М. Бороздина, С. С. Уварова и А. Ф. Воейкова (от 16 декабря), гр. Д. Н. Блудова (от 17 декабря); митрополита Новгородского и С.-Петербургского Серафима (от 18 декабря); И. И. Дмитриева (от 21 декабря); Н. Н. Новосильцова (от 23 декабря); А. А. Писарева (от 24 декабря) и М. Т. Каченовского (от 27 декабря). Из перечисленных 15 лиц подали свои голоса в пользу Пушкина — 14 человек, причем Д. Н. Блудов сообщил, что из всех кандидатов он избирает только Пушкина, а митрополит Серафим «согласен на избрание в действительные члены протоиерея Алексея Малова, а на избрание прочих не может дать согласия своего единственно потому, что они ему неизвестны». По получении ответов от отсутствовавших на заседании 3 декабря членов Академии состоялся окончательный выбор в заседании 7 января 1833 г. Пушкина и других кандидатов; подсчет голосов дал следующие результаты: Пушкин —14, Малов —14, Языков —13, Загоскин —13 и Катенин — 12, а вместе с прежними (на заседании 3 декабря) — Пушкин — 29, Загоскин — 28, Языков — 28, Малов — 27, Катенин — 25. Таким образом избрание Пушкина было почти единогласным; не дал своего голоса в пользу поэта лишь один митрополит Серафим. Так как по уставу требовалось наличие не менее двух третей голосов от общего числа членов Академии (60), то есть 40 голосов, а перечисленные кандидаты получили по меньшему числу их, то президент, воспользовавшись другим параграфом устава (10-м) той же VIII главы, «приложил остающиеся ныне от неполного числа членов избирательные шары и тем пополнил потребное на сей предмет число голосов, почему собрание согласно 5-й статье главы VIII устава, признав выбор вышеозначенных кандидатов в действительные члены Академии окончательным и утвержденным, поручило секретарю Академии, изготовя на сие звание дипломы, представить оные г. Президенту для подписания и потом препроводить оные новоизбранным членам при письмах» («Записки заседаний Академии за 1832 г.», лл. 131 и 131 об.; за 1833 г., лл. 2, 2 об. и 3; дело о выборе Пушкина и др. — в Архиве Академии Наук СССР, фонд 8; М. И. Сухомлинов, «История Российской Академии», вып. VII, С.-Пб. 1885, стр. 77—84 и 472). Диплом на звание члена Академии выдан был Пушкину 13 января 1833 г. за подписью А. С. Шишкова (см. П. В. Анненков, «Материалы для биографии Пушкина», изд. 2, С.-Пб. 1873, стр. 350; диплом, а также официальное извещение об избрании в 1913 г. составляли собственность А. А. Пушкина — см. в «Ниве» 1913 г., № 41, стр. 808). В этой же работе П. В. Анненков говорит, что «в остальную часть зимы

№ 528 [1833 г.] Пушкин прилежно посещал заседания Академии по субботам: он вообще весьма серьезно смотрел на труды и обязанности ученого сословия, что доказывается и некоторыми статьями его, каковы: «Российская Академия» и «О мнении М. Е. Лобанова» (там же). С этим, однако, нельзя согласиться. Пушкин посетил заседания Академии всего 8 раз: 7 раз в 1833 г. (28 января, 4 и 25 февраля, 11 и 18 марта, 13 мая и 10 июня) и 1 раз в 1834 г. (8 декабря); это было его последнее посещение. П. А. Катенин, например, рассказывает в своих воспоминаниях о Пушкине: «Генваря 7-го 1833-го года мы оба приняты в члены тогда существовавшей Российской Академии, куда и явились в первый раз вместе; сначала довольно усердно посещал он ее собрания по субботам, но вскоре исключительные толки о Словаре ему наскучили, и он показывался только в необыкновенные дни, когда приступали к выбору новых членов взамен убылых. Я был гораздо исправнее, только до сентября» («Литературное Наследство», № 16—18, стр. 639; ср. стр. 652—653). Присутствуя на заседаниях, Пушкин был пассивен, не сделав ни одного сообщения, ни официального выступления; по крайней мере в протоколах заседаний нет ни одной записи подобного рода. Пушкин участвовал лишь в выборах новых членов (например, 8 декабря 1834 г. при баллотировке С. В. Руссова, и в этот же день подписав вместе с другими членами Академии предложение А. С. Шишкова о напечатании на счет Академии «Краткого священного словаря» А. И. Малова — см. М. И. Сухомлинов, ор. cit., стр. 83, и «Рукою Пушкина», под ред. М. А. Цявловского, Л. Б. Модзалевского и Т. Г. Зенгер, Л. 1935, стр. 773—775) и один раз косвенно способствовал ходатайству вдовы А. А. Шишкова об издании его трудов (см. подробнее в книге И. А. Шляпкина «Из неизданных бумаг А. С. Пушкина», С.-Пб. 1903, стр. 93—96, Переписка Пушкина, т. III, стр. 14—15, письмо Н. И. Греча, и в назв. книге «Рукою Пушкина», стр. 820—823). Участвовал ли Пушкин в помощи Ю. И. Венелину по просьбе М. П. Погодина (см. его письмо к поэту в Переписке Пушкина, т. III, стр. 20—21), неизвестно, так как никаких прямых указаний в делах Академии на это не имеется. То же можно сказать и о письме П. А. Катенина к Пушкину от 8 февраля 1833 г. (там же, стр. 5) о праздновании осенью этого года пятидесятилетнего юбилея Академии. Комментируемое нами письмо Пушкина к П. И. Соколову также является документом только формального участия его в работах Академии, и притом в самом начале его избрания в Академию. Уже в 1835 г. на избрание в члены ее архимандрита Иннокентия Пушкин никак не отозвался, несмотря на официальное предложение П. И. Соколова, что видно из отметки последнего в деле Академии (№ 69 за 1835 г.), хранящемся в Архиве Академии Наук. Статья же Пушкина «Российская Академия», излагающая академическое заседание 18 января 1836 г., на котором Пушкин не присутствовал, написана им по протоколу этого заседания [1] и стоит совсем в стороне, так же как и статья о «Мнении

---

[1] Напечатанному под заглавием: «Заседание, бывшее в Российской Академии 18 января 1836 г.» (экземпляр этого издания был у Пушкина и недавно обнаружен в коллекции А. Ф. Онегина, хранящейся в Инсти-

М. Е. Лобанова», от текущих работ Академии и преследует другие № 528
цели (об этих статьях см. в комментариях Н. К. Козмина в т. IX Акад. изд. Сочинений Пушкина, ч. 2, стр. 760—779, 795—805, 976). Из немногих высказываний Пушкина об Академии в дневнике его и в письмах можно вывести заключение, что он отрицательно относился как к деятельности Академии в целом, так и к некоторым ее членам и к ее главе А. С. Шишкову. Кроме того в академической атмосфере схоластики Пушкину было душно работать вместе с «попами, которыми Шишков набил Академию» («Дневник», под ред. Б. Л. Модзалевского, II, 1923, стр. 26 и 242—243; ср. московское издание, 1923, стр. 535—537), и он вскоре совсем бросил посещать ее заседания, обращаясь иногда к Шишкову лишь за получением пожетонного вознаграждения (см. в письме к жене 30 июня 1834 г. в Переписке Пушкина, т. III, стр. 141), которое, впрочем, «приваживал к Нащокину» (см. П. И. Бартенев, «Рассказы о Пушкине», под ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 43 и 112). Интересную характеристику отношения Пушкина к Академии дают отзывы современников; их переписка отражает также впечатление, произведенное на них избранием Пушкина в Академию. Так кн. П. А. Вяземский писал В. А. Жуковскому 13 декабря 1832 г.: «А знаешь ли, что Пушкин твой брат по Академии? Каков Шишков! И это под стать превращений. Шишков велел сказать Блудову, что он предложил бы и Батюшкова, не будь он сумасшедший» («Русск. Арх.» 1900 г., кн. I, стр. 367); тот же Вяземский сообщал А. И. Тургеневу 24 ноября (декабря?) 1832 г.:[1] «Пушкин единогласно избран членом Академии, но чтобы не слишком возгордился сею честью, вместе с ним избран и Загоскин» («Русск. Арх.» 1884 г., кн. II, стр. 422; П. И. Бартенев, «Пушкин», кн. II, стр. 54; Сочинения кн. П. П. Вяземского, С.-Пб. 1893, стр. 536—537). На следующий день после первого заседания, на котором присутствовал Пушкин, Вяземский писал Жуковскому 29 января 1833 г.: «Пушкин был на-днях [28 января] в Академии и рассказывал уморительные вещи о бесчинстве заседания. [П. А.] Катенин избран в члены и загорланил там. Они помышляют о новом издании Словаря. Пушкин более всего недоволен завтраком, состоящим из дурного винегрета для закуски и разных водок. Он хочет первым предложением своим подать голос, чтобы наняли хорошего повара и покупали хорошее вино французское» («Русск. Арх.» 1900 г., кн. I, стр. 369). По словам П. А. Плетнева, П. А. Катенин произвел «сильную тревогу» в Академии тем, что вступил в спор с П. И. Соколовым по поводу слова «бурка», включавшегося в Словарь русского языка (на заседании 28 января 1833 г.); это сильно «забавляло Пушкина, который также член Российской Академии, и следственно безденежно, даже с барышем монеты в четвертак, может слушать их и глядеть на такую комедию» (письмо к В. А. Жуковскому 11 марта 1833 г. в «Русск. Арх.» 1875 г., кн. II, стр. 467—468, и Сочинения и переписка Плетнева, т. III, стр. 526—527). А. М. Языков писал

туте русской литературы Академии Наук, с карандашными пометами поэта) (см. в «Литературном Наследстве» № 16—18, стр. 1020—1021).

[1] По вопросу о дате ср. соображения Н. О. Лернера в «Трудах и днях Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 274.

№ 528 1 октября того же года В. Д. Комовскому: «Мы от него [то есть от Пушкина] первые узнали, что он и Катенин избраны членами Российской Академии и что последний производит там большой шум, оживляя сим сонных толмачей, иереев и моряков. Во второй раз уже дошло до того, что ему прочли параграф устава, которым велено выводить из заседания членов непристойно себя ведущих. Старики видят свою ошибку, но делать уже нечего: зло посреди их; вековое спокойствие нарушено навсегда, или по крайней мере надолго» («Историч. Вестн.» 1883 г., № 12, стр. 537). Но ни Пушкин, ни Катенин вдвоем не могли сломать прочно утвердившиеся традиции Академии и влить в ее работы новую, свежую струю мысли; Пушкин разочаровался в возможности при существовавшей тогда в Академии обстановке проявить свою энергию и оздоровить академическую работу; от нее он отказался, а в своей статье 1836 г. об Академии писал, что хотя она и принесла «истинную пользу нашему прекрасному языку» и совершила «столь много знаменитых подвигов», ей все же необходимо «ободрить, оживить отечественную словесность» (см. также в Сочинениях Пушкина, под ред. С. А. Венгерова, т. VI, стр. 488—489: рассказ И. П. Сахарова в «Русск. Арх.» 1873, кн. II, ст. 960—961, и в статье Л. К. Ильинского в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. XXXVIII—XXXIX, стр. 208).

— Пушкин отвечает на несохранившееся официальное отношение П. И. Соколова, написанное после 27 мая 1833 года.

— Г. Сен. Бар. — Господин Сенатор Баранов, Дмитрий Осипович (род. 8 марта 1773 — ум. 23 августа 1834), поэт; получив образование в благородном пансионе при Московском Университете, он недолго прослужил в военной службе, выйдя в 1798 г. в отставку, а затем перешел на службу в Сенат (с 1801 г.), где протекала вся его дальнейшая деятельность вплоть до получения 23 августа 1817 г. звания сенатора; в 1826 г. Баранов состоял членом комиссии, учреждавшей разряды для декабристов. Как сенатор Д. О. Баранов в 1833 г. получил следующую характеристику от П. Г. Дивова в его дневнике: «Председательствующий Баранов человек весьма сведующий в административной части, но гораздо менее по части юриспруденции; он не способен поддержать правое дело, если какие либо личные соображения заставляют его уклониться от прямого пути. Он говорит хорошо, с апломбом, не горячась» («Русская Старина» 1900, № 4, стр. 134). Баранов известен был как сотрудник многих журналов конца XVIII — начала XIX века, в которых печатал свои стихотворения, из которых лучшими по стиху и содержанию являются последние: «Стихи Г. Р. Державину на перевод Пиндара», включенные В. А. Жуковским в V том изданного им «Собрания русских стихотворений», а худшими признаются его басни, написанные им в возрасте 14 лет. Кроме того им изданы отдельно: «Стихи на истекшее столетие от построения Санкт-петербурга 1803 года, мая 16 дня». В 1833 году Баранов представил Российской Академии еще следующие свои сочинения в рукописи, часть из которых прочтена была в заседании Академии 27 мая: «Рассуждение о трудности быть справедливым судьею», «Решение вопроса в праве ли требовать поляки возвращения от России присоединенных ею областей», и другие напечатанные уже сочинения (см. «Записки заседаний Российской

Академии» 27 мая 1833, § 1, в Архиве Академии Наук СССР, фонд 8; подробности биографии Д. О. Баранова, а также список напечатанных произведений см. в «Русском биографическом словаре», т. II, стр. 482, и у С. А. Венгерова в «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых», т. II. в. 22—30, С.-Пб., 1891, стр. 110—111; см. также запись в «Парнасском Адрес-Календаре» в «Русск. Арх.» 1866 г., ст. 762, и «Русск. Стар.» 1874 г., № 3, стр. 613). Предварительное избрание Д. О. Баранова в члены Академии состоялось в заседании 27 мая 1833 г. (получил 15 голосов за и 6 против), согласно предложению А. С. Шишкова, в котором он писал, что «некоторые сочинения его и любовь к российскому языку и словесности дают ему неоспоримое право на сие звание» (М. И. Сухомлинов, «История Российской Академии», вып. VII, стр. 473). После получения от отсутствовавших на этом заседании членов Академии, в том числе и от Пушкина, их голосов, состоялся окончательный выбор Баранова в заседании 5 августа (Пушкин на нем также не был), на котором среди других был оглашен и голос Пушкина; после распечатания записок с голосами, полученными от 15 членов Академии, оказалось, что все они были избирательные, а потому Д. О. Баранов был признан избранным в Академию. Таким образом Пушкин дал свой положительный голос в пользу избрания Баранова («Записки заседаний Академии», 5 августа 1833, § 2, в Архиве Академии Наук СССР, фонд 8), что может отчасти быть объяснено тем обстоятельством, что поэт лично знал Баранова, который сообщил ему эпизод о Державине для «Истории Пугачевского бунта»: в примечаниях к пятой главе Пушкин, отметив этот эпизод, поставил в скобках: «Слышал от сенат. Баранова» (см. Соч. Пушкина, изд. Акад. Наук, т. XI, стр. 154 первой пагинации). 4 января 1835 г. из Ставрополя П. А. Катенин запрашивал Пушкина: «Здравствует-ли Российская Академия и нет-ли там новых членов после сенатора Баранова?» (Акад. изд. Переписки Пушкина, т. III, стр. 177). Ответ Пушкина неизвестен. *528—529*

529. *А. А. Ананьину* 26 июня 1833 г. (стр. 92—93). Напечатано впервые П. А. Ефремовым в изд. Сочинений Пушкина 1882 г., т. VII, стр. 362, по копии, бывшей у Е. И. Якушкина (здесь на стр. 466 ошибочно указано, что напечатано с оригинала); подлинник принадлежал В. П. Гаевскому и был им выставлен на Пушкинской выставке в Петербурге в 1880 г. (см. «Каталог Пушкинской Выставки, устроенной Комитетом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым», С.-Пб. 1880, стр. 50, № 15). Перепечатано затем в других изданиях и в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. III, стр. 30. Печатается по копии В. П. Гаевского, хранящейся в бумагах Л. Н. Майкова в ИРЛИ (Пушкинском Доме); это, несомненно, та же копия, бывшая в распоряжении Е. И. Якушкина (см. «Пушкин и его соврем.», вып. II, стр. XIII); на копии ясно читается «июня» (а не «июля», как напечатано во всех предыдущих изданиях и в каталоге выставки); подлинник был запечатан перстнем-талисманом на красном сургуче.

Александр Андреевич Ананьин (род. 1790 — ум. 6 апреля 1859).[1] Никаких биографических сведений о нем собрать не удалось. Известно только,

[1] См. «Петербургский Некрополь», т. I, стр. 54.

№ 529 что он в 1821 г. назван был «его благородие» в списке лиц, подписавшихся на журнал «Соревнователь» (см. «Соревнователь» 1821 г., ч. XIII, стр. 432).

— Я собираюсь в деревню — это намерение Пушкин осуществил лишь в октябре 1833 г., когда 1 числа этого месяца, возвращаясь из поездки на Урал, приехал в Болдино (см. ниже, стр. 639 и др., в примечаниях к письмам № 546—552).

— Какие денежные расчеты были между Пушкиным и Ананьиным — неизвестно. Вероятно это был денежный заем, так как несколько позже, 12 июля, Пушкин занял сроком на полгода у книгопродавца И. Т. Лисенкова 3000 рублей, в чем и выдал ему вексель (см. С. М. Аснаш и А. Н. Яхонтов «Описание Пушкинского Музея имп. Александровского Лицея», С.-Пб. 1899, стр. 5).

— Смирдин — Александр Филиппович (о нем см. выше, стр. 510—511 и 551—552).

— Пушкин с семьею переехал на дачу в середине или во второй половине мая 1833 г. Н. О. Пушкина писала дочери О. С. Павлищевой в Варшаву, 24 мая: «Александр и Натали на Черной речке, они взяли дачу Миллера, которую в прошлом году занимали Маркеловы. Она очень красива, есть большой сад; дача очень велика: 15 комнат с верхом. Натали чувствует себя хорошо, она была очень довольна своим новым жилищем, тем более, что это в двух шагах от ее тетки, которая живет с Натальей Кирилловной на ферме» (см. в статье П. Е. Щеголева в «Красной Ниве» 9 июня 1929, № 24, стр. 8; ср. в «Литературном Наследстве», № 16—18, стр. 783). Дачная местность на Черной речке пользовалась тогда большой популярностью. П. А. Каратыгин, например, пишет, что «в начале 30-х годов она щеголяла своими обитателями: гвардейская молодежь, светские львицы тогда взметали пыль своими кавалькадами; Строгановский сад был сборищем петербургской аристократии... На Черной речке... поселялись в ту пору люди, занимающие значительное положение в обществе. На Каменноостровском театре два или три раза бывали французские спектакли» («Русский Архив» 1877, № 8, стр. 604—605; ср. выше, во II томе, стр. 461). Несмотря на отдаленность дачи от города, Пушкин почти каждый день бывал в нем, совершая туда и обратно прогулку пешком; бывал он и в ближайших от дачи местах, например на Крестовском острове, где в это время (июль 1833 г.) с ним повстречался некий бар. Ст. со своим приятелем, оставивший небольшое об этом воспоминание (см. «Русск. Арх.» 1873 г., кн. III, ст. 2204—2212, и П. И. Бартенев, «Пушкин», вып. II, М. 1885, стр. 143—148, под заглавием: «Встреча немца с Пушкиным (из записок немецкого путешественника)» — перевод статьи: «Ein Russischer Dichter. Petersburger Erinnerung aus dem Jahre 1833, von Fr. Tietz», напечатанной в «Familien Journal» 1865 г., № 606; ср. «Русск. Стар.» 1880 г., № 5, стр. 83—84; Н. О. Лернер «Труды и дни Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 283—284. К этому же времени С. М. Сухотин относит свой рассказ о том, как он видел Пушкина, Н. Н. Пушкину и Дантеса на Черной речке («Русск. Арх.» 1864 г., ст. 982), но в его рассказе содержится какая-то путаница, так как Дантеса в это время еще не было в России). На Черной речке Пушкин жил также летом 1835 г., судя по сохранившейся его помете на автографе «О Байроне» — «Черная речка, дача

Миллера 25 июля» («Русск. Стар.» 1884 г., № 12, стр. 534 и «Рукою Пушкина», Л. 1935, стр. 345). Летом 1833 г. на даче Миллера Пушкин познакомился, между прочим, с воспитателем поэтессы Елизаветы Кульман Карлом-Фридрихом фон-Гросгейнрихом, беседовал с ним и читал рукопись ее «Русских сказок», о чем Гросгейнрих рассказывает в своей редкой книге «Елизавета Кульман и ее стихотворения», перевод с немецкого Марии и Екатерины Бурнашевых, С.-Пб. 1849, стр. 124 (ср. в «Библиотеке для Чтения» 1849 г., т. XCVI, стр. 89).

— Миллер — метрдотель Александра I и Николая I; о нем Пушкин упомянул в своем известном шуточном послании к В. А. Жуковскому 24 марта 1833 г.: «Надо помянуть — повара али историографа Миллера» (см. П. И. Бартенев, «Пушкин», вып. II, М. 1885, стр. 57). Местонахождение дачи Миллера на Черной речке, где жил в 1833 году Пушкин, в настоящее время неизвестно (об этом, о самом Миллере и о дачной местности на Черной речке см. подробнее в книге А. Г. Яцевича «Пушкинский Петербург», ч. 2, Лгр., 1931, стр. 31—36).

530. *Барону М. А. Корфу* [14 (?) июля 1833 г.] (стр. 93). Впервые напечатано бар. Ф. А. Бюлером в «Русск. Арх.» 1872 г., кн. II, ст. 1601, с его примечанием; вошло в изд. Сочинений Пушкина под ред. П. А. Ефремова, т. VII, М. 1882, стр. 361, а затем в другие издания и в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. III, стр. 29, с датой: «первая половина июля 1833». Подлинник — на листе почтовой бумаги большого формата, с водяными знаками: А. Гончаров 1830, — в Центрархиве в Москве (Библиотека б. Московского Главн. Архива Министерства Иностранных Дел, ныне Древлехранилище, в коллекции автографов бар. Ф. А. Бюлера); письмо сложено конвертом, печать вырвана. Нами датируется по связи с поздравлением поэта с рождением сына, так как в это время пятница приходилась на 14 июля.

Пушкин отвечает на следующее письмо бар. М. А. Корфа от первой половины (после 6-го) июля 1833 г.: «Прибегаю к тебе опять, любезный Александр Сергеевич, с всепокорнейшею и всеубедительнейшею просьбою в пользу того же человека, за которого я однажды уже тебя просил. Н. М. Бакунин узнал, что почтенный наш Смирдин намеревается издавать журнал[1] на большую ногу, при котором ему, конечно, нельзя будет обойтись без переводчика: семейственные и хозяйственные дела заставляют его искать себе труда, который мог бы доставить ему верный кусок хлеба, а тебе уже по опыту известно, что он, зная хорошо языки французский, немецкий, английский, итальянский и владея свободно русским, может быть хорошим переводчиком; в деятельности же его и усердии служит вернейшим ручательством то, что он без такого, постороннего службе занятия, обойтись *не может*. Твое слово для Смирдина, конечно, закон, а произнеся это слово, ты обеспечишь некоторым образом состояние отца семейства, который, кроме деятельности и способов умственных, почти vis-à-vis de rien. Я не говорю, что ты этим истинно обяжешь и старого товарища, ибо после первого мотива, этот уже едва ли что-либо значит. С нетерпением ожидаю твоего ответа и надеюсь, по

---

[1] «Библиотеку для Чтения». — *Ред.*

№ 530 старой памяти твоего доброго сердца, что ты не откажешься быть меценатом моего бедного друга Весь твой М. Корф. — Поздравляю тебя с новым произведением особенного рода, над которым да будет благословение божие» (Переписка Пушкина, т. III, стр. 28).

Барон Модест Андреевич Корф (род. 11 сентября 1800 — ум. 2 января 1876), товарищ Пушкина по Лицею, автор тенденциозных о нем воспоминаний, в это время (с 6 мая 1831 г.) управлял делами Комитета министров и 6 марта 1834 г. был пожалован в статс-секретари, а 8 апреля представлялся вместе с Пушкиным императрице Александре Федоровне (см. «Дневник» Пушкина, под ред. Б. Л. Модзалевского, П. 1923, стр. 12). О Корфе и об отношениях его с Пушкиным см. подробнее в назв изд., стр. 138—139, и в примечаниях к «Дневнику» Пушкина (М. 1923, стр. 372—375). Пушкин писал Корфу также в 1836 г. (14 октября) в связи с работой над историей Петра I, в которой Корф помогал поэту (см. Переписка Пушкина, т. II, стр. 383; «Русск. Стар.» 1914 г., № 1, стр. 206, «Русск. Библиофил» 1916 г., № 4, стр. 34—35, и в статье М. А. Цявловского в «Московском Пушкинисте», вып. 1, М. 1927, стр. 27—32).

— Смирдин — Александр Филиппович — в это время впервые предпринимал издание «толстого» журнала под заглавием «Биб иотека для Чтения», начавшего выходить с следующего, 1834 года (об этом подробнее см. в книге Т. Грица, В. Тренина и М. Никитина, «Словесность и коммерция (книжная лавка А. Ф. Смирдина)», под ред. В. Б. Шкловского и Б. М. Эйхенбаума, М. 1929, стр. 298—338 и др., а также в Сочинениях Пушкина, изд. «Красной Нивы», вып. 12, стр. 58—59, в статье Ю. Г. Оксмана о «Библиотеке для Чтения».

— Н. М. — Николай Модестович Бакунин (род. в 1801 — ум. в 1838), сын Модеста Петровича и жены его Степаниды Ивановны, рожд. Голенищевой-Кутузовой (1770—1805), бывшей во втором браке за бароном Андреем Яковлевичем Бюлером, отцом бар. Ф. А. Бюлера. Н. М. Бакунин служил в военной службе (с 1816 по 1821 г.), выйдя в отставку в 1821 г. с чином подпоручика; в 1824 г. состоял почетным смотрителем училищ в Луге; в 1833 г. — коллежский секретарь. Женат был на дочери ротмистра Софии фон-Типольт (род. в 1804—ум. в 1889) и имел двух детей: Модеста Николаевича (род. 1825) и Степаниду Николаевну (род. 1826) (см. В. В. Руммель и В. В. Голубцов «Родословный сборник русских дворянских фамилий», т. I, С.-Пб. 1886, стр. 103—104). Бар. Ф. А. Бюлер, впервые сообщивший комментируемое письмо в «Русском Архиве», писал, что «близко знал» Бакунина, но не назвал его по фамилии, «опасаясь тем оскорбить скромность графа Модеста Андреевича [Корфа] и произвести неприятное впечатление на [потомков Бакунина], «которого мы [то есть сам Бюлер и бар. Корф] искренно любили и который, при блестящих дарованиях и многостороннем образовании, постоянно нуждался, вследствие разных несчастных обстоятельств своей страдальческой жизни» (1872 г., кн. II, ст. 1602). К сожалению, подробности биографии Н. М. Бакунина нам неизвестны. Из письма же бар. М. А. Корфа видно, что Бакунин был известен Пушкину «по опыту» как знаток иностранных языков и что Корф уже однажды обращался к поэту с просьбой о Бакунине. Пушкин исполнил просьбу Корфа и устроил Бакунина в качестве переводчика к А. Ф. Смирдину

для работы в «Библиотеке для чтения». Можно предположить, что именно об этом Н. М. Бакунине упоминает в своих письмах 1831 года О. С. Павлищева как о своем «бывшем поклоннике» и о неудачном переводчике стихов Пушкина на взятие Варшавы (см. «Пушкин и его соврем.», вып. XV, стр. 83 и 96; ср. «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Лгр. 1927, стр. 132—133 и 288). № 530

— à tant la feuille — с листа.

— Поздравляя Пушкина Корф с рождением у поэта первенца-сына, Александра Александровича, родившегося 6 июля 1833 г. (см. выше, в комментариях к письму № 515, стр. 551). Крещение состоялось 20 июля в Предтеченской церкви на Каменном острове, восприемниками при крещении были: П. В. Нащокин[1] и Екатерина Ивановна Загряжская (см. Н. Невзоров. «К биографии А. С. Пушкина», С.-Пб. 1899, стр. 18; ср. в воспоминаниях В. А. Нащокиной в книге Л. П. Гроссмана «Письма женщин к Пушкину», М. 1928, стр. 228).

А. А. Пушкин (ум. 19 июля 1914 г. в с. Останкине, Каширского у. Тульской губ.) получил образование сперва в гимназии, а затем в Пажеском корпусе, откуда в 1851 г. выпущен был в л.-гв. Конный полк корнетом; в 1861 г. уволен был от службы с чином полковника; в 1870 г. командовал 13 гусарским Нарвским полком, участвовал в русско-турецкой войне 1877—1878 г.; с 1880 г. — генерал-майор свиты его вел. чества, командир 1-й бригады 13-й кавалерийской дивизии; в 1890 г. — генерал-лейтенант; в 1891—1895 г. в отставке; с 1895 г. — тайный советник, почетный опекун, Московский губернский гласный; был переименован в генерал-лейтенанты; затем генерал от кавалерии, в 1908 г. председатель Московского Присутствия Опекунского Совета (см. Б. Л. Модзалевский и М. В. Муравьев «Пушкины. Родословная Роспись», Л. 1932, стр. 59; см. так же некрологи в «Одесских Новостях» 23 июля 1914 г., № 9419, Н. О. Лернера, в изд: «Пушкин и его современники» в XIX—XX. стр. VII—VIII, Б. Л. Модзалевского и др.). В 1880 г. во время открытия памятника Пушкину в Москве А. А. Пушкин подарил Румянцевскому Музею (Гос. Публ. Биб-ка СССР им. В. И. Ленина) черновые тетради с рукописями поэта и тем сделал их доступными для изучения; описание их впервые дал В. Е. Якушкин в «Русской Старине» 1884 г. (см. напр., № 2, стр. 417). У А. А. Пушкина хранился также и знаменитый дневник Пушкина, судьба которого была, однако, иная; в настоящее время он составляет собственность также библиотеки СССР им. В. И. Ленина (см. подробнее в предисловии к московскому изданию «Дневника Пушкина», М. 1923, стр. 3—32). Об А. А. Пушкине и о принадлежавших ему вещах отца см. еще в «Ниве» 1913 г., № 41, стр. 808—809, в статье

---

[1] Нащокин только что перед тем (29 июня) по просьбе поэта приехал из Москвы в Петербург. В этот день его навестил Пушкин в гостинице Демута, где собрались также артист Н. И. Куликов, князь Д. А. Эристов, К. К. Данзас и др. (см. анекдот о Пушкине в «Русской Старине» 1881 г., № 8, стр. 604—605 и в «Русск. Архиве» 1899, кн. II, стр. 349). Нащокин часто посещал Пушкина на даче; в это же время к Пушкину приходил и В. Ф. Боголюбов («Русск. Стар.» 1881, № 8, стр. 606).

530—531 «Пушкинские реликвии», в «Утре России», 29 января 1912 г., № 24, и в «Речи» 29 января 1912 г., № 28, где сообщалось о неопубликованном дневнике поэта (не дневник ли это № 1?) и о краже у А. А. Пушкина в вагоне железной дороги, «пакета с собственноручными записками поэта русских пословиц и поговорок».

531. *Г. И. Спасскому* [июнь—июль 1833] (стр. 93—94). Беловой текст напечатан впервые, с датой: «лето 1833 г.», П. А. Ефремовым в изд. А. С. Суворина, т. VIII, С.-Пб. 1905, стр. 591—592, по фотографии, полученной от Г. В. Юдина из Красноярска, а затем в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. III, стр. 26, с уточненной датой, которую принимаем и мы. Черновой текст напечатан В. Е. Якушкиным в «Русск. Стар.» 1884 г., № 8, стр. 330; вошло в издание Литературного Фонда, под ред. П. О. Морозова, т. VIII, стр. 334—335, как письмо к И. И. Лажечникову (?), с датой: «ноябрь 1833», затем в изд. А. С. Суворина, под ред. П. А. Ефремова, т. VIII, стр. 528, так же как письмо к Лажечникову, с датой: «март 1834 г.» (ср. ibid., т. VIII, стр. 589, а также Н. О. Лернер, «Труды и дни Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 283), и в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. III, стр. 26, правильно. Подлинник белового был в библиотеке Г. В. Юдина в Красноярске, ныне неизвестно где находится; нами печатается по фотографии, хранящейся в ИРЛИ (Пушкинском Доме); черновое — в тетради Госуд. Публ. Библиотеки имени В. И. Ленина в Москве, № 2373, л. 44 об.; писано карандашом.

Ответ Г. И. Спасского на письмо Пушкина неизвестен.

Григорий Иванович Спасский (род. 1784 — ум. 29 апреля 1864), известный историк Сибири, член-корреспондент Академии Наук по разряду восточной словесности и древностей (с 1810 г.), издатель журналов «Сибирский Вестник» (с 1818 по 1824 г.) и «Азиатский Вестник» (с 1825 по 1827 г.) — о них см. выше, в т. I, стр. 431. Г. И. Спасский получил образование в Московском университете, хотя по окончательному образованию был горным инженером; в 1806 г. он совершил путешествие с посольством гр. Потоцкого в Китай; в 1809 г. был зачислен в штат Колывано-воскресенских заводов, проведя большую часть своей горной службы в Змеиногорском руднике; назначенный в 1817 г. сопровождать караван серебра в Петербург, уже не возвращался в Сибирь, так как был определен в горную экспедицию Кабинета его величества. С этого времени и началась его литературная и ученая деятельность, продолжавшаяся и после выхода в 1838 г. в отставку, до самой смерти. Подробную биографию Г. И. Спасского см. в «Русском Биографическом Словаре», т. Смеловский — Суворина, С.-Пб. 1909, стр. 177—179, где указана библиография и список его трудов. Письмо Пушкина к Г. И. Спасскому вызвано разысканием исторических материалов для работы поэта над «Историей Пугачева».

— Рычков — Петр Иванович (род. 1 октября 1712 — ум. 15 октября 1777), первый член-корреспондент Академии Наук (с 1759 г.), историк Оренбургского края, автор записок, напечатанных в «Русск. Арх.» 1905 г., кн. III, стр. 289—340. Подробнее о Рычкове см. в книге акад. П. П. Пекарского, «Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова», С.-Пб. 1867, и в «Русском Биографическом Словаре», т. Романова — Рясовский, под ред. Б. Л. Модзалевского, П. 1918, стр. 710—712.

— Рукопись П. И. Рычкова, — «касающаяся времен Пугачева», 531—532
Г. И. Спасским была предоставлена Пушкину. В «Истории Пугачевского бунта» Пушкин в примечании к главе третьей сообщает, что «Журнал осаде, веденный в [Оренбургской] Губернской Канцелярии, помещен в любопытной рукописи Академика ⟨sic!⟩ Рычкова. Читатель найдет ее в приложении. Я имел в руках три списка, доставленные мне Г. Спасским, Языковым и Лажечниковым» (часть I, С.-Пб. 1834, стр. 32; ср. в Акад. изд., т. XI, стр. 138 первой пагинации и стр. 25 второй пагинации, а также там же, стр. 52). На эту рукопись Пушкин неоднократно ссылается в тексте своей истории, а в приложении к третьей главе он поместил самый список с рукописи Рычкова под заглавием «Летопись Рычкова» (см. часть II, стр. 72—280, и в Акад. изд., т. XI, стр. 272—420 первой пагинации; см. там же упоминание о Рычкове, по указателю). О предоставлении Пушкину списка с этой же рукописи И. И. Лажечниковым см. в письме к последнему Пушкина от первой половины апреля 1834 г. в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. III, стр. 90, 97 и 249; ср. Б. Л. Модзалевский, «Пушкин». Лгр. 1929, стр. 108 и 109, и И. А. Шляпкин, «Из неизданных бумаг Пушкина», С.-Пб. 1903, стр. 98, где соображения о датировке писем Пушкина неверны.

532. *Графу А. Х. Бенкендорфу* [22 июля 1833 г.] (стр. 94). Напечатано впервые В. Е. Якушкиным в «Русск. Стар.» 1884 г., № 8, стр. 330; вошло в изд. Литературного Фонда, под ред. П. О. Морозова, т. VII, стр. 317, и в изд. А. С. Суворина, под ред. П. А. Ефремова, т. VII, стр. 487, с неверной датой; перепечатано в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. III, стр. 29, с правильной датой. Подлинник белового письма до сих пор неизвестен; черновик, написанный карандашом, находится в тетради Госуд. Публ. Библиотеки СССР имени В. И. Ленина в Москве, № 2373, л. 44 об., непосредственно за письмом к Г. И. Спасскому (писан в один день с ним?). Дата письма определяется из ответного письма А. Н. Мордвинова (см. ниже).

Перевод: «Генерал. Обстоятельства вынуждают меня отправиться вскоре на 2 или 3 месяца [на] в мое нижегородское имение. Я желал бы воспользоваться этим случаем, чтобы съездить в Оренбург и Казань, которых я еще не знаю. Я прошу его величество дозволить мне осмотреть архивы этих двух губерний».

На это письмо, за отсутствием А. Х. Бенкендорфа из Петербурга, [1] отвечал Пушкину А. Н. Мордвинов следующим письмом от 29 июля.

«Милостивый государь, Александр Сергеевич! Г. Генерал-адъютант граф Бенкендорф письмо Ваше от 22 сего июля имел счастье представлять государю императору. — Его величество, соизволяя на поездку вашу в Дерпт для посещения г-жи Карамзиной, изъявил высочайшую свою волю знать, что побуждает вас к поездке в Оренбург и Казань, и по какой причине хотите Вы оставить занятия, здесь на Вас возложенные? — Сообщая Вам, за отсутствием генерал-адъютанта графа Бенкендорфа, сию высочайшую государя императора волю, я покорнейше прошу

[1] См. письма к нему А. Н. Мордвинова за 1833 г. в «Русск. Арх.» 1886 г., кн. III, стр. 413—415.

 вас, милостивый государь, доставить мне отзыв ваш для доведения до сведения его величества. — С совершенным почтением и преданностию имею честь быть, милостивый государь, Ваш покорнейший слуга Александр Мордвинов» (см. В. Я. Брюсов, «Письма Пушкина и к Пушкину», М. 1903, стр. 72, и Переписка Пушкина, т. III, стр. 30—31).

Первая часть письма А. Н. Мордвинова касается неосуществившейся поездки Пушкина в Дерпт;[1] она служит ответом на недошедшую до нас часть письма поэта к Бенкендорфу, в которой он просил разрешения посетить в Дерпте Екатерину Андреевну Карамзину, находившуюся тогда в большом горе после смерти своего пятнадцатилетнего сына Николая, последовавшей 21 апреля 1833 г. (см. А. А. Сиверс, «Генеалогические разведки», вып. 1, С.-Пб. 1913, 148). В Дерпте в это время находилась кн. Е. Н. Мещерская с мужем и кн. В. Ф. Вяземская, приехавшие утешать Е. А. Карамзину, а в середине июля после прощального обеда (14 июля), данного И. И. Дмитриеву, и на котором были братья Виельгорские, кн. П. А. Вяземский, П. А. Плетнев, гр. Д. Н. Блудов, С. С. Кушников, С. С. Уваров, гр. Д. И. Хвостов, А. С. Пушкин и др., в Дерпт ненадолго уехал И. И. Дмитриев (см. «Старина и Новизна», кн. II, стр. 172, 173 и 236—237; «Русск. Арх.» 1868, ст. 630, 633; 1904, кн. I, стр. 261 и Остафьевский архив князей Вяземских, под ред. В. И. Саитова, т. III, стр. 227—228, 231, 235, 238, 243, 248). Несколько позже, в сентябре, туда приехали В. А. Жуковский и кн. П. А. Вяземский (см. «Дневник В. А. Жуковского», с примечаниями И. А. Бычкова, С.-Пб. 1901, стр. 313—314). См. еще «Архив бр. Тургеневых» в. 6,, стр. 265.

— Поездка Пушкина в его Нижегородское имение состоялась лишь на возвратном пути с Урала, 1 октября 1833 г., откуда он писал жене (см. в комментариях к письмам №№ 546—552).

— О разрешении Пушкину поездки в Казань и Оренбург см. ниже в комментариях к следующему письму (№ 533), в котором Пушкин отвечал на запрос А. Н. Мордвинова о цели своей поездки.

533. *А. Н. Мордвинову* 30 июля [1833 г.] (стр. 95). По печатаемому нами перебеленному автографу, оставшемуся у Пушкина, впервые в отрывке и без указания адресата напечатано П. В. Анненковым в его «Материалах для биографии А. С. Пушкина», изд. 1855 г., стр. 362; как письмо к А. Х. Бенкендорфу вошло в изд. Сочинений Пушкина под ред. П. А. Ефремова, т. VII, М. 1882, стр. 392; в изд. Литературного Фонда, под ред. П. О. Морозова, т. VII, стр. 316; полностью впервые как письмо к А. Н. Мордвинову напечатано В. Я. Брюсовым в его книге «Письма Пушкина и к Пушкину», М. 1903, стр. 21; затем вошло (как черновое) в изд. А. С. Суворина, под ред. П. А. Ефремова, т. VII, С.-Пб. 1903

---

[1] П. В. Анненков в своих «Материалах» (стр. 370, изд. 1855 г.) ошибочно предположил, что поездка Пушкина в Дерпт состоялась (см. недоумения С. А. Соболевского в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. XXX—XXXII, стр. 41). В письме к жене (№ 547) Пушкин объяснил, что не поехал туда «единственно по недостатку прогонов, которых нехватило на лишних 500 верст». В письме к ней же от 30 октября поэт просил передать его извинение Е. А. Карамзиной (№ 550).

стр. 488; затем опубликовано в Переписке Пушкина, т. III, стр. 31—32; черновой отрывок напечатан впервые там же, стр. 32. Подлинник белового письма до сих пор неизвестен. Нами печатается по перебеленному тексту с двумя зачеркнутыми словами, автограф которого был у В. Я. Брюсова, а теперь хранится в ИРЛИ (Пушкинском Доме) Академии Наук (дар И. М. Брюсовой); письмо писано на полулисте почтовой бумаги большого формата, с водяными знаками: А. Гончаров..., в орнаментальной рамке. Подлинник чернового отрывка, писанного карандашом на обороте письма бар. М. А. Корфа к Пушкину от первой половины июля (после 6-го), которое приведено нами выше, находится в Госуд. Публ. Библиотеке СССР имени В. И. Ленина в Москве № 3296. Содержание комментируемого письма было изложено впервые М. М. Поповым в «Русск. Стар.» 1874 г., № 8, стр. 711, затем в изд. 1882 г., т. VII, стр. 392, и в изд. 1887 г., т. VII, стр. 316—317, по составленной в начале августа 1833 г. в III Отделении докладной записке, напечатанной полностью в «Делах III Отделения о Пушкине...», С.-Пб. 1906, стр. 135. Эта записка содержит экстракт из двух недошедших до нас *беловых* писем Пушкина: к А. Х. Бенкендорфу 22 июля (№ 532) и А. Н. Мордвинову 30 июля (№ 533). На ней написано карандашом рукою А. Х. Бенкендорфа: «Государь позволяет». Текст белового письма к Мордвинову 30 июля, судя по экстракту, ничем не отличался от текста комментируемого письма; вероятно, только предпоследний абзац его, в котором Пушкин зачеркнул два слова при переписывании набело был отброшен и в окончательный текст не вошел. *№ 533*

В ответ на просьбу Пушкина А. Н. Мордвинов писал 7 августа за № 3629: [1] «Г. генерал-адъютант граф Бенкендорф поручил мне вас, милостивый государь, уведомить, что его императорское величество дозволяет вам, согласно изъявленному вами желанию, ехать в Оренбург и Казань, на четыре месяца — С совершенным почтением и преданностию имею честь быть, милостивый государь, ваш покорнейший слуга Александр Мордвинов» (см. Н. А. Гастфрейнд, «Пушкин. Документы... архивов Мин. Иностр. Дел», С.-Пб. 1900, стр. 35; В. Я. Брюсов, «Письма Пушкина и к Пушкину», М. 1903, стр. 73; «Переписка Пушкина», т. III, стр. 32—33.

Александр Николаевич Мордвинов (род. 5 июня 1792 — ум. 31 января 1869) состоял после смерти М. Я. Фон-Фока с 1 сентября 1831 г. управляющим III Отделением собственной его имп. величества канцелярии; получив 31 декабря 1834 г. должность статс-секретаря, он в 1839 г. (18 марта) уволен был от управления III Отделением и вовсе от службы; был впоследствии Вятским гражданским губернатором (1840—1842), директором Департамента разных податей и сборов (1842), а с 14 октября 1846 г. — сенатором (подробные биографические сведения о нем см. в статье Б. Л. Модзалевского и изд. «Пушкин и его соврем.», вып. VI, стр. 109—113 и в книге А. С. Полякова «О смерти Пушкина», П. 1922, стр. 75—76 и др.). Будучи одним из ближайших помощников гр. А. Х. Бенкендорфа, А. Н. Мордвинов во время его отсутствия нередко с этого времени заменял его в сношениях с Пушкиным.

---

[1] Подлинник этого письма в настоящее время находится в Москве, в Литературном Музее.

№ 533 — Сообщая о том, что в продолжение двух последних лет «занимался я одними историческими изысканиями, не написав ни одной строчки чисто литературной», Пушкин, конечно, преувеличивал, так как еще сравнительно недавно, в конце 1832 и начале 1833 г. с увлечением писал «Дубровского» (см. выше, стр. 542—543), не говоря уже о других менее крупных художественных произведениях.

— Цель более важная и полезная — намек на работу по истории Петра I, начатую с разрешения Николая I.

— Роман — «Капитанская дочка» (см. выше, в примечаниях к письму № 518, стр. 559). В это время Пушкин написал предисловие к повести, помеченное в рукописи «5 августа 1833. Черн. речк. в. с. у. Schw» («Неизданный Пушкин», П. 1922, стр. 165—166, и в статье Д. П. Якубовича «Работа Пушкина над художественной прозой» в сборнике «Работа классиков над прозой», Л. 1929, стр. 18); эта запись до сих пор не расшифрована. К работе над «Капитанской дочкой» Пушкин не вернулся после своей поездки на Урал, так как был занят тогда окончанием «Истории Пугачева» (ср. в письме к А. Х. Бенкендорфу, № 557, писанному 6 декабря: «я думал некогда написать исторический роман, относящийся ко временам Пугачева, но нашед множество материалов, я оставил вымысел и написал Историю Пугачевщины»). Повесть же была отложена на следующие годы и окончательно закончена лишь в 1836 г., сдана в цензуру (см. в письме к П. А. Корсакову 27 сентября 1836 г.) и напечатана в IV книге «Современника» (подробнее см. в следующих работах: М. Л. Гофмана в изд. Сочинений Пушкина, ред. С. А. Венгерова, т. IV, стр. 353—378; Н. Черняева в «Русск. Обозрении», т. XXXVII, стр. 1002—1043 и т. XXXVIII, стр. 937—958 и др. и отд. изд.; А. С. Полякова «Картина бурана у Пушкина и С. Т. Аксакова» в сб. «Пушкин в мировой литературе», Лгр. 1926, стр. 287—288; А. И. Белецкого «К истории создания «Капитанской дочки» в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. XXXVIII—XXXIX, стр. 191—201, Д. П. Якубовича в листовке Пушкинского Общества 1932 г., стр. 7—10; Б. В. Неймана «Couleur locale в Капитанской дочке» в «Сборнике памяти П. Н. Сакулина», М. 1931, стр. 147—155; Л. Б. Модзалевского «Новые материалы об изданиях Пушкина» в «Звеньях», № 2, Лгр. 1933, стр. 246—253; Д. П. Якубовича в изд. Сочинений Пушкина «Красной Нивы», вып. 12, стр. 168—169.

— Получив разрешение на поездку, Пушкин подал 11 августа прошение в Департамент хозяйственных и счетных дел по месту своей службы, в котором писал, что «его сиятельство Г. генерал-адъютант граф Бенкендорф уведомил меня через Г. Действительного Статского Советника Мордвинова, что его императорскому величеству угодно было изъявить свое высочайшее соизволение на увольнение меня в отпуск на четыре месяца в губернии Казанскую и Оренбургскую» и что вследствие этого Пушкин просит департамент «учинить во исполнение таковой монаршей воли распоряжение о снабжении» его «надлежащим для сего свидетельством». При этом прошении Пушкин представил письмо к себе Мордвинова в качестве документа, удостоверяющего его слова в прошении, во избежание излишней переписки между ведомствами и ускорения получения свидетельства. Вице-директор департамента граф М. Ю. Виельгорский

в тот же день доложил о прошении Пушкина гр. К. В. Нессельроду, который и наложил на докладной записке Виельгорского резолюцию «уволить», согласно которой Пушкину уже 12 августа за № 2842 выдано было свидетельство, удостоверяющее увольнение его в отпуск на четыре месяца в Казанскую и Оренбургскую губернии (см. Н. Гастфрейнд, «Пушкин. Документы Госуд. и С.-Пб. Главн. архивов Минист. Иностр. Дел», С.-Пб. 1900, стр. 35—36). 14 августа кн. П. А. Вяземский писал И. И. Дмитриеву в Москву: «Пушкин собирается на днях отплатить Вам визит в Москве. Жалею, что не могу сравниться в учтивости с ним» («Русск. Архив» 1868, ст. 633). Из Петербурга в Москву Пушкин выехал 17 августа вместе с С. А. Соболевским (см. в примечаниях к следующему письму № 534). Возвратился же Пушкин обратно ранее срока почти на целый месяц.

534. *Н. Н. Пушкиной* [20 августа 1833] (стр. 96). Напечатано впервые И. С. Тургеневым в «Вестн. Европы» 1878 г., № 1, стр. 31—32, и вошло в издания сочинений Пушкина, начиная с издания Литературного Фонда, под ред. П. О. Морозова, т. VII, стр. 317, с датой 21 августа и в акад. изд. «Переписки Пушкина», т. III, стр. 33—34, с датой: «вторая половина августа». Подлинник на листе золотообрезной почтовой бумаги большого формата, без водяных знаков, в Госуд. Публ. Библиотеке СССР имени В. И. Ленина, в Москве; письмо сложено конвертом и запечатано облаткой. Датируется на основании дневниковой записи С. А. Соболевского (см. ниже) и пометки Пушкина «Торжок. Воскресенье».

— Одисея — поэма, приписываемая Гомеру, в которой описываются похождения греческого героя, царя острова Итаки Одиссея, участвовавшего в Троянской войне и прославившегося своею хитростью и красноречием. После разрушения Трои Одиссей отправился на родину, но в течение десяти лет не мог добраться до Итаки, пережив ряд приключений. Сравнивая себя с Одиссеем Пушкин имеет в виду свои приключения, происшедшие с ним по дороге.

— Выехал Пушкин из Петербурга 17 августа вместе с С. А. Соболевским, незадолго перед этим (22 июля) возвратившимся из-за границы [1] (см. «Пушк. и его совр.» в. XXXI—XXXII, стр. 41). Соболевский записал в своем дневнике: «Jeudi 17 Août depart pour Moscou avec Pouschkin Vendredi 18 en route» (А. К. Виноградов, «Мериме в письмах к Соболевскому», М. 1928, стр. 47).

— Троицкий деревянный мост — через Неву в Петербурге (теперь Кировский мост). Пушкин ехал, очевидно, с дачи на Черной речке.

— О сильной буре с 16-го на 17-е августа имеется сообщение в «С.-Пб. Ведом.» 22 августа 1833 г., № 195, стр. 767. По сообщению М. И. Пыляева («Старый Петербург», С.-Пб. 1887, стр. 130) «при сильном ветре, вода [в Неве] сильно пошла на прибыль и достигла уже пяти футов, как вдруг ветер переменился и вода быстро сбыла». Кн. П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу 20—27 августа из Петербурга: «Ну, начиналась потеха 17-го числа! Бешеная Нева, пена у рта, корячилась, вскакивала на дыбы, лягала, кусала берега, ржала, ревела, коробила мосты, сбивала

---

[1] Уехал из Петербурга 17 октября 1828 г.

№ 534 барки с ног; но, по счастью, сидел на ней не самый лютый ездок заморский, а какой-то побочный ездок, который гнал ее не прямо, а как-то с бока, и мы уцелели; а то при продолжительном напоре, да если бы на хребте Невы сидел ветр 7-го ноября [1824 г.], то еще было бы больше бед, нежели в то время» («Остаф. Арх.», т. III, стр. 251).

— Черная речка — местность под Петербургом, в Новой Деревне, где Пушкин снимал дачу Миллера (см. выше, стр. 588—589) и где оставалась Н. Н. Пушкина с детьми.

— Царскосельский проспект — ныне Международный проспект в Ленинграде.

— Не было ли у вас нового наводнения? что, если и это я прогулял? Досадно было бы. — В этих фразах Пушкин вспоминает знаменитое наводнение 7 ноября 1824 г., когда он был в Михайловском и его не видел, и описание которого сделал в «Медном Всаднике» как раз осенью 1833 г. (6—31 октября) в Болдине.

— Вчера прибыли в Торжок. — Пушкин с Соболевским приехали в Торжок (восемнадцатая почтовая станция, в 494, 5 верстах от Петербурга) только 19 августа вечером. С. А. Соболевский записал в своем дневнике «Samedi 19 en route. Arrivons à Torjok» (А. К. Виноградов, «Мериме в письмах к Соболевскому», М. 1928, стр. 47).

— Сегодня... отправляюсь в сторону — то есть 20 августа, очевидно в 11—12 часов дня, так как Соболевский оставался еще «наедине с швейцарским сыром» и выехал из Торжка без Пушкина в 1 час дня; Пушкин же свернул в сторону и один поехал в Ярополец (см. соображения М. А. Цявловского в изд. «Ярополец. Сборник статей», изд. Об-ва изучения Московской области, М. 1930, стр. 10). С. А Соболевский записал в своем дневнике: «Dimanche 20 je pars à 1 heur pour Teploe. Couché à [la] campagne de la princesse Scherbatoff. Lundi 21 Repos à Латашино arrivée le soire à Teploe [имение его отца, А. Н. Соймонова]. Mardi 22 à Teploe. 23 Mercredi depart pour Moscou. Halte à Archangelskoie; je m'arrête chez Kireefski» (назв. книга А. К. Виноградова, стр. 47). Гораздо позже С. А. Соболевский вспоминал: «В конце июля или в начале августа, Алек. Серг. и я поехали вместе и доехали до Торжка; в Торжке разъехались: я поехал к себе в деревню, а он к каким то приятелям, чуть ли не к Вульфу» («Пушкин и его соврем.», вып. XXXI—XXXII, стр. 41).

— Рополиц — имение тещи Пушкина Н. И. Гончаровой,, Ярополец, Волоколамского уезда, Московской губернии, где он еще не был и куда впервые приехал 23 августа (об этом см. ниже, в комментариях к письму № 536, стр. 604—606).

— Анреп — Роман Романович (ум. в 1830 г.),[1] будучи в чине штаб-ротмистра 12 декабря 1814 г. получил звание флигель-адъютанта (см. гр. Милорадович, «Список лиц свиты их величеств», 1886, стр. 103, где он спутан с своим братом графом Иосифом Романовичем Анреп-Эльмптом); в 1829 г. состоял полковником и командиром Белгородского Уланского полка (см. «Список генералам, штаб- и обер-офицерам всей

[1] См. кн. П. В. Долгоруков, «Российская родословная книга», ч. III, С.-Пб. 1856, стр. 75.

российской Армии...», С.-Пб. 1829, стр. 407), а затем в кампанию 1829 г. командовал сводным уланским полком (Сочинения Пушкина, изд. «Просвещение», т. VI, стр. 684; Л. Н. Майков, «Пушкин», С.-Пб. 1899, стр. 382); произведенный 1 января 1830 г. в генерал-майоры, вскоре умер (см. Список лиц свиты..., стр. 103). Н. Н. Муравьев в своих записках, в 1828 г., пишет: «[Сводным уланским полком] командовал полковник Анреп, человек молодой, с образованием, но без видных способностей и мало знавший службу. Анрепа имели причины полагать у нас наушником у [И. Ф.] Паскевича, и он, кажется, в самом деле занимался сим ремеслом, почему и мало кто с ним знался. Он имел припадки сумасшествия и по нескольку дней не мог никуда показываться; впрочем, в нем не признавали обширного ума и тогда, когда он не лишался оного. По окончании Турецкой войны он был произведен в генерал-майоры и уехал в отпуск. На обратном пути, едучи из Москвы, около Серпухова, с ним сделался припадок сумасшествия; он ушел от станции пешком в сторону, оставя экипаж свой и людей, пришел в деревню, взял подводу, подъехал к болоту, оставил оную и один ушел в топь, где его и нашли через два дня по пояс в воде, оперщегося на кочку и едва подающего признаки жизни. Его повезли обратно в Москву, но не доезжая города он умер...» («Русск. Арх.» 1893 г., кн. III, стр. 340—341). Судя по фразе: «Коли не утону в луже, подобно Анрепу», Пушкин знал трагическую его смерть еще в 1830 г., а в 1829 г. был лично с ним знаком на Кавказе, оставив о нем три упоминания в своем «Путешествии в Арзрум» (см. Сочинения Пушкина, изд. «Красной Нивы», вып. 9, стр 565, 566 и 567). Пушкин упомянул Анрепа также в черновых строках стих. «Дорожные жалобы» при переработке этого стихотворения в 1830 г. в Болдине (автогр. в ИРЛИ): № 534

Иль как Анреп в вешней луже
[Захлебнуся я в грязи]

Вероятно, этот же Анреп ухаживал за Анной Николаевной Вульф летом 1826 г., о чем она писала поэту в своих письмах этого времени из Малинников (см. Переписка Пушкина, т. I, стр. 343, 344, 353, 354; ср. «Русск. Стар.» 1907 г., № 3. стр. 695, в статье Н. О. Лернера).

— В Симбирск Пушкин приехал 9 сентября, где действительно получил от Н. Н. Пушкиной письмо, до сих пор не известное (см. ниже, в комментариях к письму № 543, стр. 628 и 630).

— Грудница — болезнь Н. Н. Пушкиной, полученная ею после родов сына Александра во время кормления его грудью (ср. в примечаниях к письму № 543, стр. 630). Маша — дочь Пушкиных.

— Не кокетничай 26-го — то есть августа; в этот день обычно бывал бал во дворце в память Бородинского боя. В этом году бал был у кн. В. П. Кочубея, где была и императрица («Архив села Михайловского», т. II, в. 1. С.-Пб. 1902, стр. 21).

— да бишь: не с кем — речь идет несомненно о Николае I, который уехал на пароходе за границу 16 августа сперва в Штетин, а затем в Фридланд, в Богемию, где должно было состояться свидание монархов, но из-за бури 17 августа вынужден был возвратиться и, приехав в Царское Село, выехал лишь 19 августа вечером сухим путем (см. в дневнике

 П. Г. Дивова в «Русск. Стар.» 1900 г., № 4, стр. 133; ср. «Русск. Арх.» 1904 г., кн. I, стр. 264). Вследствие отъезда Николая I бала во дворце не было (см. П. И. Бартенев, «Рассказы о Пушкине», под ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 118).

— Ермоловская нежность — здесь, вероятно, имеется в виду манера А. П. Ермолова (см. о нем выше, стр. 574—575) целовать руки у дам.

— Катерина Ивановна — Загряжская.

— Машка — дочь Пушкина, Мария Александровна, которую поэт часто называл таким образом.

— Сашка — сын Пушкина, Александр Александрович (о нем см. выше, стр. 591—592). О рождении сына Пушкин писал (между 6 июля и 24 августа 1833) родителям, бывшим в это время в с. Михайловском, но это письмо не дошло до нас (см. «Пушк. и его современники», в. XIV, стр. 15).

— Вяземский — князь Петр Андреевич. В начале 1833 г. он предполагал «издать с Пушкиным Северные Цветы к весне» (письмо от 29 января к В. А. Жуковскому в «Русск. Арх.» 1900 г., кн. I, стр. 370). 6 февраля 1833 г. он же писал А. И. Тургеневу: «мы также с Пушкиным затеивали альманах к весне, чтобы содрать с публики посильный могарыч. Поэзия очень хороша, но хороши и деньги. Глупо все на других работать без платы. Альманашники жиреют от меня, а мне от того ни гроша; только и барыша, что журналисты наколотят бока» («Остафьевский архив кн. Вяземских», под ред. В. И. Саитова, т. III, стр. 220), но уже 14 апреля тот же Вяземский сообщил Жуковскому, что «Северных Цветов нет на нынешний год, но мы с Пушкиным жилимся и надуваемся» («Русск. Арх.» 1900 г., кн. I, стр. 372). С. А. Соболевский в письме к Пушкину 2 октября писал, что «так как об ваших «Северных Цветах» ни слуху ни духу, то издам я таковой, да издам на славу, с рисунками. . .»; из этого предприятия тоже ничего не вышло (см. Переписка Пушкина, т. III, стр. 48). В комментируемом письме речь идет очевидно о каком-то другом альманахе, также не состоявшемся. Во всяком случае здесь говорится не о предприятии кн. В. Ф. Одоевского, изложенном им в письме к поэту несколько позже, 28 сентября (см. в комментариях к письму № 551), и от участия в котором Пушкин отказался. 26 августа Вяземский был на именинах Н. Н. Пушкиной (см. в примечаниях к письму № 543, стр. 630).

— О даче Миллера на Черной речке см. выше, стр. 588—589.

535. *Н. Н. Пушкиной* [21 августа 1833] (стр. 96—97). Напечатано впервые И. С. Тургеневым в «Вестн. Европы» 1878 г., № 1, стр. 32—33, и вошло в издания сочинений Пушкина, начиная с изд. Литературного Фонда, под ред. П. О. Морозова, С.-Пб. 1887, стр. 318, с датой: «24 августа», и в Акад. изд. Переписки Пушкина, под ред. В. И. Саитова, т. III, стр. 34—35, с датой: «23 августа»; подлинник на листе почтовой бумаги большого формата, с водяным знаком: А. Гончаров 1830, и орнаментальной рамкой — в Госуд. Публ. Библиотеке СССР имени В. И. Ленина, в Москве; письмо сложено конвертом и запечатано неразборчивою сургучною печатью. Нами письмо датируется по связи его с предыдущим (№ 534). См. соображения М. А. Цявловского в изд. «Ярополец. Сборник статей», М. 1930, стр. 11 и 15 (прим. 40).

— Павловск — Павловское, имение Павла Ивановича Вульфа, в Старицком уезде, Тверской губернии (о нем см. выше, т. II, стр. 349—350).

— Берново — имение Ивана Ивановича Вульфа, в двух верстах от Павловского. № 535

— Малинники, — имение П. А. Осиповой, в пяти верстах от Павловского (о нем см. выше, т. II, стр. 347).

— Вчера своротя на проселочную дорогу... — Из Торжка Пушкин выехал 20 августа по проселочной, официально тогда называвшейся «уездной» дороге, которая шла из Торжка на Старицу, через Кречетово и Жердино. От Торжка до Кречетова 21 верста, от Кречетова до Жердина 22. Вероятно, в Жердине Пушкин свернул «вправо» на проселок, то есть на запад. От Жердина до Павловского, имения П. И. Вульфа, 21 верста (см. в назв. работе М. А. Цявловского «Ярополец», М. 1930, стр. 10 и 15, примеч. 39).

— Ярополец — имение Н. И. Гончаровой (см. о нем ниже, стр. 604).

— В 8 часов вечера приехал я. — В Павловское Пушкин приехал в тот же день 20 августа, то есть проехал шестьдесят четыре версты девять часов, делая в среднем верст семь в час (назв. работа Цявловского, стр. 11).

— Павел Иванович — Вульф (о нем см. выше, т. II, стр. 349—350) О Пушкине и о пребывании его в семействах Вульф-Понафидиных см. также в работе С. Фессалоницкого, «Пушкин в кругу старицких дворян», где напечатаны отрывки из неопубликованных воспоминаний А. Н. Понафидиной, в «Материалах Общества изучения Тверского Края», вып. 6, апрель 1928 г., стр. 12—14, 20—22 и др. (ср. В. В. Вересаев, «Пушкин в жизни», изд. 5, т. I, стр. 270, 276—278, и «Пушкин и его соврем.» вып. XXI—XXII, стр. 254—255); см. также в книге Б. Л. Модзалевского, «Пушкин», Лгр. 1929, стр. 373—374, — записи П. В. Анненкова. Неожиданный приезд Пушкина в имение Вульфов получил отклик в письме Анны Николаевны Вульф к сестре, бар. Е. Н. Вревской. В сентябре 1833 г. А. Н. Вульф, жившая в это время в с. Михайловском, сообщала, что «Над. Осип. [Пушкина] пишет мам[еньке]», [то есть П. А. Осиповой], что «Александр заезжал в Павловское к дядиньке. Какого?» («Пушкин и его соврем.», вып. XXI—XXII, стр. 315).

— Анет — речь идет об Анне Николаевне Вульф, Анне Ивановне Вульф, дочери Ивана Ивановича (она была по мужу Трувеллер) и Анне Петровне Керн (о них см. в I и II томах, по указателю.)

— Евпраксий — то есть Евпраксия Николаевна Вульф, по мужу баронесса Вревская (о ней см. там же). 9 июня у нее родилась дочь Мария Борисовна, о чем П. А. Осипова писала Пушкину в письме 28 июня (см. И. А. Шляпкин, «Из неизданных бумаг Пушкина», С.-Пб., 1903, стр. 183, и выше, стр. 580; ср. запись в дневнике П. А. Осиповой в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. I, стр. 143; М. Б. Вревская, по мужу Карпова, скончалась 30 января 1903 г.

— Саш — т. е. Александра Ивановна Осипова, по мужу Беклешова, падчерица П. А. Осиповой (о ней см. там же).

— Маш — то есть Мария Ивановна Осипова (род. 27 июля 1820—ум. 19 июля 1896), старшая дочь П. А. Осиповой от второго ее брака с Иваном Сафоновичем Осиповым. С М. И. Осиповой Пушкин виделся также в 1835 г., когда был в Михайловском, о чем писал ее сестре А. И. Бекле-

№ 535 шовой (Переписка Пушкина, т. III, стр. 229). Ее рассказы о Пушкине записаны М. И. Семевским в 1866 г. и напечатаны в его статье «Прогулка в Тригорское» в «С.-Пб. Ведом.» 1866 г., №№ 139, 146 157, 163, 168 и 175 (она перепечатана в изд. А. Н. Вульф, «Дневники», под ред. П. Е. Щеголева, М. 1929, стр. 31—122). Позднее некоторые рассказы ее записал Виктор Острогорский (см. «Пушкинский уголок земли» в «Мире Божьем» 1898 г., № 9, стр. 202—231, вошло в книгу В. П. Острогорского и В. М. Максимова: «Альбом „Пушкинский уголок“», М. 1899). Пользовался ее рассказами и П. В. Анненков в своей книге «Пушкин в Александровскую эпоху», С.-Пб. 1874, стр. 281, примеч. О самой М. И. Осиповой см. в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. I, по указателю. Ее портрет-силуэт хранится в Госуд. Публ. Библиотеке в Ленинграде, куда пожертвован был Е. Г. Коишевской (см. «Отчет» за 1910 г., стр. 71). Другая Маша — Мария Васильевна Борисова, дочь старицкого помещика Василия Гавриловича Борисова, жившая в доме Петра Ивановича Вульфа (о ней см. выше, в т. II, стр. 312), а также в «Трудах Публичной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина», вып. III, 1934 г., стр. 24 и 26 в работе М. А. Цявловского).

— Рейхман — Карл (ум. в апреле 1835), немец-агроном, управляющий тверским имением П. А. Осиповой Малинниками. В 1834 г. Пушкин по совету А. Н. Вульфа приглашал Рейхмана к себе для управления «Болдиным». П. А. Осипова, узнав об этом, написала поэту большое письмо (17 июня 1834 г.) и не пожалела красок для обрисовки Рейхмана с отрицательной стороны, считая его никуда негодным агрономом-теоретиком и любителем наживы. Пушкин отвечал ей в письме 29 июня: «Касательно Рейхмана отвечу вам откровенно. Я знаю его за честного человека, а в данную минуту мне только это и нужно» (перевод с французского; см. И. А. Шляпкин, «Из неизданных бумаг А. С. Пушкина», С.-Пб. 1903, стр. 198—201, 204—205; Переписка Пушкина, т. III, стр. 130—131, 137, 139; «Русск. Стар.» 1880 г., № 5, стр. 92). Но от управления Болдиным Рейхман отказался, о чем Пушкин писал в письме к жене 30 июня 1834 г. (Переписка Пушкина, т. III, стр. 141): «Посланный мною новый управитель нашел все в таком беспорядке, что отказался от управления и уехал... Он умный человек». Сохранилось одно письмо Рейхмана к Пушкину от 22 июня 1834 г., касающееся состояния хозяйственных дел по Болдину и Кистеневу (см. в назв. книге И. А. Шляпкина, стр. 202—203, и в Переписке Пушкина, т. III, стр. 135—136). О смерти К. Рейхмана писала 14 мая 1835 г. А. Н. Вульф П. А. Осиповой, прибавляя от себя: «Бедный человек — мне его жаль. Он воскрес в Тригорском для того, чтобы умереть в Малинниках» («Пушкин и его соврем.» вып. XXI—XXII, стр. 324), а в письме к бар. Е. Н. Вревской она же сообщала: «Кажется, ты знаешь, что Рейхм[ан] умер недавно, после короткой болезни; и его брат приходил ко мне, и плакал у меня от отчаяния» (письмо 24 мая, там же, стр. 327). О Рейхмане и Пушкине см. также в книге П. Е. Щеголева, «Пушкин и мужики», Лгр. 1928, стр. 113—114, и в «Дневнике А. Н. Вульфа», под ред. П. Е. Щеголева, М. 1929, стр. 116—117.

— шнапс — водка.

— Вельяшева — Екатерина Васильевна, воспетая Пушкиным в стихотворениях «Подъезжая под Ижоры» и «Я ехал к вам...» (о ней см. выше, т. II, стр. 348—349). В это время она была помолвлена за Александра Александровича Жандра (см. Б. Л. Модзалевский, «Семейные летописцы», М. 1915, стр. 11). № 535

— вист — распространенная корточная игра для трех или четырех партнеров; состоит из нескольких партий; две выигранных партии из трех называются робер.

— Завтра чем свет отправляюсь в Ярополец — то есть Пушкин предполагал выехать 22 августа утром, но, вероятно, задержался у П. И. Вульфа и выехал не «чем свет», а позднее. Из Павловского Пушкин поехал, очевидно, опять на Жердино (21 верста), из Жердина в Старицу (24 версты), из Старицы в Степурино (21 верста), из Степурина в Городище (14 верст), из Городища в Лопатино (18 верст), из Лопатина в Ярополец (верст 15), а всего Пушкин проехал верст 113. Считая, что он делал в среднем по семи верст, на весь переезд он должен был потратить часов шестнадцать. Если Пушкин выехал от Вульфа, как предполагал, «чем свет», то есть часов в пять утра 22 августа, то он мог быть вечером в этот же день в Ярополье, между тем туда он приехал несомненно 23 августа (в «середу поздно»); следовательно, он или пробыл лишние сутки у Вульфа и выехал из Павловского утром 23-го или, выехав, как и предполагал, 22 августа утром, сутки где-то провел в дороге (соображения М. А. Цявловского в его работе в сборнике статей «Ярополец», М. 1930, стр. 11).

— в Москву Пушкин приехал 25 августа в полдень, где пробыл пять дней (см. в комментариях к письму № 536).

— M-lle Pojarsky — «купецкая девица» Дарья Евдокимовна Пожарская, содержательница трактира в Торжке, славившегося приготовлением «пожарских котлет» из курицы и телятины (о Пожарской см. выше, т. II, стр. 196—197, а также в «Сборнике Тверского Общества Любителей Истории, Археологии и Естествознания», вып. I, Тверь 1903, стр. 244—246). Имя Пожарской было настолько хорошо известно, что о ней мы находим сведения в «Памятной книжке Тверской губернии на 1865 год» (изд. Тверского Губернского Статистического Комитета, Тверь 1865, стр. 103). «В то цветущее для Торжка время в нем существовали две очень хорошие гостиницы, из которых одна, принадлежавшая ямщичке Пожарской, пользовалась повсеместно известностью благодаря своим котлетам особого приготовления. Сама Дарья Евдокимовна Пожарская была замечательна не менее своих котлет: простая, но хитрая ямщичка, она под видом простоты умела втираться в милость к проезжающим вельможам и пользоваться их благосклонностью. Это придавало ей значительный вес в Торжке, тем более, что она охотно бралась устраивать разные дела и делишки в Петербурге, где бывала довольно часто и благодаря обширному знакомству нередко успевала в своих ходатайствах».

— M-de George — вероятно, знаменитая трагическая актриса Marguerite-Joséphine Wemmer (род. 1787—ум. 1867), которую Пушкин упомянул в своей статье «Мои замечания об русском театре», назвав ее «бездушной французской актрисой» (см. выше, в т. I, стр. 251). По отзыву кн. П. А. Вяземского, она обладала «греческим, ваяльным, царственным

535—536 обликом и станом»; он был совершенно «очарован величеством красоты ее и не менее величественною игрою художницы в ролях Семирамиды и Федры» и «до того времени [как ее увидел] никогда еще не видел олицетворения искусства в подобном блеске и подобной величавости» (Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 252, 253—254). О ней см. в «Остаф. Арх.», т. III, стр. 547—548. В 1834 г. Пушкин сообщал жене в письме 3 августа, что «на днях встретил» m-me Жорж и разговаривал с ней о здоровье Н. Н. Пушкиной (см. Переписка Пушкина, т. III, стр. 161), но та ли это m-me George, которую поэт упоминает в комментируемом письме, сказать не можем.

— Маша — дочь Пушкина, Мария Александровна.

— нет ли у ней новых затей, — то есть не больна ли она опять.

— Именины Н. Н. Пушкиной праздновались 26 августа в Натальин день, с чем Пушкин поздравлял жену в следующем письме (№ 536).

— Слова «гляделась ли ты в зеркало? Уверилась ли ты, что с твоим лицом ничего на свете не может сравниться?» — указывают на то, что «Сказка о мертвой царевне», написанная в Болдине 4 ноября 1833 г. (почти через два месяца после этого письма), уже задумывалась Пушкиным.

— о даче Миллера на Черной речке см. выше, стр. 588—589.

536. *Н. Н. Пушкиной.* 26 августа [1833 г.] (стр. 97—99). Напечатано впервые И. С. Тургеневым в «Вестн. Европы» 1878 г., № 1, стр. 33—34; вошло в издания сочинений Пушкина, начиная с издания Литературного Фонда, под ред. П. О. Морозова, т. VII, стр. 319—320, и в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. III, стр. 36—37. Подлинник — на листе почтовой бумаги большого формата, с водяными знаками: А. Гончаров 1830 — в Госуд. Публ. Библиотеке СССР имени В. И. Ленина, в Москве.

— Пушкин поздравляет жену с днем ее именин в Натальин день 26 августа.

— Цалую тебя заочно в очи — это выражение часто повторяется в письмах Пушкина к жене.

— Никитский дом — дом Гончаровых в Москве на Б. Никитской ул., ныне владение №№ 48 и 50 по ул. Герцена; самый дом теперь не существует.

— В Москву Пушкин приехал 25 августа из Ярропольца.

— В Ярополец Пушкин приехал из с. Павловского, имения П. И. Вульфа, 23 августа, где пробыл одни сутки и несколько часов. Ярополец — село Ярропольце (Ярропольче, Ярополец или Ярропольцы), в 115 верстах от Москвы по дороге в Зубцов, Волоколамского уезда, Московской губернии, с четырьмя приселками и деревнями в тысячу дворов, было «пожаловано» 25 июня 1684 г. бывшему гетману Украины Петру Дорофеевичу Дорошенку, который и умер в Ярропольце. После его смерти одной половиной имения владел сын его, Александр Петрович Дорошенко, женатый на Прасковье Федоровне Пушкиной, а другой половиной — младший сын, Петр Петрович, продавший в 1717 г. свою часть генерал-майору гр. Григорию Петровичу Чернышеву. Дочь Александра Петровича — Екатерина Александровна Дорошенко вышла замуж за Александра Артемьевича Загряжского (род. 1716 — ум. 1786), деда Н. И. Гончаровой, бывшего в родстве с кн. Григорием Александровичем Потемкиным. Этому родству А. А. Загряжский обязан своей карьерой и большим состоянием. А. А. За-

гряжским был выстроен (по проекту какого-то мастера, близкого к Баженову или Казакову) дом в Ярополье, не без основания названный Пушкиным «дворцом». Дом этот существует доныне и занят теперь школой. (Подробнее см. в статье М. А. Цявловского «Пушкин и Наталия Ивановна Гончарова. К пребыванию Пушкина в Ярополье 23—24 августа 1833 г.», статью С. А. Торопова «Архитектура Ярополъца» со снимками видов, в сб. статей «Ярополец», М. 1930, стр. 5—16, где указана и литература, и 44—53; см. также в «Литературном Наследстве», № 16—18, стр. 554 и 557).

— Наталия Ивановна — Гончарова, теща Пушкина (о ней см. выше, т. II и в настоящем томе, по указателю).

— Четверг я провел у нее, — то есть весь день 24 августа 1833 г.

— Маша — дочь Пушкина, Мария Александровна.

— Кат. Ив. — Загряжская, единокровная сестра Н. И. Гончаровой.

— Пожелание Н. И. Гончаровой было исполнено, так как Н. Н. Пушкина с детьми следующее лето, в 1834 г., провела в Ярополье.

— Прадедушка Дорошенко — пра-пра-пра-дедушка или пращур Н. Н. Пушкиной, Петр Дорофеевич Дорошенко (род. 1627—ум. 9 ноября 1698), арматный писарь Чигиринского полка (1649), ездил в 1657 г. к шведскому королю с «листом» Богдана Хмельницкого; в 1657—1658 г. Прилуцкий полковник, затем Чигиринский полковник (1660—1661); нобилитован с потомством в 1661 г., генеральный есаул от гетмана Павла Тетери (1663); Черкасский полковник (1665); с начала 1666 г. — гетман на Чигиринской раде и по 1676 г., когда сложил с себя этот уряд; в ноябре 1676 г. поселен в Соснице, в марте 1677 г. — в Москве; воевода в Вятке с 1679 по 1682 г. В 1676 г. получил от гетмана во владение село Чернотичи; 25 июня 1684 г. пожаловано ему поместье в тысячу дворов, село Ярополчь, с приселками Спасским, Суворовым, Никольским, Бегуновым (Архангельское тож) и с деревнями, вместо денежного жалованья, что ему давало по 1000 рублей (см. В. Л. Модзалевский, «Малороссийский Родословник», т. I, Киев 1908, стр. 451—452; подробнее о нем см. в «Русском Биографическом Словаре», т. Дабелов — Дядьковский, С.-Пб. 1905, стр. 600—603). Пушкин упомянул его в «Полтаве» (песнь первая). Его сын, Александр Петрович, как было сказано выше, женат был на дальней родственнице поэта Прасковье Федоровне Пушкиной; дочь их Екатерина Александровна Дорошенко, бывшая замужем за Александром Артемьевичем Загряжским, была матерью Ивана Александровича Загряжского, отца Екатерины Ивановны, Софии Ивановны, бывшей замужем за графом Ксавье де-Местром, и Натальи Ивановны (от какой-то француженки) (см Б. Л. Модзалевский и М. В. Муравьев, «Пушкины. Родословная роспись» Лгр. 1932, стр. 47, и В. В. Руммель и В. В. Голубцов, «Родословный сборник русских дворянских фамилий», т. I, С.-Пб. 1886, стр. 281, 283 и 285); см. также статью Вл. Гиляровского «Родственники А. С. Пушкина по жене» в «Русском Слове» 28 января 1903 г.

— Сем. Фед. — Семен Федорович Душин, управляющий Ярополецким имением (о нем см. выше, в примечаниях к письму № 471, стр. 431).

— Гробница П. Д. Дорошенка. — В описании Ярополъца, сделанном А. Н. Муравьевым 26 августа 1835 г., то есть через два года после посещения Ярополъца Пушкиным, находится такое описание памятника

№ 536 Дорошенка: «На уединенном кладбище, у берега Ламы, подле престола бывшей церкви стоит каменный памятник... с воинственным гербом, изображающим меч и крест под луною». Муравьев приводит «ветхую Славянскую надпись: «Лета 7206, ноября в 9 день преставился раб божий, Гетман Войска Запорожского Петр Дорофеев сын Дорошенко; а поживе от рождества своего 71 год, а положен бысть на сем месте». В настоящее время могила с плитой находится в часовне с куполом, стоящей посредине базарной площади (см. статью М. А. Цявловского в сборнике статей «Ярополец», М. 1930, стр. 11).

— Под «прочими достопамятностями Японолица» очевидно нужно подразумевать многочисленные постройки этой усадьбы: театр, оранжереи, флигель для «наложниц» А. А. Загряжского, как говорит современное предание, сообщающее о жившей некогда в этом флигеле «одной пожилой властной женщине и ее детях, игравших золотыми монетами» (там же, стр. 12). Едва ли С. Ф. Душин мог показывать «достопамятности» Чернышевской усадьбы в Ярополье, расположенной рядом с усадьбой Гончаровых (см. также статью Ф. Грошикова «Достопримечательности села Ярополья. В местах Пушкинского очарования» (в «Литературно-Худож Сборнике Красной Панорамы» 1929 г., декабрь, стр. 40—42).

— По сообщению Ф. Грошикова, в названной выше статье «счастливая случайность сохранила до наших дней те предметы, что сосредоточены сейчас в Пушкинской комнате Ярополецкой усадьбы. Здесь — та самая старинная библиотека Гончаровых, которой пользовался А. С. Пушкин и преобладающее место в которой занимают английские поэты того времени, наконец мебель Пушкинской эпохи, некоторые личные вещи Пушкина: цилиндр, трость, корабль из слоновой кости и ряд безделушек, много альбомов и портретов биографического значения. Ряд книг хранит на своих полях отметки читателей того времени, в том числе и Пушкина» (там же, стр. 42). К сожалению, до сих пор еще никто не взял на себя труд описать эти книги с пушкинскими пометами, если, конечно, это сообщение верно и Пушкин действительно за короткое пребывание в Ярополье успел их сделать. Из трех десятков отобранных Пушкиным из библиотеки Загряжских книг Б. Л. Модзалевским обнаружены в библиотеке Пушкина «Санктпетербургские Ведомости» за 1755, 1756, 1758 и 1766 гг., в трех старинных кожаных переплетах. На некоторых номерах написано «генералу Загряцскому», то есть Александру Артемьевичу Загряжскому, деду Натальи Ивановны Гончаровой (см. Б. Л. Модзалевский, «Библиотека Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. VI, VIII и 131). Возможно, что из Ярополья Пушкиным были вывезены еще следующие книги с пометами: «Н. Гончарова», «Н. Гончаров», «N. G.»; это «Путешествие в Сибирь аббата Шап д'Отрош», на французском языке, изд. 1769 г., в двух томах (№ 726 Пушкинской Библиотеки); «Antidote» 1771 г. в двух томах (№ 547) и «Eloge historique de Cathérine II» 1776 г. (№ 902) — ibid., стр. 142, 189 и 229, и назв. статья М. А. Цявловского в сб. «Ярополец», стр. 12 и 15 (примеч. 49). Отобранные Пушкиным книги Н. И. Гончарова обещала (в письме к нему 4 ноября 1833 г.) отправить «с первым обозом при первой возможности» (И. А. Шляпкин, «Из неизданных бумаг Пушкина», С.-Пб. 1903, стр. 185, и Переписка Пушкина, т. III, стр. 57).

— Дм. Ник. — Дмитрий Николаевич Гончаров (о нем см. в т. II, стр. 452—453 и др., и выше, в примечаниях к письму № 514); он жил с октября—ноября 1832 г. в калужском имении Гончаровых Полотняный Завод (см. выше, стр. 546—547). № 536

— Гр. Н. Черн.—графиня Надежда Григорьевна Чернышева (род. 1813—ум. в ноябре 1853), младшая из шести дочерей гр. Григория Ивановича Чернышева (род. 1762 — ум. 1831) и жены его Елизаветы Петровны, рожд. Квашниной-Самариной (род. 1773 — ум. 1828) и сестра декабриста гр. З. Г. Чернышева. В 1838 г. она вышла замуж за князя Григория Алексеевича Долгорукова (род. 1811 — ум. 1856), капитана генерального штаба (см. Г. А. Власьев, «Потомство Рюрика», С.-Пб. 1907, стр. 129, и кн. А. Б. Лобанов-Ростовский, «Русская родословная книга», т. II, С.-Пб. 1895, стр. 357; см. также статью Н. М. Дружинина «Семейство Чернышевых и декабристское движение» в сб. статей «Ярополец», М. 1930, стр. 17—21 и др.

— пишет из заводов — Полотняный Завод, калужское имение Гончаровых. Это письмо Д. Н. Гончарова неизвестно.

— la charmante et divine comtesse — очаровательной и божественной графини.

— et que son charmant image etc. — и что ее очаровательный образ и т. д.

— Нат. Ив. — Наталья Ивановна Гончарова.

— Кругликова — старшая сестра Надежды Григорьевны — графиня София Григорьевна Чернышева (род. 28 апреля 1799—ум. 24 июля 1847), вышедшая замуж за Ивана Гавриловича Кругликова (род. 1787—ум. 1847), получившего 14 января 1832 г. титул и фамилию графа Чернышева-Кругликова и наследовавшего Чернышевский майорат.

— Муравьев (святой) — Андрей Николаевич Муравьев (род. 30 апреля 1806—ум. 18 августа 1874), известный ханжа и писатель по религиозным вопросам, брат Муравьевых — Александра Николаевича декабриста, Николая Николаевича «Карского» и Михаила Николаевича, «Виленского вешателя», прозван был «Вселенским», с 1837 года — член Российской Академии за то, что «изданием описания Путешествия своего к святым местам обратил на себя общее внимание» (М. И. Сухомлинов, «История Российской Академии», т. VII, стр. 476—477). А. Н. Муравьев воспитывался в доме своего отца Н Н. Муравьева под руководством С. Е. Раича, на литературных вечерах которого А. Н. Муравьев впервые познакомился с рядом крупных впоследствии писателей, и сам начал рано заниматься литературой, печатая свои стихи в журналах. В 1825 г. он познакомился с Грибоедовым, в 1826 г. — с Е. А. Боратынским, Вяземским и Пушкиным, а также с московским митрополитом Филаретом, под влиянием которого и сложилось у Муравьева ханжеско-клерикальное мировоззрение и приверженность к букве церковных законов, наложившее отпечаток на всю его последующую жизнь. По отзыву С. Сулимы «Муравьев был исполинского роста и приятной наружности. При всей набожности своей, он был нрава веселого, сердца доброго, обходителен и любим всеми товарищами, хотя постоянно удалялся от веселых компаний и часто проповедывал... в пустыне... Муравьев много читал и с толком, прекрасно

№ 536 знал историю, языки: латинский, греческий, немецкий, французский и английский, а затем итальянский и арабский» («Русск. Арх.» 1876, кн. II, стр. 353—354). Начав службу юнкером в 34-м егерском полку 7 мая 1823 г., он в том же году (3 декабря) произведен был в прапорщики с определением в Харьковский Драгунский полк, но уже в 1827 г. (3 сентября) уволен был от службы для определения к «статским делам»; в 1828 г. Муравьев держал экзамен при Московском Университете и по испытании «в языках и науках», получил 9 апреля аттестат, а 10 августа 1828 г. определен был в ведомство Коллегии Иностранных Дел, с причислением к дипломатической канцелярии главнокомандующего 2-ю армиею гр. Витгенштейна и гр. Дибича-Забалканского, где исполнял разные дипломатические поручения во время русско-турецкой войны; в это время ему было дано разрешение (10 августа 1829 г.) предпринять путешествие в Иерусалим, откуда он возвратился в 1830 г. (7 сентября), описав его в своей книге, «Путешествие ко святым местам в 1830 году», С.-Пб. 1832, две части, выдержавшей затем много изданий (в библиотеке Пушкина сохранилось 1-е и 3-е издания этой книги, см. Б. Л. Модзалевский, «Библиотека Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 65). В предисловии к «Путешествию в Арзрум» Пушкин сообщает, что «Из поэтов, бывших в турецком походе, знал я только об А. С. Хомякове и об А. Н. Муравьеве. Оба находились в армии графа Дибича. Первый написал в то время несколько прекрасных лирических стихотворений, второй обдумывал свое путешествие к святым местам, произведшее столь сильное впечатление» (Сочинения, изд. «Красной Нивы», вып. 9, стр. 541): в 1832 г. Пушкин предполагал написать рецензию на книгу Муравьева; сохранился лишь небольшой отрывок рецензии, напечатанной впервые в 1884 г. В. Е. Якушкиным в «Русской Старине» (№ 8, стр. 326—327), а затем вошедший в издания сочинений поэта; в этой рецензии Пушкин между прочим писал; «Г. Муравьев через г. Дибича получил дозволение посетить св. места — и к ним отправился через Константинополь и Александрию. Ныне издал он свои путевые записки — С умилением и невольной завистью прочли мы книгу Г-на Муравьева...» (Сочинения Пушкина, изд. Акад. Наук, т. IX, ч. 1, стр. 165; ч. 2, стр. 492—494). Постепенно повышаясь в чинах, Муравьев в чине титулярного советника, 20 мая 1831 г., определен был столоначальником в Азиатский департамент, а в 1833 г. (22 апреля) был определен за обер-прокурорский стол Святейшего Синода с оставлением в качестве причисленного к ведомству министерства иностранных дел; в этой должности Муравьев прослужил до 1836 г., получив 21 мая звание камергера, а 17 ноября был назначен членом хозяйственного комитета при Синоде (до 1839 г.); затем Муравьев последовательно занимал должности члена общего присутствия духовно-учебного Управления при Синоде, члена общего присутствия Азиатского департамента (1842), чиновника особых поручений при этом же департаменте (1846); конец жизни он жил в Киеве и умер в чине действительного статского советника. За время службы Муравьев неоднократно ездил в разные места России и был за границей, где по преимуществу посещал монастыри и другие подобные места. Благочестие Муравьева было нетерпимое и воинствующее, и мечом духовным ему иной раз служил донос (см. например в «Дневнике А. В. Никитенко»,

изд. 2, т. I, стр. 160). Один из стихотворных опытов Муравьева, отрывок из его книги стихов «Таврида» (1827) под заглавием «Бахчисарай», напечатанный в альманахе С. Е. Раича «Северная Лира на 1827 год», был благосклонно отмечен Пушкиным в рецензии на этот альманах (см. «Пушкин и его соврем.», вып. XXIII—XXIV, стр. 1 и 4—5, и Сочинения Пушкина, изд. Акад. Наук, т. IX, ч. 1, стр. 44, и ч. 2, стр. 101—107), хотя этот отрывок был несомненным подражанием пушкинскому «Бахчисарайскому фонтану» (см. «Русск. Арх.» 1876 г., кн. II, стр. 357—358, рецензию Е. А. Боратынского в «Московском Телеграфе» 1827 г., № 4, стр. 325 и впечатление от этой рецензии на Муравьева в его воспоминаниях: «Знакомство с русскими поэтами», Киев, 1871, стр. 14). После книги «Путешествие по святым местам» Муравьев издал еще ряд подобных (перечень их см. у С. А. Венгерова «Источники словаря русских писателей», т. IV, стр. 437—440 и Соч. Пушкина, ред. С. А. Венгерова, т. IV, стр. XXX в статье Н. О. Лернера). Среди работ Муравьева особняком стоит его драма «Битва при Тивериаде», написанная в 1828 г. и сюжет которой взят из истории крестовых походов; она два раза ставилась на сцене Александринского театра в сезон 1832—1833 г. (13 и 20 октября 1832 г.), но успеха не имела (см. А. Вольф, «Хроника Петербургских театров», ч. I, С.-Пб. 1877, стр. 30 и ч. II, стр. 253; приведенная здесь эпиграмма Пушкину не принадлежит; ср. «Старина и Новизна», кн. VIII, стр. 37, и «Русск. Арх.» 1876 г., кн. II стр. 355—356; в воспоминаниях Муравьева в «Русск. Обозрении» 1895 г. № 12, стр. 603—605, где в примечаниях приведены отзывы «Северной Пчелы»). Пушкин поместил анонимно некоторые отрывки из четвертого и пятого действий драмы в своем «Современнике» 1836 г., кн. II, стр. 155—179, с предисловием Муравьева, помеченным «30 ноября 1833 г.»; отдельным изданием полностью драма издана была «для немногих» в Киеве в 1874 г. незадолго до смерти ее автора. В предисловии к этому изданию Муравьев свидетельствует, что «сам Пушкин, принимавший живое участие в моих литературных начатках, подал мне мысль написать историческое предисловие, чтобы ознакомить с предметом и действующими лицами моей Битвы при Тивериаде, и даже напечатал ее третье действие в издаваемом им журнале «Современник» («Русск. Арх.» 1876 г., кн. II, стр. 355, и «Русское Обозрение» 1895 г., № 12, стр. 606, примеч.; «Знакомство с русскими поэтами», стр. 18—19; «Переписка Пушкина», т. III, стр. 327 и 335. В «Современник» же Пушкин взял отрывок из трагедии Муравьева «Михаил Тверской»; он был напечатан уже после смерти поэта в VI томе «Современника», стр. 376—392 (из 5-го действия). Впоследствии в своей книге «Знакомство с русскими поэтами» (Киев 1871) А. Н. Муравьев, относящий свои первые встречи с Пушкиным к зиме 1826—1827 г. в Москве, вспоминал: «Приветливо встретил меня Пушкин в доме Баратынского и показал живое участие к молодому писателю, без всякой литературной спеси или каких-либо видов протекции, потому что, хотя он и чувствовал всю высоту своего гения, но был чрезвычайно скромен в его заявлении. Сочувствуя всякому юному таланту, и он, как некогда [И. И.] Дмитриев, заставлял меня читать мои стихи, и ему были приятны некоторые строфы из моего описания Бахчисарая, оттого, что сам воспел № 536

№ 536 этот чудный фонтан: так снисходительно судил он о чужих произведениях». В это же время с Муравьевым Пушкин встречался несомненно в салоне кн. З. А. Волконской, где произошел известный инцидент, вызвавший эпиграмму Пушкина на Муравьева: «Лук звенит, стрела трепещет...» (см. об этом ниже, стр. 611). В 1833 г. вместе с бар. Е. Ф. Розеном Муравьев приглашал Пушкина 19 июня пить чай на Крестовском острове (см. Переписка Пушкина, т. III, стр. 24, письмо Розена). К этому же времени (1831—1833) относится следующий рассказ Муравьева: «И другой великий поэт оказал мне живое участие в эту знаменательную для меня эпоху, первого блистательного успеха при появлении моего путешествия и столь быстро последовавшей за ним неудачи моей трагедии [«Битва при Тивериаде»]: — это был Пушкин. Четыре года я не встречался с ним, по причине Турецкой кампании и моего путешествия на Восток, и совершенно нечаянно свиделся в архиве министерства иностранных дел, где собирал он документы для предпринятой им истории Петра Великого. По моей близорукости я даже сперва не узнал его...» «С тех пор и до самой кончины Пушкина я оставался с ним в самых дружеских отношениях» («Знакомство с русскими поэтами», стр. 18—19, «Русск. Обозрение» 1895 г., № 12, стр. 599—600). Теплые строки оставил Муравьев также и о смерти Пушкина, там же (стр. 22—23) и сам был на квартире, где умирал поэт (сб. «Памяти П. Н. Скулина», М. 1931, стр. 309; ср. П. И. Бартенев, «Пушкин», вып. II, стр. 69). О Пушкине и Муравьеве см. подробнее в названных воспоминаниях А. Н. Муравьева, а также у Н. О. Лернера в Сочинениях Пушкина под ред. С. А. Венгерова, т. IV, стр. XXIX — XXX). У Муравьева была книга «Краткая история Благовещенского Нежинского монастыря», 1815 г., которую ему подарил Пушкин (см. Б. Л. Модзалевский, «Библиотека Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. XVII—XVIII).

— А. Н. Муравьев действительно увлекался гр. Надеждой Григорьевной Чернышевой, о чем пишет в своих записках его брат Н. Н. Муравьев, женившийся на ее сестре гр. Наталье Григорьевне Чернышевой (см. «Русск. Арх.» 1894 г., кн. III, стр. 168—172 и др.). В описании Ярополца, сделанном А. Н. Муравьевым, последний вспоминал о том, как в 1832 г. он любовался «стройной, величественной амазонкой в черной одежде, смело скачущей на белом коне своем по берегу реки». Эта амазонка — несомненно гр. Н. Г. Чернышева. Муравьев воспел ее в стихах «Замок на Ламе (графине Н. Г. Чернышевой)» (см. «Ярополец», М. 1930, стр. 13 и 16). Муравьевы были соседями Гончаровых и Чернышевых. Имение их Осташево, Можайского уезда, находилось в нескольких верстах от Ярополца (ср. в воспоминаниях А. Н. Муравьева в «Русск. Обозрении» 1895 г., т. XXXVII, стр. 513). Влюбленный с 1832 г. в Н. Г. Чернышеву, Муравьев имел основание, однако, говорить о своем «монашестве»: он умер холостым.

— Скотинин и Митрофан — действующие лица из комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль». Вопрос Скотинина к Митрофану, приводимый Пушкиным, находится во втором действии, явлении четвертом. Эта цитата у Пушкина имеет двойное значение, являясь автореминисценцией и приобретает характер каламбура на основании следующих материалов.

В 1827 г., вскоре после знакомства, у Муравьева с Пушкиным едва не № 536
произошла дуэль из-за эпиграммы Пушкина, в которой Муравьев назван «Митрофаном Бельведерским». В доме кн. З. А. Волконской «часто бывал я на вечерах и маскарадах, — рассказывает Муравьев, — и тут однажды по моей неловкости, случилось мне сломать руку колоссальной гипсовой статуи Аполлона, которая украшала театральную залу. Это навлекло мне злую эпиграмму Пушкина, который, не разобрав стихов, сейчас же написанных мною в свое оправдание на пьедестале статуи, думал прочесть в них, что я называю себя соперником Аполлона. Но эпиграмма дошла до меня уже поздно, когда я был в деревне» («Знакомство с русскими поэтами», Киев 1871, стр. 13). Эта эпиграмма Пушкина напечатана была в «Московск. Вестн.» 1827 г., т. II, № 6, стр. 124, с подписью «Ал. П.» и читается так:

Лук звенит, стрела трепещет,
И клубясь издох Пифон;
И твой лик победой блещет,
Бельведерский Аполлон!
Кто ж вступился за Пифона,
Кто разбил твой истукан?
Ты соперник Аполлона,
Бельведерский Митрофан!

Граф М. Д. Бутурлин, встречавшийся с Муравьевым у княгини Волконской, рассказывает, что «в 1827 году он [то есть Муравьев] пописывал стишки и раз, отломив *нечаянно* (упираю на это слово) руку у гипсового Аполлона на парадной лестнице Белосельского дома, он тут же начертил какой-то акростих. Могу сказать, почти утвердительно, что А. С. Пушкина при том не было. Странно, что, бывши у княгини Волконской, я ни разу не встречал там Пушкина» («Русск. Арх.» 1897 г., кн. II, стр. 178). Бутурлин полагал, очевидно, что Муравьев нарочно отломил руку статуи ради заранее приготовленных стихов:

О Аполлон! Поклонник твой
Хотел померяться с тобой,
Но оступился и упал.
Ты горделивца наказал;
Хотя пожертвовал рукой,
Зато остался он с ногой.

(«Русск. Арх.» 1885 г., кн. I, стр. 132 и 120). Пушкин «видно верно понял глупые вирши, вполне достойные Митрофана» — говорит Н. О. Лернер (Сочинения Пушкина, под ред. С. А. Венгерова, т. IV, стр. XXIX). Муравьев пытался отплатить поэту неуклюжей, полульстивой, полугрубой эпиграммой, приведенной Н. О. Лернером там же:

Как не злиться Митрофану?
Аполлон обидел нас:
Посадил он обезьяну
В первом месте на Парнас.

По поводу помещения в «Московском Вестнике» эпиграммы Пушкина М. П. Погодин впоследствии вспоминал: «Встретясь со мною дня через два по выходе книжки, он сказал мне: «А как бы нам не поплатиться за эпиграмму». — Почему? — «Я имею предсказание, что должен умереть

№ 536 от белого человека или от белой лошади. [Муравьев] может вызвать меня на дуэль, а он не только белый человек, но и лошадь» («Русск. Арх.» 1870 г., ст. 1947). А. Н. Муравьев в своих воспоминаниях также рассказывает о суеверии Пушкина в связи с этой эпиграммой и описывает свою встречу с поэтом — первую после появления эпиграммы в печати. «Он первый ко мне устремился и сказал: До сих пор не могу простить себе глупой моей эпиграммы» («Знакомство с русскими поэтами, стр. 14—15, 18—19; «Русск. Обозрение» 1895 г., № 12, стр. 599—601). На этом инцидент был исчерпан, и Пушкин до конца дней оставался с Муравьевым в приятельских отношениях. Об этом см. подробнее у Н. О. Лернера в Сочинениях Пушкина, под ред. С. А. Венгерова, т. IV, стр. XXIX—XXX, а также в заметке К. Бутенева в «Русск. Арх.» 1892 г., кн. I, стр. 88, и в «Автобиографии А. О. Смирновой, ред. Л. В. Крестовой, М. 1931, стр. 173; ср. А. О. Смирнова, «Записки, дневник, воспоминания, письма» со статьями и примеч. Л. В. Крестовой, под ред. М. А. Цявловского, М. 1929, стр. 191. 223 и 287).

— Son coeur et sa main — сердца и руки.

— qu'il n'est plus dans son assiette ordinaire — что он не в своей тарелке.

— О приезде Пушкина в Москву см. выше, стр. 603 и 604. В Яропольце же Пушкин больше не был, хотя и собирался туда еще раз (см. его письмо к Н. И. Гончаровой конца августа 1834 г. в «Русск. Арх.» 1897 г., кн. I, стр. 116, и в Переписке Пушкина, т. III, стр. 162—163).

— Отец — Николай Афанасьевич Гончаров (о нем см. выше, т. II, стр. 337—338); он был душевнобольной, чем и объясняется фраза Пушкина: «Он довольно тих»; очевидно, в этот момент резких симптомов болезни не было заметно; см. также статью Мих. Артамонова «Гончаров, тесть Пушкина. По Пушкинским местам» в «Огоньке» 1927 г., № 17.

— Нащокин — Павел Войнович. Пушкин видался с ним в этот приезд в Москву довольно часто, а перед отъездом на Урал у Нащокина был устроен Пушкину прощальный вечер (см. в примечаниях к письму № 539, стр. 617).

— Юрьев — Василий Гаврилович — прапорщик гвардейской инвалидной роты, ростовщик, отдавал деньги в рост под векселя, за проценты. Пушкин с женою неоднократно занимали у него деньги. Известны: векселя Пушкина, выданные В. Г. Юрьеву 22 апреля 1833 г. на сумму 6500 р. и 19 сентября на 9000 рублей в 1836 г., и вексель Н. Н. Пушкиной 30 декабря 1836 г. на 3900 рублей (см. «Пушкин и его соврем.», вып. XIII, стр. 96, 97, 103 и 105); деньги по ним уплатила учрежденная над детьми и имуществом Пушкина опека (подробнее см. в книге М. А. Цявловского, Л. Б. Модзалевского и Т. Г. Зенгер «Рукою Пушкина», стр. 797 и 809—810).

— Соболевский—Сергей Александрович, только что возвратившийся в Москву от своего отца А. Н. Соймонова из имения Теплое (см. выше, стр. 598).

— incognito — инкогнито, под чужим именем.

— gentlemen — джентльмен; написание этих слов латинскими буквами указывает, что они еще не были тогда в ходу.

— в Москве Пушкин пробыл до 29 августа и в этот день уехал в Нижний-Новгород (см. ниже, стр. 617 и 618).

— в Казань Пушкин приехал 5 сентября.

— в Симбирск поехал Пушкин 8 сентября рано утром и приехал туда 9 сентября (см. ниже в примечаниях к письмам №№ 541 и 543, стр. 622 и 628).

— Кат. Ивановна — Загряжская.

537. *Н. Н. Пушкиной* [27 августа 1833] (стр. 99) Напечатано впервые И. С. Тургеневым в «Вестн. Европы» 1878 г., № 1, стр. 34—35, затем вошло в Сочинения Пушкина, начиная с изд. Литературного Фонда, под ред. П. О. Морозова, т. VII, стр. 320—321, и в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. III, стр. 38—39. Подлинник — на листе почтовой бумаги обыкновенного формата, без водяных знаков, в Госуд. Публ. Библиотеке СССР имени В. И. Ленина, в Москве.

— Н. Н. Пушкина родилась 27 августа 1812 г. В этот день 1833 года ей исполнился 21 год.

— у Киреевского — вернее, у Киреевских, Ивана и Петра Васильевичей (о них см. выше, стр. 456—458 и 508—509), живших с матерью Евдокиею Петровною, рожд. Юшковой, по второму мужу Елагиной, племянницей В. А. Жуковского, у Красных ворот в Хоромном тупике, д. № 4. Вероятно во время этой встречи Пушкин много разговаривал с П. В. Киреевским и С. А. Соболевским об издании народных песен, собиранием которых тогда сильно увлекался П. В. Киреевский. 7 сентября Соболевский писал А. Х. Востокову: «Московский литератор П. В. Киреевский занимается большим собранием русских народных стихотворений. Кроме напечатанных у [М. Д.] Чулкова, [Н. И.] Новикова и Кирши Данилова, подслушал он сам или получил от [Н. М.] Языкова, [С. П.] Шевырева и А. Пушкина более тысячи повестей, песней и так называемых стихов». М. А. Цявловский делает совершенно правильное предположение о том, что именно в это время (октябрь — декабрь 1833 г.) Киреевский и получил через Соболевского рукопись Пушкина с записями народных песен (см. подробнее в книге М. А. Цявловского, Л. Б. Модзалевского и Т. Г. Зенгер, «Рукою Пушкина», Л. 1934, стр. 435).

— Шевырев — Степан Петрович (о нем см. в т. II, стр. 274 и др., и выше, стр. 235—238). Он возвратился в Москву из поездки за границу в конце сентября 1832 г. (см. «Русск. Арх.» 1882 г., кн. III, стр. 201). Все это время, в течение 1832—1833 г., он занят был работой над рассуждением: «Дант и его век» для получения в Московском Университете кафедры профессора русской словесности; оно было напечатано в «Ученых Записках Московского Университета» 1833 г., № 5 и 1834 г., № 11; он был избран 27 сентября 1833 г. адъюнктом по словесному отделению; 30 октября ему было поручено преподавание истории словесности всеобщей, а потом в 1834 г. преподавание русской словесности («Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского Университета», ч. II, М., 1855, стр. 610—612).

— Соболевский — Сергей Александрович.

— Суденко — Михаил Иосифович Судиенко (о нем см. в т. II, стр. 367—368). О посещении его Пушкин подробнее рассказал в одном из следующих писем к жене (см. № 540).

— Еду послезавтра — Пушкин действительно выехал 29 августа.

№ 537 — Булгаков — Александр Яковлевич (род. 15/26 ноября 1781 — ум. в Дрездене 17 апреля 1863), сын дипломата Якова Ивановича Булгакова и гречанки Екатерины Любимовны, по первому мужу Имбер; с 1832 по 1856 г. занимал пост Московского почт-директора и известен был как вестовщик всяких новостей (см. «Русск. Архив» 1878, кв. II, стр. 34); он находился в приятельских отношениях с кн. П. А. Вяземским, В. А. Жуковским, А. И. Тургеневым и др. С Пушкиным Булгаков познакомился 29 сентября 1826 г., о чем писал брату К. Я. Булгакову 5 октября: «Я познакомился с поэтом Пушкиным. Рожа ничего не обещающая. Он читал у Вяземского свою трагедию Борис Годунов, которая объемлет всю его жизнь; он шагает по шекспировски, не соблюдая никакого единства и позволяя себе все...» («Русск. Арх.» 1901, кн. II, стр. 405; ср. во II томе, стр. 188, чтение «Бориса Годунова» у Вяземского). Будучи довольно коротко знаком с Булгаковым в последующие годы (см. в переписке братьев Булгаковых), Пушкин никогда близок с ним не был, а после перлюстрации Булгаковым письма поэта к жене (см. запись в дневнике Пушкина под 10 мая 1834 г.) между ними последовал разрыв (подробнее о Пушкине и Булгакове см. в «Дневнике» Пушкина, под ред. Б. Л. Модзалевского, П. 1923, стр. 213—214, и в московском издании «Дневника», 1923, стр. 488—489; см. также письма А. Я. Булгакова к дочери и к кн. П. А. Вяземскому о дуэли и смерти Пушкина, опубликованные М. А. Цявловским в «Красн. Арх.», т. XXXIII, стр. 224—231).

— красавицы — дочери А. Я. Булгакова — Екатерина Александровна (род. 1 марта 1811), фрейлина (1 янв. 1830), впоследствии статс-дама; слыла красавицею; у нее была одна особенность: от застенчивости краснели уши и кн. П. А. Вяземский прозвал ее *ушко* (см. «Русск. Арх.» 1879 г., кн. II, стр. 110—111); о ней см. в «Остаф. Арх.», т. II, стр. 541; т. III, стр. 220 и 580—581; «Русск. Арх.» 1897 г., кн. II. стр. 206; 1903 г., кв. III, стр. 411; 1904 г., кн. I, стр. 571 и др.; 1906 г., кн. II, стр. 244, и 1908, кв. I, стр. 377); она была замужем (с 1 июля 1835) за Павлом Дмитриевичем Соломирским, офицером л.-гв. Гусарского полка, братом С. Д. Соломирского; он упоминается в молитве лейб-гусарских офицеров (см. «Пушк. и его совр.» в. XVII — XVIII, стр. 11; см. также «Остафьевский Архив», т. III, стр. 639); их силуэты недавно опубликованы А. Л. Вейнберг в «Звеньях», № 1, стр. 76; там же см. и письмо Е. А. Соломирской о дуэли и смерти Пушкина, свидетельствующее о ее благожелательном отношении к поэту (стр. 73); см. также разговор с ней Пушкина в 1829 г. в «Русск. Арх.» 1901 г., кн. III, стр. 298—299, и 1903 г., кн. III, стр. 329, и в письме Пушкина № 540. Другая дочь Булгакова — Ольга Александровна (род. 1 июля 1814 — ум. 28 апреля 1865), 28 января 1831 г. вышедшая замуж за князя Александра Сергеевича Долгорукова (род. 1809—ум. 1873). О них см. в т. II, стр. 493 и в «Дневнике» Пушкина под ред. Б. Л. Модзалевского, П. 1923, стр. 213—214, и в московском издании, 1923 г., стр. 486—488; ср. в письме Пушкина № 540.

— Жена А. Я. Булгакова — Наталья Васильевна, рожд. княжна Хованская (род. 5 мая 1785 — ум. 9 апреля 1841), первая его жена, с сентября 1809 г. (см. С. А. Белокуров, «Из собрания актов князей Хованских», М. 1913, стр. 10; «Русск. Арх.» 1899 г., кн. I, стр. 622)

Письма к ней А. Я. Булгакова напечатаны в «Русск. Арх.» 1866 г., № 337 ст. 703—731.

— Кн. Шаликов — Петр Иванович (о нем см. выше, т. I, стр. 276 и 307, и т. II, стр. 422, 423, 481 и др.). В «Русск. Арх.» 1900 г., кн. II, стр. 166—168, приводится рассказ о знакомстве Пушкина с доктором П. А. Клопитоновым у Шаликова и о том, как Пушкин, узнав об эпизоде, случившемся с Клопитоновым в Петергофе, воспользовался им для фабулы «Капитанской дочки» (о встрече Маши Мироновой с Екатериной II). Рассказ этот внушает мало доверия. Письмо Шаликова к Пушкину опубликовано Ю. Г. Оксманом в «Литературном Наследстве», № 16—18, стр. 602—604.

— Погодин — Михаил Петрович. Женился он 9 июля 1833 г. на Елизавете Васильевне Вагнер (род. 16 октября 1809 — ум. 6 ноября 1844), «очень образованной и хорошенькой девушке», по словам Н. М. Языкова («Русск. Стар.» 1903 г., № 3, стр. 531; см. также «Русск. Арх.» 1883 г., кн. I, стр. 78 и 104; Н. П. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. IV, стр. 129—133 и др., по указателю в кн. XXII). После смерти жены Погодин вторично женился на Софии Ивановне Сеймонд, по первому мужу Бэль (Бель) (род. 26 декабря 1826 — ум. 20 января 1887).

— Нащокин — Павел Войнович.

— Чадаев — Петр Яковлевич (о нем см. выше, в примечаниях к письму № 438, стр. 331—336).

— Раевский — Николай Николаевич младший; после происшедших с ним неприятностей по службе (см. выше, т. II, стр. 405) он был назначен 24 декабря 1831 г. состоять при начальнике 4-й гусарской дивизии; в начале января 1832 г. Раевский обратился через гр. А. И. Чернышева с ходатайством перед Николаем I о возвращении ему потерянных им наград; сохранился черновик этого прошения, в составлении которого принимал участие и Пушкин, — его поправки сохранились на прошении (см. «Арх. Раевских», под ред. Б. Л. Модзалевского, т. II, стр. 107—108, и в книге «Рукою Пушкина», Л. 1935, стр. 818—819); вследствие этого прошения Раевский получил 7 февраля 1832 г. орден Анны I степени (там же, стр. 110), а 2 июня 1832 г. был назначен командиром 2-й бригады 2-й конно-егерской дивизии и жил то в Москве, то в своих имениях в Киевской губернии, то в Петербурге, то, наконец, в Крыму, в своем поместьи Тессели, после того как 14 марта 1833 г. был снова «зачислен по кавалерии» (см. «Алфавит декабристов, под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, стр. 384; Б. Л. Модзалевский, «Род Раевских герба Лебедь», С.-Пб. 1908, стр. 70; биографию Раевского, написанную Б. Л. Модзалевским, см. в «Русском Биографическом Словаре», т. Притвиц—Рейс, С.-Пб. 1910, стр. 403). О своей встрече в Москве с Раевским 28 августа Пушкин подробнее пишет жене в следующем письме (№ 540). О Пушкине и Раевском см. также П. И. Бартенев, «Пушкин», вып. II, стр. 58, «Русск. Арх.» 1884 г., кн. II, стр. 426, и в «Литературном Наследстве», № 16—18, стр. 571—572.

— Брат Раевского — Александр Николаевич Раевский; после высылки в Полтаву с запрещением въезда в столицы (см. выше, т. II, стр. 303—309 и 366) жил в Москве, получив на то разрешение Николая I

№ 537 в августе — сентябре 1833 г. (см. «Арх. Раевских», под ред. Б. Л. Модзалевского, т. II, стр. 164). О Раевском Пушкин упоминает еще в письмах 1836 г. (Переписка Пушкина, т. III, стр. 308, 312). О Пушкине и Раевском см. подробнее в примечаниях Б. Л. Модзалевского к «Дневнику» Пушкина, П. 1923, стр. 208—210. и в московском издании «Дневника», 1923, стр. 478—482.

— бригадир Раевский — сведений о нем не имеется.

— Вяземский — князь Петр Андреевич, жил в это время в Петербурге (см. выше, стр. 539, 547 и 600). См. о нем также новейшую работу Николая Кутанова «Декабрист без декабря» в сб. «Декабристы и их время», т. II, М. 1932, стр. 201—290.

— князь Петр Долгорукой — князь Петр Михайлович Долгоруков (род. 1784); в 1826—1829 гг. состоял клинским уездным предводителем дворянства; имел прозвище «Enfant Prodigue»; умер от холеры в Нижнем-Новгороде, в чине майора, в августе 1833 г. (см. Г. А. Власьев, «Потомство Рюрика», т. I, ч. 3, стр. 130—131).

— О Московском английском клубе, членом которого состоял Пушкин, см. выше, стр. 447—448, а также статью «К истории Московского Английского клуба», в «Русском Архиве» 1889, кн. II, стр. 85—98; здесь же на стр. 94—95, см. запись в журнале клуба от 29 октября 1832 г. о каком-то «известном всему обществу» происшествии с кн. П. М. Долгоруковым, из-за которого вышли из числа членов М. А. Салтыков и В. А. Кобылин.

— Орлов — Михаил Федорович (о нем см. выше, в тт. I и II, по указателю). Привлеченный к следствию в качестве члена Союза благоденствия, он после заключения в Петропавловской крепости (с 29 декабря 1825 по 16 июня 1826) был исключен со службы, выслан под надзор в деревню с запрещением въезда в столицы; он поселился в имении при с. Милятине, Масальского уезда, Калужской губернии, а 12 мая 1831 г. ему дано было разрешение переехать в Москву, благодаря ходатайству брата, А. Ф. Орлова, где его и видел Пушкин (см. «Алфавит декабристов», под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, стр. 370; в статье Н. П. Чулкова в сб. «Пушкин в Москве», М. 1930, стр. 74—75). В 1831 г. Орлов обращался к Пушкину с небольшой запиской (см. «Переписка Пушкина», т. II, стр. 237—238). Пушкин с ним встречался также в 1836 г. (см. ibid., стр. 308, 309, 312). К апрелю 1834 г. относится отзыв Орлова о стихах Пушкина (они ему надоели — см. «Русск. Арх.» 1885, кн. I, стр. 141). См. также в письме П. Я. Чаадеева к С. Л. Пушкину, 1837 г., в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. VIII, стр. 53, и заметки Б. В. Томашевского о политических спорах Пушкина и Орлова в 1821 г., в «Звезде» 1930 г. № 7, стр. 227—231.

— Бобринский — граф Алексей Алексеевич Бобринский (род. 6 января 1800, ум. 4 октября 1868), сын гр. Алексея Григорьевича (сына Екатерины II), известный деятель в области свеклосахарной промышленности, сельского хозяйства и железнодорожного дела, камер-юнкер (1833), с 1827 г. служил в департаменте уделов, а 17 ноября 1833 г. перешел на службу в Министерство Финансов, в Особую Канцелярию по кредитной части (подробнее о нем и об отношениях его с Пушкиным см. в примечаниях

Б. Л. Модзалевского к «Дневнику» Пушкина, П. 1923, стр. 68—70 и др., и *537—539* в московском издании «Дневника» 1923, стр. 210—211). К 1835 г. относится небольшое письмо поэта к нему в связи с приглашением на бал; оно впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским в историко-литературном временнике «Атеней», Лгр. 1926, вып. III, стр. 76—77; см. еще в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. VI, стр. 68, и в Переписке Пушкина, т. III, стр. 304.

— Разтопчин — граф Федор Васильевич Ростопчин (род. 1763—ум. 1826), известный главнокомандующий в Москве во время войны 1812—1814 гг.

— Кузнецкий мост — улица в Москве.

— О любви Пушкина к книгам см. в работах Б. Л. Модзалевского «Библиотека Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. I—VIII, и М. Н. Куфаева «Пушкин-библиофил», в изд. Ленинградского Общества Библиофилов — «Альманах Библиофила», Лгр. 1929, стр. 49—108.

— Машка — дочь Пушкина, Мария Александровна; по поводу выражения Пушкина «прибью» интересно сопоставить свидетельство О. С. Павлищевой в письме ее к мужу Н. И. Павлищеву 22 ноября 1835 г. по поводу «хороших шлепков», которые она дает своему сыну Льву: «Александр сечет своего сына, которому всего два года; он бьет также и свою Машу; впрочем он нежный отец» (ориг. на франц. яз.) («Пушкин и его соврем.», вып. XVII—XVIII, стр. 193).

— Тетка — Екатерина Ивановна Загряжская.

— Сашка — сын поэта, Александр Александрович.

538. *С. А. Соболевскому* [27 августа 1833 г.] (стр. 100). Впервые напечатано В. И. Саитовым в «Переписке Пушкина», т. III, стр. 163 (см. «Русск. Стар.» 1912 г., № 5, 1-я обложка) с датой: «Сентябрь 1834 г.»; вошло с той же датой в Сочинения Пушкина, под ред. С. А. Венгерова, т. VI, стр. 134. Подлинник был в Остафьевском архиве, ныне в Центрархиве в Москве; печатаем по копии, снятой с оригинала Б. Л. Модзалевским. Письмо нами датируется 1833 г. по следующим соображениям М. А. Цявловского: «В сентябре 1834 г. С. А. Соболевский был в Петербурге, а Пушкин в Москве. В конце же августа 1833 г. оба они находились в Москве; воскресенье в конце августа приходилось на 27-е число (см. также А. К. Виноградов, «Мериме в письмах к Соболевскому», М. 1928, стр. 48).

— Чем было вызвано обращение Пушкина к Соболевскому, сказать не можем.

539. *Н. Н. Пушкиной* [2 сентября 1833 г.] (стр. 100). Напечатано впервые И. С. Тургеневым в «Вестн. Европы» 1878 г., № 1, стр. 35—36; вошло в издания сочинений Пушкина, начиная с издания Литературного Фонда, под ред. П. О. Морозова, т. VII, стр. 321—322, и в акад. изд. «Переписки Пушкина», т. III, стр. 39—40; подлинник, на листе почтовой бумаги большого формата, с водяными знаками: А. Гончаров 1830, и орнаментальной рамкой, — в Госуд. Публ. Библиотеке СССР имени В. И. Ленина, в Москве; письмо сложено конвертом и запечатано перстнем-талисманом.

— Нащокин — Павел Войнович; прощальный обед, данный им Пушкину перед его отъездом на Урал, состоялся 29 августа; обед был «со стерлядями и жженкой» (см. в следующем письме, № 540).

539—540 — Между Москвой и Нижним-Новгородом тогда было 443,5 версты пути. Дорога шла через Новую, Богородск, Плотаву, Покров, Липно, Дмитриевское, Владимир, Бараково, Судогоду, Мошок, Драчеву, Муром, Манаково, Озябликово, Ярмово, Алешково, Доскино. Выехав из Москвы 29 августа, «после обеда» (письмо № 540), Пушкин приехал в Нижний 2 сентября, вероятно, в первую половину дня, так как успел побывать в бане, на ярмарке и у губернатора (письмо № 540); таким образом можно считать, что ехал он четверо суток, т. е. делая в среднем менее пяти верст в час.

— перевод французской фразы: «улицы широкие и хорошо вымощены, дома хорошо выстроены».

— ярманка — знаменитая Нижегородская ярмарка, открывавшаяся 15 июля и закрывавшаяся 8 сентября; в следующем письме к жене (№ 540) Пушкин добавлял: «Ярманка кончилась, я ходил по опустелым лавкам. Они сделали на меня впечатления бального разъезда, когда карета Гончаровых уже уехала».

— первого числа каждого месяца обычно производился денежный расчет с прислугою и поставщиками. Об этом месте письма Пушкина см. в книге П. Е. Щеголева «Пушкин и мужики», Лгр. 1929, стр. 169 и др.

— M-de Sichler — г-жа Сихлер, или Цыклер (о ней см. выше, стр. 446).

— Смирдин — Александр Филиппович; ср. о нем и Н. Н. Пушкиной рассказ Смирдина по записи Е. Я. Панаевой в ее «Воспоминаниях», Лгр. 1927, стр. 300—301.

— Машка — дочь Пушкина.

— Пугачев — то есть работа над историей Пугачева, ради которой Пушкин и предпринял поездку на Урал.

— в Симбирск Пушкин приехал 9 сентября (см. в примечаниях к письму № 543, стр. 628); там его действительно ожидало письмо жены.

— товару на сто рублей — песенное выражение.

— О Черной речке см. выше, стр. 588—589. После рождения сына (6 июля) Н. Н. Пушкина, вероятно, не сразу показалась в дачном обществе, чем и объясняется вопрос Пушкина.

— тетка — Екатерина Ивановна Загряжская.

— дети — Мария и Александр Александровичи.

— в Казань Пушкин приехал 5 сентября, но в этот же день 2 числа успел написать еще одно письмо к жене (№ 540).

540. *Н. Н. Пушкиной* 2 сентября [1833 г.] (стр. 101—102). Напечатано впервые И. С. Тургеневым в «Вестн. Европы» 1878 г., № 1, стр. 36—37. Вошло в издания сочинений Пушкина, начиная с изд. Литературного Фонда, под ред. П. О. Морозова, т. VII, стр. 322—323, и в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. III, стр. 40—41; подлинник на листе почтовой бумаги большого формата, с водяными знаками: А. Гончаров 1830, и орнаментальной рамкой, — в Госуд. Публ. Библиотеке СССР имени В. И. Ленина, в Москве.

— Это письмо является естественным продолжением предыдущего и, вероятно, было отправлено вместе с ним 2 же сентября, судя по почтовому штемпелю на письме № 539.

— Натальин день, то есть 26 августа, когда Пушкин был в Москве. *№ 540*

— Булгаков — Александр Яковлевич (о нем см. выше, стр. 614). Пушкин был у него 27 августа и извинялся за то, что накануне не был у него по приглашению на именинах его жены (см. в письме № 537).

— лист для смотрителей — то есть подорожную для свободного проезда.

— дочери Булгакова — Екатерина и Ольга Александровны (о них см. выше, стр. 614).

— Всеволожский le cocu [рогоносец] — сестра Пушкина Павлищева писала 23 октября 1831 г. мужу из Петербурга о Никите Всеволожском: «не знаю впрочем приехал ли он из Варшавы или Вильны, но факт тот, что он в отпуску, и приехал опять соединиться с женой, откровенной мерзавкой [coquine], в скобках» (ориг. на франц. яз.; см. «Пушкин и его соврем.», вып. XV, стр. 100). На основании этих слов полагаем, что «Всеволожский le cocu» — приятель Пушкина по «Зеленой Лампе» Никита Всеволодович Всеволожский, о котором см. выше, в т. I и II, по указателю (о его жене см. там же, т. I, стр. 412). С 19 марта 1831 г. Всеволожский служил в канцелярии виленского военного губернатора, где заведывал временною секретною канцеляриею до 1 августа 1831 г.; 15 ноября 1831 г. был назначен для особых поручений к управляющему Главным Штабом, и в том же году (19 ноября) получил звание камергера (см. «Алфавит декабристов», под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, стр. 300). В 1833 г. Всеволожский по предписанию военного министра командирован был (22 апреля) на Ижевский Оружейный завод, Сарапульского уезда, Вятской губ., для осмотра его и устройства там гидравлических сооружений; после исполнения этого поручения Всеволожский возвратился в Петербург 6 сентября, по пути заехав в Казань и в Москву, где его и встретил Пушкин у А. Я. Булгакова 27 августа. О Всеволожском и «Зеленой Лампе» см. в работе Б. Л. Модзалевского «К истории Зеленой Лампы» в сб «Декабристы и их время», т. I, М. 1928, стр. 11—61, и у П. Е. Щеголева «Из жизни и творчества Пушкина», изд. 3, Лгр. 1931, стр. 39—68.

— Пашковы—Сергей Иванович (род. 5 августа 1801—ум. 31 марта 1883), отставной ротмистр гвардии, и жена его Надежда Сергеевна, рожд. княжна Долгорукова (род. 8 сентября 1811—ум. 16 февраля 1880), родная сестра кн. Александра Сергеевича Долгорукого, женатого на дочери А. Я. Булгакова — Ольге Александровне (см. Г. А. Власьев, «Потомство Рюрика», т. I, ч. 3, стр. 156). Семья Пашковых была в близких отношениях с семьею А. Я. Булгакова, который неоднократно упоминает о ней в своей переписке с братом К. Я. Булгаковым.

— Суденко — Судиенко, Михаил Иосифович (о нем см. в т. II, стр. 367—368, и выше, стр. 469); он женат был с 1829 г. на Надежде Михайловне Миклашевской (ум. 1876), сестре Софии Михайловны, бывшей замужем за декабристом А. Ф. фон-дер-Бриггеном; от жены у Судиенка было три сына и три дочери; упоминаемые Пушкиным — Иосиф Михайлович (род. 27 июля 1830 — ум. 5 декабря 1892), бывший впоследствии (1882) Владимирским губернатором, и Александр Михайлович (род. 28 июля 1832 — ум. 12 апреля 1882), служивший сначала в кавалерии, а затем (1881—1882) бывший новгород-северским уездным предводителем

№ 540 дворянства (подробнее см. у В. Л. Модзалевского «Малороссийский Родословник», т. III, стр. 498—499, и т. IV, стр. 800).

— моей именинницы — то есть Н. Н. Пушкиной, именины которой были 26 августа.

— Нащокин — Павел Войнович. Пушкин провел у него вечер 27 августа.

— Н. Раевский — Николай Николаевич Раевский-младший (о нем см. выше, стр. 615). Встреча с ним произошла 28 августа.

— sacré chien... pourquoi n'êtes vous pas venu me voire?—Сукин сын,... почему не пришел ты со мной повидаться?

— Animal... qu'avez vous fait de mon manuscript petit-Russien?...— Скотина... что сделал ты с моей малороссийской рукописью?

— О какой «малороссийской» рукописи шла речь, сказать не можем. Ср. в статье И. А. Житецкого о «Полтаве» в Соч. Пушкина, ред. С. А. Венгерова, т. III, стр. 11 (о рукописи, приписываемой Георгию Кониcскому).

— Второй вечер у П. В. Нащокина Пушкин провел 28 августа.

— Прощальный обед состоялся у Нащокина 29 августа. Нащокин провожал Пушкина из своей квартиры на Остоженке (теперь № 16).

— вторая станция, — на которой Пушкину не давали лошадей, — Богородск (см. выше, в примечаниях к письму № 539, стр. 618).

— Бутурлин — Михаил Петрович (род. 13 мая 1786—ум. 26 июня 1860), генерал-лейтенант, нижегородский военный и гражданский губернатор с 4 декабря 1831 г. по 21 ноября 1843 г.; в 1833 г. состоял в чине генерал-майора (биографию его см. в «Сборнике биографий кавалергардов», под. ред. С. А. Панчулидзева, т. III, С.-Пб., 1906, стр. 202—206). Пушкин у него был 2 сентября и, вероятно, 3-го, на обеде. Отношения Бутурлина к Пушкину вырисовываются из следующего рассказа в одних неизданных записках, процитированных П. И. Бартеневым в «Русском Архиве», 1865 г., ст. 1212—1213, в примечании: «В поездку свою в Уральск для собирания сведений о Пугачеве, в 1833 г., Пушкин был в Нижнем, где тогда губернатором был М. П. Б[утурлин]. Он прекрасно принял Пушкина, ухаживал за ним и вежливо проводил его. Из Нижнего Пушкин поехал прямо в Оренбург, где командовал его давнишний приятель гр. Василий Алексеевич Перовский. Пушкин у него и остановился. Раз они долго сидели вечером. Поздно утром Пушкина разбудил страшный хохот. Он видит: стоит Перовский, держит письмо в руках и заливается хохотом. Дело в том, что он получил письмо от Б[утурлина] из Нижнего, содержания такого: «У нас недавно проезжал Пушкин. Я, зная, кто он, обласкал его, но должно признаться, никак не верю, чтобы он разъезжал за документами об Пугачевском бунте; должно быть ему дано тайное поручение собирать сведения об неисправностях. Вы знаете мое к вам расположение; я почел долгом вам посоветовать, чтобы вы были осторожнее, и пр.». Тогда Пушкину пришла идея написать комедию Ревизор. Он сообщил после об этом Гоголю, рассказывал несколько раз другим и собирался сам что-то написать в этом роде (слышано от самого Пушкина)». В бумагах Пушкина позже, действительно, нашелся набросок плана, по своему сюжету схожий с темой «Ревизора» Гоголя; план этот,

относящийся к 1833—1834 гг., впервые не совсем точно напечатан П. О. Морозовым в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. XVI, стр. 110—114; воспроизводим его с автографа, хранящегося в Публичной Библиотеке в Ленинграде: [Свиньин] *Криспин* приезжает в Губернию NB на ярмонку — его принимают за *Ambass*[*adeur*] Губерн[атор] честной дурак — Губ.[ернаторша] с ним кокетнич.[ает]. — *Крисп.*[*ин*] сватается за дочь» (ср. в Соч., изд. «Красной Нивы», в. 9, стр. 537). Об этом вопросе существует большая литература, к которой мы и отсылаем, назвав главнейшую, кроме вышеупомянутой: «Воспоминания гр. В. А. Соллогуба», под ред. С. П. Шестерикова, Лгр. 1931, стр. 516—517, статья А. И. Лященка в сб. «Памяти Л. Н. Майкова», С.-Пб., 1902, стр. 524—528, 531; в статье Д. Н. Соколова в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. XXIII—XXIV, стр. 83—84; в дневнике О. М. Бодянского в «Русск. Стар.» 1889 г., № 10, стр. 134; Н. О. Лернер, «Пушкинский замысел Ревизора», в «Речи» 13 мая 1910 г., в статье И. Я. Айзенштока в «Известиях русск. яз. и слов. Акад. Наук» 1919 г., т. XXIV, кн. 1, стр. 26—28 и 30—32; С. М. Бонди, «Новые страницы Пушкина», М. 1931, стр. 104—108; ср. «Русск. Стар.» 1890 г., № 5, стр. 410—412. Последней по времени работой, касающейся этого вопроса, является статья В. В. Гиппиуса «Литературное общение Гоголя с Пушкиным», Пермь 1930, где ему посвящена особая глава: «Пушкин и гоголевские сюжеты», стр. 89—102.

— жена его — Анна Петровна Бутурлина, рожд. княжна Шаховская (род. 27 декабря 1793 — ум. 27 марта 1861). Рассказ П. Д. Боборыкина о разговоре с ней Пушкина в 1830 г. напечатан выше, т. II, стр. 468.

— Ярманка — знаменитая Нижегородская ярмарка (о ней см. выше, стр. 618).

— Говоря о карете Гончаровых, Пушкин вспоминает период своей жизни в Москве в 1830 г., когда он был женихом Н. Н. Гончаровой.

— Перевод итальянской фразы: «Прощай моя красавица, мой кумир (следовало бы сказать: idolo mio), мое прекрасное сокровище, когда-то я тебя увижу». Заключительную итальянскую фразу мы встречаем в письмах Пушкина к Плетневу (№ 154), к Катенину (№ 178), к кн. П. А. Вяземскому (№ 279) и к жене (28 апреля и 27 июня 1834 г.), причем близкое сходство текста указывает на то, что у Пушкина это был обычный эпистолярный прием.

541. *Н. Н. Пушкиной.* 8 сентября [1833] (стр. 102). Напечатано впервые И. С. Тургеневым в «Вестн. Европы» 1878 г., № 1, стр. 37; вошло в изд. Сочинений Пушкина, начиная с изд. Литературного Фонда, т. VII, стр. 323—324, и в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. III, стр 42; подлинник на листе почтовой бумаги большого формата, с водяными знаками: А. Гончаров 1830, и орнаментальной рамкой, — в Госуд. Публ. Библиотеке СССР имени В. И. Ленина, в Москве; письмо сложено конвертом и запечатано неразборчивою печатью.

— От Нижнего-Новгорода до Казани (через Чугуны, Василь, Емангаш, Чебоксары и Свияжск) 385,25 верст. Выехал из Нижнего Пушкин, вероятно, 3 сентября, после обеда у М. П. Бутурлина (см. в письме № 540), приехал же в Казань поздно вечером, как сам пишет, 5-го, то есть сделал в среднем верст по 8 в час. Уже на следующий день, 6 числа, в Казани,

№ 541 как гласит помета на рукописи, Пушкин усиленно работал, набросав отрывок из седьмой главы истории Пугачева (см. «Пушкин и его соврем.», вып. IV, стр. 31).

— В Симбирск Пушкин выехал рано утром 8 сентября, перед отъездом послав А. А. Фукс записку (см. в следующем письме, № 542). 7 сентября Пушкин днем обедал у Эраста Петровича Перцова, а вечером познакомился с супругами Фукс — Карлом Федоровичем и Александрой Андреевной (о них см. ниже, в письмах №№ 542 и 543); утром же этого дня Пушкин «ездил тройкою на дрожках один к Троицкой мельнице по Симбирскому тракту за десять верст от города; здесь был лагерь Пугачева, когда он подступал к Казани [11 июля 1774 г.]; затем, объехав Арское поле, был в Крепости и обошел ее кругом и потом возвратился домой, где оставался целое утро, до двух часов, и писал» (см. А. А. Фукс, «Пушкин в Казани» в «Русск. Стар.» 1899 г., № 5, стр. 258—259; Е. А. Бобров, «Пушкин в Казани», в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. III, стр. 43—44; Н. О. Лернер, «Рассказы о Пушкине», Л. 1929, стр. 164—173).

— возился со стариками — одним из них был казанский купец первой гильдии Леонтий Филиппович Крупеников (род. 1754—ум. 7 мая 1839),[1] бывший с 1809 г. по 1811 г. казанским городским головою;[2] двадцатилетним юношей Крупеников был взят пугачевцами в плен и мог поэтому как очевидец рассказать о них Пушкину; Крупеникову было в это время 76 лет; сохранились его портреты, писанные в 1827 и 1837 гг. Рафаилом Ступиным; один из них воспроизведен в издании «Выставка картин: Художественные сокровища Казани», П. 1916, стр. 22 (№№ 156 и 157) и между 24 и 25 стр. (ср. «Старые Годы» 1916 г., № 4—6, стр. 137). К Крупеникову Пушкин ездил вместе с К. Ф. Фуксом («Русск. Стар.» 1899 г., стр. 259). Записей рассказов Крупеникова в бумагах Пушкина не сохранилось. «Сказание казанского купца Л. Ф. Крупеникова о пребывании Пугачева в Казани» напечатано К. Ф. Фуксом в «Казанских Губ. Ведом.» 1843 г., № 51 (см. также Н. Я. Агафонов, «Казань и казанцы», вып. 2, Казань 1907, стр. 98—99).

— Пушкин в Болдино приехал 1 октября.

— все вы — то есть дети Пушкина.

— следующая фраза Пушкина о девочке написана несомненно по ассоциации при воспоминаниях о своих детях «Сашке» и «Машке».

— Баратынский — Евгений Абрамович. В этот раз он был недолго в Казани, в 20 верстах от которой было имение его тестя Л. Н. Энгельгардта, Каймары, куда Боратынский и выехал утром 7 сентября и откуда возвратился в Казань утром 8-го числа, перед самым отъездом Пушкина в Симбирск. А. А. Фукс рассказывает, что 6 сентября, когда приехал Пушкин, она сидела в своем кабинете, ожидая к себе Боратынского, который обещал к ней заехать проститься. «Боратынский вышел ко мне в комнату с таким веселым лицом, что мне стало даже досадно. Я приготовилась было сделать ему упрек за такой равнодушный прощальный визит, но он предупредил меня, обрадовав меня новостью о приезде

[1] Дата смерти взята из «Казанского Некрополя» в книге Н. Агафонова «Казань и казанцы», вып. 1, Казань 1906, стр. 80.

[2] См. там же, вып. 2, Казань 1907, стр. 137.

в Казань Александра Сергеевича Пушкина и о желании его видеть нас...» («Русск. Стар.» 1899 г., № 5, стр. 258). Литератор Иван Алексеевич Второв, живший в это время в Казани, в письме к сыну, Н. И. Второву, свидетельствует: «Пушкин сказывал мне, что был в Казани у Фукса и стоял вместе с Баратынским» (см. М. Ф. де-Пуле, «Отец и сын», в «Русск. Вестн.» 1875 г., т. CXVIII, № 8, стр. 610). Таким образом Пушкин и Боратынский в Казани останавливались в одном доме; но в каком именно, остается невыясненным (см. подробнее в работе Е. А. Боброва, в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. III, стр. 35—38). О совместном пребывании Пушкина и Боратынского в Казани стало известно Д. В. Давыдову, жившему в имении Маза, Сызранского уезда. 3 октября 1833 г. он писал Н. М. Языкову: «Кстати о Пушкине; знаете ли, что я слышал от людей, получивших письма из Казани? В Казани были Пушкин и Баратынский, отыскивающие сведения о Пугачеве. Из этого я заключаю, что они в союзе для сочинения какого-нибудь романа, в котором будет действовать Пугачев. И так вот решение загадки появления Пушкина в нашей и в Оренбургской губерниях. Если это правда, то дай бог! авось ли мы увидим что-нибудь близкое к Вальтер-Скотту» («Русск. Стар.» 1884 г., № 7, стр. 143—144). 541—542

— до Симбирска — то есть в Симбирске Пушкин предполагал писать жене, что и исполнил (см. в письмах №№ 543 и 544).

— О своем пребывании в Казани Пушкин несколько подробнее писал жене в письме № 543; см. также в статье Е. А. Боброва в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. III, стр. 23 — 67, и в письме А. А. Фукс в «Русск. Стар.» 1899 г., № 5, стр. 257—262.

542. *А. А. Фукс* [8 сентября 1833 г.] (стр. 103). Впервые напечатано А. А. Фукс по подлиннику в «Прибавлениях к Казанским Губернским Ведомостям» 1844 г., № 2, стр. 24, и перепечатано в «Московитянине» 1854 г., т. II, № 5, отд. IV, стр. 9; вошло в издания сочинений Пушкина, начиная с издания Ф. И. Анского, под ред. П. А. Ефремова, т. VII, М. 1882, стр. 362—363, и в акад. изд. «Переписки Пушкина», т. III, стр. 43. Подлинник неизвестно где находится.

Александра Андреевна Фукс, рожд. Апехтина (ум. в Казани 4 февраля 1853), племянница поэта Гавриила Петровича Каменева (род. 1772— ум. 1803), автора «Громвала», [1] была женою (с 1821 г.) казанского профессора Карла Федоровича Фукса (о нем см. в письме № 543). «Она была очень недурна собою, — пишет М. Ф. де-Пуле, — умна и от дяди унаследовала страсть к стихотворству, которым занималась с увлечением от молодых лет. По смерти матери она жила и воспитывалась в доме родной своей тетки Дедевой, где и познакомился с нею Фукс, как практический врач... Семейная жизнь Фуксов, имевших пятерых детей, кажется, не сопровождаемая никакими бурями, не относится до нашего рассказа. Но брак знаменитого ученого с умною и поэтическою А. А. Апехтиной составил эпоху в истории Казани: в доме Фуксов образовался литературный салон, который держался четверть века:

[1] См. «Каменевы. Старинный купеческий род» в кн. Н. Я. Агафонова «Казань и казанцы», вып. 1, Казань, 1906, стр. 39—40.

№ 542 беспримерное явление в истории русских провинций... [здесь] собиралась вся тогдашняя казанская интеллигенция и... происходили литературные вечера, правильно организованные» («Русск. Вестн.» 1875 г., т. 118, № 9, стр. 619 и 621, в статье «Отец и сын»). Участники вечеров собирались в доме, принадлежавшем К. Ф. Фуксу; из посетителей бывали здесь казанский писатель Г. Н. Городчанинов, М. Д. Деларю, Э. П. Перцов, Ф. М. Рындовский, И. А. Второв, поэт Д. П. Ознобишин, С. П. Шипов и его жена Анна Евграфовна, рожд. гр. Комаровская, и др.; наездами в Казань бывал у Фукс Е. А. Боратынский; побывав в Москве в 1833 г., А. А. Фукс познакомилась с рядом столичных писателей: И. В. Киреевским, А. С. Хомяковым и др. Ей посвящали стихи Н. М. Языков, Е. А. Боратынский, которого она посещала в Москве и через которого познакомилась с его семьею.[1] Сама А. А. Фукс деятельно сотрудничала в казанском литературном органе «Заволжский Муравей» и в «Казанских Губернских Ведомостях», где помещала свои стихи и ряд этнографических очерков о быте и нравах татар, вотяков, чуваш, черемис и других малых народностей Поволожья; писала Фукс и поэмы из мусульманской жизни, романы и водевили. Несколько ее литературных произведений и этнографических описаний вышло отдельными изданиями, а в 1834 г. она выпустила отдельною книжкою сборник своих стихотворений; в настоящее время труды Фукс представляют большую библиографическую редкость; до сих пор имеют научную ценность ее этнографические очерки, но как поэтесса Фукс не оставила заметного следа в русской литературе. Из ее сочинений отметим следующие: «Письма из Москвы в Казань» (в «Заволжском Муравье» за 1833 г., август, № 15, стр. 813—832) в виде 8 писем ее к мужу, и вышедшую отдельными оттисками; «Поездку из Казани в Чебоксары», 130 стр., Казань 1834 г.; «Стихотворения Александры Фукс», Казань, 1834; «Основание города Казани. Повесть в стихах, взятая из татарских преданий», Казань, 1836, с обширным предисловием К. Ф. Фукса о болгарах и основании Казани; повесть «Черная коса» в «Библиотеке для Чтения» 1838 г., т. 28, стр. 209—257, из великосветской жизни; «Царевна-Несмеяна, народная русская сказка, переложенная в стихи для десятилетнего читателя П. А. Жмакина Александрою Фукс»; «Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии», Казань 1840 г.; «Княжна Хабиба. Повесть в стихах, взятая из татарских преданий», Казань 1841; «Поездка к вотякам Казанской губернии», в виде писем к мужу из имения своей тетки Деде-вой, Казанбаши (печаталось в «Казанских Губернских Ведомостях», з 1844 г., №№ 14, 16, 17, 19, 22, 26 и 29). В рукописи остались: «Поездка в Нижний Новгород» и роман «Зюлима или Пугачев в Казани» (о котором сообщил в «Ведомостях» Н. И. Второв, в № 44 за 1847 г., стр. 260—261), написанный несомненно под влиянием Пушкина; рукопись этого последнего романа утрачена (см. ниже, стр. 633). Подробные биографические сведения об А. А. Фукс, а также сведения о литературной

[1] От Боратынского она получала письма (см. в статье А. С. Полякова в «Литературно-библиологическом сборнике» Русского Библиологического Общества, под ред. Л. К. Ильинского, П. 1918, стр. 71; ср. здесь же, на стр. 64, резкий отзыв о ней Боратынского).

ее деятельности см. в обстоятельной и исчерпывающей работе проф. Е. А. Боброва «А. А. Фукс и казанские литераторы 30—40-х годов» в «Русск. Стар.» 1904 г., № 6, стр. 481—509, и № 7, стр. 6—35, с портретом Фукс. См. также биографию со списком трудов Фукс, составленную Н. Я. Агафоновым, в «Русском Биографическом Словаре», т. Фабер — Цявловский, С.-Пб. 1901, стр. 242; кн. Н. Н. Голицын, «Биографический Словарь русских писательниц», С.-Пб. 1889, стр. 259—260, где также напечатан список ее сочинений, с указанием рецензий на них; статью Н. Я. Агафонова «Казанские поэты» в «Историч. Вестн.» 1900 г., № 9, стр. 592; в статье Н. П. Загоскина, «Пушкин в Казани», там же, 1899 г., № 5, стр. 586—609, где перепечатаны письма Пушкина и Фукс; Е. А. Бобров, «А. С. Пушкин в Казани» в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. III, стр. 21—67; А. С. Архангельский, «А. С. Пушкин в Казани», Казань 1899, а также ниже, где перечислена литература об отношениях Фукс и Пушкина. № 542

Знакомство А. А. Фукс с Пушкиным произошло в Казани 7 сентября 1833 г., о чем она сама подробно рассказала в «Казанских Губ. Ведом.» 10 января 1844 г., № 2 (перепечатано в «Русск. Стар.» 1899 г., № 5, стр. 257—262 и в книге Н. Я. Агафонова «Казань и казанцы», вып. 2, Казань 1907, стр. 99—102)[1] в своем письме к подруге Елене Николаевне Мандрыке, желавшей по поводу смерти Пушкина узнать о личном знакомстве Фукс с поэтом; к этому письму Фукс приложила и четыре письма к себе Пушкина (комментируемое нами, 19 октября 1834; 15 августа 1835 и 20 февраля 1836 г.); эти материалы, а также два письма Фукс к Пушкину, впервые напечатанные в «Русск. Арх.» 1880 г., кн. III, стр. 454—455, и отзыв поэта о Фукс в письме к жене (№ 543) и являются до сих пор основным источником для суждения об их отношениях. Кратковременное пребывание Пушкина в доме Фуксов и беседа А. А. Фукс с Пушкиным в день 7 сентября, длившаяся 2 часа (по ее собственному показанию — см. Переписку Пушкина, т. III, стр. 72) оставили в ней неизгладимое впечатление и вызвали с ее стороны восторженное, экзальтированное преклонение перед поэтом, продолжавшееся и в дальнейшие годы. В день знакомства, по просьбе Пушкина она показывала ему стихи, посвященные ей Боратынским, Языковым и Ознобишиным и читала свою сказку «Жених»; Пушкин звал ее в Петербург, беседовал с ней о «магнетизме», о Г. П. Каменеве, просил ее собрать о нем все сведения, собираясь писать его биографию, и рассказал о предсказании гадальщицы Кирхгоф, у которой он был вместе с Н. В. Всеволожским (ср. выше, т. I, стр. 197; т. II, стр. 133; «Русск. Стар.» 1881 г., № 8, стр. 619—620; 1879 г., № 6, стр. 381—382; 1870 г., кн. I, стр. 582; 1888 г., № 4, стр. 230, и др.). «На другой день [то есть в день отъезда Пушкина из Казани 8 сентября],— рассказывает Фукс, — я встала в пять часов утра, написала на проезд нашего знаменитого гостя стихи и послала их в восемь часов к Пушкину, но его не было в Казани; он выехал на рассвете в Оренбург, а ко мне оставил письмо [комментируемое нами]. Я, простившись с ним, думала,

[1] Отрывок помещен был также в «Северной Пчеле» 1844 г., № 72, стр. 288.

№ 542 что его обязательная приветливость была обыкновенною светскою любезностью, но ошиблась. До самого конца жизни, где только было возможно, он оказывал мне особенное расположение; не писав почти ни к кому [sic!], он писал ко мне несколько раз [по одному разу!] в год и всегда собственною своею рукою [так он писал всем!]; познакомил меня заочно со всеми замечательнейшими русскими литераторами и наговорил им обо мне столько для меня лестного, что я, по приезде своем в Москву и в Петербург, была удостоена их посещением» («Русск. Стар.» 1899 г., № 5, стр. 262). Посвященные А. А. Фукс стихи озаглавлены ею «На проезд А. С. Пушкина чрез Казань»; они впервые напечатаны были в «Заволжском Муравье» 1834 г., ч. I, № 1, стр. 15—18 (ценз. разр. 17 ноября 1833 г.) и были посланы ею поэту при письме 20 января 1834 г. (см. Переписка Пушкина, т. III, стр. 72), а затем вошли в издание: «Стихотворения Александры Фукс. В Университетской типографии. 1834»;[1] это издание Фукс сохранилось в библиотеке Пушкина со следующей ее надписью: «Его Высокородию милостивому государю Александру Сергеевичу Пушкину от сочинительницы». У Пушкина сохранились также и другие ее сочинения: «Письма из Москвы в Казань 1833 г.», оттиск из «Заволжского Муравья», № 115; «Поездка из Казани в Чебоксары», Казань 1834 (2 экземпляра; один из них с подписью Фукс: «Александру Сергеевичу Пушкину»); здесь на стр. 4 упоминается Пушкин, как верящий предсказаниям (см. Б. Л. Модзалевский «Библиотека Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 111—112); в последнем дошедшем до нас письме Фукс к Пушкину 24 мая 1836 г. («Переписка Пушкина», т. III, стр. 318—319) она, поблагодарив поэта за присылку ей книг и билета на получение «Современника» и за предложение участвовать в журнале, послала ему «Отрывки из писем о скитах в Нижегородской губернии» [«Поездка в Нижний-Новгород»], два действия водевиля, первую главу... повести, взятой из предания Татарского об основании и переселении Казани, и одну элегию»; из этих сочинений ни одно напечатано Пушкиным не было; первое из них вообще не увидело света, второе осталось у Пушкина в бумагах и попало в составленную после его смерти, в 1837 г., опись; это была комедия в трех действиях «Она похудела», из жизни губернского бомонда, с куплетами (см. «Дела III Отделения ... о Пушкине», С.-Пб. 1906, стр. 192), напечатанная самою Фукс в Казани в 1837 г. под заглавием: «Она похудела. Комедия-водевиль в трех действиях» Сочинение Александры Фукс, Казань 1837, 90 стр. (цензурное разрешение подписано цензором А. Крыловым, С.-Пб. 3 ноября 1836 г.)., и посвященная «с усердием» Э. П. Перцову; по словам Н. П. Загоскина она ставилась на местной сцене («Истор. Вестн.» 1899, № 5, стр. 590; ср. «Русск. Стар.» 1904, № 7, стр. 28); третье также было напечатано Фукс в конце 1836 года под заглавием «Основание города Казани. Повесть в стихах, взятая из татарских преданий».

С комментируемым нами письмом, очень любезным и обязательным, совершенно не вяжется резкий отзыв поэта о Фукс, изложенный в сле-

---

[1] См. в книге В. В. Каллаша «Русские поэты о Пушкине», М. 1899, стр. 58—60, перевод стихов, сделанный бар. Люцероде, сохранился в бумагах Пушкина (И. А. Шляпкин, «Из неизданных бумаг Пушкина», С.-Пб. 1903, стр. 343—345).

дующем письме (к жене, № 543), написанном через четыре дня после выезда из Казани; отзыв этот уже не раз являлся предметом специальных исследований, указанных нами выше (см. еще «Русск. Стар.» 1883, № 11, стр. 471—472), в результате чего Пушкину было предъявлено обвинение в лицемерии; в защиту поэта выступил Н. О. Лернер, напечатавший в «Русской Старине» (1905 г., № 11, стр. 421—425) статью: «Ревность Н. Н. Пушкиной»; в ней он подробно рассмотрел все материалы pro et contra и пришел к выводу, что резкий отзыв поэта о Фукс является обычной его манерой так говорить жене о других женщинах; этот отзыв нужно рассматривать как «вынужденную и довольно невинную хитрость» со стороны Пушкина, который «знал, что появление в его доме умной и приятной женщины, да еще его поклонницы, не пройдет ему даром со стороны Натальи Николаевны, и он, как говорится, «забежал вперед» и в предвидении приезда Фукс в Петербург разругал в письме к жене свою казанскую почитательницу, надеясь, что после такого отзыва о ней жена ревновать его не станет и домашний мир не будет нарушен... Пушкин писал эти строки не для себя и потомства, а для жены, и судить по ним об его истинных отношениях к людям, особенно к женщинам, не следует». С этим выводом вполне согласился и П. Е. Щеголев в третьем издании своей монографии «Дуэль и смерть Пушкина» (Л. 1928, стр. 54), а современный исследователь, Я. З. Черняк, в рецензии на книгу В. В. Вересаева «Пушкин в жизни», рассматривая вопрос о пребывании Пушкина в Казани у Фукс, пишет, что поэт не может нести ответственность за ее восторженность и преувеличения в ее воспоминаниях и что «во все последующее время Пушкин держался по отношению А. А. Фукс ... тона вежливого внимания к меньшому литературному собрату и постоянной памяти об обязывающем гостеприимстве» («Печать и революция» 1927 г., кн. 3, стр. 72—73); действительно, Пушкин неизменно был с нею любезен, хвалил ее стихи и всячески поощрял ее литературную работу, отправил ей экземпляр «Истории Пугачевского бунта»[1] и приглашал ее участвовать в «Современнике» (см. выше, стр. 626), но, будучи чрезвычайно занят устройством своих дел, испытывая постоянные денежные затруднения и «кружась в свете», а позже находясь в заботах по изданию «Современника», Пушкин не всегда был аккуратен в ответах на письма Фукс; так на неопубликованное пока письмо Фукс от 15 ноября 1835 г., сохранившееся в обрывках, служивших поэту закладками для книг, он ответил лишь 20 февраля 1836 г., то есть спустя три месяца, сославшись при этом на мифическую поездку в деревню (это время он провел в Петербурге), не найдя, очевидно, другого предлога для объяснения причины своего промедления. Вся переписка его с Фукс поддерживалась как бы «по инерции», носила лишь внешний любезно-официальный характер и не имела более глубоких корней со стороны Пушкина.

543. *Н. Н. Пушкиной.* 12 сентября [1833 г.] (стр. 103—104). Напечатано И. С. Тургеневым в «Вестн. Европы» 1878 г., № 1, стр. 38—39; вошло в издания сочинений Пушкина, начиная с изд. Литературного Фонда,

[1] Впрочем, он, повидимому, скорее предназначался ее мужу, в благодарность за сообщенные им Пушкину сведения о Пугачеве (см. ниже стр. 633).

№ 543 под ред. П. О. Морозова, т. VII, стр. 324—325, и в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. III, стр. 43—44; подлинник — на листе почтовой бумаги большого формата, без водяных знаков, — в Госуд. Публ. Библиотеке СССР имени В. И. Ленина, в Москве.

— От Казани до Симбирска (через Сеитово, Бурундуки, Сибирги, Буинск, Елшанку и Шумовку) 201 верста. В статье П. П. Суворова «Пушкин в Лаишеве» (в «Московск. Ведом.» 1901 г., № 323) рассказывается местное предание о пребывании поэта в этом городе; вероятно, это легенда, так как Лаишев лежал совсем не на пути Пушкина, специально же заезжать в этот город ему было не к чему; не мог он совершить эту поездку и по времени.[1] Выехав из Казани, как пишет в своих воспоминаниях А. А. Фукс, «на рассвете», то есть в шестом часу утра 8 сентября, Пушкин приехал в Симбирск на следующий день (9-го) днем, так как успел еще побывать у губернатора, о чем писал И. А. Второв своему сыну: «В Симбирске у губернатора я видел Пушкина Александра Сергеевича» (см. М. Ф. де-Пуле, «Отец и сын» в «Русск. Вестн.» 1875 г., т. CXVIII, № 9, стр. 610). Сообщая жене 12-го числа, что в Симбирск он приехал «третьяго дня», поэт был очевидно, не совсем точен. Если он приехал туда днем, то, следовательно, потратил на 201 версту около 30 часов, то есть делая в среднем около 7 верст в час.

— Деревня поэта Н. М. Языкова, с. Языково, находилась, как отмечает Пушкин, в 65 верстах от Симбирска в Корсунском уезде, Симбирской губ., и в версте расстояния от большого Московского тракта из Симбирска в Корсунь, на берегу реки Уреня (о ней см. в статье В. Поливанова «Село Языково» в «Историч. Вестн.» 1896 г., № 12, стр. 987—990, и в его же статье «Пушкин в Симбирске», там же, 1899 г., № 8, стр. 568—576). В Языкове Пушкин пробыл с 11 по 12 сентября, выехав туда, очевидно, 11-го числа утром и пробыв «вечер», как он пишет, в Языкове; вернулся поэт обратно в Симбирск 12-го числа, выехав из Языкова рано утром.

— В Симбирске Пушкин остановился, вероятно, в одной из немногочисленных тогда гостиниц (см. в грешащей многими ошибками статье Н. А. Державина «А. С. Пушкин в Симбирской губернии» в «Ниве» 1913 г., № 36, стр. 715—717).

— Загряжский — Александр Михайлович (род. в 1796 г. — ум. после 1878), начавший службу в Одесском пехотном полку (1811) и продолжавший ее в Преображенском полку до 1826 г., когда перешел в гражданское ведомство. Симбирским губернатором был с 2 июля 1831 г. по 5 марта 1835 г.; затем был членом консультации министерства юстиции (1837); был уволен от службы в 1846 г., состоял начальником дружины ополчения Московской губ. (1855); вновь уволен от службы в декабре 1855 г.; с 1863 г. состоял по министерству внутренних дел и в 1867 г. вышел в отставку (см. «Знакомые. Альбом М. И. Семевского», С.-Пб. 1888, стр. 44, и формуляр Загряжского о прохождении службы в «Русск.

[1] Однако, город Лаишев Пушкин назвал в своей дорожной записной книжке — «город в Шлафроке», то есть в утреннем халате (см. Л. Б. Модзалевский, «Рукописи Пушкина в Ленинградской Публичной Библиотеке в Ленинграде», Лгр. 1929, стр. 27).

Стар.» 18 9 г., № 1 стр. 171—175). О Загряжском сохранился большой № 543
рассказ Э. И. Стогова, впервые напечатанный в «Русск. Стар.» 1878 г., № 12, стр. 638—654, в котором Загряжский был обрисован с отрицательной стороны; против этого рассказа в той же «Русск. Стар.» 1879 г., № 1, стр. 171—175, протестовал сам Загряжский, называя его клеветою; однако уже после смерти Загряжского этот же рассказ был напечатан там же вторично в расширенном виде (1903 г., № 5, стр. 314—323). Обстоятельства ухода Загряжского с должности симбирского губернатора изложены в записках И. С. Жиркевича в «Русск. Стар.» 1878 г., № 7, стр. 417—419 и 421, и № 9, стр. 36 и др. «Русск. Стар.» 1890 г., № 7, стр. 75—76 и 85. О неблаговидных поступках Загряжского упоминает А. И. Тургенев в письме кн. П. А. Вяземскому 1837 г. («Остаф. Арх.», т. IV, стр. 7; ср. там же, т. III, стр. 364 и 744). Загряжский состоял членом масонской ложи Соединенных друзей в Петербурге до 1822 г. (см. «Русск. Стар.» 1907 г., № 8, стр. 424). Под начальством Загряжского служил в Симбирске одно время И. А. Гончаров, который дал в своих воспоминаниях большую его характеристику, выведя Загряжского под именем Льва Михайловича Углицкого (см. Сочинения Гончарова, изд. А. Ф. Маркса, кн. XII, С.-Пб. 1899, стр. 44—158, в главе «На родине»; ср. «Русск. Стар.» 1911 г., № 10, стр. 42, Б. М. Энгельгардт, «И. А. Гончаров и И. С. Тургенев», С.-Пб, 1923, стр. 68, Е. А. Ляцкий, «Гончаров», С.-Пб. 1912, стр. 92). На дочери Загряжского Елизавете (род. 1828 — ум. 9 апреля 1898) с 13 октября 1843 г. был женат Лев Сергеевич Пушкин (см. «Пушкин, Статьи и материалы», вып. I, под ред. М. П. Алексеева, Одесса 1925, стр. 69—70). О приезде Пушкина к Загряжскому вспоминает Констанция Ивановна Короткова, рожд. Габленц (род. 1820 — ум. 12 мая 1900), которая брала в это время «в числе прочих городских барышен» урок танцев с дочерью Загряжского у него в доме: «Однажды осенью (1833 года, между 8—14 сентября) во время урока танцев по зале пронесся слух, что приехал сочинитель А. С. Пушкин; мы все заволновались от ожидания увидеть его, и вдруг входит в залу господин небольшого роста, в черном фраке, курчавый, шатен, с бледным или скорее мулатским рябоватым лицом: мне тогда он показался очень некрасивым... Мы все уже сидели по стульям и при его общем нам поклоне сделали ему реверанс; через несколько минут мы все с ним познакомились и стали просить его танцовать с нами; он немедленно же согласился, подошел к окну, вынул из бокового кармана пистолет и, положив его на подоконник, протанцовал с каждой из нас по нескольку туров вальса под звуки двух скрипок, сидевших в углу. — Пушкин, как говорили тогда, приезжал в Симбирск за разысканием материалов для своей истории Пугачевского бунта и, конечно, к своему удовольствию, мог их найти немало, потому что и я помню в Симбирске еще живых свидетелей этого бунта: в самом Симбирске жил 80—83 летний маленький невзрачный старичок Шувалов (имевший тогда восемь дочерей и одного сына), в доме которого и я часто бывала. Я помню хорошо, что он дома всегда был одет в красный халат, подпоясанный шнурком или просто веревочкой. Мы, бывало, усядемся на скамеечке у его ног и слушаем его рассказы про старое время, про Пугачева, у которого

№ 543 он был форейтором. Шувалов удостоился такой чести, вместо того чтобы быть убитым с прочими помещиками, за то только, что «показался Пугачеву чрез меру плюгавым». Шувалову тогда было всего шестнадцать лет от роду. К этому-то Пугачевскому форейтору, как я тогда слышала, сделал свой визит Пушкин, очевидно, желая послушать его рассказы о Пугачеве» (см. Д. Лебедев, «Пушкин и Симбирские старожилы» в «Московских Ведомостях» 1901 г., № 242; в сокращенном виде перепечатано в «Новом Времени», 1901 г., № 9161, и в «Литературном Вестнике», т. II, кн. VI, 1901 г., стр. 180). 14 сентября Пушкин был у Загряжского, подарившего ему карту Екатеринославской губ., издания 1821 г., на которой Пушкин сделал надпись: «Карта принадлежавшая Императору Александру Павловичу. — Получена в Симбирске от А. М. Загряжского 14 синт. 1833» (см. M. Hoffmann, «Le Musée Pouchkine d'Alexandre Onéguine à Paris, 1926, Paris, Champion, стр. 33 и 64, и «Рукою Пушкина», Л. 1935, стр. 601—602). Напечатанный со слов самого Загряжского Н. П. Кичеевым рассказ о проигрыше Пушкиным Загряжскому рукописи пятой главы «Евгения Онегина» — мало правдоподобен (см. «Русск. Стар.» 1874 г., № 3, стр. 564).

— Письмо Н. Н. Пушкиной, переданное поэту А. М. Загряжским, неизвестно.

— У тебя нарывы — то есть нарывы, образовавшиеся от грудницы (см. выше, стр. 599). Кн. П. А. Вяземский писал 1 сентября (из Петербурга в Дерпт) жене: «Сказывал ли я вам, что Пушкин удрал месяца на три в Нижний, Казань, Оренбург? Там поживет у себя в деревне, вероятно чем-нибудь разрешится и приедет сюда. Я видел жену его на даче 26-го [августа]. Она все еще довольно худо оправляется, у нее были нарывы на груди. Дом наняли они недалеко от нас, возле Кочубея» («Литературное Наследство», № 16—18, стр. 807).

— Дети — Пушкина, Мария и Александр Александровичи.

— Серг. Ник. — Сергей Николаевич Гончаров, младший брат Н. Н. Пушкиной, в это время служил (с 16 апреля 1832 г.) в Киевском гренадерском полку, а 4 декабря 1833 г. переведен был в гренадерский наследного принца Прусского полк; получив затем (22 июня 1834) чин прапорщика, переведен был (24 июля 1835) в Ингерманландский гусарский полк, с переименованием в корнеты (о Гончарове см. в т. II, стр. 470; рассказы его о поэте напечатаны в «Русск. Стар.» 1880 г., № 5, стр. 95—96, и в «Русск. Арх.» 1881 г., кн. II, стр. 497—498).

— Ив. Ник. — Иван Николаевич Гончаров, второй из братьев Н. Н. Пушкиной, служивший с 13 ноября 1831 г. по апрель 1840 г. в л.-гв. Гусарском полку (см. о нем в т. II, стр. 396—397; «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Л. 1927, стр. 136—137, и выше, в примечаниях к письму № 490, стр. 473). О какой матримониальной истории с ним писала Н. Н. Пушкина остается неизвестным.

— дуэля — это слово Пушкин употребляет в мужском роде, согласно французскому le duel; теперь это слово употребляется в женском роде (см. Е. Ф. Будде, «Опыт грамматики языка А. С. Пушкина», вып. 1, стр. 26).

— Если дом удобен — речь идет о новой квартире Пушкина в доме петербургского плац-адъютанта, капитана л.-гв. Павловского полка Але-

ксандра Карловича Оливио (или Оливье) «у Пантелеймона, близ Цепного моста» (на Пантелеймоновской ул., ныне ул. Пестеля, д. № 5). Об этом доме, сохранившемся до нашего времени, см. в книге А. Г. Яцевича «Пушкинский Петербург», вып. 1, изд. 2, Л. 1933, стр. 63—65 и 149. Н. Н. Пушкина в отсутствие Пушкина заключила в конце августа договор с домовладельцем и, повидимому, в сентябре переехала с детьми с дачи Миллера на Черной речке на новую квартиру. Слова поэта: «нечего делать, бери его», очевидно являются ответом на то, что квартира очень дорога — она стоила 4800 руб. в год.

— Говоря о том, что из Казани он писал «несколько строчек», Пушкин имеет в виду свое письмо от 8 сентября (№ 541).

— blue Stocking — синий чулок (перевод с английского); это русское выражение еще не было в ходу в то время.

— несносная баба — Александра Андреевна Фукс (о ней см. в примечаниях к предыдущему письму № 542, стр. 623—627).

— прочла мне стихов с двести — А. А. Фукс рассказывает: «Он просил показать ему стихи, писанные ко мне Боратынским, Языковым и Ознобишиным, читал их все сам вслух, и очень хвалил стихи Языкова. Потом просил меня непременно прочитать стихи моего сочинения. Я прочла сказку: Жених, и он, слушая меня, как бы в самом деле хорошего поэта, вероятно, из любезности, несколько раз останавливал мое чтение похвалами, а иные стихи заставлял повторять и прочитывал сам» («Русск. Стар.» 1899, № 5, стр. 259).

— Баратынский — Евгений Абрамович; он написал следующие стихи А. А. Фукс:

Вы-ль, дочерь Евы, как другая:
Вы-ль, перед зеркалом своим
Власы роскошные вседневно убирая,
Их блеском шелковым любуясь перед ним,
Любуясь ясными очами,
Обворожительным лицом,
Блестящей Грации, пред вами
Живописуемой услужливым стеклом,
Вы-ль угадать могли свое предназначенье!
Как, вместо женской суеты,
В душе довольной красоты
Затрепетало вдохновенье?
Прекрасный, дивный миг! Возликовал Парнас,
Хариту, как сестру, Камены окружили;
От мира мелочей, вы взоры отвратили;
Открылся новый мир для вас,—
Сей мир свободного мечтанья,
В который входит лишь поэт,
Где исполнения находят все желанья,
Где сладки самые страданья,
И где обманов сердцу нет.
Мы встретилися в нем. Блестящими стихами
Вы обольстительно приветили меня.
Я знаю цену им. Дарована судьбами
Мне искра вашего огня.
Забуду-ли я вас? забуду-ль ваши звуки?
В душе признательной отозвались они.
Пусть бездну между нас раскроет дух разлуки.

№ 543

Пускай летят за днями дни:
Пребудет неразлучна с вами
Моя сердечная мечта,
Пока пленяюся я лирными струнами,
Покуда радует мне душу красота.

Это стихотворение впервые напечатано было в сборнике стихотворений Боратынского, изд. в 1835 г. (стр. 147—148); см. Полн. Собр. Соч. Е. А. Боратынского, под ред. М. Л. Гофмана, т. I, С.-Пб. 1914, стр. 127 и 286. Боратынский в письме к И. В. Киреевскому 16 мая 1832 г. писал: «Прошу его [то есть Н. М. Языкова] пожалеть обо мне: одна из здешних дам, женщина степенных лет, не потерявшая еще притязаний на красоту, написала мне послание в стихах без меры, на которое я должен отвечать» («Татевский сборник С. А. Рачинского», С.-Пб. 1899, стр. 46, ср. заметку Я. З. Черняка в «Печати и Революции» 1927 г., кн. 3, стр. 73).

— Муж ее — Карл Федорович Фукс (род. 6 (17) сентября 1776 в г. Герборне в княжестве Нассауском — ум. 24 апреля 1846 в Казани), профессор терапии, патологии и клиники (с 1805 до 1818 г. — естественной истории и ботаники) Казанского университета; в 1823—1824 и 1825—1828 гг. ректор университета, большой знаток местного края, изучивший его историю, этнографию, статистику; имел в Казани обширный круг знакомых (о литературном салоне в его доме см. выше, стр. 623—624, в биографии его жены А. А. Фукс). Последние годы университетской службы К. Ф. Фукса были омрачены возбужденными против него обвинениями в прикосновенности к делу по ревизии, после М. Л. Магницкого, счетов университета, а также по делу А. Жобара, и к делу о минералогическом собрании, приобретенном у Свистуновой. Незадолго до приезда Пушкина в Казань К. Ф. Фукс получил 6 мая 1833 г. звание заслуженного профессора, а 1 июля того же года вышел в отставку от университетской службы, оскорбленный теми условиями, на которых ему было предложено продолжать службу в университете. Разносторонняя деятельность К. Ф. Фукса является своей неутомиместью, поистине замечательною, если мы оставим даже в стороне его административную работу по университету и разного рода официальные поручения, возлагавшиеся на него как на главного представителя университетского медицинского знания. Гремевший своею славою врач-клиницист, имя которого было популярно далеко за пределами Казани, в то же самое время местный историк, этнограф, археолог, натуралист, нумизмат, знаток восточных наречий, Фукс явился одним из ранних, если только не самым ранним, пионером дела всестороннего изучения местного Волжско-Камского края, выступив в этом отношении предтечею целого направления будущих исследователей; кроме Пушкина, К. Ф. Фукса посетили М. М. Сперанский, барон А. Гумбольдт, бар. Гакстгаузен, гр. Е. Ф. Канкрин и др. К. Ф. Фукс деятельно сотрудничал в «Казанском Вестнике» в «Заволжском Муравье», в «Казанских Губ. Ведомостях»; из трудов Фукса у Пушкина был оттиск его работы из «Казанского Вестника» (1832 г., ч. XXXV и XXXVI): «Путешествие по Башкирскому Уралу», но он не сохранился в составе его библиотеки (см. статью Л. Б. Модзалевского «Новые материалы о библиотеке Пушкина», в «Литературном Наследстве» № 16—18, стр. 1009). Список трудов

Фукса, а также подробные биографические о нем сведения см. в «Русском Биографическом Словаре»; т. Фабер—Цявловский, С.-Пб. 1901, стр. 243—249, и в составленном Н. П. Загоскиным «Биографическом Словаре профессоров и преподавателей имп. Казанского Университета», ч. 2, Казань, 1904, стр. 367—369, «Антиквар» 1903, № 1—4, стр. 5—13 (статья Н. Лихачева «Краткая история города Казани, сочиненная профессором Фуксом»); «Русск. Стар.» 1909, № 3, стр. 639 (К. Ф. Фукс — масон), а также во всех вышеуказанных источниках об А. А. Фукс, на стр. 625). Пушкин познакомился с К. Ф. Фуксом 7 сентября 1833 г., о чем пишет А. А. Фукс («Русск. Стар.» 1899 г., № 5, стр. 259—261); они вместе ездили к Л. Ф. Крупеникову для сбора сведений о Пугачеве; о нем Пушкин получил материал и от самого Фукса, который был очень полезен поэту в этом деле. Во втором примечании к VIII главе «Истории Пугачевского бунта» Пушкин, передавая предание о том, как Пугачев пожаловал лютеранского пастора в полковники, делает примечание: «Слышано мною от К. Ф. Фукса Доктора и Профессора медицины при Казанском Университете, человека столь же ученого, как и любезного и снисходительного. Ему обязан я многими любопытными известиями касательно эпохи и стороны, здесь описанных» («История Пугачевского бунта», ч. 1, С.-Пб. 1834, стр. 139 и 59 второй пагинации; ср. в изд. Акад. Наук, т. XI, стр. 164 первой пагинации и 26, 243 и 256 второй пагинации). Впоследствии Фукс вспоминал о поэте в предисловии к ненапечатанному роману своей жены «Зюлима или Пугачев в Казани»: «В 1833 году А. С. Пушкин, проезжая в Оренбургскую губернию, останавливался на одни сутки в Казани. Я имел счастие видеть этого знаменитого поэта в моем доме и провести несколько приятнейших, незабвеннейших часов в беседе с ним. Он желал получить от меня некоторые сведения о пребывании Пугачева в Казани; но я, никогда не занимаясь этим предметом, не мог в полной мере сделать ему угодное, однако ж передал все, что знал до того времени. Его обязательная признательность за такие маловажные услуги мои заставила меня дать ему слово заняться этим предметом сериознее; к сожалению, не имея довольно свободного времени, не мог я скоро исполнить желание незабвенного Пушкина. Смерть похитила его у России и лишила меня счастия показать ему мою преданность исполнением его желания; однако я взял твердое намерение, и по смерти его, сдержать данное ему слово, чтоб, исполняя волю его, принести признательную дань и незабвенному его праху. Четыре года я собирал, с неусыпным старанием, все сведения, все исторические истины, все рукописи и изустные сказания казанских старожилов, бывших очевидными свидетелями тогдашних происшествий при самозванце Пугачеве...» (см. М. Ф. де-Пуле, «Отец и сын», в «Русск. Вестн.» 1875 г., т. CXVIII, № 8, стр. 620; Н. Я. Агафонов «Казань и казанцы», вып. 2, Казань 1907, стр. 88). К. Ф. Фукс упомянут Пушкиным в письме к А. А. Фукс в 1834 г., в котором он просил ее засвидетельствовать его «глубочайшее почтение Карлу Федоровичу, коего любезность и благосклонность» будут ему «вечно памятны» («Переписка Пушкина», т. III, стр. 168); в письме к ней же 1835 г. поэт извинялся перед К. Ф. Фуксом «в неисправности издания» своей «Истории Пугачевского бунта» (там же, стр. 223 ср., стр. 282. № 543

№ 543 а в 1836 г. К. Ф. Фукс сам намеревался отправить Пушкину свои сочинения (ibid., стр. 319).

— Сегодня еду в Симбирск, — Пушкин действительно выехал в этот день (12-го) в Симбирск, вероятно отобедав у А. М. Загряжского (о нем см. выше, стр. 628—630), и вечером отправился в Оренбург, но с дороги вернулся обратно, о чем рассказал в следующем письме к жене (№ 544).

— Языков — Петр Михайлович (род. 26 июня 1798 — ум. 17 июня 1851), старший брат Н. М. Языкова, геолог, автор «Записной книжки», отрывки из которой были напечатаны в «Русском Архиве» за 1867 г. (ст. 392—395) и 1874 г. (кн. I, ст. 799—800; анекдот о Пушкине),[1] деятель родного ему Симбирского края; получив образование в Петербурге в Горном кадетском корпусе, Языков предполагал посвятить себя ученой деятельности, имея специальные познания в области геологии, геогнозии и палеонтологии, но после смерти отца (в 1819 г.) вынужден был, как старший из его сыновей, заняться доставшимися ему в наследство имениями и поселился надолго в Симбирске, женясь в 1824 г. на сестре будущего декабриста В. П. Ивашева — Елизавете Петровне; в 1838—1840 гг. Языков был за границей вместе со своим больным братом Н. М. Языковым, в Германии и Италии (см. «Русск. Стар.» 1889 г., № 8, стр. 364), познакомился с крупными учеными того времени и, возвратясь в имение, решил изучать геологическую историю своего родного края. Для изучения его он сделал очень много и как этнограф и, главным образом, как геолог; к числу заслуг Языкова относится большое участие его в создании в 1838 г. «Симбирского Губернского Музеума» и его постоянная забота о пополнении музея нужными экспонатами; другою заслугою его была мысль, поддержанная им, об устройстве в Симбирске библиотеки в память Н. М. Карамзина, в которую вошла затем пожертвованная Н. М. Языковым библиотека в две тысячи томов; Языков составил также карту почв Симбирской губернии и написал краткую историю ее городов; им написано до тридцати мелких научных статей, помещенных большею частью в «Горном Журнале», «Москвитянине», в газетах и в «Трудах Минералогического Общества» и «Общества Естествоиспытателей в Москве». Большая палеонтологическая коллекция, собранная им, была после его смерти, в виду упадочного состояния Симбирского Музеума, передана в Горный Институт, где составила особый кабинет имени П. М. Языкова (подробнее о нем см. в «Языковском Арх.», вып. I, под ред. Е. В. Петухова, С.-Пб. 1913; в «Русском Биографическом Словаре», т. Яблоновский — Фомин, С.-Пб. 1913, и в работе А. С. Полякова «Симбирский Губернский Музеум», П. 1915, — оттиск из «Записок Симбирского Областного Естественно-Исторического Музея», вып. 2, 1914 г., где указана библиография). Д. Н. Свербеев, близко знавший Языкова, сообщает: «Петра Языкова, как отличного воспитанника, в котором министерство финансов хотело иметь дельного чиновника, причислили к департаменту, обещали ему видное штатное место, но он выпросился в отпуск в Симбирское свое имение, совсем позабыл про свою службу, и, что всего курьезнее, его служба забыла про него на целые десять лет. По приезде в Симбирск

[1] Напечатан выше, в т. II, стр. 482.

его женили, кто и как, вряд ли и сам он про то знал, в семье генерала Ивашева, на сестре Декабриста этой фамилии, девушке образованной и решительной. Будучи еще очень молодою, не помню, еще в девицах или уже замужем, ездила она повидаться с сосланным братом в самую глушь Сибири и это путешествие совершила без позволения правительства тайком и под чужим именем. — Петр Языков проснулся к жизни лишь тогда, когда поехал с истощенным болезнью братом Николаем за границу. Там, на минеральных водах, в Гаштейне, встретился он с единственным ученым нашим министром финансов, графом Канкриным, и обратил на себя внимание этого замечательного государственного человека своими основательными познаниями в горных науках. Министр выразил ему сожаление, что он не служит по этой части. Тут только Петр Языков вспомнил, что он, служа именно по этой части, находится в таком продолжительном отпуску, и озадачил министра своей беззаботностью и бездействием в отношении к нему самого министерства финансов, к которому принадлежал горный департамент. Поездка за границу, которую он повторил, совсем переродила Петра Языкова. Из увальня и лежебока сделался он прелюбезным, презабавным, под тридцать лет, человеком холодным, насмешливым. Бывая иногда по зимам в Москве для посещения брата, здоровье которого явно разрушалось, вдохновил он неистовою злобою нервного поэта против врагов Славянофильства. Поэт Языков сочувствовал этому направлению по исключительной любви своей к Русской литературе, в которой он занимал уже весьма почетное место, и сверх того по родственным связям своим с Алексеем Степановичем Хомяковым, женатым на меньшой сестре Языковых» («Русск. Арх.» 1899 г., кн. III, стр. 143—144; «Записки Д. Н. Свербеева (1799—1826)», т. II, М. 1899, стр. 89—90; ср. ниже, стр. 640—641); о Языкове см. также в воспоминаниях Н. А. Крылова в «Вестн. Европы» 1900 г., № 5, стр. 167—168; в Письмах Н. В. Гоголя, под ред. В. И. Шенрока, изд. А. Ф. Маркса, т. IV, по указателю; «Русск. Стар.» 1889 г., № 1, стр. 146 и 149, и «Русск. Арх.» 1884 г., кн. III, стр. 205 (в письме А. С. Хомякова к Н. М. Языкову). О впечатлении, произведенном на Пушкина знакомством с П. М. Языковым, находим следующие данные в письме его сестры Екатерины Михайловны Языковой (род. 1817 — ум. 1852), бывшей потом замужем за А. С. Хомяковым, датируемом между 12 и 14 мая 1836 г., где она говорит о брате: «Привезите его сюда непременно. Пушкин так расхвалил его Хомякову, что тот ужасно желает видеть и познакомиться с ним, рассказывая, как он принял Пушкина, когда тот приехал к вам в Языково, что прежде не хотел даже говорить с ним, но потом так обошелся, что через полчаса они сделались друзьями» (Б. В. Шапошников, «Письма Е. М. Языковой о Пушкине», в изд. ГАХН «Искусство» 1928 г., № 1—2, стр. 156). Пушкин упомянул Языкова в 1834 г. в письме к Н. М. Языкову 26 сентября («Переписка Пушкина», т. III, стр. 167), прося передать ему «искреннее почтение и поклон».

— Плетнев — Петр Александрович.

— Нащокин — Павел Войнович.

— дети — Мария и Александр Александровичи Пушкины.

— Кат. Ив. — Екатерина Ивановна Загряжская.

543—544 — брат С. — брат Н. Н. Пушкиной — Сергей Николаевич (о нем см. выше, стр. 630).

— В Болдино Пушкин приехал 1 октября (см. ниже, стр. 643).

544. *Н. Н. Пушкиной.* 14 сентября [1833 г.] (стр. 104). Напечатано впервые И. С. Тургеневым в «Вестн. Европы» 1878 г., № 1, стр. 39; вошло в издания сочинений Пушкина, начиная с изд. Литературного Фонда, под ред. П. О. Морозова, т. VII, стр. 325—326, и в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. III, стр. 45; подлинник, на листе почтовой бумаги большого формата, без водяных знаков, — в Госуд. Публ. Библиотеке СССР имени В. И. Ленина, в Москве; письмо сложено конвертом и запечатано неразборчивою печатью.

— Выехав из Симбирска «третьяго дня ночью», то есть в ночь с 12-го на 13-е сентября, Пушкин мог поехать в Оренбург по одной из трех дорог: или по правому берегу Волги, по «главной» дороге, то есть в Сенгилей (на Крекшинки и Тушну), откуда в Самару, или, выехав по «губернской» дороге, шедшей в Сызрань, на Ключищи, Ташму, Горюшку, свернуть здесь на «главную» дорогу и через Усолье, Жегули, Аскулы и Борновку приехать в Самару. Можно, наконец, было ехать и переправившись у Симбирска через Волгу, в Красный Яр, дорогой, где не было почтовых станций. Обычный путь из Симбирска в Оренбург (указываемый, между прочим, «почтовыми дорожниками») — по первой дороге. Так, надо думать, поехал и Пушкин. Но доехав до «третьей», по его словам, станции, то есть до Сенгилея (от Симбирска 55 верст), Пушкин возвратился в Симбирск, конечно, не ранее 14-го, откуда писал комментируемое письмо, и только на следующий день (15-го) рано утром снова выехал из Симбирска по другой «губернской» дороге, зарисовав на память в свою дорожную записную книжку Смоленскую гору, церковь с колокольней и дом Н. М. Карамзина (см. его дату: «15 сент. Волга» — Л. Б. Модзалевский, «Рукописи Пушкина в Государственной Публичной Библиотеке в Ленинграде», Л. 1929, стр. 27). Трудно допустить, как утверждает П. А. Преображенский (в статье «Пушкин в Самарских краях», напечатанной в «Бюллетене Общества археологии, истории, этнографии и естествознания» 1 декабря 1925 г., № 3, стр. 17—18), что на этот раз Пушкин поехал в Красный Яр. Если его пугало то обстоятельство, что по дороге в Сенгилей на станциях было только по шести лошадей, то тем более должна была смущать его не почтовая дорога. На «губернской» же дороге в Самару в «Почтовом дорожнике» 1824 г., значится по тринадцати лошадей на станции.

— заяц перебежал мне дорогу — об этом злополучном зайце Пушкин вспомнил и в письме к жене от 2 октября 1833 г., из Болдина (см. в письме № 546). Е. В. Новосильцова передает также случай о зайце, происшедший с Пушкиным в 1830 г. (см. «Русск. Арх.» 1877 г., кн. II, стр. 99). О суеверии Пушкина и приверженности его к приметам см. выше, стр. 467, в книге П. Н. Сакулина «Кн. В. Ф. Одоевский»; т. I, ч. 1, М. 1913, стр. 379, и др., где вообще собран материал об этом вопросе; см. также примечание Н. О. Лернера к стихотворению «Приметы» в Сочинениях Пушкина, под ред. С. А. Венгерова, т. V, стр. XXV (первый столбец), и в статье Елены Кислициной «К вопросу об отношении Пушкина

к религии» в «Пушкинском сборнике памяти С. А. Венгерова», под ред. Н. В. Яковлева», П. 1922, стр. 267).

— Слова: «теперь еду опять» нужно бы понимать в том смысле, что Пушкин 14-го числа вторично выехал из Симбирска, но этому противоречит дата под рисунком, о котором говорено выше; очевидно поэт решил переночевать в городе и на рассвете следующего дня (15-го) окончательно выехал из него в Оренбург.

— дети — Мария и Александр Александровичи Пушкины.

— тетка — Екатерина Ивановна Загряжская.

— Начиная с этого письма, Пушкин три письма к жене адресовал на имя тетки ее, жившей в качестве фрейлины в Зимнем дворце, потому что не знал, переехала ли Наталья Николаевна с дачи на новую квартиру (см. выше, стр. 630—631).

545. *Н. Н. Пушкиной.* 19 сентября [1833 г.] (стр. 105). Напечатано впервые И. С. Тургеневым в «Вестн. Европы» 1878 г., № 1, стр. 39—40; вошло в издания сочинений Пушкина, начиная с изд. Литературного Фонда, под ред. П. О. Морозова, т. VII, стр. 326, и в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. III, стр. 46—47; подлинник, на листе почтовой бумаги большого формата без водяных знаков, — в Госуд. Публ. Библиотеке СССР имени В. И. Ленина; письмо сложено конвертом и запечатано перстнем-талисманом.

— От Симбирска до Оренбурга было 627 верст. Выехав из Симбирска рано утром 15 сентября (см. выше, стр. 636), Пушкин приехал в Оренбург 18 числа к вечеру; [1] сразу же по приезде он поехал к своему знакомому Константину Демьяновичу Артюхову (ум. в 1840 г.), с 1832 по 1837 г. бывшему директором Оренбургского Неплюевского Военного Училища; тот провел Пушкина в баню и смешил его своими охотничьими рассказами (об этом см. подробнее в воспоминаниях Н. П. Иванова в «Библиографе» 1887 г., стр. 38—39, — перепечатка из его книги «Хивинская экспедиция», С.-Пб. 1873; в воспоминаниях В. И. Даля, опубликованных Н. О. Лернером в «Русск. Стар.» 1907 г., № 10, стр. 65—66; в статье Б. Л. Модзалевского в «Сборнике Пушкинского Дома на 1923 г.», стр. 18, 27—30, — здесь опубликовано письмо поэта к В. А. Перовскому 1835 г., в котором упомянут и Артюхов и которому Пушкин послал через Перовского экземпляр «Истории Пугачевского бунта» на память о его рассказах; П. И. Бартенев, «Рассказы о Пушкине», под ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 22 и 68). От Артюхова Пушкин поехал, повидимому, на дачу под Оренбургом к своему старому знакомому — военному губернатору Оренбурга, Василию Алексеевичу Перовскому (о нем см. в т. I, стр. 495; ср. «Русск. Арх.» 1899 г., кн. II, стр. 137—138, заметка П. Юдина о доме В. А. Перовского в Оренбурге). Здесь он объяснил Перовскому, что цель его приезда в Оренбург — посещение Казачьего села Бёрды (в шести верстах от дачи Перовского) для расспросов местных

---

[1] Очевидно, по дороге Пушкин беседовал с мордвином и записал 16 сентября его слова (см. Л. Б. Модзалевский, «Рукописи Пушкина в собрании Госуд. Публ. Библиотеки в Ленинграде», Л. 1929, стр. 27; здесь же см. и другие дорожные записи).

№ 545 стариков о Пугачеве, который имел там резиденцию. Перовский, очевидно, послал в Берды за казацким атаманом, сотником И. В. Гребенщиковым, и дал ему распоряжение собрать на завтра старожилов к приезду Пушкина, так как еще 18-го числа вечером Гребенщиков приглашал «на Пушкина» в Берды из Оренбурга Кайдалова. У Перовского Пушкин и остановился, оставшись ночевать на его даче. 19 сентября утром Пушкин написал комментируемое письмо к жене; утром же, вероятно, к Перовскому приехал В. И. Даль, служивший в это время в Оренбурге и, очевидно, по предложению Перовского взялся руководить поэтом в его поездках. Они осмотрели город, заехали за Артюховым и отправились в Бёрды. Там Пушкин записывал со слов стариков и старух, собранных атаманом, рассказы о Пугачеве (об этом см. в примечаниях к следующему письму, № 546). О пребывании Пушкина в Оренбурге см. в исчерпывающей работе Д. Н. Соколова «Пушкин в Оренбурге», в изд. «Пушкин и его современники», вып. XXIII—XXIV, стр. 67—100 и 301—304. Во время поездки Пушкина в Оренбург за ним был учрежден полицейский надзор; но полицейская переписка сильно запаздывала по сравнению со временем пребывания поэта в Казани, Симбирске, Оренбурге и других местах (см. «Русск. Стар.» 1882 г., № 1, стр. 223—226; там же, 1883 г., № 1, стр. 77—78); так, например, Управление Нижегородского военного губернатора предлагало Перовскому только 9 октября (бумага получена была в Оренбург 23 октября) учредить за поэтом секретный надзор «за образом жизни и поведением его», в то время как он был в это время уже в Болдине. Перовский наложил на этом донесении резолюцию (23 октября): «Отвечать, что сие отношение получено чрез месяц по отбытии г. Пушкина отсюда, а потому хотя во время кратковременного его в Оренбурге пребывания и не было за ним полицейского надзора, но как он останавливался в моем доме, то я тем лучше могу удостоверить, что поездка его в Оренбургский край не имела другого предмета, кроме нужных ему исторических изысканий» («Русск. Стар.» 1883 г., № 1, стр. 78, «Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии», вып. VI, Оренбург 1900, стр. 231; «Русск. Стар.» 1900 г., № 1, стр. 96; ср. выше стр. 620). Об Оренбурге 1833 г. см. в письмах Евгении Захаровны Ворониной в «Русск. Арх.» 1902 г., кн. II, стр. 643—660.

— Я здесь со вчерашнего дня — Пушкин приехал в Оренбург 18 сентября к вечеру.

— еду к Яицким казакам — то есть в Уральск, куда Пушкин ездил на следующий день 20 сентября, где пробыл до 23-го числа (см. в примечаниях к следующему письму № 546).

— О возвращении Пушкина в Болдино см. там же.

— Я и в коляске сочиняю — что именно из написанного в Болдине в 1833 г. задумывалось еще в дороге сказать трудно, но о «Медном Всаднике» (ср. беспокойство в письме № 534 о может быть вновь пропущенном наводнении) и о «Сказке о мертвой царевне» (ср. в письме № 535 с образом красавицы перед зеркалом) можно с уверенностью утверждать (ср. П. И. Бартенев, «Рассказы о Пушкине», под. ред. М. А Цявловского, М. 1925, стр. 76, и в статье Д. Н. Соколова «Оренбургские впечатления Пушкина и „Медный Всадник“» в изд. «Пушкин и его

соврем.», в. XXIII—XXIV, стр. 88—97). Стих. «Когда б не смутное влеченье» имеет в автографе, виденном П. В. Анненковым, дату: «1833, дорога, Сентябрь» (см. Сочинения Пушкина, под ред. С. А. Венгерова, т. VI, стр. 442). 545—546

— Что же будет в постеле — Пушкин постоянно писал с утра в постели (см. в письме № 550, стр. 110), подперев коленями тетрадь.

— Человек мой — слуга Пушкина Гаврила, взятый им с собой в путешествие. «Генералом» он называл Пушкина у К. Д. Артюхова (см. в назв. работе Д. Н. Соколова, стр. 68, 72; о Гавриле и вообще о «людях» Пушкина см. в книге П. Е. Щеголева «Пушкин и мужики», М. 1928, стр. 169—170, и др.).

— Ипполит — прежний слуга Пушкина, Ипполит (о нем выше, стр. 530).

— Отец мой — Сергей Львович Пушкин в это время был с женою в с. Михайловском (см. «Пушкин и его соврем.», вып. XIV, стр. 13—28).

— дети — Мария и Александр Александровичи Пушкины.

— следующее письмо Пушкин, действительно, написал жене из Болдина (см. № 546).

— Слова «с калмычками не кокетничаю», являются воспоминанием о встрече с калмычкой в 1829 г., описанной в «Путешествии в Арзрум»; ср. в стихотворении «Калмычке» (Сочинения Пушкина, под ред. С. А. Венгерова, т. V, стр. XXIX).

546. *Н. Н. Пушкиной.* 2 октября [1833 г.] (стр. 105—106). Напечатано впервые И. С. Тургеневым в «Вестн. Европы» 1878, № 1, стр. 40—41; вошло в издания сочинений Пушкина, начиная с изд. Литературного Фонда, под ред. П. О. Морозова, т. VII, стр. 327, и в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. III, стр. 49—50; подлинник на листе почтовой бумаги большого формата, с водяными знаками: А. Гончаров 1830, и орнаментальной рамкой, — в Госуд. Публ. Библиотеке СССР имени В. И. Ленина, в Москве; письмо сложено конвертом и запечатано сургучною печатью, вырванной вместе с частью текста.

— Болдино — о нем см. выше в т. II, стр. 462 и др.; см. также книжку Н. А. Саввина «Болдино и А. С. Пушкин», Нижний-Новгород 1929 50 стр.

— Я в Болдине со вчерашнего дня. — Выехав 20 сентября (см. в письме № 545 слова Пушкина о том, что он «завтра едет к яицким казакам») из Оренбурга в Уральск, Пушкин приехал сюда, вероятно, вечером 21-го (от Оренбурга до Уральска было 250 верст). Из Уральска поэт выехал, по его словам, «23 сентября вечером». В письме № 545 Пушкин выражал намерение проехать из Уральска в Болдино «через Саратов и Пензу»; трудно сказать, почему таким кружным путем он хотел ехать. (Из Уральска на Умет Переметный, Овсяной Гай, вдоль Б. Иргиза, в Красный Яр, и вдоль Волги в Саратов, оттуда в Пензу, а затем в Корсунь, Языково, Абрамово и Болдино — 1072 версты, а из Уральска на Умет Переметный, Овсяной Гай, Сызрань, Симбирск, Языково, Абрамово и Болдино — 690 верст). Судя по тому, что Пушкин снова заезжал в Языково, вероятнее, пожалуй, будет предположить, что ехал он из Уральска не намеченным ранее путем, а на Сызрань и Симбирск.

№ 546 Если бы Пушкин ехал через Пензу, то для заезда к Языковым нужно было бы сделать крюку верст 160, а между тем Пушкин пишет, что заехал в Языково, «проезжая мимо»; это выражение как бы говорит за то, что Пушкин заезжал к Языковым, специально не сворачивая с своего пути.

— дети — Мария и Александр Александровичи Пушкины.

— Выражение: «подъезжая к Болдину, у меня были самые мрачные предчувствия» — галлицизм.

— письмо из Оренбурга — см. № 545.

— Уральск — в 250 верстах от Оренбурга. Пушкин приехал туда, как сказано выше, 21 сентября вечером (см. «Пушкин и его соврем.», вып. XXIII—XXIV, стр. 85). В Уральске Пушкин пробыл до 23-го числа и здесь собирал сведения о Пугачеве. Возможно, что именно здесь им был записано начало песни «Уральски казаки» (см. в статье Н. О. Лернера «Начало сказки об Илье Муромце», в изд. «Пушкин и его современ.», в. XVI, стр. 41—43) и др. (см. также Л. Б. Модзалевский, «Рукописи Пушкина в собрании Государственной Публичной Библиотеки в Ленинграде». Л. 1929, стр. 26—27). Некоторыми рассказами местных «стариков» Пушкин воспользовался в своей работе.

— Атаман — Василий Осипович Покатилов (ум. 23 декабря 1838), питомец второго Кадетского корпуса, из которого был выпущен в 1805 г. подпоручиком в полевую артиллерию; всю свою службу провел в артиллерийских частях; в июне 1821 г. произведен был в подполковники и был тогда командиром Оренбургской казачьей конной роты № 11, а в 1828—1829 гг. занимал должность командира Оренбургской артиллерийской казачьей конной роты № 10, повидимому вплоть до 17 августа 1830 г., дня, когда он заместил скончавшегося 15 августа известного уральского войскового атамана Д. М. Бородина, сперва временно, с 9 же декабря 1833 г. был, по желанию Перовского, утвержден наказным атаманом. С ним был хорошо знаком Даль, в особой статейке-корреспонденции, напечатанной в «Северной Пчеле» 1834 г. (7 мая, № 101, стр. 403—404) описавший его вступление в должность атамана. И. В. Чернов свидетельствует, что назначением Покатилова, не природного казака, а великоросса, казачество было недовольно; о том же говорят и историки. Покатилов оставался наказным атаманом Уральского казачьего войска до своей смерти; умер он в чине генерал-майора (сведения взяты из статьи Б. Л. Модзалевского в «Сборнике Пушкинского Дома на 1923 год», стр. 21—27; там же перепечатан и рассказ В. И. Даля). В 1835 г. Пушкин в память встречи с В. О. Покатиловым переслал ему через В. А. Перовского экземпляр «Истории Пугачевского бунта» (ibid., стр. 18).

— Проезжая мимо Языкова — то есть имения Н. М. Языкова и его братьев, села Языкова, Корсунского уезда, Симбирской губернии (о первом посещении имения см. выше, в примечаниях к письму № 543, стр. 628). Языково поэт посетил в этот раз 29 сентября, переночевал здесь и 30 сентября отправился в Болдино.

— Застал всех трех братьев — то есть Петра Михайловича (о нем см. выше, стр. 634—635), Николая Михайловича, поэта, и Александра Михай-

ловича (род. 14 сентября 1799 — ум. 9 января 1874) Языковых. «Семейное предание рассказывает, что Пушкин застал братьев Языковых одетых по-домашнему, в халатах, и на первых же порах пристыдил и разбранил их за азиатские привычки. Пробыл он в Языкове почти два дня, которые прошли очень весело, и, уезжая, дал обещание быть зимой в Симбирске» («Истор. Вестн.» 1883, № 12, стр. 537). Характеристику всех трех братьев Языковых см. у Д. Н. Свербеева, «Русск. Арх.» 1899 г., кн. III, стр. 142—143; см. также стр. 143—149 и «Записки Д. Н. Свербеева (1799—1826)», т. I, М. 1899, стр. 23, и т. II, стр. 86, 87—99, 352. Об А. М. Языкове см. еще «Русск. Стар.» 1889, № 8, стр. 364, в воспоминаниях Н. А. Крылова в «Вестнике Европы» 1900 г., № 5, стр. 167—168, и письма к нему: Д. В. Давыдова в «Русск. Стар.» 1884, № 7, стр. 131—148, В. В. и И. В. Киреевских, ibid., 1883 г., № 9, стр. 627—638, и А. С. Хомякова в «Сочинениях А. С. Хомякова», т. VIII, М. 1900, стр. 118—122. № 546

— отобедал с ними очень весело — О темах их беседы мы знаем из письма А. М. Языкова к В. Д. Комовскому; 1 октября 1833 г. он писал: «Вчера был у нас Пушкин, возвращавшийся из Оренбурга и с Яика в свою нижегородскую деревню, где пробудет месяца два, занимаясь священнодействием перед алтарем Камен. Он ездил-де собирать изустные и письменные известия о Пугачеве, историей времени которого будто бы теперь занимается. Из питерских новостей он прочитал нам свою сказку *Гусар* (ее купил, дескать, у него Смирдин за 1000 рублей сто стихов). Дело идет о похождении малороссийской ведьмы; написана она весьма живо и занимательно. Знаете ли вы, что Гоголь написал комедию *Чиновник*? Из нее Пушкин сказал нам несколько пассажей чрезвычайно острых и объективных. Мы от него первые узнали, что он и Катенин избраны членами Российской Академии...» («Историч. Вестн.» 1883 г., № 12, стр. 537, 538). Приблизительно в это же время Н. М. Языков так сообщал о Пушкине М. П. Погодину: «У нас был Пушкин с Яика — собирал-де сказания о Пугачеве. Много-де собрал, по его словам разумеется. Заметно, что он вторгается в область Истории (для стихов еще бы туда и сюда) — собирается сбирать плоды с поля, на коем он ни зерна не посеял — писать Историю Петра, Екатерины I и далее вплоть до Павла первого (между нами)» (Н. П. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина, т. IV, стр. 161 и «Литературное Наследство», № 16—18, стр. 715). Братья А. М. и Н. М. Языковы сообщали о приезде к ним Пушкина и Д. В. Давыдову, который отвечал им из с. Мазы 7 ноября 1833 г.: «известие о Пушкине... я получил, за что приношу вам чувствительнейшую благодарность... Рад душевно, что Пушкин принялся за дело. Этот лощеный Петербург его губит, а более нас, отвлекая его от вдохновений; впрочем, вы знаете, что он запоем пишет только осенью, и, как кажется, это время года он не дарит праздности; если будете писать к нему, скажите ему мой дружеский поклон» («Русск. Стар.» 1884 г., № 7, стр. 138).

— встретил я попов — это были священники села Болдина Дмитрий Федорович Виноградов и Павел Семенов. Письмо Д. В. Виноградова к Пушкину 8 января 1834 г., с жалобой на Семенова, напечатано в «Искусстве» 1923 г., № 1, стр. 321 — 323 (перепечатано

№ 546 в книге М. А. Цявловского «Письма Пушкина и к Пушкину», М. 1925, стр. 21).

— О Симбирском зайце см. выше, стр. 636—637.

— Тетка — Екатерина Ивановна Загряжская.

— Берды — поселок в семи верстах от Оренбурга. Пушкин поехал туда 19 сентября с В. И. Далем и К. Д. Артюховым. Подробности пребывания там поэта см. в следующих статьях: Воспоминания В. И. Даля в книге Л. Н. Майкова «Пушкин», С.-Пб. 1899, стр. 413—433; Н. Г. Иванова «Пушкин на Бердах» в «Русск. Арх.» 1900 г., кн. I, стр. 149—159; П. Юдина «По поводу статьи о пребывании А. С. Пушкина в Берде», там же, 1900 г., кн. II, стр. 106—109, и в работе Д. Н. Соколова «Пушкин в Оренбурге», в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. XXIII—XXIV, стр. 77—81, где использованы все ранее опубликованные материалы.

— «une bonne fortune» — удачу (буквально: мне повезло). В собственном смысле: любовное приключение (здесь каламбур по поводу возраста казачки).

— 75-летняя казачка — Бунтова. Некто А. И. М. сообщал, что «в Бердах еще жила в 1848 г. девяностолетняя старуха казачка, бывшая любовница Пугачева. Она удостоена была его любовью лет 14 или 15 от роду. К этой женщине ездил А. С. Пушкин в бытность свою в Оренбурге, когда собирал материалы для истории Пугачевского бунта и расспрашивал ее о Пугачеве. Ветхая старуха, однако, мало что помнила, но не без удовольствия рассказывала о том, как Пугачев заметил ее на улице — и велел привести к себе в баню. — «Озорник, но молодец был батюшка — государь Петр Федорыч» — говорила престарелая, некогда случайная, любовница Емельяна Пугачева» («Русск. Стар.» 1870 г., № 10, стр. 418). Бывшая в Оренбурге почти одновременно с Пушкиным, Евг. Захар. Воронина в одном из своих писем из Оренбурга в 1833 г. (25 сентября) писала родным: «Пушкина мы уже не застали здесь: он уехал накануне нашего приезда. Цель его приезда — собрать сведения о Пугачеве, которого историю он намеревался писать. Верстах в семи от Оренбурга есть деревня Берды, где живет одна старуха, которая знает много подробностей о Пугачеве, и Пушкин ездил туда ее расспрашивать. Она рассказывала ему много любопытного и даже пела ему несколько Пугачевских песен» («Русск. Арх.» 1902 г., кн. II, стр. 647); в другом письме (26 ноября) Е. З. Воронина рассказывает, что она сама посетила Бунтову: «Выпал снег, и мы вчера ездили в Берды, к старушке, которая рассказывала Пушкину о Пугачеве. Мы посетили ее с тою же целью. Взяли с собой бумаги и карандаш, чтобы записывать, если она будет нам, как и Пушкину, петь песни. Вошедши в избу, мы увидели ее сидящую на печи, окруженную молоденькими девочками и маленькими детьми. Я сначала не думала, чтобы это была она: старуха свежая, здоровая, даже не беззубая, а говорит, что при Пугачеве была лет двадцати» (там же, стр. 658); далее Воронина передает запись своей беседы с Бунтовой о Пугачеве, а в конце пишет о том, какое впечатление на старуху-казачку произвело посещение Пушкина; этот рассказ чрезвычайно ценен, так как записан непосредственно через два месяца после него: «Она вдруг сказала со слезами на глазах: «Я говорю, а сердце-то у меня не на месте: кто знает,

зачем вы расспрашиваете меня о Пугаче? Онамедни тоже приезжали господа, и один все меня заставлял рассказывать; а другие бабы пришли да и говорят: «Смотри, старуха, не наболтай на свою голову, ведь — это — Антихрист». Мы старались ее разуверить: «Да и я думаю так: ведь я говорю правду, не выдумываю, так, кажись, что тут за беда? Он же — дай бог ему здоровья — наградил меня за рассказы. Да тут же с ним был и приятель наш, полковник Артюхов; уж он бы не захотел ввести нас в беду. А бабы-то как было меня напугали! Много их набежало, когда тот барин [то есть Пушкин] меня расспрашивал, и песни я ему пела про Пугача. Показал он патрет: красавица такая написана [то есть Н. Н. Пушкина]: «Вот, говорит, она станет твои песни петь». Только он со двора, бабы все так на меня и накинулись. Кто говорит, что его подослали, что меня в тюрьму засадят за мою болтовню; кто говорит: «Антихриста видела, когти-то у него какие! Да и в писании сказано, что Антихрист будет любить старух, заставлять их песни петь и деньгами станет дарить». Слегла я со страху, велела телегу заложить везти меня в Оренбург к начальству. Так и говорю: «Смилуйтесь, защитите, коли я чего наплела на свою голову; захворала я с думы». Те смеются, «Не бойся, — говорят: — это ему сам Государь позволил о Пугаче везде расспрашивать». Ну, уж я и успокоилась, никого не стала слушать» (там же, стр. 659—660). Бунтова была родом из Нижне-Озерной и рассказывала Пушкину, как очевидица, о взятии этой крепости Пугачевым, о присяге ему, о расстреле Харловой и ее брата, пропела ему три песни о Пугачеве, которые с ее слов записывала потом Е. З. Воронина. Рассказы Бунтовой произвели на Пушкина сильное впечатление своею свежей живостью, внушающей доверие; их он почти целиком затем использовал в «Капитанской дочке» (описание внутренности «дворца» Пугачева в Бердах, в главе «Мятежная слобода» и в «Истории Пугачевского Бунта» в III главе о том, как судил Пугачев в Бердах, о расстреле Харловой и ее брата. Пушкин упомянул Бунтову, не называя по имени, в последнем не вошедшем в печатный текст примечании к IV главе своего исторического труда: «Уральские казаки, большею частью раскольники (особливо старые люди), доныне привязаны к памяти Пугачева. Грех сказать, говорила мне 80-летняя казачка, на него мы не жалуемся; он нам зла не сделал» (Сочинения Пушкина, изд. Акад. Наук, т. XI, стр. 153; «Сборник исторических материалов и документов...», изд. М. Михайловым, С.-Пб. 1873, стр. 420).

— надеюсь многое привести в порядок — в Болдине Пушкин, действительно, закончил обработку материалов по истории Пугачева.

— Абрамово — почтовая станция между Арзамасом и Ардатовым, в 12 верстах от Болдина. На одной станции, между Арзамасом и Лукояновым, в селе Шатках, Пушкин, по дороге в Болдино, неожиданно встретился в конце сентября,[1] с своим кавказским знакомым Константином Ивановичем Савостьяновым (род. 1805 г. — ум. 1871) и с его отцом Иваном Михайловичем, ехавшими из Петербурга в Пензенскую губернию. К. И.

---

[1] Скорее всего, 30 или 1 октября 1833 г. Но пробыть у Савостьянова (см. ниже) сутки Пушкин не мог, так как 1-го числа был уже в Болдине.

546—547 Савостьянов рассказывает следующее: «Отец мой, во время смены лошадей, вошел в станционную избу позавтракать, а я, не совсем еще освобожденный от болезненной слабости, оставался в карете до тех пор, пока отец мой прислал непременно звать меня войти в избу для какой-то особенной надобности. Едва я отворил дверь станционного приюта, весьма некрасивого, как Пушкин бросился мне на шею, и мы крепко обнялись после долгой разлуки. В это время мы провели вместе целые сутки. Пушкин заехал ко мне в дом и с большим интересом рассказал свежие впечатления о путешествии своем по Оренбургской губернии, только что возвратившись оттуда, где он собирал исторические памятники, устные рассказы многих свидетелей того времени стариков и старух о Пугачеве. Доверие, произведенное к себе этим историческим злодеем во многих невеждах, говорил Пушкин, до такой степени было сильно, что некоторые самовидцы говорили ему лично с полным убеждением, что Пугачев был не бродяга, а законный царь Петр III, и что он только напрасно потерпел наказание от злобы и зависти людей. Пушкин в эти часы был чрезвычайно любезен, говорлив и весел. На покойного отца моего сделал он удивительное впечатление, так что он, вспоминая о Пушкине, часто говорил, что в жизнь свою он не встречал такого умного и очаровательного разговора, как у Пушкина. После сего мы расстались с Пушкиным и — навечно, ибо через два года его уже не было на свете. В этот промежуток жизни его я с ним имел переписку и доставлял ему некоторые сведения о бытности самого Пугачева в г. Саранске и окрестностях его и о неистовых действиях шайки Пугачевской по многим местам Пензенской губернии и прочем»; далее Савостьянов приводит подробности встречи И. М. Савостьянова с Пушкиным в станционной избе, пока К. И. Савостьянов сидел в карете, и между прочим разговор поэта с хозяйкой избы (см. сообщение А. А. Достоевского в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. XXXVII, стр. 149—151).

— оставляю тебя для Пугачева — то есть для работы в Болдине.

— дети Пушкина — Мария и Александр Александровичи.

547. *Н. Н. Пушкиной.* 8 октября [1833 г.] (стр. 106—108). Напечатано впервые И. С. Тургеневым в «Вестн. Европы» 1878 г., № 1 стр. 41—42; вошло в издания сочинений Пушкина, начиная с изд. Литературного Фонда, под ред. П. О. Морозова, т. VII, стр. 328—329, и в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. III, стр. 50—52; подлинник, на листе почтовой бумаги большого формата, с водяными знаками: А. Гончаров 1830, — в Публичной Библиотеке СССР имени В. И. Ленина, в Москве; письмо сложено конвертом и запечатано неразборчивою печатью.

— два письма — письма эти неизвестны.

— не одно село Болдино — их было два: Большое Болдино и Малое Болдино (см. П. Е. Щеголев, «Пушкин и мужики», М. [1928], стр. 62—67).

— Машка и Сашка — дети Пушкиных — Мария и Александр Александровичи.

— дом наняла — в доме А. К. Оливье, на Пантелеймоновской ул. (см. выше, в примечаниях к письму № 543, стр. 630—631).

— Вот уж неделю как я в Болдине — в Болдино Пушкин приехал, действительно, неделю тому назад, 1 октября (см. выше, стр. 639, 643).

— записки о Пуг. — то есть о Пугачеве — материал, собранный № 547
в Оренбургском крае (см. выше стр. 559—560).

— о неоправдавшихся расчетах Пушкина по изданию «Истории Пугачевского бунта» см. в статье П. Е. Щеголева в «Прожекторе», 1929 г., № 11 (181), стр. 23 и в книге «Рукою Пушкина», под ред. М. А. Цявловского, Л. Б. Модзалевского и Т. Г. Зенгер, Л. 1935, стр. 379—381.

— Жуковский — Василий Андреевич — он уехал для поправления здоровья из Петербурга 18 июня 1832 г. (см. выше, стр. 493) в Германию, Швейцарию, Италию, затем обратно в Германию, и через Дерпт 10 сентября 1833 г. приехал в Царское Село, не заезжая в Петербург (см. «Дневники В. А. Жуковского», под ред. И. А. Бычкова, С.-Пб. 1901, стр. 218—314). О приезде Жуковского писал Пушкину кн. В. Ф. Одоевский 28 сентября: «Я видел Жуковского: он помолодел и поздоровел; нет и тени прежнего больного лица» (Переписка Пушкина, т. III, стр. 47); кн. П. А. Вяземский сообщал И. И. Дмитриеву 1 октября: «Жуковский здесь: здоровье его очень поправилось. Я съехался с ним в Дерпте и провел двое суток, а здесь еще не видал его, потому что он в Царском Селе и прежде половины октября не возвратится в город, вместе с царскою фамилиею» («Русск. Арх.» 1868, ст. 634). Кн. В. Ф. Одоевскому Пушкин писал 30 октября: «Вы обрадовали меня известием о Жуковском. Дай бог чтоб нынешний запас здоровья стал ему лет на 5; а там уже как нибудь да справится». О здоровье Жуковского Пушкин осведомлялся и в следующем письме к жене (№ 549): «Что Ж? мне пишут, что он поздоровел и помолодел. Правда ли?» Вскоре в Петербурге на обеде у Е. А. Карамзиной (24 ноября) Пушкин повидался с Жуковским и записал в дневнике: «Он здоров и помолодел» («Дневник», под ред. Б. Л. Модзалевского, П, 1923, стр. 1 и 35—36). Ср. «Русск. Арх.» 1904 г., кн. I, стр. 273.

— звезда — орден св. Станислава 1-й степени, который Жуковский получил 30 августа 1833 г.

— Карамзины — вдова историографа Екатерина Андреевна Карамзина (о ней см. выше, в примечаниях к письму № 426, стр. 286—288) с осени 1832 г. жила с детьми в Дерпте, где ее сыновья, Андрей Николаевич (род. 24 октября 1814 — ум. 23 мая 1854) и Александр Николаевич (род. 31 декабря 1815 — ум. 9 июля 1888), учились в Дерптском Университете в 1832—1833 гг. (см. «Album Academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat. Bearbeitet von A. Hasselblatt und Dr. G. Otto, Dorpat, 1899, S. 223); при ней же находились и младшие дети: Николай Николаевич — умерший 21 апреля 1833 г. в Дерпте, Владимир Николаевич (род. 1819 — ум. 1879) и Елизавета Николаевна (род. 1821 — ум. 1891) (см. А. А. Сиверс, «Генеалогические разведки», вып. I, С.-Пб., 1913, стр. 147—148). Кн. П. А. Вяземский писал И. И. Дмитриеву 1 октября: «Я ездил если не совсем в чужие края, как возвестила о том московская молва, но по вашим словам ездил в русские чужие края, то есть в Дерпт, где около двух недель погостил у Карамзиных. Нашел я их в новом горе от смерти маленького Мещерского. Теперь же оба наши, или три наши семейства возвратились в Петербург; Карамзины со вчерашнего дня. Бедственна была для них эта поездка в Дерпт. Авось, этою попыткою расплатились они с судьбою»

№ 547 и отныне настанут для них лучшие времена» («Русск. Арх.» 1868 г., стр. 633—634). Кн. П. А. Вяземский сообщал А. И. Тургеневу 1 ноября: «Андрей [Карамзин] все не так здоров с возвращения и страдает глазами, потому вступление их в военную службу несколько и замедлилось. Все семейство живет в одном доме графа Кутузова, вместе с Вьельгорскими, так что в каждом этаже по знакомым; можно отзавтракать в одном, отобедать в другом и отужинать или отчайничать в третьем, то есть у Карамзиных, потому что София Николаевна [падчерица Карамзиной] заняла «свою прежнюю должность и вечером сидит *Самовар-Пашею* по старому» («Архив бр. Тургеневых», в. 6, стр. 361). Рассказ А. О. Смирновой о семье Карамзиных в это время см. в изд.: А. О. Смирнова, «Записки», с примеч. Л. В. Крестовой, под ред. М. А. Цявловского, М. 1929, стр. 190—191.

— Мещерские — дочь историографа Екатерина Николаевна, рожд. Карамзина, и ее муж князь Петр Иванович Мещерский (о них см. выше стр. 445, и «Дневник Пушкина», под ред. Б. Л. Модзалевского, П. 1923, стр. 112 и 186); у них только что умер сын; кн. П. А. Вяземский сообщал А. И. Тургеневу 1 ноября: «Ты, вероятно, уже знаешь давно, что Мещерская не миновала участи матери своей и также лишилась сына в Дерпте» («Архив бр. Тургеневых», вып. 6, стр. 361; ср. в «Дневниках В. А. Жуковского», под ред. И. А. Бычкова, С.-Пб. 1901, стр. 313 (о погребении 4 сентября 1833 г. младенца Мещерского) и в «Остаф. Архиве», т. III, стр. 23).

— София Николаевна — Карамзина, старшая дочь историографа от первого его брака (о ней см. в примечаниях к письму № 426, стр. 288—289).

— О предполагавшейся поездке Пушкина в Дерпт см. выше, в примечании к письму № 532, стр. 594).

— Смирнова — Александра Осиповна (о ней см. выше, стр. 226—234 и др.). С января 1833 г. была с мужем в Германии, откуда вернулась в Петербург 27 августа этого же года (см. «Дневник» Пушкина, под ред. Б. Л. Модзалевского, П. 1923, стр. 166 и др.).

— Безобразов — Сергей Дмитриевич (см. выше, стр. 531), бывший адъютант вел. кн. Константина Павловича (о нем см. в «Дневнике» Пушкина, под ред. Б. Л. Модзалевского, П. 1923, стр. 82—83; в московском издании «Дневника», М. 1923, стр. 243—244, и «Архив братьев Тургеневых», вып. 6, стр. 361); он женился 10 ноября 1833 г. на фрейлине княжне Любови Александровне Хилковой (род. 17 августа 1811 — ум. 28 ноября 1859); брак их окончился скандалом: о Безобразове и его невесте Пушкин упоминает в следующем письме к жене (№ 548): «не кокетничай ни с царем, ни с женихом княжны Любы».

— Соболевский — Сергей Александрович. Он приехал из Москвы в Петербург 5 сентября и 2 октября между прочим писал Пушкину на письме кн. В. Ф. Одоевского: «Остаюсь здесь еще несколько дней; потом в Москву, потом опять сюда, потом опять в Москву и опять сюда к генварю. — Жену твою видел раза два в театре. Вяземская воротилась из Дерпта» (Переписка Пушкина, т. III, стр. 48).

— О каких деньгах, присланных П. В. Нащокиным, говорит Пушкин, не знаем (ср. ниже, стр. 670).

— О денежных расчетах Пушкина с отцом его, С. Л. Пушкиным,

в это время никаких сведений не имеется; ср. Запись долга Пушкина отцу № 547
в 300 рублей около этого времени в книге «Рукою Пушкина», под. ред. М. А. Цявловского, Л. Б. Модзалевского и Т. Г. Зенгер, Л. 1935, стр. 362.

— наследство Василия Львовича — Пушкина, дяди поэта (о нем см. выше). В одном из следующих писем, к П. В. Нащокину (№ 558) от первой половины декабря Пушкин писал: «Наследники дяди делают мне дурацкие предложения — я отказался от наследства — не знаю — войдут-ли они в новые переговоры». П. Е. Щеголев в своей работе «Пушкин и мужики» (М. 1928, стр. 111) говорит: «Осенью 1833 года помещичьи интересы привлекали внимание Пушкина. Враг раздробления крупных имений, Пушкин мечтал о воссоединении частей Болдина, поделенного между С. Л. и В. Л. Пушкиными, о приобретении находившейся в опеке после смерти дяди Василия Львовича его половины» (см. в письме к жене, № 552, стр. 112); но мечта Пушкина не осуществилась, хотя по словам Щеголева «и через год Пушкин вел переговоры», но они были неудачны. «В конце концов, в 1835 году, часть Василия Львовича была продана с аукциона полковнику С. В. Зыбину за 220 000 рублей».

— Краевская — кто такая Краевская — определить трудно, может быть это то же лицо, что скрыто под буквами «М. Ф. Кр.» в письме Е. М. Хомяковой к Е. М. Языкову от 19 февраля 1837 г.: «Отчего М. Ф. Кр. плакала об Пушкине? Странно» («Искусство» 1928 г., кн. 1—2, стр. 167).

— Отрежков — вероятно, Наркиз Иванович Тарасенко-Отрешков (см. о нем выше, стр. 543—544 .

— Какие «мемории» Краевской имеет в виду Пушкин — неизвестно.

— Хитрова — Елизавета Михайловна, дочь князя Михаила Илларионовича Кутузова-Смоленского.

— Фикельмон — граф Карл-Людвиг Фикельмон, австрийский посол в Петербурге, и его жена гр. Дарья Федоровна. рожд. гр. Тизенгаузен, младшая дочь Е. М. Хитрово (о них см. в т. II, стр. 418—420 и др.); Фикельмон в августе 1833 г. уезжал ненадолго в Австрию («Остаф. Арх.», т. III, стр. 250) и еще 18 числа В. А. Жуковский посетил его в Берлине («Дневники В. А. Жуковского», С.-Пб. 1901, стр. 311). Вскоре (24 ноября) Пушкин был у Фикельмона на рауте, что и отметил в своем дневнике (под ред. Б. Л. Модзалевского, П. 1923, стр. 1 и 38).

— Не забрюхатила ли ты? — вопрос, оказавшийся неоправданным действительностью; он очень волновал поэта во время его поездки и пребывания в Болдине.

— Александров — Павел Константинович (о нем см. выше, стр. 531—532); 1 ноября кн. П. А. Вяземский сообщал А. И. Тургеневу: «В воскресенье [29 октября 1833] совершилось давно ожиданное бракосочетание Александрова и Щербатовой во дворце, и царская фамилия была отцами и матерями посажеными» («Архив бр. Тургеневых», вып. 6, стр. 361; см. также «Архив села Михайловского», т. II, вып. I, С.-Пб. 1902, стр. 25—26). К. Я. Булгаков писал брату 21 октября, что «Александров выздоровел» («Русск. Арх.» 1904 г., кн. I, стр. 274).

— Катерина Ивановна — Загряжская, тетка Н. Н. Пушкиной.

— Оливье — Александр Карлович Оливио; 14 апреля 1829 г. переведен был из Выборгского пехотного полка капитаном в л.-гв. Павловский

547—548 полк, с оставлением с.-петербургским плац-адъютантом; 1 января 1834 г. произведен в полковники с состоянием по армии (см. П. Воронов и В. Бутовский, «История л.-гв. Павловского полка», С.-Пб. 1875, приложение, стр. 59); о доме А. К. Оливио см. выше, стр. 630—631.

548. *Н. Н. Пушкиной.* 11 октября [1833 г.] (стр. 108). Напечатано впервые И. С. Тургеневым в «Вестн. Европы» 1878 г., № 1, стр. 42; вошло в издания сочинений Пушкина, начиная с издания Литературного Фонда, под ред. П. О. Морозова, т. VII, стр. 329, и в акад. изд. Переписки Пушкина, т. III, стр. 52; подлинник, на листе почтовой бумаги большого формата с водяными знаками: А. Г. 1830, — в Гос. Публичной Библиотеке СССР имени В. И. Ленина; письмо сложено конвертом и запечатано неразборчивою печатью.

— Плетнев — Петр Александрович.

— О Собрании Законов см. выше, стр. 479—480.

— Пушкин в это время усиленно работал над «Историей Пугачевского бунта». Указы из Собрания Законов понадобились ему для приложения к «Истории»; они помещены во II томе его труда, на стр. 1—55; но многие указы остались неиспользованными и хранятся в бумагах поэта (см. выше, стр. 480).

— что твое брюхо — то есть нет ли беременности (см. выше, стр. 647).

— жди меня в конце ноября — то есть в Петербург; Пушкин, действительно, приехал туда из Болдина во второй половине ноября 1833 г.

— дети — Мария и Александр Александровичи Пушкины.

— Не кокетничай с Царем — то есть Николаем I; он возвратился из своей поездки (см. выше, стр. 599) 16 сентября и приехал в Царское Село, о чем сообщал брату в Москву К. Я. Булгаков («Русск. Арх.» 1904 г., кн. I, стр. 269). Об отношениях Н. Н. Пушкиной и Николая I, см. у М. А. Цявловского «Рассказы о Пушкине П. И. Бартенева», М. 1925, стр. 117—120, и у П. Е. Щеголева, «Дуэль и смерть Пушкина», изд. 3, Лгр. 1928, стр. 50—60 и др., в главе «Анонимный пасквиль и враги Пушкина», стр. 435—515, и в его же книге «Из жизни и творчества Пушкина», изд. 8, Лгр. 1931, стр. 140—149 и др.

— жених княжны Любы — то есть С. Д. Безобразов (о нем выше, стр. 646).

— княжна Люба — Любовь Александровна Хилкова, невеста Безобразова (см. выше, стр. 646).

— я пишу, я в хлопотах — помимо истории Пугачева Пушкин писал в это время «Медного Всадника»; одна из рукописей поэмы — перед началом «вступления» имеет дату 6 октября («Русск. Стар.» 1884 г., № 9, стр. 642; ср. в статье Н. В. Измайлова «Из истории замысла и создания «Медного Всадника» в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. XXXVIII—XXXIX, стр. 169—190); под 14 октября имеется дата под «Сказкой о рыбаке и рыбке» (Н. О. Лернер, «Труды и дни Пушкина», С.-Пб., 1910, стр. 291); 24, 26 и 27 октября переписана поэма «Анджело» (там же, стр. 291—292) и др. (см. ниже, стр. 652).

— Смирдин акуратен — вероятно, в выплате денег Н. Н. Пушкиной.

— На днях пришлю ему стихов — речь идет, вероятно, о стихотворении «Гусар», написанном еще 18 апреля 1833 г. (см. «Неизданный

Пушкин», П. 1922, стр. 84); (оно напечатано было впервые в новом журнале Смирдина «Библиотека для Чтения» 1834 г., т. I, кн. 1. отд. I, стр. 13—17), о «Сказке о мертвой царевне и семи богатырях» (там же, том II, кн. 2, отд. I, стр. 1—17), стихотворении «Будрыс и его сыновья», «Воевода», повести «Пиковая дама» и др. (там же, т. II, кн. 3, отд. I, стр. 96—97, 98—100, 107—140). Д. Н. Садовников пишет: «Вымыслом Гусара Пушкин, по словам [В. Д.] Комовского, обязан Оресту Сомову. Смотрите его киевские ведьмы в Новоселье», пишет Комовский А. М. [Языкову]. «28-го ноября [дата эта не верна. *Ред.*] Пушкин вернулся из Болдина и привез с собою по слухам три новых поэмы. «Смирдин, — пишет Комовский от 10-го декабря 1833 г., — возвратившись при мне от него в свою лавку, с прискорбием жаловался на него: за эти три пьески, в которых-де не более трех печатных листов будет, требует Александр Сергеевич 15 000 руб.! У этого барона не дурна фантазия. Он же написал какую-то повесть в прозе: или «Медный Всадник», или «Холостой Выстрел», не помню хорошенько! Одна из этих пьес прозой, другая в стихах». «Пушкин прав, продавая в тридорога свои стихи. С торгашами так и должно», пишет на это в ответ Александр Михайлович» («Историч. Вестн.» 1883 г., № 12, стр. 538).

— Маша и Саша — дети Пушкина.

549. *Н. Н. Пушкиной.* 21 октября [1833 г.] (стр. 108—109). Напечатано впервые И. С. Тургеневым в «Вестн. Европы» 1878 г., № 1, стр. 43—44, вошло в издания сочинений Пушкина, начиная с изд. Литературного Фонда, под ред. П. О. Морозова, т. VII, стр. 329—330, и в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. III, стр. 53—54: подлинник, на листе почтовой бумаги большого формата, с водяными знаками: А. Г. 1829 — в Публичной Библиотеке СССР имени В. И. Ленина в Москве; письмо сложено конвертом и запечатано неразборчивою печатью.

— Письмо Н. Н. Пушкиной от 4 октября неизвестно.

— Огарев — возможно, Николай Александрович (род. 31 декабря 1811 — ум. 7 февраля 1867), сын Александра Гавриловича Огарева и жены его Варвары Андреевны, рожд. Клейнмихель, окончивший Пажеский корпус в 1829 г. и выпущенный прапорщиком в гвардейскую конную артиллерию; впоследствии генерал-лейтенант, генерал-адъютант. С 4 ноября 1838 г. женат был на фрейлине Марии Николаевне Сеславиной (см. биографию его в «Русском Биографическом Словаре», т. Обезьяников — Очкин, С.-Пб. 1905, стр. 86—87); Огарев «приволакивался» за Н. Н. Пушкиной, о чем она, вероятно, писала поэту в недошедшем письме; несколько ниже Пушкин спрашивает жену о том, кто еще, кроме Огарева, за ней ухаживает; имеется свидетельство А. О. Смирновой, что он «строил куры фрейлине Наталье Николаевне Бороздиной, которая презирала его за низкопоклонство» («Записки А. О. Смирновой», с примеч. Л. В. Крестовой, М. 1929, стр. 204 и 291; в указателе он неверно назван Н. И. Огаревым).

— Гр. Сал.—Графиня Надежда Львовна Соллогуб (о ней см. выше, стр. 540).

— Гр. Шереметев — граф Дмитрий Николаевич (о нем см. выше, стр. 517—518), один из самых крупных землевладельцев. По случаю его болезни и выздоровления Пушкин написал в 1835 г. стихотворение «На выздоровление Лукулла» (см. в примечаниях Н. О. Лернера, в изд. Сочинений Пушкина, под ред. С. А. Венгерова, т. VI, стр. 480—484).

№ 549 — Кистеневские мужики — крестьяне с. Кистенева (Тимашева), Сергачского уезда, Нижегородской губернии, владения Пушкина (см. выше, т. II, стр. 416 и 464).

— Карамзины — семья Екатерины Андреевны Карамзиной (см. выше, стр. 645—646).

— Мещерская — княгиня Екатерина Николаевна (см. выше, стр. 646).

— Вяземские — князь Петр Андреевич и княгиня Вера Федоровна и их дети, княжны Мария и Прасковья Петровны Вяземские (о них см. выше, стр. 529) и кн. Павел Петрович (род. 2 июня 1820 — ум. 29 июня 1888). Они жили в Петербурге, в д. Баташева на Гагаринской набережной; уезжая в конце 1834 г. за границу, Вяземский передал эту квартиру Пушкину (см. А. Г. Яцевич, «Пушкинский Петербург», вып. 1, изд. 2, Лгр. 1933, стр. 53, 65—68). 1 ноября 1833 г. Вяземский писал из Петербурга А. И. Тургеневу: «Пушкина еще нет, он кочует в Оренбургских степях и будет сюда к концу месяца, и надеюсь привезет гостинца, потому что теперь именно его рабочая пора» («Архив бр. Тургеневых», вып. 6, стр. 361); 6 декабря 1833 г. Вяземский произведен был в статские советники и утвержден вице-директором департамента внешней торговли.

— Княгиня В. — Вера Федоровна Вяземская.

— Вигель — Филипп Филиппович (о нем см. в тт. I и II, по указателю); служил с апреля 1829 г. в должности вице-директора Департамента общих дел иностранных исповеданий; Пушкин 7 января 1834 г. отметил в своем дневнике: «Я люблю его разговор — он занимателен и делен, но всегда кончается толками о мужеложстве» («Дневник Пушкина», под ред. Б. Л. Модзалевского, П. 1923, стр. 5 и 86—88; московское издание, М. 1923, стр. 41 и 249—251); слова Пушкина о портрете Вигеля также объясняются гомосексуальностью последнего; ср. во вновь опубликованном письме Вигеля к Пушкину 1823 г. в «Литературном Наследстве», № 16—18, стр. 607—608.

— Жуковский — Василий Андреевич.

— Вельгорский — граф Михаил Юрьевич (см. в т. I, стр. 507—508, и в «Дневнике» Пушкина, под ред. Б. Л. Модзалевского, П. 1923, стр. 95—96, и в московском издании, 1923 г., стр. 271—275). Кн. П. А. Вяземский сообщал А. И. Тургеневу 1 ноября, что был на музыкальной вечеринке у Виельгорских «где был букет всех фешьонабельных красавиц» («Архив бр. Тургеневых», вып. 6, стр. 362).

— Ж. — Жуковский; сведение о состоянии его здоровья сообщил Пушкину кн. В. Ф. Одоевский в письме 28 сентября (см. Переписка Пушкина, т. III, стр. 47, и выше стр. 645). В названном выше письме Вяземского сообщалось, что «Жуковский все еще здравствует, хотя иногда и жалуется. Он принялся за старое дело и очень доволен впечатлениями своими и встречею» («Архив бр. Тургеневых», вып. 6, стр. 362 и 502).

— К. Н. — вероятно, Екатерина Николаевна Гончарова, сестра Н. Н. Пушкиной (см. выше, стр. 563, и «Дневник» Пушкина, ред. Б. Л. Модзалевского, П. 1923, стр. 236 и московское издание «Дневника», М. 1923, стр. 524—525). Других сведений о матримониальных планах Н. Н. Пушкиной в отношении сестры и В. А. Жуковского не имеется.

— Письмо Соболевского — от 2 октября, писанное на письме кн. В. Ф. Одоевского к Пушкину; Пушкин получил его, очевидно, 15 октября (в воскресенье), см. «Переписку Пушкина», т. III, стр. 48. *549—550*

— Перевод французской фразы: «паштеты из гусиной печенки».

— Альманах — неосуществившееся предприятие С. А. Соболевского. Вся эта фраза письма Пушкина объясняется следующим местом из письма Соболевского: «Вот тебе цидула Одоевского. Я здесь с пятого числа едва прошлого месяца, и чорт меня знает, сколько еще пробуду. Хлопочу (будто-бы) об делах, стряпаю песенник и другие славные вещи, в том числе Вяземского в одном томе, à deux colonnes. — Так как об ваших «Северных Цветах» ни слуху, ни духу, то издам я таковой, да издам на славу, с рисунками à l'eau forte, genre de Rembrandt Г[агари]на. Он малый с истинным талантом, а не так, как я думал, только с навыком и набитою рукою. У него прелестные рисунки к Contes nocturnes de Hoffmann, и мне очень жаль, что мало был он в Москве, и, следовательно, не мог вглядеться в наше старинное рисование, то есть в нашу архитектуру, в нашу древнюю утварь, в наше готическое, которое удивительно способно к разнообразию и прикрасе; однако, и тут попытки у него славные. — Христа ради, Александр Сергеевич, стишков и прозы, прозы и стишков, на обед, на вино, на лошадей и бог знает на что еще. Прошу помогать. — Напиши мне словечко на имя Ивана Васильевича Киреевского, у Красных ворот, в доме Елагиной, в Москве. Желал бы стихотворную пьесу, повествовательную, способную к рисунку, ибо на нее то напустил бы Г[агари]на».

— беззубая Пускина — дочь поэта, Мария Александровна.

— Сашка рыжий — сын поэта Александр Александрович.

— да в кого то он рыж? — Пушкин забыл, очевидно, что брат его Лев Сергеевич был рыжеволос; в Одессе он был известен под кличкой «рыжего» («Историч. Вестник» 1885 г., № 6, стр. 659).

— о работе Пушкина в это время см. выше, стр. 648 и ниже, стр. 652.

— Старам стала, и умом плохам — П. В. Нащокин в письме к поэту 20 июня 1831 г. употребляет почти то же выражение: «стара стала, глупа стала» (Переписка, т. II, стр. 256); это выражение ведет свое начало от кн. Платона Степановича Мещерского (род. 1713 — ум. 1799), бывшего при Екатерине II Казанским наместником; эти слова сказаны о нем казанским татарином (см. в «Старой записной книжке кн. П. А. Вяземского» — «Девятнадцатый век», кн. II, стр. 289, «Сочинения кн. П. А. Вяземского», т. VIII, стр. 89); см. еще в записках А. М. Тургенева в «Русск. Стар.» 1889, № 2, стр. 210—211, в «Сочинениях кн. П. А. Вяземского, т. IV, стр. 111 и т. XII, стр. 359; А. Скальковский «Воспоминания молодости», 1906, стр. 222 и «Русск. Арх.» 1882, кн. I, стр. 180 (с отнесением эпизода к кн. Г. С. Волконскому).

— Пушкин вернулся в Петербург из Болдина во второй половине ноября.

— Екатерина Ивановна — Загряжская.

— Машка и Сашка — дети Пушкина.

550. *Н. Н. Пушкиной.* 30 октября [1833 г. (стр. 110—111). Напечатано впервые И. С. Тургеневым в «Вестнике Европы» 1878 г., № 1, стр. 44—45; вошло в издания сочинений Пушкина, начиная с издания Литературного Фонда, под ред. П. О. Морозова, т. VII, стр. 331—332, и вошло в

№ 550 Акад. изд. «Переписка Пушкина», т. III, стр. 54—56; подлинник, на листе почтовой бумаги большого формата с водяными знаками: А. Г. 1829, — в Публичной Библиотеке имени В. И. Ленина, в Москве.

— два письма Н. Н. Пушкиной, полученные поэтом, неизвестны.

— Прасковья Петровна — вероятно, княжна Вяземская (о ней см. выше, стр. 529).

— А. Измайлов — Александр Ефимович (о нем см. выше, т. I, стр. 290, 462 и т. II, стр. 260 и др.). Сказка (см. выше, стр. 365) его о Фоме и Кузьме под заглавием «Заветное пиво» содержит следующую мораль:

Красавицы кокетки!
Ведь это вам наветки!
Зачем собою нас прельщать?
Зачем любовь в нас возбуждать?
Притворной нежностью и острыми словами,
Когда мы нелюбимы вами,
И не хотите вы руки своей нам дать?
Вам весело, как мы любовию к вам жаждем,
Смеетесь, как мы страждем.
Не корчите Фому —
Не то попасть вам на Кузьму.

(напечатано впервые в «Невском Альманахе» на 1829 г.; см. Сочинения Измайлова (Александра Ефимовича), т. I, изд. А. Смирдина, С.-Пб. 1849, стр. 183—185, а также пародию на сказку — Н. А. Полевого в «Новом Живописце» 1832 г., II, стр. 223—225).

— академические завтраки — намек на завтраки в Российской Академии, которыми Пушкин был очень недоволен (см. «Русск. Арх.» 1900, кн. I, стр. 369 и выше, стр. 585).

— à la Ninon — как Ninon. О Ninon de Lenclos см. выше, стр. 547—548.

— все что не comme il faut, все, что vulgar — эти самые выражения Пушкин употребил и в XIV и XV строфах VIII главы «Евгения Онегина», говоря о замужней Татьяне (см. Владислав Ходасевич, «Поэтическое хозяйство Пушкина», кн. I, Л. 1924, стр. 83).

— расписался и уже написал пропасть — о работе Пушкина см. выше, стр. 648. Только что перед этим Пушкин написал «Анджело» (даты 24, 26 и 27 октября); 28 октября датировано стихотворение «Воевода» (см. «Неизданный Пушкин», П., 1922, стр. 85—88) и «Будрыс и его сыновья». В эти же дни переписан на-бело «Медный Всадник» (даты: 29 октября — вступление «На берегу пустынных волн . . .»; 30-го — помечена первая часть; 31 октября в 5 часов 5 минут (т. е. утра, на 1-е ноября) датирована рукопись второй части); наконец, в ближайшие после написания комментируемого письма дни была окончена работа над «Историей Пугачевского бунта» (дата под предисловием «2 ноября»), а 4 ноября переписана на-бело «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях» («Русск. Стар.» 1893 г., № 1, стр. 224—240, по рукописи Берлинской Национальной библиотеки, статья И. А. Шляпкина). В это время написан ряд других стихотворений, не имеющих точных датировок, а также, повидимому, и «Пиковая Дама», законченная несколько позднее; продолжалась работа и над «Капитанской дочкой» (см. выше, стр. 596).

— Катерина Андреевна — Карамзина; вся следующая фраза касается неосуществившейся поездки Пушкина в Дерпт, где тогда жила Карам-

зина и у которой там весною 1833 г. умер сын (см. выше, в примечаниях к письму № 532, стр. 594).

— ты рожала — 6 июля Н. Н. Пушкина родила сына Александра (см. выше, стр. 591).

— денег у меня лишних не было — эта мотивировка приведена Пушкиным также в письме к жене № 547, стр. 107.

— я спешил в одну сторону — то есть в Нижний-Новгород, Казань, Симбирск и Оренбург — поэтому поездка в Дерпт была не по дороге.

— Мещерская — княгиня Екатерина Николаевна, дочь Е. А. Карамзиной (о ней см. выше, стр. 646).

— Соф. Н. — София Николаевна Карамзина, дочь историографа, падчерица Е. А. Карамзиной (см. выше, стр. 288—289).

— Княгиня — Вера Федоровна Вяземская.

— Княжны Вяз. — Мария и Прасковья Петровны Вяземские (см. выше, стр. 650).

— Политика — Идалия Григорьевна Полетика (о ней см. выше, стр. 534), незадолго до этого подружившаяся с Н. Н. Пушкиной.

— Катерина Ивановна — Загряжская, тетка Н. Н. Пушкиной.

— Маша и Саша — дети Пушкиных.

551. *Князю В. Ф. Одоевскому.* 30 октября [1833 г.] (стр. 111). Напечатано впервые П. И. Бартеневым в «Русск. Арх.» 1864 г., ст. 1010, получившим письмо для опубликования от самого Одоевского, и в сборнике П. И. Бартенева «Пушкин», вып. 2, стр. 115—116; вошло в издания сочинений Пушкина, начиная с изд. Ф. И. Анского, под ред. П. А. Ефремова, т. VII, М. 1882, стр. 365—366, и в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. III, стр. 56; подлинник, на листе почтовой бумаги большого формата, с водяными знаками: А. Г. 1829, — в Госуд. Публ. Библиотеке в Ленинграде; письмо сложено конвертом и запечатано перстнем-талисманом (см. Л. Б. Модзалевский, «Рукописи Пушкина в собрании Государственной Публичной Библиотеки в Ленинграде», Лгр. 1929, стр. 37, № 91).

Пушкин отвечал на следующее письмо кн. В. Ф. Одоевского от 28 сентября 1833 г.: «Скажите, любезнейший Александр Сергеевич, что делает наш почтенный г. Белкин? Его сотрудники Гомозейко и Рудый Панек, по странному стечению обстоятельств, описали: первый *гостиную*, второй — *чердак*; нельзя ли г. Белкину взять на свою ответственность — *погреб*? Тогда бы вышел весь дом в три этажа, и можно было бы к *Тройчатке* сделать картинку, представляющую разрез дома в 3 этажа с различными в каждом сценами. Рудый Панек даже предлагал самый альманах назвать таким образом: *Тройчатка* или *Альманах в три этажа*, соч. и проч. — Что на это все скажет г. Белкин? Его решение нужно бы знать немедленно, ибо заказывать картинку должно теперь, иначе она не поспеет и Тройчатка не выйдет к новому году, что́ кажется необходимым. А что сам Александр Сергеевич?» К этому же письму Одоевский сделал приписку: «Я видел Жуковского: он помолодел и поздоровел; нет и тени прежнего больного лица. Мысль трехэтажного альманаха ему очень нравится» (Переписка Пушкина, т. III, стр. 47).

— Белкин — псевдоним Пушкина; он отвечает на предложение Одоевского издать совместно с Н. В. Гоголем альманах.

№ 551 — Гомозейко — Ириней Модестович — псевдоним кн. В. Ф. Одоевского.

— Панек — Пасичник Рудый Панько — псевдоним Н. В. Гоголя. В. В. Гиппиус полагает, что под «описанием чердака» разумеется, вероятно, «Портрет» или, может быть, «Невский проспект». Повесть Одоевского с описанием гостиной — «Княжна Мими», напечатанная в «Библиотеке для Чтения» 1834 г., т. VII, кн. I. «Любопытно, что многоэтажное построение сцены входило и в первоначальный замысел Одоевского: подполье дома, где жила Мими, должно было быть населено чертями (см. П. Н. Сакулин, «Из истории русского идеализма. Кн. В. Ф. Одоевский», т. I, ч. 2, стр. 102—104). Но в замысел «Тройчатки» входила, повидимому, не фантастическая, а социальная мотивировка. Как мотив социальный, мотив «этажей» был использован не раз — см. хотя бы «Les cinq étages» Беранже» («Литературное общение Гоголя с Пушкиным», Пермь 1930 г., стр. 76, примечание 1). Вследствие отказа Пушкина от участия в «Тройчатке» Гоголь и Одоевский задумали издание альманаха под заглавием «Двойчатка», но из этого предприятия ничего не вышло (см. П. Н. Сакулин, «Кн. В. Ф. Одоевский» т. I, ч. 2, М. 1913, стр. 333—334).

— скромная отшельница — мать Одоевского, Екатерина Алексеевна, бывшая во втором браке замужем за Павлом Сеченовым, служившим сначала полицмейстером в Саранске, Пензенской губернии, а затем градоначальником в Симбирске (ibid., стр. 43). В «Месяцеслове» 1833 г. по Симбирской губ. П. Сеченов, однако, нигде не значится. П. И. Бартенев сообщает, что «Пушкин тогда ездил в Заволжье собирать предания и сведения о Пугачеве [и] Князь Одоевский поручил ему в Симбирске наведаться о его матери, вышедшей вторично замуж и терпевшей от мужа неверность» (П. И. Бартенев, «Пушкин», вып. 2, стр. 113, примеч. 7).

— губернатор — Александр Михайлович Загряжский (о нем выше, стр. 628—630).

— губернаторша — жена Загряжского, Каролина Осиповна.

— О В. А. Жуковском см. выше, в примечаниях к письму № 547, стр. 645

— Гоголь — Николай Васильевич (см. о нем выше, стр. 393—395); после возвращения Пушкина в Петербург его общение с Гоголем было довольно частое; так 3 декабря Пушкин отметил в дневнике о том, что Гоголь читал ему «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (см. «Дневник», под ред. Б. Л. Модзалевского, П. 1923, стр. 3 и 57—58), а 23 декабря 1833 г. Гоголь написал Пушкину большое письмо (см. Переписка, т. III, стр. 68—70).

— его комедия — об этой же комедии Пушкин записал в своем дневнике 3 мая 1834 г. о чтении ее Гоголем у Дашкова («Дневник», московское издание, 1923, стр. 56 и 427) — «Владимир 3-й степени», над которой Гоголь как раз в это время работал и от которой сохранились лишь отдельные сцены. Указание кн. В. Ф. Одоевского («Русск. Арх.» 1864 г., ст. 1011) о том, что здесь имеется в виду «Ревизор» — не верно; также ошибаются Б. Л. Модзалевский в примечаниях к «Дневнику Пушкина», П. 1923, стр. 172, и другие исследователи. В. В. Гиппиус, подвергнув анализу обстоятельства создания комедий Гоголя, пришел к выводу, что здесь может итти речь о «Владимире 3-й степени», равно как и о «Женитьбе» (см. «Литературное общение Гоголя с Пушкиным», Пермь, 1930, стр. 89—94).

— закорючка — по определению Одоевского, слово, «употреблявшееся 551—552
тогда в приятельском кружке для означения чего-либо заслуживающего особенного внимания» («Русск. Арх.» 1864, ст. 1010—1011). П. А. Ефремов добавляет, что фраза «в ней же есть закорючка» возникла от чтения вслух монахиней: «не упивайтеся вином, в нем же есть *закорючка*» (Сочинения Пушкина, изд. А. С. Суворина, т. VII, стр. 512, примеч.).

552. *Н. Н. Пушкиной.* 6 ноября [1833 г.] (стр. 111—112). Напечатано впервые И. С. Тургеневым в «Вестн. Европы» 1878 г., № 1, стр. 45—46; вошло в издания Сочинений Пушкина, начиная с изд. Литературного Фонда, под ред. П. О. Морозова, т. VII, стр. 333, и в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. III, стр. 57—59; подлинник, — на листе почтовой бумаги большого формата, с водяными знаками: А. Г. 1829, — в Госуд. Публ. Библиотеке СССР имени В. И. Ленина, в Москве; письмо сложено конвертом и запечатано печатью, вырванной при вскрытии с частью текста.

— Курва... Ninon — Ninon de Lenclos; о ней см. выше, стр. 547—548.

— Перевод французской фразы: «На сердце всякого мужчины написано: наиболее доступной». Этот афоризм Пушкин мог почерпнуть или из Вольтера или из подложных мемуаров Ninon de Lenclos.

— Я скоро выезжаю, но несколько времени останусь в Москве по делам — Ни день отъезда Пушкина из Болдина, ни день его приезда в Москву точно неизвестны. Вероятно, в Москву он приехал около середины ноября, а в 20-х числах был уже в Петербурге. По приезде в Москву Пушкин останавливался у П. В. Нащокина на Остоженке (теперь д. № 16). Повидимому, именно в этот приезд Пушкин читал с рукописи Нащокину «Пиковую Даму» (см. П. И. Бартенев, «Рассказы о Пушкине», под ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 46—47 и 121). «В проезд Пушкина, кажется, Нащокин был его монополистом; ибо никто из пишущей братии не поживился им и его уральским златом. Сделайте милость, нельзя ли достать хоть отломка от его самородков или песчинок несколько, хоть под предлогом таможенной *пошлины*» — писал 28 ноября 1833 г. М. А. Максимович кн. П. А. Вяземскому («Старина и Новизна», кн. IV, стр. 198). То же сообщал и И. В. Киреевский Н. М. Языкову 17 января 1834 г.: «Когда он проезжал через Москву, его никто почти не видал. Он пробыл здесь только три дня и никуда не показывался, потому что ехал с бородой, в которой ему хотелось показаться жене. Уральских песен, обещанных перед отъездом туда, он кажется, ни одной не привез, по крайней мере мне не присылал» («Историч. Вестник» 1883, № 12, стр. 538—539). Эти сообщения подтверждаются следующим письмом И. И. Дмитриева к кн. П. А. Вяземскому 5 января 1834 г. из Москвы: «Пушкин два раза был в Москве и не удостоил свиданием с собою» («Старина и Новизна», кн. II, стр. 176). Незадолго до отъезда Пушкина в Москву уездный исправник доносил 11 ноября 1833 г. нижегородскому губернатору: «Означенный г. Пушкин пребывание имеет в Лукояновском уезде, в селе Болдине. Во время проживания его, как известно мне, занимался единственно только одним сочинением, ни к кому из соседей не ездил и к себе никого не принимал».

— cocuage — супружеская неверность, измена.

— Брантом — Pierre de Bourdeilles, seigneur de Brantôme (род. 1527 — ум. 1614), французский придворный и писатель, хроникер скандальных

№ 552 происшествий; автор мемуаров и книг, в состав которых вошли жизнеописания знаменитых полководцев, знаменитых женщин, красавиц и пр., например: «Vie des hommes illustre et grands capitaines français»; «Vie des grands capitaines étrangers»; «Vie des dames illustre»; «Vie des dames galantes»; «Anecdote touchant les duels»; «Rodomontades et jurements des Espagnols» и др. Одна из книг, а именно «Vie des dames galantes», и имеется в виду Пушкиным; она открывается трактатом (Discours premier) в 120 страниц, под заглавием: «Sur les dames, qui font l'amour et leur maris cocus» (О дамах, которые занимаются любовью и украшением мужей своих рогами); в первой же фразе этого трактата находится слово «cocuage». В библиотеке Пушкина находилось издание «Œuyre du Seigneur de Brantôme, nouvelle édition plus correcte que les précédentes. Paris MDCCLXXXVII, томы I—VIII, из которых том III не сохранился (Б. Л. Модзалевский, «Библиотека А. С. Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 175—176).

— что делает брат? — Лев Сергеевич Пушкин (о нем см. выше, тт. I и II по указателю и в настоящем томе, стр. 415). Выйдя 17 декабря 1832 г. в отставку с чином капитана, он находился в Варшаве[1] «не у дел». А. Н. Вульфе отметил в своем дневнике 5(17) октября 1833 г.: «Сегодня уехал или уезжает [из Варшавы] мой добрый приятель Лев Пушкин. Судьба сжалилась над ним в особе Аничкова, который увозит его в Петербург, так как Ушаков хотел увезти меня в Москву. Он жил здесь два года для того, чтобы быть исключенным из службы за неявкою в полк (ходатайством фельдмаршала переменили выключку в отставку) и чтобы нажить несколько тысяч долгу, которого, вероятно, он никогда не уплатит. Счастье его, что он еще нашел приятеля, который его вывез из этого неприятного положения, в котором он бедствовал» (А. Н. Вульф; «Дневники», под ред. П. Е. Щеголева, М. 1929, стр. 367; Л. Н. Майков, «Пушкин», С.-Пб. 1899, стр. 204). В Петербурге Л. С. Пушкин находился с 14—15 октября 1833 г., где вел, по своему обыкновению, беспорядочный образ жизни, ни в чем себе не отказывая и входя в долги (см. П. Е. Щеголев, «Пушкин и мужики», Л. 1929, стр. 128 и др.). Еще 9(21) февраля он писал Пушкину из Варшавы, что его выключили из службы за неявку в полк и просил поэта похлопотать за него, чтобы его приняли в гражданскую службу — при миссии в Греции или в Персии, или в другое место (см. «Переписка Пушкина», т. III, стр. 6—7). Пушкин, как видно из комментируемого письма, относился отрицательно к поступлению брата на гражданскую службу: тем не менее Л. С. Пушкин 14 апреля 1834 г. определился чиновником особых поручений при министерстве внутренних дел, но на службе остался недолго и 30 июля того же года был уволен, согласно прошению (Л. Н. Майков, «Пушкин», С.-Пб., 1899, стр. 39). Проживая зиму 1833—1834 г. в Петербурге, Л. С. Пушкин действительно «бил баклуши» и ничего не делал.

— Louis-Philippe—Луи-Филипп, король французов после революции 1830 г. (см. о нем выше, т. II, стр. 457, 467, 495, и в статье Б. В. Томашевского в изд. «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Лгр. 1927, по указателю).

---

[1] Приехав в январе 1833 г. ненадолго в Петербург (см. запись в дневнике И. И. Козлова в «Старина и Новизна», кн. XI, стр. 52).

— наследство Вас. Льв. — Василия Львовича Пушкина, дяди поэта 552—553 (см. об этом выше, в примечаниях к письму № 547 и ниже, стр. 647).

— Бенкендорф — Александр Христофорович (см. фрагмент письма Пушкина к нему начала 1834 г., впервые приведенный П. Е. Щеголевым в изд. «Пушкин и его соврем.», вып. XXXVIII—XXXIX, стр. 256; не стоит ли он в связи с мыслью Пушкина о воссоединении разрозненных частей Болдина?

— Письмо к отцу — Сергею Львовичу; оно неизвестно.

— Вероятно уже он у вас — то есть в Петербурге. С. Л. и Н. О. Пушкины выехали из Михайловского в Петербург 23 ноября; под этим числом А. Н. Вульф записал в своем дневнике: «Я застал еще здесь отцов Пушкиных, собиравшихся в путь ко Льву в Петербург, и которые радовались моему приезду, как радуются приезду родного. Провожал их до Врёва — баронское владение Евпраксии» (см. А. Н. Вульф, «Дневники», под ред. П. Е. Щеголева, М. 1929, стр. 370, и Л. Н. Майков, «Пушкин», С.-Пб. 1899, стр. 206).

— привезу тебе стишков много (см. о работе Пушкина выше, стр. 652). Кн. П. А. Вяземский писал И. И. Дмитриеву 23 декабря из Петербурга: «Пушкин привез с собою несколько тысяч новых стихов, в двух или трех маленьких поэмах, и поделится с нами своею странническою котомкою» («Русск. Арх.» 1868 г., ст. 635), а 4 января 1834 г. он же писал А. И. Тургеневу: «Он возвратился из степной поездки своей и навез много стихов, которых я еще не читал, в ожидании чтения у Жуковского» («Остаф. Архив», т. III, стр. 253). Из этих сообщений видно, что даже Вяземский не был подробно осведомлен о болдинской работе поэта, в расчеты которого не входило разглашать о привезенных с собою новых произведениях из-за боязни «альманашников»; так напр., он отказал М. А. Максимовичу, просившему стихов поэта в свой альманах «Денница» (см. выше в письме Максимовича к Вяземскому, стр. 655). Н. В. Гоголь писал Максимовичу в декабре 1833 г.: «Я говорил Пушкину о стихах. Он написал путешествуя две большие пьесы, но отрывков из них не хочет давать, а обещается написать несколько маленьких. Я с своей стороны употреблю старание его подгонять» («Письма Н. В. Гоголя», ред. В. И. Шенрока», т. I, стр. 269). В «Библиотеке для чтения» (т. I, отд. I, С.-Пб. 1834, стр. 175) в письме Н. И. Греча в Париж к Я Н. Толстому с датой 6 декабря 1833 г. сообщалось: «*А. С. Пушкин* во второй половине сего года ездил в Оренбург, для собирания на месте некоторых сведений, нужных для его *исторического* труда. Между тем написал он, как я слышал, три новые поэмы и несколько мелких стихотворений».

— Машка и Сашка — дети Пушкиных.

— к теткиным именинам — к Екатеринину дню, 24 ноября; в этот день были именины Е. И. Загряжской, Е. А. Карамзиной и кн. Е. Н. Мещерской. Пушкин в 20-х числах ноября приехал в Петербург и 24-го числа был на именинах у Е. А. Карамзиной, посещение которой отметил в первой записи своего дневника (см. Б. Л. Модзалевский, «Дневник Пушкина», П. 1923, стр. 1).

553. *П. В. Нащокину* 24 ноября [1833 г.] (стр. 113). Напечатано впервые в отрывке в «Москвитянине» 1851 г., кн. I, № 23, стр. 466;

№ 553 П. В. Анненков, печатая отрывок в «Материалах», С.-Пб. 1855, стр. 390, ошибочно отнес его к 1834 г.; полностью напечатано П. И. Бартеневым в сборнике «Девятнадцатый Век», кн. I, М. 1872 г., стр. 396—397; вошло в издания сочинений Пушкина, начиная с изд. Ф. И. Анского, под ред. П. А. Ефремова, т. VII, М. 1882, стр. 331—332, и в Акад. изд. «Переписки Пушкина», т. III, стр. 59—60; подлинник, на листе почтовой бумаги большого формата, с водяными знаками: А. Г. 1829, был в Остафьевском архиве, теперь в Центрархиве, в Москве; письмо сложено конвертом и запечатано неразборчивою печатью.

— каковы домашние обстоятельства? — вопрос Пушкина касается разрыва П. В. Нащокина с его сожительницей цыганкой Ольгой Андреевной (см. выше, стр. 562). На этот вопрос Нащокин отвечал в конце ноября: «Лишь только ты уехал, я пошел вверх, сел возле дивана, где лежала Ольга Андреевна, и сидел молча, слушая ее стенанья, бред приноровленной, проклятия, ругательства и тому подобные вещи. Наконец, утешились оба, она немного смолкла, я не заговорил. Выбившись из сил, я пошел спать, но не тут-то было: вопли, стенанья подняли меня с постели. Надев сапоги, халат, пошел и сел на то же место, продолжая молчать, и промолчал около двух часов. Наконец естественность превозмогла искусство: захотели кушать, покушали и легли спать в 9 часов. Спали смирно. В раннюю обедню разбудил меня колокольный звон, велел подать трубку, поставили самовар; лежа выпил стакан чаю, но по второму стакану Ольга Андреевна встала, перешла на диван и прямо без всякого предисловия началось то же, только *фортиссимо*. Я опять надел халат и сел, самовар еще кипит, день чуть брезжит, а Ольга Андреевна кричит по-страдальчески: Ох, батюшки, ох, боже мой, ох-ох-ох... и что мне делать, и что я — ой, ой, ой, — с ума сошла, куда деваться. Постепенно прибавлялся смысл к несвязным словам, образовались упреки с эпиграммами, наконец, опять ругательства, проклятия и стращания. Кончилось табаком. Я спросил бумагу и тут же придвинул стол и, к тебе пишу; все тихо. На вопрос: пишу ли я к В. А.[1] я сказал нет и что пишу к тебе с твоего отъезда; я более сего слова не сказал. Она кажется уснула, я однако ж боюсь окончить письмо, чтоб тем ее не разбудить. Что будет далее я не знаю, но вот тебе одно слово только про себя — *грому* бояться можно или позволительно, ибо он бывает смертелен, но кажется на сцене нечего его бояться; а я все равно его боюсь, где бы он ни был, и потому (дай бог не сглазить) я не понимаю, как меня ударом не пришибет. В пять лет можно узнать, что говорить нельзя и что надо молчать, но какого и молчать, и что будет — ей, ей не знаю, а сойти вниз мне нельзя. С Гагариным при ней я говорить хотя по франц. я не должен; принимать никого не могу, боясь и драмы и даже трагедии при свидетелях; неужели я не шевелюсь из слабости... Нет слабости и какая слабость, что за пустяки; но вот отчего, что я никак не теряю голову и все неистовства предвижу, в каком бы я положении не был. Вот почему кажусь я слаб делать ничего до времени, как сидеть и не шевеляся. Кошемар в яве и не во сне: кричать хочется, голосу нет, т. е. денег, ни рукой, ни ногой,

[1] Т. е. Вере Александровне Нарской, будущей жене Нащокина. — *Ред.*

ни головой шевельнуть нельзя, и все давит, давит и не задавит. Когда нибудь конец будет. Прощай П. Н.». («Русск. Арх.» 1904, кн. III, стр. 445—446, и Переписка Пушкина, т. III, стр. 61—62). См. еще в письме Нащокина от начала декабря, приведенном ниже, стр. 668—669. Пушкин отвечал на оба эти письма письмом № 558.

— Vous êtes eminement un homme de passion, то есть — (вы) ты по преимуществу человек страстный.

— Князь Федор — князь Федор Федорович Гагарин (о нем см. выше, стр. 143—145 и «Русск. Арх.» 1902 г., кн. I, стр. 617).

— О путешествии — из Петербурга в Москву в 20-х числах ноября 1833 г.

— Лелинька — Алексей, лицо неизвестное. Пушкин упоминает о нем в следующем письме к Нащокину (№ 558), говоря, что он живет у кн. Д. А. Эристова.

— Лев Сергеевич — брат поэта (см. о нем выше, стр. 656).

— Гаврила — слуга Пушкина (о нем выше, стр. 639). Дальнейшая фраза о Гавриле в юбке относится, конечно, к Ольге Андреевне, сожительнице Нащокина, и к обстоятельствам семейной жизни последнего.

— Жена была на бале — В. А. Нащокина в своих воспоминаниях рассказывает, что «возвратившись в последний раз из Москвы в Петербург, Пушкин не застал жену дома. Она была на балу у Карамзиных. Ему хотелось видеть ее возможно скорее и своим неожиданным появлением сделать ей сюрприз. Он едет к квартире Карамзиных, отыскивает карету Наталии Николаевны, садится в нее и посылает лакея сказать жене, чтобы она ехала домой по очень важному делу, но наказал отнюдь не сообщать ей, что он в карете. Посланный возвратился и доложил, что Наталья Николаевна приказала сказать, что она танцует мазурку с кн. Вяземским. Пушкин посылает лакея во второй раз сказать, чтобы она ехала домой безотлагательно. — Наталья Николаевна вошла в карету и прямо попала в объятия мужа. Поэт об этом факте писал нам и, помню, с восторгом упоминал, как жена его была авантажна в этот вечер в своем роскошном розовом платье» («Письма женщин к Пушкину», под ред. Л. П. Гроссмана, М. 1928, стр. 236—237).

— Денежные дела Пушкин предполагал «распутать» устройством новых своих произведений в новый журнал А. Ф. Смирдина «Библиотека для Чтения», что и выполнил вскоре по приезде в Петербург (см. выше, стр. 648—649).

— Отец — Сергей Львович Пушкин. Пушкин взялся за управление имением отца в следующем 1834 г. В это же время С. Л. Пушкин, подыскав нового управляющего, Иосифа Матвеевича Пеньковского, выдал ему 25 сентября 1833 г. доверенность, или верющее письмо, на управление Болдиным. К 13 апреля 1834 г. относится первое письмо А. С. Пушкина к Пеньковскому, касающееся управления имением; именно около этого времени и нужно приурочить окончательное вступление поэта в управление отцовским имением (см. «Дневник Пушкина», под ред. Б. Л. Модзалевского, П. 1923, стр. 21 и 210—211, Московское изд. Дневника, М. 1923, стр. 484—485, и подробнее у П. Е. Щеголева «Пушкин и мужики», М. 1928, стр. 109—116 и след.).

553—554 — брат — Лев Сергеевич (см. выше, стр. 656).

— Соболевский — Сергей Александрович — о выигранном им процессе точных сведений не имеется. А. К. Виноградов (в книге «Мериме в письмах к Соболевскому», М. 1928, стр. 53) на основании знакомства с архивом Соболевского говорит, что Соболевский «решил отстоять свои права на ту часть материнского наследства, которая была несправедливо присвоена графом Дмитрием Александровичем Зубовым по дому № 43 в Тверской части в Москве». Это сведение, однако, может быть, относится к 1836 г., так как Л. Н. Павлищев в «Семейной хронике» именно к этому году приурочивает выигранный Соболевским «какой-то процесс, давший ему 104 000 рублей» (стр. 411; ср. «Переписка Пушкина», т. III, стр. 126 и 269). К концу 1833 г. А. К. Виноградов относит также беседы его с Пушкиным по поводу «песен западных славян» и письмо Соболевского к П. Мериме с просьбою разъяснить происхождение источника сборника Мериме «Guzla» («Мериме в письмах к С. А. Соболевскому», М., 1928, стр. 37, 49—52).

— моему управляющему, то есть М. И. Калашникову; записка Пушкина к нему неизвестна, но она несомненно касалась вопроса о залоге крестьян (об этом см. выше, стр. 527, 545—546 и др.). Калашников отвечал поэту письмом 9 января 1834 г. (а не 1833 г.), напечатанным в «Искусстве» 1923 г., № 1, стр. 320—321, ср. там же, стр. 322—323, и перепечатанным в книге М. А. Цявловского «Письма Пушкина и к Пушкину», М., 1925, стр. 19—20; ср. в письме Нащокина к Пушкину начала декабря 1833 г. — ниже, стр. 668.

— Ольга Андреевна — цыганка, сожительница П. В. Нащокина.

554. *И. И. Дмитриеву* [вторая половина ноября 1833 г.] (стр. 113—114). Напечатано впервые В. Е. Якушкиным в «Русской Старине» 1884 г., № 8, стр. 319; вошло в издания сочинений Пушкина, начиная с издания Литературного Фонда под ред. П. О. Морозова, т. VII, стр. 335, и в акад. изд. «Переписки Пушкина», т. III, стр. 60; подлинник, писанный карандашом, находится в Публичной Библиотеке СССР имени В. И. Ленина, в Москве, в тетради № 2372, л. 56_1; беловое письмо не известно. Датируется по положению в тетради и по связи с приездом Пушкина в Петербург в 20-х числах ноября 1833 г.

— Пу — Пугачев.

— Екат. — Екатерина II.

— Биб. — Бибиков, Александр Ильич, генерал-аншеф.

— Рум. — Румянцов, граф Петр Александрович, генерал-фельдмаршал.

— Пан. — Панин, граф Петр Иванович, генерал-аншеф.

— Державۏ. — Державин, Гавриил Романович.

— надеюсь их издать. — В приложении к «Истории Пугачевского бунта» (С.-Пб. 1834 г., ч. 2, стр. 56—71) Пушкин опубликовал следующие документы: рапорт графа Румянцова о генерал-поручике Суворове, отправленный в Военную Коллегию, от 15 апреля 1774 г., письма А. И. Бибикова: к графу З. Г. Чернышеву от 30 декабря 1773 г., 17 января и 24 января 1774 г., из Казани, к Д. И. Фонвизину 29 января 1774 г. из Казани; письма графа П. И. Панина к гвардии капитану А. П. Галахову от 14 и 19 сентября 1774 г. из Пензы; и письма лейб-гвардии по-

ручика Державина полковнику Бошняку от 30 июля и 3 августа 1774 г. *554—555* из Саратова.

— исторические записки — они напечатаны были только в 1866 г. под заглавием «И. И. Дмитриев. Взгляд на мою жизнь»; при своей жизни И. И. Дмитриев не хотел их печатать.

— вы говорите о П. — то есть о Пугачеве. И. И. Дмитриев исполнил просьбу поэта и предоставил ему ту часть своих записок, в которой говорилось о Пугачеве. Пушкин напечатал этот отрывок (о казни Пугачева) в примечании к VIII главе «Истории Пугачевского бунта», ч. I, стр. 108—110, с ремаркой: «Из неизданных записок И. И. Дмитриева»; в примечании же к пятой главе (в текст «Истории» не вошедшей), говоря о том, как Г. Р. Державин велел повесить двух человек, примкнувших к Пугачеву, добавил: «И. И. Дмитриев уверял, что Державин повесил сих двух мужиков более из поэтического любопытства, нежели из настоящей необходимости» (Акад. изд. соч. Пушкина, т. XI, стр. 154 первой пагинации, см. здесь же, стр. 25, 40, 312 и др. второй пагинации; ср. «Сборник исторических материалов и документов, относящихся к новой Русской истории XVIII и XIX в.», изд. М. Михайловым» (С.-Пб. 1873, стр. 420). За рукописью записок И. И. Дмитриева Пушкин обращался и к М. П. Погодину; по крайней мере Погодин 8 декабря 1833 г. записал в своем дневнике: «К Дмитриеву за рукописью Пушкину, которая меня очень тревожит» («Пушкин и его соврем.», вып. XXIII—XXIV, стр. 119). За сообщение рукописи Пушкин благодарил Дмитриева в письме к нему 14 февраля 1835 г.: «Хроника моя обязана вам яркой и живой страницей, за которую много будет мне прощено самыми строгими читателями» (Переписка Пушкина, т. III, стр. 186), а по выходе в свет «Истории Пугачевского бунта» Пушкин не замедлил выслать И. И. Дмитриеву экземпляр ее со следующей надписью: «Его Высокопревосходительству Милостивому Государю Ивану Ивановичу Дмитриеву от Автора, в знак глубочайшего почтения, преданности и благодарности» (см. «Рукою Пушкина», под ред. М. А. Цявловского, Л. Б. Модзалевского и Т. Г. Зенгер, Лгр. 1935, стр. 722). Дмитриев благодарил поэта в письме 10 апреля 1835 г.: «Наконец и моя русская библиотека красуется новым плодом любимого нашего Автора! Сердечно благодарю вас за приятный гостинец и за ваше хотя и церемонное, но не меньше обязательное надписание» (см. Переписка Пушкина, т. III, стр. 191; ср. еще стр. 185, 196).

555. *А. С. Норову* [ноябрь—декабрь 1833 г.] (стр. 114). Напечатано впервые Г. П. Георгиевским в «Русском Вестнике» 1899 г., № 6, стр. 393; вошло в издания сочинений Пушкина, начиная с издания А. С. Суворина, под ред. П. А. Ефремова, т. VII, стр. 515, и в акад. изд. «Переписки Пушкина», т. III, стр. 62; подлинник, на листе почтовой бумаги обыкновенного формата, без водяных знаков, в Публичной Библиотеке СССР имени В. И. Ленина, в Москве, в коллекции автографов А. С. Норова; письмо сложено конвертом без печати. Как это, так и следующее письмо датируются приблизительно, по связи с работой Пушкина над «Историей Пугачевского бунта».

Авраам Сергеевич Норов (род. 1 октября 1795 — ум. 23 января 1869), поэт и писатель; в молодости служил в военной службе, участвовал

№ 555 в войне 1812 г., причем в сражении под Бородиным ему оторвало левую ногу; в 1821 г. совершил первое путешествие по Европе, а в октябре 1834 г. отправился в путешествие по Египту и Нубии, затем — по Палестине; описания своих поездок издал отдельными книгами, переиздав их затем в 1853—1854 гг. в пяти томах; 23 ноября 1840 г. был выбран членом Российской Академии, а 1 ноября 1851 г. избран был ординарным академиком по Отделению русского языка и словесности Академии Наук; с 11 апреля 1853 по 23 марта 1858 г. состоял министром народного просвещения, а затем был назначен членом Государственного Совета (см. «Дневник» Пушкина, под ред. Б. Л. Модзалевского, П. 1923, стр. 250—251, и «Литературное Наследство», № 4—6, стр. 262). Точное время знакомства Норова с Пушкиным неизвестно; вероятно, оно произошло вскоре после возвращения Пушкина из ссылки и приезда его в Петербург в 1827 г. (см. выше в т. II, стр. 269); к этому же времени относится рецензия Пушкина на альманах «Северная Лира на 1827 год», в которой Норов поместил отрывок из дидактической поэмы «Земля» и два неуклюжих перевода из Данта: «Франческа Римини» (Inferno, V, 73—138) и «Жизнь древних флорентинцев» (Paradiso, XV, 97—126); Пушкин отметил, что «г. Абраму Норову не должно бы переводить Данта»; этого отзыва Норов не узнал, так как рецензия поэта не была ни тогда, ни позже напечатана (см. статью П. Е. Щеголева в изд. «Пушкин и его современ.», вып. XXIII—XXIV, стр. 1 и 5; ср. Сочинения Пушкина, изд. Акад. Наук, т. IX, ч. 1, стр. 44, и ч. 2, стр. 104—105). По свидетельству самого Норова, он был уже знаком с Пушкиным «за год или полтора» до женитьбы поэта, то есть в 1828 или 1829 гг., причем «Пушкин очень любезно с ним поздоровался и обнял его»; далее Норов рассказал о том, как он сжег рукопись «Гавриилиады» (см. А. В. Никитенко, «Записки и дневник», С.-Пб. 1905, т. II, стр. 240; ср. в комментариях Б. В. Томашевского к изданию «Гавриилиады», П. 1922, стр. 53—54). Пушкин относился к Норову с некоторой иронией, судя по отзыву в письме к жене 1836 г. (см. Переписка Пушкина, т. III, стр. 314). На смерть поэта Норов написал стихи «Погас луч неба, светлый гений...» (см. «Русск. Арх.» 1871 г., кн. I, ст. 0948; «Русск. Стар.» 1887, № 4, стр. 250; В. В. Каллаш, «Русские поэты о Пушкине», М. 1899, стр. 88); стихотворение предположено было напечатать в 1837 г. в «Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду», но встретило цензурные препятствия и осталось тогда не напечатанным (см. письмо А. С. Норова кн. В. Ф. Одоевскому 1837 г., где Пушкин назван «незабвенным», в «Русск. Стар.» 1904 г., № 5, стр. 377). В библиотеке Пушкина сохранилась лишь одна книга Норова — «Путешествие по Сицилии, в 1822 году. Часть вторая, С.-Пб. 1828» (Б. Л. Модзалевский, «Библиотека Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 69). Пушкин же подарил Норову в его замечательную библиофильскую библиотеку следующую книгу: «Poésies sur la constitution unigenitus Recueillies par le Chevalier de G... Officier du Regiment de Champagne», в 2 томах, изд. 1724 г.; на листке перед титулом Пушкин написал: «А. Норову. От А. Пушкина» (см. «Рукою Пушкина», под ред. М. А. Цявловского, Л. Б. Модзалевского и Т. Г. Зенгер. Л. 1934, стр. 729, и «Литературное Наследство», № 16—18, стр. 1022, со снимком титульного листа

на стр. 993). У Норова сохранялось также два автографа Пушкина: отрывок из «Русалки» и черновик примечаний к «Евгению Онегину»; Норов предоставил их Я. К. Гроту, который сообщил их П. И. Бартеневу, для напечатания в «Русск. Арх.» (см. 1865 г., ст. 1353—1354); от Бартенева они перешли затем к В. Я. Брюсову, напечатавшему их полностью в книге «Письма Пушкина и к Пушкину», М. 1903, стр. 133—134, и 138—143. В настоящее время подлинники хранятся в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) Академии Наук СССР. № 555

Комментируемое письмо и следующее (№ 556) вызваны необходимостью для поэта получить от Норова ряд книг. Пушкин обращался к нему, зная о его редкой по подбору изданий библиотеке; эту библиотеку Норов впоследствии уступил кн. Н. И. Трубецкому, а затем снова начал собирать книги и, создав библиотеку в 14 000 томов книг, брошюр и рукописей, вновь продал ее за 17 000 рублей, но уже не в частные руки, а в Московский Публичный и Румянцовский Музей, где она и хранится до настоящего времени (о ней см. в работе У. Г. Иваска «Частные библиотеки в России», ч. II, приложение к «Русскому Библиофилу» 1911 г., С.-Пб. 1912, стр. 17).

— Стенька — книга под заглавием «Rélation des particularités de la rebèllion de Stenko-Razin contre le Grand Duc de Moscovie. La naissance, le progrès et la fin de cette rebellion; avec la manière dont fut pris ce rebelle, sa sentence de mort et son exécution. Traduit de l'anglais par C. Desmares MDCLXXII». В примечании к VIII главе «Истории Пугачевского бунта» (ч. I, стр. 110) Пушкин цитирует эту книгу, но неверно указывает год ее издания, как MDCLXXXII, — и говорит: «Книга сия весьма редка, я видел один экземпляр оной в библиотеке А. С. Норова, ныне принадлежащей князю Н. И. Трубецкому». В библиотеке Пушкина сохранился экземпляр этой книги. Б. Л. Модзалевский считает, что он был приобретен поэтом уже по выходе в свет «Истории Пугачевского бунта» (Б. Л. Модзалевский, «Библиотека Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 319—320; см. выше, в т. I, стр. 366—367). Нам представляется, что этот экземпляр и есть тот самый, который Пушкин брал у Норова, так как на комментируемом письме имеется помета Норова: «Опять отдан Пушкину»; Пушкин, очевидно, так и не возвратил Норову этой книги (об интересе Пушкина к С. Разину см. выше, т. II, стр. 253; в «Русск. Арх.» 1873 г., кн. II, ст. 786; Л. Н. Майков, «Пушкин», С.-Пб. 1899, стр. 155—156; «Труды Я. К. Грота» кн. III, стр. 135—142 второй пагинации; «Русск. Стар.» 1880 г., № 1, стр. 138, примеч.: «Историч. Вестн.» 1883 г., № 12, стр. 526—527, и брошюру М. Е. Соколова «Песни А. С. Пушкина и крестьян Саратовской губ. о Ст. Разине», Саратов 1902, 8°, и рецензию на нее в «Литерат. Вестн.», т. V, 1903, кн. 3, стр. 391—392).

— Struys — Johann Struys был в России в 1668—1670 гг. Принимая во внимание, что «Путешествие Стрюйса» взято Пушкиным у Норова вместе с другими сочинениями о Степане Разине и взято во время его работы над «Историей Пугачевского бунта», где Разину отведено небольшое место, можно предположить, что Пушкин взял у Норова «Путешествие Стрюйса» ради Разина, которому там посвящено несколько обстоятельно написанных глав (XIII—XV). Стрюйс был очевидцем восстания Разина

 (см. Uebersicht der Reisenden in Russland bis 1700, von Friedrich von Adelung», 1846, Band II, 344—346). В библиотеке Пушкина было парижское издание его путешествия, под загл.: «Voyages de Jean Struys en Russie, en Perse et aux Indes, mis dans un meilleur ordre, et réduits aux faits les plus intéressans. Paris, 1827», 2 тома (Б. Л. Модзалевский, «Библиотека Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 344). Этим сокращенным изданием Пушкин не мог удовлетвориться; вот почему он взял другое издание у Норова. Та часть сочинения Стрюйса, которая касается России, переведена на русский язык и напечатана в «Русском Архиве» 1880 г., кн. I, стр. 5—108; в подлиннике и в переводах сочинение это неоднократно издавалось в XVII—XVIII вв.; в Публичной Библиотеке в Ленинграде хранятся 22 издания этой книги («Catalogue des Russica», №№ 2208—2229), поэтому точно установить, какое из изданий Стрюйса было взято Пушкиным у Норова, не представляется возможным. И. К. Линдеман любезно сообщил нам, что в библиотеке Норова, хранящейся в Публичной Библиотеке СССР имени В. И. Ленина, в Москве, в настоящее время нет ни одного издания «Путешествия Стрюйса».

— Что имел в виду Пушкин под одалиской — сказать не можем.

— Сочинение Вебера о России — вероятно книга Вебера (Weber) «Das veränderte Russland», изданная во Франкфурте, в 1721 г. 4°.

— Пердуильонис — редкая книга под заглавием: «Стенко Разин донски казак изменник, id est Stephanus Razin Donicus Cozacus Perduellis publicae disqusitioni exhibitus praeside Conrado Samuele Schurtzfleiscb respondente Johanno Justo Martio, Mulhuta-Thuringo. Wittenbergae».

556. *А. С. Норову* [ноябрь — декабрь 1833 г.] (стр. 114). Напечатано впервые Г. П. Георгиевским в «Русск. Вестн.» 1899 г., № 6, стр. 394; вошло в издания Сочинений Пушкина, начиная с изд. А. С. Суворина, под ред. П. А. Ефремова, т. VII, стр. 516, и в Акад. изд. «Переписки Пушкина», т. III, стр. 63; подлинник, писанный карандашом на согнутой вдвое четвертке писчей бумаги без водяных знаков — в Публичной Библиотеке СССР имени В. И. Ленина, в Москве, в коллекции автографов А. С. Норова, письмо сложено конвертом, без печати.

— Satyricon — известное сочинение Петрония. Какое именно издание брал у Норова Пушкин, сказать трудно. В библиотеке Пушкина было два французских издания: «Le Satyricon de T. Pétrone; traduction nouvelle par C. H. D. G.». Paris MDCCCXXXIV—MDCCCXXXV, 2 тома и «La Satyre de Pétrone, traduite en françois avec le texte latin, suivant le nouveau manuscrit. *Trouvé à Bellegrade* en 1688», Cologne, MDCCXCIV, 2 тома (Б. Л. Модзалевский, «Библиотека Пушкина» С.-Пб. 1910, стр. 162—163 и 309); вероятно Пушкин брал у Норова издание на латинском языке.

— мистерии — по предположению П. О. Морозова этой книгой могло быть «какое-нибудь собрание французских мистерий» (Сочинения Пушкина, под ред. С. А. Венгерова, т. VI, стр. 582). Г. П. Георгиевский сообщает, что в библиотеке Норова сохранился экземпляр книги: «Le mystère de la croix de Jesus Christ et de ses membres», 1791, с несколькими отметками карандашом на полях («Русск. Вестн.», 1899 г., № 6, стр. 402).

557. *Графу А. Х. Бенкендорфу*, 6 декабря 1833 г. (стр. 115—116). Напечатано впервые в пересказе в статье М. М. Попова о Пушкине в

«Русск. Стар.» 1874 г., № 8, стр. 711; полностью с подлинника напечатано П. А. Ефремовым в изд. Сочинений Пушкина, под его редакциею, т. VII, С.-Пб. 1903, стр. 516—517 и в изд. «Дела III Отд. собств. его имп. вел. канцелярии об А. С. Пушкине», С.-Пб., 1906, стр. 136; черновое напечатано И. А. Шляпкиным в его книге «Из неизданных бумаг А. С. Пушкина— С.-Пб. 1903, стр. 90—91. Беловое и черновое вошло в академич. изд. «Переписки Пушкина», т. III, стр. 65 и 66; подлинник белового письма, на листе почтовой бумаги большого формата с водяным знаком: А. Гончаровъ 1830 и орнаментальной рамкой,—в ИРЛИ (Пушкинском Доме) Акад. Наук в собрании Пушкинского Лицейского Музея, куда поступил из архива департамента полиции; подлинник чернового, на листе почтовой бумаги большого формата с водяным знаком: А. Гончаровъ 1830, и орнаментальной рамкой, — там же, в собрании И. А. Шляпкина. № 557

На это письмо А. Х. Бенкендорф предполагал ответить письмом от первой половины декабря 1833 г., но письмо осталось неподписанным так как Бенкендорф сообщил ответ Пушкину «на словах», о чем сохранилась помета от 15 декабря 1833 г. на отпуске письма. Разговор этот произошел 12 декабря (см. ниже и «Дела III Отделения... о Пушкине», стр. 137; «Дневник Пушкина», под ред. Б. Л. Модзалевского, П. 1923 стр. 4 и 72; в бумагах III Отделения сохранился следующий канцелярский отпуск письма Бенкендорфа: «Милостивый государь Александр Сергеевич! — На письмо ваше ко мне от 6-го сего декабря имею честь ответствовать, что сочинения ваши, которые вы назначите для издаваемого книгопродавцем Смирдиным журнала, могут быть в оном помещаемы по рассмотрении цензурою на общем основании. Что ж касается до рукописи вашей «История Пугачевщины», то оную я покорнейше прошу вас доставить ко мне. — С истинным почтением честь имею быть ваш, милостивый государь, покорнейший слуга» («Дела III Отделения... о Пушкине», стр. 137; «Переписка Пушкина», т. III, стр. 67).

— стихотворение — «Медный Всадник», законченный незадолго до этого в Болдине (см. выше, стр. 652). 14 декабря 1833 г. Пушкин отметил в своем дневнике: «11-го получено мною приглашение [1] от Бенкендорфа явиться к нему на другой день утром. Я приехал. Мне возвращен Медный Всадник с замечаниями государя. Слово *кумир* не пропущено высочайшей цензурой; стихи

И перед младшею столицей
Померкла старая Москва
Как перед новою Царицей
Порфироносная вдова —

вымараны. На многих местах поставлен (?) — все это делает мне большую разницу. Я принужден был переменить условия со Смирдиным» («Дневник» Пушкина, под ред. Б. Л. Модзалевского П. 1923, стр. 4). Получив рукопись обратно, Пушкин гораздо позже, не ранее 1835 г., попытался было

---

[1] В. Я. Брюсов полагал, что приглашение это было письменное и до нас не дошло («Письма Пушкина и к Пушкину», М. 1903, стр. 74); оно могло быть передано поэту и не в письменной форме, как обыкновенно, а на словах, через посланного к нему чиновника III Отделения (Н. Лернер, «Труды и дни Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 296).

№ 557 заменить места поэмы, не пропущенные цензурою на другие, но переделки эти не привели ни к чему. В первой половине декабря 1833 г. Пушкин сообщал П. В. Нащокину: «Здесь имел я неприятности денежные; я сговорился было со Смирдиным, и принужден был уничтожить договор, потому что Медного Всадника Цензура не пропустила. — Это мне убыток» (см. в письме № 558); то же писал поэт ему же в начале марта 1834 г.: «Медный Всадник не пропущен — Убытки и неприятности» («Переписка Пушкина», т. III, стр. 84). При жизни Пушкина из «Медного Всадника» был напечатан только отрывок под заглавием «Петербург» в «Библиотеке для Чтения» 1834 г. (кн. XII, т. 7, отд. 1, стр. 117—119), а вся поэма появилась в печати с пропусками и переделками В. А. Жуковского в посмертном «Современнике» 1837 г. Рукопись, хранящая на себе следы чтения ее Николаем I, находится в Публ. Библ. СССР имени В. И. Ленина, в Москве (см. подробнее в статье Т. Г. Зенгер, «Николай I — редактор Пушкина» в «Литературном Наследстве», № 16—18, стр. 521—524; в примечаниях Б. Л. Модзалевского к «Дневнику» Пушкина, П. 1923, стр. 72—73; в московском издании «Дневника» 1923, 220—221; в статье В. Я. Брюсова в Сочинениях Пушкина, под ред. С. А. Венгерова, т. III, стр. 456—472, и в т. VI, стр. 448—451; см. также: В. Я. Брюсов, «Медный Всадник», в его книге «Мой Пушкин», М. 1929, стр. 63—94; П. Е. Щеголев, статья к «Медному Всаднику» при издании поэмы Комитетом Популяризации Художественных Изданий, с рисунками А. Н. Бенуа, П. 1923; Н. В. Измайлов, «Из истории замысла и создания Медного Всадника», в изд. «Пушкин и его современники», в. XXXVIII—XXXIX, стр. 169—190; Д. Д. Благой, «Медный Всадник», в его книге «Социология творчества Пушкина», изд. 2, М. 1931, стр. 245—292; И. А. Оксенов, «О символике Медного Всадника», в изд. «Пушкин 1833 год», Лгр. 1933, стр. 43—56; Г. В. Вернадский, «Медный Всадник в творчестве Пушкина», в «Slavia», 1924, ročnic II, sešit 4, str. 645—654; см. также заметку Н. О. Лернера в «Русск. Стар.» 1908 г., № 1, стр. 117—119.

— Смирдин — Александр Филиппович.

— журнал — «Библиотека для Чтения», начавший выходить с 1834 г. (см. выше, стр. 649 и в примечаниях к IV тому Писем Пушкина, а также Б. Л. Модзалевский, «Библиотека Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 124—125); основан О. И. Сенковским и издавался А. Ф. Смирдиным с 1834 по 1859 г., а затем другими издателями до 1864 г.; Пушкин с самого основания журнала был усердным его сотрудником; нет сомнения в том, что этому способствовал значительный гонорар, который он получал за печатавшиеся в нем сочинения (см. выше, стр. 649). Отошел от журнала Пушкин лишь в период создания своего «Современника» — в 1835—1836 гг., что очень встревожило Смирдина, предлагавшего Пушкину 15 000 руб. отступного для восстановления прежних отношений поэта к журналу. Отзывы литераторов, единомышленников Пушкина, о новом литературном «толстом» журнале были неблагоприятны (см., например, в письмах кн. П. А. Вяземского к И. И. Дмитриеву в «Русск. Арх.» 1868 г, ст. 632, 635, 636; к А. И. Тургеневу в «Остаф. Арх.», т. III, стр. 254; в письмах И. И. Дмитриева к Вяземскому в «Старине и Новизне» кн. 2, стр. 240—243 и др.).

— Цензура — о ложном положении Пушкина, подвергавшегося двойной цензуре — обыкновенной и «высочайшей», см. стр. 69—70 и 475—477.

— Исторический Роман — «Капитанская дочка» (см. выше, стр. 596). 557—558

— История Пугачевщины — «История Пугачевского бунта», названная так по желанию Николая I вместо Пушкинского заглавия «История Пугачева» (об ней см. выше, стр. 559—561). Разрешение на печатание ее последовало между 26 января и 26 февраля 1834 г. (см. в работе Т. Г. Зенгер, «Николай I — редактор Пушкина» в Литаратурном Наследстве». № 16—18, стр. 525 и 536, примечание 41), после того как Пушкин по распоряжению Бенкендорфа представил ее на рассмотрение Николая I. В начале марта 1834 г. Пушкин сообщил Нащокину: «Пугачев пропущен, и я печатаю его на щет государя — Это совершенно меня утешило» («Переписка», т. III, стр. 84). На напечатание «Истории» Пушкин получил ссуду в 20 000 руб., о чем просил в письме к Бенкендорфу 26 февраля 1834 г. (подробнее см. в примечаниях к IV тому Писем Пушкина). Рукопись, с которой происходило печатание «Истории», сохранилась и находится в Госуд. Публичной Библиотеке в Ленинграде (см. Л. Б. Модзалевский «Рукописи Пушкина в собрании Госуд. Публичной. Библиотеки в Ленинграде», Лгр. 1929, стр. 16—18). См. также «Дело о напечатании «Истории Пугачевского бунта» в архиве бывшего II Отделения собств. е. и. в. канцелярии» в изд. «Пушкин и его современники», в. XVI, стр. 77—92, «Дела III Отделения о Пушкине» стр. 243—256 и названную статью Т. Г. Зенгер.

— Черновое письмо не имеет существенных отличий от белового, за исключением конца, в котором Пушкин подробно останавливался на методах своей работы; этот конец был затем отброшен, как более интимный и не вяжущийся с общим официальным тоном письма. В этой части письма Пушкин как бы оправдывался, чувствуя рискованность темы своего труда для официального издания.

558. *П. В. Нащокину* [первая половина декабря (после 12-го) 1833 г.] (стр. 116—117). Напечатано впервые М. Н. Лонгиновым в «Русском Архиве» 1869 г., столб. 1066—1068 (ср. П. И. Бартенев, «Пушкин», в. II., М. 1885, стр. 151—152); перепечатано А. Ф. Бычковым в «Русской Старине» 1880 г. № 8, стр. 806—807; вошло в издания сочинений Пушкина, начиная с издания Ф. И. Анского, под ред. П. А. Ефремова, т. VII, стр. 332—334 и в Акад. изд. «Переписки Пушкина», т. III, стр. 67—68; подлинник, на листе почтовой бумаги большого формата с водяными знаками: А. Гончаровъ 1830, и орнаментальной рамкой, — в Госуд. Публичной Библиотеке в Ленинграде; письмо сложено конвертом и запечатано облаткою (см. Л. Б. Модзалевский, «Рукописи Пушкина в собрании Госуд. Публичной Библиотеки в Ленинграде», Лгр. 1929, стр. 37).

М. Н. Лонгинов, публикуя письмо в «Русском Архиве», рассказывает со слов Болховского помещика Н. П. Барышникова: «Иван Фомич Антипин был в это время в Петербурге и посетил Пушкина, поручившего ему на обратном пути в Калугу завезти это письмо в Москву к другу поэта, известному Павлу Воиновичу Нащокину (умершему в 1854 году), которого Пушкин повидимому не застал в Москве, когда, проезжая в ноябре из Болдина в Петербург, [1] Иван Фомич также не застал Нащокина в Москве; ожидать его он не имел времени, а оставить в Москве

[1] Это неверно, см. выше, стр. 655.

№ 558 или пересылать потом по почте письмо, отданное для личного вручения, он не счел возможным. Он увез письмо в Калугу, и так как потом уже не имел случая встретиться с Нащокиным, то и оставил его у себя. Таким образом хранилось оно у него слишком тридцать пять лет» (ср. выше, в т. II, стр. 437).

— два грустные письма — одно из них напечатано выше, в примечаниях к письму № 553, стр. 658—659; другое письмо приводим полностью; писано оно Нащокиным в начале декабря 1833 г.: «Ах любезный Александр Сергеевич, ты не можешь вообразить мое мучение и нет от него спасения. Я наконец должен сознаться что оно во мне. Нет ничего на свете беспокойнее моей души. Я страдаю не от того, что денег нет, не от того, что болен, не от того, что скучно, даже не от того, что грустно, поверишь ли, что мне не грустить, не скучать, не хворать никогда время не было. Все мне некогда, и ничего не делаю видимого, но сколько по пустому работаю, не скажу умственно (ибо все без цели и без пользы) но головою ибо от думанья она у меня ей-ей трещит. Сердце мое преглупое; я не думаю чтобы у кого глупее оно могло быть; душа, что́ тут толковать? Ей-ей мочи нет, и не знаю что делать. С ума я никак не сойду, я это наверно знаю, и что будет ей-ей не предвижу. — Помнишь ты в Русалке или где танцовщиков по неволе, я точно в таком положении. Хочу отдохнуть, не могу, все у меня кипит, пляшет; мнительность, ревность, досада, жалость, нерешительность, и тут же упрямство. Про любовь я не говорю, ибо это все любовь. Дух замирает, голова горит, рассказывать я не в состоянии, ни коротко, ни подробно; в волнении жестоком пишу не останавливаясь, что-то меня так в шею и толкает; тороплюсь не зная куда и зачем; везде где не бываю везде сердце сильно бьется; говорю не глупо но никогда то что хочу сказать. Дома трубка за трубкой, чай за чаем; отвечает за меня язык, а не я; в голове же моей кроме беспрестанных сцен драматических со всеми лицами, ревнивые сцены владычествуют ужасно, отвратительны подлые, лукавые и хитры до невозможности, т. е. до чего как в картах говорится не *ловится*, и в месте упрямство быть так, да и только. одним словом вот что я заключил — и как я представляю себя — оно все мое сердце, мое предоброе, премягкое и препламенное, ум мой пренедоверчивый и преотчетливый и занятный. Воображение мое или душа моя возмущается каким то подлым и тоже лукавым чертом. Черт возьми, сил нет неписать чего нибудь, — а писать так мудрено, что способу никакого нет. Вертит меня точно на колесе. Прости ради бога что пишу вздор, право не чувствую что пишу Управитель твой приехал, бумагу выправил, а денег опять не дадут; ибо я тебе писал и сказывал сколько раз, что надо до пяти десятин на душу, а у него опять только по 3 — было прежде по 2. Ему надо ехать домой, а мне перестать писать. Прощай. На будущей почте может быть письмо будет писано слогом повествовательным. Теперь и нужно бы было и удивительные вещи можно бы рассказать, но не могу. Кровь слишком волнуется. Прости. Не сердись на письмо. — Я так его писал, как воду холодную пил. Мне нужно быть по стариковски, ибо играть в карты я удерживаюсь — а не то бы я вот как бы согнул карту, семерку трефна при: т. е. на чисто пригреб бы все золото, примазал, бил, да еще примазал и выиграл, но и проиграл бы, а уж бы карту смял бы в кулаке

хорошенько, да и бросил. Прощай еще раз утешитель мой, радость моя. Я рад, что я могу писать всякую глупость, и мне право дела нет что ты не скажешь лишь бы я мог сказать. Кланяйся всем. Пиши как можешь ко мне, а я не знаю что мне желать, чтобы ты приехал или нет. Впрочем: приезжай, я буду очень рад. Твой Нащокин. — Первое письмо я давно написал» («Русск. Арх.» 1904 г., кн. III, стр. 443—444; Переписка Пушкина, т. III, стр. 63—64). № 558

— дела домашние и сердечные — то есть разрыв Нащокина с Ольгой Андреевной и женитьба на Вере Александровне Нарской (см. выше, стр. 658—659). Нащокин окончательно порвал с своею сожительницей в январе или в феврале 1834 г., тайно уехав от нее в подмосковное имение кн. Трубецких и оставив ей весь свой дом в Москве и большую сумму денег; вскоре он женился на В. А. Нарской и поселился на некоторое время в Туле. О своих планах он извещал Пушкина в письме от января — февраля 1834 г. (см. Переписка Пушкина, т. III, стр. 73—74). Пушкин сердечно порадовался за перемену в жизни друга и писал ему в начале марта 1834 г.: «Прочитав твое письмо сперва про себя, потом во услышание твоих приятелей, все мы были довольны, все пожелали тебе счастья. Нат. Ник. нетерпеливо желает познакомиться с твоею Верою Александровною, и просит тебя заочно их подружить. Она сердечно тебя любит и поздравляет» (там же, стр. 83).

— В твои именины — Пушкин, очевидно имеет в виду день рождения Нащокина, бывший 8 декабря; именины же Нащокин праздновал в день Петра и Павла, 29 июня (о дне рождения Нащокина см. в книге «Рукою Пушкина», под ред. М. А. Цявловского, Л. Б. Модзалевского и Т. Г. Зенгер, Лгр. 1934, стр. 116—127).

— Григорий Федорович — по сообщению Н. Барышникова в «Русском Архиве» 1869 г. ст. 1725—1726 — «карлик, проживавший на Полотняном Заводе; он, как можно заключить из самого письма к г. Нащокину, пользовался расположением и вниманием Пушкина, и был домашним человеком в доме Гончаровых».

— Алеша, Леленька — лицо неизвестное (см. «Русск. Арх.» 1869, ст. 1066).

— Эристов — князь Дмитрий Алексеевич (см. о нем выше, т. I, стр. 517—518); он в это время служил старшим помощником чиновника во II отделении собств. его имп. вел. канцелярии и одновременно состоял переводчиком в канцелярии департамента министерства юстиции. С Эристовым Пушкин незадолго до отъезда своего на Урал встречался 29 июня 1833 г. (см. в статье Н. И. Куликова «А. С. Пушкин и П. В. Нащокин», в «Русск. Стар.», 1881 г., № 8, стр. 604—606). Об Эристове и Пушкине см. еще в книге С. Я. Гессена и Л. Б. Модзалевского «Разговоры Пушкина», М. 1929, стр. 103—104 и 243 и в изд. «Пушкин и его современники», в XXXI — XXXII, стр. 43—44. Где жил Эристов в Петербурге — не знаем.

— какие письма и от кого получал Пушкин на имя «Лелиньки», не можем сказать; вероятно это были письма от его отца.

— «Сумасшедшее» письмо отца «Лелиньки» неизвестно, как неизвестно, кто был этот отец.

— буду ли у Вас в январе — Пушкин снова был в Москве лишь в августе — сентябре 1834 г.

№ 558 — наследники дяди — то есть Василия Львовича Пушкина (об этом см. выше, стр. 647) — его вторая (неузаконенная) жена Анна Николаевна Ворожейкина и дочь Маргарита Васильевна Васильева, по мужу Безобразова (род. 1810 — ум. 12 марта 1889 — см. Б. Л. Модзалевский и М. В. Муравьев, «Пушкины. Родословная роспись», Л. 1932, стр. 54 в прим.); ср. в письме М. В. Безобразовой к Пушкину 25 ноября 1831 г. в «Литературном Наследстве», № 16—18, стр. 612—613.

— сговорился со Смирдиным — то есть передал ему для опубликования ряд своих новых произведений для напечатания в новом журнале «Библиотека для Чтения».

— Медный Всадник — о нем и о запрещении его печатать см. выше, стр. 665—666. Договор со Смирдиным не был уничтожен совсем; он не состоялся только в отношении поэмы, что, конечно, принесло поэту значительный денежный убыток. Вследствие упоминания о запрещении печатания поэмы, о чем Пушкин узнал 12 декабря, и комментируемое письмо датируется не ранее этого числа.

— Историю Пуг. — то есть Историю Пугачева (см. выше, стр. 667). Печатание ее поэту было разрешено Николаем I.

— деньги твои — о них Пушкин писал подробнее Нащокину в письме от начала марта 1834 г.: «Когда ты отправил меня из Москвы ты помнишь что мы думали что ты без моих денег обойдешься; от того-то я моих распоряжений и не сделал. У меня была в руках, и весьма недавно, довольно круглая сумма; но она истаяла и до октября денег у меня не будет — но твои 3,000 доставлю тебе в непродолжительном времени, по срокам которые назначу сообразясь с моими обстоятельствами. Здесь говорили что ты проиграл в *долг* все что тебе следовало получить с брата — ты не можешь вообразить как это меня беспокоило; но теперь надеюсь на перемену жизни твоей. Тебе уже не нужно потрясений кензель-ва и плие, для рассеяния своего домашнего горя. Говорят что несчастье хорошая школа: может быть. Но счастье есть лучший Университет. Оно довершает воспитание души, способной к доброму и прекрасному, какова твоя, мой друг; какова и моя, как тебе известно. Конечно мы квиты, если ты мне обязан женитьбою своей — и надеюсь что Вера Ал. будет меня любить, как любит тебя Наталья Николаевна» (Переписка Пушкина, т. III, стр. 83).

— Полное собрание моих сочинений — эта мысль при жизни поэта не осуществилась; сохранились лишь предварительные планы издания (см. в книге Б. В. Томашевского «Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения», Л. 1925, стр. 18—19, в книге «Рукою Пушкина», под ред. М. А. Цявловского, Л. Б. Модзалевского и Т. Г. Зенгер, Л. 1934, стр. 225—270 и в статье Д. П. Якубовича «Пушкинские планы полного собрания его сочинений» в «Вестнике Академии Наук СССР 1934 г., № 2, стр. 39—48).

— Крестник твой — сын поэта, Александр Александрович (см. выше, стр. 591).

— Плетнев — Петр Александрович.

— Павел — сын Нащокина от цыганки Ольги Андреевны (о нем см. выше, стр. 422 и 552). Разрывая с ней, Нащокин, очевидно, предполагал через Плетнева временно пристроить куда-либо своего сына.

— Князь Гагарин — Федор Федорович — о нем см. выше, стр. 143—145.

559. *Неизвестной* [1832—1833 гг.?] (стр. 117). Напечатано впервые И. А. Шляпкиным в его книге «Из неизданных бумаг Пушкина», С.-Пб. 1903, стр. 36; вошло в издание сочинений Пушкина, под ред. С. А. Венгерова, т. VI, стр. 607, и в книгу М. А. Цявловского «Письма Пушкина и к Пушкину», М. 1925, стр. 41; подлинник — набросок карандашем на обороте черновой рукописи песни об Асан-Аганице, — в ИРЛИ (Пушкинском Доме) Акад. Наук, в собрании И. А. Шляпкина; положением на указанной рукописи и определяется приблизительная дата письма.

Перевод: «Разрешите мне графиня — пасть к вашим ногам для».

К кому относятся эти строки, сказать не можем.

560. *Неизвестной* [1832—1833 гг.?] (стр. 117). Напечатано впервые как письмо к «графу NN» и с неверной датой «середина 1834 г.» в Акад. изд. «Переписки Пушкина», под ред. В. И. Саитова, т. III, стр. 121; вошло в изд. Сочинений Пушкина, под ред. С. А. Венгерова, т. VI, стр. 124; подлинник — набросок карандашом на полулисте почтовой бумаги большого формата — в ИРЛИ (Пушкинском Доме) Акад. Наук СССР (собрание Л. Н. Майкова); см. «Пушкин и его современники», в. IV, стр. 16; на этом листе было начато беловое письмо (к тому же лицу?), затем набросано черновое, а ниже — записана песня о Георгии Черном; последняя и определяет приблизительную дату письма.

Перевод: «Графиня [Я был] [Я очень огорчен, что я вас]. Вот та самая книга. Умоляю вас никому ее не показывать. [Если вы не]. Если я не имел счастья принести ее вам лично — то разрешите мне хотя бы зайти за ней [и если]».

Кому адресовано это письмо и о какой книге идет здесь речь, сказать не можем. Вероятнее всего письмо писано гр. Д. Ф. Фикельмон, которая неоднократно снабжала Пушкина запрещенными к ввозу в Россию изданиями.

УКАЗАТЕЛЬ*)

*) Составлен Г. Д. Вержбицким. В Указатель внесены имена собственные, личные и географические, а также имена действующих лиц из литературных произведений. Цифры, напечатанные курсивом, означают страницы, на которых о данном лице даны более подробные сведения. При некоторых ссылках на страницы текста писем для удобства пользования указателем, в скобках отмечается то обозначение лица, которое в тексте Пушкина названо не по фамилии, а по званию, должности, прозвищу и т. п. Указатель произведений к I—III томам будет дан при томе IV.

*

ОПЕЧАТКИ

Стран.	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
45	4 св.	eux	deux
49	на полях	*1834 г.*	*1831 г.*
93	1 св.	ою	бою
96	5 "	535	*535
197	5"	Waclaw	Wacław
200	16"	Козмяном	Козмяком
243	11 "	Guilictta	Giulietta
257	5"	Т.Роболин	Т.Роболи
258	18"	Т.Роболина	Т.Роболи
297	12"	Р.И.	И.Р.
481	13 сн.	Oeuvre complète	Œuvres complètes
487	14 св.	ces choux	ses choux

СОДЕРЖАНИЕ

ПУШКИН. ПИСЬМА. Т.3
Под ред. и с прим. Л.Б. Модзалевского
Репринтное воспроизведение издания 1935 г.

Ответственный за выпуск
Федорова О.Б.
Технический редактор
Е.Н.Волкова

ИБ № 2082

Подписано в печать 20.07.90. Формат 60x90/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 46,0. Усл. кр.-отт. 46,0. Уч.-изд. л. 55,52.
Тираж 30 000 экз. Изд № 5120. Заказ № 1178
Цена 8 р. 40 к.

Издательство "Книга"
Москва, 125047, ул. Горького, 50.
Ярославский полиграфкомбинат Госкомпечати СССР
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

П $\frac{4702010101\text{-}001}{002\,(01)\text{-}91}$ КБ-12-37-90.

ISBN 5-212-00294-X
5-212-00478-0 (т. 3)

8 р. 40 к.